3 1761 06607812 2

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

въ

ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ.

М. СТАСЮЛЕВИЧА.

III

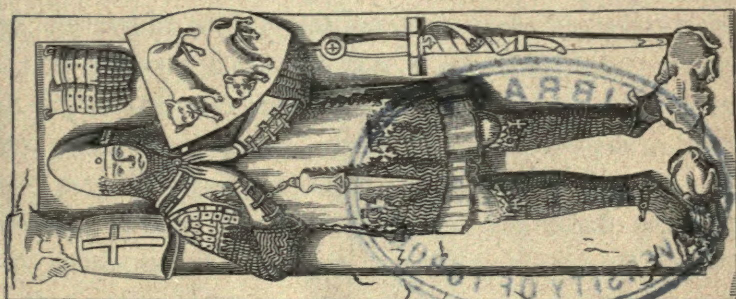
ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ:

От крестовыхъ походовъ до открытія Америки. 1096 — 1492 г.

Часть первая: Эпоха крестовыхъ походовъ. XII и XIII ст.

Отдѣлъ I: КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. 1096—1291 г.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.



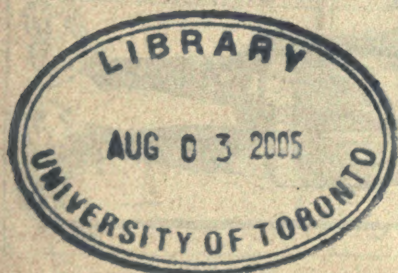
Diex le volt! Diex le volt!

С.-Петербургъ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 лин., 7.

1887.

Изображеніе рыцаря крестоносца въ полномъ вооруженіи того времени, помѣщенное на заглавномъ листѣ, сохранилось на одномъ надгробномъ памятникѣ XIII вѣка и было скопировано въ изданіи *Heffner-Alteneck:* Trachten des christlichen Mittelalters II, табл. 87; и у *Hermann Weiss:* Kostümkunde. Geschichte der Tracht und des Geräthes im Mittelalter. Stuttgart, 1864. 2 Abschn. 3 Abtheil. Tab. 279 c, на 648 стр.



Изъ предисловія къ первому изданію.

Предшествующіе два тома обнимаютъ собою 600 лѣтъ средневѣковой исторіи; на долю третьяго тома остаются послѣднія четыре столѣтія, отъ XII-го до XV-го. Но, по своему внутреннему значенію, содержаніе послѣднихъ 400 лѣтъ несравненно богаче и знаменательнѣе: XII-ый и XIII-ый вѣка были временемъ самаго блестящаго и полнаго развитія феодальнаго общества, когда оно успѣло наконецъ выработать изъ себя извѣстный историческій типъ, цѣльный, своеобразный. какимъ былъ прежде типъ греческой и римской образованности, основанный впрочемъ на началахъ прямо противоположныхъ цивилизаціи древняго міра. *Феодалъ* и *civis romanus* остаются и до сихъ поръ единственными, самыми полными и вмѣстѣ самыми крайними пунктами развитія двухъ идей, на которыхъ нѣкогда зиждился весь общественный строй; чрезъ эти два типа прошло человѣчество, прежде нежели вступило въ свой новый фазисъ, къ которому принадлежатъ послѣднія поколѣнія, и который при всѣхъ своихъ великихъ преимуществахъ, тѣмъ не менѣе однако въ отношеніи полноты и законченности не можетъ равняться съ тѣми двумя своими колоссальными предшественниками, отошедшими въ вѣчность.

Время отъ паденія древняго міра до начала крестовыхъ походовъ было темною эпохою постепеннаго подготовленія и разработки феодальныхъ началъ; собственно, только въ XII и XIII столѣтіи выходитъ на сцену все то, что мы привыкли называть „средневѣковымъ“. А потому и первые наши два тома, какъ и самое время,

заключенное въ нихъ, служатъ обширнымъ введеніемъ къ нынѣ выходящему въ свѣтъ третьему тому. Мы не могли не принять того въ соображеніе при самомъ распредѣленіи объема его содержанія, и вслѣдствіе того раздѣлили этотъ третій томъ на *двѣ* части, а именно: **первая часть** должна обнять собою XII и XIII вѣкъ въ двухъ отдѣлахъ: *первый отдѣлъ,* явившійся нынѣ въ печати, ограничивается однимъ внѣшнимъ фактомъ, который въ теченіе двухъ вѣковъ безпрестанно переработывалъ западное общество, и подъ вліяніемъ котораго оно испытало въ себѣ огромный внутренній переворотъ, это — крестовые походы или священная война; *второй отдѣлъ* долженъ обратиться именно къ тому внутреннему перевороту, который совершился въ западномъ обществѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ; **вторая часть** и послѣдняя обниметъ собою XIV и XV вѣка, какъ эпоху разложенія феодальнаго общества и вмѣстѣ перехода его къ новымъ основамъ жизни политической, интеллектуальной и общественной.

При составленіи третьяго тома мы старались, не ограничиваясь приведеніемъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ писателей, брать каждое историческое произведеніе въ его цѣлости, отъ начала, отъ посвященія, отъ пролога, и до самаго конца, представляли опускаемыя мѣста въ анализѣ и останавливались на полномъ переводѣ того, что въ каждомъ писателѣ представляется замѣчательнаго. Такимъ образомъ, мы нашли средство не только дать обширныя извлеченія изъ такихъ писателей, какъ Вильгельмъ Тирскій, Бернардъ Казначей, Виллегардуинъ, Жанъ Жоанвилль, Маринъ Санудо и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ представить полное содержаніе ихъ трудовъ, въ цѣлости. Мы обратили нынѣшній разъ особенное вниманіе на посвященія и прологи, потому что они даютъ самое лучшее понятіе о литературныхъ вкусахъ того времени, объясняютъ многое изъ жизни писателей и служатъ ихъ автобіографіею. Въ исторіи крестовыхъ походовъ, мы не оставались при однихъ латинскихъ писателяхъ, но привели также показанія важнѣйшихъ византійскихъ историковъ и тѣ отрывки изъ мусульманскихъ источниковъ, которые могли быть намъ доступны по ихъ французскимъ или латинскимъ переводамъ.

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ выразить надежду, что приписанное намъ стремленіе замѣнить своимъ трудомъ употребленіе руководствъ, вѣроятно, разсѣется теперь само собою при одномъ взглядѣ на обширность нашего труда: даже и три, уже появившіеся въ печати тома, изъ которыхъ въ каждомъ можетъ удобно помѣститься по объему два, три учебника, не могутъ служить учебникомъ предмета, преподаваемаго всего только одинъ годъ. Но никакая обширность нашего изданія нисколько не препятствуетъ преподавателю пользоваться имъ, ни учащемуся прочесть внѣ урока, по указанію преподавателя, то или другое мѣсто изъ Жоанвилля или Виллегардуина, которое дополнитъ классную работу и дастъ уму и воображенію самую здоровую пищу.

Но мы и теперь по прежнему считаемъ недостаточнымъ въ дѣлѣ историческаго преподаванія ограничиваться одною катихизаціею предмета въ учебникѣ; впрочемъ и наши противники, повидимому, склонились наконецъ въ пользу нашего мнѣнія. По крайней мѣрѣ мы не такъ давно читали, хотя и въ другомъ, ежедневномъ изданіи, но выходящемъ подъ тою же редакціею, которая помѣстила въ своемъ ежемѣсячномъ журналѣ („Русск. Вѣстн.“ 1863 г.) разборъ перваго тома нашего труда, а именно слѣдующее: „Учебники „исторіи, — говоритъ одна изъ передовыхъ статей газеты (№ 238, „1864 г.), — никогда не сообщатъ имъ (учащимся) чувства „исторіи; учебники исторіи дадутъ имъ только ряды словъ и чу„жихъ воззрѣній, которыя коснутся ихъ лишь поверхностно. Но „усвояя шагъ за шагомъ букву и духъ древнихъ языковъ, учащіеся „самолично входятъ въ міръ исторіи и овладѣваютъ первоначаль„ными источниками историческаго вѣдѣнія. Они усвояютъ себѣ „исторію на самомъ дѣлѣ, всѣми способностями и инстинктами. Они „овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ, а не заучиваютъ чужіе раз„сказы и разсужденія въ учебникѣ, переложенномъ съ нѣмецкаго“.

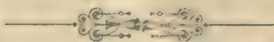
Мы говорили два года тому назадъ другими словами, но то же самое, и заключили такъ: „кто прочелъ Тацита, Эгингарда, Фроассара, тотъ лучше знаетъ исторію, и болѣе *исторически* образованъ, нежели тотъ, кто усвоилъ себѣ цѣлое историческое руководство“. Тогда насъ упрекнули въ стремленіи заплатить дань духу

времени; но теперь мы видимъ, что все это было одно недоумѣніе, ибо наши противники также думаютъ, что только въ чтеніи источниковъ „учащіеся усвояютъ себѣ исторію на самомъ дѣлѣ, всѣми способно-„стями и инстинктами, овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ“, и т. д.

Пусть учебники остаются на *своемъ* мѣстѣ, пусть усовершенствуется въ нихъ форма катихизаціи, и пусть они дѣлаются болѣе удобными для памяти; но мы нисколько не повредимъ учебникамъ, если пополнимъ то, чего недоставало въ нашей литературѣ, и чего не могли никакимъ образомъ замѣнить никакіе учебники.

Въ концѣ настоящаго тома приложены *Родословныя Таблицы латинскихъ королей и князей въ Палестинѣ въ XII и XIII вѣкѣ,* составленныя по Stammtafeln zur Geschichte der Europaeischen Staaten, von *Voigtel.* Braunschweig, 1864, съ исправленіемъ вкравшихся въ нихъ ошибокъ и съ дополненіями по показанію современниковъ. *Карта № 1-й* предназначается для справокъ при чтеніи источниковъ, и въ особенности Вильгельма Тирскаго, а *Карта № 2-й,* составленная въ самомъ концѣ эпохи крестовыхъ походовъ, для практическаго руководства крестоносцевъ, венеціанскимъ патриціемъ Мариномъ Санудо, служитъ нагляднымъ изображеніемъ географическихъ представленій того времени.

18 марта, 1865.



ВВЕДЕНІЕ

1.—Объ отношеніи литературы каждой эпохи къ ея исторіи.

(Въ 1863 г.).

Историческая наука въ Германіи преобразовалась лѣтъ сто тому назадъ, во Франціи лѣтъ шестьдесятъ, и только благодаря то обстоятельство, что начали изучать литературу.

При этомъ успѣли замѣтить, что ни одно литературное произведеніе не можетъ быть разсматриваемо, какъ простая игра воображенія, мимолетный капризъ разгоряченнаго мозга: оно служитъ снимкомъ съ нравовъ своего времени и знàкомъ извѣстнаго настроенія умовъ. На основаніи такого наблюденія, заключили, что возможно, при помощи литературныхъ памятниковъ, дойти до возстановленія способовъ чувствовать и мыслить, которыми обладали люди нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Сдѣланъ былъ тому опытъ, и опытъ удался.

Размышляя объ этихъ способахъ чувствовать и мыслить въ различныя эпохи, дошли наконецъ до убѣжденія, что именно они-то и составляютъ историческіе факты перваго порядка. Ихъ вліяніе замѣтили на самыхъ великихъ событіяхъ; они объяснили ихъ, и сами въ свою очередь объяснились ими; потому сдѣлалось необходимо на будущее время дать имъ мѣсто въ исторіи, и притомъ одно изъ самыхъ высшихъ. Такъ и было поступлено, и съ той поры все измѣнилось въ исторіи: предметъ, методъ, средства, пониманіе законовъ и причинъ. Это-то преобразованіе, какъ оно совершилось и должно было совершиться, мы и постараемся изложить здѣсь.

1. *Историческіе памятники служатъ только указаніемъ, при помощи котораго предстоитъ возсоздать физическаго и осязаемаго человѣка.* Когда вамъ случается переворачивать окоченѣлыя страницы фоліанта, пожелтѣвшіе листы манускрипта, короче, поэму, кодексъ, завѣтъ, какое будетъ при этомъ ваше первое замѣчаніе? Вы замѣтите прежде всего, что это еще не главное. Это только форма, въ которую отливалось нѣчто другое, подобная ископаемой раковинѣ, оттиску, который остается на камнѣ отъ животнаго, исполненнаго нѣкогда жизни и теперь погибшаго. Подъ раковиною находилось животное, и подъ формою литературнаго памятника жилъ прежде

человѣкъ. Къ чему бы изучать раковину, если бы мы не могли при ея помощи составить себѣ понятіе о животномъ. Точно также вы изучаете памятникъ, чтобы чрезъ то узнать человѣка; раковина и памятникъ суть не что иное, какъ омертвѣлые обломки, и имѣютъ цѣнность, какъ указаніе на цѣльное и живое существо. До этого-то существа слѣдуетъ достигнуть, и именно его-то необходимо возсоздать. Весьма ошибаются тѣ, которые изучаютъ памятникъ для него самого. Это значило бы работать въ качествѣ присяжнаго ученаго и заразиться библіоманіей. Собственно говоря, не миѳологія, не языкъ, должны обращать на себя наше вниманіе, но только люди, которые построили слова и образы, соотвѣтственно нуждамъ своихъ органовъ и первобытному складу ума. То или другое общее положеніе само по себѣ ничего не значитъ; обратите вниманіе на людей, которые его установили, и тогда, напримѣръ, образъ XVI-го вѣка въ Англіи предстанетъ предъ вами въ строгой и энергической фигурѣ архіепископа или англійскаго мученика. Все, что существуетъ, существуетъ въ видѣ опредѣленной личности; а потому нужно стараться познать ее. Когда установлена связь между догматами, когда состоялось распредѣленіе частей поэмы, или развитіе конституцій, или преобразованіе языка, тогда можно сказать не болѣе, какъ только то, что почва готова; истинная исторія выходитъ на сцену, когда историкъ начинаетъ на разстояніи временъ различать человѣка живого, дѣйствующаго, одареннаго страстями, вооруженнаго силою привычки, съ извѣстнымъ голосомъ и своеобразною физіономіею, съ извѣстными тѣлодвиженіями, въ одеждѣ, столь же отличной и полной, какъ одежда человѣка, котораго мы только что оставили на улицѣ. Мы должны стараться сократить, насколько возможно, тотъ громадный промежутокъ временъ, который препятствуетъ намъ видѣть человѣка собственными глазами, *глазами нашей головы*. Что̀ скрывается подъ изящными страничками сатинированной бумаги новѣйшей поэмы? Новѣйшій поэтъ, то есть человѣкъ, подобный Альфреду Мюссе, Гюго, Ламартину или Гейне, кончившій, какъ они, курсъ наукъ, совершившій путешествіе, въ черномъ фракѣ и перчаткахъ, хорошо принятый въ дамскомъ обществѣ; въ одинъ вечеръ онъ сдѣлаетъ до полсотни привѣтствій и выпуститъ въ свѣтъ двадцать острыхъ словъ; утромъ читаетъ журналы; обыкновенно помѣщается во второмъ этажѣ; не предается излишнимъ восторгамъ, потому что онъ нервенъ, и притомъ потому, что въ этой непроницаемой демократіи, въ которой живемъ мы, французы, презрѣніе къ оффиціальнымъ достоинствамъ преувеличило свои притязанія и возвысило свою важность, а также и потому, что утонченность обычныхъ чувствованій даетъ каждому охоту принимать себя за бога. Вотъ, что мы успѣваемъ подмѣтить во всѣхъ такъ называемыхъ *méditations*, размышленіяхъ, или новѣйшихъ сонетахъ. Точно также подъ трагедіею XVII вѣка скрывается поэтъ, поэтъ, какъ напримѣръ Расинъ, изящный, расторопный, куртизанъ, мастеръ говорить, въ величественномъ парикѣ и въ башмакахъ съ бантомъ, ройялистъ и христіанинъ отъ всего сердца, „получившій отъ Бога даръ не краснѣть ни въ какомъ обществѣ, ни въ обществѣ короля, ни за евангеліемъ“; онъ умѣетъ забавлять сво-

его властелина, переводить ему на отличный французскій языкъ „le gaulois d'Amyot“; къ вельможамъ весьма почтителенъ и всегда умѣетъ предъ ними „оставаться на своемъ мѣстѣ“; угодливъ и остороженъ въ Марли, какъ и въ Версали, среди предписанныхъ удовольствій природы подстриженной и декораціонной, реверансовъ, граціи и тонкаго обхожденія вельможъ въ шитьѣ, которые встаютъ пораньше, чтобы заслужить назначеніе на должность въ случаѣ чьей нибудь смерти, и очаровательныхъ дамъ, которыя разсчитываютъ по пальцамъ генеалогіи, чтобы добиться табурета. О всемъ этомъ вы найдете довольно у С. Симона и на эстампахъ Перелля, какъ сейчасъ видѣли то у Бальзака и въ акварeляхъ Лами. Равнымъ образомъ, когда мы читаемъ греческую трагедію, наши первыя усилія должны быть направлены къ тому, чтобы представить себѣ грековъ, то есть людей, которые живутъ полунагими въ своихъ гимназіяхъ или на публичныхъ площадяхъ, подъ свѣтлымъ небомъ, имѣя предъ глазами чудные виды; они заняты сообщеніемъ своему тѣлу силы и ловкости, болтовнею, преніями, подачею голосовъ, или патріотическимъ пиратствомъ; въ остальномъ—праздные и воздержные, они имѣютъ въ домѣ три кружки для меблировки и два анчауса въ глиняномъ горшкѣ, наполненномъ масломъ; имъ служатъ рабы, благодаря которыхъ у нихъ остается много свободнаго времени для украшенія своего духа и упражненія своихъ членовъ; у нихъ нѣтъ другой заботы, кромѣ желанія имѣть у себя самый красивый городъ, самую прекрасную процессію, самыя прекрасныя идеи и самыхъ красивыхъ людей. Все это растолкуетъ вамъ больше, нежели множество диссертацій и комментарій, одна статуя, какъ Мелеагръ или Тезей въ Пароенонѣ, или, еще лучше, видъ сіяющаго голубого Средиземнаго моря, эта шелковая туника, изъ которой выплываютъ острова, какъ куски мрамора; и къ этому возьмите какихъ нибудь двадцать мѣстъ, выбранныхъ у Платона и Аристофана. Равнымъ образомъ, чтобы понять индѣйскую *пурану*, начните съ того, что представьте себѣ отца семейства, который, „увидѣвъ сына на колѣняхъ сына“, удаляется по закону въ пустыню, съ сѣкирою и сосудомъ, подъ банановое дерево на берегу ручья, перестаетъ говорить, удвоиваетъ посты, живетъ нагишемъ между четырехъ огней, имѣя надъ собою пятый огонь—я разумѣю палящее солнце, которое безпрерывно пожираетъ и воспроизводитъ живыя существа. По очереди и цѣлыми недѣлями онъ вперяетъ свой взоръ на ступню Брамы, потомъ его колѣно, лядвею, пупъ и такъ далѣе, пока въ результатѣ усилій напряженнаго воображенія не появятся галлюцинаціи, пока всѣ формы существующаго, перемѣшавшись и слившись другъ съ другомъ, не заколеблятся въ этой головѣ, одержимой круженіемъ, и пока неподвижный человѣкъ, сдерживая дыханіе, вперивъ свой взоръ, не увидитъ, какъ вселенная, на подобіе дыма, исчезнетъ надъ всеобъемлющимъ и безсодержательнымъ существомъ, въ которомъ онъ ищетъ распуститься самъ. Въ этомъ отношеніи, путешествіе по Индіи было бы всего назидательнѣе; но за недостаткомъ лучшаго, оно можетъ быть замѣнено разсказами путешественниковъ, географическими сочиненіями, ботаникою и этнологіею. Во всякомъ случаѣ, пріемъ изслѣдованія

долженъ быть тотъ же. Языкъ, кодексы, законодательный и религіозный, суть не что иное, какъ абстракты; полнота заключается въ человѣкѣ дѣйствія, въ человѣкѣ физическомъ и осязаемомъ, который ѣстъ, ходитъ, борется, работаетъ; оставьте въ сторонѣ теоріи конституцій и ихъ механизмъ, теоріи религій и ихъ систему, а постарайтесь увидѣть людей въ ихъ мастерскихъ, въ ихъ конторахъ, за плугомъ на поляхъ, вмѣстѣ съ ихъ небомъ, почвой, домами, одеждой, привычками, пищей, какъ вы то дѣлаете, высадившись въ Англіи и Италіи, когда вы всматриваетесь въ лица и тѣлодвиженія, глядите на троттуары и таверны, на горожанина, какъ онъ прогуливается, на мастерового, какъ онъ пьетъ. Вся наша забота должна быть направлена къ тому, чтобы по возможности всякое наблюденіе было бы для насъ очевидно, лично, непосредственно и осязательно, хотя бы оно относилось и къ прошедшему: это единственный путь къ познанію человѣка; сдѣлаемъ же прошедшее настоящимъ; чтобы судить о какомъ нибудь предметѣ, постараемся, чтобы онъ былъ намъ присущъ; отсутствующее не можетъ подлежать наблюденію. Конечно, такое воспроизведеніе прошедшаго всегда останется неполнымъ; оно приведетъ къ незаконченнымъ сужденіямъ; но надобно покориться этому неудобству; лучше познаніе не довершенное, чѣмъ пустое или ложное, а нѣтъ средства постигнуть до нѣкоторой степени дѣятельность прошедшаго времени, какъ до нѣкоторой степени *увидѣть* людей тѣхъ эпохъ.

Но это только первый шагъ въ исторіи; его сдѣлали въ Европѣ при возрожденіи творческаго воображенія въ концѣ прошедшаго столѣтія, благодаря иниціативу Лессинга, Вальтеръ-Скотта; во Франціи, нѣсколько позже, пошли тѣмъ же путемъ Шатобріанъ, Авг. Тьери, Мишле и многіе другіе. Но вотъ еще второй шагъ.

2. *Человѣкъ физическій и осязаемый служитъ только указаніемъ, при помощи котораго предстоитъ изучить внутренняго и неосязаемаго человѣка.* Когда вы наблюдаете человѣка осязаемаго, чего вы ищете въ немъ?—Человѣка неосязаемаго. Его слова, достигающія до вашего уха, его тѣлодвиженія, одежда, поступки, видимыя дѣла, служатъ для васъ только выраженіемъ чего-то другого; все это говоритъ о чемъ-то иномъ, о душѣ. Человѣкъ внутренній скрытъ въ человѣкѣ внѣшнемъ, и послѣдній свидѣтельствуетъ о первомъ. Вы осматриваете его домъ, его мебель, одежду, но вы ищете во всемъ этомъ слѣдовъ его привычекъ и вкуса, хотите судить о степени его развитія или простоты, расточительности или экономіи, ограниченности или утонченности ума. Вы прислушиваетесь къ его разговору и замѣчаете даже интонацію его голоса и принимаемыя имъ позы, опять для того, чтобы заключить о его энергіи, развязности, веселости, или о натянутости. Вы изучаете произведеніе его пера или искусства, его финансовыя или политическія предпріятія съ единственною цѣлью опредѣлить силу и предѣлы его разсудительности, находчивости, присутствія духа, открыть распорядокъ, родъ и обычную мощь его идей, какъ онъ мыслитъ и опредѣляетъ свою волю. Все внѣшнее служитъ только тропинками, ведущими къ центру, и вы пускаетесь въ поиски, чтобы достигнуть этого центра; тамъ пре-

бываетъ истинный человѣкъ—я разумѣю сумму способностей и чувствованій, производящихъ все остальное. Вотъ, новый міръ, міръ безпредѣльный, ибо всякое видимое дѣйствіе влечетъ за собою безконечный рядъ заблужденій, тревогъ, прежнихъ и новыхъ ощущеній, содѣйствовавшихъ къ тому, чтобы вызвать его на наружу, и которыя, подобно высокимъ скаламъ, пустившимъ глубокіе корни въ землю, достигаютъ въ этомъ дѣйствіи своей вершины и выплываютъ на поверхность. Этотъ подземный міръ и составляетъ второй предметъ, собственно предметъ историка. Если его критическое образованіе удовлетворительно, то онъ будетъ способенъ открыть подъ всякимъ украшеніемъ архитектуры, подъ всякою чертою картины, подъ всякою фразою литературнаго произведенія, то своеобразное чувствованіе, подъ вліяніемъ котораго явились то украшеніе, та черта или та фраза; онъ присутствуетъ при внутренней драмѣ, которая совершалась въ артистѣ или въ писателѣ; выборъ словъ, краткость или длина періода, характеръ метафоръ, удареніе въ стихѣ, порядокъ въ разсужденіи, все служитъ ему указаніемъ; въ то время какъ его глаза читаютъ текстъ, его душа, его умъ, слѣдятъ за безпрерывнымъ потокомъ и цѣпью волненій и ощущеній, изъ которыхъ вытекалъ самый текстъ; это—*психологія*. Если вы хотите наблюдать за такимъ процессомъ, обратите вниманіе на того, кто вызвалъ и послужилъ самъ образцомъ всей великой современной образованности, на Гёте, который, прежде нежели сѣлъ за свою *Ифигенію*, употребилъ цѣлые дни на то, чтобы копировать лучшія статуи; наконецъ, пресытивъ свой взоръ благородными формами античнаго искусства и напоявъ свой духъ гармоническою красотою древней жизни, онъ дошелъ до такого вѣрнаго воспроизведенія въ самомъ себѣ привычекъ и наклонностей греческой фантазіи, что могъ подарить Антигонѣ Софокла и богинямъ Фидіаса сестру, почти ихъ близнеца. Такіе пріемы обновили въ наше время исторію; въ прошедшемъ столѣтіи, ихъ почти совершенно не знали; люди всѣхъ расъ и вѣковъ представлялись почти безъ всякаго различія; грекъ, варваръ, индусъ, человѣкъ эпохи „Возрожденія“ и человѣкъ XVIII вѣка, все это отливалось въ одну форму, по извѣстному абстрактному представленію, которое прикладывалось ко всему человѣческому роду. Знали человѣка, но не знали людей; не достигали до души, не видѣли безконечнаго разнообразія и изумительной ея сложности; не догадывались, что моральное построеніе народа или эпохи есть нѣчто своеобразное и отличительное, какъ физическое построеніе какого нибудь семейства растеній или извѣстной породы животныхъ. Нынѣ, исторія, какъ и зоологія, открыла свою анатомію, и какова бы ни была вѣтвь историческихъ занятій, филологія, лингвистика или миѳологія, всѣ трудятся по этому пути, желая добиться новыхъ результатовъ....

Моральное построеніе народа или эпохи зависитъ отъ трехъ первобытныхъ причинъ: отъ *расы*, *данной среды*; и *даннаго момента*. Историку остается изслѣдовать, какимъ образомъ распредѣляется ихъ вліяніе на народъ или на эпоху. Источникъ, вытекая изъ возвышеннаго мѣста, пробиваетъ себѣ русло соотвѣтственно покатостямъ, съ одной террасы на другую, пока наконецъ не достигнетъ самыхъ

нисшихъ слоевъ земли; точно также и расположеніе умовъ или духа, произведенное въ народѣ расою, извѣстною средою и извѣстнымъ моментомъ, распространяется въ различной пропорціи и постепенно, по тѣмъ фактамъ, изъ которыхъ состоитъ цивилизація. Когда чертятъ географическую карту страны, начиная съ того пункта, гдѣ раздѣляются воды, то отъ общаго источника образуется пять или шесть главныхъ бассейновъ, потомъ каждый изъ нихъ распадается на множество второстепенныхъ, и такъ далѣе, пока водная сѣть со всѣми своими развѣтвленіями не покроетъ всей страны. Равнымъ образомъ, если начертить психологическую карту событій и воспріятій человѣческой цивилизаціи, то окажется сначала пять или шесть рѣзко раздѣляющихся областей: религія, искуство, философія, государство, семейство, промыслъ; потомъ каждая изъ этихъ областей распадется на естественные департаменты; въ департаментахъ откроются небольшія территоріи и такъ далѣе, пока мы не дойдемъ до тѣхъ безчисленныхъ подробностей жизни, которыя мы наблюдаемъ ежедневно въ себѣ и около себя. Если теперь изслѣдовать и сравнить между собою тѣ различныя группы фактовъ, то нельзя не замѣтить, что онѣ состоятъ изъ частей, и что всѣ онѣ имѣютъ общія стороны. Возьмемъ сначала три главные продукта человѣческаго разума, религію, искусство и философію: что̀ такое философія, какъ не постиженіе природы и ея первичныхъ причинъ въ формѣ абстракта и формулъ? Что̀ лежитъ въ сущности религіи и искусства, какъ не постиженіе той же самой природы и тѣхъ же первичныхъ причинъ въ формѣ символовъ болѣе или менѣе точныхъ и личностей болѣе или менѣе опредѣленныхъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ случаѣ вѣрятъ, что они существуютъ, а во второмъ убѣждены, что они не существуютъ? Пусть читатель подумаетъ о тѣхъ великихъ созданіяхъ духа въ Индіи, Скандинавіи, Персіи, Римѣ, Греціи, и онъ увидитъ, что повсюду искусство является чѣмъ-то въ родѣ философіи, сдѣлавшейся осязательною, религія—какою-то поэмою, принимаемую за истину, а философія—искусствомъ и религіею, высушенными и приведенными къ чистымъ идеямъ. Итакъ, въ центрѣ этихъ трехъ группъ есть одинъ общій элементъ, а именно, постиженіе природы и ея началъ, и въ то же время онѣ отличны другъ отъ друга, потому что къ общему элементу присоединяютъ свой отличительный элементъ: въ одномъ сила восходитъ до абстрактовъ, въ другомъ является способность олицетворять и вѣрить, наконецъ, въ третьемъ—олицетворять, не вѣря. Возьмемъ далѣе два главные продукта ассоціаціи людей: семейство и государство. Что̀ такое государство, какъ не чувство повиновенія, въ силу котораго масса людей собирается подъ властью одного главы? И что̀ такое семейство, какъ не чувство повиновенія, въ силу котораго жена и дѣти дѣйствуютъ подъ руководительствомъ отца и мужа? Семейство есть природное государство, первобытное и узкое; точно также какъ государство есть семейство искусственное и широкое; при различіи, которое производится числомъ, происхожденіемъ и условіемъ, въ которое поставлены члены, въ самомъ маленькомъ обществѣ, какъ и въ большомъ, замѣчается то же самое расположеніе основнаго духа, которое сближаетъ и сое-

диняетъ всѣхъ. Теперь предположите, что этотъ общій ихъ элементъ получаетъ отъ расы, отъ извѣстной средины и момента, своеобразный характеръ, и будетъ ясно, что *всѣ эти группы должны будутъ видоизмѣниться въ извѣстной пропорціи.* Если чувство повиновенія есть не что иное, какъ страхъ, вы встрѣтите, какъ то бываетъ въ большей части азіатскихъ государствъ, жестокость деспотизма, разнообразіе пытокъ, истощеніе подданнаго, раболѣпіе въ нравахъ, беззащитность собственности, обѣднѣніе промысловъ, рабство женщины и всѣ привычки гаремной жизни. Если чувство повиновенія имѣетъ свой корень въ инстинктѣ дисциплины, общественности и чести, вы найдете, какъ то является во Франціи, удивительную военную организацію, превосходную административную іерархію, недостатокъ публичнаго духа вмѣстѣ со вспышками патріотизма, готовную покорность подданнаго вмѣстѣ съ революціонною нетерпѣливостію, преклоненіе придворнаго съ оппозиціею благородства, всѣ удовольствія изящной бесѣды и свѣтской жизни съ дрязгами жизни домашней, равенство супруговъ и брачныя страданія подъ неизбѣжнымъ гнетомъ закона. Если наконецъ чувство повиновенія вытекаетъ изъ инстинктовъ субординаціи и идеи долга, вы замѣтите, какъ то бываетъ у народовъ германской расы, безопасность и счастье домашней жизни, прочность ея, медленное и неполное развитіе жизни свѣтской, врожденное уваженіе къ установленнымъ властямъ, суевѣрную привязанность къ прошедшему, поддержаніе соціальнаго неравенства, страхъ естественный и привычный предъ закономъ. Равномѣрно, въ каждой расѣ, вмѣстѣ съ различіемъ общихъ идей, религія, искусство и философія проявляются различно. Если человѣкъ склоненъ къ широкимъ всеміpнымъ воззрѣніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ возмущать ихъ нервностью своего раздраженнаго организма, то мы увидимъ, какъ въ Индіи, изумительное богатство гигантскаго религіознаго творчества, роскошное процвѣтаніе чрезмѣрной и призрачной эпопеи, странную запутанность утонченнаго и фантастическаго философствованія, и въ то же время всѣ они столь тѣсно связаны между собою и столь проникнуты общей идеей, что, по одной ихъ широтѣ, окраскѣ и самому безпорядку можно тотчасъ ихъ признать продуктомъ одного и того же климата и одного и того же духа. Если, напротивъ, человѣкъ отъ природы здравый и обладающій равновѣсіемъ силъ, ограничитъ добровольно міръ своихъ воспріятій съ тѣмъ, чтобы точнѣе опредѣлить форму, тогда предъ нами явится, какъ въ Греціи, теологія артистическая и повѣствовательная, отдѣльныя божества, совершенно отрѣшенныя отъ вещей и преобразованныя въ точныя личности; чувство всеобъемлющаго единства почти сглаживается и едва-едва сохраняется въ неопредѣленномъ представленіи Судьбы; философія—болѣе утонченная и сжатая, нежели величественная и систематическая, но за то несравненная въ своей логикѣ, софистикѣ и морали; поэзія и искусство превосходятъ своею ясностью, естественностью, размѣромъ, истиною и красотою все, что когда нибудь видѣли до тѣхъ поръ. Если, наконецъ, человѣкъ, придя къ узкимъ воспріятіямъ и лишившись всей умозрительной тонкости, окажется въ то же время поглощеннымъ и проникнутымъ

въ цѣлости практическими стремленіями, тогда мы встрѣтимъ, какъ въ Римѣ, простыхъ боговъ, съ пустыми именами, годныхъ для обозначенія мельчайшихъ подробностей сельскаго быта, дѣторожденія, хозяйства, брака, фермы, и вслѣдствіе того, миѳологію, философію, поэзію ничтожную или заимствованную. Въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, примѣняется *законъ взаимной зависимости*. Цивилизація составляетъ собою тѣло, и ея части совокупляются на подобіе частей органическихъ тѣлъ. Какъ въ животномъ его инстинкты, зубы, члены, кости, мускулы связаны между собою, и измѣненіе въ одномъ влечетъ за собою соотвѣтствующую перемѣну въ другомъ, такъ что искусный натуралистъ можетъ по нѣсколькимъ обломкамъ возсоздать почти весь остовъ; точно также и въ цивилизаціи религія, философія, семейный бытъ, литература, искусство составляютъ систему, въ которой всякая мѣстная перемѣна производитъ всеобщую перемѣну, и опытный историкъ, изучивъ отдѣльную часть, знаетъ впередъ и на половину угадываетъ характеръ остального. Въ этой обоюдной зависимости нѣтъ ничего неопредѣленнаго. Въ живомъ организмѣ, эта зависимость выражается въ ея стремленіи осуществить извѣстный первобытный типъ, и необходимость быть въ согласіи съ самимъ собою, чтобы жить и владѣть органами, необходимыми для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ цивилизаціи, она опредѣляется присутствіемъ въ каждомъ великомъ человѣческомъ творчествѣ производительнаго элемента, присущаго всему окружающему; я разумѣю подъ этимъ извѣстную способность, навыкъ, замѣтное расположеніе, которое, отличаясь ему свойственнымъ характеромъ, проникаетъ во всѣ отправленія и по мѣрѣ своего видоизмѣненія видоизмѣняетъ всякое дѣло, въ которомъ принимаетъ участіе.

Ипполитъ Тэнъ.

Histoire de la litterature anglaise. Introduction.

Ипполитъ Тэнъ (Hyppol. Taine), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ критиковъ во Франціи, родился въ 1828 г. Окончивъ курсъ въ École normale, онъ получилъ степень доктора за свои двѣ диссертаціи: De personis Platonicis и Essai sur les fables de La Fontaine, Par. 1853. Въ слѣдующемъ году, Парижская академія дала ему премію за новый его трудъ: Essai sur Tite Live. Послѣдующіе литературные этюды Тэна были изданы вмѣстѣ, подъ заглавіемъ: Essais de critique et d'histoire (Par. 1857). Въ 1863 году онъ окончилъ свое самое капитальное произведеніе: Histoire de la litterature anglaise, въ 4 томахъ.

II.—Общія черты характера XII и XIII вѣковъ.

(Въ 1851 г.).

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ *Среднихъ вѣковъ* тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе западной римской имперіи отъ открытія Новаго Свѣта и начала Реформаціи. Но идеи и формы, составляющія характеристическую особенность Среднихъ вѣковъ, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ, однимъ словомъ, главныя явленія, въ которыхъ вполнѣ сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частію не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XIII столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія; они служили переходомъ къ новой исторіи.

Нетрудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестность. Отдѣльные дома похожи на крѣпости. Чрезъ улицы, на ночь, протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ городского къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣ же явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго, очевидно, не удобство жизни, не то, что̀ мы теперь называемъ комфортомъ, а безопасность была главною цѣлію. Воинственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства, хижины вилланов. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе соотвѣтство-

вало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ не было народовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а были враждебныя между собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ эпохѣ распаденія западной римской имперіи и занятія ея областей германскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались почти исключительно высшіе, изъ туземнаго населенія—низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное основаніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между ихъ составными частями. Граждане французской общины принимали къ сердцу дѣла нѣмецкихъ или италіянскихъ городовъ, но у нихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ феодальною аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь баронъ рѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ живутъ его соотечественники. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ, и едва ли съ бо̀льшимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на беззащитнаго и безправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ быта, у каждаго сословія должно было развиться собственное воззрѣніе на всѣ жизненныя отношенія и высказаться въ литературѣ. Рыцарскія эпопеи проникнуты этимъ исключительнымъ духомъ. Возьмите любой романъ каролингскаго или прочихъ цикловъ: вы увидите, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста героямъ другого сословія, кромѣ феодальнаго. То же самое можно сказать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую, доступную каждому человѣческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственнаго быта, понятное только рыцарю, да еще можетъ быть горожанамъ южной Францiи и Италіи. За то среди городскаго населенія процвѣтала своя, непріязненная феодализму, литература. Здѣсь-то родилась сказка (fabliau), въ которой язвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не однѣ только идеи и доблести, составлявшія какъ бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны Средняго вѣка. Въ труверахъ можно узнать праотцевъ Рабле и Вольтера. Была, повидимому, одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку Среднихъ вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть пустыя, лишенныя живого содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ столь же смѣлая и воинственная, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключаются именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла бы, не было задачи, предъ которой она сознала бы свое безсиліе. Она, разумѣется, не рѣшила этихъ вопросовъ и задачъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ европейской наукѣ благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея

успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фоліантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей.

Изъ этой короткой характеристики вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла та же борьба, что́ и въ жизни. Въ концѣ XI столѣтія уже начался споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся вскорѣ въ богословіи и получившій впослѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т.-е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ сегодня бесѣдовать съ вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, отстаивая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями францисканцевъ и доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произноситъ безусловный приговоръ надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ собственностію, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе свершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь альбигенская. Та же участь постигла нѣмецкихъ штединговъ и разнообразныя, но равно враждебныя западной церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденныя ереси продолжали существовать въ тайнѣ, не отказывались отъ своихъ надеждъ и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждаются въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣковому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія западной Европы, намѣстники св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римскимъ папамъ, ни германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе носитъ двоякій характеръ: съ одной стороны, оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства; съ другой,

современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную земною жизнію Искупителя, и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить, на той священной почвѣ, свой политическій идеалъ. Горожане и вилланы уходили отъ феодальнаго гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестоносцевъ, было ѳеократическое государство, не удавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ, народы Запада перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Если бы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна геніальная личность, то задача была бы скоро рѣшена. Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о предпослѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать—страдавшая избыткомъ силъ, личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежитъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ онъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изъятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь одинъ многознаменательный примѣръ. Послѣднее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло бо́льшею частію изъ арабовъ и другихъ магометанскихъ наемниковъ. Надобно, однако, прибавить, что и римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенныя христіанскому пастырю.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Лудовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Лудовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другого рода. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаси-

тель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее же пролилась божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ Средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители „Граля". Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ тампліеровъ, страннопріимцевъ [1]) и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Среднихъ вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны, намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить тампліеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Лудовика IX.

Т. Грановскій.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Москва, 1857 г. т. I. 437—445 стр.

О Грановскомъ и его сочиненіяхъ см. выше, т. II, на стр. 269 и сл.—Приведенное мѣсто составляетъ вступленіе въ одну изъ четырехъ публичныхъ лекцій, читанныхъ покойнымъ московскимъ профессоромъ въ 1851 году: Тимуръ, Александръ В., Людовикъ IX и Бэконъ. Въ своемъ сжатомъ очеркѣ характера тѣхъ двухъ столѣтій, которыя составляютъ зенитъ развитія средневѣковаго общества, Грановскій высказалъ весь свой талантъ мыслителя и живописателя, такъ что и теперь, мы должны повторить сказанное нами еще въ 1852 г., по поводу критики этихъ его лекцій, а именно, что „въ нихъ Т. Н. Грановскій обнаружилъ тѣ же достоинства, которыя мы привыкли встрѣчать во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера; а сдѣланныя нами замѣчанія относительно частностей нисколько не препятствуютъ намъ назвать словами нашего же профессора его чтенія „достойными вкладами русской мысли и русскаго слова". Мы затруднились бы и въ западной исторической литературѣ пріискать что нибудь такое, что могло бы служить лучшею прелюдіею къ крестоносному времени, и что въ такихъ

[1]) Госпиталитовъ или іоаннитовъ.

немногихъ словахъ могло бы такъ удобно ввести читателя въ новый міръ, который открываютъ собою XII и XIII столѣтія. Чтобы лучше понять взглядъ Грановскаго именно на крестовые походы, ср. ниже послѣднюю статью этой части третьяго тома, гдѣ Гегель говоритъ о томъ, какъ крестоносцы не достигли тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремились, но какъ зато человѣчество достигло того, чего пилигримы XII и XIII столѣтія не имѣли и въ виду.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ НАЧАЛА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ ДО РЕФОРМАЦІИ:

XII-е, XIII-е, XIV-е и XV-е СТОЛѢТІЯ.

(1096—1492 г.)

Историческій очеркъ періода.

Спустя 300 лѣтъ по смерти Карла Великаго, его обширная монархія, положившая начало единству западной Европы, какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и въ отношеніи образовательномъ, расширила свои внѣшніе предѣлы завоеваніемъ земель на востокѣ у славянъ, на югѣ—у арабовъ, а норманны, вышедшіе изъ Карловой монархіи, включили въ ея предѣлы Англію и южную Италію.

На всемъ этомъ пространствѣ, отъ береговъ Средиземнаго моря до южнаго прибрежья Балтики, и отъ Карпатъ и теченія Вислы до береговъ Англіи господствовали двѣ власти, признаваемыя въ различныхъ степеняхъ, но выражавшія собою, тѣмъ не менѣе, единство, наложенное на западную Европу Карломъ Великимъ, а именно власть римскаго императора и власть римскаго первосвященника, которые, послѣ вѣковой борьбы, заключившейся въ началѣ XII вѣка, думали раздѣлить между собою Вормскимъ конкордатомъ область своего вліянія.

Но, между тѣмъ, какъ императоры и папы вели ожесточенную борьбу за предѣлы своей власти, дѣйствительные интересы общественной жизни, не находя себѣ удовлетворенія въ разрѣшеніи вопроса, гдѣ начинается и гдѣ кончается власть императора и папы, страдали настоятельными, крайними нуждами, и общество, повергнутое въ нищету, начало искать себѣ исхода внѣ полуученой и полубиблейской теоріи императоровъ и папъ, и было такимъ образомъ брошено на новую и самостоятельную дорогу, которая, послѣ четырехсотлѣтней борьбы, переворотовъ, привела западную Европу къ предѣламъ новой исторіи.

Эти *четыре* столѣтія (XII, XIII, XIV и XV) составляютъ потому *третій* и *послѣдній* періодъ исторіи среднихъ вѣковъ, когда средневѣковая образованность, достигнувъ послѣдней высоты своего развитія и въ отношеніи политическомъ, и въ отношеніи соціальномъ, и въ отношеніи умственномъ, и въ отношеніи художественномъ, пала съ необыкновенною быстротою, уступивъ мѣсто новымъ понятіямъ и новому порядку вещей. Въ отношеніи политическомъ и соціальномъ, этотъ періодъ представляетъ намъ всѣ крайнія стороны развитія феодальнаго общества въ его трехъ великихъ органахъ, духовенствѣ,

дворянствѣ и среднемъ сословіи, съ ихъ орденами и коммюнами; въ отношеніи умственномъ, схоластическая наука, съ своимъ особеннымъ и ей одной доступнымъ языкомъ, съ своею безпредѣльною пытливостью, породила цѣлый міръ особыхъ понятій; въ отношеніи художественномъ, феодальное общество выработало свою архитектуру, и ея соборы, ратуши, зàмки, стоятъ еще до сихъ поръ памятниками какой-то чуждой намъ эпохи, но нѣкогда самостоятельной и полной жизненныхъ силъ.

Собственно говоря, только XII и XIII столѣтіе были временемъ прогрессивнаго движенія средневѣковой образованности и представляли окончательное ея развитіе; въ XIV и XV вѣкахъ, она начинаетъ колебаться и вырождаться, уступая мѣсто другимъ понятіямъ о жизни. Феодальная монархія даетъ мѣсто народнымъ правительствамъ; рыцарство вызываетъ собою одинъ образъ Донъ-Кихота; городскія общины, съ своими замкнутыми цехами, корпораціями, падаютъ; схоластическіе университеты вступаютъ въ борьбу съ новыми университетами; въ наукѣ опытъ оспариваетъ себѣ мѣсто у умозрѣнія; народная рѣчь предъявляетъ свои права на литературную силу; въ классическихъ произведеніяхъ грековъ и римлянъ обращаютъ вниманіе на тѣхъ писателей и ту сторону ихъ произведеній, въ которыхъ всего болѣе выразилось ихъ гуманное направленіе, а потому и весь переворотъ, совершившійся въ XIV и XV вѣкѣ, названъ эпохою „Возрожденія“ (*Rénaissance*) древней мысли и древняго искусства, которыя живительно подѣйствовали на зачатки тѣхъ идей, которыя уже бродили въ отживавшемъ средневѣкомъ обществѣ.

Вслѣдствіе того, третій періодъ исторіи среднихъ вѣковъ представляетъ внутри себя двѣ различныя части: 1) *Эпоху крестовыхъ походовъ*, то-есть, XII и XIII столѣтія, время наибольшаго развитія и процвѣтанія всѣхъ сторонъ феодальнаго общества; и 2) *Эпоху „Возрожденія“*, то-есть, XIV и XV столѣтія, время паденія средневѣковой образованности и окончательнаго перехода къ новѣйшему времени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЭПОХА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

(XII-е и XIII-е СТОЛѢТІЯ).

Историческій очеркъ эпохи.

Эпоха крестовыхъ походовъ, обнимая собою XII и XIII столѣтія, была самымъ блестящимъ временемъ полнаго и всесторонняго развитія средневѣковой образованности. Борьба папъ съ императорами, раздоры феодальныхъ сузереновъ съ баронами и бароновъ между собою, опустошеніе Англіи норманнами—все это довело западное общество до того крайняго положенія, въ которомъ человѣкъ видитъ себя лишеннымъ всякой гарантіи для своего имущества и даже для самой жизни. Ничего не оставалось, какъ, посреди такого хаоса, создать новую власть, которая не была бы заинтересована чьею-нибудь личною выгодою, поставить себѣ новую цѣль, которая вытекала бы не изъ сословныхъ выгодъ, но изъ побужденій болѣе общечеловѣческихъ, образовать какую нибудь новую силу, которая не служила бы эгоистическимъ видамъ отдѣльныхъ лицъ или званій. Такою новою властью сдѣлался „Божій-миръ"; новою цѣлью — освобожденіе Гроба господня; новою силою,—такъ называемое „войско господне" или армія пилигримовъ, принявшихъ крестъ. При такомъ общественномъ настроеніи, крестовые походы, которые, по своей идеи, вовсе не были чѣмъ нибудь новымъ, пріобрѣли политическое значеніе и вмѣстѣ сдѣлались средствомъ къ довершенію переворота въ средневѣковомъ обществѣ.

Западная Европа, въ теченіи двухъ вѣковъ, высылала на Востокъ цѣлыя арміи одну за другою; пилигримы возвращались назадъ, принося съ собою новыя познанія, и вмѣстѣ закалившись въ трудной боевой и походной жизни, какъ впослѣдствіи изъ Америки, возвращались въ старый свѣтъ тѣ-же самые люди, но съ другими идеями и требованіями отъ общественной жизни.

Потому эпоха крестовыхъ походовъ представляетъ два главныя явленія: 1) самый фактъ крестовыхъ походовъ, и 2) то развитіе, которое произошло въ западной Европѣ въ крестоносную эпоху, а именно успѣхи политической жизни, общественной, умственной и

промышленной: народная монархія, городскія общины, ганзы, университеты, схоластика, искусства, литература, все это получило свое происхожденіе именно въ XII и XIII столѣтіяхъ.

Сообразно съ тѣмъ, время крестовыхъ походовъ можно разсматривать въ двухъ отдѣлахъ: 1) *Крестовые походы*, и 2) *Западная Европа въ эпоху крестовыхъ походовъ.*

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

1095—1291 г.

Историческій очеркъ событій.

Время крестовыхъ походовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова заключаетъ въ себѣ XII и XIII столѣтія (1096—1291 г.).

Къ концу XI столѣтія положеніе историческаго Востока было слѣдующее: восточная имперія или византійская утратила къ тому времени почти всѣ свои владѣнія въ Африкѣ и въ Азіи, вдоль береговъ Средиземнаго моря. Переворотъ, произведенный Магометомъ въ степяхъ Аравіи (622 г.), гдѣ онъ успѣлъ собрать разсѣянныя силы номадовъ въ одно цѣлое, и, съ другой стороны, постепенное разложеніе и деморализація византійскаго общества и правительства, дозволили, ничтожной вначалѣ, горсти людей создать новый мусульманскій міръ, обнявшій собою громадное пространство отъ береговъ Инда до Эбро въ Испаніи, и притомъ менѣе, чѣмъ въ какихъ нибудь сто лѣтъ (622—711 г.). Но, къ концу XI вѣка, самъ мусульманскій калифатъ не только распался на три части: кордовскій въ Испаніи, египетскій или Фатимидовъ въ Африкѣ, и багдадскій въ Азіи, но, кромѣ того, самая власть багдадскаго калифа ограничивалась почти однимъ городомъ Багдадомъ; управленіе же провинціями предоставлялось вождямъ наемныхъ войскъ, набираемыхъ, по большей части, въ Туркестанѣ. Предъ началомъ крестовыхъ походовъ, предводители турокъ-сельджуковъ управляли всею Переднею Азіею отъ имени калифа, и когда, въ 1092 г., умеръ Малекъ-Шахъ, одинъ изъ такихъ предводителей и намѣстникъ багдадскаго калифа, то онъ раздѣлилъ калифатство на султанства между своими родственниками: 1) *Иранъ*, отъ Тигра до Инда, достался его старшему сыну, Баркіароку; 2) *Иконій*, въ Малой Азіи, гдѣ правилъ Килиджъ-Арсланъ, и въ Сиріи, 3) *Алеппское* и 4) *Дамасское* султанства. Каждое изъ нихъ еще подраздѣлялось на безчисленное множество отдѣльныхъ владѣній, управляемыхъ дальними родственниками султановъ; такъ, внутри дамасскаго султанства, въ Іерусалимѣ, правилъ Ортокъ, племянникъ Малекъ-Шаха. Ихъ междоусобія и притязанія Фатимидовъ отнять у багдадскаго калифата нѣкогда принадлежавшую имъ Сирію, довели мусульманскій міръ до величайшаго разслабленія; одинъ Килиджъ-Арсланъ, ближайшій сосѣдъ имперіи, тревожилъ недавно предъ тѣмъ утвердившуюся династію въ Визан-

тіи, а именно Комненовъ. Правившій въ то время императоръ Алексѣй Комненъ обратился съ просьбою о помощи къ западнымъ христіанамъ, которыхъ воображеніе уже было подготовлено жалобами пилигримовъ, испытавшихъ на себѣ всю жестокость новыхъ владѣтелей Іерусалима, турокъ-сельджуковъ. Петръ Пустынникъ подѣйствовалъ особенно на умы своихъ единовѣрцевъ и остался главнымъ героемъ начала крестовыхъ походовъ въ народномъ воображеніи.

Папа Урбанъ II созвалъ соборъ въ Клермонѣ, 1095 г., и походъ былъ опредѣленъ. Нетерпѣливые желали отправиться безъ дальнѣйшихъ приготовленій, и погибли вмѣстѣ съ своими предводителями, Вальтеромъ-Неимущимъ и др. Спасся одинъ Петръ Пустынникъ. Только въ августѣ 1096 г., собралось нѣсколько правильныхъ армій, которыя, различными дорогами, прибыли въ Византію; такъ явились туда одинъ за другимъ Готфридъ герцогъ Лотарингскій, съ братьями Балдуиномъ и Евстафіемъ; Робертъ Нормандскій и Робертъ Фландрскій; Стефанъ Блоа и Раймундъ Тулузскій; Боэмундъ Тарентскій, Танкредъ и др. Встрѣченные непріязненно подозрительными греками, они дали присягу Алексѣю Комнену и переправились въ М. Азію, гдѣ походъ ихъ открылся осадою Никеи (май, 1097 г.). По взятіи Никеи, крестоносцы прошли чрезъ всю Малую Азію и достигли Антіохіи. Но одинъ изъ князей, Балдуинъ, братъ Готфрида, оставилъ общее дѣло, и, получивъ приглашеніе отъ жителей Эдессы, удалился на Евфратъ и тамъ основалъ первое латинское княжество.

Между тѣмъ крестоносцы осаждали Антіохію и только въ половинѣ 1098 г. овладѣли городомъ; бывъ сами, въ свою очередь, осаждены турецкимъ предводителемъ Кербогою, они едва спаслись, и послѣ того продолжали свой путь далѣе чрезъ Сирію къ Іерусалиму, куда и прибыли въ іюнѣ 1099 года. Въ половинѣ іюля того же года, Іерусалимъ былъ взятъ.

Такъ кончился первый крестовый походъ, и началась исторія новаго Іерусалимскаго королевства.

Главою всѣхъ христіанскихъ владѣній былъ провозглашенъ *Готфридъ* (1099—1100); но самыя земли были раздѣлены по началамъ феодальнымъ; вассалами іерусалимской короны были: князь Эдесскій Балдуинъ, Антіохійскій — Боэмундъ, Триполійскій — Раймундъ Тулузскій, и Галилейскій—Танкредъ. Ихъ владѣнія были, въ свою очередь, подраздѣлены, и такъ далѣе до послѣдняго замка. Новое устройство этого феодальнаго государства составило отдѣльный кодексъ, подъ названіемъ *Ассизъ Іерусалимскаго королевства* или *Писемъ Гроба Господня.* Впослѣдствіи, въ Іерусалимѣ, явилось новое сословіе, три военно-духовныя братства: Тампліеровъ, Іоаннитовъ и Тевтоновъ, съ своими Великими магистрами.

Въ самомъ началѣ правленія Готфрида, египетскій калифъ сдѣлалъ попытку къ отнятію Іерусалима, но былъ разбитъ христіанами при Аскалонѣ (авг. 1099 г.). Менѣе чѣмъ годъ спустя послѣ этой битвы, Готфридъ скончался, и на мѣсто его былъ избранъ братъ его, *Балдуинъ I* (1100 — 1118), а послѣ него—его родственникъ *Балдуинъ II Буржскій* (1118—1131).

Правленіе первыхъ Балдуиновъ, не смотря на порчу нравовъ между самими крестоносцами, было лучшимъ временемъ для Іерусалимскаго королевства. Распространенію оружія христіанъ много содѣйствовало паденіе господства Сельджукидовъ, по смерти Баркіарока; еще при немъ въ его владѣніяхъ образовалась опасная секта Ассасиновъ, руководимая своимъ вождемъ Горнымъ-Старцемъ, фанатизмъ которой держалъ въ страхѣ всѣхъ султановъ, напрасно боровшихся съ своимъ невидимымъ врагомъ. Пользуясь всѣмъ тѣмъ, Балдуинъ I завоевалъ Птолемаиду или Акконъ (н. St. Jean d'Acre), Беритъ, Сидонъ и др., а при Балдуинѣ II сдался и Тиръ. Въ рукахъ мусульманъ оставались въ Сиріи: Дамаскъ и Алеппо, окруженные со всѣхъ сторонъ христіанскими владѣніями.

Балдуинами кончается мужеская линія Готфрида и вмѣстѣ цвѣтущее состояніе Іерусалимскаго королевства.

Балдуину II наслѣдовалъ его зять *Фулько Анжуйскій* (1131—1143), родоначальникъ новаго Анжуйскаго Дома (король англійскій, Генрихъ II Плантагенетъ, былъ его внукомъ). Внутреннія смуты, вмѣстѣ съ перемѣною династіи, и малолѣтство его преемника и сына, *Балдуина III* (1143—1162), остановили успѣхи христіанъ, а между тѣмъ, въ мусульманскомъ мірѣ произошелъ весьма выгодный для него переворотъ.

Одинъ изъ мелкихъ правителей турецкихъ, Эмадеддинъ Ценги и его сынъ Нуреддинъ, владѣтели Мосула, соединили въ своей власти разрозненныя земли султанствъ Алеппо и Дамаска, и, пользуясь раздорами христіанъ, по смерти Фулько, отняли у нихъ Эдессу (1144 г.).

Слухъ о взятіи Эдессы вызвалъ новыхъ проповѣдниковъ, и папа Евгеній III поручилъ обратиться къ князьямъ и народамъ св. Бернарду, аббату Клерво. Крестъ приняли Людовикъ VII, король Франціи, и Конрадъ III, король германскій, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ герцогомъ Фридрихомъ Барбаруссою. Ихъ *второй крестовый походъ* (1147—1149) остался безъ результатовъ; прибывъ въ Палестину, они осадили Дамаскъ, но, не успѣвъ овладѣть имъ, возвратились въ Европу.

По удаленіи крестоносцевъ, королевство Іерусалимское, предоставленное однимъ собственнымъ силамъ, начинаетъ быстро клониться къ паденію, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, при послѣднихъ короляхъ Анжуйскаго Дома. Хотя *Амальрикъ I* (1162—1173), братъ Балдуина III, успѣшно отражалъ нападенія сарацинъ, но малолѣтство его преемниковъ: сына, *Балдуина IV* (1173—1185), и внука, *Балдуина V* (1185—1186), увеличило общественныя бѣдствія. По смерти Балдуина V, его отчимъ, *Гвидо Лузиньянъ* (1186—1192), женатый на его матери, Сибиллѣ, провозгласилъ себя королемъ Іерусалима, но его враги противопоставили ему Раймунда, графа Триполи.

Въ виду междоусобія претендентовъ, мусульманскій міръ началъ возникать съ прежнею славою, благодаря завоеваніямъ Нуреддина, овладѣвшаго Дамаскомъ. Его полководецъ Ширку и племянникъ послѣдняго Саладинъ завоевали ему Фатимидскій калифатъ, а, по смерти Нуреддина, Саладинъ соединилъ въ своей власти почти всю Сирію и Египетъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ владѣнія христіанъ. Сала-

динъ поддерживалъ Раймунда Триполійскаго, а послѣ, воспользовавшись оскорбленіемъ, нанесеннымъ ему христіанами, вступилъ съ ними въ открытую борьбу, и при Тиверіадѣ (1187) разбилъ ихъ. Король Гвидо попался въ плѣнъ, но послѣ получилъ свободу. Іерусалимъ сдался (1187); въ рукахъ христіанъ остались только три значительныхъ города: Антіохія, Тиръ и Триполи. Гвидо, желая возвратить утраченную власть, собралъ войско и осадилъ Птолемаиду, а графъ Тирскій, Конрадъ Монферратскій, женатый на Изабеллѣ, младшей сестрѣ Балдуина IV, не смотря на права Гвидо, принялъ на себя титулъ Іерусалимскаго короля.

Въ такомъ положеніи была св. Земля, когда начался третій крестовый походъ (1189); монархія Саладина, простираясь отъ Тигра до Нила, заключала въ себѣ Месопотамію, Сирію и Египетъ; Іерусалимскаго королевства не существовало, но за то было два Іерусалимскихъ короля, Гвидо и Конрадъ; государство Гвидо состояло въ лагерѣ подъ стѣнами Птолемаиды, а Конрадъ господствовалъ въ Тирѣ; Антіохіи угрожали вмѣстѣ и турки, и византійскій греки.

Извѣстіе о взятіи Іерусалима было причиною двухъ новыхъ попытокъ возвратить св. городъ христіанству; но *третій* (1189—1192 г.) и *четвертый* (1204 г.) крестовые походы остались безъ результатовъ для Палестины, и отъ крестоносцевъ пострадала одна Византійская имперія: во время третьяго похода, она потеряла Кипръ, а четвертый походъ окончился завоеваніемъ самой Византіи и основаніемъ на ея развалинахъ латинскихъ государствъ.

Третій крестовый походъ предприняли Фридрихъ I Барбарусса, германскій императоръ, съ сыномъ Фридрихомъ Швабскимъ, Ричардъ, Львиное-Сердце, король Англіи, и Филиппъ II Августъ, король Франціи. Фридрихъ I отправился прежде (1189), но на дорогѣ утонулъ въ Каликаднѣ (въ Киликіи); сынъ его Фридрихъ довелъ войско до Птолемаиды, куда явились, на помощь къ Гвидо, короли Англіи и Франціи, поссорившіеся еще на пути, въ Сициліи. Филиппъ II прибылъ прежде, потому что Ричарда задержало завоеваніе у грековъ Кипра. Не смотря на раздоры англичанъ и французовъ, Птолемаида скоро сдалась (іюль, 1191); но Филиппъ II не хотѣлъ долѣе оставаться въ Палестинѣ, и возвратился въ Европу, и Леопольдъ Австрійскій, смѣнившій умершаго Фридриха Швабскаго, бывъ оскорбленъ Ричардомъ, ушелъ изъ Палестины. Оставшись одинъ, Ричардъ продолжалъ героическую борьбу съ Саладиномъ, и только слухи объ интригахъ Филиппа II вынудили его заключить съ Саладиномъ миръ и возвратиться въ отечество (1192 г.). На обратной дорогѣ, онъ попался въ плѣнъ къ императору Гейнриху VI, и былъ выкупленъ своими вассалами (1194 г.).

По миру Ричарда съ Саладиномъ, христіане получили береговую полосу отъ Тира до Яффы и право посѣщенія Гроба. Такъ какъ Конрадъ Тирскій умеръ, то Ричардъ отдалъ Іерусалимскую корону *Генриху Шампанскому* (1192—1197) вмѣстѣ съ рукою жены Конрада, Изабеллы, а Гвидо Лузиньянъ получилъ въ вознагражденіе о. Кипръ съ титуломъ короля. На слѣдующій годъ, по удаленіи Ричарда, умеръ Саладинъ (1193); но его братъ, Малекъ-Адель, соединивъ раздѣлен-

ную имъ монархію и избравъ своею столицею Каиръ, продолжалъ вражду съ христіанами и отнялъ у нихъ Яффу, причемъ погибъ и самъ король Іерусалимскій, Гейнрихъ. Его вдова Изабелла вышла въ четвертый разъ замужъ за *Амальрика II* Лузиньяна, короля Кипра (брата умершаго Гвидо Лузиньяна). Онъ правилъ Іерусалимскимъ королевствомъ отъ 1197 до 1210 года.

Въ правленіе Амальрика II, сдѣлана была вторичная попытка къ освобожденію Іерусалима. По благословенію папы Иннокентія III, Фулько Нельи проповѣдалъ походъ, и крестъ приняли Балдуинъ Фландрскій и Бонифацій Монферратскій. Не имѣя средствъ для переѣзда, они вступили на службу къ Дандоло, дожу Венеціи, къ которому явился и царевичъ Алексѣй, сынъ императора Исаака, изъ фамиліи Ангеловъ, смѣнившихъ (1185) династію Комнена. Исаакъ былъ свергнутъ и ослѣпленъ своимъ братомъ Алексѣемъ III (1195—1203); молодой Алексѣй спасся бѣгствомъ и искалъ помощи у Венеціи и крестоносцевъ. Крестоносцы подошли къ Византіи, сначала возвели на престолъ Исаака Ангела и его сына, но, вслѣдствіе народнаго возстанія, овладѣли городомъ (1204) и всею имперіею, и, рздѣливъ ее между собою на лены, избрали императоромъ Балдуина I Фландрскаго.

Такимъ образомъ, Палестина оставалась забытою, и Амальрикъ II умеръ, не дождавшись помощи. Послѣ его смерти, палестинскіе христіане избрали королемъ *Іоанна Бріенняя* (1210—1225), женатаго на дочери Изабеллы, Іолантѣ. Это былъ послѣдній король Іерусалимскій, имѣвшій свою резиденцію въ Палестинѣ. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы вызвать западныхъ христіанъ на помощь св. Землѣ; но на западѣ охладѣли къ подобнымъ предпріятіямъ; одни дѣти составили армію, и этотъ походъ дѣтей (1212) кончился ихъ погибелью. Наконецъ, король Венгріи, Андрей II предпринялъ походъ (1217 г.), но скоро возвратился, предоставивъ часть своего войска королю Іоанну. Такимъ образомъ, Іоаннъ одинъ предпринялъ *пятый крестовый походъ* (1218—1221). Такъ какъ по смерти Малекъ-Аделя, его монархія распалась, и Іерусалимъ достался на долю Египетскаго султана, то крестоносцы напали на Даміетту и овладѣли ею (1219). Мусульмане предложили въ обмѣнъ Іерусалимъ, но папскій легатъ воспротивился, а между тѣмъ, разлитіе Нила затопило лагерь крестоносцевъ, и они были вынуждены сдать Даміетту даромъ.

Послѣ того Іоаннъ рѣшился лично отправиться въ Европу, и успѣлъ склонить въ пользу св. Земли короля германскаго, Фридриха II, выдавъ за него свою дочь Іоланту и уступивъ ему, вмѣстѣ съ ея рукою, титулъ Іерусалимскаго короля (1225).

Это обстоятельство наложило на *Фридриха II*, какъ короля Іерусалимскаго, обязанность подать помощь Палестинѣ, и повело къ *шестому крестовому походу* (1228—1229). Опасаясь за свои владѣнія въ Италіи и боясь вражды папъ, Фридрихъ II медлилъ, но, наконецъ, былъ вынужденъ исполнить обѣтъ. При враждѣ султановъ Дамаска и Египта, онъ овладѣлъ Іерусалимомъ, не обнаживъ меча. Но Фридрихъ встрѣтилъ болѣе опасныхъ враговъ въ орденахъ и

въ папахъ, а потому, оставивъ въ Іерусалимѣ намѣстника, поспѣшно возвратился въ Европу (1229).

По удаленіи Фридриха II, Іерусалимъ сохранялъ независимость, благодаря однимъ распрямъ мусульманъ; христіане держались всегда союза съ Дамасскимъ султаномъ, что, наконецъ, ихъ и погубило. Еще въ началѣ XIII столѣтія началось движеніе татаръ, или монголовъ; они вытѣснили хорезмійцевъ (изъ Хивы), чѣмъ и воспользовался египетскій султанъ. Онъ принялъ послѣднихъ къ себѣ на службу, и при ихъ помощи завоевалъ Дамаскъ, а вмѣстѣ и Іерусалимъ (1244). Христіане спаслись попрежнему въ Тиръ и Птолемаиду, которые съ того времени оставались послѣднимъ ихъ убѣжищемъ.

Извѣстіе о новомъ взятіи Іерусалима не произвело почти никакого впечатлѣнія на з. Европу, и королю французскому Людовику IX св. стоило большихъ усилій склонить своихъ вассаловъ предпринять *седьмой крестовый походъ* (1248—1254). Высадившись въ Египтѣ и овладѣвъ Даміеттой, французы двинулись далѣе; но при Мансурѣ (1250) были разбиты, и самъ Людовикъ попался въ плѣнъ къ мамелюкамъ. Султанъ взялъ съ Людовика выкупъ, но мамелюки были недовольны тѣмъ, и ихъ предводитель, Либарсъ, умертвивъ послѣдняго преемника Саладина, основалъ новую династію. Людовикъ получилъ дозволеніе отправиться въ Палестину, гдѣ онъ провелъ 4 года, укрѣпляя города и приготовляясь къ борьбѣ съ мусульманами; но слухъ о безпорядкахъ во Франціи и о смерти его матери Бланки, управлявшей въ его отсутствіе государствомъ, принудили Людовика возвратиться домой (1254).

По удаленіи Людовика IX, хотя христіане нашли себѣ новаго союзника въ монголахъ, но Бибарсъ разбилъ ихъ и овладѣлъ Антіохіею (1268). Одинъ Людовикъ былъ встревоженъ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ, и предпринялъ *восьмой крестовый походъ* (1270—1271), вмѣстѣ съ англійскимъ принцемъ Эдуардомъ, сыномъ короля Генриха III. Но, по просьбѣ своего брата, Карла Анжу, короля Неаполитанскаго, Людовикъ обратился сначала противъ Туниса, гдѣ и умеръ отъ заразы. Не смотря на то, Эдуардъ продолжалъ начатое дѣло и прибылъ въ Птолемаиду; но покушеніе ассасина на его жизнь и извѣстіе о смерти отца принудили его возвратиться въ Англію, прежде нежели онъ успѣлъ сдѣлать что-нибудь для Палестины.

Такъ кончились попытки западныхъ христіанъ освободить Гробъ господень; двадцать лѣтъ спустя по удаленіи Эдуарда, мамелюки овладѣли Птолемаидой (18 мая, 1291); другіе города, какъ Тиръ, Сидонъ и Беритъ сдались безъ сопротивленія; Тевтоны еще прежде удалились въ Пруссію; Тампліеры ушли во Францію; Іоанниты утвердились на о. Родосѣ, откуда въ XVI вѣкѣ они были вынуждены перейти на о. Мальту, и мусульмане изгнали окончательно западныхъ христіанъ изъ Палестины.

До какой степени всѣ оставались равнодушными къ участи св. Земли, о томъ можно судить по тщетнымъ усиліямъ Марина Санудо, въ началѣ XIV вѣка, побудить королей и папъ къ завоеванію Востока. Религіозное настроеніе прошло, внутреннія причины,

вызывавшія крестовые походы, ослабли, а научныя соображенія Санудо, его торговые и политическіе разсчеты были еще преждевременны для XIV столѣтія.

Іерусалимскіе короли:

I. **Готфридъ**. 1099—1100 (*первый* крестовый походъ).
II. **Балдуинъ I**. 1100—1118.
III. **Балдуинъ II**. 1118—1131.
IV. **Фулько Анжу**. 1131—1143.
V. **Балдуинъ III**. 1143—1162 (*второй* крестовый походъ).
IV. **Амальрикъ I**. 1162—1173.
VII. **Балдуинъ IV**. 1173—1185.
VIII. **Балдуинъ V**. 1185—1186.
IX. **Гвидо Лузиньянъ**. 1186—1192 (*третій* крест. походъ).
X. **Генрихъ Шампанскій**. 1192—1197.
XI. **Амальрикъ II Кипрскій**. 1197—1210 (*четверт*. кр. походъ).
XII. **Іоаннъ Бріеннь**. 1210—1225 (*пятый* крест. походъ).
XIII. **Фридрихъ II Гогеншт**. 1225—1250 (*шестой* крест. походъ).

I.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ИСТОРІЯ ІЕРУСАЛИМСКАГО КОРОЛЕВСТВА ДО ВЗЯТІЯ ЭДЕССЫ.

1095—1147 г.

1.—Настроеніе умовъ въ западной Европѣ, предъ началомъ крестовыхъ походовъ.

(Въ 1047 г.).

ПЯТЬ КНИГЪ

Исторіи своего времени,

отъ избранія Гуго Капета въ короли

до 1046 г. [1]).

Прологъ.

Величайшему изъ великихъ людей, Одилону, отцу аббату Клюньи [2]) —*Монахъ Радульфъ Глаберъ.*

Я часто раздѣлялъ справедливыя сожалѣнія трудолюбивой братіи нашего ордена и ваши собственныя о томъ, что никто изъ современниковъ не займется тѣмъ, чтобы передать какимъ-нибудь образомъ потомству многообразныя событія, которыхъ мы были свидѣтелями, какъ въ церкви господней, такъ и въ народѣ. Они совершались не для того, чтобъ быть предану забвенію, и Спаситель самъ объявилъ, что съ помощью Отца и при участіи св. Духа, Онъ не перестанетъ дѣйствовать въ мірѣ до послѣдняго часа послѣдняго дня. На пространствѣ 200 лѣтъ, а именно отъ священника Бэды (см. о немъ у насъ т. I, 440 и 564 стр.) въ Британіи, и Павла (см. о немъ у насъ т. I, 299 стр.) въ Италіи, не нашлось ни одного писателя, который попытался бы начертать исторію для потомства [3]).

---

[1]) Заглавіе въ оригиналѣ: *Glabri Radulphi, Cluniacensis monachi,* Historiarum sui temporis Libri V, ab electione Hugonis Capeti in regem, ad annum usque MXLVI.

[2]) См. о немъ у насъ т. II, стр. 488.

[3]) Изъ этихъ словъ видно, какъ темно было въ сознаніи людей XI вѣка все пространство времени отъ Карла В. до крестовыхъ походовъ; нашъ авторъ прямо переходитъ къ себѣ отъ Павла-Дьякона и ничего не знаетъ о массѣ историковъ, вошедшихъ въ нашъ второй томъ.

И эти два историка говорили только о своемъ собственномъ народѣ и отечествѣ. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что вся римская имперія (такъ въ Галліи называли Италію и Германію), заморскія страны (т.-е. востокъ) и земли варваровъ (т.-е. венгерскія и славянскія земли) представляли зрѣлище множества событій, которыя были бы весьма полезны для людей, если бы ихъ изложить, и послужили бы каждому прекраснымъ урокомъ благоразумія и осмотрительности. То же самое можно сказать о событіяхъ, которыя толпятся съ необычайною оживленностью около *тысячнаго* года отъ воплощенія Спасителя нашего Христа. По вашему совѣту и по желанію братіи, я хочу попытаться разсказать эти событія, ограничиваясь однимъ бѣглымъ очеркомъ прошедшихъ временъ; хотя семьдесятъ толковниковъ не совершенно согласны съ историческими книгами евреевъ относительно счисленія времени отъ сотворенія міра, но можно полагать съ полною увѣренностью, что 1002 годъ отъ воплощенія Слова совпадаетъ съ первымъ годомъ правленія Гейнриха (II, императора), короля саксовъ, и 1000 г. нашей эры соотвѣтствуетъ 13 году правленія Роберта (сына Гуго Капета), короля французовъ. Эти два государя считались въ свое время самыми благочестивыми и самыми могущественными на материкѣ. Первый же изъ нихъ, Гейнрихъ, получилъ даже римскую имперію; вотъ почему я избираю эпоху ихъ правленія, какъ самую опредѣленную, чтобы руководиться ею при означеніи времени. Впрочемъ, такъ какъ мнѣ предстоитъ обнять въ этомъ сочиненіи событія *всѣхъ четырехъ странъ свѣта* (на языкѣ того времени такъ обозначали всю римскую имперію въ древнихъ ея предѣлахъ), то я считаю своею обязанностью, особенно обращаясь къ лицамъ духовнымъ, предпослать своему труду, предпринимаемому во имя господне, нѣкоторыя подробности относительно таинственнаго ученія о *божественной четверицѣ* (divina quaternitas), ея отношеніяхъ и гармоніи.

Книга первая начинается потому объясненіемъ *четверицы*, т.-е. мистическаго значенія числа 4, которое, по замѣчанію автора, играетъ повсюду важную роль: такъ, существуютъ только 4 евангелія, 4 стихіи, 4 рѣки въ раю и т. д.; наконецъ 4 эпохи въ исторіи человѣчества: отъ сотворенія міра до потопа—царство разума; отъ потопа до Моисея—царство кротости; отъ Моисея до I. X.—царство силы; и отъ I. X. до времени автора—царство правды. За тѣмъ слѣдуетъ краткій очеркъ послѣднихъ событій исторіи Германіи и Италіи, послѣ чего авторъ заключаетъ свою первую книгу слѣдующимъ характеристическимъ разсужденіемъ о будущихъ судьбахъ міра, которыя въ ту эпоху занимали умы всѣхъ людей:

„Господь посвятилъ *шесть* дней на созданіе міра, и въ *седьмой* день опочилъ, по совершеніи своего подвига; точно также, въ теченіи *шести* вѣковъ, Онъ творилъ чудеса для назиданія ими человѣческаго рода; дѣйствительно, во всѣ предъидущіе вѣка постоянно встрѣчаются чудесныя знаменія, совершенныя предвѣчнымъ провидѣніемъ, до самаго времени, когда божество воплотилось въ человѣчествѣ, то-есть до шестого тысящелѣтія, къ которому принад-

лежитъ и наше время; полагаютъ теперь, что въ седьмомъ тысячелѣтіи труды міра должны покончиться для того, чтобы міръ также опочилъ отъ дѣлъ своихъ и нашелъ свой конецъ въ томъ, кто далъ ему существованіе".

Книга вторая посвящена изложенію событій исторіи Франціи отъ Гуго Капета до 1000 года.

Третья книга.

I. Около этого времени (т.-е. около 1000 года), венгры, жившіе на берегу Дуная, вмѣстѣ съ своимъ королемъ приняли христіанскую вѣру. Этотъ государь при своемъ крещеніи получилъ имя Стефана и сдѣлался весьма добрымъ католикомъ. Онъ женился на сестрѣ императора Гейнриха (II). Съ этого времени всѣ итальянскіе и гальскіе пилигримы, намѣревавшіеся посѣтить храмъ господень въ Іерусалимѣ, перестали ѣздить по морю, какъ прежде, и предпочитали проходить по владѣніямъ этого короля. Благодаря заботамъ Стефана, дорога сдѣлалась совершенно безопасна. Онъ принималъ всѣхъ, какъ братьевъ, и щедро одѣлялъ ихъ. Это обстоятельство побудило безчисленное множество знатныхъ и простыхъ людей предпринять странствованіе въ Іерусалимъ.

Конецъ этой главы составляетъ отступленіе по поводу войны Византіи съ южною Италіею; въ слѣдующей (II) главѣ, авторъ продолжаетъ исторію Франціи въ началѣ XI вѣка при Робертѣ; но съ третьей главы начинаются снова отступленія, по поводу кометы (III), возстановленія церквей по всему міру (IV), построенія монастырей (V), открытія мощей (VI), и наконецъ, въ гл. III, авторъ останавливается на одномъ хотя отдаленномъ событіи, но которое потрясло всѣхъ и указало на близость крестовыхъ походовъ.

VII. Въ это же время, а именно въ 1009 г. (вѣрнѣе: 1010 г.), церковь Іерусалимская, заключавшая въ себѣ гробницу Господа нашего Спасителя, была разрушена до основанія, по приказанію вавилонскаго владѣтеля (Гакемъ, калифъ Египта). Теперь сдѣлались извѣстны причины этого печальнаго событія. Вотъ, какъ началось это: изумительное стеченіе вѣрующихъ со всѣхъ концовъ земли въ Іерусалимъ, желавшихъ узрѣть священный памятникъ, оставленный Спасителемъ на землѣ, привело въ зависть дьявола, который рѣшился и на этотъ разъ обратиться къ евреямъ, своему любимому народу, и излить ядъ своей злобы на служителей истинной религіи. Въ королевскомъ городѣ Орлеанѣ жило большое число евреевъ, еще болѣе завистливыхъ, гордыхъ и дерзскихъ, нежели весь остальной ихъ народъ. Совѣщавшись вмѣстѣ о своемъ преступномъ замыслѣ, они подкупили за деньги какого-то бродягу, по имени Роберта, бѣглаго раба изъ монастыря св. Маріи въ Мутье, который, переодѣвшись въ другую одежду, скрывался; евреи отправили его тайно къ владѣтелю Вавилона (т.-е. Каира) съ письмами на еврейскомъ языкѣ; они тщательно вложили ихъ въ его посохъ и прибили гво́здиками, изъ опасенія, чтобы они случайно не выпали. Посланный отправился и передалъ порученіе въ руки владѣтеля. Это было дѣло самое вѣро-

ломное и злодѣйское: они предупреждали калифа, говоря, что, если онъ не разрушитъ священный храмъ христіанъ, то христіане вскорѣ овладѣютъ его государствомъ и лишатъ его всѣхъ почестей. Прочтя это, владѣтель Вавилона пришелъ въ ярость и отправилъ въ Іерусалимъ воиновъ съ приказаніемъ разрушить храмъ до основанія. Его воля была исполнена въ точности, и клевреты его пытались даже разбить молотомъ самую гробницу, но ихъ усилія были тщетны. Въ то же время, они срыли въ Рамлѣ церковь блаженнаго мученика св. Георгія, бывшаго прежде страхомъ сарацинъ, ибо, говорятъ, онъ поражалъ ихъ зрѣніе всякій разъ, когда они намѣревались овладѣть церковью и ограбить ее. Нѣсколько времени спустя, узнали навѣрное, что въ томъ бѣдствіи виновна злоба евреевъ, и когда тайна ихъ обнаружилась, всѣ христіане рѣшили единодушно изгнать евреевъ до послѣдняго человѣка изъ своихъ земель и городовъ. Такимъ образомъ, они сдѣлались предметомъ всеобщаго отвращенія. Одни изъ нихъ были изгнаны, другіе умерщвлены мечемъ, потоплены въ водѣ, или преданы всякаго рода пыткамъ. Многіе рѣшились на самоубійство; такъ что въ слѣдствіе такой справедливой мести, во всемъ римскомъ мірѣ едва насчитывали нѣсколько человѣкъ изъ евреевъ. Предписанія епископовъ запрещали христіанамъ всякую торговлю съ ними. Отъ такого приговора освобождались только тѣ евреи, которые изъявили желаніе обратиться къ благодати крещенія и совершенно отречься отъ еврейскихъ обычаевъ. Многіе подчинились этому условію, но болѣе по любви къ земной жизни и изъ страха смерти, нежели въ надеждѣ вкусить радость вѣчной жизни; ибо всѣ тѣ, которые домогались тогда съ ложною ревностью такой благодати, вскорѣ самымъ безстыднымъ образомъ возвратились къ своимъ древнимъ заблужденіямъ [1]).

Эти примѣры правосудія не должны были внушить мысли о безопасности посланному Роберту, когда онъ возвратился на родину. Однако, онъ началъ заботливо отыскивать, не встрѣтится ли ему кто нибудь изъ его соучастниковъ. Онъ нашелъ въ Орлеанѣ весьма небольшое число, да и тѣ жили въ постоянной тревогѣ; съ ними Робертъ вступилъ въ прежнія отношенія. Но одинъ чужеземецъ, сдѣлавшій съ нимъ всю дорогу и знавшій хорошо цѣль его путешествія, случайно явился въ Орлеанъ; замѣтивъ тѣсную дружбу Роберта съ евреями, онъ немедленно объявилъ всѣмъ о томъ преступномъ порученіи, которое было возложено на этого презрѣннаго человѣка, цѣною денегъ евреевъ. Его немедленно схватили, наказали розгами немилосердно, и онъ самъ признался въ своемъ преступленіи. Королевскіе служители вытащили его за городъ, и тамъ на глазахъ всего народа бросили въ пламя, гдѣ онъ и сгорѣлъ. Между тѣмъ, евреи, пережившіе ту катастрофу, сначала блуждали и бѣгали изъ одного мѣста въ другое, скрываясь въ отдаленныхъ убѣжищахъ; но вскорѣ,

---

[1]) Это сказаніе, если и не имѣетъ никакого историческаго основанія, то во всякомъ случаѣ оно весьма важно, какъ объясненіе той ужасной роли, которая досталась на долю евреевъ во время крестовыхъ походовъ.

лѣтъ пять спустя послѣ разрушенія храма, они начали снова появляться небольшими группами въ городахъ; необходимо, чтобы нѣсколько ихъ всегда оставалось на землѣ; пусть они служатъ живымъ доказательствомъ того срама и преступленія, съ которымъ они пролили божественную кровь Христа; вотъ почему божеское правосудіе пріостановило на время раздраженіе христіанъ противу нихъ. Какъ бы то ни было, по божественной благости, мать вавилонскаго князя, Марія, бывшая ревностною христіанкой, приказала въ тотъ же годъ выстроить изъ ровныхъ и обтесанныхъ камней храмъ, разрушенный ея сыномъ. Говорятъ, что ея мужъ, отецъ вавилонскаго князя, какъ второй Никодимъ, въ тайнѣ исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Съ того времени можно было видѣть, какъ безчисленныя толпы вѣрующихъ торжественно стекались со всѣхъ сторонъ въ Іерусалимъ, и охотно дѣлали пожертвованія для возстановленія храма божія.

Послѣ новаго отступленія въ VIII главѣ объ ереси, появившейся въ Орлеанѣ въ 1017 году (см. переводъ этой главы у насъ, во II т. 884 стр.), авторъ въ IX и послѣдней главѣ возвращается къ главному предмету и говоритъ о семейныхъ несогласіяхъ при дворѣ Роберта, распущенности нравовъ и внутреннихъ междоусобіяхъ.

Четвертая книга содержитъ въ первой главѣ разсказъ о переговорахъ папъ съ византійскимъ дворомъ о супрематіи; далѣе говорится о новой ереси въ Италіи (II), о появившемся обманщикѣ, который продавалъ простыя кости вмѣсто мощей (III); о страшномъ голодѣ 1033 года (IV) (эта глава помѣщена у насъ въ т. II, стр. 887); о заботахъ церкви вслѣдствіе того прекратить насилія учрежденіемъ „Божьяго-мира", и о новомъ паденіи нравовъ въ половинѣ XI столѣтія, которое повлекло за собою внутренніе безпорядки и увеличеніе числа пилигримовъ (V).

VI. Въ то же самое время шли безчисленныя толпы со всѣхъ концовъ міра для посѣщенія св. Гроба Спасителя въ Іерусалимѣ. Никогда не повѣрили бы прежде, что это мѣсто произведетъ такое изумительное стеченіе народа. Сначала отправлялся туда простой народъ, потомъ зажиточные люди; далѣе, могущественные короли, графы, маркизы, прелаты; наконецъ, чего прежде не бывало, странствованіе предпринимали многія женщины, богатыя и бѣдныя; встрѣчались и такіе люди, которые желали лучше умереть тамъ, нежели возвратиться на родину. Бургундецъ, по имени Ліутбальдъ, изъ земли Отюна, совершилъ пилигримство въ сопровожденіи большого числа людей. Когда онъ узрѣлъ святое мѣсто, достигнувъ высоты Масличной горы, откуда Господь поднялся на небо въ виду многочисленныхъ и достовѣрныхъ свидѣтелей, обѣщая придти судить живыхъ и мертвыхъ, онъ палъ на землю ницъ и распростеръ руки въ формѣ креста. Проливая потоки слезъ, Ліутбальдъ чувствовалъ, что его душа наполняется невыразимымъ восторгомъ, приближающимъ его къ Богу. Нѣсколько времени спустя, ставъ на ноги, онъ протянулъ руки къ небу, стараясь удержаться на мѣстѣ, и выразилъ въ слѣдующихъ словахъ желаніе своего сердца: „Господи Іисусе,—говорилъ онъ,—ты удостоилъ насъ снизойти съ высоты своего величія на землю для спасенія людей; ты съ этихъ мѣстъ, представляющихся моему взору,

оставилъ міръ въ видѣ человѣка, чтобы возвратиться на небеса, откуда пришелъ; молю тебя именемъ твоей могущественной благодати, дозволь мнѣ не удаляться отсюда, если моя душа должна въ этомъ же году разлучиться съ тѣломъ; я желаю умереть въ виду тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями твоего вознесенія: какъ мое тѣло слѣдовало по твоимъ стопамъ, идя на посѣщеніе твоей гробницы, такъ можетъ быть и душа будетъ имѣть счастіе безпрепятственно послѣдовать за тобою въ рай." Послѣ этой молитвы онъ возвратился вмѣстѣ съ спутниками къ своему хозяину. Пошли обѣдать. Всѣ сѣли за столъ; но онъ съ удовольствіемъ легъ на постель для отдыха, ибо, казалось, имъ овладѣвалъ сонъ. Дѣйствительно, онъ вскорѣ и заснулъ. Неизвѣстно, что ему представилось, но онъ внезапно закричалъ: „Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ!" Спутники, услышавъ то, хотѣли разбудить его, чтобы поѣсть вмѣстѣ съ нимъ; но онъ отказался, повернулся на другую сторону и началъ жаловаться на недугъ. Такъ онъ оставался лежать до вечера. Тогда онъ подозвалъ къ себѣ спутниковъ, пріобщился въ ихъ присутствіи животворящихъ таинъ, кротко простился со всѣми и отдалъ свою душу Богу. Безъ сомнѣнія, такой человѣкъ предпринялъ свое путешествіе въ Іерусалимъ не изъ тщеславія, какъ многіе другіе, которые идутъ, чтобы по возвращеніи гордиться тѣмъ; а потому Богъ Отецъ не отказалъ ему въ милости, которую онъ просилъ именемъ его Сына Іисуса. Я получилъ всѣ эти подробности изъ устъ самихъ спутниковъ Ліутбальда, которые мнѣ разсказывали то, во время моего пребыванія въ монастырѣ Бэзъ.

Около того же времени, Одальрикъ, епископъ Орлеана, находившійся въ Іерусалимѣ, былъ свидѣтелемъ одного чуда, о которомъ онъ сообщилъ мнѣ, и которое стоитъ быть помѣщеннымъ здѣсь. Въ день великой Субботы, когда весь народъ собирается, ожидая огня, который нисходитъ чуднымъ образомъ по дѣйствію божественной благодати, и онъ присутствовалъ при этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ другими. День склонялся уже къ вечеру; вдругъ, въ то время, когда надѣялись, что немедленно появится огонь, какой-то сарацинъ изъ среды невѣрныхъ, которые всякій разъ стекались толпою на это зрѣлище, закричалъ: *Agios, kyrie eleison* — слова, которыя христіане пѣли тотчасъ, когда появлялся огонь. Послѣ того, этотъ безстыдникъ началъ хохотать во все горло, вырвалъ изъ рукъ христіанина свѣчку, которую тотъ держалъ, и бросился бѣжать. Но имъ овладѣлъ нечистый духъ, и онъ началъ испытывать страшныя мученія. Христіанинъ преслѣдовалъ его и отнялъ у него свѣчку; а сарацинъ среди жестокихъ мукъ умеръ немедленно на рукахъ своихъ единовѣрцевъ. Этотъ случай внушилъ справедливый ужасъ невѣрнымъ, и сдѣлался предметомъ великой радости для христіанъ. Въ ту же минуту, проявилась божественная благодать: огонь показался на одной изъ семи лампадъ, повѣшенныхъ въ томъ мѣстѣ, и быстро воспламенилъ остальныя. Епископъ Одальрикъ купилъ одну лампаду у Іордана, патріарха іерусалимскаго, вмѣстѣ съ священнымъ масломъ, за одинъ фунтъ золота. Онъ принесъ ее въ Орлеанъ для украшенія своей церкви, гдѣ она оказывала много пользы больнымъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ епископъ представилъ королю Роберту значительный кусокъ досточтимаго креста Спасителя. Константинъ императоръ грековъ прислалъ этотъ подарокъ вмѣстѣ съ большимъ числомъ одеждъ, все изъ шелка, королю французовъ, отъ котораго онъ самъ получилъ чрезъ посредство того же епископа мечъ съ золотою рукояткою и ящикъ изъ того же меттала съ богатѣйшими камнями.

Къ числу іерусалимскихъ странниковъ слѣдуетъ также отнести Роберта, герцога Нормандіи, который отправлялся въ путь съ большимъ числомъ своихъ подданныхъ, неся съ собою богатые подарки золотомъ и серебромъ для раздачи по дорогѣ. На обратномъ пути, онъ умеръ въ городѣ Никеѣ (1035 г.), гдѣ его и похоронили. Смерть его поразила невыразимою печалью всѣ подвластные ему народы. Особенно сожалѣли о томъ, что онъ не оставилъ послѣ себя законныхъ дѣтей для управленія страною. Робертъ былъ женатъ на сестрѣ Канута, короля англовъ, но она сдѣлалась ему до того ненавистна, что онъ удалилъ ее. Между тѣмъ, онъ имѣлъ сына отъ наложницы, названнаго Вильгельмомъ (Завоеватель) по имени его дѣда. Предъ отправленіемъ въ странствованіе, Робертъ принудилъ всѣхъ князей своего герцогства дать воинскую клятву, которою они обязывались признать своимъ государемъ его побочнаго сына, если его постигнетъ смерть на дорогѣ. Дѣйствительно, они единодушно сдержали данное слово, получивъ на то согласіе Гейнриха (I), короля французовъ. Мы уже и прежде замѣчали, что норманны, со времени прибытія своего въ Галлію, имѣли почти всегда государей, рожденныхъ, какъ и Вильгельмъ, внѣ брака. Впрочемъ, не слѣдуетъ слишкомъ порицать этотъ обычай, если вспомнить, что дѣти наложницъ Іакова, не смотря на свое рожденіе, наслѣдовали вполнѣ достоинства отца, какъ и остальные ихъ братья, и пользовались титуломъ патріарховъ. Не слѣдуетъ также забывать, что и во времена имперіи, Елена, мать перваго римскаго императора, была также наложницею.

Нѣкоторые начали безпокоиться, видя такое изумительное стеченіе народовъ у св. Гроба въ Іерусалимѣ, и всякій разъ, когда ихъ спрашивали о причинѣ такого неслыханнаго стремленія, они благоразумно отвѣчали, что это вѣрный знакъ, предвѣщающій появленіе презрѣннаго антихриста, котораго люди ожидаютъ къ концу вѣковъ, какъ-то предсказано въ св. Писаніи, и что всѣ народы стремятся на Востокъ, его родину, чтобы выступить на-встрѣчу ему. Такъ должно исполниться предсказаніе Господа: „Тогда и избранные, если возможно, будутъ прельщены (Матв. 24, 24)". Впрочемъ, я не намѣренъ, говоря такъ, отрицать, что вѣрные не должны получить отъ верховнаго судіи награды за ихъ благочестивое странствованіе [1]).

---

[1]) Эти слова нашего автора доказываютъ, что еще предъ началомъ крестовыхъ походовъ въ обществѣ проявлялась имъ оппозиція, и дѣйствительно въ XI столѣтіи начали издаваться постановленія, запрещавшія отправляться въ Палестину.

Слѣдующія двѣ небольшія главы посвящены (VII и VIII) описанію войны христіанъ съ невѣрными въ Африкѣ, и—похода противъ языческихъ леттовъ на сѣверѣ.

IX. Въ томъ же 1000 году (авторъ считаетъ время не отъ Р. Х., а отъ распятія: слѣдовательно 1000 годъ соотвѣтствуетъ 1033 году обыкновенной эры), 29 іюня, въ 28-й день луны, произошло страшное затмѣніе солнца, которое продолжалось отъ шестого до восьмого часа дня. Солнце получило желтоватый цвѣтъ, и сверху, казалось, имѣло видъ послѣдней четверти луны. Лица всѣхъ были блѣдны, какъ смерть, и всѣ предметы сдѣлались желтоватыми, какъ шафранъ. Изумленіе и страхъ наполнили сердца всѣхъ, и при видѣ такого предзнаменованія ожидали съ ужасомъ какого нибудь событія, весьма печальнаго для рода человѣческаго. Дѣйствительно, въ тотъ самый день, то-есть въ день рожденія апостоловъ, римскіе вельможи, образовавъ союзъ противъ папы, явились въ церковь св. Петра, чтобы умертвить его. Имъ не удалось исполнить своего кроваваго замысла, но за то они успѣли лишить папу престола. Императоръ, прибывъ въ Италію для наказанія дерзости римлянъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, возстановилъ первосвятителя въ его достоинствѣ. Въ это время, во всей вселенной, какъ въ церкви, такъ и въ мірѣ, господствовало презрѣніе къ законамъ и правосудію. Всѣ предавались самымъ грубымъ увлеченіямъ страстей. Никто не могъ быть ни въ чемъ увѣренъ: честность, эта твердая основа всего добраго, не признавалась никѣмъ. Такъ что нельзя болѣе сомнѣваться, что земные грѣхи скоро утомятъ небо, и по слову пророка (Ос. IV, 2), неправда народовъ умножилась до того, что дѣлали убійства за убійствами. Порокъ вошелъ въ честь у всѣхъ классовъ въ государствѣ. Спасительныя мѣры непреклонной строгости пришли въ забвеніе, и къ нашимъ народамъ можно было, по справедливости, отнести извѣстныя слова апостола (I къ Коринѳ. ап. Павла, V. 1): „Есть вѣрный слухъ, что у васъ завелось блудодѣяніе, и такое блудодѣяніе, какого не слышно даже у язычниковъ". Безстыднѣйшая корысть овладѣла сердцами всѣхъ; вѣра потрясена, и отсюда проистекли самые постыдные пороки, срамота, убійства, ослѣпленная борьба страстей, грабежъ и блудъ. О, небо! кто повѣритъ тому? никто не рѣшился бы произнести надъ собою приговора, а между тѣмъ, никому не приходило на мысль отказаться отъ преступныхъ дѣлъ.

Четыре года спустя (ошибка: шесть лѣтъ спустя) произошло снова солнечное затмѣніе, 22 августа, въ шестомъ часу, въ двадцать-восьмой день луны, по обыкновенію. Въ томъ же году умеръ Конрадъ (II), императоръ римлянъ, въ Саксоніи. Его сынъ Гейнрихъ (III), носившій еще при немъ титулъ короля, управлялъ имперіею послѣ него. Вильгельмъ, графъ Поатье, получивъ за деньги свободу у Готфрида, сына Фулько, прозваннаго *Молотомъ*, который взялъ его въ плѣнъ на полѣ битвы и держалъ у себя три года, возвратился въ свои владѣнія и умеръ въ томъ же году. Гуго епископъ Оксерра, знаменитый человѣкъ, окончилъ также свою жизнь. Райнольдъ,

графъ того же города, сынъ графа Ландри, женатый на дочери короля Роберта, человѣкъ отважный, палъ жертвою отъ руки одного рыцаря ничтожнаго происхожденія, который умертвилъ его. Этотъ убійца, справедливо опасаясь заплатить жизнью за свое преступленіе, воспользовался остаткомъ дней своихъ, чтобы основать въ честь Спасителя аббатство, въ которомъ онъ былъ погребенъ, и которое было имъ отдано въ вѣчное владѣніе монастырю блаженнаго и св. Германа. Наконецъ, графъ Анжера, Фулько, совершивъ троекратное странствованіе въ Іерусалимъ, умеръ по возвращеніи въ Метцѣ. Его тѣло было перенесено и погребено съ почестями въ монастырѣ Лошъ, котораго онъ былъ основателемъ (1040 г.).

Пятая книга.

I. Среди превратностей и разнообразныхъ событій, непостоянство которыхъ ослѣпляло взоры, поражало и утомляло умы всѣхъ людей, духъ злобы нерѣдко являлся людямъ. Весьма часто плодомъ такихъ неожиданныхъ посѣщеній были полезныя откровенія.

Какой-то монахъ увидѣлъ ночью, въ часъ, когда звонятъ къ заутренѣ, отвратительное существо, вступившее съ нимъ въ разговоръ и дававшее ему слѣдующіе совѣты: „Зачѣмъ вы, монахи, налагаете на себя такія бдѣнія, посты, лишенія, молитвы и тысячи другихъ униженій въ противность обычаямъ прочихъ людей? Не думаете-ли вы, что то безчисленное множество свѣтскихъ, упорствующихъ до конца своей жизни во всевозможныхъ увлеченіяхъ, наслѣдуютъ вслѣдствіе того менѣе вѣчную жизнь, на которую вы дѣлаете притязанія? Одного дня, одного часа достаточно для пріобрѣтенія блаженства, которое вы ожидаете въ награду за ваши добродѣтели. Вотъ, напримѣръ, ты: я не могу довольно изумляться, съ какою заботою ты соскакиваешь съ своей постели при первомъ знакѣ, съ какою рѣшимостью ты вырываешься изъ объятій сна, не смотря на то, что ты могъ бы вкушать сладость покоя до третьяго удара колокола. Я хочу сообщить тебѣ чудесную тайну. Я оказываю тѣмъ плохую услугу своему дѣлу, но моя нескромность можетъ быть полезна тебѣ. Знай, что ежегодно, въ тотъ день, когда Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, далъ новую жизнь человѣческому роду, онъ выводитъ изъ тартара всѣ души, населяющія его, и переселяетъ ихъ въ горніе предѣлы. Итакъ, вамъ нечего бояться; вы можете удовлетворять въ полной безопасности своимъ наклонностямъ, страстямъ и чувственности“. Таковы были вѣроломныя слова, которыми дьяволъ-искуситель пытался обмануть добраго монаха, и онъ успѣлъ своимъ коварствомъ обольстить его до того, что онъ пропустилъ одно утро и не явился въ собраніе братій. Относительно же клеветы, которую произнесъ дьяволъ по поводу воскресенія Спасителя, то опроверженіемъ сему служатъ самыя слова св. Евангелія (Матв. 27, 52): „И *многія* тѣла святыхъ усопшихъ воскресли“. Сказано: *многія*, но Евангеліе не говоритъ *всѣ*; и католическая религія исповѣдуетъ то же ученіе. Если же самые наглые демоны могутъ иногда, по закону божественной пре-

мудрости, возвѣщать истину, то при этомъ все, что они говорятъ отъ себя, остается ложью и обманомъ; если ихъ предсказанія сбываются отчасти, то потому что ихъ появленіе не совсѣмъ безполезно для людей, особенно, когда Провидѣніе позаботится устранить дѣйствіе ихъ козней.

Не такъ давно, я самъ по милости божьей имѣлъ подобныя же видѣнія. Когда я жилъ еще въ монастырѣ св. Легерія мученика, называемомъ также аббатствомъ Шампо, предо мною явилось ночью до заутрени у кровати маленькое и отвратительное чудовище, едва имѣвшее подобіе человѣка. Насколько я могъ разсмотрѣть, оно было небольшого роста, съ длинною и тощею шеей, испитымъ лицомъ, черными глазами; лобъ морщинистый и узкій, плоскій носъ, огромный ротъ, толстыя губы, подбородокъ короткій и заостренный, козлиная бородка, уши прямыя и острыя, волоса грязные и торчащіе, собачьи зубы, затылокъ съуживающійся, выдающаяся грудь, горбъ на спинѣ, отвислый задъ и грязная одежда; все его тѣло казалось въ судорожномъ движеніи. Чудовище схватилось за край кровати, гдѣ я лежалъ, страшно потрясло ее и начало кричать: „Ты не долго останешься здѣсь“. Я проснулся въ ужасѣ и увидѣлъ предъ собою ту фигуру, которую я описалъ. Коварный щелкалъ зубами, повторяя: „Ты не долго останешься здѣсь“. Я соскакиваю съ кровати; бѣгу въ монастырь; распростираюсь у подножія алтаря св. отца Бенедикта и пораженный страхомъ долго остаюсь въ такомъ положеніи. Тогда я началъ перебирать тщательно въ моей памяти всѣ прегрѣшенія и тяжкіе проступки, совершенные мною съ дѣтства или по невниманію, или по дурнымъ наклонностямъ. Я припомнилъ со страхомъ особенно то обстоятельство, что до тѣхъ поръ я тоже никогда не приносилъ покаянія изъ любви къ Господу или изъ страха предъ его правосудіемъ. Я былъ глубоко смущенъ и вмѣсто молитвы могъ обратиться къ Богу только съ слѣдующими словами: „Господи Іисусе, пришедшій спасти всѣхъ грѣшныхъ, сжалься надо мною по твоему безконечному милосердію“. Впрочемъ, я не боюсь теперь исповѣдать, что не только мои родители развили во мнѣ склонность къ грѣху, но и мой собственный характеръ былъ непреклоненъ, а мое поведеніе было въ высшей степени преступно. Я имѣлъ дядю монаха, который силою вырвалъ меня изъ суеты мірской жизни, соблазнявшей меня болѣе другихъ. Мнѣ было почти двадцать лѣтъ, когда я облекся въ монашескую одежду.

Но, увы, съ принятіемъ этой одежды, я не измѣнилъ сердца: всякій разъ, когда мои духовные отцы и братья давали мнѣ мудрые совѣты, внушаемые святою благодатью, духъ мой раздувался строптивою гордынею и становился щитомъ противъ спасительныхъ увѣщаній. Чувствуя себя неловкимъ со старцами, лишнимъ для монаховъ моего возраста, и обременительнымъ для молодыхъ, я сознавалъ всегда, что мое присутствіе всѣхъ стѣсняетъ, а отсутствіе радуетъ. Всѣ эти причины и нѣкоторыя другія побудили братію монастыря св. Легерія изгнать меня изъ своей общины; впрочемъ они знали, что мои литературныя свѣдѣнія, извѣстныя имъ лично, доставятъ мнѣ легкое убѣжище повсюду.

Когда я былъ помѣщенъ впослѣдствіи въ монастырѣ св. Бенигна, мученика, въ Дижонѣ, подобный же дьяволъ, или скорѣе тотъ же самый, явился мнѣ въ опочивальнѣ братіи. Это было на разсвѣтѣ. Онъ вышелъ изъ отхожаго мѣста и началъ кричать: «Гдѣ мой ученикъ? гдѣ это, мой ученикъ?» На слѣдующій день, почти въ томъ же часу молодой монахъ легкомысленнаго характера, по имени Теодорикъ, убѣжалъ изъ монастыря, бросилъ монастырскую одежду и вступилъ на нѣкоторое время въ свѣтъ. Впрочемъ, послѣ его сердце почувствовало раскаяніе, и онъ возвратился къ тому святому порядку, отъ котораго бѣжалъ.

Третій случай произошелъ, когда я находился въ монастырѣ Мутье, посвященномъ блаженной Маріи Приснодѣвѣ. Ночью, когда ударили къ заутренѣ, я не проснулся тотчасъ, какъ-то слѣдовало бы, ибо я былъ утомленъ, не помню, какой-то работой наканунѣ; впрочемъ, услышавъ знакъ, я поднялся. Нѣкоторые изъ братіи, не могшіе избавиться отъ дурныхъ привычекъ, остались со мною, тогда какъ другіе побѣжали въ церковь. Едва эти послѣдніе оставили опочивальню, какъ дьяволъ, запыхавшись, поднялся по лѣстницѣ и прислонясь къ стѣнѣ и заложивъ руки за спину, повторилъ два или три раза: „Я, я останусь съ тѣми, которые остаются“. Этотъ голосъ меня разбудилъ; я поднялъ голову и узналъ того дьявола, который являлся мнѣ уже два раза. Три дня спустя одинъ изъ братіи, имѣвшій привычку оставаться спокойно въ постели, уступая внушеніямъ дьявола, осмѣлился выйти изъ монастыря и оставался 6 дней съ мірянами, раздѣляя съ ними ихъ бурную жизнь; но въ седьмой день его взяли и привели въ монастырь. Впрочемъ, такъ какъ подобныя явленія, по свидѣтельству св. Григорія, извѣщаютъ однихъ о ихъ погибели, а другимъ служатъ предостереженіемъ для измѣненія образа жизни, то да обратятся посланныя мнѣ видѣнія на спасеніе моей души. Вотъ о чемъ я прошу въ своихъ молитвахъ Іисуса нашего Спасителя и нашего Искупителя. Но одно обстоятельство заслуживаетъ обращенія на себя вниманія потомства; а именно, всякій разъ, когда кто нибудь имѣлъ видѣніе злыхъ или добрыхъ духовъ, за этимъ чудомъ слѣдовала его смерть, для которой то видѣніе служило предзнаменованіемъ. Въ доказатество того я могу представить тысячи примѣровъ; но достаточно разсказать нѣкоторые, чтобы убѣдить людей въ подобномъ случаѣ быть весьма внимательными и не впасть въ обманъ.

Весь конецъ этой главы и посвященъ примѣрамъ видѣній, за которыми слѣдовала смерть. Послѣдующія же главы (II—V) этой книги заключаютъ въ себѣ отрывочные разсказы о внутреннихъ междоусобіяхъ при королѣ Гейнрихѣ I, о новомъ солнечномъ затмѣніи, с несогласіяхъ въ епископіи Ліонской, по поводу смерти епископа Бургарда; и въ заключеніе приводится эдиктъ Гейнриха I противъ симоніи, и упоминается о вступленіи на папскій престолъ Григорія VI, въ 1044 году. На этомъ послѣднемъ событіи останавливается трудъ автора.

Монахъ Радульфъ Глаберъ.

Historiarum sui temporis Libri V.

О жизни Радульфа Глабера, его сочиненіяхъ, ихъ изданіяхъ и переводахъ см. выше т. II, стр. 889. Въ последней, пятой книгѣ авторъ самъ приводитъ нѣкоторыя черты изъ своей жизни, дополняющія нашъ очеркъ.

2.—Палестина передъ началомъ крестовыхъ походовъ и Петръ Пустынникъ.

(Между 1170 и 1184 гг.).

НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРІЯ ДѢЯНІЙ,

совершившихся въ странахъ заморскихъ, отъ времени преемниковъ Магомета до года отъ воплощенія Господня 1184, написанная преподобнымъ Вильгельмомъ Тирскимъ архіепископомъ.

Прологъ.

Вильгельмъ, божескимъ милосердіемъ, святой Тирской церкви недостойный служитель, преподобнымъ во Христѣ братіямъ, до которыхъ дойдетъ настоящій трудъ, желаетъ вѣчнаго о Господѣ спасенія!

Никто изъ людей благоразумныхъ не усомнится въ томъ, что описывать дѣянія королей и опасно, и весьма рисковано (grandi plenum alea). Помимо работъ, усилій, безсонныхъ ночей, съ которыми бываетъ сопряженъ трудъ подобнаго рода, историку угрожаютъ еще пропасти съ обѣихъ сторонъ, и едва ли кому удастся избѣгнуть одной, безъ того, чтобы не попасть въ другую: уйдя отъ Харибды, онъ встрѣтится съ Сциллою, которая, будучи опоясана собачьими головами, умѣетъ не хуже первой подвергнуть крушенію. Историкъ или стремится изслѣдовать истину содѣяннаго и такимъ образомъ разжигаетъ ненависть къ себѣ во многихъ; или, желая избѣгнуть неудовольствія, умалчиваетъ о цѣломъ рядѣ событій; но это уже порокъ, ибо стараться обойти истину и имѣть намѣреніе скрыть ее признаётся противнымъ обязанностямъ историка. Отступить же отъ обязанностей, безъ всякаго сомнѣнія, значитъ впасть въ вину, если только справедливо разумѣютъ подъ обязанностью такую дѣятельность лица, которая вполнѣ согласуется съ обычаями и постановленіями отечества. Но изслѣдовать дѣянія, не искажая ихъ и не отступая отъ правилъ истины, значитъ, всего чаще, вызывать негодованіе, какъ то выражено въ старинной поговоркѣ: „Друзей — угодливость, а истина враговъ родитъ". Итакъ, историку предстоитъ или

отступить отъ обязанностей своего призванія, выказывая недостойную угодливость, или, преслѣдуя истину, ему придется вызвать ненависть, матерью которой и бываетъ истина. Вотъ тѣ двѣ опасности, которымъ подвергаются историки, и которыя поочереди преслѣдуютъ ихъ. И нашъ Цицеронъ выразился такъ по этому предмету: „Тяжела истина, ибо изъ нея рождается ненависть, эта отрава дружбы; но еще болѣе тяжела угодливость, снисходительная къ пороку, ибо она ввергаетъ друзей въ пропасть"; эти слова, очевидно, относятся къ тому, кто изъ угодливости, противъ долга и обязанности, скрываетъ истину. Если же кто, льстя другому, безстыдно примѣшиваетъ къ случившемуся ложь, то такой поступокъ считается до того унизительнымъ, что подобный историкъ не долженъ быть допускаемъ въ число писателей. Утаивать истину дѣяній непозволительно и противно обязанностямъ писателя; тѣмъ болѣе грѣшно пятнать истину ложью, и ложное передавать легковѣрному потомству. Есть еще одна и даже болѣе ужасная опасность, которой должно избѣгать всѣми силами тѣмъ, которые пишутъ исторію: а именно, они обязаны не допускать, чтобы сухость рѣчи в бѣдность содержанія унизили достоинство дѣяній. Слово должно соотвѣтствовать дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, и языкъ писателя не долженъ отставать отъ возвышенности предмета. Потому слѣдуетъ весьма опасаться, чтобы богатство содержанія не утратило чего отъ скудости изложенія, и чтобы неумѣнье разсказчика не сдѣлало ничтожнымъ и вялымъ того, что само по себѣ важно и полновѣсно. По словамъ [1]) нашего знаменитаго оратора (т.-е. Цицерона), въ его первой *Книгѣ Тускуланскихъ бесѣдъ* (гл. 3), „взять на себя облеченіе въ литературную форму своихъ размышленій и не умѣть ни расположить ихъ, ни отдѣлать, ни обставить интересно для читателя, можетъ одинъ человѣкъ, невоздержный на досугъ и писательство".

Повидимому, и намъ въ настоящемъ трудѣ предстоитъ и та же дилемма, и тѣ же многообразныя опасности. Въ томъ, что у насъ теперь лежитъ подъ руками, мы сказали многое о нравахъ королей (т.-е. іерусалимскихъ), ихъ жизни, привычкахъ; иное въ этомъ заслуживаетъ похвалу, иное вызываетъ осужденіе, но мы говорили обо всемъ подъ рядъ: быть можетъ, ихъ преемники прочтутъ то съ неудовольствіемъ и нападутъ незаслуженнымъ образомъ на бытописателя, обвиняя его въ зависти и лжи, но, видитъ Богъ, мы избѣгаемъ всего подобнаго, какъ язвы. Зато мы не будемъ оправдываться, если насъ обвинятъ въ томъ, что мы имѣли безстыдство принять на себя трудъ не подъ силу, и что наша рѣчь не довольно достигла уровня событій; тѣмъ не менѣе однако мы сдѣлали кое-что. Люди, слабые въ живописи и не посвященные въ таинства искусства, обозначаютъ только одинъ контуръ (prima liniamenta) и сначала наводятъ фонъ (luteos colores substernere); за тѣмъ рука мастера отдѣлываетъ начисто; подобно тому и мы употребили весь нашъ трудъ на то, чтобы

---

[1]) На эти же слова ссылается Эгингардъ въ гл. I, «Жизнь Карла В.»; см. у насъ т. II, стр. 12.

заложить фундаментъ, на которомъ болѣе искусный архитекторъ, соблюдая всѣ правила истины, отъ которыхъ и мы ни въ чемъ не отступали, выведетъ красивое зданіе. Конечно, среди стольких затрудненій и двойныхъ опасностей было бы безопаснѣе успокоиться, смолчать и положить на отдыхъ свое перо; но тутъ является настоятельная любовь къ отечеству, за которое честный человѣкъ, если только того потребуетъ необходимость, обязанъ пожертвовать жизнью. Эта самая любовь съ свойственною ей силою и требуетъ отъ насъ, чтобы мы не допустили овладѣть забвенію тѣмъ, что у насъ совершилось въ послѣднія почти сто лѣтъ, и что оставалось подъ спудомъ молчанія; мы должны все это, тщательно обработавъ, передать памяти потомства. Итакъ, мы повиновались и приложили свою руку къ труду, отъ котораго не могли отказаться безъ оскорбленія своей чести; мы не много думали о томъ, что скажетъ о насъ потомство, и чего заслужитъ наша ничтожная рѣчь о такомъ великомъ предметѣ. Дай Богъ, чтобы мы повиновались съ успѣхомъ, равнымъ нашей охотѣ, и столь же достойно, сколько благоговѣйно! Мы болѣе принимали въ разсчетъ нѣжное влеченіе къ *родному мѣсту* (*natalis soli* magis tracti dulcedine — на основаніи этихъ словъ заключаютъ, что авторъ родился въ Палестинѣ), нежели соразмѣряли свои силы съ предпринимаемымъ трудомъ; мы полагались не на умственныя свои средства, но на теплоту и искренность нашихъ чувствъ.

Ко всему этому присоединилось повелѣніе государя короля Амальрика (Amalrici, Іерусалимскаго) славной и благочестивой памяти— да насладится покоемъ его святая душа—и я не могъ не уважить такого повелѣнія; его настоянія, повторявшіяся нѣсколько разъ, особенно побудили меня взяться за трудъ. По его же предложенію, я написалъ другую исторію отъ временъ обольстителя Магомета до года отъ воплощенія Господня 1184, обнимавшую 570 лѣтъ; самъ Амальрикъ доставилъ мнѣ для того арабскіе манускрипты. Я слѣдовалъ главнымъ указаніямъ преподобнаго мужа Сеида (Seith, т. е. Seid-ben Batrik, болѣе извѣстный подъ именемъ Евтихія), Александрійскаго патріарха. Въ настоящемъ же трудѣ, не имѣя такого главнаго руководителя ни въ греческой, ни въ арабской литературѣ, я излагалъ по однимъ преданіямъ, за исключеніемъ немногаго, видѣннаго мною самимъ; исходъ доблестныхъ мужей и князей, Богомъ возлюбленныхъ, которые, выйдя по призыву господню изъ западныхъ странъ, сильною рукою завоевали Обѣтованную землю и съ нею почти всю Сирію, я принялъ за начало и довелъ съ великимъ тщаніемъ до правленія государя Балдуина Четвертаго, который въ порядкѣ королей занимаетъ седьмое мѣсто, включая въ это число государя герцога Готфрида, бывшаго первымъ на царствѣ—всего 84 года.

Чтобы дать любознательному читателю полное понятіе о состояніи восточныхъ странъ, я предпослалъ въ краткихъ словахъ объясненіе, въ какое время и какимъ образомъ эти страны подпали игу рабства; каково было положеніе въ то время вѣрныхъ, жившихъ среди невѣрныхъ, и по какому случаю, послѣ продолжительнаго рабства, западные князья, стремясь къ освобожденію тѣхъ странъ, возложили на себя столь великое бремя пилигримства (peregrina-

tionis). Если кто обратитъ вниманіе на мои утомительныя и разнообразныя занятія, какъ по дѣламъ возлюбленной и богоспасаемой Тирской метрополіи, во главѣ которой я стою не по избранію за достоинства, но по одному божескому милосердію, равно и по дѣламъ государя короля, при дворѣ котораго я занимаю мѣсто канцлера, и по другимъ заботамъ, которыя увеличиваются съ каждымъ днемъ, то, конечно, всякій окажетъ мнѣ снисхожденіе, если случайно найдетъ въ моемъ трудѣ, что̀ могло бы по справедливости его оскорбить. Умъ, занятый многими предметами вдругъ, является утомленнымъ для тщательнаго обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ, и, разсѣянный по всему пространству, не можетъ такъ внимательно сосредоточиваться на частностяхъ, какъ бы то можно было при спеціальной работѣ (unis et singularis studiis), когда умъ бываетъ направленъ къ одной цѣли; а потому мой трудъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе извиненія.

Я раздѣлилъ все сочиненіе (volumen) на 23 книги (libros), изъ которыхъ каждую подраздѣлилъ на главы (capitula), чтобы тѣмъ легче было читателю отыскать требуемый для него отдѣлъ (articulum), и предположилъ, если продлится мой вѣкъ, присоединить ко всему описанному исторію настоящаго времени, отъ котораго зависитъ превратность будущаго, и увеличить число книгъ, сообразно увеличенію матеріала. Я увѣренъ и не обманываю себя въ томъ, что настоящій мой трудъ останется памятникомъ моей неопытности; исполняя свой долгъ и берясь за перо, я выдаю свои недостатки, которые остались бы скрытыми при молчаніи; я предпочелъ обнаружить въ себѣ недостатокъ знанія, которое вызываетъ гордость, нежели недостатокъ любви, которая насъ назидаетъ. Безъ знанія многіе вошли на брачный пиръ и были найдены достойными царскаго стола; но тому, кто очутился среди гостей безъ любви, пришлось услышать вопросъ: „Какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ (Матѳ. XXII, 12)“? И да избавитъ милосердный Господь меня, чтобы со мною не случилось того-же, ибо для него одного то возможно. Зная, днако, что „многословіе не избавлено отъ грѣха“ (Прит. X, 20), и что языкъ бѣднаго человѣка, поставленнаго въ опасность говорить, всегда легко заслуживаетъ наказаніе, я братски прошу и убѣждаю о Господѣ своего читателя, если онъ найдетъ поводъ къ справедливому упреку, то пусть при этомъ сохранитъ умѣренность и любовь, чтобы, исправляя меня, въ тоже время и самому наслѣдовать награду жизни вѣчной: пусть онъ, помянувъ меня въ своихъ молитвахъ, упроситъ Бога, чтобы мнѣ не было вмѣнено въ смертный часъ то, чѣмъ я могъ прегрѣшить въ настоящемъ трудѣ; да снизойдетъ ко мнѣ Спаситель, въ своей неистощимой благости; мы, презрѣнные и безполезные рабы въ его домѣ, мучимые голосомъ совѣсти, не безъ причины трепещемъ его суда.

Кончается прологъ.

Начинается Книга первая.

Въ первыхъ *десяти* главахъ, авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторической судьбы Палестины отъ времени Магомета, когда персы въ первый разъ при Хозроѣ (начало VII вѣка) овладѣли Іерусалимомъ; императоръ Ираклій (610—641) скоро успѣлъ отнять у нихъ Крестъ, и, 14 сентября 628 г., воздвигнулъ его на прежнемъ мѣстѣ, отстроивъ при этомъ древній храмъ Воскресенія. Но десять лѣтъ спустя, въ 638 г., первые почитатели Магомета, при Омарѣ, овладѣвъ всею Аравіею, положили предѣлъ соперничеству Персіи и Византіи за Палестину: они овладѣли Іерусалимомъ и завоевали самую Персію. Съ того времени Палестина раздѣляла судьбу своихъ властителей, и только, благодаря междоусобію калифовъ Багдадскихъ и Египетскихъ, она пользовалась нѣкоторою свободою, особенно при Гарунъ-аль-Рашидѣ, въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка. Въ X вѣкѣ, Палестина принадлежала калифамъ Египта и испытала въ первый разъ религіозныя преслѣдованія при *Гакемѣ* (996—1021); въ 1009 г., онъ приказалъ срыть до основанія храмъ Воскресенія; но его сынъ *Дагеръ* возстановилъ свободу религіи, и съ его разрѣшенія и при помощи императора Константина Мономаха, въ 1048 г., былъ снова отстроенъ храмъ Воскресенія, какъ онъ и сохранился до начала крестовыхъ походовъ. Такимъ образомъ, до половины XI вѣка, Палестина, оставаясь 400 лѣтъ подъ игомъ мусульманъ, по выраженію нашего автора, „походила на больного, который то задыхался, то вздыхалъ свободно, смотря по состоянію погоды", и христіане, то преслѣдовались, то снова пользовались нѣкоторою свободою религіи. Но, въ началѣ XI вѣка, и христіане Палестины, и ихъ властители, египетскіе калифы, встрѣтились съ общимъ врагомъ, который измѣнилъ весь видъ востока; это были турки, завоевавшіе Персію и отнявшіе Палестину у Египта; потому и нашъ авторъ, послѣ бѣглаго очерка Палестины отъ половины VII до половины XI вѣка, останавливается подробнѣе на событіи, которое ускорило необходимость крестовыхъ походовъ.

VII. Такъ какъ въ теченіи всего моего труда мнѣ придется часто говорить о томъ, что́ сдѣлали турки противъ нашихъ, и о тѣхъ великихъ и изумительныхъ подвигахъ, которые были совершены нашими противъ нихъ, а они и до сихъ поръ (т.-е. до конца XII вѣка) съ чрезвычайною дерзостью упорствуютъ въ борьбѣ съ нашими, потому, я полагаю, было бы кстати помѣстить здѣсь нѣсколько подробностей о происхожденіи этого народа и представить ходъ событій, доведшихъ ихъ до той степени могущества, которымъ они пользуются уже много лѣтъ. Народъ *турковъ* или *туркомановъ*—у нихъ одно происхожденіе—вышелъ первоначально изъ сѣверныхъ странъ, былъ вполнѣ варварскимъ и не имѣлъ постояннаго жилища. Кочуя и переходя съ мѣста на мѣсто, смотря по удобству пастбища, они не имѣли ни городовъ, ни селеній, ни другой какой осѣдлости. Предпринимая путь, турки одного колѣна собирались вмѣстѣ, имѣя во главѣ одного изъ старѣйшихъ въ своемъ колѣнѣ, какъ князя; всѣ споры между лицами одного и того же колѣна обсуждались имъ, и каждая изъ сторонъ была обязана ему повиновеніемъ; никто не могъ бы безнаказанно уклониться отъ того. При своемъ передвиже-

ніи, они несли съ собою имущество, вели коней, вьючный и домашній скотъ, рабовъ и рабынь; все это составляло ихъ богатство. Нигдѣ они не занимались земледѣліемъ; торговыя сдѣлки имъ были неизвѣстны, и только мѣною пріобрѣтали все необходимое для жизни. Если хорошіе луга внушали имъ намѣреніе раскинувъ палатки на извѣстномъ мѣстѣ и спокойно остановиться тамъ, то они обыкновенно посылали умнѣйшихъ изъ своей среды къ владѣтелю страны, въ которую они являлись, заключали обоюдные договоры, обязываясь платить извѣстную установленную сумму, и располагались среди пастбищъ и лѣсовъ.

Безчисленное множество этихъ турокъ, зайдя впередъ и отдѣлившись отъ остального населенія, достигло границъ Персіи и нашло для себя мѣстность вполнѣ пригодную. Пришельцы вносили правителю, который тогда правилъ тамъ, условленную, со времени ихъ прихода, подать и оставались на мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, долѣе нежели какъ они то дѣлали обыкновенно. Населеніе ихъ значительно увеличилось, и этому увеличенію не было конца. Король персовъ (т. е. калифъ Багдадскій) и туземцы, опасаясь за свое будущее, страшились такого размноженія турокъ. На совѣтѣ было опредѣлено изгнать ихъ изъ предѣловъ государства вооруженною рукою, но вскорѣ это намѣреніе было оставлено: считали болѣе благоразумнымъ отягощать ихъ всякаго рода требованіями и присоединить новые чрезвычайные налоги къ обыкновеннымъ, пока все это не заставитъ ихъ самихъ удалиться. Нѣсколько лѣтъ они переносили всѣ эти оскорбленія и тяжкое бремя налоговъ, которые требовали отъ нихъ, но, наконецъ, они рѣшились болѣе не подчиняться, и король персовъ, увѣдомленный о томъ, отправилъ къ нимъ вѣстника съ повелѣніемъ выйти изъ его владѣній въ назначенный для того срокъ. Турки перешли рѣку Кобаръ (между Месопотаміей и Персіей), которая, съ этой стороны, образуетъ границу государства, и при этомъ въ первый разъ получили возможность убѣдиться въ своей многочисленности, чего они не могли знать прежде, такъ какъ они жили всегда разсѣянно и не имѣли понятія ни о своемъ числѣ, ни о своемъ могуществѣ. Они сами удивились, какимъ образомъ такой многочисленный народъ могъ переносить притѣсненія со стороны какого бы то ни было владѣтеля и подчиняться такимъ требованіямъ и налогамъ, столь обременительнымъ. Въ первый разъ, турки удостовѣрились, что они не уступаютъ персамъ и никому другому ни въ численности, ни въ силѣ, и что для подчиненія сосѣдей оружіемъ имъ недостаетъ только правителя, какого имѣютъ другіе народы. Выразивъ желаніе избрать себѣ короля по общему согласію, они сдѣлали перепись всему своему многочисленному народу и нашли въ его средѣ сто семействъ, отличавшихся своею знаменитостью предъ прочими; было приказано каждому такому семейству представить стрѣлу, и по ихъ числу образовался пукъ изо ста стрѣлъ. Накрывъ пукъ, призвали невиннаго ребенка и приказали ему, подсунувъ руку подъ полотно, вытащить одну стрѣлу; предварительно же они условились, что король будетъ избранъ изъ того семейства, которому будетъ принадлежать извлеченная стрѣла. Ребенокъ вытащилъ стрѣлу

фамиліи *Сельджуковъ* (Selduci). Тогда всѣмъ было объявлено, на основаніи прежде заключеннаго условія, что изъ этого колѣна будетъ избранъ князь. За тѣмъ они постановили, что изъ той же фамиліи должны быть избраны сто человѣкъ, которые отличаются между своими родичами возрастомъ, характеромъ и доблестью; каждый избранный представилъ стрѣлу съ своимъ именемъ; снова образовался пукъ стрѣлъ, который былъ покрытъ самымъ тщательнымъ образомъ: ребенокъ—тотъ же самый, а можетъ быть и другой, но также невинный—получилъ приказаніе вытащить наудачу стрѣлу, и та, которую онъ извлекъ, имѣла на себѣ надпись: *Сельджукъ* (авторъ говоритъ такимъ образомъ объ извѣстномъ Тогрулъ-бекѣ, сынѣ Михаила, сына Сельджука, который дѣйствительно былъ первымъ султаномъ того племени турокъ, которое получило названіе его колѣна, т.-е. Сельджуковъ, и правилъ отъ 1038 до 1063 года). Былъ же тотъ Сельджукъ мужъ весьма знатный, благородный и славный въ своемъ колѣнѣ, возрастомъ старъ, но силами цвѣтущій; онъ былъ весьма опытенъ въ военномъ дѣлѣ и при своей красивой наружности имѣлъ величественный видъ могущественнаго государя. Турки съ общаго согласія поставили его во главѣ и возвели на королевскій престолъ, оказавъ всѣ подобающія его сану почести; для утвержденія же его власти, они, заключивъ съ нимъ общій договоръ, сверхъ того лично дали ему клятву въ повиновеніи. Онъ же, воспользовавшись немедленно врученною ему властью, разослалъ во всѣ стороны глашатаевъ съ приказомъ перейти черезъ рѣку обратно, съ тѣмъ, чтобы всѣ полки заняли вооруженною рукою Персію, только-что ими оставленную, и овладѣли окрестными странами изъ опасенія, чтобы его народъ не былъ снова принужденъ блуждать по отдаленнымъ странамъ и нести на себѣ тяжкое иго иноплеменниковъ. Въ нѣсколько лѣтъ, они завоевали не только Персію, но и всѣ другія восточныя государства, подчинивъ арабовъ и прочіе народы, принадлежавшіе имперіи (principatus, т.-е. Восточной). Такимъ образомъ, презрѣнный и ничтожный народъ достигъ быстро такого могущества, что господствовалъ надъ всѣмъ Востокомъ. Случилось же это за какихъ нибудь 30 или 40 лѣтъ до того времени (т.-е. между 1060 и 1070 г.,), когда наши западные князья предприняли странствованіе, исторію котораго я намѣренъ описать. А чтобы сдѣлать различіе въ имени людей того племени, которое, избравъ короля, снискало себѣ великую славу, и тѣхъ, которые, не измѣняя прежняго образа жизни, оставались въ своей первобытной дикости, первые назывались *турками*, а послѣдніе сохранили древнее имя *туркомановъ*. Турки, подчинивъ себѣ весь Востокъ, вторглись въ могущественный Египетъ; они спустились въ Сирію и овладѣли Іерусалимомъ (1076 г.) вмѣстѣ съ нѣсколькими приморскими городами; и, какъ я уже сказалъ, вѣрные, находившіеся тамъ, были подчинены игу, несравненно болѣе суровому, и претерпѣли болѣе жестокія притѣсненія, нежели какія испытывали до тѣхъ поръ (т.-е. подъ игомъ багдадскихъ и египетскихъ калифовъ).

VIII. Но не только на Востокѣ вѣрные страдали отъ нечестивыхъ, но и на Западѣ, и даже во всемъ мірѣ; вѣра ослабла среди

тѣхъ, которые называли себя вѣрными, и страхъ господень уничтожился; въ судахъ не было правды; правосудіе уступило мѣсто насилію, которое одно господствовало среди народовъ. Обманъ, хитрость, коварство утвердились повсюду; всякая добродѣтель исчезла и казалась излишнею: до того все было проникнуто злобою. Казалось, міръ приближается къ своей кончинѣ и настаетъ второе пришествіе Сына человѣческаго. Любовь къ ближнему погасла у бóльшей части людей; на землѣ не было вѣры; все перевернулось въ общемъ безпорядкѣ, и можно было думать, что міръ возвращается къ древнему хаосу. Самые могущественные государи, обязанные управлять подданными путями мира, забывали обязательства мира и враждовали по ничтожному поводу, предавая пламени цѣлыя страны, производя грабежи и жертвуя имуществомъ бѣдныхъ жадности своихъ клевретовъ. Среди стольких опасностей, никто не былъ увѣренъ въ своемъ имуществѣ; едва лишь кого нибудь подозрѣвали въ томъ, что онъ чѣмъ нибудь владѣетъ, и это было уже достаточнымъ поводомъ, чтобы его влечь въ темницу, заковывать въ желѣзо и предавать самымъ постыднымъ истязаніямъ. Церковныя и монастырскія имущества были не лучше обезпечены: привилегіи, дарованныя благочестивыми государями, не давали никакихъ преимуществъ владѣніямъ святыхъ; они не могли ссылаться ни на прежнія льготы, ни на свое прошедшее достоинство. Взламывали ризницы и уносили оттуда предметы, посвященные на служеніе небу; святотатственная рука не отличала свѣтскаго отъ святого, и, въ этомъ хаосѣ, чаши господни, одежды священниковъ и налои алтарей — все дѣлалось предметомъ добычи. Тѣ, которые убѣгали во внутрь храмовъ божіихъ, въ неприступную святыню, подъ колоннаду базиликъ, насильно вытаскивались и влеклись на смерть и истязанія; общественныя дороги покрылись вооруженными разбойниками, которые дѣлали засаду путешественникамъ и не щадили ни пилигримовъ, ни духовныхъ. Ни въ городахъ, ни въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, не было убѣжища отъ насилія; улицы и площади, оскверненныя убійцами, сдѣлались опасными для честныхъ людей; чѣмъ лучше былъ человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ подвергался козням. Повсюду не краснѣя и безнаказанно производились всякаго рода безчинства, какъ что нибудь дозволительное. Узы брака не были священны даже для самихъ родственниковъ и ближнихъ. Цѣломудріе, цѣнимое Богомъ и небожителями, удалилось, какъ нѣчто никуда негодное. Бережливость и трезвость не могли устоять рядомъ съ роскошью, пьянствомъ и ненасытною жаждою игры, распространенною не только на всѣхъ перекресткахъ, но и во внутренности домовъ. Духовенство не отличалось отъ свѣтскаго общества правильною жизнью, и жило, по словамъ пророка (Осія, IV, 9): „Каковъ народъ, таковъ и священникъ". Епископы сдѣлались небрежны, какъ лѣнивые псы, которые не въ силахъ лаять, лицепріятны, съ головою умащенной елеемъ грѣшника, продавая, какъ наемники, своихъ овецъ кровожаднымъ волкамъ, и не помня словъ Спасителя, который сказалъ: „Даромъ получили, даромъ и давайте (Матѳ. X, 8)". Не уклонялись отъ еретической симоніи и были запятнаны всякою грязью. Что̀ къ этому при-

бавить? — Скажу коротко: „Все стояло надъ бездною порока", и „Всякая плоть сокрушала жизнь свою" (Моис. VI, 11). Небесныя и земныя знаменія раздраженнаго божества не могли остановить людей, устремленныхъ ко злу. Повсюду царствовала чума и голодъ; небо грозило, потрясалась земля, и многое другое совершилось, что Господь исчислилъ въ своемъ евангеліи (Матѳ. XXIV, 7). Но люди упорствовали въ своихъ мертвыхъ дѣлахъ, «какъ свинья въ грязи (II, Петръ II, 22), гнили, какъ животное, лежа на своемъ собственномъ пометѣ, и злоупотребляли божескимъ долготерпѣніемъ, подобно тѣмъ, о комъ сказано въ Писаніи (Іерем. V, 3): „Поразилъ ихъ, и не болѣли они; исправлялъ ихъ, и не исправились".

IX. Но гнѣвъ Господа, вызванный всѣмъ этимъ, не ограничился только тѣмъ, что одни вѣрные, населявшіе Обѣтованную Землю, осуждены были переносить иго печальнаго рабства и преслѣдованіе свыше силъ человѣческихъ; онъ пошелъ далѣе и поднялъ могущественнаго врага, бичъ народовъ, молотъ, повисшій надъ вселенной, даже и противъ тѣхъ, которые, повидимому, наслаждались свободой, и о которыхъ можно было сказать, что они во всемъ успѣваютъ по своему желанію. Въ то время, когда Романъ, прозванный Діогеномъ, царствовалъ надъ греками (отъ 1068 до 1071 г.) и въ полномъ благополучіи управлялъ Константинопольскою имперіею, могущественный сатрапъ персовъ и ассиріянъ (т.-е. багдадскихъ калифовъ) по имени *Бельфетъ* (такъ авторъ называетъ извѣстнаго Альпъ-Арслана, Иконійскаго султана турокъ, правившаго отъ 1063 г. до 1072 г.) вышелъ изъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ востока, ведя за собою безконечное множество невѣрующихъ народовъ, которымъ не было и числа, и которые могли покрыть собою всю земную поверхность. Съ кибитками и лошадьми, съ вьючнымъ и домашнимъ скотомъ, сатрапъ со всѣмъ великолѣпіемъ приблизился къ предѣламъ имперіи (т.-е. восточной), подчиняя своей власти все встрѣчавшееся на пути, деревни, селенія и даже города, окруженные стѣнами, и самыя укрѣпленныя мѣста. Никто не оказывалъ сопротивленія, никто не старался преграждать пути и не думалъ бороться за свою жизнь, жену, дѣтей и—что всего дороже—за свободу. Между тѣмъ, императора извѣстили объ угрожающемъ мечѣ, о приближающемся насиліи, о вражеской арміи, опустошающей христіанскую имперію. Заботясь о безопасности государства, императоръ приготовляетъ отрядъ конницы, собираетъ пѣхоту въ числѣ, соотвѣтствующемъ угрожающей опасности и средствамъ имперіи. Когда пѣхота и конница собралась, императоръ двинулся на-встрѣчу непріятелю; а турки уже перешли границу и вошли во внутрь государства. Надѣясь на свою силу, но лишенный божественной благодати, Романъ вступаетъ въ бой. Съ обѣихъ сторонъ дерутся отважно; силы почти равныя, но христіане оказываютъ бо́льшую ярость, какую обыкновенно внушаетъ ревность къ вѣрѣ и соболѣзнованіе о совершонномъ святотатствѣ. Впрочемъ, къ чему говорить много объ этомъ?! Христіанская армія поражена, ряды вѣрныхъ опрокинуты, кровь, искупленная кровью Христа, льется подъ мечемъ нечестивыхъ, и, что всего хуже, императоръ въ плѣну. Спасшіеся отъ пораженія возвращаются

по одиночкѣ и разсказываютъ о бѣдствіи. Всѣ, узнавъ о томъ, приходятъ въ отчаяніе, предаются печали и не надѣются ни на жизнь, ни на спасеніе. Между тѣмъ, невѣрный, торжествуя такой успѣхъ и гордясь своею побѣдой, повелѣваетъ представить себѣ императора. Для униженія имени и вѣры христіанъ, онъ садится на тронъ и требуетъ, чтобы плѣнникъ распростерся у его ногъ; тѣло императора служитъ ему ступенью, когда онъ всходитъ и спускается съ престола въ присутствіи своихъ князей. Цѣною такого униженія императоръ покупаетъ себѣ свободу и позволеніе удалиться вмѣстѣ съ нѣсколькими вельможами, раздѣлявшими его плѣнъ. Но князья имперіи, узнавъ о случившемся, поставили себѣ другого императора, полагая, что тотъ, кто перенесъ лично тѣ униженія, не можетъ достойно носить скипетръ и пользоваться верховнымъ саномъ; даже выкололи ему глаза и подвергли поруганію, едва дозволивъ жить частнымъ человѣкомъ. Съ того времени, вышеупомянутый враждебный князь, не встрѣчая сопротивленія, занялъ всѣ страны, Лаодикеею въ Сиріи и до Геллеспонта, омывающаго стѣны Константинополя, на пространствѣ 30 дней пути въ длину, и отъ 10 до 15—въ ширину, вмѣстѣ съ городами и селеніями, а жителей полонилъ: „Предалъ ихъ Господь въ руки врага, и овладѣли ими ненавидящіе ихъ (Псал. CV, 39)". Между такими городами, подчинился наконецъ, послѣднимъ изъ всѣхъ, городъ самый благородный, правившій многими провинціями, главный городъ, первопрестольный городъ князя апостоловъ, и сдѣлался податнымъ рабомъ (т.-е. Антіохія). Вслѣдствіе такого вторженія, въ руки побѣдителя достались Келесирія, обѣ Киликіи, Исаврія, Памфилія, Ликія, Писидія, Ликаонія, Каппадокія, Галатія, оба Понта, Виѳинія и часть Малой Азіи, знаменитыя провинціи, богатыя всякимъ добромъ и населенныя народомъ вѣрныхъ; люди отведены въ плѣнъ, церкви разрушены и духъ истребленія преслѣдуетъ христіанское богопочитаніе. Если бы непріятель имѣлъ въ своемъ распоряженіи корабли, то конечно и Константинополь не ушелъ бы отъ нихъ; успѣхи турокъ навели такой страхъ на грековъ, что они не смѣли полагаться на защиту стѣнъ; даже море, отдѣлявшее ихъ отъ завоевателей, не казалось имъ достаточнымъ ручательствомъ.

Всѣ эти событія и бѣдствія, послѣдовавшія за нимъ, довершили страданія вѣрныхъ, обитавшихъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, и повергли ихъ въ бездну отчаянія. Пока благоденствовала имперія, какъ я замѣтилъ то выше, императорскій домъ не переставалъ оказывать имъ помощь среди ихъ бѣдствій; хорошее положеніе имперіи, нетронутой ни съ которой стороны, цвѣтущее состояніе сосѣднихъ городовъ и въ особенности Антіохіи поддерживало въ нихъ надежду рано или поздно возвратить себѣ свободу. Теперь же подавленные и собственными несчастіями, и несчастіями своихъ сосѣдей, убитые страшными слухами, доходившими до нихъ со всѣхъ сторонъ, предпочитая смерть жизни, они падали духомъ и видѣли предъ собою одно безконечное рабство.

X. Среди опасностей всякаго рода, въ это бѣдственное время, въ Палестину стекались во множествѣ греки и латины, по обѣту

поклоненія святымъ мѣстамъ. Пройдя по непріятельской землѣ чрезъ тысячу смертей, они являлись къ городскимъ воротамъ, но не могли войти въ нихъ, не заплативъ предварительно въ видѣ подати одного золотого привратникамъ. Потерявъ все на пути и едва успѣвъ сохранить жизнь, чтобы достигнуть желанной цѣли, они не имѣли чѣмъ заплатить подати. Вслѣдствіе того, тысячи пилигримовъ, собравшись въ окрестностяхъ города и ожидая возможности войти, доходили до совершенной наготы и погибали отъ голода и нищеты. Для несчастныхъ же жителей города, и живые, и мертвые составляли одинаково невыносимую тяжесть. Съ трудомъ могли они озаботиться доставленіемъ припасовъ для живыхъ; но имъ нужно было позаботиться и о погребеніи мертвыхъ; всѣ подобные труды превышали ихъ силы. Получившіе право входа за плату обращались еще въ предметъ величайшихъ заботъ. Надобно было бояться, что, ходя безъ предосторожностей при посѣщеніи св. мѣстъ, они могутъ быть избиты, оплеваны и даже гдѣ нибудь задушены. Заботясь о предупрежденіи такихъ несчастій и воодушевленные братскою любовью, іерусалимскіе граждане ходили постоянно за пилигримами, чтобы наблюдать за ихъ безопасностью и защищать отъ нечаянныхъ нападеній. Въ городѣ былъ Амальфійскій монастырь, *нынѣ* (въ концѣ XII вѣка) называемый монастыремъ *св. Маріи Латинской*, и рядомъ съ нимъ гостепріимный домъ (xenodochium) съ небольшою молельнею, основанный въ честь блаженнаго Іоанна Элеймона, Александрійскаго патріарха, и ввѣренный заботамъ аббата того монастыря. Несчастные странники получали тамъ милостыню или отъ монастыря, или отъ щедротъ вѣрующихъ. Изъ тысячи пилигримовъ едва ли одинъ могъ самъ удовлетворять своимъ нуждамъ, потому что они теряли всѣ путевые запасы и съ трудомъ спасали жизнь, среди стольких опасностей и трудовъ. Такимъ образомъ, жители не имѣли покоя ни внѣ, ни дома, смерть угрожала имъ каждый день, и, что хуже всякой смерти, они падали подъ бременемъ невыносимаго рабства. Наконецъ, къ довершенію всѣхъ этихъ бѣдствій, ихъ церкви, охраняемыя и возобновляемыя не безъ труда, подвергались ежедневно жестокимъ нападеніямъ. Во время богослуженія, невѣрные, наводя на христіанъ ужасъ своими криками и бѣшенствомъ, вбѣгали неожиданно въ храмъ, садились на алтари́, не дѣлая различія въ мѣстахъ, опрокидывали чаши, топтали ногами сосуды, посвященные служенію Господу, ломали мраморъ и наносили духовенству оскорбленія и побои. Съ самимъ владыкою патріархомъ обращались, какъ съ лицомъ презрѣннымъ и ничтожнымъ, хватали его за бороду и волоса, свергали съ престола и бросали на землю. Нерѣдко они овладѣвали имъ и, таща его, какъ послѣдняго раба, безъ всякой причины сажали въ темницу, лишь бы тѣмъ огорчить народъ, соболѣзновавшій своему пастырю.

Таково было то жестокое рабство, которое приходилось испытывать народу божьему, въ теченіе 490 лѣтъ, какъ я сказалъ выше. Онъ переносилъ все съ благочестивымъ терпѣніемъ, обращая къ небу стоны и вздохи и присоединяя горячую молитву къ Господу, прося его въ своемъ милосердіи пощадить тѣхъ, которые исправятся, и отклонить отъ нихъ бичъ своего гнѣва. Такъ дошли они до край-

нихъ предѣловъ злосчастія, и только тогда, какъ „пропасть открываетъ пропасть (Пс. XLI, 8)“, пропасть бѣдствій открыла предъ ними пропасть милосердія; они были услышаны тѣмъ, кто есть Богъ всякаго утѣшенія. Съ высоты своего преславнаго трона, Господь удостоилъ бросить на нихъ взглядъ состраданія, положилъ предѣлъ ихъ несчастіямъ и вознамѣрился въ своей отеческой любви послать имъ помощь, которой они ожидали. Чтобы увѣковѣчить между вѣрными служителями Христа память о томъ, я и предпринялъ въ настоящемъ трудѣ описать способъ и предначертанія божественной воли, которыми Господь восхотѣлъ избавить свой народъ отъ долговременнаго бѣдствія.

Этою *десятою* главою авторъ заключаетъ краткое введеніе, которымъ онъ хотѣлъ объяснить читателю причины крестовыхъ походовъ, и приступаетъ къ главному предмету своего труда.

XI. Въ то время, когда вышеупомянутый и Богомъ любимый городъ (т.-е. Іерусалимъ), какъ я сказалъ выше, былъ подвергнутъ столькимъ страданіямъ, между тѣми, которые приходили туда по обѣту и для молитвы въ святыхъ мѣстахъ, явился одинъ священникъ по имени *Петръ*, изъ королевства франковъ, изъ Амьенскаго епископства, *пустынникъ* (Heremita) и по прозванью, и на дѣлѣ; его привлекла въ Палестину та же ревность. Онъ былъ весьма небольшого роста, и по внѣшности имѣлъ жалкую наружность, но въ маломъ тѣлѣ царила великая доблесть. Онъ былъ ума быстраго, проницательнаго взгляда, и говорилъ пріятно и свободно. По общему закону, тяготѣвшему надъ всѣми христіанами, искавшими право входа, Петръ внесъ при вратахъ города требуемую подать и нашелъ себѣ убѣжище у одного вѣрующаго, который былъ изъ числа христовыхъ исповѣдниковъ. Разспрашивая внимательно у своего хозяина, человѣка дѣятельнаго и ревностнаго, о положеніи христіанъ, онъ узналъ отъ него не только то, что относилось къ печальному настоящему, но и о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя испытывали предки въ теченіе долгаго времени. Если разсказъ былъ не полонъ, то собственное наблюденіе досказало Петру остальное. Оставаясь нѣсколько времени въ городѣ и посѣтивъ всѣ церкви, онъ нашелъ полное подтвержденіе всему слышанному отъ братіи. Узнавъ также, что патріархъ іерусалимскій былъ человѣкъ благочестивый и богобоязненный, онъ пожелалъ говорить съ нимъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и узнать подробности по нѣкоторымъ вопросамъ: явившись къ нему, онъ былъ представленъ однимъ другомъ изъ числа вѣрующихъ, и они оба остались весьма довольны своими совѣщаніями. Имя патріарха было Симеонъ: узнавъ по рѣчамъ Петра, что это былъ человѣкъ осторожный, весьма опытный и сильный не только словомъ, но и дѣломъ, онъ началъ говорить ему съ большею откровенностью о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытываетъ народъ божій, населяющій святой городъ. Петръ, слушая его, былъ тронутъ братскимъ сочувствіемъ и въ своей печали не могъ удержаться отъ слезъ; потомъ онъ спросилъ, нельзя ли найти какого нибудь средства къ спасенію отъ столькихъ бѣдствій? Праведный мужъ отвѣчалъ ему: „Петръ, наши грѣхи составляютъ

единственную преграду къ тому, чтобы всеправедный и милосердный Господь удостоилъ внять нашимъ стонамъ и воздыханіямъ и осушить наши слезы: мы нисколько не сложили съ себя нашей неправды, а потому бичи неба не перестаютъ насъ поражать. Но щедрое милосердіе Господа хранитъ силы вашего народа, и у васъ процвѣтаетъ широко и далеко страшная сила для нашихъ враговъ; если вашъ народъ, искренне служащій Господу и воодушевленный братскою любовью, захотѣлъ бы сжалиться надъ нашимъ злосчастіемъ и даровать намъ облегченіе, или если бы онъ пожелалъ по крайней мѣрѣ молиться за насъ Христу, то мы пріобрѣли бы надежду увидѣть вскорѣ конецъ нашимъ бѣдствіямъ. Имперія грековъ, гораздо болѣе близкая намъ и по кровнымъ связямъ, и по положенію мѣстности, и притомъ богатая, не можетъ намъ подать ни надежды, ни утѣшенія. Греки едва могутъ защищать самихъ себя; какъ вы сами могли слышать, братъ мой, ихъ силы истощились до того, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они потеряли больше половины своего государства. Петръ отвѣчалъ ему: „Знай, святой отецъ, если бы римская церковь и западные князья узнали отъ человѣка дѣятельнаго и заслуживающаго вѣры о всѣхъ вашихъ бѣдствіяхъ, то безъ сомнѣнія они попытались бы облегчить вашу участь и словомъ, и дѣломъ. Пиши же обстоятельно владыкѣ папѣ и римской церкви, королямъ и князьямъ Запада, и подкрѣпи свое показаніе печатью. А я не откажусь взять на себя это дѣло для спасенія своей души: съ помощью Господа, я готовъ идти къ нимъ ко всѣмъ, умолять ихъ, разсказывать имъ со всею ревностью о великихъ вашихъ бѣдствіяхъ и просить каждаго о поспѣшной помощи вамъ“. Патріарху понравился такой отвѣтъ и онъ его одобрилъ вмѣстѣ съ тѣми вѣрными, которые присутствовали въ собраніи. Воздавъ великую благодарность божьему человѣку за его состраданіе, они вручили ему требуемую грамоту.

XII. По-истинѣ великъ Господь Богъ нашъ; и его милосердіе безпредѣльно! По-истинѣ, благій Іисусе, не постыдятся надѣющіеся на тебя! Откуда могла явиться въ такомъ жалкомъ, бѣдномъ и лишенномъ всякихъ средствъ пилигримѣ, притомъ удаленномъ отъ предѣловъ родины, увѣренность столь великая, что онъ осмѣлился предпринять дѣло, превышающее его силы, и надѣяться на осуществленіе своихъ желаній? Конечно, оттого, что онъ обращалъ свои помыслы къ тебѣ, своему покровителю; горя огнемъ благости, любя ближняго, какъ самого себя, ему было достаточно того, чтобы исполнить законъ. Гдѣ не хватаетъ силъ, тамъ помогаетъ любовь; то, что возложили на него его братія, могло казаться труднымъ и даже невозможнымъ, но любовь къ Богу и ближнему облегчила дѣло, потому что „любовь сильна, какъ и смерть (Пѣсн. Пѣсн. VIII, 6)“. „Вѣра, дѣйствующая любовью (Галат. V, 6)“, вмѣнится тобою въ заслугу, и заслуга твоя не останется у тебя безплодною. Ты не допустишь твоего раба долго колебаться, самъ явишься ему и своимъ откровеніемъ подкрѣпишь его, дабы не отшатнулся онъ, исполнивъ его своего духа (apocalypsim insinuans), ты воздвигнешь его сильнымъ на подвигъ любви. Однажды, когда служитель божій былъ особенно пре-

исполненъ заботъ, помышляя о возвращеніи на родину и объ исполненіи своего порученія, онъ захотѣлъ обратиться съ полною преданностью къ источнику всякаго милосердія и вошелъ въ церковь св. Воскресенія. Наступила ночь; утомленный молитвою и продолжительнымъ бдѣніемъ, усталый Петръ распростерся на полу, чтобы предаться сну, который его удручалъ. Когда на него напалъ самый глубокій сонъ (какъ то обыкновенно бываетъ), явился ему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ бы сталъ предъ нимъ, и возложилъ на него то же порученіе, говоря: „Встань, Петръ; спѣши: исполни мужественно все, что было на тебя возложено; я пребуду съ тобою, ибо настало время очистить святыя мѣста и подать помощь моимъ служителямъ. Петръ, вставъ укрѣпленный видѣніемъ господнимъ и горя желаніемъ повиноваться предписанному свыше, не хотѣлъ медлить и изготовился въ дорогу. Исполнивъ обычную молитву, простившись съ съ владыкою патріархомъ и получивъ его благословеніе, онъ отправился къ морскому берегу и нашелъ тамъ купеческій корабль, готовый къ отплытію въ Апулію. Онъ садится на корабль и послѣ благополучнаго плаванія пріѣзжаетъ въ г. Баръ. Оттуда онъ отправляется въ Римъ и въ окрестностяхъ города находитъ владыку, папу Урбана (II); представивъ ему грамоту патріарха и вѣрныхъ изъ Іерусалима, онъ излагаетъ папѣ бѣдствія и неистовства, совершаемыя въ святыхъ мѣстахъ нечестивыми народами, и исполняетъ свое порученіе съ точностью и одинаковымъ благоразуміемъ.

Въ началѣ XIII главы, авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ борьбы за инвеституру при предшественникахъ Урбана II, Григоріѣ VII Гильдебрандѣ и Викторѣ, которая продолжалась и при Урбанѣ II въ то время, когда къ нему явился Петръ Пустынникъ.

XIII......... Послѣ Виктора (преемника Григорія VII Гильдебранда), который былъ на престолѣ всего два мѣсяца, вступилъ *Урбанъ* (II); чтобы избѣгнуть ярости Гейнриха (V), сына Гейнриха (IV), упорствовавшаго въ томъ же заблужденіи, онъ жилъ, укрываясь въ укрѣпленныхъ мѣстахъ среди своихъ вѣрныхъ и нигдѣ не находилъ надежнаго убѣжища. Видя себя въ такомъ несчастномъ положеніи, Урбанъ благосклонно встрѣтилъ и принялъ упомянутаго Петра, преподобнаго мужа, по возвращеніи его изъ Іерусалима съ извѣстнымъ порученіемъ. Именемъ Бога Слова, котораго онъ былъ опорою, папа обѣщалъ въ свое время оказать ему ревностное содѣйствіе. Петръ, сожигаемый ревностью о Богѣ, проходитъ всю Италію, отправляется, за Альпы, посѣщаетъ всѣхъ князей Запада по-одиночкѣ, настоятельно проситъ, убѣждаетъ и, съ помощью божіей благодати, ему удается склонить нѣкоторыхъ поспѣшить помощью братіямъ, которые падаютъ подъ игомъ, и не допускать болѣе, чтобы святыя мѣста, прославленныя присутствіемъ Спасителя, подвергались оскверненію невѣрныхъ. Петръ полагалъ, что недостаточно обращаться къ князьямъ, и что необходимо проповѣдывать народу и людямъ нисшаго класса. Такъ онъ прошелъ всѣ страны, благочестиво ходатайствуя, посѣтилъ всѣ государства, обращался къ бѣднымъ и самымъ темнымъ людямъ, и благовѣствовалъ повсюду. Господь, въ награду за

столь пламенную вѣру, надѣлилъ его такою благодатью, что весьма рѣдко онъ претерпѣвалъ совершенную неудачу въ своемъ обращеніи къ народамъ. Петръ былъ чрезвычайно полезенъ своею проповѣдью папѣ, который и послѣдовалъ за нимъ безотлагательно, перейдя горы. Онъ, какъ предтеча, приготовлялъ умы слушателей къ повиновенію папѣ, и послѣдній, предпринимая свои увѣщанія, достигалъ скорѣе цѣли и тѣмъ легче привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ.

XIV. Въ годъ 1095 отъ воплощенія господня, четвертаго индикта, царствованія же государя Гейнриха Четвертаго, короля германцевъ и императора римлянъ, 43-й годъ, и 12-й его императорскаго достоинства, и при славномъ королѣ франковъ, государѣ Филиппѣ (I), сынѣ Гейнриха (I), владыка папа Урбанъ, видя, что злоба людей превзошла всякую мѣру, порядокъ низвергнутъ, и все направляется ко злу, созвалъ соборъ въ Плаценціи для всей Италіи, сдѣлавшійся необходимымъ вслѣдствіе извращенія людей, а потомъ, избѣгая преслѣдованій императора, оставилъ Италію, перешелъ Альпы и явился въ королевствѣ франковъ. Онъ узналъ тамъ, судя потому, что говорилось, что въ Галліи всѣ божественные законы попраны ногами, ученіе евангельское не признается и презирается; вѣра, любовь и всѣ добродѣтели угасли, и что въ тоже время власть врага и князя тьмы распространяется повсюду. Отыскивая заботливо, по долгу своего званія, средства къ противодѣйствію столь безобразнымъ порокамъ и безчисленнымъ грѣхамъ, которые роились по всѣмъ направленіямъ и наполняли собою весь міръ, онъ рѣшился созвать вселенскій соборъ сначала въ Везеле (Vigiliacum), а потомъ въ Пюи (Podium). Но, по новому распоряженію, соборъ епископовъ и аббатовъ, пришедшихъ изъ всѣхъ транзальпинскихъ провинцій, былъ созванъ божіею милостью въ Клермонѣ (Clarum montem), городѣ Оверня, въ мѣсяцѣ ноябрѣ; нѣкоторые изъ князей окрестныхъ странъ явились также на соборъ. Сначала, съ согласія прелатовъ и людей богобоязненныхъ, были составлены опредѣленія съ цѣлью поддержать поколебавшуюся церковь и обнародованы каноны, которые могли бы содѣйствовать исправленію нравовъ, искорененію величайшихъ злоупотребленій и, въ особенности, возстановленію мира (см. о томъ у насъ т. II, стр. 902), погибшаго въ мірѣ, какъ выражался Петръ, который сохранялъ прежнюю заботливость о своемъ предпріятіи; въ заключеніе, папа обратился къ собору съ увѣщаніями.

Почти вся XV глава посвящена авторомъ рѣчи Урбана II; въ слѣдующихъ же главахъ, отъ XV до XXX, которыми заключается *первая книга*, авторъ приводитъ список принявшихъ крестъ, разсказываетъ коротко первыя несчастныя попытки Петра Пустынника, Вальтера Неимущаго и другихъ, весною 1096 г., проникнуть въ Палестину, и ихъ погибель на пути въ Венгріи, Болгаріи и Малой Азіи. Съ слѣдующей, *второй* книги авторъ приступаетъ собственно къ первому крестовому походу. *См. продолженіе ниже въ ст. 11.*

Архіеп. Вильгельмъ Тирскій.
Belli sacri historia, libri XXIII.—Кн. I.

О жизни и сочиненіяхъ Вильгельма Тирскаго, см. ниже въ примѣчаніи къ ст. 41.

3.—О состоянии Палестины предъ началомъ крестовыхъ походовъ, и ея первые пилигримы. XI вѣкъ.

(Въ 1811 г.)

До половины VII вѣка, Палестина оставалась провинціею Византійской имперіи; но, въ 637 году, она была отторгнута отъ нея арабами, и калифъ Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ. Съ того времени и до половины X вѣка, въ теченіи 300 лѣтъ, Палестина находилась постоянно подъ игомъ аббасидскихъ мусульманъ, не смотря на всѣ усилія византійскихъ императоровъ возвратить христіанству его главную святыню. Наконецъ, въ 975 году, императоръ Іоаннъ Цимискій (969—976) овладѣлъ всею Сиріею, и, перейдя Ливанъ, покорилъ всѣ города Іудеи; при этомъ, и Іерусалимъ былъ освобожденъ изъ рукъ невѣрныхъ. Но онъ умеръ внезапно отъ отравы, и его смерть была спасеніемъ для исламизма, возвратившаго скоро всѣ утраченныя имъ владѣнія. Греки, занятые другимъ, забыли свои побѣды; Іерусалимъ и всѣ земли, только-что исторгнутыя изъ власти невѣрныхъ, подпали снова владычеству калифовъ Фатимидовъ, утвердившихся на берегахъ Нила; они воспользовались замѣшательствами на Востокѣ, чтобы распространить свою власть. Новые владѣтели Іудеи сначала обращались съ христіанами, какъ съ союзниками; въ надеждѣ обогатить свою казну, они покровительствовали торговлѣ европейцевъ и пилигримству къ святымъ мѣстамъ. Рынки франковъ [1]), были попрежнему возстановлены въ Іерусалимѣ; христіане вновь построили госпитали (т. е. гостинницы) для странниковъ и церкви, лежавшія въ развалинахъ; подобно рабу, котораго облегчаетъ одна простая перемѣна господина, они были довольны подчиняться новымъ законамъ повелителей Каира, и тѣмъ легче вѣрили въ окончаніе своихъ бѣдствій, что въ Египтѣ вступилъ на тронъ калифъ Гакемъ, родившійся отъ христіанки, и дядя котораго, съ материнской стороны, былъ патріархомъ Святого города. Но Богъ, по выраженію современниковъ, хотѣлъ испытать доблесть вѣрныхъ, и, сдѣлавъ тщетными ихъ надежды, подвергъ ихъ новымъ гоненіямъ.

Гакемъ, третій изъ фатимидскихъ калифовъ, обозначилъ свое правленіе всѣми крайностями фанатизма и безумія. Не зная самъ, чего онъ желаетъ, и не принадлежа ни къ одной религіи, новый калифъ, по-очереди, то покровительствовалъ, то преслѣдовалъ христіанъ. Онъ не уважалъ ни постановленій своихъ предшественниковъ, ни собственныхъ своихъ законовъ; сегодня перемѣнялъ постановленное вчера, и производилъ повсюду безпорядокъ и замѣшательство. Въ своемъ легкомысліи и увлеченіи властью, онъ доводилъ безуміе до того, что считалъ себя божествомъ. Страхъ доставлялъ ему почитателей; ему воздвигали алтари въ окрестностяхъ стараго Каира, ко-

---

[1]) На Востокѣ, подъ именемъ франковъ разумѣютъ вообще западныхъ европейцевъ.

торый былъ имъ преданъ пламени. Шестнадцать тысячъ его подданныхъ падали предъ нимъ ницъ и молились ему какъ властителю живыхъ и мертвыхъ. Гакемъ презиралъ магометанъ, но не смѣлъ преслѣдовать мусульманъ, по ихъ многочисленности. Этотъ богъ трепеталъ за свою верховную власть и обратилъ весь свой гнѣвъ на христіанъ, которыхъ онъ и выдалъ на жертву ихъ врагамъ. Раздача административныхъ мѣстъ христіанамъ и злоупотребленія при сборѣ податей, который препоручался имъ, навлекли на нихъ ненависть всѣхъ мусульманъ. Когда калифъ Гакемъ подалъ знакъ къ преслѣдованію, христіане находили себѣ повсюду палачей. Сначала преслѣдовали только тѣхъ, которые злоупотребляли властью, а потомъ взялись вообще за христіанскую религію, и самые благочестивые становились самыми виновными. Кровь христіанъ проливалась во всѣхъ городахъ Сиріи и Египта; ихъ мужество среди пытокъ только увеличивало ненависть гонителей. Ихъ жалобы и молитвы принимались за возстаніе и наказывались, какъ самыя преступныя покушенія.

Весьма вѣроятно, что, при преслѣдованіи христіанъ, фанатизмъ соединялся съ политическимъ страхомъ. Гербертъ, архіепископъ Равенны, извѣстный подъ именемъ папы Сильвестра II (см. о немъ у насъ, т. II, стр. 560), видѣлъ бѣдствіе вѣрныхъ, во время своего странствованія въ Іерусалимъ; возвратившись, онъ побуждалъ западные народы поднять оружіе противъ сарацинъ. Всѣ были тронуты жалобами и стенаніями Сіона. Въ концѣ X вѣка, пизанцы, генуэзцы и король Арелата, Бозонъ, предприняли морской походъ противъ сарацинъ и сдѣлали набѣгъ даже на берега Сиріи. Подобныя непріязненныя дѣйствія и увеличивавшееся съ каждымъ годомъ число пилигримовъ внушали справедливыя подозрѣнія властителямъ Востока. Невозможно, говоритъ одинъ изъ главныхъ историковъ крестовыхъ походовъ, Вильгельмъ Тирскій (см. о немъ ниже, въ примѣчаніи къ ст. 41), изобразить всѣ роды преслѣдованій, которыя претерпѣвались въ то время христіанами. Одна изъ жестокостей, испытанныхъ христіанами, дала Тассу матеріалъ для трогательнаго эпизода объ Олиндѣ и Софроніи (см. ниже ст. 22). Какой-то злѣйшій врагъ христіанъ, чтобы увеличить къ нимъ ненависть преслѣдователей, бросилъ ночью въ одну изъ главныхъ городскихъ мечетей издохшую собаку; первые, вошедшіе туда для молитвы, увидѣли съ ужасомъ такое оскверненіе; по городу начали раздаваться угрозы; толпа съ шумомъ обступила мечеть; обвиняли христіанъ и клялись ихъ кровью смыть оскорбленіе, нанесенное Магомету. Всѣ вѣрные предназначались жертвою мести мусульманъ, и они уже готовились къ смерти, какъ одинъ молодой человѣкъ, имя котораго не сохранилось въ исторіи, сталъ въ ихъ средѣ: „Самымъ большимъ несчастіемъ, говорилъ онъ, была бы погибель церкви въ Іерусалимѣ; примѣръ Спасителя поучаетъ насъ, что одинъ долженъ жертвовать собою для спасенія всѣхъ; обѣщайте мнѣ благословлять мое имя ежегодно, почтить мое семейство, и я, съ божіею помощью, пойду и отвращу смерть, которая грозитъ всѣмъ христіанамъ“. Вѣрные приняли эту жертву великодушнаго мученика человѣчества и клялись во вѣки благословлять его имя. Для оказанія почестей его семейству, было

на мѣстѣ опредѣлено, чтобы при ежегодномъ празднованіи Пасхи, во время торжественнаго шествія, каждый изъ его родныхъ несъ, вмѣстѣ съ вѣтвями пальмы, вѣтку оливы, посвященной Спасителю. Довольный тѣмъ, что̀ онъ получалъ въ обмѣнъ за свою временную жизнь, юноша оставилъ собраніе, заливавшееся слезами, отправился къ мусульманскимъ судьямъ и взялъ на одного себя преступленіе, возводимое на всѣхъ почитателей Христа. Судьи, ни мало не тронутые подобнымъ геройствомъ, произнесли надъ нимъ однимъ жестокій приговоръ; съ тѣхъ поръ мечъ болѣе не висѣлъ надъ головою вѣрныхъ, „и такъ, полагая душу свою за братьевъ, тотъ юноша благочестиво опочилъ, воспріявъ наилучшую благодать о Господѣ“ (Вильгельмъ Тирск., кн. I).

Между тѣмъ, христіанъ Палестины ожидали и другія бѣдствія; всѣ религіозные процессіи были запрещены; большая часть церквей обратилась въ конюшни; храмъ Гроба господня былъ разрушенъ до основанія. Христіане, изгнанные изъ Іерусалима, разсѣялись по всему Востоку. Древніе историки разсказываютъ, что вселенная покрылась печалью о святомъ городѣ и была объята ужасомъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ не знали зимы, сдѣлались страшные холода; по Босфору и Нилу шелъ ледъ; въ Сиріи и въ Малой Азіи повторялись землетрясенія въ теченіи двухъ мѣсяцевъ и разрушили много большихъ городовъ. Когда извѣстіе о разореніи святыхъ мѣстъ дошло до Запада, глаза христіанъ омочались слезами. Въ хроникѣ монаха Глабера (см. о немъ у насъ т. II, стр. 889) мы читаемъ, что въ Европѣ обнаруживались признаки, предвѣщавшіе великое бѣдствіе: въ Бургундіи выпалъ каменный дождь, на небѣ показывались кометы и грозные метеоры. Всѣ христіанскіе народы волновались; однако, никто не поднялъ оружія противъ невѣрныхъ, и месть христіанъ обрушилась на евреевъ, которыхъ Европа обвиняла въ возбужденіи ярости мусульманъ (см. выше, на стр. 40).

Бѣдствія святого города дѣлали его еще болѣе уважаемымъ въ глазахъ вѣрныхъ; преслѣдованія удваивали благочестивый фанатизмъ тѣхъ, которые шли въ Азію взглянуть на городъ, покрытый развалинами, и одинъ видъ пустого Гроба доставлялъ имъ наслажденіе. Въ Іерусалимѣ, облеченномъ въ трауръ, думалось имъ, Богъ ниспосылаетъ особенную благодать, и только тамъ ему угодно сообщать свою волю. Шарлатаны часто спекулировали такими убѣжденіями христіанскихъ народовъ, и вводили въ заблужденіе суевѣрную толпу. Для подтвержденія своихъ словъ, имъ было достаточно показать письма, падавшія, по ихъ словамъ, въ Іерусалимѣ съ неба. Въ ту эпоху, предсказанія о свѣтопреставленіи и близкомъ сошествіи І. Христа въ Палестинѣ увеличивали уваженіе народовъ къ святымъ мѣстамъ. Западные христіане толпами стекались въ Іерусалимѣ съ намѣреніемъ или умереть тамъ, или ждать прибытія верховнаго Судьи. Монахъ Глаберъ показываетъ, что притокъ пилигримовъ превзошелъ все, что̀ можно было ожидать отъ благочестія того отдаленнаго времени. Сначала тамъ появлялись бѣдные и простые люди, потомъ графы, бароны и князья, не ставившіе ни во что земное величіе.

Но провидѣніе, наконецъ, какъ бы сжалилось надъ бѣдствіями христіанъ: злой калифъ Гакемъ, говоритъ Вильгельмъ Тирскій, переселился изъ этого міра; Дагеръ, наслѣдовавшій ему, смягчилъ жестокія распоряженія своего отца и дозволилъ вѣрнымъ возобновить церковь Гроба господня. Іерусалимскіе христіане, не имѣя средствъ на такую постройку, обратились къ щедрости византійскаго императора, и онъ доставилъ имъ изъ собственныхъ денегъ необходимую сумму. Такимъ образомъ, 37 лѣтъ спустя по разрушеніи храма Воскресенія, онъ былъ внезапно воздвинутъ, „какъ нѣкогда самъ Спаситель, торжествуя надъ смертью, вышелъ со славою изъ мрака могилы".

Въ XI вѣкѣ, латинская церковь замѣнила пилигримствомъ церковное покаяніе [1]); согрѣшившіе осуждались оставить отечество и должны были скитаться, подобно Каину. Такая форма покаянія вполнѣ соотвѣтствовала дѣятельному и безпокойному характеру западныхъ народовъ; впрочемъ, пилигримство было допускаемо и поощрялось всѣми религіями древними и новыми, такъ оно близко къ самымъ естественнымъ чувствованіямъ человѣка. Если видъ мѣстности, въ которой жилъ герой или мудрецъ, не смотря на то, что ихъ жизнь не связана ни съ какимъ изъ нашихъ вѣрованій, называетъ въ насъ благородныя трогающія воспоминанія; если духъ философа волнуется при взглядѣ на языческія развалины Пальмиры, Вавилона или Аѳинъ, то какъ глубоко должны были чувствовать христіане, видя мѣста, освященныя присутствіемъ ихъ божества, и представлявшіяся ихъ глазамъ и воображенію, какъ колыбель живой вѣры, которая ихъ воодушевляла?

Западные христіане, почти всѣ бѣдствовавшіе на родинѣ и забывавшіе свое горе во время странствованій, были заняты мыслью объ отысканіи на землѣ слѣдовъ спасительнаго божества или какой ни-

---

[1]) Пилигримство въ Палестину началось съ древнѣйшихъ временъ христіанства, и уже въ III и IV вѣкахъ странствованія въ св. Землю сдѣлались до того часты, что влекли иногда за собою злоупотребленія. Св. Августинъ (Serm. III, de martyr. verb.) говорилъ по этому поводу: „Господь не сказалъ: иди на востокъ и ищи правды; плыви на западъ и получишь отпущеніе". Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ (Serm. I): „Не замышляй отдаленныхъ путешествій; будь тамъ, гдѣ вѣруешь, ибо къ тому, кто вездѣсущъ, приходятъ не моремъ, но любовью". Св. Григорій изъ Ниссы, въ письмѣ, подъ заглавіемъ: De euntibus Hierosolymam, возстаетъ еще болѣе рѣзко противъ пилигримствъ; по его мнѣнію, женщины на своемъ пути встрѣчаютъ много случаевъ къ грѣху; І. Христосъ, св. Духъ не обитаютъ въ одномъ мѣстѣ болѣе, нежели въ другомъ; въ этомъ же письмѣ онъ отзывается съ горечью о нравахъ самихъ жителей Іерусалима, предававшихся самымъ тяжкимъ преступленіямъ, не смотря на то, что они имѣли всегда предъ глазами Лобное Мѣсто и другія мѣста, посѣщаемыя пилигримами. Св. Іеронимъ, хотя и самъ странствовалъ въ Палестину, но тѣмъ не менѣе раздѣлялъ тотъ взглядъ на пилигримство и въ одномъ письмѣ выразился такъ: „Небесное царство одинаково открыто, какъ изъ Іерусалима, такъ и изъ Британніи". Онъ же говорилъ, что безчисленное множество святыхъ и богослововъ наслаждаются вѣчною жизнью, никогда не видавъ Іерусалима (№ II Eclaircissem. къ т. I, стр. 546).

будь святой личности. Не было страны, которая не имѣла бы мученика или апостола, для обращенія къ нимъ съ мольбою о помощи; не было города или мѣстечка, гдѣ не сохранялось бы воспоминаніе о судѣ, и не было бы воспоминаніе о судѣ, и не было бы капеллы открытой для богомольцевъ. Самые тяжкіе грѣшники или болѣе ревностные изъ вѣрныхъ подвергали себя и большимъ опасностямъ, предпринимая болѣе отдаленныя странствованія. Иногда они направляли благочестивый путь въ Апулію и Калабрію, посѣщая Гаргано, знаменитый чудомъ св. Михаила, или Кассино, прославленный чудесами св. Бенедикта; иногда они переходили Пиринеи, и въ странѣ, принадлежавшей сарацинамъ, ходили молиться надъ мощами св. Іакова, въ Галисію. Одни, какъ король французскій Робертъ, отправлялись въ Римъ, чтобы распростерться надъ могилою Петра и Павла; другіе шли въ Египетъ, гдѣ І. Христосъ провелъ свое дѣтство, и странствовали по пустынямъ Мемфиса, обитаемымъ учениками Павла и Антонія. Но наибольшее число богомольцевъ шло въ Палестину; они входили въ Іерусалимъ Ефраимскими воротами, гдѣ вносилась подать сарацинамъ. Изготовившись постомъ и молитвою, они вступали въ церковь Гроба господня, покрытые саваномъ, который сохранялся ими всю жизнь, и въ которомъ ихъ погребали по смерти. Съ священнымъ благоговѣніемъ посѣщали они гору Сіонъ, Масличную гору, долину Іосафата; изъ Іерусалима богомольцы ходили въ Виѳлеемъ, гдѣ родился Спаситель міра, на гору Ѳаворъ, гдѣ онъ преобразился, и по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя были свидѣтелями его чудесъ. Послѣ того, они отправлялись омыться въ рѣкѣ Іорданѣ и собирали на землѣ Іерихона пальмы, съ которыми возвращались на Западъ.

Таковъ былъ духъ благочестія въ X и XI вѣкахъ, и большая часть христіанъ обвинили бы себя въ неуваженіи къ религіи, если бы не было ими предпринято то или другое странствованіе. Кто избѣгалъ отъ опасности и одерживалъ побѣду надъ врагомъ, тотъ бралъ посохъ пилигрима и шелъ ко святымъ мѣстамъ; кто спасъ молитвами жизнь отца или сына, шелъ благодарить небо далеко отъ родины въ страны, освященныя религіозными преданіями. Часто отецъ предназначалъ своего сына еще въ колыбели къ богомолью, и первою обязанностью сына, когда онъ приходилъ въ возрастъ, было исполнить обѣтъ родителей. Нерѣдко сновидѣніе или явленіе во время сна налагало на христіанина обязанность предпринимать странствованіе. Такимъ образомъ, мысль о богомольѣ проистекала изъ религіознаго чувства, но примѣшивалась ко всѣмъ доблестямъ и слабостямъ человѣческаго сердца, ко всемъ печалямъ и радостямъ земной жизни. Пилигримовъ принимали вездѣ, и вмѣсто платы просили у нихъ только молитвъ, бывшихъ часто единственнымъ сокровищемъ, которымъ они запасались въ дорогу. Одинъ изъ такихъ, желая сѣсть въ Александріи на корабль, отходившій въ Палестину, явился съ посохомъ и котомкой и вмѣсто перевозной платы предлагалъ евангеліе. Пилигримы не имѣли на своемъ пути другой защиты отъ нападенія злыхъ людей, кромѣ креста, и путеводителями считали ангеловъ, „которымъ Богъ предписалъ охранять дѣтей“ и „наставлять ихъ на всѣхъ ихъ путяхъ“. Преслѣдованія, испытанныя на дорогѣ,

только увеличивали славу пилигрима, и внушали вѣрнымъ особое къ нимъ уваженіе. Фанатизмъ побуждалъ ихъ даже вызывать опасности; исторія повѣствуетъ объ одномъ монахѣ Ричардѣ, аббатѣ св. Витона, въ Вердюнѣ, какъ онъ, придя въ страну невѣрныхъ, останавливался предъ городскими воротами, отправлялъ богослуженіе и, испытывая постоянныя оскорбленія и насилія со стороны мусульманъ, вмѣнялъ себѣ въ славу переносить всякаго рода бѣдствія во имя І. Христа.

Въ глазахъ вѣрныхъ, послѣ пилигримства, считалось важнѣйшею заслугою посвящать себя на службу пилигримамъ. Для пріема странниковъ устроивались госпитали (hospes, гость; гостинницы) на берегахъ рѣкъ, на вершинахъ горъ, среди городовъ и мѣстахъ пустынныхъ. Съ IX вѣка, пилигримы, отправлявшіеся изъ Бургундіи въ Италію, находили себѣ пріютъ въ монастырѣ, устроенномъ на горѣ Ценисѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, два монастыря для заблудившихся странниковъ замѣнили языческіе храмы на горахъ Юпитера (montes Jovis), которыя съ того времени утратили свои языческія наименованія, и получили новыя въ честь своего святого основателя Бернарда изъ Ментоны. Христіане, ходившіе въ Іудею, имѣли много пристанищъ, основанныхъ благочестіемъ на границахъ Венгріи и въ странахъ Малой Азіи....

Пилигримъ считался привилегированнымъ лицомъ среди прочихъ вѣрныхъ. По окончаніи своего странствованія, онъ пріобрѣталъ особенную святость; его отправленіе и возвращеніе сопровождалось религіозными обрядами. Когда онъ шелъ въ дорогу, священникъ подавалъ ему, вмѣстѣ съ котомкой и посохомъ, полотно съ изображеніемъ креста; его одежды окроплялись святою водою, и духовенство провожало его съ процессіею до слѣдующаго прихода. Возвратившись на родину, пилигримъ воздавалъ хвалу Богу и представлялъ священнику пальмовую вѣтвь для возложенія ея на церковный алтарь въ знакъ счастливо оконченнаго предпріятія [1]).

---

[1]) Дю Канжъ, въ своемъ Glossarium, подъ словомъ *Peregrinatio*, соединилъ все что въ средніе вѣка относилось къ правамъ и обязанностямъ пилигрима. Когда кто нибудь рѣшался отправиться въ св. Землю, онъ долженъ былъ получить согласіе родственниковъ и дозволеніе своего епископа; сначала обсуждали его жизнь и нравы, и изслѣдовали, не вслѣдствіе-ли пустого любопытства видѣть чужія страны идетъ онъ въ Св. землю: въ этомъ отношеніи соблюдалась особенная строгость къ лицамъ духовнымъ; боялись, что въ нихъ пилигримство было однимъ предлогомъ возвратиться къ свѣтской жизни. Когда оканчивались всѣ подобныя справки, пилигримъ получалъ за обѣднею изъ рукъ епископа посохъ, котомку и благословеніе; ему давался сверхъ того родъ паспорта, которымъ рекомендовали странника монастырямъ, священникамъ и всѣмъ вѣрнымъ. Такіе паспорты писались въ слѣдующей обычной формѣ, которая сохранилась до насъ:

„Ко всѣмъ святымъ, достопочтенной братіи, королямъ, властителямъ, епископамъ, графамъ, аббатамъ и проч. и ко всему христіанскому народу, какъ въ городахъ, деревняхъ, такъ и въ монастыряхъ! Во имя Бога мы свидѣтельствуемъ симъ Вашему Величеству, или Вашему Сіятельству, что предъявитель сего, нашъ братъ (такой-то) просилъ у насъ дозволенія идти съ миромъ на богомолье (туда-то), или для отпу-

Богатые предпринимали однако отдаленныя странствованія только по одному тщеславію, и потому монахъ Глаберъ замѣчаетъ, что многіе христіане ходили въ Іерусалимъ съ цѣлью изумлять собою и разсказывать по возвращеніи о видѣнныхъ ими чудесахъ. Многихъ увлекала также любовь къ праздности и перемѣнѣ; иные желали увидѣть новыя страны. Были и такіе христіане, которые проводили всю жизнь въ странствованіяхъ и посѣщали Іерусалимъ по нѣскольку разъ. Такъ-какъ каждый пилигримъ долженъ былъ имѣть съ собою паспортъ (см. выше прим. 1, на стр. 68), то безпорядки не могли имѣть мѣста, и дѣйствительно исторія не представляетъ сначала ни одного случая насилія со стороны пилигримовъ, не смотря на то, что цѣлыя толпы ихъ покрывали дорогу на Востокъ. Одинъ мусульманскій правитель, видя множество пилигримовъ, проходившихъ чрезъ Эмессу, говорилъ: «Они оставили свои жилища безъ всякаго худого намѣренія и исполняютъ тѣмъ свой законъ». Извѣстно, что мусульмане имѣли еще болѣе христіанъ наклонности къ пилигримству, и это обстоятельство внушало имъ иногда чувство терпимости къ благочестивымъ странникамъ Запада. Часто врата Іерусалима открывались вмѣстѣ и для послѣдователей Корана, пришедшихъ на поклоненіе мечети Омара, и для учениковъ Евангелія, которые шли поклониться Гробу Спасителя; и тѣ, и другіе находили одинаковое покровительство, пока сохранялся миръ на Востокѣ, и пока перевороты или военныя предпріятія не внушали недовѣрія властителямъ Сиріи и Палестины.

Ежегодно, въ праздникъ пасхи, безчисленныя толпы пилигримовъ стекались въ Іудею для празднованія тайны искупленія и для присутствія при чудѣ священнаго огня, который по вѣрованію пилигримовъ, сходилъ съ неба на лампаду св. Гроба (см. ниже ст. 25). Не было такого преступленія, которое не могло бы быть искуплено странствованіемъ въ Іерусалимъ, для поклоненія Гробу Господню,

---

щенія грѣховъ, или для молитвы о нашемъ спасеніи; а по сему мы вручили ему настоящую грамоту, въ которой, привѣтствуя васъ, просимъ именемъ любви къ Богу и св. Петру принять его какъ гостя и быть ему полезнымъ на пути, какъ туда, такъ и оттуда, чтобы онъ возвратился здоровъ и невредимъ въ домъ свой; и по вашему доброму обычаю, дайте ему счастливо провести дни свои. Да хранитъ васъ Богъ присно царствующій въ своемъ царствіи. Мы привѣтствуемъ васъ отъ всего сердца". За тѣмъ слѣдовала печать епископа или сузерена. Получивъ такой паспортъ, пилигримъ долженъ былъ отправляться немедленно, подъ страхомъ быть объявлену клятвопреступникомъ; одинъ епископъ, и то въ крайнемъ случаѣ, могъ разрѣшить отъ обѣта. Въ назначенный день, родственники, друзья и всѣ благочестивые люди провожали пилигримовъ на извѣстное разстояніе отъ города; тамъ они получали благословеніе и пускались въ дальнѣйшій путь. На дорогѣ, странникъ освобождался отъ всякихъ пошлинъ; его принимали въ каждомъ замкѣ, и отказъ считали вѣроломствомъ; съ странникомъ обходились, какъ съ капелланомъ, за столомъ котораго онъ ѣлъ, если только по смиренію не предпочиталъ самъ оставаться наединѣ. На кораблахъ съ пилигрима брали самую умѣренную цѣну, а марсельцы перевозили даромъ на своихъ судахъ (№ 11 Eclaircissem. къ т. I, стр. 583).

Изъ „Дѣяній святыхъ“ видно, что такое убѣжденіе утвердилось среди франковъ еще со временъ Лотаря, въ IX вѣкѣ. Одинъ древній разсказъ изъ той эпохи, сохраненный монахомъ изъ Редона, повѣствуетъ намъ, какъ могущественный герцогъ Бретани, Фротмондъ, убійца своего дяди и младшаго изъ братьевъ, явился въ одеждѣ кающагося и предсталъ предъ королемъ франковъ и собраніемъ епископовъ. Король и прелаты, связавъ его крѣпко желѣзною цѣпью, предписали ему отправиться на Востокъ и обойти святую землю, съ головою, посыпанной пепломъ, и съ власяницею на тѣлѣ. Отвратительный видъ, который представляли пилигримы, обнаженныя и въ цѣпяхъ, заставилъ Карла Великаго одно время запретить такое публичное покаяніе, но скоро этотъ обычай пріобрѣлъ новую силу. Фротмондъ, сопровождаемый служителями и участниками преступленія, отправился въ Іерусалимъ. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, онъ прошелъ по пустынѣ, явился на берегахъ Нила, оттуда по берегу Африки достигъ Карѳагена и переѣхалъ въ Римъ, гдѣ папа Бенедиктъ III († 858) совѣтовалъ ему снова предпринять странствованіе для полнаго отпущенія грѣховъ. Фротмондъ посѣтилъ вторично Палестину, проникъ до береговъ Чермнаго моря, три года провелъ на горѣ Синаѣ и ходилъ въ Арменію, чтобы увидѣть гору, на которой остановился ковчегъ Ноя послѣ потопа. По возвращеніи въ отечество, онъ былъ принятъ, какъ святой, заключился въ монастырѣ Редонѣ и умеръ оплакиваемый иноками, которыхъ онъ назидалъ разсказами о своихъ странствованіяхъ.

Много лѣтъ спустя по смерти Фротмонда, Ценцій, префектъ Рима (см. о немъ въ т. II, 793), оскорбившій папу Григорія VII въ церкви св. Маріи-Старшей, свергшій его отъ престола и бросившій въ темницу, долженъ былъ для искупленія своего святотатства предпринять странствованіе въ св. Землю. Графъ Анжу, Фулько Черный, жившій въ то же время (XI вѣкъ) былъ обвиненъ въ томъ, что онъ умертвилъ свою первую жену и часто обагрялъ руки невинною кровью. Преслѣдуемый общественною ненавистью и голосомъ совѣсти, онъ часто видѣлъ, какъ тѣни жертвъ его мести или самолюбія выходили изъ могилъ и безпокоили его сонъ. Чтобы освободиться отъ такого тяжелаго кошемара, преслѣдовавшаго его повсюду, Фулько покинулъ свое государство и отправился одѣтый пилигримомъ въ Палестину. Буря у береговъ Сиріи напомнила ему гнѣвъ Провидѣнія и удвоила его религіозный жаръ. Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ шелъ по улицамъ св. города съ веревкою на шеѣ; служители бичевали его и при этомъ громко произносили: „Господи, сжалься надъ невѣрнымъ и вѣроломнымъ христіаниномъ, надъ грѣшникомъ, странствующимъ далеко отъ своей земли!“ Во время пребыванія въ Палестинѣ, Фулько раздавалъ щедрую милостыню, облегчалъ бѣдствія пилигримовъ и оставилъ вездѣ воспоминанія о своемъ благочестіи и милосердіи. Современныя хроники разсказываютъ при этомъ съ удовольствіемъ тотъ благочестивый обманъ, къ которому прибѣгнулъ графъ Анжу, чтобы выхлопотать у сарацинъ дозволеніе посѣтить Гробъ Господень:

„Графъ предложилъ сарацинамъ большое количество золота, чтобъ

быть допущеннымъ въ храмъ Гроба господня, но они не соглашались, если онъ не сдѣлаетъ того же, что они требовали отъ другихъ христіанскихъ князей. Фулько имѣлъ такое сильное желаніе войти туда, что обѣщалъ сдѣлать все, что они ни захотятъ. Тогда сарацины объявили ему, что они впустятъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ дастъ клятву осквернить гробъ своего божества. Графъ, еслибъ было то возможно, предпочелъ бы умереть тысячу разъ, нежели рѣшиться на что нибудь подобное; но видя въ то же время, что иначе онъ не будетъ допущенъ въ святое мѣсто, къ которому онъ питалъ столь нѣжную привязанность, и для посѣщенія котораго прибылъ изъ отдаленной страны съ столь великими трудами и опасностями, Фулько далъ согласіе, и между ними было условлено, что онъ войдетъ завтра. Съ вечера, графъ Анжу легъ въ своемъ жилищѣ, а утромъ на слѣдующій день взялъ небольшую стклянку, довольно плоскую, и, наполнивъ ее чистѣйшею и благоуханною розовою водой (или бѣлымъ виномъ, какъ полагаютъ другіе), помѣстилъ ее въ складкахъ своихъ панталонъ: съ этимъ онъ явился къ обѣщавшимъ ему доступъ, заплатилъ сумму, которую невѣрные безбожники потребовали отъ него, и былъ впущенъ въ то желанное мѣсто Гроба господня, въ которомъ Господь нашъ опочилъ послѣ своихъ торжественныхъ страстей; ему сказали, что онъ долженъ теперь исполнить обѣщанное или будетъ изгнанъ. Тогда графъ, изъявивъ готовность, отстегнулъ петлю въ складкѣ, и показывая видъ, что онъ мочится, облилъ Гробъ господень тою чистою и душистою розовою водой. Язычники, полагая, что онъ помочился на дѣлѣ, начали смѣяться надъ нимъ; но благочестивый графъ не обращалъ вниманія на ихъ насмѣшки и съ плачемъ и слезами распростерся у Гроба господня. Послѣ, приблизившись для облобызанія самого Гроба, графъ увидѣлъ, что божественное милосердіе благосклонно приняло его ревность, потому что камень Гроба, твердый и крѣпкій, при лобызаніи сдѣлался мягокъ и гибокъ, какъ воскъ, разогрѣтый на огнѣ. Графъ кусилъ камень и не замѣченный невѣрными унесъ во рту большой кусокъ; послѣ того онъ спокойно посѣтилъ всѣ другія святыя мѣста (Gesta consulum Andeg. Spicileg., t. X, p. 463)“ [1]).

Возвратившись въ свои владѣнія, графъ Анжу хотѣлъ имѣть постоянно предъ глазами мѣста, которыя были имъ посѣщены, и съ этою цѣлью построилъ, около замка Лошъ (Loches), церковь, подобную храму Воскресенія. Тамъ онъ молился каждый день, но его мольбы еще не смягчили божественное милосердіе. Вскорѣ онъ снова почувствовалъ то смятеніе сердца, которое тревожило его прежде. Фулько отправился вторично въ Іерусалимъ, и тамъ выраженіями своего раскаянія и суровостью истязаній наставлялъ вѣрующихъ. На обратной дорогѣ въ Европу чрезъ Италію, онъ освободилъ папу отъ страшнаго врага, опустошавшаго римскія владѣнія. Папа вознаградилъ его ревность, хвалилъ за благочестіе и далъ полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Благородный пилигримъ возвратился на-

[1]) Это мѣсто изъ лѣтописи Анжуйской авторъ помѣстилъ въ концѣ тома, въ своихъ Eclaircissem. на стр. 563

конецъ въ свое графство, неся съ собою огромное количество мощей, которыми онъ украсилъ церкви Лоша и Анжера. Съ того времени, онъ занимался въ мирѣ постройкою монастырей и городовъ, что и доставило ему прозванiе *великаго строителя*. Такiя заслуги и благодѣянiя доставляли ему благословенiе церкви и народа, который благодарилъ Бога, обратившаго владѣтеля страны на путь кротости и добра. Повидимому, Фулько не могъ болѣе бояться ни суда божескаго, ни человѣческаго; но голосъ совѣсти и душевныя волненiя были такъ велики, что угрызенiя не могли быть ничѣмъ заглушены, ни даже двукратнымъ пилигримствомъ ко Гробу господню. Несчастный графъ рѣшился предпринять въ третiй разъ странствованiе въ Iерусалимъ; снова Палестина увидѣла его обливающимъ новыми слезами Гробъ и оглашающимъ своими стенанiями св. мѣста. Посѣтивъ Палестину и поручивъ свою душу молитвамъ отшельниковъ, на которыхъ было возложено принимать и утѣшать странниковъ, онъ оставилъ Iерусалимъ, чтобы возвратиться въ отечество, которое не суждено было ему видѣть: онъ заболѣлъ и умеръ въ Метцѣ. Тѣло его было перенесено и предано землѣ въ церкви Гроба господня, построенной имъ близъ Лоша. Сердце покойнаго положили въ церкви Метца, гдѣ, спустя столько вѣковъ послѣ его смерти, можно видѣть еще и теперь мавзолей, называемый гробницею Фулько, графа Анжу.

Въ то же время, около половины одиннадцатаго столѣтiя, Робертъ Фландрскiй и Беренгаръ II, графъ Барселонскiй, предприняли для очищенiя себя отъ грѣховъ странствованiе въ Палестину. Послѣднiй не могъ перенести тяжкихъ испытанiй, возложенныхъ имъ на себя, и умеръ въ Азiи. Робертъ вернулся въ свое государство, гдѣ его подвигъ возвратилъ ему расположенiе духовенства, которое онъ намѣревался ограбить. Еще до нихъ, ходилъ въ Палестину Фридрихъ, графъ г. Вердюна, принадлежавшiй къ фамилiи, которая въ послѣдствiи считала однимъ изъ своихъ героевъ Готфрида Бульонскаго. Отправляясь въ Азiю, Фридрихъ отказался отъ земного величiя и уступилъ свое графство епископу Вердюна. По возвращенiи въ Европу, онъ рѣшился окончить дни свои въ монастырѣ и умеръ прiоромъ аббатства святого аббата Васта, около Арраса.

Даже слабый и боязливый полъ не былъ удерживаемъ затрудненiями и опасностями длиннаго пути. Елена, родившаяся въ знатномъ семействѣ въ Швейцарiи и заподозрѣнная въ убiйствѣ своего зятя, оставила родину и отправилась пѣшкомъ на Востокъ. Посѣтивъ св. мѣста, она возвратилась на родину и погибла жертвою непрiязни родственниковъ и соотечественниковъ, снискавъ пальму мученичества, по словамъ одной древней легенды. Нѣсколько вѣрующихъ, тронутыхъ ея благочестiемъ. воздвигли въ ея память капеллу на островѣ Зеландiи, близъ фонтана, который и до сихъ поръ называется фонтаномъ св. Елены. Сѣверные христiане долгое время ходили на богомолье въ тѣ мѣста и посѣщали гротъ, въ которомъ жила Елена предъ отправленiемъ въ Iерусалимъ.

Между знатными пилигримами того вѣка считаютъ также Роберта, герцога Нормандiи, отца Вильгельма Завоевателя. Исторiя обвиняетъ его въ отравленiи своего брата Ричарда. Угрызенiя совѣсти

привели его въ Палестину; онъ прибылъ туда сопровождаемый большимъ числомъ рыцарей и бароновъ, съ котомкою и посохомъ въ рукѣ, босоногій и покрытый саваномъ покаянія. Робертъ, какъ онъ выражался самъ, ставилъ бѣдствія, испытываемыя имъ за І. Христа, выше лучшаго города въ своемъ герцогствѣ. Прибывъ въ Константинополь, онъ презрѣлъ роскошью и подарками императора и явился ко двору простымъ пилигримомъ. Заболѣвъ въ Малой Азіи, онъ отказался отъ услугъ христіанъ своей свиты, и далъ сарацинамъ нести себя въ носилкахъ. Нормандскій пилигримъ, встрѣтивъ его, спрашивалъ, не имѣетъ-ли онъ поручить ему приказаній для его подданныхъ. „Иди сказать моему народу, отвѣчалъ онъ, что ты видѣлъ, какъ дьяволы несли христіанскаго князя въ рай". Прибывъ къ вратамъ Іерусалима, онъ нашелъ тамъ толпу пилигримовъ, которые не имѣли чѣмъ заплатить за входъ пошлину невѣрнымъ. Робертъ внесъ за каждаго изъ нихъ по золотой монетѣ и вступилъ вмѣстѣ съ ними посреди восклицаній христіанъ. Во время своего пребыванія, онъ отличался благочестіемъ и въ особенности щедростью, которая распространялась даже на невѣрныхъ. На обратномъ пути въ Европу онъ умеръ въ Никеѣ, въ Виѳиніи, занятый мыслью единственно о мощахъ, которые онъ вынесъ изъ Палестины, и сожалѣя о томъ, что не кончилъ своихъ дней въ святомъ городѣ.

Величайшимъ счастьемъ для пилигрима, о которомъ онъ молилъ небо, какъ о наградѣ за труды и утомленіе, было умереть, какъ и Іисусъ Христосъ, въ св. городѣ. Когда богомольцы являлись ко Гробу Господню, они обыкновенно говорили слѣдующую молитву: „Ты, умершій за насъ и погребенный въ этомъ святомъ мѣстѣ, сжалься надъ нами и возьми насъ нынѣ отъ этой юдоли слезъ". Исторія разсказываетъ объ одномъ христіанинѣ, родившемся около г. Отёнь (Autune), который, придя въ Іерусалимъ, искалъ смерти въ чрезмѣрныхъ постахъ и умерщвленіяхъ плоти. Однажды онъ оставался долгое время на Масличной горѣ съ глазами обращенными къ небу и поднятыми руками; ему казалось, что Богъ призываетъ его къ себѣ. Возвратившись въ страннопріимный домъ, онъ воскликнулъ троекратно: „Слава тебѣ, Господи", и внезапно умеръ на глазахъ своихъ спутниковъ, которые остались пораженными чудомъ его смерти.

Стремленіе достигнуть святости путешествіемъ въ Іерусалимъ сдѣлалось наконецъ до того всеобщимъ, что толпы пилигримовъ ужасали своимъ числомъ тѣ страны, по которымъ они проходили; хотя они еще не искали битвъ, но имъ уже давали названіе *войска господня* (exercitus Domini), и многіе памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что христіане весьма часто во время своихъ странствованій въ Іерусалимъ носили на себѣ изображеніе креста, какъ въ послѣдствіи то дѣлалось во время войнъ, предпринятыхъ для освобожденія Гроба господня. Въ 1054 году, Ліутбертъ, епископъ Камбрэ, отправился въ св. Землю, сопровождаемый болѣе чѣмъ тремя-тысячами пилигримовъ. Когда онъ пустился въ дорогу, народъ и духовенство сопровождали его за городомъ на разстояніи трехъ льё, и со слезами на глазахъ молили Бога о благополучномъ возвращеніи ихъ епископа

и ихъ братьевъ. Пилигримы прошли Германію, не встрѣтивъ непріятеля; но въ Болгаріи имъ попались дикіе люди, населявшіе лѣса и жившіе грабежемъ. Бóльшая часть ихъ была избита варварами, а иные умерли съ голода среди пустынь. Ліутбертъ съ трудомъ достигъ Лаодикеи, сѣлъ на корабль вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими спутниками и былъ выброшенъ бурею на берега Кипра. Онъ видѣлъ, какъ погибла большая часть пилигримовъ; другимъ угрожала нищета. Возвратившись въ Лаодикею, они узнали, что самая главная опасность ждетъ ихъ еще впереди, на дорогѣ къ Іерусалиму. Епископъ Камбрэ чувствовалъ; что его оставляетъ мужество, и полагалъ, что самъ Богъ противится его пилигримству. Преодолѣвъ тысячи препятствій, онъ возвратился на родину, гдѣ и построилъ церковь во имя Гроба господня, котораго онъ не могъ увидать.

Десять лѣтъ спустя послѣ Ліутберта, съ береговъ Рейна отправились въ Палестину 7000 христіанъ, въ числѣ которыхъ находились архіепископъ Майнцскій и епископы Регенсбургскій, Бамбергскій и Утрехтскій. Этотъ многочисленный караванъ, предвѣщавшій близость крестовыхъ походовъ, прошелъ чрезъ Германію, Венгрію, Болгарію и Ѳракію, и былъ принятъ въ Константинополѣ императоромъ Константиномъ Дукою. Посѣтивъ храмы Византіи и поклонившись многочисленнымъ ихъ мощамъ, предмету почитаній грековъ, западные пилигримы прошли безопасно всю Малую Азію и Сирію; но при приближеніи къ Іерусалиму, богатства ихъ возбудили корысть арабовъ-бедуиновъ, одной безпорядочной орды, не имѣвшей ни отечества, ни жилищъ, и сдѣлавшейся ужасною среди междоусобій Востока. Арабы напали на пилигримовъ и принудили ихъ укрыться въ одномъ покинутомъ укрѣпленіи. Засѣвъ въ его развалины, они отражали три дня нападенія варваровъ, которыхъ силы возрастали съ каждымъ часомъ и наконецъ дошли до 12 тысячъ. Пилигримы, истощенные голодомъ и усталостью, и не имѣя для защиты ничего кромѣ камней, предложили начать переговоры о сдачѣ. Но эти переговоры повели къ ссорѣ, которая была бы весьма печальна для христіанъ, доведенныхъ до отчаянія, если бы не подоспѣлъ къ нимъ на помощь эмиръ Рамлы, предувѣдомленный бѣглецами: онъ спасъ имъ жизнь и сокровища и за умѣренную подать далъ имъ конвой, который сопровождалъ ихъ до самыхъ воротъ св. города. Молва о ихъ битвахъ и опасностяхъ предшествовала имъ въ Іерусалимѣ: они были приняты весьма торжественно патріархомъ и отведены въ храмъ Гроба господня при звукѣ цимбаловъ и при свѣтѣ факеловъ. Гора Сіонъ, Масличная гора долина Іосафата, были свидѣтелями ихъ благочестиваго восторга. Они не могли посѣтить береговъ Іордана и другихъ прославленныхъ мѣстъ Іудеи, изъ опасенія набѣга со стороны арабовъ. Потерявъ на пути всего 3.000 человѣкъ, они возвратились въ Европу разсказывать свои трагическія приключенія и опасности странствованія въ св. Землю.

Между тѣмъ, западнымъ пилигримамъ и палестинскимъ христіанамъ угрожали еще бóльшія бѣдствія. Варварская нація, бичъ другихъ народовъ, «молотъ наковальный, тяготѣвшій надъ всею землею», какъ выразился Вильгельмъ Тирскій, была выдвинута на нихъ гнѣвомъ господ-

нимъ. Уже нѣсколько вѣковъ сряду, богатыя страны востока подвергались безпрерывнымъ нападеніямъ ордъ, выходившимъ изъ Татаріи. По мѣрѣ того, какъ одни воинственныя колѣна изнѣживались роскошью и слабѣли отъ недѣятельности мира, ихъ замѣщали новыя толпы, приносившія съ собою всю необузданность и варварство степей. Турки, вышедшіе изъ странъ, лежавшихъ по ту сторону Оксуса, овладѣли Персіею, гдѣ ихъ помѣстилъ и терпѣлъ султанъ Махмудъ, по своей непредусмотрительности. Сынъ Махмуда вступилъ съ ними въ битву, въ которой онъ сдѣлалъ чудеса храбрости; „но судьба, говоритъ Фериста (писатель Индіи, XVII вѣка), обратилась противъ него; онъ оглядывался вокругъ себя во время сраженія, и, исключая его отрядъ, вся остальная армія поглотила путь бѣгства“. На самомъ мѣстѣ побѣды, турки приступили къ выбору султана. Множество стрѣлъ были собраны въ одинъ пукъ; на каждой стрѣлѣ было написано названіе колѣна, семьи и воина. Ребенокъ вытянулъ три стрѣлы въ присутствіи всего войска, и судьба предоставила корону Тогрулъ-Беку, внуку Сельджука. Тогрулъ-Бекъ (1038—1063), честолюбіе котораго равнялось его храбрости, увѣровалъ вмѣстѣ съ своею дружиною въ Магомета, и вскорѣ къ титулу завоевателя Персіи присоединилъ имя покровителя религіи мусульманской.

Въ то время, берега Тигра и Евфрата были возмущаемы возстаніемъ эмировъ, которые дѣлили между собою остатки Багдадскаго Калифата. Калифъ Кайемъ просилъ помощи у Тогрула и обѣщалъ новому повелителю Персіи завоеваніе всей Азіи. Тогрулъ, наименованный временнымъ намѣстникомъ, отправился въ походъ, разсѣялъ мятежниковъ, опустошилъ провинціи и явился въ Багдадъ, чтобы пасть къ ногамъ калифа, который торжествовалъ побѣду своихъ освободителей и утвердилъ ихъ право на власть. Во время этой важной церемоніи, Тогрулъ былъ по-очереди облеченъ въ семь одеждъ; ему подарили семь рабовъ, рожденныхъ въ семи климатахъ арабскихъ владѣній; въ знакъ его власти надъ востокомъ и западомъ, ему подпоясали два меча, и на голову возложили двѣ короны.

Страны, на которыя указалъ намѣстникъ Магомета честолюбію новыхъ завоевателей, были вскорѣ завоеваны ихъ оружіемъ. Въ правленіе Альпъ-Арслана (1063—1072 г.) и Малекъ-Шаха, преемниковъ Тогрула, семь вѣтвей династіи Сельджуковъ раздѣлили между собою обширныя провинціи Азіи. Едва прошло 30 лѣтъ со времени завоеванія Персіи турками, какъ ихъ военныя и пастушескія поселенія распространились уже отъ Оксуса до Евфрата, и отъ Инда до Геллеспонта. Намѣстникъ Малекъ-Шаха пронесъ свое оружіе до береговъ Нила и овладѣлъ Сиріею, подвластною калифамъ Фатимидскимъ. Палестина подпала также власти турокъ; на стѣнахъ Іерусалима развѣвалось черное знамя Аббассидовъ. Побѣдители не щадили ни христіанъ, ни дѣтей Али, которыхъ Багдадскій калифъ считалъ врагами Аллаха. Египетскій гарнизонъ былъ вырѣзанъ; мечети и церкви разграблены. Св. городъ утопалъ въ крови христіанъ и мусульманъ. При этомъ, исторія вмѣстѣ съ Писаніемъ можетъ сказать, что Богъ „предалъ дѣтей своихъ ненавидящимъ ихъ“. Такъ какъ власть новыхъ завоевателей Сиріи и Іудеи была еще новая и не успѣла утвер-

диться, то она обнаруживала безпокойство, ревность и насиліе. Христіанамъ пришлось переносить бѣдствія, какихъ не испытывали и ихъ отцы подъ управленіемъ калифовъ Багдада и Каира.

Когда пилигримы латинской церкви, пройдя враждебныя страны и подвергнувшись тысячамъ опасностей, являлись, наконецъ, въ Палестину, ворота св. города открывались только тѣмъ, которые могли заплатить золотую монету; а такъ-какъ пилигримы были, бóльшею частью, бѣдны и лишались послѣдняго отъ грабежа во время пути, то имъ приходилось бродить подъ стѣнами Іерусалима, для котораго они пожертвовали всѣмъ. Бóльшая часть ихъ погибала отъ голода, жажды, наготы, или отъ непріятельскаго меча. Даже и тѣ, которые успѣвали попасть въ городъ, не были обезпечены отъ опасностей; угрозы и оскорбленія со стороны мусульманъ преслѣдовали ихъ на Лобномъ Мѣстѣ, на горѣ Сіонѣ и въ другихъ мѣстахъ, которыя они посѣщали. Когда случалось имъ собираться въ храмахъ св. города, яростная толпа являлась прерывать своими криками божественную службу, топтала ногами священные сосуды; иные садились на алтари, оскорбляли и били розгами духовныхъ, облеченныхъ въ пастырскія ризы. Чѣмъ болѣе вѣрные обнаруживали свою благочестивую ревность, тѣмъ усиленнѣе становилась ярость мусульманъ. Ихъ изступленное варварство являлось во всей силѣ особенно во время торжественныхъ дней; и каждый годъ, дни самые уважаемые въ церкви христіанской, какъ-то: рождества, смерти и воскресеніе Спасителя, были обозначаемы преслѣдованіями и смертью его учениковъ. Пилигримы, возвратившись въ Европу, разсказывали все, что они видѣли, и что претерпѣли. Ихъ разсказы, преувеличенные еще молвою, перелетавшею изъ устъ въ уста, исторгали слезы вѣрующихъ.

Пока турки, подъ начальствомъ Тутуша и Ортока, опустошали Сирію и Палестину, другія колѣна этого народа, предводительствуемыя Солиманомъ, племянникомъ Малекъ-Шаха (Килиджъ-Арсланомъ), проникли въ Малую Азію. Они овладѣли всѣми провинціями, чрезъ которыя обыкновенно проходили западные пилигримы, слѣдовавшіе въ Іерусалимъ. Всѣ эти страны, гдѣ христіанская религія распространила свой первый свѣтъ, и города, имя которыхъ прославилось въ лѣтописяхъ первоначальной церкви, подпали игу невѣрныхъ. Знамя пророка Мекки развѣвалось надъ стѣнами Эдессы, Иконія, Тарса, Антіохіи. Никея сдѣлалась столицею мусульманъ, и тамъ ругались надъ именемъ Христа, гдѣ первый вселенскій соборъ провозгласилъ Символъ вѣры. Стыдливость дѣвъ была оскорбляема варварствомъ побѣдителей. Дѣти обрѣзались тысячами; повсюду коранъ вытѣснялъ законы Греціи и евангеліе. Черныя палатки и бѣлыя палатки турокъ покрывали собою долины и горы Виѳиніи и Каппадокіи, и ихъ стада бродили среди развалинъ монастырей и церквей.

Мишо.

Histoire des Croisades. Par. 1825. т. I, стр. 39—77.

Мишо (Michaud) родился въ Савоіѣ въ 1767 году, и по переселеніи своемъ въ Парижъ, въ самомъ началѣ революціи, предался журнальной дѣятельности,

которая при его ройялистскихъ убѣжденіяхъ едва не привела его на эшафотъ. По вторичномъ возвращеніи въ Парижъ въ эпоху имперіи, Мишо занялся книжною торговлею и вмѣстѣ литературою. Плодомъ послѣднихъ его занятій была „Исторія крестовыхъ походовъ“ (Par. 1811—22. 5 vol.; 6 издан. Par. 1840—41, 6 vol.; посмертное изданіе съ приложеніемъ, написаннымъ Huillard-Brèholless, Par. 1854. 4 vol.). Поводомъ къ этому капитальному труду, какъ разсказываетъ самъ Мишо, послужила просьба m-me Cottin написать историческое предисловіе къ ея роману Mathilde изъ эпохи крестовыхх походовъ. Въ дополненіе къ своей исторіи, Мишо издалъ въ 4 томахъ подробный анализъ главнѣйшихъ источниковъ той эпохи, латинскихъ, византійскихъ и арабскихъ, подъ заглавіемъ: Bibliothèque des Croisades. Par. 1829. По довершеніи своего труда, Мишо сдѣлалъ путешествіе на Востокъ съ цѣлью повѣрить на мѣстѣ свои изслѣдованія; результатомъ того было изданіе его писемъ съ Востока, Par. 1833—35. 7 vol., по которымъ была исправлена и его Исторія крестовыхъ походовъ въ своихъ послѣднихъ изданіяхъ. Сверхъ всего того, Мишо трудился вмѣстѣ съ Poujoulat надъ изданіемъ обширнаго сборника: Collection de Mémoires pour servir à l'histoire de France, depuis le XIII siècle jusqu'au XVIII siècle. Par. 1836—44. 32 vol. Впрочемъ, это изданіе не пользуется авторитетомъ, по неисправности текста и небрежности редакціи. Наконецъ, Мишо положилъ основаніе обширному изданію Biographie universelle. За свои учебные труды, авторъ „Исторіи крестовыхъ походовъ“ былъ избранъ, еще въ 1811 году, членомъ французской Академіи.

„Исторія крестовыхъ походовъ“, написанная Мишо, остается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ сочиненій по этому предмету, но ея достоинства относятся болѣе къ таланту писателя, нежели къ его методѣ и критикѣ. Мишо, пользуясь источниками, не дѣлаетъ строгаго различія въ ихъ достоинствахъ; въ первыхъ двухъ томахъ слѣдуетъ почти исключительно Вильгельму Тирскому и Альберту Ахенскому; говоритъ часто объ искусственныхъ рѣчахъ, какъ о положительныхъ документахъ; наконецъ, самъ впадаетъ по временамъ въ лирическое настроеніе и риторику, такъ, наприм., когда онъ говоритъ картинно о ролѣ Петра Пустынника на Клермонтскомъ Соборѣ, между тѣмъ какъ едва ли этотъ Пустынникъ и присутствовалъ на немъ. Но не смотря на все то, Зибель (см. о немъ ниже, въ примѣч. къ ст. 10) признаетъ, что Мишо искупаетъ вполнѣ тѣ недостатки „изумительнымъ трудолюбіемъ, пластичностью своей фантазіи, способностью размышлять и отличнымъ даромъ выражаться“. Но главная заслуга Мишо состоитъ въ томъ, что онъ былъ первый, который старался отнестись безпристрастно къ крестовымъ походамъ, послѣ того искаженія, которое они испытали въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда во французской литературѣ скептицизма: Вольтеръ (Essai sur les moeurs) и его послѣдователи не хотѣли видѣть въ крестовыхъ походахъ ничего, кромѣ варварства, корыстолюбія и жажды грабежа. „Были писатели,—говоритъ Мишо въ своемъ введеніи,—которые не видѣли въ этихъ походахъ ничего, кромѣ самыхъ плачевныхъ заблужденій, не доставившихъ никакой выгоды послѣдующимъ вѣкамъ...... Нельзя, конечно, отрицать, чтобы крестовые походы не послужили для своихъ современниковъ источникомъ слезъ; но какъ и всякое другое зло и невзгоды человѣческой жизни дѣлаютъ человѣка лучшимъ и усовершенствуютъ его умъ, эти походы ускорили зрѣлость народовъ, и хотя они на минуту поколебали общество, но впослѣдствіи они же послужили къ упроченію его основъ.“

4. — Клермонтскій соборъ. 18—26 ноября 1095 г.

(въ 1118 г.).

Предисловіе автора.

Всѣхъ, которые прочтутъ эту исторію или послушаютъ, какъ ее будутъ читать, и выслушанное уразумѣютъ, умоляю извинить мнѣ, если они найдутъ въ ней что нибудь грубо изложеннымъ (inurbane compositum), потому что я писалъ только изъ повиновенія. А именно, аббатъ, по имени N........, одаренный большими свѣденіями и извѣстный чистотою нравовъ, доставилъ мнѣ исторію, написанную объ этомъ предметѣ, но она ему не совсѣмъ нравилась: отчасти потому, что ей недоставало начала, гдѣ говорилось объ опредѣленіяхъ Клермонтскаго собора, а отчасти и въ слѣдствіе того, что въ этой исторіи порядокъ въ изложеніи столь превосходнаго предмета оставался необработаннымъ и обороты рѣчи хромали. Потому-то онъ и приказалъ мнѣ, какъ *присутствовавшему* на Клермонтскомъ соборѣ, приставить голову къ безголовому сочиненію и поправить самый слогъ. Такъ какъ у меня не было писца, кромѣ самого себя, то я самъ и диктовалъ, и писалъ: рука повиновалась мысли, рукѣ — перо, и перу — страница. Если кому нибудь вскормленному философіей Академиковъ не понравится моя книга, можетъ быть, за то, что, выражаясь тяжелымъ слогомъ, я грубо говорилъ правду, то замѣчу такимъ людямъ, что я предпочиталъ простою рѣчью выставлять на свѣтъ скрытое, чѣмъ, философствуя, затемнять ясное. Тому, кто пожелаетъ знать мѣсто, гдѣ была эта исторія писана, скажу, что она писалась въ кельѣ монастыря св. Ремигія, что́ въ реймскомъ епископствѣ; если же кто потребуетъ имя автора, то его зовутъ:

Робертъ.

Прологъ.

Между всѣми исторіографами ветхаго и новаго завѣта первое мѣсто занимаетъ святой *Моисей*, который, будучи надѣленъ божественнымъ даромъ пророчество, описалъ сотвореніе міра еврейскими буквами, которыхъ онъ самъ и былъ изобрѣтатель. Онъ изложилъ чудныя дѣла первой и второй эпохи (т. е. до и послѣ изгнанія изъ рая) и сообщилъ намъ дѣянія патріарховъ. Его примѣру послѣдовали *Іисусъ Навинъ*, *Самуилъ* и *Давидъ*, изъ которыхъ первый написалъ Книгу Іисуса, а послѣдніе двое—Книги царствъ. Изъ тѣхъ произведеній можно съ ясностью уразумѣть, что было благоугодно Богу сообщить письменно своимъ вѣрнымъ о дивномъ твореніи на землѣ,

которое онъ опредѣлилъ еще до начала временъ. Но послѣ сотворенія міра, если исключить тайну спасительнаго распятія, чтó было изумительнѣе въ новѣйшее время того, что совершили на своемъ походѣ наши іерусалимцы? Чѣмъ кто внимательнѣе изучаетъ это событіе, тѣмъ болѣе нѣмѣетъ его умъ. Было то дѣло не человѣлескихъ рукъ, но божескихъ. А потому оно должно быть передано самымъ тщательнымъ образомъ разумѣнію какъ современныхъ, такъ и будущихъ поколѣній, чтобы черезъ то болѣе укрѣпилась христіанская надежда на Бога, и слава его росла въ душахъ вѣрныхъ. Ибо кто изъ королей или князей могъ подчинить себѣ столько городовъ и крѣпостей, защищенныхъ природою, искусствомъ или умомъ человѣка, сколько подчинилъ себѣ святой народъ франковъ (т. е. западныхъ христіанъ), его же возлюбилъ Господъ Богъ и избралъ своимъ наслѣдникомъ на землѣ. И да поможетъ мнѣ премудрость господня, ибо я пишу для прославленія имени Бога, и да знаютъ мои читатели или слушатели, что мною не разсказано ничего, что было бы нелѣпо, ложно или вздорно: одна только правда!

Кончается прологъ.

Начинается Книга Первая.

Въ годъ отъ воплвщенія господня *тысяча-девяносто-пятый*, на предѣлахъ Галліи торжествовался великій соборъ, а именно въ Овернѣ (Alvernia), въ городѣ именуемомъ Клермонтъ (Clarus mons). На немъ присутствовалъ папа Урбанъ-Второй, съ епископами и кардиналами. Былъ же этотъ соборъ знаменитъ большимъ стеченіемъ галловъ и германцевъ, какъ епископовъ, такъ и князей. Устроивъ предварительно церковныя дѣлъ, владыка папа выступилъ (26 ноября) на широкую площадь, потому что не было зданія, стѣны котораго могли бы вмѣстить въ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ. Обращаясь ко всѣмъ съ пріятною сладостью риторики, онъ произнесъ:

„Народъ франковъ, народъ загорный (transmontana gens), народъ, какъ то явствуетъ изъ вашихъ многочисленныхъ дѣяній, возлюбленный и избранный Богомъ, а по положенію своихъ земель, и по вѣрѣ каѳолической, и по чествованію святой церкви, отличенный отъ всѣхъ въ мірѣ націй! Къ вамъ обращается моя рѣчь, къ вамъ несутся слова моихъ убѣжденій. Я хочу вамъ повѣдать, что привело меня стать предъ вами. Отъ предѣловъ Іерусалима и изъ города Константинополя въ намъ пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народъ *персидскаго* царства, народъ проклятый, чужеземный, далекій отъ Бога, отродье, сердце и умъ котораго не вѣритъ въ Господа, напалъ на земли тѣхъ христіанъ, опустошилъ ихъ мечемъ, грабежемъ и огнемъ, а жителей отвелъ къ себѣ въ плѣнъ или умертвилъ поносною смертью, церкви же божіи или срылъ до основанія или обратилъ на свое богослуженіе. Они ниспровергли алтари, осквернивъ ихъ своею нечистотой, силою обрѣзали христіанъ, и мерзость обрѣзанія раскидали по алтарямъ или побро-

сали въ сосуды крещенія. Кого хотѣли позорно умертвить, прокалывали въ серединѣ насквозь, урѣзывали, привязывали къ рукамъ палку и водя такъ бичевали, пока несчастные, выпустивъ изъ себя внутренности, не падали на землю. Другихъ же, привязавъ къ дереву, умерщвляли стрѣлами; иныхъ раздѣвали и, наклонивъ шею, поражали мечемъ, чтобъ испытать, можно ли убить съ одного удара. Что сказать о невыразимомъ безчестіи, которому подвергались женщины? Но объ этомъ хуже говорить, нежели молчать. Имперія грековъ до того обрѣзана ими и подчинена ихъ власти, что завоеванное нельзя обойти въ два мѣсяца. Кому же можетъ предстоять трудъ отмстить за то и исхитить изъ ихъ рукъ награбленное, какъ не вамъ, которыхъ Богъ одарилъ предъ всѣми народами и славою оружія, и великимъ духомъ, и тѣлесною силою и доблестью къ покоренію сопротивляющихся вамъ? Васъ побуждаютъ и призываютъ къ подвигамъ предковъ величіе и слава короля Карла Великаго, сына его, Лудовика (т.-е Благочестиваго) и другихъ вашихъ властителей: они разрушили царство турокъ и на ихъ счетъ распространили предѣлы святой церкви. Въ особенности же васъ должна вызывать святая гробница Спасителя и Господа нашего, которою владѣютъ нынѣ нечестивые народы, а святыя мѣста обезчещены ими и замараны ихъ нечистью. О, храбрѣйшіе воины, потомство непобѣдимыхъ предковъ, не унизьте себя и вспомните о доблести своихъ отцовъ. Если васъ удерживаетъ нѣжная привязанность къ дѣтямъ, родителямъ и женамъ, то подумайте о томъ, что сказалъ Господь въ Евангеліи: „Кто любитъ отца, или мать больше меня, недостоинъ меня. Всякій, кто оставитъ домъ или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или землю во имя мое, тому воздастся сторицею и жизнь вѣчную наслѣдуетъ“. Да не увлекаетъ васъ какое нибудь стяжаніе, или забота о домашнихъ дѣлахъ, потому что земля, которую вы населяете, сдавлена отвсюду моремъ и горными хребтами, и вслѣдствіе того она сдѣлалась тѣсною при вашей многочисленности; богатствами она необильна, и едва даетъ хлѣбъ своимъ обработывателямъ. Отсюда происходитъ то, что вы другъ друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельныя раны. Теперь же можетъ прекратиться ваша ненависть, смолкнетъ вражда, стихнутъ войны и задремлетъ междоусобіе. Предпримите путь ко Гробу святому; исторгните ту землю у нечестиваго народа и подчините ее себѣ. Земля та была дана Богомъ во владѣніе сынамъ Израиля, и по выраженію Писанія, „течетъ медомъ и млекомъ“. Іерусалимъ—плодоноснѣйшій перлъ земли, второй рай утѣхъ. Спаситель рода человѣческаго прославилъ его своимъ присутствіемъ, украсилъ своею жизнью, освятилъ страданіями, смертью искупилъ и погребеніемъ превознесъ. И этотъ царственный городъ, расположенный въ центрѣ земли, держится теперь въ неволѣ у своихъ враговъ и пресмыкается предъ народомъ, невѣдущимъ Бога. Онъ проситъ и ждетъ освобожденія, и непрестанно молитъ васъ о помощи. А всякая помощь исходитъ отъ васъ, потому что, какъ я уже сказалъ, Богъ предъ всѣми народами васъ однихъ одарилъ славою оружія. Пуститесь же въ этотъ путь, во отпущеніе грѣховъ своихъ, съ увѣренностью наслѣдовать незапятнанную славу царствія небеснаго“!

Когда папа *Урбанъ* въ своей *искусной* рѣчи (Papa *Urbanus urbano* sermone: *urbanus*—городской, образованный, искусный—игра словъ, возможная только въ латинскомъ языкѣ) говорилъ все это и многое другое въ этомъ родѣ, всѣ присутствовавшіе были до того проникнуты одною мыслью, что въ одинъ голосъ воскликнули: „Такъ хочетъ Богъ, такъ хочетъ Богъ!“ [1]). Услышавъ это, преподобный владыка римскій, возведя очи къ небу, принесъ благодареніе Господу и, давъ рукою знакъ къ молчанію, продолжалъ:

„Сегодня, любезные братья, на васъ оправдалось то, что сказалъ Господь въ Евангеліи; „Гдѣ двое или трое соберутся во имя мое, тамъ и Я посреди ихъ“. Если бы Господь Богъ не былъ присущъ вашимъ помысламъ, то вы не могли бы всѣ возгласить въ одно слово. Хотя у васъ безчисленное множество голосовъ, но источникъ голоса былъ одинъ. Потому говорю вамъ: слово, которое Господь произнесъ вашими устами, было напечатлѣно въ вашей груди, и да будетъ на войнѣ это слово вашимъ военнымъ возгласомъ, ибо оно произнесено Богомъ. Когда вступите въ бой съ врагомъ, поднимайте одинъ крикъ: „Такъ хочетъ Богъ, такъ хочетъ Богъ!“ Но мы не убѣждаемъ и не уговариваемъ старцевъ, больныхъ и не способныхъ къ оружію предпринять этотъ путь; и женщины не должны отправляться безъ мужей, братьевъ или какихъ нибудь законныхъ свидѣтелей. Онѣ составятъ больше препятствія, чѣмъ помощи, и будутъ тяжестью, а не пользой. Богатые пусть помогутъ бѣднымъ и поведутъ съ собою на войну, снарядивъ ихъ на свой счетъ. Священники и духовные всѣхъ орденовъ не могутъ идти безъ разрѣшенія епископа, ибо ихъ странствованіе не принесетъ пользы, если они не будутъ имѣть на то позволенія. Даже и мірянамъ не слѣдуетъ идти въ пилигримство безъ благословенія священника. Тотъ же, кто вознамѣрится предпринять странствованіе, дастъ обѣтъ Богу, и себя принесетъ ему въ живую и святую жертву, долженъ носить на челѣ или на груди изображеніе креста господня. Тотъ же, кто намѣренъ вступить въ лагерь обѣтованія, пусть возложитъ его между плечъ. Всѣмъ этимъ они исполнятъ заповѣдь господню, какъ она предписана въ Евангеліи: „Кто не несетъ крестъ свой и не пойдетъ за мною, недостоинъ меня“.

Послѣ того, одинъ изъ кардиналовъ, по имени Григорій, сказалъ исповѣдь отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, которые лежали распростертыми на землѣ. Ударяя себя въ грудь, они молили объ отпущеніи грѣховъ и благословеніи. Получивъ то и другое, они просили дозволенія возвратиться домой. Для того, чтобы вѣрующіе убѣдились, что ихъ походъ есть дѣло рукъ божескихъ, а не человѣческихъ, въ тотъ самый день, какъ мы слышали послѣ отъ многихъ, когда все то происходило на соборѣ, молва о немъ потрясла весь міръ, такъ что на самыхъ отдаленныхъ островахъ океана сдѣлалось извѣстно, что на соборѣ былъ опредѣленъ іерусалимскій походъ (Jerosolymitanum iter). Христіане вслѣдствіе того покрылись славою и испол-

---

[1]) Deus vult, Deus vult!—переводъ съ народнаго языка той эпохи, который употреблялся въ южной Галліи: *Dieu li volt!* или *Diex le volt!*

нились радостью, а языческими персами и жителями Аравіи овладѣли страхъ и печаль. Первые возвеличились духомъ, а послѣдніе поблѣднѣли и растерялись; небесная труба прогремѣла такъ, что всѣ народы, враждебные христіанамъ, пришли въ трепетъ. Изъ всего этого явствовало, что предпринятое было дѣломъ не человѣческой мысли, а Духа божія, наполняющаго собою весь міръ. Между тѣмъ, всѣ міряне разошлись по домамъ; а папа Урбанъ, на слѣдующій день (27 ноября), созвалъ на совѣтъ однихъ епископовъ; въ ихъ присутствіи былъ рѣшенъ вопросъ, кому принять управленіе множествомъ людей, выразившихъ желаніе странствовать, такъ какъ между ними не было никого изъ князей. Единогласно былъ избранъ епископъ города Пюи (Podiensis episcopus, т.-е. Адемаръ), котораго считали весьма искуснымъ и въ человѣческихъ, и въ божескихъ дѣлахъ, чрезвычайно свѣдущимъ въ наукахъ обоего рода (т.-е. въ богословскихъ и въ свѣтскихъ), и осмотрительнымъ въ своихъ поступкахъ. И онъ, хотя противъ воли, предпринялъ, подобно второму Моисею, начальство и управленіе божьимъ народомъ, и благословеніе папы и всего собора. О, какъ были различны возрастъ, состояніе и богатство тѣхъ людей, которые взяли крестъ на этомъ соборѣ и дали обѣтъ предпринять путь къ св. Гробу! Изъ Клермона вѣсть объ этомъ знаменитомъ походѣ разнеслась по всѣмъ землямъ, и его опредѣленіе дошло до слуха королей и князей. Всѣмъ оно было угодно, и болѣе 30 тысячъ въ мысляхъ рѣшились на походъ и старались то исполнить, какъ каждому далъ Богъ къ тому средства. Народъ франковъ волновался толпами, проникнутый однимъ духомъ, и его доблестная ярость мысленно уже боролась съ турками.

Былъ въ тѣ дни нѣкто по имени *Петръ*, извѣстный пустынникъ; его высоко цѣнили свѣтскіе люди, и даже онъ возносился своею религіозностью надъ самыми настоятелями и аббатами. Онъ не употреблялъ въ пищу ни хлѣба, ни мяса, и, довольствуясь виномъ и всякими другими яствами, воздерживался отъ всякихъ удовольствій. Въ то время (весною 1096 г.), онъ собралъ около себя не малое число пѣшихъ и конныхъ людей, и направилъ свой путь чрезъ Венгрію. Впослѣдствіи, онъ присоединился къ нѣкоему нѣмецкому герцогу (duci Teutonicorum), по имени Готфриду, который былъ сынъ графа Булонскаго Евстахія, но по обязанностямъ своего званія считался нѣмецкимъ герцогомъ (т.-е. вассаломъ германскихъ королей). Готфридъ былъ красивой наружности, высокъ ростомъ, краснорѣчивъ, кротокъ нравами и до того добръ, что болѣе походилъ на монаха, нежели на рыцаря (miles). При встрѣчѣ съ непріятелемъ, предъ началомъ битвы, онъ воспламенялся и, какъ рыкающій левъ, былъ неудержимъ. Какой щитъ или панцырь могъ выдержать ударъ его меча? Вмѣстѣ съ своими братьями, Евстахіемъ и Балдуиномъ, и съ огромнымъ войскомъ рыцарей и пѣхоты, Готфридъ пошелъ чрезъ Венгрію, и по дорогѣ, которую нѣкогда сдѣлалъ Карлъ Великій, несравненный король франковъ, направился къ Константинополю.

Монахъ Робертъ.
Historia Hierosolymitana usque ad a. 1099. Libri VIII. Кн. I.

Монахъ Робертъ (Robertus monachus) самъ разсказываетъ намъ все, что мы знаемъ теперь о его жизни и обстоятельствахъ, побудившихъ его взяться за свой трудъ, въ своемъ „Предисловіи" къ „Іерусалимской исторіи", которая, въ лучшихъ сохранившихся манускриптахъ, дѣлится обыкновенно на 8 книгъ, и обнимаетъ собою пространство времени отъ 18 ноября 1095 г., когда былъ созванъ Клермонтскій соборъ, и до 12 августа 1099, дня знаменитой битвы при Аскалонѣ, гдѣ Готфридъ, мѣсяцъ спустя по взятіи Іерусалима, разбилъ на голову египетскую армію. На этомъ останавливается авторъ, потому что на этомъ же останавливается и рукопись, которая у него лежала подъ руками, и о которой онъ говоритъ въ „Предисловіи" (см. выше, на стр. 78); только въ заключеніи VIII книги, авторъ прибавляетъ отъ себя топографическое описаніе Іерусалима, весьма краткое. Какъ видно изъ указаній, сдѣланныхъ Робертомъ, онъ не только присутствовалъ на Клермонтскомъ соборѣ, но и впослѣдствіи ходилъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ слышалъ отъ плѣннаго турка разсказы объ Аскалонской битвѣ, помѣщенные имъ въ сочиненіи. Потому въ его трудѣ особенно замѣчательна одна первая книга, гдѣ авторъ является очевидцемъ. Помѣщенная имъ рѣчь Урбана II находится у всѣхъ историковъ того времени, но каждый приводитъ свою редакцію; если Робертъ не могъ также привести подлинныхъ словъ папы и писалъ почти 25 лѣтъ спустя, то во всякомъ случаѣ, какъ очевидецъ, онъ могъ составить ее, хотя не буквально, но соотвѣтственно духу подлинныхъ словъ. По обычаю того времени, авторъ приводитъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, хотя вѣроятно она была сказана на южногальскомъ нарѣчіи, тѣмъ болѣе, что и папа былъ гальскій уроженецъ и могъ говорить скорѣе на родномъ языкѣ съ своими земляками, нежели на искусственномъ и мертвомъ языкѣ тогдашней ученой литературы. Сравненіе, сдѣланное историкомъ перваго крестоваго похода Зибелемъ, текста Роберта съ текстомъ компиляціи одного монаха Клюньи, Гило, писавшаго послѣ 1118 г., привело къ убѣжденію, что Робертъ писалъ именно по Гило, и слѣдовательно послѣ 1118 года. *Изданіе*: лучшее у *Bongars*, Gesta Dei per Francos. Hanov. 1611. II тома въ одной книгѣ — I, 30 — 81 стр. (у Bongars VII книга подраздѣлена, и потому всего не VIII, но IX книгъ). *Переводы*: франц. у *Guizot*, Collect, XXIII, 299 — 476. Par. 1825. *Изслѣдованіе*: помѣщено въ Geschichte des ersten Kreuzzugs, von Heinr. Sybel. Düsseld. 1841, стр. 41 и слѣд.

5.—Постановленія Клермонтскаго собора. 1095 г.

(въ 1142 г.).

Тринадцать книгъ церковной исторіи

въ трехъ частяхъ [1]).

Прологъ.

Съ древнѣйшихъ временъ наши предки изучали внимательно стремительное теченіе вѣковъ и отмѣчали добро и зло, которое при-

[1]) Заглавіе оригинала: Historiæ ecclesiasticæ Libri XIII, in tres partes divisi.

носили имъ различныя эпохи, смотря по образу жизни людей. Желая быть полезными потомству, они собирали томъ за томомъ: въ справедливости этого убѣждаютъ насъ не только книги Моисея, Даніила и другихъ священныхъ писателей, но и сочиненія Дареса фригійца, Трога-Помпея и другихъ языческихъ историковъ; то же самое мы можемъ замѣтить относительно Евсевія Кесарійскаго, Павла-Орозія, англичанина Бэды (Преподобнаго), Павла изъ Монте-Кассино (т.-е. Дьякона), и другихъ церковныхъ писателей. Ихъ разсказы были для меня наслажденіемъ: я восхищаюсь, я изумленъ изяществомъ и смысломъ ихъ произведеній, и могу только убѣждать умныхъ людей нашего времени воспользоваться плодомъ ихъ важныхъ трудовъ. Не имѣя права приказывать кому бы то ни было, я имѣю право самъ стараться избѣгать безплодной праздности, и, предпринимая нынѣ трудъ въ размѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, употреблю всѣ старанія, чтобы быть пріятнымъ однимъ своимъ властямъ. Насколько то можетъ зависѣть отъ меня, я попытаюсь, по приказанію Рожера аббата Утическаго монастыря (Uticense coenobium, н. Ouche, или монастырь св. Эвруля), разсказать исторію возобновленія этого монастыря и высказать откровенно свое мнѣніе о сильныхъ міра сего, и о добрыхъ и о злыхъ,—міра нынѣ извращеннаго; если я лишенъ богатства знаній и краснорѣчія, то меня поддержитъ намѣреніе сохранить добрую волю. Я буду говорить о предметахъ, которые мы видѣли, или отъ которыхъ мы потерпѣли. Безъ сомнѣнія, нѣтъ ничего справедливѣе, какъ то, чтобы ежедневно совершающіяся событія были писаны для прославленія Бога; какъ наши предки сообщали намъ извѣстія о древнихъ дѣяніяхъ, такъ и мы, современники, должны передать потомству все достопамятное, чему намъ пришлось быть свидѣтелями.

Будучи смиреннымъ сыномъ церкви, я намѣренъ говорить съ откровенностью о церковныхъ дѣлахъ, и, тщательно слѣдуя примѣру нашихъ древнихъ отцовъ, насколько то мнѣ позволятъ мои слабыя силы, постараюсь изложить всѣ новѣйшія событія, относящіяся къ христіанству. Вотъ почему я рѣшился назвать свой безпорядочный трудъ *Церковною исторіею*. Хотя я не считаю себя обязаннымъ изслѣдовать происходившее въ Александріи, Римѣ или въ Греціи, ибо, какъ монахъ, заключенный по собственному обѣту въ предѣлахъ монастыря, я ненарушимо долженъ слѣдовать монашескимъ правиламъ; однако, при помощи божіей, я постараюсь представить на судъ нашего потомства событія, какъ видѣнныя нами въ наше время, такъ и тѣ, которыя совершались въ сосѣднихъ странахъ и дошли до моего свѣдѣнія. Безъ колебанія, я пишу свои соображенія о дѣлахъ прошедшихъ, пока не явится кто нибудь одаренный большею проницательностью и болѣе способный здраво судить о предметахъ и дѣяніяхъ всякаго рода, совершающихся на землѣ; быть можетъ, онъ почерпнетъ изъ моихъ страницъ и изъ сочиненій подобныхъ моимъ все, что нужно для достойнаго изложенія исторіи, предназначаемой въ назиданіе потомства.

Мнѣ внушаетъ болѣе всего довѣренности то обстоятельство, что я началъ свой трудъ по приказанію досточтимаго старца Рожера, и

теперь вамъ, мой достойный отецъ Геринъ, законно ему наслѣдовавшій по уставамъ церкви, посвящаю его, чтобы вы исключили въ немъ лишнее, исправили ошибки—и авторитетомъ своего просвѣщенія придали бы ему вѣсъ. Я начну говорить о началѣ всѣхъ вещей, которое не имѣло никакого начала (ordior de principio sine principio), и при помощи котораго я желалъ бы дойти до конца, неимѣющаго конца (ad ipsum finem sine fine); но, въ то же время, я намѣренъ вѣчно пѣть вмѣстѣ съ своими властями хвалу Богу, этой *альфѣ* и *омегѣ* всего существующаго.

Первая и *вторая* книга составляютъ самое сжатое и отрывочное сокращеніе церковной исторіи, начиная отъ Р. X. и до 1140 года.

Третья книга и всѣ послѣдующія, до *восьмой* книги включительно, содержатъ спеціальную исторію Нормандіи въ ея связи съ исторіею Франціи и Англіи, начиная отъ 678 года и до начала крестовыхъ походовъ въ 1096 году.

Девятая книга.

Прологъ.

Предвѣчный создатель правитъ мудро и спасительно круговращеніемъ временъ и событій; онъ не располагаетъ и не видоизмѣняетъ человѣческихъ дѣяній по мыслямъ безумныхъ, но съ благостью блюдетъ ихъ, мощною рукою содѣйствуетъ всему, и гармонически распредѣляетъ все. Мы видимъ ясные примѣры тому и зимою и лѣтомъ, и въ стужу, и въ жару, и при рожденіи всякой вещи, и въ безконечномъ разнообразіи дѣлъ божескихъ. Отсюда проистекаетъ то разнообразіе исторіи въ событіяхъ всякаго рода, происходящихъ ежедневно въ мірѣ, и доставляющихъ краснорѣчивымъ историкамъ широкое поле для разсужденій. Я глубоко обсудилъ въ самомъ себѣ всѣ подобныя событія, и теперь намѣренъ изложить на письмѣ плодъ своихъ размышленій. Дѣйствительно, въ наше время совершаются неожиданные перевороты, и дѣятельности писателей открывается готовое поприще для изумительныхъ разсказовъ. Развѣ не ясно, что іерусалимскій походъ былъ предпринятъ по внушенію свыше; огромное число народовъ Запада чудеснымъ образомъ соединяется въ одно тѣло и, образуя изъ себя единое воинство, идетъ въ восточныя страны, чтобы сражаться съ язычниками. Св. Сіонъ, освобожденный своими сынами, вышедшими изъ странъ отдаленныхъ, вырванъ изъ рукъ побѣжденныхъ сарацинъ, которые топтали ногами святый городъ и преступно оскверняли святыню божію. Нечестивые сарацины попущеніемъ Господа переступили нѣкогда предѣлы земель христіанскихъ, вторглись въ святыя мѣста, предали смерти вѣрующихъ и замарали своею нечистотою храмъ и другіе священные предметы: но, по прошествіи долгаго времени, они нашли себѣ достойное наказаніе отъ меча заальпійскихъ народовъ. Я не думаю, чтобы когда нибудь философамъ представлялся, при описаніи войнъ, предметъ болѣе славный того, который доставленъ теперь Господомъ нашимъ поэтамъ и

писателямъ, по случаю его торжества надъ восточными язычниками и притомъ рукою небольшого числа христіанъ, увлеченныхъ съ мѣста ихъ жительства сладостнымъ желаніемъ странствія. Богъ Авраама повторитъ предъ нами свои древнія чудеса; онъ очаровалъ вѣрующихъ обитателей Запада одною страстью посѣщенія гроба Мессіи; открылъ имъ свои намѣренія устами папы Урбана (II), безъ всякаго содѣйствія со стороны королей и принужденія мірской власти; извелъ ихъ отъ всѣхъ концевъ земли и островов морей, какъ нѣкогда извелъ евреевъ изъ Египта рукою Моисея; провелъ до Палестины чрезъ земли чуждыхъ племенъ; побѣдилъ королей и князей, стоявшихъ во главѣ многочисленныхъ народовъ, и смирилъ ихъ, подчинивъ христіанамъ города и неприступныя крѣпости.

Фулькерій Шартрскій [1]), капелланъ Готфрида, герцога Лотарингскаго, раздѣлявшій труды и опасности этого достопамятнаго похода, издалъ въ свѣтъ вѣрное и обстоятельное описаніе преславнаго предпріятія арміи и Христа. *Бальдерикъ* [2]), епископъ Дольскій, написалъ изящнымъслогомъ четыре книги, въ которыхъ онъ разсказываетъ съ такимъ же правдолюбіемъ, какъ и краснорѣчіемъ, всѣ подробности дѣла, начиная съ первыхъ дней похода до перваго сраженія послѣ взятія Іерусалима. Многіе и другіе писатели, какъ латинскіе, такъ и греческіе, говорили объ этомъ приснопамятномъ событіи, и въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ передали потомству блестящіе подвгии героевъ. И я, послѣдній изъ тѣхъ, которые идутъ по стопамъ Господа въ своей религіозной жизни, высоко ставя отважныхъ сподвижниковъ Христа и желая прославить ихъ великодушныя дѣянія, намѣренъ также разсказать, во имя нашего Спасителя, этотъ походъ христіанъ въ своемъ сочиненіи, которое я началъ описаніемъ церковныхъ дѣлъ. Я не осмѣливаюсь предпринять отдѣльнаго труда о святомъ походѣ: я не могу и обѣщать такого труднаго дѣла, но не знаю, возможно ли пройти молчаніемъ столь высокій предметъ. Меня удерживаетъ старость: мнѣ шестьдесятъ лѣтъ; я взросъ въ правилахъ монастырской жизни и былъ монахомъ съ дѣтства. Притомъ, я не могу переносить большого письменнаго труда и не имѣю при себѣ писцовъ, которымъ можно было бы диктовать; вотъ почему я тороплюсь окончить свой трудъ. Я начинаю теперь свою *девятую* книгу, въ которой постараюсь разсказать связно и правдолюбиво нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи іерусалимскаго похода, если Богъ пошлетъ мнѣ необходимую для того помощь. Въ пустыняхъ

---

[1]) О Фулькеріѣ Шартрскомъ и его сочиненіяхъ, послужившихъ источникомъ нашему автору, см. ниже въ примѣч. къ ст. 24.

[2]) Бальдерикъ Дольскій, сочиненіями котораго пользовался нашъ авторъ, хотя жилъ въ эпоху перваго крестоваго похода, но не принималъ въ немъ личнаго участія, и писалъ по Тудебоду (см. о немъ ниже въ примѣчаніи къ ст. 18) и Роберту-Монаху (см. о немъ выше, на стр. 83), которые были очевидцами описсаемыхъ ими событій. Вся заслуга Бальдерика состоитъ въ томъ, что онъ исправилъ дурной слогъ своихъ предшественниковъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ въ нихъ и оригинальность воззрѣній.

Идумеи я взываю къ тебѣ, благій Іисусе, царь Назарета, и прошу твоего могущественнаго содѣйствія. Надѣли меня способностью, чтобы достойно превознести твою великую мощь, силою которой ты возвеличилъ своихъ людей и распростеръ ницъ мятежниковъ. Ты вождь и правитель вѣрующихъ; ты покровительствуешь имъ въ несчастіи, помогаешь и раздаешь награды побѣдителямъ. Боже всесильный, я тебѣ поклоняюсь и нынѣ молю о твоей помощи. Царю царствующихъ вѣчная слава, во вѣки вѣковъ. Аминь!

Въ годъ отъ воплощенія господня 1094, смута и бранная тревога волновали почти всю вселенную: смертные безжалостно наносили другъ другу величайшія бѣдствія убійствами и грабежами. Злоба во всѣхъ видахъ дошла до крайнихъ предѣловъ и причиняла тѣмъ, которые были исполнены ею, безчисленныя бѣды. Въ то же время, страшная засуха сожгла траву на лугахъ; она истребила жатву и овощи, и тѣмъ произвела ужасный голодъ. Императоръ Гейнрихъ (IV) объявилъ войну римской церкви, и божіимъ попущеніемъ палъ подъ ударами многочисленныхъ непріятелей, которые по праву возстали противъ него. Папа Урбанъ II созвалъ соборъ въ Плаценціи и на немъ занимался утвержденіемъ мира и другими вопросами, полезными для церкви.

Въ годъ отъ воплощенія господня 1095, въ среду, 4 апрѣля, въ 25 день луны, многіе видѣли такое сильное движеніе между звѣздами, что, не будь онѣ свѣтлы, ихъ можно было бы принять за градъ. Нѣкоторые думали, что всѣ эти звѣзды падали во исполненіе словъ Писанія, гдѣ сказано: „Звѣзды падутъ съ неба“.

Гизельбертъ, епископъ въ Лизьё, старецъ свѣдущій въ медицинѣ и опытный во многихъ наукахъ, имѣлъ обычай съ давняго времени наблюдать по ночамъ теченіе звѣздъ; будучи весьма искусенъ въ составленіи гороскопа, онъ умѣлъ отмѣчать ихъ теченіе. Съ большимъ безпокойствомъ онъ наблюдалъ и то небесное чудо, и позвалъ къ себѣ стража, который оставался на зданіи въ то время, какъ всѣ спали. „Готье, сказалъ онъ ему, видишь ли ты эти чудесные знаки?“ —„Я вижу, отвѣчалъ стражъ, но не понимаю ихъ значенія“. Старецъ продолжалъ: „Я думаю,“ они предзнаменуютъ переселеніе народовъ изъ одного государства въ другое. Многіе отправятся, чтобы никогда не возвратиться, пока звѣзды не войдутъ въ тотъ кругъ, изъ котораго онѣ нынѣ падаютъ, какъ то мнѣ представляется ясно. Другіе же останутся на мѣстѣ святомъ и высокомъ, какъ тѣ звѣзды, которыя горятъ на тверди небесной“. Этотъ Готье, родомъ изъ Кормейля, много лѣтъ спустя, разсказывалъ мнѣ самъ, что онъ узналъ о блужданіи звѣздъ изъ устъ того мудраго медика въ ту минуту, когда совершалось то чудо.

Филиппъ (I), король французовъ, похитилъ Бертраду, анжуйскую графиню, и покинувъ свою благородную супругу, постыдно женился съ нарушительницею брачнаго союза. Упрекаемый прелатами Франціи за произвольное оставленіе своей жены и за оставленіе Бертрадою мужа, онъ отказался принести покаяніе въ столь ненавистномъ пре-

ступленіи, и, удрученный лѣтами и болѣзнью, плачевно кончилъ жизнь, упорствуя въ прелюбодѣяніи.

Въ правленіе этого Филиппа, прибылъ во Францію папа Урбанъ II; онъ посвятилъ алтарь св. Петру въ монастырѣ Клюньи, и въ силу своей апостольской власти основалъ многія церкви святыхъ и построилъ ихъ во славу Христа. Въ то время Нормандія и Франція были отягчены великою смертностью, опустошившею много домовъ, а крайній голодъ довелъ бѣдствія до послѣднихъ предѣловъ.

Въ томъ же году, въ мѣсяцѣ ноябрѣ, этотъ же папа созвалъ всѣхъ епископовъ Франціи и Испаніи и открылъ великій соборъ въ Клермонтѣ, городѣ Оверня, который въ древности назывался Арверномъ. На этомъ соборѣ многое было преобразовано по сю сторону Альпъ, и издано не мало постановленій съ цѣлію улучшить нравы. На этомъ соборѣ, присутствовали 13 архіепископовъ и 225 епископовъ, со множествомъ аббатовъ и другихъ лицъ, которымъ были ввѣрены заботы о святыхъ церквахъ.

Постановленія Клермонтскаго собора были выражены слѣдующимъ образомъ:

„Да пребудетъ церковь каѳолическою чистою и свободною; каѳолическою—по отношенію вѣры и общенія святыхъ, чистою—отъ всякой заразы зла, и свободною—отъ свѣтской власти.

„Епископы, аббаты и всѣ члены духовенства не должны получать никакого церковнаго достоинства изъ рукъ князей и свѣтскихъ лицъ.

„Клерики не могутъ пользоваться титулами или пребендами въ двухъ городахъ или церквахъ.

„Никто не можетъ быть вмѣстѣ епископомъ и аббатомъ.

„Ни одинъ священникъ, дьяконъ, подъ-дьяконъ или каноникъ, какому бы ордену онъ ни принадлежалъ, не можетъ вступать въ плотскія связи.

„Въ противномъ случаѣ, священникъ, дьяконъ или подъ-дьяконъ лишаются своихъ должностей.

„Никто не можетъ продавать церковныхъ или каноническихъ достоинствъ.

„Впрочемъ, купившіе себѣ званіе каноника, по незнанію постановленій, получаютъ прощеніе; но совершившіе то завѣдомо, покупкою или по наслѣдству отъ родственниковъ, лишаются своего званія.

„Ни одинъ мірянинъ, по полученіи священнаго пепла (въ первый день поста), не долженъ ѣсть мяса отъ начала поста до Пасхи; тоже и въ отношеніе клериковъ; первый постъ „Четырехъ-временъ-года“ отправляется на первой недѣлѣ поста; въ субботу на Пасхѣ служба кончается по закатѣ солнца; второй постъ соблюдается въ недѣлю Пятидесятницы.

„Божій-миръ [1]) хранится отъ праздника Р. Х. до восьмого дня послѣ Богоявленія, отъ Семидесятницы до восьмого дня Пятидесятницы, и во всякое другое время отъ четвертаго дня недѣли по закатѣ солнца до второго дня при восходѣ солнца.

---

[1]) Смотри подробности о Божьемъ-мирѣ, въ Т. II, 889 стр. и слѣд.

„Кто задержитъ епископа, будетъ объявленъ внѣ закона; кто возьметъ въ плѣнъ или ограбитъ монаха, клерика или другого духовнаго, да будетъ преданъ анаѳемѣ.

„Кто вступитъ въ бракъ съ родственницею въ седьмомъ колѣнѣ— анаѳема.

„Никто не можетъ быть избранъ въ епископы, не бывъ прежде священникомъ, дьякономъ или подъ-дьякономъ; если же онъ не благороднаго происхожденія, то утверждать его только въ крайнемъ случаѣ, и то съ разрѣшенія верховнаго первосвятителя; дѣтей же священника или наложницы не ставить священниками, если такое лицо прежде не поступило уже въ духовное званіе.

„Кто убѣжитъ въ церковь или къ подножію креста, предается въ руки правосудія, если онъ въ чемъ виновенъ, и получаетъ увѣреніе въ цѣлости жизни и членовъ; если же онъ невиненъ, то отпускается на свободу.

„Тѣлу и крови христовой пріобщаться отдѣльно.

„Каждая церковь получаетъ свою десятину, и не можетъ при помощи подарковъ захватить себѣ права другой.

„Никто изъ свѣтскихъ не смѣетъ ни продавать, ни удерживать въ свою пользу десятину.

„За погребеніе мертвыхъ не требовать и не давать никакой платы.

„Никто изъ свѣтскихъ владѣтелей не можетъ имѣть капеллана, если онъ не былъ ему данъ епископомъ.

„Если капелланъ въ чемъ либо преступилъ, то онъ наказывается епископомъ и замѣщается другимъ".

Папа Урбанъ объявилъ эти постановленія всенародно на Клермонтскомъ соборѣ, и употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы побудить людей всѣхъ состояній къ исполненію божественныхъ законовъ. Послѣ того, онъ изложилъ со слезами на глазахъ все свое горе въ виду того отчаяннаго положенія, въ которомъ находятся христіане на востокѣ; онъ разсказалъ тѣ бѣдствія и кровавыя обиды, которыя претерпѣвались христіанами отъ сарацинъ. Выражая свою печаль, ораторъ пролилъ предъ всѣми потоки слезъ во время своей святой рѣчи объ оскверненіи Іерусалима и святыхъ мѣстъ, гдѣ жилъ во плоти Сынъ Божій со своими св. учениками. Этимъ онъ вызывалъ слезы у большого числа своихъ слушателей, глубоко взволнованныхъ и тронутыхъ благочестивымъ состраданіемъ къ своимъ угнетеннымъ братіямъ. Краснорѣчивый первосвятитель сказалъ присутствовавшимъ длинную и полезную рѣчь; онъ приглашалъ знатныхъ, подданныхъ и поборниковъ закона сохранять между собою неразрывный миръ, возложить на правое плечо знаменіе спасительнаго креста и показать всю свою воинскую доблесть противъ язычниковъ, которые представятъ къ тому довольно случаевъ. Дѣйствительно, турки, персы, арабы и агаряне овладѣли Антіохіей, Никеей, даже Іерусалимомъ, прославленнымъ Гробницею Христа, и многими другими городами христіанъ. Они вторглись съ огромными силами даже въ греческую имперію; обезпечивъ за собою Палестину и Сирію, подчиненныя ихъ оружію, они разрушали церкви и закалили христіанъ, какъ агнцевъ. Въ храмахъ, гдѣ прежде христіане отправляли божественную службу,

язычники помѣстили свой скотъ, учредили идолопоклонство и постыдно изгнали христіанскую религію изъ зданій посвященныхъ Богу; тиранство язычниковъ овладѣло имуществомъ, предназначеннымъ на священное служеніе; а то, что пожертвовали богатые въ пользу бѣдныхъ, эти жестокіе властители обратили недостойнымъ образомъ въ свою пользу. Они увели въ далекій плѣнъ, въ свою варварскую страну, большое число вѣрныхъ, которыхъ запрягаютъ для полевыхъ работъ: ставятъ ихъ въ плугъ, какъ быковъ, чтобы обрабатывать ихъ тяжкими трудами землю, и безчеловѣчно обременяютъ работами, которыя отправляются животными и приличествуютъ болѣе скотамъ, нежели людямъ. При такихъ безпрерывныхъ трудахъ, среди стольхихъ мукъ, наши братья получаютъ жестокіе удары плетью, ихъ погоняютъ рожномъ и подвергаютъ всякаго рода мукамъ. Въ одной Африкѣ разрушено 96 епископствъ, какъ то разсказывается приходившими изъ тѣхъ странъ.

Едва папа Урбанъ окончилъ свое краснорѣчивое увѣщаніе, какъ благодать Господа соизволила воспламенить въ безчисленномъ множествѣ присутствовавшихъ невѣроятную ревность къ отправленію въ чужія страны: онъ уговорилъ ихъ продать свое имущество и оставить во имя Христа все, чѣмъ кто владѣлъ. Изумительное стремленіе идти въ Іерусалимъ или помочь тѣмъ, которые отправлялись, одинаково воодушевляло и богатыхъ, и бѣдныхъ, мущинъ и женщинъ, монаховъ и стариковъ, горожанъ и поселянъ. Мужья оставляли дома возлюбленныхъ женъ, а онѣ, рыдая и разставаясь съ дѣтьми и богатствами, страстно желали послѣдовать за своими мужьями въ походъ. Всѣ, пожитки, до того времени дорогіе, продавались за ничтожную цѣну, и на эти деньги покупалось оружіе, предназначенное для божественной мести сарацинамъ. Воры, пираты и другіе злодѣи, отъ прикосновенія Духа божія, возвышались изъ глубины неправды, отказывались отъ преступленій и, примиряясь съ Богомъ, отправлялись на чужбину. Папа въ своей мудрости возбуждалъ къ войнѣ съ врагами Господа всѣхъ, кто могъ нести оружіе, раздавалъ дарованною ему отъ Бога властью отпущеніе грѣховъ кающимся съ того часа, когда они возьмутъ крестъ, и благодушно освобождалъ ихъ отъ всѣхъ тѣлесныхъ лишеній, требуемыхъ постомъ, и другихъ истязаній плоти. Какъ искусный и добрый медикъ, папа благоразумно размышлялъ, что тѣмъ, которые отправятся въ походъ, придется часто на пути страдать отъ безпрерывныхъ, ежедневныхъ переходовъ, и быть постоянно подвергнутыми всякаго рода приключеніямъ, пріятнымъ и непріятнымъ, почему достойные служители Христа нуждаются въ очищеніи отъ всѣхъ мерзостей грѣха.

Въ то время, когда папа торжественно проповѣдывалъ среди собора, и настоятельно убѣждалъ дѣтей Іерусалима освободить свою святую матерь, мужъ громкаго имени, Наимаръ (т.-е. Адемаръ), епископъ Пюи, всталъ съ своего мѣста въ присутствіи всѣхъ; приблизившись къ апостолическому папѣ, онъ преклонилъ колѣно, просилъ дозволенія отправиться, умолялъ о благословеніи, и, ко всеобщему удовольствію, получилъ то и другое. Папа наистрожайше повелѣлъ, чтобы всѣ повиновались этому прелату, и поставилъ его апостолическимъ намѣстникомъ по-

хода господня; Наимаръ же былъ человѣкъ знатнаго происхожденія, великихъ заслугъ и рѣдкой доблести. Вслѣдъ за нимъ выступили послы Раймунда-Беренгарія, графа Тулузскаго, и возвѣстили папѣ, что они намѣрены также отправиться въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ воиновъ изъ своей страны. Они даже объявили собору, что ихъ князь уже принялъ крестъ. Итакъ, вотъ, божіею милостью, два вождя добровольно и съ радостью предложили себя христіанамъ, изъявившимъ желаніе отправиться. Церковь и имперія, сословіе духовное и свѣтское, согласились руководить господнимъ ополченіемъ. Епископъ и графъ изображаютъ намъ Моисея и Аарона, сопутствуемыхъ божественнымъ покровительствомъ. — Во второй день мѣсяца февраля, произошло лунное затмѣніе, продолжавшееся отъ полуночи до восхода солнца; затмилась именно сѣверная его сторона.

Все дальнѣйшее, какъ-то: походъ Петра Пустынника и шествіе главной арміи крестоносцевъ, борьба послѣдней съ невѣрными, взятіе Антіохіи, Іерусалима и наконецъ описаніе Аскалонской битвы, 12 августа 1099, составляютъ содержаніе девятой книги до конца ея; но этотъ отдѣлъ труда нашего автора есть нечто иное, какъ сокращеніе исторіи іерусалимскаго похода, написанной его другомъ Бальдерикомъ Дольскимъ (см. о немъ на стр. 86), который въ свою очередь списалъ у двухъ современниковъ очевидцевъ [1])

Монахъ Ордерикъ-Виталій.
Historiae ecclesiasticae Libri XIII.—Кн. I—XI.

О жизни и сочиненіяхъ Ордерика-Виталія см. ниже въ примѣчаніи къ ст 26.

---

6. — Сборы къ походу и Петръ Пустынникъ. 1096 г. (около 1124 г.).

ИСТОРІЯ, НАЗЫВАЕМАЯ
GESTA DEI PER FRANCOS [2])
и написанная преподобнымъ владыкою
Гвибертомъ,
аббатомъ монастыря св. Маріи Ножанской.

Прологъ [3]).

Предпринимая написать этотъ ничтожный трудъ, я возлагалъ надежды не на свои познанія въ свѣтскихъ наукахъ, притомъ весьма ограниченныя, но на примѣръ исторіи духовной. Духовная исторія,

---

[1]) См. продолженіе ниже, въ ст. 26.

[2]) Т.-е. дѣла Бога чрезъ Франковъ.

[3]) Прологу предшествуетъ еще небольшое посланіе автора епископу Суассонскому Лизіарду, которому онъ посвятилъ весь свой трудъ, въ высокопарныхъ по обычаю того времени выраженіяхъ своей преданности.

какъ я всегда полагалъ, начертана единственно могуществомъ божіимъ, чрезъ посредство людей, избранныхъ Господомъ; а потому мнѣ нельзя было сомнѣваться въ томъ, что такая исторія можетъ быть написана также людьми самыми невѣжественными, которыхъ было угодно Богу предназначить къ тому. Если Богъ руководилъ своими служителями во время ихъ похода (т.-е. перваго крестоваго), среди стольскихъ препятствій, и отклонялъ отъ нихъ постоянно грозившія имъ опасности, то и я непоколебимо вѣрю въ то, что онъ дастъ мнѣ познать истину совершившихся событій тѣми средствами, какими заблагоразсудитъ, и не откажетъ мнѣ въ изящномъ слогѣ, соотвѣтственно описываемому мною предмету. Это правда, что исторія тѣхъ событій была уже написана, но столь простымъ слогомъ и съ такимъ частымъ нарушеніемъ правилъ грамматики, что она не рѣдко надоѣдала читателю своимъ безсмысліемъ. Конечно, новость предмета доставляетъ еще нѣкоторый интересъ тѣмъ, которые сами мало образованы и не обращаютъ никакого вниманія на достоинство слога; я понимаю, что авторъ и не долженъ былъ говорить иначе, обращаясь къ такого рода лицамъ. Но тѣ, которые любятъ вкушать отъ яствъ краснорѣчія, по выраженію поэта, или задремлютъ или улыбнутся, увидавъ передъ собою небрежный разсказъ о предметѣ, требующемъ витіеватаго слога, сжатый докладъ дѣла тамъ, гдѣ нужна широкорѣчивость и изобрѣтательное разнообразіе, и когда предпринятая исторія влачится однообразно, безъ всякихъ украшеній; вообще образованному читателю дѣлается противною дерзская рѣчь безразсуднаго писателя, когда онъ пойметъ, что предметъ долженъ былъ излагаться въ другой формѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ оратора долженъ всегда соотвѣтствовать предмету, который его занимаетъ: такъ, военныя событія должно излагать съ нѣкоторою суровостью въ словахъ; для божественныхъ же предметовъ необходимъ слогъ болѣе пріятный и болѣе спокойный. Если бы мои силы равнялись моей волѣ, то мнѣ слѣдовало бы удовлетворить обоимъ тѣмъ условіямъ, такъ чтобы, и кичливый богъ войны (т.-е. Марсъ) не встрѣтилъ въ моемъ разсказѣ ничего недостойнаго своихъ славныхъ подвиговъ, и чтобы въ предметахъ священныхъ благоразуміе Меркурія не нашло чего нибудь противнаго важности, требуемой самимъ предметомъ. Быть можетъ, я не выполнилъ на дѣлѣ тѣхъ правилъ, но при всемъ томъ не могу также одобрить того, что сдѣлалъ тотъ писатель, а еще менѣе послѣдую его примѣру. Итакъ, я, увлеченный своею чрезвычайною дерзостью, но побуждаемый къ тому единственно привязанностью къ вѣрѣ, рѣшаюсь предать себя на судъ людей постороннихъ; быть можетъ, найдутъ, что моя вторая попытка, съ стремленіемъ поправить первую, оказалась сама хуже первой. Но видя, какъ со всѣхъ сторонъ съ жаромъ начинаютъ многіе предаваться изученію грамматики, а увеличивающееся число школъ дѣлаетъ то доступнымъ для людей самыхъ невѣжественныхъ, я считалъ для себя стыдомъ не разсказать, если не такъ, какъ то должно, то по крайней мѣрѣ какъ для меня возможно, о славѣ нашего времени, и оставить исторію подъ ржавчиною дурно изложеннаго сочиненія. Видя, какъ Господь въ наши дни

совершилъ чудесныя дѣла, какихъ не видало прежнее время, и какъ эти драгоцѣнные камни покрылись постыдною пылью, я не могъ долѣе переносить такого презрѣнія и старался при помощи языка, какой только могъ у меня найтись, извлечь эти богатства, драгоцѣннѣйшія всякаго золота, изъ тьмы забвенія, въ которое они были повергнуты. Впрочемъ, предпринимая такой трудъ, я увлекался не однимъ потокомъ своихъ собственныхъ мыслей: при этомъ я уступилъ также и требованію нѣкоторыхъ лицъ, выразившихъ мнѣ свои живѣйшія желанія. Одни хотѣли, чтобы я писалъ въ прозѣ, но большая часть требовала, чтобы я изложилъ свой трудъ въ стихахъ, зная, что въ своей юности я предавался подобнаго рода упражненіямъ и можетъ быть болѣе, чѣмъ то слѣдовало. Но теперь (около 1124 г.), придя въ возрастъ болѣе зрѣлый и опытный, я не полагалъ, чтобы слѣдовало подобный предметъ описывать звучнымъ языкомъ поэзіи и употреблять для того музыку стиховъ; напротивъ, я имѣлъ убѣжденіе, что если найдется человѣкъ, кому соизволитъ Богъ ниспослать милость говорить прилично о такомъ предметѣ, то ему слѣдуетъ выражаться слогомъ болѣе важнымъ, и чего до сихъ поръ не дѣлали историки походовъ въ Палестину. Я сознаюсь, что уже тотчасъ по взятіи Іерусалима (1099 г.), и съ того времени, какъ начали возвращаться домой принимавшіе участіе въ этомъ великомъ походѣ, я возъимѣлъ мысль писать эту исторію; нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства заставили меня отложить намѣреніе. Но такъ-какъ наконецъ, по соизволенію Бога—не знаю, съ одобренія ли его—я нашелъ возможность взяться за трудъ, то я приступилъ къ своему благочестивому предпріятію, и можетъ быть буду осмѣянъ всѣми; но я презираю шумный смѣхъ и насмѣшки иныхъ, лишь бы мнѣ, среди этихъ криковъ, удалось осуществить обѣтъ, давно носимый мною въ сердцѣ. Если найдется какой охотникъ до смѣха, то пусть онъ однако не осуждаетъ меня, трудившагося по мѣрѣ силъ и съ добрымъ намѣреніемъ, пусть не осуждаетъ поспѣшно моего языка, а если уже онъ рѣшительно презираетъ имъ, то пусть, отложивъ въ сторону пустой споръ на словахъ, поправитъ то, что у меня сдѣлано худо, и дастъ намъ образчикъ хорошаго письма. Если кто нибудь меня обвинитъ въ томъ, что я иногда темно выражаюсь, то пусть онъ подумаетъ, не свидѣтельствуетъ ли онъ тѣмъ о ничтожествѣ своей способности понимать; ибо я имѣю увѣренность, что во всемъ моемъ сочиненіи нѣтъ ничего такого, что подало бы поводъ человѣку сколько нибудь свѣдущему въ литературѣ сдѣлать мнѣ подобный упрекъ. Имѣя въ виду своею исторіей послужить образцомъ другимъ—не знаю, быть можетъ скажутъ: порчею—я полагалъ необходимымъ сначала изложить причины и обстоятельства вынудившія къ такому походу, какъ я слышалъ о томъ, и затѣмъ я приступилъ къ самому разсказу событій. Частое разногласіе, которое замѣтятъ между мною и авторомъ, писавшимъ до меня, по которому я слѣдовалъ, произошло оттого, что я почерпалъ свои свѣдѣнія изъ разсказовъ людей, участвовавшихъ въ походѣ. Сравнивая разсказъ той книги со словами очевидцевъ, я убѣдился въ ихъ противорѣчіи; если я что́ прибавилъ, то единственно что́ слышалъ

отъ очевидцевъ или въ чемъ убѣдился самъ. Если окажется, что мнѣ разсказывали иначе, чѣмъ то было въ дѣйствительности, то тщетно коварный критикъ станетъ обвинять меня во лжи, ибо я могу призвать Бога въ свидѣтели, что я не сказалъ ничего съ намѣреніемъ обмануть. Удивительно-ли, что мы впадаемъ въ обманъ, разсказывая событія по показаніямъ другихъ, если мы не въ состояніи, не говорю, выразить словами, но спокойно отдать отчетъ самимъ себѣ въ собственныхъ мысляхъ и поступкахъ? Что же послѣ того сказать о намѣреніяхъ, которыя такъ сокровенны, что человѣкъ, наиболѣе одаренный проницательностью, съ трудомъ распознаетъ ихъ въ самомъ себѣ? Итакъ, пусть не обвиняютъ меня строго, если я ошибался по незнанію; величайшую хулу заслуживаетъ только тотъ, кто намѣренно сплетаетъ ложь или съ цѣлью обмануть или по испорченности своихъ нравовъ.

Затѣмъ авторъ довольно длинно объясняетъ принятую имъ, хотя тривіальную, географическую номенклатуру, но болѣе доступную для публики того времени, нежели ученая номенклатура древнихъ географовъ; такъ, онъ объявляетъ, что, вмѣсто *Кавказъ*, у него употреблено *Корозанъ*, *турки* вмѣсто *парѳяне*. Въ заключеніе пролога, авторъ указываетъ на другіе недостатки своего труда и кончаетъ такъ:

Я долго колебался относительно имени епископа города Пюи (т.-е. Адемара, намѣстника папы въ первомъ крестовомъ походѣ); только при концѣ своей работы, я наконецъ разузналъ то, а въ экземплярѣ книги, которую я имѣлъ у себя, этого имени не было. Да будетъ мой читатель снисхожденъ къ недостаткамъ моего слога, такъ какъ я положительно имѣлъ время только продиктовать, а потому не могъ пересмотрѣть своихъ табличекъ (ceris) и какъ что было, съ помарками, заносилъ на пергаминъ (membranis). Я далъ заглавіе своему сочиненію такое, которое не имѣетъ притязаній, но послужитъ во славу народа: *Dei gesta per Francos* (*Дѣла Бога чрезъ франковъ*).

Начинается книга первая.

I. Есть нѣкоторые между смертными, которые, хотя не всегда, но иногда, имѣютъ дурную привычку превозносить прошедшіе вѣка и осуждать всѣ дѣянія людей новѣйшаго времени (modernorum facta). Безъ сомнѣнія, у древнихъ можно прославлять ихъ благоденствіе, основанное на умѣренности, и дѣятельность, направляемую мудростью; но ни одинъ разсудительный человѣкъ не подумаетъ какимъ нибудь образомъ поставить доблести нашего времени ниже того счастья исключительно мірского. Если, съ одной стороны, безупречная доблесть отличала древнихъ, то, съ другой стороны, она не изсякла и въ насъ, живущихъ въ концѣ вѣковъ. Справедливо прославляютъ дѣянія, совершенныя въ древнія времена, изъ уваженія къ юности той эпохи, но еще бо́льшей славы заслуживаютъ подвиги людей простыхъ, приведшіе къ такому блестящему результату (т.-е. взятію Іерусалима), въ то время, когда міръ падалъ въ разслабленіи. Мы приходимъ въ

восторгъ отъ того, какъ прославлялись чуждыя намъ государства своими великими войнами; мы изумляемся сценамъ рѣзни, произведенной Филиппомъ (Македонскимъ) и его кровавымъ побѣдамъ, когда человѣческая кровь лилась рѣками; мы превозносимъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ неистовство (rabiem) Александра (Великаго), разлившееся отъ очага Македонянъ (de camino Macedonum) по всему Востоку; и о силахъ Ксеркса, при Ѳермопилахъ, и Дарія (Истаспа), въ борьбѣ его съ Александромъ, судимъ по количеству безчисленныхъ избитыхъ ими народовъ. У Трога-Помпея и у другихъ знаменитыхъ писателей мы удивляемся гордынѣ халдеевъ, упрямству грековъ, мерзостямъ египтянъ, бродячей жизни жителей Азіи; мы смотримъ на древнія учрежденія римлянъ, какъ на нѣчто полезное общественнымъ интересамъ государства и содѣйствовавшее увеличенію ихъ могущества. И однако, если бы кто захотѣлъ основательно изслѣдовать характеръ тѣхъ различныхъ временъ, то, конечно, найдутся причины восхвалять отвагу жившихъ въ ту пору людей, но въ то же время есть причины покрыть безславіемъ то неистовство, съ которымъ они вездѣ разносили войны, не имѣя другой цѣли, какъ порабощеніе міра. Всмотримся ближе и внимательнѣе въ эти потоки грязи прошедшихъ вѣковъ, на которые мы взираемъ только издалека, и тогда мы убѣдимся, говоря шуточнымъ языкомъ одного короля, что нашъ маленькій палецъ толще цѣлой спины нашихъ предковъ, и что мы ихъ прославляемъ болѣе, нежели то благоразумно дѣлать. Дѣйствительно, если мы изслѣдуемъ со тщаніемъ войны язычниковъ, если мы обратимся къ исторіи государствъ, опустошенныхъ ихъ оружіемъ, то мы увидимъ, что ни ихъ усилія, ни ихъ успѣхи не могутъ быть сравнены съ тѣмъ, чѣмъ прославило нашихъ божеское милосердіе. Мы знаемъ, что Богъ былъ превознесенъ еврейскимъ народомъ; но мы имѣемъ неопровержимыя доказательства и тому, что Іисусъ Христосъ, какъ онъ прежде жилъ и управлялъ нашими предками, такъ онъ и нынѣ существуетъ и управляетъ людьми новаго времени. Въ прежнія времена, короли, князья, диктаторы, консулы собирали тучи народовъ, чтобы наносить войну повсюду, и силою своихъ указовъ поднимали со всѣхъ сторонъ и у всѣхъ народовъ многочисленныя арміи. Но люди, составлявшіе эти арміи, собирались подъ вліяніемъ страха. Что́ же сказать о тѣхъ, которые въ наше время, отправившись безъ руководителя, безъ верховнаго вождя, по одному внушенію Бога, не только переступили предѣлы родины и государства, изъ котораго они происходили, но проникли чрезъ множество обитавшихъ народовъ и говорившихъ различными языками, и отъ послѣднихъ предѣловъ Британскаго Океана (Атлантическаго) пронесли свое оружіе и палатки до самаго центра земли? Я говорю такъ о несравненной побѣдѣ, одержанной недавно въ Іерусалимскомъ походѣ (т.-е. первомъ крестовомъ, 1096 г.), побѣдѣ столь достославной въ глазахъ каждаго, кто не потерялъ разсудка, что мы не можемъ достаточно восхищаться, видя, что нашъ вѣкъ прославился такъ, какъ то не удавалось прошедшимъ временамъ. Наши современники не были побуждаемы къ своему предпріятію своекорыстіемъ или жаждою расширить предѣлы своихъ

владѣній, чѣмъ обыкновенно руководятся и руководились всегда разносившіе войну повсюду, такъ что къ нимъ можно примѣнить тѣ слова поэта:

Quis furor, o cives, quae tanta licentia ferri
Gentibus invisis proprium praebere cruorem?

и также другія:

Bella geri placuit nullos habitura triumphos.

Если бы они брались за оружіе для защиты свободы или общественнаго дѣла, то, безъ сомнѣнія, нашли бы себѣ оправданіе въ такой причинѣ; ибо, когда вторженіе язычниковъ или варваровъ угрожаетъ опасностью, то ни одинъ рыцарь не можетъ по справедливости отказаться отъ боя; при отсутствіи же такихъ причинъ, война дѣлается законною, если ее предпринимаютъ на защиту святой церкви. Но такъ-какъ люди давно перестали воодушевляться такими благочестивыми стремленіями, и ихъ сердца воспламенены необузданною жаждою пріобрѣтенія, то Богъ воздвигнулъ въ наше время священныя войны, чтобы дать новыя средства спасенія и рыцарямъ, и народамъ, которые, по примѣру древнихъ язычниковъ, раздирали другъ друга и избивали, и не вынуждать ихъ, для отреченія отъ свѣта, къ посвященію себя, по принятому обычаю, монастырской жизни или другимъ религіознымъ обязанностямъ; такимъ образомъ, оставаясь при своихъ привычкахъ и исполняя обычныя должности, люди могли до нѣкоторой степени заслужить божеское благоволеніе. Вслѣдствіе подобныхъ внушеній Бога, мы и видѣли, какъ взволновались всѣ націи, и, закрывъ свое сердце для всѣхъ другихъ вліяній привычки и привязанности, удалились въ изгнаніе, чтобы ниспровергнуть враговъ имени Христа, и выйти изъ латинскаго круга (orbem latinum excedere) и изъ предѣловъ извѣстной земли, притомъ съ такимъ жаромъ и радостью, какіе никогда не обнаруживаются людьми, отправляющимися на пиршество или торжественный праздникъ. Никто не обращалъ вниманія ни на почести знатныхъ, ни на владѣніе зàмками и городами; презирали самыми красивыми женщинами, какъ засохшимъ и безжизненнымъ цвѣткомъ; залоги брака, въ прежнее время болѣе цѣнные самыхъ дорогихъ камней, становились предметомъ отвращенія; и при этомъ внезапномъ измѣненіи воли, каждый охотно предавался предпріятію, къ которому никто не могъ принудить силою, ни склонить убѣжденіемъ. Ни одинъ духовный не имѣлъ надобности говорить въ церквахъ, чтобы воодушевлять народъ къ походу, ибо каждый давалъ обѣтъ отправиться въ путь дома или на улицѣ и ободрялъ другихъ своими рѣчами и примѣромъ. Всѣ выражали одинъ и тотъ же жаръ, и люди, лишенные всякихъ средствъ, повидимому, находили ихъ также легко, какъ и тѣ, которые, продавъ свои огромныя имущества и долгимъ временемъ накопленныя богатства, запасались большими средствами. Такъ исполнялись со всею точностью слова Соломона: „Саранча не имѣетъ царя, а ходитъ строемъ„ (Прит. XXX, 27). Оставаясь въ своей неправдѣ окоченѣлою и застывшею, она не можетъ сдѣлать ни скачка, ни другого добраго дѣла; но

пригрѣтая лучемъ солнца правды, саранча пускается лётомъ вслѣдствіе одного природнаго побужденія, оставляетъ отеческій домъ и семью и, очищаясь новыми помыслами, принимаетъ новые нравы. И у нихъ (т.-е. крестоносцевъ) не было короля, ибо всякій вѣрный считалъ Бога своимъ руководителемъ, и смотрѣлъ на себя, какъ на его союзника; никто не сомнѣвался въ томъ, что Господь ему предшествуетъ; поздравляли себя съ тѣмъ, что путь предпринимается по его волѣ и вдохновенію, и радовались въ надеждѣ имѣть Господа помощникомъ и утѣшителемъ въ нуждѣ. То движеніе инстинкта, которое побуждаетъ саранчу выходить толпами, чѣмъ оно можетъ быть у людей, какъ не добровольнымъ стремленіемъ, которое направляетъ многочисленнѣйшіе народы къ преслѣдованію одной и той же цѣли? Хотя, повидимому, приглашенія со стороны апостольскаго престола были обращены исключительно къ народу франковъ, но какой народъ, живущій подъ христіанскимъ закономъ, не выступилъ толпами, и, считая себя наравнѣ съ франками обязаннымъ предъ Богомъ, не употребилъ всѣхъ усилій для присоединенія къ нимъ и участія въ ихъ опасностяхъ? Тутъ видѣли и шотландцевъ, свирѣпыхъ у себя, но не знавшихъ внѣшней войны, съ голыми ногами, облеченныхъ въ шерстяную хламиду, съ котомкой за плечами; они явились толпой отъ предѣловъ своей туманной родины, и эти люди, оружіе которыхъ возбуждало смѣхъ по сравненію съ нашимъ, спѣшили къ намъ помочь своей вѣрѣ и исполнить обѣтъ. Клянусь Богомъ, я слышалъ, что въ одну изъ нашихъ гаваней прибыли люди какой-то неизвѣстной варварской націи, говорившіе языкомъ до того непонятнымъ, что они, не имѣя возможности объясниться, складывали пальцы въ формѣ креста, чтобы тѣмъ дать понять, что и они намѣрены отправиться въ походъ за дѣло вѣры [1]). Впрочемъ, я буду еще имѣть случай говорить о томъ съ бо́льшими подробностями. Теперь же займемся разсмотрѣніемъ положенія церкви Іерусалимской или Восточной, каково оно было въ ту эпоху.

Послѣднія главы первой книги (II—IV) посвящены потому авторомъ на описаніе въ общихъ чертахъ положенія Востока предъ началомъ крестовыхъ походовъ; авторъ видитъ главную причину бѣдствій восточныхъ христіанъ въ томъ, что они удалились отъ латинской церкви и распались на множество ересей, къ числу которыхъ онъ относитъ и ученіе Магомета (Mathomus); онъ разсказываетъ ходившіе слухи о Магометѣ, его дѣятельности и пожраніи его свиньями; наконецъ, въ заключеніе говоритъ о просьбѣ грековъ помочь имъ, и о коварствѣ императора Алексѣя.

Книга вторая.

Въ первыхъ пяти главахъ, авторъ, перейдя внезапно отъ Востока къ Западу, говоритъ о папѣ Урбанѣ, о покорности папскому престолу Франціи и о сопротивленіи ему со стороны Германіи, и наконецъ приводитъ приблизительно рѣчь Урбана II на Клермонтскомъ соборѣ.

---

[1]) Это были скандинавы.

VI. По закрытіи Клермонтскаго Собора — а соборъ былъ созванъ въ мѣсяцѣ ноябрѣ (1095 г.), въ восьмой день послѣ праздника св. Мартина—по всѣмъ провинціямъ пронеслась молва о немъ, и едва только куда нибудь достигали повелѣнія папы, люди сами шли къ своимъ сосѣдямъ и родственникамъ, убѣждая предпринять „путь господень“, какъ называли тогда ожидаемый походъ. Высшіе графы были заняты тою же мыслью; желаніе выступить овладѣло и низшимъ рыцарствомъ; даже бѣдные были до того воспламенены рвеніемъ, что никто не обращалъ вниманія на скудость своихъ доходовъ и не спрашивалъ себя, можетъ-ли онъ оставить свой домъ, виноградники и поля. Всякій считалъ долгомъ продать лучшую часть имущества за ничтожную цѣну, какъ будто бы онъ находился въ жестокомъ рабствѣ, или былъ заключенъ въ темницу, и дѣло шло о скорѣйшемъ выкупѣ. Въ ту эпоху былъ всеобщій голодъ; даже богатые испытывали крайнюю нужду въ хлѣбѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, имѣя надобность пріобрѣсти многое, не имѣли ничего, или почти ничего, чтобы удовлетворить своимъ потребностямъ. Большое число бѣдныхъ пыталось кормиться корнями дикихъ растеній, и такъ-какъ хлѣбъ былъ очень рѣдокъ, то они искали повсюду новыхъ средствъ къ пропитанію, чтобы замѣнить испытываемое ими лишеніе. Самые важные люди подвергались угрозамъ бѣдности, на которую всѣ жаловались, и каждый, видя, какъ терзается голодомъ бѣдный народъ, осуждалъ себя на крайнюю бережливость, въ страхѣ расточить свои богатства излишнею роскошью. Вѣчно ненасытные скупцы радовались времени, благопріятному для ихъ безчеловѣчной жестокости, и, бросая взгляды на старые запасы накопленнаго хлѣба, дѣлали каждый день новые разсчеты той суммы, которую они присоединятъ къ прежнимъ кускамъ золота, по продажѣ своего хлѣба. Такимъ образомъ, когда одни испытывали тяжкія страданія, а другіе предавались разсчетамъ корысти, которая подобно „бурному дуновенію сокрушаетъ на морѣ корабли (Пс. 47,8)“, Христосъ занималъ сильно умы всѣхъ, и тотъ, кто освобождаетъ скованныхъ цѣпями изъ драгоцѣнныхъ камней, разрушилъ и ковы жадности, спутывавшіе людей въ этомъ отчаянномъ положеніи. Какъ я сказалъ, каждый уменьшилъ, какъ можно болѣе, свое потребленіе въ такое голодное время; но едва Христосъ внушилъ этимъ безчисленнымъ массамъ людей намѣреніе пойти въ добровольное изгнаніе, немедленно обнаружились богатства большей части изъ нихъ, и то, что казалось дорого въ спокойное время, продавалось по самой низкой цѣнѣ, когда всѣ тронулись съ мѣста для предпринятія того пути. Такъ-какъ многіе торопились окончить свои дѣла, то произошло удивительное явленіе, которое послужитъ образчикомъ внезапнаго и неожиданнаго паденія всѣхъ цѣнъ: за денарій можно было купить семь овецъ. Недостатокъ хлѣба превратился въ изобиліе, и каждый, заботясь всѣми средствами собрать болѣе или менѣе денегъ, продавалъ все, что имѣлъ, не по его стоимости, а за все, что давали, лишь бы не оставаться послѣднимъ въ предпринятомъ пути божіемъ. Такимъ образомъ, въ то время произошло изумительное явленіе: всѣ покупали дорого и продавали дешево; при всеобщемъ стремленіи, дорого покупалось все, что было

необходимо для дороги, а то, чѣмъ слѣдовало покрыть издержки, продавалось весьма дешево. Въ прежнее время, темницы и пытки не могли бы вырвать силою того, что теперь отдавалось за бездѣлицу. Но вотъ еще одно обстоятельство не менѣе забавное: многіе изъ тѣхъ, которые не имѣли ни малѣйшаго намѣренія отправиться, шутили и смѣялись надъ тѣми, которые продавали свои вещи такъ дешево, и утверждали, что имъ предстоитъ жалкій путь, и что еще болѣе жалкими они вернутся домой; а, на другой день, эти же самые люди, одержимые внезапно тѣмъ же желаніемъ, отдавали все свое имущество за ничтожныя деньги и шли вмѣстѣ съ тѣми, надъ кѣмъ только-что смѣялись. Что сказать о дѣтяхъ и старухахъ, приготовлявшихся итти на войну? Кто исчислитъ дѣвъ и старцевъ, подавленныхъ тяжестью лѣтъ? Всѣ воспѣваютъ войну, если не всѣ принимаютъ въ ней участіе; всѣ ждутъ мученичества, на которое они идутъ, чтобы пасть подъ ударами мечей; и говорятъ: „вы, юноши, вступайте въ бой, а намъ да будетъ позволено заслужить предъ Христомъ своими страданіями". И такъ-какъ они были вдохновлены пламеннымъ желаніемъ пріобрѣсть Бога, хотя и не имѣли въ себѣ свѣта науки, то Богъ, увѣнчивающій часто счастливымъ успѣхомъ самыя безразсудныя предпріятія, далъ спасеніе и этимъ простодушнымъ людямъ, въ награду за ихъ добрыя намѣренія. При этомъ случаѣ можно было увидѣть самыя забавныя приключенія, вызывавшія смѣхъ: бѣдные, подковавъ быковъ, какъ то дѣлаютъ съ лошадьми, запрягали ихъ въ двуколыя телѣги, на которыхъ помѣщались ихъ небольшіе пожитки вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми, и тащили все это за собою; когда эти дѣти видѣли предъ собою замокъ или городъ, то поспѣшно спрашивали, „не Іерусалимъ-ли это; къ которому они идутъ?"

Въ небольшой седьмой главѣ авторъ дѣлаетъ отступленіе, чтобъ сказать нѣсколько общихъ словъ о печальномъ внутреннемъ состояніи Франціи.

VIII. Пока князья, нуждавшіеся въ службѣ людей, составлявшихъ ихъ свиту, продолжительно и мѣшкотно собирались въ дорогу, чернь, бѣдная средствами, но богатая числомъ, собралась около одного человѣка, называвшагося Петромъ Пустынникомъ, и изъявила ему повиновеніе, какъ своему вождю, по крайней мѣрѣ на то время, пока все это происходило въ нашей странѣ. Я разузналъ о немъ, что онъ былъ, если не ошибаюсь, изъ города Амьеня (Ambianensis), и велъ сначала жизнь пустынника подъ одеждою монаха, не знаю, въ какой именно части верхней Галліи (нынѣ сѣв. Франціи). Выйдя оттуда, не знаю, съ какимъ намѣреніемъ, онъ, какъ мы видѣли, ходилъ по городамъ и селамъ и повсюду проповѣдывалъ. Народъ окружалъ его толпами, приносилъ ему дары и прославлялъ его святость съ такимъ усердіемъ, что я не помню, чтобы когда нибудь и кому были оказаны такія почести. Петръ обнаружилъ большое великодушіе при раздачѣ имущества, которымъ надѣляли его. Онъ возвращалъ мужьямъ ихъ женъ, потерявшихъ честь, присоединяя къ этому дары, и возстановлялъ миръ и согласіе между людьми поссорившимися съ изумительною властью. Все, что онъ ни дѣлалъ, ни говорилъ, обнаруживало въ въ немъ божественную благодать; такъ что многіе выдергивали

шерсть изъ его мула, чтобы хранить то, какъ святые останки: я разсказываю это, не потому что считаю истиною, но больше для простыхъ людей, которые любятъ все новенькое (quod nos non ad veritatem, sed vulgo referimus amanti novitatem). Онъ носилъ на голомъ тѣлѣ шерстяную тунику, на головѣ капишонъ (cucullus), и сверхъ всего грубую мантію до пятъ; руки и ноги оставались голыми; хлѣба онъ не ѣлъ, или почти не ѣлъ, а питался виномъ и рыбою. Этотъ-то человѣкъ, собравъ многочисленную армію, увлеченную отчасти общимъ потокомъ, а отчасти его проповѣдями, рѣшился направить свой путь чрезъ землю венгровъ.

Въ послѣдующихъ главахъ до конца второй книги авторъ разсказываетъ о печальномъ исходѣ похода первыхъ толпищъ крестоносцевъ, и говоритъ о приготовленіяхъ князей, принявшихъ участіе въ первомъ крестовомъ походѣ.

Книга *третья* и послѣдующія до *шестой* включительно излагаютъ исторію похода до появленія крестоносцевъ подъ стѣнами Іерусалима, въ седьмой и послѣдней книгѣ авторъ описываетъ взятіе Іерусалима, правленіе Готфрида и начало царствованія его брата Балдуина I; въ заключеніе этой книги онъ присоединяетъ отрывочныя дополненія къ прежнему изложенію, по мѣрѣ того, какъ являлись къ нему новые пилигримы съ новыми разсказами, которыхъ онъ не успѣлъ поставить на свое мѣсто.

Аббатъ Гвибертъ Ножанскій.

Gesta Dei per Francos. Lib. VII. Ed. Bongars. 1611. Кн. I и II.

Гвибертъ, аббатъ монастыря св. Маріи въ Ножанѣ (Guibertus, abbas monasterii S. Mariae Novigenti, т.-е. нынѣ Nogent-sous-Couci), родился 1053 г. въ Клермонтѣ, близъ Бове; принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ фамилій той страны; былъ отданъ въ монастырь на 12-мъ году жизни; въ 1104 г. его избрали аббатомъ монастыря св. Маріи въ Ножанѣ, принадлежавшемъ эпархіи г. Лана; въ 1124 г. онъ умеръ. Изъ сочиненій Гвиберта особенно замѣчательны два: 1) Historia Hierosolimitana quae dicitur Gesta Dei per Francos. Libri VIII. 1095—1100 a., т.-е. „Іерусалимская исторія, называемая Дѣянія Бога чрезъ франковъ. Книгъ VIII. 1095—1100 г.“; въ прологѣ къ ней (см. выше на стр. 91) авторъ самъ обстоятельно излагаетъ причины, побудившія его взяться за трудъ, и свои источники. Это сочиненіе служитъ самымъ вѣрнымъ отраженіемъ того, какъ понимали въ западной Европѣ современники перваго крестоваго похода значеніе восточныхъ войнъ; 2) De vita sua Libri III, т.-е. „Три книги своей жизни“—самая полная автобіографія, въ которой собственно только первая книга относится къ лицу автора (см. извлеченіе изъ нея ниже, въ ст. 7): вторая—излагаетъ исторію Ножанскаго монастыря, а третья—исторію происхожденія коммюны города Лана. Это одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ XII вѣка, напоминающій собою позднѣйшіе мемуары; особенно замѣчательна третья книга—единственное наглядное изложеніе исторіи происхожденія коммюнъ.—*Изданія*: „Автобіографія“—у *Achery* Par. 1651; „Іерусалимская исторія“—тамъ же и у *Bongars*, Hanoviae. 1611.—*Переводы*: франц. у *Guizot*, Collect. IX и X.—*Критика*: у *Зибеля*, Geschichte d. erst. Kreuz. Düsseld. 1841, стр. 33 и слѣд.; и у *Michaud*, Biblioth. des Croisades, I, 123 стр. и слѣд.

7.—Изъ автобіографіи Гвиберта Ножанскаго: домашнее воспитаніе того времени и монастырь. 1053—1104.

(около 1124 г.).

Книга первая.

Въ первыхъ трехъ главахъ авторъ, оставившій намъ описаніе собственной жизни, обнимавшей вторую половину XI вѣка и начало XII, по обычаю того времени начинаетъ обращеніемъ къ Богу, говоритъ объ отношеніяхъ божества къ человѣку, кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и исчисляетъ всѣ благодѣянія Господа, которыми онъ былъ осыпанъ, и въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ то обстоятельство, что у него была благочестивая мать, не увлекавшаяся, при своей красотѣ, обольщеніями міра, и въ заключеніе разсказываетъ ея тяжелые роды, что побудило отца дать обѣтъ Богу посвятить новорожденнаго—а это и былъ нашъ авторъ—монастырской жизни.

IV. Родившись такимъ образомъ, какъ то разсказано мною, едва я началъ понимать удовольствіе, доставляемое дѣтскими игрушками, какъ ты, о Боже милосердый, долженствующій замѣнить мнѣ мѣсто отца, сдѣлалъ меня сиротою. Только-что прошелъ восьмой мѣсяцъ отъ моего рожденія, какъ мой отецъ по плоти скончался; и при этомъ я долженъ, Господи, благодарить тебя, что ты допустилъ его умереть съ христіанскими чувствами, ибо онъ, еслибы остался въ живыхъ, непремѣнно воспротивился бы видамъ твоего промысла на меня. И такъ-какъ развитіе моего роста и естественная живость младенца казались ему предназначенными болѣе для свѣтской жизни, то никто не сомнѣвался въ томъ, что лишь только наступитъ время для меня заниматься науками, отецъ уничтожитъ данный имъ обѣтъ. Но ты, премудрый устроитель всего, ты спасительно распорядился обоими нами, и я не лишенъ познанія твоихъ заповѣдей, и отецъ не нарушилъ даннаго тебѣ обѣщанія.

Между тѣмъ, та, которую ты оставилъ вдовою, воспитывала меня съ самыми нѣжными заботами. Наконецъ, она избрала день св. Григорія, чтобы посвятить меня въ начатки ученія. Она слыхала, Господи, что есть одинъ святой мужъ, твой служитель, который превзошелъ свой вѣкъ изумительною мудростью и безпредѣльными познаніями: вслѣдствіе того, при помощи щедрой благостыни, она не разъ умоляла своего духовнаго отца, чтобы онъ, одаренный тобою всякими познаніями, вдохновилъ и мое сердце жаждою наукъ. Съ того времени я началъ обучаться грамотѣ; едва я успѣлъ усвоить себѣ первыя начала, какъ моя мать, въ своей жаждѣ образовать меня, рѣшилась поручить то учителю грамматики.

Незадолго передъ симъ, да даже еще и теперь, учителя грамматики были такъ рѣдки, что почти ни одного нельзя было найти въ селахъ, и въ городахъ съ трудомъ отыскивались немногіе, притомъ и эти были столь слабы въ наукѣ, что ихъ невозможно и сравнивать съ тѣми грамотѣями (clericis), которые нынѣ странствуютъ по селамъ. Мой же учитель, которому мать поручила меня, самъ

учился грамматикѣ въ позднемъ возрастѣ и былъ тѣмъ менѣе знакомъ съ этою наукою, что обучался ей слишкомъ поздно; но онъ былъ столь скроменъ, что эта добродѣтель вознаграждала ему слабыя познанія. Черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ клериковъ, которые подъ именемъ каппеллановъ отправляли у моей матери божественную службу, она просила его принять на себя занятія со мною: онъ же въ то время занимался съ однимъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, жилъ въ замкѣ вмѣстѣ съ нимъ у его родственниковъ и былъ имъ весьма необходимъ; хотя онъ и былъ тронутъ просьбами моей матери и расположенъ къ ней за ея добродѣтели и чистоту нравовъ, но онъ не рѣшался удалиться отъ моихъ родственниковъ, въ опасеніи ихъ оскорбить, и переѣхать къ моей матери. Одно видѣніе, о которомъ я разскажу, положило предѣлъ его колебаніямъ.

Ночью, когда онъ лежалъ въ своей комнатѣ — я помню очень хорошо, это была та самая комната, въ которой всѣ учившіеся у него собирались въ замкѣ—тѣнь какого-то старца съ сѣдою головой и наружностью внушающею уваженіе, остановилась на порогѣ, держа меня за руку и, повидимому, имѣя намѣреніе ввести въ комнату. Дѣйствительно, этотъ старецъ, остановившись при входѣ и указывая мнѣ на маленькую кровать, на которой тотъ держалъ свои вещи, сказалъ мнѣ: „Подойди къ этому человѣку, ибо онъ долженъ очень любить тебя“; сказавъ это, онъ отпустилъ мою руку и позволилъ отойти отъ себя; я подбѣжалъ къ тому, на кого онъ мнѣ показалъ и такъ расцѣловалъ его, что онъ проснулся. Съ тѣхъ поръ, онъ почувствовалъ ко мнѣ такую привязанность, что безъ дальнѣйшаго колебанія и страха оскорбить моихъ родственниковъ, которымъ онъ вмѣстѣ со всѣми своими былъ вполнѣ преданъ, согласился наконецъ переѣхать къ моей матери.

Ребенокъ, котораго онъ воспитывалъ до того дня, былъ очень красивъ собою и хорошаго рода; но онъ имѣлъ такое отвращеніе къ наукамъ, былъ такъ неспособенъ къ обученію, столь лживъ для своего возраста, съ такою наклонностью къ воровству, что, несмотря на весь надзоръ за нимъ, онъ никогда не былъ за работой и проводилъ цѣлые дни, спрятавшись въ виноградникахъ. Получивъ отвращеніе къ такому испорченному ребенку, прельщенный дружбою, которую выражала ему моя мать, и особенно побуждаемый видѣніемъ, о которомъ я говорилъ выше, онъ бросилъ заниматься воспитаніемъ того ребенка и весьма основательно освободился отъ господъ, въ зависимости отъ которыхъ жилъ до того времени; но все это не прошло бы ему даромъ, если бы его не спасло уваженіе, которымъ пользовалась моя мать, и ея вліяніе.

V. Съ той минуты, какъ я былъ отданъ ему на руки, онъ назидалъ меня съ такою чистотою, такъ искусно ограждалъ меня отъ всѣхъ пороковъ, которыми обыкновенно сопровождается младшій возрастъ, что я былъ тѣмъ избавленъ отъ безпрерывныхъ опасностей. Онъ меня не пускалъ никуда отъ себя; я не могъ отдыхать нигдѣ, какъ только подлѣ матери, ни получать подарковъ безъ его позволенія. Онъ требовалъ отъ меня, чтобы я дѣйствовалъ съ осторожностью, точностью, вниманіемъ, тщаніемъ, такъ что, казалось, онъ

желалъ, чтобы я велъ себя, не только какъ клерикъ, но какъ монахъ. Дѣйствительно, въ то время, когда мои сверстники бѣгали тамъ-и-сямъ въ свое удовольствіе и имѣли позволеніе время-отъ-времени пользоваться своею свободой, я, оставаясь вѣчно на привязи, закутанный, подобно клерику, смотрѣлъ на толпу играющихъ, какъ существо, поставленное выше ихъ. Даже по воскресеньямъ и по праздникамъ, меня принуждали слѣдовать такому жестокому правилу; рѣдко давалось мнѣ нѣсколько минутъ отдохновенія, и никогда я не имѣлъ цѣлаго дня, всегда одинаково подавленный тяжестью труда; мой учитель обязался учить только меня и не имѣлъ права заниматься ни съ кѣмъ другимъ.

Каждый, видя, какъ онъ побуждаетъ меня къ труду, надѣялся сначала, что такія чрезвычайныя упражненія изощрятъ мой умъ; но эта надежда скоро уменьшилась, ибо мой учитель былъ очень неискусенъ въ чтеніи стиховъ и сочиненіи ихъ по всѣмъ правиламъ. Между тѣмъ, онъ осыпалъ меня почти каждый день градомъ пощечинъ и пинковъ, чтобы заставить силою понять то, что онъ никакъ не могъ растолковать самъ.

Я мучился въ этихъ безплодныхъ усиліяхъ почти 6 лѣтъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ своего ученія; но за то, въ отношеніи правилъ морали, не было минуты, которой бы мой наставникъ не обращалъ въ мою пользу. По части скромности, стыдливости, хорошихъ манеръ, онъ употребилъ весь трудъ, всю нѣжность, чтобы я проникнулся этими добродѣтелями. Только дальнѣйшій опытъ уяснилъ мнѣ, въ какой степени онъ превышалъ всякую мѣру, стараясь для моего обученія держать меня въ постоянной работѣ. Я не буду говорить объ умѣ ребенка, но и взрослый человѣкъ, чѣмъ его долѣе лишаютъ отдыха, тѣмъ онъ болѣе тупѣетъ; чѣмъ онъ съ бо̀льшимъ упорствомъ предается какому нибудь труду, тѣмъ силы его болѣе ослабѣваютъ отъ излишка работы, и чѣмъ сильнѣе принужденіе, тѣмъ жаръ его скорѣе остываетъ.

Такимъ образомъ, необходимо щадить нашъ умъ, утомленный и безъ того оболочкою нашего тѣла. Даже и на небѣ устанавливается правильно тишина ночи, именно потому, что въ этой жизни наши силы не могутъ оставаться совсѣмъ безъ отдыха и нуждаются иногда въ созерцательномъ состояніи: точно также и духъ не можетъ быть въ вѣчной подвижности, каково бы ни было дѣло, которымъ онъ занятъ. Вотъ почему, какому занятію мы ни были бы преданы, я полагаю, необходимо разнообразить предметъ нашего вниманія, чтобы духъ, переходя отъ одного предмета къ другому, возвращался обновленнымъ и свѣжимъ къ любимой работѣ; чтобы наша природа, легко утомляющаяся, находила въ перемѣнѣ труда родъ нѣкотораго облегченія. Припомнимъ, что и Богъ не далъ времени одну и ту же форму, и восхотѣлъ, чтобы его превращенія, дни и ночи, весна, лѣто, зима и осень, служили человѣку отдохновеніемъ. Итакъ, пусть тотъ, кто берется быть учителемъ, обратитъ вниманіе на то, чтобы распредѣлять обязанности дѣтей и юношей, воспитаніе которыхъ возложено на него; ибо я не думаю, чтобы ихъ должно вести иначе по сравненію съ тѣми, умъ которыхъ взросъ и окрѣпъ.

Мой учитель питалъ ко мнѣ гибельную дружбу, чрезмѣрная его строгость достаточно обнаруживалась въ несправедливыхъ побояхъ, которыми онъ меня надѣлялъ. Съ другой стороны, точность, съ которою онъ наблюдалъ за каждою минутою работы, превышала всякое описаніе. Онъ билъ меня тѣмъ несправедливѣе, что, если бы у него былъ дѣйствительно талантъ къ обученію, какъ онъ полагалъ, то я, какъ и всякій другой ребенокъ, понялъ бы легко каждое толковое объясненіе. Но такъ-какъ онъ выражался съ трудомъ, то часто и самъ не понималъ того, что усиливался объяснить; вращаясь въ кругу тѣсныхъ и простыхъ понятій, онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета и даже не понималъ, что говорилъ, почему совершенно напрасно вдавался въ разсужденія. Дѣйствительно, его умъ былъ до того ограниченъ, что если онъ что дурно понялъ, учась въ позднемъ возрастѣ, какъ я выше сказалъ, то ни за что не рѣшался отказаться отъ своихъ прежнихъ понятій, и если ему случалось высказать какую нибудь глупость, то, считая себя непогрѣшимымъ, онъ поддерживалъ ее и въ случаѣ надобности защищалъ кулаками; но я думаю, онъ могъ бы легко не впадать въ такую ошибку... (пропускъ въ манускриптѣ).... ибо, какъ выразился одинъ ученый, для ума, не довольно еще укрѣпленнаго наукой, нѣтъ большей славы, какъ говорить только о томъ, что знаешь, и молчать о томъ, чего не знаешь.

Обращаясь со мною столь жестоко, только потому что я не зналъ того, что было ему самому неизвѣстно, онъ долженъ былъ бы понять, какъ несправедливо требовать отъ слабаго ума ребенка того, что не было въ него вложено. Какъ умный человѣкъ съ трудомъ можетъ понять, а иногда и совсѣмъ не понимаетъ, словъ дурака, такъ и тѣ, которые, не зная науки, утверждаютъ, что они знаютъ ее и хотятъ еще учить другихъ, запутываютъ свою рѣчь по мѣрѣ того, какъ они стараются сдѣлать себя болѣе понятными. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ разсуждать о томъ, чего не знаешь: темно и для себя, и для того, кто слушаетъ, такъ что оба остолбенѣютъ. Все это, Господи, я говорю не для того, чтобы запятнать имя друга столь дорогого для меня, но чтобы каждый, читая нашъ трудъ, понялъ, что мы не должны выдавать другимъ за вѣрное то, что существуетъ въ нашемъ воображеніи, и не должны покрывать сомнительнаго мракомъ своихъ догадокъ.

VI. Хотя мой учитель держалъ меня очень строго, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ показывалъ всѣми средствами, что любитъ меня, какъ самого себя. Онъ занимался мною съ такою заботливостью, такъ внимательно слѣдилъ за моею безопастностью, что ничто враждебное не достигало меня; съ такимъ вниманіемъ онъ ограждалъ отъ вліянія дурныхъ нравовъ людей, окружавшихъ меня, такъ мало позволялъ матери заботиться о блескѣ моей одежды, что, казалось, онъ исполнялъ обязанности не воспитателя, а отца, и безпокоился не о моемъ тѣлѣ, а о душѣ. И я испытывалъ къ нему такое чувство дружбы, хотя и былъ для своего возраста нѣсколько тяжеловатъ и робокъ, и хотя иногда моя нѣжная кожа носила безъ всякой причины на себѣ слѣды плети, что не только не питалъ къ нему страха,

естественнаго въ томъ возрастѣ, но забывалъ всю жестокость и повиновался ему съ неподдѣльною любовью. Вотъ почему мой учитель и моя мать, видя, какое оказывалъ я почтеніе имъ обоимъ, старались дѣлать опыты, чтобы убѣдиться, кого я больше слушаюсь, и давали мнѣ вмѣстѣ приказанія. Но вскорѣ представился имъ случай, независимо отъ ихъ намѣренія, рѣшить этотъ вопросъ окончательно. Однажды, когда меня побили въ школѣ—школою же называлась одна изъ комнатъ нашего дома, ибо мой учитель, взявшись воспитывать меня одного, оставилъ всѣхъ прежнихъ своихъ учениковъ, какъ того требовала моя разсудительная мать, согласившись впрочемъ увеличить его жалованье и давъ ему значительную прибавку — прекративъ на нѣсколько часовъ вечеромъ мои занятія, я сѣлъ на колѣни своей матери, жестоко избитый, и навѣрно болѣе, чѣмъ заслуживалъ. На обычный вопросъ своей матери, били-ли меня въ этотъ день, я, не желая выдать учителя, утверждалъ, что нѣтъ. Но она, заворотивъ противъ моей воли ту часть одежды, которую называютъ рубашкой, увидѣла, что мои ручонки всѣ почернѣли, и кожа на плечахъ вздулась и распухла отъ розогъ. При этомъ видѣ, жалуясь, что со мною обращаются такъ дурно въ нѣжномъ возрастѣ, она воскликнула со слезами, въ смущеніи и внѣ себя: „Я не хочу больше, чтобы ты былъ клерикомъ, и чтобы для знакомства съ науками тебѣ приходилось испытывать подобное обращеніе“. При этихъ словахъ, смотря на нее съ гнѣвомъ, какъ только могъ, я ей отвѣчалъ: „Если бы мнѣ пришлось умереть, то я не перестану учиться, чтобы сдѣлаться клерикомъ“. Дѣйствительно, она мнѣ обѣщала, какъ только я приду въ возрастъ и пожелаю того, сдѣлать меня рыцаремъ и доставить мнѣ оружіе и прочее одѣяніе. Когда же я съ пренебреженіемъ отвергнулъ подобное предложеніе, твоя достойная служительница, о Господи, выслушала свое несчастіе съ такою признательностью и столь радостно ожила духомъ, что сама передала мой отвѣтъ моему наставнику. Оба они пришли въ восторгъ, что я обнаружилъ столь пламенную преданность званію, которому посвятилъ меня мой отецъ; съ большою быстротою я изучилъ науки, не отказывался отъ церковныхъ обязанностей, когда того требовало время или дѣло, даже предпочиталъ ихъ ѣдѣ. Но такъ это было только въ то время. Ты же, Господи, знаешь, какъ впослѣдствіи я измѣнился въ своихъ намѣреніяхъ, съ какимъ отвращеніемъ я ходилъ на церковную службу, и только побои могли меня къ тому принудить. Въ тѣ же времена, о Боже, у меня было, безъ сомнѣнія не религіозное чувство, вытекавшее изъ души, но капризъ ребенка, которымъ я увлекался. Когда юность развила во мнѣ дурныя сѣмена, которыя я носилъ въ себѣ отъ природы, и внушила мнѣ помыслы, разрушившіе всѣ прежнія намѣренія, моя наклонность къ благочестію совершенно исчезла. Хотя, о Боже, въ ту эпоху, твердая воля, или по крайней мѣрѣ подобіе твердой воли, повидимому, возбуждало меня, но вскорѣ она пала, извращенная самыми пагубными помыслами.

VII. Моя мать употребляла всѣ средства, какія отъ нея зависѣли, чтобы доставить мнѣ церковную бенефицію (т.-е. доходъ съ

церковныхъ имѣній). Но подобное желаніе было не только неблагоразумно, но даже преступно. У меня былъ младшій братъ, рыцарь и гражданинъ города Клермонта, находящагося въ двухъ.... (пропускъ нѣсколькихъ словъ въ манускриптѣ).... передъ замкомъ, который стоитъ между Компьенемъ и Бове. Мой братъ ожидалъ получить деньги отъ сеньора того мѣста, не знаю въ качествѣ ли дара, или феодальной повинности; но такъ какъ сеньоръ медлилъ уплатой за недостаткомъ денегъ, то, какъ я догадываюсь, нѣкоторыя изъ моихъ родныхъ пожелали дать мнѣ (автору было въ то время около 12 лѣтъ) мѣсто каноника, въ видѣ пребенды, при той церкви, которая, въ противность каноническимъ декретамъ, находилась въ его власти, съ тѣмъ, чтобы братъ пересталъ мучить его деньгами, которыя онъ былъ ему долженъ.

Въ ту эпоху (около 1065 г.) только-что вышло опредѣленіе апостольскаго престола противъ женатаго духовенства; и вслѣдствіе того на женатыхъ поднялася такая буря со стороны завистливыхъ клериковъ, что они съ яростью требовали, чтобы женатые духовные были лишены церковныхъ бенефицій, и чтобы имъ было запрещено отправлять требы. При такомъ стеченіи обстоятельствъ, племянникъ моего отца ,человѣкъ, стоявшій выше всѣхъ своихъ и по могуществу, и по образованности ,предавался столь постыдно распутству, что не желалъ ни съ кѣмъ связывать себя брачными узами. По поводу того канона, онъ напалъ съ яростью на женатое духовенство, какъ будто особенное чувство стыдливости вынуждало его вооружаться противъ брака. Такъ какъ онъ былъ свѣтскій и не могъ быть удержанъ никакими законами, то чѣмъ болѣе онъ давалъ себѣ свободы, тѣмъ болѣе ею злоупотреблялъ. Дѣйствительно, онъ никогда не вступалъ въ брачныя узы и не соглашался надѣть на себя такое ярмо. Подобное поведеніе составило ему повсюду худую славу; но огромныя богатства, ставившія его выше другихъ, защищали его, по принятому порядку въ свѣтѣ, съ такою силою, что онъ, не опасаясь упрековъ за свой собственный развратъ, не прекращалъ яростные нападки противъ женатаго духовенства.

Найдя случай быть мнѣ полезнымъ на счетъ одного богатаго священника, онъ, какъ говорятъ, ходатайствовалъ у владѣльца замка—на него же онъ имѣлъ большое вліяніе по причинѣ услугъ, которыя могъ ему оказать—чтобы этотъ пригласилъ меня, пользуясь отсутствіемъ духовенства и не призывая его въ собраніе, и далъ мнѣ инвеституру на должность каноника; владѣтель же замка, съ согласія епископа и въ противность всякому праву и закону, исправлялъ весьма не кстати обязанности аббата той церкви; не будучи самъ каноникомъ, онъ требуетъ отъ каноииковъ исполненія канона. Въ ту эпоху, нападали не только на браки духовныхъ первыхъ трехъ орденовъ и каноникоъвъ, но и считали преступнымъ всякую покупку церковныхъ должностей, даже бенефицій безъ пастны, какъ-то пребенды, обязанности регента хора, главы капитула и другихъ того же рода, а потому не только лица, имѣвшія важныя должности, но и такія, которыя занимались внутренними дѣлами аббатства, или держали сторону клерика, потерявшаго свою пребенду,—однимъ

словомъ, большое число моихъ современниксвъ, начали роптать по поводу симоніи и отлученій, извѣстіе о которыхъ только-что распространилась въ то время. Священникъ, пребенда котораго была отдана мнѣ, и который имѣлъ жену и не желалъ отказаться отъ нея, не смотря на отлученіе, перестадъ, однако, служить обѣдню. Такъ-какъ онъ ставилъ свою плоть выше божественной литургіи, то и былъ справедливо наказанъ, хотя думалъ освободиться отъ наказанія воздержаніемъ отъ священнодѣйствія. Лишенный званія каноника, онъ, однако, служилъ обѣдню, гдѣ бы ему ни вздумалось, и притомъ держалъ при себѣ жену. Въ то время распространился слухъ, что онъ во время службы отлучилъ отъ церкви мою мать и все ея семейство. Тогда моя мать, робѣя всегда передъ священными лицами и страшась наказаній, уготованныхъ грѣшникамъ, трепетала при мысли оскорбить кого бы то ни было и потому дала знать ему, что она возвращаетъ несправедливо пріобрѣтенную пребенду, а для меня удержитъ у сеньора города первую вакансію, которая очистится по случаю смерти клерика. Но это значило спастись отъ желѣза, чтобы погибнуть отъ мѣди. Купить имущество, которымъ придется владѣть только вслѣдствіе смерти владѣтеля, не можетъ значить ничего другого, какъ каждый день наталкивать кого нибудь на человѣкоубійство....

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ VIII до XVI, авторъ дѣлаетъ сначала большое отступленіе, въ которомъ излагаетъ печальное состояніе монашества въ ту эпоху и разсказываетъ въ назиданіе жизнь нѣкоторыхъ личностей, поддерживавшихъ своею святостью это учрежденіе; потомъ снова возвращается къ собственной исторіи и говоритъ, какъ мать на двѣнадцатомъ году его жизни отдала его на попеченіе одному аббату, а сама удалилась въ монастырь; какъ авторъ, увлеченный сначала страстями, а послѣ побуждаемый раскаяніемъ, вступилъ въ монашеское званіе, и за тѣмъ какъ и въ монастырѣ онъ снова палъ нравственно.

XVII. Между тѣмъ, и въ монастыряхъ, предавшись съ такою необузданностью писать стихи, что я предпочиталъ эту достойную осмѣянія суету всѣмъ книгамъ божественнаго писанія, я дошелъ наконецъ до того, что увлекаемый своимъ легкомысліемъ, имѣлъ притязаніе подражать поэтическимъ произведеніямъ Овидіи, буколикамъ, и хотѣлъ воспроизводить всю нѣжность любви въ созданіяхъ собственнаго воображенія и въ сочиненіяхъ, которыя писалъ. Мой духъ, забывъ всю строгость, которой онъ долженъ подчиняться, и отбросивъ всякій стыдъ религіозной профессіи монаха, такъ много питался обольщеніями отравляющей распущенности, что я занялся только тѣмъ, чтобы въ поэзіи воспроизвести все то, что говорилось въ нашихъ собраніяхъ, не обращая вниманія на то, какъ оскорбительны были для устава нашего священнаго ордена всѣ подобныя упражненія. Такимъ образомъ, я былъ весь проникнутъ тою страстью и такъ помраченъ обольстительными выраженіями поэтовъ, что многое придумывалъ собственнымъ воображеніемъ; иногда эти выраженія производили во мнѣ такое волненіе, что я чувствовалъ дрожь по всему тѣлу. А такъ-какъ мой духъ былъ постоянно возбужденъ и

забывалъ всякое воздержаніе, то въ моихъ произведеніяхъ раздавались только такіе звуки, какіе могли быть вызваны подобнымъ настроеніемъ мысли.

Кончилось тѣмъ, что моя страсть до того возмутила всю мою внутренность, что я иногда позволялъ себѣ непристойныя слова и писалъ небольшія сочиненія, въ которыхъ не было ни ума, ни сдержанности, ни благородныхъ чувствъ. Когда это дошло до свѣдѣнія моего учителя, то онъ былъ въ высшей степени тѣмъ огорченъ, и однажды ему случилось уснуть подъ впечатлѣніемъ грусти, которую я ему причинилъ. Когда онъ задремалъ, ему представилось слѣдующее видѣніе. Онъ увидѣлъ передъ собою сѣдовласаго старца, смѣю думать, того самаго, который прежде подводилъ меня къ нему и увѣрялъ, что моя любовь къ учителю останется неизмѣнною; этотъ старецъ объявилъ ему строгимъ голосомъ: „Я требую отъ тебя отчета по поводу этихъ сочиненій, ибо рука сочинявшаго ихъ не одна и та же съ рукою, которая ихъ писала". Когда мой учитель разсказалъ мнѣ это видѣніе, мы оба сошлись въ способѣ его толкованія. Возлагая нашу надежду на тебя, Господи, мы были опечалены, но вмѣстѣ и радовались, видя, съ одной стороны, доказательство твоего отеческаго гнѣва, а съ другой—увѣренные, что это видѣніе возвѣщало хорошую перемѣну въ моихъ наклонностяхъ къ постыдному. Дѣйствительно, если старецъ объявилъ, что рука сочинявшаго и писавшаго не одна и та же, то изъ этого прямо слѣдовало, что эта рука не станетъ упорствовать въ столь позорномъ поведеніи. Это была та моя рука, которая оставалась моею, когда я употреблялъ для порока, но она дѣлалась неспособною къ воспроизведенію столь недостойныхъ ея предметовъ, когда я предавался почитанію добродѣтели. Но ты, Господи, знаешь, а я исповѣдую, что въ ту эпоху, ни страхъ предъ тобою, ни стыдъ, ни то знаменитое и святое видѣніе не могли возвратить меня къ чистотѣ нравственной. Съ тѣмъ же безстыдствомъ, которое овладѣло мною внутренне, я продолжалъ писать тѣ зазорныя произведенія. Втайнѣ я сочинялъ стихи того же рода, хотя и не осмѣливался показывать ихъ всѣмъ, или показывалъ только людямъ, подобнымъ мнѣ; очень часто, скрывая имя автора, я прочитывалъ ихъ встрѣчнымъ и радовался выслушивать похвалу отъ тѣхъ, которые раздѣляли мои чувства, что препятствовало мнѣ еще болѣе назвать свое имя; такъ-какъ похвала не относилась къ автору, то мнѣ приходилось втайнѣ наслаждаться плодами или, скорѣе, стыдомъ грѣха. Но, мой отецъ, ты наказалъ такія дѣла, когда того восхотѣлъ. Дѣйствительно, на меня воздвиглись несчастія по поводу этихъ произведеній; ты препоясалъ мою душу, преданную тѣмъ заблужденіямъ, поясомъ бѣдствій и удручилъ мое тѣло болѣзнями плоти. Тогда наконецъ мечъ дошелъ до самой души, ибо несчастіе поражаетъ самый разсудокъ человѣка.

Такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ, какъ муки грѣха надоумили меня, тогда я бросилъ свои пустыя занятія; не будучи въ силахъ оставаться празднымъ и покинувъ игру воображенія, я предался духовнымъ предметамъ и перешелъ къ занятіямъ, болѣе полезнымъ. Такъ я началъ, хотя и поздно, съ ревностью работать надъ тѣмъ, на что мнѣ часто указы-

вали многочисленные и превосходные писатели, а именно, я обратился къ комментаріямъ св. Писанія, и особенно изучалъ безпрестанно произведенія Григорія, въ которыхъ болѣе нежели гдѣ нибудь заключенъ ключъ науки; потомъ я началъ, по методѣ древнихъ писателей, объяснять слова пророковъ и евангельскихъ книгъ, толкуя сначала ихъ аллегорическій или нравственный смыслъ, а потомъ мистическій. Болѣе всѣхъ меня поощрялъ къ подобнымъ работамъ Ансельмъ, аббатъ въ Бекѣ, сдѣлавшійся впослѣдствіи архіепископомъ въ Канторбери, и бывшій уроженцемъ заальпійской страны, изъ города Аосты; это былъ несравненный человѣкъ и по познаніямъ, и по великой святости своей жизни. Когда онъ былъ еще пріоромъ вышеназваннаго монастыря, онъ открылъ мнѣ свои познанія, и такъ-какъ я, будучи мальчикомъ, находился въ первой порѣ возраста и развитія, то онъ старался съ чрезвычайнымъ благодушіемъ наставить меня, какъ я долженъ руководить въ себѣ внутренняго человѣка и управляться правилами разума для власти надъ своимъ маленькимъ тѣломъ. Прежде нежели онъ сдѣлался аббатомъ и управлялъ только монастыремъ, онъ часто навѣщалъ монастырь Флавиньи, въ которомъ я былъ помѣщенъ во вниманіе его научнаго и религіознаго процвѣтанія, и съ такою ревностью сообщалъ мнѣ плоды своей учености, съ такою заботливостью старался отпечатлѣть ихъ во мнѣ, что казалось я былъ единственною цѣлью его посѣщеній.

Въ концѣ этой главы авторъ говоритъ объ ученіи Ансельма и о другихъ своихъ работахъ по толкованію св. Писанія. Въ остальныхъ же главахъ первой книги (XVIII—XXVI), разсказавъ о неожиданномъ своемъ избраніи въ аббаты монастыря св. Маріи въ городѣ Ножанѣ, авторъ записываетъ легенды о монахахъ Флавиньи, который имъ былъ оставленъ. Вторая книга посвящена спеціально исторіи Ножанскаго монастыря; наконецъ, въ третьей и послѣдней книгѣ изложена исторія коммюны города Лана, къ эпархіи котораго принадлежалъ и Ножанскій монастырь—самый любопытный документъ изъ внутренней жизни коммюнъ начала XII вѣка.

Аббатъ Гвибертъ Ножанскій.
De vita sua, sive Monodiarum libri II.—Кн. I.

О Гвибертѣ Ножанскомъ и его сочиненіяхъ см. выше, на стр. 100.

———

8.—Движеніе первыхъ пилигримовъ до начала похода. 1095—97 г.

(около 1120 г.).

Начинается

ИСТОРІИ ІЕРУСАЛИМСКАГО ПОХОДА,

написанной каноникомъ и хранителемъ Ахенской церкви Альбертомъ,

Книга первая.

I. Начинается *первая книга* Іерусалимскаго похода, гдѣ разсказаны достославныя дѣянія свѣтлѣйшаго герцога Готфрида: его подвигами и трудами святой городъ освобожденъ отъ невѣрныхъ и возвращенъ сынамъ св. церкви.

Давно уже, и такъ до сего дня, тѣ неслыханныя и приводящія въ изумленіе событія внушали мнѣ горячее желаніе примкнуть лично къ тому походу и помолиться тамъ. Но мое намѣреніе не могло быть осуществлено по различнымъ препятствіямъ, и потому я возымѣлъ дерзость по крайней мѣрѣ передать воспоминанію потомства все, что мнѣ разсказывали и объясняли участвовавшіе въ самомъ походѣ; я думалъ такимъ образомъ, не оставаясь празднымъ, быть въ нѣкоторомъ смыслѣ соучастникомъ подвига, если не тѣломъ, то помыслами души. Съ этою цѣлью я предпринялъ по мѣрѣ своихъ силъ описать неопытною и такъ сказать ребяческою рукою труды и бѣдствія, непоколебимую вѣру и благой заговоръ (bona conspiratio) изъ любви ко Христу мужественныхъ властителей и другихъ мужей; а именно, какъ они оставили отечество, родныхъ, женъ, сыновей и дочерей, города, замки, поля, царства и всѣ блага міра сего, вѣрное для невѣрнаго, и искали изгнанія во имя Христа; какъ они отважно и съ силою великой совершили путь въ Іерусалимъ и, торжествуя, избили тысячи-тысячъ полковъ турецкихъ и сарацинскихъ; и какъ сдѣлали доступнымъ входъ къ св. Гробу Господа нашего Іисуса Христа, уничтоживъ налоги и подати съ пилигримовъ, желавшихъ вступить въ Іерусалимъ.

По объясненіи въ этой первой главѣ причинъ, побудившихъ взяться за литературный трудъ, и по изложеніи программы сочиненія, авторъ въ слѣдующихъ главахъ (II—VI) весьма коротко говоритъ о Петрѣ Пустынникѣ, о его странствованіи въ Палестину, о проповѣди въ Европѣ и только упоминаетъ о томъ, что былъ Клермонтскій соборъ, опредѣлившій предпринять крестовый походъ. Видно, что авторъ до сихъ поръ имѣлъ мало свѣдѣній подъ рукою, и притомъ считалъ главнымъ предметомъ разсказа самое странствованіе крестоносцевъ, къ которому онъ и приступаетъ съ VII главы.

VII. Въ годъ отъ воплощенія господня тысяча-девяносто-пятый (по нашему счисленію, гдѣ съ января начинается новый годъ, это

происходило уже въ 1096 г.), четвертаго индикта, въ 43-й годъ королевства и 13-й—имперіи Генриха Четвертаго, какъ короля, и Третьяго, какъ императора римлянъ и Августа, при папѣ Урбанѣ II—прежде же звали его Одо (Odardus)—въ восьмой день мѣсяца марта, *Вальтеръ* (Walterus, откуда нов. франц. форма Gauthier), по прозванію *Неимущій* (Senzevehir, т.-е. Sans avoir), знаменитый рыцарь, сопровождаемый великимъ числомъ пѣшихъ франковъ изъ Галліи (Francigenæ, т.-е. французовъ), и имѣя съ собою всего восемь рыцарей, вступилъ, по убѣжденіямъ Петра Пустынника, въ Венгрію и направилъ свой путь къ Іерусалиму. Государь Каломанъ, христіаннѣйшій король венгровъ, узнавъ о его мужественныхъ предпріятіяхъ и ихъ цѣли, встрѣтилъ его благосклонно, и далъ ему позволеніе пройти въ мирѣ по землямъ своего государства и право дѣлать закупы. Такъ онъ и прошелъ, не встрѣтивъ никакой вражды или непріятности до самой Белегравы (Belegrava, нынѣ Бѣлградъ), города болгаръ, миновавъ Малевиллу (Malevilla, н. Землинъ), мѣстечко расположенное на предѣлахъ Венгріи. Тамъ онъ на судахъ переѣхалъ весьма спокойно рѣку Мароэ (Maroë, н. Морава); но 16 человѣкъ изъ его дружины, безъ вѣдома самого Вальтера, остались еще въ Малевиллѣ для закупки оружія, между тѣмъ, какъ онъ самъ находился на другой сторонѣ рѣки. Нѣсколько безпутныхъ венгровъ, видя, что Вальтеръ и его армія удалились, отняли у нихъ оружіе, одежды, золото и серебро, и, обобравъ такимъ образомъ, отпустили нагишемъ. Приведенные въ отчаяніе и лишившись оружія и имущества, они ускорили шаги и явились въ Бѣлградъ, гдѣ Вальтеръ и его войско раскинули палатки внѣ стѣнъ для отдыха; тамъ они разсказали въ подробностяхъ все испытанное ими бѣдствіе. Вальтеръ перенесъ это извѣстіе, потому что не имѣлъ охоты возвращаться для мести. Въ ту же ночь, когда присоединились къ нему его ограбленные спутники, онъ просилъ у князя болгаръ и у городского магистрата позволенія купить у нихъ для себя и для своего войска съѣстныхъ припасовъ; но тѣ, принявъ ихъ за бродягъ и мошенниковъ, не пустили ихъ на рынокъ. Вальтеръ и его дружина, оскорбленная такимъ отказомъ, бросились на быковъ и барановъ, которые бродили разсѣянно, выпущенные на паству, и хотѣли увести ихъ съ собою; тогда между болгарами и пилигримами завязалась серьезная ссора и дѣло дошло до оружія. Между тѣмъ, какъ число болгаръ все расло до того, что достигло 140 тысячъ, нѣсколько пилигримовъ, отдѣлившись отъ остальной массы, были захвачены ими въ одной молельнѣ, гдѣ они думали укрыться. Болгары, увеличивъ свои силы, въ то время, какъ Вальтеръ терялъ людей и бѣжалъ съ остальными, напали на молельню и сожгли въ ней 60 человѣкъ; другіе съ трудомъ успѣли спастись, защищая свою жизнь, но большая часть ихъ была переранена. Послѣ этого несчастнаго приключенія, стоившаго ему множества людей, Вальтеръ, оставивъ свое войско разсѣяннымъ, скрывался 8 дней въ лѣсахъ Болгаріи и наконецъ прибылъ въ весьма богатый городъ Ниссу, лежащую въ центрѣ этой страны. Найдя тамъ ея герцога и князя, онъ принесъ ему жалобу на нанесенныя обиды. Князь въ своемъ милосердіи призналъ его правымъ во всемъ и въ знакъ ми-

ролюбія снабдилъ его деньгами и оружіемъ. Сверхъ того, онъ далъ ему провожатыхъ для мирнаго прохода по всѣмъ городамъ Болгаріи, Стерницу, Финополю и Адріанополю, и право дѣлать закупъ припасовъ, пока онъ не придетъ вмѣстѣ съ войскомъ въ императорскій городъ Константинополь, столицу всего государства грековъ. Прибывъ туда, Вальтеръ просилъ смиренно и убѣдительно государя императора о позволеніи жить въ мирѣ въ его владѣніяхъ и покупать съѣстные припасы, пока не присоединится къ нему Петръ Пустынникъ, по убѣжденію котораго онъ предпринялъ странствованіе; собравъ вмѣстѣ тысячи народу, они могли бы тогда переправиться на судахъ черезъ морской рукавъ св. Георгія (н. Босфоръ) и были бы гораздо болѣе въ состояніи вступить въ борьбу съ турками и другими язычниками. Дѣйствительно, государь императоръ, по имени Алексѣй (т.-е. Комненъ), отвѣчалъ благосклонно на эту просьбу и согласился на все.

VIII. Нѣсколько времени спустя послѣ отправленія Вальтера, пошелъ въ Іерусалимъ и Петръ, сопровождаемый безчисленною арміею, какъ песокъ морской, которая сошлась около него изъ различныхъ государствъ и состояла изъ французовъ (Francigenæ), швабовъ, баваровъ и лотаринговъ. Направляясь къ королевству венгровъ, онъ, вмѣстѣ съ слѣдовавшею за нимъ арміею, раскинулъ палатки передъ вратами города Циперонъ. Размѣстившись тамъ, Петръ отправилъ пословъ къ правителю Венгріи, прося дозволенія войти въ эту страну и совершить по ней путь вмѣстѣ съ своими людьми. Разрѣшеніе было дано, съ условіемъ, чтобы армія не предавалась грабежу и мирно слѣдовала по дорогѣ, покупая все необходимое, безъ ссоръ и брани, за деньги. Петръ былъ весьма обрадованъ такимъ знакомъ благорасположенія короля къ нему и его спутникамъ, и проходилъ мирно по королевству венгровъ, платя и принимая всѣ вещи въ должномъ числѣ, по правдѣ, въ законномъ вѣсѣ; такъ онъ шелъ вмѣстѣ съ своею арміею, безъ всякихъ задержекъ, до Малевиллы. Но приблизившись къ землѣ этого города, онъ и всѣ его люди узнали по слухамъ, что графъ этой страны, по имени Гуцъ (Guz), одинъ изъ вельможъ короля венгровъ, увлекаемый корыстью, собралъ отрядъ вооруженной конницы, и вмѣстѣ съ герцогомъ Никитою, княземъ болгаръ и правителемъ города Бѣлграда, рѣшился на самый безчестный поступокъ, а именно, они опредѣлили, чтобы Никита, собравъ свою отважную пѣхоту, напалъ и избилъ авангардъ арміи Петра, а Гуцъ съ конницею взялся аттаковать арріергардъ; такимъ образомъ, они могли бы легко разграбить все имущество такой многочисленной арміи, состоявшее въ лошадяхъ, золотѣ, серебрѣ и одеждахъ, которыя предполагалось раздѣлить. Узнавъ о томъ, Петръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы венгры и болгары, народъ христіанскій, осмѣлились совершить такое преступленіе. Но подойдя къ Малевиллѣ, онъ и его спутники увидѣли на стѣнахъ города еще висѣвшіе трофеи и оружіе тѣхъ 16-ти человѣкъ изъ арміи Вальтера, которыхъ венгры захватили, какъ отставшихъ назади, и безжалостно ограбили. Видя такое оскорбленіе, нанесенное ихъ братьямъ, и узнавъ ихъ оружіе и трофеи, Петръ возбуждаетъ своихъ спутниковъ къ мести. Немедленно

зазвучали трубы, и они съ поднятыми знаменами бросились къ стѣнамъ, осыпали тучею стрѣлъ занимавшихъ укрѣпленіе и поражали ихъ безъ устали такимъ множествомъ дротиковъ, что венгры, не имѣя силъ сопротивляться ярости осаждавшихъ галловъ, оставили стѣны и не смѣли думать помѣряться съ ними силами даже внутри самого города. Тогда нѣкто Готфридъ, по прозванію Бурель, уроженецъ города Этампа (de Stampis), начальникъ двухсотеннаго отряда пѣхоты и знаменосецъ, человѣкъ крѣпкихъ силъ, видя, что бѣгущій непріятель бросилъ укрѣпленія, схватилъ случайно найденную имъ лѣстницу и кинулся на стѣну. Райнольдъ, изъ замка Брея (de Breis), знаменитый рыцарь, накрывъ голову каскою и одѣвъ панцырь, слѣдуетъ за Готфридомъ на укрѣпленія, и въ то же время всѣ другіе рыцари и пѣшіе люди стараются всѣми силами ворваться. Видя себя стѣсненными и въ великой опасности, венгры соединились для защиты въ числѣ 7 тысячъ человѣкъ; выйдя изъ города восточными воротами, они удалились на вершину крутой скалы, у подошвы которой протекаетъ Дунай, и которая съ этой стороны была неприступна. Но бо́льшая часть изъ нихъ, не имѣя возможности спастись вслѣдствіе узкаго прохода воротъ, была избита на мѣстѣ; другихъ умертвили пилигримы во время ихъ бѣгства на скалу; наконецъ, многіе, бросившись съ высоты, утонули въ волнахъ Дуная; большинство же спаслось, переплывая рѣку въ лодкахъ. Въ этомъ дѣлѣ пало до 4 тысячъ венгровъ; пилигримы потеряли всего 100 человѣкъ, кромѣ раненыхъ. По одержаніи такой побѣды, Петръ и его люди оставались шесть дней въ Малевиллѣ, найдя тамъ огромные запасы хлѣба, скота вьючнаго и мелкаго, наполненныхъ бочекъ, и множество лошадей.

IX. Объ этой побѣдѣ пилигримовъ и объ избіеніи венгровъ герцогъ Никита былъ извѣщенъ множествомъ труповъ обезглавленныхъ и изувѣченныхъ, которые были принесены теченіемъ Дуная къ Бѣлграду, гдѣ рѣка, описавъ дугу, продолжаетъ свой путь, въ разстояніи одной мили отъ Малевиллы. Герцогъ созвалъ своихъ и держалъ съ ними совѣтъ; но пораженный страхомъ, онъ не рѣшился выжидать Петра въ Бѣлградѣ и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ тому, чтобы удалиться со всѣми сокровищами изъ Бѣлграда въ Ниссу, надѣясь, что тамъ ему будетъ лучше защищаться противу силъ французовъ, римлянъ (т.-е. итальянцевъ) и нѣмцевъ, такъ какъ этотъ городъ былъ окруженъ твердыми стѣнами. Своимъ же согражданамъ онъ приказалъ бѣжать вмѣстѣ съ стадами въ лѣса, горы и неприступныя мѣста, чтобы имѣть время призвать на помощь Константинопольскаго императора и принять мѣры къ сопротивленію дружинамъ Петра, а вмѣстѣ отмстить за венгровъ, на основаніи дружественнаго договора и союза, соединявшаго его съ Гуцомъ, графомъ и княземъ Малевиллы. Шесть дней спустя, къ Петру явился поспѣшно гонецъ изъ города отъ франкскихъ колонистовъ (advenae); извѣщая объ угрожающей опасности, онъ ему сказалъ: „Король венгровъ собралъ всю свою армію и идетъ, чтобы отомстить за своихъ; навѣрное никто изъ васъ не уйдетъ отъ его оружія, ибо король и всѣ родственники и друзья умерщвленныхъ вами возмущены и оплакиваютъ ихъ избіеніе; торопитесь перейти Мораву и уходите отсюда скорѣе“. Петръ и его спу-

тники немедленно оставили Малевиллу; унося съ собою богатую добычу и ведя стада и всѣхъ лошадей, они приступили къ переправѣ черезъ Мораву. Но на всемъ берегу они нашли не болѣе 150 судовъ, что было весьма недостаточно для спасенія такого множества пилигримовъ отъ опасности, угрожавшей имъ въ случаѣ прибытія короля со всѣми его силами. Потому большое число, для которыхъ не хватило судовъ, употребили всѣ усилія для переправы и изготовили плоты изъ бревенъ, перевязанныхъ ивовыми прутьями. Пока они переплывали черезъ рѣку и не имѣя руля были уносимы и часто отдѣлялись отъ своихъ спутниковъ, *пинценары*, населявшіе Болгарію, умертвили многихъ стрѣлами. Петръ, видя, что его люди тонутъ, приказалъ баварамъ, швабамъ и другимъ нѣмцамъ, напоминая имъ о клятвѣ повиновенія, подать помощь французамъ, своимъ братьямъ. Они сѣли немедленно на семь судовъ, и потопили семь барокъ съ пинценарами, изъ которыхъ семеро только были захвачены въ плѣнъ; приведя ихъ къ Петру, они умертвили плѣнныхъ по его приказанію. Отмстивъ такимъ образомъ за своихъ и переправившись чрезъ Мораву, Петръ вступилъ въ обширные лѣса Болгаріи, ведя за собою обозъ съ съѣстными припасами и добычею, похищенною въ Бѣлградѣ. Идя семь дней по тѣмъ неизмѣримымъ лѣсамъ, онъ подошелъ наконецъ вмѣстѣ съ своими людьми къ городу Ниссѣ, защищенной твердыми стѣнами. При этомъ пилигримы перешли каменный мостъ по какой-то рѣкѣ, протекающей предъ городомъ, заняли громадный лугъ, покрытый прекрасною зеленью, и раскинули палатки по берегу той рѣки.

X. Устроивъ такимъ образомъ полчища пилигримовъ, Петръ, въ своей предусмотрительности и съ согласія старѣйшихъ изъ своихъ спутниковъ, отправилъ посольство къ герцогу Никитѣ, князю Болгаріи, находившемуся въ томъ городѣ, просить у него позволенія дѣлать закупки. Герцогъ благодушно согласился, съ условіемъ, чтобы ему дали заложниковъ; онъ опасался, что эта многочисленная ватага можетъ причинить оскорбленія и насилія, какъ она поступила въ Бѣлградѣ. Вальтеръ, сынъ Валерамна, изъ замка Бретейль (Breteil), что близъ Бове (Beluatium, н. Beauvais), и Готфридъ Бурель изъ Этампа, были выданы герцогу въ залогъ. Они отправились, и герцогъ ихъ принялъ; пилигримы получили дозволеніе покупать все, а тѣ, которымъ нечѣмъ было заплатить, были надѣлены щедрою милостынею жителей города. Ночь прошла спокойно, и князь съ вѣрностью возвратилъ Петру полученныхъ отъ него заложниковъ. Сто человѣкъ изъ нѣмцевъ, имѣвшихъ наканунѣ вечеромъ ничтожный споръ съ какимъ-то болгаромъ по поводу покупокъ и продажи, остались позади арміи, которую повелъ Петръ, и, поджегши семь мельницъ на рѣкѣ подъ мостомъ, обратили ихъ въ пепелъ; они сожгли сверхъ того нѣсколько домовъ, построенныхъ за городскою чертою и тѣмъ удовлетворили свою необузданность. Жители, увидѣвъ свои дома въ пламени, пошли всѣ сообща къ своему герцогу Никитѣ, говоря, что Петръ и его спутники—лжехристіане, воры, а не мирные люди, ибо они, умертвивъ герцогскихъ пинценаровъ въ Бѣлградѣ, и избивъ множество венгровъ въ Малевиллѣ, осмѣлились теперь поджечь зданія, и забыли

благодарность, къ которой они были обязаны множествомъ благодѣяній.

XI. Герцогъ, выслушавъ жалобы своихъ людей и узнавъ о нанесенномъ имъ оскорбленіи, приказалъ всѣмъ взяться за оружіе и приготовилъ конницу, собранную имъ въНиссѣ, еще когда онъ узналъ о нападеніи и взятіи Малевиллы, съ тѣмъ, чтобы пуститься въ погоню за пилигримами и воздать имъ все причиненное ими зло. Выслушавъ слова герцога Болгаріи, команиты и множество венгровъ вмѣстѣ съ пинценарами, присоединившимися къ нимъ для защиты города, за извѣстное жалованіе, схватились за свои роговые и костяные луки, надѣли кольчуги и, привязавъ значки къ своимъ копьямъ, пустились въ погоню за Петромъ, который шелъ спокойно съ своею арміею. Отсталые и тѣ, которые слѣдовали въ арьергардѣ, были избиты и перерѣзаны безъ всякой пощады; двигавшіяся медленно телѣги и повозки остановлены; женщины, дѣвицы и юноши уведены: оставаясь плѣнниками и въ изгнаніи до настоящаго времени въ землѣ болгарской, они были похищены со всѣмъ своимъ имуществомъ и стадами, которыя слѣдовали за ними. Среди тревоги и убійствъ неожиданныхъ для пилигримовъ, какой-то Ламбертъ, спасенный быстротою коня, догналъ Петра, который не зналъ ничего о случившемся. Онъ разсказалъ ему всѣ подробности и прибавилъ, что тѣ ужасы и бѣдствія произошли отъ нѣмцевъ, которые сожгли мельницы. Петръ идя на одну милю впереди, не имѣлъ никакихъ другихъ извѣстій; встревоженный выслушаннымъ разсказомъ, онъ немедленно созвалъ мудрѣйшихъ и болѣе смышленныхъ мужей своего войска, и сказалъ имъ:

XII. „Намъ угрожаетъ страшная бѣда, вслѣдствіе неистовства безсмысленныхъ нѣмцевъ; множество нашихъ и самихъ нѣмцевъ пало подъ стрѣлами и ударами герцога Никиты и его войскъ, въ наказаніе за пожаръ, о которомъ я ничего не зналъ. Враги захватили наши повозки, наши богатства и наши стада. Мнѣ кажется, будетъ лучше всего вернуться къ герцогу и заключить съ нимъ миръ, такъ какъ наши были не справедливы къ нему именно въ то время, когда его сограждане доставили намъ миролюбиво все, въ чемъ мы нуждались“. На основаніи такого мнѣнія и словъ Петра, вся армія вернулась къ городу Ниссѣ и снова раскинула палатки на томъ же мѣстѣ, гдѣ они стояли прежде, съ тѣмъ, чтобы Петръ принесъ извиненіе за себя и шедшихъ впереди сподвижниковъ, и успокоивъ герцога, возвратилъ бы плѣнниковъ и повозки. Но пока онъ вмѣстѣ съ мудрѣйшими изъ мужей былъ занятъ приведеніемъ въ исполненіе своего плана и готовился принести извиненіе въ обдуманныхъ напередъ словахъ, толпа безсмысленныхъ юношей въ тысячу человѣкъ, исполненная легкомыслія и задора, народъ неукротимый и необузданный, перешли, безъ всякаго повода и причины, каменный мостъ и безразсудно бросились на стѣны къ городскимъ воротамъ. Тысяча же другихъ молодыхъ людей, такихъ же взбалмошныхъ, пустившись въ бродъ и по мосту, понеслись на помощь первымъ, съ страшными криками и бранью, не смотря на голосъ Петра, своего предводителя, напрасно запрещавшаго имъ идти впередъ и желавшаго вмѣстѣ съ

благоразумными людьми возстановить миръ. Въ минуту такого ужаснаго неповиновенія, вся остальная армія, исключая тѣхъ двухъ тысячъ человѣкъ, осталась съ Петромъ, не одобрившимъ того нападенія, и никто не тронулся съ мѣста, чтобы помочь тѣмъ послѣднимъ. Болгары, видя такое разногласіе въ народѣ и понимая, что имъ будетъ легко справиться съ тѣми двумя тысячами, вышли изъ двухъ воротъ, вооруженные стрѣлами и пиками, наносящими широкія раны, и бросились впередъ въ большомъ числѣ; они стѣснили пилигримовъ и обратили ихъ въ бѣгство; двадцать изъ нихъ свалились съ моста въ воду и утонули; другіе, въ числѣ трехъ-сотъ, побѣжали къ мосту внизъ искать неизвѣстнаго имъ брода и погибли отъ оружія и волнъ. Наконецъ, тѣ, которые оставались съ Петромъ на другомъ берегу рѣки, и которымъ онъ помѣшалъ принять участіе въ томъ безумномъ предпріятіи, видя такую жестокую погибель своихъ, не могли отказать себѣ въ удовольствіи поспѣшить имъ на помощь и, надѣвъ шлемы и панцыри, полетѣли къ мосту, не обращая вниманія на Петра. Съ обѣихъ сторонъ завязалась упорная битва; стрѣлы, мечи и копья были пущены въ дѣло. Но такъ какъ болгары овладѣли прежде и мостомъ, и бродомъ, то пилигримы не могли перейти на другую сторону и были вынуждены обратиться въ бѣгство. Петръ, видя своихъ побитыми и обращенными въ бѣгство, отправилъ посломъ къ герцогу Никитѣ одного болгара, который рѣшился предпринять святой походъ въ Іерусалимъ, съ просьбою вступить съ Петромъ въ личные переговоры и условиться о заключеніи мира именемъ Господа; такъ то и случилось.

XIII. Когда вѣсть о мирѣ была объявлена народу Петра и возстаніе успокоилось, въ ожиданіи возстановленія полнаго согласія, пѣшая чернь, мятежная и неисправимая, захватя и нагрузивъ телѣги и повозки, пустилась въ дорогу. Напрасно Петръ, Фулько и Райнольдъ останавливали ихъ и убѣждали дождаться окончательнаго возстановленія мира, они не могли отвратить тѣхъ безумныхъ мятежниковъ отъ предпринятаго ими намѣренія. Хотя граждане и видѣли, что Петръ и другіе главные вожди старались воспрепятствовать отправленію и удержать телѣги и повозки, но имъ казалось, что они заранѣе уговорились съ народомъ, чтобы устроить бѣгство. Вслѣдствіе того, выйдя изъ городскихъ воротъ вмѣстѣ съ всадниками герцога, они начали ихъ преслѣдовать изо всѣхъ силъ, и на пространствѣ двухъ миль избили множество народу и захватили отсталыхъ въ плѣнъ. Повозка, которая везла сокровищницу Петра, наполненную страшнымъ количествомъ золота и серебра, была захвачена; ее взяли и, отвезя вмѣстѣ съ плѣнниками въ Ниссу, помѣстили въ казнохранилищѣ герцога; остальная добыча была раздѣлена между всадниками. Болгары избили множество народу; они увели дѣтей съ матерями и безчисленное количество замужнихъ женщинъ и незамужнихъ. Петръ и тѣ, которымъ удалось спастись, разсѣялись по широкимъ и мрачнымъ лѣсамъ; одни по пустынямъ, другіе чрезъ пропасти, всѣ бѣжали поспѣшно, какъ овцы, преслѣдуемыя волками. Наконецъ, Петръ, Райнольдъ изъ Брея, Вальтеръ, сынъ Валерамна Бретейльскаго, Готфридъ Бурель и Фулько Орлеанскій соединились случайно на вершинѣ какой-то горы съ 500 воиновъ, и съ перваго

раза можно было подумать, что это было все, что осталось отъ 40 тысячъ человѣкъ. Петръ, видя, до чего доведена была его армія и предаваясь печальнымъ размышленіямъ, тяжело вздыхалъ; ему было грустно видѣть свои полки истребленными, тогда какъ болгарамъ дѣло стоило жизни одного человѣка, и не могъ повѣрить, чтобы изъ 40 тысячъ разсѣянныхъ и бѣжавшихъ, никто не пережилъ пораженія. По его совѣту, собравшіеся съ нимъ на вершинѣ горы начали подавать знаки и трубить въ рога, чтобы пилигримы, разбѣжавшіеся по горамъ, лѣсамъ и пустынямъ, могли услышать крики Петра и его людей и присоединиться къ нимъ для продолженія пути. Еще не кончился день, а уже 7 тысячъ человѣкъ, услышавъ подаваемые знаки, явились къ нимъ. Собравшись вмѣстѣ съ различныхъ сторонъ, они отправились въ путь и прибыли къ городу, въ которомъ не нашли ни людей, ни вещей; тамъ они расположились лагеремъ и поджидали, не подойдутъ ли къ нимъ другіе спутники. Но не найдя въ оставленномъ жителями мѣстечкѣ никакихъ съѣстныхъ припасовъ, они впали въ большую крайность; они лишились болѣе двухъ-тысячъ телѣгъ и повозокъ съ пшеницею, житомъ и мясомъ, годнымъ для пищи, и не встрѣчали никого, кто могъ бы ихъ снабдить чѣмъ нибудь. Это несчастіе приключилось имъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда хлѣбъ и всякіе плоды поспѣваютъ въ той странѣ и желтѣютъ передъ жатвой. Пока народъ мучился голодомъ, люди, болѣе находчивые, придумали жарить зёрна, поспѣвшія въ окрестностяхъ оставленнаго города, и питать ими томившійся голодомъ народъ. Три дня они держались этою пищею, а между тѣмъ, разсѣявшіеся бѣглецы сошлись въ числѣ около 30 тысячъ; десять тысячъ погибло.

XIV. Этимъ временемъ посланные герцога прибыли въ Константинополь къ государю императору и донесли ему о бѣдствіяхъ, испытанныхъ болгарами; они разсказали ему, какъ армія пилигримовъ избила венгровъ въ Малевиллѣ, и какъ, прибывъ къ городу Ниссѣ, они заплатили жителямъ ея зломъ за добро, хотя, впрочемъ, и были наказаны за то. Императоръ, узнавъ о случившемся, отправилъ пословъ къ Петру, который уже вышелъ изъ оставленнаго жителями города, такъ что послы нашли его вмѣстѣ со всею арміею въ городѣ Стерницѣ, и въ силу приказанія императора передали ему слѣдующее: „Петръ! до государя императора дошли тяжкія обвиненія противъ тебя и твоего войска, ибо въ предѣлахъ его собственнаго государства вы производили грабежи и безпорядки. Вотъ почему императоръ запрещаетъ тебѣ оставаться въ городахъ, до самаго прибытія въ Константинополь, болѣе трехъ дней. На основаніи императорскаго указа, мы предпишемъ всѣмъ городамъ, чрезъ которые ты будешь проходить, чтобы они въ мирѣ продавали тебѣ и твоимъ людямъ все необходимое, и ни въ чемъ не препятствовали тебѣ на пути, потому что ты христіанинъ, и всѣ твои люди также христіане. Императоръ прощаетъ тебѣ вполнѣ тѣ преступленія, которыя совершили твои люди, по своей необузданности и ярости, противъ герцога Никиты, ибо они дорого заплатили за нанесенныя ими обиды“. Петръ, выслушавъ это мирное посольство государя императора, весьма обрадовался и, проливъ слезы восторга, возблагодарилъ Бога, кото-

рый послѣ строгаго, но заслуженнаго, наказанія, доставлялъ ему благополучіе представиться вмѣстѣ съ своими людьми великому и именитому императору.

XV. Повинуясь его приказаніямъ, Петръ оставилъ Стернитцъ и со всѣмъ своимъ народомъ отправился къ городу Финополю. Тамъ, разсказавъ въ присутствіи греческихъ горожанъ свои бѣдствія, онъ получилъ именемъ божіимъ и Христа ради большія подарки византійскою монетою, серебромъ, лошадьми и мулами: такъ были тронуты всѣ жители его разсказомъ. Когда наступило третье утро, онъ, снабженный всѣмъ необходимымъ, радостно отправился къ Адріанополю. Тамъ онъ оставался два дня, которые и провелъ внѣ города, а въ третій день отправился далѣе. Между тѣмъ, явилось новое посольство отъ императора съ приглашеніемъ торопиться въ Константинополь, ибо императоръ горѣлъ желаніемъ увидѣть Петра вслѣдствіе тѣхъ разсказовъ, которые онъ о немъ слышалъ. Когда онъ прибылъ къ этому городу, его войско получило приказаніе расположиться въ отдаленіи отъ стѣнъ, но ему было дано полное право покупать для себя все необходимое.

XVI. Петръ, человѣкъ небольшого роста, но великаго сердца, и сильный словомъ, былъ вмѣстѣ съ Фулько приведенъ послами къ императору, желавшему убѣдиться, таковъ ли былъ Петръ, какъ о немъ носилась молва. Петръ, войдя къ императору съ самоувѣренностью, привѣтствовалъ его именемъ Господа Іисуса Христа, и потомъ разсказалъ въ подробности, какъ онъ изъ любви и по милости Христа оставилъ отечество, чтобы посѣтить св. Гробъ; изложилъ бѣдствія, испытанныя имъ въ послѣднее время, и возвѣстилъ о томъ, что могущественные и благородные графы и герцоги идутъ по его слѣдамъ, горя желаніемъ предпринять походъ въ Іерусалимъ и поклониться св. Гробу. Императоръ, видя теперь самъ Петра и услышавъ изъ его устъ его обѣты, спросилъ его, чего онъ хочетъ, и чего онъ желаетъ отъ него. Петръ просилъ его дать ему въ своей милости, чѣмъ прокормить себя и своихъ, присоединивъ къ тому, что онъ потерялъ безчисленныя богатства, вслѣдствіе неблагоразумія и мятежа своего войска. Выслушавъ эту униженную просьбу и тронутый сочувствіемъ, императоръ приказалъ отсчитать ему двѣсти золотыхъ византійской монеты, а для его войка выдалъ одну мѣру монетъ называемыхъ *тартаронами*. Послѣ этого свиданія, Петръ удалился изъ дворца императора, и, заслуживъ его благорасположеніе, оставался еще 5 дней въ лагерѣ подъ Константинополемъ. Вальтеръ Неимущій раскинулъ палатки въ томъ же самомъ мѣстѣ, и съ этой минуты они соединились и дѣлили между собою съѣстные припасы, оружіе и все необходимое для жизни. По прошествіи пяти дней, собравъ свои палатки, и переплывя проливъ св. Георгія на судахъ, которыя были доставлены императоромъ, они вступили въ предѣлы Каппадокіи и черезъ горы прибыли къ Никомедіи, гдѣ и переночевали. Послѣ того они расположились лагеремъ у гавани, называемой Цивитотъ. Купцы являлись туда безпрерывно, подвозя на корабляхъ съѣстные припасы, хлѣбъ, вино, масло, жито и сыръ, и продавали пилигримамъ свой товаръ, не дорожась и не обмѣривая. Пока они наслаждались

изобиліемъ всего съѣстного, занятые исключительно возстановленіемъ истощенныхъ силъ, послы христіаннѣйшаго императора явились къ Петру и его арміи и принесли запрещеніе идти горами къ Никеѣ, опасаясь засадъ и козней турокъ, и приказали ждать, пока увеличатся силы прибытіемъ новыхъ христіанъ. Петръ и съ нимъ весь христіанскій народъ приняли съ готовностію приказаніе и совѣты императора и провели въ пирахъ два мѣсяца, живя въ мирѣ и радости и засыпая въ полной безопасности отъ нападеній всякаго врага.

XVII. Но по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, пилигримы, распустившись отъ праздной жизни и изобильной пищи и не слушая словъ Петра, даже дѣйствуя противъ его воли, отправились черезъ горы на земли города Никеи и во владѣнія султана (ducis) турецкаго Солимана (т.-е. Килиджъ-Арслана); награбивъ крупнаго мелкаго скота, быковъ, овецъ и козловъ, принадлежавшихъ грекамъ, которые были въ рабствѣ у турокъ, они привели ихъ къ своимъ спутникамъ. Видя такіе поступки, Петръ былъ пораженъ глубокою печалью; онъ зналъ, что все это не пройдетъ имъ безнаказанно, и очень часто предупреждалъ, убѣждая слѣдовать совѣтамъ императора и отказаться отъ подобныхъ предпріятій; но напрасно онъ говорилъ мятежному и безсмысленному народу. Такъ какъ первое предпріятіе имъ удалось, то они не опасались болѣе препятствій къ грабежу, и молодые люди, столь же храбрые, сколько и легкомысленные рѣшились взять съ собою нѣсколько вооруженныхъ шаекъ и на глазахъ у самихъ турокъ искать добычи на лугахъ и пастбищахъ раcпололоженныхъ у самыхъ стѣнъ города Никеи, и возвратиться съ нею въ лагерь. Они соединились въ числѣ семи тысячъ пѣхоты и только 300 хорошо вооруженныхъ рыцарей, и, съ шумомъ поднявъ знамена, пошли на добычу и успѣли похитить 700 быковъ и множество мелкаго скота на лугахъ Никеи, потомъ, возвратившись въ лагерь Петра, они задали большое пиршество, и продали много скота грекамъ и матросамъ, подданнымъ императора. Нѣмцы, видя, какъ хорошо удалось предпріятіе римлянъ и французовъ (Romanis et Fracigenis, т.-е. жителямъ Италіи и Галліи), и какъ они нѣсколько разъ возвращались, не встрѣтивъ препятствій и обагащенные добычей, воспылали сами подобною же корыстью и составили отрядъ изъ 3 тысячъ человѣкъ пѣхоты и всего 200 всадниковъ; распустивъ красныя и пурпуровыя знамена, они прошли по проложеннымъ дорожкамъ въ горахъ и явились къ замку, принадлежавшему самому Солиману, человѣку богатому, герцогу и князю турокъ; замокъ былъ расположенъ на мѣстѣ, гдѣ заканчивались горы и лѣсъ, въ трехъ миляхъ разстоянія отъ города Никеи. Съ военными криками они напали на замокъ, овладѣли имъ и перебили всѣхъ его обитателей, исключая грековъ-христіанъ, которые были пощажены; но всѣ другіе, найденные ими въ замкѣ, были умерщвлены или изгнаны. Овладѣвъ замкомъ и очистивъ его отъ жителей, они были обрадованы находившеюся въ немъ богатою добычей. Упоенные побѣдой, они рѣшились съ общаго согласія занять это мѣсто, откуда имъ было бы легко овладѣть всею землею и всѣмъ княжествомъ Солимана, и куда они могли бы сносить со всѣхъ сторонъ добычу и съѣстные припасы, постоянно ослабляя

Солимана и выжидая армію высокихъ князей, о которой говорили, что она уже приближается.

XVIII. Между тѣмъ, Солиманъ, герцогъ и князь туровъ, освѣдомленный о прибытіи христіанъ и ихъ грабежахъ, собралъ 15 тысячъ своихъ людей во всей Романіи и въ царствѣ Хорозанѣ, искусныхъ воиновъ, вооруженныхъ роговыми и костяными луками, и отличныхъ стрѣлковъ. Два дня спустя послѣ побѣды нѣмцевъ, онъ явился въ Никею, спѣша изъ отдаленныхъ странъ и ведя за собою многочисленную дружину Его досада и гнѣвъ увеличились, когда онъ узналъ, что нѣмцы овладѣли его замкомъ, избивъ и изгнавъ всѣхъ бывшихъ въ немъ. На третій день, съ восходомъ солнца, Солиманъ выступилъ съ своею дружиной и отправился къ укрѣпленію, занятому нѣмцами. Его знаменосцы вмѣстѣ съ стрѣлками бросились храбро на приступъ и осыпали стрѣлами нѣмцевъ, мужественно защищавшихся съ высоты стѣнъ; но, не имѣя возможности противиться болѣе и бывъ вынуждены сойти со стѣнъ, чтобы спастись отъ стрѣлъ, осыпавшись ихъ градомъ, изнеможенные и лишенные всѣхъ средствъ, они удалились во внутрь укрѣпленія, гдѣ могли бы укрыться отъ дротиковъ. Турки, видя, что нѣмцы отошли отъ стѣнъ, начали готовиться къ рѣшительному приступу; но осажденные, засѣвъ внутри и защищая свою жизнь, противопоставляли копья всякому, кто только показывался на стѣнахъ; другіе же поражали мечемъ и обоюдо-острыми топорами, такъ что турки не смѣли продолжать приступа. Убѣдившись, что ихъ стрѣлы, при всей многочисленности, не могли повредить нѣмцамъ при новомъ способѣ ихъ защиты, осаждавшіе нанесли всякаго рода дерева къ воротамъ замка, подложили огня, и ворота замка вмѣстѣ со многими внутренними зданіями загорѣлись; наконецъ, пожаръ распространился во всѣ стороны: одни изъ осажденныхъ сгорѣли, другіе бросились съ высоты стѣнъ и искали спасенія. Но турки устремились на бѣглецовъ и истребили ихъ мечемъ; около 200 молодыхъ людей, красивыхъ и статныхъ, были взяты и уведены въ плѣнъ; всѣ остальные погибли отъ меча и стрѣлъ.

XIX. Отомстивъ такъ жестоко, Солиманъ возвратился вмѣстѣ съ своими и плѣнными нѣмцами; и вѣсть объ этомъ кровавомъ побоищѣ скоро достигла лагеря Петра. Смерть товарищей возбудила въ пилигримахъ чувство самой живой скорби и поразила ихъ сердца. Удрученные горемъ, они часто совѣщались другъ съ другомъ, идти ли имъ немедленно отмстить за братьевъ, или дождаться возвращенія Петра. Петръ за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправился въ Константинополь просить императора въ пользу своей арміи объ уменьшеніи цѣнъ на предметы первой необходимости. Когда пилигримы держали между собою совѣтъ, Вальтеръ Неимущій рѣшительно отказался идти для отомщенія, пока дѣло не будетъ узнано обстоятельнѣе и пока не вернется Петръ, совѣтамъ котораго слѣдовали во всемъ. Этотъ отказъ сдерживалъ народъ въ теченіе 8 дней, и всѣ ожидали возвращенія Петра; но Петръ не могъ никакимъ образомъ получить отъ императора дозволенія возвратиться. Въ восьмой день, турецкіе всадники, люди прославленные въ военномъ искусствѣ, вышли изъ Никеи въ числѣ ста человѣкъ и объѣхали всю страну и города,

расположенные въ горахъ, чтобы собрать точныя извѣстія о добычѣ, награбленной французами (Galli). Говорятъ, что въ тотъ же день они отрубили голову многимъ пилиграмъ, которые бродили разсѣянно, партіями въ 10, 15 и болѣе человѣкъ. Въ лагерѣ Петра распространился слухъ, что турки находятся по сосѣдству и убиваютъ пилигримовъ, разсѣянныхъ по странѣ, но сначала никто не вѣрилъ, чтобы непріятель могъ такъ далеко отойти отъ Никеи. Однако, многіе предлагали отправиться для преслѣдованія турокъ, если они окажутся по близости.

XX. Удостовѣрившись наконецъ въ истинѣ слуха, народъ пришелъ въ большое волненіе; всѣ пѣшіе люди отправились къ Райнольду изъ Брея, Вальтеру Неимущему, Вальтеру изъ Бретейля и Фулько Орлеанскому, бывшимъ главными вождями арміи Петра, и требовали у нихъ отомстить смерть братьевъ и положить предѣлъ дерзости турокъ. Но сначала вожди рѣшительно отказались идти, пока не придетъ Петръ и не выскажетъ своего мнѣніи. Готфридъ Бурель, начальствовавшій пѣхотой, услышавъ такіе отвѣты, объявилъ, что эти знаменитые рыцари слишкомъ робки въ военномъ дѣлѣ, и горько упрекалъ всѣхъ, кто препятствовалъ своимъ товарищамъ отмстить туркамъ за кровь своихъ братьевъ. Вожди, не имѣя силъ переносить долѣе оскорбленія и упреки Готфрида и его единомышленниковъ, и исполненные негодованія и озлобленія, объявили, что они готовы презрѣть силы и засады турокъ, хотя бы то стоило имъ жизни. Рано утромъ въ четвертый день рыцари и пѣшіе люди, соединившись въ лагерѣ, получили приказаніе вооружиться; зазвучали рога, и всѣ собрались на войну. Въ лагерѣ остались только тѣ, которые не могли носить оружія, разслабленныя женщины, въ несчетномъ множествѣ. Вооруженные люди вмѣстѣ составили армію въ двадцать-пять-тысячъ пѣхоты и 500 тяжеловооруженныхъ рыцарей и пошли къ Никеѣ, чтобы вызвать на битву герцога Солимана и турокъ, утомленныхъ войною, и отомстить смерть братьевъ. Раздѣлившись и образовавъ шесть отрядовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое знамя, они разошлись направо и налѣво. Удалившись на три мили отъ гавани и стоянки при Цивитотѣ—а Петра все не было, и онъ ничего не зналъ — они, исполненные гордости, съ величайшимъ крикомъ и шумомъ вступили въ лѣса и горы; тѣмъ временемъ и Солиманъ вошелъ въ тотъ же лѣсъ, но съ противоположной стороны; идя изъ Никеи съ безчисленною арміею, онъ намѣревался напасть неожиданно на французовъ въ ихъ лагерѣ, застать ихъ въ расплохъ и всѣхъ истребить мечемъ. Но услышавъ крикъ и шумъ, произведенный христіанами, Солиманъ сначала былъ изумленъ, не зная, что это за шумъ, ибо намѣреніе пилигримовъ ему было совершенно неизвѣстно. Узнавъ же, что сами христіане приближаются къ нему, онъ сказалъ своимъ: „Вотъ, тѣ франки здѣсь, къ которымъ мы идемъ; будьте увѣрены, они идутъ для борьбы съ нами; оставимъ поспѣшно лѣсъ и горы и выйдемъ на широкую равнину, гдѣ намъ свободно будетъ биться, и они не найдутъ для себя убѣжища“. При этихъ словахъ, турки поспѣшно повиновались и съ величайшею тишиной оставили лѣсъ и горы.

XXI. Между тѣмъ, французы, не зная ничего о появленіи Солимана, выступили также изъ лѣса и горъ съ крикомъ и гамомъ, и неожиданно увидѣли въ долинѣ армію Солимана, изготовленную къ бою. Ободряя другъ друга именемъ Божіимъ, они сначала выпустили впередъ два отряда, составленные изъ 500 рыцарей. Солиманъ, видя приближеніе этихъ двухъ отрядовъ, опустилъ лошади поводья; его люди сдѣлали тоже и поразили каѳолическихъ рыцарей неслыханнымъ и невыносимымъ крикомъ. Затѣмъ, турки, устремившись на два отряда и осыпавъ ихъ градомъ стрѣлъ, разсѣяли и отдѣлили отъ арміи, шедшей за ними. Услышавъ стукъ оружія и крики турокъ, преслѣдовавшихъ съ жестокостью ихъ братьевъ, пилигримы, находившіяся въ арьергардѣ и потому неуспѣвшіе выйти изъ лѣсу, соединились вмѣстѣ въ узкомъ проходѣ, которымъ они слѣдовали, чтобы загородить его и не допустить турокъ въ горы. Два первые отряда, отрѣзанные турками отъ главной арміи, опрокинулись на нихъ, но, не имѣя возможности попасть въ лѣсъ и горы, направились къ сторонѣ Никеи. Потомъ возвратившись внезапно и испуская страшные крики, они снова бросились въ средину турокъ и, ободряя другъ друга, конные пѣшихъ и пѣшіе конныхъ, избили въ короткое время до 200 турецкихъ всадниковъ. Замѣтивъ, что рыцари берутъ надъ ними верхъ, турки начали стараться ранить лошадей стрѣлами, и такимъ образомъ спѣшили могучихъ атлетовъ Христа.

XXII. Вальтеръ Неимущій палъ пораженный семью стрѣлами, которыя пронзили его панцырь и дошли до самаго сердца. Райнольдъ изъ Брея и Фулько Шартрскій (Carnutensis), мужи именитые въ своихъ странахъ, испытали ту же мученическую смерть подъ ударами непріятеля; но они пали, нанеся и туркамъ чувствительную потерю. Вальтеръ изъ Бретейля, сынъ Валерамна, и Готфридъ Бурель, начальникъ пѣхоты, успѣли убѣжать кустарниками и чащами и присоединились къ арміи въ узкомъ проходѣ, гдѣ она стояла, не принимая участія въ бою. Лишь только узнали о ихъ бѣдствіи и пораженіи, пилигримы бросились спасаться по дорогѣ къ Цивитоту, по той самой, которою они пришли, не заботясь нисколько о защитѣ отъ непріятеля. Турки же, торжествуя свою побѣду, умерщвляли несчастныхъ пилигримовъ и преслѣдовали ихъ, нанося имъ смерть на пространствѣ трехъ миль, до самаго лагеря Петра. Ворвавшись въ лагерь, они поражали мечемъ слабыхъ, больныхъ, клериковъ, монаховъ, пожилыхъ женщинъ, грудныхъ дѣтей, не щадя никакого возраста, и сохраняя въ живыхъ только молодыхъ дѣвицъ и монахинь, которыхъ черты и красота производили на нихъ впечатлѣніе; они уводили съ собою также несовершеннолѣтнихъ юношей, отличавшихся особенно красивымъ лицомъ; равнымъ образомъ они увезли въ Никею серебро и одежды и овладѣли лошадьми, мулами и всѣми драгоцѣнными вещами, даже палатками. На морскомъ берегу, недалеко отъ Цивитота, находится древняя и оставленная крѣпость, туда-то и бросились три тысячи пилигримовъ въ надеждѣ укрыться въ ней. Но не найдя тамъ ни воротъ, ни заставъ, и не имѣя никакой помощи, въ страхѣ за жизнь, они заложили входъ щитами,

накатили громадныхъ камней и мужественно защищались копьями, деревянными луками, бросая каменья рукой. Турки, не видя возможности добраться до осажденныхъ, окружили укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ, и такъ какъ оно не имѣло кровли, то они начали бросать стрѣлы на воздухъ, чтобы онѣ, падая сверху, могли поражать и убивать несчастныхъ, и чтобы остальные, устрашенные тѣмъ, принуждены были сдаться. Говорятъ, что дѣйствительно многіе христіане были ранены и убиты такимъ образомъ; но такъ какъ они еще болѣе боялись жестокости со стороны нечестивыхъ, то ничто не могло заставить ихъ рѣшиться выйти изъ укрѣпленія.

XXIII. Солнце достигло половины пути, когда христіане вошли въ укрѣпленіе, и турки напали на нихъ. Но такъ какъ первые защищали свою жизнь мужественно, то никакія ухищренія непріятеля, ни самый мракъ ночи не могли принудить ихъ оставить свое убѣжище. Наконецъ, какой-то грекъ, вѣрующій и каѳолическій, ночью переправился за море и разсказалъ Петру, находившемуся еще въ столицѣ, о бѣдствіяхъ, которыя испытываются его спутниками, и о пораженіи всей остальной его арміи. Узнавъ о томъ съ скорбнымъ сердцемъ, Петръ отправился молить императора, Христа ради, о помощи той жалкой горсти пилигримовъ, послѣднему остатку отъ столькихъ тысячъ народу, и не допустить ихъ погибнуть безъ утѣшенія и въ терзаніяхъ подъ ударами тѣхъ палачей. Императоръ былъ тронутъ, услышавъ разсказъ Петра и узнавъ, что его спутники осаждены, и приказалъ собрать отвсюду *туркополовъ* и другія войска изъ всѣхъ націй своего государства; имъ было повелѣно съ поспѣшностью переплыть проливъ, помочь бѣжавшимъ и осажденнымъ христіанамъ и принудить турокъ снять осаду. Дѣйствительно, турки, узнавъ объ указѣ императора, ночью оставили крѣпость и увели съ собою плѣнныхъ и съ ними добычу. Такимъ образомъ, запертые и осажденные пилигримы-рыцари спаслись отъ рукъ нечестивыхъ.

Въ XXIV и XXV главахъ, авторъ, окончивъ разсказъ о судьбѣ арміи Петра и Вальтера Неимущаго, возвращается въ Европу, чтобы описать новый походъ нѣмецкаго священника *Годескалька* съ 15 тысячами лотаринговъ, швабовъ, баваръ и др.; но всѣ они почти до одного человѣка погибли въ Бѣлградѣ, избитые венграми за безчинства, которымъ они предавались въ странѣ. Послѣ того, авторъ переходитъ къ описанію похода графа Эмико, который своимъ характеромъ отличался отъ всѣхъ предыдущихъ.

XXVI. Въ началѣ лѣта того же самаго года (1096), когда Петръ и Годескалькъ отправились въ путь съ своимъ войскомъ, выступили въ походъ и другія безчисленныя дружины христіанъ изъ различныхъ государствъ и земель, а именно изъ Франціи, Англіи, Фландріи и Лотарингіи. Пылая огнемъ божественной любви и возложивъ на себя знаменіе креста, они стекались толпами со всѣхъ сторонъ, неся съ собою все хозяйство, съѣстные припасы, оружіе, и все, что было необходимо для ихъ пути въ Іерусалимъ. Эти люди, выходя изъ своихъ государствъ и городовъ отдѣльными партіями, соединялись потомъ въ одно цѣлое, но они не воздерживались отъ предосудительныхъ и чувственныхъ страстей, были неумѣренны въ пищѣ

и увеселялись вмѣстѣ съ женщинами и дѣвушками, которыя оставили свои дома съ тѣмъ же легкомысліемъ и подъ предлогомъ пилигримства предавались всякому безразсудству.

XXVII. Не знаю, по волѣ ли божества, или вслѣдствіе умственнаго заблужденія, они возстали съ жестокостью противъ іудейскаго народа, разсѣяннаго по всѣмъ городамъ, и жестокосердно избили его, особенно въ Лотарингіи, утверждая, что тѣмъ они полагаютъ начало своему походу и борьбѣ съ врагами вѣры христовой. Такое избіеніе іудеевъ совершили первыми граждане города Кельна, напавъ неожиданно на то небольшое число ихъ, которое обитало тамъ; они переранили и изувѣчили почти всѣхъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, срыли ихъ дома и синагоги и раздѣлили между собою множество денегъ. Устрашенные такими жестокостями, іудеи въ числѣ 200 бѣжали и ночью переплыли на судахъ въ Дейтцъ (Nussia); но встрѣченные пилигримами и крестоносцами (cruce signati) были всѣ умерщвлены и ограблены, такъ что не спаслось ни одного человѣка.

XXVIII. Вскорѣ послѣ того, пилигримы, сообразно своему обѣту отправились въ путь и прибыли въ Майнцъ, соединившись тамъ въ огромномъ числѣ. Графъ *Эмико*, мужъ весьма знатный и могущественнѣйшій въ той странѣ, съ большимъ отрядомъ нѣмцевъ ждалъ въ городѣ пилигримовъ, которые стекались туда по королевской дорогѣ со всѣхъ сторонъ. Іудеи, населявшіе Майнцъ, узнавъ объ избіеніи своихъ братьевъ и желая спастись отъ насилія явились въ надеждѣ сохранить жизнь къ епископу Ротгарду, и поручили его охраненію всѣ свои огромныя сокровища; они разсчитывали много на его покровительство, такъ какъ онъ былъ епископъ города. Первосвятитель Майнца тщательно укрылъ несмѣтныя деньги, принесенныя ему іудеями, а ихъ самихъ помѣстилъ на обширной платформѣ своего дома, чтобы спасти отъ Эмико и его спутниковъ; свое жилище онъ считалъ самымъ безопаснымъ мѣстомъ въ то время. Но Эмико и его толпища, по совѣщаніи другъ съ другомъ, выступили съ восходомъ солнца и, пуская стрѣлы и копья, напали на іудеевъ, заключенныхъ въ томъ мѣстѣ, возвышенномъ и открытомъ. Потомъ, сломавъ запоры и ворота, они ворвались и избили мечемъ до 700 тщетно защищавшихся противъ превосходныхъ силъ; женщины были одинаково перерѣзаны, и младенцы обоего пола избиты. Іудеи, видя, что христіане вооружились противъ нихъ и противъ дѣтей не щадя пола, обратили свои силы другъ на друга на своихъ единовѣрцевъ, дѣтей, женъ, матерей и сестеръ, и убивали себя. Матери — страшно выговорить — перерѣзывали ножемъ горло груднымъ младенцамъ, другихъ прокалывали, предпочитая губить ихъ собственными руками, нежели отдать на жертву мечу необрѣзанныхъ.

XXIX. Весьма не многіе изъ іудеевъ спаслись отъ смерти, и нѣкоторые приняли крещеніе, болѣе по страху, нежели изъ любви къ вѣрѣ христіанской. Графъ Эмико, Кларебольдъ изъ Вандейля, Ѳома и все это отвратительное сборище мужчинъ и женщинъ, вмѣстѣ съ огромною добычею, отправились въ Іерусалимъ, чрезъ королевство венгровъ, гдѣ было принято давать пропускъ пилигримамъ по коро-

левской дорогѣ. Но когда они прибыли къ крѣпости короля, называемой Мезебургомъ и окруженной болотами, образуемыми разливомъ Дуная и Лейты (Lintax), мостъ и ворота оказались запертыми, по приказанію короля Венгріи, ибо венгры находились въ великомъ страхѣ, послѣ того какъ они избили пилигримовъ (т.-е. спутниковъ Вальтера, Петра и Годельскалька), трупы которыхъ заражали еще воздухъ при появленіи новой арміи. Она была сильнѣе всѣхъ предъидущихъ и состояла изъ 200 тысячъ пѣхоты и конныхъ людей: но конныхъ было не болѣе 3,000. Найдя ворота запертыми и не имѣя возможности проникнуть въ страну, они расположились лагеремъ въ долинѣ и отправили къ королю посольство съ мирными предложеніями; но ни на ихъ просьбы, ни на ихъ обѣщанія не было обращено никакого вниманія. Эмико, Кларебольдъ и Ѳома, люди прославившіеся своими подвигами, держали тогда совѣтъ съ мудрѣйшими изъ своихъ и опредѣлили опустошить всѣ окрестныя владѣнія короля и до тѣхъ поръ не оставлять свои позиціи, пока не будетъ устроенъ мостъ чрезъ болото и Лейту, чтобы имѣть возможность приблизиться къ стѣнамъ крѣпости, разрушить ихъ и открыть такимъ образомъ проходъ себѣ силою. Долго они стояли предъ крѣпостью, начиная съ половины іюля и строили мостъ, безпокоя часто осажденныхъ; но ея защитники мужественно сопротивлялись, отвѣчали дротиками повсюду, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей. Иногда болѣе отважные выходили изъ крѣпости, откидывали франковъ за мостъ на другую сторону рѣки; иногда перевѣсъ былъ на сторонѣ франковъ, и они, потѣснивъ непріятеля и нанеся многимъ раны, загоняли венгровъ въ укрѣпленіе. Но однажды, въ девятомъ часу, Ѳома, Кларебольдъ и Вильгельмъ вышли съ 300 рыцарей, одѣтыхъ въ панцыри и шлемы и ловкихъ наѣздниковъ, и устроили засаду въ томъ мѣстѣ, гдѣ венгры обыкновенно переплывали на судахъ для защиты своей земли, съ тѣмъ чтобы сразиться съ ними, если представится къ тому удобный случай, или увести скотъ, если попадется такой на поляхъ, Слѣдуя по теченію рѣки въ этой надеждѣ, они встрѣтили 700 всадниковъ короля венгровъ, на боевыхъ коняхъ и отлично вооруженныхъ, они шли на рекогносцировку (ad explorandum) христіанской арміи. Видя невозможность разойтись съ галлами, они бросились на ихъ отрядъ и дали сраженіе, но побѣжденные и израненные были опрокинуты; потомъ они пустились въ бѣгство по мѣстамъ имъ хорошо извѣстнымъ и съ горемъ и печалью переплывъ на судахъ, возвратились домой. Въ этой схваткѣ Вильгельмъ столкнувшись съ начальникомъ венгерскаго отряда, родственникомъ короля по боковой линіи, мужемъ знаменитымъ съ бѣлоснѣжными волосами на головѣ, лишилъ его жизни. Эта побѣда исполнила радостью всю армію; вся ночь прошла въ празднествахъ, и въ лагерь привели множество плѣнныхъ венгровъ.

XXX. Послѣ цѣлаго ряда битвъ такого рода, которыя съ каждымъ днемъ увеличивали потерю людей, армія начала утомляться, чему много содѣйствовалъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; но наконецъ мостъ былъ готовъ, и по немъ прошло множество вооруженныхъ людей, сражаясь съ противниками, а другіе пустились по болоту, чтобы, мужественно напасть на Мезебургъ. Поставивъ машины (applicitis ingeni-

is) они пробили стѣну въ двухъ различныхъ мѣстахъ, стѣснили венгровъ и старались во многихъ пунктахъ сдѣлать отверзстія на тотъ случай, если осажденные продержатся до слѣдующаго дня. Король Каломанъ и вся его дружина сѣли поспѣшно на коней съ готовностью бѣжать въ *королевство Россію* (versus regnum Russiae), если вся сила галловъ, по овладѣніи крѣпостью, вторгнется въ ихъ страну. Съ этою цѣлью, они починили мосты, пришедшіе въ ветхость, чтобы безпрепятственно перейти болота и рѣки, отдѣлявшія ихъ отъ Россіи, если нужда принудитъ къ тому. Но въ ту минуту, когда они уже сдѣлали огромный проломъ въ стѣнѣ, не знаю, по какому случаю, или по какому несчастью, во всей арміи распространился такой ужасъ, что всѣ обратились въ бѣгство, разсѣялись въ различныя стороны, и понеслись, какъ овцы, преслѣдуемые волками, ища повсюду убѣжища и забывая о своихъ собратіяхъ. Венгры, видя, что эти грозные витязи исчезли мгновенно и торопливо бѣжали, вышли толпою за королемъ, начали преслѣдовать бѣгущихъ, умерщвляя множество, забрали не мало плѣнныхъ и безъ устали преслѣдовали остальныхъ въ теченіе большой части ночи. Пѣшихъ людей обоего пола было побито столько, что воды Дуная и Лейты побагровѣли. Огромное число несчастныхъ, желая спастись отъ угрожающей смерти, съ слѣпымъ мужествомъ бросались въ волны Дуная и погибали отъ быстроты теченія. Удивительное дѣло: потонуло такое число народу, что мѣстами въ рѣкѣ исчезала вода подъ трупами, которые она несла на себѣ! Эмико, Ѳома, Кларебольдъ, Вильгельмъ и нѣкоторые другіе, лошади которыхъ были въ состояніи бѣжать, ушли цѣлы и невредимы; нѣкоторые же укрылись въ болотной травѣ и въ кустарникахъ, или ушли, благодаря ночной темнотѣ. Эмико вмѣстѣ съ своими людьми ушелъ обратной дорогой и возвратился домой; Ѳома, Кларебольдъ и многіе изъ ихъ людей направились въ Каринтію и Италію. Такъ рука Промысла поднялась на пилигримовъ, потому что они прегрѣшили предъ очами его, предаваясь безмѣрно чувственнымъ наслажденіямъ и избивъ безчеловѣчно іудеевъ, народъ конечно изгнанный и враждебный Христу, но они избили ихъ болѣе по корысти, нежели изъ мести за Бога, ибо Господь есть судья праведный, и не принуждаетъ никого силою, и противъ воли, наложить на себя иго каѳолической вѣры.

XXXI. Встрѣчались и другія омерзительныя преступленія среди того громаднаго сборища людей безумныхъ и легкомысленныхъ, преступленія очевидно ненавистныя Господу, и вѣрующіе не осмѣлятся даже представить себѣ, что это могло случиться. Нѣкоторые признавали *гуся* и *козу* одинаково надѣленными даромъ Духа святого и брали этихъ животныхъ руководителями на пути въ Іерусалимъ; имъ оказывалось почтеніе, и эти люди, сами подобные животнымъ, оставались въ своемъ заблужденіи съ совершеннымъ спокойствіемъ души. Да убоятся сердца вѣрующихъ подумать, что Господь Іисусъ желаетъ, чтобы гробъ, гдѣ лежало его святѣйшее тѣло, былъ посѣщенъ безсмысленными глупыми животными, и чтобы эти животныя руководили христіанскими душами, которыя онъ искупилъ цѣною крови и омылъ отъ нечистоты идолослуженія; вознесясь на небо, онъ поставилъ во-

жатаями и наставниками своего народа святыхъ епископовъ и аббатовъ, людей достойныхъ божества, а не грубыхъ скотовъ, лишенныхъ разума! Но удивительно-ли, что въ наше новое время встрѣчаются такіе ужасы и такой срамъ среди столькихъ тысячъ человѣкъ, на голову которыхъ Господь и обратилъ наказаніе? Если во времена Моисея, Іисуса Навина и другихъ служителей Божіихъ, неправда жила посреди праведныхъ, то она была наказана и очищена лозою величія того, кто есть Богъ возмездій [1]).

Каноникъ Альбертъ Ахенскій.
Chron. Hierosolymit. de bello sacro hist. libri XII.
1095 — 1121. Кн. I.

Объ Альбертѣ Ахенскомъ и его сочиненіяхъ см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 16.

---

9. — Венгрія въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Авторъ собственно писалъ біографію имп. Фридриха Барбаруссы, но въ первой книгѣ, дѣлая историческій очеркъ предшествовавшаго времени, онъ долженъ былъ коснуться второго крестоваго похода при Конрадѣ III, въ которомъ онъ самъ участвовалъ, и потому посвятилъ всю XXXI главу этой книги описанію Венгріи, черезъ которую крестоносцы шли вмѣстѣ съ авторомъ по дорогѣ въ Византію (см. самое описаніе похода ниже въ ст. 34).

XXXI. Венгрія, вслѣдствіе того, что она со всѣхъ сторонъ замкнута лѣсами, горами и въ особенности Апеннинами, издревле называлась Панноніею; внутри, эта страна представляетъ широкую равнину полей, перерѣзанную теченіемъ большихъ и малыхъ рѣкъ; ея лѣса населены разнообразными породами дикихъ звѣрей; по причинѣ же красоты мѣстоположенія и богатству луговъ Венгрія представляется божьимъ раемъ и можетъ быть названа Египтомъ. Какъ я сказалъ, она изобилуетъ красами природы, но, по варварству ея населенія, въ ней рѣдко высятся стѣны и зданія, и самыя границы не столько опоясываются горами и лѣсами, сколько очерчиваются руслами большихъ рѣкъ. На востокѣ она доходитъ до Савы, знаменитой рѣки, впадающей въ Дунай; съ запада граничитъ Болгаріею, Моравіею и восточною Маркою тевтоновъ (т.-е. Австріею); съ юга — Кроаціею, Далмаціею, Истріею или Каринтіей; на сѣверѣ лежитъ Богемія, Польша и Русь (Rutenia)...... Сами венгры имѣютъ злобный видъ, ввалившіеся глаза, и малы ростомъ; по нравамъ же и языку, жестокіе варвары, такъ что справедливо можно обвинять судьбу или удивляться божескому долготерпѣнію, которое предоставило столь

---

[1]) Продолженіе см. ниже, въ ст. 16.

восхитительную страну, не скажу, людямъ, но выродкамъ человѣческимъ. Въ одномъ только они подражаютъ грекамъ, а именно, въ томъ, что не предпринимаютъ ничего важнаго безъ частыхъ и длинныхъ совѣщаній. Такъ-какъ они въ городахъ и селахъ имѣютъ самыя жалкія жилища только изъ тростника, рѣдко изъ дерева и весьма рѣдко изъ камня, то большая часть лѣта и осени проводится ими въ палаткахъ. Когда вельможи сходятся ко двору короля, то каждый приноситъ съ собою свои сѣдалища, и всѣ дѣятельно совѣщаются о государственныхъ дѣлахъ; то же самое происходитъ и зимою въ жилищахъ. Своему государю они повинуются въ такой степени, что не только никто не осмѣлится раздражить его открытымъ сопротивленіемъ, но даже и тайный ропотъ считается непозволительнымъ. Государство раздѣлено на 70 и болѣе графствъ; отъ судебныхъ дѣлъ двѣ трети дохода поступаютъ въ казну, а одна треть предоставляется графу; на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, кромѣ короля, никто не смѣетъ взимать денегъ или собирать податей. Если кто нибудь изъ графовъ нанесетъ самое ничтожное оскорбленіе королю или будетъ имъ обвиняемъ даже несправедливо, то послѣдній изъ придворныхъ служителей, посланный королемъ, идетъ схватить такого среди его стражи, налагаетъ на него оковы и подвергаетъ всякаго рода пыткамъ. Никакимъ образомъ нельзя просить короля, какъ у насъ, чтобы онъ явился на судъ пэровъ (per pares suos); даже запрещено обвиненному оправдываться; воля короля считается закономъ. Если король желаетъ выступить въ походъ, всѣ безъ малѣйшаго возраженія соединяются около него, какъ одинъ человѣкъ. Поселяне (coloni), живущіе въ селахъ, когда явится надобность, обязаны доставлять 9 человѣкъ изъ 10, или по крайней мѣрѣ 7 изъ 8, и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ для войны; другіе же остаются для обработки земли. Принадлежащіе же къ военному сословію только по весьма уважительной причинѣ осмѣливаются оставаться дома. Въ самомъ королевскомъ войскѣ есть еще наемные воины (hospites), которыхъ число весьма велико, и которые называются у нихъ князьями (principes): они охраняютъ лицо короля. Всѣ они имѣютъ грозный видъ и страшно вооружены, за исключеніемъ тѣхъ, которые родились отъ нихъ или были ими воспитаны, и которые потому уже обладаютъ если не внутреннимъ развитіемъ, то внѣшнимъ блескомъ образованности, и только въ способѣ вооруженія, равно какъ и въ воинскомъ искусствѣ, подражаютъ нашимъ князьямъ и наемникамъ. Но довольно объ этомъ и того, что мы сказали (см. продолж. ниже въ ст. 34).

Епископъ Оттонъ Фрейзингенскій.

De gestis Friderici, I, 31.

Объ Оттонѣ Фрейзингенскомъ и его сочиненіяхъ см. ниже въ примѣч. къ ст. 34 и всю ст. 35.

10.—Историческое значеніе легенды о Петрѣ Пустынникѣ.

(Въ 1841 г.).

Между тѣмъ какъ князья дѣлали свои приготовленія къ первому крестовому походу, вассалы собирались вокругъ ихъ, а рыцари и воины, сузерены которыхъ не принимали во всемъ этомъ участія, обращались къ другимъ вельможамъ по своему сосѣдству, и въ низшихъ классахъ народа, давно отвыкшаго отъ военнаго дѣла, возбужденное однажды движеніе пошло далѣе впередъ и, по недостатку законныхъ путей къ своему выходу, произвело насильственные взрывы. Состояніе сельскаго населенія во Франціи было въ ту эпоху весьма печально; городское устройство еще только-что зарождалось и не могло защищаться противъ притѣсненій со стороны поземельныхъ собственниковъ или ленныхъ владѣльцевъ. Въ германской имперіи, низшія сословія умѣли улучшить свой бытъ, благодаря цѣлому ряду дѣятельныхъ правителей (т. е. Оттоновъ въ X, и Гейнриховъ въ XI столѣтіи); но долговременная борьба государства съ церковью (при Гейнрихѣ IV) снова вызвала величайшую грубость нравовъ во всѣхъ ея частяхъ. Безначаліе въ Италіи и жестокій деспотизмъ въ Англіи, обрушившійся болѣе всего на низшіе классы населенія, повели къ тѣмъ же результатамъ, и потому Востокъ являлся повсюду утѣшительною надеждою на освобожденіе. Поселяне стекались толпами, особенно во Франціи; выходили на дорогу цѣлыми деревнями, продавали все, что имѣли, запасались, какъ могли, оружіемъ и всѣмъ необходимымъ для странствованія, и были готовы немедленно отправиться въ путь, предпринимаемый именемъ Господа. Но голодъ предшествовавшаго года истощилъ совершенно страну, и это было особенно чувствительно для низшихъ классовъ; они увидѣли себя вынужденными распродавать свое имущество за самую ничтожную цѣну: мы читаемъ, что 12 овецъ продавались за 7 денаріевъ; то, въ чемъ болѣе нуждались, оружіе и т. п., отъ всеобщаго запроса вздорожало, а потому въ короткое время и тѣ ограниченныя средства, которыми каждый располагалъ, должны были истощиться. Въ случаѣ обращенія къ князьямъ, ихъ принимали дурно, ибо ни у кого не хватало денегъ прокормить такія огромныя массы. Сверхъ того, эти массы далеко не состояли изъ людей, способныхъ носить оружіе: тамъ находились женщины, дѣти, бѣглые монахи и цѣлыя толпы ничѣмъ не обуздываемаго сброда. Чтобы не погибнуть отъ голода, имъ слѣдовало безотлагательно вступить въ непріятельскую землю, ибо они могли прокормить самихъ себя только войною.

Между тѣмъ, эти толпища вовсе не имѣли въ виду примкнуть къ благоустроеннымъ арміямъ, руководимымъ князьями. Еслибы они даже и были хорошо снабжены, то и въ такомъ случаѣ не согласились бы ждать; они думали, что стоятъ на прямой дорогѣ къ блаженству въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ. Они не считали необходимымъ откладывать, въ ожиданіи знати, подъ властью которой томились до тѣхъ

поръ, и торопились свергнуть съ себя иго. Внѣшній бытъ того общества побуждалъ его измѣнить обычный порядокъ гражданской жизни, и народъ поддавался этому побужденію съ какимъ-то дикимъ восторгомъ и фанатическимъ воодушевленіемъ. Всѣ были убѣждены, что самъ Богъ явится ихъ вождемъ и заступникомъ и разсчитывали на него, а не на свѣтскихъ и имъ ненавистныхъ предводителей. Воинству господню надлежало ожидать величайшаго счастія на землѣ; Богъ позаботится о нихъ и предастъ въ ихъ руки богатства невѣрныхъ и нечестивыхъ. Однимъ словомъ, этотъ народъ оторвался отъ всѣхъ свѣтскихъ условій своей родины и даже всѣми возможными средствами вступалъ съ нимъ въ борьбу.

Если мы обратимся теперь къ изслѣдованію вопроса, какъ относилась эта аскетическая ревность къ папѣ или, говоря вообще, къ іерархическимъ стремленіямъ той эпохи, то мы замѣтимъ если не открытую ненависть, то полнѣйшее равнодушіе. Конечно, нѣтъ тому фактическихъ выраженій, ибо почтительный страхъ къ апостольскому престолу успѣлъ уже укорениться, но тѣмъ не менѣе замѣчателенъ историческій взглядъ того времени на возникновеніе крестовыхъ походовъ, который могъ явиться только въ ту эпоху и былъ направленъ къ тому, чтобы приписать наибольшую часть папскаго вліянія какому-то фанатику, служившему идеаломъ аскета. Такое направленіе легенды о Петрѣ Пустынникѣ—а ее-то именно я и имѣю теперь въ виду—само по себѣ очевидно; но для доказательства того, что она не можетъ имѣть ни малѣйшаго притязанія на историческую достовѣрность необходимо ближайшее ея разсмотрѣніе и критическій разборъ ея источниковъ.

Петръ Амьенскій Пустынникъ, по преданіямъ, записаннымъ у Альберта Ахенскаго и укоренившимся благодаря Вильгельму Тирскому, пользуется славою человѣка, который вызвалъ весь Западъ къ крестовымъ походамъ и своимъ воодушевленіемъ увлекъ самого папу. Глубоко опечаленный при видѣ языческаго варварства — такъ разсказываетъ Альбертъ—онъ среди молитвы уснулъ въ Храмѣ св. Гроба; въ это время является предъ нимъ Спаситель въ небесномъ сіяньи и говоритъ ему, слабому и конечному существу: „Петръ, дражайшій мой сынъ, возстань, иди къ патріарху и возьми отъ него посланіе моимъ именемъ. Ты долженъ на родинѣ разсказать о бѣдствіяхъ св. мѣстъ и подвигнуть сердца всѣхъ къ тому, чтобы они очистили Іерусалимъ и избавили святыхъ отъ рукъ язычниковъ. Ибо врата рая открыты тѣмъ, кого я избралъ и призвалъ". Петръ рано проснулся и отправился къ патріарху за грамотою. Патріархъ вручилъ ему требуемое, весьма благодарилъ его, и Петръ отправился, переплылъ съ большими затрудненіями море и пришелъ въ Бари, а оттуда въ Римъ. Тамъ папа въ смиреніи и радостно выслушалъ воззваніе и пошелъ въ Верчелли, а оттуда въ Клермонтъ проповѣдывать путь господень. И поднялись всѣ земли и всѣ князья и рыцари цѣлой Франціи на освобожденіе Гроба господня; 8 марта 1096 г. вступилъ въ могущественное государство Венгрію Вальтеръ Неимущій, доблестный рыцарь, съ великимъ числомъ пѣшихъ людей и съ 8 всадниками; онъ былъ первымъ предпринявшимъ путь въ Іерусалимъ".

Мнѣ кажется, нельзя ошибиться въ характерѣ этого разсказа: это исторія чуда, святая легенда, какая когда-либо существовала. Является самъ Христосъ, Спаситель міра, чтобы предписать крестовый походъ; онъ произноситъ слово, и дѣло осуществилось, едва только Петръ успѣлъ провозгласить это слово. Узнаетъ о томъ папа; онъ говоритъ другимъ, и 8 марта, безъ дальнѣйшихъ размышленій, первые крестоносцы уже въ Венгріи. Это было дѣломъ рукъ божіихъ, исполнителемъ котораго является ничтожный Пустынникъ; папа стоитъ на третьемъ мѣстѣ, и то безъ особеннаго значенія.

Вильгельмъ Тирскій взялъ на себя трудъ связать эту легенду съ данными историческихъ источниковъ. Петръ задумываетъ предпріятіе по личному побужденію; чудесный сонъ утверждаетъ его въ намѣреніи, и вотъ онъ у папы. Урбанъ тотчасъ принимаетъ его сторону и беретъ на себя руководить дѣломъ; но прежде нежели онъ оставилъ Италію, Пустынникъ проходитъ всѣ страны и возбуждаетъ сердца. Никто не можетъ противостоять его огненнымъ рѣчамъ; краснорѣчіе Петра воспламеняетъ мужественныхъ и воодушевляетъ малодушныхъ; такимъ образомъ онъ сдѣлалъ уже половину дѣла, когда прибылъ въ Клермонтъ Урбанъ и торжественно провозгласилъ предпріятіе. У Вильгельма, мы видимъ, мистическій тонъ легенды ослабленъ; не исключая сна Петра, который также лишенъ чудесной обстановки, у Вильгельма все идетъ строго раціонально и самымъ простымъ человѣческимъ образомъ. Альбертъ Ахенскій выставляетъ впередъ именно то, что Господь явился слабому и смертному существу; у Вильгельма прославляется живость его духа и необыкновенное краснорѣчіе. Альбертъ переходитъ прямо отъ господнихъ повелѣній къ внѣшнимъ событіямъ; Вильгельмъ наполняетъ этотъ пробѣлъ пространнымъ разсказомъ промежуточныхъ событій. Я думаю, что послѣднія можно признать безъ нарушенія истины чистою выдумкою; но прежде нежели я попытаюсь изобразить дѣло на основаніи источниковъ, намъ должно будетъ упомянуть о третьей формѣ преданія.

Анна Комнена (см. о ней въ примѣчаніи къ статьѣ 12) разсказываетъ, что въ Палестинѣ находился Пустынникъ, по имени Кукупетръ, котораго глубоко оскорбляли притѣсненія турецкихъ властей. Возвратясь, онъ, отчасти изъ ненависти къ язычникамъ, а отчасти изъ страха пуститься въ дорогу одному, склонилъ всѣхъ къ походу и привелъ въ движеніе Западъ. Въ этомъ изложеніи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда чуда; о папѣ не упоминается вовсе; предъ нами Петръ, человѣкъ весьма впечатлительный самъ и одаренный способностью возбуждать другихъ; ему одному приписываютъ заслугу предпріятія или упрекъ за него (т. е. съ византійской точки зрѣнія, враждебной крестоносцамъ). Я не думаю, что такой характеръ легенды былъ личнымъ воззрѣніемъ писательницы; чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ припомнить себѣ, какимъ образомъ въ Константинополѣ должны были встрѣтить Петра. Туда явились сначала толпища Вальтера Неимущаго, собранныя Петромъ; это были люди особой закваски, среди которыхъ ихъ апостолъ считался святымъ, а объ участіи папы, быть можетъ, никто ничего и не зналъ. Если они и слыхали, что Урбанъ напутствовалъ пилигримовъ своимъ благословеніемъ, то тѣмъ не менѣе

предъ ихъ тѣлесными и духовными очами носился живой образъ пустынника: они провозглашали его славу; онъ, по ихъ убѣжденію, возбудилъ весь міръ, и по отношенію къ своему собственному міру они были совершенно правы. Ими была подготовлена Византія, когда этотъ прославленный герой явился туда съ новыми многочисленными толпами: императоръ потребовалъ его къ себѣ, узналъ, что онъ изъ Палестины, а имѣлъ ли онъ видѣніе, о томъ не могло быть много и рѣчи; пустынникъ подтвердилъ, что онъ проповѣдывалъ во всѣхъ земляхъ; о папѣ не говорится ни слова — да и къ чему, если, быть можетъ, Петръ никогда и не видалъ его, и если онъ вѣрилъ, что его миссія проистекаетъ изъ болѣе высшаго источника, нежели какимъ былъ ораторъ Клермонтскаго собора (т. е. Урбанъ II).

Но обратимся къ положительнымъ даннымъ, которыя могли побудить насъ къ подобному отрицанію, обратимся къ историческимъ источникамъ, которые могли бы внушить намъ довѣріе къ Петру и его дѣятельности. Если мы откроемъ, что историческіе писатели того времени, и въ особенности тѣ, которые жили ближе къ его родинѣ, молчатъ и не приписываютъ ему славы виновника крестовыхъ походовъ, то въ такомъ случаѣ одно это молчаніе укажетъ намъ на характеръ господствующаго разсказа и на необходимость другой точки отправленія. Что же оказывается? Кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ источниковъ (Альбертъ Ахенскій, Вильгельмъ Тирскій и Анна Комнена), нѣтъ ни одного, который жилъ бы въ ту эпоху и въ той мѣстности (около Амьеня) и, занимаясь простымъ изложеніемъ событій, зналъ бы что-нибудь о Петрѣ, посланникѣ божіемъ, предтечѣ папы, возбудившемъ весь Западъ. Сѣверные французы говорятъ о немъ какъ о проповѣдникѣ толпы, подобно тому, какъ они говорятъ о Готшалькѣ, Фолькмарѣ и Эмико. Нѣмцы, англичане и итальянцы не говорятъ о немъ вовсе и едва только упоминаютъ въ числѣ предводителей первыхъ толпищъ. Вся его роль въ первомъ крестовомъ походѣ ограничивается слѣдующимъ: одинъ разъ выступаетъ онъ на сцену дѣйствующимъ лицомъ, именно при переговорахъ съ Кербогой (подъ Антіохіей), а другой разъ является бѣглецомъ изъ лагеря вмѣстѣ со многими другими, и историки при первомъ случаѣ не отзываются о немъ съ особою похвалою, и даже не выражаютъ упрека во второмъ случаѣ. Самъ Радульфъ, нормандскій писатель (или Рауль Канскій, см. о немъ въ примѣч. къ ст. 21), упоминая въ первый разъ о Петрѣ, далеко не является его почитателемъ, а при второмъ случаѣ забываетъ назвать его имя вмѣстѣ съ прочими. Есть нѣкоторыя извѣстія о его смерти, а именно, что онъ умеръ въ Гюи, въ монастырѣ, основанномъ имъ же самимъ по своемъ возвращеніи; болѣе ни слова: но какъ же могъ бы его соотечественникъ и современникъ сообщить это извѣстіе въ такой формѣ, еслибы разсказъ Альберта имѣлъ подъ собою хотя въ чемъ-нибудь историческую почву? Между тѣмъ, ничего, рѣшительно ничего не сказано по поводу его смерти. Вся эта легенда сообщаетъ намъ не фактъ, но служитъ только доказательствомъ, какою силою обладало воображеніе мечтателей той эпохи. То направленіе, которое господствовало цѣлыхъ сто лѣтъ въ кельяхъ

отшельниковъ, старалось овладѣть всѣмъ крестовымъ походомъ и потому поставило во главѣ его не папу, но Пустынника.

Г. фонъ-Зибель.

Geschichte des ersten Kreuzzuges. Düsseld. 1841. Стр. 236—242.

Гейнрихъ фонъ-Зибель (H. von Sybel), профессоръ исторіи прежде въ Мюнхенскомъ, а потомъ въ Боннскомъ и Мюнхенскомъ Университетѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ историковъ нашего времени. Къ капитальнымъ его произведеніямъ относится Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795 (первое изданіе 1853 г.). Во время пребыванія своего въ Мюнхенѣ, Зибель принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіяхъ Исторической Коммиссіи Мюнхенской Академіи Наукъ, гдѣ помѣщено весьма много его собственныхъ отдѣльныхъ трудовъ. Наконецъ, Зибелю же историческая наука обязана единственнымъ и превосходнымъ спеціальнымъ для нея журналомъ Historische Zeitschrift, который выходитъ съ 1859 года четырьмя книжками въ годъ и содержитъ въ себѣ, сверхъ монографіи и изслѣдованій лучшихъ нѣмецкихъ историковъ, библіографическій указатель всѣхъ новыхъ книгъ въ исторіи, выходящихъ какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, съ разборомъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Сочиненіе, изъ котораго заимствована самая статья, а именно, „Исторія перваго крестоваго похода“, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) Критика источниковъ и литературы, и 2) Исторія и легенды крестоваго похода.

11.—Походъ Готфрида, герцога Лотарингскаго, до взятія Никеи, 1097—98 г.

(Между 1170 и 1184 г.).

Начинается книга вторая [1]).

I. Въ томъ же самомъ году, а именно въ годъ отъ воплощенія господня *тысяча-девяносто-шестой* (1096), въ мѣсяцѣ августѣ, пятнадцатаго дня этого мѣсяца, выступилъ въ походъ великій и свѣтлѣйшій *Готфридъ*, *герцогъ Лотарингіи*, послѣ того какъ войско Петра Пустынника удалилось и имѣло уже печальный конецъ, и послѣ того, какъ было поражено войско Годескалька, и другія слѣдовавшія за ними толпы испытали въ Венгріи своего рода бѣдствія; собравъ своихъ спутниковъ и снабдившись по обычаю провіантомъ (sarcinis), герцогъ пустился въ дорогу. Въ его лагерѣ находились слѣдующіе достославные и благороднѣйшіе мужи, достойные вѣчной памяти: государь (do-

---

[1]) См. предыдущее выше, въ ст. 2.

minus) *Балдуинъ*, братъ герцога съ материнской стороны; государь *Балдуинъ Монтскій* (de Montibus, н. Mons), графъ Геннегау (Hamaucorum comes); государь *Гуго*, графъ св. Павла (н. St. Pol) и его сынъ *Энгельрамъ*, юноша отличныхъ способностей; государь *Вернеръ* (Garnerus, нов. Garnier); графъ Грэ (Gray); государь *Ренардъ* графъ Тулскій (Toul), и его братъ *Петръ*; государь *Балдуинъ* Бургскій (Bourg), родственникъ герцога; государь *Гейнрихъ* изъ Аша (Hache) и его братъ *Готфридъ*; *Дудо* изъ Кона (Cons, н. Конти); *Куно Монтэгю* (de Monte-acuto, н. Montaigu), и многіе другіе, которыхъ ни имени, ни числа мы не знаемъ. Всѣ они, составивъ одну нераздѣльную дружину, прибыли 20 сентября (1096 г.) здравы и невредимы въ страну, называемую Австріею (Osterich), къ мѣстечку Толленбургу (у друг. Massburg или Altenburg, на Дунаѣ, нѣсколько ниже Вѣны); рѣка Лейта (Lintax) отдѣляетъ тамъ Имперію отъ предѣловъ Венгріи. Прибывъ туда, они держали совѣтъ, какимъ образомъ всего безопаснѣе достигнуть цѣли, ибо то, что разсказывали о погибели полчищъ Годескалька, весьма озабочивало ихъ. Наконецъ, единогласно опредѣлили: отправить посольство къ королю Венгріи для разузнанія настоящихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ войско предшествовавшихъ имъ братьевъ погибло, и заключить, не поминая старыхъ неудовольствій, мирный договоръ для свободнаго прохода чрезъ Венгрію. Ибо всякая другая дорога при начатомъ ими пути была бы большимъ обходомъ. Въ посольство назначили Готфрида изъ Аша, брата Гейнриха, такъ-какъ онъ съ давнихъ временъ состоялъ въ дружбѣ съ королемъ Венгріи, а въ спутники дали ему нѣсколькихъ благородныхъ и уважаемыхъ людей. Прибывъ къ королю и сказавъ ему должное привѣтствіе, онъ, въ силу даннаго ему порученія, сказалъ слѣдующее:

II. „Великій и свѣтлѣйшій мужъ! государь Готфридъ, герцогъ Лотарингіи, и всѣ другіе богобоязненные князья, посвятившіе себя вмѣстѣ съ нимъ на служеніе Богу, отправили насъ къ вашему высочеству (vestram eminentiam), чтобы чрезъ насъ развѣдать, по какой причинѣ народъ вѣрующихъ, остатки котораго намъ попадались на дорогѣ, нашелъ у васъ, причисляемыхъ также къ вѣрующимъ, столь дурной пріемъ, что ему было бы безопаснѣе идти по непріятельской землѣ. Была ли вина тѣхъ людей столь велика, что они заслужили вполнѣ всю строгость наказанія,—а въ такомъ случаѣ пославшіе меня перенесутъ равнодушно ихъ погибель, ибо справедливая казнь не раздражаетъ и должна быть вынесена съ терпѣніемъ; случилось ли то иначе, и вы напали и избили безъ всякой причины невинныхъ,—тогда наши не оставятъ безъ вниманія бѣдствія служителей божіихъ и будутъ скорѣе готовы отомстить кровь своихъ братьевъ. Теперь они ждутъ отвѣта на мое посольство, и сообразно съ тѣмъ направятъ свои дѣйствія“. Король, окруженный своими, говорилъ на это такъ: „Мы рады, что ты, Готфридъ, съ которымъ мы въ дружбѣ, и которому мы давно оказывали по заслугамъ благоволеніе, пришелъ къ намъ, отчасти потому, что мы можемъ нынѣ возобновить нашу дружбу, а также и потому, что мы легко можемъ оправдаться предъ человѣкомъ столь правдивымъ, какъ ты. Безъ сомнѣнія, мы относимъ себя, какъ ты выразился, къ числу вѣрующихъ и стараемся на дѣлѣ оправ-

дать свое названіе, но тѣ, которые приходили до васъ подъ предводительствомъ Петра Пустынника и Годескалька, и которые завоевывали въ предѣлахъ нашего королевства крѣпости и хотѣли насильственно ворваться въ нашу землю, не были христіанами, ни по своимъ дѣяніямъ, ни по своему имени. Сначала мы приняли дружелюбно Петра и его войско, и давали имъ продовольствіе или даромъ, или за ничтожную цѣну, но они, какъ змѣя въ запазухѣ или какъ мышь въ мѣшкѣ, дурно заплатили за благодѣяніе своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Ибо, на послѣдней границѣ нашей страны, они, вмѣсто благодарности, овладѣли насильно однимъ изъ нашихъ городовъ, истребили до конца его населеніе и ушли оттуда, какъ разбойники, вмѣстѣ съ его крупнымъ и мелкимъ скотомъ. Мы дозволили безпрепятственно пройти по нашей странѣ и войску Годескалька, какъ будто бы мы не испытали никакихъ оскорбленій отъ его предшественниковъ; но когда они не убоялись среди самой страны грабить, чинить насилія жителямъ, жечь и за всякую бездѣлицу проливать кровь, то и навлекли на себя гнѣвъ господень за свои чрезмѣрныя злодѣянія. Мы не могли также терпѣть, чтобы наши были утѣсняемы; мы должны были думать о помощи и защитѣ. А потому, предупрежденные примѣромъ прежнихъ толпищъ, мы сочли за лучшее, чтобы не пострадать въ третій разъ отъ этого ужаснаго сброда, скорѣе не допускать въ наше государство такихъ безбожныхъ людей, нежели претерпѣть отъ нихъ зло или быть вынуждену бороться съ ними. Все это можетъ достаточно оправдать насъ въ глазахъ такого благоразумнаго и прозорливаго мужа, какъ ты, и, клянусь Богомъ, мы сказали тебѣ сущую правду“. Онъ приказалъ затѣмъ угостить пословъ самымъ почетнымъ и дружелюбнымъ образомъ, а самъ началъ совѣщаться съ своими и назначилъ людей для сообщенія герцогу удовлетворительнаго отвѣта. Вмѣстѣ съ прибывшими къ нему послами были имъ отправлены вѣрные люди, а вмѣстѣ съ ними слѣдующій письменный отвѣтъ герцогу и князьямъ: „Мы узнали уже давно по слухамъ, что ты совершенно заслуженно считаешься у своихъ великимъ, знаменитымъ и славнымъ княземъ, и въ дальнихъ земляхъ умные люди изумляются твоему безпорочному и строгому благочестію и достохвальной твердости твоего характера [1]). А потому и мы, увлеченные славою твоего имени и тою благочестивою ревностію, съ которою ты дѣйствуешь, хотѣли, не смотря на всю отдаленность, выразить тебѣ знаки нашего уваженія. Но мы увѣрены, что и благородные твои спутники, воодушевленные тою же ревностію, питаютъ одинаковыя съ тобою благочестивыя намѣренія. Потому мы намѣрены не упустить случая къ услугамъ, которыми снискиваются друзья, и даже готовы доказать всѣмъ братскую привязанность нашими дѣлами. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы предлагаемъ тебѣ явиться въ нашъ замокъ Циперонъ (н. Oedenburg, у венгр. Sopгany), чтобы удовлетворить нашему давнишнему желанію побесѣдовать съ тобою и удовлетворить вполнѣ твоимъ просьбамъ“.

---

[1]) Готфридъ, какъ извѣстно, былъ сторонникомъ Гейнриха IV въ борьбѣ его съ Григоріемъ VII, собственноручно убилъ анти-короля Рудольфа и, при взятіи Рима императорскими войсками, первый взошелъ на городскія стѣны.

III. Герцогъ, выслушавъ посольство короля и совѣщавшись съ своими, явился въ назначенный день на условленное мѣсто съ 300 рыцарями, выбранными изъ его дружины. Король вышелъ на встрѣчу ему на мостъ и принялъ его дружественно и весьма почетно. Наконецъ, высказавъ другъ другу взаимныя привѣтствія, они опредѣлили, что герцогъ выдастъ заложниковъ изъ числа своихъ благородныхъ людей, получитъ свободный проходъ вмѣстѣ съ войскомъ чрезъ королевство, старыя обиды будутъ забыты и миръ утвержденъ вполнѣ. Такимъ образомъ, король, чтобы имѣть болѣе вѣрное ручательство въ томъ, что огромныя полчища, допущенныя имъ въ государство, не сдѣлаютъ при этомъ нападенія, разсчитывая на свою храбрость и многочисленность, и не произведутъ безпорядковъ въ Венгріи, потребовалъ себѣ заложникомъ брата герцога, государя Балдуина и его жену вмѣстѣ со свитою. Герцогъ согласился на то, выдалъ на извѣстныхъ условіяхъ заложникомъ своего брата и вступилъ съ своею арміею въ королевство. Король остался вѣрнымъ своимъ обѣщаніямъ и приказалъ всѣмъ провинціямъ, чрезъ которыя имъ надлежало проходить, чтобы онѣ доставляли имъ припасы по дешевой цѣнѣ, не обмѣривая и не обвѣшивая, и чтобы за пилигримами слѣдовали постоянно маркитанты съ предметами торговли. Герцогъ же возвѣстилъ чрезъ глашатаевъ по всему лагерю и въ каждомъ отрядѣ особенно, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни и лишенія имущества, не осмѣливался дѣлать насилій, несправедливости или грабить приходящихъ въ лагерь; напротивъ того, каждый обязанъ совершать куплю или продажу въ мирѣ и братской любви. И по божественному предвидѣнію случилось такъ, что, при переходѣ нашей арміи чрезъ Венгрію, никто не былъ обиженъ даже словомъ. Король же слѣдовалъ рядомъ съ нашею арміею, слѣва, сопровождаемый многочисленными полками и ведя за собою заложниковъ, съ тѣмъ чтобы своимъ присутствіемъ уничтожать могущіе возникнуть безпорядки. Наконецъ, при Малевиллѣ (н. Землинъ), они остановились на берегу рѣки Савы (Savoa), чтобы сдѣлать приготовленіе къ переходу чрезъ нее. Такъ какъ для столь многочисленнаго народа не было достаточнаго количества судовъ, то связали плоты; сначала перевезли тысячу тяжеловооруженныхъ рыцарей, чтобы обезпечить противоположный берегъ отъ непріятеля и доставить народу, по его переходѣ, спокойную стоянку. Едва переправились войска и немногіе изъ благородныхъ, какъ явился король съ большою свитою и возвратилъ государю герцогу государя Балдуина съ женою и остальными заложниками, какъ то было первоначально условлено. Почтивъ государя герцога и другихъ князей богатыми подарками, онъ возвратился назадъ. Герцогъ же, переправившись съ частью князей и народа, который еще оставался на этой сторонѣ рѣки, расположился лагеремъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ предъ булгарскимъ городомъ Бѣлградомъ. Потомъ, изготовившись къ дальнѣйшему пути, христіане проникли чрезъ большіе булгарскіе лѣса сначала до Ниссы, а потомъ до Стралиціи (н. Софія, по булг. Тріадитца, въ Верхн. Македоніи).

Въ IV и V главахъ авторъ описываетъ географическое положеніе и политическое состояніе Восточной Имперіи при появленіи крестоносцевъ, когда ею правилъ (съ 1081 г.) Алексѣй Комненъ, „недостойный и коварный человѣкъ“,

затѣмъ говоритъ, какъ герцогъ Готфридъ двигался далѣе чрезъ Филиппополь и Адріанополь къ Константинополю и, узнавъ о томъ, что Гуго Великій, братъ французскаго короля Филиппа I, пройдя чрезъ Альпы и по Адріатическому морю, прибылъ раньше его въ Грецію и былъ отведенъ плѣнникомъ въ Византію, онъ вступилъ въ переговоры съ Алексѣемъ; не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, Готфридъ разграбилъ окрестности Адріанополя и тѣмъ вынудилъ императора выдать плѣнниковъ; при приближеніи крестоносцевъ къ стѣнамъ Константинополя, Гуго В., Дрого Нейльскій, Вильгельмъ Карпентарій и Кларембальдъ изъ Вандейля были выпущены на встрѣчу герцогу и приняты имъ радушно.

VI. Но едва они (т. е. герцогъ Готфридъ и освобожденные плѣнники) успѣли обнять другъ друга и отдохнуть въ пріятельской бесѣдѣ, какъ явились къ герцогу послы отъ императора съ приглашеніемъ отправиться къ нему съ небольшою свитою. Герцогъ держалъ по этому случаю совѣтъ и счелъ за лучшее уклониться отъ этого свиданія. Императоръ, раздраженный этимъ отказомъ, запретилъ всякую торговлю съ войсками, сопровождавшими герцога. Но князья, видя, что вслѣдствіе того произошелъ большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, рѣшились, по общему приговору, пройти съ большими отрядами по окрестностямъ города во всѣхъ направленіяхъ, и привели въ лагерь такое количество стадъ и животныхъ, что даже и бѣдные увидѣли себя въ изобиліи. Когда императоръ узналъ, что вся страна опустошена огнемъ и мечемъ, то возобновилъ торговыя сношенія, опасаясь, чтобы не случилось чего-нибудь худшаго. Въ ту пору приблизился торжественный день Рождества господня (25 дек. 1096 г.), и потому наши князья опредѣлили между собою, во имя религіи, воздержаться въ теченіе тѣхъ 4 дней отъ грабежа и всякаго насилія. Послѣ того какъ праздники были проведены въ мирѣ и тишинѣ, явилось посольство отъ императора съ миролюбивыми предложеніями, впрочемъ исполненными коварства, а именно, князьямъ предоставлялось перейти вмѣстѣ съ войсками мостъ у дворца *Влахерны* и размѣстить своихъ людей въ зданіяхъ, которыя тянутся по берегу Босфора. Императору было не трудно склонить князей къ принятію подобнаго предложенія, ибо зимнее время сопровождалось большими затрудненіями, и дождь лилъ такой неслыханный, что палатки не могли долѣе выдерживать, и съѣстные припасы вмѣстѣ съ другимъ багажемъ гнили и портились отъ постоянной сырости. Ни люди, ни вьючный скотъ, ни другія животныя не могли выносить пронзительнаго холода и безпрерывнаго проливного дождя; и все это шло, увеличиваясь и превышая всякія силы. Казалось, императоръ почувствовалъ къ нимъ сожалѣніе, но на дѣлѣ въ мысляхъ у него было совсѣмъ другое: онъ имѣлъ въ виду, что въ томъ узкомъ мѣстѣ войско слишкомъ будетъ сдавлено, чтобы расходиться по сторонамъ, и онъ самъ легче сдержитъ ихъ силою по своему произволу. А чтобы все это было болѣе понятно, я долженъ вставить нѣсколько словъ о положеніи вышесказаннаго города (т.-е. Византіи).

Но авторъ, въ слѣдующей, VII главѣ, останавливается долго на описаніи Чернаго моря, Геллеспонта и Пропонтиды, объясняя происхожденіе ихъ на-

заній по древнимъ греческимъ миѳамъ, и только въ концѣ главы коротко приводитъ топографію Византіи, чтобы объяснить невыгодное стратегическое положеніе крестоносцевъ между стѣнами и морскимъ берегомъ; императоръ Алексѣй, видя невозможность принудить Готфрида къ личному свиданію, на этотъ разъ не ограничился запрещеніемъ продавать съѣстные припасы, и выслалъ ночью стрѣлковъ, которые издалека перебили многихъ крестоносцевъ, ходившихъ по берегу или смотрѣвшихъ изъ окошекъ зданій.

VIII. Когда герцогъ узналъ о томъ (т.-е. объ избіеніи своихъ греками), онъ созвалъ князей народа и по общему приговору далъ своему брату (Балдуину) порученіе поспѣшно занять вмѣстѣ съ отрядомъ войска мостъ, который велъ къ нимъ, чтобы имъ не отрѣзали пути и не нанесли тѣмъ вреда. Балдуинъ немедленно взялъ съ собою 500 тяжело-вооруженныхъ рыцарей и силою овладѣлъ тѣмъ мостомъ. Между тѣмъ, противъ нихъ выступили вражески не только тѣ, которые были высланы, но и почти весь городъ вооружился на нихъ. Наши же, видя, что противники вооружились не съ добрымъ намѣреніемъ, и что всѣ граждане бросились къ оружію на погибель имъ, предали огню всѣ зданія, въ которыхъ они были помѣщены, на пространствѣ 6 или 7 миль, и которыя принадлежали частью императору, частью же гражданамъ. Затѣмъ они собрались по трубному звуку изъ своихъ квартиръ и не медля пошли за герцогомъ, который, построивъ поспѣшно ряды войска, потянулся къ мосту. Люди болѣе опытные въ военномъ дѣлѣ особенно опасались того, чтобы непріятель не занялъ моста, чрезъ что они могли бы быть на узкомъ пространствѣ весьма стѣснены; вслѣдствіе того тамъ была выставлена поспѣшно вся конница, прежде нежели могли собраться пѣхотные полки. Но государь Балдуинъ, братъ герцога, какъ сказано выше, выступилъ впередъ, овладѣлъ мостомъ, не смотря на сопротивленіе непріятеля, обратилъ враговъ въ бѣгство и обезпечилъ нашимъ противоположный берегъ рѣки. Тогда переправился черезъ мостъ и герцогъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ и багажемъ, и расположился безъ всякаго затрудненія на свободномъ и широкомъ мѣстѣ, предъ городомъ. Тамъ завязалась съ непріятелемъ борьба, между церковью св. мучениковъ Космы и Даміана—нынѣ (т.-е. въ концѣ XII вѣка) это мѣсто называется обыкновенно *замкомъ Боэмунда*—и новымъ дворцомъ Влахерною, который построенъ въ углу города, подлѣ воротъ; дѣло кончилось тѣмъ, что греки нигдѣ не могли устоять противъ нашихъ, и къ вечеру должны были отступить въ городъ. Наши же, мужественно удержавъ за собою поле битвы, расположились, какъ побѣдители, лагеремъ въ удобномъ для себя мѣстѣ. Вѣроятно, горожане напали бы снова, и при обоюдномъ раздраженіи произошла бы болѣе жестокая схватка и болѣе сильное кровопролитіе, еслибы наступившая ночь не положила предѣла борьбѣ обѣихъ сторонъ. Тогда только въ первый разъ обнаружилось несомнѣннымъ и очевиднымъ образомъ то намѣреніе, съ которымъ тотъ вышепоименованный недостойный императоръ перевелъ лагерь нашихъ въ другое мѣсто, а именно, у него было въ виду держать ихъ заключенными на узкомъ пространствѣ, и такимъ образомъ имѣть въ своей власти.

IX. Съ наступленіемъ дня было возвѣщено народу подняться и вооружиться: одна часть подъ предводительствомъ извѣстныхъ вождей должна была пойти по окрестностямъ, чтобы добыть всякаго рода съѣстные припасы, продажу которыхъ запретилъ императоръ: случится ли то за деньги или силою, такъ или иначе, они должны забирать крупный и мелкій скотъ, не щадя запасовъ съ плодами и другими жизненными потребностями; другая же часть осталась съ герцогомъ и другими князьями для защиты лагеря. Такъ-какъ они по опыту узнали коварство императора и его людей, то и рѣшились принять всѣ мѣры предосторожности противъ его козней. Кончилось тѣмъ, что отряды, вышедшіе на фуражировку въ большомъ числѣ, какъ конные, такъ и пѣшіе, опустошивъ въ теченіе 6 дней окрестности города на пространствѣ 60 миль, возвратились въ осьмой день съ такимъ множествомъ съѣстныхъ припасовъ, что трудно повѣрить: съ трудомъ могли они гнать предъ собою стада быковъ и повозки.

X. Пока все это происходило въ лагерѣ, къ герцогу явился посолъ отъ государя Боэмунда (князя Тарентскаго) и представилъ ему письмо слѣдующаго содержанія: „Знай, благороднѣйшій изъ мужей, что тебѣ пришлось имѣть дѣло съ злѣйшимъ звѣремъ и негоднѣйшимъ человѣкомъ, который рѣшился никогда не быть правдивымъ и чистосердечнымъ и преслѣдовать до смерти всѣми способами латинскій народъ (Latinorum nationem). Со временемъ ты самъ убѣдишься, что мое мнѣніе о немъ справедливо. Я же знаю злобу грековъ и ихъ упорную и непреодолимую ненависть къ латинскому имени. А потому, если ты согласенъ со мною, отступи къ Адріанополю и Филиппополю или отведи свое войско, которое вручилъ тебѣ Господь, въ тѣ богатыя страны, чтобы дать ему отдохнуть въ изобиліи припасовъ, которое вы тамъ найдете. А я, съ божіею помощью, въ началѣ весны, поспѣшу къ тебѣ, своему государю, и съ братскою любовью дамъ совѣтъ и окажу содѣйствіе противъ безбожнаго владѣтеля грековъ". Прочтя это письмо и обдумавъ его содержаніе, Готфридъ, по общему приговору князей, отвѣчалъ чрезъ посла и также письменно: „Я знаю, возлюбленный братъ, и давно уже слышалъ, что коварные греки преслѣдуютъ нашъ народъ съ непримиримою ненавистью, и еслибы я не былъ достаточно въ этомъ убѣжденъ до сихъ поръ, то собственный опытъ доказалъ мнѣ то вполнѣ; я не сомнѣваюсь въ справедливости твоего негодованія противъ нихъ; ты имѣешь вѣрный взглядъ на ихъ льстивость; но, по страху господню и вслѣдствіе своего намѣренія бороться съ невѣрными, я не могу обратить оружія на христіанскій народъ. Прибытія же твоего и другихъ богоспасаемыхъ князей нашъ возлюбленный Богомъ народъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ".

XI. Въ это время императоръ, съ своими приближенными и друзьями, находился въ величайшемъ страхѣ, отчасти потому, что онъ видѣлъ разореніе своей страны и слышалъ жалобы на то и стоны своихъ людей, отчасти же потому, что до него дошло извѣстіе о посольствѣ государя Боэмунда и о его скоромъ прибытіи. Вслѣдствіе того онъ началъ снова стараться о свиданіи съ государемъ герцогомъ, ибо опасался, что если онъ не сойдется съ нимъ, а ожи-

даемые князья придутъ прежде, нежели онъ склонитъ герцога на свою сторону, то всѣ они соединятся на его погибель. Потому императоръ старался всѣми силами расположить герцога въ свою пользу, просилъ его придти къ нему и, чтобы уничтожить въ немъ всякое сомнѣніе, предложилъ ему въ заложники своего сына Іоанна Порфиророднаго. Это предложеніе было одобрено князьями, и Куно Монтэгю (de Monte acuto) вмѣстѣ съ Балдуиномъ Бургскимъ отправились за сыномъ императора; поручивъ своему брату охраненіе заложника и передавъ ему войско, Готфридъ отправился, вмѣстѣ съ прочими князьями, въ городъ и обрадовалъ императора своимъ давно уже ожидаемымъ прибытіемъ. Его приняли съ большими почестями, въ собраніи знатнѣйшихъ людей, которые желали видѣть того мужа, о которомъ они такъ много слышали и отчасти знали по собственному опыту. Также и князья, прибывшіе съ нимъ, были привѣтствуемы императоромъ, соотвѣтственно достоинству каждаго, и вмѣстѣ допущены къ поцѣлую мира (ad pacis osculum); императоръ заботливо освѣдомился о ихъ здоровьѣ и, называя каждаго по имени, чтобы тѣмъ расположить въ свою пользу, былъ со всѣми привѣтливъ и разговорчивъ. Наконецъ, приблизившись къ герцогу, онъ говорилъ ему такъ: „Наша имперія, любезный герцогъ, знаетъ, что ты могущественнѣйшій въ средѣ своихъ князей, и ей не безъизвѣстно твое благочестивое предпріятіе, которое ты взялъ на себя, воодушевленный достохвальною ревностью о вѣрѣ; но что̀ еще важнѣе—о тебѣ носится далекая слава, что ты—мужъ твердый характеромъ и чистый вѣрою. Потому ты, за свои благородные нравы, снискалъ благосклонность многихъ, которые тебя никогда не видали въ глаза. И мы съ своей стороны намѣрены оказать тебѣ всю нашу любовь и уваженіе, и съ этою цѣлью опредѣлили въ присутствіи всѣхъ вельможъ нашего священнаго двора усыновить тебя и передать тебѣ нашу имперію; да сохранится она тобою неприкосновенно и невредимо вмѣстѣ съ предстоящимъ и грядущимъ потомствомъ“. Сказавъ это, онъ облачилъ его, съ извѣстными обрядами, свойственными той странѣ, въ императорскія одежды, и усыновилъ себѣ; такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ были возстановлены вполнѣ миръ и согласіе.

XII. Послѣ того, императоръ открылъ свои сокровища государю герцогу и его спутникамъ, и одарилъ ихъ щедро золотомъ, драгоцѣнными камнями, шелкомъ и дорогими сосудами, которые своею работою и матеріаломъ превосходили всякую цѣну, такъ что они, отягченные дарами, удивлялись и необыкновенному богатству, и щедрости императора. Но онъ былъ щедръ къ герцогу не только на этотъ разъ, и отъ праздника Богоявленія до Вознесенія доставлялъ ему отъ двора каждую недѣлю столько золотой монеты, сколько двое могли снести на плечахъ, и десять мѣръ мѣдныхъ денаріевъ. Герцогъ не бралъ ничего для себя лично и раздавалъ щедро благороднымъ и народу, сколько, по его мнѣнію, кому было нужно. Выйдя отъ государя императора, они простились съ нимъ на время и возвратились въ лагерь. Послѣ того, они отпустили къ отцу съ почетною свитой Іоанна, сына императора, котораго держали заложникомъ у себя до возвращенія государя герцога. Императоръ же объявилъ всенародно, что,

подъ страхомъ смертной казни, должно быть доставляемо все необходимое войску герцога по дешевой цѣнѣ и вѣрному вѣсу. И герцогъ, съ своей стороны, запретилъ чрезъ глашатая, подъ страхомъ смертной казни, чинить насиліе или неправду кому-либо изъ людей императора. Такимъ образомъ, уживаясь довольно хорошо другъ съ другомъ, они продолжали въ тишинѣ свои отношенія. Наконецъ, въ половинѣ марта (1097 г.), такъ-какъ начали прибывать другіе князья и находились уже вблизи, то герцогъ, по требованію императора и также сообразно желанію народа и благородныхъ сѣлъ на приготовленные корабли, перевезъ свое войско чрезъ Геллеспонтъ въ Виѳинію, первую азіатскую провинцію, въ которую входятъ, и расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Халкедона. Это тотъ самый городъ Виѳиніи, въ которомъ, при государѣ папѣ Львѣ Старшемъ и императорѣ Маркіанѣ, былъ созванъ четвертый вселенскій соборъ изъ 636 отцовъ, противъ лжеученія монаха Евтихія и александрійскаго патріарха Діоскура. Это мѣсто весьма близко отъ Константинополя и отдѣляется однимъ Босфоромъ; они могли видѣть оттуда городъ (т.-е. Византію), и кто имѣлъ важное дѣло, тотъ могъ безъ затрудненія, три или четыре раза въ день, отправляться изъ лагеря въ городъ и обратно. А то, что императоръ побуждалъ герцога ускорить переправою, происходило не отъ его религіозной ревности, а по свойственной ему хитрости; именно, онъ боялся, что войско можетъ усилиться новыми пришельцами, и по той же причинѣ побуждалъ всякій разъ тѣхъ, которые являлись послѣ, отправляться поспѣшно на корабляхъ, не ожидая слѣдовавшихъ за ними, чтобы такимъ образомъ никогда не соединялись предъ городомъ двѣ арміи.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ, XIII и XIV, авторъ, оставивъ на время Готфрида и его войско въ лагерѣ у Халкедона, обращается къ другимъ крестоносцамъ, и говоритъ именно, какимъ образомъ Боэмундъ, князь Тарентскій, сынъ Роберта Гвискара, вмѣстѣ съ Танкредомъ, своимъ племянникомъ, и другими итальянскими и гальскими владѣтелями, сдѣлалъ переходъ чрезъ Адріатику въ Дураццо, и оттуда чрезъ Эпиръ и Македонію прибылъ въ Константинополь; при этомъ авторъ приводитъ примѣры новаго коварства Алексѣя, который въ одно и то же время пишетъ самыя лестныя письма Боэмунду, приглашая его къ себѣ, и въ то же время приказываетъ своимъ войскамъ тайно нападать на крестоносцевъ и истреблять ихъ; при рѣкѣ Вардарѣ, греки напали на отставшихъ, но были разбиты; однако Боэмундъ, не уступавшій въ хитрости Алексѣю, не обращалъ на то вниманія, скрылъ свое неудовольствіе и поспѣшалъ къ императору, показывая видъ, что онъ торопится воспользоваться дружескимъ его приглашеніемъ.

XV. Пройдя всю Македонію и Иллирію, Боэмундъ спѣшилъ далѣе, но потихоньку, и такимъ образомъ сталъ приближаться къ городу (т.-е. Константинополю). Когда онъ прибылъ туда, былъ уже четвергъ предъ пасхою (въ апрѣлѣ 1097 г.), и императоръ снова просилъ его чрезъ пословъ отправиться къ нему въ городъ безъ войска, въ сопровожденіи однихъ приближенныхъ. Опасаясь коварной злобы императора, онъ стоялъ долгое время и колебался принять пригла-

шеніе. Пока онъ находился въ такой нерѣшимости, явился къ нему, въ сопровожденіи блестящей свиты князей, знаменитый мужъ, герцогъ Готфридъ, котораго настоятельно просилъ императоръ пойти на встрѣчу Боэмунду и привести его къ себѣ, чтобы тотъ ничего не могъ опасаться. Обнявшись и искренно облобызавъ другъ друга, они дружески бесѣдовали и разспрашивали взаимно о томъ и другомъ; наконецъ, герцогъ посовѣтовалъ Боэмунду воспользоваться приглашеніемъ императора. Сначала Боэмундъ дѣлалъ затрудненія и не хотѣлъ слышать никакихъ убѣжденій герцога, но послѣ уступилъ благороднымъ рѣчамъ герцога и отправился довѣрчиво, въ его сопровожденіи, къ императору. Императоръ облобызалъ его въ знакъ мира и показалъ ему всѣ знаки любви и почета; потомъ они дружески бесѣдовали, и тогда Боэмундъ, какъ говорятъ, сдѣлался вассаломъ (homo) императора, протянувъ руку въ знакъ вѣрности и давъ клятву тѣломъ (juramento praestito corporaliter), какъ то дѣлаютъ вассалы (fideles) по отношенію къ своимъ сузеренамъ (dominis suis). Вслѣдъ за этимъ, ему были поднесены изъ императорской казны подарки золотомъ, одеждами, сосудами и драгоцѣнными камнями, которые по своему блеску и стоимости были несравненны. Пока такимъ образомъ улаживалось дѣло, и Боэмундъ оставался во дворцѣ, Танкредъ, мужъ достойный хвалы во всѣхъ отношеніяхъ, его племянникъ по сестрѣ, избѣгавшій всѣми мѣрами свиданія съ императоромъ, переправился со всѣмъ войскомъ въ Виѳинію и сталъ лагеремъ по ту сторону Босфора, въ окрестностяхъ Халкедона, гдѣ уже давно находилось войско государя герцога, во ожиданіи слѣдовавшихъ за нимъ. Когда императоръ узналъ, что государь Танкредъ отклонилъ такимъ образомъ свиданіе съ нимъ, то онъ весьма огорчился, но, какъ умный человѣкъ, скрылъ свое неудовольствіе и отпустилъ князей, бывшихъ у него, на другую сторону Босфора, въ ихъ лагерь, съ великими почестями и богатыми дарами, что̀ было потомъ повторено нѣсколько разъ. Тамъ соединились обѣ арміи и дружелюбно стали въ виду Константинополя, поджидая прибытія другихъ князей, чтобы продолжать походъ вмѣстѣ. Народу же доставлялось все необходимое не только въ достаточномъ числѣ, но даже въ изобиліи, какъ изъ императорскаго города, такъ и изъ окрестностей.

Въ XVI главѣ авторъ возвращается къ Роберту Фландрскому и описываетъ его путь, повторяя то же самое, что онъ сказалъ о Боэмундѣ, потому что Робертъ шелъ по тѣмъ же странамъ, точно также далъ присягу императору и затѣмъ немедленно переправился чрезъ Босфоръ, гдѣ и соединился съ первыми двумя арміями. Затѣмъ, авторъ обращается къ четвертой арміи и говоритъ, что вслѣдъ за Робертомъ прибылъ посолъ, извѣстившій о прибытіи въ Константинополь Раймунда, графа Тулузскаго, и Адемара, епископа г. Пюи, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстникомъ папы и его представителемъ въ первомъ крестовомъ походѣ. Описавъ въ слѣдующихъ двухъ главахъ, XVII и XVIII, ихъ путь чрезъ Ломбардію, Истрію и Далматію до Дураццо, и оттуда чрезъ Эпиръ и Македонію до приморскаго города на Геллеспонтѣ, Родосто, вблизи Константинополя, авторъ разсказываетъ, какъ туда прибыло посольство отъ императора и отъ князей, съ просьбою къ Раймунду

оставить армію въ Родосто и идти немедленно одному на свиданіе съ императоромъ.

XIX. Графъ (Тулузскій), уступая какъ настояніямъ императора, такъ и представленіямъ князей, которые убѣждали его не медлить, поручилъ свое войско заботамъ епископовъ и другихъ благородныхъ людей, находившихся въ лагерѣ, и отправился, въ сопровожденіи немногихъ, въ Константинополь, гдѣ онъ и представился императору, послѣ многихъ приглашеній, сопутствуемый императорскими послами, которые ему предшествовали. Тамъ его встрѣтилъ самъ императоръ и вельможи, окружавшіе его, самымъ почетнымъ образомъ, выражая ему свою дружбу и расположеніе. Императоръ старался всяческою лестью склонить его, подобно предшественникамъ, дать ему клятву въ вѣрности, но графъ упорствовалъ съ твердостью. Пока все это происходило въ Константинополѣ, императоръ, съ досады что графъ не хочетъ, какъ другіе, сдѣлаться его вассаломъ, тайно приказалъ напасть съ быстротою на войско графа и причинить ему какъ можно болѣе зла; было предписано не щадить ихъ и нанести имъ сильное пораженіе. Императоръ рѣшился на то въ увѣренности, что всѣ другіе князья присягнули ему на вѣрность и также потому, что войска ихъ были по ту сторону моря и не легко могли бы возвратиться назадъ: а именно, всѣ корабли, которые пристали къ другому берегу съ товарами, или на которыхъ перевозили войска, должны были немедленно удалиться, такъ чтобы тамъ не стояло въ запасѣ кораблей, и они тщетно желали бы вернуться. Вотъ, потому императоръ старался всегда льстивыми и коварными убѣжденіями склонять князей къ тому, чтобы они являлись въ Константинополь по-одиночкѣ, а не соединенными силами. Какъ я уже замѣтилъ, прибытіе нашихъ вообще было для него подозрительно, а всего болѣе онъ опасался, чтобы они не сошлись всѣ вмѣстѣ. Если онъ оказалъ такую щедрость князьямъ, то, конечно, не изъ великодушія и не изъ любви къ нимъ, а вслѣдствіе отчаяннаго страха и коварныхъ козней. Нашихъ же, при ихъ простотѣ и незлобіи, трудно было убѣдить въ злобѣ грековъ и въ хитрости и коварствѣ ихъ недостойнаго императора, главнымъ образомъ потому, что онъ оказывалъ въ отношеніи ихъ такъ много щедрости и льстивой дружбы.

XX. Между тѣмъ, сотники, пятидесятники и отрядные (centuriones, quinquagenarii et numeris militaribus praepositi), получивъ приказаніе императора, изготовили свои полки и, приводя въ исполненіе данное имъ предписаніе, напали тайно ночью на лагерь графа. При неожиданности ихъ появленія, имъ было легко избить бóльшую часть войска, и затѣмъ послѣдовало постыдное бѣгство и безстыдное пораженіе, прежде нежели люди успѣли проснуться и схватиться за оружіе. Но наконецъ, по призыву благоразумныхъ, они опомнились, собрались съ духомъ и нанесли большое пораженіе воровскимъ клевретамъ императора. Хотя наши и мужественно отстояли себя, но затруднительности похода, которыя имъ пришлось преодолѣть, и безпрерывныя нападенія, направляемыя на нихъ ежедневно, до того утомили ихъ, что они начали раскаяваться въ предпринятомъ походѣ,

и все болѣе и болѣе охлаждались къ начатому имъ подвигу. Тяжкіе труды, понесенные ими, произвели въ нихъ такое отвращеніе къ самому предпріятію, что многіе, не только изъ простого народа, но и изъ высшихъ лицъ, выражали сомнѣніе относительно успѣха въ будущемъ, и, не смотря на свои обѣты, хотѣли возвратиться назадъ. Только убѣжденія епископовъ и духовенства воспламенили ихъ и склонили настаивать на предпринятомъ, не оставлять войска и не возвращаться на родину, что также было небезопасно. Графъ, получивъ о томъ извѣстіе, былъ глубоко смущенъ; жалуясь на измѣну, онъ приказалъ чрезъ пословъ, отправленныхъ къ императору, выразить ему упрекъ за такое коварство, противное всякимъ добрымъ нравамъ, и объяснить ему, что онъ вооружилъ своихъ людей противъ его войска въ то время, когда графъ, сообразно его желаніямъ и вслѣдствіе неоднократныхъ приглашеній, послушно находился у него. Онъ далъ знать и князьямъ, по просьбѣ и по желанію которыхъ онъ отправился впереди своего войска, о несчастіи, испытанномъ его людьми, и о явныхъ козняхъ императора, прося ихъ, какъ братьевъ, о мести. Еслибы у графа было столько же силы, сколько пламеннаго желанія отомстить за своихъ, то его не удержали бы такія угрозы и никакое посредничество князей. Онъ считался человѣкомъ отважнымъ и именно такимъ, который никогда не забывалъ обиды и настаивалъ на своемъ. Императоръ, раскаяваясь въ своемъ поступкѣ и видя, что онъ далеко зашелъ, пригласилъ къ себѣ государя герцога, государя Боэмунда и государя графа Фландрскаго, которые находились на томъ берегу при своихъ войскахъ, желая при ихъ посредничествѣ примириться съ графомъ. Они явились на его зовъ и, сознавая, что было не время мстить, хотя и осуждали все происшедшее, взялись идти къ государю графу и уговорить его оставить безъ вниманія нанесенное ему оскорбленіе, которое они считали общимъ; они указывали на то, что месть отниметъ много времени и замедлитъ ихъ слѣдованіе по пути господню. Наконецъ, благочестивымъ рѣчамъ князей удалось укротить раздраженнаго графа, такъ-какъ онъ былъ человѣкъ разсудительный; онъ послѣдовалъ совѣту князей и отдался въ ихъ распоряженіе. Они пришли къ императору и единогласно выразили ему свое неудовольствіе на случившееся. Императоръ, видя ихъ негодованіе и твердость взаимнаго союза, согласился, въ присутствіи графа, другихъ постороннихъ и всего своего двора просить извиненія, и клялся, и завѣрялъ, что все то произошло не только безъ его повелѣнія, но и безъ его вѣдома, и что онъ готовъ, не смотря на свою невинность, дать графу удовлетвореніе. Такъ, со дня на день становилось нашимъ очевиднѣе коварство грековъ и вѣроломство императора; всѣмъ князьямъ сдѣлалось ясно, какъ солнце, что онъ преслѣдуетъ ненавистью нашъ народъ и озлобленъ противъ всѣхъ латинъ. Но такъ-какъ ихъ стремленія были направлены на другое и они имѣли въ виду богоугодное дѣло, то они полагали лучше не обращать вниманія на оскорбленія, нанесенныя имъ, нежели оставить свое благочестивое предпріятіе или затруднить начатое дѣло.

XXI. Такимъ образомъ, графъ, по совѣту князей, снова прими-

рился съ императоромъ и далъ ему клятву въ вѣрности того же содержанія, какъ и другіе князья; вслѣдствіе того, онъ возвратилъ себѣ опять расположеніе императора и былъ щедро одѣленъ имъ огромными подарками, которыхъ нельзя ни перечесть, ни измѣрить. И другіе князья получили при этомъ снова подарки, потомъ простились и вернулись за Геллеспонтъ назадъ къ своимъ войскамъ; графа же они особенно просили послѣдовать за ними, ни мало не медля. Между тѣмъ, прибыло въ Константинополь войско графа и, по его приказанію, неотлагательно переѣхало въ Виѳинію, гдѣ и соединилось съ прочими. Графъ оставался по личнымъ дѣламъ еще нѣсколько дней въ городѣ, и, какъ человѣкъ разсудительный, дѣятельно старался какъ о собственномъ, такъ и объ общественномъ благѣ. А именно, онъ, сообразно съ волею князей, усиливался склонить императора, какъ то дѣлали и другіе до него, дать обѣщаніе присоединиться къ походу и взять на себя достоинство *герцога и правителя* (dux et moderator) господней арміи. Но императоръ, убѣждаемый не разъ каждымъ изъ нашихъ князей, и въ особенности государемъ графомъ Тулузскимъ, принять достоинство герцога и правителя господней арміи и сдѣлаться главою народовъ, посвятившихъ себя служенію Богу, отказывался отъ того, говоря, что ему предстоитъ защищать свое государство отъ жестокихъ враговъ, булгаровъ, кумановъ и пинцепатовъ (т. е. печенеговъ), которые при всякомъ случаѣ врываются въ предѣлы его государства и нарушаютъ спокойствіе. А потому, хотя онъ и имѣетъ желаніе принять участіе въ такомъ пилигримствѣ и въ наградахъ будущей жизни, но онъ не можетъ отложить заботы о своемъ государствѣ и допустить своихъ враждебныхъ сосѣдей причинять ему зло. Но все, что онъ говорилъ, было коварствомъ и злоумышленіемъ: онъ искалъ только предлога къ тому, чтобы лишить нашихъ своей помощи, такъ какъ онъ завидовалъ ихъ успѣху и дѣлалъ имъ на пути всевозможныя препятствія. Между тѣмъ, государь Готфридъ, государь Боэмундъ и государь графъ Робертъ Фландрскій вмѣстѣ съ епископомъ Пюи, переплывъ море и собравъ обозъ, изготовились въ походъ и опредѣлили идти пѣшкомъ къ Никеѣ, чтобы тамъ ожидать слѣдовавшихъ за ними. Когда они, послѣ цѣлаго дня пути, прибыли къ Никополису, главному городу провинціи Виѳиніи, къ нимъ вышелъ на встрѣчу достопочтенный пастырь Петръ Пустынникъ изъ ближайшихъ мѣстечекъ, гдѣ онъ спасался отъ суровости зимы съ немногими, уцѣлѣвшими изъ его дружины, привѣтствовалъ князей и присоединился къ нимъ. Принятый всѣми дружелюбно, на вопросы объ участи своихъ, онъ изложилъ имъ все по порядку и разсказалъ, что слѣдовавшіе за нимъ люди были упрямымъ, безвѣрнымъ и непокорнымъ народомъ, и что ихъ несчастіе главнымъ образомъ должно быть приписываемо имъ самимъ. Князья приняли большое участіе въ немъ и, сострадая несчастію его людей, оказали ему и его дружинѣ большую щедрость. Когда, такимъ образомъ, армія увеличилась и число ея, благодаря Бога, возросло отъ присоединившихся отрядовъ, наши двинулись впередъ, не торопясь, и подошли къ Никеѣ. Тамъ они раскинули кольцеобразно лагерь, оставивъ мѣсто для князей, которые должны были придти, и начали осаду города въ 15-й день мѣсяца мая (1097 г.).

Графъ же Тулузскій, устроивъ свои дѣла въ Константинополѣ, простился съ императоромъ, одѣлившимъ его снова съ необыкновенною щедростью, и съ быстротою поспѣшилъ къ вышеупомянутому городу, ведя за собою своихъ, которыхъ онъ удержалъ при себѣ.

Въ XXII главѣ авторъ, оставивъ крестоносцевъ подъ Никеею, возвращается къ пятой и послѣдней арміи, которая шла позади всѣхъ подъ начальствомъ Роберта, графа Нормандіи, и гдѣ находились Стефанъ Блоа и Шартра, Евстафій, братъ Готфрида, Рожеръ изъ Барневиля, Конанъ Бретанскій и мн. др. Они вышли осенью 1096 г. вмѣстѣ съ Робертомъ Фландрскимъ и Гуго Великимъ, но, опасаясь зимы, отстали отъ нихъ и перезимовали въ южной Италіи; весною 1097 г. Робертъ Нормандскій переплылъ съ арміею въ Дураццо и извѣстною дорогою прибылъ въ Константинополь, далъ также присягу императору и немедленно переправился въ Никею, куда и прибылъ къ началу осады. Въ заключеніе первой книги, авторъ говоритъ о мѣрахъ, принятыхъ императоромъ для наблюденія за арміею крестоносцевъ:

XXIII. Къ лагерю присоединился нѣкто грекъ, по имени *Танинъ* (у Анны Комненой: Татикій; у друг. лат. писат.—Татинъ), довѣренное лицо у императора, низкій и вѣроломный человѣкъ, у котораго, въ знакъ его подлости, были вырваны ноздри. На просьбы нашихъ дать имъ для вѣрности проводника, императоръ назначилъ его путеводителемъ и спутникомъ (dux itineris et comes futurus). Онъ былъ избранъ потому, что долженъ былъ хорошо знать мѣстность, и императоръ вполнѣ разсчитывалъ на его коварство и хитрость. Танинъ присоединился къ князьямъ вмѣстѣ съ отрядомъ изъ своихъ, для того чтобы, какъ говорится, „гусь шипѣлъ между лебедей и проклятая ехидна среди угрей". О всемъ, что дѣлалось въ лагерѣ и что каждый сказалъ, онъ доносилъ императору, сопровождая то превратными толкованіями, и отъ него чрезъ вѣстниковъ получалъ весьма часто коварныя инструкціи.

Тамъ, при Никеѣ, въ первый разъ изъ отрядовъ, которые шли различными путями, въ различное время и подъ предводительствомъ различныхъ князей, составилась одна армія Бога живаго, собравшаяся съ различныхъ концовъ и сложившаяся въ одно цѣлое. Со времени оставленія родины, боголюбивые князья и вожди войска встрѣтились въ первый разъ въ лагерѣ при вышеупомянутомъ городѣ; до того же они не видались другъ съ другомъ и никогда не совѣщались объ общемъ дѣлѣ. При повѣркѣ числа войскъ оказалось, что армія состояла изъ 600,000 пѣшихъ людей обоего пола и изъ 100,000 тяжело вооруженныхъ всадниковъ. Всѣ они, расположившись при вышеупомянутомъ городѣ (Никеѣ), изо всѣхъ силъ старались овладѣть имъ, посвящая благочестиво Господу первый плодъ своихъ трудовъ.

Кончается Книга вторая.

Начинается Книга третья.

Въ первыхъ *шести* главахъ третьей книги авторъ говоритъ о вселенскихъ соборахъ, бывшихъ въ городѣ Никеѣ, о его положеніи: а именно, Никея была окружена съ трехъ сторонъ горными лѣсами и болотами, и съ запада ея стѣны омывались непосредственно водами большого озера; далѣе, авторъ разсказываетъ о приготовленіяхъ владѣтеля города, Солимана (т.-е. Килиджъ-Арслана), къ защитѣ, какъ онъ, собравъ въ Персіи армію, напалъ на осаждавшихъ, но былъ разбитъ; какъ крестоносцы, построивъ осадныя орудія, начали громить стѣны города, и какія происходили при этомъ отдѣльныя стычки, кто былъ убитъ и какимъ образомъ; но всѣ усилія крестоносцевъ были напрасны, потому что озеро оставалось свободнымъ и осажденные легко получали съѣстные припасы и все необходимое.

VII. Тогда наши возлюбленные Богомъ князья собрались и вмѣстѣ совѣщались относительно вопроса, какъ бы лучше помочь этому злу (т.-е. сообщенію осажденныхъ съ Солиманомъ по озеру), и нашли необходимымъ отправить большую часть войска съ нѣсколькими конными отрядами къ морскому берегу (т.-е. къ Геллеспонту), и при помощи телѣгъ или передковъ и другихъ средствъ перетащить въ озеро суда цѣликомъ или по частямъ; безъ того, полагали они, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, трудахъ и расходахъ, ихъ предпріятіе имъ не удастся. Прибывъ къ морю, посланные нашли, при помощи Господа, который руководилъ ихъ путями въ своемъ милосердіи, суда средней величины. Императоръ уступилъ ихъ безъ затрудненій, и они, вытащивъ суда на берегъ, связали три-четыре телѣги, какъ того требовала длина судовъ, положили ихъ сверху и въ одну ночь благополучно перетащили, на пространствѣ семи или болѣе миль въ вышеупомянутое озеро; при этомъ тащили всѣ, и люди, и лошади. Христіанское войско было чрезвычайно обрадовано, когда привезенныя суда были спущены на воду; предводители сбѣжались всѣ на берегъ и созвали туда какъ людей, которые знали управлять веслами и кораблемъ, такъ и тѣхъ, которые искусно владѣли оружіемъ и отличались мужествомъ, и вслѣдствіе того всѣ были увѣрены, что съ божіею помощью можно будетъ въ непродолжительномъ времени овладѣть городомъ. Жители же города, увидя на озерѣ количество судовъ больше обыкновеннаго, удивлялись и не знали, врагъ ли это, или свои спѣшатъ къ нимъ на помощь. Но, узнавъ наконецъ, что наши притащили суда волокомъ съ моря и спустили въ озеро, они изумились и ихъ уму, и ихъ силѣ, съ которою они осуществили дѣло отчаянное и почти невозможное.

VIII. Когда такимъ образомъ жителямъ города преградили плаваніе по озеру, было всенародно объявлено и чрезъ глашатаевъ возвѣщено, чтобы всѣ отряды, подъ чьимъ бы начальствомъ они ни находились въ ту минуту, изготовились мужественно къ приступу, и чтобы они стѣснили жителей, насколько то возможно, дѣйствуя съ большею настойчивостью, нежели какъ они дѣйствовали до сихъ поръ. Каждый князь убѣждалъ свои полки и велъ ихъ на приступъ отлично вооруженными; потому нападеніе на этотъ разъ было сильнѣе

всѣхъ предыдущихъ. Они дѣйствовали отважно и машинами: одни старались подкопать стѣны, другіе хотѣли потрясти ихъ и пускали въ нихъ огромные камни. Съ южной стороны, откуда велъ осаду государь графъ Тулузскій, находилась башня, самая высокая и толстая изъ всѣхъ; вблизи ея помѣщалось жилище жены упомянутаго Солимана; уже нѣсколько дней графъ употреблялъ всѣ усилія къ овладѣнію этою башней, но тщетно. Онъ поставилъ противъ нея двѣ метательныя машины, которыя работали безпрерывно; но стѣны были такъ крѣпки, что ему не удалось отбить ни одного камня. Онъ удвоилъ потому метательныя орудія, чтобы не быть вынуждену отказаться отъ предпріятія, приказалъ бросать въ большемъ количествѣ камни и обломки скалъ необыкновенной твердости, такъ что стѣна дала трещину и камни начали отъ ударовъ обсыпаться. Когда войско замѣтило то, всѣ бросились черезъ ровъ, воодушевляя другъ друга, и стали предъ самою стѣною съ тѣмъ, чтобы или разрушить башню, или по крайней мѣрѣ сдѣлать брешь (perforare). Жители же города, увидѣвъ, что башнѣ угрожаетъ паденіе, наполнили ее внутри камнями и цементомъ, на случай, если отъ подкоповъ или метательныхъ машинъ обрушится башня, то можно будетъ вмѣсто стараго противопоставить осаждающему непріятелю новое укрѣпленіе. Тогда наши, подъ прикрытіемъ прочной осадной кровли (sub testudine), которую они съ большими усиліями поднесли къ самой стѣнѣ, начали усердно подкапывать башню. И наконецъ имъ удалось, послѣ тяжкаго труда, пробить желѣзными орудіями такое отверстіе, что два вооруженныхъ человѣка могли войти рядомъ. Жители города дали единодушно отпоръ устремившемуся съ жаромъ непріятелю, противопоставляя хитрость хитрости, силу силѣ, и старались всяческимъ оружіемъ, луками, метательными машинами, пращами отбить противниковъ назадъ и защититься отъ ихъ нападенія.

IX. Между защитниками стѣнъ находился одинъ воинъ, который былъ ненавистнѣе другихъ и отличался между всѣми ростомъ и силою; онъ произвелъ своимъ лукомъ страшное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Онъ до того возгордился своимъ продолжительнымъ счастіемъ, что смѣялся и ругался надъ нашими, называя ихъ презрѣнными и упрекая въ трусости. Этотъ человѣкъ свирѣпствовалъ на той части стѣны, которая была предметомъ нападенія государя герцога и его людей; государь Готфридъ не могъ долго переносить того, выискалъ удобное мѣсто, взялъ пращъ, прицѣлился въ лжеца и поразилъ его такъ, что онъ палъ замертво, справедливо поплатившись за все зло, которое онъ причинилъ нашимъ. Вслѣдствіе того, его товарищи, одушевленные его примѣромъ и мужественно сопротивлявшіеся, были испуганы до того, что сдѣлались воздержнѣе и на свои стрѣлы, и на свою брань. Но другіе, находившіеся въ другихъ частяхъ города и отчаянно защищавшіеся, не знали ничего о томъ, и съ высоты своихъ стѣнъ и башенъ, гдѣ имъ удобно было укрываться, переранили и избили многихъ изъ нашихъ, лили на наши машины смолу, масло, жиръ и другія горючія вещества и, бросая потомъ зажженные факелы, разрушили бо̀льшую ихъ часть тамъ, гдѣ наши не подумали о хорошемъ ихъ прикрытіи. Но тѣ изъ нашихъ, которые были заняты выше-

упомянутою башнею, ревностно продолжали свои усилія; видя, однако, что вчерашній ихъ подкопъ въ ближайшую ночь уничтожался, они начали охладѣвать и убѣдились, что имъ не будетъ удачи. Когда они хотѣли уже совсѣмъ отказаться отъ своего предпріятія, въ это время явился благородный и мужественный рыцарь изъ войска графа Нормандскаго; въ шлемѣ и панцырѣ, прикрытый щитомъ, идетъ онъ за валъ, желая своимъ примѣромъ воодушевить другихъ, съ цѣлью разрушить стѣну, которую горожане вывели въ ночь, и снова пробить брешь, которую наши сдѣлали вчера. Но такъ-какъ непріятель отчаянно защищался, стоя на стѣнахъ, то никто не осмѣлился помочь ему, и онъ не могъ выполнить своего намѣренія; у самой стѣны, предъ глазами нашихъ, которые не могли ему помочь, онъ былъ раздавленъ массою камней, которыми забросали его. Желѣзными крюками стащили они его бездыханное тѣло къ себѣ наверхъ и бросили внизъ за стѣной, чтобы ихъ люди могли наругаться надъ нимъ, и потомъ выкинули къ намъ назадъ безъ шлема и безъ панцыря. Похоронивъ его съ надлежащими почестями, народъ оплакалъ его; его мужество было превозносимо, и всѣ говорили, что смерть его есть заслуга предъ очами Господа, и что духъ его безъ сомнѣнія пріобщится къ душамъ избранныхъ; ибо, какъ я сказалъ выше, всѣ были одинаково убѣждены, что павшіе подобнымъ образомъ въ битвѣ наслѣдуютъ жизнь вѣчную и прославятся свѣтомъ святыхъ.

X. Между тѣмъ, вожди нашего войска сдѣлали обычное собраніе; видя, что имъ ничего не удается, что они даромъ теряютъ труды и усилія, они совѣщались другъ съ другомъ, что̀ предпринять въ этой крайности, и въ то время, когда они были заняты и весьма озабочены, явился къ нимъ какой-то лонгобардъ (т. е. житель сѣверной Италіи), который говорилъ, что онъ видѣлъ, какъ было пристыжено все остроуміе мастеровъ и какъ всѣ ихъ усилія оставались безплодными; онъ между тѣмъ знакомъ съ осаднымъ искусствомъ, и если ему дадутъ изъ общественной казны необходимую и достаточную сумму для исполненія своего замысла, то при помощи божіей онъ опрокинетъ ту башню въ нѣсколько дней, не причинивъ нашимъ никакого вреда, и сдѣлаетъ такую широкую брешь, что всякій, кому угодно, будетъ въ состояніи пройти. Когда ему изъ общественной казны даны были достаточныя средства и сверхъ того обезпечено вознагражденіе за трудъ, также доставлены и всѣ требуемые матеріалы, онъ построилъ машину изумительнаго искусства. Помѣщавшіеся въ этой машинѣ могли безопасно, при всемъ противодѣйствіи непріятеля, приблизиться къ стѣнѣ, а тѣ, которые были скрыты внизу, имѣли возможность, не опасаясь ничего, вести подкопъ, и произведенный опытъ доказалъ то вполнѣ. Когда по его плану машина была вполнѣ отстроена, онъ вмѣстѣ съ отважными и тяжело вооруженными людьми, которые запаслись желѣзными орудіями для подкопа стѣны, сѣлъ внутрь, и превосходно и весьма ловко умѣлъ подкатить ее вмѣстѣ съ рабочими черезъ валъ къ самой стѣнѣ. Жители города съ прежнимъ рвеніемъ начали бросать внизъ каменья и огонь, но такъ-какъ все это скатывалось по причинѣ крутизны кровли и покатости стѣнъ и не причиняло вреда находившимся подъ машиною, то они стали сомнѣ-

ваться въ дѣйствительности обыкновенныхъ средствъ и изумились какъ крѣпости сооруженія, котораго они не могли разрушить, такъ и уму художника, который построилъ машину. Тѣ же, которые были скрыты подъ осадною кровлей, работали въ полной безопасности отъ непріятеля и изо всѣхъ силъ старались пробить стѣну и опрокинуть башню; выбивъ камень, они вставляли на его мѣсто дерево, чтобы при подрытіи нижней части стѣны не обрушилась верхняя и не раздавила машины, которая не могла бы вынести такой тяжести и силы паденія. Такимъ образомъ, они подрылись подъ башню настолько, насколько то было нужно, чтобы опрокинуть ее, придѣлали подставы, которыя должны были на время поддерживать башню, подложили огня и горючихъ матеріаловъ и, оставивъ съ поспѣшностью машину, удалились къ своимъ. Такъ и случилось, что почти въ полночь, когда подставы сгорѣли и обратились въ пепелъ, башня повалилась съ такимъ шумомъ, что въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ пришли въ ужасъ и великій страхъ, какъ бываетъ то при землетрясеніи. Наше же войско, пробудившись отъ треску, бросилось къ оружію и изготовилось, какъ бы идя брать городъ приступомъ.

XI. Жена Солимана, переносившая до того времени съ твердостью всѣ тяжести, которымъ подвергается осажденный городъ, была, по свойству женщины, до того испугана паденіемъ башни, что съ семействомъ и рабынями тайно оставила городъ и хотѣла удалиться въ безопасное мѣсто. Но тѣ изъ нашихъ, которые стояли на озерѣ на корабляхъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы жители не могли ни войти, ни выйти, замѣтили при своемъ вниманіи бѣжавшихъ и захватили ихъ въ плѣнъ. Плѣнная, вмѣстѣ съ двумя еще весьма малолѣтними сыновьями, была отведена къ князьямъ и отдана вмѣстѣ съ другими плѣнными подъ крѣпкій присмотръ. Сдѣланный проломъ и плѣнъ столь важнаго лица привели жителей въ такое замѣшательство, что у нихъ пропало всякое довѣріе къ собственнымъ силамъ; они отправили посольство и просили у князей перемирія, для того чтобы начать переговоры о сдачѣ. Но Танинъ, о которомъ мы говорили выше, какъ человѣкъ хитрый, предвидѣлъ, что сдѣлаютъ жители, потерявъ надежду на защиту, и потому, вступивъ въ переговоры съ важнѣйшими гражданами, убѣждалъ ихъ сдѣлать честь императору и сдаться ему. Это войско пилигримовъ, говорилъ онъ, спѣшитъ съ другимъ предпріятіемъ и осадило городъ не по намѣренію, составленному заранѣе, но случайно и мимоходомъ; императора же они имѣютъ всегда вблизи, и отъ его милосердія они должны ожидать всего и на все надѣяться. А потому имъ лучше предпочесть императора этимъ невѣжественнымъ и варварскимъ людямъ и предаться въ его руки, чего имъ избѣжать нельзя; и такимъ образомъ городъ, недавно отнятый турками несправедливо у императора, при ихъ помощи снова возвратится въ его законную власть. Такими и подобными увѣщаніями онъ уговорилъ собраніе сдать императору городъ, себя и все свое имущество, подъ условіемъ личной неприкосновенности. И наши князья согласились на то, ибо ихъ помыслы направлялись къ другому; они не хотѣли тамъ оставаться, и притомъ надѣялись, что по договору городъ будетъ отданъ вполнѣ на добычу войску въ вознагражденіе за

понесенные труды и лишенія. Между тѣмъ, наши братья, которыхъ взялъ въ плѣнъ столько Солиманъ при Цивитотѣ (Кибетъ), гдѣ онъ разбилъ войско Петра Пустынника, частью же гражданами Никеи во время осады, должны были быть выданы нашему войску до начала переговоровъ о мирѣ, и до того наши не хотѣли ничего слышать. Потомъ по опредѣленію князей и съ согласія народа были отправлены послы къ императору съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Князья и христіанское войско, подвизавшееся вѣрно при осадѣ Никеи изъ любви къ имени Христа, съ божіею помощью и ревностными усиліями овладѣли городомъ. Мы просимъ потому твою свѣтлость и убѣждаемъ всѣми средствами послать сюда не откладывая кого-нибудь изъ твоихъ князей съ достаточнымъ войскомъ, чтобы вступить во владѣніе городомъ отъ твоего имени и принять множество плѣнныхъ. Мы же, сдавъ городъ въ руки твоего высочества, намѣрены съ божіею помощью продолжать предпринятый нами путь“.

XII. Императоръ, обрадованный тѣмъ, послалъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ, на вѣрность и усердіе которыхъ можно было положиться, вмѣстѣ съ огромнымъ войскомъ въ ту страну, чтобы принять городъ и немедленно укрѣпить его, а имущество плѣнныхъ, золото, серебро и все прочее присвоить себѣ. Князьямъ же онъ отправилъ каждому отдѣльно большіе подарки, и письменно и словесно выражалъ имъ похвалу и великую благодарность за ихъ благородную услугу, вслѣдствіе которой его государство получило такое приращеніе. Но народъ и менѣе важныя лица (secundae manus homines), которыя столь много трудились при осадѣ въ надеждѣ вознаградить свою потерю добычею, отобранною у плѣнныхъ жителей, и различнымъ имуществомъ, которое окажется въ городѣ, видя, какъ императоръ несправедливо цѣнитъ ихъ трудъ и забираетъ въ свою пользу и въ пользу казны все, что по договору составляетъ общее достояніе, чувствовали себя обиженными до того, что раскаявались въ своихъ усиліяхъ и безполезно понесенныхъ ими тратахъ. Князья также настаивали на томъ, что императоръ дѣйствуетъ злонамѣренно, въ противность смыслу договора. А именно, между прочими статьями договора, заключеннаго съ императоромъ, стояло слѣдующее условіе: „Если удастся имъ съ божіею помощью овладѣть однимъ изъ городовъ, принадлежавшихъ прежде имперіи, по всей ихъ дорогѣ до Сиріи, то такой городъ съ прилежащею областью долженъ быть возвращенъ императору, и вся добыча и прочее имущество жителей отданы безъ всякихъ препятствій войску въ видѣ награды за его труды и какъ уплата за издержки“. Хотя нашимъ не стоило бы никакого труда выгнать людей императора изъ города и съ пустыми руками отправить къ своему государю, и хотя они были въ правѣ дѣйствовать такъ, ибо несправедливо хранить вѣрность тому, кто поступаетъ въ противность договорамъ, но при всемъ томъ, имѣя предъ собою страхъ господень и спѣша къ болѣе важному, они скрыли свое неудовольствіе, успокоили раздраженный народъ благородными рѣчами и склонили его изготовиться къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Посланные же греки вошли въ городъ, отобрали оружіе у гражданъ и, когда сдача кончилась, явились въ лагерь къ князьямъ и просили пощадить жизнь

гражданъ и оставить ихъ неприкосновенными, такъ какъ они возвратили городъ государю императору и склонили выю подъ его власть. Такъ взятъ былъ городъ и для защиты его поставили въ немъ значительный гарнизонъ; жена же Солимана съ обоими дѣтьми и множествомъ плѣнныхъ была отправлена въ Константинополь, гдѣ она была не только милостиво принята, но и великодушно содержима; чрезъ нѣсколько дней ей дали свободу. Это послѣднее императоръ сдѣлалъ для того, чтобы выиграть расположеніе турокъ и вмѣстѣ своими благодѣяніями вооружить ихъ противу нашихъ; сверхъ того онъ имѣлъ въ виду, чтобы и другіе города, въ случаѣ такой же осады, не боялись сдаваться подобнымъ же образомъ.

Такимъ образомъ, городъ Никея былъ взятъ въ годъ отъ воплощенія господня *тысяча-девяносто-седьмой* (1097), въ двадцатый день мѣсяца іюня. Князья же, по окончаніи осады, дали войску приказъ, чтобы оно, изготовивъ обозъ, выступило 29 іюня (1097 г.) въ дальнѣйшій походъ.

Послѣднія главы *третьей* книги, отъ XIII до XXV, и вся *четвертая*, *пятая*, *шестая* и *седьмая* книги составляютъ описаніе дальнѣйшаго пути крестоносцевъ отъ Никеи чрезъ Малую Азію и Сирію до самаго Іерусалима, куда они прибыли два года спустя, 7 іюня 1099 года. Самая осада Іерусалима составляетъ содержаніе *восьмой* книги, см. ниже, въ ст. 19.

Архіепископъ Вильгельмъ Тирскій.

Belli sacri historia, libri XXIII.—Кн. II и III.

О Вильгельмѣ Тирскомъ и его сочиненіяхъ см. ниже, въ примѣч. къ ст. 41.

12.—Свиданіе императора Алексѣя Комнена съ Боэмундомъ Тарентскимъ 1096 г.

(Около 1140 г.).

О ДѢЯНІЯХЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСѢЯ КОМНЕНА,

дочери его Анны Порфирородной,

или

АЛЕКСІАДА.

Прологъ.

1. Время, какъ стремительный и безпрерывный потокъ, опрокидываетъ и уноситъ за собою все совершающееся на землѣ: оно погружаетъ въ пучину забвенія и ничтожное, и великое, достопамятное; какъ въ трагедіи, оно выводитъ наружу сокровенное и извѣстное покрываетъ мракомъ. Но слову исторіи, какъ твердѣйшій оплотъ,

останавливаетъ этотъ потокъ времени, преграждаетъ путь его стремительному паденію и, сохраняя въ памяти совершенныя дѣянія, хранитъ ихъ и спасаетъ отъ забвенія. Размышляя о всемъ этомъ, я, АННА, дочь императоровъ, Алексѣя и Ирины, вознамѣрилась описать въ этихъ книгахъ дѣянія своего отца, которыя, конечно, не заслуживаютъ быть унесенными потокомъ времени въ море забвенія, и притомъ какъ тѣ, которыя онъ совершилъ по вступленіи на престолъ, такъ и все то, что было имъ сдѣлано до того времени, при другихъ императорахъ. Я была порфирородною (т.-е. родилась по вступленіи на престолъ отца) и получила такое воспитаніе, что не только научилась грамотѣ, но и могла отлично владѣть самымъ образованнымъ греческимъ языкомъ; не пренебрегала также и риторическими упражненіями; читала произведенія Аристотеля и разговоры Платона, и вообще укрѣпила свой умъ четырьмя главными науками. Не изъ хвастовства, но для объясненія дѣла, я говорю столь открыто о всемъ, чѣмъ я обязана таланту и изученію наукъ, что ниспослано мнѣ свыше и что я пріобрѣла, пользуясь благопріятными обстоятельствами.

2. Я хочу писать, впрочемъ, не съ тою цѣлію, чтобы представить образчикъ своей учености, но чтобы не лишить потомства свѣдѣній о столь важной эпохѣ; самыя великія событія, если они не были записаны, покрывались молчаніемъ и мракомъ. Мой отецъ былъ, какъ то видно изъ самыхъ его дѣяній, человѣкъ умѣвшій повелѣвать и выслушивать повинующихся, насколько то слѣдовало. Но, принимаясь за описаніе его дѣяній, я опасаюсь заслужить упрекъ и укоризну: быть можетъ, кто-нибудь подумаетъ, что въ своихъ разсказахъ объ отцѣ я намѣрена служить своему домашнему дѣлу, и приметъ мою исторію за панегирикъ, если я буду изумляться величію его подвиговъ. Если же мнѣ придется о чемъ-нибудь отозваться дурно, безъ желанія оскорбить отца, а потому, что того потребуетъ дѣло, то боюсь опять, что злые языки укажутъ мнѣ на примѣръ Хама, сына Ноя, и сдѣлаютъ меня, какъ сказалъ Гомеръ, безъ вины виноватою. Но тотъ, кто принялъ на себя обязанности историка, не долженъ поселять ни ненависти, ни дружбы, хвалить враговъ, гдѣ того потребуетъ дѣло, и по необходимости упрекать самыхъ близкихъ людей, если ихъ ошибки вызываютъ на то. А потому слѣдуетъ друзей обвинять и враговъ хвалить, не колеблясь. Впрочемъ, я приглашаю успокоиться и тѣхъ, которые будутъ мною оскорблены, и тѣхъ, кому придется мнѣ угодить, потому что я намѣрена ссылаться на показанія самихъ очевидцевъ, которыми я пользовалась: всѣ живущіе нынѣ, и отцы, и дѣды, видѣли описанное мною своими глазами.

Въ двухъ послѣднихъ главахъ Пролога Анна объясняетъ еще одну причину, побудившую ее взяться за біографію отца, а именно, то, что ея мужъ, Никифоръ Бріеннскій, предпринялъ уже описать дѣянія Алексѣя Комнена, и началъ съ императора Діогена, когда первому было еще 14 лѣтъ отъ роду, но довелъ свой трудъ до Никифора Ботаніата, и умеръ, не успѣвъ перейти къ главному предмету; такимъ образомъ, Анна рѣшилась исполнить волю покойнаго мужа. Объяснивъ это обстоятельство, Анна предается лирическому описанію достоинствъ своего отца и того горя, которымъ она исполнилась, вслѣдствіе его смерти.

Въ первыхъ *девяти* книгахъ своей „Алексіады“ Анна Комнена описываетъ молодость своего отца, его службу при своихъ предшественникахъ, начиная съ императора Діогена (1068 г.), когда Алексѣю было уже 14 лѣтъ; потомъ, вступленіе его на престолъ и наконецъ первый періодъ правленія, отъ 1081 до 1096 г., когда появились первые крестоносцы. Эта часть сочиненія Анны наполнена цѣлымъ рядомъ войнъ Алексѣя, который открылся борьбою съ итальянскими норманнами, принявшими сторону самозванца Михаила, выдававшаго себя за императора Михаила VII, свергнутаго предшественникомъ Алексѣя, Никифоромъ Ботаніатомъ. Война съ норманнами въ Италіи перемежалась борьбою съ турками сельджуками въ Малой Азіи, и къ 1095 г. положеніе Имперіи было столь стѣснительно, что Алексѣй думалъ даже воспользоваться движеніемъ крестоносцевъ, чтобы поддержать свою власть. Вслѣдствіе того, Анна Комнена, въ *десятой* книгѣ, обращается къ исторіи крестовыхъ походовъ и излагаетъ ихъ, хотя съ своей исключительной византійской точки зрѣнія, рѣдко сохраняя безпристрастіе, о которомъ было говорено ею въ Прологѣ, но съ такими подробностями, которыя могли броситься въ глаза только иноземному наблюдателю.

Книга десятая.

Начало этой книги посвящено опять внутренней исторіи Византіи въ эпоху, непосредственно предшествующую крестовымъ походамъ, слѣдовательно въ послѣдніе годы XI столѣтія. Между прочимъ, Анна Комнена описываетъ борьбу своего отца съ новымъ самозванцемъ, Лжедіогеномъ, вовлекшую его въ войну съ половцами, къ которымъ бѣжалъ Лжедіогенъ; по окончаніи войны съ половцами, императоръ ушелъ въ Виѳинію для отраженія турокъ; едва онъ успѣлъ возвратиться оттуда въ Византію, чтобы отдохнуть отъ послѣднихъ трудовъ, какъ пришелъ слухъ о какомъ-то движеніи на Западѣ: это и были приготовленія къ крестовымъ походамъ, заставившія и Анну Комнену обратить все свое вниманіе на такое новое явленіе въ исторіи Византіи.

Когда императоръ Алексѣй отдыхалъ отъ своихъ великихъ трудовъ (т.-е. борьбы съ самозванцемъ, съ половцами и турками), до него дошла молва, переходившая изъ устъ въ уста, о томъ, что идетъ безчисленное войско франковъ (τῶν Κελτῶν). Это извѣстіе не было пріятно Алексѣю, который съ справедливою боязнью смотрѣлъ на этотъ подозрительный народъ. Пріобрѣтя достаточную опытность въ борьбѣ съ Робертомъ (т.-е. Гвискаромъ), онъ зналъ крайнюю запальчивость франковъ, легкость, съ которою они рѣшаются на что-нибудь и снова измѣняютъ свои намѣренія, и ихъ чрезвычайную вкрадчивость; подобныя и другія качества, какъ даръ природы, этотъ народъ несетъ съ собою безотлучно, въ какую бы страну онъ ни являлся; а потому Алексѣй основательно страшился оскорбленій съ его стороны для своего государства. Предусмотрительность императора и его страхъ оправдывались и общественною молвою, всегда заключающею въ себѣ долю истины; сверхъ того, что онъ самъ зналъ по опыту, о франкахъ говорили повсюду, что они умѣютъ сплетать козни, а если и заключатъ договоръ, то нарушатъ его подъ самыми ничтожными предлогами. По всѣмъ этимъ причинамъ, императоръ не только не

дремалъ въ виду подобныхъ обстоятельствъ, но повелѣлъ тщательно вооружить войско и обучать его, чтобы имѣть въ готовности армію на всякій случай. Впослѣдствіи дѣло показало, что весь этотъ страхъ былъ не лишенъ основанія. Дѣйствительно, въ то время подвинулся весь Западъ, то-есть, всѣ варварскіе народы, живущіе отъ Адріатическаго моря до Геркулесовыхъ-Столповъ; цѣлая Европа, неожиданно воспрянувъ съ своего сѣдалища, обрушилась на Азію. Вотъ поводъ или причина такого движенія народовъ. Нѣкто, родомъ франкъ, по имени Петръ, а по прозвищу *Кукупетръ* (Κουκούπετρος — Петръ-Кукушка, названъ такъ по капишону, который онъ носилъ на головѣ), предпринявъ еще въ прежнее время пилигримство для поклоненія св. Гробу, испыталъ на пути тяжкія оскорбленія со стороны турокъ и сарацинъ, и едва могъ возвратиться въ отечество. Вспоминая объ обидахъ, нанесенныхъ невѣрными, которые воспрепятствовали ему исполнить долгъ религіи, онъ рѣшился снова предпринять неудавшееся дѣло, но съ большими средствами и усиліями. Наученный опытомъ своихъ бѣдствій, онъ не рѣшился отправиться въ путь одинъ, какъ прежде, но возъимѣлъ благоразумную мысль собрать около себя толпу. Онъ началъ проповѣдывать по всѣмъ латинскимъ странамъ, что его послалъ Богъ ко всѣмъ князьямъ франковъ; что по волѣ господней всѣ должны, оставивъ родину, спѣшить на поклоненіе св. Гробу; и что потому необходимо исторгнуть священный городъ Іерусалимъ изъ рукъ невѣрныхъ агарянъ. Его проповѣдь имѣла такой успѣхъ, какого никто не могъ ожидать. Франки были потрясены его голосомъ; всѣ горѣли однимъ желаніемъ и отвсюду стекались съ оружіемъ, лошадьми и другими военными припасами. Какая удивительная готовность и какой жаръ! Общественныя дороги покрылись собиравшимся со всѣхъ концовъ народомъ. Сверхъ полковъ и отрядовъ франкскихъ, шла безоружная чернь, превышая своимъ числомъ песокъ и звѣзды, съ женами и дѣтьми. Они носили на плечахъ красные кресты; это было знаменіе и вмѣстѣ военное отличіе. Войска сходились и сливались вмѣстѣ, какъ воды рѣкъ стекаются въ одинъ бассейнъ. Приходившіе къ намъ слѣдовали обыкновенно чрезъ Дакію. Имъ, такъ сказать, указывала путь саранча, которой они равнялись по числу и которая имъ предшествовала на большомъ разстояніи. Но въ этой саранчѣ было удивительно то, что она щадила жатву и истребляла виноградники. Гадатели объясняли это такъ, что франки будутъ вредны однимъ сарацинамъ, преданнымъ пьянству и поклоненію Бахусу и Венерѣ; но они пощадятъ христіанъ, воздержанію которыхъ служитъ символомъ хлѣбъ.

Послѣ того Анна Комнена подробно разсказываетъ походъ Петра, его пораженіе, прибытіе Готфрида Бульонскаго; ссору латинъ съ греками въ Византіи; говоритъ о томъ, какъ Готфридъ наконецъ далъ присягу императору Алексѣю, и какъ императоръ, видя приближеніе новыхъ отрядовъ, а между прочимъ и отряда итальянскихъ норманновъ подъ предводительствомъ своего личнаго врага Боэмунда Тарентскаго, рѣшился принудить всѣхъ крестоносцевъ дать ему подобную же присягу.

Императоръ (видя многочисленность крестоносцевъ) началъ заботиться о томъ, чтобы и прочіе герцоги и графы дали ему присягу, подобную той, которая была незадолго передъ тѣмъ дана ему Готфридомъ (Бульонскимъ). Въ надеждѣ на это, онъ призывалъ ихъ къ себѣ по-одиночкѣ и, бесѣдуя съ ними, употреблялъ различныя средства; одни оказались сговорчивыми, но другіе упорствовали и всѣ его старанія были напрасны: князья поджидали Боэмунда и весьма разсчитывали на него. Но они скрывали такую причину своей медлительности и не высказывали ея. Между тѣмъ, латины придумывали различныя новыя требованія и предъявляли ихъ императору въ надеждѣ выиграть время, пока будутъ идти споры. Но императоръ, котораго трудно было обмануть, понялъ и разгадалъ все: различными мѣрами дѣйствуя на каждаго по-одиночкѣ, онъ успѣлъ наконецъ склонить въ свою пользу всѣхъ франкскихъ князей, чему много содѣйствовалъ примѣръ Готфрида. Для Готфрида было важно то, чтобы ихъ упорство не обратилось въ осужденіе его собственнаго поступка, и потому хотя онъ уже отплылъ впередъ до Пеликана, но возвратился назадъ, чтобы присутствовать при присягѣ латинскихъ князей. Когда всѣ собрались для этой церемоніи во дворецъ и дали присягу, какой-то латинскій графъ, вѣроятно благороднаго происхожденія, взойдя на императорскій тронъ, сѣлъ на него. Къ нему подошелъ Балдуинъ, графъ (Фландрскій), и, взявъ за руку оскорбителя царскаго трона, съ бранью сказалъ: „Какъ ты смѣешь, поступивъ на службу и давъ присягу императору, и слѣдовательно признавъ его своимъ господиномъ, сѣсть теперь съ нимъ рядомъ? Развѣ ты не знаешь, что римскіе императоры не имѣютъ обычая раздѣлять трона съ людьми, которые служатъ имъ и считаютъ себя ихъ подданными? Если и не это, то вообще слѣдуетъ держаться правилъ той страны, въ которой живешь". Выслушавъ это, онъ не отвѣтилъ ничего Балдуину; но, взглянувъ сердито на императора, проворчалъ на своемъ языкѣ, что̀ въ переводѣ на нашъ языкъ значитъ: „Вотъ мужикъ-то (χωρίτης): сидитъ себѣ одинъ, въ то время, когда такіе знаменитые герцоги стоятъ предъ нимъ!" Движеніе губъ его не скрылось отъ императора; подозвавъ къ себѣ переводчика и услышавъ сказанное тѣмъ графомъ, онъ ничего не замѣтилъ ему; но когда, по окончаніи присяги, графы начали уходить и прощаться съ императоромъ, Алексѣй подозвалъ къ себѣ того дерзкаго и безстыднаго латина и спросилъ его, кто онъ, откуда и гдѣ родился. На это латинъ отвѣчалъ: „Я родомъ истый франкъ (Φράγγος), происхожденія благороднаго, и знаю только одно: въ моемъ отечествѣ, на распутьѣ, стоитъ церковь, построенная еще въ древности; кто желаетъ отыскать себѣ противника для поединка, идетъ туда, молится и ждетъ, пока явится кто-нибудь, чтобы помѣряться съ нимъ. Я долго стоялъ на этомъ распутьѣ, и не нашлось никого, кто осмѣлился бы принять мой вызовъ". Выслушавъ это, императоръ отвѣчалъ: „Тогда ты, отыскивая непріятеля, не нашелъ никого, но теперь тебѣ предстоитъ боевое время, и ты будешь имѣть въ волю противниковъ. Но если ты хочешь меня послушать, то не становись ни въ заднихъ, ни въ переднихъ рядахъ войска, которыя дѣйствуютъ копьемъ; я знаю по опыту военные пріемы

турокъ. И то, и другое мѣсто опасно; ты же укройся въ серединѣ, гдѣ, окруженный своими, будешь спасенъ отъ непріятельскихъ ударовъ“ [1]). Алексѣй далъ такой полезный совѣтъ не только ему одному, который того не стоилъ, но и другимъ разсказывалъ, что ихъ ожидаетъ въ походѣ, и особенно убѣждалъ не преслѣдовать турокъ въ случаѣ побѣды, ибо они весьма искусны въ устроеніи засадъ. Но довольно о Готфридѣ, Раулѣ (одинъ изъ его спутниковъ) и ихъ сподвижникахъ.

Между тѣмъ, Боэмундъ (Тарентскій) вмѣстѣ съ прочими графами присталъ къ Апру (греческому городу); сознавая, что онъ не можетъ равняться съ прочими князьями франкскими своимъ происхожденіемъ и не имѣетъ довольно денегъ, чтобы содержать большую армію, онъ для восполненія такихъ недостатковъ рѣшился сблизиться съ императоромъ и прибылъ въ Константинополь впередъ, сопровождаемый только десятью франками; прочихъ же графовъ оставилъ позади себя. Императоръ, зная хорошо нравы этого человѣка и его умъ, скрытный и преисполненный козней, также желалъ переговорить съ нимъ отдѣльно отъ прочихъ, прежде, нежели прибудутъ другіе графы, чтобы вывѣдать въ разговорѣ его тайныя намѣренія и затаенные помыслы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ требовать отъ Боэмунда переправы его войскъ до прибытія прочихъ, опасаясь, что, по извѣстной своей злобѣ, онъ можетъ въ соединеніи съ другими причинить вредъ императору. При появленіи Боэмунда, Алексѣй ласково принялъ его и разспрашивалъ о совершенномъ имъ пути и о томъ, гдѣ онъ оставилъ своихъ сподвижниковъ. Получивъ отъ него на все желаемый отвѣтъ, императоръ старался дружескою рѣчью уничтожить воспоминаніе о дѣлахъ подъ Дирраxіумомъ и Лариссою, о ихъ войнахъ и прежней враждѣ. При этомъ, тотъ коварный хитрецъ говорилъ: „Признаюсь, тогда я былъ твоимъ враговъ и дѣйствовалъ непріязненно; но теперь я являюсь къ вамъ какъ вѣрный другъ вашего величества, и, что всего важнѣе, такимъ и останусь на будущее время“. Императоръ продолжалъ его испытывать на разныхъ предметахъ и, переговоривъ о многомъ, выразилъ свое удовольствіе. Условившись достаточно о присягѣ, императоръ сказалъ ему наконецъ: „Впрочемъ не желаю тебя удерживать дальнѣйшею бесѣдою: ты съ дороги усталъ; потому иди и позаботься объ отдыхѣ; намъ будетъ еще время поговорить“. Отправившись въ часть города св. Космы, гдѣ ему приговили пристанище, онъ нашелъ столъ богато убранный и уставленный всякаго рода яствами. Послѣ того къ Боэмунду явились повара и кондиторы, по приказанію императора, и представили ему огромное количество сырого мяса и птицы домашней и лѣсной, говоря при этомъ: „Мы изготовили все, чтó ты видишь на столѣ, сообразно своему искусству и обычаю своей страны; но если ты привыкъ ѣсть иначе, то тебѣ не понравятся наши приправы; потому вотъ тебѣ сырая пища, и пусть ее изготовятъ по твоему вкусу, кому ты прикажешь“. Такъ распорядился императоръ, от-

---

[1]) Впослѣдствіи Анна Комнена замѣчаетъ съ удовольствіемъ, что этотъ дерзкій латинъ былъ убитъ при Дорилеѣ; на этомъ основаніи полагаютъ, что это былъ Робертъ, графъ Парижскій.

личавшійся необыкновеннымъ умѣньемъ обращаться съ людьми. Постигая замыслы людей по одному выраженію ихъ лица и по тѣлодвиженію, онъ тотчасъ понялъ всю хитрость и подозрительность характера Боэмунда, и предвидѣлъ, что если ему будетъ предложена пища людьми императора, бывшаго его врага, то онъ изъ опасенія яда не дотронется до нея. Императоръ не обманулся въ своей догадкѣ: Боэмундъ не только не попробовалъ, но и не коснулся пищи концомъ пальца, скрылъ подозрѣніе подъ предлогомъ любезности и роздалъ все приготовленное тѣмъ, которые его окружали. По истинѣ, онъ оказалъ небольшую услугу своимъ, угостивъ ихъ пищею, по его мнѣнію, отравленною. Впрочемъ, онъ не долго скрывалъ свое коварство, какъ человѣкъ самоувѣренный и презирающій всѣхъ; когда онъ наѣлся мяса, изготовленнаго его поварами по отечественному обычаю, то на слѣдующій день спросилъ у своихъ: каково ихъ здоровье послѣ вчерашняго угощенія? Они отвѣчали, что чувствуютъ себя превосходно и совершенно здоровы. „А я, говорилъ онъ, сознаваясь въ своемъ коварствѣ, припомнилъ прежнія войны съ императоромъ, когда я обратилъ его въ бѣгство, и потому не хотѣлъ ѣсть изготовленнаго по его же приказанію, опасаясь найти въ пищѣ ядъ“. Сказать это было неблагоразумно; онъ показалъ тѣмъ большое пренебреженіе къ своимъ, и могъ быть изъ мести выданъ ими или оставленъ; при всей своей хитрости, Боэмундъ поступилъ тогда весьма оплошно. Впрочемъ рѣдко, какъ я замѣтила сама изъ продолжительнаго опыта, безчестные люди думаютъ или дѣйствуютъ правильно; мудрые люди справедливо говорили, что кто отступаетъ отъ добродѣтели, для того не опасна никакая крайность, ибо онъ во всякомъ случаѣ далекъ отъ всего честнаго. Не смотря, однако, на то, императоръ, призвавъ къ себѣ Боэмунда, потребовалъ отъ него такой же присяги, какъ и отъ прочихъ латинъ. Боэмундъ нисколько не колебался и не медлилъ; но не знаю почему: потому ли, что, считая свое происхожденіе менѣе знатнымъ и не имѣя ни богатствъ, ни большой дружины, онъ не видѣлъ причины уклоняться отъ того, на что согласились болѣе важные князья франковъ; или онъ, какъ человѣкъ, воспитанный въ презрѣніи къ религіи, и отъ частыхъ повтореній сдѣлавшійся вѣроломнымъ по природѣ, считалъ смѣшнымъ долго отказываться отъ присяги. Но императоръ, видя такую готовность съ его стороны дать присягу, далъ ему новыя доказательства своего расположенія. А именно, онъ повелѣлъ наполнить одну комнату во дворцѣ богатствами до того, чтобы весь полъ былъ покрытъ монетами, ожерельями и рѣдкими пурпуровыми тканями; стѣны же завѣсить до потолка драгоцѣнными одеждами, золотомъ, серебромъ и всякаго рода блестящимъ металломъ; приказано было наносить такое множество вещей, чтобы нельзя было ступить, изъ боязни затоптать ногами ту или другую драгоцѣнность. Отдавъ приказъ сопровождать Боэмунда, какъ гостя, при осмотрѣ дворца, императоръ повелѣлъ ввести его, между прочимъ, и въ ту комнату, и сдѣлать все это такъ, чтобы вызвать сначала его изумленіе; онъ хотѣлъ ослѣпить его неожиданностью, и не ошибся въ разсчетѣ. Пораженный нечаяннымъ зрѣлищемъ, Боэмундъ могъ только произнести слѣдующее: „Еслибы я былъ господиномъ всѣхъ этихъ бо-

гатствъ, то уже давно покорилъ бы своей власти многіе города и страны". На это ему отвѣчалъ проводникъ: „Это все твое Боэмундъ; императоръ даритъ тебѣ это сегодня отъ своихъ щедротъ". Боэмундъ принялъ подарокъ съ радостью и много благодарилъ. Но послѣ, когда онъ пришелъ въ себя, возвратясь домой, и увидѣлъ предъ собою носильщиковъ, доставившихъ ему дары, этотъ хитрецъ почувствовалъ стыдъ отъ своего корыстолюбія и, какъ бы сожалѣя о выраженномъ имъ изумленіи, воскликнулъ: „Я никогда не думалъ, что императоръ можетъ такъ оскорбить меня. Отнесите все это тому, кто васъ прислалъ". Императоръ, зная непостоянство латинъ, съ улыбкою повторилъ народную поговорку: „Зло обращается на своего виновника", и приказалъ отнести все снова къ Боэмунду, который на этотъ разъ былъ спокойнѣе и благосклонно принялъ отъ носильщиковъ дары, которыми онъ только-что пренебрегалъ. Но это не было съ его стороны легкомысліе или непостоянство, а скорѣе обдуманная хитрость не рѣшаться вдругъ ни на что. Я замѣтила въ этомъ человѣкѣ два отличительныя качества: хитрость и отвагу, которыми онъ превышалъ всѣхъ проходившихъ чрезъ Константинополь латинскихъ князей настолько же, насколько онъ уступалъ имъ богатствомъ и численностью своихъ войскъ...

Между тѣмъ, императоръ, наградивъ франковъ дарами и осыпавъ почестями, обратился къ нимъ съ рѣчью, такъ какъ они торопились отъѣздомъ, и возсѣлъ на престолъ. Подозвавъ Боэмунда и всѣхъ графовъ, онъ бесѣдовалъ съ ними о многихъ предметахъ относительно ихъ похода: о способѣ войны съ турками, о нравахъ и искусствѣ этого народа и о ихъ военныхъ пріемахъ; научилъ, какъ нужно быть осторожнымъ съ ихъ хитростями; какъ строить противъ нихъ войско и дѣлать засады; совѣтовалъ не преслѣдовать ихъ, если они обращаются съ умысломъ въ бѣгство; все это онъ изложилъ имъ дружески, на основаніи собственнаго опыта, пріобрѣтеннаго въ частыхъ войнахъ съ турками. Императоръ надѣялся, что и подарки, и его совѣты могутъ внушить къ нему дружбу или уваженіе этому варварскому и враждебному племени. Послѣ того, онъ отпустилъ всѣхъ и дозволилъ имъ отплыть, удержавъ при себѣ одного Зангеллу. Императоръ любилъ его предъ всѣми, за его благоразуміе, откровенность и удивительную чистоту нравовъ и жизни: никакими дарами нельзя было склонить его къ обману или ко лжи. Эти добродѣтели, которыми Зангелла отличался предъ всѣми латинами, какъ солнце предъ звѣздами, дѣлали его любезнымъ Алексѣю, и онъ потому удержалъ его при себѣ, между тѣмъ какъ прочіе прощались и уходили. Когда другіе переплыли Пропонтиду и пристали къ Доманію, императоръ бесѣдовалъ съ нимъ и разсуждалъ о томъ, чего ожидаетъ онъ отъ латинъ. Даже онъ дошелъ до такой откровенности, что, высказавъ все свое подозрѣніе относительно ихъ, открылъ ему совершенно всѣ врата своей души; онъ просилъ его помощи и совѣта противъ злыхъ умысловъ Боэмунда, чтобы отъ козней и вѣроломста этого князя не потерпѣла имперія. Зангелла отвѣчалъ на это императору такъ: „Боэмундъ отъ отцовъ наслѣдовалъ коварство и вѣроломство, а потому было бы удивительно, еслибы онъ на этотъ разъ не измѣнилъ

клятвѣ. Я же съ своей стороны, насколько могу, не оставлю тебя и съ вѣрностью позабочусь о томъ, чтобы онъ исполнилъ свои обязанности". Сказавъ это, онъ удалился и, откланявшись императору, пошелъ на соединеніе съ прочими войсками франковъ. Сначала и императоръ имѣлъ намѣреніе самъ отправиться вмѣстѣ съ франками и идти съ ними на варваровъ; но, опасаясь многочисленности ихъ войскъ, счелъ удобнѣе дойти до Пеликана и оставаться тамъ; а оттуда ему было легче и скорѣе знать, что происходитъ у франковъ и что замышляютъ турки, какъ въ крѣпости, такъ и внѣ ея, ибо Пеликанъ находился по сосѣдству съ Никеею. Онъ не считалъ достойнымъ своей славы, ни даже безопаснымъ, оставаться спокойно дома, не выходить въ поле и не воспользоваться такимъ образомъ тѣмъ или другимъ случаемъ, чтобы получить Никею прямо отъ варваровъ; онъ желалъ овладѣть этимъ городомъ такъ, чтобы ему уступили сами варвары, а не франки, не смотря на то, что послѣдніе обязались передать императору все, что они покорятъ. Но эту мысль императоръ не высказывалъ никому, и кромѣ Бутумита никто не зналъ, чего хочетъ императоръ и почему онъ такъ дѣйствуетъ. Этого Бутумита Алексѣй давно уже зналъ, какъ человѣка самаго надежнаго и самаго расположеннаго къ себѣ, притомъ весьма дѣятельнаго и особенно способнаго для предпріятій подобнаго рода. Ему было поручено вступить въ сношеніе съ варварами, обѣщавъ имъ полную безопасность и неприкосновенность, и въ то же время искусно грозить преувеличенными бѣдствіями, которыя ихъ будто бы ожидаютъ въ случаѣ, если городъ будетъ взятъ франками. Все это какъ было сначала задумано, такъ впослѣдствіи и исполнено.

Въ XI книгѣ авторъ излагаетъ всю исторію перваго крестоваго похода: взятіе Никеи, Антіохіи, Іерусалима; избраніе Готфрида, его правленіе и смерть; вступленіе на престолъ его брата, Балдуина I, и начало войнъ императора съ турками, а потомъ и съ крестоносцами.

Въ XII, XIII и XIV книгахъ разсказывается дальнѣйшая борьба Алексѣя съ латинами въ Сиріи и Италіи, перемежавшаяся войнами съ сѣверными народами; наконецъ, въ XV книгѣ изложена послѣдняя война Алексѣя съ турками, которые должны были просить мира, и внутренняя борьба съ сектою богумиловъ, за уничтоженіемъ которой вскорѣ послѣдовала смерть императора Алексѣя, 1118 года.

Анна Комнена.

'Αλεξίας. Кн. X.

Порфирородная цесаревна Анна Комнена (Ἄννα ἡ Κόμνηνα Πορφυρογεννήτης Καισαρίσσα) родилась 1 декабря 1083 г. и умерла въ 1148 г. Она была дочь императора Алексѣя Комнена и Ирины. Въ своемъ прологѣ, Анна говоритъ сама о полученномъ ею отличномъ образованіи (см. выше, на стр. 153) и о своей наклонности къ исторической литературѣ, которую она могла получить отъ своего мужа, Никифора Бріеннскаго, любимца ея отца. Никифоръ началъ уже писать исторію правленія Алексѣя, но не дошелъ до его времени, и Анна рѣшилась осуществить намѣреніе своего мужа. По смерти отца, Анна, увле-

ченная честолюбіемъ, хотѣла возвести Никифора на престолъ, въ ущербъ правамъ своего брата Іоанна, но ея попытка не удалась, и она должна была лишиться всякаго значенія при дворѣ и заняться исключительно литературою. Плодомъ ея литературныхъ трудовъ и была „Алексіада“, панегерикъ отцу, въ XV книгахъ. Какъ дочь и какъ женщина, оскорбленная въ своемъ честолюбіи преемникомъ отца, Іоанномъ, она постаралась преувеличить значеніе времени Алексѣя, и по той же причинѣ въ исторіи перваго крестоваго похода изобразила и его, и дворъ самыми блестящими красками, въ противоположность съ латинскими варварами, о которыхъ она постоянно отзывается съ презрѣніемъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ лицо постороннее, въ отношеніи описываемаго предмета, она обнаружила большую наблюдательность и занесла въ свой трудъ многія черты, дополняющія собою извѣстія латинскихъ писателей. Сверхъ того, ея „Алексіада“ замѣчательна по своему классическому изложенію и превосходному языку. *Изданія*: полное съ латинскимъ переводомъ сдѣлалъ *Possinus*. Par. 1651; такое же помѣщено въ Corpus hist. Byzant. Bonn. 1839, т. XXXVI (только первыя девять книгъ).—*Переводы*: франц. *Cousin*. Par. 1655; и нѣм. въ Schiller's histor. Memoir. Bd. 1 u. 2.—*Изслѣдованія*: *Wilken*, Rerum ab Alexsio I etc. gestarum libri IV. Heidelb. 1811; *Wilmens*, Anna Comnena verglichen mit Guillelm. Apul.—въ Pertz' Archiv. X, стр. 93 и слѣд.

13.—Походъ Роберта Нормандскаго чрезъ Италію и Византію до Никеи. 1096 г.

(Въ 1127 г.).

Прологъ.

Для живыхъ наслажденіе и выгода для усопшихъ—если будутъ читаться описанія дѣяній доблестныхъ мужей, особенно тѣхъ, которые сражались за Бога, или разсказываться посреди вѣрныхъ то, что сохранено о томъ въ памяти; ибо оставшіеся въ живыхъ на землѣ еще болѣе воодушевятся ревностью и любовью къ Богу, когда узнаютъ благочестивые подвиги вѣрующихъ, своихъ предшественниковъ, и то, что они оставили, презирая мірскими почестями, своихъ родителей, женъ и имущества, какъ бы они ни были велики, съ цѣлью прилѣпиться къ Богу и идти за нимъ по правиламъ Евангелія. А выгода для усопшихъ состоитъ въ томъ, что вѣрующіе, при разсказѣ о ихъ достославныхъ и благочестивыхъ подвигахъ, благословятъ ихъ память и, не зная ихъ, станутъ ихъ именемъ раздавать милостыню съ молитвой. Вотъ почему, побужденный нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, я рѣшился однажды составить или изложить въ порядкѣ исторію знаменитыхъ дѣяній франковъ, совершенныхъ ими во хвалу божію, когда они, по повелѣнію господню, отправились съ оружіемъ въ рукахъ для странствованія въ Палестину. Правда, я разсказываю все, что заслуживаетъ памяти, грубымъ слогомъ, но

правдивымъ, какъ могу и какъ я видѣлъ то своими глазами. Конечно, я не смѣю сравнивать подвиги нашихъ пилигримовъ съ знаменитыми дѣяніями израильтянъ, Маккавеевъ и иныхъ, прославленныхъ Богомъ въ изумительныхъ чудесахъ; но я считаю ихъ немного ниже, ибо и среди нихъ совершались чудеса господни, которыя я и предпринялъ разсказать. И дѣйствительно, чѣмъ отличаются отъ подвиговъ Израиля, или Маккавеевъ, дѣянія тѣхъ, которые и въ ихъ землѣ, и въ странахъ отдаленныхъ, изъ любви къ Христу, были изувѣчены, распяты, задушены, пронзены стрѣлами или разрублены на куски, и погибли среди всякаго рода мученій, не сдавшись ни на угрозы, ни на ласки? Можно сказать, что изъ любви къ Христу многіе изъ нашихъ были бы не прочь отъ смерти, еслибы мечъ палачей самъ не утомился. О, сколько тысячъ мучениковъ погибли счастливою смертью во время этого похода! Какое же сердце будетъ настолько каменнымъ, чтобы, при разсказѣ о такихъ божественныхъ подвигахъ, не испустить благоговѣйнаго вздоха и не воздать хвалы Богу? Кому не будетъ удивительно, что мы, ничтожный народъ, посреди столь враждебныхъ странъ, могли не только сопротивляться имъ, но и сохранить существованіе? Кто слыхалъ о чемъ-нибудь подобномъ? Съ одной стороны, Египетъ и Эѳіопія; съ другой—Аравія, Халдея, Сирія; тутъ—Ассирія и Лидія; тамъ—Парѳія и Месопотамія; а тамъ—Персія и Скиѳія. Пространное море отдѣляло насъ отъ христіанства и предавало, еслибы Господь то попустилъ, въ руки нашихъ палачей; но мощная десница Всевышняго милосердно защитила насъ. Счастливъ народъ, котораго Господь есть Богъ! Послѣдующая исторія объяснитъ форму и планъ настоящаго труда, и покажетъ, какимъ образомъ все населеніе Запада, подвигнутое къ предпріятію такого дальняго странствованія, отдалось ему всецѣло съ головою и руками.

Первую главу авторъ начинаетъ, какъ и бо̀льшая часть историковъ той эпохи, съ описанія Клермонтскаго Собора, приводитъ весьма длинную рѣчь Урбана II и объясняетъ, почему папа, задержанный борьбою съ своимъ противникомъ Гвибертомъ Равеннскимъ, котораго защищалъ императоръ Генрихъ IV, не могъ не принять личнаго участія въ первомъ крестовомъ походѣ.

II. Въ 1096 году отъ воплощенія господня, въ мѣсяцѣ мартѣ, который послѣдовалъ за Овернскимъ соборомъ (т.-е въ Клермонтѣ), о чемъ говорилось выше, и который происходилъ въ мѣсяцѣ ноябрѣ, тѣ, кто успѣлъ скорѣе собраться, начали свой походъ; другіе послѣдовали въ мѣсяцѣ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ или іюлѣ, и даже въ августѣ, сентябрѣ и, наконецъ, въ октябрѣ, смотря потому, какъ было имъ удобно или какъ кто успѣлъ собрать деньги. Въ этомъ году всѣ страны земли наслаждались миромъ и изобиловали хлѣбомъ и виномъ. Такъ было угодно Богу, чтобы принявшие крестъ, сообразно его повелѣніямъ, и послѣдовавшие за его знаменемъ не погибли въ дорогѣ отъ недостатка хлѣба. Было бы излишне по этому случаю перечислять тщательно имена всѣхъ вождей пилигримовъ. Я приведу только сначала *Гуго Великаго*, брата Филиппа (I), короля француз-

скаго; бывъ первымъ изъ всѣхъ этихъ героевъ, онъ переплылъ море и высадился вмѣстѣ съ своими людьми около Дураццо, города Булгаріи; но, имѣвъ неосторожность приблизиться къ этому мѣсту въ сопровожденіи небольшой дружины, онъ былъ схваченъ жителями и препровожденъ къ императору Константинополя, который держалъ его нѣкоторое время въ городѣ, не давая ему полной свободы. Послѣ него отправился *Боэмундъ Апульскій* (т.-е. Тарентскій), сынъ Роберта Гвискара, родомъ норманнъ, тою же дорогой. *Готфридъ, герцогъ Лотарингскій*, пошелъ, во главѣ многочисленной арміи, по Венгріи. *Раймундъ Провансальскій* (т.-е. Тулузскій), съ готами и басками, и *епископъ Пюи* (т.-е. Адемаръ) прошли по Славоніи. Нѣкто *Петръ Пустынникъ*, сопровождаемый толпою пѣшихъ людей, но съ малочисленною конницею, еще прежде направился на Венгрію; это войско было впослѣдствіи предводительствуемо *Вальтеромъ Безденежнымъ*, превосходнымъ рыцаремъ, который потомъ былъ убитъ турками, вмѣстѣ со многими изъ своихъ спутниковъ, между городами Никомидіею и Никеею, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. *Робертъ*, графъ Нормандіи и сынъ Вильгельма (I), короля Англіи, пустился въ походъ, собравъ предварительно большую армію изъ норманновъ, англовъ и бретоновъ; вмѣстѣ съ нимъ шелъ еще *Стефанъ графъ Блоа*, сынъ Тибо, и *Робертъ графъ Фландрскій*; къ нимъ присоединилось множество и другихъ знатныхъ людей. Такъ громадно было это сборище, отправившееся изъ западныхъ странъ. Мало-по-малу и ежедневно эта армія разрасталась на дорогѣ новыми арміями, стекавшимися со всѣхъ сторонъ; вся эта масса людей говорила на различныхъ языкахъ и собралась со всѣхъ сторонъ: но она соединилась въ одно цѣлое не раньше нашего прибытія въ Никею.

Что могу еще сказать? всѣ острова, моря и всѣ государства земли были приведены тогда въ движеніе десницею божіею, чтобы такимъ образомъ исполнилось пророчество Давида, сказавшаго въ одномъ изъ своихъ псалмовъ (85, 9): „Всѣ народы, сколько ты сотворилъ, пріидутъ и поклонятся тебѣ, Господи, и прославятъ тебя“; а также для того, чтобы тѣ, которые достигнуть Св. Земли, могли справедливо воскликнуть: „Мы покланяемся тебѣ, Господи, тамъ, гдѣ отпечатлѣлись слѣды ногъ твоихъ“. Впрочемъ, въ пророчествахъ есть много и другихъ мѣстъ, которыми предсказано это святое странствованіе. Но сколько сердецъ надорвалось отъ печали, отъ вздоховъ, пролило слезы и разразилось рыданіями, когда мужъ покидалъ свою возлюбленную жену, своихъ дѣтей, свой домъ, отца, мать, братьевъ и другихъ родственниковъ! И между тѣмъ, когда остававшіеся проливали потоки слезъ въ присутствіи самихъ странниковъ, эти послѣдніе не осмѣливались обнаруживать своихъ чувствъ и, ни мало не колеблясь, оставляли изъ любви къ Господу все, что считается самымъ драгоцѣннымъ, ибо они были убѣждены, что они выиграютъ стократъ, получивъ награду, обѣщанную Господомъ своимъ послѣдователямъ. При послѣднемъ прощаньѣ, мужъ назначалъ женѣ впередъ точное время своего возвращенія, увѣрялъ ее, что, если онъ проживетъ, то еще увидитъ и родину, и ее черезъ три года; препоручалъ жену Всевышнему, нѣжно ее обнималъ и еще разъ обѣщалъ возвратиться; но

жена, опасаясь не увидѣться больше съ мужемъ, удрученная горемъ, не въ состояніи была выдерживать, падала безъ признаковъ жизни на землю и оплакивала своего друга за-живо, такъ какъ будто бы онъ уже умеръ. Можно было подумать, что мужъ не имѣетъ никакой жалости, хотя на дѣлѣ ему было жаль жены: но, тронутый до глубины сердца, онъ, казалось, не обращалъ вниманія ни на жену, ни на дѣтей, ни на самыхъ близкихъ пріятелей; съ душою твердой и непоколебимой онъ пускался въ путь. Горе было удѣломъ остававшихся, а отходившими овладѣвала радость. Чтó на все это сказать? „Отъ Господа было сіе, и дивно въ очахъ нашихъ (Псал. 117, 23)“!

Мы же, западные франки (т.-е. норманны и бретоны), мы прошли всю Галлію и направились въ Италію. Когда мы дошли до Лукки, то встрѣтили у этого города Урбана (II), намѣстника апостоловъ; съ нимъ бесѣдовали герцогъ Робертъ Нормандскій, графъ Стефанъ и всѣ прочіе, кто пожелалъ того. Получивъ его благословеніе, мы пошли радостно по дорогѣ въ Римъ. При нашемъ входѣ въ базилику блаженнаго Петра, мы нашли предъ алтаремъ приверженцевъ Гвиберта, этого безумнаго папы; съ мечемъ въ рукахъ, они отбирали силою приношенія отъ вѣрныхъ на алтарь; другіе же, забравшись на балки, служившія потолкомъ монастыря, бросали сверху внизъ каменья въ то мѣсто, гдѣ мы, смиренно распростершись, молились. Едва они замѣчали кого-нибудь изъ партіи Урбана, какъ ими овладѣвало желаніе задушить его на мѣстѣ. Между тѣмъ въ башнѣ этого монастыря засѣли люди Урбана, охранявшіе ее весьма заботливо изъ преданности къ святителю, и всѣми силами сопротивлялись приверженцамъ Гвиберта. Намъ было больно видѣть, что въ такомъ святомъ мѣстѣ совершается столь великое нечестіе; но мы ничего не могли сдѣлать и только желали, чтобы Господь отмстилъ за все. Въ Римѣ многіе изъ тѣхъ, которые до того времени шли вмѣстѣ съ нами, постыдно вернулись домой, не думая идти дальше; а мы, пройдя чрезъ Кампанію и Апулію, прибыли въ Бари, значительный городъ, расположенный на морскомъ берегу. Тамъ, помолившись Богу въ церкви св. Николая, мы отправились въ гавань въ надеждѣ немедленно сѣсть на суда, чтобъ переплыть море; но намъ недоставало матросовъ, и сама судьба была противъ насъ. Тогда начиналась зима, и намъ говорили, что на морѣ будетъ опасно. Потому Робертъ Нормандскій отступилъ въ Калабрію и тамъ перезимовалъ. Но Робертъ Фландрскій, вмѣстѣ съ своимъ войскомъ, переплылъ море. Въ это время многіе изъ нашихъ, люди бѣдные и менѣе рѣшительные, опасаясь въ будущемъ бѣдности, продали свои луки, вооружились посохомъ и возвратились домой. Это удаленіе унизило ихъ въ глазахъ Бога и людей и покрыло несмываемымъ стыдомъ.

III. Въ 1097 году отъ воплощенія господня, когда мѣсяцъ мартъ принесъ съ собою весну, графъ Нормандіи и Стефанъ, графъ Блоа, ожидавшій вмѣстѣ съ Робертомъ благопріятнаго времени для плаванія, отправились снова на морской берегъ. Когда флотъ былъ готовъ и когда наступило 5 апрѣля, на которое въ тотъ годъ падалъ празд-

никъ Пасхи, оба графа, вмѣстѣ съ своими людьми, сѣли на корабли въ Брундузіѣ. О, какъ неисповѣдимы пути господни! Между прочими судами, мы видимъ, одно судно, которому не угрожала никакая особая опасность, было, вслѣдствіе какого-то случая, опрокинуто волною и разбито у берега. При этомъ погибло около 400 лицъ обоего пола; но это несчастіе дало намъ скоро поводъ вознести хвалу, пріятную Господу: свидѣтели этого крушенія, вытащивъ сколько можно было безжизненныхъ труповъ на берегъ, замѣтили на лопаткѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ знаки, изображавшіе крестъ, оттиснутый на кожѣ. Богу было угодно, чтобы люди, умершіе на его службѣ, сохранили на своемъ тѣлѣ, какъ знакъ своей вѣры, побѣдоносное знаменіе, носимое ими при жизни на одеждѣ; это чудо ясно возвѣстило всѣмъ, которые его видѣли, что эти люди въ минуту своей смерти воспользовались милосердіемъ божіимъ и заслужили вѣчный покой, дабы всѣ убѣдились, что слова Писанія исполнились во всей своей истинѣ: „Смерть, постигающая праведнаго, введетъ его въ прохладный покой". Изъ ихъ спутниковъ, боровшихся со смертью, весьма немногіе спасли жизнь; ихъ лошади и мулы были поглощены волною, и при этомъ случаѣ пошло на дно большое количество денегъ. При видѣ такого бѣдствія, мы были поражены столь великимъ страхомъ, что многіе, еще не сѣвшіе на корабль и слабые духомъ, отказались отъ странствованія и возвратились домой, говоря, что они никогда не рѣшатся поручить себя обманчивымъ волнамъ. Но мы, возложивъ все упованіе на Бога, подняли якорь, воздали хвалу Господу при трубномъ звукѣ и пустились въ открытое море, поручивъ себя волѣ Всевышняго и вѣтру, который слегка надувалъ наши паруса. За безвѣтріемъ мы простояли три дня въ морѣ; на четвертый день мы достигли земли близъ города Дураццо, который отъ насъ отстоялъ миль на десять, и весь нашъ флотъ помѣстился въ двухъ гаваняхъ. Тогда, исполнившись радости, мы отправились сухимъ путемъ, прошли мимо того города и далѣе чрезъ всю страну болгаръ, идя постоянно по странамъ пустыннымъ и по скалистымъ горамъ. Потомъ мы всѣ сошлись вмѣстѣ на берегахъ быстрой рѣки, которую туземцы справедливо называютъ рѣкою Дьявола; дѣйствительно, въ этой дьявольской рѣкѣ наши люди, надѣявшіеся перейти ее вбродъ, были унесены теченіемъ и погибли, прежде нежели свидѣтели ихъ несчастія могли подоспѣть къ нимъ на помощь. Тронутые состраданіемъ, мы пролили о ихъ судьбѣ потоки слезъ; и еслибы конные люди на своихъ огромныхъ боевыхъ лошадяхъ не пособили пѣшимъ, бросившись въ рѣку, то многіе изъ этихъ послѣднихъ точно также потеряли бы жизнь. Расположившись лагеремъ на берегу, мы провели ночь въ этомъ мѣстѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ около насъ поднимались высокія горы, не населенныя никѣмъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня зазвучали трубы, и мы, пустившись въ походъ, перешли гору Багуларъ; далѣе, оставивъ горы за собою, мы прибыли къ рѣкѣ Вардарь. До тѣхъ поръ ее не переходили никогда иначе, какъ на судахъ; но съ помощью Бога, который всегда и вездѣ присущъ своимъ людямъ и подаетъ имъ средства, мы перешли и эту рѣку вбродъ. Одолѣвъ послѣднее препят-

ствіе, мы раскинули на слѣдующій день палатки предъ городомъ Өессалоникою, изобилующимъ всякаго рода богатствами.

VI. Пробывъ въ томъ мѣстѣ четыре дня, мы прошли потомъ чрезъ всю Македонію; идя далѣе долиною Филиппа и мимо городовъ Лукреціи, Хризополя и Христополя и другихъ мѣстечекъ Греціи, мы прибыли наконецъ къ Константинополю. Раскинувъ наши палатки передъ этимъ городомъ, мы оставались тамъ для отдыха 14 дней, не имѣя, однако, права входить въ городъ. На то не соглашался императоръ, опасавшійся какихъ-нибудь ухищреній съ нашей стороны противъ него; а потому мы должны были покупать ежедневно за стѣнами все необходимое, что намъ доставляли жители, по распоряженію императора. Онъ не дозволялъ даже намъ, многимъ вмѣстѣ, посѣщать Константинополь; но, чтобы оказать намъ вниманіе, было разрѣшено въ извѣстный часъ пускать въ церкви отъ 5 до 6 человѣкъ вмѣстѣ, изъ самыхъ знатныхъ лицъ арміи.

Какой знатный и красивый городъ этотъ Константинополь! Сколько тамъ монастырей и дворцовъ, отстроенныхъ съ удивительнымъ искусствомъ! Какіе любопытные предметы находятся на площадяхъ и на улицахъ! Было бы длинно и утомительно разсказывать въ подробностяхъ о томъ изобиліи всякаго рода богатствъ, золота, серебра, различныхъ матерій и святыхъ мощей, которыя можно найти въ городѣ, куда во всякое время многочисленные корабли приносятъ все необходимое для нуждъ человѣка. Сверхъ всего прочаго, тамъ постоянно содержится и живетъ, какъ я полагаю, около 20,000 евнуховъ. Отдохнувъ порядочно послѣ продолжительнаго утомленія, наши главные вожди, посовѣтовавшись со всѣми, дали присягу императору и заключили съ нимъ договоръ, какъ онъ еще прежде требовалъ того отъ нихъ. Тѣ, которые шли предъ нами, а именно Боэмундъ и герцогъ Готфридъ, сдѣлали то же самое и подтвердили клятвою подобный же договоръ; но графъ Раймундъ отказался подписать его; графъ же Фландрскій далъ такую же клятву, какъ и другіе. Нашимъ вождямъ было необходимо вступать съ императоромъ въ дружескія отношенія, чтобы получать, и теперь, и на будущее время, совѣты и помощь какъ для себя, такъ и для тѣхъ, которые послѣдуютъ за нами тѣмъ же путемъ. По заключеніи этого договора, императоръ надѣлилъ ихъ въ волю монетою съ своимъ изображеніемъ и далъ имъ лошадей, матеріи и серебра изъ своей сокровищницы, въ чемъ они и нуждались для совершенія столь дальняго пути. Окончивъ всѣ эти дѣла, мы переплыли море, которое называется рукавомъ св. Георгія, и поспѣшно отправились къ городу Никеѣ. Еще съ половины мая, Боэмундъ, герцогъ Готфридъ, графъ Раймундъ и графъ Фландрскій осаждали этотъ городъ, занятый турками, восточными язычниками, народомъ великой храбрости и искуснымъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Выйдя изъ Персіи лѣтъ 50 тому назадъ, эти варвары перешли рѣку Евфратъ и покорили Романію до города Никомедіи. Сколько головъ и человѣческихъ костей мы нашли раскиданными по дорогѣ за этимъ послѣднимъ городомъ! Это были все наши, еще новички или даже совершенные невѣжды въ искусствѣ стрѣлять изъ арбалета, и турки

перерѣзали ихъ въ этомъ году. Когда осаждавшіе узнали о прибытіи нашихъ князей, Роберта, графа Нормандіи, и Стефана, графа Блоа, они вышли намъ на встрѣчу съ торжествомъ и отвели намъ мѣсто противъ южной части города, гдѣ мы и раскинули наши палатки.

Окончаніе этой главы и всѣ послѣдующія, отъ V до XXI включительно, посвящены авторомъ на изложеніе дальнѣйшаго похода крестоносцевъ, по взятіи Никеи, до самаго Іерусалима, и на разсказъ о завоеваніи Іерусалима и первомъ годѣ правленія Готфрида до его смерти, 17 іюля 1100 года. Но авторъ по срединѣ пути отдѣлился отъ арміи вмѣстѣ съ Балдуиномъ, къ которому онъ перешелъ капелланомъ, а потому, оставшись въ Эдессѣ, писалъ по слухамъ и весьма коротко. Съ XXII главы начинается правленіе Балдуина въ Іерусалимѣ, куда перешелъ и авторъ; оттого съ этой главы его хроника пріобрѣтаетъ снова значеніе, какъ трудъ очевидца (продолженіе см. ниже, въ ст. 24).

Капелланъ Фулькерій Шартрскій.

Gesta peregrinantium Francorum cum armis Hierusalem pergentium 1095—1127.—Гл. I—IV.

О жизни и сочиненіяхъ Фулькерія Шартрскаго см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 24.

14.—Походъ Танкреда до прибытія его въ лагерь подъ Никеей. 1096—1097 г.

(Между 1112 и 1118 г.).

Прологъ.

Благородное дѣло разсказывать подвиги знаменитыхъ князей! Оно спасаетъ отъ забвенія всякое событіе; прославляя мертвыхъ, мы воодушевляемъ тѣмъ пережившихъ ихъ и готовимъ добрый урокъ потомству, еще прежде нежели оно успѣло явиться на свѣтъ. Такимъ образомъ оживаетъ прошедшее, разсказываются побѣды, прославляются побѣдители, клеймится трусость, возвышается доблесть, преслѣдуется порокъ, внушается добродѣтель; однимъ словомъ, оказываются важнѣйшія услуги. Потому мы должны со вниманіемъ читать то, что было писано, и писать, что заслуживаетъ чтенія, дабы, читая древнее и описывая новое, мы могли бы въ древнемъ удовлетворить свою любознательность и приготовить что-нибудь подобное же для потомства.

Когда я предавался часто подобнымъ размышленіямъ, предо мною предстало воспоминаніе о томъ счастливомъ странствованіи, о томъ

потѣ, который мы пролили для возвращенія Іерусалимской церкви, нашей матери, ея наслѣдія, и для истребленія идолопоклонства и возвеличенія вѣры, такъ чтобы каждый могъ справедливо рукоплескать, восклицая: „Смотри, Іерусалимъ, къ тебѣ пришли издалека твои сыны и твои дщери; Іоппе и многіе другіе разрушенные города возстали".

Изъ всѣхъ тѣхъ, которые содѣйствовали такому славному предпріятію, мнѣ довелось сражаться, въ званіи *рыцаря*, подъ начальствомъ Боэмунда (Тарентскаго), когда онъ осаждалъ Дураццо, и нѣсколько позже подъ начальствомъ *Танкреда*, когда онъ освободилъ Эдессу, осажденную турками. Ежедневные разговоры ихъ безпрестанно вращались около того, какъ тамъ-то турки были обращены въ бѣгство, а тамъ-то франки мужественно сопротивлялись; какъ въ одномъ случаѣ непріятель былъ перерѣзанъ, а въ другомъ—какъ отнимаемы были у него города; какъ Антіохія была взята ночью посредствомъ хитрости, и какъ завоевали Іерусалимъ среди бѣлаго дня силою оружія. Но увы! припоминая такимъ образомъ прошедшее, они говорили также, что насъ пожираетъ лѣность, между тѣмъ какъ поэты древности находили въ литературныхъ занятіяхъ величайшее наслажденіе. А между тѣмъ они писали баснословныя выдумки; почему же люди нашего времени, эта толпа лѣнтяевъ, жужжащихъ на подобіе улейнаго роя, молчатъ о побѣдахъ воинства христова?

Когда оба эти князя, бывало, начнутъ разсказывать о всѣхъ этихъ событіяхъ, мнѣ всегда казалось, не знаю почему, они бросали взгляды на меня, какъ бы желая тѣмъ сказать: „Мы говоримъ для тебя, мы на тебя разсчитываемъ". Такимъ образомъ они оба поощряли меня къ труду, но особенно Танкредъ, благосклоннѣе котораго не было между князьями, ни великодушнѣе, ни обязательнѣе. Когда онъ меня настойчиво побуждалъ взяться за дѣло, сердце мое всякій разъ отвѣчало ему въ тихомолку: „То, о чемъ ты просишь меня при жизни, получишь не иначе, какъ послѣ смерти, если я переживу тебя; я не буду хвалить тебя заживо, но я тебя похвалю послѣ смерти; я вознесу тебя, когда ты завершишь твои подвиги; ибо только въ такомъ случаѣ ни гордыня не овладѣетъ тѣмъ, кого хвалятъ, ни тотъ, кто хвалитъ, не унизится до лести. Тогда и завистливый смолкнетъ, и ропотъ прекратится, потому что съ твоею смертью прекратятся тѣ подарки, которыми ты безпрестанно осыпаешь меня при жизни; и ядовитые языки не будутъ имѣть право называть меня продавцомъ, а тебя—покупателемъ сказокъ".

Къ этому побужденію отложить мой трудъ присоединилось еще и другое обстоятельство. Не довѣряя собственнымъ силамъ, я ожидалъ, что кто-нибудь другой, болѣе способный или еще болѣе обласканный Танкредомъ, посвятитъ себя горячо этому же труду.

Но я вижу, что одни не обращаютъ никакого вниманія на это дѣло, другіе завязли въ своей лѣни, а нѣкоторые, о преступленіе! ропщутъ и отказываются отъ участія. Увы! къ чему привели всѣ ласки, щедроты и подарки Танкреда, славы князей, которыми онъ осыпалъ иногда людей ничтожныхъ, прощалъ виновнымъ, обогащалъ бѣдныхъ? Итакъ, я беру на себя этотъ трудъ, не потому, что считаю себя достойнымъ

его выполнить, но негодуя на тѣхъ, которые, хотя и достойны, однако пренебрегаютъ имъ, и, какъ сказалъ о томъ поэтъ, я буду помнить:

Est quoddam prodire tenus, si non detur ultra!

Хотя мнѣ и приходится передать потомству трудъ весьма несовершенный, но я надѣюсь, что оно благосклонно украситъ то, что мнѣ люди нашего времени передали безъ всякихъ прикрасъ. Итакъ, о читатель, мы обязываемся другъ передъ другомъ взаимно: я обязанъ тебя покорно просить, а ты извинишь меня, если мой разсказъ окажется сухимъ, если моя Минерва, нынѣ довольно отъѣвшаяся, какъ говорятъ, останется далеко ниже своего блестящаго предмета, ибо приходится неопытному языку разсказывать лепеча то, на что едва ли достало бы силъ у Виргилія. Въ этомъ отношеніи я признаю себя слабымъ, но я возлагаю все свое упованіе на того—я разумѣю Христа—чей знаменосецъ будетъ мною воспѣтъ. Затѣмъ, я избралъ тебя, ученѣйшій патріархъ (Іерусалимскій) Арнульфъ [1]), своимъ наставникомъ, съ тѣмъ, чтобы ты выкинулъ у меня лишнія страницы, пополнилъ пробѣлы, объяснилъ темное и передѣлалъ сухое; такъ-какъ я знаю, что ты не чуждъ всякимъ наукамъ, то твои поправки будутъ для меня слаще меда; о, еслибы я, котораго ты былъ наставникомъ въ дѣтствѣ, бывъ самъ еще молодымъ, могъ теперь, возмужавъ, найти въ твоей старости руководителя, который исправилъ бы мои ошибки!

I. Танкредъ, знаменитая отрасль знаменитаго корня, считалъ виновникомъ своихъ дней *маркиза* и Эмму [2]); по отцу, онъ сынъ благороднаго происхожденія, а по братьямъ матери еще болѣе знаменитый племянникъ: предки его съ отцовской стороны довольствовались славою между сосѣдями своей земли, а его дяди со стороны матери пронесли молву о своихъ подвигахъ далеко за предѣлы отечества, то-есть Нормандіи. Кто не знаетъ отваги Гвискара, котораго побѣдныя знамена, говорятъ, заставили трепетать въ одинъ день императора греческаго и нѣмецкаго? Однимъ своимъ появленіемъ онъ избавилъ Римъ отъ нѣмцевъ. Его воинственное племя, восторжествовавъ надъ греками, покорило себѣ всю страну. Остальные братья Гвискара, въ числѣ 11, довольствовались завоеваніемъ Кампаніи, Калабріи и Апуліи. Отсюда должно исключить Рожера, который, побѣдивъ язычниковъ (т. е. мусульманъ) въ Сициліи, пріобрѣлъ себѣ такую славу, что

---

[1]) Арнульфъ былъ капелланомъ Роберта, герцога Нормандскаго, и по завоеваніи Іерусалима его избрали первымъ латинскимъ патріархомъ.

[2]) Авторъ не называетъ по имени отца Танкреда, который современникамъ вѣроятно былъ хорошо извѣстенъ по своему достоинству маркиза, которое замѣняло ему имя; полагаютъ, что его звали Одо Добрый; но во всякомъ случаѣ онъ былъ туземный владѣтель Сициліи и вступилъ съ пришельцами въ родство, женившись на Эммѣ, дочери Танкреда Готвилльскаго и сестрѣ его двѣнадцати сыновей. Итакъ, Танкредъ былъ племянникъ Гвискара и двоюродный братъ Боэмунда.

его считаютъ вторымъ послѣ Гвискара. Но все это меня задерживаетъ, а главный предметъ моего разсказа не дозволяетъ мнѣ останавливаться дольше.

Я возвращаюсь къ Танкреду. Ни отцовскія богатства не расположили его къ изнѣженности, ни могущество родственниковъ не породило въ немъ гордыни. Съ первыхъ лѣтъ отрочества, онъ началъ превосходить своихъ сверстниковъ искусствомъ владѣть оружіемъ, а старцевъ—солидностью нравовъ, и то однимъ, то другимъ подавалъ новые примѣры доблести. Съ такого ранняго времени сдѣлавшись прилежнымъ исполнителемъ заповѣдей господнихъ, онъ тщательно хранилъ въ себѣ все, чему его учили и примѣнялъ то къ жизни, насколько было то возможно при современныхъ ему нравахъ. Онъ не унижался злорѣчіемъ даже и тогда, когда злорѣчили о немъ; даже дѣлалъ больше, и, становясь самъ глашатаемъ отваги своего противника, говорилъ обыкновенно, что врага слѣдуетъ поражать, но не терзать. Въ отношеніи себя, онъ никогда не говорилъ ничего, но ненасытно жаждалъ, чтобы говорили о немъ; а потому онъ предпочиталъ бдѣніе сну, работу — отдыху, голодъ — насыщенію, ученіе— праздности и, наконецъ, все полезное—излишнему. Одна страсть къ славѣ волновала его юную душу, и съ каждымъ днемъ онъ пріобрѣталъ на нее новыя права; онъ мало обращалъ вниманія на опасность частыхъ ранъ, и не щадилъ ни своей, ни вражеской крови. Но въ то же время его душа, преисполненная мудрости, испытывала внутреннія мученія и трепетала при мысли, что его рыцарскія битвы находятся въ противорѣчіи съ правилами Господа. Дѣйствительно, Господь повелѣлъ тому, кого ударили по щекѣ, подставлять другую щеку врагу, а свѣтское рыцарство предписываетъ не щадить крови даже родственниковъ. Господь повелѣваетъ отдать и рубашку, и мантію тому, кто насъ ограбилъ; а рыцарь, по своей обязанности, долженъ отнять и остальное, съ кого онъ взялъ уже и рубашку, и мантію. Это противорѣчіе правилъ рыцарства съ заповѣдями божіими умѣряло иногда отвагу этого героя, исполненнаго мудрости, но настолько, насколько то необходимо для отдохновенія. Но когда проповѣдь Урбана (II) возвѣстила отпущеніе грѣховъ всѣмъ христіанамъ, которые пойдутъ на борьбу съ невѣрными, мужество Танкреда встрепенулось отъ своего усыпленія; онъ собралъ всѣ свои силы, открылъ глаза, и отвага его удвоилась. До того времени, какъ я сказалъ, духъ его, колеблясь между двумя путями, не зналъ, по которому слѣдовать: по пути ли Евангелія, или по мірскому пути; но когда его призвали теперь къ оружію во имя Христа, такой случай сразиться рыцаремъ и христіаниномъ воспалилъ въ немъ ревность, которую было бы трудно выразить. Сдѣлавъ всѣ приготовленія къ походу, онъ въ короткое время собралъ все, что было необходимо; и, безъ сомнѣнія, онъ не дѣлалъ большихъ тратъ для того, привыкнувъ съ дѣтства отдавать все другимъ, не помышляя о себѣ. Впрочемъ онъ собралъ въ достаточномъ числѣ рыцарское вооруженіе, лошадей, муловъ и съѣстные припасы, въ количествѣ необходимомъ для своихъ сподвижниковъ.

Во II и III главахъ, авторъ распространяется въ похвалахъ Боэмунду Тарентскому и говоритъ о договорѣ, заключенномъ имъ съ Танкредомъ по по-

воду похода въ Палестину, въ силу котораго Танкредъ обязался сражаться подъ его начальствомъ, какъ герцогъ подчиняется королю, и быть въ арміи вторымъ.

Слѣдующія главы (IV—IX) описываютъ самый походъ Боэмунда по Греціи, и именно первое его блестящее дѣло съ греками при переправѣ черезъ рѣку Вардарь, гдѣ главное мѣсто принадлежало Танкреду; воспѣвъ въ стихахъ этотъ подвигъ своего героя, авторъ говоритъ дальше о страхѣ императора Алексѣя и о письмѣ, которымъ онъ пригласилъ Боэмунда оставить армію и поспѣшить къ нему лично, обѣщая ему при этомъ горы золота.

X. Послы императора Алексѣя, вооруженные такимъ льстивымъ письмомъ и исполненные коварства, идутъ, приходятъ, являются и вступаютъ въ переговоры съ Боэмундомъ. Боэмундъ, упоенный медовою наружностью ихъ рѣчей, не замѣтилъ яда, скрывавшагося подъ ними, и позволилъ себя обмануть обѣщаніемъ богатствъ Константинополя, за которыя онъ уже давно обагрялъ кровью и море, и землю. Напротивъ того, онъ былъ даже радъ, что получаетъ столь легко то, что ему часто неудавалось при нападеніи на грековъ. Такимъ образомъ, онъ рѣшился пойти первымъ туда, куда его призывали, сопровождаемый ничтожною свитою, между тѣмъ какъ Танкредъ продолжалъ медленно двигаться съ остальною арміею. Все это дѣло нисколько не радовало сына маркиза, когда его извѣстили о томъ, ибо онъ имѣлъ отвращеніе къ вѣроломной дружбѣ грековъ, какъ ястребъ боится тенётъ или какъ рыба—удочки; презирая подарки, онъ рѣшился даже совсѣмъ избѣжать свиданія съ императоромъ. Распорядившись относительно того, кто долженъ былъ слѣдовать за нимъ и кто остаться, Боэмундъ отправился изъ замка, называемаго Кимпсалой. Полученныя обѣщанія волновали его духъ, духъ побуждалъ рыцаря, рыцарь пришпоривалъ коня, и они въ нѣсколько дней прибыли въ Константинополь. Тамъ Боэмундъ, представившись Алексѣю, подчинилъ себя игу, называемому обыкновенно *homagium* (вассальная подчиненность). Безъ сомнѣнія, это было ему непріятно, но онъ въ то же время получилъ въ даръ обширную землю въ Романіи, въ длину—насколько можетъ пробѣжать лошадь въ 15 дней, и 8 дней въ ширину. Вслѣдъ затѣмъ крылатая молва принесла извѣстіе о томъ Танкреду и шепнула ему: „Тебѣ, какъ идущему сзади, предстоитъ такая же сдѣлка, но она будетъ еще унизительнѣе, какъ уже менѣе выгодная“.

XI. Танкредъ, получивъ это извѣстіе, опечалился за Боэмунда и испугался за себя, ибо, видя домъ сосѣда объятымъ въ пламени, онъ былъ увѣренъ, что и ему угрожаетъ пожаръ. Тогда онъ началъ ломать себѣ голову, искать и разсуждать съ собою, какою дорогою можно было бы выйти изъ такого положенія, какимъ средствомъ избѣгнуть и какъ наказать коварство вѣроломнаго императора. При этомъ онъ взвѣшиваетъ, съ одной стороны, свои силы, съ другой—его хитрость; свою отвагу—и мощь противника; сравниваетъ своихъ рыцарей съ богатствами императора, и видитъ въ первомъ случаѣ малочисленность, во второмъ—безмѣрность. Что̀ дѣлать? сражаться? но непріятель могучъ. Явиться съ мольбою? но непріятель неумолимъ. Переплыть прямо? но и тому препятствуетъ бурное море. Видя, какъ предводители фран-

ковъ пойманы подарками, Боэмундъ обойденъ хитростью, а онъ самъ мучимъ собственнымъ недоумѣніемъ, Танкредъ углубился въ себя и говорилъ въ своемъ сердцѣ:

„О преступленіе! гдѣ теперь найти вѣрность? куда дѣвалась мудрость? О человѣческое сердце! у одного оно вѣроломно, у другого безумно; одинъ не имѣетъ стыда, чтобы не дѣлать зла, другой—предусмотрительности, чтобы познать это зло. Боэмундъ отправился за богатствами, обольщенный и увлеченный именемъ сына (такъ называлъ его въ своемъ письмѣ Алексѣй), чтобы броситься въ объятія отца. Онъ шелъ царствовать, а нашелъ иго; онъ шелъ возвысить себя, а послужилъ къ возвышенію другого и унизился самъ. Слишкомъ мало знакомый съ обманомъ, онъ поддался обманчивымъ ласкамъ. Ему было приказано оставить армію и пойти съ небольшою свитою, подъ предлогомъ облегчить его движеніе, избавивъ отъ массы. Но не было ли бы лучше силою изобличить всѣ эти хитрости? Одна такая рѣшимость ниспровергла бы всѣ ухищренія и открыла бы намъ всѣ дороги. Но Боэмундъ отправился съ небольшою свитою, какъ будто бы руки безъ оружія обезпечиваютъ безоружную руку. Что́ сказать о предводителяхъ Галліи, которые, при своей многочисленности, могли бы не только избавить себя отъ вассальной присяги, но даже сдѣлаться властелинами всякаго, кто обнаружилъ бы неповиновеніе? Я сострадаю и вмѣстѣ стыжусь за людей, которые однако сами не имѣли ни стыда, ни состраданія къ себѣ. Я уже теперь вижу, чѣмъ это кончится, когда они, истративъ свои богатства, останутся при одномъ наказаніи, лишеніяхъ и раскаяніи. Дѣйствительно, имъ придется раскаяться, когда они увидятъ себя вынужденными къ неправдѣ, подавленными необходимостью и безъ всякаго утѣшенія. Тогда, говорю я, они раскаются; но какая польза въ раскаяніи, когда нечѣмъ будетъ заплатить пеню? И какимъ бы способомъ они это сдѣлали? Развѣ можно не исполнить того, въ чемъ разъ клялся? Могутъ ли они опираться на право, когда добровольно отдали себя въ руки другого? Продавъ себя, будутъ ли они оставаться свободными? Кто болѣе рабъ: тотъ ли, кто самъ себя продалъ, или тотъ, кого продали вслѣдствіе насилія разбойниковъ? Справедливо будутъ наказаны тѣ, которые, съ безпечностью смотря на будущее, ограничиваются мыслью о настоящемъ“.

XII. Оплакавъ такимъ образомъ участь Боэмунда, козни Алексѣя и иго, которому подчинились князья Галліи, Танкредъ рѣшается благоразумно не встрѣчаться съ первымъ, наказать второго и спасти послѣднихъ. Вслѣдствіе того, прибывъ къ Константинополю, онъ не идетъ, какъ другіе, представляться императору, не посылаетъ впереди себя глашатая, не трубитъ въ трубы, а уходитъ секретно. Снявъ рыцарскія одежды, онъ облекается въ пѣхотинца, чтобы грубая одежда, скрывъ Танкреда, обманула въ то же время Алексѣя. Корабль, гребцы, сѣверный вѣтеръ надуваетъ парусъ; Европа позади пловцовъ, и Азія представляется ихъ жаднымъ взорамъ. Въ это время потомокъ Гвискара поощряетъ мореходовъ, сидѣвшихъ за веслами, и самъ бьетъ весломъ по лазурнымъ волнамъ Геллеспонта. Вскорѣ носъ корабля ударяется о берегъ давно желанный, и быстрота переѣзда совпадаетъ съ пламенными желаніями странниковъ. Тогда сынъ маркиза, будучи

въ полной безопасности, принимаетъ свое настоящее имя и одежду; такъ-какъ другіе вожди изготовлялись въ дорогу къ Никеѣ, то и онъ присоединился къ нимъ для этого странствованія.

Между тѣмъ, Боэмундъ не покинулъ еще береговъ Ѳракіи. Онъ оставался тамъ по настоянію Раймунда Тулузскаго, а послѣднему было необходимо продолжить свое пребываніе въ Константинополѣ, потому что онъ пришелъ поздно, и императоръ желалъ обязать его тѣми же условіями, которыми онъ сковалъ его предшественниковъ. Но графъ предпочиталъ умереть, нежели согласиться на то; вотъ почему присутствіе Боэмунда было ему необходимо, чтобы выйти изъ этого затрудненія. Когда Алексѣй былъ предувѣдомленъ чрезъ шпіоновъ, что племянникъ Гвискара тайно отплылъ, онъ, огорченный обманомъ, требовалъ отсутствовавшаго отъ присутствовавшихъ, обвинялъ ихъ въ коварствѣ и говорилъ, что они сговорились похитить у него Танкреда. Его взгляды, походившіе отъ гнѣва на взгляды раздраженной мачихи, обращались особенно къ Боэмунду. Между тѣмъ какъ императоръ металъ молніи, а съ языка его неслись угрозы, Боэмундъ, хотя-не-хотя, давалъ клятву, что онъ вернется, чтобы вложить руки Танкреда въ руки императора; въ противномъ случаѣ, ему не будетъ безопасно ни оставаться на мѣстѣ, ни идти впередъ.

XIII. Пока все это происходило, Танкредъ отправилъ въ Константинополь двухъ рыцарей, Атропа и Гарина, съ порученіемъ упрекнуть Боэмунда за промедленіе и извѣстить его, что война съ турками уже близка; если онъ не поторопится, то всѣ его надежды будутъ ниспровергнуты, ибо непріятель будетъ побѣжденъ безъ его содѣйствія. Но это извѣстіе нельзя было передать Боэмунду такъ, чтобы о томъ не провѣдалъ императоръ. Алексѣй призвалъ къ себѣ вѣстниковъ, желая вступить съ ними въ разговоръ относительно Танкреда и принудить ихъ выдать тайну тѣмъ страхомъ, который должно было навести его присутствіе. Получивъ вопросъ, кто они, кому принадлежатъ и зачѣмъ посланы, они отвѣчали съ твердостью, что они норманны и пришли отъ Танкреда пригласить Боэмунда къ соединенію съ ними. Императоръ, видя твердость ихъ языка и неустрашимость, отпустилъ ихъ безъ всякаго наказанія, сознавая, что такое наказаніе не принесетъ ему никакой пользы.

Когда Танкредъ узналъ о всемъ случившемся, какъ отъ пословъ, которые вернулись первыми, такъ и отъ Боэмунда, который прибылъ за ними, трудно сказать и не легко повѣрить, до какой степени онъ былъ огорченъ и опечаленъ, видя, что всѣ усилія его предусмотрительности разбились о безпечность другого. Такъ растопленная печь не можетъ удержать въ себѣ огня; буря раздувается повсюду съ трескомъ и колеблетъ по волѣ вѣтровъ огненные языки. Дѣйствительно, говорятъ, что въ ту пору Танкредъ облегчалъ тайное горе своей души жалобами, которыя онъ выразилъ слѣдующимъ образомъ:

„Увы! какъ ослѣпленъ умъ человѣка и какъ темно для него будущее! Когда, повидимому, онъ вполнѣ доволенъ, ему приходится иногда еще только-что начинать. Мудрость ничтожна, если ревнивая судьба объявляетъ себя противъ; и наоборотъ, тщетно было бы противиться тому, кому покровительствуютъ боги. Я полагалъ, что мною

были приняты всѣ мѣры предосторожности, и безпечность или презрѣнная робость не будутъ въ состоянiи мнѣ повредить. Я презрѣлъ подарками; я убѣжалъ одинъ; я обманулъ бдительность лазутчиковъ и ускользнулъ изъ разставленныхъ мнѣ сѣтей; мнѣ удалось то, о чемъ я едва смѣлъ помыслить. Но увы! къ чему послужило мнѣ то, что я безвредно проникъ мимо враговъ и прошелъ сквозь сѣти, которыя не пропускаютъ и самыхъ невинныхъ безъ того, чтобы не изувѣчить ихъ. Я видѣлъ людей благородныхъ, сыновей герцоговъ и королей, какъ они, промѣнявъ свои владѣнія на добровольное изгнаніе, шли съ миромъ въ походъ; и пустынныя страны, варварскія королевства, открывались предъ ними, при ихъ появленiи; ни море, ни земля не противопоставляли имъ препятствій. Но когда они пришли къ этому чудовищу, болѣе кровожадному, чѣмъ сама трехглавая Химера, не нашлось Пегаса, который спасъ бы ихъ и унесъ на себѣ въ минуту бѣды. Всѣ принуждены были пройти, такъ сказать, подъ копье своего повелителя и дать клятву, которую имъ продиктовали. Что касается меня, то я, считая себя болѣе достойнымъ строгаго суды, я опасался и болѣе строгаго наказанія: мнѣ должно было употребить болѣе усилій, чтобы уйти, такъ какъ я пылалъ большею местью; я отказался отъ управленія войскомъ, отказался отъ самого себя, чтобы не преклониться, подобно другимъ, и имѣть свободу отомстить за обиду другихъ. Теперь къ чему послужитъ сѣтовать на человѣка, наложившаго на меня оковы, которыя я разбилъ самъ? Ему мало было склонить свою голову; онъ захотѣлъ склонить и мою; могутъ ли мои уста воздержаться, чтобы не сказать, что онъ позавидовалъ моему благополучію? Но это всѣ говорятъ, и послѣдствія доказали ясно, что клятва Боэмунда за меня была дана имъ изъ зависти. Самъ же онъ, повидимому, не сознаетъ, по лѣности или по слабоумію, что онъ ввергъ меня въ эту пропасть горя. Но и то, и другое должно было быть велико; оба эти качества явились злыми мачихами моего счастія. Правда, онъ говоритъ, что его принудили погубить меня такимъ образомъ; но его слова не могутъ замаскировать его ревности, укротить моего негодованія, извинить то, что онъ сдѣлалъ, и простить того, кто это сдѣлалъ. Такъ, онъ старается увѣрить въ своей невинности, но и его слова не могутъ оправдать его въ промедленіи, ни снять съ него того преступленія, что онъ позволилъ себѣ уснуть въ праздности. Хорошо же! я беру на себя его клятву: я искуплю вѣроломнаго; на свой страхъ я искуплю вѣроломство другого. Я былъ обманутъ, но не побѣжденъ вслѣдствіе собственной же беззаботности; меня захватили чужою слабостью и для освобожденія родственника. Если я останусь въ живыхъ, побѣдитель опечалится, увидя, что мой гнѣвъ разнузданъ, что онъ не съумѣлъ придти къ миру. Я не буду много думать о томъ, чтобы нарушить клятву, которую я далъ не самъ добровольно, но къ которой меня вынудили противъ воли, насиліемъ тирана, и нарушу тѣмъ скорѣе, что соблюденіе такой клятвы было бы общественнымъ несчастіемъ; не обративъ на нее вниманія, я окажу услугу общественному благу".

XIV. Но отложимъ въ сторону и эти, и симъ подобныя жалобы сына маркиза; дадимъ ему минуту вздохнуть и займемся описаніемъ,

какъ была обложена Никея, вымѣримъ лагерь, приведемъ имена, происхожденіе и качества князей, осаждавшихъ городъ.

Вслѣдствіе того, авторъ приводитъ въ остальной части этой главы и въ XV главѣ списокъ князей, осаждавшихъ Никею, съ ихъ краткою характеристикою. Въ XVI главѣ разсказывается коротко самая осада Никеи, причемъ на первомъ планѣ—подвиги Танкреда. Въ XVII главѣ, упомянувъ о томъ, что Никея сдалась и была вручена императору, авторъ говоритъ, какъ Боэмундъ взялъ Танкреда съ собою и привелъ его къ императору; но Танкредъ въ своей рѣчи объявилъ, что онъ дастъ присягу императору, если императоръ отправится вмѣстѣ со всѣми къ Іерусалиму и поможетъ крестоносцамъ. Императоръ, недовольный такимъ условіемъ, прибѣгнулъ къ подкупу.

XVIII. Алексѣй, видя, что Танкредъ пренебрегаетъ деньгами и не можетъ быть, какъ другіе, закованъ въ золотыя цѣпи, принужденъ былъ принять его условія и одобрить ихъ. Тогда они подали другъ другу правую руку; но сынъ маркиза чувствовалъ внутри себя чрезвычайное изумленіе, а извнѣ свирѣпые его взоры обнаруживали негодованіе. По совершеніи церемоній, соблюдаемыхъ при заключеніи подобнаго договора, Танкреду предложили просить у императора всего, чего онъ пожелаетъ, безъ опасенія отказа; а между тѣмъ всѣ были увѣрены, что онъ захочетъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и другихъ подобныхъ предметовъ, которые необходимы для похода и вмѣстѣ могутъ льстить его самолюбію. Но, презирая деньги и помышляя въ своемъ сердцѣ объ отличіяхъ царскихъ, онъ отказался отъ всего того, пожелавъ почести, отъ которой всякій другой отказался бы, еслибы даже ему ее и предложили, какъ отъ предмета весьма обременительнаго, и объявилъ, что изъ всего императорскаго имущества ему нравится только одна вещь. У императора была палатка удивительной работы; она поражала и искусствомъ, и матеріаломъ; въ эту палатку входили, какъ въ городъ, воротами, защищенными башней: двадцать верблюдовъ едва могли перевозить ее, и были ею тяжко обременены; въ ней могло помѣщаться множество народа; наконецъ, вершина палатки возвышалась надъ всѣми прочими, какъ высится кипарисъ надъ плакучею ивою. Это былъ единственный даръ, который могъ увлечь сердце великодушнаго племянника Гвискара, единственный дворецъ, который ему хотѣлось бы пріобрѣсть; въ настоящую минуту такой даръ казался даже обременительнымъ, но онъ могъ впослѣдствіи сдѣлаться славнымъ знаменемъ. Какъ разсказываютъ, Алексѣй, узнавъ о его желаніи, пришелъ въ великій гнѣвъ, какъ нѣкогда богъ Делоса (Аполлонъ) разсердился на Фаэтона (который просилъ у отца его колесницы); но у Аполлона былъ родительскій страхъ, а у Алексѣя обнаружилось одно негодованіе врага. Фебъ сокрушался, предвидя опасности, угрожавшія его сыну, а Алексѣя досадовало высокомѣріе Танкреда. Фебъ просилъ сына избрать менѣе пагубный даръ, а Алексѣй отказалъ единственно для того, чтобы имѣть случай выразить Танкреду свой гнѣвъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Итакъ, сынъ маркиза осмѣливается равняться со мною и про-

ситъ себѣ царскихъ отличій? Ему надоѣло обыкновенное, и вотъ онъ домогается дворца, принадлежащаго мнѣ, единственной работы въ цѣломъ свѣтѣ! Если онъ достигнетъ своей цѣли, что́ ему останется еще, какъ не сорвать съ головы моей корону и возложить ее на себя? Безъ сомнѣнія, у него не хватаетъ прихожихъ, чтобъ вмѣстить всѣхъ своихъ просителей, и рыцарская его дружина не можетъ быть помѣщена въ обыкновенномъ зданіи. Вотъ почему онъ проситъ королевскаго жилища, которое могло бы удовлетворить нуждамъ такого знатнаго господина. Но если онъ и получитъ желаемое, то откуда ему взять муловъ и погонщиковъ для перевоза такой тяжести? Конечно, получивъ такой даръ, ему ничего не останется, какъ пойти самому пѣшкомъ. Но пусть онъ вспомнитъ объ участи осла, который погибъ отъ того, что вздумалъ нарядиться въ львиную шкуру; желая тѣмъ внушить ужасъ, онъ имѣлъ только ту выгоду, что познакомился съ тяжелою рукою крестьянина. Принявъ эту исторію въ соображеніе, пусть онъ думаетъ подъ тѣнью моего имени устрашать другихъ: тѣ, которые откроютъ обманъ, не найдутъ ничего больше, какъ Танкреда. Пусть онъ сниметъ мѣрку съ себя и выкроитъ себѣ палатку по своему росту; но отъ этой ему необходимо нужно отказаться. Если онъ оскорбится такимъ отказомъ, то мнѣ мало дѣла до его гнѣва и угрозъ. Глупое самолюбіе этого человѣка открываетъ мнѣ все болѣе и болѣе его замыслы; пока онъ молчалъ, его можно было принять за философа,—но лишь только онъ открылъ ротъ, какъ и обнаружилось его безуміе. Итакъ, сынъ маркиза, ты можешь обрушить на мою голову всѣ твои хитрости, козни, гнѣвъ и ярость; я ожидаю отъ тебя всякаго рода выходокъ, но никогда не удостою тебя считать ни непріятелемъ, ни другомъ!"

Говоря такимъ образомъ подъ вліяніемъ гнѣва и коварства, Алексѣй, съ одной стороны, прикрывалъ свой страхъ, а съ другой, старался излить желчь, которая тѣснила его сердце. Но Танкредъ, какъ бы продолжая рѣчь императора, подхватилъ только одни послѣднія его слова и съ веселымъ лицомъ отвѣчалъ: „А я удостою тебя быть моимъ непріятелемъ, но не другомъ". Съ этими словами они разошлись и никогда уже болѣе не встрѣчались.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ XIX до CXI, нашъ авторъ описываетъ движеніе крестоносной арміи отъ Никеи до Антіохіи, взятіе этого города и дальнѣйшій походъ къ Іерусалиму; весь разсказъ отличается отъ подобнаго же разсказа другихъ писателей того времени тѣмъ, что Танкредъ вездѣ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; говоря коротко объ общемъ ходѣ событій, авторъ съ любовью останавливается на личныхъ подвигахъ своего героя, и весь этотъ отдѣлъ заключенъ гимномъ, который былъ будто бы пропѣтъ Танкредомъ при видѣ Іерусалима. (Разсказъ автора о подвигахъ Танкреда во время осады св. города см. ниже, въ ст. 21).

Рыцарь Нормандіи Рауль Канскій.

Gesta Tancredi etc. Гл. I—XVIII.

О жизни и сочиненіяхъ Рауля Канскаго см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 21.

15.—Письмо Стефана Блоа къ женѣ Адели, изъ лагеря подъ Никеею.

(Іюнь, 1097 г.).

Графъ Стефанъ графинѣ Адели, нѣжному другу, супругѣ своей, желаетъ всего, что можетъ придумать его умъ лучшаго и счастливаго!

Знайте, возлюбленная моя, что я прибылъ въ Римъ со всѣмъ почетомъ и въ полномъ тѣлесномъ здравіи. Изъ Константинополя я старался тебѣ описать все мое житье-бытье и всѣ приключенія странствованія; но опасаясь, что посланный могъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь несчастіемъ, пишу тебѣ вторично о томъ же. Благодаря Бога, я прибылъ въ Константинополь съ величайшею радостью. Императоръ (Алексѣй Комненъ) принялъ меня по достоинству съ великимъ почетомъ, какъ родного сына, щедро надѣлилъ дарами, и вообще говоря, во всей божіей рати нѣтъ ни одного герцога, ни графа, ни другого значительнаго лица, кому бы онъ болѣе вѣрилъ, или былъ болѣе благосклоненъ, нежели ко мнѣ. Да, моя возлюбленная, его императорское величество часто убѣждалъ меня и убѣждаетъ вручить ему одного изъ нашихъ сыновей: онъ обѣщалъ осыпать его такими почестями, что онъ не будетъ завидовать даже и намъ. Скажу тебѣ по правдѣ, что въ наше время нѣтъ на землѣ человѣка, который былъ бы подобенъ императору. Онъ щедро надѣляетъ нашихъ князей, всѣхъ воиновъ осыпаетъ дарами и кормитъ всѣхъ бѣдныхъ.

Близъ Никеи находится укрѣпленіе Цивитотъ; недалеко отъ него лежитъ рукавъ моря, по которому ходятъ днемъ и ночью собственные корабли императора вплоть до самаго Константинополя; на нихъ доставляется въ лагерь подаяніе безчисленнымъ бѣднымъ и ежедневно имъ раздается. Въ наше время, какъ мнѣ кажется, во всей вселенной не найдется государя столь знаменитаго своими доблестями. Твой отецъ, моя возлюбленная, раздавалъ много, но все это ничто по сравненію съ нимъ. Мнѣ было пріятно сказать тебѣ что-нибудь объ императорѣ. чтобы ты знала, что̀ это за человѣкъ.

Дней черезъ 10, въ продолженіе которыхъ онъ удерживалъ меня съ почетомъ, я простился съ нимъ какъ съ отцомъ. Онъ самъ распорядился приготовить мнѣ корабли, при помощи которыхъ я быстро переплылъ спокойный рукавъ моря, омывающій Византію. Разсказывали, что этотъ Константинопольскій рукавъ буренъ и опасенъ; но это выдумка, ибо по немъ можно плавать такъ же спокойно, какъ у насъ по Марнѣ или по Сенѣ.

Оттуда мы вошли въ такъ-называемый рукавъ св. Георгія, и направили свой путь къ Никомедіи, городу опустошенному турками, гдѣ блаженный мученикъ Панталеонъ пострадалъ за Христа и гдѣ тотъ морской рукавъ имѣетъ свое начало и конецъ. Потомъ мы поспѣшили, благословляя Бога, къ великому городу Никеѣ. Никея же, моя возлюбленная супруга, окружена болѣе чѣмъ 30 башнями и удивительными стѣнами. Мы нашли въ ней турокъ, отважныхъ защит-

никовъ, и безчисленную рать господню, которая уже въ теченіе четырехъ недѣль вела съ никейцами смертельную борьбу. Незадолго до нашего прибытія въ лагерь, Солиманъ (Килиджъ-Арсланъ), султанъ турецкій, приготовившись къ войнѣ, напалъ неожиданно съ огромнымъ войскомъ на нашихъ,имѣя въ виду прорваться въ городъ и помочь своимъ; но по божественному милосердію случилось иначе, нежели онъ думалъ. Наши, выйдя съ поспѣшностью, жестоко приняли турокъ, и они, обративъ тылъ, ударились въ бѣгство. Продолжая настойчиво преслѣдованіе, христіане многихъ изъ нихъ перебили и гнали на большомъ пространствѣ, нанося бѣгущимъ раны и смерть. Если бы не скалистыя горы, неизвѣстныя нашимъ, то въ этотъ день врагъ испыталъ бы великое и невознаградимое бѣдствіе. Изъ нашихъ же при этомъ никто не погибъ. Послѣ мы соединенными силами сдѣлали нѣсколько отчаянныхъ приступовъ и метательными орудіями и луками умертвили многихъ турокъ, и даже знатныхъ. Изъ нашихъ были убиты нѣкоторые, но весьма немногіе: изъ именитыхъ рыцарей (nominativus miles nullus) никого, кромѣ Балдуина, графа Ганца изъ Фландріи.

Наши богоспасаемые князья, видя, что Никея находится въ отчаянномъ положеніи, но простымъ оружіемъ взять ее нельзя, построили высокія деревянныя башни съ бойницами и всякаго рода снадобьями. Турки же, замѣтивъ то, отправили въ страхѣ гонцовъ къ императору съ предложеніемъ сдать городъ въ его руки, съ условіемъ вывести ихъ изъ города, хоть нагими, и наложить оковы, но съ сохраненіемъ жизни. Узнавъ о томъ, императоръ, уважаемый всѣми, явился къ намъ, но побоялся войти въ городъ, чтобы народная толпа, любившая его, какъ добраго отца, не задушила отъ радости.

Онъ присталъ недалеко отъ насъ на одномъ островѣ; всѣ наши князья, кромѣ меня и герцога Тулузскаго, поспѣшили къ нему, чтобы раздѣлить съ нимъ радость о побѣдѣ; онъ принялъ ихъ, какъ то и слѣдовало, съ великимъ удовольствіемъ. Особенно его обрадовало то, что я остаюсь при городѣ, на случай, еслибы турки вздумали напасть на Никею или на нашъ лагерь. Оставаясь на томъ же островѣ, великій императоръ распредѣлилъ добычу такъ, чтобы все драгоцѣннѣйшее, а именно золото, камни, серебро, одежды, лошадей и тому подобное, раздѣлить между рыцарями; все же съѣстное отдать пѣшимъ людямъ. Сверхъ того онъ самъ наградилъ князей изъ своей сокровищницы.

Такимъ образомъ, 17 іюня (1097 г.), при помощи божіей, великая Никея сдалась. Въ книгахъ писано, что св. отцы первоначальной церкви торжествовали въ Никеѣ св. Соборъ и, истребивъ аріанскую ересь, утвердили, руководясь внушеніемъ св. Духа, святую троицу. Теперь же этотъ городъ, служившій нѣкогда гнѣздомъ заблужденій, съ божіею милостью сдѣлался, усиліями слугъ господнихъ, служителемъ истины. Въ заключеніе, скажу тебѣ, моя возлюбленная, что если насъ не задержитъ Антіохія, то черезъ пять недѣль мы будемъ въ Іерусалимѣ.

Будьте здоровы!

Стефанъ, графъ Блоа.

Epistola Stephani Comitis Carnotensis ad Adelam, uxorem suam, scripta ex castris obsidionis Nicaenae.

Стефанъ, графъ Блоа (Étienne, comte de Blois), извѣстный также подъ именемъ Гейнриха Блоа, наслѣдовалъ своему отцу, Тибо Блоа, и принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ участниковъ перваго крестоваго похода. Онъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и особенно прославился какъ поэтъ, такъ что современники называли его „Цезаремъ на войнѣ и Виргиліемъ въ поэзіи". Его жена, Адель или Алиса, дочь Вильгельма Завоевателя, была знаменита также своимъ творческимъ талантомъ; о ней говорили: copia dictandi torrens. Сынъ ихъ, Стефанъ Блоа, въ 1135 г. вступилъ на англійскій престолъ. Во время похода въ Палестину, онъ писалъ своей женѣ три раза: первое письмо изъ Константинополя утрачено и сохранились только два послѣднія, изъ Никеи и изъ Антіохіи. Никейское письмо помѣщено въ собраніи Мабильона, ученаго XVIII вѣка: Museum Italicum. Par. 1724. T. I, стр. 237. Оно особенно замѣчательно, какъ почти единственный латинскій памятникъ, въ которомъ императоръ Алексѣй Комненъ находитъ для себя панегирикъ, въ противоположность показаніямъ другихъ западныхъ писателей той эпохи.

---

16. — Движеніе крестоносцевъ отъ Никеи къ Антіохіи. 27 іюня—21 октября 1097 г.

(Около 1120 г.).

Вторая книга.

Первыя 37 главъ второй книги [1]) авторъ посвящаетъ на описаніе сбора крестоносцевъ перваго похода въ Константинополь, говоритъ о ихъ переправѣ въ Малую Азію и разсказываетъ осаду Никеи крестоносцами до взятія города, въ концѣ іюня 1097 года. Затѣмъ, съ 38 главы и далѣе, онъ весьма подробно описываетъ послѣдующее движеніе крестоносной арміи отъ стѣнъ Никеи чрезъ всю Малую Азію и до Антіохіи, къ которой она прибыла 21 октября того же года, послѣ четырехмѣсячнаго пути.

XXXVIII. На слѣдующій день (27 іюня, 1097 г.), весь народъ пришелъ въ движеніе и, взявъ съ собою все необходимое, продолжалъ свой путь по срединѣ *Романіи* (т.-е. Малой Азіи), не опасаясь въ будущемъ никакихъ бѣдствій. Пилигримы, идя два дня соединенною арміею по ущельямъ горъ и узкимъ проходамъ, рѣшились потому подраздѣлить свое многочисленное войско, съ тѣмъ, чтобы имѣть болѣе простора для расположенія лагеря и чтобы легче добывать съѣстные припасы для самихъ себя и кормъ для лошадей. Соединившись снова между двухъ высокихъ горъ, они перешли по мосту какую-то рѣку, и Боэмундъ съ своею дружиною отдѣлился вторично отъ герцога Гот-

---

[1]) Первую книгу того же автора см. выше, въ ст. 8.

фрида. Боэмунда сопровождали самые именитые вожди, Робертъ, графъ Нормандіи, Стефанъ, князь Блоа, и всѣ они вмѣстѣ, взявъ направо (у Вильгельма Тирскаго, налѣво), держались такъ, чтобы не отдаляться отъ прочихъ товарищей болѣе какъ на одну милю. Самъ же герцогъ и сопровождавшіе его, епископъ Пюи (т.-е. Адемаръ) и графъ Раймундъ подвигались впередъ, идя направо (выше ошибка). Послѣ такого раздѣленія, Боэмундъ и вся армія прибыли въ девятомъ часу въ долину Догоргана (н. Горгона), которая въ новѣйшее время называется Озелли; пилигримы немедленно разошлись по лугамъ и по берегу ручейковъ, чтобы раскинуть свой лагерь, отдохнуть и подкрѣпиться пищею и прочимъ необходимымъ.

XXXIX. Но едва Боэмундъ и другіе отважные мужи сошли съ лошадей, какъ Солиманъ, собравшій, послѣ своего бѣгства отъ стѣнъ Никеи, союзныя силы въ Антіохіи, Тарсѣ, Алеппо и другихъ городахъ Романіи между турками, разсѣянными по странѣ, быстро появился предъ ними съ огромною арміею. Немедленно и безъ малѣйшаго отдыха онъ напалъ на войско христіанъ, и его люди, распространившись по всему лагерю, умерщвляли всѣхъ встрѣчавшихся имъ на пути; одни погибали отъ стрѣлъ, другіе отъ меча; многихъ же жестокій непріятель забиралъ въ плѣнъ. Народъ былъ объятъ ужасомъ и поднялъ крики; замужнія и незамужнія женщины погибали вмѣстѣ съ мужчинами и дѣтьми. Робертъ Парижскій, стремясь на помощь несчастнымъ, былъ пораженъ стрѣлою и немедленно умеръ. Боэмундъ и другіе вожди, озадаченные этимъ неожиданнымъ пораженіемъ, вскочили на лошадей, поспѣшно надѣли панцыри и, соединивъ остатокъ арміи въ одно цѣлое, защищались мужественно, не смотря на неожиданность нападенія, и долгое время выдерживали борьбу съ непріятелемъ. Вильгельмъ, братъ Танкреда, молодой человѣкъ необыкновенной красоты, полный отваги и только еще начинавшій военное поприще, храбро сопротивлялся и часто наносилъ туркамъ удары копьемъ, но стрѣла опрокинула его на глазахъ Боэмунда. Танкредъ также отважно защищался и съ трудомъ спасъ жизнь, оставивъ за собою значокъ, который былъ привязанъ къ копью, и тѣло убитаго брата. Турки, предводительствуемые своимъ княземъ Солиманомъ, взявъ верхъ, устремились въ лагерь, поражая своими роговыми луками и стрѣлами и избивая пѣшихъ людей, пилигримовъ, дѣвицъ, женщинъ, старцевъ и дѣтей, не щадя никакого возраста. Придя въ ужасъ отъ такихъ жестокостей и опасаясь для себя ужасной смерти, молодыя дѣвушки, и даже самыя благородныя, поспѣшили надѣть на себя лучшія одежды и явились предъ турками, въ надеждѣ, что они, укрощенные и вмѣстѣ воспламененные ихъ красотою, почувствуютъ жалость къ своимъ плѣнницамъ.

XL. Пока стадо вѣрующихъ оставалось въ отчаяніи, а самъ Боэмундъ, аттакованный врасплохъ, вмѣстѣ съ своими людьми, началъ сопротивляться съ меньшимъ жаромъ, и уже около 4 тысячъ человѣкъ христіанской арміи пали подъ ударами непріятеля, вѣстникъ, осѣдлавъ быстраго коня, летѣлъ надъ пропастями горъ и прибылъ печальный, задыхаясь, къ герцогу. Готфридъ, выйдя въ ту минуту изъ палатки, шелъ навѣстить своихъ товарищей по оружію. Замѣтивъ

издалека вѣстника, летѣвшаго изо всѣхъ силъ съ лицомъ блѣднымъ и искаженнымъ, онъ спросилъ его о причинѣ такой поспѣшности, чтобы передать о всемъ случившемся другимъ вождямъ. Неся важную и печальную новость, гонецъ отвѣчалъ ему: „Наши князья и самъ Боэмундъ выдерживаютъ въ эту минуту всю тяжесть утомительной битвы; надъ народомъ, слѣдовавшимъ за нимъ, уже произнесенъ смертный приговоръ, который скоро обрушится и на голову всѣхъ князей, если вы не поспѣшите къ нимъ на помощь. Турки ворвались въ нашъ лагерь; спустившись съ долины, называемой *Озелли*, т.-е. *Ужасною*, въ долину Догоргану, они безъ устали умерщвляютъ пилигримовъ: Робертъ Парижскій убитъ и ему отрублена голова; статный юноша Вильгельмъ, сынъ сестры Боэмунда, пораженный на смерть, заслуживаетъ нашего сожалѣнія. Вотъ почему всѣ союзники приглашаютъ васъ на помощь; не медлите и ускорьте свои шаги“.

XLI. Узнавъ о бѣдствіи своихъ братьевъ и о дерзости турокъ, герцогъ приказалъ трубить во всѣ стороны, созвать всѣхъ своихъ спутниковъ, схватиться за оружіе, поднять знамена и летѣть на помощь пилигримамъ, не давая себѣ отдыха. Немедленно и какъ бы идя на веселое пиршество, христіане спѣшатъ взяться за оружіе, надѣть панцыри, подпоясаться мечемъ, взнуздать и осѣдлать лошадей, захватить свои щиты, и 60 тысячъ рыцарей выходятъ изъ лагеря, сопровождаемые толпами пѣхоты. День былъ уже въ полномъ блескѣ, солнце сіяло великолѣпно; его лучи отражались на золотыхъ щитахъ и желѣзныхъ панцыряхъ; знамена и привязанные къ пикамъ пурпуровые значки, разукрашенные драгоцѣнными каменьями, сверкали, развѣваясь; всякій пришпоривалъ быстраго коня; никто не поджидалъ брата или товарища, и спѣшилъ, какъ могъ, на помощь христіанамъ, чтобы отомстить за нихъ. Видя нашихъ поспѣшавшими на помощь своимъ братьямъ и пылавшими жаждою битвы, притомъ въ большомъ числѣ, покрытыхъ желѣзомъ и съ распущенными по вѣтру знаменами, блестящими боевыми значками, турки обратились въ бѣгство; пораженные ужасомъ и оставивъ убійство, одни спасались по полямъ, другіе бросились по тропинкамъ, имъ извѣстнымъ. Но Солиманъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, отступилъ на вершину горы и, остановившись тамъ, началъ готовиться къ новой схваткѣ съ христіанами.

XLII. Герцогъ Готфридъ, имѣя подъ собою быстраго коня, прибылъ первымъ съ 50 своихъ соратниковъ, выстроилъ народъ, слѣдовавшій по его стопамъ, и не медля двинулся на вершину горы, чтобы вступить въ рукопашную съ турками; а турки, собравшись на горѣ, стояли неподвижно и готовились къ сопротивленію. Наконецъ, соединивъ всѣхъ своихъ, Готфридъ бросился на выжидавшаго непріятеля, направилъ на него всѣ копья и громкимъ голосомъ увѣщевалъ соратниковъ нападать неустрашимо. Тогда турки и ихъ предводитель Солиманъ, видя, что герцогъ Готфридъ и его люди съ мужествомъ настаиваютъ на битвѣ, опустили поводья лошадямъ и быстро побѣжали прочь съ горы. Готфридъ преслѣдовалъ ихъ на разстояніи 6 миль, поражая однихъ мечемъ, другихъ забирая въ плѣнъ, захватывая богатую добычу и вырывая изъ ихъ рукъ дѣвицъ, юношей и все, что они старались унести и увести съ собою. Герардъ изъ Керизи, пре-

слѣдуя также непріятеля на прекрасномъ конѣ, завидѣлъ турка, остановившагося на вершинѣ горы съ увѣренностью въ собственныя силы, и бросился отважно на него; но турокъ, пронзивъ стрѣлою его щитъ, поразилъ его между печенью и легкими и, опрокинувъ замертво на землю, увелъ съ собою его лошадь. Балдуинъ, графъ Геннегау (comes Hamaicorum, откуда нов. Hainaut), мужъ славный щедрою милостынею, и Робертъ Фландрскій обратили турокъ въ бѣгство и, разъѣзжая во всѣ стороны, ободряли безпрестанно своихъ, съ тѣмъ, чтобы они били безъ устали и чтобы никто изъ нихъ не останавливался въ преслѣдованіи и не отказывался отъ рѣзни. Балдуинъ Бургскій, Ѳома изъ замка Ферія, Райнольдъ Бовезскій, Вала Кальмонтскій, Готардъ, сынъ Готфрида, Гастъ изъ Беарна (Berdeiz) и Рудольфъ — всѣ они трудились съ одинаковымъ рвеніемъ и, какъ храбрые рыцари, безпрестанно преслѣдовали турокъ и истребляли ихъ подъ своими ударами. Бока лошадей поднимались отъ ускореннаго дыханія, и паръ отъ нихъ выходилъ облакомъ изъ рядовъ. Время отъ времени, турки, въ надеждѣ на свою многочисленность, собравъ силы, давали мужественный отпоръ и бросали въ воздухъ стрѣлы, ниспадавшія частымъ градомъ. Но едва только эта туча стрѣлъ разсѣявалась, какъ вѣрные, сохраняя постоянно въ рукахъ копья, которыми они поражали непріятеля, бросались на него снова и, разнося смерть по его рядамъ, принудили, наконецъ, турокъ, побѣжденныхъ и поставленныхъ внѣ возможности защищаться, бѣжать надъ пропастями горъ и спасаться по тропинкамъ, имъ однимъ извѣстнымъ.

XLIII. Побѣдоносные христіане овладѣли всѣмъ, что турки везли за собою; въ награду за это дѣло они захватили хлѣбъ, множество вина, буйволовъ, быковъ, барановъ, верблюдовъ, ословъ, муловъ, лошадей и, сверхъ того, драгоцѣнное золото, неизмѣримое количество серебра и палатки, покрытыя украшеніями и удивительною работой. Торжествуя счастливый успѣхъ битвы, Боэмундъ и всѣ другіе князья, поименованные мною и бывшіе вождями и опорою войска, соединились въ величайшемъ согласіи и держали совѣтъ, на которомъ постановили, начиная съ этого дня, единодушно собирать съѣстные припасы и сложить ихъ въ одно мѣсто; и это было сдѣлано сообразно съ тѣмъ постановленіемъ. Во время схватки и пока турки бѣжали, нѣсколько рыцарей христіанскихъ погибло отъ стрѣлъ; турки, какъ разсказываютъ, потеряли три тысячи человѣкъ. Послѣ такой жестокой битвы витязи Христа отдыхали три дня на берегу рѣки, чтобъ подкрѣпить свои утомленные члены, и питались добычей, которую имъ оставили въ изобиліи убитые турки. Находившіеся тамъ епископы, священники и монахи предали землѣ тѣла умершихъ, читая молитвы, и, распѣвая псалмы, поручали души вѣрныхъ Господу Іисусу Христу. Солиманъ, побѣжденный и съ трудомъ спасшійся, перешелъ горы Романіи; онъ не могъ болѣе разсчитывать на городъ Никею, и горько оплакивалъ свою жену, дѣтей и всѣхъ, кого онъ прежде потерялъ на никейскихъ поляхъ отъ меча галловъ, а равно и тѣхъ, которыхъ онъ недавно лишился въ долинѣ Горгоны и которые или попались въ плѣнъ, или пали во время битвы.

Книга третья.

I. Въ четвертый день по отступленіи непріятеля, съ разсвѣтомъ дня, французы, лотаринги, швабы, бавары, фламандцы и весь нѣмецкій народъ вышли изъ лагеря и, захвативъ съ собою все необходимое, равно какъ и добычу, отнятую у турокъ, расположились на вершинѣ *Черныхъ-Горъ*, гдѣ и провели ночь. На слѣдующее утро норманны, бургунды, бретоны, швабы, бавары, нѣмцы, однимъ словомъ, вся армія, спустились въ долину *Малабіумасъ* и оставались тамъ нѣсколько дней, какъ по затруднительности пути въ узкихъ горныхъ проходахъ, такъ и по причинѣ своей многочисленности и чрезмѣрныхъ жаровъ мѣсяца августа (1097 г.). Въ одинъ изъ дней шабаша (sabbati) этого мѣсяца оказался недостатокъ въ водѣ болѣе обыкновеннаго, такъ что въ тотъ самый день, по словамъ присутствовавшихъ при этомъ, около 500 человѣкъ обоего пола погибли въ мукахъ жажды. Лошади, ослы, верблюды, мулы, быки и другія животныя пали отъ той же самой причины.

II. Мы узнали не только по слухамъ, но изъ достовѣрныхъ разсказовъ лицъ, которыя сами пострадали отъ того бѣдствія, что мужчины и женщины претерпѣли въ этомъ печальномъ положеніи такія муки, которыя могутъ исполнить ужасомъ всякаго и разсказъ о которыхъ поразилъ бы сердце чувствомъ страха. Многія беременныя женщины, съ запекшимися губами и пылавшими внутренностями, съ нервами, истомленными отъ невыносимаго жара солнечныхъ лучей и раскаленной почвы, разрѣшались при всѣхъ и на томъ же мѣстѣ бросали новорожденныхъ. Другія несчастныя, оставаясь возлѣ тѣхъ, кого они произвели на свѣтъ, валялись на дорогѣ, забывъ всякій стыдъ и не имѣя силъ противиться ярости, возбуждаемой въ нихъ всепожирающими муками. Эти роды были преждевременны, ранѣе срока, назначеннаго природой; солнечный жаръ, томительность пути, мученіе продолжительной жажды, отдаленность воды, были причиною такихъ несвоевременныхъ родовъ; по дорогамъ валялись младенцы, мертвые или едва сохранившіе дыханіе. Мужчины, ослабѣвшіе отъ чрезмѣрной испарины, бродили съ открытымъ ртомъ, чтобъ больше вдыхать въ себя воздуха и уменьшить муки жажды, но все это не облегчало ихъ. Потому, какъ я сказалъ, въ этотъ день погибло много народу. Соколы и другія охотничьи птицы, составлявшія радость знатныхъ и благородныхъ господъ, околѣвали отъ жажды и жары на рукахъ тѣхъ, которые носили ихъ, и собаки, пріученныя къ охотѣ, падали у ногъ своихъ владѣтелей. Въ то время, когда всѣ были мучимы такимъ страшнымъ бѣдствіемъ, показалась вода той рѣки, которую такъ искали и такъ страстно желали. Всѣ бросились къ тому мѣсту, и въ толпѣ, бѣжавшей вдругъ, каждый старался опередить другого; никто не обнаружилъ умѣренности, и множество людей и животныхъ пострадало и, наконецъ, погибло отъ излишества въ утоленіи жажды.

III. Выйдя, наконецъ, изъ этихъ скалистыхъ ущелій, пилигримы, при своей многочисленности, рѣшили съ общаго согласія раздѣлить войско на нѣсколько отрядовъ. Танкредъ и Балдуинъ, братъ герцога

Готфрида, отдѣлившись вмѣстѣ съ своими людьми, прошли посреди Озелли. Танкредъ, идя впереди съ своимъ отрядомъ, приблизился къ двумъ сосѣднимъ городамъ, Гераклеѣ и Иконію (Reclei и Stancona), гдѣ жили христіане подъ игомъ турецкихъ подданныхъ Солимана. Балдуинъ же, слѣдуя по извилистымъ горнымъ тропинкамъ, почувствовалъ вскорѣ ужасный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; лошади, лишенныя корма, съ трудомъ передвигали ноги и еще менѣе могли нести на себѣ всадниковъ; герцогъ Готфридъ, Боэмундъ, Робертъ, Раймундъ шли вдалекѣ по королевской дорогѣ и, направляясь къ Малой Антіохіи, сосѣдней Гераклеѣ, рѣшились остановиться тамъ около девятаго часа дня. Наступилъ вечеръ; герцогъ Готфридъ и главные вожди раскинули свои палатки по близости горы, на хорошемъ мѣстѣ, среди луговъ, изумляясь красотѣ и богатству страны, въ которой они нашли превосходную охоту, любимую потѣху и упражненіе рыцарства. Утвердившись тамъ, сложивъ свое оружіе и добычу и видя предъ собою лѣсъ, наполненный дичью, они взяли свои луки и колчаны, подпоясались мечемъ и отправились туда искать дичи при помощи чутья собакъ, чтобъ погоняться и добыть чего нибудь.

IV. Когда они углублялись такимъ образомъ въ глубину лѣсовъ, каждый слѣдуя своею дорогою, чтобы помѣститься въ засадѣ, герцогъ Готфридъ замѣтилъ громаднаго медвѣдя, наружность котораго приводила въ ужасъ. Звѣрь напалъ на бѣднаго пилигрима, собиравшаго лознякъ, и преслѣдовалъ его, чтобы пожрать, вертясь около дерева, на которомъ несчастный искалъ убѣжища; судя по разсказамъ тѣхъ, кто успѣвалъ спастись, этотъ медвѣдь имѣлъ обычай гоняться такимъ образомъ за пастухами и за всѣми, которые входили въ лѣсъ. Герцогъ, привыкшій и всегда готовый подать помощь христіанамъ, своимъ братьямъ, въ ихъ несчастіи, извлекаетъ немедленно мечъ и, давъ сильно шпоры коню, летитъ вырвать несчастнаго изъ когтей и зубовъ кровожаднаго звѣря; испустивъ громкій крикъ, онъ устремился чрезъ густой кустарникъ и становится лицомъ къ лицу съ жестокимъ врагомъ. Медвѣдь, замѣтивъ, что на него несется конь со всадникомъ, увѣренный въ своей ярости и въ раздирающей силѣ своихъ когтей, немедленно идетъ на встрѣчу герцогу, раскрываетъ пасть, какъ бы желая разорвать его на части, поднимается на дыбы, чтобы защищаться или, скорѣе, чтобы напасть, выпускаетъ свои когти, принимаетъ мѣры для обороны головы и лапъ отъ ударовъ меча и постоянно увертывается отъ герцога, заносившаго на него руку; въ то же время ревъ звѣря потрясаетъ лѣсъ и горы, и слышавшіе его не могли довольно надивиться тому. Герцогъ, видя, что злой и хитрый звѣрь сопротивляется съ дерзостною отвагою, въ волненіи и съ негодованіемъ обращаетъ на него остріе меча, неосмотрительно наскакиваетъ на звѣря и въ яростномъ ослѣпленіи старается проколоть врага. Къ несчастью, звѣрь и на этотъ разъ увернулся отъ удара и, запустивъ когти въ тунику герцога, схватилъ его въ лапы, стащилъ съ лошади и, бросивъ на землю, былъ готовъ растерзать его своими зубами. Въ этой ужасной крайности, герцогъ, вспомнивъ свои многочисленные подвиги и опасности, отъ которыхъ онъ до того дня благородно из-

бавлялся, и полный отчаянія въ виду того, какъ ему предстояло быть раздавленнымъ и постыдно умереть подъ зубами дикаго звѣря, собралъ всѣ силы и быстро сталъ на ноги. Въ минуту неожиданнаго паденія съ лошади, когда онъ боролся съ разъяреннымъ животнымъ, мечъ его запутался между ногъ; хотя онъ успѣлъ схватить его за рукоятку и бросился, чтобы заколоть врага, но еще прежде того онъ нанесъ себѣ широкую рану въ ляжку и нервы, которые тамъ проходятъ. Кровь его полилась обильно и сокращала его силы; однако онъ не уступалъ звѣрю и оставался на ногахъ, защищаясь съ отчаяніемъ. Наконецъ, одинъ изъ его свиты, по имени Гузекинъ, услышавъ пронзительный крикъ того бѣдняка, который былъ избавленъ отъ смерти, и страшный ревъ медвѣдя, разносившійся по лѣсу, быстро понесся на помощь герцогу; обнаживъ мечъ и вмѣстѣ съ герцогомъ напавъ на свирѣпое чудовище, онъ пронзилъ ему грудь и бокъ. Наконецъ, дикій звѣрь палъ, и герцогъ, почувствовавъ тогда въ первый разъ боль отъ раны и ослабѣвъ отъ значительной потери крови, поблѣднѣлъ и потерялъ чувство. Все войско было встревожено этою печальною новостью. Всякій спѣшилъ къ мѣсту, откуда несли раненаго могучаго витязя, главу совѣта и вождя пилигримовъ. Князья войска, положивъ его на носилки, отправили тотчасъ въ лагерь и прибыли, пораженные печалью, среди плача мужчинъ и стона женщинъ. Призвали лучшихъ медиковъ позаботиться о его исцѣленіи; мясо же звѣря было раздѣлено между князьями, и всѣ единогласно признали, что имъ никогда еще не случалось видѣть медвѣдя такой величины.

V. Пока герцогу мѣшала его тяжелая рана, армія подвигалась весьма медленно. Танкредъ, опередя прочихъ, слѣдовалъ по королевской дорогѣ и, оставя позади Балдуина, брата герцога, направился къ морскому берегу. Перейдя чрезъ скалы и долину Бутрентъ, онъ явился къ вратамъ Іуды, и такимъ образомъ достигъ города Тарса, называемаго обыкновенно Турсольтомъ; этимъ городомъ и его башнями владѣли турки, поставленные Солиманомъ. Армянинъ, знавшій Танкреда, по случаю пребыванія у него, обѣщалъ ему склонить жителей города, страдавшихъ подъ тягостнымъ игомъ турокъ, выдать городъ Танкреду съ осторожностью и тайно отъ непріятеля, если представится къ тому удобный случай. Но жители, устрашенные присутствіемъ и бдительностью турокъ, не торопились исполнить предложеніе армянина, и потому Танкредъ двинулся впередъ, опустошилъ морской берегъ, сосѣдній городу, пріобрѣлъ много добычи для того, чтобы предпринять осаду, и, воротившись, раскинулъ палатки вокругъ стѣнъ. Оттуда, угрожая безпрестанно туркамъ, занимавшимъ укрѣпленія и башни, онъ далъ имъ знать о прибытіи Боэмунда съ сильною арміею, слѣдовавшею за нимъ, и объявилъ, что его войско до тѣхъ поръ не прекратитъ своихъ нападеній, пока не овладѣетъ городомъ и всѣми жителями, какъ то случилось въ Никеѣ; но если, напротивъ того, они покорятся и откроютъ ворота, то не только будутъ пощажены Боэмундомъ и сохранятъ свою жизнь, но еще получатъ много подарковъ и будутъ признаны достойными владѣть этимъ городомъ и другими крѣпостями.

VI. Увлеченные этими обѣщаніями, можетъ быть уже слишкомъ

широкими, турки дали слово Танкреду выдать городъ, съ условіемъ, что они не подвергнутся ни малѣйшей опасности и не испытаютъ никакого насилія отъ войскъ, которыя могли бы явиться послѣ него, прежде нежели городъ и крѣпость будутъ сданы Боэмунду. Танкредъ, не отвергая такихъ условій, заключилъ съ ними договоръ, по которому его знамя должно было быть поставлено турками на самомъ высокомъ мѣстѣ укрѣпленія, какъ знакъ, который возвѣститъ Боэмунду, при его появленіи, что Танкредъ овладѣлъ городомъ, и такимъ образомъ они останутся въ совершенной безопасности. Между тѣмъ Балдуинъ, братъ герцога Готфрида, Петръ, графъ Стене (Stadeneis), Райнольдъ, графъ Тула, человѣкъ весьма ловкій, и Балдуинъ Бургскій, знаменитый юноша, будучи соединены дружбою, уклонились на другую дорогу и въ теченіе трехъ дней не имѣли сообщенія съ арміею, блуждая по горамъ, въ мѣстахъ пустынныхъ и совершенно невѣдомыхъ, терпя при томъ недостатокъ въ припасахъ. Сбившись такимъ образомъ съ пути, они были наконецъ приведены случаемъ на вершину горы. Оттуда они завидѣли палатки Танкреда, раскинутыя въ долинѣ предъ стѣнами Тарса, и ихъ объялъ ужасъ, такъ какъ они приняли своихъ за турокъ. Съ своей стороны, и Танкредъ почувствовалъ большой страхъ, замѣтивъ вдалекѣ людей на вершинѣ горы, и полагалъ, въ свою очередь, что то были турки, спѣшившіе на помощь осажденнымъ соотечественникамъ. Между тѣмъ, когда первые начали спускаться, трепеща за свою жизнь и почти умирая отъ голода, Танкредъ, какъ доблестный витязь, объявилъ своимъ, что дѣло идетъ о защитѣ жизни. Турки, соединившись въ числѣ 500 на укрѣпленіяхъ и въ башняхъ, съ цѣлью обозрѣть долину и позаботиться о защитѣ, также замѣтили Балдуина и его войско и также приняли его за своего союзника, а потому разразились въ упрекахъ и угрозахъ Танкреду, говоря: „Смотри, къ намъ идутъ на помощь; напрасно ты думалъ, что мы въ твоихъ рукахъ; напротивъ, ты и всѣ твои будутъ истреблены нашею силой. А потому ты можешь считать недѣйствительнымъ договоръ, который мы напрасно заключили съ тобою. Если мы оставляли тебя спокойнымъ въ лагерѣ, то потому только, что у насъ была надежда на помощь, и это войско, которое ты видишь, идетъ на твою погибель и на погибель твоихъ“. Танкредъ, юноша непоколебимой храбрости, не обратилъ большого вниманія на угрозы турокъ и отвѣчалъ имъ: „Если это ваши рыцари или князья, то, клянусь Богомъ, мы не боимся ихъ и отважимся идти имъ на встрѣчу; когда милостью божіей мы побѣдимъ ихъ, ваше хвастовство и кичливость не останутся безнаказанными. Если же за свои грѣхи мы не устоимъ противъ нихъ, то это не спасетъ васъ отъ рукъ Боэмунда и его арміи“. Съ этими словами, Танкредъ, собравъ своихъ спутниковъ, покрытыхъ блестящимъ оружіемъ, панцырями, шлемами и сидѣвшихъ на быстрыхъ коняхъ, идетъ на встрѣчу Балдуину. Турки же съ высоты своихъ стѣнъ громко трубятъ въ рога и звучныя трубы съ намѣреніемъ испугать Танкреда. Но вскорѣ обѣ стороны узнали христіанскія знамена, и, видя предъ собою братьевъ и соотечественниковъ, всѣ залились слезами радости и поздравляли другъ друга съ избавленіемъ божіею милостью отъ опасности, которая имъ угрожала. Оба

ограда немедленно соединились и, съ общаго согласія, раскинули свои палатки предъ городскими стѣнами; быки и бараны—добыча, собранная христіанами въ горахъ этой страны, были зарѣзаны, изготовлены и поставлены на огонь; голодъ, мучившій ихъ съ давняго времени, научилъ ихъ ѣсть мясо безъ соли, и всѣ одинаково были принуждены обойтись безъ хлѣба. Городъ былъ укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ; въ немъ считалось много жителей и онъ былъ расположенъ въ плодоносной равнинѣ, орошаемой красивыми ручейками и покрытой чудесными лугами; пилигримы изумлялись крѣпости стѣнъ, неодолимыхъ для человѣка, если Богъ не поможетъ ихъ предпріятію.

VIII. На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, Балдуинъ и его дружина, вставъ, направились къ стѣнамъ крѣпости и замѣтили хорошо имъ извѣстное знамя Танкреда, развѣвавшееся на самой высокой башнѣ укрѣпленія, вслѣдствіе договора, который былъ имъ заключенъ съ турками. Исполненные чрезмѣрнаго негодованія и воспламененные гнѣвомъ, они тотчасъ же разразились бранью и оскорбленіями противъ Танкреда и его людей, обнаруживая при этомъ свое презрѣніе къ гордости и притязаніямъ Танкреда и Боэмунда и топча ихъ въ грязь. Такія рѣчи и тому подобныя довели бы до открытой борьбы, еслибы люди болѣе благоразумные не выразили намѣренія отправить съ обѣихъ сторонъ пословъ къ армянскимъ жителямъ съ вопросомъ, кому они предпочитаютъ подчиниться и кого они больше желаютъ. Всѣ заявили немедленно, что они довѣряютъ Танкреду болѣе, нежели какому-нибудь другому князю; но они говорили такъ не по убѣжденію, а по страху, который внушало имъ извѣстіе о скоромъ прибытіи Боэмунда: и не должно удивляться тому, ибо, еще задолго до похода, Боэмундъ составилъ себѣ громкую военную славу въ Греціи, Романіи, Сиріи, между тѣмъ какъ имя герцога Готфрида только, что начинало пріобрѣтать извѣстность.

IX. Услышавъ такой отвѣтъ, пылкій Балдуинъ предался полному увлеченію гнѣва противъ Танкреда, и въ его присутствіи произнесъ туркамъ и жителямъ города грозныя слова, которыя и были переведены толмачами: „Не воображайте себѣ, чтобы Боэмундъ и этотъ Танкредъ, которыхъ вы чтите и боитесь, были самые знатные и могущественные люди въ христіанской арміи, и чтобы они могли сравняться съ моимъ братомъ Готфридомъ, герцогомъ и княземъ воинства всей Галліи или съ кѣмъ-нибудь другимъ въ его фамиліи. Мой братъ герцогъ считается княземъ великаго государства и вассаломъ августѣйшаго императора римлянъ, въ силу правъ, наслѣдованныхъ имъ отъ благородныхъ предковъ, и пользуется уваженіемъ всего войска; всѣ, отъ мала до велика, повинуются его голосу и совѣтамъ, ибо онъ всѣми избранъ и поставленъ главою и господиномъ. Знайте, что вы и все, что̀ вамъ принадлежитъ, будетъ разрушено и истреблено огнемъ и мечемъ по приказанію герцога, и ни Боэмундъ, ни этотъ Танкредъ не выступятъ за васъ и не явятся вашими защитниками. Самъ Танкредъ, въ пользу котораго вы объявили себя, не уйдетъ сегодня отъ нашихъ рукъ, если вы не свергнете знамени съ своей башни, которое онъ воздвигнулъ на оскорбленіе намъ и для своего возвеличенія, и если вы не откроете намъ воротъ вашего города. Удовлетворите на-

шему желанію, сбросивъ знамя и сдавъ крѣпость, тогда и вы будете поставлены нами надъ всѣми жителями этой страны, получите почести въ присутствіи моего господина и брата герцога и подарки достойные васъ". Увлеченные такими надеждами и сладкими рѣчами, турки и граждане, безъ вѣдома Танкреда, заключили дружественный договоръ съ Балдуиномъ; вслѣдъ за этимъ знамя Танкреда было снято съ высокой башни и постыдно брошено прочь отъ стѣнъ въ болото, а на его мѣстѣ немедленно водрузили знамя Балдуина.

X. Танкредъ, увидя, что его знамя исчезло и уступило мѣсто знамени Балдуина, былъ тѣмъ весьма опечаленъ, но терпѣливо перенесъ обиду. Понявъ, что такое обстоятельство повлечетъ за собою раздоръ между ихъ людьми и зная, что его войско уступаетъ сопернику, и числомъ, и вооруженіемъ, онъ не желалъ продолжать несогласія и отправился въ сосѣдній городъ, называемый Азарою (Аденъ въ Малой Арменіи), хорошо укрѣпленный и богатый. Найдя городскія ворота запертыми, онъ не могъ получить дозволенія войти въ городъ. Городомъ же этимъ владѣлъ нѣкто Вельфъ, уроженецъ королевства Бургундскаго, знаменитый рыцарь, который, побѣдивъ и изгнавъ турокъ, овладѣлъ этимъ мѣстомъ, найдя въ немъ золото, серебро, драгоцѣнныя одежды, съѣстные припасы, быковъ, вина, масло, пшеницу, жито и все необходимое. Вельфъ выступилъ на встрѣчу арміи съ отрядомъ. Танкредъ, найдя ворота запертыми и узнавъ, что городъ занятъ христіанскимъ предводителемъ, отправилъ къ нему пословъ и просилъ чрезъ нихъ настоятельно быть допущеннымъ въ городъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться гостепріимствомъ и закупить на выгодныхъ условіяхъ все, въ чемъ они нуждались. Вельфъ, принявъ это предложеніе, приказалъ открыть ворота, ввести въ городъ предводителя и его спутниковъ и доставить имъ все необходимое.

XI. По удаленіи Танкреда, Балдуинъ обратился снова къ туркамъ съ предложеніями и обѣщалъ имъ, именемъ герцога, почести и великія награды, а именно поставить ихъ не только надъ Тарсомъ, но и надъ многими другими городами, если они откроютъ городскія ворота и впустятъ его съ людьми, а онъ дастъ имъ клятву, протянувъ правую руку. Турки и армяне, видя, что Танкредъ удалился и Балдуинъ удержалъ одинъ за собою власть, приняли это предложеніе; давъ и получивъ обоюдно клятву, они открыли ворота и впустили Балдуина съ его людьми. Но въ то же время они объявили, что намѣрены сохранить свой гарнизонъ во всѣхъ укрѣпленіяхъ до прихода герцога Готфрида и его арміи, чтобы, сообразно обѣщаніямъ Балдуина, договориться съ нимъ самимъ о подаркахъ и другихъ знакахъ милости герцога, равно о сдачѣ крѣпости и о другихъ пунктахъ, пожелаютъ ли они сами принять христіанскую вѣру, или предпочтутъ остаться съ обрядами язычества. Потому они сдали Балдуину только двѣ главныя башни, гдѣ онъ могъ бы утвердиться и пребывать съ полною безопасностью; остальная же его армія была размѣщена по домамъ и въ различныхъ частяхъ города. Когда пилигримы и ихъ вождь Балдуинъ вступили въ городъ и расположились на покой, къ вечеру, въ слѣдующій день послѣ того, къ городскимъ стѣнамъ подошло 300 пилигримовъ изъ племени и свиты Боэмунда, отдѣлившихся отъ арміи и

шедшихъ по слѣдамъ Танкреда въ шлемахъ и вооруженіи. По приказанію Балдуина и по совѣту его вельможъ, ворота были заперты предъ ними. Утомленные большимъ переходомъ и истощивъ всѣ запасы, они умоляли о гостепріимствѣ и о дозволеніи купить все необходимое; простой народъ (plebeji ordinis) изъ войска Балдуина просилъ о томъ же, говоря, что они братья и такіе же христіане. Но Балдуинъ рѣшительно отказалъ въ этой просьбѣ, потому что пилигримы шли на помощь Танкреду, и сверхъ того онъ обязался въ своемъ договорѣ съ турками и армянами не допускать въ городъ никакого войска до прибытія герцога Готфрида.

XII. Собратья и пилигримы дружины Балдуина, видя, что новые пришельцы не могутъ никакимъ образомъ получить право входа, сжалились надъ ними и рѣшились бросить имъ за ворота и спустить по веревкѣ хлѣба и мяса для пищи. Подкрѣпивъ свои силы, они, подавленные усталостью, предались сну въ ночной тишинѣ; турки же, остававшіеся по договору въ башняхъ, отчаявшись въ своемъ спасеніи и не довѣряя вполнѣ Балдуину и его спутникамъ во Христѣ, держали между собою тайный совѣтъ и въ числѣ трехъ-сотъ, вмѣстѣ съ сокровищами и имуществомъ, перешли по извѣстному имъ однимъ броду рѣку, протекавшую по срединѣ города; они вышли въ совершенной тишинѣ, между тѣмъ какъ Балдуинъ и его люди крѣпко спали, и оставили за собою въ башняхъ всего 200 человѣкъ единоплеменниковъ изъ своего слабаго отряда, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ христіанахъ. Едва они вышли, какъ напали неожиданно на пилигримовъ, которые расположились въ равнинѣ противъ города и искали въ снѣ отдохновенія отъ усталости; однимъ отрубивъ голову, другихъ умертвивъ, иныхъ проколовъ стрѣлами, они не оставили въ живыхъ ни одного, или почти ни одного, изъ тѣхъ, которые прибыли наканунѣ.

XIII. Когда наступило утро, христіане, находившіеся въ крѣпости, пробудились и отправились на стѣну посмотрѣть, тамъ ли еще на равнинѣ ихъ братья, но они увидѣли всѣхъ ихъ умерщвленными оружіемъ турокъ, и кровь ихъ еще текла по равнинѣ. Такъ обнаружилось вѣроломство и коварство турокъ. Немедленно взволновался народъ каѳолическій по всему городу; всѣ побѣжали къ оружію, чтобы отомстить за убитыхъ измѣнниками братьевъ. Поспѣшно выламываютъ ворота башенъ и истребляютъ всѣхъ находившихся тамъ; ихъ крики и трубные звуки еще болѣе возбуждаютъ ярость нападавшихъ. Удивленный странными криками и волненіемъ раздраженнаго народа, Балдуинъ выходитъ изъ своей башни, садится на коня и несется по городу, приглашая военныхъ людей окончить бой и разойтись по квартирамъ, чтобы не нарушать утвержденныхъ обоюдно условій договора, пока онъ самъ не развѣдаетъ подробностей объ избіеніи христіанъ. Но смятеніе продолжалось, увеличиваясь все болѣе и болѣе; народъ былъ раздраженъ смертью пилигримовъ и въ своихъ шумныхъ восклицаніяхъ называлъ Балдуина виновникомъ всего за то несчастное распоряженіе, которое онъ сдѣлалъ; наконецъ, противъ него возстало такое множество народа и въ него стали пускать столько стрѣлъ, что онъ былъ вынужденъ удалиться въ башню и тамъ искать убѣжища для

спасенія своей жизни. Придя въ себя и укротивъ свою ярость, онъ удовлетворилъ народъ, извинившись и объявивъ, что онъ ничего не зналъ о жестокости турокъ, и что если онъ не допустилъ въ городъ людей Бога живаго, то только потому, что онъ обязался предъ турками и армянами клятвенно принимать однихъ своихъ людей до прибытія герцога. Извинивъ себя такимъ образомъ и примирившись съ народомъ, Балдуинъ напалъ на башни, въ которыхъ еще находились турки, остатокъ того слабаго отряда; вмѣстѣ съ нимъ напали и его люди и, мстя за смерть своихъ братьевъ, отрубили голову, по крайней мѣрѣ, двумъ-стамъ человѣкъ. Многія знатныя женщины въ городѣ обвиняли этихъ самыхъ турокъ и показывали свои урѣзанныя уши и ноздри за отказъ прелюбодѣйствовать съ ними. Такое безславіе и такія обвиненія воспламенили еще болѣе народъ христовъ противу турокъ и побудили къ большому кровопролитію.

XIV. Спустя нѣсколько дней, люди Балдуина, разсѣявшись по стѣнамъ, увидѣли вдалекѣ, около трехъ миль отъ морского берега, большое число кораблей различной формы; ихъ громадныя и вызолоченныя мачты сіяли подъ солнечными лучами. Люди, плававшіе на этихъ корабляхъ, сошли на морской берегъ и дѣлили между собою богатую добычу, которую они собрали въ теченіе долгаго времени, а именно около семи лѣтъ. Замѣтивъ ихъ, пилигримы сначала подумали, что это были непріятели, призванные тѣми, которые бѣжали ночью, по избіеніи христіанъ. Бросившись къ оружію и отправясь толпою на берегъ, одни верхомъ, другіе пѣшкомъ, они спрашивали ихъ громкимъ и твердымъ голосомъ, зачѣмъ они прибыли туда и какой они націи. Иностранцы отвѣчали, что они христіанскіе рыцари изъ Фландріи, Антверпена, Фрисландіи и другихъ частей Галліи, и вотъ уже 8 лѣтъ до настоящаго дня ведутъ жизнь пиратовъ. Потомъ они, въ свою очередь, спросили пилигримовъ, что́ побудило ихъ оставить римскую и нѣмецкую землю и пойти въ изгнаніе къ варварскимъ народамъ. На это тѣ разсказали о предметѣ своего пилигримства и объявили, что они идутъ въ Іерусалимъ на поклоненіе Господу. Узнавъ другъ друга по языку и разговору, они, протянувъ руки, обязались взаимно сдѣлать путешествіе въ Іерусалимъ. Начальникомъ и вождемъ товарищества въ этомъ морскомъ ополченіи былъ нѣкто Винемаръ, родомъ изъ Булони, одинъ изъ домочадцевъ графа Евстафія, богатаго владѣтеля той земли. Соединившись другъ съ другомъ узами вѣрности, пришельцы оставили корабли, унесли съ собою свою богатую добычу и имущество и поднялись съ Балдуиномъ къ городу Тарсу, гдѣ и оставались нѣсколько дней, наслаждаясь всѣми земными благами, предаваясь радости и пируя въ изобиліи. Потомъ, послѣ совѣщанія, для защиты города было оставлено 300 моряковъ, и сверхъ того Балдуинъ отдѣлилъ для той же цѣли 200 изъ своихъ людей. Сдѣлавъ такія распоряженія, Балдуинъ вышелъ изъ Тарса вмѣстѣ съ своими людьми и иностранцами, и всѣ они, соединивъ свои силы, пошли по королевской дорогѣ, при звукѣ трубъ и роговъ.

Въ послѣдующихъ четырехъ главахъ, XV, XVI, XVII и XVIII, авторъ, возвращаясь къ оставленному имъ Танкреду, говоритъ, какъ онъ изъ Азары

двинулся къ г. Мамистрѣ и овладѣлъ ею; но вскорѣ туда прибылъ и Балдуинъ. Между ними произошла битва, въ которой Танкредъ былъ разбитъ; однако христіане, въ виду главной своей цѣли, рѣшились прекратить личныя междоусобія. Далѣе, авторъ описываетъ подвиги Балдуина, который при Мамистрѣ отдѣлился отъ арміи съ 700 рыцарей, получивъ приглашеніе изъ Арменіи, гдѣ онъ овладѣлъ Турбайсселемъ и Равенелемъ, и вмѣстѣ подчинилъ своей власти всю страну. Но въ это время дружина Балдуина получила новое приглашеніе, отклонившее ее совершенно отъ главной цѣли, т. е. похода въ Іерусалимъ, и имѣвшее своимъ послѣдствіемъ основаніе перваго Латинскаго государства на Востокѣ.

XIX. Нѣсколько дней спустя (по овладѣніи Турбайсселемъ), когда слава Балдуина распространилась во всѣ стороны и разнесла между непріятелями молву о его подвигахъ, владѣтель (dux) города Роасъ, иначе называемаго Эдессою и лежащаго въ Месопотаміи, отправилъ къ Балдуину епископа этого города съ двѣнадцатью его старѣйшинами, составлявшими совѣтъ, который завѣдывалъ всѣми дѣлами страны, и приглашалъ его явиться къ нимъ вмѣстѣ съ галльскими рыцарями для защиты земли отъ вторженія турокъ, опустошавшихъ ее безпрестанно, за что предлагалось ему участіе въ верховной власти и доходахъ и податяхъ, которыми пользовался владѣтель. Балдуинъ, посовѣтовавшись, принялъ это предложеніе и отправился всего съ 500 рыцарей, оставивъ другія свои силы въ Турбайсселѣ, Равенелѣ и въ другихъ мѣстахъ, подчинившихся его власти, по изгнаніи турокъ. Пока онъ поспѣшно шелъ къ Евфрату и уже намѣревался перейти эту большую рѣку, турки и другіе враги, собравшіеся со всѣхъ сторонъ, приблизились въ числѣ 20 тысячъ человѣкъ съ цѣлью преградить переходъ. Узнавъ ихъ силу и многочисленность кавалеріи, Балдуинъ, не имѣя возможности одолѣть столько тысячъ непріятелей, пошелъ обратно дорогою въ Турбайссель. Но лишь только турки разошлись и вернулись въ свои укрѣпленія, какъ Балдуинъ снова пустился въ походъ съ 200 рыцарей и направился къ Эдессѣ, имѣя путеводителями нѣсколькихъ вѣрныхъ; онъ совершилъ свой путь, не встрѣчая никакихъ препятствій, ни враговъ, и весьма счастливо перешелъ чрезъ Евфратъ.

XX. Едва только распространилось въ городѣ извѣстіе о прибытіи столь славнаго и знаменитаго князя, какъ сенаторы и всѣ узнавшіе о томъ исполнились радостью: и малые, и большіе вышли вмѣстѣ на встрѣчу ему съ трубами и музыкою всякаго рода и ввели его съ торжествомъ въ городъ, оказывая ему почести, какія подобаютъ столь великому мужу. Вслѣдствіе такого славнаго пріема, когда Балдуинъ и его люди вошли и расположились во внутренности города, владѣтель его, самъ призвавшій Балдуина, по совѣту своихъ 12 сенаторовъ, для лучшей защиты отъ непріятеля, будучи оскорбленъ похвалами и почестями, которыя народъ и сенаторы расточали пришельцамъ, почувствовалъ скоро въ глубинѣ своего сердца сильную зависть и никакъ не хотѣлъ, чтобы Балдуинъ управлялъ страною и городомъ и пользовался равною частью доходовъ и податей. Впрочемъ онъ объявилъ въ то же время, что онъ даетъ ему золота, серебра, пурпура,

муловъ, лошадей и оружія въ изобиліи, если тотъ пожелаетъ защищать его, жителей и страну противъ козней и нападеній турокъ, и отправится, какъ союзникъ, въ назначенное мѣсто. Но Балдуинъ рѣшительно отказался отъ всѣхъ подарковъ владѣтеля при такихъ унизительныхъ условіяхъ и ограничился просьбой препроводить его назадъ въ полной безопасности, чтобъ онъ могъ вернуться здравъ и невредимъ къ своему брату герцогу Готфриду, не подвергаясь никакимъ опасностямъ и не боясь злобныхъ козней. Двѣнадцать знатныхъ сенаторовъ, первѣйшіе граждане города и весь народъ, узнавъ, что ни золото, ни серебро, ни другіе многоцѣнные подарки не могутъ склонить Балдуина остаться, отправились къ владѣтелю и настоятельно просили его не отвергать такого благороднаго мужа, не допускать столь могущественнаго защитника удалиться, но, напротивъ того, пригласить его къ участію во власти и управленіи городомъ, чтобы, пользуясь покровительствомъ и защитою такой могучей длани, городъ и вся страна были обезпечены, и чтобы Балдуинъ не былъ обманутъ въ данныхъ ему обѣщаніяхъ.

XXI. Владѣтель Эдессы, видя то постоянство и величайшее расположеніе, которое оказывали Балдуину двѣнадцать сенаторовъ и всѣ его сограждане, уступилъ противъ воли ихъ просьбѣ и усыновилъ его съ соблюденіемъ обычаевъ, принятыхъ въ той странѣ и у того народа, а именно: прижалъ его къ своей обнаженной груди, надѣлъ ему на голое тѣло свою собственную рубашку, и оба послѣ того размѣнялись клятвою въ вѣрности. Когда такимъ образомъ между ними были установлены отношенія отца къ сыну, владѣтель пригласилъ однажды Балдуина, въ качествѣ сына, созвать всѣхъ своихъ рыцарей, за извѣстное жалованье, и вмѣстѣ съ гражданами Эдессы отправиться въ укрѣпленіе Самосату (Samusart), расположенную на Евфратѣ, для изгнанія Балдука, турецкаго князя, который напалъ и несправедливо занялъ Самосату, зависѣвшую отъ Эдессы. Балдукъ причинялъ жителямъ этого укрѣпленія невыносимое зло: онъ принудилъ угрозами выдать ему въ заложники большое число сыновей знатныхъ гражданъ для обезпеченія уплаты налоговъ и податей византійскою монетою, которые были выплачиваемы жителями за ихъ виноградники и жатвы. Балдуинъ не отклонилъ отъ себя этого перваго требованія со стороны владѣтеля и главнѣйшихъ гражданъ; онъ взялъ съ собою 200 изъ своей дружины и всѣхъ пѣшихъ и конныхъ людей, какихъ только могъ найти въ городѣ, и пошелъ для нападенія на Самосату, довѣряясь храбрости своихъ, которой было достаточно для причиненія зла непріятелю. Но Балдукъ и его люди выступили ему на встрѣчу при трубномъ звукѣ и осыпали прибывшихъ къ нимъ градомъ стрѣлъ, которыя остановили ихъ первый порывъ. Огромное число тѣхъ женоподобныхъ армянъ, которые дрались трусливо и вяло, было поражено, а Балдуинъ потерялъ не болѣе шести изъ своихъ храбрыхъ и могучихъ рыцарей. Они были погребены по христіанскому обряду, и смерть ихъ возбудила плачъ и сожалѣніе всѣхъ жителей города. Балдуинъ, видя, что ему будетъ невозможно овладѣть крѣпостью Самосатою, занятою турками, неутомимыми и мужественными въ бою, оставилъ своихъ людей, облеченныхъ въ панцыри и шлемы, съ ихъ лошадьми, въ

зданіи св. Іоанна, расположенномъ недалеко отъ крѣпости, чтобы они могли постоянно дѣйствовать противъ турокъ и утомлять ихъ безпрестанно; самъ же, сопровождаемый только 12 галлами, возвратился въ Эдессу.

XXII. Нѣсколько дней спустя, сенатъ и всѣ граждане, видя мудрость и твердость, съ которою Балдуинъ противился всѣмъ замысламъ турокъ, и убѣжденные, что городъ и ихъ укрѣпленія будутъ безопасны, пока находятся въ его рукахъ, пригласили съ горъ Константина, человѣка весьма могущественнаго, для совѣта съ нимъ, и вслѣдствіе того опредѣлили погубить своего владѣтеля, чтобы возвести на его мѣсто Балдуина и признать его своимъ вождемъ и господиномъ. Прежній владѣтель былъ въ постоянной борьбѣ съ ними; онъ причинялъ имъ всякое зло и отнялъ у нихъ неслыханное количество золота и серебра. Если кто-нибудь пытался противиться, то онъ не только возбуждалъ противъ такого злобу турокъ, подвергая его всякимъ опасностямъ, но, сверхъ того, побуждалъ ихъ сожигать виноградники и жатву и уводить стада. Вслѣдствіе того опредѣленія, всѣ жители города, и большіе, и малые, бросились однажды къ оружію и, надѣвъ панцыри, пошли къ Балдуину просить его содѣйствовать погибели владѣтеля, и вмѣстѣ объявили, что ими рѣшено, съ общаго согласія, провозгласить его самого вождемъ и господиномъ. Но Балдуинъ рѣшительно отказался участвовать въ такомъ преступленіи, потому что владѣтель усыновилъ его, и онъ самъ, не оскорбленный ничѣмъ, не можетъ имѣть повода согласиться или принять участіе въ низверженіи его. „Съ моей стороны, говорилъ онъ, было бы непростительнымъ преступленіемъ предъ Богомъ, еслибы я безъ всякой причины поднялъ руку на того, кого я призналъ своимъ отцомъ и кому далъ клятву въ вѣрности. Потому прошу васъ позволить мнѣ не марать себя его кровью и смертью и не унижать мое имя среди именъ другихъ князей христіанской арміи. Дайте мнѣ право пойти переговорить съ нимъ лично въ той башнѣ, гдѣ онъ живетъ до сегодня съ того времени, когда вы его провозгласили". Балдуинъ получилъ согласіе и, поднявшись на башню, говорилъ герцогу такъ: „Всѣ граждане и начальники города замышляютъ на твою жизнь и, въ своей ярости, бѣгутъ къ этой башнѣ, захвативъ съ собою всякаго рода оружіе. Мнѣ прискорбно видѣть все это и я огорченъ; но я употребилъ всѣ мѣры, чтобы ты могъ спастись или предупредить свою погибель отказавшись отъ всего, что принадлежитъ тебѣ". Едва владѣтель выслушалъ эти слова, какъ множество народу окружило башню, чтобы ею овладѣть, и осаждающіе рѣшились овладѣть стѣнами и воротами, осыпая ихъ ударами стрѣлъ и камней. Владѣтель, доведенный до отчаянія, открылъ Балдуину свои несмѣтныя сокровища, состоявшія въ пурпурѣ, золотыхъ и серебряныхъ вазахъ и огромномъ количествѣ византійской монеты, умоляя его принять все это въ награду за его защиту предъ гражданами и просить ихъ даровать ему жизнь и позволеніе удалиться изъ башни и уйти, отказавшись отъ всего. Балдуинъ, согласившись на его просьбы и тронутый состраданіемъ къ его отчаянному положенію, отправился къ начальникамъ города съ настоятельными убѣжденіями пощадить владѣтеля, не наносить ему

смерти и согласиться раздѣлить между собою огромныя сокровища, которыя онъ ему показалъ. Но сенаторы и всѣ граждане не хотѣли слушать ни словъ, ни обѣщаній Балдуина и кричали единогласно, что никакое предложеніе, никакое вознагражденіе не спасутъ ему жизни, и онъ не уйдетъ отъ нихъ цѣлъ; въ то же время они приводили всѣ оскорбленія и бѣдствія, испытанныя ими отъ него лично, или отъ турокъ по его наущенію. Тогда владѣтель, отчаяваясь спасти жизнь и видя безполезность просьбъ и предложенія выдать свои сокровища, отпустилъ Балдуина изъ башни и вышелъ самъ, спустившись сверху изъ окошка при помощи тонкой веревки; но его немедленно поразили тысячами стрѣлъ и бросили посреди площади; потомъ ему отрубили голову и на концѣ пики носили по всѣмъ улицамъ города, подвергая оскорбленіямъ со стороны каждаго.

XXIV. На слѣдующій день Балдуинъ, не смотря на упорный отказъ и сопротивленіе, былъ провозглашенъ герцогомъ и княземъ города; граждане ввѣрили ему охраненіе той неприступной башни и всѣхъ сокровищъ, которыя въ ней были заключены, и дали ему клятву, какъ вѣрноподданные. Балдукъ, узнавъ о такомъ возвышеніи Балдуина, былъ объятъ ужасомъ и опасался, что онъ, во главѣ галловъ, народа воинственнаго, снова нападетъ на него въ замкѣ Самосатѣ и овладѣетъ имъ. Потому онъ отправилъ къ Балдуину пословъ съ предложеніемъ продать крѣпость за 10 тысячъ византійской монеты, поступить къ нему на службу и сражаться за него на условіи извѣстнаго жалованья. Но Балдуинъ не обратилъ вниманія на такія предложенія, потому что Балдукъ неправдою отнялъ у христіанъ ту крѣпость, которая незадолго предъ тѣмъ принадлежала городу Эдессѣ. Балдукъ, видя непреклонную твердость герцога Балдуина въ отношеніи его, объявилъ, что онъ предастъ замокъ огню, отрубитъ голову многочисленнымъ заложникамъ изъ гражданъ и начальниковъ, которые находятся въ его рукахъ, и не перестанетъ, ни днемъ, ни ночью, строить козни Балдуину. Наконецъ, послѣ большого промежутка времени, Балдуинъ, посовѣтовавшись съ своими, далъ Балдуку талантъ золота и серебра, драгоцѣнныхъ пурпуровыхъ одеждъ, лошадей и муловъ на значительную цѣну, и такимъ образомъ, выкупилъ Самосату изъ рукъ непріятеля. Съ этого дня и на будущее время Балдукъ сдѣлался подданнымъ Балдуина и былъ причисленъ къ его дому, какъ свой (condomesticus et familiares), на ряду съ прочими галлами. Балдуинъ, овладѣвъ крѣпостью, ввѣрилъ охраненіе ея своимъ вассаламъ и возвратилъ найденныхъ тамъ заложниковъ начальникамъ и гражданамъ. Впослѣдствіи, такъ какъ язычники и христіане не могли никакъ сойтись и постоянно не довѣряли другъ другу, Балдуинъ потребовалъ у Балдука въ залогъ вѣрности его жену и дѣтей. Хотя Балдукъ и согласился на то, но каждый день придумывалъ новые предлоги, чтобы промедлить выдачею заложниковъ.

Въ слѣдующихъ десяти главахъ, отъ XXV до XXXIV, авторъ разсказываетъ мелкія войны Балдуина съ владѣтелями окрестныхъ крѣпостей; потомъ возвращается къ описанію другихъ отдѣльныхъ набѣговъ Танкреда и Роберта Фландрскаго, который завоевалъ городъ Артазію, лежащую въ 10 миляхъ отъ

Антіохіи; но его осадили турки, поспѣшившіе изъ Антіохіи; между тѣмъ явилась и главная армія Готфрида; она отразила турокъ отъ Артазіи и, соединивъ всѣ свои разсѣянныя силы, за исключеніемъ дружины Балдуина Эдесскаго, двинулась наконецъ въ полномъ составѣ на Антіохію; при р. Ферне (н. Оронтъ) турки, желавшіе воспрепятствовать переходу, были разбиты, и крестоносцамъ очистился путь къ Антіохіи.

XXXVI. На слѣдующій день (т. е. послѣ битвы при р. Оронтѣ) Готфридъ, Боэмундъ и другіе вожди христіанской арміи поднялись съ восходомъ солнца и, облекшись въ панцыри и шлемы, приказали всѣмъ двинуться впередъ, чтобы подойти къ Антіохіи со всѣми снадобьями, скотомъ всякаго рода и повозками съ съѣстными припасами, для продовольствія столь многочисленной арміи. Когда все было изготовлено къ походу, намѣстникъ (antistes, т. е. папскій; это былъ Адемаръ, епископъ города Пюи), въ своей предусмотрительности, сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: „Мужи, братья, возлюбленные сыны! выслушайте тщательно мое слово, и вы не будете сожалѣть о вниманіи къ моимъ совѣтамъ. Городъ Антіохія вблизи насъ, и мы отдѣляемся отъ нея не болѣе, какъ четырьмя милями. Этотъ изумительный городъ, подобнаго которому мы не видали ничего, былъ построенъ царемъ Антіохомъ изъ громадныхъ камней и снабженъ башнями; ихъ считаютъ до 360. Мы знаемъ, что Антіохія управляется *Сансадоніею*, сыномъ короля Дарсіана (у Вильг. Тир. называется Акціанъ), могущественнымъ владѣтелемъ; и мы еще узнали, что, сверхъ того, тамъ находятся четыре князя, столь благородныхъ и сильныхъ, что ихъ можно принять за королей; они явились туда по приказанію Дарсіана; ихъ принудилъ собраться тамъ вмѣстѣ съ многочисленною арміею страхъ, внушенный нашимъ появленіемъ. Ихъ зовутъ: Адорсоній, Копатриксъ, Росилеонъ и Каркорнутъ; говорятъ, что Дарсіанъ считается всѣхъ ихъ королемъ, вождемъ и господиномъ. Изъ тридцати городовъ, расположенныхъ вдалекѣ и вблизи Антіохіи и принадлежащихъ ей въ качествѣ данниковъ короля Дарсіана, тѣ четыре предводителя владѣютъ четырьмя самыми богатыми городами, какъ бенефиціею, полученною въ даръ и въ знакъ милости Дарсіана; притомъ каждый изъ нихъ, кромѣ тѣхъ городовъ, имѣетъ по сту зàмковъ. А потому приглашенные самимъ Дарсіаномъ, королемъ Сиріи и всей Арменіи, они явились съ огромными силами для борьбы съ нами и для защиты города, владѣющаго всѣми прочими городами и государствами. Вслѣдствіе того намъ необходимо подвигаться впередъ съ осмотрительностью и въ добромъ порядкѣ. Вы знаете, что мы вчера сражались весьма поздно, мы устали и силы нашихъ лошадей истощены. Пусть, построивъ ряды, идутъ впередъ во главѣ арміи герцогъ Готфридъ, Боэмундъ, Райнольдъ изъ Тула, Петръ изъ Стене, Эверардъ изъ Пюизе, Танкредъ, Вернеръ изъ Грэ, Гейнрихъ изъ Аша; если же нашъ совѣтъ будетъ одобренъ, то сзади пусть слѣдуютъ и начальствуютъ конницею и пѣхотою Робертъ Фландрскій, Робертъ графъ Нормандіи, Стефанъ Блоа, графъ Раймундъ, Татинъ, придворный (familiaris) Константинопольскаго императора, Адамъ, сынъ Михаила, и Ротгеръ изъ Барневиля“.

XXXVII. Когда все было устроено по указанію намѣстника (папскаго) и свѣдущихъ людей, войско, слѣдуя королевскою дорогою, направилось вмѣстѣ къ грознымъ стѣнамъ Антіохіи; неся передъ собою сіяющіе щиты, позолоченные, зеленые, красные и другихъ различныхъ цвѣтовъ, съ развернутыми золотыми и пурпуровыми знаменами съ богатою вышивкой, на великолѣпныхъ боевыхъ коняхъ, одѣтые въ панцыри и блестящіе шлемы, они шли раскинуть свои палатки на мѣстѣ, называемомъ Альталонъ. Расчистивъ топорами и лопатами мѣсто, заросшее кустарниками и деревьями, они скоро покрыли все это пространство своими палатками. Устроившись такимъ образомъ, войско предалось отдыху; оглашая воздухъ на далекомъ пространствѣ звукомъ тысячъ роговъ и отыскивая по всѣмъ сторонамъ добычу и кормъ для лошадей, они кричали такъ, что, по разсказамъ, ихъ можно было слышать за милю. Впрочемъ это и не удивительно, ибо эта огромная армія, безъ всякаго сомнѣнія и по увѣренію всѣхъ, состояла изъ шести-сотъ-тысячъ человѣкъ, способныхъ къ бою, не считая женщинъ и дѣтей, которыя слѣдовали за ними и которыя составляли еще нѣсколько тысячъ. Въ этотъ день, когда христіане подходили, чтобы обложить городъ осадою, въ городѣ царствовала такая тишина, что въ немъ не было слышно никакого шума, ни малѣйшаго движенія, и можно было подумать, что онъ остался совсѣмъ безъ защитниковъ; между тѣмъ, напротивъ того, всѣ башни и всѣ укрѣпленія были набиты языческимъ войскомъ и всякаго рода оружіемъ.

XXXVIII. Былъ четвертый день недѣли (т. е. въ среду, 21 окт. 1097 г.), когда христіане вступили на земли Антіохіи и обложили ея стѣны. Въ этотъ самый день *Танкредъ* первый расположился при Альталонѣ; *Ротгеръ изъ Барневиля* сталъ по сторонамъ вмѣстѣ съ *Адамомъ, сыномъ Михаила*, и тѣми, кто слѣдовалъ за ними, чтобы лишить турокъ возможности получать что-нибудь съ этой стороны. *Боэмундъ* съ отрядомъ храбрыхъ людей занялъ мѣсто противъ воротъ, которыя смотрятъ въ Персію, и гдѣ кончается горная цѣпь; укрѣпивъ свою позицію, онъ находился въ полной безопасности. *Татинъ*, придворный императора, имѣя въ виду бѣгство, раскинулъ палатки въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, на полѣ, называемомъ Комбръ. Передъ Татиномъ стоялъ *Балдуинъ, графъ Геннегау*, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ. Далѣе слѣдовали *Робертъ графъ Нормандіи* и *Робертъ Фландрскій* съ своими рыцарями. Рядомъ съ ними расположился *Стефанъ Блоа*, опоясывая такимъ образомъ стѣны. При этой осадѣ находился и *Гуго Великій*, братъ короля Франціи, Филиппа, въ сопровожденіи своихъ людей.

Послѣднія главы третьей книги, отъ XXXIX до LXVI, и вся четвертая книга посвящены авторомъ на описаніе осады Антіохіи крестоносцами, взятіи ея и осады самихъ крестоносцевъ въ Антіохіи Кербогою, султаномъ Хорозана, до пораженія послѣдняго, которое спасло христіанъ отъ опасности и дало имъ возможность слѣдовать далѣе къ Іерусалиму.

Альбертъ Ахенскій.

Chron. Hierosol. de bello sacro hist. libri XII.—
Кн. II и III.

Альбертъ Ахенскій (Albertus Aquensis), какъ видно изъ его собственныхъ словъ (см. выше въ ст. 8, кн. I, гл. I, на стр. 110), не былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій, но, какъ современникъ перваго крестоваго похода, излагалъ по показаніямъ людей, участвовавшихъ въ завоеваніи Іерусалима. Вотъ какъ характеризуетъ Гизо историческое значеніе его Chronicon Hierosolymitanum de bello sacro: „Ни одинъ историкъ не сохранилъ намъ столько подробностей о первомъ крестовомъ походѣ, какъ Альбертъ или Альберикъ, каноникъ и стражъ, по мнѣнію однихъ, каѳедральной церкви въ г. Э (Aix), въ Провансѣ, а по другимъ—въ г. Ахенѣ (Aquae), и чтó мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ [1]). Мы не имѣемъ о немъ никакого извѣстія; не знаютъ года ни его рожденія, ни смерти; достовѣрно только то, что онъ еще жилъ въ 1120 г., потому что на этомъ годѣ останавливается его произведеніе. Въ походѣ онъ не участвовалъ и никогда не бывалъ въ Св. Землѣ; но, исполненный энтузіазма, вмѣстѣ со всею Европою, къ подвигамъ крестоносцевъ, онъ тщательно собралъ всѣ разсказы, бесѣдовалъ съ толпами пилигримовъ, возвращавшихся изъ Іерусалима, и воспроизвелъ ихъ похожденія и чувства, если не на хорошемъ языкѣ, то по крайней мѣрѣ съ чрезвычайною любовью и живостью сильно потрясеннаго воображенія. Другой, позднѣйшій историкъ крестовыхъ походовъ, Вильгельмъ Тирскій (см. о немъ у насъ ниже, въ примѣчаніи къ ст. 41) былъ свидѣтелемъ уже паденія королевства Іерусалимскаго; это зрѣлище, высокое общественное положеніе автора, просвѣтили его относительно причинъ несчастія франковъ; онъ смотрѣлъ и судилъ ихъ исторію въ ея цѣлости, и потому разсказывалъ о первыхъ подвигахъ франковъ подъ вліяніемъ своей опытности. Напротивъ того, Альбертъ рисуетъ событія перваго крестоваго похода, какъ человѣкъ, который не знаетъ и не предвидитъ никакой превратности, отдавшись вполнѣ впечатлѣніямъ восторга, довѣрія и радости. Потому его разсказъ наивнѣе и даже оживленнѣе; въ немъ отразились идеи и воодушевленіе самихъ крестоносцевъ, сохраняя весь свой пылъ. Нѣтъ никакихъ стремленій къ обобщенію, никакого слѣда ученыхъ изслѣдованій и литературныхъ сочетаній; авторъ раздѣляетъ вполнѣ предразсудки, ненависть, невѣжество крестоносцевъ, и стремится превознести ихъ славу, ихъ вѣкъ и ихъ вѣру. Это обстоятельство сообщаетъ труду Альберта высокій интересъ и особенную прелесть; но онъ богатъ историческими и географическими ошибками, и не отличается литературными достоинствами. За то разсказъ живой и обстоятельный; описанія походовъ, битвъ, приключеній блестящи и поэтичны; авторъ живописуетъ не всегда съ талантомъ, но съ чрезвычайною любовью къ истинѣ. Читая его, можно подумать, что слышишь бесѣду возвратившихся пилигримовъ, разсказывающихъ своимъ друзьямъ о томъ, что они видѣли, выстрадали, и сообщающихъ безъ всякаго умысла своимъ слушателямъ тѣ впечатлѣнія, которыя они испытали и которыя имъ пріятно вызывать снова въ самихъ себѣ (Collect. des mémoires rel. à l'hist. de France, t. XX)".

„Іерусалимская хроника о священной войнѣ" состоитъ изъ XII книгъ и обнимаетъ собою время отъ начала проповѣди Петра Пустынника, въ 1095 г., и до второго года правленія третьяго Іерусалимскаго короля Балдуина II Бургскаго, 1121 года.—*Изданія:* у *Bongars*, Gesta Dei: I, p. 184—381. — *Переводы:* Guizot, Collect., t. XX и начало XXI (Par. 1824). — *Критика: v. Sybel*, Gesch. des ersten Kreuzzuges, стр. 72—107.

---

[1]) Авторъ, говоря въ одномъ мѣстѣ о Франціи, называетъ ее страною, лежащею на *западѣ*, чтó можно сказать скорѣе жителю Ахена, нежели города Э (Aix).

17.—Осада Антіохіи и походъ къ Іерусалиму, окт. 1097—іюнь 1099 г.

(Въ 1099 г.).

Прологъ.

Своему владыкѣ, епископу въ Виваре, и всѣмъ православнымъ, *Понтій Баладунскій* и *Раймундъ, каноникъ въ г. Пюи* (Podiensis) желаютъ здравія и добраго вниманія къ ихъ труду!

Мы сочли необходимымъ сообщить вамъ и всѣмъ живущимъ за Альпами великія дѣла, совершенныя Богомъ, и которыя онъ не перестаетъ совершать ежедневно вмѣстѣ съ нами, въ знакъ своей обычной любви къ намъ; предприняли же мы это потому, что презрѣнные и трусливые люди, дезертировавъ отъ насъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы выдать ложь за истину. Пусть тотъ, кто узнаетъ о ихъ отступничествѣ, не слушаетъ ихъ рѣчей и избѣгаетъ ихъ общества; ибо божіе войско, хотя оно и было поражено за свои грѣхи лозою господнею, но, по милосердію Бога, вышло съ побѣдою изъ борьбы съ язычествомъ. Но такъ какъ между нашими одни прошли по славянскимъ землямъ (per Sclavoniam, т. е. по землямъ южныхъ славянъ, живущихъ у береговъ Адріатическаго моря), другіе по Венгріи, иные по Ломбардіи, а иные по морю, то было бы намъ скучно писать о томъ, что случилось съ каждымъ отрядомъ въ отдѣльности: вотъ почему, оставляя другихъ въ сторонѣ, мы ограничимся разсказомъ только того, что относится къ графу св. Эгидія (St. Giles, т. е. къ Раймунду, графу Тулузскому), епископу города Пюи (т. е. Адемару) и ихъ арміи (т. е. провансальцамъ).

Исторія франковъ, завоевавшихъ Іерусалимъ.

Авторъ на первыхъ четырехъ страницахъ (такъ какъ эта хроника не раздѣлена на главы, то мы считаемъ по страницамъ печатнаго изданія in-folio Бонгара, гдѣ вся хроника занимаетъ 44 страницы) разсказываетъ весьма коротко о переходѣ провансальской дружины Раймунда Тулузскаго и епископа Адемара изъ южной Франціи по землямъ славянскимъ у береговъ Адріатическаго моря въ Константинополь, и о бѣдствіяхъ, испытанныхъ ими отъ жестокости варваровъ и коварства грековъ; потомъ еще короче описываетъ переѣздъ въ Малую Азію, взятіе Никеи, походъ въ Сирію и только съ четвертой страницы начинаетъ обстоятельное изложеніе осады Антіохіи, которой онъ былъ самъ очевидцемъ.

Когда мы начали приближаться къ Антіохіи (въ октябрѣ 1097 г.), многіе изъ князей не хотѣли приступать къ осадѣ, или потому что

была близка зима, или потому что армія была разсѣяна по окрестнымъ зàмкамъ, и сверхъ того ее изнурили лѣтніе жары. Они говорили, что слѣдуетъ подождать имъ императора и новой арміи изъ Франціи, прибытіе которой было уже возвѣщено, и потому имъ было желательно расположиться на зимнихъ квартирахъ до весны. Другіе же князья, въ числѣ которыхъ былъ и *графъ* (т. е. Раймундъ Тулузскій), утверждали противное: „Мы пришли по внушенію Бога; его милосердіемъ мы овладѣли весьма укрѣпленнымъ городомъ Никеею; его же волею мы одержали побѣду надъ турками, обезпечили себя, сохранили миръ и согласіе въ нашей арміи; а потому мы во всемъ должны положиться на Бога; мы не должны бояться ни королей, ни князей королевскихъ, ни мѣста, ни времени, ибо Господь уже часто избавлялъ насъ отъ опасностей“. Итакъ, мы отправились къ Антіохіи и раскинули палатки (21 окт. 1097 г.) столь близко отъ города, что нерѣдко непріятель съ высоты своихъ башенъ наносилъ раны лошадямъ и людямъ даже въ самыхъ палаткахъ.

Если мнѣ представился теперь случай говорить о городѣ Антіохіи, то необходимо сказать нѣсколько словъ о расположеніи этого города, чтобы тѣ, которые не видали тѣхъ мѣстъ, могли легко понять происходившіе тамъ битвы и приступы.

Въ горахъ Ливана находится долина, которую пройти пѣшкомъ въ ширину нужно цѣлый день, а въ длину—полтора дня. Съ запада она окружена болотомъ, а съ востока часть ея омывается рѣкою (Оронтомъ), которая течетъ послѣ къ подножію горъ, расположенныхъ на югѣ той долины, такъ что между рѣкою и горами не остается никакого прохода; далѣе воды текутъ въ Средиземное море, отъ котораго Антіохія находится довольно близко. Въ той тѣснинѣ, которую образуетъ рѣка, протекая у подошвы горъ, и расположенъ городъ Антіохія. Такимъ образомъ, рѣка на западѣ течетъ вдоль нижней стѣны и отдѣляется отъ города на пространство полета стрѣлы. При такомъ положеніи городъ поднимается на востокъ и въ своей чертѣ заключаетъ вершины трехъ горъ: гора, которая опоясываетъ городъ съ сѣвера, отдѣляется отъ остальныхъ двухъ огромною пропастью, такъ что сообщеніе между ними невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно трудно. На вершинѣ сѣверной горы помѣщается зàмокъ, называемый по-гречески *Colax*; на третьей горѣ видны только башни. Городъ занимаетъ въ длину протяженіе 2 миль и до того укрѣпленъ стѣнами, башнями и выступами, что не боится никакихъ усилій машинъ, ни приступа людей, хотя бы противъ него вооружился цѣлый міръ. Этотъ-то городъ, укрѣпленный такимъ образомъ, армія франковъ осадила съ сѣвера. Хотя она состояла изъ 300 тысячъ людей, способныхъ носить оружіе, но тѣмъ не менѣе она не рѣшилась пойти, на приступъ и ограничилась тѣмъ, что раскинула вблизи свой лагерь. Внутри города находилось 2000 добрыхъ всадниковъ, 4 или 5 тысячъ наемныхъ и 10 тысячъ, или и болѣе, пѣхоты. Стѣны, и безъ того высокія, были еще защищаемы рвомъ и болотами, такъ что если хорошо охранять городскія ворота, то объ остальномъ нечего было безпокоиться.

По прибытіи, сначала мы расположились весьма неосмотрительно;

еслибы зналъ о томъ непріятель, то могъ бы легко отрѣзать нѣкоторыхъ изъ насъ, ибо въ нашей арміи никто не позаботился о часовыхъ и вообще никогда не думали о правильномъ устройствѣ бивуаковъ (modus hospitandi). Кромѣ того, такъ какъ всѣ зàмки этой страны и сосѣдніе города сдались намъ или по страху, который внушало наше войско, или по желанію свергнуть турецкое иго, то наши силы, вслѣдствіе того, были чрезвычайно разбросаны, и каждый ставилъ на первое мѣсто свои личные интересы, не думая ни мало объ общественномъ благѣ. Тѣ изъ нашихъ, которые оставались въ лагерѣ, имѣли въ изобиліи съѣстные припасы, такъ что у быка вырѣзывали одно боковое и плечное мясо, и только нѣкоторые, весьма немногіе, ѣли грудинку; хлѣбъ же и вино добывались съ необыкновенною легкостью.

Далѣе авторъ разсказываетъ о нѣсколькихъ незначительныхъ стычкахъ между крестоносцами и непріятелемъ, пытавшимся дѣлать вылазки въ теченіе первыхъ дней осады.

Въ это время пристали къ берегу генуэзскіе корабли, въ десяти миляхъ отъ нашего лагеря, у мѣста, называемаго гаванью св. Симеона. Между тѣмъ непріятель, привыкнувъ мало-по-малу выходить изъ города, началъ избивать оруженосцевъ и крестьянъ, которые пасли лошадей и быковъ по ту сторону рѣки, и отводилъ добычу въ крѣпость. Мы же расположили палатки на берегу и построили мостъ на судахъ, найденныхъ въ томъ мѣстѣ. Но городъ имѣлъ также мостъ, расположенный почти въ углу западной черты, а противъ насъ на пригоркѣ стояли двѣ мечети (bafumariae) и небольшіе надгробные памятники. Мы упоминаемъ о такихъ подробностяхъ, чтобы сдѣлать понятнѣе событія, которыя происходили съ этой стороны. Какъ мы выше сказали, непріятель все болѣе ободрялся, и наши, выходя изъ лагеря съ неустрашимостью, не опасались на нихъ нападать, хотя и уступали имъ въ числѣ. Турки были часто разбиваемы и обращались въ бѣгство; но они возвращались снова, или потому, что лошади ихъ были весьма быстры и сами они не были обременены, не нося другого оружія, кромѣ стрѣлъ, или потому, что у нихъ всегда была надежда убѣжать за мостъ, о которомъ мы говорили, и возможность поражать насъ стрѣлами издалека, съ высоты пригорка; мостъ же ихъ отстоялъ отъ нашего на одну милю. Мы сталкивались безпрестанно съ ними на этомъ пространствѣ, отдѣлявшемъ мосты, и боролись тамъ каждый день. При началѣ осады графъ (Тулузскій) и епископъ Пюи (Алемаръ) расположились на берегу рѣки, и, будучи ближе къ непріятелю, чаще подвергались его нападеніямъ. Вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній, всѣ люди потеряли лошадей, потому что турки не знаютъ драться копьями и мечами; они пускаютъ стрѣлы, и потому одинаково опасны, и когда бѣгутъ, и когда преслѣдуютъ.

Въ третій мѣсяцъ осады (конецъ декабря 1097 г.), когда съѣстные припасы начали дорожать, Боэмундъ и графъ Фландрскій были выбраны для того, чтобы идти съ отрядомъ на поиски, а графъ (Тулузскій) и епископъ Пюи остались охранять лагерь, ибо графъ Нор-

мандскій находился въ отсутствіи, а герцогъ (Готфридъ) былъ весьма боленъ. Непріятель, узнавъ о томъ, возобновилъ свои обычныя нападенія. Потому графъ увидѣлъ себя въ необходимости идти противъ него; поставивъ свою пѣхоту, по принятому обычаю, въ порядокъ, онъ двинулся самъ съ нѣсколькими рыцарями преслѣдовать нападающихъ, взялъ у нихъ и убилъ двухъ человѣкъ у подошвы самаго пригорка, а прочихъ принудилъ отретироваться къ мосту. Едва наши пѣшіе люди замѣтили то отступленіе, какъ оставили свою позицію и знамена и толпою побѣжали къ мосту. Укрѣпившись тамъ и считая себя въ совершенной безопасности, они начали бросать камни и дротики въ тѣхъ, которые защищали мостъ; но турки, построившись въ порядокъ, перешли къ мосту и въ бродъ, находившійся подъ нимъ, чтобы броситься на нашихъ. Въ это время наши всадники пустились по направленію къ нашему мосту преслѣдовать лошадь, сѣдокъ которой былъ сбитъ. При этомъ пѣхота, думая, что всадники обращены непріятелемъ въ бѣгство, сама повернулась назадъ, и турки, преслѣдуя нашихъ безъ устали, убили нѣсколько человѣкъ. Франкскіе рыцари попытались-было сопротивляться и защищать своихъ товарищей, но, сдавленные многочисленными пѣхотинцами, которые въ бѣгствѣ хватались за ихъ оружіе, за гривы и хвосты лошадей, одни были сброшены на землю, другіе, желая спасти своихъ, обратились въ бѣгство. Непріятели же, пользуясь своимъ преимуществомъ, безъ устали и безъ сострадания били живыхъ и грабили мертвыхъ. Между тѣмъ наши нетолько побросали оружіе и, забывъ чувство чести, бѣжали, но многіе бросились въ рѣку, чтобъ быть побиту каменьями, стрѣлами или потонуть въ рѣкѣ. У кого доставало силы и умѣнья плавать, тотъ попадалъ на другую сторону и по берегу рѣки являлся въ лагерь, чтобы соединиться съ своими товарищами. Другіе же продолжали бѣгство отъ непріятельскаго до нашего моста. Въ этомъ дѣлѣ погибло по крайней мѣрѣ 15 всадниковъ и около 20 пѣшихъ. Тамъ же остался и благородный юноша Бернгардъ-Раймундъ изъ Безьера.

Да не обвинятъ насъ служители божіи и не прогнѣваются на насъ за то, что мы такъ откровенно разсказываемъ о срамѣ своей арміи; ибо Богъ, который хотѣлъ наказать и привести къ покаянію людей, виновныхъ въ распутствѣ и грабежѣ, въ то же время былъ благосклоненъ къ тѣмъ изъ нашихъ, которые отправились въ другую сторону. Молва, вышедшая изъ нашего лагеря, принесла Боэмунду и его товарищамъ извѣстіе, что будто мы имѣли успѣхъ и что графъ одержалъ блестящую побѣду. Такой слухъ оживилъ въ нихъ бодрость. Пока Боэмундъ занимался нападеніемъ на одну виллу, онъ услышалъ вдругъ среди своихъ крестьянъ крики и замѣтилъ готовность бѣжать. Посланные имъ рыцари увидѣли вдалекѣ армію турокъ и арабовъ. Впереди всѣхъ, отправившихся развѣдать причины отступленія и слышанныхъ криковъ, былъ графъ Фландрскій и съ нимъ нѣсколько провансальцевъ: весь народъ изъ Бургундіи, Оверня, Гасконіи и готы (испанцы) назывались одинаково *провансалами* (Provinciales), а прочіе— французами (Francigenae); таковы были названія, употребляемыя въ арміи, но непріятель называлъ насъ всѣхъ франками. Графъ Фландрскій, какъ мы сказали, полагая, что постыднѣе будетъ давать знать

о приближеніи непріятеля, нежели напасть на него, бросился съ яростію въ ряды турокъ; они, не привыкнувъ биться мечами, искали спасенія въ бѣгствѣ, и графъ не опускалъ меча въ ножны, пока не положилъ на мѣстѣ до ста непріятелей. Возвращаясь побѣдителемъ къ Боэмунду, онъ замѣтилъ, что 12 тысячъ турокъ идутъ по его слѣдамъ, а на возвышеніи слѣва поднимается безчисленная масса пѣхоты. По совѣщаніи съ другими вождями и получивъ новое подкрѣпленіе, онъ мужественно напалъ на врага. Боэмундъ слѣдовалъ за нимъ въ отдаленіи съ остальною арміею и охранялъ аррьергардъ, ибо турки имѣютъ обычай, даже уступая численностью, обходить своего противника; такъ хотѣли они поступить и въ настоящемъ случаѣ, но Боэмундъ своею мудростью предупредилъ такое движеніе. Турки и арабы, напавшіе на графа Фландрскаго, обратились въ бѣгство, убѣдившись что они не могутъ сражаться, пуская издалека стрѣлы, и что придется вступить въ рукопашный бой мечемъ. Графъ преслѣдовалъ ихъ на протяженіи двухъ миль, и ты увидѣлъ бы, на всемъ этомъ пространствѣ, земля была уложена пораженными трупами, какъ бываетъ усѣяно поле колосьями послѣ жатвы. Такъ были разбиты и обращены въ бѣгство тѣ полчища враговъ, нападеніе которыхъ долженъ былъ отрѣзать Боэмундъ. Та же безчисленная масса пѣхоты, о которой мы говорили выше, побѣжала по такой мѣстности, на которой лошади не могли ее преслѣдовать. Еслибы можно было порицать безразсудство такого сравненія, то я осмѣлился бы поставить эту битву выше битвы Маккавеевъ. Если Маккавей съ 3000 человѣкъ разбилъ армію въ 48 тысячъ, то въ этомъ случаѣ 400 человѣкъ обратили въ бѣгство армію, превышавшую въ 60 тысячъ. Но чтобы не унижать Маккавея и не превозносить мужества нашихъ рыцарей, мы скажемъ только одно, что Богъ былъ прославленъ десницею Маккавея, а десницею нашихъ еще болѣе прославился.

Замѣчательно, что, по пораженіи непріятеля, храбрость нашихъ уменьшилась, и они не осмѣлились преслѣдовать бѣжавшихъ въ безпорядкѣ. Такъ наша армія возвратилась съ побѣдою, но безъ продовольствія, и потому въ лагерѣ недостатокъ дошелъ до того, что одному человѣку не хватало въ день хлѣба на два солида, и всѣ прочіе припасы продавались также дорого. Бѣдные начали оставлять лагерь; многіе изъ богатыхъ, опасаясь бѣдности, ушли также; а тѣ, которые по чувству долга продолжали оставаться, видѣли съ грустью, какъ ихъ лошади околѣвали ежедневно отъ голоду; соломы было мало, а сѣно было такъ дорого, что для корма одной лошади на ночь не хватало семи и даже восьми солидовъ. Арміи угрожало еще и другое бѣдствіе: Боэмундъ, прославившійся послѣднимъ походомъ, объявилъ, что онъ намѣренъ уйти, ибо онъ пришелъ сюда для чести, а между тѣмъ его люди и лошади погибаютъ каждый день; онъ говорилъ, что онъ не богатъ, и его собственное состояніе не позволяетъ ему оставаться долѣе при осадѣ. Впослѣдствіи мы узнали, что онъ дѣлалъ все это по честолюбію, которое заставляло его страстно домогаться званія князя города Антіохіи.

Этимъ кончаетъ авторъ свое описаніе осады въ 1097 г.; на слѣдующихъ страницахъ онъ продолжаетъ разсказъ съ января 1098 года и до начала

марта того же года, излагая по прежнему эпизодами: то онъ говоритъ о томъ, какъ въ христіанскомъ лагерѣ укоренились роскошь и развратъ, какъ убѣжалъ изъ лагеря грекъ Татинъ, распустивъ слухъ, что идетъ встрѣчать армію императора, и какъ князья обѣщали отдать городъ Боэмунду и дали клятву продолжать осаду семь лѣтъ; то обращается къ описанію новыхъ стычекъ съ непріятелемъ: князь Алеппо напалъ на лагерь съ тыла въ то время, когда осажденные сдѣлали вылазку; рыцари разбили на голову князя, а пѣхота отразила вылазку. Въ началѣ марта опредѣлено было построить башню близь непріятельскаго моста, чтобы стѣснить осажденныхъ; но это обстоятельство вынудило турокъ сдѣлать послѣднія усилія, и они произвели отчаянную вылазку, въ которой были жестоко разбиты, и крестоносцы едва не ворвались въ городъ. Эта знаменитая битва у моста дала автору случай пуститься въ нѣкоторыя подробности.

Въ этой битвѣ (т. е. при мостѣ, въ началѣ марта 1098 года) особенно прославился герцогъ Лотарингскій (Готфридъ). Онъ нагналъ непріятеля у моста и, занявъ одно возвышеніе, разрубалъ приближавшихся пополамъ. Прославивши свою побѣду многочисленными криками радости, наши возвратились въ лагерь, обремененные добычею и ведя за собою множество лошадей. Въ этомъ дѣлѣ случилось одно достопамятное происшествіе, и о если бы тѣ, которые слѣдятъ за нами мысленно, могли быть свидѣтелями того! Турецкій всадникъ, боясь смерти, бросился съ лошадью въ глубину рѣки, но въ него вцѣпились многіе изъ его соотечественниковъ, стащили съ лошади и вмѣстѣ съ нимъ утонули въ волнахъ рѣки.

Стоило въ то время посмотрѣть на нашихъ бѣдняковъ, какъ они возвращались въ лагерь послѣ побѣды. Одни бѣгали по палаткамъ, ведя за собою нѣсколько лошадей, и показывали товарищамъ все, что можетъ утѣшать ихъ въ крайности; другіе, надѣвъ на себя три-четыре шелковыхъ одежды, прославляли Бога, даровавшаго имъ побѣду и эту добычу; иные, неся на рукѣ три, четыре щита, выставляли ихъ на показъ въ знакъ своего торжества. Но, выставляя намъ всѣ эти предметы, они говорили тѣмъ только о побѣдѣ, но не могли доставить свѣдѣній о точномъ числѣ убитыхъ, ибо побѣда была одержана ночью, и потому нельзя было снести головы убитыхъ въ лагерь. На слѣдующій день, когда приступили къ постройкѣ укрѣпленія предъ мостомъ, нашли во рву нѣсколько турецкихъ труповъ; это возвышеніе послужило сарацинамъ какъ кладбище. Раздраженные при видѣ этого, бѣдняки разломали памятники и вырыли турокъ, такъ что болѣе не могло быть сомнѣнія объ обширности побѣды. Насчитали до 1500 труповъ: и я не говорю еще о тѣхъ, которые были погребены въ городѣ или потонули въ рѣкѣ. Но такъ какъ запахъ отъ нихъ былъ вреденъ работавшимъ при постройкѣ укрѣпленія, то ихъ оттащили и бросили въ воду. Матросы, которые были обращены въ бѣгство или ранены, пораженные ужасомъ, не хотѣли вѣрить побѣдѣ. Но когда они увидѣли множество труповъ, то, подобно выздоравливающему, восхвалили Бога, который любитъ наказывать и миловать своихъ сыновъ. Такимъ образомъ, по божескому опредѣленію, случилось такъ, что тѣ, которые отдавали привозившихъ съѣстные припасы

на съѣденіе звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, умертвивъ ихъ на берегу моря или рѣки, были сами и на томъ же мѣстѣ отданы въ добычу тѣмъ же звѣрямъ и птицамъ. Эта побѣда сдѣлалась весьма извѣстною и много прославлялась; новое укрѣпленіе было также окончено, и съ того времени (т. е. съ марта 1098 года) Антіохія была обложена съ сѣвера и съ юга.

Далѣе авторъ останавливается на описаніи новой борьбы, которая завязалась между турками и Раймундомъ Тулузскимъ, взявшимъ на себя защиту укрѣпленія у моста, и такимъ образомъ въ подобной мелкой борьбѣ проходитъ апрѣль, май и начало іюня, когда крестоносцы окружили со всѣхъ сторонъ Антіохію; Танкредъ построилъ новую башню на развалинахъ монастыря, въ горахъ, противъ воротъ св. Георгія, и угрожалъ съ тыла. Но въ это время, когда конецъ осады казался близкимъ, пришло извѣстіе о томъ, что идутъ на помощь осажденнымъ.

Между тѣмъ (въ началѣ іюня 1098 г.) начали приходить частыя извѣстія о приближеніи помощи непріятелямъ. Эти извѣстія приносились намъ не только армянами и греками, но и тѣ, которые жили въ городѣ, сообщали то же самое. Такъ какъ турки занимали Антіохію 14 лѣтъ сряду, то они, имѣя надобность въ служителяхъ, брали молодыхъ армянъ и грековъ и *туркизировали* (turcaverant) ихъ, давая имъ женъ; но эти юноши, какъ только представлялся имъ случай, перебѣгали къ намъ вмѣстѣ съ лошадьми и оружіемъ. Когда слухъ о прибытіи помощи нашимъ непріятелямъ распространился, множество робкихъ людей изъ нашей среды, равно и армянскіе купцы, начали убѣгать изъ лагеря. Въ это же время мужественные рыцари, разсѣянные по замкамъ, возвратились въ армію и стали хлопотать о покупкѣ оружія, изготовленіи и приведеніи его въ порядокъ. Такимъ образомъ, когда малодушіе однихъ заставляло удаляться изъ лагеря, а люди храбрые, всегда готовые подвергаться опасности вмѣстѣ съ братьями и за нихъ, старались соединиться съ арміею, одинъ изъ туркизированныхъ (turcatis) юношей, жившій въ городѣ, извѣстилъ нашихъ князей, чрезъ посредство Боэмунда, что онъ можетъ выдать намъ крѣпость. Князья, по совѣщаніи, отправили Боэмунда, герцога Лотарингскаго и графа Фландрскаго посмотрѣть, что̀ можно сдѣлать. Они подошли въ полночь къ одной изъ городскихъ башенъ, и тотъ, кто долженъ былъ имъ выдать, послалъ вѣстника со словами: „Подождите, пока пройдетъ фонарь“; ибо трое или четверо ходили всю ночь по стѣнамъ съ фонарями, чтобы поддерживать и оживлять вниманіе стражи. Послѣ того наши, приблизившись къ стѣнѣ и уставивъ лѣстницу, начали лѣзть. Первымъ былъ франкъ, по имени Фулько, братъ Буделля Шартрскаго; онъ бросился впередъ съ неустрашимостью; за нимъ слѣдовалъ графъ Фландрскій, который звалъ къ себѣ Боэмунда и герцога; когда всѣ торопились, снаряжали другъ друга, лѣстница обломилась. Тогда тѣ, которые уже успѣли подняться, спустились въ городъ и побѣжали открыть калитку (posterulam); всѣ наши вошли въ нее вдругъ и не брали никого изъ попадавшихся на-встрѣчу въ плѣнъ. Когда начало свѣтать, они подняли громкіе крики; весь го-

родъ пришелъ въ ужасъ отъ шума, а женщины и дѣти расплакались. Наши, находившіеся въ укрѣпленіи графа (Тулузскаго), какъ самые близкіе къ городу, проснулись отъ крика и говорили другъ другу: „Это идутъ на помощь врагу"; на что̀ другіе отвѣчали: „кажется, это крики не торжества". Между тѣмъ сдѣлалось совершенно свѣтло, и на южномъ возвышеніи города показались наши знамена. Жители пришли въ смятеніе, увидѣвъ нашихъ надъ собою, на горѣ; одни старались убѣжать воротами, другіе устремились въ пропасть; никто не оказывалъ сопротивленія, ибо Господь помутилъ ихъ разсудокъ. Для насъ долгое время было пріятное зрѣлище, когда тѣ, которые защищали Антіохію противъ насъ, не могли теперь сами уйти изъ города; если кто и пытался бѣжать, то все же онъ не спасался отъ смерти. Между тѣмъ произошелъ случай для насъ утѣшительный и по истинѣ пріятный. Нѣсколько турокъ, бѣжавшихъ чрезъ пропасти, отдѣлявшія эту гору отъ сѣверной части, и искавшихъ спасенія, встрѣтились съ нашими; принужденные отступить, турки были опрокинуты и снова обратились въ бѣгство съ такою поспѣшностью, что всѣ попа̀дали въ пропасть. Для насъ былъ истинный восторгъ смотрѣть, какъ они летятъ; но мы должны были поплатиться тремястами лошадей, которыя погибли въ этомъ дѣлѣ.

Мы не можемъ съ точностью опредѣлить, сколько пало сарацинъ и турокъ, и было бы жестоко разсказывать о всѣхъ родахъ смерти, которыми они погибали или были свергнуты. Трудно также сказать о количествѣ добычи, которая была собрана внутри Антіохіи; представьте себѣ, сколько можете, а къ этому еще прибавьте. Тѣ же изъ непріятелей, которые занимали среднее укрѣпленіе на горѣ, видя, что ихъ товарищи избиты, и что наши не нападаютъ на нихъ, удержали за собою свою позицію. Кассіанъ (князь Антіохіи; у Альберта Ахенскаго: Дарсіанъ; см. выше, на стр. 195) ушелъ калиткою и, бывъ схваченъ армянскими крестьянами, лишился головы, которую они представили намъ; я полагаю, что это случилось по особому божескому предначертанію, ибо Кассіанъ отрубилъ голову многимъ въ этомъ народѣ. Городъ Антіохія былъ взятъ *третьяго іюня* (1098 г.), а осада его началась около *двадцать-перваго октября* (1097 г.)

Пока наши отлагали нападеніе на верхнее укрѣпленіе, чтобы заняться приведеніемъ въ извѣстность количества добычи, захваченной ими, и пока они давали блестящія пиршества, заставляя плясать предъ собою языческихъ женъ, и такимъ образомъ забывъ совершенно Бога, который осыпалъ ихъ благодѣяніями, въ восьмой день того же мѣсяца іюня (1098 г.) они увидѣли, что ихъ самихъ осадили язычники, и тѣ самые люди, которые при помощи божіей осаждали столь долгое время турокъ антіохійскихъ, были въ свою очередь, по опредѣленію Бога, окружены турками; и къ большему нашему ужасу, крѣпость, о которой мы говорили и которая служила защитою города, по прежнему оставалась въ рукахъ непріятелей. Такимъ образомъ, побуждаемые страхомъ, наши рѣшились приступить къ осадѣ крѣпости.

Съ самаго начала своего прибытія, *Корбара* (извѣстный обыкно-

венно подъ именемъ Кербога; у Вильг. Тирскаго: Корбгоатъ), турецкій владѣтель, желая вступить немедленно въ битву, раскинулъ свои палатки вблизи города, около двухъ миль разстоянія; потомъ, построивъ свои полки, онъ пододвинулся къ мосту. Съ перваго дня наши позаботились укрѣпить зȁмокъ графа (Тулузскаго), опасаясь, что если дойдетъ до дѣла, то непріятель, находившійся внутри, можетъ овладѣть тѣмъ мѣстомъ, или если мы оставимъ укрѣпленіе предъ мостомъ и врагъ займетъ его, то у насъ будетъ отнята возможность сражаться и производить вылазки.

Затѣмъ авторъ разсказываетъ отдѣльные случаи изъ приступовъ Кербоги въ теченіе первыхъ 5 дней осады до 14 іюня, когда крестоносцы были доведены до послѣдней крайности и готовы были уже уступить, какъ ихъ спасло неожиданное обстоятельство.

Такимъ образомъ, когда наши были доведены до отчаянія и совершенно растерялись, явилось на помощь имъ божественное милосердіе, которое, наказавъ своихъ чадъ, предавшихся распутству, употребило слѣдующее средство, чтобы утѣшить ихъ въ крайней печали.

По взятіи города Антіохіи, Господь, выказывая свое могущество и благость, избралъ бѣднаго крестьянина, родомъ провансальца, который возвратилъ намъ всѣмъ силу; онъ обратился къ графу (Тулузскому) и къ епископу Пюи съ слѣдующими словами:

„Андрей, апостолъ Бога и нашего Господа Іисуса Христа, четыре раза являлся мнѣ и повелѣвалъ идти къ вамъ и вручить, по взятіи города, *копье*, которымъ былъ прободенъ нашъ Спаситель. Но сегодня, когда я вышелъ съ другими сражаться за городскую черту, на обратной дорогѣ меня сбили съ ногъ два всадника и едва не раздавили: печальный и усталый, я сѣлъ на камень; горе и страхъ привели меня въ изнеможеніе. Тогда опять явился мнѣ блаженный Андрей, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, и обратился ко мнѣ, страшно угрожая, если я не потороплюсь вручить вамъ копья“.

Тогда графъ и епископъ Пюи просили его разсказать имъ подробно все объ откровеніи и явленіи апостола, и онъ имъ отвѣчалъ:

„Еще во время землетрясенія въ Антіохіи, когда ее осаждала армія франковъ, я былъ объятъ такимъ ужасомъ, что могъ проговорить только слова: „Господи, спаси!“ Это случилось въ полночь; я лежалъ, и въ моей палаткѣ не было никого, кто могъ бы своимъ присутствіемъ ободрить меня. Такъ какъ мое замѣшательство продолжалось и все болѣе увеличивалось, предо мною явились два человѣка въ блестящихъ одѣяніяхъ: одинъ былъ постарше, съ сѣдыми и побѣлѣвшими волосами, глаза черные и выразительные, борода бѣлая, широкая и длинная, самъ же средняго роста. Другой былъ помоложе, но выше и такъ хорошъ, какъ не бываютъ сыны человѣческіе. Старшій спросилъ меня: „Чтȏ ты дѣлаешь?“ Я же трясся всѣми членами, зная, что со мною никого не было; но я ему отвѣчалъ: „Кто ты?“ И онъ заговорилъ: „Встань, не бойся и послушай, чтȏ я тебѣ скажу: я — апостолъ Андрей. Собери епископа Пюи, графа св. Эгидія (Тулузскаго) и Петра-Раймунда изъ Готпуля (Altopullo, н. Hautpoul),

и скажи имъ: почему епископъ не обращаетъ вниманія на проповѣдь и не увѣщеваетъ, благословляя народъ крестомъ, который онъ носитъ на себѣ? все это было бы весьма полезно"; и потомъ онъ продолжалъ: „Пойдемъ, я покажу тебѣ копье нашего отца Іисуса Христа, которое ты отдашь графу, ибо Господь ему предназначилъ его съ самаго дня его рожденія". Я всталъ и пошелъ за нимъ въ городъ, не имѣя на себѣ никакой одежды, кромѣ рубашки. Онъ ввелъ меня туда сѣверными воротами, и мы вошли въ церковь блаженнаго Петра, обращенную сарацинами въ мечеть. Въ церкви были зажжены двѣ лампады, которыя давали столько свѣту, что было ясно какъ въ полдень; онъ мнѣ сказалъ: „Подожди здѣсь", и приказалъ прислониться къ колоннѣ, которая была ближайшею къ ступенямъ, ведшимъ къ алтарю съ южной стороны; а его товарищъ остановился поодаль предъ ступенями алтаря. Спустившись подъ землю, св. Андрей извлекъ оттуда копье, подалъ его мнѣ въ руки и сказалъ: „Вотъ копье, которымъ былъ прободенъ бокъ, откуда вышло спасеніе всему міру"; держа копье въ рукѣ и обливаясь слезами радости, я сказалъ ему: „Владыко, если ты желаешь, я отнесу его и вручу графу"; а онъ мнѣ отвѣтилъ: „Ты поступишь такъ, ни мало не откладывая, тотчасъ по взятіи города; тогда ты придешь сюда съ 12 свидѣтелями и отыщешь копье на томъ мѣстѣ, гдѣ я его взялъ и куда кладу снова". И онъ его положилъ. Послѣ того, онъ меня провелъ чрезъ стѣны домой, и они оба удалились отъ меня. Тогда, подумавъ самъ въ себѣ и о своей бѣдности, и о вашемъ величіи, я побоялся идти къ вамъ. Послѣ того, отправясь къ одному замку близь Эдессы для пріисканія съѣстныхъ припасовъ, въ первый день поста, когда пѣтухъ пропѣлъ въ первый разъ, блаженный Андрей явился мнѣ въ тѣхъ же одѣяніяхъ, и съ тѣмъ же спутникомъ, какъ тогда; мой домъ освѣтился большимъ блескомъ, и апостолъ мнѣ сказалъ: „Спишь ты?" Пробудившись, я ему отвѣчалъ: „Нѣтъ, мой владыко, я не сплю". И онъ мнѣ говоритъ: „Сказалъ ли ты, чтó я давно уже велѣлъ тебѣ сказать?" Я отвѣчалъ: „Владыко, не просилъ ли я тебя отправить другого, а не меня: трепеща въ своемъ ничтожествѣ, я не осмѣлился идти къ нимъ». И онъ мнѣ отвѣтилъ: „Развѣ ты не знаешь, зачѣмъ Богъ привелъ васъ сюда, какъ онъ васъ любитъ, и что вы его избранники? Онъ васъ привелъ сюда, потому что его здѣсь презрѣли, и для того чтобы вы отомстили за своихъ. Богъ васъ возлюбилъ такъ, что святые, давно уже почившіе, зная впередъ, какая ожидаетъ васъ благодать, желали бы теперь быть во плоти и соединиться съ вами. Богъ избралъ васъ среди прочихъ націй, какъ хлѣбный колосъ выдѣляется изъ сорной травы; вы своими заслугами и благодатью выше всѣхъ, кто былъ до васъ и будетъ послѣ васъ, какъ золото драгоцѣннѣе серебра". Послѣ того они удалились, и я впалъ въ такую болѣзнь, что потерялъ зрѣніе и остался при ограниченныхъ средствахъ своей бѣдности. Тогда я началъ разсуждать въ себѣ и подумалъ, что это бѣдствіе постигло меня справедливо, за пренебреженіе къ явленію апостола. Успокоившись, я возвратился къ осаждающимъ. Но тамъ, при своемъ крайнемъ ничтожествѣ, я опасался, что если пойду къ вамъ, то вы примете меня за проголодавшагося человѣка, который придумалъ свой

разсказъ, какъ средство къ жизни, и на этотъ разъ снова промолчалъ. Между тѣмъ прошло еще нѣсколько времени; мнѣ случилось быть въ гавани св. Симеона (близь Антіохіи); я лежалъ въ палаткѣ съ моимъ господиномъ Вильгельмомъ-Петромъ, и блаженный Андрей предсталъ опять предо мною вмѣстѣ съ тѣмъ же спутникомъ и въ той же одеждѣ, какъ я видѣлъ прежде, и говорилъ мнѣ: „Почему ты не сказалъ, что̀ я тебѣ велѣлъ объявить епископу, графу и прочимъ?“ Я отвѣчалъ: „Развѣ я не просилъ тебя, владыко, послать вмѣсто меня другого, болѣе умнаго, и котораго бы выслушали? Кромѣ того, турки владѣютъ всею дорогою и убиваютъ всѣхъ проходящихъ“. И св. Андрей говорилъ: „Не бойся, они тебѣ не сдѣлаютъ зла. Ты скажешь еще графу, что, когда онъ прибудетъ къ Іордану, пусть онъ не купается въ немъ, но переплыветъ въ лодкѣ; и послѣ того, оставаясь въ рубашкѣ и полотняныхъ исподнихъ, пусть прикажетъ облить себя водою рѣки; когда же бѣлье высохнетъ, онъ долженъ его снять и хранить вмѣстѣ съ господнимъ копьемъ“. Мой господинъ, Вильгельмъ-Петръ, слышалъ эти слова, хотя и не видѣлъ апостола. Увѣренный, такимъ образомъ, въ безопасности, я возвратился въ армію, и когда хотѣлъ передать все случившееся, то не могъ найти васъ всѣхъ вмѣстѣ. Такъ я отправился въ гавань Мамисту; тамъ, когда я хотѣлъ отплыть за съѣстными припасами къ о. Кипру, блаженный Андрей обратился снова ко мнѣ съ величайшими угрозами, если я не вернусь немедленно и не донесу о томъ, что онъ предписываетъ. Я раздумывалъ, какъ бы вернуться въ лагерь, а гавань отстояла отъ нашей арміи около трехъ дней пути; не видя никакихъ средствъ возвратиться, я горько заплакалъ. Послѣ того, по приглашенію своихъ спутниковъ и моего господина, я сѣлъ на корабль и мы поѣхали къ о. Кипру; плывя цѣлый день до заката солнца помощью вѣтра и на веслахъ, мы встрѣтились съ бурею, и въ одинъ или два часа очутились въ гавани, изъ которой отплыли. Тамъ я подвергся тяжкой болѣзни. Когда же Антіохія была взята, я пошелъ къ вамъ, и теперь, если желаете, повѣрьте мои слова“.

Епископъ думалъ, что это были только одни слова, но графъ (Тулузскій) тотчасъ повѣрилъ, и поручилъ того, кто разсказывалъ, заботамъ своего капеллана, Раймунда (т. е. нашего автора).

Въ слѣдующую ночь самъ Господь Іисусъ Христосъ явился одному извѣстному священнику, по имени Стефану, оплакивавшему свою смерть и своихъ товарищей, которая казалась ему близкою и неизбѣжною; онъ былъ напуганъ людьми, разсказывавшими, что они видѣли, какъ турки спускались съ горы въ городъ, побѣдивъ нашихъ и обративъ ихъ въ бѣгство. Вслѣдствіе того священникъ, желая умереть предъ лицемъ Бога, вошелъ въ церковь блаженной Маріи Приснодѣвы, исповѣдался, получилъ отпущеніе и началъ пѣть псалмы вмѣстѣ съ своими товарищами. Другіе уснули, а онъ одинъ бодрствовалъ, и когда онъ произнесъ: „Господи, кто населитъ твои кущи, или кто опочитъ на твоей святой горѣ“ (Псал. VI, 1), какой-то человѣкъ, красоты, превосходящей всякую другую красоту, явился предъ нимъ и сказалъ: „Послушай, какой это народъ вступилъ въ городъ?“ И священникъ отвѣчалъ: „Христіане“. „Какіе христіане?“ продолжалъ

тотъ; на это священникъ говорилъ: „Люди, вѣрующіе во Христа, рожденнаго Дѣвой, который пострадалъ на крестѣ, умеръ, былъ погребенъ, воскресъ въ третій день и вознесся на небо". Тогда неизвѣстный спросилъ: „Если они христіане, то почему же они боятся этого множества язычниковъ?" и присоединилъ къ тому: „узнаёшь ли меня?" Священникъ отвѣчалъ: „Я не знаю тебя, но вижу, что ты красивѣе всѣхъ". Тогда неизвѣстный промолвилъ: „Посмотри на меня пристально". Священникъ, взглянувъ на него со всѣмъ вниманіемъ, замѣтилъ, что надъ его головой поднялся крестъ, превосходящій блескомъ самое солнце, и потому отвѣчалъ ему: „Мы называемъ изображеніями Господа нашего Іисуса Христа тѣ образа, которые походятъ на тебя". На это тотъ сказалъ: „Ты правъ: это — я. Не о мнѣ ли сказано, что я всемогущій Господь, Господь сильный въ брани? А кто начальникъ вашей арміи?" Священникъ отвѣчалъ: „Господи, мы никогда не имѣли одного начальника, но больше довѣряемъ епископу". И Господь сказалъ: „Скажи епископу: этотъ народъ своимъ дурнымъ поведеніемъ удалилъ меня отъ себя, и потому объяви ему: вотъ что говоритъ Господь: обратитесь ко мнѣ, и я возвращусь къ вамъ. И когда они вступятъ въ бой, то пусть говорятъ: наши враги собрались и кичатся въ своемъ могуществѣ: истреби и разсѣй ихъ силы, Господи, ибо ничто не защититъ насъ, кромѣ тебя, о Боже нашъ. И скажи имъ еще: если вы сдѣлаете то, что я предписываю вамъ, то черезъ пять дней я сжалюсь надъ вами". Пока Онъ говорилъ все это, выступила впередъ какая-то женщина, лицо которой горѣло необыкновеннымъ свѣтомъ, и, устремивъ свои взоры на Господа, она сказала ему: „Господи, что ты говоришь этому человѣку?" И Господь отвѣчалъ ей: „Владычица, я спрашиваю у него, какой это народъ вошелъ въ этотъ городъ?" На это женщина сказала: „О, мой владыко, это именно тѣ, о которыхъ я молю тебя непрестанно".

Тогда священникъ толкнулъ своего товарища, который спалъ возлѣ него, чтобы въ немъ имѣть свидѣтеля столь чуднаго видѣнія; но лица, явившіяся ему, исчезли. Наступило утро; священникъ поднялся на гору, гдѣ находились князья въ виду турецкой крѣпости, кромѣ герцога, который охранялъ укрѣпленіе, расположенное на сѣверной горѣ. Созвавъ всѣхъ, онъ разсказалъ о случившемся нашимъ князьямъ и, чтобы удостовѣрить въ истинѣ, клялся на крестѣ, а для убѣжденія невѣрующихъ изъявлялъ готовность подвергнуть себя испытанію огнемъ или броситься съ башни. Тогда князья дали клятву не удаляться отъ Антіохіи и выходить изъ города только съ общаго согласія, ибо народъ думалъ, что въ настоящемъ случаѣ князья рѣшились бѣжать къ гавани. Этимъ они внушили всѣмъ довѣріе. Въ предшествовавшую ночь немногіе оставались вѣрными своему долгу и не искали случая бѣжать, такъ что еслибы епископъ и Боэмундъ не заперли воротъ, то въ городѣ остались бы весьма немногіе. Но Вильгельмъ изъ Грандуны вмѣстѣ съ братомъ убѣжалъ, въ сопровожденіи большого числа свѣтскихъ и духовныхъ. Ускользнувъ изъ города съ величайшею опасностью, многіе изъ нихъ попали въ руки турокъ и навлекли на себя тѣмъ огромныя бѣдствія.

Въ это самое время мы имѣли много и другихъ откровеній чрезъ

нашихъ братьевъ, и кромѣ того намъ явился на небѣ чудесный знакъ. Въ полночь надъ городомъ остановилась большая звѣзда; раздѣлившись потомъ на три части, она упала на турецкій лагерь.

Ободренные всѣмъ этимъ, наши ждали пятаго дня, который былъ возвѣщенъ имъ священникомъ. Наканунѣ же того, сдѣлавъ должныя приготовленія вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяниномъ, который говорилъ о копьѣ, и удаливъ всѣхъ изъ церкви блаженнаго Петра, мы начали рыть. Въ числѣ 12 человѣкъ, для того назначенныхъ, находились епископъ изъ Оранжа (Aurasicensis), *Раймундъ*, капелланъ графа, который пишетъ это (т.-е. нашъ авторъ), самъ графъ (Тулузскій), Понтій изъ Баладуна (сотрудникъ нашего автора) и Фаральдъ изъ Туара. Занимаясь раскопкою цѣлый день, къ вечеру нѣкоторые стали отчаяваться въ возможности найти копье. Графъ удалился для охраненія крѣпости, и на мѣсто его, равно какъ и другихъ, которые утомились отъ работы, мы пригласили новыхъ лицъ, съ тѣмъ чтобы дѣятельно продолжать раскопку. Юноша, разсказавшій о копьѣ, видя, что мы устали, снялъ поясъ и обувь и спустился въ рубашкѣ въ яму, прося насъ молить Бога о врученіи копья, которое воодушевитъ его народъ и даруетъ ему побѣду. Наконецъ, Господь, въ своемъ милосердіи, послалъ намъ копье, и я, который пишу это, поцѣловалъ его, какъ только конецъ показался изъ подъ земли. Не могу сказать, какимъ восторгомъ и какою радостью исполнился тогда весь городъ. Копье было найдено *четырнадцатаго іюня*. (1098 г., т.-е. въ шестой день послѣ осады крестоносцевъ Кербогою).

Слѣдуетъ небольшое отступленіе о новыхъ видѣніяхъ и бесѣдахъ того крестьянина изъ Прованса съ ап. Андреемъ.

Въ то время (т.-е. когда было найдено копье) голодъ былъ такъ великъ въ городѣ, что голова лошади, и еще безъ языка, продавалась по два и по три солида, внутренности козы — пять солидовъ и курица — семь или восемь. Нечего говорить о хлѣбѣ: чтобы утолить голодъ одного человѣка, мало было купить его на 5 солидовъ. Но эти цѣны не были чрезмѣрны и тяжелы для тѣхъ, которые за все могутъ платить дорого, имѣя довольно золота, серебра и драгоцѣнныхъ одеждъ; эта же дороговизна происходила главнымъ образомъ оттого, что рыцарямъ недоставало мужества. Съ фиговыхъ деревьевъ собирали неспѣлые плоды, варили ихъ и продавали по высокой цѣнѣ. Этимъ же способомъ варили бычачьи и лошадиныя кожи, и другія кожи, давно уже заброшенныя, и продавали ихъ очень дорого. такъ что каждый могъ ихъ ѣсть на два солида. Большая часть рыцарей не имѣла другой пищи, кромѣ лошадей, но, надѣясь на милосердіе Бога, они не хотѣли еще ихъ убивать. Таковы были бѣдствія, которыя тяготѣли надъ осажденными; другія же несчастія было бы трудно и исчислить. Но самое высшее бѣдствіе состояло въ томъ, что многіе изъ нашихъ убѣгали къ туркамъ и говорили имъ о той крайности, которая господствуетъ въ городѣ, и турки, поощряемые такими извѣстіями и другими обстоятельствами, тѣмъ болѣе тѣснили насъ. Однажды, въ полдень, около 30 турокъ влѣзли на одну изъ нашихъ

башенъ и причинили нашимъ великій ужасъ. Однако они сразились съ ними, сообразно опасности, и съ помощію божіей однихъ умертвили, а другихъ сбросили съ укрѣпленія. При этомъ случаѣ всѣ дали клятву повиноваться Боэмунду въ продолженіе 15 дней послѣ битвы, возложивъ на него охраненіе города и приготовленія къ битвѣ, ибо въ то время графъ и епископъ были весьма больны, а графъ Стефанъ, котораго другіе князья избрали диктаторомъ, еще до взятія города, узнавъ объ исходѣ войны, убѣжалъ.

Слѣдуетъ новое отступленіе о новой таинственной бесѣдѣ того же провансальца съ ап. Андреемъ, и затѣмъ авторъ разсказываетъ самую битву крестоносцевъ съ Кербогою, наканунѣ Петрова дня, слѣдов. двѣ недѣли спустя послѣ нахожденія копья, во время которой нашъ авторъ самъ несъ это копье, и христіане одержали полную побѣду, принудивъ Кербогу снять осаду; въ то же время и гарнизонъ турецкій, удержавшійся въ верхнемъ укрѣпленіи, сдался на капитуляцію.

Вслѣдствіе этой побѣды (надъ Кербогою, 28 іюня 1098 г.) произошло то, что наши князья, Боэмундъ, графъ, герцогъ и графъ Фландрскій, овладѣли сообща крѣпостью города; но Боэмундъ захватилъ самыя высокія башни, обнаруживъ въ себѣ тѣ страсти, которыя должны были породить несправедливость. Вслѣдствіе того онъ изгналъ изъ зàмка силою людей герцога, графа Фландрскаго и графа св. Эгидія, утверждая, что онъ клялся туркамъ, сдавшимъ ему городъ, не раздѣлять ни съ кѣмъ своей власти. Послѣ того, такъ какъ первая попытка его осталась безнаказанною, онъ потребовалъ себѣ сдачу всѣхъ укрѣпленій города и воротъ, которыя съ самаго начала нашей осады охранялись графомъ, епископомъ и герцогомъ. Исключая графа, всѣ ему уступили. Графъ же хотя былъ боленъ, но не хотѣлъ отказаться отъ обладанія воротами у моста, не смотря ни на просьбы, ни на обѣщанія, ни на угрозы Боэмунда.

Въ то время раздоры происходили не только между князьями, но и между народомъ, такъ что мало было людей, которые не имѣли бы ссоры съ своими товарищами или прислугою за добычу или открытое воровство. Между тѣмъ въ городѣ не было никакого судьи, который могъ бы разобрать тяжбы, и несправедливость дошла до послѣдней степени. Графъ и епископъ были больны все это время и не могли никого защитить отъ такихъ оскорбленій.

Но къ чему долго останавливаться на всѣхъ этихъ подробностяхъ? Изнѣженные въ праздности и богатствѣ, наши, въ противность божескимъ предписаніямъ, отлагали продолжать предпринятый ими путь до ноября мѣсяца (1098 г.). Въ первое же время послѣ бѣгства турокъ сарацинскіе города были до того поражены ужасомъ, что еслибы наши франки сѣли на лошадей, то не нашлось бы ни одного города до самаго Іерусалима, который, по нашему мнѣнію, осмѣлился бы бросить въ нихъ даже камнемъ.

Описаніе этого промежутка времени, отъ конца іюня до конца ноября, наполнено у автора отрывочными замѣтками объ отдѣльныхъ событіяхъ и

внесеніемъ въ хронику множества легендъ о различныхъ откровеніяхъ и видѣніяхъ; сначала авторъ говоритъ о смерти Адемара и о томъ, какъ снова явился ап. Андрей *Петру Бартоломею* (такъ въ первый разъ называетъ авторъ того провансальскаго крестьянина, который нашелъ копье) и разсказалъ ему о мученіяхъ Адемара въ аду за то, что онъ усомнился въ копьѣ; далѣе авторъ упоминаетъ объ удаленіи герцога Готфрида въ Эдессу къ брату и объ отдѣльныхъ набѣгахъ, которые производили крестоносцы въ окрестностяхъ Антіохіи, перемѣшивая свой разсказъ замѣчаніями о новыхъ видѣніяхъ: изъ такихъ экспедицій особенно было замѣчательно завоеваніе Альбара, гдѣ крестоносцы сами избрали епископа. Въ началѣ ноября князья собрались для совѣщаній о походѣ и устройствѣ Антіохіи; несогласія князей по поводу послѣдняго вопроса едва не обратились въ междоусобную войну, но народъ угрожалъ возстаніемъ, и князья въ концѣ ноября двинулись изъ Антіохіи къ г. Маррѣ, завоеваніе котораго произвело новую ссору между Боэмундомъ и графомъ Тулузскимъ и новое возстаніе народа, которое кончилось тѣмъ, что народъ, мстя князьямъ, срылъ укрѣпленіе Марры и заставилъ своихъ вождей въ концѣ декабря (1098 г.) продолжать прерванный походъ. Далѣе авторъ говоритъ о движеніи христіанъ къ Триполю, владѣтель котораго изъявилъ добровольное согласіе подчиниться; но крестоносцы, желая болѣе обезпечить для себя овладѣніе г. Триполемъ, осадили весьма сильную крѣпость Арку (Archados); но эта осада продолжалась до начала апрѣля (1099 г.) и была весьма несчастна для крестоносцевъ; при Аркѣ былъ убитъ между прочими и Понтій изъ Баладуна, по смерти котораго авторъ рѣшился одинъ продолжать свой трудъ; причиною несчастій для христіанъ было постоянное ихъ несогласіе и преобладаніе частныхъ интересовъ; наконецъ, при осадѣ Арки, въ первый разъ обнаружилось въ крестоносцахъ недовѣріе къ тѣмъ легендамъ, которыя до тѣхъ поръ вызывали въ нихъ энтузіазмъ; нашъ авторъ приводитъ длинный рядъ явленій и откровеній подъ Аркою, но замѣчаетъ при этомъ, что многіе не только сомнѣвались въ новыхъ видѣніяхъ, но заподозрили даже и копье; во главѣ скептиковъ стоялъ Арнульфъ, капелланъ графа Нормандскаго; онъ не хотѣлъ отказаться отъ своего сомнѣнія, и тѣмъ раздражилъ въ особенности Петра Бартоломея.

Услышавъ это (т.-е. отказъ Арнульфа торжественно отречься отъ своего сомнѣнія въ истинности копья), Петръ Бартоломей, исполненный негодованія, сказалъ, какъ человѣкъ простой и хорошо знавшій истину: „Я хочу и прошу, чтобы развели большой огонь; я пройду чрезъ него вмѣстѣ съ господнимъ копьемъ. Если это копье Господа, то я выйду цѣлъ и невредимъ; если же это обманъ, то я сгорю; я вижу, что начинаютъ не довѣрять явленіямъ и свидѣтельству". Это предложеніе намъ понравилось, и, предписавъ Петру строгій постъ, мы распорядились о разведеніи огня въ самый тотъ день, когда Господь былъ замученъ и распятъ на крестѣ для нашего спасенія. Все это происходило наканунѣ пятницы (т.-е. страстной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1099 г., при осадѣ Арки).

Въ назначенный день, съ утра, начали приготовлять костеръ и окончили къ полудню. Князья и народъ собрались въ числѣ 40 тысячъ; священники присутствовали съ босыми ногами и въ церковныхъ одеждахъ. Изъ сухихъ оливъ сдѣлали костеръ въ 14 футъ длины;

дерево было сложено двумя кучами, и между ними оставленъ былъ проходъ въ одинъ футъ шириною, а высота кучъ достигала 4 футъ. Когда огонь сильно разгорѣлся, я, Раймундъ (нашъ авторъ), въ присутствіи всего собранія, произнесъ слѣдующее: „Если всемогущій Богъ говорилъ съ этимъ человѣкомъ лицомъ къ лицу, и если блаженный Андрей указалъ ему господне копье во время его бдѣнія, то пусть онъ пройдетъ теперь чрезъ огонь невредимо; если же это не такъ и если все это выдумано, то пусть онъ сгоритъ вмѣстѣ съ копьемъ, которое онъ понесетъ въ рукѣ“. И все собраніе, преклонивъ колѣно, отвѣтило: „Аминь!“

Между тѣмъ огонь раздуло такъ сильно, что пламя поднялось на 30 локтей, и никто не могъ приблизиться къ костру. Тогда Петръ Бартоломей, облеченный въ одну тунику, преклонивъ колѣно предъ епископомъ города Альбара (партизаномъ копья), призывалъ Бога въ свидѣтели, что онъ его видѣлъ лицемъ къ лицу на крестѣ, и что онъ научилъ его тому, что написано имъ и блаженными апостолами Петромъ и Андреемъ; что онъ ничего не выдумалъ изъ того, что имъ было сказано отъ имени св. Андрея, или св. Петра, или даже самого Господа, и что если онъ въ чемъ-либо солгалъ, то пусть никогда не будетъ въ состояніи пройти чрезъ огонь, который разведенъ предъ нимъ. О другихъ же грѣхахъ, которые онъ совершилъ противъ Бога и ближняго, онъ просилъ Бога отпустить ему, а епископа, всѣхъ другихъ пресвитеровъ и народъ, собравшійся для этого зрѣлища, помолиться за него. Послѣ того, когда епископъ вручилъ ему копье, онъ преклонилъ колѣно, сдѣлалъ знаменіе креста и безъ малѣйшаго страха, твердою поступью, вошелъ въ огонь, неся въ рукахъ копье; на извѣстномъ мѣстѣ, посреди пламени, онъ остановился, и послѣ того прошелъ съ божіею помощью до конца. Было нѣсколько лицъ, которыя видѣли новое знаменіе, прежде нежели онъ вошелъ въ огонь, а именно, надъ нимъ летала птица, которая бросилась въ пламя. Священникъ Эверардъ, который впослѣдствіи изъ любви къ Богу остался въ Іерусалимѣ, Вильгельмъ, сынъ Бона, превосходный рыцарь, родомъ изъ Арля, и показаніе которыхъ правдиво, свидѣтельствуютъ также, что они видѣли то же самое. Другой отличный рыцарь, Вильгельмъ, по прозванію Негодный (Malus puer), видѣлъ какого-то человѣка, въ священническихъ одеждахъ, съ накинутымъ капюшономъ на головѣ, прежде нежели Петръ вошелъ въ огонь; потомъ, не замѣчая, чтобы онъ вышелъ и полагая, что это былъ Петръ Бартоломей, онъ началъ плакать, ибо думалъ, что послѣдній погибъ въ пламени. Стеченіе народа было такъ велико, что не могли всѣ видѣть одного и того же. Намъ было много разсказано и другого, но мы опускаемъ изъ боязни наскучить читателю; впрочемъ во всякомъ дѣлѣ три безупречныхъ свидѣтеля считаются достаточными. Но вотъ одно обстоятельство, котораго мы не можемъ пройти молчаніемъ. Когда Петръ прошелъ чрезъ огонь, народъ, не смотря на пламя, бросился собирать уголья и пепелъ съ такимъ усердіемъ, что скоро не осталось ничего. По вѣрованію этихъ людей, Господь впослѣдствіи совершитъ много чудесъ при помощи тѣхъ остатковъ.

Послѣ того какъ Петръ Бартоломей вышелъ изъ огня столь счаст-

ливо, что его туника нисколько не сгорѣла и не осталось ни малѣйшаго слѣда огня на тончайшей матеріи, въ которое было завернуто господне копье, народъ устремился на него, и онъ копьемъ Господа осѣнилъ всѣхъ знаменіемъ креста, громко возгласивъ: „Помоги, Боже!“ Народъ, говорю я, бросился на него, повалилъ на землю, и онъ былъ стоптанъ ногами огромной толпы, такъ какъ каждый хотѣлъ его коснуться или получить часть его одежды, чтобы удостовѣриться въ немъ. Ему ранили въ трехъ или четырехъ мѣстахъ ноги, вырвавъ куски мяса, сломали спинную кость и исковеркали его. Мы полагаемъ, онъ умеръ бы на мѣстѣ, еслибы Раймундъ Пелецъ, благородный и сильный рыцарь, не собралъ своихъ товарищей и, бросившись въ толпу, не освободилъ Петра, защищая его такъ, что ему самому угрожала опасность. Мы сами были тогда смущены и встревожены до того, что больше ничего не можемъ сказать. Когда Раймундъ Пелецъ перенесъ Петра въ нашъ домъ, перевязавъ его раны, мы начали спрашивать его, почему онъ остановился среди пламени. Онъ отвѣчалъ намъ: „Господь явился мнѣ посреди пламени и, взявъ меня за руку, говорилъ: „Такъ-какъ ты сомнѣвался въ открытіи копья, когда блаженный Андрей сообщилъ тебѣ о томъ, то ты не выйдешь безъ обжоги, но ты не попадешь и въ адъ“; съ этими словами онъ оставилъ меня. Вотъ посмотрите, если хотите, мои раны“. Дѣйствительно, онъ имѣлъ на ногахъ нѣсколько обожженныхъ мѣстъ, но весьма немного; однако раны его были огромны. Послѣ того мы призвали тѣхъ, которые сомнѣвались въ копьѣ Спасителя, чтобы они пришли и посмотрѣли у Петра лицо, голову и прочіе члены, и чтобы они поняли истину всего, что было говорено о копьѣ и другихъ предметахъ, ибо онъ не убоялся для доказательства броситься въ пламя. Многіе дѣйствительно пришли и, осмотрѣвъ лицо и все тѣло Петра, прославляли Бога, говоря: „Богъ можетъ насъ защитить отъ мечей непріятеля, если спасъ этого человѣка среди потоковъ огня. Мы не повѣрили бы, что стрѣла могла бы пронестись чрезъ это пламя, не вспыхнувъ, а между тѣмъ этотъ человѣкъ прошелъ“.

Послѣ того Петръ призвалъ къ себѣ капеллана графа, Раймунда (нашего автора), и сказалъ ему: „Къ чему ты хотѣлъ, чтобы я, въ доказательство истинности копья и всего прочаго, о чемъ я говорилъ отъ имени Бога, прошелъ чрезъ огонь? Я очень хорошо знаю, что́ ты думалъ“. И онъ разсказалъ ему его мысли. И такъ какъ Раймундъ отрицалъ все подобное, то Петръ Бартоломей возразилъ: „Ты не можешь отказываться, ибо я знаю то навѣрное. Все то, отчего ты отказываешься, я узналъ это ночью отъ благословенной Дѣвы Маріи и епископа Адемара. Я удивляюсь, что, не сомнѣваясь въ словахъ Господа и его апостоловъ, ты желалъ, однако, доказательствъ на мою погибель, и только для того“. Тогда Раймундъ, видя, что его помыслы обнаружены, и признавая себя виновнымъ предъ Богомъ, залился горькими слезами, и Петръ сказалъ ему: „Не отчаявайся, ибо св. Дѣва Марія и св. Андрей исходатайствуютъ тебѣ прощеніе у Бога. Ты же съ своей стороны молись имъ усердно“.

После такого подробнаго изложенія процесса Петра Бартоломея, нашъ авторъ возвращается къ описанію несогласія князей, упоминаетъ о послѣдо-

вавшей вскорѣ смерти Петра Бартоломея отъ ранъ и обжоги, и разсказываетъ, какъ крестоносцы сняли наконецъ осаду города Арки и обступили Триполь, къ величайшему неудовольствію массы, которая желала идти прямо въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ какъ наши князья изобрѣтали новые предлоги, чтобы остаться у стѣнъ Триполя, Господь внушилъ своему народу такую ревность идти къ Іерусалиму, что никто не могъ удержать ни себя, ни другихъ. Отправившись однажды подъ вечеръ, противъ приказанія князей и не смотря на всю нашу привязанность къ арміи, мы шли всю ночь и на слѣдующій день подошли къ Бериту (Berintum). Потомъ, занявъ неожиданно ущелье, называемое *Bucca-Torta*, мы въ нѣсколько дней подошли къ Аккону (Accaron, Птолемаида), не встрѣтивъ никакихъ препятствій. Владѣтель (rex) Аккона, опасаясь, чтобы мы не обложили этого города, и желая насъ отклонить, клялся графу, „что если мы возьмемъ Іерусалимъ, или если мы останемся 20 дней въ Іудеѣ, и владѣтель Вавилона намъ не объявитъ войны, или, наконецъ, если мы одержимъ надъ нимъ побѣду, то онъ сдастъ городъ, а въ ожиданіи того останется нашимъ другомъ“. Отправившись потому подъ вечеръ отъ Аккона, мы расположились лагеремъ вблизи болотъ, которыя находятся у Цезареи. Въ то время, когда одни по обычаю отправились изъ лагеря искать необходимаго, а другіе разспрашивали у знающихъ, гдѣ устроились ихъ товарищи, голубь, который летѣлъ надъ арміею, смертельно пораженный ястребомъ, упалъ посреди нашихъ. Епископъ города Агды (Atensis) поднялъ его и нашелъ на немъ письмо слѣдующаго содержанія: „Владѣтель (rex) Аккона правителю (duci) Цезареи. Мимо меня прошло собачье племя, глупое и вздорное, которому, если ты любишь законъ, долженъ причинять всякое зло, какъ самъ, такъ и чрезъ другихъ. Дай знать о томъ по всѣмъ городамъ и зàмкамъ“. Утромъ мы приказали собраться арміи и сообщили князьямъ и народу содержаніе письма; мы объяснили имъ при этомъ, какъ милосерденъ къ намъ Богъ, когда даже птицы не могли пролетѣть, чтобы сдѣлать намъ зло, и выдали секреты непріятеля. Вслѣдствіе того мы воздали хвалу всемогущему Богу и возблагодарили его. Оттуда мы отправились съ такою же радостью, какъ и увѣренностью; многіе шли съ передовою частью арміи, а мы подвигались сзади.

Когда сарацины, обитавшіе въ Рамлѣ (Ramulae) узнали, что мы перешли протекавшую въ ихъ сосѣдствѣ рѣку, то они оставили укрѣпленіе и оружіе, побросали весь хлѣбъ въ житницахъ и жатву, которую они уже убрали. Мы прибыли въ этотъ городъ на слѣдующій день и убѣдились, что Богъ дѣйствительно ратовалъ за насъ. А потому мы сдѣлали обѣтъ св. Георгію, который былъ нашимъ руководителемъ, а князья и народъ сочли приличнымъ избрать въ этомъ мѣстѣ епископа, ибо это была первая церковь на землѣ Израиля, съ тѣмъ, чтобы блаженный Георгій соизволилъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ и провести насъ неизмѣнно по землѣ своего пребыванія. Рамла лежитъ отъ Іерусалима въ 16 миляхъ. Тамъ мы имѣли совѣщаніе, и одни говорили: „Не пойдемъ прямо къ Іерусалиму, но отправимся лучше въ Египетъ и Вавилонъ; если мы божіею милостію

успѣемъ одержать побѣду надъ владѣтелемъ Египта, то тогда мы овладѣемъ не только Іерусалимомъ, но Александріею, Вавилономъ и многими другими государствами; если же мы теперь пойдемъ въ Іерусалимъ и если намъ придется оставить осаду, по недостатку воды, то намъ не удастся ни то, ни другое". Но на это возражали: „Во всей арміи теперь не больше, какъ 1500 рыцарей, и число вооруженныхъ пѣхотинцевъ также невелико. Какъ же можно совѣтовать намъ вступить въ земли неизвѣстныя и отдаленныя, гдѣ мы не можемъ получить никакой помощи, и притомъ мы пойдемъ тогда не на завоеваніе святого города; наконецъ, мы не можемъ овладѣть тѣми мѣстами, ни возвратиться, когда къ тому будемъ вынуждены? Не будемъ дѣлать ничего подобнаго; пойдемъ далѣе по своей дорогѣ, а что касается до осады, голода, жажды и другихъ бѣдствій, которыхъ вы опасаетесь, то пусть Богъ позаботится о своихъ служителяхъ". Оставивъ такимъ образомъ гарнизонъ съ новымъ епископомъ въ зàмкѣ Рамлѣ, мы навьючили быковъ, верблюдовъ, кобылицъ и лошадей, и пустились въ дорогу въ Іерусалимъ. Но мы забыли и пренебрегли приказаніемъ, которое намъ далъ Петръ Бартоломей, не приближаться къ Іерусалиму на двѣ мили разстоянія иначе какъ съ босыми ногами, ибо въ противномъ случаѣ всякій захотѣлъ бы опередить другихъ, увлекаемый жаждою овладѣть зàмками и виллами: между нами же былъ обычай, по которому зàмокъ или вилла принадлежала тому, кто приходилъ первый и, водрузивъ знамя, помѣщалъ свою стражу, и послѣ того уже никто другой не старался овладѣть тѣмъ мѣстомъ. Побужденные такою надеждою, пилигримы встали въ полночь, не ожидая другихъ товарищей, и такимъ образомъ овладѣли всѣми горами и виллами, расположенными въ долинѣ Іордана. Мало было такихъ, для которыхъ божескія предписанія имѣли силу: они шли съ босыми ногами и глубоко сожалѣли о своемъ неповиновеніи слову господню, хотя никто не отклонялъ своего товарища или друга отъ того честолюбиваго набѣга. Когда мы подошли къ Іерусалиму, идя такимъ образомъ въ своей гордынѣ, сарацины, выступивъ изъ города и двинувшись на-встрѣчу первымъ изъ нашихъ, тяжко ранили людей и лошадей, и въ этотъ день пало три или четыре человѣка и много было раненыхъ (7 іюня 1099 г.).

На послѣднихъ шести страницахъ (по изданію Bongars), авторъ разсказываетъ осаду Іерусалима, послѣдній приступъ, 14 и 15 іюля, избраніе Готфрида въ короли и заключаетъ ссорою его съ графомъ Тулузскимъ, который вслѣдствіе того удалился съ нашимъ авторомъ въ Іерихонъ, чтобы омыться въ водахъ Іордана; этимъ событіемъ, случившимся въ концѣ іюля 1099 г., авторъ и заключаетъ свою хронику. См. конецъ ея ниже, въ ст. 20.

Капелланъ Раймундъ Агильскій.

Historia Franc. qui ceper. Hierosol. a. 1095—99.
Изд. Bongars, Gesta Dei per Francos, 1611.
Стр. 139—174.

О сочиненіяхъ и жизни Раймунда Агильскаго см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 20.

18.—Кербога подъ Антіохіей. 1097 г.

Изъ записокъ очевидца.

(Въ 1097 г.).

Авторъ, принимавшій личное участіе въ первомъ крестовомъ походѣ, велъ свои записки на мѣстѣ событій; въ первыхъ трехъ книгахъ, которыя вмѣстѣ составляютъ 9 небольшихъ главъ, разсказываются весьма коротко событія отъ Клермонтскаго Собора, въ концѣ 1095 года, до побѣды христіанъ надъ турками при Дорилеѣ, 1 іюля 1097 года. Четвертая и послѣдняя книга (гл. X—XXXIX) обнимаетъ собою время отъ Дорилейской побѣды до пораженія мусульманъ при Аскалонѣ, вскорѣ послѣ взятія Іерусалима, а именно, до 12 августа 1099 года. Первыя 10 главъ этой книги (X—XX) содержатъ разсказъ о дальнѣйшемъ походѣ крестоносцевъ послѣ битвы при Дорилеѣ и до взятія Антіохіи христіанами (6 іюня 1098 г.), причемъ былъ убитъ и турецкій начальникъ города, *Кассіанъ*, напрасно умолявшій хорозанскаго вождя Кербогу поспѣшить къ нему на помощь.

XXI. *Кербога* (у авт. Curbarám), предводитель арміи Персидскаго султана (т.-е. Мосульскаго), пребывалъ въ то время въ Хорозанѣ, и Кассіанъ, начальникъ Антіохіи (ammiralius Antiochiae), нѣсколько разъ обращался къ нему съ просьбою поспѣшить на помощь городу, пока есть еще время, ибо сильное войско франковъ начинаетъ тѣснить его въ Антіохіи; за такую услугу Кассіанъ обѣщалъ Кербогѣ или сдать ему весь городъ, или сдѣлать значительный подарокъ. Такъ какъ у Кербоги было уже давно собрано громадное турецкое войско и, кромѣ того, ихъ *апостолическій* Калифъ (Calipha apostolicus, т.-е. верховный глава религіи, посему авторъ и даетъ Калифу одинъ изъ папскихъ титуловъ) разрѣшилъ ему умерщвлять христіанъ; вслѣдствіе того Кербога предпринялъ отдаленный походъ изъ Хорозана въ Антіохію. Начальникъ Іерусалима (Hierosolymitanus ammiralius) явился къ нему съ войскомъ на помощь; также и султанъ (rex) Дамаска прибылъ съ многочисленною арміею. Самъ же Кербога собралъ безчисленныя толпы язычниковъ, а именно, турокъ, арабовъ, сарацинъ, публикановъ, азимитовъ, курдовъ, персовъ, агулановъ и многихъ другихъ, которымъ нѣтъ и числа. Агуланы были въ числѣ трехъ тысячъ; они не боялись ни копій, ни стрѣлъ, ни прочаго оружія, ибо были закованы въ желѣзо съ ногъ до головы, равно какъ и ихъ лошади; сами же они не употребляли никакого другого оружія, кромѣ меча. Таково было войско, явившееся для осады Антіохіи съ цѣлью разсѣять армію христіанъ. Когда они приближались къ городу, на встрѣчу имъ вышелъ Сенсадолъ, сынъ Кассіана, начальника Антіохіи; онъ немедленно представился Кербогѣ и просилъ его со слезами, говоря: „Непобѣдимый князь, умоляю тебя, помоги мнѣ; франки отовсюду стѣснили меня въ Антіохіи, овладѣли городомъ и желаютъ отдѣлить насъ отъ страны Романіи или Сиріи, а также и отъ Хорозана. Они дѣлаютъ все, что хотятъ; убили моего отца, и теперь имъ ничего не остается,

какъ умертвить меня, тебя и всѣхъ другихъ нашего племени. Я давно жду твоей помощи, чтобы ты защитилъ меня въ этой опасности". На это отвѣчалъ Кербога: „Если ты желаешь, чтобы я отъ всего сердца былъ расположенъ въ твою пользу и помогъ тебѣ въ этой опасности честно, предай мнѣ въ руки этотъ городъ". Сенсадолъ продолжалъ: „Если ты будешь въ состояніи избить франковъ и выдать мнѣ ихъ головы, то я сдамъ тебѣ Антіохію, присягну на подданство (hominium) и буду охранять городъ, оставаясь вѣрнымъ тебѣ". Кербога возразилъ: „Нѣтъ, мнѣ этого не нужно; сдай въ мои руки крѣпость навсегда". Хотя противъ воли, но Сенсадолъ уступилъ ему.

На третій день послѣ нашего вступленія въ Антіохію, появились предъ городомъ передовые отряды непріятеля, а самое войско расположилось лагеремъ у Желѣзнаго-Моста. Овладѣвъ мостовою башнею, враги избили тамъ всѣхъ, кого встрѣтили, и никто не спасъ жизни, кромѣ предводителя, котораго мы нашли, по окончаніи осады, въ цѣпяхъ. На слѣдующій день войско язычниковъ, двинувшись далѣе, приблизилось къ городу и устроило лагерь между двухъ рѣкъ; два дня непріятель оставался на томъ мѣстѣ. Послѣ того Кербога призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ начальниковъ, извѣстнаго ему за свою искренность, добродушіе и миролюбіе, и сказалъ ему: „Я желаю, чтобы ты съ полною преданностью взялъ на себя охраненіе этого лагеря, ибо я издавна знаю тебя, какъ самаго вѣрнаго человѣка, и потому прошу весьма заботливо ограждать наши укрѣпленія; считая же тебя притомъ и весьма благоразумнымъ, я убѣжденъ, что не найду другого, который былъ бы откровеннѣе и отважнѣе тебя". Начальникъ отвѣчалъ: „Я никогда не желалъ бы взять на себя такого порученія; но такъ какъ ты самъ побуждаешь меня къ тому, то знай, что если франки разобьютъ васъ въ смертоносномъ бою и побѣдятъ, то я немедленно сдамъ имъ лагерь". — „Я считаю тебя столь честнымъ и благоразумнымъ, возразилъ Кербога, что впередъ одобряю все, что бы ты ни сдѣлалъ хорошаго". Когда Кербога возвратился къ своему войску, турки, осмѣивая франковъ, показали ему какой-то негодный мечъ, покрытый ржавчиной, дрянной деревянный лукъ и весьма плохое копье, отнятые ими на дняхъ у какого-то бѣднаго пилигрима, и говорили при этомъ: „Вотъ тѣ блестящія и грозныя оружія, съ которыми христіане выступили противъ насъ въ Азіи; ими разсчитываютъ они загнать насъ за предѣлы Хорозана и стереть наше имя за Амазонскими рѣками; ими они изгнали нашихъ родичей изъ Романіи и царскаго города Антіохіи, уважаемой столицы всей Сиріи". Тогда Кербога призвалъ къ себѣ своего вѣрнаго секретаря и сказалъ ему: „Пиши сейчасъ нѣсколько грамотъ, чтобы ихъ прочли въ Хорозанѣ, и именно слѣдующимъ образомъ:

„Нашему апостолическому Калифу, и нашему государю султану, храброму воителю, и всѣмъ мудрымъ воинамъ Хорозана—поклонъ и великое почтеніе!

„Да будутъ они веселы и радостны въ счастливомъ согласіи, пусть кушаютъ на здоровье, живутъ въ изобиліи и роскоши, повелѣвая и управляя всею страной, пусть радуются тому, что они родили себѣ сыновъ, которые храбро сражаются съ христіанами, и да примутъ сіи

три оружія, отнятыя нами у франковъ; изъ этого можно заключить, каковы тѣ средства, съ которыми враги пришли на насъ, и какъ они хороши и надежны. О, сражайтесь противъ нашего вооруженія, раскрашеннаго двумя, тремя и даже четырьмя цвѣтами, съ насѣчками золотыми и серебряными! Пусть знаютъ всѣ наши, что я держу франковъ запертыми въ Антіохіи, а мой лагерь совершенно свободенъ, они же сидятъ въ городѣ: всѣ они теперь въ моихъ рукахъ, и будутъ преданы смерти или отведены плѣнниками въ Хорозанъ за то, что угрожаютъ изгнать насъ своимъ оружіемъ и откинуть отъ границъ, далеко за предѣлы Верхней Іудеи, какъ они выгнали нашихъ родичей изъ Романіи или Сиріи. Клянусь Магометомъ и именемъ всѣхъ боговъ, я не возвращусь къ вамъ, прежде нежели своею десницею не овладѣю царскимъ городомъ Антіохіею, всею Сиріею, или Романіею, и Булгаріею до самой Апуліи, къ чести боговъ и славѣ какъ вашей, такъ и всего народа турокъ!"

Этимъ онъ заключилъ продиктованное.

XXII. Въ это время явилась къ Кербогѣ мать его, проживавшая въ Алеппо, и говорила ему со слезами: „Справедливо ли все то, что я слышала?" — „Что̀ такое?" спросилъ Кербога? — „Я слышала, что ты намѣренъ вступить въ сраженіе съ франками", продолжала она. „Это совершенная правда", отвѣчалъ Кербога. „Умоляю тебя, сынъ, воскликнула мать, именемъ всѣхъ боговъ и твоимъ добрымъ сердцемъ, не веди войны съ франками. Конечно, ты воинъ непобѣдимый, и я никогда не слыхала ничего дурного ни о тебѣ, ни о твоемъ войскѣ; никто не видалъ, чтобы ты обращался въ бѣгство, оставивъ лагерь. Слава твоего воинства извѣстна, и осторожный врагъ бѣжитъ, заслышавъ твое имя. Мы хорошо знаемъ, мой сынъ, что ты могуществен̾ъ, отваженъ и свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ: никакой народъ, ни христіанскій, ни языческій, не можетъ сохранить доблести при видѣ тебя; бѣгутъ при одномъ твоемъ имени, какъ бѣгутъ овцы предъ разъяреннымъ львомъ. И тѣмъ не менѣе умоляю тебя, возлюбленный сынъ, внемли моимъ словамъ, и пусть не придетъ на мысль ни тебѣ, ни твоему совѣту, начать войну съ христіанами". Кербога, выслушавъ материнскія увѣщанія, отвѣчалъ ей сердито: „Что̀ ты разсказываешь мнѣ, мать? Я полагаю, что ты или потеряла разсудокъ, или тобою овладѣло какое-нибудь неистовство. Я имѣю однихъ старшихъ и младшихъ начальниковъ больше, чѣмъ всѣхъ христіанъ".—„О, возлюбленный сынъ, возразила ему мать: христіане не могутъ и думать бороться съ тобой и не имѣютъ силы напасть на тебя; но Богъ ихъ сражается за нихъ ежедневно, денно и нощно защищаетъ и бдитъ надъ ними, какъ пастырь надъ стадомъ своимъ; онъ не попуститъ никому оскорбить или потревожить ихъ, и всякій, кто помыслитъ противиться имъ, будетъ смущенъ Богомъ, какъ о томъ сказано устами пророка Давида: „Разсѣй народы, которые желаютъ войны"; или, въ другомъ мѣстѣ: „Пролей гнѣвъ твой на народы, которые тебя не познали, и на царства, которыя имени твоего не призвали". Прежде нежели они изготовятся къ бою, великій ихъ Богъ и сильный въ брани, вмѣстѣ съ святыми своими, успѣетъ уже побѣдить всѣхъ враговъ. Что же будетъ съ вами, если вы враж-

дебны ему и намѣрены сопротивляться всѣми силами? Знай, мой возлюбленный, что эти христіане именуются сынами Христа; по словамъ пророковъ, это—„сыны обѣтованія“, а по изреченію апостола, „наслѣдники Христа“, которымъ Христосъ отдалъ уже обѣщанное наслѣдство, какъ о томъ сказано пророками: „Отъ восхода и до заката будетъ земля ваша, и никто не воспротивится вамъ“. Кто же можетъ воспротивиться или отрицать подобныя слова? Если ты начнешь съ ними войну, то будь увѣренъ, что это причинитъ тебѣ и поношеніе, и погибель, и ты погубишь многихъ изъ своихъ воиновъ, и потеряешь всю добычу, и въ страхѣ обратишься въ бѣгство. Въ сраженіи ты не падешь, но въ этомъ же году тебя постигнетъ смерть, ибо Богъ не тотчасъ наказуетъ оскорбившаго его, но когда восхощетъ, и я боюсь для тебя печальнаго конца. Не умрешь, говорю тебѣ, но скоро погибнешь“. Кербога, смущенный въ глубинѣ души, отвѣчалъ, выслушавъ материнскія увѣщанія: „Прошу тебя, возлюбленная мать, скажи мнѣ, кто это сказалъ тебѣ о христіанахъ, что ихъ Богъ любитъ только ихъ, что онъ силенъ въ брани, что христіане побѣдятъ насъ подъ Антіохіей и овладѣютъ нашимъ достояніемъ, что они будутъ побѣдоносно преслѣдовать насъ, и что въ этомъ году я умру внезапною смертью?“ Мать съ печалью отвѣчала ему: „Сынъ мой возлюбленный, вотъ уже болѣе сотни годовъ, какъ найдено въ нашихъ писаніяхъ и въ книгахъ языческихъ, что на насъ пойдетъ народъ христіанскій, вездѣ побѣдитъ насъ, и будетъ править язычниками, и нашъ народъ послужитъ имъ. Не знаю только, теперь ли, или современемъ исполнится то. Я, бѣдная женщина, послѣдовала за тобою изъ Алеппо, гдѣ наблюдала за теченіемъ небесныхъ звѣздъ и изучала расположеніе планетъ, двѣнадцати знаковъ, и прибѣгала къ другимъ безчисленнымъ гаданіямъ. Вездѣ я находила, что христіане насъ побѣдятъ. Вотъ почему я такъ боюсь за тебя, почему мнѣ такъ грустно; чтобъ не пришлось осиротѣть безъ тебя“. — „Милая мать, отвѣчалъ ей Кербога, объясни мнѣ все, что̀ наводитъ сомнѣніе на мое сердце“.—„Я охотно то сдѣлаю, мой возлюбленный, воскликнула мать, если узна̀ю, въ чемъ ты можешь сомнѣваться“. Кербога говорилъ: „Боэмундъ и Танкредъ—не боги же они франковъ; не освободятъ же они ихъ отъ непріятеля, хотя бы они съѣдали въ одинъ присѣстъ по двѣ тысячи коровъ и по четыре тысячи свиней?“ Мать возразила на это: „Сынъ мой возлюбленный, Боэмундъ и Танкредъ, конечно, смертные люди, какъ и всѣ прочіе, но Богъ возлюбилъ ихъ предъ всѣми и надѣлилъ ихъ отвагою больше, чѣмъ всѣхъ другихъ; ибо Богъ ихъ всемогущъ, сотворилъ небо, и землю, и море, и все, что въ нихъ; престолъ его на небѣ отъ вѣка вѣковъ, и мощь его страшна повсюду“. Сынъ отвѣчалъ: „Если это и такъ, то все же я не прекращу съ ними борьбы“. Мать же, видя, что ея совѣты не помогутъ, удалилась съ печалью въ Алеппо и захватила съ собою все, что̀ только могла увезти.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ XXIII до XXVIII, авторъ описываетъ подробности осады, приступы непріятеля, вылазки отрядовъ осажденныхъ, различные отдѣльные подвиги; потомъ печальное положеніе христіанъ, изнурен-

выхъ голодомъ, дезертирство многихъ изъ нихъ; какъ, наконецъ, было найдено св. копье и отправлено посольство къ Кербогѣ, подъ руководствомъ Петра Пустынника, съ предложеніемъ принять христіанство, и какъ Кербога отвѣчалъ на то предложеніемъ принять магометанство; этотъ отвѣтъ довелъ христіанъ до отчанія, и они рѣшились на послѣдній и смертельный бой съ непріятелемъ.

XXIX. Наконецъ, христіане рѣшились, послѣ трехдневнаго поста и процессій изъ одной церкви въ другую, исповѣдаться въ грѣхахъ, и получили разрѣшеніе; пріобщившись тѣла и крови Христовой и раздавъ милостыню, они отслужили торжественную обѣдню. Послѣ того внутри города построено было шесть полковъ. Въ первомъ полку, шедшемъ во главѣ, стоялъ *Гуго Великій* съ французами и графомъ Фландріи; во второмъ — *герцогъ Готфридъ* съ своею дружиною; въ третьемъ — *Робертъ Нормандскій* съ своими воинами; въ четвертомъ — *епископъ Пюи* (Podiensis, Адемаръ), несшій копье Спасителя; съ нимъ шли его люди и войско Раймунда, графа св. Эгидія (т.-е. Тулузскаго); самъ же онъ остался сторожить крѣпость, изъ опасенія, чтобы турки не ворвались въ городъ; въ пятомъ — *Танкредъ*, сынъ маркиза, съ своимъ народомъ; въ шестомъ — шелъ мудрый мужъ *Боэмундъ* (Тарентскій) съ своею дружиною. Наши епископы, священники, клерки и монахи, облачившись въ ризы, вышли вмѣстѣ съ нами, неся кресты и молясь, чтобы Богъ спасъ насъ, оградилъ и избавилъ отъ всякихъ бѣдъ. Прочіе же стояли на стѣнахъ у воротъ, держа святые кресты и благословляя насъ. Такъ, въ стройномъ порядкѣ и осѣненные крестомъ, мы прошли чрезъ ворота, называемыя Махомарія. Когда Кербога увидѣлъ полки франковъ, отлично построенные, какъ они выходили одинъ за другимъ, онъ отдалъ приказъ: „Дайте имъ выйти, чтобы лучше попасться въ наши руки". Но когда мы всѣ выступили за ворота, и Кербога увидѣлъ предъ собою безчисленную рать франковъ, имъ овладѣлъ страхъ. Тотчасъ же онъ далъ знать своему начальнику, которому было поручено охраненіе лагеря, что, если онъ увидитъ огонь предъ непріятелемъ, то это будетъ знакомъ отступленія для войска, и того, что турки потеряли дѣло. Между тѣмъ Кербога началъ мало-по-малу отступать къ горѣ; а наши — преслѣдовать ихъ. Наконецъ, турки раздѣлились: одна часть потянулась къ морю, другая осталась на мѣстѣ, разсчитывая поставить насъ между двухъ непріятелей. Но наши, замѣтивъ такое намѣреніе врага, сдѣлали то же самое: изъ полковъ герцога Готфрида и графа Нормандіи былъ образованъ седьмой полкъ, подъ предводительствомъ графа Райнольда. Этотъ полкъ встрѣтилъ турокъ, наступавшихъ со стороны моря; турки же, вступивъ съ ними въ борьбу, многихъ перебили стрѣлами. Другіе турецкіе отряды были построены между рѣкою и горой, на протяженіи двухъ миль. Они начали заходить съ обѣихъ сторонъ и окружать нашихъ, метая въ нихъ копья, стрѣлы и нанося раны. Въ это время съ горы показалось безчисленное войско на бѣлыхъ лошадяхъ, и знамена ихъ были также бѣлыя. Наши, видя это войско, недоумѣвали, что̀ это такое и кто приближается, но вскорѣ поняли, что имъ явилась на помощь сила хри-

стова; предводители были св. Георгій, Меркурій и Димитрій. Нельзя не вѣрить этому разсказу, потому что многіе видѣли то. Турки же, стоявшіе со стороны моря, замѣтивъ, что имъ невозможно устоять, подожгли траву, чтобы дать тѣмъ знакъ къ бѣгству остававшимся въ лагерѣ, которые, увидѣвъ то, взяли съ собою драгоцѣннѣйшее изъ добычъ и бѣжали. А наши мало-по-малу подвигались впередъ къ центру непріятельскихъ силъ, то-есть, къ ихъ палаткамъ. Герцогъ Готфридъ, графъ Фландрскій и Гуго Великій доскакали до самаго берега, гдѣ непріятель былъ особенно многочисленъ. Съ знаменіемъ креста они единодушно напали на нихъ. Видя то, и другіе полки послѣдовали за ними; персы и турки подняли крикъ. Такимъ образомъ, мы, призвавъ имя Бога живаго и истиннаго, приблизились къ непріятелю на лошадяхъ и во имя Іисуса Христа и св. Гроба начали бой, и божіею помощью побѣдили ихъ. Турки же въ страхѣ обратились въ бѣгство, а наши преслѣдовали ихъ до палатокъ. Но воины Христа предпочли гнать непріятеля, нежели собирать добычу, и достигли такимъ образомъ до Желѣзнаго-Моста, а оттуда до самой башни Танкреда. Турки при этомъ потеряли свои палатки, золото, серебро, множество украшеній, овецъ, быковъ, лошадей и муловъ, верблюдовъ и ословъ, хлѣба и вина, муки и иного прочаго, въ чемъ мы нуждались. Гермeніи и сирійцы (т.-е. туземцы), населявшіе ту страну, видя, что мы побѣдили турокъ бросились въ горы на встрѣчу имъ и умерщвляли всѣхъ, кого могли схватить. Мы же, возвратясь въ городъ съ великою радостью, прославляли и благодарили Господа, даровавшаго намъ побѣду. Турецкій начальникъ, охранявшій укрѣпленія, видя, что Кербога и его люди бѣгутъ, преслѣдуемые непріятелемъ, почувствовалъ страхъ и поспѣшно вышелъ на встрѣчу знаменамъ франковъ. Графъ Тулузскій, стоявшій близь укрѣпленій, приказалъ ему взять свое знамя, которое весьма послушно водрузилъ на башнѣ. Лонгобарды (т.-е. итальянцы), находившіеся въ томъ мѣстѣ, замѣтивъ то, говорили другъ другу: „Это знамя не Боэмунда“. Тогда турокъ спросилъ: „Чье же?“ — Ему отвѣчали: „Графа Тулузскаго“; тогда онъ подошелъ и, снявъ знамя, возвратилъ его графу. Въ эту минуту явился самъ достославный мужъ Боэмундъ и вручилъ ему свое знамя. Турокъ съ великою радостью принялъ его и заключилъ договоръ съ государемъ Боэмундомъ, по которому тѣ изъ язычниковъ, которые пожелаютъ, могутъ принять вмѣстѣ съ нимъ христіанство, а тѣ, которые захотятъ удалиться, могутъ оставить городъ цѣлыми и невредимыми. Боэмундъ согласился на просьбу турецкаго начальника и немедленно послалъ своихъ людей для занятія укрѣпленій. Нѣсколько дней спустя, турецкій начальникъ крестился вмѣстѣ съ тѣми, которые пожелали признать имя Христа. Тѣхъ же, которые остались въ своемъ законѣ, Боэмундъ приказалъ отправить въ землю сарацинъ. Все это дѣло происходило 28 іюня (in quarto Kal. jul.), наканунѣ дня апостоловъ Петра и Павла, въ царствованіе Господа Нашего Іисуса Христа, ему же честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь!

Священникъ Петръ Тудебодъ.

Historia de Hierosolymitano itinere ab. a. 1095 — 99.

Петръ Тудебодъ, священникъ Сиврейскій (Petrus Tudebodus, sacerdos Civriacensis), родился въ Пуату, въ половинѣ XI столѣтія. Вмѣстѣ съ двумя своими братьями онъ принялъ личное участіе въ первомъ крестовомъ походѣ; одинъ изъ его братьевъ погибъ при осадѣ Антіохіи, другой—во время нападенія на крѣпость Марру. До битвы съ Кербогой авторъ служилъ въ конномъ отрядѣ Боэмунда, но послѣ того перешелъ въ отрядъ Роберта Нормандскаго. Тудебодъ находился и при осадѣ Іерусалима. Вотъ все, что извѣстно изъ показаній самого автора о его жизни. По его собственнымъ словамъ, онъ былъ *первымъ*, который описалъ походъ крестоносцевъ и взятіе Іерусалима, не имѣя предъ собою никакого другого сочиненія. Всѣ послѣдовавшіе за нимъ писатели, какъ-то: Робертъ-Монахъ, Гвибертъ Ножанскій и друг., главнымъ образомъ руководились сказаніями Тудебода, хотя и не знали имени автора, такъ-что до новѣйшаго времени его сочиненіе: *Historia de Hierosolymitano itinere* ab. a. 1095 — 99, т.-е. *Исторія Іерусалимскаго похода отъ 1095 до 1099 г.*, приписывалась какому-то анонимному писателю. Не смотря на дурной языкъ Тудебода и темноту выраженій, его произведеніе должно поставить во главѣ всѣхъ источниковъ перваго крестоваго похода, такъ какъ оно само служило источникомъ для другихъ источниковъ и даже во многихъ мѣстахъ буквально повторялось.—*Изданія*: первое изданіе сдѣлалъ *Bongars* въ своемъ сборникѣ Gesta Dei per Francos, Hannov. 1611 г. I, 1 — 30 стр.; но онъ не зналъ имени автора и оставилъ его анонимомъ, назвавъ самое сочиненіе: Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Второе и послѣднее, а вмѣстѣ и болѣе полное, находится въ сборникѣ *Duchesne*: Historia Francorum scriptores etc. Par. 1649. IV, 773 — 815. — *Переводовъ* на новѣйшіе языки не существуетъ. — *Изслѣдованія*: см. у Duchesne предисловіе, написанное *Besly*, и особенно у *Siebel*, Geschichte des ersten Kreuzzugs. Düsseld. 1841, стр. 22—33.

19.—Осада и взятіе Іерусалима. 7 іюня—15 іюля 1099 г.

(Между 1170 и 1184 г.).

Начинается книга восьмая [1]).

I. Извѣстно, что священный и Богомъ возлюбленный городъ *Іерусалимъ* (Hierosolyma) лежитъ на высокихъ холмахъ, а свидѣтельство древнихъ говоритъ намъ, что онъ расположенъ въ колѣнѣ Веніамина. Съ запада къ нему примыкаетъ колѣно Симеона, земля Филистимлянъ и Средиземное море, отъ котораго Іерусалимъ отстоитъ на ближайшемъ разстояніи, а именно, отъ древняго города Іоппе, на 24 мили. Между нимъ и вышеупомянутымъ моремъ находится крѣпость *Эмаусъ*, впослѣдствіи названная *Никополемъ*, гдѣ, послѣ воскресенія, Господь явился своимъ ученикамъ; *Модинъ*, знаменитое укрѣпленіе св. Маккавеевъ; *Нобе*, священническое селеніе, гдѣ Давидъ, придя

---

[1]) Предъидущее см. выше, въ ст. 2 и 11.

голодный съ своими дѣтьми, получилъ отъ первосвященника Авимелеха и съѣлъ хлѣбы предложенія; *Діосполь* или *Лидда*, гдѣ Петръ излечилъ разбитаго параличемъ Энея, который не вставалъ съ постели 8 лѣтъ, и, наконецъ, вышеупомянутый городъ *Іоппе*, гдѣ тотъ же Петръ воскресилъ одну изъ своихъ учеництъ, по имени Тавиту, прославленную добрыми дѣлами и милостынею, и возвратилъ ее здравою святымъ и вдовымъ, и гдѣ онъ, гостя у кожевника Симона, принималъ посланнаго отъ Корнелія какъ о томъ говорится въ Дѣяніяхъ Апостоловъ (гл. IX, 36—42). На востокъ отъ Іерусалима находится рѣка Іорданъ и примыкающая къ нему пустыня, любезная сынамъ пророковъ; отъ Іордана до Іерусалима около 14 миль; на востокѣ же лѣсная долина (т.-е Сиддимъ), гдѣ нынѣ Соляное море, называемое Асфальтовымъ или Мертвымъ; вся эта страна, до ниспроверженія Господомъ Содома, какъ читается въ Бытописаніи, орошалась водами, подобно божьему раю. По сю сторону Іордана лежитъ городъ Іерихонъ, которымъ овладѣлъ преемникъ Моисея, Іисусъ (Навинъ), болѣе при помощи молитвы, нежели силою, и гдѣ впослѣдствіи Господь, проходя мимо, возвратилъ зрѣніе слѣпому; тамъ же находится *Гамала*—убѣжище Елисея. По ту сторону Іордана—*Галаадъ*, *Базанъ*, *Аммонъ* и *Моабъ*, которые достались въ удѣлъ колѣнамъ Руфима, Гада и половинѣ колѣна Манассіи; нынѣ (т.-е. въ концѣ XII вѣка) вся эта страна носитъ общее названіе Аравіи. На югъ отъ Іерусалима находится удѣлъ колѣна Іуды, гдѣ стоитъ *Виѳлеемъ*, обыкновенное мѣстопребываніе Господа, гдѣ онъ родился и гдѣ была его колыбель; далѣе городъ *Текуа*, гдѣ обитали пророки Амосъ и Аввакумъ, и *Хевронъ*, иначе *Каріатарба*, досточтимое мѣсто погребенія святыхъ патріарховъ. На сѣверѣ лежитъ городъ *Габаонъ*, прославленный побѣдою Іисуса Навина (Josuae, filii Nun) и чудомъ остановившагося солнца; далѣе колѣно Ефраима, гдѣ находится *Сило*; *Сихаръ*, родина собесѣдницы Господа, самаритянки; *Виѳель*, мѣсто, гдѣ поклонялись золотому тельцу, свидѣтель проступка Іеровоама; *Себаста*, гдѣ погребены Іоаннъ Креститель, Елисей и Авдія; бывшая *Самарія*, высокая столица царства Израильскаго, названная такъ по имени горы Сомеръ, на которой она расположена; отъ нея и вся страна называется до настоящаго времени Самаріею; далѣе *Неаполь*, въ древности *Сихемъ*, именуемый такъ по своему основателю; это мѣсто, какъ сказано въ Бытописаніи, сожгли дѣти Іакова, Симеонъ и Леви; въ отмщеніе сыну Сихема, Гемору, за оскорбленіе, нанесенное имъ ихъ сестрѣ Динѣ, которую онъ полюбилъ; они умертвили его мечемъ вмѣстѣ съ сыновьями.

II. Самъ же Іерусалимъ, столица Іудеи, расположенъ въ странѣ, совершенно лишенной ручьевъ, лѣсовъ, источниковъ и пастбищъ. По разсказамъ древнихъ и по преданіямъ восточныхъ народовъ, онъ назывался сначала *Салемъ*, а послѣ *Іевусъ*; наконецъ Давидъ, изгнавъ оттуда іевуссеевъ, распространилъ его и избралъ своею столицею, послѣ того какъ онъ царствовалъ семь лѣтъ въ Хевронѣ; съ того времени городъ получилъ названіе Іерусалима (Hierusalem). Объ этомъ въ книгѣ Паралипоменонъ сказано такъ (слѣдуетъ большая цитата изъ Библіи: Паралип. кн. I, гл. II, 4—8). Послѣ же, въ цар-

ствованіе его сына Соломона, этотъ городъ назывался Іерусалимой (Herosolyma), то-есть Іерусалимомъ Соломона. По разсказамъ знаменитыхъ исторіографовъ, Гегезиппа и Іосифа, сорокъ два года спустя послѣ страстей Господа, городъ былъ, за грѣхи іудеевъ, осажденъ и завоеванъ знаменитымъ римскимъ княземъ Титомъ, сыномъ Веспасіана; овладѣвъ имъ, онъ разрушилъ его до основанія, такъ что, по слову Господню, „въ немъ не осталось камня на камнѣ“. Элій Адріанъ, четвертый римскій императоръ послѣ него, возстановилъ городъ и назвалъ Эліей, какъ то видно въ опредѣленіяхъ Никейскаго Собора, гдѣ мы читаемъ: „Епископъ Эліи да почитается всѣми“ и проч. Прежній городъ былъ расположенъ на крутомъ отвѣсѣ, по скатамъ горы Сіона и Моріа, такъ что онъ смотрѣлъ частью на востокъ и частью на югъ, а наверху находился только Храмъ и крѣпость Антонія; императоръ же перенесъ весь городъ наверхъ, и потому мѣста страданія и воскресенія Господа, бывшія прежде внѣ города, при перестройкѣ вошли въ черту стѣнъ. Самъ городъ меньше самыхъ большихъ и больше среднихъ; форма его продолговата, одна сторона длиннѣе другой; однако онъ образуетъ собою четвероугольникъ и съ трехъ сторонъ замкнутъ глубокими долинами. Къ востоку находится долина Іосафата, о которой упоминаетъ пророкъ Іоиль, говоря (слѣдуетъ цитата изъ Библіи: Іоиль, III, 1 — 2). Въ самомъ концѣ этой долины построена знаменитая церковь въ честь Богоматери, гдѣ она должна быть похоронена и гдѣ до сихъ поръ показываютъ народу ея пречестную гробницу. Тамъ же протекаетъ зимою, когда много воды отъ дождей, ручей Кедронъ, о которомъ упоминаетъ св. апостолъ Іоаннъ, говоря: „Іисусъ пошелъ съ своими учениками за ручей Кедронъ, гдѣ былъ садъ“, и т. д. (Іоан. 18,1). На южной сторонѣ находится долина Энномъ, примыкающая къ первой; она раздѣляетъ колѣно Веніамина и Іуды, какъ то говорится у Іисуса (слѣдуетъ цитата изъ Библіи: І. Нав. 15,8). Тамъ и до сихъ поръ показываютъ поле Акельдама, купленное на деньги, за которыя Іуда, постыднѣйшій изъ торгашей, продалъ Господа, и которое нынѣ обращено въ кладбище для пилигримовъ. Объ этой долинѣ упоминается въ Паралипоменонѣ (кн. II, гл. 28, ст. 3), по поводу Ахаза (слѣдуетъ цитата). Эта долина склоняется на западъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится древній рыбный прудъ (piscina), знаменитый во времена іудейскихъ царей; оттуда она продолжается къ верхнему пруду, нынѣ обыкновенно называемому Патріаршимъ-Озеромъ, что близь древняго кладбища и Львиной-Пещеры. Съ сѣвера же въ городъ ведетъ ровная дорога, на которой и нынѣ показываютъ мѣсто, гдѣ іудеи побили каменьями первомученика Стефана, который испустилъ духъ, молясь на колѣняхъ за своихъ преслѣдователей.

III. Городъ Іерусалимъ лежитъ на двухъ холмахъ, какъ говоритъ о томъ и Давидъ (Пс. 87,1): „Основа его на святыхъ горахъ“. Городскія стѣны почти обнимаютъ собою вершины ихъ, отдѣленныя другъ отъ друга небольшою долиною, которая раздѣляетъ и городъ. Западная гора называется *Сіонъ*, и по ней часто именуютъ и самый городъ, какъ то сказано: „Богъ любитъ врата Сіона больше всѣхъ жилищъ Іакова (Пс. 87,2)“. Другая же гора, на востокъ, называется

Моріа; о ней говорится во второй книгѣ Паралипоменона (слѣдуетъ цитата: II Парал., 3,1). На вершинѣ западной горы, какъ на высочайшей, стоитъ храмъ, который, какъ и гора, называется Сіономъ, а недалеко отъ него Башня Давида, выстроенная необыкновенно твердо; какъ городская крѣпость, она съ своими башнями, стѣнами и передовыми укрѣпленіями (antemuralibus) господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Тамъ же, на западномъ склонѣ, стоитъ храмъ св. Воскресенія, круглой формы. Такъ какъ онъ построенъ на скатѣ горы, нависшей надъ нимъ и примыкающей къ нему, то въ немъ должно было бы быть темно, а потому его кровля имѣетъ отверстіе, чрезъ которое проходитъ свѣтъ. Кровля положена на балки, которыя весьма искусно образуютъ собою корону; а подъ отверстіемъ стоитъ Гробница Спасителя (Salvatoris monumentum). До прибытія нашихъ латинцевъ, мѣсто, гдѣ пострадалъ Господь, называемое Голгоѳа, или Лобное Мѣсто, гдѣ былъ найденъ животворящій крестъ и гдѣ тѣло Господа, по погребальному обычаю іудеевъ, бывъ снято со креста, было умащено мазями и ароматами и обвернуто въ плащаницу, это мѣсто находилось внѣ черты вышеназваннаго храма и имѣло небольшія молельни. Когда же наши съ божіею помощью овладѣли городомъ, имъ показалось тѣснымъ прежнее зданіе храма; они его расширили, украсили и сдѣлали прочнѣе, и такимъ образомъ включили въ черту его вышеназванныя мѣста, такъ что древнее зданіе образовало часть новѣйшаго. На другой же горѣ, къ западу, на южномъ ея склонѣ, стоитъ храмъ Господа на томъ мѣстѣ, гдѣ, по книгамъ царей и Паралипоменона, Давидъ купилъ помостъ у іевуссея Арафны или Арнана. На этомъ мѣстѣ онъ построилъ по повелѣнію божію алтарь Господу, на которомъ принесъ ему огненную и искупительную жертву, и Господь услышалъ его молитву и послалъ съ неба огонь на жертвенникъ. Тамъ-то, по повелѣнію Господа, построилъ храмъ его сынъ Соломонъ. Какую онъ имѣлъ форму, какъ былъ разрушенъ при вавилонскомъ царѣ Навуходоносорѣ, какъ былъ возобновленъ, при персидскомъ царѣ Кирѣ, Зорававелемъ и первосвященникомъ Осіею и какъ снова истребленъ вмѣстѣ со всѣмъ городомъ при римскомъ князѣ Титѣ — о всемъ этомъ говоритъ древняя исторія. Для насъ достаточно сказать, кто построилъ нынѣ стоящій храмъ и какую онъ имѣетъ форму.

Мы уже сказали въ началѣ нашего сочиненія (кн. I), что строителемъ нынѣшняго зданія называютъ Омара, сына Катабы, третьяго по чину преемника Магомета. А что это совершенно справедливо, то оно доказывается старинными надписями, которыя находятся внутри и внѣ храма. Вотъ его форма: вся площадь, въ длину нѣсколько больше полета стрѣлы, и такой же ширины, четвероугольная и равносторонняя, окружена твердою стѣною незначительной высоты. На западной сторонѣ двое воротъ, изъ которыхъ одни называются „Красивыми“ (Speciosa); тамъ, по словамъ Дѣяній Апостоловъ, Петръ исцѣлилъ хромого отъ рожденія, собиравшаго милостыню съ приходящихъ, поднялъ его и поставилъ на ноги; названія же другихъ воротъ я не знаю. Одни ворота на сѣверной сторонѣ, а другія на восточной; послѣднія и до сегодня называются „Золотыми“. На восточной же сто-

ронѣ помѣщается Королевскій дворецъ, который обыкновенно зовется Храмомъ Соломона. Надъ всѣми воротами, примыкающими къ городу, а также и по угламъ, стояли весьма высокія башни (минареты), на которыя восходили въ извѣстный часъ служители сарацинской ереси (т.-е. муллы), чтобы оттуда созывать народъ на молитву. Нѣкоторыя изъ башенъ цѣлы и до сихъ поръ, а другія разрушились отъ различныхъ случаевъ. Никто не смѣлъ жить въ этихъ предѣлахъ, и входить дозволено было не иначе, какъ съ босыми и вымытыми ногами. Для наблюденія затѣмъ, у каждаго входа находился привратникъ. Въ срединѣ отгороженной такимъ образомъ площади находилась еще площадка, нѣсколько возвышенная; она образовывала правильный четвероугольникъ. Двѣ лѣстницы ведутъ на нее съ западной и южной стороны, но съ восточной одна. Прежде на каждомъ углу стояли небольшія молельни; изъ нихъ нѣкоторыя еще цѣлы, но другія сломаны, чтобы на ихъ мѣстѣ построить новыя. Храмъ построенъ въ видѣ осьмиугольника, и потому имѣетъ столько же сторонъ; внутри и внѣ украшенъ мраморными досками и мозаикой; кровля круглая и весьма искусно покрыта свинцомъ. Обѣ площади, и верхняя, и нижняя, которая заключаетъ въ себѣ первую, выложены бѣлымъ камнемъ, такъ что дождевая вода, которая зимою стекаетъ съ храма и другихъ мѣстъ, уходитъ совершенно чистою, безъ всякой грязи, въ водоемы, которые находятся въ большомъ числѣ на упомянутой площади. Въ серединѣ храма, между рядами нижнихъ колоннъ, положенъ довольно большой кусокъ скалы съ высѣченнымъ внутри углубленіемъ. На немъ, говорятъ, возсѣдалъ ангелъ, который за несправедливую народную перепись, сдѣланную Давидомъ, поражалъ народъ мечемъ до тѣхъ поръ, пока Господь не приказалъ ему дать пощаду народу и вложить мечъ въ ножны. Когда впослѣдствіи Давидъ купилъ этотъ камень за 600 сикловъ чистаго золота, онъ построилъ на томъ мѣстѣ храмъ, какъ я сказалъ выше. До прибытія нашихъ и 15 лѣтъ послѣ того, это мѣсто оставалось непокрытымъ, но позже тѣ, которые управляли городомъ, покрыли его бѣлымъ мраморомъ и построили алтарь и хоръ, на которомъ духовные совершали богослуженіе.

Въ IV главѣ, и весьма обширной, авторъ дѣлаетъ географическое описаніе всей Палестины на основаніи Библіи, и въ концѣ говоритъ о тѣхъ немногихъ источникахъ, которые находились около города, а именно о Силоамскомъ, Гіонѣ и Овечьемъ-Прудѣ (Probatica piscina), находившемся внутри самого города, близь храма; при появленіи крестоносцевъ, жители Іерусалима завалили всѣ внѣшніе источники, на 5 миль въ окружности, чтобы повредить осаждающимъ; по этому поводу авторъ оставляетъ свое географическое и топографическое отступленіе и обращается къ главному предмету, т.-е. осадѣ Іерусалима.

V. Въ годъ отъ воплощенія господня *тысяча-девяносто-девятый* (1099), въ седьмой день мѣсяца іюня, наши войска расположились лагеремъ вблизи города. Говорятъ, что всего-на-все, безъ различія пола, возраста и состоянія, въ лагерѣ было до 40 тысячъ человѣкъ; изъ нихъ лицъ способныхъ носить оружіе — едва 20 тысячъ пѣшихъ и 1500 конныхъ; остальные же всѣ состояли изъ безоружной черни,

больныхъ и разслабленныхъ. Въ городѣ, говорили, должно было находиться 40 тысячъ отважнаго и отлично вооруженнаго войска, ибо изъ сосѣднихъ городовъ и окрестностей въ городѣ собралось множество народа, который частью бѣжалъ отъ непріятеля и искалъ тамъ спасенія, частью же спѣшилъ на защиту столичнаго города отъ угрожающей опасности и для снабженія его оружіемъ и съѣстными припасами. Когда наши приблизились къ городу, они совѣщались тщательно съ людьми, знавшими мѣстность, откуда было легче и удобнѣе напасть на городъ, и, замѣтивъ, что съ востока и съ запада, по причинѣ глубокихъ вышеупомянутыхъ долинъ, нельзя ничего сдѣлать, они опредѣлили обложить городъ съ сѣверной стороны. Такимъ образомъ, наши разбили лагерь отъ воротъ, называемыхъ нынѣ воротами св. Стефана и находящихся на сѣверѣ, до воротъ подъ башнею Давида, которыя носятъ имя этого царя, равно какъ и башня, воздвигнутая на западной сторонѣ города. Первое мѣсто (т.-е. у воротъ св. Стефана) занялъ государь герцогъ *Готфридъ Лотарингскій*; второе—государь графъ *Робертъ Фландрскій*; третье—государь графъ *Робертъ Нормандскій*; четвертое—государь *Танкредъ* вмѣстѣ съ нѣсколькими благородными, возлѣ угловой башни, названной впослѣдствіи по его имени; отъ этой башни и далѣе къ западу до воротъ (т.-е. Давида) городъ былъ обложенъ *графомъ Тулузскимъ* (Раймундомъ) и его арміею. Позже онъ перевелъ часть своего лагеря, по совѣту благоразумныхъ людей, знавшихъ мѣстность, на гору, на которой построенъ городъ, между самимъ городомъ и церковью, называемою Сіономъ и отстоящею отъ него на одинъ полетъ стрѣлы; его побудило къ тому отчасти то, что ему угрожала башня, защищавшая ворота, отчасти же и глубина долины, простиравшейся между лагеремъ и городомъ, такъ что онъ видѣлъ невозможность сдѣлать что-нибудь съ этой стороны. Другая же часть лагеря осталась на прежнемъ мѣстѣ. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду, чтобы его люди при штурмѣ были ближе къ городу, и чтобы ему было возможно защищать упомянутую церковь отъ поруганій врага. На этомъ мѣстѣ именно Спаситель имѣлъ тайную вечерю со своими учениками и умылъ имъ ноги; тамъ же въ св. Пятидесятницу сошелъ св. Духъ въ видѣ огненныхъ языковъ и, по преданіямъ древнихъ, на томъ же мѣстѣ умерла Богородица; тамъ же показываютъ гробъ первомученика Стефана.

VI. При такомъ расположеніи лагеря нашихъ, городъ оставался свободнымъ отъ сѣверныхъ воротъ, обыкновенно называемыхъ воротами св. Стефана, до угловой башни въ долинѣ Іосафата, и оттуда до противоположнаго угла, находящагося при поворотѣ той долины, и далѣе, до южныхъ воротъ называемыхъ вратами горы Сіона; такимъ образомъ, едва половина города была окружена лагеремъ. Въ пятый день (12 іюня), когда наше войско устроилось въ виду города, глашатаи возвѣстили всенародно, что всѣ, отъ мала до велика, должны вооружиться и запастись щитомъ, чтобы быть готовыми къ нападенію на городъ; приказанное было исполнено. Всѣ поднялись единодушно и окружили осажденную часть города, съ такою горячностью, ревностью и мужествомъ, что жители отступили въ страхѣ къ внутреннимъ стѣнамъ отъ внѣшнихъ, которыя были про-

ломаны нашими, и потеряли всякую надежду на дальнѣйшее сопротивленіе. Еслибы наши въ этотъ день, когда они аттаковали городъ съ такимъ жаромъ, имѣли подъ рукой лѣстницы или могли приставить машины къ стѣнамъ, то, безъ сомнѣнія, имъ удалось бы тотчасъ овладѣть городомъ. Находясь въ дѣлѣ съ ранняго утра до седьмого часа дня и видя, что безъ машинъ ничего нельзя сдѣлать, они отложили свое предпріятіе на будущее время, когда, построивъ машины, имъ можно будетъ съ помощью божіей болѣе счастливо возобновить приступъ. Пока князья усердно совѣщались о томъ, откуда достать дерева для машинъ, такъ какъ окрестная страна была совершенно гола, случайно явился туземецъ изъ вѣрующихъ, родомъ сиріянинъ, и, по его указанію, нѣкоторые изъ князей отправились въ отдаленныя долины, отстоявшія отъ города миль на шесть или на семь, и нашли тамъ много деревьевъ, которыя хотя и не вполнѣ были годны для ихъ цѣли, однако имѣли достаточную высоту. При нихъ были мастера и дровосѣки, которымъ было приказано привезти въ городъ на телѣгахъ и на верблюдахъ столько лѣсу, сколько казалось нужно для упомянутаго дѣла. Созвавъ мастеровъ и другихъ людей, свѣдущихъ въ этомъ искусствѣ, они поручили имъ топорами, пилами и другими подобнаго рода инструментами построить тщательно изъ добытаго матеріала укрѣпленія и метательныя орудія, которыя называются *манганами* (mangana) или *петраріями* (petrariæ), также *тараны* (arietes, стѣнобитное орудіе) и *скрофы* (scrophæ) для подрытія стѣнъ. Рабочимъ, такъ-какъ они были бѣдны и не могли трудиться даромъ, платили деньги изъ добровольныхъ взносовъ народа, ибо никто изъ князей не имѣлъ достаточно средствъ, чтобы оплачивать работу, кромѣ государя графа Тулузскаго, у котораго денегъ было всегда больше, чѣмъ у другихъ. Онъ платилъ своимъ рабочимъ, не прибѣгая къ поборамъ съ народа, изъ собственной казны, и даже помогалъ многимъ благороднымъ, которые издержались въ дорогѣ. Пока старѣйшіе князья были заняты такимъ образомъ важнѣйшими дѣлами, другіе благородные и знаменитые мужи водили народъ съ распущенными знаменами, по указанію мѣстныхъ жителей, въ тѣ мѣста, гдѣ росъ кустарникъ и низкій лѣсъ, чтобы на лошадяхъ, ослахъ и другихъ вьючныхъ животныхъ навозить хворосту и ивовыхъ прутьевъ для плетенія корзинъ (которыя наполняются землей), и чтобы такимъ образомъ содѣйствовать великому предпріятію. Такимъ образомъ всѣ трудились съ величайшимъ рвеніемъ, всѣ напрягали свои силы; во всемъ народѣ не было ни одного безъ дѣла, который предался бы лѣни; напротивъ, каждый прилежалъ къ дѣлу, не обращая вниманія на свое состояніе и положеніе въ свѣтѣ; сдѣлать что-нибудь полезное считалось самымъ почетнымъ. Богатые и бѣдные находились одинаково въ работѣ, и такъ какъ всѣ съ равною ревностью трудились надъ дѣломъ, то неравенство состояній исчезло; чѣмъ кто болѣе значилъ, тѣмъ тотъ болѣе работалъ; но и тѣхъ, которые были незначительны, допускали къ какому-нибудь труду. Все, что было перенесено на пути, считалось ни во что, лишь бы достигнуть плода своихъ усилій и попасть въ городъ, изъ любви къ которому они столько уже пострадали: все, чего можно было отъ нихъ требовать для достиженія этой

цѣли, казалось имъ легкимъ и удобнымъ, лишь бы только они могли думать, что то и другое средство содѣйствуетъ исполненію ихъ намѣренія.

Въ слѣдующихъ главахъ, VII, VIII, IX и X, авторъ описываетъ ужасы, которые испытали крестоносцы во время такихъ работъ отъ совершеннаго недостатка воды; особенно пострадали лошади, а падежъ скота произвелъ заразительныя болѣзни; далѣе авторъ говоритъ о мѣрахъ защиты осажденныхъ и о тѣхъ мукахъ, которымъ въ это время подвергались въ Іерусалимѣ христіане, употреблявшіеся вмѣсто вьючныхъ животныхъ; въ эту тяжелую минуту для крестоносцевъ является въ Іоппе генуэзскій флотъ; христіане посылаютъ къ нему отрядъ для конвоя, и генуэзцы, забравъ съ кораблей всѣ инструменты и необходимыя вещи, прибыли въ лагерь, подъ предводительствомъ Вильгельма Пьяницы, и доставили осаждавшимъ новыя средства и искусныхъ мастеровъ для постройки машинъ; между тѣмъ прошло четыре недѣли отъ начала осады (т.-е. 7 іюля), и князья рѣшились назначить день рѣшительнаго приступа; но такъ-какъ графъ Тулузскій и Танкредъ жестоко поссорились и между другими обнаружилось также несогласіе, то епископы и народъ рѣшились прежде всего примирить враговъ и прекратить внутреннія междоусобія.

XI. Съ этою цѣлью (т.-е. для уничтоженія внутреннихъ несогласій), объявлено было въ опредѣленный день всенародное покаяніе (letaniae). Епископы и весь клиръ, въ церковныхъ одеждахъ, съ босыми ногами, неся кресты и образа святыхъ (sanctorum patrocinia), повели народъ благоговѣйно на Масличную гору (mons Oliveti). Тамъ къ народу обратились съ рѣчами достопочтенный Петръ Пустынникъ и Арнульфъ, мужъ ученый изъ дружины графа Нормандскаго, и убѣждали, по мѣрѣ силъ своихъ, сохранять терпѣніе. Масличная гора лежитъ на восточной сторонѣ города, отъ котораго отдѣляется долиною Іосафата, отстоя почти на одну милю. Потому у блаженнаго Луки (Дѣян. Ап. I, 12) сказано: «Близь Іерусалима, въ разстояніи субботняго пути». Оттуда нашъ Спаситель, сорокъ дней спустя послѣ воскресенія, вознесся на небо предъ глазами своихъ учениковъ, и облако скрыло его отъ ихъ взоровъ. Народъ вѣрующихъ, прибывъ туда, молился уничиженно, со вздохами и слезами, о помощи господней. Вышеупомянутые князья примирились и предъ лицемъ народа возстановили взаимную любовь. Сойдя съ этой горы, всѣ поднялись къ церкви на горѣ Сіонѣ, которая, какъ сказано, находится на южной сторонѣ города, и притомъ совершенно вблизи его, на самой вершинѣ горы. Осажденные же, смотря съ башенъ и стѣнъ, весьма изумлялись такой процессіи народа и стрѣляли изъ луковъ и пращей, причемъ нѣкоторые изъ нашихъ, менѣе осторожные, были поранены. Они выставляли также, для поруганія надъ нашими, кресты на стѣнахъ, плевали на нихъ и безчестили всяческимъ образомъ, извергая хулу на нашего Господа Іисуса Христа и его спасительное ученіе. Но народъ не уклонялся отъ своего благочестиваго предпріятія и шелъ далѣе къ упомянутой церкви, исполненный, однако, негодованія на богохульство. Когда молитва была окончена и народу возвѣстили день, въ который онъ долженъ былъ отважиться на приступъ, всѣ обошли

снова городъ и возвратились въ свой лагерь. Приказано было окончить все съ поспѣшностью, если что̀ было не додѣлано, чтобы недостатокъ того или другого не повредилъ дѣлу во время самаго приступа.

XII. Наканунѣ назначеннаго дня (т.-е. 14 іюля) герцогъ и два старѣйшіе графа (т.-е. Нормандіи и Фландріи), видя, что часть города, осаждаемая ими, укрѣплена машинами, орудіями и людьми лучше другихъ, ибо жители болѣе всего боялись именно за эту часть, и не надѣясь на слѣдующій день сдѣлать что-нибудь противъ мѣста столь укрѣпленнаго, приказали съ удивительною осторожностью и неслыханными усиліями перенести по частямъ машины и башни, прежде нежели онѣ были сложены, въ другое мѣсто, между воротами св. Стефана и угловою башнею, которая возвышается на югѣ надъ долиною Іосафата, и перевели туда же свой лагерь. У нихъ была мысль, и она оправдалась на дѣлѣ, что жители менѣе будутъ сторожить ту часть города, которая не была обложена. Такимъ образомъ, ночью перетащили машины въ ту сторону, и прежде нежели взошло солнце, ихъ сложили вмѣстѣ съ величайшимъ трудомъ и поставили на надлежащемъ мѣстѣ. Также и башня была подкачена къ стѣнѣ тамъ, гдѣ она казалась ниже и доступнѣе, и столь близко, что непріятель и люди, помѣщенные въ машинѣ, могли сражаться въ рукопашную. Эта работа была немалая, ибо мѣсто, откуда притащили машины, отстояло почти на полмили; а между тѣмъ къ солнечному восходу все было сложено и устроено. Когда рано утромъ осажденные взошли на стѣну посмотрѣть, что̀ предпринимается нашими, они были чрезвычайно изумлены, видя, что часть лагеря и всѣ военныя орудія, которыя они вчера и третьяго дня видѣли передъ собою, вдругъ исчезли. Но, всматриваясь внимательнѣе и оглядывая все пространство стѣнъ, они замѣтили, что герцогъ перенесъ свой лагерь, и увидѣли машины въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были поставлены вновь.

Въ заключеніе этой главы, авторъ говоритъ, какъ и прочіе князья, каждый на своемъ мѣстѣ, придвигали въ эту ночь, съ 13 на 14 іюля, свои осадныя орудія къ стѣнамъ города.

XIII. Когда наступилъ день (14 іюля), все войско въ полномъ вооруженіи выступило изъ лагеря, чтобы начать приступъ, какъ о томъ было возвѣщено. Всѣ твердо рѣшились или пожертвовать жизнью за Христа, или возвратить городу его христіанскую свободу. Въ цѣломъ войскѣ не было старика или больного, или несовершеннолѣтняго юноши, которые не горѣли бы священною жаждою битвы; даже женщины забывали свой полъ и свою слабость и хватались за оружіе, принимая на себя мужской трудъ, превышающій ихъ силы. Вступивъ съ такимъ единодушіемъ въ битву, они старались приблизить къ стѣнамъ изготовленныя машины съ тѣмъ, чтобы побороть тѣхъ, которые имъ давали отпоръ, стоя на стѣнахъ и башняхъ. Осажденные же, рѣшившись сопротивляться до послѣдней крайности, пускали копья съ безчисленнымъ множествомъ стрѣлъ, метали камни съ руки или машиною и старались отразить нашихъ отъ стѣны. Но наши не унывали. Изъ-за своихъ щитовъ и корзинъ они отвѣчали безпрерывно

своими луками и пращами и пытались неустрашимо приблизиться къ стѣнѣ, не давая отдыха тѣмъ, которые стояли на башняхъ. Другіе же, помѣстившись въ машинахъ, то старались при помощи крюковъ пододвигать свои орудія, то пускали изъ метательныхъ машинъ огромными камнями въ стѣну, желая непрерывными ударами и сотрясеніями поколебать ее и опрокинуть. Нѣкоторые же, при помощи малыхъ метательныхъ орудій, называемыхъ манганами, изъ которыхъ стрѣляли мелкимъ камнемъ, сбивали всѣхъ, кто сопротивлялся нашимъ на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ стѣнъ. Но ни тѣ, которые пододвигали башни къ стѣнамъ, не могли получить успѣха, ибо имъ препятствовалъ глубокій ровъ, отдѣлявшій ихъ отъ стѣнъ, — ни тѣ, которые старались метательными орудіями пробить стѣну, ибо осажденные спускали со стѣнъ мѣшки, наполненные соломой и отрубями, канаты, ковры, громадныя балки и матрацы, набитые ватой, чтобы такими мягкими и упругими вещами сдѣлать безвредными удары камней и уничтожить всѣ наши усилія. Сверхъ того, они сами устроили у себя машины, и притомъ въ гораздо большемъ числѣ, и осыпали изъ нихъ стрѣлами и камнями, чтобы тѣмъ устрашить нашихъ. Когда обѣ стороны сразились съ такимъ упорствомъ и дѣлали страшныя усилія, завязался такой отчаянный бой, длившійся съ ранняго утра до вечера, что стрѣлы сыпались съ обѣихъ сторонъ, какъ градъ; пущенные камни сталкивались въ воздухѣ, и люди погибали различными способами. Усилія и опасность были на сторонѣ герцога одинаково, какъ и для Танкреда, графа Тулузскаго и другихъ князей, ибо городъ — мы замѣтили выше — былъ съ одинаковымъ рвеніемъ аттакованъ съ трехъ сторонъ. Наши болѣе всего заботились о томъ, чтобы, засыпавъ ровъ камнями и землей, расчистить дорогу машинамъ; а осажденные старались, напротивъ, воспрепятствовать нашимъ въ этомъ намѣреніи. Тѣмъ, которые хотѣли исполнить то, они оказывали страшное сопротивленіе и бросали на машины огонь и предметы, вымазанные сѣрой, масломъ, смолой, чтобы сжечь ихъ. Кромѣ того, они направляли на наши машины изъ своихъ громадныхъ орудій, изготовленныхъ внутри, такіе искусные удары, что у нашихъ машинъ изломали фундаментъ, пробили стѣны и однимъ сотрясеніемъ почти сбросили на землю тѣхъ, которые сидѣли внутри ихъ, чтобы оттуда сражаться. Наши же встрѣчали воспламенительныя вещества тѣмъ, что заливали ихъ массою воды, и тѣмъ старались потушить пожаръ.

Въ слѣдующихъ главахъ, XIV, XV, XVI и XVII, авторъ, замѣтивъ сначала, что ночь остановила яростный бой 14 іюля, затѣмъ разсказываетъ, какъ въ ту ночь обѣ стороны, не ложась спать, готовились къ продолженію битвы; какъ съ разсвѣтомъ дня, 15 іюля, возобновились прежнія сцены, какъ, между прочимъ, удалось крестоносцамъ убить двухъ волшебницъ (см. объ этомъ у Раймунда Агильскаго, ниже, въ ст. 20), заговаривавшихъ ихъ машины, и какъ, не смотря на все, христіане въ седьмомъ часу дня готовы были отступить, но въ то время явился на Масличной горѣ всадникъ съ пламеннымъ щитомъ, воодушевившій крестоносцевъ до того, что они успѣли наконецъ засыпать ровъ, подкатили машину къ самой стѣнѣ и сорвали двѣ толстыя балки, повѣшенныя непріятелемъ для ослабленія ударовъ машинъ, которыя, какъ окажется ниже,

будутъ играть главную роль въ рѣшительную минуту осады, такъ-какъ у крестоносцевъ не было такихъ толстыхъ бревенъ; наконецъ, въ заключеніе, авторъ коротко упоминаетъ о дѣйствіяхъ южной арміи графа Тулузскаго, который, впрочемъ, не имѣлъ такого успѣха, какъ сѣверная армія, и снова возвращается къ герцогу Лотарингскому, воспользовавшемуся воодушевленіемъ войска при появленіи неизвѣстнаго всадника на Масличной горѣ и тѣми двумя бревнами, чтобы овладѣть городскою стѣной.

XVIII. Такимъ образомъ, какъ мы выше сказали (въ XVI гл.), полки герцога (Лотарингскаго) и графовъ (Нормандіи и Фландріи), штурмовавшіе городъ съ сѣвера, съ божіею помощью дошли до того, что утомленные граждане не осмѣливались болѣе оказывать сопротивленія, а по зарытіи рва и укрѣпленія предъ стѣнами были разрушены. Вслѣдствіе того они могли безнаказанно приблизиться къ стѣнѣ, и изрѣдка осмѣливался непріятель нападать на нихъ изъ-за разсѣлинъ стѣны. Тѣ же, которые были въ подвижной башнѣ, бросили по приказанію герцога въ матрацы, набитые ватой, и въ мѣшки съ соломой, огонь, который, будучи раздуваемъ сѣвернымъ вѣтромъ, воспламенился и погналъ въ городъ такой густой дымъ, что защищавшіе стѣны не могли открыть ни рта, ни глазъ, начали задыхаться и, ошеломленные, бросили стѣны безъ защиты. Тогда-то герцогъ приказалъ принести съ величайшею поспѣшностью тѣ балки, которыя были отняты у непріятеля, положить ихъ съ машины другимъ концомъ на стѣну и опустить открывающуюся сторону башни, которая и легла на нихъ; такъ образовался мостъ, имѣвшій весьма крѣпкую подпору. Вотъ какимъ образомъ то, что непріятель изобрѣлъ для своей защиты, обратилось ему въ погибель. Когда мостъ былъ переброшенъ, впереди всѣхъ устремился въ городъ знаменитый и преславный мужъ, герцогъ Готфридъ съ своимъ братомъ Евстафіемъ, убѣждая и другихъ слѣдовать за нимъ. За нимъ послѣдовали немедленно единоутробные братья Лудольфъ и Гизлебертъ, благородные и вѣчной памяти достойные люди, уроженцы города Торнака (н. Tournay, въ Бельгіи), а потомъ и безчисленное множество рыцарей и пѣшихъ людей, такъ что машина и мостъ едва могли ихъ вынести на себѣ. Когда непріятель увидѣлъ, что наши овладѣли стѣною и что герцогъ съ войскомъ ворвался въ городъ, то бросилъ башни и стѣны и отступилъ въ узкія улицы города. Наши же, видя, что герцогъ и бо́льшая часть благородныхъ овладѣли башнею, не могли дождаться перехода по мосту, и другъ передъ другомъ приставляя къ стѣнѣ лѣстницы, которыхъ они имѣли при себѣ большой запасъ, — а именно каждые два рыцаря были обязаны сдѣлать одну лѣстницу — взобрались по нимъ и, присоединившись къ прочимъ, стоявшимъ уже на стѣнѣ, ожидали дальнѣйшихъ приказаній герцога. Вслѣдъ за герцогомъ слѣдующія лица ворвались въ городъ: графъ Фландрскій и герцогъ Нормандіи, мужественный и достохвальный государь Танкредъ, Гуго Старшій, графъ С. Поль, Балдуинъ Бургскій, Гастонъ Беарнскій, Гастонъ Безьерскій, Гергардъ Руссильонскій, Ѳома Ферійскій, Конанъ Бретонскій, графъ Раимбольдъ Оранскій, Лудовикъ Монсонъ, Куно Монтегю и его сынъ Ламбертъ вмѣстѣ со многими

другими, числа которыхъ и именъ мы не знаемъ. Когда герцогъ увидѣлъ, что всѣ они невредимо вступили въ городъ, онъ послалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ значительнымъ прикрытіемъ къ сѣвернымъ воротамъ, нынѣ называемымъ воротами св. Стефана, чтобы открыть ихъ и впустить ожидавшій внѣ ихъ народъ. Когда ворота были поспѣшно открыты, весь народъ бросился безъ всякаго разбора впередъ. Случилось же это въ пятницу (feria sexta), въ девятомъ часу дня (т.-е. девятомъ послѣ восхода солнца), и повидимому тутъ было божеское предопредѣленіе; въ тотъ же день и въ тотъ же часъ, въ которомъ Господь пострадалъ въ этомъ городѣ, вѣрный народъ, сражавшійся за славу своего Спасителя, счастливо достигъ цѣли своихъ желаній. Въ этотъ же день (т.-е. въ пятницу) былъ, говорятъ, сотворенъ человѣкъ, а второй преданъ смерти за спасеніе перваго, и потому подобало членамъ его и послѣдователямъ одержать побѣду надъ его врагами, во имя его.

Въ XIX главѣ авторъ говоритъ о первыхъ убійствахъ на улицѣ, которыя начали крестоносцы, и о томъ, какъ графъ Тулузскій, ничего не знавшій о взятіи города, увидѣлъ, что непріятель, стоявшій предъ нимъ на стѣнахъ, отступилъ и заперся въ башнѣ Давида; тогда и онъ бросился чрезъ южныя ворота въ Іерусалимъ, истребляя на пути тѣхъ, которые бѣжали съ сѣвера отъ меча Готфрида; послѣ того авторъ переходитъ къ разсказу о главныхъ сценахъ ужаса, которыя произошли въ верхнемъ Храмѣ, куда сбѣжались всѣ, ища спасенія отъ непріятеля.

XX. Бо́льшая часть народа бѣжала въ портикъ Храма (т. е. Соломона, на горѣ Моріа), какъ потому, что это мѣсто было самое отдаленное въ городѣ, такъ и потому, что оно было снабжено стѣною, башнями и крѣпкими воротами (см. описаніе Храма выше, гл. III). Это бѣгство не было, однако, для нихъ спасеніемъ, ибо государь Танкредъ отправился туда немедленно съ значительною частью своего войска. Онъ ворвался силою въ Храмъ и избилъ тамъ безчисленное множество народа. Онъ, говорятъ, унесъ изъ Храма несмѣтное множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, но впослѣдствіи, когда прошло смятеніе, возвратилъ, какъ полагаютъ, все въ цѣлости. Послѣ и прочіе князья, избивъ всѣхъ, кто попадался имъ въ нижнихъ частяхъ города, отправились въ Храмъ, въ оградѣ котораго, какъ они слышали, укрылось множество народа. Они вступили туда со множествомъ конныхъ и пѣшихъ людей и, не щадя никого перекололи всѣхъ, кого нашли, мечами, такъ что все было облито кровью. Произошло же это по справедливому приговору господню, и тѣ, которые оскверняли святыню своими суевѣрными обрядами и лишили ея вѣрный народъ, очистили ее своею кровью и поплатились жизнью за свое злодѣяніе. Страшно было смотрѣть, какъ валялись повсюду тѣла убитыхъ и разбросанные члены, и какъ вся земля была облита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленныя головы представляли ужасное зрѣлище, но еще болѣе приводитъ въ трепетъ то, что сами побѣдители были въ крови съ головы до ногъ. Въ чертѣ Храма, говорятъ, погибло до 10 тысячъ непріятеля, сверхъ тѣхъ,

трупы которыхъ валялись по улицамъ и площадямъ и которые были умерщвлены разсѣянно по городу; говорятъ, число такихъ было также не мало. Остальная часть войска разошлась по городу и, вытащивъ, какъ скотовъ, изъ узкихъ и отдаленныхъ переулковъ, тѣхъ, которые тамъ укрывались отъ смерти, избивали ихъ на мѣстѣ. Другіе, раздѣлившись на отряды, ходили по домамъ и извлекали оттуда отцовъ семействъ съ женами и дѣтьми, прокалывали ихъ мечемъ или сбрасывали съ кровель и, такимъ образомъ, ломали имъ шею. При этомъ каждый, ворвавшись въ домъ, обращалъ его въ свою собственность со всѣмъ, находившимся въ немъ, ибо еще до завоеванія города было условлено между ними, что по завоеваніи каждый присвоиваетъ себѣ на вѣчныя времена все, что онъ успѣетъ захватить. Ходя такимъ образомъ по городу, чтобы врываться въ дома жителей и ихъ тайныя убѣжища, каждый, въ знакъ овладѣнія домомъ, вѣшалъ на дверяхъ свой щитъ или другое оружіе, чтобы чрезъ то объявить другимъ, что они должны идти дальше, ибо это мѣсто имѣетъ уже для себя господина.

XXI. Когда городъ былъ совершенно завоеванъ и жители умерщвлены, князья, по возстановленіи спокойствія, сошлись вмѣстѣ, прежде нежели сложили оружіе, и опредѣлили, чтобы для большей безопасности башни были заняты стражею и у каждыхъ воротъ города поставлены вѣрные люди привратниками, пока, по общему ихъ согласію и по опредѣленію князей, не будетъ ввѣрено охраненіе города одному, который устроитъ все по своей волѣ. Они были правы, остерегаясь непріятелей, окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ и опасаясь неожиданнаго нападенія. Когда такимъ образомъ въ городѣ былъ возстановленъ порядокъ, они сложили оружіе, омыли руки, облеклись въ чистыя одежды и пошли съ уничиженнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, плача и воздыхая, съ босыми ногами, къ тому мѣсту, которое Спаситель прославилъ и освятилъ своимъ присутствіемъ, и съ величайшимъ благоговѣніемъ прикладывались къ нему. У храма Страстей и Воскресенія господня имъ вышелъ на встрѣчу народъ вѣрныхъ и духовенство, несшіе столько лѣтъ безвинно тяжкое иго, съ крестами и образами святыхъ; они благодарили своихъ избавителей, даровавшихъ имъ свободу, и отвели ихъ въ упомянутый храмъ съ пѣніемъ духовныхъ гимновъ. Было трогательное зрѣлище, наполнившее сердца святымъ восторгомъ, видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ народъ вступалъ въ святыя мѣста и съ какою задушевною радостью и торжествомъ цѣловалъ землю, на которой Господь пострадалъ. Повсюду слезы, повсюду воздыханія, но не тѣ, которыя производятъ печаль и горе, а тѣ, которыя приносятся Богу въ жертву изъ пламеннаго благоговѣнія и изъ глубокой, внутренней радости человѣка. Въ храмѣ, какъ и во всемъ городѣ, раздавалось столько голосовъ народа, приносившаго Господу свое благодареніе, что они, казалось, поднимались до звѣздъ, и о нихъ справедливо можно было сказать: „Гласъ радости и торжества въ кущахъ праведныхъ (Пс. 117, 15)“. По всему городу въ благоговѣйномъ восторгѣ совершались дѣла милосердія. Одни исповѣдывали Господу свои грѣхи и заклинались не повторять ихъ болѣе; другіе великодушно жертвовали все, что они имѣли, согбен-

нымъ старцамъ и бѣднымъ, ибо то, что Господь сподобилъ ихъ видѣть такой день, они считали величайшимъ богатствомъ. Иные ползали съ сердечными воздыханіями на обнаженныхъ колѣняхъ по святымъ мѣстамъ, омочали ихъ слезами и могли по справедливости говорить: „Очи мои излились слезами (Пс. 118, 136)“. Что̀ прибавить къ этому?! Невозможно словами описать, сколь велико было святое чувство, овладѣвшее народомъ вѣрныхъ. Они соперничали другъ съ другомъ въ подвигахъ милосердія, помышляя о благодѣяніи, которое оказалъ имъ Богъ, и имѣя предъ глазами милость, которою они были награждены за множество трудовъ. И кто могъ имѣть такое каменное сердце и столь желѣзную грудь, чтобы сердце его не размягчилось, видя, какой плодъ принесло его пилигримство и какую награду пожалъ онъ за свои военные подвиги?! Люди съ болѣе возвышеннымъ чувствомъ смотрѣли на дарованное имъ Богомъ счастье какъ на ручательство будущей награды, которую Господь обѣщалъ своимъ святымъ. Они вѣровали, что Богъ настоящими милостями укрѣпляетъ въ насъ надежду на будущее, и достиженіемъ земного Іерусалима обѣщаетъ намъ достиженіе небеснаго, гдѣ мы вступимъ въ общеніе съ нимъ. Между тѣмъ епископы и духовенство приносили въ храмахъ жертвы Господу Богу, молились за народъ и благодарили за оказанное благодѣяніе.

Въ XXII и XXIII главахъ авторъ дѣлаетъ отступленіе, говоря о томъ, какъ явился въ Іерусалимѣ епископъ г. Пюи, Адемаръ, умершій въ Антіохіи, и многіе другіе, погибшіе въ походѣ, и какія почести были оказаны жителями города Петру Пустыннику, на котораго смотрѣли какъ на виновника освобожденія Гроба Господня; замѣтивъ мимоходомъ, что патріархъ іерусалимскій въ это время не былъ въ городѣ, ибо онъ еще до осады удалился на о. Кипръ для сбора милостыни, авторъ возвращается къ главному предмету.

XXIV. По совершеніи молитвъ и послѣ благоговѣйнаго посѣщенія св. мѣстъ, князья сочли за лучшее прежде всего очистить городъ и въ особенности предѣлы Храма, чтобы трупы убитыхъ не заразили воздуха. Они возложили это дѣло на жителей города (т.-е. мусульманъ), которые случайно избѣгли смерти и были закованы въ цѣпи. Но такъ какъ ихъ было мало для такой большой работы, то дали ежедневную плату бѣднымъ людямъ въ войскѣ, чтобы они пособили немедленно очистить городъ. Затѣмъ князья разошлись по своимъ домамъ, которые между тѣмъ приготовила имъ ихъ прислуга. Такъ-какъ они нашли городъ наполненнымъ всѣми потребностями жизни и богато снабженнымъ всякими припасами, то всѣ отъ мала до велика увидѣли себя въ большомъ изобиліи. Въ домахъ, которыми они овладѣли силою, найдено было въ огромномъ количествѣ золото, серебро, драгоцѣнные камни и одежды, фрукты, вино, масло, даже вода, въ которой они весьма нуждались во время осады, такъ что тѣ, которые овладѣли домами, не только имѣли всего достаточно для себя, но и могли охотно подѣлиться съ бѣдною братіею. Во второй, третій и слѣдующіе дни на рынкѣ стояли самыя низкія цѣны на товары, такъ что послѣдняя чернь имѣла все въ изобиліи. Потому они про-

водили веселые и счастливые дни, заботились о своей плоти и отдыхали, наслаждаясь пищей и покоемъ, въ чемъ они такъ нуждались. Постоянно помышляя о небесномъ благѣ, котораго удостоилъ ихъ Господь, они изумлялись щедротамъ его благости. А чтобы воспоминаніе объ этомъ днѣ прославить еще болѣе, было опредѣлено, чтобы на будущія времена этотъ день торжествовался всѣми и между прочими праздниками былъ бы величайшимъ праздникомъ. Въ этотъ день на всѣ времена было препрославлено имя христіанское, и о томъ предсказывалось въ пророчествахъ. Также предписано было молить Бога о всѣхъ, достохвальными трудами которыхъ, сообразно желанію каждаго, вышеупомянутый и Богомъ возлюбленный городъ пріобрѣлъ свободу и прежнюю христіанскую религію.

Между тѣмъ тѣ изъ непріятелей, которые, спасаясь отъ меча нашихъ, бѣжали въ башню Давида, убѣдились, что имъ невозможно долѣе удержаться, ибо нашъ народъ овладѣлъ всѣмъ городомъ. Потому они просили графа Тулузскаго, жилище котораго было вблизи башни, чтобы имъ былъ данъ, вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и имуществомъ, свободный выходъ и охрана до Аскалона. Графъ согласился на ихъ просьбу, и они сдали ему башню. Тѣ же, которымъ было поручено очистить городъ, обнаружили большое рвеніе и, частью сжегши трупы, частью зарывъ, въ нѣсколько дней сдѣлали городъ столь же чистымъ, какъ онъ былъ прежде. Съ того времени народъ могъ съ полною безпечностью посѣщать святыя мѣста и совершенно свободно ходить по улицамъ и площадямъ и бесѣдовать другъ съ другомъ.

Городъ же былъ взятъ въ годъ отъ воплощенія господня *тысяча-девяносто-девятый* (1099), въ пятнадцатый день мѣсяца іюля, въ шестой день недѣли (т.-е. пятницу), въ девятомъ часу дня, три года спустя послѣ того, какъ народъ вѣрныхъ принялъ на себя всѣ тяжести такого странствованія; во время управленія св. римскою церковью государя Урбана II папы, въ царствованіе государя Гейнриха IV въ римской имперіи, государя короля Филиппа (I) во Франціи и государя Алексѣя у грековъ; а содѣйствовало тому божеское милосердіе, ему же честь и слава безконечная во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кончается книга восьмая [1]).

Архіепископъ Вильгельмъ Тирскій.

Belli sacri historia, libri XXIII. Кн. VIII.

О жизни и сочиненіяхъ Вильгельма Тирскаго см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 41.

20.—Четырнадцатое и пятнадцатое іюля 1099 г.

(Въ 1099 г.).

Когда наступилъ день [2]), назначенный для послѣдней борьбы (т.-е. 14 іюля, четвергъ, подъ стѣнами Іерусалима), христіане начали при-

[1]) Продолженіе см. ниже, въ ст. 23.

[2]) Извлеченіе и анализъ предыдущаго у того же автора см. выше, въ ст. 17.

ступъ. Но вотъ что должно замѣтить прежде всего: по мнѣнію многихъ, которое раздѣляемъ и мы, внутри города (т.-е. Іерусалима), находилось въ то время до 60 тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе, сверхъ малолѣтнихъ и женщинъ, число которыхъ было огромно. Нашихъ же, сколько мы могли сообразить, было не болѣе 12 тысячъ, способныхъ къ бою, но мы имѣли много слабыхъ и бѣдныхъ; рыцарей же было въ нашей арміи 1200 или 1300, и не болѣе, какъ я думаю. Говорю же я объ этомъ, чтобъ вы поняли, что и въ важныхъ, и въ ничтожныхъ дѣлахъ, все, что предпринято во имя господне, никогда не остается втунѣ, и слѣдующія страницы докажутъ справедливость того.

Едва наши начали угрожать башнямъ и стѣнамъ, какъ со всѣхъ сторонъ полетѣли камни, пущенные изъ машинъ, и безчисленная туча стрѣлъ. Но служители божіи перенесли терпѣливо это бѣдствіе, рѣшившись въ своей твердой вѣрѣ или пасть, или отомстить врагу за себя въ этотъ день. И такъ сражались безъ малѣйшихъ признаковъ побѣды. Когда наши приблизились къ стѣнамъ съ своими машинами, осажденные начали бросать не только камни и стрѣлы, но и зажженное дерево, и пуки соломы; потомъ они начали кидать въ машины обрубками деревьевъ, густо намазанными смолой, воскомъ, и сѣрой и завернутыми въ горящія хлопья и тряпки; сверхъ того, эти отрубки были унизаны со всѣхъ сторонъ гвоздями, такъ что, куда бы они ни упали, вездѣ зацѣплялись и зажигали. Осажденные бросали такимъ образомъ дерево и солому, съ тѣмъ чтобы по крайней мѣрѣ пламя остановило тѣхъ, кого не удерживали ни мечи, ни высокія стѣны, ни глубокіе рвы. Въ этотъ день (14 іюля) дрались отъ восхода до заката солнца, и дрались такъ изумительно, что едва ли, думаю, было когда-нибудь и что-нибудь болѣе изумительнаго. Мы еще продолжали призывать всемогущаго Бога, нашего руководителя, исполненные довѣрія къ его милосердію, какъ наступила ночь и удвоила страхъ въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ. Сарацины опасались, чтобы наши не овладѣли городомъ во время ночи, или, по крайней мѣрѣ, чтобы они на слѣдующій день, одолѣвъ преграды и засыпавъ рвы, не проникли тѣмъ легче на стѣны. Наши же, съ своей стороны, боялись только одного, а именно, чтобы сарацины не нашли какого-нибудь средства поджечь придвинутыя къ нимъ машины и вслѣдствіе того взять верхъ. Вотъ потому съ обѣихъ сторонъ наблюдали другъ за другомъ, трудились и были поглощены заботами, которыя прогоняли всякій сонъ. Одни были исполнены положительной надежды, другихъ волновалъ страхъ. Одни съ охотою трудились надъ дѣломъ божіимъ, чтобы взять городъ; другіе, сражаясь за законъ Магомета (Bahumeth), противъ воли вынуждались къ защитѣ. Вы не повѣрите тѣмъ громаднымъ усиліямъ всякаго рода, которыя были сдѣланы въ эту ночь съ обѣихъ сторонъ. Съ наступленіемъ утра (15 іюля), нашими овладѣлъ такой жаръ, что они приблизились къ самымъ стѣнамъ и пододвинули свои машины. Съ своей стороны, сарацины противопоставили на каждую нашу машину по девяти и по десяти, и тѣмъ такимъ образомъ надѣлали огромныхъ препятствій нашему предпріятію Между тѣмъ это былъ именно девятый день, на который одинъ священникъ указалъ,

какъ на день взятія города. Впрочемъ зачѣмъ останавливаться на этомъ. Наши машины были всѣ уже переломаны отъ безчисленныхъ ударовъ каменьями, пущенныхъ въ нихъ, и наши люди падали подъ бременемъ усталости. Но намъ еще оставалось непреодолимое милосердіе божіе, которое не было никогда побѣждено и которое всегда ниспосылается въ свое время среди величайшихъ бѣдствій.

Но вотъ одинъ случай, который я не долженъ пройти молчаніемъ. Когда двѣ женщины старались заколдовать одну изъ нашихъ каменеметательныхъ машинъ, камень, пущенный съ силою, попалъ въ нихъ и раздавилъ ихъ вмѣстѣ съ тремя дѣтьми; такимъ образомъ, этотъ ударъ, выпустивъ изъ нихъ духъ, предотвратилъ чары.

Около полудня наши пришли въ совершенный безпорядокъ отъ усталости и отчаянія, которое ими овладѣло; у каждаго изъ нихъ было на рукахъ по нѣскольку противниковъ, стѣны же были крѣпки и высоки, а непріятель имѣлъ въ свою пользу много средствъ и благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя помогали ему защищаться и бороться съ нами. Въ минуту такого изнеможенія нашихъ и возвышенія противниковъ проявилось посреди насъ божеское милосердіе, которое превратило нашу печаль въ радость, и да не отвратится она отъ насъ никогда! Когда нѣкоторые изъ нашихъ уже совѣщались объ отводѣ машинъ, изъ которыхъ однѣ были сожжены, другія переломаны, явился какой-то рыцарь со стороны Масличной горы (de monte Oliveti) со щитомъ на рукѣ и, щитомъ махая тѣмъ, которые были съ графомъ (Тулузскимъ), и другимъ прочимъ, приглашалъ ихъ войти въ городъ. Кто это былъ за рыцарь, мы не могли развѣдать. При этомъ видѣ наши, уже совершенно истомленные, воодушевились и побѣжали къ стѣнамъ, одни неся лѣстницы, другіе набрасывая веревки. Нѣсколько юношей зажгли стрѣлы и съ огнемъ пустили ихъ въ мѣшки, которыми сарацины обложили укрѣпленія, воздвигнутыя противъ деревянной башни, принадлежавшей герцогу и двумъ графамъ. Были же эти мѣшки (culcitrae) набиты хлопкой (gambasio). Когда огонь принялся, защищавшіе тотъ пунктъ обратились въ бѣгство. Послѣ того, герцогъ и тѣ, которые находились съ нимъ, живо откинули щитъ, который прикрывалъ переднюю часть деревянной башни [1]) сверху до низу, и, употребивъ этотъ щитъ вмѣсто моста бросились съ мужественною отвагою, чтобы проникнуть въ городъ. Танкредъ и герцогъ Лотарингскій вошли первые, и количество крови, пролитой ими въ этотъ день, превышаетъ всякое вѣроятіе. Всѣ другіе вторглись вслѣдъ за ними, и сарацины не могли больше ничего сдѣлать.

Но вотъ что̀ удивительно: когда французы считали городъ взятымъ, сарацины продолжали сопротивляться тѣмъ, которые были съ графомъ, какъ будто бы они никогда не были побѣждены. Между тѣмъ наши уже овладѣли башнями и укрѣпленіями, и оттуда можно было видѣть много изумительнаго. У сарацинъ одни были поражены на смерть, и участь такихъ была самая лучшая; другіе, пронзенные

---

[1]) Подробное описаніе подобныхъ башенъ въ средніе вѣка см. у монаха Рикера, во II томѣ, ст. 40, кн. 3, гл. 105 и 106.

стрѣлами, вынуждены были броситься съ высоты башенъ, а многіе, настрадавшись, кидались въ огонь и сгарали. По улицамъ и площадямъ валялись обрубленныя головы, руки и ноги. Пѣшіе и рыцари должны были на каждомъ шагу натыкаться на трупъ. Но все это еще ничего. Пойдемъ въ храмъ Соломона, гдѣ сарацины имѣли обычай отправлять торжественно свое богослуженіе. Что тамъ произошло! Если мы скажемъ только правду, то и тогда превзойдемъ всякое вѣроятіе. Достаточно сказать одно, что въ храмѣ и портикѣ Соломона ѣздили верхомъ въ крови по колѣно всаднику и подъ устцы лошади. Справедливо и чудно божеское правосудіе, которое желало, чтобы то мѣсто было облито кровью тѣхъ, которые столь долгое время оскверняли его богохульствомъ. Когда городъ былъ наполненъ трупами и кровью, нѣсколько сарацинъ бросились въ башню Давида и, прося графа Раймунда обезпечить имъ жизнь своею десницей, сдали ему это укрѣпленіе.

По взятіи города, прекрасно было видѣть, съ какимъ благочестіемъ пилигримы отправились ко Гробу господню, какъ они рукоплескали, предавались радостному восторгу и воспѣвали новый гимнъ Богу. Ихъ сердце приносило Господу, побѣдившему и восторжествовавшему, дань хваленій, которыя невозможно описать. Новый день, новыя чувства восторга, новая и непреходящая радость, наконецъ, заключеніе и исполненіе предпріятія и народныхъ обѣтовъ,—все это внушало христіанамъ и новыя слова, и новыя пѣснопѣнія. Въ этотъ день, прославленный навсегда, на вѣки вѣковъ, все наше горе и наша усталость измѣнились въ радость и восторгъ; этотъ день, говорю я, былъ утвержденіемъ христіанства и погибелью язычества, возобновленіемъ нашей вѣры, „днемъ, который сотворилъ Господь, восторжествуемъ и возвеселимся въ оный“ (Псал. 117, 24), ибо въ этотъ день Господь прославилъ и благословилъ народъ свой.

Въ этотъ день многіе христіане видѣли Адемара, епископа Пюи, (умершаго еще въ Антіохіи) въ городѣ, а большое число свидѣтельствуетъ, что онъ первый взошелъ на стѣны и пригласилъ своихъ спутниковъ и народъ слѣдовать за нимъ. Въ этотъ же день апостолы, изгнанные изъ Іерусалима, разсѣялись по всему міру; и въ этотъ же день дѣти апостоловъ снова завоевали ихъ городъ и ихъ отечество для Бога и своихъ отцовъ. Этотъ день сдѣлалъ знаменитыми іюльскія Иды (т. е. 15 число) на славу и хвалу имени Христа, который молитвами своей церкви отдалъ городъ, обѣщанный ихъ отцамъ и нынѣ врученный дѣтямъ съ неизмѣннымъ благословеніемъ. Въ этотъ день мы служили воскресную службу, потому что тотъ, кто могущественно воскресъ изъ среды мертвыхъ, воскресилъ и насъ въ тотъ день своею благодатью. Но сказаннаго объ этомъ довольно!

Раймундъ Агильскій.

Hist. Franc. qui сереr. Hierusal. a. 1095—99.—Изд. Bongars, 1611. Стр. 177—179.

Раймундъ Агильскій (Raimondus de Agiles, canonicus Podiensis, жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка) былъ каноникомъ каѳедральной церкви въ

Пюи, что въ Велэ (Puy en Velay), когда въ 1095 г. западные христіане приняли крестъ на соборѣ въ Клермонтѣ; судя по его званію дьякона, онъ былъ тогда еще молодъ и сопровождалъ своего епископа, знаменитаго Адемара, во время похода. На пути, его поставили священникомъ, а послѣ онъ сдѣлался капелланомъ Раймунда, графа Тулузскаго. Во время осады Антіохіи, въ 1097, какъ объясняетъ самъ авторъ (см. выше, на стр. 198), онъ рѣшился вмѣстѣ съ *Понтіемъ изъ Баладуна*, рыцаремъ изъ свиты графа, описать все видѣнное ими. Но вѣроятно Понтій былъ только разсказчикомъ, а писалъ самъ Раймундъ, какъ ему позволяло время при остановкахъ на маршѣ. Понтій умеръ въ 1099 г., при осадѣ Арки, и Раймундъ продолжалъ одинъ свой трудъ. Разсказавъ взятіе Іерусалима, Раймундъ на двухъ страницахъ (изданіе Бонгара) излагаетъ коротко исторію избранія въ короли Іерусалима Готфрида Лотарингскаго и ссору его съ Раймундомъ Тулузскимъ за башню Давида, которая окончилась тѣмъ, что Готфридъ одержалъ верхъ, и Раймундъ Тулузскій вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ удалился въ Іерихонъ для омовенія въ водахъ Іордана; этимъ событіемъ, случившимся въ концѣ іюля, авторъ заключаетъ свою „Исторію франковъ, завоевавшихъ Іерусалимъ, отъ 1095 до 1099 г.“. Неизвѣстно, возвратился ли онъ въ Европу, или умеръ въ Палестинѣ; какое-то неизвѣстное лицо продолжило его трудъ до битвы при Аскалонѣ, въ августѣ мѣсяцѣ того же года.

Изданіе: единственное у *Bongars* Gesta Dei per Francos, 1611, стр. 139—183.—*Переводы*: у *Guisot*, Collection, XXI, стр. 227 — 397 (Par. 1824). — *Критики*: въ Geschichte des ersten Kreuzzugs, von *H. von Sybel*. Düsseldorf, 1841 стр. 15 и слѣд.

---

21. — Танкредъ на Масличной горѣ и въ Іерусалимѣ 7 іюня и 15 іюля 1099 г.

(Между 1112 и 1118 г.).

CXII [1]). Когда христіане приблизились къ Іерусалиму (7 іюня 1099 г.), Танкредъ водрузилъ свое знамя по сосѣдству съ башнею Давида и, приказавъ устроиться лагеремъ, удалился одинъ, безъ спутника, безъ оруженосца, на Масличную гору, откуда, какъ онъ зналъ, Сынъ божій, Христосъ, вознесся къ Отцу. Какая безумная отвага! Вотъ новый способъ вести осаду! Одинъ и тотъ же Танкредъ, витязь, осаждаетъ съ востока, и тотъ же Танкредъ осаждаетъ съ запада! Съ одной стороны, его малочисленная дружина, съ другой—онъ самъ! Съ одной стороны, рыцари безъ предводителя; съ другой—предводитель безъ рыцарей. Другъ другу помочь они не могутъ, да и на другихъ они не разсчитываютъ; особенно Танкредъ: чѣмъ больше онъ отходитъ къ востоку, тѣмъ меньше могутъ быть ему полезны франки.

(¹ Извлеченіе и анализъ предыдущихъ 111 главъ см. выше, въ ст. 14.

Его люди остались далеко, раскинувъ лагерь у западной стороны города, а франки, шедшіе по ихъ слѣдамъ, были еще дальше на западъ. Такимъ образомъ, Танкредъ для себя все: и рыцарь, и оруженосецъ, и знаменосецъ. Съ высоты Масличной горы онъ бросаетъ взоры на городъ, отъ котораго его отдѣляетъ одна долина Іосафата. Оттуда онъ видитъ, какъ народъ бѣгаетъ взадъ и впередъ по улицамъ, какъ снабжаютъ башни оружіемъ и какъ конные люди горятъ нетерпѣніемъ; по дорогамъ слышатся плачъ, крики, шумъ и ржаніе лошадей. Съ изумленіемъ смотритъ онъ на куполъ Храма господня, высящійся къ облакамъ, на длинный храмъ Соломона и на широкую ограду, которая его окружаетъ и дѣлаетъ изъ него второй городъ посреди города. Часто обращалъ онъ свои взоры къ лобному мѣсту и къ храму Гроба господня; они стоятъ дальше всего, но при своей высотѣ бываютъ видны отовсюду. Танкредъ то испускаетъ глубокіе вздохи, то ложится на землю, то онъ желалъ бы растаться съ жизнью, если ему доведется облобызать то лобное мѣсто, которое возвышалось предъ нимъ.

CXIII. Случай далъ ему весьма кстати встрѣтиться въ ту минуту съ пустынникомъ, жившимъ въ башнѣ; пустынникъ взялся сообщить ему все и указалъ мѣсто, гдѣ находилась преторія Каіафы, гдѣ удавился Іуда, откуда былъ свергнутъ въ пропасть Іаковъ, гдѣ Стефанъ былъ побитъ каменьями, и много другихъ мѣстъ, связанныхъ съ различными воспоминаніями. После того пустынникъ спросилъ его въ свою очередь, къ какой сектѣ онъ принадлежитъ, какъ его зовутъ, гдѣ отечество и семья. „Я—христіанинъ, родился въ Нормандіи изъ фамиліи Гвискаръ и зовутъ меня Танкредомъ“. Услышавъ одно имя Гвискара, пустынникъ, пораженный изумленіемъ и устремивъ на него внимательный взоръ, воскликнулъ: „Какъ! ты изъ крови того вождя, подобнаго молніи, предъ которымъ столько разъ трепетала Греція, и который, поразивъ Алексѣя, обратилъ его въ бѣгство, который овладѣлъ Дураццо и покорилъ всю Булгарію до рѣки Вардаръ? Ты имѣешь дѣло съ человѣкомъ, который все это знаетъ; я не забылъ того, кто опустошилъ мою страну; онъ былъ нѣкогда моимъ врагомъ, и вотъ теперь, присылая тебя сюда, онъ искупилъ нанесенныя имъ мнѣ оскорбленія. Въ тебѣ я вижу ту же доблесть, которая приводила въ трепетъ народы, и ту же отвагу, которою были воодушевлены твои предки; въ тебѣ я не могу не замѣтить тѣхъ же великихъ качествъ. Сначала меня изумило то, что я встрѣтилъ въ этихъ мѣстахъ врага, чужеземца, странствующаго безъ спутника въ пустынѣ, и я полагалъ, что, вѣрно, ему предшествуютъ дружины или его сопровождаютъ. Причиною моего изумленія было мое невѣдѣніе; уничтоживъ послѣднее, ты разсѣялъ и первое. Теперь ты для меня совершенно иной человѣкъ: я принималъ тебя за безумнаго, а нынѣ вижу передъ собою храбраго; изъ прежняго врага ты превращаешься въ новаго брата. Я не буду больше изумляться, если ты совершишь изумительные подвиги; я скорѣе удивлюсь, если ты ничѣмъ не удивишь. Человѣку, происходящему изъ такой фамиліи, не дозволено слѣдовать путемъ обыкновенныхъ смертныхъ; но остерегись, мой другъ, остерегись, къ тебѣ приближается непріятель“.

CXIV. Дѣйствительно, въ это время открылись ворота, выходящія на долину Іосафата, и изъ нихъ выступили пять всадниковъ, которые направились прямо на Танкреда. Они приближались съ тою самоувѣренностью, съ которою пятеро идутъ напасть на одного. Каждый старался обогнать другихъ, чтобы одному воспользоваться добычей. Но сынъ Гвискара (т. е. племянникъ), прервавъ свою бесѣду и простившись съ пустынникомъ, успѣлъ изготовить къ бою и свое лицо, и сердце, и коня, и копье; первый изъ враговъ, прибывшій на вершину горы, былъ немедленно отправленъ имъ душою въ глубину Стикса, а тѣломъ на дно долины. Та же участь ожидала и второго; но его конь упалъ и тѣмъ спасъ своего всадника. Онъ былъ, по моему мнѣнію, счастливъ своимъ несчастіемъ, ибо въ то время, когда онъ встрѣтился лицомъ съ землею, грудь его спаслась отъ копья, готоваго нанести ему ударъ; это паденіе избавило его отъ вѣрной смерти [1])...... Дѣйствительно, хотя паденіе и было полезно для нихъ обоихъ, освободивъ одного отъ новыхъ усилій, а другого отъ смерти, но оба они проклинали такой оборотъ дѣла, которымъ уничтожались одинаково ихъ злобныя намѣренія. Затѣмъ приближается третій; я назвалъ бы его счастливымъ, еслибы ему удалось, павъ на землю, жаловаться только на это несчастіе. Но нѣтъ: онъ достигнулъ цѣли своихъ желаній и былъ обезоруженъ; если онъ могъ отложить свою погибель до самой минуты боя, то, съ другой стороны, Танкредъ его опрокинулъ еще болѣе жестоко и болѣе жалкимъ образомъ. Оставались еще двое цѣлыми и невредимыми; но Парка уже была на-готовѣ прервать нить ихъ жизни. Въ ту минуту, когда они выходили на бой, она начала уже надрѣзывать нить, но они обратились въ бѣгство, и ножницы выпали изъ рукъ, державшихъ ее. Пораженные удивленіемъ и храбростью Танкреда, превосходившею мужество льва, они бѣжали, и Танкредъ погналъ ихъ къ городскимъ воротамъ. Такъ иногда бараны спасаются въ овчарнѣ, загородка которой укрываетъ ихъ отъ свирѣпаго звѣря, а звѣрь, снѣдаемый голодомъ, готовъ напасть даже на тѣхъ, которые ихъ защищаютъ. Удаляясь побѣдителемъ отъ укрѣпленій, Танкредъ не остановился даже предъ добычею, которую ему оставилъ непріятель, ни предъ конями, бѣгавшими по волѣ, ни предъ кирасами и прочимъ оружіемъ, сверкавшимъ позолотой. Онъ возвращается къ своимъ, чтобы утѣшить тѣхъ, которыхъ его продолжительное отсутствіе исполнило ужаса и отчаянія. Въ это время явилось много людей и пламенныхъ юношей, готовыхъ подать ему помощь; всѣ собрались, и старые, и малые, и женщины, еще болѣе слабыя; всѣхъ воодушевляло одно чувство привязанности, и они стремились съ одинаковымъ рвеніемъ.

После того, отъ CXV до CXXVII главы, слѣдуетъ довольно подробное описаніе общаго хода осады Іерусалима до самаго взятія города, 15 іюля 1099 г., когда авторъ снова выводитъ на сцену своего героя, Танкреда.

CXXVIII. Между тѣмъ (т. е. какъ главная армія вступила въ Іерусалимъ), Танкредъ, уподобляясь болѣе льву, нежели человѣку, и

[1]) Въ этомъ мѣстѣ манускриптъ текста испорченъ.

притомъ походя на льва не только глазами и лицомъ, но, главнымъ образомъ, сердцемъ, летитъ въ своей ярости къ подвигамъ еще бо̀льшимъ. О чемъ не думалъ ни одинъ изъ обоихъ Аяксовъ, на что не рѣшились бы ни Гекторъ, ни Ахиллесъ, побѣдитель Гектора, все это было легко для Танкреда, племянника Гвискара. Внутренняя ограда храма, которая нынѣ составляетъ одно, а прежде была раздѣлена надвое, ибо нынѣ храмъ Господа и храмъ Соломона соединены въ одинъ храмъ Господа, эта внутренняя ограда, обширная и пространная, окруженная толстыми стѣнами, входъ чрезъ которыя заграждался двумя желѣзными дверьми, укрыла въ себѣ бѣглецовъ, или, лучше сказать, всѣхъ обитателей города, загнанныхъ туда страхомъ и искавшихъ спасенія отъ ужасовъ войны. Самое твердое желѣзо защищало эти стѣны; но Танкредъ, еще болѣе твердый, чѣмъ желѣзо, ломаетъ, разрушаетъ, сбиваетъ двери и вторгается въ средину. Едва онъ вошелъ, какъ народъ бросился прочь и устремился ко двору Соломона. Кто бѣжалъ медленнѣе, палъ подъ ударами меча; кто былъ проворнѣе, ушелъ отъ меча. Успѣвшіе спастись заперли за собою ворота и завалили ихъ въ надеждѣ защитить жизнь или, по крайней мѣрѣ продлить ее на нѣсколько мгновеній. Танкредъ устремляется къ храму Соломона, идетъ впередъ, и высокія ворота храма открываются предъ его знаменемъ.

CXXIX. Въ храмѣ, на высокомъ престолѣ, помѣщалась огромная статуя изъ серебра, столь полновѣсная, что шесть сильныхъ рукъ едва бы могли ее приподнять, а чтобы унести, нужно было десять. Танкредъ, увидавъ ее, закричалъ: „О стыдъ! къ чему эта статуя, къ чему она поставлена такъ высоко? Къ чему эти драгоцѣнные камни, къ чему это золото — а эта статуя Магомета вся была усыпана каменьями, одѣта въ пурпуръ и горѣла золотомъ—къ чему такая пышность? Можетъ быть, это изображеніе Марса или Аполлона? Это не можетъ быть Христосъ, ибо я не вижу его принадлежностей: ни креста, ни вѣнца, ни гвоздей, ни раны въ боку; и такъ, это не Христосъ, но скорѣй первый антихристъ, безбожный Магометъ, Магометъ презрѣнный; о, если бы въ эту минуту предсталъ его другъ, еслибы и будущій антихристъ соединился съ нимъ, я выгналъ бы обоихъ антихристовъ своею ногой! О поношеніе! питомецъ ада, гость Плутона, обладаетъ твердынею Господа и возсѣдаетъ, какъ божество, въ храмѣ Соломона! Низвергнемъ его немедленно, и пусть онъ падетъ къ нашимъ ногамъ! Онъ стоитъ гордо, какъ будто бы желаетъ и насъ подчинить себѣ!“ Едва онъ далъ приказаніе, какъ оно уже было выполнено, и никогда еще рыцари не изъявляли столько готовности къ повиновенію. Статую схватили, стащили, и металлъ, дорогой по себѣ, но сдѣлавшійся презрѣннымъ, вслѣдствіе сдѣланнаго изъ него употребленія, разбитъ на куски; но теперь, когда статуя обезображена, серебро возвратило свою прежнюю цѣну.

CXXX. Внутри храма, вдоль всей его стѣны, блистала серебряная полоса, шириною въ локоть по всей длинѣ, а толщиною въ палецъ; эта полоса опоясывала весь храмъ и вѣсила около 7000 марокъ. На томъ мѣстѣ этотъ предметъ не имѣлъ никакого употребленія, ни цѣны; но мудрый Танкредъ сдѣлалъ его полезнымъ. При

помощи этой полосы онъ вооружилъ тѣхъ изъ своихъ служителей, которые оставались безъ оружія, одѣлъ нагихъ, накормилъ голодныхъ, увеличилъ число своихъ рыцарей, что́ для него было величайшимъ удовольствіемъ, и окружилъ свое знамя чужестранными воинами. Самыя стѣны храма и его многочисленныя колонны почти исчезали подъ драгоцѣнными камнями и кусками золота и серебра. Замѣчательнѣйшія работы по искусству, которое должно было бы прославляться во всемъ мірѣ, и одинъ матеріалъ котораго могъ бы восхитить собою глазъ, скрывались отъ взора, погребенныя подъ этими украшеніями, закрывавшими ихъ отъ свѣта. Такъ давно уже они были заключены въ своей темницѣ; но Танкредъ вынесъ ихъ на свѣтъ и удалилъ мракъ, которымъ они были окружены. Этимъ золотомъ онъ облегчилъ голодъ нуждавшихся и, ободравъ мраморъ, Танкредъ одѣлъ Христа.

CXXXI. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, надивившись драгоцѣннымъ камнямъ, металлу и мрамору священнаго храма, и благоговѣйно помолившись въ немъ, Танкредъ бросился къ оружію и полетѣлъ на встрѣчу сопротивлявшемуся непріятелю; ворвавшись въ ихъ средину, онъ обращаетъ всѣхъ въ бѣгство, и врагъ не находитъ нигдѣ убѣжища отъ него. Внѣшняя площадь уже свободна и битва прекратилась; затѣмъ началось истребленіе внутри. Только тогда, когда открыли внутри врата храма, потоки крови заговорили, Танкредъ, о томъ, что могутъ сдѣлать твоя сила и твой мечъ! Кто будетъ имѣть довольно времени, чтобы разсказать въ подробностяхъ и радостное торжество тѣхъ, которые истребляли, и горесть тѣхъ, которые истреблялись, и все прочее благо, которое истекло изъ такихъ бѣдствій! Марсъ выразилъ свое неистовство въ тысячи способахъ, дѣйствовалъ тысячью средствъ и положилъ тысячи жертвъ. Ярость предалась всѣмъ своимъ увлеченіямъ; пожирающій мечъ пожиналъ все, что встрѣчалось ему на пути; врагъ падалъ повсюду: впередъ, святое неистовство! впередъ, святые мечи! впередъ, святое разрушеніе, не щадить ничего! Пусть падетъ подъ ударами проклятый народъ, преступные злодѣи, проливавшіе неповинную кровь, и которые заплатятъ теперь за все всею своею кровью. Вы, которые столь часто разрывали Христа, получите теперь наказаніе отъ рукъ его же членовъ.

Въ послѣдующихъ главахъ (CXXXII — CLVII) и до самаго конца манускрипта, авторъ сначала говоритъ вообще о разореніи Іерусалима, приводитъ нѣсколько эпизодовъ изъ правленія Готфрида I и его преемника, Балдуина I, но главнымъ образомъ останавливается на подвигахъ Танкреда, который два раза, по случаю плѣна Боэмунда, князя Антіохійскаго, и по случаю его путешествія на Западъ, управлялъ Антіохіею, ведя постоянную борьбу съ турками; въ послѣдней главѣ разсказъ прерывается внезапно изложеніемъ осады города Апаміи Танкредомъ, что́ произошло за два года до его смерти, т.-е. въ 1110 г.

Рыцарь Нормандіи Рауль Канскій.

Gesta Tancredi etc. Гл. CXII — CXXXI.

Рауль Канскій (Radulphus Cadomensis, по-франц. Raoul de Caen) родился, какъ можно полагать, около 1080 г., въ нормандскомъ городѣ Канѣ (Caen). Мы знаемъ о его жизни только то, что онъ самъ сообщаетъ въ своемъ прологѣ (см. выше, ст. 14, Прологъ). Воспитанный капелланомъ Роберта Нормандскаго, Арнульфомъ, который ходилъ вмѣстѣ съ своимъ графомъ на завоеваніе Іерусалима и былъ послѣ избранъ первымъ латинскимъ патріархомъ св. города, Рауль не принималъ участія въ первомъ крестовомъ походѣ, но тѣмъ не менѣе имѣлъ всѣ средства получить самыя подробныя свѣдѣнія о походѣ изъ разсказовъ главнѣйшихъ участниковъ, какъ о томъ онъ и говоритъ въ своемъ прологѣ. Рауль явился въ Палестину уже въ 1107 году, а потому только три послѣдніе года его сочиненія принадлежатъ ему какъ очевидцу. Такъ какъ онъ писалъ послѣ смерти Танкреда, случившейся въ 1112 г., и посвятилъ свой трудъ патріарху Арнульфу, умершему въ 1118 г., то эти два обстоятельства приблизительно опредѣляютъ время, когда Рауль писалъ свою біографію Танкреда, у котораго онъ находился на службѣ съ 1107 года. Трудъ Рауля „О дѣяніяхъ Танкреда“ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ перваго крестоваго похода, какъ почти единственное произведеніе свѣтскаго пера, и потому рѣзко отличающееся отъ всего, что было писано въ то время людьми, исключительно принадлежавшими къ духовному сословію. Въ сочиненіи Рауля гораздо точнѣе выразился духъ рыцарства того времени, затемненный богословскимъ настроеніемъ другихъ писателей начала крестовой эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рауль представляетъ намъ типъ тогдашняго рыцарства въ лицѣ Танкреда безъ всякаго опоэтизированія, которому онъ подвергся въ воображеніи позднѣйшей эпохи, какъ наприм. у Тассо, въ его „Освобожденномъ Іерусалимѣ“: въ Танкредѣ, у Рауля, нѣтъ ни романической чувствительности, ни нѣжности; это—безпощадный воитель, съ дикой отвагой, которая въ минуту боя доходитъ до изступленія. На рѣчи Танкреда, приводимыя авторомъ, должно смотрѣть иначе, нежели какъ то бываетъ при этомъ случаѣ обыкновенно въ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ; авторъ въ прологѣ говоритъ, что ему часто случалось выслушивать разсказы Танкреда, онъ могъ слышать и пѣсни его; многое могло такимъ образомъ врѣзаться ему въ память, и дѣйствительно эти рѣчи иногда отличаются неподдѣльною красотою и дышатъ отвагою воина-трубадура. Въ существующихъ манускриптахъ сочиненіе Рауля, начинаясь 1096 годомъ, обрывается на 1110; вѣроятно, что окончаніе утрачено, ибо авторъ умеръ гораздо позже 1118 года, а именно въ 1130 году; притомъ не можетъ быть, чтобы онъ представилъ Арнульфу недоконченное сочиненіе. *Изданія*: сочиненіе Рауля было неизвѣстно Бонгару, когда онъ издавалъ свой сборникъ: Gesta Dei per Francos; оно было открыто *Мартеномъ* и помѣщено въ его Thesaurus novus anecdotorum. Par. 1717, въ т. III, 108 стр.; вскорѣ *Муратори* повторилъ это изданіе съ большею точностью въ Rerum italicarum scriptores Mediol. 1723—51, въ V т., 285—333 стр.— *Переводы*: франц. у *Guizot*, Collect. XXIII, стр. 1—294, Par. 1825.

22. — Извлеченіе изъ поэмы „Освобожденный Іерусалимъ“.

(Между 1563 и 1575 гг.).

Пѣснь первая.

I.

Пою священную брань и вождя, который освободилъ великій Гробъ Христа. Много трудился онъ и мыслью, и десницей своей; много перенесъ для славнаго стяжанья. Тщетно возставалъ адъ противъ него; тщетно ополчались соединенныя силы народовъ Азіи и Ливіи: само Небо покровительствовало ему и собирало подъ его священныя знамена разсѣянныхъ сподвижниковъ [1]).

II.

О муза, ты, которая не украшаешь главы своей увядающими лаврами Геликона, но обитаешь на небѣ, посреди хора блаженныхъ, съ челомъ, увѣнчаннымъ золотою короною неугасимыхъ звѣздъ! вдохнови мою грудь божественнымъ жаромъ, разожги мое пѣснопѣніе; прости мнѣ, если я прикрашу истину цвѣтами и къ твоимъ прежнимъ прелестямъ присоединю новыя.

III.

Ты знаешь, какъ жаждетъ смертный упоиться обольщеніями Парнаса; ты знаешь, какъ истина, облеченная въ нѣжную форму поэзіи, убѣждаетъ и покоряетъ себѣ сердце самое суровое. Такъ, заболѣвшему младенцу мы подносимъ чашу, края которой покрыты сладкимъ сиропомъ: благодаря счастливый обманъ, онъ выпиваетъ соки горькихъ травъ, и дѣлается обязаннымъ этому обольщенію своею жизнію.

IV.

О, великодушный Альфонсъ [2]), ты спасъ отъ ярости судебъ и отъ грозныхъ скалъ разсвирѣпѣвшаго моря заблудшуюся и почти сокру-

---

[1]) Canto l'armi pietose, e'l Capitano
Che'l gran Sepolcro liberò di Cristo.
Molto egli oprò col senno, e con la mano;
Molto soffri nel glorioso acquisto:
E invan l'Inferno a lui s'oppose, e invano
S'armò d'Asia e di Libia il popol misto:
Chè il Ciel gli diè favore, e sotto ai santi
Segui ridusse i suoi compagni erranti.

[2]) Альфонсъ II, герцогъ Феррары, который сначала оказывалъ автору покровительство; см. подробнѣе о ихъ отношеніяхъ ниже, въ примѣчаніи къ этому извлеченію.

шенную ладью моей жизни! Прими благосклонно мой трудъ, посвященіе котораго тебѣ составляетъ мой обѣтъ! Можетъ быть, придетъ день, когда мое пророческое перо дерзнетъ сказать прямо о тебѣ все, что нынѣ выражено пока иносказательно [1]).

V.

Ты вполнѣ достоинъ—если случится благочестивому народу христіанъ, сохраняя между собою миръ и согласіе, пойти на корабляхъ или на коняхъ отнять у гордаго ѳракійца (т. е. турокъ оттоманскихъ, жившихъ въ XVI стол. во Ѳракіи) несправедливо захваченную имъ великую добычу (т. е. Византію)—тебѣ вручится жезлъ на землѣ и верховная власть на морѣ. О, совмѣстникъ Готфрида (Бульонскаго), читай внимательно наши стихи и изготовься къ бою!

VI.

Уже перевернулся шестой годъ [2]), послѣ того какъ воинство христово вступило въ восточныя страны для совершенія великаго подвига и взяло Никею приступомъ, а могущественную Антіохію искусствомъ. Послѣ того, давъ битву безчисленнымъ войскамъ Персіи (т. е. туркамъ-сельджукамъ), оно овладѣло Тортозою (въ Палестинѣ) [3]) и, вслѣдствіе суровости времени, остановилось въ ожиданіи весны слѣдующаго года (т. е. 1099).

Слѣдующія строфы (VII — XC), до конца пѣсни, содержатъ въ себѣ сцену на небѣ, откуда Богъ взиралъ на землю и на лагерь христіанъ подъ Тортозою въ особенности: Господь посылаетъ Гавріила къ Готфриду возвѣстить о назначеніи его вождемъ всѣхъ крестоносцевъ; Готфридъ собираетъ всю армію, говоритъ имъ рѣчь, побуждая идти къ Іерасулиму; и, по совѣту Петра Пустынника, его выбираютъ вождемъ. Крестоносцы снимаются съ лагеря и идутъ къ св. городу; при этомъ поэтъ перечисляетъ главныхъ предводителей и останавливается съ особенною любовью на Танкредѣ,—которымъ еще во время похода овладѣла страстная любовь къ одной воинственной турчанкѣ, встрѣченной имъ въ рощѣ, послѣ битвы съ мусульманами,—и на Ринальдо, вводномъ лицѣ; оба они служатъ главными дѣйствующими лицами всей поэмы (см. о Ринальдо на этой же страницѣ ссылку 1). Крестоносцы подходятъ къ Іерусалиму; первая пѣсня заканчивается описаніемъ смятенія Аладдина, Іерусалимскаго паши, которому поэтъ далъ болѣе благозвучное имя,

---

[1]) Поэтъ ввелъ въ поэму придуманное имъ лицо, Ринальдо, который будто бы происходилъ изъ дома Эсте, къ которому принадлежалъ герцогъ Альфонсъ II, и былъ воспитанъ знаменитою Матильдою, маркграфинею Тосканы.

[2]) Т. е. наступилъ 1099 годъ, Троицынымъ днемъ котораго поэтъ начинаетъ свою поэму, а половиною августа того же года кончаетъ; такимъ образомъ, время дѣйствія „Освобожденнаго Іерусалима“ заключаетъ въ себѣ отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ.

[3]) Т. е. Цезареею: историческая ошибка, исправленная авторомъ въ позднѣйшей передѣлкѣ поэмы; см. о томъ ниже, въ примѣчаніи.

вмѣсто историческаго: Дукальтъ: Аладдинъ, видя приближающагося непріятеля, опустошаетъ окрестности города и укрѣпляетъ его стѣны.

Пѣснь вторая.

Въ первыхъ 12 главахъ поэтъ приводитъ къ Аладдину кудесника Исмена, ренегата, имѣвшаго силу воскрешать мертвыхъ и держать въ повиновеніи у себя адъ; Исменъ совѣтуетъ пашѣ похитить у христіанъ изображеніе Богородицы и поставить его въ мечети для огражденія города отъ враговъ. Его совѣтъ былъ исполненъ; но на слѣдующее утро изображеніе исчезло; Исменъ обвиняетъ христіанъ въ похищеніи его, и Аладдинъ приказываетъ предать всѣхъ ихъ смерти: „вооружитесь пламенемъ и мечемъ,—восклицалъ онъ мусульманамъ:—жгите и умерщвляйте!

XIII.

Такъ говорилъ толпѣ Аладдинъ, и его кровожадныя повелѣнія, дойдя до слуха христіанъ, распространяютъ между ними ужасъ. Съ уныніемъ и сокрушеніемъ, они уже видятъ предъ собою смерть, и не осмѣливаются ни на защиту, ни на бѣгство; не смѣютъ ни умолять, ни оправдываться. Колеблясь въ страхѣ, всѣ предаются отчаянію; но неожиданно къ нимъ является спасеніе оттуда, откуда они могли всего менѣе его ожидать.

XIV.

Была между ними дѣва, въ зрѣломъ цвѣтѣ лѣтъ, съ душою, проникнутою царственными помыслами, и необыкновенной красоты; но она не заботилась о своей красотѣ, или заботилась настолько, насколько то дозволялось цѣломудріемъ. Ея совершенство состояло въ томъ, что она умѣла скрывать свои достоинства въ стѣнахъ своего скромнаго обиталища, и жила одна, никѣмъ незнаемая, скрываясь отъ взоровъ, похвалъ и домогательствъ юношей.

XV.

Но нѣтъ такой ограды, за которою могла бы укрыться красота отъ дани изумленія! И ты, о любовь, не согласишься на то! Нѣтъ! ты и открыла скромное убѣжище дѣвы пылкимъ страстямъ одного юноши. Любовь, иногда слѣпая, иногда стоглазая, какъ Аргусъ, иногда съ повязкою на глазахъ, иногда дальновидная и проницательная, ты ведешь нѣжное сердце къ предмету его обожанія сквозь тысячи препонъ, въ глубину самого таинственнаго убѣжища.

XVI.

Ихъ имена: Софронія и Олиндъ [1]); они родились въ одномъ городѣ и были одной вѣры. Какъ былъ онъ скроменъ, такъ она прекрасна; многаго желаетъ Олиндъ, мало надѣется и ничего не тре-

[1]) Объ исторической основѣ этой легенды см. выше, на стр. 64.

буетъ; онъ или не знаетъ какъ, или не осмѣливается открыть предъ нею свое чувство. Софронія же или не видитъ, или не понимаетъ, или пренебрегаетъ его любовью. Такъ до сихъ поръ несчастный Олиндъ старался услуживать ей, оставаясь незамѣченнымъ, непонятымъ или отверженнымъ.

XVII.

Между тѣмъ разносится слухъ о близости часа, когда будетъ пораженъ весь христіанскій народъ. Великодушной и доблестной Софроніи приходитъ на мысль спасти своихъ единовѣрцевъ; мужество возбуждаетъ ее, но стыдливость удерживаетъ; наконецъ, мужество одерживаетъ верхъ, или, лучше сказать, вступаетъ въ союзъ и дѣлается стыдливымъ, въ то время какъ стыдъ пріобрѣтаетъ мужество.

XVIII.

Дѣва выходитъ, шествуя посреди народа, не скрываетъ своей красоты и не выставляетъ ея на показъ; подъ покрываломъ, съ потупленнымъ взоромъ, она идетъ скромною и вмѣстѣ гордою поступью. Не знаешь, заботилась ли она, или нѣтъ, о своемъ нарядѣ; случай или намѣреніе убрали ее. Но все это было даромъ природы, любви и небесъ, которыя ей покровительствуютъ.

XIX.

Привлекая къ себѣ взоры всѣхъ, гордая дѣва ни на кого не смотритъ и является къ пашѣ (al re). Гнѣвное выраженіе его лица не останавливаетъ ея шаговъ, и она безтрепетно становится предъ нимъ. „Я пришла къ тебѣ, государь, говоритъ ему Софронія, ты же останови месть свою и ярость своего народа — чтобы открыть и выдать преступника, который нанесъ тебѣ столь великое оскорбленіе“.

XX.

При видѣ такой доблестной отваги и внезапномъ сіяніи невинной красы, паша, почти взволнованный и обезоруженный, укротилъ гнѣвъ свой и смягчилъ грозный видъ. Еслибы его духъ и выраженіе его лица были менѣе суровы, то онъ воспылалъ бы къ ней любовью; но суровая красота не можетъ прельстить черстваго сердца, и надежда есть первая пища любви.

XXI.

Презрѣнное сердце тирана испытало изумленіе, пріятное чувство, удовольствіе, но не любовь. „Говори мнѣ все, сказалъ онъ ей; я обѣщаю тебѣ не трогать христіанъ“. Она отвѣчаетъ: „Преступникъ предъ тобою: я, государь, похитила то изображеніе; я — та самая, кого ты ищешь; меня ты долженъ наказать“.

XXII.

Такъ Софронія обращаетъ на одну себя общую погибель, и съ гордостью предлагаетъ свою голову. О великодушная ложь! была ли на землѣ такая правда, которую можно было бы предпочесть тебѣ? Смутился тиранъ, и противъ своего обыкновенія не пришелъ въ внезапную ярость. „Я хочу знать, сказалъ онъ, кто научилъ тебя и кто былъ твоимъ сообщникомъ?“

XXIII.

„Я не хотѣла никого сдѣлать сообщникомъ своей славы, отвѣчаетъ она: одна знала о томъ, сама себя научила и сама все исполнила“.—„Такъ на тебя одну, прерываетъ паша, и обрушится мой гнѣвъ“. — „И совершенно справедливо, продолжаетъ она: мною былъ совершенъ доблестный подвигъ, и мнѣ одной слѣдуетъ подвергнуться мукамъ“.

XXIV.

Тогда тиранъ началъ выходить изъ себя: „Куда ты скрыла то изображеніе?“ воскликнулъ онъ. „Я его не скрывала, но сожгла, и такой поступокъ считала добрымъ подвигомъ: по крайней мѣрѣ теперь оно не будетъ осквернено рукою нечестивыхъ. Скажи мнѣ, государь, чего ты хочешь: похищеннаго или похитившаго? перваго ты никогда не увидишь, послѣдній же стоитъ предъ тобою.

XXV.

„Впрочемъ, это не воровство, и я не крала: справедливо взять назадъ то, что было похищено неправдой“. При этихъ словахъ, тиранъ задрожалъ отъ ярости и воспылалъ страшнымъ гнѣвомъ. Нѣтъ больше пощады ни стыдливому сердцу, ни возвышенному уму, ни благородному лику; напрасно Любовь дѣлаетъ изъ ея небесной красоты щитъ противъ лютой свирѣпости Аладдина.

XXVI.

Взяли прекрасную дѣву, и жестокій паша осуждаетъ ее къ смерти на кострѣ. Съ нея сорваны покрывало и одежда; руки отягчены цѣпями. Но она молчитъ; только твердая грудь ея по временамъ трепещетъ и прекрасное лицо покрывается не блѣдностью, но блескомъ.

XXVII.

Слухъ о такомъ великомъ событіи разносится повсюду, и народъ начинаетъ стекаться. Является и Олиндъ. Онъ видитъ, что приготовляется казнь, но не знаетъ—чья, и приходитъ къ послѣдней минутѣ жизни своей возлюбленной. Узнавъ, что прекрасная узница не только обвинена, но и осуждена на смерть, увидѣвъ, что исполнители жестокаго повелѣнія готовы уже приступить къ самой казни, онъ началъ въ безпамятствѣ расталкивать народъ.

XXVIII.

И говоритъ пашѣ: „Не она, не она похитительница! напрасно она тѣмъ тщеславится; такого подвига не могла ни замыслить, ни отважиться, ни исполнить слабая женщина. Какимъ образомъ она обманула стражей, какимъ средствомъ успѣла похитить святое изображеніе Дѣвы? Если она все это совершила, то пусть объяснитъ. Государь! я былъ похитителемъ“. Такъ сильно любилъ онъ ту, которая его не любила.

XXIX.

Затѣмъ онъ продолжалъ: „Я совершилъ свой замыселъ ночью, проникнувъ непроходимыми стезями, съ той стороны, гдѣ въ вашей мечети сдѣлано отверстіе для свѣта и воздуха. Честь подвига принадлежитъ мнѣ, мнѣ же и смерть. Пусть не похищаетъ у меня эта дѣва моихъ страданій; ея цѣпи—мои; пламень зажженъ для меня и для меня изготовленъ костеръ“.

XXX.

Софронія поднимаетъ голову и смотритъ на него съ состраданіемъ. „Зачѣмъ ты пришелъ сюда, невинный и злосчастный? Какая мысль или какое помѣшательство ума привели тебя на это мѣсто? Или безъ тебя я не въ состояніи противиться всей ярости человѣческаго гнѣва? Моя грудь съумѣетъ умереть одна и не ищетъ себѣ товарища“.

XXXI.

Такъ говоритъ она своему обожателю, но не можетъ заставить его отказаться отъ своихъ словъ или перемѣнить намѣреніе. О великое зрѣлище, на которомъ состязались любовь и великодушіе, и гдѣ побѣдитель награждался смертью, а побѣжденному въ наказаніе предоставлялась жизнь! Но паша раздражается тѣмъ болѣе, чѣмъ упорнѣе они обвиняютъ другъ друга.

XXXII.

Онъ считаетъ себя оскорбленнымъ и думаетъ, что они презираютъ муки изъ презрѣнія къ нему. „Повѣримъ обоимъ, восклицаетъ онъ: пусть оба правы, и пусть оба увѣнчаются одинаково достойною ихъ пальмой“. Сказавъ такъ, онъ указалъ на юношу, и слуги немедленно налагаютъ на него оковы. Ихъ привязываютъ къ одному и тому же столбу, спиною вмѣстѣ, а лицами врозь.

Въ слѣдующихъ строфахъ (XXXIII — XXXVI) поэтъ приводитъ сѣтованіе Олинда на то, что костеръ замѣняетъ имъ брачное ложе, и вмѣстѣ выраженіе его радости при мысли, что онъ погибаетъ вмѣстѣ съ своею возлюбленною.

XXXVII.

Жалобы Олинда исторгли слезы даже у невѣрныхъ; а вѣрные плакали втихомолку. Состраданіе овладѣваетъ жестокосердою душою са-

мого Аладдина; но его раздражало такое чувство: не желая умилосердиться, онъ отвернулся и ушелъ. Одна ты, Софронія, не печалишься, среди общей печали, и, оплакиваемая всѣми, не плачешь.

XXXVIII.

Между тѣмъ какъ они находились въ такой опасности, является воинъ—такимъ по крайней мѣрѣ онъ казался—высокаго званія и достоинства; судя по одеждѣ и вооруженію, онъ былъ чужестранецъ, прибывшій изъ далекой страны. Тигръ, изображенный на его шлемѣ, привлекаетъ къ себѣ взоры всѣхъ; это знаменитое отличіе носила въ военное время Клоринда; всѣ потому думаютъ, что это она, и не ошибаются.

XXXIX.

Она съ юныхъ лѣтъ презирала всѣ женскія занятія и привычки; ея гордая рука не касалась работъ Арахны, иглы, веретена; она избѣгала мягкихъ одеждъ и тѣсноты жилища; честь можно охранять и въ полѣ; выраженіе ея лица было гордо и сурово, но и въ своей суровости восхищало.

XL.

Еще дѣтскою рукою она могла уже обуздывать и укрощать ретивость коня; носила мечъ и копье, и въ игрищахъ и борьбѣ укрѣпила свое тѣло и сообщила ему гибкость и ловкость. Гонялась по горамъ и лѣсамъ за хищными медвѣдями и львами. Являлась на битвы, и въ битвахъ, какъ и въ лѣсахъ, человѣку казалась звѣремъ, а звѣрю человѣкомъ.

XLI.

Она прибыла изъ страны Персидской съ намѣреніемъ стать противъ христіанъ; еще и прежде она устилала землю ихъ членами и кровью ихъ обагряла воду. Въѣзжая въ городъ, она увидѣла предъ собою приготовленіе къ казни. Желая разузнать, за что осуждены преступники, она пускаетъ своего коня впередъ.

XLII.

Толпа раздалась; всадникъ остановился посмотрѣть вблизи на двухъ вмѣстѣ связанныхъ узниковъ. И видитъ она, что дѣва молчитъ, а юноша стонетъ; слабый полъ обнаруживаетъ бо̀льшую твердость. И видитъ она юношу въ слезахъ, не отъ чувства боли, но отъ состраданія, и не къ самому себѣ, а къ другому. Дѣва же устремила глаза къ небу и казалась восхищенною отъ земли прежде смерти.

XLIII.

Клоринда сжалилась и, изъ сожалѣнія къ нимъ обоимъ, пролила слезы; но она больше печалится о той, которая сама не печалилась.

и болѣе сожалѣетъ молчащую дѣву, нежели плачущаго юношу. Тогда она обратилась къ стоявшему подлѣ нея сѣдовласому старцу и спросила его: „Скажи мнѣ, кто эти узники и за что ихъ осудили на смерть?“

XLIV.

Такъ спрашивала Клоринда, и старецъ отвѣчалъ ей коротко и ясно на ея вопросъ; услышавъ его разсказъ, она изумляется и видитъ, что они оба невинны. Тогда ей пришло на мысль избавить ихъ отъ смерти просьбою или силою. Она подходитъ къ костру, начинавшему уже пылать, приказываетъ потушить огонь и говоритъ слугамъ:

XLV.

„Не смѣйте исполнять приказаннаго вамъ, пока я не переговорю съ пашею; будьте увѣрены, что онъ не обвинитъ васъ за промедленіе“. Слуги повинуются изъ уваженія къ одному ея величественному виду. Она же спѣшитъ къ Аладдину и встрѣчаетъ его на пути.

XLVI.

„Я—Клоринда, объявляетъ она; можетъ быть, ты слыхалъ мое имя; я пришла сюда защищать вмѣстѣ съ тобою, государь, общую нашу вѣру и твою страну. Прикажи, я готова на всякій подвигъ: грозныхъ я не боюсь, смиренныхъ не оскорбляю. Захочешь ли ты воспользоваться моею силою въ стѣнахъ города или въ открытомъ полѣ, я не откажусь ни отъ чего“.

XLVII.

Смолкла Клоринда, и паша отвѣчалъ ей: „Гдѣ есть такая далекая отъ Азіи или отъ солнца страна, до которой не достигла бы слава твоего имени, о знаменитая дѣва?! Отнынѣ, когда твой мечъ соединяется съ моимъ, я не боюсь никакой опасности. Цѣлая армія, присоединившаяся къ моимъ войскамъ, не могла бы меня столько обрадовать и успокоить.

XLVIII.

„Мнѣ кажется, я желалъ бы теперь даже ускорить медленное шествіе Готфрида. Ты просишь меня употребить въ дѣло твои силы; я считаю тебя достойною однихъ только важныхъ и трудныхъ порученій. Вручаю жезлъ власти надъ моимъ войскомъ,—воля твоя да будетъ ихъ закономъ“. Такъ онъ сказалъ; Клоринда благодаритъ его за честь и снова обращается къ нему:

XLIX.

„Тебѣ покажется страннымъ, что я желаю получить награду прежде заслугъ; но я разсчитываю на твою снисходительность. Награди меня за будущую службу освобожденіемъ тѣхъ двухъ преступниковъ: отдай мнѣ ихъ въ даръ. Вина ихъ не доказана, и приговоръ безжалостенъ;

впрочемъ я не говорю ни объ этомъ, ни о другомъ, что̀ служитъ къ ихъ оправданію.

L.

„Скажу одно: здѣсь всѣ убѣждены, что образъ былъ похищенъ христіанами; но я думаю о томъ иначе, и имѣю на то не маловажную причину. Кудесникъ (il mago) далъ совѣтъ, противный нашему закону: не прилично въ нашихъ храмахъ помѣщать идолы, и притомъ чуждые намъ идолы.

LI.

„Итакъ, я приписываю Магомету (Macon) все это чудо: это сдѣлалъ онъ, чтобы показать, что храмы его не слѣдуетъ осквернять новою религіей. Пусть Исменъ кудесничаетъ, сколько ему угодно: его дѣло, вмѣсто оружія, употреблять волшебство; но мы, рыцари (cavalieri), работаемъ мечемъ: въ немъ все наше искусство, и на него одного мы возлагаемъ наши надежды“.

LII.

Сказавъ это, она умолкла. Хотя паша въ гнѣвѣ не легко склоняется на милость, но изъ угожденія Клориндѣ соглашается, убѣжденный и ея доказательствами, и настойчивостью просьбы. „Да будетъ возвращена имъ, повелѣваетъ онъ, и жизнь, и свобода; такому ходатаю не можетъ быть отказа ни въ чемъ. Правосудіе ли это съ моей стороны, или прощеніе, но, во всякомъ случаѣ, невинны они, я ихъ оправдываю, виновны—прощаю“.

LIII.

Такъ сняли съ нихъ оковы. Жребій Олинда былъ счастливъ: ему представился, наконецъ, случай показать то, что̀ должно было возбудить любовь признательнаго сердца. Они идутъ съ костра къ бракосочетанію, и при этомъ не только преступникъ превращается въ жениха, но и влюбленный въ любимаго. Софронія соглашается жить съ нимъ вмѣстѣ, если нельзя было вмѣстѣ умереть.

LIV.

Но подозрительный паша считаетъ опаснымъ для власти имѣть такъ близко отъ себя двѣ добродѣтели, соединившіяся въ одно; по его приказанію, они оба изгоняются изъ Палестины. Много и другихъ вѣрныхъ были изгнаны въ ссылку, по его жестокому повелѣнію. О, съ какою грустью они покидаютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, посѣдѣлыхъ отцовъ и сладкое домашнее ложе!

LV.

Прискорбна разлука! Паша изгоняетъ только крѣпкихъ тѣломъ и твердыхъ умомъ; слабый же полъ и нѣжный возрастъ удержаны въ

видѣ залога. Многіе отправились скитаться; но другіе вооружились противъ паши, побуждаемые къ тому болѣе ненавистью, нежели страхомъ. Эти послѣдніе присоединились къ франкамъ, встрѣтившись съ ними въ то самое время, когда они входили въ Эмаусъ.

LVI.

Эмаусъ — городъ, лежащій въ недальнемъ разстояніи отъ царственнаго Іерусалима; идя тихо и выйдя изъ Эмауса утромъ, можно придти въ Іерусалимъ въ девятомъ часу дня (т. е. около девяти часовъ пути). О, какъ было пріятно франкамъ услышать все это! Какъ еще болѣе чрезъ то увеличивалось и возрастало ихъ нетерпѣніе. Но главный вождь (il capitan, т.-е. Готфридъ), замѣтивъ, что солнце перешло за полдень, велѣлъ разбить палатки.

LVII.

Палатки разбиты, и уже пылающее дневное свѣтило было готово погрузиться въ океанъ, какъ внезапно явились въ лагерь два знаменитые мужа (baroni) въ странной одеждѣ и необыкновенной наружности. Судя по внѣшнимъ признакамъ, они имѣли мирную цѣль и шли къ главному вождю. Это были послы великаго султана (del gran re) Египта, сопровождаемые многочисленными всадниками и прислугою.

Въ послѣдующихъ строфахъ (LVIII—XCVII), до конца пѣсни, поэтъ переноситъ потому сцену дѣйствія въ лагерь христіанъ: къ Готфриду являются послы изъ Египта, Алетъ, хитрый, искусный, и черкесъ (il circasso) Аргантъ, гордый, высокомѣрный; первый въ длинной рѣчи предлагаетъ христіанамъ миръ, но Аргантъ, загнувъ полу плаща, спросилъ коротко: „война или миръ?“ Готфридъ избираетъ войну, и послы возвращаются: Алетъ идетъ съ донесеніемъ въ Египетъ, а Аргантъ остается въ Іерусалимѣ и играетъ первую роль въ защитѣ города.

Третья пѣсня.

Въ первыхъ 12 главахъ поэтъ описываетъ, какъ христіане подошли къ Іерусалиму, говоритъ о ихъ восторгѣ, процессіи около стѣнъ, молитвѣ, и съ другой стороны рисуетъ отчаяніе осажденныхъ, ихъ приготовленіе къ вылазкѣ; Аладдинъ удаляется на одно изъ возвышеній и беретъ съ собою Эрминію, дочь Антіохійскаго паши Кассана, убитаго христіанами при взятіи Антіохіи. Затѣмъ начинается описаніе первой вылазки.

XIII.

Вмѣстѣ съ другими выходитъ на встрѣчу франкамъ и Клоринда; множество слѣдуетъ за нею, она идетъ впереди всѣхъ. Съ другой стороны, въ потаенномъ проходѣ, стоитъ Аргантъ, готовый къ оборонѣ. Отважная воительница ободряетъ своихъ сподвижниковъ и неустрашимымъ видомъ, и словами. „Намъ, говоритъ она, предстоитъ сегодня храбрымъ подвигомъ положить начало свободѣ Азіи“.

XIV.

Говоря такъ, она видитъ вблизи толпу франковъ, высланныхъ впередъ на добычу: они гонятъ въ лагерь стада. Клоринда бросилась на нихъ, и ихъ предводитель, видя то, пустился на встрѣчу ей; имя ему было Гардъ, вождь могучій, но не настолько, чтобы противостоять Клориндѣ.

XV.

При первомъ ударѣ, Гардъ былъ низвергнутъ, на глазахъ франковъ и язычниковъ, и послѣдніе радостно закричали, принимая этотъ подвигъ за счастливое предзнаменованіе; но ихъ надежда не сбылась. Клоринда несется на другихъ, и рукою, сильнѣйшею ста рукъ, поражаетъ ихъ и низлагаетъ. Воины ея слѣдуютъ за нею; она же мечемъ пролагаетъ имъ дорогу и ниспровергаетъ всѣ преграды.

XVI.

Вскорѣ тѣ, которые пріобрѣли добычу, потеряли ее; христіане мало-по-малу уступаютъ Клориндѣ и удаляются на вершину холма, гдѣ мѣстность можетъ помогать оружію. Тогда храбрый Танкредъ, подобно вихрю, слетѣвшему съ облаковъ огненною полосою, получивъ приказаніе отъ Готфрида, схватилъ копье и полетѣлъ съ своимъ отрядомъ.

XVII.

Этотъ юный витязь, грозный и вмѣстѣ прекрасный, несъ свое огромное копье съ такою легкостью, что паша, стоя наверху башни, принялъ его за лучшаго всадника изъ лучшихъ. Потому онъ и спросилъ сидѣвшую съ нимъ Эрминію и ощущавшую въ сердцѣ своемъ трепетъ: „Ты много обращалась съ христіанами и должна знать каждаго изъ нихъ даже и подъ забраломъ.

XVIII.

„Кто это такъ смѣло и гордо скачетъ на конѣ?“ Вмѣсто отвѣта, у нея сперлось въ груди дыханіе и на глазахъ навернулись слезы. Она старалась удержать ихъ, но онѣ незамѣтно прокатились по вспыхнувшему ея лицу, и тяжелый вздохъ вырвался изъ ея сердца.

XIX.

Послѣ, притворно скрывая подъ ненавистью иную страсть, она сказала: „Увы! я знаю его и имѣю важную причину печалиться. Часто видала я, какъ онъ наполнялъ кровью моихъ соотечественниковъ рвы и напоялъ ею поля. О, какъ онъ жестоко поражаетъ! Рана, нанесенная имъ, не можетъ быть исцѣлена ни травою, ни волшебствомъ.

XX.

„Это — князь Танкредъ! О, еслибы онъ когда-нибудь попался мнѣ въ плѣнъ! Я не желаю ему смерти, чтобы онъ могъ достаться

мнѣ живымъ для насыщенія моего сердца сладкою местью!“ Такъ говорила Эрминія; паша не понялъ настоящаго смысла ея словъ, но она не могла удержать вздоха, говоря послѣднее слово.

XXI.

Между тѣмъ Клоринда, поднявъ копье, летитъ на встрѣчу несущемуся на нее Танкреду; сшиблись, и древки ихъ копій, разломившись на куски, полетѣли на воздухъ. Голова Клоринды обнажилась; удивительный ударъ, сорвавъ чешую шлема, сбросилъ его на землю: златыя кудри распускаются по вѣтру, и въ образѣ рыцаря является дѣва.

XXII.

Загорѣлись глаза, засверкали взоры, прелестные и въ минуту гнѣва; каковы бы они были при улыбкѣ! Танкредъ, что́ ты задумался, на кого такъ пристально смотришь? Или ты не узнаешь любезнаго тебѣ облика? предъ тобою та самая, къ которой ты пылаешь; сердце твое скажетъ тебѣ, гдѣ начертанъ ея образъ; это та самая, которую ты видѣлъ, какъ она умывалась въ ручьѣ.

XXIII.

Онъ не разсмотрѣлъ прежде ея шлема и расписаннаго щита; но теперь, замѣтивъ ихъ, оцѣпенѣлъ. Она же, прикрывъ свою голову, какъ только могла, бросилась на него; онъ отступаетъ, скачетъ за другими и на другихъ обращаетъ свой пагубный мечъ. Клоринда, кипя гнѣвомъ, преслѣдуетъ его; „вернись!“ восклицаетъ она, и стремится однимъ ударомъ нанести ему двѣ смерти.

XXIV.

Претерпѣвая пораженіе, Танкредъ не старается отражать его, и не столько заботится о томъ, чтобы защитить себя отъ желѣза, сколько устремляетъ свой взоръ на прелестныя ея уста и очи, изъ которыхъ Любовь поражаетъ неотразимыми стрѣлами. Удары ея руки, говоритъ Танкредъ самому себѣ, остаются часто безвредны; но ни одна стрѣла ея очей не пролетитъ мимо, и каждая вонзается въ сердце.

XXV.

Наконецъ, онъ рѣшается, хотя и безъ надежды на состраданіе, открыть ей тайну своего чувства, чтобы не умереть, не высказавъ ея. Онъ желаетъ дать ей знать, что она убиваетъ своего плѣнника, слабаго, уничиженнаго, безпомощнаго. Танкредъ говоритъ ей: „Ты, кажется, ко мнѣ одному изъ всего воинства питаешь вражду: удалимся отсюда и вступимъ въ битву одинъ-на-одинъ.

XXVI.

„Тогда мы увидимъ, равняется ли твоя сила моей“. Она принимаетъ вызовъ, и, не смотря на то, что оставалась безъ шлема, ска-

четъ гордо; Танкредъ же слѣдуетъ за нею уныло. Наконецъ, она остановилась, готовая къ битвѣ, и начала поражать. „Остановись! закричалъ Танкредъ: прежде, нежели станемъ биться, условимся о самой битвѣ“.

XXVII.

Клоринда остановилась, и Танкредъ, благодаря силѣ любви, превратился изъ робкаго въ смѣлаго; онъ говоритъ ей: „Мое условіе состоитъ въ томъ, чтобы ты, если не желаешь мира, исторгнула изъ меня сердце. Оно не мое больше, оно твое; если ты не желаешь, чтобы оно воздыхало, оно охотно погибнетъ. Это сердце давно уже твое; пора тебѣ исторгнуть его изъ моего тѣла, и я не долженъ тому сопротивляться.

XXVIII.

„Смотри, я опустилъ руку и подставляю тебѣ беззащитную грудь. Почему же ты не пронзаешь? Или ты хочешь, чтобы я облегчилъ твой трудъ? Я сейчасъ сниму броню и обнажу передъ тобою сердце“. Злосчастный Танкредъ, вѣроятно, продолжалъ бы печальное сѣтованіе, но стремительныя толпы бившихся христіанъ съ язычниками помѣшали ему.

XXIX.

Палестинцы, гонимые христіанскими отрядами, отступали, или по страху, или имѣя какой-нибудь умыселъ. Одинъ изъ преслѣдовавшихъ, человѣкъ съ жестокимъ сердцемъ, видя развѣвающіяся кудри Клоринды и мчась сзади, поднялъ мечъ съ намѣреніемъ ударить ее въ тылъ; но Танкредъ, успѣвъ замѣтить то, закричалъ и мечемъ своимъ отклонилъ ударъ.

XXX.

Впрочемъ ударъ не остался безъ послѣдствій и ранилъ бѣлую шею красавицы. Рана была ничтожна, и свѣтлыя кудри, окропленныя кровью, походили на золото, осыпанное рубинами рукою искуснаго художника. Танкредъ, поднявъ мечъ, съ гнѣвомъ кинулся на преступника.

XXXI.

Противникъ ускакалъ, и раздраженный витязь помчался вслѣдъ за нимъ; оба летятъ, какъ изъ лука стрѣла. Клоринда остается на мѣстѣ, видитъ, какъ они удаляются, и все гонится за ними; слѣдуя за своими, она идетъ на франковъ, и то нападаетъ на нихъ, то отъ нихъ убѣгаетъ; снова бросается и снова отступаетъ, такъ что нельзя сказать, бѣжитъ ли она, или преслѣдуетъ.

XXXII.

Такъ могучій волъ въ широкой оградѣ противопоставляетъ рога устремляющимся на него псамъ, и они отъ него бросаются въ сто-

рону, и снова смѣло нападаютъ, когда онъ ударится въ бѣгство. Клоринда, отступая назадъ, держитъ за собою огромный щитъ, который прикрываетъ ея голову; подобно тому, въ своихъ играхъ, мавры укрываются на бѣгу отъ пущенныхъ вслѣдъ за ними мячей изъ праща.

XXXIII.

Такимъ образомъ, одни гнали, другіе спасались бѣгствомъ, и всѣ приблизились къ высокимъ городскимъ воротамъ; но вдругъ язычники, поднявъ страшный крикъ, обращаются на преслѣдовавшихъ, обходятъ ихъ и поражаютъ съ тыла и съ боковъ. Между тѣмъ и Аргантъ спускается съ горы, чтобы напасть на христіанъ съ фронта.

Въ послѣдующихъ строфахъ (XXXIV—LXXVI), до конца пѣсни, поэтъ рисуетъ другую картину: мусульмане поражаютъ христіанъ и заставляютъ ихъ отступать въ окопы своего лагеря; въ числѣ жертвъ Арганта палъ Дудо, предводитель отряда волонтеровъ, и пѣсня оканчивается описаніемъ его погребенія.

Четвертая и *пятая* пѣсни описываютъ дальнѣйшія приключенія въ лагерѣ христіанъ; поэтъ начинаетъ картиною ада, въ которомъ духи тьмы составляютъ заговоръ противъ крестоносцевъ и избираютъ своимъ орудіемъ султана Дамаска, чародѣя; по внушенію діавола, онъ подсылаетъ въ лагерь христіанъ свою дочь, первую красавицу въ мірѣ, Армиду, съ тѣмъ чтобы она посѣяла раздоры между ними; ея усилія увѣнчаны успѣхомъ: Ринальдо въ ссорѣ умерщвляетъ Норвежскаго князя Гернандо и бѣжитъ въ Антіохію; она выдумываетъ цѣлую сказку, прося у Готфрида помощи противъ своихъ мнимыхъ притѣснителей; Готфридъ вынужденъ дать ей 10 лучшихъ витязей по жребію; другіе же, увлеченные ея красотою, и въ томъ числѣ братъ Готфрида, Евстафій, бѣгутъ за нею ночью изъ лагеря: силы христіанъ значительно уменьшились.

Въ *шестой* и *седьмой* пѣсняхъ дѣйствіе происходитъ то въ Іерусалимѣ, то въ станѣ христіанъ: Аладдинъ не желаетъ вступить въ рѣшительную битву, поджидая Солимана, Иконійскаго султана, но Аргантъ требуетъ сраженія, и, не получивъ согласія, самъ лично вызываетъ христіанъ на поединокъ; слѣдуетъ битва его съ Танкредомъ: оба противника ранены, и ночь разлучаетъ ихъ; Эрминія, узнавъ о ранахъ Танкреда, похищаетъ у Клоринды ея вооруженіе и идетъ въ станъ франковъ навѣстить больного; но стражи принимаютъ ее за Клоринду, преслѣдуютъ ее, и она едва успѣваетъ спастись въ хижинѣ пастуха, который нѣкогда былъ въ Египтѣ. Танкредъ, узнавъ объ участи Эрминіи, отправляется отыскивать ее, но попадаетъ въ за̀мокъ Армиды, гдѣ встрѣчается съ однимъ изъ христіанскихъ рыцарей, Рембо, принявшимъ изъ любви къ чародѣйкѣ вѣру Магомета. Танкредъ бьется съ нимъ, но противникъ убѣгаетъ, ворота очарованнаго за̀мка запираются, и Танкредъ въ плѣну у Армиды. Между тѣмъ поправившійся отъ ранъ Аргантъ вызываетъ вторично Танкреда; за его отсутствіемъ выступилъ Раймундъ Тулузскій; измѣнническій поступокъ мусульманъ заставляетъ христіанъ взяться за оружіе; поединокъ обращается въ общую сѣчу; буря съ дождемъ вредитъ первому успѣху христіанъ, и противники расходятся по своимъ лагерямъ.

Восьмая и *девятая* пѣсни выводятъ снова на сцену адъ: злые духи по-

селяютъ раздоръ въ лагерѣ христіанъ слухомъ о смерти Ринальдо; всѣ возстаютъ противъ Готфрида, осудившаго его на изгнаніе, но Готфридъ укрощаетъ народъ; тогда тѣ же духи побуждаютъ Солимана Иконійскаго напасть съ тыла на христіанъ, пользуясь отсутствіемъ лучшихъ витязей; Аргантъ дѣлаетъ въ то же время вылазку; христіане поколебались, но Богъ посылаетъ архангела Михаила укротить адъ; а турки, предоставленные собственнымъ силамъ, разбиты: Аргантъ и Клоринда запираются въ городѣ, и Солиманъ убѣгаетъ.

Въ *десятой* пѣснѣ разсказано бѣгство Солимана въ Египетъ; но Исменъ является къ нему на дорогѣ, уноситъ съ собою на воздушной колесницѣ и ставитъ неожиданно въ Іерусалимѣ посреди совѣта Аладдина, гдѣ Аргантъ осмѣивалъ Солимана, не зная о его невидимомъ присутствіи. Другая половина этой пѣсни представляетъ происходившее въ лагерѣ христіанъ: во время послѣдней битвы подоспѣли очарованные Армидою ея обожатели; они разсказываютъ Готфриду о чудесахъ зáмка Армиды и ея садовъ, какъ ихъ сковали вмѣстѣ съ Танкредомъ и какъ Ринальдо освободилъ ихъ. При извѣстіи о томъ, что Ринальдо живъ, весь лагерь ликуетъ, и Петръ Пустынникъ проситъ Готфрида простить изгнаннику его преступленія. Готфридъ отвѣчаетъ молчаніемъ и проводитъ всю ночь въ размышленіи о томъ, какъ поступить.

Въ *одиннадцатой* и *двѣнадцатой* пѣсняхъ поэтъ описываетъ крестный ходъ около стѣнъ Іерусалима и рѣшительный приступъ христіанъ съ огромною машиною; но ночь остановила успѣхи христіанъ; тогда Аргантъ и Клоринда рѣшаются ночью проникнуть въ лагерь христіанъ и сжечь машину, ихъ предпріятіе удалось, но въ смятеніи предъ Клориндою заперлись городскія ворота. Танкредъ преслѣдуетъ ее и, не узнавъ, убиваетъ, успѣвъ, однако принести въ шлемѣ воды, чтобъ совершить надъ ней обрядъ крещенія. Погребеніе Клоринды, горе Танкреда и утѣшеніе его Петромъ Пустынникомъ составляютъ окончаніе двѣнадцатой пѣсни.

Тринадцатая пѣсня.

Въ первыхъ ея 16 строфахъ поэтъ говоритъ о мѣрахъ, которыя приняли мусульмане, чтобы лишить христіанъ возможности построить новую машину: близь Іерусалима находился непроходимый лѣсъ [1]), куда никто не смѣлъ войти; опасаясь, что франки покусятся достать оттуда дерево для машинъ, Исменъ идетъ туда и очаровываетъ лѣсъ, призывая себѣ на помощь злыхъ духовъ.

XVII.

Между тѣмъ благочестивый герцогъ Бульонскій не желаетъ дѣлать новаго приступа, пока не будетъ снова сооружена огромная бой-

---

[1]) Это такъ-называемый Саронскій лѣсъ; о немъ упоминаютъ Вильгельмъ Тирскій и Рауль Канскій; лѣсъ находился миляхъ въ 10 отъ Іерусалима, близь Наплузы, и чрезъ него проходила дорога изъ Птолемаиды въ Іерусалимъ. См. современное его описаніе въ мемуарахъ Польтра, участвовавшаго въ сирійскомъ походѣ Наполеона I (1799 г.); отрывокъ изъ нихъ помѣщенъ въ приложеніяхъ къ I тому „Исторіи крестовыхъ походовъ“ Мишо, № III.

ница и другія стѣнобитныя орудія. Съ этою цѣлью онъ и посылаетъ въ лѣсъ людей для срубки и доставки дерева. Рано утромъ рабочіе отправляются на мѣсто, но въ виду лѣса останавливаются, пораженные необыкновеннымъ страхомъ.

XVIII.

Такъ пугливый ребенокъ не смѣетъ направлять глазъ туда, гдѣ ему представляются призраки, и ужасается мрака ночи, населеннаго въ его воображеніи дьяволами и чудовищами; такъ и рабочіе приходятъ въ ужасъ, не зная причины своего страха и чувствуя только одно, что сердца ихъ встревожены болѣе нежели когда бы имъ привидѣлись безобразныя химеры и сфинксы.

XIX.

Всѣ бѣгутъ толпою назадъ и въ смущеніи и въ страхѣ разсказываютъ о видѣнномъ ими съ такими противорѣчіями и запутанностью, что всѣ надъ ними смѣются. Никто не вѣритъ ихъ словамъ о чудесныхъ явленіяхъ. Тогда Готфридъ посылаетъ вслѣдъ за ними отрядъ лучшихъ воиновъ, чтобы они сопровождали ихъ и внушили имъ смѣлость.

XX.

Приблизившись къ густому лѣсу, гдѣ обитали злые духи, всѣ почувствовали, при видѣ его мрака, холодъ, оледенившій ихъ сердца. Но они идутъ далѣе, скрывая постыдный страхъ подъ смѣлымъ выраженіемъ лица, и подходятъ такъ близко, что остается уже недалеко до очарованной черты.

XXI.

Тогда поднялся такой шумъ въ лѣсу, какъ будто бы въ одно время поколебалась земля, завыли вѣтры и застонали волны, ударяясь о скалы; слышалось и рыканіе львовъ, и ревъ медвѣдей, шипѣніе змѣй, вой волковъ, раскаты грома, трубные звуки, и все это сливалось въ одинъ гулъ.

XXII.

Всѣми овладѣлъ ужасъ: трясутся и блѣднѣютъ. Ни дисциплина, ни убѣжденія не могутъ внушить смѣлости, чтобы остановить ихъ или идти впередъ; все тщетно противъ тайнаго страха; наконецъ, христіане обращаются въ бѣгство, и одинъ изъ нихъ въ оправданіе своей робости говоритъ Готфриду:

XXIII.

„Государь, никто изъ насъ не осмѣлится вступить въ этотъ лѣсъ, охраняемый, по моему убѣжденію, какъ то я готовъ подтвердить клятвою, всѣми силами адскими. Кто можетъ безъ страха взглянуть на этотъ

лѣсъ, у того мѣдное сердце въ тройной алмазной оболочкѣ. Человѣческому сердцу невозможно внимать безъ ужаса, когда въ немъ поднимаются и громъ, и ревъ, и свистъ, и шипѣніе".

XXIV.

Такъ говорилъ воинъ. Его слово услышалъ случайно находившійся при этомъ Алькастъ (выдуманное лицо, предводитель швейцарцевъ), мужъ необыкновенной отваги, презиравшій и смертныхъ, и смерть, не боявшійся ни хищныхъ звѣрей, ни чудовищъ, ни бурь, ни грома, ни землетрясеній.

XXV.

Покачивая головой, онъ говорилъ со смѣхомъ: „Я пойду, куда этотъ не смѣетъ идти; я вырублю лѣсъ, гнѣздо призраковъ и видѣній. Всѣ эти призраки, шумъ и свистъ не помѣшаютъ мнѣ войти въ него, хотя бы мнѣ пришлось попасть въ адъ".

XXVI.

Такъ онъ хвалился предъ Готфридомъ, и, получа его согласіе, отправился въ путь. Приблизившись къ мѣсту, онъ смотритъ на мрачный лѣсъ, слышитъ поднявшійся въ немъ шумъ и ревъ; но не останавливаетъ дерзкихъ шаговъ и съ прежнею отвагою стремится вступить въ очарованные предѣлы; но вспыхнувшій предъ нимъ огонь противопоставляетъ ему преграду.

XXVII.

Огонь ростетъ, усиливается и, образуя собою стѣну, поднимаетъ вихремъ пламя и черный дымъ; весь лѣсъ окруженъ огнемъ, чтобы никто не дерзнулъ рубить его деревьевъ. Изъ поднимающагося пламени слагаются формы твердынь съ башнями, а пылающія горы новаго ада увѣнчиваются огнедышащими орудіями.

XXVIII.

Множество вооруженныхъ чудовищъ съ сверкающими зрачками стоятъ на стражѣ между зубцами башенъ: одни смотрятъ на него, перекосивъ глаза, другіе угрожаютъ ему, потрясая оружіемъ. Наконецъ; Алькастъ бѣжитъ, хотя и не торопится, какъ левъ, отступающій отъ охотниковъ; но все же бѣжитъ, и сердце его поражено невѣдомымъ для него страхомъ.

XXIX.

Сначала онъ самъ не сознавалъ своей робости: но, отойдя дальше, почувствовалъ, что его заставилъ удалиться страхъ; это его изумило и опечалило; жестокое раскаяніе грызло его сердце, и стыдъ, запылавшій въ немъ, направилъ его шаги въ сторону. Онъ не смѣлъ поднять на людей своихъ надменныхъ прежде взоровъ.

XXX.

Позванный Готфридомъ, онъ медленно идетъ, придумываетъ по дорогѣ извиненіе и не хочетъ приблизиться; но все же идетъ, тихо выступая, и, подойдя къ Готфриду, молчитъ или говоритъ, потупивъ взоры, коротко, какъ бы во снѣ. Готфридъ видитъ, что онъ подавленъ стыдомъ, и, догадываясь о его бѣгствѣ, молвитъ: „Что́ же теперь подумать? призраки ли то фантазіи, или чудеса природы?

XXXI.

„Но если найдется еще такой, въ комъ пылаетъ благородное стремленіе проникнуть въ тотъ лѣсъ, пусть онъ идетъ и сдѣлаетъ новую попытку; по крайней мѣрѣ мы получимъ отъ него самое подробное извѣстіе“. Такъ онъ сказалъ, и въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней храбрѣйшіе рыцари покушались проникнуть въ тотъ лѣсъ, но, устрашенные видѣніями, возвращались назадъ.

XXXII.

Между тѣмъ князь Танкредъ, похоронивъ Клоринду, началъ выходить, хотя былъ еще слабъ, блѣденъ и трудно было бы ему облечься въ шлемъ и броню. Но, видя крайность христіанъ и не отказываясь никогда отъ трудовъ и опасностей, онъ укрѣпляетъ свое тѣло бодростью духа и дѣлаетъ его твердымъ и крѣпкимъ.

XXXIII.

Дыша отвагою и предавшись весь своему намѣренію, онъ выходитъ изъ лагеря на невѣдомую опасность, скромно и тихо. Смотритъ безъ страха на ужасающій мракъ лѣса и не смущается ни отъ ударовъ грома, ни отъ шума и землетрясеній; однако чувствуетъ трепетъ въ груди, но все же преодолѣваетъ его и храбро входитъ въ предѣлы лѣса. Вдругъ предъ нимъ выростаетъ огненный городъ.

XXXIV.

Танкредъ останавливается и, придя въ сомнѣніе, разсуждаетъ самъ съ собою: „Къ чему тутъ оружіе? Неужели должно броситься въ пасть этихъ чудовищъ и въ нѣдра всепожирающаго пламени? Гдѣ требуютъ долгъ и честь, тамъ не слѣдуетъ щадить жизни, но здѣсь, жертвуя ею, безъ всякой пользы лишишься ея.

XXXV.

„Но что̀ скажутъ въ войскѣ, если я возвращусь безъ успѣха? Гдѣ оно найдетъ необходимое для себя дерево? Готфридъ не откажется отъ своихъ намѣреній безъ новыхъ попытокъ. А если кто-нибудь другой успѣетъ проникнуть!?...... Можетъ быть, это пылающее предъ моими глазами пламя болѣе грозно по виду, нежели на дѣлѣ?

Но пусть будетъ, что́ будетъ!“ Сказалъ и кинулся въ пламя. О, достопамятная отвага!

XXXVI.

Танкредъ не почувствовалъ на себѣ ни малѣйшаго вліянія жара отъ столь сильнаго пламени. Но еслибы то и былъ дѣйствительный огонь и чудовища, то все же онъ не замѣтилъ бы того, потому что всѣ призраки въ одно мгновеніе исчезли, лѣсъ покрылся густымъ мракомъ, сопровождавшимся ночью и холодомъ, которые вскорѣ разсѣялись.

XXXVII.

Танкредъ удивился, но не испыталъ ни малѣйшаго страха. Видя, что вокругъ воцарилось спокойствіе, онъ спокойно пошелъ осматривать всѣ исходы этого волшебнаго мѣста. Нѣтъ никакихъ привидѣній, ни препятствій; только густота лѣсной чащи мѣшаетъ свободно ходить и смотрѣть вдаль.

XXXVIII.

Наконецъ онъ встрѣчаетъ широкую площадку, въ видѣ полукруга; на ней нѣтъ ни одного дерева. а посрединѣ высится кичливый кипарисъ. Онъ подходитъ къ нему и, осматривая дерево, замѣчаетъ на стеблѣ какіе-то знаки, подобные тѣмъ, которые въ древности употреблялись вмѣсто письменъ въ таинственномъ Египтѣ.

XXXIX.

Между знаками неизвѣстными онъ видитъ надпись на знакомомъ ему сирійскомъ языкѣ: „О, ты, отважный воинъ, осмѣлившійся вступить въ обитель смерти! умоляю тебя, не будь столь жестокосердъ, какъ ты былъ храбръ. Не возмущай спокойствія этой таинственной обители; пощади души усопшихъ; живому не слѣдуетъ воевать съ мертвымъ“.

XL.

Такъ говорила надпись. Танкредъ задумался, стараясь проникнуть въ смыслъ ея изреченія. Между тѣмъ вѣтеръ неумолчно шумитъ по листьямъ и вѣтвямъ, извлекая изъ нихъ звуки, подобные человѣческимъ вздохамъ и стонамъ и наполняющіе сердце жалостью, страхомъ и грустью.

XLI.

Наконецъ Танкредъ извлекаетъ мечъ и съ страшною силою поражаетъ высокое дерево. О, изумленіе! изъ коры полилась кровь и обагрила землю. Танкредъ въ ужасѣ, но онъ повторяетъ удары и хочетъ знать, чѣмъ это можетъ кончиться. Тогда послышался жалобный и невнятный стонъ, выходившій какъ бы изъ гроба.

XLII.

Стонъ дѣлается яснѣе и слышатся слова: „О, Танкредъ, ты и безъ того довольно меня оскорбилъ; довольствуйся тѣмъ, что ты изгналъ меня изъ пріятнаго жилища, изъ тѣла, которое жило мною и со мною. За что̀ теперь ты рубишь дерево, съ которымъ меня соединила жестокая судьба? О, неумолимый! неужели ты преслѣдуешь своихъ соперниковъ и въ гробѣ?

XLIII.

„Я была Клоринда; и не одна я обитаю въ стволахъ этихъ грубыхъ деревьевъ: и франки, и сарацины, тѣла которыхъ легли при высокихъ стѣнахъ, какимъ-то волшебствомъ удерживаются въ этихъ мѣстахъ—не знаю сказать—какъ въ гробѣ или какъ въ тѣлѣ; но листья и вѣтви дерева одарены чувствомъ жизни, и, рубя дерево, ты становишься убійцею".

XLIV.

Больной, когда въ бреду увидитъ дракона или химеру, пышащую огнемъ, хотя и знаетъ, что это не дѣйствительность, но обманчивое привидѣніе, однако старается удалиться: столь великій страхъ наводитъ на него собственное его воображеніе; точно также и въ Танкредѣ вспыхнувшая любовь не вѣритъ обману, однако сердце его трепещетъ и уступаетъ.

XLV.

Разнообразныя страсти волнуютъ душу его; холодъ проходитъ по членамъ, и мечъ выпадаетъ изъ рукъ; но меньше всего онъ чувствуетъ страхъ. Онъ идетъ, не помня себя, и только видитъ предъ собою одну плачущую и рыдающую Клоринду: не можетъ онъ ни перенести ея вздоховъ, ни смотрѣть на ея текущую кровь.

XLVI.

Такъ это непоколебимое и не возмущаемое даже образомъ смерти сердце, но слабое предъ любовью, было обмануто привидѣніями и ложными жалобами. Между тѣмъ страшный вихрь, подхвативъ уроненный мечъ, отбросилъ его изъ лѣса. Побѣжденный Танкредъ пошелъ дальше и, найдя мечъ на дорогѣ, снова подпоясалъ его.

XLVII.

Однако онъ не возвращался болѣе и не осмѣлился вторично изслѣдовать причины; придя къ Готфриду и утишивъ смятеніе своей души, онъ сказалъ ему: „Государь, я являюсь къ тебѣ вѣстникомъ событій, которымъ не вѣрятъ и трудно повѣрить. Все, что̀ говорятъ о тѣхъ ужасахъ, совершенно справедливо.

XLVIII.

„Чудесное пламя, возникшее предо мною, выросло какъ стѣна и освѣтило вооруженныхъ къ защитѣ ея чудовищъ. Но я вступилъ въ него, и не былъ обожженъ, ни встрѣтилъ сопротивленія. Наступила ночь и холодъ, но ихъ вскорѣ замѣнили свѣтъ и теплота.

XLIX.

„Скажу еще: деревья въ этомъ лѣсу, заключая въ себѣ человѣческія души, имѣютъ чувство и говорятъ; я былъ самъ свидѣтелемъ тому, и слышалъ голосъ, который до сихъ поръ жалобно отдается въ моемъ сердцѣ. Изъ каждой раны текла кровь, какъ изъ живого тѣла. Нѣтъ, нѣтъ! я не могъ ни дотронуться до ихъ коры, ни рубить вѣтвей, и признаю себя побѣжденнымъ“.

L.

Такъ говорилъ Танкредъ. Готфридъ, волнуемый сомнѣніемъ, погрузился въ раздумье: онъ не зналъ, идти ли ему самому уничтожить тѣ чары, или послать въ другія, болѣе отдаленныя мѣста для отысканія необходимаго для него дерева.

Послѣднія строфы этой пѣсни (LI—LXXX) внезапно переходятъ къ описанію наступившихъ жаровъ, которые лишили войско воды и произвели въ немъ ропотъ; по молитвѣ Готфрида, на небѣ показались облака, пошелъ проливной дождь и ручьи выступили изъ береговъ.

Слѣдующія пѣсни (XIV—XX), до конца поэмы, почти исключительно посвящены Ринальдо и Армидѣ: любимый герой нашего поэта разрушаетъ чары этой волшебницы, самъ плѣняетъ ее; получаетъ прощеніе отъ Готфрида; вторгается въ очарованный лѣсъ и достаетъ дерева для постройки машинъ; потомъ, отличается при послѣднемъ штурмѣ Іерусалима, когда Танкредъ умертвилъ Арганта и самъ былъ тяжко раненъ; но поэтъ не описываетъ самаго взятія Іерусалима, и въ послѣдней строфѣ говоритъ коротко, что „Готфридъ побѣдилъ и, не снимая съ себя окровавленной одежды, пошелъ прямо въ храмъ Спасителя повѣсить оружіе и поклониться великому Гробу христову“.

Торквато Тассо.
La Gerusalemme liberata, въ XX пѣсняхъ.

Торквато Тассо, сынъ Бернарда Тассо, замѣчательнаго поэта, котораго имя ставили рядомъ съ Петраркой и Аріостомъ, родился въ Салерно, 1544 года. Его отецъ, замѣшанный въ политическое дѣло, принужденъ былъ бѣжать изъ Италіи во Францію, и только чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ Италію. Между тѣмъ его сынъ, получивъ первоначальное воспитаніе въ іезуитской школѣ въ Неаполѣ, перешелъ впослѣдствіи въ Падуанскій университетъ и занимался юридическими науками; но, не смотря на противодѣйствіе отца, наклонность къ литературѣ одержала верхъ въ молодомъ Тассо; пер-

вая его поэма „Ринальдо“ доставила ему рано громкую извѣстность, и уже въ 18 лѣтъ онъ задумалъ планъ будущей колоссальной поэмы: „Освобожденный Іерусалимъ“. Первыя ея шесть пѣсенъ обратили на поэта вниманіе кардинала д'Эсте, брата герцога Феррарскаго, Альфонса II, и чрезъ него Торквато былъ призванъ ко двору. Сестры герцога, Лукреція и Леонора, изъ которыхъ одной было 31 годъ, а другой 30, приняли 20-ти-лѣтняго поэта подъ свое покровительство. Въ 1575 году Тассо окончилъ совершенно „Освобожденный Іерусалимъ“. Но зависть вызвала враждебные толки противъ поэта; раздраженіе его доходило иногда до изступленія; Тассо сдѣлался подозрителенъ и даже умертвилъ служителя во дворцѣ герцога; объясняли перемѣну въ немъ его несчастною любовью къ Леонорѣ; наконецъ, Альфонсъ II приказалъ посадить его въ заключеніе, какъ умалишеннаго. Хотя, по просьбамъ папы, Тассо былъ выпущенъ, но спокойствіе духа къ нему не возвращалось болѣе. Послѣ долгихъ странствованій по различнымъ городамъ Италіи, онъ поселился окончательно въ Римѣ, гдѣ и окончилъ давно уже предпринятую имъ передѣлку „Освобожденнаго Іерусалима“. Въ 1592 г. былъ оконченъ этотъ новый трудъ, получившій названіе: „Завоеванный Іерусалимъ“. Три года спустя, въ 1595 г., Римъ готовился утѣшить несчастнаго поэта тріумфомъ на Капитоліѣ, но онъ скончался за нѣсколько дней до торжества.

Причина передѣлки первоначальной поэмы заключалась въ томъ, что она вызвала строгую критику въ литературѣ, и что отношенія Тассо къ лицамъ, для которыхъ писалась первая поэма, измѣнились. Потому въ передѣлкѣ поэтъ опустилъ посвященіе Альфонсу II, какъ своему врагу, и замѣнилъ придуманное имъ лицо Ринальдо, предка дома Эсте, Ричардомъ, сыномъ Роберта Гвискара. Эпизодъ о Софроніи и Олиндѣ опущенъ, по настоянію критиковъ; за то присоединены двѣ пѣсни, посвященныя дѣйствіямъ христіанскаго флота въ эпоху осады Іерусалима, чего недоставало въ первой поэмѣ. Но эта послѣдняя вставка есть единственное мѣсто, достойное вниманія въ передѣлкѣ. „Освобожденный Іерусалимъ“, какъ онъ вылился цѣликомъ изъ вдохновенія поэта, остается гораздо выше ученой его переработки въ формѣ „Завоеваннаго Іерусалима“, и первая поэма составляетъ всю славу Тассо, не смотря на то, что современники и самъ поэтъ отдали преимущество послѣдней.

Такія произведенія, какъ „Освобожденный Іерусалимъ“, стоятъ въ особенномъ отношеніи къ историческому факту, который имъ служитъ только, такъ сказать, поводомъ. Крестовые походы въ XVI столѣтіи оставили отъ себя смутныя воспоминанія въ народномъ воображеніи, и Тассо отлилъ ихъ въ ясный образъ и сдѣлалъ въ первый разъ народнымъ достояніемъ. Въ этомъ отношеніи „Освобожденный Іерусалимъ“ имѣетъ для европейскаго міра то же значеніе, какое имѣла Иліада для греческаго міра. Геній поэзіи является творцомъ второй исторіи, и къ Тассо можно по этому случаю примѣнить слова другого великаго поэта, Гёте:

Du nur, Genius, mehrst in der Natur die Natur.

Жизнеописаніе Тассо оставилъ намъ другъ его, пребывшій вѣрнымъ ему до конца жизни, *Мансо де Вилла;* въ прошедшемъ столѣтіи, ученый филологъ *Серасси*, приверженецъ дома Эсте, написалъ, на основаніи документовъ, найденныхъ въ Италіи, другую біографію Тассо; но насколько первый пристрастенъ къ своему другу, настолько другой старается оправдать поступокъ

Альфонса II съ поэтомъ, какъ сторонникъ дома Эсте. Лучшимъ переводомъ на французскомъ языкѣ считается переводъ *Lebrun* (Par. 1774 г.), въ прозѣ, и *Baour-Lormian* (Par. 1819) въ стихахъ; новѣйшій переводъ въ стихахъ сдѣлалъ *Desserteaux* (Par. 1856); русскіе переводы принадлежатъ 20-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, но ихъ языкъ весьма устарѣлъ; въ прозѣ: *Москотильниковъ* (Моск. 1820) съ франц. перев. въ 2 ч.; *Шишковъ* (Спб. 1818) — съ италіян. подлинника, въ 2 ч.; въ стихахъ: *Раичъ* и *Мерзляковъ* (Моск. 1828) съ италіян. подлинн., въ 2 ч.; вотъ для образчика языка начало первой пѣсни изъ послѣдняго и лучшаго перевода:

Пою святую брань и вѣрныхъ воеводу,
Отъ коего пріялъ Господень гробъ свободу.
Сколь многи подвиги ума, терпѣнья, силъ,
Въ побѣдѣ славной сей Мужъ доблій совершилъ! и т. д.

Подробное изслѣдованіе о жизни Тассо и критику его произведеній вмѣстѣ съ разборомъ господствующихъ на нихъ взглядовъ см. у Ginguené, Histoire littéraire d'Italie. Par. 1812, т. V, 155—596 стр.; и у Michaud, Histoire des Croisades, t. I, въ Eclaircissements, № IV, гдѣ приведено и собственное мнѣніе Тассо о своей поэмѣ.

---

23. — Время правленія Готфрида Бульонскаго. 22 іюля 1099—18 іюля 1100 г.

(Между 1174 и 1180 г.)

Начинается книга девятая [1]).

I. Когда священный городъ (Іерусалимъ), по многообильной благодати Господа, былъ возвращенъ христіанскому народу (15 іюля 1099) и спокойствіе до нѣкоторой степени возстановилось, по прошествіи семи дней, проведенныхъ въ величайшей радости, но со страхомъ божіимъ и духовнымъ торжествомъ, князья собрались въ восьмой день (22 іюля 1099), съ цѣлью, призвавъ благодать Духа святаго, избрать изъ среды своей главу государства, на кого они могли бы возложить королевскія заботы о странѣ. Пока они были заняты этимъ дѣломъ, нѣсколько лицъ изъ духовенства, проникнутыя гордынею, которая заставляла ихъ думать о томъ, что́ имъ принадлежитъ, а не Христу, сошлись вмѣстѣ и объявили князьямъ, засѣдавшимъ отдѣльно, что они имѣютъ сообщить имъ нѣчто по секрету. Бывъ допущены въ собраніе, они сказали: „Духовенству объявлено, что вы собрались здѣсь, чтобы избрать королемъ одного изъ среды себя. Мы считаемъ ваше намѣреніе добрымъ и святымъ, но оно требуетъ большой осмотритель-

---

[1] Предыдущее см. выше, въ статьяхъ 2, 11, 19.

ности, если вы захотите исполнить его съ должнымъ порядкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все духовное стоитъ выше свѣтскаго, а то, что выше, должно и стоять впереди. Потому, если вы не желаете съ намѣреніемъ исказить естественный порядокъ вещей, то должно, какъ мы полагаемъ, прежде всего найти богоугоднаго и благочестиваго мужа, который могъ бы быть поставленъ во главѣ божьей церкви и сдѣлаться ей полезнымъ, прежде нежели будетъ приступлено къ избранію свѣтскаго властителя. Хотите вы слѣдовать такому порядку, и мы будемъ тѣмъ довольны и станемъ за васъ тѣломъ и душой; если же вы не захотите, то мы объявимъ все, что вы постановите безъ нашего согласія, ничтожнымъ и недѣйствительнымъ". При первомъ взглядѣ, это требованіе казалось весьма благовиднымъ, но оно, какъ то окажется изъ послѣдующаго, скрывало въ себѣ злое намѣреніе. Во главѣ этой партіи духовенства стоялъ нѣкто епископъ Мартуронскій (н. Martorano, на югъ отъ Козенцы), изъ Калабріи, который былъ связанъ тѣсною дружбой съ Арнульфомъ, о которомъ была уже выше рѣчь (см. о немъ выше, на стр. 212); этого-то человѣка, поставленнаго въ духовный санъ и бывшаго сыномъ священника, притомъ весьма извѣстнаго невоздержнымъ образомъ жизни, такъ что онъ вошелъ въ поговорку у арміи и служилъ предметомъ пѣсенъ у людей глупыхъ и чувственныхъ, когда они пѣли хоромъ — этого-то человѣка епископъ Мартуронскій, въ противность каноническимъ правиламъ и желанію добрыхъ людей, хотѣлъ посадить на патріаршій престолъ. Самъ же епископъ былъ самыхъ развратныхъ нравовъ; честь ни во что не ставилъ, а потому легко могъ подружиться съ упомянутымъ Арнульфомъ, по пословицѣ: „каковъ кто самъ, такихъ и общество любитъ"; древняя поговорка сказала: „равное съ равнымъ сходится легко". Онъ уже овладѣлъ церковью въ Виѳлеемѣ, и договорился съ Арнульфомъ, если этотъ, при его помощи, вступитъ на патріаршій престолъ, то онъ утвердитъ за нимъ навсегда владѣніе тою церковью. Но всѣ эти замыслы уничтожила смерть, какъ то будетъ разсказано ниже. Дѣйствительно, послѣ кончины блаженной памяти государя епископа Адемара Пюи, легата апостольской церкви (т. е. папы), въ духовенствѣ ослабли религія и добрые нравы, и оно вело распущенную и зазорную жизнь. По смерти вышеупомянутаго блаженнаго мужа, въ его званіе вступилъ, правда, человѣкъ богобоязненный и благочестивый, Вильгельмъ Оранскій (Aurasiensis), и онъ отправлялъ его при своей жизни въ точности, но вскорѣ онъ отошелъ ко Господу, при городѣ Марра. По смерти же этихъ мужей, все пошло такъ, какъ сказано у пророка: „Каковъ народъ, таковъ и священникъ", и только государь епископъ г. Альбары и немногіе другіе имѣли въ виду страхъ господень.

II. Впрочемъ князья обратили мало вниманія на тѣ слова и продолжали заниматься предпринятымъ. Нѣкоторые разсказываютъ, что они, желая при выборѣ дѣйствовать по волѣ божіей и сообразно достоинству лица, пригласили къ себѣ приближенныхъ служителей каждаго изъ старѣйшихъ князей и обязали присягой сказать правду, безъ всякой утайки, о характерѣ и образѣ жизни ихъ господина. Они поступали такъ съ тою цѣлью, чтобы избиратели получили тѣмъ лучшее

и точнѣйшее понятіе о заслугахъ тѣхъ, изъ числа которыхъ желали избрать короля. При такихъ точнѣйшихъ показаніяхъ слугъ, основанныхъ на клятвѣ, о характерѣ ихъ господъ, избиратели могли втайнѣ познакомиться какъ съ недостатками, такъ и съ добрыми качествами избираемыхъ, и совершенно правильно судить о каждомъ изъ нихъ. Когда спросили прислугу государя герцога о ея господинѣ, служители отвѣчали, что окружающимъ его не нравится въ немъ только одно, что онъ, войдя разъ въ церковь, не можетъ выйти изъ нея и по окончаніи литургіи, и разспрашиваетъ священниковъ и людей свѣдущихъ о каждомъ образѣ, о каждой картинѣ, что́ вовсе не нравится и даже противно его приближеннымъ, которые не имѣютъ страсти къ тому; при этихъ выжиданіямъ герцога, нельзя никогда поспѣть во̀-время къ столу, и кушанья, изготовляемыя къ опредѣленному времени, теряютъ свой вкусъ. Когда избиратели услышали то, то они превознесли хвалами того мужа, которому вмѣнялось въ порокъ то, чѣмъ другіе гордятся, и послѣ долгихъ совѣщаній избрали единодушно королемъ государя герцога и съ торжественнымъ пѣснопѣніемъ отвели его благоговѣйно ко Гробу господню. Однако разсказываютъ, что большая часть князей была за государя графа Раймунда Тулузскаго; но его приближенные, сообразивъ, что если графъ не будетъ избранъ, то вернется тотчасъ домой, и желая охотно попасть на родину, выдумали многое противъ своей совѣсти ко вреду государя графа. Но онъ остался послѣдователемъ Христа и не пошелъ домой, продолжая начатое имъ пилигримство и обѣтъ добровольной бѣдности, зная хорошо что „претерпѣвшій до конца—спасется“ (Матѳ. 24, 13), и помышляя о словахъ Господа: „Никто, взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ, не управитъ себя въ царствіе божіе“ (Лук. 9, 62)“.

Въ III, IV и V главахъ, авторъ разсказываетъ, какъ въ первые же дни правленія Готфрида возникло несогласіе между нимъ и графомъ Тулузскимъ за башню Давида: Готфридъ успѣлъ овладѣть ею, и оскорбленный Раймундъ удалился изъ Іерусалима къ Іерихону, гдѣ онъ имѣлъ намѣреніе омыться въ водахъ Іордана; потомъ Готфридъ долженъ былъ выдержать борьбу съ епископомъ Мартуронскимъ и его партіею, возведшею на патріаршій престолъ Арнульфа: Арнульфъ былъ низложенъ. Далѣе авторъ говоритъ, какъ найденъ былъ животворящій крестъ, по указанію одного сиріянина, и положенъ въ храмѣ; наконецъ, приводитъ родословную Готфрида: Готфридъ родился въ королевствѣ франковъ, въ реймсской провинціи, въ городѣ Булонѣ, на берегу Англійскаго моря; его отецъ, Евстафій, былъ графомъ города, а мать, Ида, сестрою герцога Лотарингскаго, Готфрида Струмы (Горбатаго); отъ этого брака родились три сына: *Готфридъ*, герцогъ Лотарингскій, усыновленный своимъ дядею и потому наслѣдовавшій ему; *Балдуинъ*, графъ Эдесскій, наслѣдовавшій брату въ Іерусалимѣ, и *Евстафій*, графъ Булонскій, наслѣдовавшій отцу въ его родовомъ владѣніи; дочь послѣдняго, Матильда, была замужемъ за Стефаномъ Блоа, королемъ Англіи. Далѣе авторъ обращается къ легендамъ и разсказамъ о дѣятельности Готфрида до крестоваго похода:

VI. Мать этихъ столь великихъ князей, святая, религіозная и богоугодная женщина (Ида), когда ея дѣти были еще въ нѣжномъ

возрастѣ, предвидѣла, по внушенію Духа святаго, ихъ будущую судьбу, и предсказала все, что изъ нихъ выйдетъ. Однажды ея сыновья играли, какъ то свойственно дѣтямъ, около матери и, толкая другъ друга, припадали на ея грудь; случилось, что въ ту минуту, когда вошелъ ихъ отецъ, уважаемый графъ Евстафій, дѣти спрятались подъ плащъ (chlamyde) своей матери. Такъ какъ они и тамъ продолжали возиться, шаля руками и ногами, графъ спросилъ, что такое подъ ея плащемъ шевелится? Говорятъ, что она отвѣчала: „Тамъ сидятъ три великихъ владѣтеля: одинъ будетъ герцогъ, другой король, а третій графъ". Впослѣдствіи, божьею милостью, это предсказаніе исполнилось, и дѣло доказало, что слова матери сбылись, ибо первый изъ нихъ, государь Готфридъ, наслѣдовалъ своему дядѣ въ герцогствѣ (Лотарингскомъ) и потомъ, по выбору, князей достигъ іерусалимскаго престола, имѣя своимъ преемникомъ слѣдующаго брата, государя Балдуина; а третій, государь Евстафій, былъ по смерти отца его преемникомъ и получилъ дѣдовское наслѣдство. Басню о лебедѣ и о сверхъестественномъ происхожденіи братьевъ я пропускаю съ намѣреніемъ, хотя въ справедливости того увѣряютъ многія повѣствованія [1]); но мнѣ кажется это противнымъ всякой истинѣ. Потому, отложивъ этотъ разсказъ въ сторону, мы обратимся къ слышанному нами о герцогѣ; между всѣмъ прочимъ, что онъ совершилъ съ обычною ему славою, есть нѣкоторыя обстоятельства, особенно достойныя воспоминанія, такъ что мы намѣрены внести ихъ въ нашъ разсказъ.

VII. На одномъ поединкѣ, въ который Готфридъ вступилъ весьма неохотно, но отъ котораго отказаться не было возможности, по существующимъ обычаямъ въ странѣ, не потерявъ чести, онъ отличился замѣчательнымъ образомъ, и это событіе слѣдуетъ занести въ наше повѣствованіе. Этотъ знаменитый мужъ былъ вызванъ въ самомъ дворцѣ императора (т.-е. нѣмецкаго короля, Гейнриха IV, которому Готфридъ служилъ, въ качествѣ герцога Лотарингскаго) однимъ могущественнымъ и благороднымъ лицомъ, принадлежавшимъ къ числу князей и бывшимъ въ родствѣ съ императоромъ; поводомъ же къ поединку послужилъ споръ за добычу и вопросъ о богатомъ наслѣдствѣ. Въ назначенный для рѣшенія распри день обѣ стороны, и истецъ, и обвиненный, явились ко двору. По открытіи засѣданія, когда тотъ упомянутый благородный изложилъ свою жалобу, а герцогъ всѣми силами старался его опровергнуть, опредѣлено было, по законамъ страны, единоборство и поединокъ (monomachia et pugna singularis). Высокіе князья имперіи употребили всѣ усилія, чтобы столь знаменитые мужи отказались отъ намѣренія выставить себя народу на позоръ столь недостойнымъ образомъ и вступить другъ съ другомъ въ бой, въ которомъ честь одного изъ двухъ непремѣнно пострадаетъ; но ихъ убѣжденія остались безплодны; императорскій приговоръ былъ исполненъ, и бойцы выступили на площадь, окруженную со всѣхъ сторонъ народомъ и князьями, помѣщенными въ опредѣленномъ мѣстѣ, чтобы попытать свое счастіе. Когда высокіе и

---

[1]) Такъ о томъ говоритъ Альбертъ Ахенскій.

знаменитые соперники мужественно и храбро дрались, случилось, что герцогъ, нанеся ударъ противнику по его щиту, переломилъ мечъ, такъ что въ рукахъ его остался кусокъ клинка, не болѣе полуфута длиною отъ рукоятки. Когда окружавшіе князья увидѣли, что положеніе герцога сдѣлалось весьма невыгодно, они объявили перемиріе и убѣдительно просили императора разрѣшить покончить споръ мужественныхъ князей мирнымъ образомъ. Но герцогъ сурово отклонилъ всѣ мирныя предложенія: онъ стоялъ на своемъ и возобновилъ борьбу снова. Его противникъ, имѣя въ рукахъ цѣльный мечъ и чувствуя свое превосходство надъ герцогомъ, сильно наступалъ на него и не давалъ ему покоя, пока тотъ съ свойственною ему храбростью, которою онъ такъ отличался, не схватилъ въ гнѣвѣ рукоятки своего меча и не ударилъ своего противника въ лѣвый високъ съ такою силою, что тотъ упалъ полумертвый на мѣстѣ. Когда тотъ лежалъ еще бездыханенъ, герцогъ отбросилъ прочь обломокъ своего меча и, схвативъ мечъ распростертаго врага, подозвалъ князей, которые недавно предлагали ему сдѣлку, и настоятельно просилъ ихъ устроить миръ и избавить пораженнаго, но превосходнаго мужа отъ столь постыдной смерти. Князья изумлялись доблестямъ и несравненному человѣколюбію герцога, укрѣпили миръ и положили лестный конецъ бою, причемъ, однако, герцогъ былъ признанъ всѣми какъ побѣдитель и повсюду признаваемъ, какъ человѣкъ достойный безсмертной славы.

VIII. Вотъ и другой подвигъ, который живетъ у многихъ въ памяти и доставляетъ Готфриду немалую славу; мы считаемъ это достойнымъ помѣщенія въ нашъ трудъ. Народъ саксовъ, самый грубый изъ всѣхъ нѣмецкихъ народностей, отложился отъ государя императора Гейнриха (IV), не желая нести на себѣ иго римской имперіи и предпочитая жить свободно, безъ всякихъ законовъ и порядка, по своему произволу. Саксы сопротивлялись столь упорно, что поставили королемъ противъ вышеупомянутаго императора одного графа, по имени Рудольфа (Швабскаго, въ 1087 г.), мужа благороднаго и происходившаго изъ той же націи. Вслѣдствіе того императоръ собралъ къ себѣ всѣхъ князей имперіи и изложилъ имъ, какъ тяжко оскорбили его саксы, что́, впрочемъ, имъ самимъ было не безъизвѣстно, и требовалъ, чтобы они отмстили за него. Ревнуя о славѣ имперіи и негодуя на поведеніе саксовъ, князья другъ передъ другомъ предлагали ему свои услуги и обѣщали вооружиться, такъ какъ, говорили они, подобный тяжкій проступокъ противъ римской имперіи не можетъ быть оставленъ безъ вниманія, и за него должно наказать смертью, а потому опредѣлили отмстить мечемъ такое оскорбленіе величества. На основаніи совѣщанія и повелѣнія государя императора, они собрались въ назначенный день со всѣхъ концовъ государства, какъ свѣтскіе, такъ и духовные князья, въ числѣ многихъ тысячъ, чтобы вторгнуться въ землю саксовъ и отмстить имъ за ихъ величайшій проступокъ. Когда наступилъ день битвы, войско стало въ порядокъ и обѣ стороны изготовились къ борьбѣ, императоръ созвалъ князей и спросилъ ихъ, кому онъ можетъ съ увѣренностью поручить имперское знамя и начальство надъ столь огромною арміею. На это ему всѣ отвѣчали, что никого нѣтъ лучше для такой обязанности

государя герцога Лотарингіи Готфрида. Такъ какъ многія тысячи избрали его и объявили лучшимъ человѣкомъ, то императоръ, не смотря на его отказъ, и передалъ ему орла (т. е. знамя). Въ этотъ-то день и случилось (при Фолькгеймѣ, въ Тюрингіи), что герцогъ въ пылу битвы, предшествуя съ орломъ императору, обратился съ отрядомъ, которымъ руководилъ самъ императоръ, на ту часть непріятельскаго войска, которою командовалъ лжекороль Рудольфъ. Сойдясь такимъ образомъ, онъ прорвалъ ряды королевскаго войска и на глазахъ императора и нѣкоторыхъ князей вонзилъ королю въ грудь то знамя, которое тотъ несъ, такъ что Рудольфъ палъ замертво на землю, и снова поднялъ вверхъ окровавленный значокъ. Когда саксы увидѣли, что ихъ король палъ, ихъ мужество поколебалось, и они сдались государю императору, который даровалъ имъ амнистію, получивъ отъ нихъ предварительно удовлетвореніе, а именно, крѣпости и заложниковъ, которые могли бы удостовѣрить его въ томъ, что ничего подобнаго впредь не случится. Мы помѣстили этотъ разсказъ съ тою цѣлью, чтобы показать, какимъ уваженіемъ высокихъ князей міра пользовался тотъ мужъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь; никто не усомнится, какъ важно, если кто-нибудь будетъ объявленъ первымъ такими князьями, которые не имѣютъ себѣ подобныхъ въ свѣтѣ, особенно когда ихъ мнѣніе было подтверждено такимъ знаменитымъ подвигомъ; разсказанное нами служитъ доказательствомъ, что они справедливо судили о немъ. Возъимѣвъ намѣреніе отправиться въ пилигримство (т. е. крестовый походъ, in peregrinationem), онъ подарилъ въ своей благочестивой щедрости между прочимъ въ вѣчное владѣніе Люттихской церкви зàмокъ Бульонъ (Bulionem), именемъ котораго прозывался самъ, и который былъ славенъ своимъ положеніемъ, своею крѣпостью, отличными полями и другими преимуществами, равно какъ и своею обширною областью. Но мы предприняли описать только тѣ его дѣянія, которыя онъ совершилъ *у насъ* (т. е. въ Палестинѣ), а потому и возвратимся къ главному предмету.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ IX до XV включительно, авторъ обозрѣваетъ первые полгода правленія Готфрида, отъ его избранія въ іюлѣ 1099 г. до конца декабря того же года. Сначала, по духу того времени, онъ говоритъ о заботахъ новаго короля о церкви и о его щедрости въ отношеніи къ ней; замѣчаетъ, что, по смиренію предъ церковью, Готфридъ никогда не носилъ золотой короны, изъ уваженія къ терновому вѣнцу Спасителя, и что, вслѣдствіе того, многіе историки не хотятъ вносить его имя въ списокъ королей іерусалимскихъ. Потомъ авторъ переходитъ къ нападенію египетской арміи на Іерусалимъ въ августѣ мѣсяцѣ и разсказываетъ, какъ, при своей малочисленности, Готфридъ одержалъ побѣду надъ нею при Аскалонѣ, благодаря тому случаю, то стада, захваченныя наканунѣ у непріятеля, сами собою послѣдовали за войскомъ и были приняты за многочисленную армію; послѣ этой побѣды авторъ говоритъ о томъ, какъ въ концѣ августа начали удаляться князья изъ Іерусалима: графы Фландріи и Нормандіи возвратились на родину; графъ Тулузскій ушелъ въ Константинополь, гдѣ и пробылъ два года; при Готфридѣ остался Танкредъ и Вернеръ Грэй; первый изъ нихъ получилъ отъ Готфрида въ наслѣдственное владѣніе Тиверіаду, княжество

Галилейское и городъ Каифу на морскомъ берегу, а два года спустя былъ призванъ княжить въ Антіохію: наконецъ, авторъ переходитъ къ разсказу о пилигримствѣ Боэмунда Антіохійскаго и Балдуина Эдесскаго въ Іерусалимъ; на дорогѣ къ нимъ присоединилась толпа италіянцевъ, въ числѣ которыхъ находился Даимбертъ, архіепископъ Пизанскій: по совѣщанію съ прибывшими князьями, Готфридъ избралъ, въ началѣ 1100 года, Даимберта патріархомъ Іерусалимскимъ, а Арнульфъ былъ низложенъ: его же защитникъ, епископъ Мартуронскій, еще прежде погибъ въ битвѣ при Аскалонѣ; Готфридъ и Боэмундъ получили отъ новаго патріарха инвеституру на свои владѣнія, и не только возвратили ему все, чѣмъ патріархи владѣли въ древнія времена, но еще присоединили многое отъ себя. Но это обстоятельство, вскорѣ послѣ удаленія Балдуина и Боэмунда въ свои владѣнія, произвело разрывъ между духовною и свѣтскою властью въ Іерусалимѣ, на чемъ нашъ авторъ и останавливается подробнѣе.

XVI. Между тѣмъ (въ началѣ 1100 г.) въ Іерусалимѣ возникло несогласіе между государемъ патріархомъ и государемъ герцогомъ; оно было возбуждено усиліями злонамѣренныхъ людей, которые всегда стараются вызвать ненависть и нарушить спокойствіе. Государь патріархъ требовалъ себѣ именно святой, Богу посвященный городъ вмѣстѣ съ замкомъ, а также Іоппе и все, что туда принадлежитъ. Послѣ нѣкотораго времени борьбы, герцогъ, какъ человѣкъ кроткій и смиренный, уважающій слово божіе, уступилъ въ день Срѣтенія господня, въ присутствіи духовенства и всего народа, четвертую часть Іоппе Храму св. Воскресенія. Позже, въ праздникъ Пасхи, онъ передалъ, въ присутствіи духовенства же и народа, собравшагося на праздникъ, городъ Іерусалимъ вмѣстѣ съ башнею Давида и со всѣмъ, что туда принадлежало, въ руки государя патріарха, но съ условіемъ, что онъ будетъ самъ пользоваться этими двумя городами, пока Господь не расширитъ королевства завоеваніемъ одного или двухъ слѣдующихъ городовъ. Если же до того времени умретъ герцогъ, не оставивъ законныхъ наслѣдниковъ, то все вышепоименованное безъ всякаго спора и притязаній другихъ должно достаться государю патріарху. Все разсказанное нами мы узнали отъ другихъ и на то есть письменныя свидѣтельства, но мы тѣмъ не менѣе должны изумляться, какимъ образомъ государь патріархъ дошелъ до того, что началъ подобную распрю съ герцогомъ, когда мы нигдѣ не читали и ни отъ кого изъ людей достовѣрныхъ не слыхали, чтобы государь герцогъ получилъ свое королевство отъ побѣдоносныхъ князей съ условіемъ уступить кому что-нибудь навсегда или на время. Если же мы ничего объ этомъ не знаемъ, то вовсе не по невѣжеству или невниманію, ибо мы больше нежели кто-нибудь другой занимались изслѣдованіемъ этого вопроса, имѣя давно уже въ виду занести то въ настоящій трудъ.

XVII. Справедливо одно, что во время прибытія латинцевъ и еще гораздо прежде того патріархъ Іерусалимскій владѣлъ четвертою частью города, какъ собственностью. Какъ онъ именно получилъ то и въ чемъ состояло его право, мы желаемъ вкратцѣ теперь сообщить; послѣ многихъ трудовъ наши изслѣдованія привели насъ къ слѣ-

дующему результату. Старыя преданія сообщаютъ, что городъ, доставшись въ руки невѣрныхъ, никогда, даже на самое короткое время, не пользовался миромъ и былъ тревожимъ безпрерывными войнами и осадами, ибо сосѣдніе властители старались овладѣть имъ; вслѣдствіе того башни и стѣны, частью отъ древности, а частью отъ поврежденій при осадахъ, пришли мало-по-малу въ упадокъ, такъ что городъ былъ вполнѣ открытъ для всѣхъ непріятельскихъ нападеній. Такъ какъ въ то время на востокѣ и югѣ между всѣми государствами первое мѣсто занималъ Египетъ, и по силѣ, и по богатству, и по образованію, и египетскіе калифы старались расширить предѣлы своихъ владѣній во всѣ стороны, то египетскія войска овладѣли всею Сиріею до Лаокидеи, которая, будучи вблизи Антіохіи, составляетъ предѣлъ Келесиріи. Калифъ поставилъ намѣстниковъ въ южныхъ и приморскихъ городахъ, наложилъ дань и подчинилъ себѣ всю страну. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволилъ жителямъ городовъ снова выстроить стѣны и снабдить ихъ башнями. На основаніи этого закона, Іерусалимскій намѣстникъ предписалъ жителямъ города, сообразно тому повелѣнію, возобновить стѣны и башни. При раздѣленіи работы между гражданами, на долю бѣдныхъ христіанъ, жившихъ въ городѣ, досталась четвертая часть постройки, болѣе изъ ненависти къ нимъ, нежели соотвѣтственно ихъ силамъ. Христіане же были до того истощены налогами, поборами и всякаго рода повинностями, что едва все вмѣстѣ взятое ихъ имущество было достаточно для исправленія одной или двухъ башенъ. Видя, что все это служитъ только новымъ предлогомъ къ ихъ утѣсненію и не имѣя никакой другой защиты, они пошли къ намѣстнику и просили его со слезами наложить на нихъ тяжесть, которую они могли бы вынести, а этотъ трудъ, говорили они, превышаетъ ихъ силы. Но онъ прогналъ ихъ отъ себя, говоря съ угрозою: „Неповиновеніе приказаніямъ высокаго обладателя равняется оскорбленію святыни. Итакъ, или кончайте возложенный на васъ трудъ, или мы васъ накажемъ мечемъ, какъ оскорбителей величества“. Наконецъ, различными просьбами и подкупомъ они получили у намѣстника отсрочку, во время которой они намѣрены были отправить посольство къ государю и императору въ Константинополь, чтобы просить его о денежной помощи для совершенія той работы.

XVIII. Когда назначенные къ тому послы явились къ императору, они изобразили ему вѣрнѣйшимъ образомъ печаль и слезы народа вѣрующихъ, при воздыханіи находившихся тамъ слушателей, и, представивъ картину того, что̀ они должны переносить, какъ плюютъ на нихъ, какъ ихъ бьютъ, бросаютъ въ темницы, лишаютъ имуществъ, умерщвляютъ, разсказали и многое другое, что̀ бѣдный народъ терпитъ непрестанно во имя Христа; наконецъ, они объяснили, какое новое средство придумалъ непріятель для ихъ притѣсненія. На греческомъ престолѣ сидѣлъ въ то время великій и разумный мужъ, государь Константинъ, по прозванію Мономахъ (1042—1054), который управлялъ константинопольскимъ государствомъ съ твердостью и силою. Онъ обратилъ вниманіе на слезныя мольбы вѣрующихъ и, изъ состраданія къ ихъ постояннымъ притѣсненіямъ, щедро обѣщалъ имъ дать столько золота, сколько то будетъ нужно для возложенной на нихъ работы. Но онъ присо-

единилъ къ этому одно условіе, а именно, что онъ дастъ имъ золото только въ томъ случаѣ, если они могутъ выхлопотать у государя той страны позволеніе, чтобы въ предѣлахъ стѣнъ, построенныхъ на счетъ императора, жили одни христіане. Въ то же время онъ предписалъ жителямъ острова Кипра выдать іерусалимскимъ христіанамъ изъ казенныхъ налоговъ и податей столько золота, сколько понадобится для той работы, если только они успѣютъ склонить своего государя къ вышеупомянутому разрѣшенію. Послы, возвратившись домой, изложили патріарху и народу божьему все, что удалось имъ сдѣлать, и тѣ весьма обрадовались услышанному и употребили всѣ усилія, чтобы выполнить условіе, наложенное императоромъ. Они отправили пословъ къ своему верховному государю, а именно къ египетскому калифу. Послы изложили ему свою просьбу, и съ божьею помощью имъ удалось получить согласіе калифа и грамоту за печатью и подписью. Исполнивъ такимъ образомъ счастливо это порученіе, они отправились на родину, и съ божіею помощью та часть стѣны, которую имъ слѣдовало построить, была окончена въ годъ отъ воплощенія господня тысяча-шестьдесятъ-третій (1063), въ правленіе египетскаго калифа Мостансеръ-Биллаха (Bomensor Elmostensab), за 36 лѣтъ до освобожденія города. Прежде сарацины и вѣрующіе жили вмѣстѣ; съ этого же времени, по повелѣнію своего властителя, сарацины должны были переселиться въ другія части города, а вышеназванную четвертую часть безъ всякаго спора предоставить христіанамъ. Повидимому, чрезъ это служители Христа пришли въ гораздо лучшее положеніе, ибо сосѣдство съ дѣтьми Беліала (т.-е. съ невѣрными) влекло за собою частыя ссоры и непріятности; теперь же, такъ какъ они жили отдѣльно, не имѣя посреди себя плевелъ, имъ было гораздо спокойнѣе. Если у нихъ являлись жалобы, то они предоставляли рѣшеніе дѣла на судъ церкви и подчинялись въ своихъ распряхъ приговору тогдашняго государя патріарха. Такимъ-то образомъ, съ того времени, четвертая часть Іерусалима не имѣла другого судьи, кромѣ патріарха, и церковь всегда считала ту часть города своею собственностью. Эта четвертая часть была отдѣлена слѣдующимъ образомъ отъ остального города: внѣшняя ея черта шла отъ западныхъ воротъ, называемыхъ вратами Давида, мимо угловой башни, именуемой башнею Танкреда, до сѣверныхъ воротъ, извѣстныхъ подъ именемъ воротъ первомученика Стефана; внутреннюю же границу составляла городская улица, которая ведетъ отъ послѣднихъ воротъ прямо къ лавкамъ мѣнялъ и оттуда къ западнымъ воротамъ. Въ этихъ предѣлахъ заключались тѣ святыя мѣста, гдѣ Господь пострадалъ и воскресъ, страннопріимный домъ, два монастыря, мужской и женскій, съ одинаковымъ названіемъ *de Latina* (латинскаго языка), также домъ патріарха и жилище канониковъ Гроба господня, со всѣмъ, что имъ принадлежало.

XIX. Около этого времени (т. е. Пасхи 1100 года), когда почти всѣ князья, принимавшіе участіе въ пилигримствѣ, возвратились домой, и герцогъ, получившій королевство, остался одинъ съ государемъ Танкредомъ, которому, какъ человѣку разумному, храброму и счастливому во всѣхъ предпріятіяхъ, онъ далъ участіе въ управленіи,

число войска и вообще вся сила нашихъ была такъ ничтожна, что если собрать всѣхъ вмѣстѣ, не пропуская ни одного, то едва можно было насчитать 300 конныхъ и 2,000 пѣшихъ людей. Изъ городовъ весьма немногіе достались въ руки нашимъ, да и въ этомъ случаѣ между ними находились мѣстечки, принадлежавшія врагу, такъ что если было нужно отправиться изъ одного города въ другой, то не иначе, какъ съ величайшею опасностью. А деревни, даже на нашей землѣ, были повсюду населены невѣрными и сарацинами, которые относились къ нашимъ самымъ враждебнымъ образомъ; хуже всего то, что они жили такъ близко къ намъ, и нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ врагъ въ собственномъ домѣ. Они не только убивали или отводили въ плѣнъ тѣхъ изъ нашихъ, которые безъ предосторожностей ходили по дорогамъ; мало этого: они отказались отъ обработки полей, чтобы заставить нашихъ терпѣть голодъ, и желали лучше сами погибнуть голодной смертью, нежели доставлять содержаніе своимъ врагамъ. Наши должны были оставаться на-сторожѣ не только за городскою чертою, но даже и внутри самыхъ домовъ, лежавшихъ въ предѣлахъ стѣнъ, нельзя было жить спокойно и безопасно, ибо число нашихъ было весьма невелико, а поврежденныя стѣны были легко доступны для непріятеля. Ночью разбойники врывались въ обезлюденные города и многихъ убивали въ собственныхъ ихъ домахъ; вслѣдствіе сего одни тайно, а другіе совершенно явно бросали пріобрѣтенныя ими жилища и возвращались домой, опасаясь, что когда-нибудь тѣ, которымъ было поручено охраненіе страны, будутъ разбиты непріятелемъ такъ, что никто не спасется отъ меча. По этому поводу былъ изданъ законъ *о годовомъ срокѣ* на владѣніе мѣстомъ, въ пользу тѣхъ, которые, не смотря на тяжкое время, обнаружатъ твердость и въ теченіе одного года и одного дня будутъ владѣть собственностью спокойно и безспорно. Этотъ законъ, какъ я сказалъ, былъ направленъ противъ тѣхъ, которые по страху оставляли свои владѣнія, чтобы они не имѣли права дѣлать на нихъ притязанія, если возвращались по истеченіи года.

Но, не смотря на такое крайнее положеніе государства, богобоязненный и боголюбимый мужъ Готфридъ, съ помощью господней, приступилъ къ расширенію предѣловъ государства. Онъ, собравъ своé войско и народъ, осадилъ приморскій городъ, близь Іоппе, нынѣ называемый Арсуромъ, а въ старину извѣстный подъ именемъ Антипатриса. Но такъ какъ этотъ городъ былъ населенъ людьми отважными и мужественными, хорошо снабженными оружіемъ, съѣстными припасами и другими жизненными потребностями, а герцогъ испытывалъ большой недостатокъ и не имѣлъ даже кораблей, которые могли бы запереть осажденныхъ съ моря, то онъ и былъ вынужденъ снять осаду и выждать другого времени, когда Богъ предоставитъ ему случай совершить этотъ подвигъ. Но это ему никогда не удалось, ибо его похитила преждевременная смерть.

XX. Но при этой осадѣ произошло одно въ высшей степени замѣчательное событіе. Въ лагерь пришли мелкіе вожди (reguli) небольшихъ селеній въ горахъ Самаріи, среди которыхъ лежитъ городъ Неаполь (Наплуза), и поднесли герцогу дары, состоявшіе изъ хлѣба,

вина, миндалю и изюму; какъ мы полагаемъ, цѣль ихъ была не столько поднести эти дары герцогу, сколько высмотрѣть число и средства нашихъ. Придя въ лагерь, они просили настоятельно, чтобы ихъ отвели къ герцогу. Явившись къ нему, они предложили свои дары, принесенные ими, а герцогъ, какъ человѣкъ простой, избѣгавшій свѣтской пышности, сидѣлъ на мѣшкѣ, набитомъ соломой и положенномъ на землю, въ ожиданіи своихъ людей, которыхъ онъ послалъ на фуражировку. Тѣ вожди были чрезвычайно изумлены, видя это, и спрашивали, какъ такой великій князь и удивительный государь, который, придя съ Запада, потрясъ весь Востокъ и основалъ могущественное государство, можетъ сидѣть такъ безславно и не имѣть у себя ни ковровъ, ни шелковыхъ матерій, ни внушать къ себѣ уваженіе толпою вооруженныхъ тѣлохранителей. Герцогъ спросилъ, о чемъ они спрашиваютъ, и отвѣчалъ: „Для смертнаго человѣка достаточно имѣть землю сидѣньемъ, такъ-какъ послѣ смерти она сдѣлается его постояннымъ жилищемъ“. Когда эти лазутчики услышали то, они изумились такому смиренному и мудрому отвѣту и при прощаньи сказали: „Это мужъ, которому должны подчиниться всѣ земли и который, по справедливости, предназначенъ былъ властелиномъ людей и народовъ“. Такъ изумительно было для обитателей сосѣднихъ странъ счастье и храбрость чужеземцевъ, и ихъ страхъ и изумленіе были тѣмъ больше, что они слышали такіе разсказы отъ своихъ, которымъ они вполнѣ довѣряли. Это замѣчательное происшествіе скоро распространилось по самымъ отдаленнымъ предѣламъ Востока.

Въ XXI главѣ авторъ дѣлаетъ отступленіе по поводу событій Антіохійскаго княжества, гдѣ Боэмундъ, приглашенный жителями одного города Месопотаміи, Мелетена, поспѣшилъ къ нимъ, но попался въ засаду и былъ взятъ въ плѣнъ турками [1]; Балдуинъ Эдесскій хотя и старался освободить Боэмунда, но не успѣлъ и ограничился присоединеніемъ Мелетена къ своимъ владѣніямъ.

XXII. Когда (т.-е. послѣ неудачной осады Арсура) знаменитый мужъ, государь герцогъ, и тѣ, которые остались съ нимъ въ Іерусалимѣ, чтобы охранять государство, по удаленіи прочихъ, должны были бороться съ крайностью и бѣдностью, которыя трудно описать, надежные лазутчики принесли извѣстіе, что въ Аравіи, за Іорданомъ, въ странѣ аммонитянъ, кочуютъ безпечно арабскія орды, и наши, напавъ на нихъ съ быстротою, могутъ пріобрѣсть богатую добычу. Убѣжденный этими доводами, знаменитый мужъ собралъ въ тишинѣ нѣсколькихъ конныхъ и пѣшихъ людей, сколько новое государство могло ихъ выставить, пошелъ за Іорданъ, вторгся въ непріятельскую землю и счастливо закончилъ предпріятіе. Когда онъ возвращался назадъ съ огромнымъ числомъ крупнаго и мелкаго скота и съ безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ, какой-то благородный и уважаемый въ своей дружинѣ князь, человѣкъ отважный и страстно любя-

---

[1]) См. о плѣнѣ Боэмунда ниже, въ ст. 26.

щій войну, заключилъ съ нимъ перемиріе чрезъ переговорщиковъ, и, получивъ отъ герцога дозволеніе, пришелъ къ нему со свитою благородныхъ людей изъ своего народа. Онъ много слышалъ о славѣ и силѣ той націи, которая пришла съ далекаго Запада и, преодолѣвъ всѣ затрудненія, подчинила себѣ весь Востокъ; особенно же много слыхалъ онъ объ отличной храбрости и несравненной силѣ герцога, почему у него и явилось сильное желаніе повидаться съ нимъ. Засвидѣтельствовавъ ему свое уваженіе и привѣтствовавъ его съ почтеніемъ, онъ убѣдительно просилъ герцога отрубить мечемъ на его глазахъ голову верблюду, котораго онъ привелъ съ этою цѣлью, чтобы послѣ разсказывать другимъ о примѣрѣ его храбрости. Такъ-какъ князь пришелъ издалека, чтобы видѣть его, то герцогъ согласился, извлекъ мечъ, и съ такою легкостью отрубилъ верблюду голову, какъ будто бы дѣло шло о томъ, чтобы разсѣчь ничтожную вещь. Арабъ чрезвычайно изумился такой страшной силѣ, но мысленно приписывалъ это отчасти острію клинка, которымъ дѣйствовалъ герцогъ. Потому онъ просилъ позволенія высказать откровенно свое мнѣніе и сказалъ, можетъ ли герцогъ сдѣлать то же самое другимъ мечемъ. Герцогъ засмѣялся, взялъ у него мечъ и съ такою же легкостью отрубилъ голову другому верблюду. Тогда изумленіе того мужа возросло безконечно, и онъ ясно видѣлъ, что сила заключается не въ остріѣ меча, а въ рукѣ, и что все, слышанное имъ о его силѣ, справедливо. Тогда онъ представилъ герцогу въ даръ золото, серебро и лошадей, стараясь тѣмъ снискать его дружбу, и по возвращеніи домой прославлялъ доблесть герцога повсюду, куда ни являлся. Герцогъ же возвратился съ своею добычею въ Іерусалимъ.

XXIII. Въ этомъ же мѣсяцѣ, а именно въ іюлѣ, государь Готфридъ, славный правитель (moderator) королевства Іерусалимскаго, смертельно захворалъ тяжкою и неизлечимою болѣзнью. Съ увеличеніемъ ея, когда никакое средство не помогало, онъ приказалъ напутствовать себя св. причащеніемъ, съ благоговѣніемъ исповѣдалъ свои грѣхи и отправился, какъ истинный исповѣдникъ Христа, по пути всякой плоти туда, гдѣ ему будетъ стократно воздано и гдѣ онъ съ душами святыхъ будетъ причастникомъ жизни вѣчной. Умеръ же онъ 18 іюля, въ годъ отъ воплощенія господня 1100. Его погребли въ Храмѣ св. Гроба, на Лобномъ Мѣстѣ, гдѣ пострадалъ Господь и гдѣ погребаютъ до настоящаго дня его преемниковъ.

Кончается книга девятая.

Начинается книга десятая.

I. Послѣ того какъ государь герцогъ Готфридъ, преславной и святой о Богѣ памяти, первый и знаменитый латинскій правитель Іерусалимскаго королевства, покинулъ этотъ свѣтъ, чтобы наслѣдовать

лучшій, престолъ оставался незанятымъ три мѣсяца. Но, наконецъ, или вслѣдствіе послѣдней воли государя герцога, или по опредѣленію тѣхъ немногихъ князей, которые были на-лицо, избрали государя графа Эдесскаго Балдуина, его кровнаго брата, и онъ получилъ его королевство по праву наслѣдства. Балдуинъ въ своей юности былъ хорошо наставленъ въ наукахъ и, какъ говорятъ, поступилъ въ духовные; въ этомъ званіи онъ, вслѣдствіе своего знатнаго рожденія, пріобрѣлъ бенефиціи, называемыя обыкновенно пребендами, а именно, церковь въ Реймсѣ, Камбрэ и Люттихѣ. По неизвѣстнымъ причинамъ промѣнявъ одежду духовнаго на оружіе, онъ сдѣлался рыцаремъ. Впослѣдствіи онъ женился на знатной и благородной женщинѣ изъ Англіи, по имени Гертрудѣ, и вмѣстѣ съ нею и съ братьями, государемъ герцогомъ Готфридомъ и государемъ Евстафіемъ, этими безсмертными героями, счастливо и благополучно отправился въ тотъ первый походъ. Но его жена умерла, еще до прибытія арміи въ Антіохію, послѣ тяжкой болѣзни, при Марезіи, и была тамъ погребена. Когда впослѣдствіи его пригласилъ князь Эдессы и усыновилъ и когда онъ по смерти его наслѣдовалъ графство со всѣмъ, принадлежавшимъ ему, онъ женился на дочери одного благороднаго и знатнаго армянскаго князя Тафрока, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ Константиномъ имѣлъ близь Таврскихъ горъ неприступныя крѣпости и большое число войскъ, почему эти братья за свои громадныя помѣстья и богатства считались королями того народа. Относительно происхожденія Балдуина, доблестей его родителей и мѣста рожденія мы не будетъ говорить вторично, такъ-какъ въ разсказѣ о дѣяніяхъ государя герцога мы обстоятельно изложили ихъ общее происхожденіе.

II. Онъ былъ высокъ ростомъ и гораздо выше своего брата, такъ что онъ, какъ и Саулъ, стоялъ головою выше всего народа. Волоса на головѣ и бородѣ были темные; цвѣтъ лица довольно бѣлый; носъ орлиный; верхняя губа выдавалась впередъ, но не такъ, чтобы тѣмъ безобразить. Поступь его была исполнена достоинства; рѣчь и обращеніе важное; на плечахъ онъ носилъ всегда плащъ, такъ что чужіе, при важности его рѣчи и обращенія, принимали его скорѣе за епископа, нежели за свѣтское лицо. Но чтобы остаться вѣрнымъ первородному грѣху и проклятію, былъ онъ, какъ говорятъ, весьма чувственъ, хотя при этомъ такъ остороженъ, что то никого не оскорбляло, ничьего не нарушало права, никому не причиняло насилія, и, что рѣдко случается въ подобномъ дѣлѣ, едва было извѣстно немногимъ самымъ приближеннымъ служителямъ. Еслибы кто захотѣлъ его извинять, какъ то дѣлаютъ грѣховные люди, то такой могъ бы найти достаточными такія извиненія, которыя хотя и не имѣютъ цѣны предъ очами верховнаго Судіи, но бываютъ принимаемы людьми, и послѣдующій нашъ разсказъ укажетъ на то. Балдуинъ не былъ ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ худощавъ, и имѣлъ умѣренный объемъ; ловко владѣлъ оружіемъ, отлично ѣздилъ верхомъ и былъ весьма дѣятеленъ и усерденъ, когда того требовали общественныя дѣла. Излишне будетъ восхвалять его великолѣпіе, храбрость, знаніе военнаго дѣла и другія превосходныя качества, которыя онъ наслѣдовалъ вмѣстѣ съ братомъ, тѣмъ болѣе, что онъ до того подражалъ

своему брату, государю герцогу, что считалъ преступленіемъ не во всемъ слѣдовать по его стопамъ. Но ему ставятъ въ упрекъ то, что онъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ тѣмъ архидіакономъ Іерусалимскимъ Арнульфомъ, негоднымъ и преступнымъ человѣкомъ, склоннымъ ко всякому злу, о которомъ мы говорили выше, что онъ овладѣлъ патріаршимъ престоломъ и совѣтами котораго Балдуинъ руководился.

Остальныя главы *десятой* книги, отъ III до XXX, и вся *одиннадцатая* книга посвящены авторомъ на описаніе времени правленія Балдуина I, отъ 1100 до 1118 года; разсказавъ его борьбу съ патріархомъ Даимбертомъ, который, въ силу договора, требовалъ себѣ Іерусалима и башни Давида, авторъ далѣе останавливается на военныхъ событіяхъ правленія Балдуина, которыми оно изобиловало, ибо при немъ были завоеваны: Арсуръ, Цезарея, Птолемаида, Библосъ, Триполь, Сидонъ, Беритъ, и построена сильная крѣпость на Іорданѣ, Монреаль, т. е. Королевская-Гора. Чтобы придать законную форму своимъ завоеваніямъ, Балдуинъ просилъ папу Пасхалиса утвердить за нимъ завоеванное, и папа далъ ему грамоту, какъ и на то, что̀ уже было завоевано, такъ и на то, что̀ будетъ пріобрѣтено впослѣдствіи. Въ послѣдній годъ своего правленія Балдуинъ I сдѣлалъ первый шагъ къ осадѣ Тира, построивъ близъ него крѣпость Скандалій, и напалъ на Египетъ, но, поѣвъ рыбы, пойманной въ рукавѣ Нила, захворалъ и вскорѣ умеръ 1118 года [1]).

Вильгельмъ Тирскій.

Belli sacri historia, libri XXIII.—Кн. IX, X и XI.

О жизни и сочиненіяхъ Вильгельма Тирскаго см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 41.

---

24. — Вступленіе на престолъ Балдуина I, короля Іерусалимскаго, и первый годъ его правленія: 17 іюля 1100—апр. 1101 г.

(Въ 1127 г.).

XXII [2]). Въ то время, когда Балдуинъ (князь Эдессы и братъ короля Іерусалимскаго Готфрида) наслаждался своимъ счастьемъ, прибылъ посолъ съ извѣстіемъ, что его братъ, Готфридъ, кончилъ свои дни въ Іерусалимѣ, 17 іюля (1100 г.), во второй годъ по взятіи

[1]) Продолженіе см. ниже, въ ст. 28.

[2]) Содержаніе предыдущихъ главъ и извлеченіе изъ нихъ см. выше, въ ст. 13.

св. города, и что весь народъ ждетъ его, чтобы поставить во главѣ государства, какъ преемника и наслѣдника умершаго брата. Опечаленный нѣсколько потерею брата, но за то весьма обрадованный по случаю пріобрѣтаемаго наслѣдства, Балдуинъ, узнавъ о томъ, совѣщался съ своими друзьями, поручилъ свою землю родственнику Балдуину (Буржскому), собралъ небольшую дружину, человѣкъ въ 700 тяжеловооруженныхъ, и столько же легкой пѣхоты, и отправился въ Іерусалимъ, 2 октября. Нѣкоторые удивлялись, что онъ осмѣливается пройти по землѣ, переполненной непріятелями, съ такимъ небольшимъ отрядомъ; а потому многіе въ страхѣ и ужасѣ оставили насъ тайно, такъ что мы о томъ ничего и не знали. Турки и сарацины, узнавъ о нашей малочисленности, соединились во множествѣ и вздумали пересѣчь намъ дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ надѣялись съ большею выгодою напасть на насъ. Мы прошли Антіохію и продолжали путь черезъ Лаодикею, Габель, Мераклею, Тортозу, крѣпость Архосъ и городъ Триполь. Когда Балдуинъ расположился въ своей палаткѣ, владѣтель этого послѣдняго города послалъ ему хлѣба, вина, дикаго меду, барановъ и далъ знать письмомъ, что Дуканъ, владѣтель Дамаска, и эмиръ Гинагальдоль, князь Алеппо, поджидаютъ насъ вмѣстѣ съ турками, сарацинами и арабами на дорогѣ, по которой, они знали, мы должны проходить, и намѣрены сдѣлать нападеніе. Мы сначала не повѣрили этому извѣстію, но потомъ убѣдились въ его справедливости. Недалеко отъ Байрута, миляхъ въ пяти, дорога шла вдоль самаго морскаго берега; она была неизбѣжна для всѣхъ, кто шелъ по этому направленію, и слишкомъ узка для прохода арміи. Еслибы непріятель утвердился въ этомъ проходѣ заранѣе, то 100 тысячъ человѣкъ не могли бы имъ овладѣть; между тѣмъ достаточно было сотни или 70 человѣкъ хорошо вооруженныхъ для охраненія этого прохода. Въ этомъ-то мѣстѣ и надѣялись невѣрные остановить насъ и перерѣзать всѣхъ. Когда лазутчики, шедшіе впереди, приблизились къ этому проходу, они замѣтили большое число турокъ, отдѣлившихся отъ своихъ; послѣдніе выступили на насъ и поджидали нашего прибытія. Видя это, лазутчики, замѣтившіе, что позади этихъ язычниковъ скрывается гораздо болѣе многочисленное войско, отправили вѣстника дать знать Балдуину о всемъ происшедшемъ. Балдуинъ, узнавъ о томъ, построилъ отрядъ въ боевой порядокъ, по всѣмъ правиламъ искусства, раздѣлилъ его на нѣсколько линій, и мы двинулись на непріятеля съ распущенными знаменами, но тихимъ шагомъ. Видя, что скоро начнется битва, мы, не переставая идти, съ умиленіемъ сердца и благоговѣйно просили помощи Всевышняго. Передовой отрядъ невѣрныхъ немедленно завязалъ бой съ нашею первою линіей; многіе пали съ ихъ стороны, и у насъ было убито четверо. Битва скоро прекратилась; мы совѣщались и опредѣлили расположиться лагеремъ, какъ можно ближе къ непріятелю, чтобы онъ не подумалъ, что мы струсили или готовимся къ бѣгству. Такъ мы говорили это, но думали иначе; мы показывали видъ, что не боимся, но на дѣлѣ опасались смерти. Отступить было трудно; идти впередъ еще труднѣе; непріятель обступалъ насъ со всѣхъ сторонъ: и съ кораблей, и съ вершины горъ. Въ этотъ день у насъ ни люди, ни животныя не видѣли ни пищи, ни покоя.

Что касается меня, то я предпочелъ бы въ это время быть въ Шартрѣ или Орлеанѣ, нежели въ томъ мѣстѣ. Всю ночь мы не смыкали глазъ и оставались внѣ палатокъ, удрученные печалью. На разсвѣтѣ, когда заря начала разгонять мракъ, мы держали совѣтъ, чтобы рѣшить, заботиться ли намъ еще о жизни, или прямо умереть. Положено было снять палатки и идти назадъ, пустивъ передъ собою вьючныхъ животныхъ съ нашей поклажей и погонщиковъ; вооруженные люди должны были слѣдовать за ними и защищать ихъ отъ нападенія сарацинъ. Дѣйствительно, сарацины, замѣтивъ съ утра, что мы отступаемъ, спустились поспѣшно, думая преслѣдовать насъ, какъ обращенныхъ въ бѣгство: одни тревожили насъ съ кораблей; другіе преслѣдовали по пятамъ; а третьи, какъ конные, такъ и пѣшіе, тѣснили къ горамъ, какъ барановъ, которыхъ загоняютъ въ овчарню. Ихъ намѣреніе состояло въ томъ, чтобы, при выходѣ изъ долины, гдѣ гора подходитъ къ самому морю, истребить насъ безъ всякаго труда. Но такъ не случилось, какъ они ожидали. Наши вожди согласились напередъ въ планѣ и говорили между собою: „Если намъ удастся остановить непріятеля въ равнинѣ, то можетъ быть, что, обратившись на нихъ и сражаясь мужественно, мы успѣемъ съ божіею помощью вырваться изъ ихъ рукъ“. Между тѣмъ язычники бросились съ своихъ кораблей и успѣли отрѣзать голову тѣмъ изъ нашихъ, которые шли неосторожно близь моря; они обрушились на нашъ тылъ въ долинѣ, о которой мы говорили, осыпали насъ стрѣлами и разразились бранью, крича, какъ лающія собаки или завывающіе волки. Что̀ сказать далѣе? Мы не имѣли убѣжища нигдѣ; не было дороги, чтобы уйти отъ смерти, никакого исхода для бѣгства и, еслибы остались на мѣстѣ, никакой надежды на спасеніе. Самъ Соломонъ не зналъ бы, что̀ дѣлать, и Самсонъ не могъ бы одержать побѣды. Но милосердный и всемогущій Богъ, удостоивъ взглянуть съ высоты неба на землю и видя наше смиреніе, отчаяніе и опасность, въ которую мы впали, служа ему и любя его, былъ тронутъ тѣмъ сожалѣніемъ, съ которымъ онъ всегда спѣшитъ на помощь своимъ людямъ. Въ своемъ милосердіи онъ внезапно внушилъ нашимъ воинамъ такую храбрость, что они, обратившись назадъ, принуждаютъ къ бѣгству по дорогѣ, расходившейся въ три стороны, тѣхъ самыхъ, которые еще недавно преслѣдовали ихъ, а теперь не хотятъ даже и защищаться. Одни изъ варваровъ бросаются съ утесовъ; другіе ищутъ убѣжища въ безопасныхъ мѣстахъ; третьи, бывъ настигнуты, погибаютъ подъ ударами меча. Вы увидѣли бы, какъ ихъ корабли летѣли по волнамъ, какъ будто мы могли схватить ихъ руками; другіе же въ страхѣ поспѣшно лѣзли по горамъ и возвышеніямъ. Славясь такою побѣдою, наши возвратились полные радости, чтобы соединиться съ погонщиками, которые во время схватки сторожили на дорогѣ животныхъ, навьюченныхъ багажемъ; и всѣ мы воздали хвалу Богу за могущественную помощь, которую онъ намъ оказалъ въ минуту крайней опасности. О, какъ дивны дѣла божіи! Какъ велико было его чудо, и какъ оно достойно быть начертано въ нашей памяти! Мы были побѣждены, и побѣжденные побѣдили. Побѣдили не мы; и какъ же мы могли побѣдить? Тотъ, кто побѣдилъ, тотъ одинъ всемогущъ. „Если Богъ за насъ, то

кто противъ насъ (къ Римл. VIII, 31)?", и онъ былъ за насъ и съ нами, исполнивъ на насъ то, что пророкъ сказалъ израильтянамъ: „Если вы послѣдуете моимъ правиламъ, если вы сохраните и соблюдете мои предписанія то я дамъ вамъ слѣдующій даръ: пятеро васъ будутъ преслѣдовать сто, а сто погонятъ предъ собою десять тысячъ (Лев. XXVI, 3 и 8)". Такъ какъ мы днемъ и ночью переносили трудъ на службѣ Господу, то онъ въ своемъ правосудіи сломилъ гордыню невѣрныхъ. Между тѣмъ было приказано разставить палатки и собрать тѣла и оружіе убитыхъ. Тѣ, которые успѣли поймать лошадей съ сѣдлами и золочеными уздечками, привели ихъ также въ лагерь. По прошествіи ночи, рано утромъ, мы, сообразно благоразумному распоряженію, отступили къ одному разоренному замку; тамъ былъ произведенъ безпристрастный дѣлежъ между воинами лошадей и другихъ предметовъ, отнятыхъ у турокъ; потомъ, когда наступила ночь, мы расположились отдохнуть подъ оливами и кустарниками. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Балдуинъ, по своей обычной отвагѣ, взявъ столько людей, сколько ему казалось нужнымъ, пустился впередъ на своемъ бѣгунѣ и быстро подскакалъ къ тому проходу, гдѣ насъ такъ дурно встрѣтили; онъ хотѣлъ убѣдиться, занято ли то мѣсто сарацинами. Прибывъ туда, онъ не нашелъ тамъ никого изъ невѣрныхъ; всѣ они, бывъ разсѣяны нашимъ оружіемъ, обратились въ бѣгство: онъ воздалъ хвалу Богу и повелѣлъ развести огни на вершинѣ горъ, чтобы тѣмъ дать знакъ къ скорѣйшему слѣдованію за нимъ другихъ, которые оставались въ лагерѣ. Едва мы замѣтили огни, какъ возблагодарили Господа; потомъ, слѣдуя за лазутчиками къ тому знаку, мы нашли милостью божіей просторную дорогу и потянулись по ней. Въ этотъ же день мы достигли города Байрута; его эмиръ, узнавъ о томъ, отправилъ на судахъ Балдуину, но болѣе изъ страха, чѣмъ по любви, съѣстные припасы, въ количествѣ на нѣсколько дней. Жители другихъ городовъ, мимо которыхъ мы шли, какъ-то: Сидонъ. Тиръ и Акконъ или Птолемаида, сдѣлали то же; всѣ они хотя и питали злобу въ сердцѣ, но притворялись дружелюбными. Въ то время Танкредъ владѣлъ за̀мкомъ Каифой, который былъ взятъ приступомъ въ одинъ годъ съ завоеваніемъ Іерусалима; но такъ-какъ Танкредъ былъ еще тогда дурно расположенъ къ Балдуину, то мы и не зашли туда. Впрочемъ Танкреда не было въ за̀мкѣ; но его люди, считавшіе насъ за братьевъ и желавшіе видѣться съ нами, продавали намъ и хлѣбъ, и вино. Потомъ мы прошли Палестинскую Цезарею и крѣпость Арзутъ, который иные по невѣжеству принимаютъ за Азотъ, одинъ изъ пяти филистимлянскихъ городовъ, лежащій между Іоппе и Аскалономъ и обращенный нынѣ въ развалины. Наконецъ мы достигли Іоппе, гдѣ наши франки встрѣтили радостно Балдуина, какъ короля. Оттуда, не останавливаясь, мы поспѣшили къ Іерусалиму. Когда мы приблизились къ св. городу, всѣ, и духовные, и міряне, вышли на-встрѣчу Балдуину; греки и сиріяне сбѣжались также, неся кресты и свѣчи; всѣ громко хвалили Господа, принимали новаго короля съ почетомъ и торжествомъ и провожали его до самаго Храма Гроба господня. Но патріарха Даимберта не было при этомъ блестящемъ пріемѣ; его обвиняли предъ Балдуиномъ, къ которому онъ

былъ нерасположенъ; впрочемъ его самого не любили въ большей части народа. Потому, лишенный своего престола, онъ проживалъ на горѣ Сіонѣ и тамъ оставался до тѣхъ поръ, пока не получилъ прощенія за свои преступные замыслы.

XXIII. Отдохнувъ въ Іерусалимѣ дней шесть, что̀ было для насъ такъ необходимо, и когда король успѣлъ нѣсколько устроить свои дѣла, мы пустились въ новый походъ. „Всѣ тѣ, которые имѣютъ врага — я говорю это языкомъ мірскимъ — должны безпрестанно преслѣдовать его всѣми мѣрами, пока онъ не будетъ вынужденъ утомленіемъ брани, или силою, къ прочному миру". Балдуинъ, ставъ во главѣ своей арміи и пройдя Азотъ, отправился къ Аскалону, расположенному на берегу моря, между тѣмъ городомъ и Ямніей. Прибывъ къ Аскалону, онъ загналъ сарацинъ, осмѣлившихся на него напасть, въ городскія стѣны; но, не найдя благопріятнаго случая для дальнѣйшей попытки, онъ отступилъ отъ города и возвратился въ палатки. На слѣдующій день, мы отправились въ болѣе обширную мѣстность, гдѣ могли хорошо содержать себя и нашихъ вьючныхъ животныхъ, разоряя страну непріятеля. На дорогѣ намъ встрѣтилось много хижинъ; сарацины, жившіе тамъ, при нашемъ приближеніи, скрылись вмѣстѣ съ своими стадами и имуществомъ въ пещеры. Едва только нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ удалось убить, потому мы развели большой огонь при входѣ въ пещеры; дѣйствительно, жаръ и дымъ принудили этихъ людей выйти и сдаться намъ. Между ними нашлось нѣсколько разбойниковъ, которые ничѣмъ другимъ не занимались, какъ только дѣлали засады христіанамъ между Рамлою и Іерусалимомъ и умерщвляли ихъ. Сиріяне, христіане, какъ и они, жившіе въ такихъ же хижинахъ и спрятавшіеся вмѣстѣ съ ними въ подземельяхъ, выдали ихъ преступленія; признавъ ихъ виновными, мы рубили имъ головы по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ пещеръ. Но сиріяне и ихъ жены были пощажены; сарацинъ же мы перебили до сотни. Послѣ того король Балдуинъ приказалъ отправить всѣхъ сиріянъ въ Аскалонъ, опасаясь, что ихъ могутъ перерѣзать. Когда все, что̀ производить эта страна, и хлѣбомъ, и животными, было съѣдено нами, и мы не могли надѣяться болѣе извлечь еще какую-нибудь выгоду изъ этой мѣстности, уже издавна разоренной, Балдуинъ совѣщался съ сарацинами, родившимися и выросшими въ этой странѣ, но обращенными въ христіанство и которые хорошо знали на большомъ пространствѣ всю эту страну. Было рѣшено идти въ Аравію. Перейдя горы съ гробницами патріарховъ, гдѣ погребены Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, ихъ сынъ, правдолюбивый Іосифъ, Сара и Ревекка, въ разстояніи около 40 миль отъ Іерусалима, мы прибыли въ долину, гдѣ на мѣстѣ преступныхъ городовъ Содома и Гоморры, разрушенныхъ и поглощенныхъ, по справедливому приговору Господа, образовалось большое Асфальтово озеро, или такъ называемое Мертвое море. Длина этого озера, начиная отъ сосѣднихъ мѣстъ съ Содомомъ и до Зооры въ Аравіи, простирается на 580 стадій, а ширина доходитъ до 150; воды его солоны до того, что ни четвероногія, ни птицы не могутъ ее пить; я самъ, *Фулькерій Шартрскій*, убѣдился въ томъ собственнымъ опытомъ; сойдя съ мула, я спустился къ берегу озера, попробовалъ

воду и нашелъ ее болѣе горькою, чѣмъ ревень. Вотъ почему никакое существо не можетъ жить въ этомъ озерѣ, даже рыба не держится въ немъ, почему его и называютъ *Мертвымъ*. Близъ этого озера или Мертваго моря находится гора также соленая, но не вся, а мѣстами, гдѣ она тверда какъ камень, и бѣла какъ снѣгъ; соль, изъ которой она сформирована, часто отрывается кусками и летитъ сверху внизъ. Я полагаю, что это озеро сдѣлалось соленымъ отъ двухъ причинъ: оно поглощаетъ въ себѣ безпрерывно горную соль, омывая ту гору непосредственно своими водами, и кромѣ того въ него стекаетъ дождевая вода, которая скатывается съ горы. Возможно также и то, что, при необыкновенной глубинѣ озера, море подземными путями вливаетъ въ него свою воду. Замѣчательно также и то, что опуститься на дно и утонуть, даже съ намѣреніемъ, въ этомъ озерѣ весьма трудно. Мы объѣхали сѣверный берегъ и нашли тамъ небольшой городокъ, по имени Сегоръ, въ пріятномъ мѣстоположеніи и весьма богатый тѣмъ родомъ пальмы, которая даетъ сладкій плодъ, служившій намъ пищею, и мы не могли достать ничего другого. При первомъ слухѣ о нашемъ приближеніи, арабы, населявшіе страну, обратились всѣ въ бѣгство, за исключеніемъ нѣсколькихъ оборванцевъ, черныхъ какъ мыло, и которыхъ мы оставили въ покоѣ, какъ никуда негодную морскую траву. Въ этомъ же мѣстѣ я видѣлъ на многихъ деревьяхъ нѣчто въ родѣ плода; разбивъ его кору, я не нашелъ внутри ничего, кромѣ черной пыли. Оттуда мы вступили въ гористую мѣстность Аравіи и провели ночь въ пещерахъ, которыми она богата. На слѣдующее утро, когда мы переходили горы, намъ встрѣтилось много хижинъ, но въ нихъ не было никакихъ съѣстныхъ припасовъ, а жители ихъ, услышавъ о нашемъ появленіи, бѣжали и спрятались вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ въ подземелья. Не имѣя никакой выгоды оставаться въ томъ мѣстѣ, мы направились въ другую сторону, слѣдуя постоянно за путеводителями, которые предшествовали намъ. Предъ нами открылась долина, богатая всякаго рода плодами, та самая, гдѣ Моисей, просвѣщенный Богомъ, ударилъ два раза своимъ посохомъ по скалѣ, и тотчасъ, какъ сказано о томъ въ св. Писаніи, излился изъ нея ручей живой воды въ количествѣ достаточномъ, чтобы напоить весь народъ израилевъ и его стадо. Этотъ ключъ бьетъ и теперь съ тѣмъ же изобиліемъ и образуетъ небольшой потокъ, но весьма быстрый, такъ что онъ приводитъ въ движеніе мукомольныя мельницы. Я самъ, *Фулькерій Шартрскій*, напоилъ тамъ своихъ лошадей. На вершинѣ горы стоялъ монастырь, извѣстный подъ именемъ монастыря св. Аарона и построенный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей и Ааронъ бесѣдовали обыкновенно съ Богомъ. Для насъ было большою радостью видѣть это святое мѣсто, бывшее намъ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ. Такъ-какъ за этою долиною страна была необработанна и пустынна до самого Вавилона (Каиръ), то и мы не рѣшились идти дальше. Эта долина, сказать правду, изобиловала произведеніями всякаго рода; но во время нашего пребыванія въ ея хижинахъ жители ихъ, унеся съ собою имущество и уведя скотъ, разбѣжались и скрылись въ самыхъ отдаленныхъ убѣжищахъ и въ углубленіяхъ между скалами, защищаясь отважно всякій разъ, когда мы пытались приблизиться къ нимъ.

Отдохнувъ три дня и подкрѣпивъ пищею себя и животныхъ, мы навьючили ихъ всякаго рода провизіей, и во второмъ часу дня (т. е. по восходѣ солнца), въ хорошую погоду, по данному знаку королевской трубой, двинулись въ обратный путь. Пройдя мимо упомянутаго моря и гробницъ патріарховъ, о которыхъ говорилось выше, мы оставили за собою Виѳлеемъ и мѣсто погребенія Рахили и благополучно прибыли въ Іерусалимъ въ самый день зимняго равноденствія. Вслѣдъ затѣмъ были сдѣланы должныя приготовленія къ коронованію Балдуина. Въ то же время патріархъ Даимбертъ примирился съ Балдуиномъ и нѣкоторыми изъ каноников своей церкви.

XXIV. Въ день рождества господня 1101 года Балдуинъ былъ торжественно помазанъ и вѣнчанъ королемъ, въ церкви блаженной Маріи, въ Виѳлеемѣ, руками того же самаго патріарха, въ присутствіи епископовъ, духовенства и народа. Готфридъ, братъ и предшественникъ Балдуина, не дѣлалъ того, потому что нѣкоторые выражали свое неодобреніе, и онъ самъ не желалъ. Но, обдумавъ болѣе зрѣло этотъ вопросъ, всѣ согласились, что коронованіе необходимо для Балдуина. Именно, говорили: „Какой смыслъ имѣетъ то возраженіе, что Христосъ, нашъ Господь, какъ самый послѣдній преступникъ, былъ увѣнчанъ терніемъ руками вѣроломныхъ евреевъ, и перенесъ между прочими и это оскорбленіе въ своемъ милосердіи, ради нашего спасенія? Въ глазахъ евреевъ терновый вѣнецъ, конечно, не былъ почетнымъ отличіемъ и знакомъ царственной власти, а скорѣе безчестіемъ и позоромъ; только милостью божіею нанесенное этими палачами оскорбленіе Господу обратилось къ нашей славѣ и нашему спасенію. То же должно сказать и о королѣ: онъ дѣлается королемъ по волѣ Всевышняго; по правильномъ избраніи, его должно посвятить и благословить. Тотъ, кто облекается въ званіе короля и получаетъ золотую корону, налагаетъ на себя почетное бремя, осуждающее его творить правду, которой требуютъ отъ него. Если Богъ поручаетъ ему свой народъ, то съ тѣмъ, чтобы онъ заботился о немъ и ограждалъ его отъ враговъ. Конечно, о королѣ можно хорошо сказать то же, что̀ въ Писаніи (I къ Тимоѳ. III, 1) сказано всѣмъ епископамъ о ихъ званіи: „Если кто епископства желаетъ, *добраго дѣла* желаетъ“. И если король правитъ не какъ слѣдуетъ, то онъ не король.

Въ началѣ своего управленія Балдуинъ, владѣвшій только нѣсколькими городами съ населеніемъ малочисленнымъ, могущественно защищалъ, даже и зимою, свое государство отъ нападенія непріятелей, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Сарацины, зная его за воина испытанной храбрости, не осмѣливались нападать на него, хотя его армія была весьма слаба. Еслибы у него было больше силы, то онъ охотно выступилъ бы противъ непріятеля. Въ то время дорога въ Палестину сухимъ путемъ (т. е. чрезъ Венгрію и Грецію) была невозможна для странниковъ; но моремъ, какъ франки, такъ итальянцы или венеціане, успѣвали пробиваться чрезъ непріятельскихъ пиратовъ и проходили подъ стѣнами городовъ невѣрныхъ съ однимъ, двумя, даже тремя, четырьмя кораблями, и если Богъ помогалъ, то они, хотя и съ величайшимъ страхомъ, достигали Іоппе, единственной гавани, принадлежавшей намъ. Узнавая о ихъ прибытіи изъ западныхъ

странъ, мы немедленно и съ радостнымъ сердцемъ шли имъ на встрѣчу и привѣтствовали другъ друга; мы принимали ихъ на самомъ морскомъ берегу, какъ братьевъ, и каждый изъ насъ ждалъ вѣстей съ родины о домашнихъ; они разсказывали намъ все, что̀ знали, и, сообразно съ тѣмъ, мы или радовались благополучію, или сѣтовали о несчастіи дорогихъ нашему сердцу. Новоприбывшіе отправлялись въ Іерусалимъ и посѣщали св. мѣста; нѣкоторые изъ нихъ утверждались въ св. землѣ, другіе же возвращались домой и даже во Францію. Вслѣдствіе того Іерусалимъ оставался всегда безъ населенія и не имѣлъ довольно силъ защищаться отъ сарацинъ, если они осмѣливались нападать. Но почему они не осмѣливались? Какимъ образомъ такое множество народовъ и могущественныхъ государствъ опасалось обрушиться на наше бѣдное государство и на нашъ малочисленный народъ? Почему въ Египтѣ, Персіи, Месопотаміи и Сиріи не соединятся нѣсколько сотъ изъ ихъ сотенъ тысячъ, чтобы идти на насъ, ихъ враговъ? Отчего эти люди, многочисленные, какъ саранча, пожирающая жатвы полей, не явятся поглотить насъ и истребить до конца, такъ чтобы больше не было и рѣчи о христіанахъ въ той странѣ, которая нѣкогда принадлежала имъ? Дѣйствительно, у насъ въ то время было не болѣе *трехсотъ* рыцарей и столько же пѣшихъ людей для охраненія Іерусалима, Іоппе, Рамлы и за̀мка Каифы. Мы едва осмѣливались по временамъ собирать и это войско вмѣстѣ, чтобы устроить засаду врагу, опасаясь оставить на это время беззащитными тѣ города. Для всякаго очевидно, что только однимъ чудомъ мы, окруженные тысячами тысячъ враговъ, могли властвовать надъ ними, брать съ нихъ дань и разорять ихъ грабежемъ и убійствомъ. Откуда же въ насъ эта сила, откуда мы почерпаемъ свою мощь? Намъ далъ все это тотъ, кому имя: Всемогущій. Не забывая своего народа, преодолѣвшаго всѣ затрудненія для славы его имени и возложившаго все упованіе на него, Онъ служилъ ему опорою въ годину бѣдствій. Это— Богъ, утѣшавшій свой народъ временною наградою за его труды и обѣщавшій ему въ будущемъ вѣчную славу. О, такое время достойно жить въ нашей памяти! Часто мы приходили въ отчаяніе, видя, что изъ западныхъ странъ не являются къ намъ ни родственники, ни друзья; мы трепетали при мысли, что наши враги, замѣтивъ нашу малочисленность, нападутъ на насъ неожиданно, когда только одинъ Богъ будетъ въ состояніи подать намъ помощь. Впрочемъ мы ни въ чемъ не имѣли бы недостатка, еслибы у насъ были люди и лошади; но именно по этой причинѣ мы не рѣшались предпринимать никакого похода; если мы иногда и выѣзжали, то на небольшія разстоянія, къ Аскалону и Арсуту. Прибывавшіе въ Іерусалимъ моремъ не могли никакимъ образомъ брать съ собой лошадей, а сухимъ путемъ никто не приходилъ къ намъ. Антіохійцы не могли намъ помочь, и мы съ своей стороны не были въ состояніи помогать имъ.

Слѣдуетъ отступленіе о томъ, какъ Танкредъ передалъ Каифу и Тиверіаду Балдуину, бывъ самъ призванъ править Антіохіею, по случаю плѣна ея князя Боэмунда.

Въ это время въ Лаодикеѣ провелъ всю зиму флотъ итальянцевъ и генуэзцевъ, состоявшій изъ шпорныхъ кораблей. Когда эти люди увидѣли, что весна обѣщаетъ благопріятное плаваніе, они пустились въ море и при попутномъ вѣтрѣ приплыли къ Іоппе; король встрѣтилъ ихъ прибытіе съ радостью. Такъ-какъ приближалось время Пасхи, то они не хотѣли оставаться въ этомъ городѣ, и, вытащивъ корабли на берегъ, отправились съ Балдуиномъ въ Іерусалимъ. Всѣ мы находились тогда въ большомъ горѣ, ибо огонь, который обыкновенно сходитъ съ неба въ св. субботу на Гробъ господень, нынѣшній разъ не являлся. Относительно этого событія ходитъ много разсказовъ, но ихъ слѣдуетъ приводить съ осторожностью [1]).

Такъ какъ Богъ допускаетъ ежегодно, чтобы, наканунѣ Пасхи сходилъ огонь съ неба на Гробъ Спасителя и зажигалъ висящія надъ нимъ лампады, то обыкновенно въ этотъ день всѣ находящіеся въ монастырѣ проводятъ канунъ Пасхи въ молитвѣ и пѣснопѣніи, ожидая благоговѣйно, когда небесный огонь будетъ ниспосланъ Всевышнимъ. Въ этомъ году (1101) и въ этотъ день (т. е. въ субботу), когда весь храмъ наполнился народомъ, патріархъ приказалъ каноникамъ начать дневную службу около третьяго часу дня. Чтеніе производилось поочередно: сначала читалъ латинъ по-латыни, а потомъ грекъ по-гречески, повторяя съ возвышенія то, что̀ читалъ латинъ. Вдругъ, въ то время, когда каноники служили такимъ образомъ службу, незадолго до девятаго часа, одинъ изъ грековъ, по древнему обычаю, громогласно запѣлъ, въ одномъ изъ угловъ монастыря: „Господи помилуй!“ Всѣ присутствовавшіе повторили то же самое и тѣмъ же голосомъ; я, *Фулькерій,* не слыхавшій никогда подобнаго пѣнія, и многіе другіе, для которыхъ все то было также новостью, обративъ глаза къ небу, поднялись съ земли съ трепетнымъ ожиданіемъ въ сердцѣ. Полагая, что небесный огонь уже зажегъ лампады въ храмѣ, мы смотрѣли по всѣмъ сторонамъ, вверхъ и внизъ, съ большимъ умиленіемъ души, но не замѣтили никакого огня, который бы показался. Между тѣмъ грекъ въ третій разъ запѣлъ громко: „Господи помилуй“; всѣ отвѣчали ему съ ужасными криками, повторяя тѣ же слова; потомъ и онъ, и другіе смолкли, и каноники возобновили прерванную службу. Мы продолжали все ждать появленія священнаго огня, который показывается обыкновенно около девятаго часа. Немного спустя, „Господи помилуй“ повторилось тѣмъ же способомъ, какъ и въ первый разъ, и всѣ мы, увлеченные этимъ голосомъ, отвѣчали громко тѣми же словами. Желая отъ всей души появленія огня и не видя того, мы умолкли, а каноники продолжали чтеніе. Прошелъ и девятый часъ; въ третій разъ пропѣли: „Господи помилуй“; тогда патріархъ, взявъ ключи отъ Гроба господня, открылъ дверь и вошелъ; не найдя огня, котораго они такъ ожидали, онъ распростерся въ слезахъ предъ гробомъ и уничиженно просилъ Всемогущаго, чтобы Господь Іисусъ Христосъ удостоилъ свой народъ небеснаго огня, который сходилъ обыкновенно въ его присутствіи. А мы, крича изъ всѣхъ силъ: „Го-

---

[1]) См. разсказъ о томъ же чудѣ у русскаго пилигрима, современнаго нашему автору, ниже, въ ст. 25.

споди помилуй", молили Бога, въ ожиданіи, что патріархъ выйдетъ изъ пещеры и покажетъ намъ свѣтъ, ниспосланный Богомъ и найденный имъ, какъ мы льстили себя, въ св. Гробѣ. Но послѣ долгой и слезной молитвы, не получивъ желаемаго, онъ вышелъ, сталъ предъ нами съ печальнымъ лицомъ и объявилъ, что не нашелъ небеснаго огня.

Слѣдуетъ длинное описаніе народнаго отчаянія, новыхъ пѣній, процессій, не смотря на которыя огонь не появлялся ни въ субботу, ни въ ночь на воскресенье. Рано утромъ, въ самый день Пасхи, совершена была снова процессія къ главному храму и отъ него обратно къ храму Гроба.

Когда наши, окончивъ моленіе въ храмѣ Господа, возвращались къ храму св. Гроба, прежде нежели они переступили двери, къ патріарху явились съ извѣстіемъ, что желаемый огонь снизошелъ съ неба, что одна изъ лампадъ надъ гробницею загорѣлась, и что стоявшіе ближе къ тому мѣсту замѣтили огонь сквозь окно. Едва патріархъ услышалъ эту новость, какъ радостно ускорилъ шаги, открылъ ключемъ, который былъ у него въ рукахъ, дверь божественной гробницы и увидѣлъ на одной изъ ламп ъ огонь. Придя въ восторгъ и возблагодаривъ Бога, онъ распростерся смиренно у св. Гроба; потомъ, зажегши у лампады свѣчку, онъ вошелъ въ церковь и показалъ всѣмъ священный огонь. При видѣ этого, мы, присутствующіе, запѣли со слезами: „Господи помилуй"; проникнутые радостью, мы испытали тѣмъ бóльшій восторгъ, чѣмъ сильнѣе было прежде наше горе. Въ ту минуту крики торжества и славословія раздавались по всему св. городу. Трубы звучали, народъ рукоплескалъ; духовенство, ликуя, воспѣвало псалмы; и сладкое пѣніе ихъ сливалось съ звуками припѣвовъ послѣ каждаго стиха. У всякаго была свѣча, заготовленная впередъ для небеснаго огня; на разстояніи мили виднѣлись тысячи свѣчъ, зажженныхъ въ церкви у самаго св. огня, который передавался отъ однихъ другимъ. „Сей день, говорили мы, его же сотворилъ Господь; возрадуемся и возвеселимся сегодня" (Пс. 117, 24). И дѣйствительно, въ этотъ день Пасха, этотъ праздникъ праздниковъ, былъ такъ блестящъ, что я не могу того и выразить. Обѣдня въ св. воскресенье была отправлена съ подобающимъ торжествомъ; по окончаніи ея, король Балдуинъ, который, по королевскому обычаю, присутствовалъ въ церемоніи съ короною на головѣ, возсѣдалъ на великолѣпномъ пиршествѣ въ храмѣ Соломона. Едва кончился обѣдъ, какъ пришли дать знать Балдуину и всѣмъ намъ, находившимся при немъ, что священный огонь, появившись снова, чудеснымъ образомъ возжегъ двѣ другія лампады, висѣвшія надъ сводомъ церкви св. Гроба. При этомъ извѣстіи мы снова воздали хвалу Богу, и подъ вліяніемъ восторга бросились посмотрѣть на это чудо. Король и другіе слѣдовали за нами; мы вошли въ церковь, смотримъ на огонь, о которомъ сказали намъ и который горѣлъ въ лампадахъ, и видимъ, что народъ толпится около каждой изъ нихъ съ зажженными свѣчами или приготовленными къ тому, восхваляя при этомъ Бога и выражая свой восторгъ. Одинъ показывалъ сосѣду на чудо и говорилъ: „Смотри

лампада начинаетъ зажигаться“. Другой отвѣчалъ: „Вонъ, другая уже загорѣлась; я лучше отъ нея зажгу свѣчу, а ты — зажигай тамъ“. Третій прибавлялъ: „Останемся возлѣ этой лампады, и подождемъ, когда огонь загорится; развѣ вы не видите, что другія лампады уже теплятся? Посмотрите, дымъ начинаетъ образовывать облако, а вотъ показывается и пламя“. Такимъ-то образомъ, клянусь, Господь исполнилъ свой народъ радости, и воспоминаніе объ этомъ преславномъ чудѣ, повторяющемся безпрестанно, сдѣлаетъ тотъ день знаменитымъ и приснопамятнымъ изъ вѣка въ вѣкъ.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ XXV до LXXXII, авторъ замѣчаетъ различныя происшествія, важныя и второстепенныя, случившіяся въ царствованіе Балдуина I и его преемника, Балдуина II, до 1127 г., подъ которымъ онъ успѣлъ только замѣтить одно событіе, а именно, что въ Палестинѣ развилось такое множество крысъ, что онѣ напали на быка и пожрали его вмѣстѣ съ семью баранами. Этимъ и оканчивается лѣтопись.

Капелланъ Фулькерій Шартрскій.

Gesta peregrinantium Francorum cum armis Hierusalem pergentium. — Гл. XXII—XXIV.

Фулькерій Шартрскій (Fulcherius Carnotensis, regum Balduini I et II capellanus) капелланъ, т. е. секретарь королей Іерусалимскихъ Балдуина I и II, родился въ г. Шартрѣ (Carnutum) 1059 г., и, вмѣстѣ съ Робертомъ Нормандскимъ и Стефаномъ Блоа, предпринялъ первый крестовый походъ. На дорогѣ изъ Никеи въ Антіохію онъ оставилъ главную армію Готфрида и своихъ графовъ и удалился въ Эдессу, принявъ званіе капеллана при лицѣ Балдуина, сдѣлавшагося княземъ Эдесскимъ. Вслѣдствіе того онъ не видалъ взятія ни Антіохіи, ни Іерусалима. Но по смерти Готфрида Фулькерій перешелъ вмѣстѣ съ новымъ королемъ Балдуиномъ I въ Іерусалимъ и сохранялъ свое званіе капеллана какъ при Балдуинѣ I, такъ и при его преемникѣ, Балдуинѣ II Буржскомъ. Потому съ этой эпохи его хроника пріобрѣтаетъ снова важное значеніе. Вотъ какимъ образомъ оцѣниваетъ Мишо (Bibl. des Crois. I, 82 стр.) достоинство труда Фулькерія: „Этотъ историкъ писалъ не простую хронику; онъ умѣлъ вставлять въ свои разсказы подробности и курьезныя наблюденія надъ природой; изложеніе у него просто; повсюду видна наивность, составляющая всю прелесть его разсказовъ. Фулькерій (Foucher) не разсказываетъ ни одного событія, котораго онъ былъ очевидцемъ, безъ того, чтобы въ то же время не сообщить тѣхъ впечатлѣній, которыя оно производило на его духъ; и радость, и боязнь, и печаль, даже мечты — все это онъ высказываетъ съ откровенностью, которая заставляетъ иногда улыбнуться, но за то служитъ ручательствомъ истинности разсказа. Фулькерій рѣдко обращается къ прошедшему времени; занятый своими мыслями и окружающими предметами, онъ, повидимому, не имѣетъ времени заняться чѣмъ-нибудь другимъ: впечатлѣнія дѣйствительности поглощаютъ, такъ сказать, всѣ способности его ума; если въ немъ остаются какія-нибудь воспоминанія, то это изъ одного священнаго писанія и священныхъ преданій, на которыя ему указы-

вали безпрестанно различныя событія и мѣста, которыя онъ предпринялъ описать". — *Изданія:* первый, кто издалъ его манускриптъ, былъ *Bongars* (Gesta Dei per Francos, I, 381—440) въ началѣ XVII вѣка; но этотъ манускриптъ былъ неполный и останавливался уже на 1124 году; *Duchesne* нашелъ лучшій манускриптъ, продолжавшійся до 1127 года, и издалъ его въ своемъ сборникѣ (Historiae Francorum scriptores coaetanei etc. Par. 1636—49. T. IV, 816—889). Наконецъ, *Martene* открылъ въ Сенъ-Жерменѣ третій манускриптъ, въ которомъ находился и прологъ, и издалъ полный текстъ хроники Фулькерія подъ заглавіемъ: „Дѣянія франкскихъ пилигримовъ, отправившихся на завоеваніе Іерусалима", въ своемъ сборникѣ Thesaurus anecdotorum novus etc. Par. 1717. T. I, 364 стр. — *Переводы:* франц. у *Guizot*, Collect. des mém. etc. Par. 1825. T. XXIV.

---

25. — Изъ записокъ русскаго пилигрима о святыхъ мѣстахъ въ правленіе Балдуина I.

(Около 1112 г.).

Предисловіе.

Я, недостойный игуменъ *Даніилъ,* изъ Русской земли, худшій между всѣми монахами, уничиженный множествомъ грѣховъ и невѣдѣніемъ за собою добраго дѣла, понуждаемый мыслью своею и нетерпѣніемъ своимъ, захотѣлъ увидѣть св. городъ Іерусалимъ и землю, обѣтованную Богомъ Аврааму. Охраняемый волею божіею, я дошелъ до св. города Іерусалима и видѣлъ всю Галилейскую землю и святыя мѣста, и всѣ ихъ обошелъ, гдѣ Христосъ Богъ ходилъ своими ногами и преславно показалъ много чудесъ своимъ св. апостоламъ и ученикамъ. Все это я видѣлъ своими грѣшными очами, и Богъ попустилъ мнѣ видѣть все это, чего я давно желалъ, мучимый своею мыслью. Но, братія и отцы, начальники мои, простите меня и не осудите за мое скудоуміе и грубость, съ которою я писалъ о Іерусалимѣ, и о святомъ пути въ нее: кто ходитъ этимъ путемъ со страхомъ и смиреніемъ, тотъ никогда не минуетъ милости божіей. Но я ходилъ этимъ святымъ путемъ не какъ слѣдуетъ, предавался слабостямъ и лѣности, пилъ и ѣлъ, и неблагоразумно велъ себя; но надѣюсь на милость божію и на вашу молитву, и на то, что Христосъ проститъ мнѣ мои многочисленные грѣхи.

Я описалъ этотъ путь и тѣ святыя мѣста, не возносясь и не величаясь своимъ странствованіемъ: я ничего добраго не совершилъ на этомъ пути, и описывалъ его изъ одной любви къ святымъ мѣстамъ, которыя Богъ показалъ мнѣ недостойному, боясь осужденія того лѣниваго раба, который скрылъ талантъ своего господина и не сдѣлалъ

ему прибыли. Сверхъ того, я писалъ, имѣя въ виду вѣрующихъ, чтобы они, услышавъ разсказъ о святыхъ мѣстахъ, переносились въ нихъ душою и мыслью и получили бы одинаковое воздаяніе съ тѣми, которые ходили сами ко святымъ мѣстамъ. Многіе, оставаясь дома, въ своей странѣ, но, будучи хорошими людьми, милостынею и добрыми дѣлами достигаютъ тѣхъ святыхъ мѣстъ и получаютъ бо̀льшую награду отъ Бога; за то многіе, не смотря на то, что сами ходили ко святымъ мѣстамъ и видѣли св. городъ Іерусалимъ, и возгордились умомъ, какъ будто они сдѣлали что-нибудь доброе, теряютъ награду за свой трудъ; къ числу послѣднихъ я принадлежу первымъ. Есть много и такихъ, которые, дойдя до Іерусалима, возвращаются назадъ, видѣвъ не много добраго, и торопятся уйти; а эту дорогу не слѣдуетъ дѣлать второпяхъ, но потихоньку и со тщаніемъ, чтобы разсмотрѣть всѣ тѣ святыя мѣста въ самомъ городѣ Іерусалимѣ и внѣ его.

Я, недостойный игуменъ Даніилъ, придя въ Іерусалимъ, оставался 16 мѣсяцевъ въ лаврѣ св. Саввы, и оттуда ходилъ по всѣмъ святымъ мѣстамъ и все хорошо видѣлъ; а хорошо видѣть и разсмотрѣть нельзя безъ вожатая и безъ языка. Потому я всѣмъ подавалъ изъ того, что у меня было подъ рукою въ моихъ скудныхъ средствахъ, чтобы они меня водили по св. мѣстамъ въ городѣ и внѣ его, и все показали порядкомъ; такъ то и случилось. И привелъ Богъ мнѣ встрѣтить въ лаврѣ св. Саввы мужа святого, престарѣлаго и весьма книжнаго, и вложилъ Богъ тому святому мужу въ сердце полюбить меня недостойнаго, и онъ указалъ мнѣ всѣ святыя мѣста, какія находятся въ Іерусалимѣ, и поводилъ меня по всей землѣ, и до Тиверіадскаго моря, и до Ѳавора, и до Назарета, и до Хеврона, и до Іордана, и до Виѳлеема; по всѣмъ этимъ мѣстамъ онъ поводилъ меня и трудился со мною любви ради; я видѣлъ много и другихъ святыхъ мѣстъ, какъ о томъ разскажу ниже.

О пути въ Іерусалимъ. Вотъ какъ идутъ въ Іерусалимъ. Отъ Царяграда (Константинополя) по узкому морю 300 верстъ пути до великаго моря; до острова Петалы (н. Кутала, при входѣ въ Дарданеллы) 100 верстъ; это первый островъ на узкомъ морѣ (т.-е. Мраморномъ); тамъ хорошая гавань; близь этого острова находится великій городъ Ираклей (н. Эраклиста), и противъ него изъ глубины морской выходитъ святое муро; на этомъ мѣстѣ мучитель потопилъ св. мучениковъ. А отъ острова Петалы до Каллиполя 100 верстъ; а отъ Каллиполя 50 верстъ до города Авида (н. Абидосъ); и противъ него лежитъ св. Евфимій новый. А оттуда до Крити 20 верстъ, гдѣ выходятъ въ великое море (Средиземное): налѣво, въ Іерусалимъ, а направо, къ св. Горѣ (Аѳону), Солуню (Ѳессалоника) и къ Риму. Отъ Крити до острова Тенеда (Тенедосъ) 30 верстъ; это первый островъ на великомъ морѣ, и тамъ лежитъ христовъ мученикъ Анеподимъ; противъ этого острова стоялъ великій городъ Троада (Троя); туда приходилъ св. апостолъ Павелъ, научилъ страну вѣрѣ въ Христа и крестилъ ихъ. Отъ острова Тенеда до острова Металина (Митилене) 100 верстъ; тамъ лежитъ св. Георгій, Металинскій митропо-

литъ; оттуда до острова Хіа (Хіосъ) 100 верстъ, и тамъ лежитъ св. мученикъ Сидоръ (Исидоръ); на этомъ островѣ добывается мастика, добрыя вина и всякая овощь. Отъ острова Хіа до города Ефеса 60 верстъ; тамъ гробъ св. Іоанна Богослова; въ гробу его собирается святая персть, въ воспоминаніе его, и эту персть берутъ для исцѣленія отъ всякой болѣзни; тутъ лежитъ и свита (туника) Іоанна, въ которой онъ ходилъ. Тутъ же находится пещера семи отроковъ, гдѣ лежатъ тѣла ихъ, какъ они спали 372 года; при царѣ Декіѣ (императоръ Децій) и при царѣ Θеодосіѣ они снова явились. Въ той же пещерѣ лежатъ 300 св. отецъ, гробъ Маріи Магдалины, тутъ же и голова ея; святой же Тимоѳей, ученикъ св. апостола Павла, лежитъ въ старомъ городѣ. Тутъ же, въ древней церкви, икона св. Богородицы; этою иконою св. отцы усовѣщевали еретика Нестора. Тутъ же прудъ Діоскоридовъ, гдѣ работалъ Іоаннъ Богословъ съ своимъ ученикомъ Прохоромъ, у Романиды; я видѣлъ и ту пристань, гдѣ море выкинуло Іоанна Богослова. Мы простояли тамъ 3 дня, а зовется та пристань муроморяною (тихое море). Городъ Ефесъ лежитъ на материкѣ, въ 4 верстахъ отъ морского берега, въ горахъ, и обилуетъ всѣмъ; тамъ мы покланялись гробу того святого. Хранимые благодатью божіею и молитвами св. Іоанна Богослова, мы отошли съ радостью. Отъ Ефеса до о. Сама (Самосъ) 40 верстъ, и у этого острова много рыбы, и онъ изобилуетъ всѣмъ. Отъ о. Сама до о. Карія (Никарія) 20 верстъ, а отъ о. Карія до Патма (Патмосъ) верстъ 60; о. Патмъ лежитъ далеко въ сторонѣ, въ открытомъ морѣ; на этомъ островѣ, Іоаннъ Богословъ написалъ Евангеліе и былъ тамъ заточенъ съ ученикомъ своимъ Прохоромъ. Далѣе островъ Леросъ, о. Калипиносъ (Калиминосъ), о. Нисера, о. Косъ, весьма большой, всѣмъ богатый, и людьми, и скотомъ; также о. Тилосъ: на этомъ островѣ есть ровъ, который кипитъ горячею сѣрою, и ту сѣру, вываривъ, продаютъ купцамъ; при ея помощи мы добываемъ огонь; далѣе островъ Харкія (Харки). Всѣ эти острова весьма обильны и людьми, и скотомъ, и отстоятъ другъ отъ друга около 10 верстъ. Далѣе о. Родъ (Родосъ), весьма большой и богатый; на этомъ островѣ пребывалъ русскій князь Олегъ, 2 лѣта и 2 зимы (въ 1079 г.). А отъ о. Рода до о. Сама 200 верстъ, а отъ о. Сама до города Макрія (на берегу Ликіи) 60 верстъ.

По поводу г. Макрія авторъ дѣлаетъ отступленіе, разсказывая о добываніи въ томъ мѣстѣ тимьяна гонфита, благовонной мази; далѣе исчисляетъ города по берегу Ликіи, мимо которыхъ онъ плылъ до мыса Хелидонія, откуда поворачивали къ о. Кипру; описавъ о. Кипръ въ отношеніи его святынь и растительности, онъ заканчиваетъ свой маршрутъ:

Отъ о Кипра до г. Яффы 400 верстъ, все по морю, а всего пути по морю 800 верстъ отъ Царяграда до о. Рода; и отъ о. Рода до города Яффы 800 верстъ; всего же пути по морю отъ Царяграда до города Яффы 1600 верстъ. Яффа же стоитъ на морскомъ берегу, близь Іерусалима. А оттуда сухимъ путемъ до Іерусалима 30 верстъ; а до церкви св. Георгія (въ Рамлѣ) 10 верстъ.

Окончивъ маршрутъ отъ Царяграда до Іерусалима, авторъ приступаетъ къ описанію Іерусалима, городскихъ церквей; особенно подробно останавливается на Гробѣ господнемъ; потомъ переходитъ къ окрестнымъ св. мѣстамъ, говоритъ о Іорданѣ и его долинѣ, о Виѳлеемѣ, Хевронѣ, о пути въ Галилею, о Самаріи, Тиверіадѣ, озерѣ Геннисаретскомъ, Ливанѣ, Ѳаворѣ, Назаретѣ, и кончаетъ Каною Галилейскою. Послѣ такого чисто географическаго обзора Палестины, прерываемаго иногда соотвѣтствующими воспоминаніями изъ Евангелія, авторъ заноситъ въ свое сказаніе одно событіе, которое доставило ему случай имѣть разговоръ съ королемъ Іерусалимскимъ Балдуиномъ I, а именно, нисхожденіе небеснаго огня на лампады, висѣвшія у Гроба господня (ср. разсказъ о томъ же Фулькерія Шартрскаго выше, на стр. 290).

О святомъ свѣтѣ, какъ онъ сходитъ съ неба ко Гробу господню. И вотъ, что Богъ дозволилъ видѣть мнѣ, своему худому и недостойному рабу, иноку Даніилу. Я видѣлъ своими грѣшными глазами на дѣлѣ, какъ сходитъ святой свѣтъ къ животворящему Гробу Господа и Спаса нашего Іисуса Христа. Многіе другіе странники несправедливо разсказываютъ о схожденіи святого свѣта: одни говорятъ, что Духъ Святой, въ видѣ голубя, слетаетъ ко Гробу господню; другіе разсказываютъ, что является молнія и зажигаетъ кадила надъ Гробомъ господнимъ; все это ложь, ибо въ то время ничего не видать, ни голубя, ни молніи, но благодать божія сходитъ невидимо и зажигаетъ кадила надъ Гробомъ господнимъ. Разскажу о томъ, какъ самъ видѣлъ, по истинѣ. Въ великую пятницу, послѣ вечерни, отпираютъ Гробъ господень и моютъ кадила, висящія надъ Гробомъ господнимъ, и наливаютъ тѣ кадила однимъ чистымъ деревяннымъ масломъ, безъ воды, и влагаютъ свѣтильни, и не зажигаютъ этихъ свѣтиленъ, но оставляютъ ихъ незажженными, и во 2 часу ночи (т. е. въ восьмомъ вечера) запечатываютъ Гробъ господень. Послѣ того тушатъ всѣ кадила не только тамъ, но и во всѣхъ Іерусалимскихъ церквахъ. Тогда же и я, человѣкъ ничтожный, въ ту же великую пятницу, въ 1 часъ дня (въ седьмомъ часу утра), отправился къ князю Балдвину (Балдуину I, королю Іерусалима), и поклонился ему до земли; онъ же, видя мой поклонъ, подозвалъ меня къ себѣ съ любовью и сказалъ мнѣ: „Чего хочешь, русскій игуменъ?“—Онъ меня зналъ хорошо, и весьма любилъ, бывъ мужемъ добрымъ, смиреннымъ, безъ всякой гордости. Я же ему отвѣчалъ: „Господине княже, молюся тебѣ, Бога ради и князей дѣлмя Рускыхъ, хотѣлъ бы и азъ поставити кандило свое надъ Гробомъ господнимъ за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя земля“. И тогда же князь повелѣлъ мнѣ поставить свое кадило, и съ радостію послалъ со мною лучшаго изъ своихъ мужей къ эконому церкви св. Воскресенія и къ тому, который завѣдуетъ Гробомъ господнимъ. Оба они, и экономъ, и ключарь Гроба господня, повелѣли мнѣ принести кадило свое съ масломъ; я же поклонился имъ съ радостію великою и пошелъ на рынокъ и купилъ кадило стеклянное большое, и налилъ масла чистаго деревяннаго безъ воды, и принесъ ко Гробу господню, когда наступилъ уже вечеръ. Я просилъ того ключаря, а онъ былъ одинъ, и постучался къ нему. Онъ отворилъ двери Гроба

господня и повелѣлъ мнѣ снять обувь (калиги), и ввелъ меня босымъ въ Гробъ господень съ кадиломъ, которое я несъ своими грѣшными руками, и приказалъ мнѣ поставить кадило на Гробѣ господнемъ, и я поставилъ своими грѣшными руками въ ногахъ, гдѣ лежали пречистыя ноги Господа нашего Іисуса Христа; въ головѣ же стояло греческое кадило, на мѣстѣ груди было поставлено кадило св. Саввы и всѣхъ монастырей; таковъ обычай: всякой годъ ставятъ греческое кадило и св. Саввы. По божеской благодати, тѣ три нижнія кадила возжглись, а франкскія (фряжсвое) кадила повѣшены сверху, и отъ тѣхъ кадилъ ни одно не загорѣлось на тотъ разъ, и загорѣлись только тѣ три одни. Я поставилъ свое кадило на св. Гробъ Господа нашего Іисуса Христа, и поклонился честному Гробу господню, и облобызалъ съ любовью и со слезами мѣсто то святое и честное, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа; и вышелъ изъ Гроба того святого съ радостью великою, и отправился въ свою келью. Утромъ въ великую субботу, въ шестомъ часу дня (около полудня), безчисленное множество людей собирается предъ церковью Воскресенія Христова; приходятъ люди изъ всѣхъ земель, странники и туземцы изъ Вавилона и изъ Египта, и изъ Антіохіи, и со всѣхъ сторонъ стекаются люди несказанно много, и наполняются всѣ тѣ мѣста около церкви и около Распятія господня; тѣснота въ церкви и около церкви великая; многіе задыхаются отъ этой тѣсноты; и всѣ эти люди стоятъ съ незажженными свѣчами и ждутъ открытія церковныхъ дверей. Внутри же церкви попы ожидаютъ съ народомъ, когда придетъ князь Балдвинъ съ своею дружиною, и тогда отворятся церковныя двери, и тогда войдутъ всѣ люди въ церковь съ великою тѣснотою, наполнятъ ту церковь и ея пристройки, и будетъ всюду полно въ церкви, и около Голгоѳы, и на мѣстѣ распятія, и даже тамъ, гдѣ находился крестъ господень; все будетъ полно народомъ, и ничего другого не говорятъ, какъ неослабно и сильно взываютъ и вопіютъ: *Господи помилуй!* Такъ что отъ вопля людей дрожали окрестности; вѣрующіе проливали потоки слезъ; если у кого было и каменное сердце, то и тотъ могъ прослезиться: ибо всякій человѣкъ въ такую минуту одумывался и вспоминалъ грѣхи свои и говорилъ про себя: „Быть можетъ, Духъ святой не сойдетъ ради моихъ грѣховъ!“ Такъ стоятъ всѣ вѣрующіе со слезами и съ сокрушеннымъ сердцемъ; и самъ князь Балдвинъ стоитъ со страхомъ и великимъ смиреніемъ, проливая потоки слезъ изъ очей своихъ; также стоитъ и дружина около него у Гроба, близъ великаго алтаря. Былъ седьмой часъ субботы, и князь Балдвинъ отправился изъ своего дома ко Гробу господню и съ дружиною своею, и всѣ босые и пѣшіе идутъ съ нимъ. И послалъ князь въ монастырскую церковь св. Саввы, и позвалъ игумена съ его черноризцами; и пошелъ игуменъ съ братьею ко Гробу господню, и я недостойный шелъ тутъ же съ тѣмъ игуменомъ и съ братіею, и пришли мы къ тому князю, и поклонились ему всѣ. Тогда и онъ поклонился игумену св. Саввы. И повелѣлъ князь игумену св. Саввы и мнѣ недостойному идти вмѣстѣ съ ними по близости себя, а другимъ повелѣлъ идти предъ собою, а дружинѣ повелѣлъ слѣдовать сзади. И пришли мы въ церковь Воскресенія Христова къ

западнымъ дверямъ, и множество людей заступило церковныя двери, и мы не могли войти въ церковь. Тогда князь Балдвинъ повелѣлъ своимъ воинамъ разогнать людей силою; и проложили сквозь людей дорогу, какъ улицу, до Гроба господня, и мы могли такимъ образомъ пройти. И пришли мы къ восточнымъ дверямъ Гроба господня, а князь пришелъ послѣ насъ и сталъ на своемъ мѣстѣ съ правой стороны у ограды великаго алтаря противъ восточныхъ дверей Гроба: ибо тамъ устроено высокое мѣсто для князя; игумену же св. Саввы онъ повелѣлъ стать надъ Гробомъ со всѣми чернецами и съ правовѣрными попами; мнѣ же недостойному повелѣлъ стать высоко надъ самыми дверьми Гроба противъ великаго алтаря, такъ что я видѣлъ двери Гроба; двери же Гроба всѣ три замкнуты и запечатаны царскою печатью. Латинскіе же попы стояли въ главномъ алтарѣ. И былъ восьмой часъ дня; правовѣрные попы начали пѣть вечерню надъ Гробомъ, и всѣ духовные, черноризцы и пустынники, собрались во множествѣ; а латинскіе попы въ главномъ алтарѣ начали взывать по своему (верещати) и также пѣли. Я же стоялъ тутъ и внимательно смотрѣлъ на двери Гроба. И когда началось чтеніе Апостола въ честь великой субботы, вышелъ епископъ съ діакономъ своимъ изъ главнаго алтаря и подошелъ къ дверямъ Гроба, и посмотрѣлъ на Гробъ господень сквозь рѣшетку дверей тѣхъ, и не увидѣлъ свѣта надъ Гробомъ и возвратился опять въ алтарь. Когда началось чтеніе Апостола въ шестой разъ, тотъ же епископъ съ діакономъ подошелъ снова къ дверямъ Гроба, и ничего не увидѣлъ надъ Гробомъ господнимъ; тогда весь народъ возопилъ со слезами: *Киръ элейсонъ* (Господи помилуй). Когда прошелъ девятый часъ дня, и начали пѣть пѣснь перехода чрезъ Чермное море: *Господеви поемъ*, и тогда внезапно нашла туча небольшая съ востока и остановилась надъ непокрытымъ верхомъ церкви и пролила дождь на Гробъ святой, и насъ, стоящихъ надъ Гробомъ господнимъ, смочила порядкомъ; и тогда Гробъ господень внезапно облился свѣтомъ святымъ, и изъ Гроба святого изошло страшное и свѣтлое сіяніе. И подошелъ епископъ съ четырьмя діаконами, отворилъ двери у Гроба господня и взялъ свѣчу у князя, и вошелъ епископъ въ Гробъ господень и зажегъ ту первую свѣчу отъ свѣта того святого, и вынесъ изъ Гроба ту свѣчу, и подалъ ее самому князю въ руки; и сталъ князь на мѣстѣ своемъ, держа ту свѣчу съ великою радостію; и отъ той свѣчи мы зажгли всѣ свои свѣчи, а отъ нашихъ свѣчъ зажгли свѣчи свои другіе. Святой же свѣтъ не таковъ, какъ огонь земной, но свѣтится иначе и весьма хорошо, а пламень его красноватый. И такъ стоятъ всѣ люди съ зажженными свѣчами и вопіютъ всѣ непрестанно съ радостію великою и съ веселіемъ, увидѣвъ свѣтъ святый божій. Кто не видалъ такой радости въ тотъ день, тотъ не повѣритъ сказанному о всемъ мною видѣнномъ; но вѣрующіе и добрые люди вполнѣ увѣруютъ и всласть послушаютъ мое сказаніе объ этой святынѣ и объ этихъ святыхъ мѣстахъ: ибо вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ, а дурному человѣку и истина покажется кривою. Мнѣ же недостойному служитъ свидѣтелемъ Богъ и святой Гробъ господень и всѣ мои спутники, сыны русскіе, и случившіеся тогда новгородцы и кіев-

ляне: Седеславъ Иванковичъ, Гораславъ Михайловичъ, два Кашкича и многіе иные, которые разскажутъ обо мнѣ и о моемъ сказаніи. Но возвратимся къ вышеупомянутому. И когда свѣтъ засіялъ въ Гробѣ господнемъ, тогда остановилось пѣніе и всѣ возопили: *Киръ элейсонъ;* потомъ вышли изъ церкви съ великою радостію и съ горящими свѣчами, защищая каждый свою свѣчку отъ вѣтра, и пошли по домамъ своимъ, и отъ того свѣта святого зажгли свѣчи въ церквахъ своихъ, и въ церквахъ своихъ кончили пѣніе; въ великой же церкви у Гроба господня, сами попы безъ народа окончили вечернее пѣніе. Тогда и мы съ игуменомъ и съ братіею пошли въ свой монастырь, неся свои горящія свѣчи, и тамъ кончили вечернее пѣніе и разошлись по кельямъ своимъ, восхваляя Бога, сподобившаго насъ видѣть ту благодать. Утромъ же въ день Воскресенія Христова, въ недѣлю святой Пасхи, отпѣвъ заутреню, какъ подобаетъ и совершивъ цѣлованіе съ игуменомъ и съ братіею, мы получили отпущеніе; въ первомъ часу дня (т. е. въ седьмомъ часу утра), взялъ игуменъ крестъ съ братіею, и мы пошли ко Гробу господню, воспѣвая кондакъ: „Аще и въ Гробъ сниде безсмертне",—и вошли мы во Гробъ животворящій и облобызали его съ любовью и теплыми слезами, наслаждаясь благоуханіемъ отъ пришествія святого Духа, и дивясь тѣмъ кадиламъ, чудесно еще горящимъ; эти три кадила зажглись сами тогда, когда сошелъ свѣтъ святой, какъ намъ то сказали экономъ и ключарь Гроба господня; сверхъ того, надъ Гробомъ господнимъ висѣло пять кадилъ, которыя также горѣли, но свѣтъ ихъ былъ не тотъ, какъ у тѣхъ трехъ кадилъ, чудно и прекрасно свѣтившихъ. И потомъ мы вышли изъ Гроба господня восточными дверями и вошли въ алтарь и сотворили цѣлованіе съ правовѣрными попами христіанскими и сирійскими, оставили церковь и отправились въ свой монастырь, гдѣ и опочили до литургіи.

Послѣ трехъ дней и послѣ литургіи я пошелъ къ ключарю Гроба господня и сказалъ ему: „Хотѣлъ бы я взять свое кадило". Онъ же принялъ меня съ любовью, ввелъ меня одного съ собою въ Гробъ, и, войдя въ гробъ, я нашелъ свое кадило надъ Гробомъ господнимъ еще горящимъ тѣмъ свѣтомъ святымъ. И поклонился я Гробу тому святому и облобывалъ то мѣсто честное, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа. Тогда же я смѣрилъ Гробъ святой въ длину и въ ширину, и въ высоту: при другихъ же никому не дозволяется мѣрять; и почтилъ я Гробъ господень какъ могъ, по своимъ средствамъ, и потомъ ключарю подалъ бездѣлицу и свое ничтожное благословеніе. Онъ же, видя любовь мою ко Гробу господню, отодвинулъ доску въ головахъ святого Гроба и отломилъ небольшой кусокъ того святого камня для благословенія и запретилъ мнѣ съ клятвою не говорить того никому въ Іерусалимѣ. Я же поклонился Гробу господню и ключарю, и взялъ кадило свое съ масломъ еще горящимъ, и вышелъ съ великою радостію, разбогатѣвъ благодатію божіею и неся въ рукѣ своей даръ святого мѣста и знаменіе святого Гроба господня, и шелъ я, радуясь, какъ бы было обрѣтено мною нѣкое богатое сокровище, и шелъ я въ келію свою съ радостію великою.

После такого, почти единственнаго, отступленія, въ которомъ выходитъ на сцену лицо самого писателя, авторъ снова возвращается къ описанію Палестины, говоритъ о Рамлѣ и Эмаусѣ, отмѣчаетъ число верстъ между приморскими городами Палестины и Финикіи, и въ заключеніе своего сказанія опять говоритъ о себѣ:

Ходилъ же я ко святымъ мѣстамъ въ русское правленіе великаго князя Святополка Изяславича (1093—1113), внука Ярослава Владимировича Кіевскаго. Тому Богъ свидѣтель и святой Гробъ господень. Во всѣхъ этихъ святыхъ мѣстахъ я не забывалъ именъ князей русскихъ, ни княгинь ихъ, ни дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни своихъ духовныхъ дѣтей, ни всѣхъ христіанъ, никого никогда не забывалъ, но вездѣ поминалъ въ своихъ молитвахъ. За что̀ и восхваляю преблагого Бога моего, который сподобилъ меня написать имена русскихъ князей въ лаврѣ у св. Саввы, гдѣ они и нынѣ поминаются на октеніяхъ. А имена ихъ: Михаилъ-Святополкъ, Василій-Владиміръ, Давидъ Святославичъ; Михаилъ-Олегъ, Панкратій-Ярославъ Святославичъ, Андрей-Мстиславъ Всеволодовичъ, Θеодоръ-Мстиславъ Владиміровичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минскій, Давидъ Всеславичъ; ихъ помянулъ поименно и записалъ; кромѣ того, помянулъ всѣхъ русскихъ князей, и бояръ, и всѣхъ христіанъ Русской земли, и отслужилъ литургій всего 90 за князей и за бояръ, и за своихъ духовныхъ дѣтей, и за правовѣрныхъ христіанъ, за живущихъ 50 и за умершихъ 40; служились же тѣ литургіи у Гроба господня и во всѣхъ святыхъ мѣстахъ.

Да будетъ надъ всѣми читающими сіе сказаніе благословеніе отъ Бога, отъ святого Гроба и отъ всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣстъ; да получатъ они воздаяніе, равное съ тѣми, которые сами ходили къ св. граду Іерусалиму и видѣли тѣ святыя мѣста. Блаженны видѣвшіе и увѣровавшіе, трикраты блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе. Ибо и Авраамъ вѣрою достигъ обѣтованной земли. По истинѣ, вѣра равна добрымъ дѣламъ. Но, Бога ради, отцы и братія, начальники мои, не осудите мое скудоуміе и невѣжество мое! да не будетъ мнѣ недостойному въ осужденіе это сказаніе; ради Господа и святыхъ его мѣстъ, простите меня съ любовію, да получите равное воздаяніе отъ Бога Спаса Господа нашего Іисуса Христа, да пребудетъ съ вами Богъ мира во вся вѣки! Аминь.

Игуменъ Даніилъ.

Паломникъ Даніла мниха. Сказаніе о пути, иже есть къ Іерусалиму и т. д.

Игуменъ Даніилъ былъ современникомъ нашего Нестора и писалъ свой „Паломникъ", какъ видно изъ его словъ, въ правленіе Святополка Изяславича, т. е. между 1093 и 1113 годами. Сравненіе, сдѣланное имъ, рѣки Іордана съ рѣкою Сновью, даетъ поводъ думать, что онъ былъ уроженецъ Черниговской губерніи: „Всѣмъ есть подобенъ Іерданъ рѣцѣ *Сновьстѣй*, въ шире и въ глубле, лукаво же вельми и быстро тече; болонія (заводья) же имать якоже

и Сновь рѣка; глубле же есть четырей саженъ среди самой купели, якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и побродихъ на одну страну Іердана, и много походихъ по берегу тому Іерданову любовью; вшире же Іерданъ рѣка якоже на устьи Сновь (впадаетъ въ Десну) рѣка есть".

Его путевыя записки, которыя онъ начинаетъ прямо съ Константинополя, составляютъ почти единственный нашъ литературный памятникъ, изъ котораго можно видѣть отношеніе нашего общества въ началѣ XII вѣка къ Палестинѣ. Игуменъ Даніилъ посѣтилъ Палестину въ лучшую эпоху существованія Іерусалимскаго королевства, а именно, въ правленіе Балдуина I, брата Готфрида Бульонскаго (1110—1118); какъ видно изъ его словъ, онъ былъ лично извѣстенъ королю; но авторъ, поглощенный своею религіозною цѣлью, совершенно умалчиваетъ о латинахъ, даже не выражаетъ ни малѣйшаго изумленія по поводу недавняго основанія новаго государства въ Палестинѣ: какъ будто Іерусалимское королевство существовало издревле и было фактомъ, къ кот рому давно уже всѣ привыкли.

До сихъ поръ существуетъ манускриптъ Паломника не ранѣе XV вѣка. Послѣднее изданіе сдѣлано А. С. Норовымъ (Спб. 1864) съ переводомъ текста на французскій языкъ, съ предисловіемъ и съ учеными замѣчаніями издателя къ переводу.

26.—Плѣнъ Боэмунда, князя Антіохіи. 1101 г.

(Въ 1142 г.).

Десятая книга [1]).

Въ началѣ десятой книги своей „Церковной исторіи" нашъ авторъ долгое время останавливается на исторіи Англіи и Нормандіи въ эпоху перваго крестоваго похода, и только во второй половинѣ книги снова берется за оставленную имъ, въ девятой книгѣ, исторію Іерусалимскаго королевства на Аскалонской битвѣ 12 августа 1099 г. Въ десятой книгѣ авторъ ограничивается кратковременнымъ правленіемъ Готфрида и первыми годами царствованія его брата, Балдуина I. Слѣдуя прежнему методу, онъ просто сокращаетъ труды извѣстныхъ намъ писателей этого времени; но, дойдя до разсказа о плѣнѣ Боэмунда Антіохійскаго, которымъ онъ былъ постигнутъ въ самомъ началѣ правленія Балдуина I, авторъ почерпаетъ свой разсказъ или изъ недошедшихъ до насъ источниковъ, или прямо изъ повѣствованія самого Боэмунда, который, какъ извѣстно, по освобожденіи изъ плѣна, вынужденъ былъ бѣжать изъ Палестины во Францію, гдѣ онъ разсказывалъ самъ свои похожденія на Востокѣ; его разсказы могли дойти до нашего автора и были имъ занесены въ лѣтопись. Другіе историки крестовыхъ походовъ ограничиваются только мимоходнымъ упоминовеніемъ о плѣнѣ Боэмунда.

---

[1]) Анализъ и извлеченіе изъ предыдущихъ девяти книгъ см. выше, въ ст. 5.

Около этого времени (т.-е. 1101 г., вскорѣ послѣ смерти Готфрида и вступленія на престолъ его брата, Балдуина Эдесскаго), христіане Сиріи претерпѣли и другія бѣдствія (авторъ только-что предъ этимъ разсказалъ пораженіе ихъ при Рамлѣ, въ первый годъ правленія Балдуина). Знаменитый герцогъ (Тарентскій) Маркъ Боэмундъ (князь Антіохіи) предпринялъ походъ противъ турокъ. Даліманъ (султанъ въ Месопотаміи) неожиданно напалъ на него съ многочисленною арміею, избилъ множество христіанъ, и взялъ въ плѣнъ Боэмунда вмѣстѣ съ Ричардомъ изъ Княжества и другими благородными витязями, которыхъ онъ держалъ долгое время въ цѣпяхъ. Но Танкредъ, предводитель арміи, узнавъ о несчастіи Боэмунда, который былъ его сюзереномъ и родственникомъ, былъ весьма огорченъ извѣстіемъ о томъ; онъ не ограничился, какъ женщины, безплодными слезами и пустыми воздыханіями; онъ собралъ изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ всѣ дружины вѣрныхъ, заботливо укрѣпилъ Антіохію, бурги и окрестные замки, и, пока герцогъ находился въ оковахъ, достойно защищался противъ нападенія враговъ и даже блистательно расширилъ свои предѣлы. Едва лишь узналъ (византійскій) императоръ Алексѣй, что Боэмундъ попалъ въ руки турокъ, какъ радостно отправилъ пословъ съ великими подарками къ Далиману; онъ убѣдительно просилъ его принять огромный выкупъ за Боэмунда и предать герцога въ его руки, за сто тысячъ *филиппов*ъ. Дѣйствовалъ же онъ такъ не съ цѣлью освободить плѣннаго герцога и дать ему возможность явиться снова защитникомъ христіанства, но чтобы удержать его навсегда въ своей власти, заковавъ въ темницѣ: императоръ былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что Боэмундъ лишилъ его Антіохіи. Извѣстно, что этотъ городъ считается метрополіею Константинопольской имперіи; но турки отняли его силою у императора еще за 14 лѣтъ предъ тѣмъ, какъ овладѣли имъ заальпійскіе христіане (т. е. итальянцы) и умертвили Кассіана (турецкаго начальника города). Алексѣй постоянно домогался своихъ прежнихъ правъ; но могущество норманновъ ставило ему непреодолимыя препятствія, и онъ не могъ осуществить своихъ желаній. Сначала онъ прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ и хитростямъ; но и его просьбы, и деньги, все было тщетно въ глазахъ христіанъ и язычниковъ; попытки остались неудачными, и городъ попался въ руки побѣдителей, которые съ необычайнымъ мужествомъ побѣдили агарянъ и, завоевавъ Антіохію, съ божіею помощью изумительно защищали ее. Въ заключеніе всего, и Даліманъ отказалъ на требованіе императора и рѣшился удержать навсегда въ оковахъ Боэмунда, котораго турки называли „маленькимъ богомъ христіанъ“. Въ глазахъ султана Боэмундъ не имѣлъ цѣны, и слава Богу!

Слѣдуетъ небольшое отступленіе объ удаленіи изъ Антіохіи греческаго епископа, подозрѣваемаго въ сношеніи съ Византіею, и объ избраніи новаго изъ латинъ; затѣмъ—рядъ риторическихъ возгласовъ по поводу плѣна Боэмунда и историческія воспоминанія изъ Библіи о плѣнѣ различныхъ лицъ, которыя были чудесно освобождены; послѣднее авторъ привелъ съ цѣлью приготовить читателя къ развязкѣ плѣна Боэмунда.

У Далимана была дочь, по имени Мелазія, весьма красивая, чрезвычайно умная и пользовавшаяся большимъ вліяніемъ въ домѣ отца; она имѣла значительныя богатства и многочисленныхъ рабовъ для личной прислуги. Эта княжна, слышавъ много о храбрости франковъ, полюбила ихъ пламенно и до того старалась снискать ихъ дружбу, что, заплативъ щедро стражамъ, сама нерѣдко посѣщала темницу, разсуждала съ плѣнниками о христіанской вѣрѣ и истинной религіи, и послѣ такихъ бесѣдъ удалялась оттуда со вздохомъ. Она предпочитала сладость дружбы съ ними всей нѣжности родственниковъ, и въ изобиліи доставляла несчастнымъ все, что̀ было необходимо для ихъ жизни и одежды. Отецъ же Мелазіи, занятый множествомъ дѣлъ, не зналъ ничего о происходившемъ, или, можетъ быть, не обращалъ на то вниманія, вполнѣ довѣряя благоразумію своей любимой дочери.

По прошествіи двухъ лѣтъ, возгорѣлась междоусобная война между Далиманомъ и его братомъ. Дѣйствительно, Солиманъ, побуждаемый честолюбіемъ, поднялъ оружіе противъ Далимана и, соединивъ около себя большое войско, перешелъ предѣлы владѣній брата и вызвалъ его тѣмъ на войну. Въ свою очередь, Далиманъ, вслѣдствіе такого нападенія, собравъ своихъ людей отвсюду на помощь и гордый числомъ своихъ прежнихъ побѣдъ, жаждалъ кровопролитія брани; когда наступилъ часъ борьбы, онъ отправился въ походъ съ своими полками. Между тѣмъ Мелазія имѣла слѣдующее тайное совѣщаніе съ христіанами и говорила имъ такъ: „Я издавна слышала отъ многихъ похвалы военному искусству франковъ и хотѣла бы видѣть тому доказательство при той схваткѣ, которая предстоитъ моему отцу, съ тѣмъ чтобы

Quod probat auditus, probet experientia visus“ [1]).

Боэмундъ отвѣчалъ: „Счастливая и благородная дама, если благополучію вашего величества будетъ угодно, чтобы намъ было дозволено идти на поле битвы съ нашимъ рыцарскимъ вооруженіемъ, то, безъ сомнѣнія, мы покажемъ ясно, съ мечемъ и копьемъ въ рукахъ, какіе удары наносятся руками франковъ, и представимъ доказательство того въ вашемъ присутствіи на вашихъ непріятеляхъ“. — „Но обѣщайте мнѣ, возразила княжна, поклявшись христіанскою вѣрой, что въ настоящемъ случаѣ вы будете дѣйствовать по моему распоряженію и не предпримете ничего противъ моей воли. Подтвердите это обѣщаніе клятвой, и я немедленно открою вамъ тайну своей души“. Боэмундъ клялся первымъ, и за нимъ послѣдовали остальные. Тогда княжна, придя въ восторгъ, объявила имъ: „Теперь я вѣрю вамъ, потому что, какъ я думаю, вы честны и ни въ какомъ случаѣ не нарушите присяги. Спѣшите на помощь отцу, который уже готовъ вступить въ битву, и употребите свою силу въ его пользу. Если вы побѣдите, и въ чемъ да пособитъ вамъ Богъ, то не преслѣдуйте не-

---

[1]) Т. е. „Что̀ испытано слухомъ, пусть то подтвердится опытомъ зрѣнія“. Латинскіе стихи, вложенные въ уста мусульманки, показываютъ ясно, что драматическая форма подробностей, по обычаю того времени, есть дѣло фантазіи автора.

пріятеля въ бѣгствѣ, возвратитесь скорѣе назадъ и не слагайте оружія, пока я не прикажу вамъ того. Между тѣмъ я прикажу всѣмъ стражамъ спуститься съ башни къ нижнимъ воротамъ и оставаться со мною на дворѣ, какъ бы въ ожиданіи васъ. По вашемъ возвращеніи, я предпишу имъ наложить по прежнему на васъ оковы: тогда вы бросьтесь на нихъ, схватите ихъ и заключите въ темницу вмѣсто себя. А я при этомъ убѣгу отъ васъ, какъ отъ свирѣпыхъ волковъ; вы же овладѣйте крѣпостью и удерживайте ее въ своей власти, пока не успѣете заключить выгоднаго мира съ отцомъ. Въ крѣпости есть ворота, которыми вы можете спуститься при помощи каменной лѣстницы во дворецъ и захватить въ свои руки всѣ сокровища и внутреннія комнаты моего отца. Но если въ гнѣвѣ онъ захочетъ меня наказать, то прошу васъ, мои друзья, которыхъ я люблю, какъ свое сердце, поспѣшите скорѣе ко мнѣ на помощь".

Говоря такъ, она вооружила рыцарей и выпустила ихъ на свободу. Предварительно же она обманула и подкупила стражей; извѣстивъ ихъ объ этомъ дѣлѣ, она сказала имъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я испытываю большой страхъ за моего отца, видя, что противъ него идетъ такая масса народовъ; какъ неустрашимый воинъ, онъ пренебрегъ помощью своихъ плѣнниковъ; но знайте, что онъ далъ мнѣ власть вооружить христіанъ и выслать ихъ на поле битвы для нашей защиты. Если они побѣдятъ врага, честь и преимущества останутся за нами. Если же они падутъ подъ мечемъ противниковъ, то и въ этомъ случаѣ намъ нѣтъ бѣды въ погибели этихъ чужеземцевъ, обычаи которыхъ презираются всѣми агарянами".

Выслушавъ такія рѣчи, стражи повиновались и хвалили мудрость княжны. Она приказала снять съ нихъ оковы, вывела ихъ изъ темницы и въ полномъ вооруженіи отправила на битву. Въ минуту ихъ прибытія дѣло уже завязалось, и они бросились впередъ съ воинскимъ крикомъ норманновъ: „Да поможетъ намъ Богъ!" Отъ этого крика и натиска рыцарей войско Солимана поколебалось. Кромѣ того, въ его войскѣ находилось нѣсколько христіанъ, которые, узнавъ знаменитаго герцога Боэмунда, пришли въ восторгъ, оставили Солимана и присоединились къ своимъ братьямъ. У Солимана былъ молодой сынъ, гордый юноша, по имени Марцибанъ. Узнавъ о присутствіи Боэмунда, онъ началъ искать его на полѣ битвы, называя по имени, и желалъ вступить съ нимъ въ поединокъ. Наконецъ, оба витязя сошлись въ присутствіи самого Далимана и начали осыпать другъ друга тяжкими ударами; норманнъ опрокинулъ турка и, извлекши мечъ, отрубилъ ему голову. Когда Далиманъ закричалъ: „Пощадите, пощадите этого юношу: это—мой племянникъ!"—герой христіанскій, узнавъ то, затаилъ радость сердца подъ маскою печали и отвѣчалъ съ насмѣшливою улыбкой: „Простите мнѣ, государь, то, что я сдѣлалъ по невѣдѣнію; я не зналъ, что онъ вашъ племянникъ, и, принявъ за врага, я лишилъ его жизни для вашего удовольствія".

Послѣ жестокой обоюдной сѣчи, армія Солимана была истреблена, и весь день непріятель преслѣдовалъ бѣгущихъ. Между тѣмъ христіане по договору возвратились назадъ и нашли у башни свою госпожу, которая ожидала ихъ вмѣстѣ съ тюремною стражею. Увидя

ихъ, она сказала послѣдней: „Франки, безъ сомнѣнія, честный народъ и хорошо держатъ данное слово. Идите имъ на встрѣчу, отберите оружіе и отведите въ темницу, пока мой отецъ, возвратившись, не наградитъ достойно ихъ мужество“. Турки оставили княжну и намѣревались исполнить ея приказаніе. Но франки окружили ихъ, схватили и заключили въ темницу; потомъ, заперевъ тщательно засовами ворота и безъ малѣйшаго шума, они овладѣли всею башнею, и, не проливая крови, достигли своей цѣли. На самомъ дѣлѣ, городъ былъ пустъ, потому что все войско ушло для сраженія; въ домахъ оставались дрожавшія отъ страха женщины и дѣти. Въ крѣпости находилось отдѣленіе, гдѣ сохранялись значительныя сокровища, дорогія вещи и множество богатствъ. Эта башня соприкасалась съ главнымъ дворцомъ султана.

Въ слѣдующую ночь Мелазія ввела христіанъ изъ крѣпости во дворецъ, показала имъ всѣ комнаты и тайники и объяснила имъ, что̀ они должны дѣлать по прибытіи Далимана. На слѣдующій день побѣдитель явился вмѣстѣ съ своими сатрапами, предводителями и вельможами. Дочь его выбѣжала къ нему на встрѣчу съ радостнымъ лицомъ и окруженная юными подругами. „Привѣтъ тебѣ, говорила она, славному побѣдителю!“ Но Далиманъ съ бѣшенствомъ отвѣчалъ ей: „Молчи, презрѣнная распутница! я не забочусь о твоихъ льстивыхъ поздравленіяхъ и считаю ни во что твои обманчивыя ласки. Клянусь божественною короною Магомета, даровавшаго мнѣ эту побѣду, завтра я умерщвлю и тебя, и твоихъ любовниковъ. Къ моему посрамленію, ты доставила оружіе моимъ врагамъ, вмѣстѣ съ которыми ты будешь сожжена, какъ преступная измѣнница“. Султанъ вовсе не зналъ, что тюремная стража была заключена въ оковы во мракѣ темницы, что франки, напротивъ, свободны и занимаютъ верхъ крѣпости, и что съ помощью Христа они готовятся къ сопротивленію. Юная княжна, поблѣднѣвъ въ страхѣ, укрылась отъ разъяреннаго отца и, испуганная, искала убѣжища въ своей комнатѣ. Нѣсколько часовъ спустя, Далиманъ въ бѣшенствѣ возсѣдалъ на своемъ престолѣ, окруженный одними старѣйшинами, а народъ, оруженосцы и другіе воины разошлись по домамъ и занялись лошадьми, оружіемъ и другими дѣлами. Султанъ приказалъ отправиться въ комнаты его дочери и привести эту безумную измѣнницу. Въ то время, когда она находилась предъ лицомъ изступленнаго тирана, и одна, безъ помощи, подвергнутая поруганію, выслушивала ужасныя угрозы, Боэмундъ съ высоты башни въ окошко смотрѣлъ во внутренность дворца и, глубоко огорченный, видѣлъ, какъ его освободительница въ смущеніи явилась на судъ. „Смотрите, говорилъ онъ, наша благодѣтельница повергнута въ страхъ; теперь нужно выйти и помочь ей изо всѣхъ силъ“. Немедленно Боэмундъ и его товарищи сходятъ тихо по ступенямъ башни во дворецъ; съ оружіемъ въ рукахъ окружаютъ Далимана, всѣхъ его предводителей и вождей; запираютъ накрѣпко ворота и овладѣваютъ всѣми важнѣйшими пунктами. Тогда собраніе въ свою очередь испытало безпокойство и не знало, какъ тутъ поступить. Такъ-какъ двери были заперты, то турки не могли обратиться въ бѣгство и были окружены вооруженными рыцарями; кромѣ того, находясь въ

маломъ числѣ и безъ оружія, они не могли сопротивляться людямъ отважнымъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ и численный перевѣсъ, и всѣ средства къ нападенію. Въ эту минуту христіане могли избить всѣхъ язычниковъ; но вслѣдствіе клятвы, данной княжнѣ, они не осмѣливались безъ ея приказанія ни ударить кого-нибудь, ни нанести какой-нибудь обиды. Всѣ рыцари смотрѣли на нее и ожидали ея приказаній, чтобъ не нарушить своего слова.

Наконецъ, Мелазія, придя въ себя, засмѣялась и, возсѣвъ посреди франковъ, какъ бы она была ихъ повелительницею, сказала Далиману: „Мой любезный отецъ, вы несправедливо раздражены противъ меня и напрасно устрашаете меня угрозами, и осыпаете поруганіями за спасительную помощь, которую я подала вамъ съ такимъ искусствомъ и для вашихъ выгодъ, съ полною любовью къ вамъ; ибо франки, явившись въ сраженіи, усилили вашу сторону и ускорили пораженіе непріятеля. Подумайте, какъ честно поступили христіане: они съ вѣрностью поддержали васъ въ битвѣ, и подъ ихъ ударами врагъ обратилъ тылъ. Они имѣли всѣ средства убѣжать, какъ то пойметъ и самый недальновидный человѣкъ; но, не желая уйти отъ васъ, не простившись съ вами, они возвратились добровольно и теперь съ полною довѣрчивостью просятъ у вашего великодушія награды за свою храбрость. И теперь они держатся за рукоятки мечей, могутъ, если захотятъ, перерѣзать насъ всѣхъ, владѣютъ крѣпостью, дворцомъ и всѣми его сокровищами, а ваша стража въ оковахъ не смѣетъ и роптать на нихъ. При такомъ положеніи вещей, подумайте, мой отецъ, какъ слѣдуетъ вамъ поступить, и выслушайте спасительные совѣты окружающихъ васъ людей“.

Сказавъ это, княжна стала во главѣ христіанъ. Между тѣмъ Даліманъ, отойдя въ сторону, совѣщался съ своими. Потомъ, сѣвъ снова, онъ сказалъ: „Мы желаемъ, моя дочь, прежде всего выслушать ваше мнѣніе“. Княжна отвѣчала: „Я могу вамъ сказать немедленно, что́ я считаю благоразумнымъ. Заключите миръ съ христіанами; и пока вы живете, да сохранится между вами ненарушимая дружба. Освободите всѣхъ плѣнныхъ, которые живутъ на вашей землѣ, и они съ своей стороны пусть возвратятъ вамъ вашихъ подданныхъ, находящихся въ вашей власти. Наградите достойнымъ образомъ за славныя услуги Боэмунда и его соратниковъ, помощью которыхъ вы одержали побѣду. Знайте, кромѣ того, что я христіанка, что я желаю возродиться таинствами закона Христа, и что я не останусь болѣе жить съ вами. Законъ христіанскій святъ и достоинъ уваженія, между тѣмъ какъ вашъ исполненъ тщеты и оскверненъ всякою мерзостью“.

Слыша такія слова, турки пришли въ раздраженіе и выразили свое негодованіе свирѣпыми взглядами и гнѣвными тѣлодвиженіями. Но, сдержанные самимъ Богомъ, они не могли осуществить на дѣлѣ злыхъ намѣреній своего нечестиваго сердца. Пока они совѣщались между собою, Мелазія отвела въ сторону христіанъ и говорила имъ: „Будьте мужественны, храбрые витязи, испытанные въ столькихъ приключеніяхъ и бѣдствіяхъ; вы добровольно пришли изъ отдаленныхъ странъ и своимъ мужествомъ спаслись отъ столькихъ опасностей и бѣдствій; дѣйствуйте въ эту минуту отважно во имя Бога, въ

могуществѣ котораго вы меня увѣрили. Вамъ нужна теперь вся ваша храбрость и ваше оружіе, чтобы доблестно кончить то, что вы начали съ такою рѣшимостью. Мой отецъ непримиримъ въ злобѣ и употребитъ всѣ усилія вмѣстѣ съ своими друзьями, чтобы погубить насъ. До сихъ поръ вы въ совершенствѣ соблюдали условія, которыя я вамъ предписала; съ этого же времени я освобождаю васъ отъ данной мнѣ клятвы. Укрѣпите теперь зàмокъ, дворецъ, стѣны его окружающія, и всѣ покои, какъ большіе, такъ и малые. Тщательно досмотрите все; караульте входы, чтобы никто безъ вашего вѣдома не могъ ни выйти, ни войти. Если мой отецъ успѣетъ уйти, онъ соберетъ всѣ окрестные народы и послѣ жестокой осады принудитъ васъ къ постыдной сдачѣ или погубитъ. Итакъ, заприте его вмѣстѣ съ его людьми въ одной и той же комнатѣ; заставьте его по необходимости заключить миръ; но, насколько то будетъ возможно, избѣгайте кровопролитія. Вы, Боэмундъ, который отличаетесь опытностью во всемъ и котораго благоразуміе и обдуманность прославляетъ вся вселенная, возьмите на себя распоряженіе и заботы о всемъ, что я вамъ сказала. Съ этого времени я буду вашею неразлучною сестрою и раздѣлю съ вами счастіе и несчастіе, пребывая въ вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа".

Вслѣдствіе того Боэмундъ, исполненный радости, заперъ Далимана и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ отдѣльный покой, охраненіе котораго было поручено вооруженной стражѣ. Потомъ онъ размѣстилъ по мѣстамъ нѣсколькихъ рыцарей, наставилъ каждаго, чтó ему слѣдуетъ дѣлать, и распоряжался такимъ образомъ въ теченіе 15 дней дворцомъ султана и всѣмъ, что въ немъ находилось. Онъ дозволялъ входить женамъ, ихъ служанкамъ и евнухамъ и надѣлялъ ихъ достаточнымъ количествомъ пищи и другихъ необходимыхъ вещей. Далиманъ тяжко горевалъ о томъ, что его дворецъ обратился въ темницу и что его дочь сдѣлалась госпожею, которая попираетъ безпощадно его волю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сильно поносилъ своего бога Магомета и проклиналъ своихъ подданныхъ и сосѣдей, которые дозволяютъ столь ничтожному числу плѣнныхъ чужеземцевъ обходиться съ нимъ жестоко среди своего государства. Вельможи, заключенные съ нимъ, убѣждали его заключить миръ съ христіанами, чтобы спасти свою жизнь на нѣкоторое время. Наконецъ, страхъ смягчилъ сердце Далимана. Послѣ свиданія онъ просилъ у Боэмунда мира, давалъ ему свободу возвратиться вмѣстѣ съ своими и снялъ оковы со всѣхъ плѣнныхъ, которые страдали подъ его властью; послѣ онъ обѣщалъ ему руку своей дочери.

Когда хитрая Мелазія узнала о томъ отъ Боэмунда, она отвѣчала ему: „Говорить можно легко, что хочешь; но все это мнѣ не кажется вѣроятнымъ. Относитесь осторожно къ обѣщаніямъ моего отца, лестнымъ, но двусмысленнымъ; главное, охраняйте тщательно все, чѣмъ владѣете, до тѣхъ поръ, пока, укрѣпившись, не можете имѣть полной увѣренности въ своемъ торжествѣ. Пошлите во всѣ стороны хорошо вамъ извѣстныхъ вѣстниковъ въ Антіохію; пусть вамъ приведутъ отлично вооруженный отрядъ вашихъ рыцарей, которые, окруживъ васъ съ почетомъ, отвели бы васъ безопасно въ вашу страну, и по-

ставили бы внѣ опасности отъ вѣроломства этихъ злонамѣренныхъ людей". Этотъ совѣтъ понравился христіанамъ. Вслѣдствіе того Ричардъ изъ Княжества и Сарцисъ были отправлены изъ Месопотаміи въ Антіохію и разсказали все приключившееся жителямъ, къ величайшей ихъ радости. Тогда Танкредъ, вождь арміи, собралъ немедленно чрезъ глашатаевъ витязей и плѣнныхъ язычниковъ и отправилъ ихъ къ вышеупомянутымъ рыцарямъ съ тѣмъ, чтобы они привели ихъ домой. При этомъ случаѣ, и дочь Кассіана, эмира Антіохіи, была возвращена; она вышла изъ темницы христіанской съ большою печалью. Когда ее спросили, отчего она плачетъ, она отвѣчала, что причина ея слезъ состоитъ въ томъ, что она не будетъ больше имѣть случая ѣсть свиного мяса, которое употребляется христіанами Дѣйствительно, турки и другіе сарацинскіе народы имѣютъ отвращеніе къ этому мясу, хотя они жадно ѣдятъ собакъ и волковъ, и тѣмъ доказываютъ, что они не признаютъ закона ни Моисея, ни Христа, и не принадлежатъ ни къ числу евреевъ, ни къ числу христіанъ.

Между тѣмъ Боэмундъ велъ часто переговоры съ Далиманомъ, и такъ какъ онъ былъ скроменъ и благоразуменъ, то они бесѣдовали весьма мирно. Боэмундъ даже льстилъ ему, чтобы расположить его къ лицамъ, которыя этотъ тиранъ могъ угнетать безпощадно. Вкрадчивыми и мягкими рѣчами онъ укротилъ его, равно какъ и другихъ, бывшихъ съ нимъ, и своею предупредительностью заставилъ полюбить себя. Мало-по-малу правители провинцій и знатные стали видѣть въ немъ своего главу и употребляли всѣ усилія, чтобы получить доступъ къ чужеземному князю, который былъ господиномъ ихъ султана; въ своихъ разговорахъ съ послѣднимъ они восхваляли Боэмунда. Даже они приглашали Боэмунда, какъ своего законнаго властителя, править государствомъ, искали его дружбы всѣми мѣрами и вспоминали не разъ извѣстное выраженіе одного комическаго поэта: „Если не можетъ случиться то, чего хочешь, то пожелай что̀ можешь".

Къ этому они присоединяли слѣдующія слова: „Мы были весьма обмануты послѣднею побѣдой, ибо христіане, враги нашей вѣры, помогали намъ губить своихъ соотечественниковъ, а мы злобно и безумно радовались своей собственной погибели. Теперь проклятый Магометъ, нашъ богъ, оставилъ насъ и палъ, какъ безсильный, предъ Богомъ христіанъ. Распятый Христосъ, котораго эти люди считаютъ всемогущимъ и, безъ сомнѣнія, справедливо, какъ то испытали ихъ враги и продолжаютъ испытывать, къ собственному несчастью, избираетъ своимъ орудіемъ вашу дочь, чтобы сбить оковы съ тѣхъ, кого вы считали заключенными въ цѣпяхъ и кого вы намѣревались держать въ вѣчномъ плѣну. Онъ доставилъ имъ блестящее торжество на полѣ битвы, гдѣ они покрыли кровью нашихъ братьевъ и племянниковъ свои копья; онъ выдалъ имъ нашу главную крѣпость, гдѣ находились всѣ ваши сокровища; онъ предалъ въ ихъ власть васъ самихъ и знатнѣйшихъ людей вашей земли и заключилъ въ вашемъ собственномъ дворцѣ, гдѣ вы заперты всѣ безъ битвы, какъ ничтожныя служанки. Мы не можемъ безъ позволенія христіанъ проникнуть къ вамъ и оказать вамъ помощь. Мы не смѣемъ соединиться для нападенія на нихъ, потому что они могутъ тотчасъ отмстить то жестоко на васъ. Еслибы великій султанъ персовъ явился сюда со всѣми своими

силами и напалъ на крѣпость, то франки обладаютъ такою храбростью и ихъ сопротивленіе будетъ столь отчаянно, что они рѣшатся выступить противъ него и причинятъ великое бѣдствіе нашимъ гражданамъ, прежде нежели можно будетъ овладѣть ими. Потому лучше заключить миръ съ непріятелемъ, нежели безразсудно вызывать его на яростное убійство".

Далиманъ принялъ этотъ совѣтъ. Вступивъ въ дружбу съ мужественнымъ герцогомъ, онъ свободно распоряжался во дворцѣ всѣмъ, что касалось общихъ интересовъ, и извлекъ изъ своей сокровищницы большія суммы для подарковъ христіанамъ. Въ то же время онъ приказалъ даровать свободу всѣмъ плѣнникамъ, находившимся въ его государствѣ. Они были отысканы, приведены и, получивъ одежды отъ Далимана, переданы Боэмунду. Боэмундъ присоединилъ ихъ къ своимъ соотечественникамъ и далъ имъ различныя должности, чтобы защищать и поддерживать другъ друга, опасаясь, что злыя козни язычниковъ могутъ погубить ихъ.

Ричардъ и Сарцисъ, исполнивъ свое порученіе, возвратились чрезъ 15 дней и привели съ собою многочисленный отрядъ христіанъ. Далиманъ встрѣтилъ ихъ съ большою почестью, приготовилъ имъ въ изобиліи съѣстные припасы, соотвѣтственно обычаямъ ихъ страны, и надѣлилъ ихъ щедро всѣмъ необходимымъ. Тогда Боэмундъ и Далиманъ заключили между собою вѣчный миръ и для исполненія его условій назначили три дня. Послѣ того Боэмундъ, Ричардъ и товарищи ихъ плѣна вышли радостно изъ темницы, какъ Зоровавель и Неемія, и благословляли Господа Бога Израиля. Далиманъ и вельможи его двора столь же радостные, такъ-какъ они тоже получили свободу, проводили христіанъ на нѣкоторое разстояніе; но при этомъ они имѣли въ виду вѣроломство, ибо на пути старались вредить имъ всѣми мѣрами. Но такъ-какъ Богъ защищалъ своихъ людей, то они и не имѣли успѣха. Дѣйствительно, христіане находились въ страхѣ и шли вооруженные, какъ на войну. Они заботливо стерегли заложниковъ до тѣхъ поръ, пока не достигли безопаснаго мѣста. Наконецъ, Далиманъ, въ качествѣ друга, просилъ у своихъ союзниковъ дозволенія возвратиться домой, и онъ возвратился, но весьма опечаленный, ибо не могъ никакою хитростью причинить имъ зла на пути.

Благоразумная Мелазія оставила дворецъ своего отца вмѣстѣ съ своею прислугою, евнухами и всѣмъ своимъ домомъ и совершенно добровольно и благочестиво присоединилась къ христіанамъ. Точно также Биѳія, дочь Фараона, сопровождала, ради своего спасенія, Моисея и евреевъ, когда египтяне готовы были погибнуть. Жители Антіохіи, исполненные радости, вышли на встрѣчу давно ожидаемымъ своимъ князьямъ; духовенство и весь народъ благословляли царя Адонаи, который спасаетъ всѣхъ надѣющихся на него. Вскорѣ затѣмъ Балдуинъ отправилъ во Францію Ричарда, раздѣлявшаго съ нимъ его плѣнъ, и послалъ чрезъ него цѣпи изъ серебра для посвященія ихъ св. исповѣднику Леонарду, въ знакъ благодарности за свое избавленіе.

Когда великодушная Мелазія возродилась въ св. крещеніи для католической церкви, Боэмундъ, улучивъ минуту, обратился къ ней съ слѣдующею рѣчью, посреди собранія знатныхъ: „Благородная дѣва,

вы, будучи еще язычницей, оказали намъ неожиданно изумительную помощь; мудро предлагали всему своему семейству послѣдовать за Господомъ Іисусомъ; сами почтили его въ насъ, его членахъ и служителяхъ, и тѣмъ самымъ навлекли на себя гнѣвъ отца, подвергаясь даже опасности; избирайте теперь въ нашей средѣ супруга себѣ во имя Христа. Было бы несправедливо, съ нашей стороны, отказать вамъ въ вашихъ справедливыхъ требованіяхъ, послѣ того какъ мы столько обязаны вашимъ заслугамъ. Но прежде всего выслушайте, моя кроткая подруга, мое мнѣніе, которое можетъ быть вамъ полезно. Это правда, я признаюсь, вы были отданы отцомъ мнѣ, но я хочу оказать вамъ еще бо́льшую услугу: выслушайте внимательно, какимъ образомъ. Съ первыхъ дней юности, я не зналъ никогда покоя и жилъ посреди безпрерывныхъ тревогъ; я вынесъ много бѣдствій, и опасаюсь, что мнѣ осталось перенести еще бо́льшія: я вовлеченъ въ борьбу съ императоромъ (Византіи) и окруженъ со всѣхъ сторонъ язычниками. Сверхъ того, я далъ обѣтъ Господу, когда еще находился въ темницѣ, въ случаѣ освобожденія отъ оковъ язычниковъ, отправиться на поклоненіе къ св. Леонарду, который находится въ странѣ Аквитаніи. Я приношу вамъ всѣ эти извиненія, какъ плодъ моей искренней дружбы къ вамъ; я не желаю ничѣмъ огорчить васъ, какъ бы вы были моею дочерью или сестрой, ни налагать на васъ узы брака, которыя вскорѣ заставили бы васъ раскаяться. Дѣйствительно, какую радость или удовольствіе вкусите вы въ нашемъ соединеніи, если тотчасъ послѣ брака мнѣ будетъ нужно предпринять огромное путешествіе по морямъ и землямъ въ страну отдаленную, лежащую на предѣлахъ мира? Итакъ, принявъ все это въ соображеніе, выберите себѣ, прекрасная дама, лучшую партію. Предъ вами стоитъ Рожеръ, сынъ князя Ричарда и мой двоюродный братъ: онъ моложе меня; онъ красивъ; его благородство, богатства и могущество равняются моимъ. Я хвалю его такъ, съ тѣмъ чтобы вы избрали его своимъ мужемъ, и желаю вамъ обоимъ долголѣтней жизни".

Всѣ присутствовавшіе одобрили предложеніе мудраго Боэмунда, и благоразумная княжна легко уступила желаніямъ столькихъ героевъ. Вслѣдствіе того Рожеръ женился на Мелазіи, съ великою радостью, и бракъ ихъ праздновался въ Антіохіи, среди рукоплесканій и ко всеобщему удовольствію. Боэмундъ и знатнѣйшіе въ странѣ отправляли при этомъ обязанности сенешалей. Когда, по прошествіи шести лѣтъ, Боэмундъ и Танкредъ умерли, Рожеръ наслѣдовалъ княжество Антіохію; но два года спустя персъ Амиргазисъ (эмиръ Аль-Гази) умертвилъ его вмѣстѣ съ 7 тысячами христіанъ на равнинахъ Сарматаша (у Вильг. Тир. — Сардона).

Я сказалъ уже многое о превратностяхъ судьбы народовъ и о бѣдствіяхъ отдѣльныхъ людей; если продолжится моя жизнь, то мнѣ придется сказать еще многое въ послѣдующихъ книгахъ. Теперь же закончу эту книгу моей Церковной исторіи, и

Пусть мнѣ усталому будетъ дана хоть минута покоя! [1])

---

[1]) Et mihi jam fesso requies aliquantula detur! стихъ неизвѣстнаго поэта, а можетъ быть и произведеніе самого автора.

Но нашъ авторъ отдыхалъ не долго, и вскорѣ снова сѣлъ за работу, плодомъ которой были три послѣднія книги (XI, XII и XIII) его Церковной исторіи. Въ нихъ излагается спеціальная исторія Англіи и Нормандіи, отъ 1102 до 1142 г., съ небольшими отступленіями по поводу важнѣйшихъ событій въ Палестинѣ; этотъ періодъ времени былъ исполненъ внутреннихъ волненій въ Англіи, сначала по поводу междоусобія дѣтей Вильгельма Завоевателя, а потомъ влѣдствіе борьбы за англійское наслѣдство претендентовъ Стефана Блоа и Готфрида Анжуйскаго; авторъ останавливается въ этой мрачной картинѣ феодальнаго хаоса на возстаніи бароновъ въ Англіи, которые захватили короля Стефана въ плѣнъ (1141 г.); жалуясь на свои 67 лѣтъ, въ виду такого печальнаго событія, авторъ не хочетъ продолжать свой трудъ и заключаетъ XIII и послѣднюю книгу краткимъ описаніемъ своей жизни въ формѣ молитвы къ Богу (см. слѣдующую статью).

Монахъ Ордерикъ-Виталій.

Historiae ecclesiasticae Libri XIII, in tres partes divisi. — Кн. X.

О жизни и сочиненіяхъ Ордерика-Виталія см. ниже ст. 27 и примѣчаніе къ ней.

27.—Изъ автобіографіи Ордерика-Виталія. 1075—1142 г.

(Въ 1142 г.).

Авторъ, въ годъ своей смерти или за годъ до нея, оканчивая XIII книгу своей Церковной исторіи (см. анализъ и извлеченія изъ нея выше, въ ст. 5 и 26), обращается къ своей жизни и разсказываетъ ее въ видѣ молитвы къ Богу:

Что́ мнѣ еще осталось сказать? Боже всемогущій! среди всего случившагося (авторъ только-что описалъ плѣнъ короля англійскаго Стефана, захваченнаго своими же баронами; см. выше, конецъ предыд. статьи), я обращаю свою рѣчь къ тебѣ и прибѣгаю дважды къ твоему милосердію, чтобы ты сжалился надо мною. Царь всевышній, благодарю тебя за то, что ты даровалъ мнѣ жизнь безъ всякихъ заслугъ съ моей стороны, и по своей благой волѣ расположилъ мои годы. Ты—мой царь и мой Богъ; я—твой рабъ и сынъ твоей рабыни, и, сколько могъ, служилъ тебѣ съ первыхъ дней моей жизни. Въ субботу на Пасхѣ (4 апр. 1075 г., а родился 16 февр. 1075 г.) я былъ крещенъ въ Аттингамѣ, бургѣ, лежащемъ въ Англіи, на великой рѣкѣ Савернѣ. Тамъ руками священника *Ордерика* (родомъ сакса) ты меня возродилъ водою и духомъ и далъ мнѣ имя того священ-

ника, который былъ вмѣстѣ и моимъ крестнымъ отцомъ. Послѣ, когда я достигъ 5 лѣтъ, ты меня отправилъ въ школу въ городъ Шрюсбюри, и тамъ я служилъ тебѣ въ первый разъ въ базиликѣ св. апостоловъ Петра и Павла. Въ теченіе пяти лѣтъ меня училъ тамъ знаменитый пастырь Сигвардъ латинскимъ письменамъ, которыя изобрѣлъ Никостратъ, получившій впослѣдствіи прозваніе *Кармента*. Онъ наставилъ меня псалмамъ, гимнамъ и другимъ необходимымъ свѣдѣніямъ. Между тѣмъ ты, Господи, соорудилъ на берегахъ Молы, во владѣніи моего отца, церковь, и благочестіемъ графа Рожера (Монгомери) устроилъ монастырь. Но тебѣ не было угодно, чтобы я продолжалъ борьбу за тебя въ прежнемъ мѣстѣ, изъ опасенія, что я могу испытать тревогу среди своихъ родственниковъ, которые часто смущаютъ твоихъ служителей, и что мнѣ придется нарушить повиновеніе твоему закону, вслѣдствіе мірскихъ привязанностей, испытываемыхъ подъ вліяніемъ кровныхъ связей. Вотъ почему, о Боже преславный, ты, который извелъ Авраама изъ своей земли, изъ дома отца и изъ среды семейства, ты внушилъ и моему отцу Оделерію намѣреніе удалить меня и предать тебѣ вполнѣ. Въ слезахъ и съ плачемъ онъ вручилъ меня монаху Райнольду, удалилъ въ изгнаніе изъ любви къ тебѣ, и съ того времени я никогда не видалъ болѣе отца. Будучи юнымъ и слабымъ отрокомъ, я не смѣлъ противиться желанію своего отца; я повиновался ему охотно во всемъ, ибо онъ мнѣ обѣщалъ твоимъ именемъ, если я сдѣлаюсь монахомъ, то по смерти наслѣдую рай вмѣстѣ съ праведными. Заключивъ такимъ образомъ отъ чистаго сердца, по голосу моего отца, этотъ договоръ съ тобою, я оставилъ отечество, ближайшихъ родственниковъ, остальную семью, знакомство, друзей, которые со слезами на глазахъ, прощаясь со мною, поручали меня въ своихъ молитвахъ тебѣ, о Господи, всевышній Адонаи! Исполни, прошу тебя, ихъ молитвы, о благій царь Саваоѳъ, и въ своей благости дай мнѣ насладиться тѣмъ, что̀ составляло ихъ желаніе!

Такимъ образомъ, я переплылъ море, имѣя отъ роду 10 лѣтъ; изгнанникомъ прибылъ я въ Нормандію, никѣмъ незнаемый и никого не зная самъ. Какъ Іосифъ въ Египтѣ, я услышалъ языкъ (т.-е. французскій), котораго не понималъ (авторъ могъ знать только латинскій и англо-саксонскій); но, благодаря твоему милосердію, я встрѣтилъ у чужеземцевъ всѣ ласки и дружбу, какія только могъ пожелать. Преподобный Майніеръ, аббатъ Утическаго монастыря (Uticensis, н. Ouche), принялъ меня въ монашество на одиннадцатомъ году моей жизни, и 22 сентября постригъ меня по обычаю клериковъ. Онъ замѣнилъ мое англо-саксонское имя, казавшееся варварскимъ для слуха норманновъ, именемъ *Виталія*, заимствовавъ его у одного изъ спутниковъ мученика св. Маврикія, память котораго праздновалась въ тотъ день. Благодаря твоему, Господи, милосердію, я оставался въ этомъ монастырѣ 56 лѣтъ; меня любили и чтили тамъ свыше моихъ заслугъ всѣ мои братія и соотечественники. Перенося жаръ, холодъ и дневные труды, я работалъ вмѣстѣ съ твоими служителями въ вертоградѣ Сорека; и при твоемъ правосудіи ожидаю съ увѣренностью обѣщанный тобою денарій. Я почиталъ, какъ своихъ отцовъ и господъ, такъ-какъ они были твоими намѣстниками, шесте-

рыхъ аббатовъ: Майніера, Серлона, Рожера и Гверина, Ричарда и Райнульфа; они правили по закону Утическимъ монастыремъ; они постоянно бодрствовали, какъ бы на нихъ лежала отвѣтственность за меня и за другихъ; они искусно распоряжались внутри и извнѣ, и на твоихъ глазахъ и съ твоею помощью снабжали насъ всѣмъ необходимымъ. Мнѣ было 16 лѣтъ, когда, 15 марта, по предложенію только-что избраннаго Серлона, Гизельбертъ, епископъ Лизьё, посвятилъ меня въ подъ-дьяконы. Послѣ, черезъ два года, Серлонъ, сдѣлавшись епископомъ города Сеесъ (Sagium, н. Séèz, близь Алансона, въ епархіи Руана), рукоположилъ меня дьякономъ. Въ этомъ чинѣ я служилъ тебѣ отъ всего сердца 15 лѣтъ; по достиженіи мною 33-лѣтняго возраста, архіепископъ Вильгельмъ возложилъ на меня въ Руанѣ, 21 декабря, бремя священства, и со мною посвятилъ 244 дьякона и 120 священниковъ, вмѣстѣ съ которыми я приблизился къ твоему священному алтарю, воодушевленный св. Духомъ. Вотъ уже 34 года, какъ я вѣрно отправляю свою священную службу съ полною душевною радостью.

Такимъ образомъ, Господи Боже, ты, который меня сотворилъ и надѣлилъ жизнью, ты осыпалъ меня своими дарами во всѣхъ званіяхъ, которыя были возложены на меня; мои годы были, по правдѣ, посвящены на службу тебѣ. Повсюду, куда ты меня ни проводилъ, я былъ любимъ не по своимъ заслугамъ, но по дѣйствію твоей благости. За всѣ такія благодѣянія, о нѣжнѣйшій отецъ, я приношу тебѣ благодаренія, восхваляю и благословляю тебя отъ всего сердца. Со слезами на глазахъ я молю тебя простить мнѣ мои безчисленныя прегрѣшенія. Пощади меня, Господи, пощади, и не покрой меня стыдомъ! Сообразно съ своею неисчерпаемою благостью, преклони взоръ твой на дѣло твоихъ рукъ; прости мнѣ прегрѣшенія и сотри нечистоту моей души. Дай мнѣ добрую волю къ продолженію службы твоей и достаточныя силы противъ ухищреній коварнаго сатаны, пока не пріобрѣту наслѣдства вѣчнаго спасенія. И того, что я прошу у тебя, о Боже всеблагій, въ эту минуту для себя, я желаю также и для своихъ друзей и благодѣтелей; я обращаюсь къ тебѣ съ тою же мольбою за всѣхъ вѣрныхъ по распоряженію твоего промысла. Но нашихъ заслугъ недостаточно для пріобрѣтенія вѣчныхъ благъ, къ которому устремлены всѣ желанія людей благочестивыхъ, о Господи Боже, отче всемогущій, творецъ и вождь ангеловъ; истинная надежда и вѣчное блаженство праведныхъ! потому да поможетъ намъ преславное заступничество святыя Маріи, Дѣвы-Матери, и всѣхъ святыхъ, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Искупитель всѣхъ людей, который живетъ и царствуетъ съ тобою, какъ Богъ, въ единствѣ св. Духа, отнынѣ и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Монахъ Ордерикъ-Виталій.

Hist. eccl. Lib. XIII. — Конецъ кн. XIII.

Ордерикъ-Виталій (Ordericus-Vitalis) имѣлъ счастливую мысль, заканчивая свой обширный историческій трудъ, помѣстить краткую біографію соб-

ственной жизни, и тѣмъ самымъ сообщилъ намъ главнѣйшія данныя изъ своего поприща; въ его же прологѣ (см. выше, стр. 83) объяснены обстоятельства, побудившія его взяться за историческій трудъ. Въ другомъ прологѣ къ книгѣ девятой (см. выше, на стр. 85), авторъ спеціально указываетъ на свои источники, которыми онъ руководился при изложеніи крестовыхъ походовъ. Къ словамъ автора можно прибавить только одно, что его отецъ Оделерій былъ собственно родомъ изъ Орлеана; вмѣстѣ съ Рожеромъ Монгомери, онъ принималъ участіе въ завоеваніи Англіи Норманнами 1066 года; графъ получилъ въ Англіи Шрюсбюри, а Оделерій женился и позже поступилъ въ духовное званіе. Остальное разсказываетъ самъ авторъ. Во всю свою жизнь Ордерикъ не покидалъ стѣнъ своего монастыря и предался литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ было его сочиненіе: Historiae ecclesiasticae Libri XIII, in tres partes divisi, т. е. „Тринадцать книгъ Церковной исторіи, раздѣленныя на три части". Онъ продолжалъ свой трудъ почти до послѣдняго года своей жизни, и умеръ 67 лѣтъ отъ роду въ 1142 году. Для послѣдней половины XI вѣка и первыхъ десятилѣтій XII вѣка сочиненіе Ордерика служитъ важнѣйшимъ источникомъ и представляетъ намъ самую полную картину феодальныхъ нравовъ съ удивительною наивностью и откровенностью [1]). Манускриптъ, писанный рукою автора, сохранился до настоящаго времени, но въ прошедшемъ столѣтіи пострадалъ, и нѣкоторыя части его утрачены; въ XVI вѣкѣ успѣли, однако, снять съ него нѣсколько копій, сохраняющихся нынѣ въ Парижской библіотекѣ, и которыя послужили основою для печатныхъ изданій. — *Изданія:* въ 1619 г., въ первый разъ *André Duchesne* помѣстилъ Церковную исторію Ордерика въ своемъ сборникѣ: Historiae Normannorum scriptores antiqui, стр. 319—925; новѣйшее изданіе находится у *Migne,* Patrologiae cursus completus etc. Par. 1844—57, въ 188 томѣ. — *Переводы:* франц. у Гизо, Collect. des mém., tom. XXV—XXVIII. Par. 1827; англійск. у Bohn's antiquar. lybrary. Tom. 27, 28, 30 и 36. — *Изслѣдованія:* у Lappenberg, Geschichte von England, II, 378—393 стр., и въ предисловіи къ переводу у Гизо въ послѣднемъ томѣ.

---

28. — Балдуинъ II, король Іерусалимскій, и морской крестовый походъ венеціанъ. 1118—1131.

(Между 1170 и 1184 гг.).

Начинается книга двѣнадцатая [2]).

I. *Вторымъ* [3]) королемъ Іерусалима изъ латиновъ былъ *Балдуинъ* (II) *Буржскій,* по прозванію *Жало,* человѣкъ религіозный, богобоязненный, преданный вѣрѣ и весьма опытный въ дѣлѣ военномъ.

---

[1]) Подробный анализъ и извлеченіе изъ главной части труда Ордерика будутъ помѣщены у насъ во второмъ отдѣлѣ первой части третьяго тома.

[2]) Предыдущее см. выше, въ статьяхъ 2, 11, 19 и 23.

[3]) Вильгельмъ Тирскій хотя и оспаривалъ тѣхъ составителей каталоговъ, которые опускали Готфрида (см. выше, стр. 274), однако слѣдуетъ имъ, называя Балдуина II *вторымъ* королемъ, а не третьимъ.

Онъ былъ родомъ франкъ, изъ реймской епархіи, сынъ Гуго, графа Ретельскаго, и Милизенды, знаменитой графини, которая, какъ говорятъ, имѣла много сестеръ, вслѣдствіе чего у нея было огромное число племянниковъ и племянницъ, о чемъ знаютъ тѣ, которые занимаются спеціально княжескими генеалогіями. Балдуинъ еще при жизни отца, подобно прочимъ благороднымъ мужамъ, посвятившимъ свою жизнь Богу, послѣдовалъ за арміею герцога Готфрида, котораго былъ родственникомъ, и отправился въ Іерусалимъ, оставивъ дома съ своимъ престарѣлымъ отцомъ двухъ братьевъ и двухъ сестеръ, изъ которыхъ онъ былъ самымъ старшимъ. Одинъ изъ его братьевъ, избранный впослѣдствіи архіепископомъ Реймскимъ, назывался Гервазій, а другой— Манассесъ. Изъ его сестеръ, одна, по имени Магальда, была за владѣтелемъ Витри; другая же, Годіерна, вышла за благороднаго и могущественнаго Гербранда, владѣтеля Херже, и имѣла сына Манассеса Херже, котораго я зналъ позже коннетаблемъ королевства, во времена королевы Милизенды. По смерти отца, государя короля Балдуина, его владѣніе наслѣдовалъ второй сынъ, Манассесъ, такъ-какъ старшій, государь Балдуинъ, находился далеко, въ своемъ королевствѣ. Когда Манассесъ умеръ бездѣтнымъ, графство перешло къ его брату Гервазію, который по этому случаю оставилъ Реймское архіепископство и женился въ противность церковнымъ законамъ. Свою единственную дочь отъ этого брака онъ выдалъ за одного знатнаго нормандца. По смерти его, ему наслѣдовалъ въ графствѣ Итерій, сынъ сестры, Магальды, бывшей за владѣтелемъ Витри. Но довольно объ этомъ.

II. Когда государь Балдуинъ (I), братъ государя герцога Готфрида, преславной и блаженной памяти, по смерти его былъ призванъ на Іерусалимскій престолъ, онъ передалъ этому Балдуину (II), о которомъ теперь идетъ рѣчь, какъ своему родственнику, графство Эдессу; и этотъ управлялъ имъ съ счастьемъ и твердостью въ теченіе болѣе нежели 18 лѣтъ. Въ восемнадцатый годъ своего управленія графствомъ, умиротворивъ свою страну, онъ вознамѣрился отправиться въ Іерусалимъ, отчасти для того, чтобы навѣстить короля своего государя, родственника и благодѣтеля, а отчасти для поклоненія святымъ мѣстамъ. Изготовивъ все къ предстоящему пути и ввѣривъ страну тѣмъ изъ своихъ, на вѣрность и заботливость которыхъ онъ могъ положиться, Балдуинъ, какъ человѣкъ благоразумный и прозорливый, укрѣпилъ свои города и пустился въ дорогу съ приличною свитой. На пути явился къ нему гонецъ съ извѣстіемъ о смерти государя короля въ Египтѣ, что̀ и было справедливо. Узнавъ о кончинѣ своего государя и родственника, онъ очень огорчился, какъ то нисколько не было удивительно, однако продолжалъ предпринятый путь и поспѣшно шелъ къ Іерусалиму. Совершенно случайно, въ одно и то же время, въ Вербное воскресенье, когда весь народъ, по обычаю, собрался для торжества въ долинѣ Іосафата, съ одной стороны вступилъ въ городъ графъ вмѣстѣ съ своими, а съ другой — погребальная процессія короля, которую сопровождало все войско, ходившее съ нимъ въ Египетъ.

III. Когда тѣло короля было привезено въ святой городъ и съ

честью похоронено въ церкви св. Гроба, рядомъ съ братомъ, предъ Голгоѳою, у Лобнаго-Мѣста, вельможи государства, бывшіе на лицо, патріархъ Арнульфъ, епископы, архіепископы и другіе прелаты церкви, равно и свѣтскіе князья, между которыми обнаружилъ особую дѣятельность и словомъ, и дѣломъ могущественный владѣтель Тиверіады, Іосцелинъ, приступили къ совѣщанію. Явилось нѣсколько различныхъ мнѣній: одни говорили, что надобно ожидать прибытія государя графа Евстафія, и что не слѣдуетъ нарушать древняго закона о наслѣдствѣ, тѣмъ болѣе, что блаженной памяти братья графа (т. е. Готфридъ и Балдуинъ I) управляли государствомъ столь счастливо и къ удовольствію всѣхъ; но другіе были того мнѣнія, что государственныя дѣла не терпятъ отлагательства и отсрочки выборовъ; напротивъ, должно поторопиться устройствомъ земли, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть кого-нибудь, кто могъ бы предводительствовать войскомъ и позаботиться о дѣлахъ королевства, и чтобы государство не впало въ опасность отъ отсутствія главы. Это разногласіе въ мнѣніяхъ и партіяхъ произвелъ Іосцелинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ королевствѣ; онъ, вмѣстѣ съ владыкою патріархомъ, котораго онъ расположилъ въ пользу своего мнѣнія, держался той партіи, которая хотѣла немедленно избрать короля, и потому говорилъ: „У насъ находится теперь графъ Эдессы, родственникъ государя короля, мужъ благочестивый, богобоязненный, отважный и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающій похвалу; лучшаго мы не найдемъ ни въ какой странѣ, ни въ какой провинціи; избрать его въ короли выгоднѣе, нежели допустить опасную отсрочку“. Многіе, зная, какъ еще недавно поступилъ графъ съ Іосцелиномъ, и о чемъ было разсказано выше [1]), полагали потому, что его слова сказаны имъ отъ чистаго сердца. Не замѣчая другихъ его замысловъ и помня пословицу: „Хвала врагá всегда справедлива“, они повѣрили его словамъ и приступили къ его мнѣнію. Онъ же сдѣлалъ то предложеніе о возведеніи графа на престолъ въ надеждѣ получить отъ него его графство. Такъ-какъ владыка патріархъ и Іосцелинъ были одинаковаго мнѣнія, то не трудно было склонить къ тому и другихъ. Всѣ единогласно избрали графа въ короли, и въ ближайшій праздникъ Пасхи (1118 г.) онъ былъ, по обычаю, посвященъ, помазанъ и увѣнчанъ королевскою короною. Но каковы ни были цѣли патріарха и Іосцелина при этомъ избраніи, милосердіе Господа обратило все къ лучшему: ибо государь король оказался съ божіею помощью справедливымъ, благочестивымъ и богобоязненнымъ мужемъ, который и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ былъ необыкновенно счастливъ. Тѣмъ не менѣе, путь, которымъ онъ достигъ трона, не былъ справедливымъ, и возведшіе его дѣйствовали въ ущербъ законнымъ наслѣдникамъ. По смерти короля, или вслѣдствіе послѣдней воли по-

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ отступленій, въ кн. XI, гл. 22, авторъ разсказываетъ, что Іосцелинъ, родственникъ и вассалъ графа Балдуина, бывшаго тогда еще графомъ Эдесскимъ, во время голода отказался помочь своему сузерену; за это, въ 1113 г., Балдуинъ, предавъ его пыткѣ, лишилъ лена и изгналъ изъ графства; Іосцелинъ удалился въ Іерусалимъ и успѣлъ получить отъ короля Балдуина въ ленъ Тиверіаду, которою онъ и владѣлъ до настоящаго времени (1118 г.).

койнаго, или по общему приговору князей — о томъ мы не могли нигдѣ узнать навѣрное — было отправлено посольство къ брату знаменитаго государя герцога Готфрида и государя короля Балдуина (I), государю графу Евстафію Булонскому, чтобы просить его отъ имени всѣхъ принять королевство. Послы противопоставили его отказу наслѣдовать братьямъ уважительныя причины и, наконецъ, привели его въ Апулію. Но этотъ достоуважаемый, честнѣйшій и богобоязненный мужъ, достойный имѣть столь великихъ братьевъ, доблести которыхъ перешли на него, узнавъ тамъ, что въ это время былъ избранъ въ короли его родственникъ, государь графъ Балдуинъ Эдесскій, исполненный Духа божія, отправленнымъ къ нему посламъ, которые настаивали на продолженіи пути, такъ какъ все случившееся было противно праву, правдѣ и древнему закону о наслѣдствѣ: „Я далекъ отъ мысли внести раздоръ въ страну Господа, которая моею кровью получила миръ христовъ и за спокойствіе которой мои великіе и безсмертные братья жертвовали своею драгоцѣнною жизнью“. Послѣ того, не смотря на желаніе тѣхъ, которые хотѣли силою отвести его въ королевство, онъ, приказавъ своей дружинѣ готовиться въ обратный путь, отправился домой.

IV. Говорятъ, что Балдуинъ (II) былъ красивой наружности, высокаго роста, пріятнаго лица, имѣлъ волоса рѣдкіе, рыжаго цвѣта, съ примѣсью сѣдины; носилъ бороду, спускавшуюся на грудь, но жидкую; цвѣтъ лица былъ свѣтлый и розовый, насколько то бываетъ въ его лѣта. Онъ владѣлъ искусно конемъ и оружіемъ; отлично зналъ военное дѣло, во всѣхъ дѣлахъ отличался предусмотрительностью; въ предпріятіяхъ былъ счастливъ; славился дѣлами благочестія, кротости и милосердія; былъ честенъ и богобоязненъ; къ молитвѣ усердствовалъ до того, что натеръ мозоли на рукахъ и ногахъ отъ частыхъ ударовъ въ грудь и колѣнопреклоненій; и въ дѣлахъ государственныхъ, не смотря на лѣта, былъ неутомимъ и дѣятеленъ. Вступивъ на королевскій престолъ, онъ призвалъ къ себѣ своего родственника Іосцелина и вручилъ ему графство Эдессу, оставшееся безъ главы, какъ потому что онъ лучше всѣхъ зналъ эту страну, такъ и съ цѣлью дать ему удовлетвореніе за прежнія обиды. Взявъ съ него клятву въ вѣрности, онъ вручилъ ему знамя и ввелъ во владѣніе страною. Потомъ Балдуинъ вызвалъ къ себѣ жену, дочерей и прислугу; благодаря попеченіямъ Іосцелина, всѣ они прибыли весьма скоро и благополучно. Жена его называлась Морфія и была дочерью благороднаго грека, Гавріила. Онъ женился на ней, будучи еще графомъ, и получилъ за нею въ приданое несмѣтныя суммы денегъ. Она родила ему трехъ дочерей, Милизенду, Алису и Годіерну, четвертая же, Ивета, родилась уже тогда, когда онъ былъ королемъ. Балдуинъ былъ коронованъ и помазанъ королемъ въ годъ отъ воплощенія господня *тысячасто-восемнадцатый* (1118), мѣсяца апрѣля второго дня. Папою былъ въ то время Геласій II; Антіохійскою церковью управлялъ Бернгардъ, первый латинскій патріархъ, а святою церковью въ Іерусалимѣ — четвертый латинскій патріархъ Арнульфъ.

Въ V и VI главахъ авторъ записываетъ некрологъ этого года: въ 1118 г. умерли: императоръ Алексѣй, которому наслѣдовалъ Іоаннъ; авторъ отзы-

вается о немъ съ похвалою, хотя и сознается, что онъ не всегда дѣйствовалъ открыто; потомъ папа Пасхалисъ, которому наслѣдовалъ Геласій; жена Балдуина I, Аделаида Сицилійская, и патріархъ Іерусалима Арнульфъ, которому наслѣдовалъ Гормундъ изъ Амьена. Далѣе авторъ разсказываетъ, какъ въ этомъ же году Египетскій и Дамасскій султаны напали на Палестину, но враги простояли три мѣсяца въ виду другъ друга, и безъ сраженія возвратились во-свояси; затѣмъ онъ переходитъ къ одному изъ важнѣйшихъ событій правленія Балдуина II и излагаетъ его слѣдующимъ образомъ:

VII. Въ томъ же году (1118) нѣсколько благородныхъ мужей изъ рыцарскаго сословія (nobiles viri de equestri ordine), преданные Богу, благочестивые и богобоязненные, посвящая себя на службу Христу, дали владыкѣ патріарху, по обычаю католическаго духовенства, обѣтъ жить на будущее время въ цѣломудріи, повиновеніи и безъ всякаго имущества. Между ними первое и главное мѣсто занимали почтенные мужи, Гуго изъ Пэна (de Paganis) и Гауфредъ изъ С. Альдемара. Такъ-какъ у нихъ не было ни церкви, ни опредѣленнаго помѣщенія, то король отвелъ имъ на время жилище въ той части своего дворца, которая на югѣ примыкаетъ къ *Храму* господню. Каноники же Храма господня уступили имъ на извѣстныхъ условіяхъ площадь, которую они имѣли предъ дворцомъ, для хозяйственныхъ построекъ (ad opus officinarum); сверхъ того, король съ своими первыми вельможами и патріархъ съ прелатами обезпечили за ними, частью на опредѣленное время, а частью навсегда, необходимые доходы изъ собственнаго имущества. Ихъ первая обязанность, возложенная на нихъ патріархомъ и другими епископами, какъ средство къ отпущенію грѣховъ, состояла въ томъ, чтобы главнымъ образомъ ограждать, по мѣрѣ силъ, пилигримамъ дорогу отъ нападенія разбойниковъ. Первыя девять лѣтъ они носили свѣтское платье, какое давалъ имъ народъ, какъ доброе дѣло съ своей стороны. Но по прошествіи этого времени, когда во Франціи былъ соборъ въ Троа (1128 г.), на которомъ присутствовали архіепископы Реймсскій и Санскій съ своимъ духовенствомъ, епископъ Альбано, легатъ апостольскаго престола, также аббаты Сито, Клерво, Понтиньи и многіе другіе, они получили, по распоряженію папы Гонорія и патріарха іерусалимскаго Стефана, уставъ и опредѣленное одѣяніе, именно бѣлое. Въ эти первыя девять лѣтъ ихъ орденъ состоялъ не болѣе какъ изъ 9 рыцарей, но съ того времени число ихъ стало возрастать и владѣнія распространяться, такъ-что, какъ говорятъ, при папѣ Евгеніѣ, они начали на своихъ плащахъ носить кресты изъ краснаго сукна въ знакъ отличія, какъ сами рыцари, такъ и ихъ младшая братія, называвшаяся „служками“ (servientes). Позднѣе орденъ усилился до того, что въ настоящее время ихъ конвентъ состоитъ почти изъ 300 рыцарей, которые носятъ бѣлые плащи, причемъ не считается безчисленная младшая братія. Ихъ владѣнія по-сю и по-ту сторону моря, какъ говорятъ, столь обширны, что нѣтъ страны въ христіанскомъ мірѣ, которая не вносила бы податей этой братіи за ея земли, и богатства ихъ могутъ называться королевскими. Такъ-какъ ихъ жилище находилось рядомъ съ *Храмомъ* господнимъ, какъ мы сказали

выше, въ королевскомъ дворцѣ, то они носили названіе „Храмовниковъ“ (Тампліеры, Fratres militiae Templi). Долгое время они оставались вѣрными своему призванію и выполняли его съ большимъ умомъ; но впослѣдствіи они отложили свое смиреніе, охраняющее всякую доблесть и предотвращающее всякую напасть, пока оно хранится въ сердцѣ, отвергли свою зависимость отъ патріарха, которому они были обязаны учрежденіемъ ордена и первыми дарами, и отказали въ повиновеніи, которое хранили ихъ предшественники въ отношеніи его. Также и церквамъ господнимъ они сдѣлались въ тягость, такъ-какъ они брали съ нихъ десятину и первые плоды и производили несправедливыя нападенія на ихъ собственность.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ VIII до XIV, авторъ дѣлаетъ обзоръ событій за 1119—1121 годъ, и по этому случаю говоритъ о смерти папы Геласія въ 1119 и о вступленіи Каликста, при которомъ, какъ замѣчаетъ авторъ, кончилась борьба папъ съ императоромъ; далѣе, обращаясь къ Палестинѣ, онъ излагаетъ войну съ султанами Алеппо и Дамаска, по поводу ихъ нападенія на Антіохію; хотя правитель Антіохіи, за малолѣтствомъ сына Боэмунда I, Боэмунда II, жившаго въ Апуліи, былъ убитъ, но Балдуинъ II одержалъ блистательную побѣду надъ невѣрными и вслѣдствіе того былъ провозглашенъ правителемъ Антіохіи; затѣмъ авторъ, сказавъ коротко объ устройствѣ антіохійскихъ дѣлъ, говоритъ о внутреннихъ реформахъ въ Іерусалимѣ при Балдуинѣ II:

XV. Въ это самое время (1121 г.) король въ своемъ присутствіи въ Іерусалимѣ, съ благочестивою и царскою щедростью далъ гражданамъ Іерусалима на вѣчныя времена свободу отъ пошлинъ (libertatem consuetudinum), утвердивъ хартію королевскою печатью; до тѣхъ поръ съ гражданъ собирали пошлину при вывозѣ товара и при ввозѣ, но съ этого времени каждый латинъ освобождался отъ пошлины, входилъ ли онъ, или выходилъ, ввозилъ ли, или вывозилъ, и пользовался полною свободой при продажѣ и покупкѣ. Даже сирійскіе христіане, греки, армяне и люди другихъ націй, не исключая сарацинъ, получили право ввозить безпошлинно въ св. городъ пшеницу, ячмень и овощи. Онъ уничтожилъ также сборъ при покупкѣ на мѣру или на вѣсъ, и такими распоряженіями снискалъ любовь и похвалу въ народѣ. Обѣими этими мѣрами онъ хотѣлъ достигнуть, во-первыхъ, того, чтобы городъ былъ обильно снабженъ съѣстными припасами, такъ-какъ они ввозились теперь безпошлинно, а во-вторыхъ, чтобы увеличить населеніе, о чемъ главнымъ образомъ заботились уже его предшественники.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ XVI до XXI, авторъ возвращается къ военнымъ событіямъ 1122—1124 годовъ: турки нападали по прежнему то на Антіохію, то на Эдессу, и султанъ Балакъ взялъ даже въ плѣнъ Іосцелина, графа Эдесскаго; Балдуинъ II поспѣшилъ къ нему на помощь, но по неосторожности былъ самъ схваченъ турками и закованъ; жители Іерусалима по этому случаю избрали правителемъ, на время плѣна короля, Евстафія Гренье, владѣтеля Сидона и Цезареи и коннетабля королевства. Іосцелинъ успѣлъ

убѣжать изъ плѣна и пытался освободить короля силою, но не успѣлъ; между тѣмъ, пользуясь плѣномъ Балдуина II, на Іерусалимъ напалъ египетскій султанъ, однако Гренье разбилъ его при Іоппе; смерть Гренье въ томъ же году (1124) поставила Іерусалимъ снова въ опасное положеніе; на его мѣсто былъ избранъ владѣтель Тиверіады, Вильгельмъ Бурисъ; къ счастью для христіанъ, въ это самое время къ нимъ явилась неожиданная помощь изъ Европы: это былъ венеціанскій флотъ, предпринявшій морской крестовый походъ.

XXII. Въ это время (1124 г.) венеціанскій дожъ (dux Venetiae) Доминикъ-Михаилъ. услышавъ о крайнемъ положеніи Восточнаго государства (т. е. Іерусалимскаго королевства), предпринялъ походъ въ Сирію, вмѣстѣ съ знатными вельможами своей страны, и собралъ флотъ изъ 40 галеръ (galeis), 28 носатыхъ кораблей (gatis) и 4 большихъ судна, предназначенныхъ для перевоза тяжестей. Когда они пришли къ острову Кипру, гдѣ о ихъ прибытіи слышали еще прежде, имъ было возвѣщено, что египетскій флотъ находится у сирійскихъ береговъ и присталъ къ морскому городу Іоппе, гдѣ и остается къ ужасу всего прибрежья. Узнавъ о томъ, дожъ приказалъ выйти въ море и, изготовившись къ войнѣ, поспѣшилъ къ берегу Іоппе. Между тѣмъ имъ дали знать, что тотъ египетскій флотъ ушелъ изъ Іоппе и направился къ сторонѣ Аскалона. А именно, до египтянъ дошли худые слухи о своихъ, которые сражались съ нашими на сушѣ, и потому они вернулись въ свой городъ. Такъ-какъ венеціане узнали и объ этомъ чрезъ лазутчиковъ, то поплыли туда, сгорая желаніемъ открыть непріятельскій флотъ и сразиться съ нимъ. Какъ люди предусмотрительные и опытные въ подобныхъ предпріятіяхъ, они немедленно построили флотъ въ такомъ порядкѣ, какой имъ казался удобнѣйшимъ. Въ ихъ флотѣ были особаго рода носатые корабли, которые называются *гатами* (gati): они больше галеръ и имѣютъ по сту веселъ; при каждомъ веслѣ два гребца. Но у нихъ было еще, какъ мы сказали, 4 большихъ корабля, предназначенныхъ для перевоза тяжестей, машинъ, оружія и продовольствія. Они построили эти корабли вмѣстѣ съ *гатами* впереди, чтобы непріятель принялъ ихъ издалека за купеческія суда, а галеры слѣдовали за ними. Разставивъ корабли въ такомъ порядкѣ, они приблизились къ берегу. Вѣтеръ былъ имъ весьма благопріятный, море тихо и непріятельскій флотъ совершенно вблизи. Когда начало́ свѣтать и утренняя заря возвѣстила приближеніе солнца, непріятель замѣтилъ подходъ флота, а когда совсѣмъ разсвѣло, онъ былъ уже возлѣ него. Въ величайшемъ страхѣ и смятеніи схватились египтяне за весла, голосомъ и знаками приказывая рубить канаты, поднимать якори, разсаживать гребцовъ по мѣстамъ и, приготовившись къ битвѣ, взять въ руки оружіе.

XXIII. Пока у непріятеля происходило смятеніе и величайшее замѣшательство, какое обыкновенно производитъ страхъ, одна венеціанская галера, именно та, на которой былъ дожъ, полетѣла впереди прочихъ и случайно такъ ударилась въ корабль, на которомъ находился непріятельскій предводитель, что этотъ корабль почти совсѣмъ затонулъ, вмѣстѣ съ своими гребцами. За этою галерою слѣдо-

вали поспѣшно другіе корабли и напали на другія непріятельскія суда. Начался горячій бой; съ обѣихъ сторонъ дрались съ ожесточеніемъ, и было столько побито, что тѣ, которые тамъ были, увѣряютъ положительно, какъ то ни кажется невѣроятно, что ноги побѣдителей стояли въ крови непріятельской, и море сдѣлалось краснымъ на 2.000 шаговъ отъ сброшенныхъ труповъ и крови, стекавшей съ кораблей. Берегъ же, разсказываютъ, такъ густо былъ усѣянъ трупами, выкинутыми моремъ, что воздухъ отъ ихъ гніенія испортился окрестъ и произвелъ заразу. Долго сражались въ-рукопашную, одни наступая, другіе отражая. Наконецъ, при помощи божіей, венеціане восторжествовали и, обративъ непріятеля въ бѣгство, одержали на вѣки памятную побѣду, вслѣдствіе которой они захватили 4 галеры, столько же *гатовъ* и одинъ большой корабль; непріятельскій вождь погибъ въ битвѣ. Послѣ того какъ небо послало нашимъ такую побѣду, они не хотѣли терять даромъ времени и, по приказанію дожа, отправившись въ Египетъ, прибыли къ древнему приморскому городу Ларису, окруженному степью, и высматривали, не встрѣтятся ли имъ еще непріятельскіе корабли; ихъ желаніе снова исполнилось, какъ будто бы обо всемъ, что случилось, они получали предварительное извѣстіе. Во время пребыванія ихъ въ этихъ моряхъ они замѣтили въ недалекомъ разстояніи десять непріятельскихъ кораблей. Они поплыли на нихъ со всею быстротою и съ перваго раза овладѣли ими силою. Людей, найденныхъ на нихъ, они частью избили, частью заковали въ цѣпи. Эти корабли были съ восточными товарами, а именно съ пряностями и шелкомъ. Все это они раздѣлили, по военному обычаю, между собою и, значительно обогатившись, пришли въ городъ Акконъ.

XXIV. Когда владыка патріархъ Іерусалимскій Гормундъ, государь Вильгельмъ Бурисъ, правитель и коннетабль королевства (constabularius et procurator), королевскій канцлеръ Пэнъ, вмѣстѣ съ архіепископами, епископами и другими вельможами, узнали, что у нашихъ береговъ находится венеціанскій дожъ съ флотомъ, и что онъ одержалъ столь славную побѣду надъ непріятелемъ, они отправили къ нему послами людей умныхъ и почетныхъ поздравить его, венеціанскихъ вельможей и вождей войска, отъ имени государя патріарха, князей и всего народа, и выразить имъ свою радость по поводу ихъ прибытія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они приглашали ихъ считать себя въ королевствѣ какъ дома, наравнѣ съ гражданами и туземцами, и обѣщали съ своей стороны исполнить въ отношеніи ихъ всѣ законы гостепріимства. Вслѣдствіе того дожъ собрался въ дорогу, отчасти желая посѣтить святыя мѣста, чего онъ такъ давно желалъ, а отчасти имѣя въ виду переговорить съ князьями, которые столь дружелюбно приглашали его; вмѣстѣ съ знатными своей страны, поручивъ предварительно надзоръ за флотомъ надежнымъ людямъ, онъ отправился въ Іерусалимъ, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ и провелъ тамъ праздникъ Рождества Христова (1124). Когда князья королевства убѣдительно просили его посвятить свои силы на нѣкоторое время служенію Христу для расширенія предѣловъ королевства, дожъ отвѣчалъ, что онъ и пришелъ именно съ этою цѣлью, и что таково

было его намѣреніе. Вслѣдствіе того владыка патріархъ и прочіе князья государства заключили съ нимъ договоръ, въ силу котораго они обязались взаимно осадить общими силами или Тиръ, или Аскалонъ, ибо всѣ другіе города отъ устья Нила (a torrente Aegypti) до Антіохіи съ божіею помощью, находились уже въ нашей власти. Но при этомъ дѣло едва не дошло до опасной распри, ибо желанія нашихъ расходились въ разныя стороны: жители Іерусалима, Рамлы, Іоппе и Неаполя (Наплузы), также и окрестныхъ странъ этихъ городовъ, настаивали всѣми силами на осадѣ Аскалона, ибо этотъ городъ стоялъ ближе къ нимъ, и завоеваніе его, казалось, требовало мéньшихъ усилій и денегъ; жители же Аккона, Назарета, Сидона, Берита, Тиверіады, Библоса и другихъ приморскихъ городовъ требовали направить всѣ силы на Тиръ, ибо это городъ самый важный и хорошо укрѣпленный, а потому должно употребить всѣ усилія для овладѣнія Тиромъ, чтобы непріятель не пользовался имъ съ цѣлью вторгаться въ нашу страну и снова завоевать ее. Вслѣдствіе такой раздѣльности мнѣній, какъ я сказалъ, самое предпріятіе едва не было совсѣмъ отложено. Наконецъ, по предложенію нѣкоторыхъ, устроилось дѣло такъ, что согласились рѣшить споръ жребіемъ; самый способъ жребія былъ довольно благовиденъ. А именно, взяли два свертка пергамина и написали на одномъ: *Тиръ*, на другомъ—*Аскалонъ*. Оба эти свертка положили на алтарь и приказали одному изъ невинныхъ и сирыхъ дѣтей выбрать, какой онъ хочетъ, свертокъ; какой городъ окажется на пергаминѣ, избранномъ имъ, тотъ и долженъ быть осажденъ общими силами безъ дальнѣйшихъ споровъ. Жребій указалъ на городъ Тиръ. Все это мы слышали отъ старожиловъ, которые завѣряли насъ, что они сами присутствовали при этомъ. Когда дѣло было рѣшено, владыка патріархъ и знатные той страны вмѣстѣ со всѣмъ народомъ собрались въ городъ Акконъ, въ гавани котораго стоялъ на якорѣ венеціанскій флотъ. Давъ взаимно клятву вѣрно хранить условіе заключеннаго договора и приготовивъ все необходимое, они приступили 15 февраля (1025 г.) къ двойной (т.-е. съ суши и съ моря) осадѣ вышеупомянутаго города.

XXV. Чтобы не опустить ничего, чтó имѣетъ отношеніе къ древностямъ тѣхъ событій, я рѣшился записать здѣсь *хартію привилегій*, въ которой были изложены условія договора, заключеннаго между венеціанами и князьями королевства Іерусалимскаго, какъ то слѣдуетъ ниже:

„*Во имя святыя и нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и святаго Духа*!

„Во время, когда правилъ римскою церковью папа Каликстъ Второй, а государствомъ Августъ, римскій императоръ Гейнрихъ Четвертый (IV, какъ императоръ, и V, какъ германскій король Саксонскаго дома), въ самый годъ (1125) окончанія спора государства съ церковью за перстень и жезлъ и созванія собора въ Римѣ, *Доминикъ-Михаилъ*, герцогъ Венеціи и князь Далмаціи и Кроаціи, поразивъ тяжко флотъ царя Вавилонскаго (т.-е. египетскаго калифа), близъ негостепріимныхъ береговъ Аскалона, прибылъ, наконецъ, побѣдоносно въ Іерусалимъ на помощь нуждавшимся въ томъ христіанамъ. Въ то время король Бал-

дуинъ Второй Іерусалимскій за наши грѣхи находился въ непріятельскихъ оковахъ у князя пареянъ Балака, вмѣстѣ съ многими другими. Посему Мы, *Гормундъ*, божіею милостью, патріархъ св. города Іерусалима, вмѣстѣ съ подвластными нашей церкви братіями, и съ коннетаблемъ Вильгельмомъ Бурисомъ, канцлеромъ Пэномъ, и въ присутствіи рыцарства всѣхъ бароновъ государства, собравшись въ Акконѣ, въ церкви св. Креста, подтвердили въ пользу св. евангелиста Марка (т.-е. патрона Венеціи), вышеупомянутаго герцога, его преемниковъ и всего венеціанскаго народа, тѣ обѣщанія, которыя были даны вышерѣченнымъ королемъ Балдуиномъ, какъ то значится въ его посланіяхъ, и тѣ предложенія, которыя сдѣлали посланники, отправленные королемъ въ Венецію къ этому самому герцогу, обязуясь къ тому собственноручною подписью, епископы и канцлеры подписью и лобызаніемъ мира, какъ то предписываютъ законы нашего ордена; всѣ же бароны, имена которыхъ подписаны ниже, клятвою надъ св. евангеліемъ, дабы все обѣщанное на словахъ и изложенное въ грамотѣ было выполнено въ пользу его и его народа безъ малѣйшаго спора и сохранилось на вѣчныя времена. *Аминь*!

„Во всѣхъ городахъ, состоящихъ подъ властью вышеупомянутаго короля и его преемниковъ, равно и ихъ бароновъ, венеціане имѣютъ церковь, цѣлую улицу, площадь или баню и пекарню въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе, свободное отъ податей и на правѣ королевской собственности. Но относительно площади въ Іерусалимѣ они пользуются правомъ собственности настолько, насколько пользуется самъ король. Если они пожелаютъ въ Акконѣ устроить пекарню, мельницу, баню, вѣсы, четверики (modios) и ведра (buzas) для измѣренія вина, масла и меду въ своемъ кварталѣ (in vico suo), то да будетъ разрѣшено всѣмъ жителямъ города пользоваться тѣмъ свободно для печенья, молотья и мытья, какъ бы то было королевскою собственностью. Относительно мѣръ и вѣсовъ поступать слѣдующимъ образомъ: если венеціане торгуютъ между собою, то могутъ употреблять венеціанскую мѣру, и по этой же мѣрѣ они продаютъ свой товаръ другимъ націямъ; если же венеціане пріобрѣтаютъ куплею у другихъ націй, не у венеціанъ, то въ такомъ случаѣ они должны употреблять королевскую мѣру и платятъ опредѣленную цѣну. При этомъ венеціане ни подъ какимъ видомъ не платятъ пошлинъ, будутъ ли онѣ установлены обычаемъ, или другимъ способомъ, ни при въѣздѣ, ни при пребываніи, ни при продажѣ, покупкѣ или выѣздѣ, кромѣ того случая, когда они на корабляхъ привезутъ или увезутъ пилигримовъ и когда обязуются по королевскому обычаю уплачивать третью часть королю. За то король Іерусалимскій и всѣ мы обязуемся, согласно договору, платить изъ казны города Тира, изъ доли короля, въ день апостоловъ Петра и Павла, ежегодно по 300 сарацинскихъ византиновъ. Сверхъ того, мы обязуемся герцогу Венеціи и вашему народу не брать съ тѣхъ народовъ, которые торгуютъ съ вами, больше того, сколько они платили до сихъ поръ, и сколько мы беремъ съ тѣхъ, которые торгуютъ съ другими народами. Мы утверждаемъ также за св. Маркомъ и вами, герцогомъ Доминикомъ-Михаиломъ и вашими преемниками, въ силу этого договора, ту часть площади и улицы въ Акконѣ, ко-

торая замыкается съ одной стороны домомъ Петра Цанна, а съ другой монастыремъ св. Димитрія, и другую часть той же улицы, гдѣ находятся одинъ деревянный и два каменныхъ дома, которые прежде были выстроены изъ тростнику; эта часть была уступлена королемъ Іерусалимскимъ Балдуиномъ св. Марку и государю герцогу Ордолафу и его преемникамъ еще прежде, при завоеваніи Сидона; во всемъ этомъ мы уступаемъ вамъ на вѣчныя времена право держать, владѣть и распоряжаться, какъ то будетъ угодно. И въ другой части той улицы, которая идетъ въ прямомъ направленіи отъ дома Бернгарда изъ Невшателя, принадлежавшаго прежде Іоанну-Юліану, до дома Гвиберта изъ Іоппе, уроженца Лауды, мы препоручаемъ вамъ ту же власть, какую тамъ имѣетъ король. Также ни одинъ венеціанецъ во всей странѣ короля не долженъ вносить пошлинъ ни при въѣздѣ, ни при пребываніи или при отъѣздѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, и остается свободнымъ, какимъ онъ былъ въ Венеціи. Если случится судебное дѣло или ссора между двумя венеціанами, то пусть судятся въ куріи венеціанъ, также если одинъ венеціанецъ представляетъ требованіе или притязаніе на другого. Но если венеціанецъ подаетъ жалобу на не-венеціанца, то ее слѣдуетъ разбирать въ королевской куріи. Если умретъ венеціанецъ, то его имущество возвращается венеціанамъ, оставилъ ли онъ завѣщаніе, или нѣтъ, что́ у насъ называется умереть „безъ языка". Если венеціанецъ претерпѣлъ караблекрушеніе, то онъ ничего не лишается изъ имущества; въ случаѣ же его погибели при крушеніи, его добро остается наслѣдникамъ или венеціанамъ. Надъ жителями, поселившимися въ кварталѣ венеціанъ или въ ихъ домахъ, венеціане имѣютъ то же право суда и обычая, какое имѣетъ король надъ своими. Наконецъ, венеціанамъ предоставляется въ вѣчное, наслѣдственное и безспорное владѣніе третья часть съ ея принадлежностями въ обоихъ городахъ, Тирѣ и Аскалонѣ, и во всѣхъ окрестныхъ имъ странахъ, которыя нынѣ находятся во власти сарацинъ, а не франковъ, и которыя съ божіею помощью будутъ, начиная съ Петрова дня, завоеваны вмѣстѣ съ венеціанами, или безъ нихъ; и этою третьею частью они будутъ распоряжаться на тѣхъ же правахъ, какими пользуется король въ своихъ двухъ частяхъ. Относительно всего этого Мы, патріархъ Іерусалимскій, устроимъ такъ, чтобы всѣ тѣ условія были утверждены на евангеліи королемъ, когда онъ современемъ божіею помощью возвратится изъ плѣна. Если же будетъ избранъ другой король, то мы или постараемся, чтобы онъ еще до вступленія на престолъ утвердилъ вышеуказанныя обѣщанія, или въ противномъ случаѣ мы никакимъ образомъ не дадимъ нашего согласія на его возвышеніе. Точно также и подобнымъ же образомъ будутъ давать утвержденіе наслѣдники бароновъ и всѣ будущіе бароны. Что же касается до вопроса объ Антіохіи, по поводу котораго мы знаемъ положительно, что король Балдуинъ Второй обѣщалъ вамъ, венеціанамъ, дать тѣ же права и въ Антіохіи, какъ и въ прочихъ городахъ королевства, если только народъ антіохійскій согласится на утвержденіе королевскаго обѣщанія, то Мы, Гормундъ, патріархъ Іерусалимскій, равно какъ епископы, духовенство, бароны и народъ Іерусалимскій, содѣйствуя вамъ словомъ и дѣломъ, обѣщаемъ честно выполнить

все, о чемъ пишетъ государь папа и что мы изложили выше, для увеличенія чести венеціанскаго имени".

„*Я, Гормундъ*, божіею милостію патріархъ Іерусалима, собственноручною подписью скрѣпляю все вышеизложенное.

„*Я, Эбремаръ*, Цезарейскій архіепископъ, равномѣрно и то же самое подтверждаю (далѣе слѣдуютъ подписи еще семи духовныхъ лицъ и коннетабля Вильгельма Буриса).

„Дано въ Акконѣ рукою Пэна, канцлера короля Іерусалимскаго, въ *тысяча-сто-двадцать-третьемъ* году [1]), второго Индикта".

Кончается книга двѣнадцатая.

Начинается книга тринадцатая.

Въ первыхъ *двухъ* главахъ этой книги авторъ пишетъ исторію города Тира съ большою подробностью, такъ-какъ ему пришлось говорить о своей родинѣ; начавъ со времени финикіянъ, онъ переходитъ къ эпохѣ грековъ, приводитъ мѣста изъ Библіи и Евангелія, гдѣ упоминается Тиръ, и наконецъ, сдѣлавъ общій географическій обзоръ всей Финикіи, переходитъ къ топографическому описанію Тира и его укрѣпленій предъ осадою города крестоносцами, 15 февраля 1124 года.

III. Вышеупомянутый городъ (т. е. Тиръ) былъ не только весьма укрѣпленъ, но и замѣчателенъ по плодородію своей почвы и красотѣ мѣстоположенія. Хотя онъ стоялъ въ морѣ и подобно острову весь омывался волной, но тѣмъ не менѣе въ виду его воротъ на материкѣ разстилалось широкое поле, отличное во всѣхъ отношеніяхъ, и большая равнина, доставлявшая своимъ плодородіемъ огромныя выгоды для жителей. Хотя эта равнина, въ сравненіи съ другими подобными мѣстностями, можетъ показаться небольшою, но ея малый объемъ возмѣщался плодородіемъ, и разнообразныя богатства почвы пополняли ограниченность пространства. Впрочемъ она не была уже слишкомъ мала, ибо простиралась на югъ до Птолемаиды, у мѣста, которое нынѣ называется „Проходомъ Скандаріона" (т. е. Александра Великаго; выше авторъ назвалъ это же мѣсто Скандаліемъ), на 3 или 4 мили въ длину; на сѣверъ, до Сарепты и Сидона, на столько же миль; а въ ширину на 2 мили, гдѣ было уже, и на 3 въ самомъ широкомъ мѣстѣ. На этой равнинѣ находилось множество источниковъ, изъ которыхъ била чистая и здоровая вода, доставлявшая прохладу во время чрезмѣрныхъ жаровъ. Между такими источниками лучшимъ и знаменитѣйшимъ былъ тотъ, который воспѣтъ въ пѣсняхъ

---

[1]) По нашему порядку счисленія, 1124.

Соломономъ: „Источникъ садовъ, колодезь живой воды, которая стремительно течетъ съ Ливана“ (Пѣсн. Пѣсн. 4, 15). Хотя этотъ источникъ беретъ свое начало въ самомъ низкомъ мѣстѣ всей равнины и выходитъ изъ глубины земли, а не стекаетъ съ горъ, подобно многимъ другимъ ключамъ, но тѣмъ не менѣе вода его искусственно поднимается на высоту и, орошая богато всю страну, дѣлаетъ ее способною къ различному употребленію. Вода именно поднимается въ каменный водопроводъ, удивительной работы и твердый какъ желѣзо, футовъ на десять въ высоту, и, бывъ мало полезною въ своемъ естественномъ видѣ, сдѣлалась благодѣтельною для страны вслѣдствіе искусства, побѣдившаго природу, и щедрой поливкой содѣйствовала произращенію плодовъ. Если подойти ближе, чтобы разсмотрѣть это удивительное зданіе, то снаружи увидишь высокую башню и никакихъ слѣдовъ источника. Если же подняться наверхъ, то представится бассейнъ воды, отъ котораго идутъ жолоба одной съ нимъ высоты и такой же твердости, а по нимъ вода растекается по всей мѣстности. Для желающихъ подняться на высоту устроены прочныя каменныя ступени, по которымъ можно всходить безъ малѣйшаго затрудненія. Вся окрестная страна получаетъ удивительныя выгоды отъ этого источника, такъ что ею пользуются не только сады, плодоносныя деревья и овощи, но, благодаря ей, тамъ растетъ сладкій тростникъ, изъ котораго добывается *сахаръ* (zachara), столь необходимый и драгоцѣнный по своему употребленію для здоровья человѣка; оттуда его развозятъ купцы въ самыя отдаленныя страны міра. Тамъ же приготовляютъ весьма искусно лучшіе сорты *стекла*, которое занимаетъ первое мѣсто между необходимѣйшими предметами, изъ песку, собираемаго въ той равнинѣ, и разсылаются въ отдаленнѣйшія страны для переработки его въ превосходные сосуды, замѣчательные своею прозрачностью и чистотою; вслѣдствіе того имя Тира знаменито среди чужихъ народовъ, и купцы отъ этой торговли получаютъ большіе барыши. Впрочемъ этотъ городъ отличался не одною своею производительностью, но и своими несравненными твердынями, о чемъ будетъ сказано ниже. По причинѣ своихъ укрѣпленій и превосходнаго положенія, Тиръ былъ дорогъ и драгоцѣненъ владѣтелю Египта, могущественнѣйшему изъ всѣхъ князей въ землѣ между Лаодикеей въ Сиріи и раскаленной Ливіей, и онъ смотрѣлъ на него какъ на опору и оплотъ своего государства, почему и снабдилъ его съѣстными припасами, оружіемъ и отличнымъ гарнизономъ; онъ думалъ, что пока цѣла голова, до тѣхъ поръ и члены тѣла въ безопасности.

IV. Пятнадцатаго февраля (1124), какъ мы сказали выше, наше войско обступило городъ съ суши и съ моря и осадило его, насколько могло. Городъ же, по словамъ пророка Іезекіиля (27,4), находился „въ сердцѣ моря“ и былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ водою, исключая узкаго пространства на одинъ полетъ стрѣлы. По увѣренію древнихъ, Тиръ лежалъ совершенно на острову и былъ отдѣленъ отъ материка. Могущественный государь Ассирійскій Навуходоносоръ старался при своей осадѣ Тира соединить его съ твердою землею, но не успѣлъ окончить предпріятія. (По этому случаю авторъ дѣлаетъ большое отступленіе и до конца главы говоритъ объ осадахъ Тира

въ различныя времена, при Салманассарѣ и Александрѣ Великомъ, цитируя по этому поводу библейскихъ и греческихъ писателей).

V. Такимъ образомъ, какъ мы сказали, вышеупомянутый городъ подобенъ острову и стоитъ въ морѣ, весьма бурномъ и своими подводными скалами и отмелями представляющемъ много опасностей чужеземцу, который, не зная мѣстности, подплываетъ къ городу; кто рѣшится приблизиться къ нему безъ лоцмана, хорошо знакомаго съ берегами, неизбѣжно претерпитъ кораблекрушеніе. Самый городъ со стороны моря обведенъ вокругъ двойными стѣнами, которыя на равномъ пространствѣ имѣютъ довольно высокія башни. Съ востока же, гдѣ можно проникнуть въ городъ сухимъ путемъ, сооружена тройная стѣна, снабженная весьма толстыми и близко другъ отъ друга стоящими башнями замѣчательной высоты. Сверхъ того, на этой сторонѣ выкопанъ широкій ровъ, который жители могутъ легко наполнить морскою водою съ обѣихъ сторонъ. На сѣверѣ лежитъ внутренняя гавань, входъ въ которую загражденъ двумя башнями; она находится внутри стѣнъ. Извнѣ гавань защищается противъ волнъ и напора бурнаго моря островомъ, который между собою и материкомъ представляетъ безопасную стоянку для кораблей, недоступную для всѣхъ вѣтровъ, кромѣ сѣвернаго. Тамъ-то и расположился покойно на якорѣ флотъ (т. е. венеціанскій), а войско, овладѣвъ сосѣдними виллами, разбило свой лагерь вокругъ, такъ-что осажденные не могли ни войти, ни выйти, и заперлись въ стѣнахъ. Городъ Тиръ имѣлъ двухъ владѣтелей. Египетскій калифъ, какъ верховный владѣтель, пользовался двумя частями, а третью предоставилъ князю Дамаска, съ тѣмъ чтобы онъ, какъ болѣе близкій къ городу, не угрожалъ какою-нибудь опасностью. Жители города были знатные и богатые люди, ведшіе постоянную торговлю на морѣ почти со всѣми провинціями, лежащими на берегахъ Средиземнаго моря, вслѣдствіе чего городъ былъ наполненъ чужеземными товарами и всякаго рода богатствами. Сверхъ того, по твердому положенію города, туда сбѣжалось много знатныхъ и зажиточныхъ жителей изъ Цезареи, Птолемаиды, Сидона, Библоса, Триполя и другихъ приморскихъ городовъ, доставшихся въ наши руки; они купили тамъ много домовъ, считая невозможнымъ, чтобы столь укрѣпленный городъ могъ какимъ бы то ни было образомъ достаться во власть нашихъ. А именно, городская крѣпость казалась неприступною и единственною въ цѣлой странѣ твердынею, какою она остается и до настоящаго дня.

VI. Снявъ съ кораблей грузъ и устроивъ его, венеціане вытащили суда на берегъ, исключая одной галеры, которая оставалась на всякій случай готовою, а наши прорыли глубокій ровъ отъ верхней части моря до нижней, такъ что вся армія была имъ окружена. Затѣмъ принесли съ кораблей необходимые матеріалы, которые были привезены венеціанами во множествѣ, созвали рабочихъ и устроили машины различнаго рода. Владыка патріархъ, представлявшій собою особу короля, вмѣстѣ съ прочими князьями государства, пригласилъ плотниковъ и архитекторовъ, чтобы построить изъ доставленныхъ матеріаловъ башню такой высоты, чтобы съ нея можно было вступить въ рукопашную съ тѣми, которые находились на башняхъ, и обозрѣ-

вать весь городъ. Также онъ приказалъ изготовить метательныя орудія, чтобы массою камней потрясти стѣны и башни и внушить страхъ жителямъ. Дожъ вмѣстѣ съ своими людьми устроилъ подобныя же машины, чтобы не отстать въ этомъ отношеніи отъ королевскаго войска, и размѣстилъ ихъ въ соотвѣтственныхъ тому мѣстахъ. Такъ ревностно вели они начатое дѣло и нисколько не охлаждались въ предпринятомъ, стѣсняя все болѣе и болѣе жителей и безпрерывно тревожа городъ своими машинами. Ихъ нападенія и приступы не давали покоя осажденнымъ. И эти, съ своей стороны, помышляя о защитѣ, употребляли все, чтобы отразить нашихъ и причинить имъ вредъ. Нашимъ машинамъ они противопоставили свои и поражали наши такими огромными камнями, что навели страхъ, и никто изъ нашихъ не осмѣливался оставаться въ нихъ; даже тѣ, на долю которыхъ выпадало защищеніе башенъ, не осмѣливались иначе приближаться къ нимъ, какъ бѣгомъ, и съ величайшею опасностью держались въ нихъ. Непріятель, стоя на высокихъ башняхъ, пускалъ изъ луковъ и пращей такое множество стрѣлъ и дротиковъ въ тѣхъ, которые съ нами сражались при помощи башенъ и машинъ, и съ такою силою металъ камни, что наши едва осмѣливались высовывать руки. Но и наши, находившіеся въ башняхъ, отвѣчали щедро на выстрѣлъ выстрѣломъ, и, отражая силу силою, до такой степени утомляли противниковъ, расположенныхъ въ башняхъ и на стѣнахъ, что они не могли переносить всей тяжести борьбы и нѣсколько разъ въ день перемѣнялись. Между тѣмъ наши машины, управляемыя людьми болѣе опытными, пускали страшные камни съ такою силою, что, попадая въ башню или стѣну, они потрясали все и почти разрушали. Отъ разсыпавшихся каменьевъ и разбитой обмазки поднималась такая пыль, что непріятель, стоявшій на стѣнахъ и на башняхъ, не могъ за нею, какъ за облакомъ, видѣть никого изъ нашихъ. Если же камни, перелетѣвъ башню и стѣны, падали въ городъ, то отъ ихъ тяжести огромныя зданія распадались на части и давили своихъ жителей. Между тѣмъ пѣшіе и конные люди мужественно и отважно сражались ежедневно съ тѣми, которые выходили изъ города для борьбы съ ними. По большей части, наши сами вызывали осажденныхъ, но иногда и граждане нападали на осаждавшихъ по личному побужденію.

VII. Когда такимъ образомъ наши ежедневно сражались съ перемѣннымъ счастьемъ, то стоя на машинахъ, то у воротъ, гдѣ обѣ стороны вызывали другъ друга на бой, по призыву князей королевства, явился въ лагерь государь Понцій, графъ Триполя, съ значительною дружиной, и, повидимому, удвоилъ своимъ прибытіемъ силу и отвагу нашихъ, внушивъ въ то же время непріятелю опасеніе въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Но въ городѣ находилось тогда 700 всадниковъ изъ Дамаска, которые своимъ примѣромъ внушали мужество знатнымъ гражданамъ, изнѣженнымъ и непривыкшимъ къ военному дѣлу, и сами много содѣйствовали защитѣ города. Но и эти всадники, видя, какъ наши силы возрастаютъ съ каждымъ днемъ, и какъ все предпринимаемое нами удается, силы же гражданъ исчерпываются, сами оробѣли и начали благоразумно отклонять отъ

себя тяжесть, которую не могли вынести; впрочемъ они не совѣтовали гражданамъ сдаваться и убѣждали ихъ имѣть довѣріе къ собственнымъ силамъ. Городъ же представлялъ тогда, какъ и нынѣ (т.-е. въ концѣ XII вѣка), только одинъ входъ и одни ворота, ибо онъ, какъ мы сказали выше, образовывалъ собою почти совершенный островъ и омывался со всѣхъ сторонъ волнами, исключая узкаго перешейка, который велъ къ воротамъ, и гдѣ съ различнымъ успѣхомъ, какъ то обыкновенно бываетъ въ подобнаго рода стычкахъ, пѣшіе и конные сражались безпрерывно.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ VIII до XIII (включительно), авторъ дѣлаетъ отступленіе въ которомъ описываетъ нападенія на Іерусалимъ жителей Аскалона и вторженіе Дамасскаго султана, съ цѣлью отвлечь христіанъ отъ Тира; но всѣ эти попытки остались неудачными, и султанъ Дамаска предложилъ миръ, по которому Тиръ сдался крестоносцамъ, а жители его получили право или свободно выйти, или остаться по прежнему въ городѣ, съ сохраненіемъ правъ на свое имущество.

XIV. Послѣ того (т.-е. послѣ сдачи города Тира), жители, истомленные осадой, чтобы забыть свои бѣдствія, вышли въ лагерь нашихъ съ цѣлью посмотрѣть на этотъ желѣзный, терпѣливый въ трудѣ и опытный въ военномъ дѣлѣ народъ, который могъ въ нѣсколько мѣсяцевъ довести до крайности столь превосходный и укрѣпленный городъ и принудить его подчиниться самымъ тяжкимъ условіямъ. Ихъ занимала и форма машинъ, и высота осадныхъ башенъ, и роды оружій, и расположеніе лагеря; они разспрашивали имена князей и тщательно развѣдывали все, чтобы передать потомству вѣрный разсказъ о томъ. И наши ходили по городу, дивились его укрѣпленіямъ, прочности домовъ, высотѣ башенъ, толщѣ стѣнъ, красотѣ воротъ, трудностямъ входа и славили упорство гражданъ, которые, будучи угнетаемы голодомъ и всякаго рода лишеніями, медлили до того времени сдачею города, тогда какъ по взятіи его оказалось въ немъ всего пять мѣръ хлѣба. Хотя простому народу сначала казалось тяжелымъ, что городъ былъ сданъ на тѣхъ условіяхъ нашимъ, но впослѣдствіи они были весьма довольны, славили свои подвиги и въ то же время считали достойнымъ вѣчной памяти дѣло, совершенное усиліями нашего войска. Послѣ того, когда городъ былъ раздѣленъ такъ, что двѣ части достались королю, а третья, въ силу того договора, венеціанамъ, каждый, оставаясь довольнымъ, съ радостью вступилъ во владѣніе своею собственностью. Городъ же былъ взятъ и возвращенъ христіанскому міру двадцать-девятаго іюня, въ годъ отъ воплощенія господня *тысяча-сто-двадцать-четвертый* (1124), въ шестой годъ правленія государя короля Балдуина Второго въ Іерусалимѣ.

XV. Двадцать-девятаго августа того же года государь король Балдуинъ Іерусалимскій получилъ съ божіею помощью свободу, послѣ того какъ онъ находился въ плѣну у непріятеля 18 мѣсяцевъ и даже болѣе, обѣщавъ внести выкупную сумму и давъ заложниковъ, и возвратился въ Антіохію. Сумма же, которую онъ долженъ былъ уплатить, равнялась ста тысячамъ *михаелитовъ* (michaelitarum), монета,

которая въ тѣхъ странахъ была употребительнѣйшею на рынкѣ и въ торговыхъ дѣлахъ. Прійдя въ Антіохію озабоченный, какимъ образомъ онъ можетъ добыть выкупную сумму и возвратить свободу заложникамъ, онъ совѣщался съ опытными людьми, какъ пособить этому дѣлу. Ему совѣтовали осадить Алеппо, остававшійся пустымъ и терпѣвшій отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ; такимъ образомъ, говорили ему, будетъ легко принудить жителей, испуганныхъ осадою, или возвратить заложниковъ, или заплатить столько денегъ, сколько онъ обѣщалъ за свой выкупъ. Это предложеніе понравилось Балдуину; онъ созвалъ рыцарство со всего княжества, окружилъ Алеппо, по принятому обычаю, лагеремъ въ формѣ круга, и до того прекратилъ жителямъ входъ и выходъ, что они принуждены были довольствоваться даже тѣми ничтожными припасами, которые у нихъ оставались.

Конецъ этой главы посвященъ на описаніе неудачной осады Алеппо, на помощь которому поспѣшили сосѣдніе владѣтели, и Балдуинъ возвратился съ пустыми руками въ Іерусалимъ. Въ остальныхъ главахъ тринадцатой книги (XVI — XXVIII), авторъ излагаетъ послѣдніе годы правленія Балдуина II (1124—1131), которые были наполнены постоянною борьбою его то съ султаномъ Дамаска, то съ египетскими калифами, но почти безъ всякихъ результатовъ. Между тѣмъ пришелъ въ возрастъ князь Антіохіи, Боэмундъ II; Балдуинъ, выдавъ за него дочь свою Алису, передалъ ему отцовское наслѣдство, но вскорѣ молодой князь былъ убитъ въ войнѣ съ Дамаскомъ, и жители Антіохіи вторично вручили власть королю Балдуину II; устроивъ тамъ всѣ дѣла, онъ возвратился въ Іерусалимъ, гдѣ въ томъ же году (1131) и умеръ послѣ тяжкой болѣзни, передавъ престолъ своему зятю Фулько Анжуйскому, женатому на его дочери Милизендѣ, и ихъ сыну, двухлѣтнему Балдуину (III). Этимъ событіемъ и оканчивается XIII книга [1]).

Вильгельмъ Тирскій.

Belli sacri historia, libri XXIII.—Кн. XII и XIII.

О Вильгельмѣ Тирскомъ и его сочиненіяхъ см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 41.

29.—Фулько Анжуйскій и Балдуинъ III: завоеваніе Эдессы мусульманами, 1131—1162.

(Между 1170 и 1184 г.).

Начинается книга четырнадцатая [2]).

I. По отозваніи изъ здѣшняго міра государя Балдуина, втораго короля Іерусалимскаго изъ латинъ, прозваннаго Буржскимъ, ему наслѣдовалъ зять его, государь *Фулько*, графъ Тура, Мэна и Анжу,

---

[1]) Продолженіе см. ниже, въ ст. 29.

[2]) Предидущее см. выше, въ ст. 28.

за котораго вышеупомянутый король, какъ мы сказали выше, выдалъ свою первородную дочь *Милизенду* (въ 1129 г.). Былъ же Фулько рыжеволосый, но такъ, какъ и Давидъ, который пришелся Господу по сердцу, ибо онъ былъ вѣренъ, кротокъ и, не смотря на цвѣтъ своихъ волосъ, привѣтливъ, благоразуменъ и сострадателенъ, въ милостынѣ и добрыхъ дѣлахъ щедръ, по рожденію могущественъ; свои чтили его еще до призванія къ управленію королевствомъ; въ военномъ дѣлѣ онъ былъ весьма опытенъ, въ походѣ (in bellicis sudoribus) неутомимъ и осмотрителенъ; росту средняго, но весьма пожилой: лѣтъ шестидесяти; къ числу его недостатковъ, которымъ онъ былъ подвергнутъ, какъ человѣкъ смертный, относилось и то, что онъ имѣлъ необыкновенно слабую и сбивчивую память, а потому не могъ удерживать въ головѣ даже именъ своихъ домашнихъ, и весьма немногихъ узнавалъ по чертамъ лица; такимъ образомъ, ему случалось кому-нибудь оказывать всевозможныя почести и довѣрчиво бесѣдовать съ нимъ, а потомъ, встрѣтивъ его нечаянно, спрашивать, что это за человѣкъ. Это обстоятельство приводило въ затрудненіе многихъ, кто, разсчитывая на дружбу съ нимъ, хотѣлъ принять на себя ходатайство предъ нимъ за другихъ, ибо они видѣли необходимость, чтобы кто-нибудь напомнилъ ему ихъ самихъ.

Конецъ этой главы занятъ генеалогіею дома Фулько Анжуйскаго, который далъ королей Франціи, Англіи и Іерусалиму: мать Фулько, Бертелея (или Бертрада Монфоръ), бѣжала отъ мужа и вышла замужъ за Филиппа I, короля французовъ, въ 1092 г., что̀ навлекло на него проклятіе папы на Клермонтскомъ соборѣ; старшій сынъ Фулько, отъ перваго его брака съ графинею Мэнъ, Гвибургою, Готфридъ графъ Анжуйскій, женился на дочери Гейнриха I, короля Англіи, Матильдѣ, вдовѣ императора Гейнриха V; сынъ его Гейнрихъ Плантагенетъ вступилъ на англійскій престолъ подъ именемъ Гейнриха II.

II. Фулько ходилъ на поклоненіе въ Іерусалимъ еще прежде, нежели его приглашалъ туда король Балдуинъ (II), а именно, послѣ смерти своей первой жены (Гвибурги Мэнъ) и своимъ великодушіемъ, которое онъ обнаружилъ въ служеніи Господу, содержа на свой счетъ цѣлый годъ сто всадниковъ въ королевствѣ, справедливо снискалъ благорасположеніе государя короля и всего народа и довѣренность всѣхъ князей. По возвращеніи своемъ (во Францію), онъ переженилъ своихъ сыновей, выдалъ замужъ дочерей и устроилъ графство наилучшимъ образомъ. Когда прошло нѣсколько лѣтъ послѣ его возвращенія и мудраго управленія дѣлами, государь король Іерусалимскій (Балдуинъ II), заботясь о томъ, кого должно назначить преемникомъ и мужемъ своей перворожденной дочери, долго совѣщался, и, по всеобщему присужденію всѣхъ князей и радостному согласію народа, отправилъ къ нему нѣкоторыхъ изъ князей, а именно Вильгельма Буриса и Гвидо Брисбарра, предлагая ему сдѣлаться зятемъ и преемникомъ его. Устроивъ дѣла, приведя въ порядокъ графство и давъ благословеніе своимъ дѣтямъ, онъ отправился, по призыву короля, въ Іерусалимъ, сопровождаемый нѣкоторыми изъ своихъ вельможъ. Когда онъ прибылъ туда, король, сообразно договору, далъ ему чрезъ нѣ-

сколько дней въ жены свою первородную дочь (Милизенду) и уступилъ въ приданое два приморскихъ города, Тиръ и Птолемаиду, которыми онъ владѣлъ три года и по которымъ онъ всегда носилъ титулъ графа. Послѣ того какъ государь король (Балдуинъ II) умеръ 21 августа въ годъ отъ воплощенія господня 1131, этотъ графъ, вмѣстѣ съ своею женою, 14 сентября, въ праздникъ Воздвиженія Креста, въ храмѣ св. Гроба былъ вѣнчанъ и посвященъ въ короли блаженной памяти Іерусалимскимъ патріархомъ.

Послѣдующія главы четырнадцатой книги до конца и вся *пятнадцатая* книга посвящены авторомъ на изложеніе главныхъ событій правленія короля Іерусалимскаго Фулько: Фулько почти до послѣднихъ лѣтъ своего царствованія велъ постоянную и несчастную войну съ могущественнымъ султаномъ Мосула, Сангвиномъ (Зенги); но, кромѣ того, при немъ явился новый врагъ крестоносцевъ въ лицѣ сына Алексѣя Комнена, Іоанна Мавра, который потребовалъ исполненія обязательствъ, данныхъ латинскими князьями его отцу. Антіохія была взята греками, и князь ея Раймундъ долженъ былъ дать личную присягу греческому императору. Іоаннъ, подъ предлогомъ благочестія, хотѣлъ проникнуть въ Іерусалимъ, но Фулько съумѣлъ отклонить его намѣреніе. Случайно полученная императоромъ рана на охотѣ избавила крестоносцевъ отъ новаго врага; Сангвинъ также пріостановилъ свои нападенія, и въ послѣдній годъ своего царствованія Фулько могъ начать наступательную борьбу съ турками. Но во время приготовленія къ осадѣ Аскалона онъ упалъ съ лошади въ окрестностяхъ Аккона и умеръ 13 ноября 1143 года. Описаніемъ его смерти кончается пятнадцатая книга исторіи нашего автора; до сихъ поръ, т.-е. до 1144 года, онъ писалъ по показаніямъ другихъ; начиная съ XVI книги, авторъ говоритъ уже какъ очевидецъ, и потому эта вторая часть его труда пріобрѣтаетъ особенное значеніе, какъ самостоятельный источникъ. Съ этого же времени начинается постепенное паденіе Іерусалимскаго королевства, и смуты временъ Фулько давали уже то предчувствовать.

Начинается книга шестнадцатая.

Прологъ.

Все, о чемъ я писалъ до настоящаго времени (т. е. до 1144 г.), собрано мною изъ извѣстій, составленныхъ другими, которые обладаютъ хорошею памятью въ отношеніи старинныхъ событій, почему мнѣ и было весьма трудно, опираясь на чужую помощь, прослѣдить истину совершившагося, порядокъ фактовъ и годовъ; впрочемъ я старался, насколько могъ, изложить вѣрно свою исторію. Но слѣдующее затѣмъ отчасти было видѣно собственными моими глазами (fide oculata), или почерпнуто мною изъ достовѣрныхъ разсказовъ тѣхъ, которые были свидѣтелями событій. А потому, опираясь на такую двойственную силу, я надѣюсь съ божіею помощью изложить дальнѣйшее и передать его потомству съ бо́льшею вѣрностью и съ ме́ньшимъ трудомъ, ибо, во-первыхъ, новѣйшія событія вообще лучше удерживаются въ памяти, и потомъ воспринятое глазомъ не такъ

легко забывается, какъ услышанное, съ чѣмъ совершенно былъ согласенъ и нашъ Флаккъ (т. е. Горацій), когда онъ говорилъ:

„То, что чрезъ ухо проходитъ, слабѣе нашъ духъ поражаетъ,
„Нежели то, что увидѣно было глазами своими:
„Самъ повѣствуетъ себѣ очевидецъ“, и пр.

I. По смерти государя Фулько, третьяго Іерусалимскаго короля изъ латинъ, ему наслѣдовалъ государь *Балдуинъ Третій*, сынъ его отъ королевы Милизенды, имѣвшій единственнаго малолѣтняго брата семи лѣтъ, по имени Амальрика; впослѣдствіи, когда король Балдуинъ умеръ бездѣтнымъ, онъ вступилъ послѣ него на престолъ, какъ о томъ разсказано будетъ ниже. Государю Балдуину было 13 лѣтъ, когда онъ получилъ власть, а правилъ онъ 19 лѣтъ (1143—1162). Онъ былъ юношею, подававшимъ большія надежды, и уже въ то время въ немъ обнаружились признаки, по которымъ можно было заключить о подвигахъ зрѣлаго его возраста. Придя въ лѣта, онъ отличался предъ всѣми князьями прекрасною наружностью, живымъ характеромъ и цвѣтомъ краснорѣчія. Росту былъ онъ высокаго, даже выше обыкновенно-высокаго, и члены его тѣла были такъ пропорціональны съ его ростомъ и другъ съ другомъ, что ни одна часть ни въ чемъ не нарушала гармоніи цѣлаго. Онъ имѣлъ красивое лицо и живой цвѣтъ, свидѣтельствовавшій о живости духа; во всемъ этомъ онъ походилъ на мать и своего дѣда. Его глаза были умѣренно велики и нѣсколько выдавались впередъ, блестя кротостью; волоса плоскіе и не совсѣмъ русые; на щекахъ и подбородкѣ густая борода, которая шла къ его лицу; плотность же тѣла вообще была такова, что его нельзя было назвать, какъ его брата, толстымъ, ни худощавымъ, какъ его мать. Однимъ словомъ, его наружность была такъ великолѣпна, что по ея достоинству всякій могъ легко узнать въ немъ короля.

II. Этой тѣлесной красотѣ соотвѣтствовали добрыя внутреннія качества: онъ отличался быстротою пониманія, рѣдкимъ краснорѣчіемъ и достоинствомъ характера не уступалъ ни одному изъ князей. Онъ былъ весьма привѣтливъ и сострадателенъ, и, будучи щедрымъ сверхъ силъ въ отношеніи другихъ, никогда не покушался на чужое добро, не дѣлалъ притязанія на церковное имущество и не отнималъ, какъ расточитель, богатства своихъ подданныхъ. Что рѣдко бываетъ въ этомъ возрастѣ, онъ еще въ юности обнаруживалъ богобоязненность и питалъ уваженіе къ предписаніямъ церкви и къ ея прелатамъ. Съ живостью духа онъ соединялъ весьма твердую память; былъ достаточно образованъ (literatus), гораздо болѣе своего брата Амальрика, который наслѣдовалъ ему въ управленіи, и всякій часъ, свободный отъ государственныхъ дѣлъ, онъ съ удовольствіемъ посвящалъ на чтеніе. Особенно любилъ онъ слушать исторію о дѣяніяхъ и нравахъ древнихъ королей и лучшихъ правителей; его занимали также разговоры съ учеными людьми, а также и съ умными свѣтскими лицами. Его привѣтливость была до того велика, что онъ, при встрѣчѣ съ самыми ничтожными личностями, говорилъ съ ними, на-

зывая по имени, и если кто хотѣлъ къ нему подойти и встрѣчался съ нимъ, то онъ или самъ начиналъ разговоръ, или по крайней мѣрѣ никому не отказывалъ въ отвѣтѣ, который желали получить отъ него. Всѣмъ этимъ онъ снискалъ такую любовь простого народа и высшихъ классовъ (plebi et patrum), что оба сословія (т. е. свѣтское и духовное) ставили его гораздо выше всѣхъ его предшественниковъ. Въ трудѣ онъ былъ настойчивъ, а въ военное время при затруднительныхъ обстоятельствахъ обнаруживалъ крайнюю предусмотрительность, какъ то слѣдуетъ хорошему вождю; въ тяжкое время, которое выпало на его долю вслѣдствіе его усилій распространить государство, онъ выказывалъ царственную рѣшимость, и самоувѣренность храбраго человѣка никогда не оставляла его. Онъ зналъ вполнѣ обычное право, которое господствовало въ Восточномъ королевствѣ (т. е. Іерусалимскомъ), такъ-что старѣйшіе князья въ государствѣ просили его опытнаго совѣта въ сомнительныхъ случаяхъ и удивлялись его познаніямъ. Его рѣчь была пріятна и полна шутокъ, и онъ имѣлъ прекрасный даръ находиться съ каждымъ, съ людьми всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній. Онъ былъ также весьма учтивъ и вѣжливъ, но только слишкомъ откровененъ, и если что̀ ему не нравилось въ друзьяхъ, то онъ высказывалъ имъ то прямо въ глаза, не обращая вниманія, оскорбляетъ ли это ихъ, или нѣтъ; но свобода его выраженій мало раздражала тѣхъ, къ кому она относилась, ибо онъ не имѣлъ злобнаго намѣренія, но говорилъ такъ вслѣдствіе своего веселаго характера или даже легкомыслія; ему тѣмъ охотнѣе прощали, что онъ самъ совершенно равнодушно переносилъ всякое колкое слово. Но пагубной игрѣ въ кости онъ былъ болѣе преданъ, нежели сколько то было прилично королевскому сану, и плотскія его наклонности нарушали брачныя права другихъ. Но все это происходило въ его юности; сдѣлавшись же мужемъ, онъ, по слову апостола, отбросилъ отъ себя все дѣтское. Своими отличными качествами онъ загладилъ грѣхи юности и, женившись, оставался вѣрнымъ своей супругѣ. Съ развитіемъ разсудка онъ оставилъ все, что дѣлалъ во время легкомысленной юности неугоднаго Богу и достойнаго порицанія. Въ ѣдѣ и питьѣ онъ былъ умѣренъ не по лѣтамъ и боялся невоздержности, какъ причины всѣхъ пороковъ.

III. По смерти отца своего, 10 ноября, онъ былъ, въ присутствіи собравшихся князей и прелатовъ церкви, въ храмѣ св. Гроба торжественно помазанъ въ короли, посвященъ и вмѣстѣ съ матерью коронованъ рукою блаженной памяти владыки патріарха Іерусалимскаго Вильгельма, въ день праздника Р. Х., въ годъ отъ воплощенія господня-тысяча-сто-сорокъ-два, когда управляли римскою церковью владыка папа Евгеній III, антіохійскою—Эммерикъ, іерусалимскою—Вильгельмъ и тирскою—Фулько. Мать его была женщина мудрая, въ дѣлахъ государственныхъ весьма опытная и столь далекая отъ обычныхъ слабостей своего пола, что осмѣливалась на самыя отважныя предпріятія и старалась сравняться въ величіи духа съ первѣйшими князьями. Она такъ превосходно управляла государствомъ во время малолѣтства своего сына, что ее справедливо ставили на ряду съ предками, и пока ея сынъ слѣдовалъ ея совѣтамъ, народъ наслаж-

дался полнымъ спокойствіемъ и дѣла шли въ наилучшемъ порядкѣ. Но когда легкомысленные люди увидѣли, съ какимъ благоразуміемъ королева уничтожаетъ всѣ ихъ усилія завлечь короля, они начали стараться склонять его, который, по обычаю молодыхъ людей, былъ злу легко доступенъ и чуждался добрыхъ наставниковъ, чтобы онъ отказался отъ опеки своей матери и самъ вступилъ бы въ управленіе государствомъ. Они именно говорили ему, что королю, который долженъ стоять выше всѣхъ, не прилично, какъ ребенку простолюдина, висѣть всегда на шеѣ у матери. Эти усилія, происходили ли они отъ легкомыслія, или отъ злобы, повергли все государство въ погибель, какъ мы о томъ разскажемъ подробнѣе, если дойдемъ до того времени въ нашей исторіи.

IV. Въ томъ же самомъ году, между днемъ смерти государя Фулько и вступленіемъ на престолъ государя короля Балдуина (т. е. въ концѣ ноября или въ началѣ декабря), злодѣй Сангвинъ (т. е. Зенги), могущественнѣйшій между турецкими князьями, владѣтель города, который въ древности назывался Ниневіей, а нынѣ зовется Мосуломъ и считается главнымъ городомъ страны, извѣстной въ древности подъ именемъ Ассиріи, осадилъ съ большою арміею великій и знаменитый городъ мидянъ, Эдессу, болѣе извѣстную подъ именемъ Рагесъ, и лежащую за Евфратомъ, на одинъ день пути отъ рѣки; при этомъ онъ разсчитывалъ частью на силу и численность своего народа, а частью на разрывъ, происшедшій между княземъ Антіохійскимъ Раймундомъ и Іосцелиномъ, графомъ Эдессы. Этотъ графъ, въ противность своимъ предшественникамъ, перенесъ свое постоянное жительство изъ Эдессы въ мѣстечко Турбессель на Евфратѣ, отчасти по плодородію этой страны, а отчасти съ цѣлью жить спокойнѣе; помѣстившись далѣе отъ мѣста борьбы съ врагами, онъ предался удовольствіямъ и пересталъ заботиться о томъ великомъ городѣ. Жителями же его были халдеи и армяне, народъ невоинственный, ничего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ и преданный исключительно торговлѣ. Латины заходили туда рѣдко, и только немногіе жили въ городѣ. Забота объ охраненіи города возложена была на однихъ наемниковъ, которые не всегда во-время получали жалованье и даже большею частью ждали по цѣлому году. Когда оба Балдуина (I и II Буржскій) и Іосцелинъ Старшій получили графство Эдессу, они основали свое мѣстопребываніе въ самомъ городѣ и наполнили его изъ окрестныхъ странъ съѣстными припасами, оружіемъ и всѣмъ необходимымъ, такъ-что городъ не только не боялся чуждаго нападенія, но и самъ справедливо наводилъ страхъ на другіе сосѣдніе города. Какъ мы сказали выше, князь Антіохійскій и графъ (Іосцелинъ Младшій) вступили во вражду, которая не была болѣе тайною и вышла наружу; каждый старался только о томъ, чтобы причинить зло другому, и даже радовался, если другой испытывалъ несчастіе. Всѣмъ этимъ воспользовался вышеупомянутый великій князь Сангвинъ и подступилъ къ городу съ безчисленною конницею, набранною со всего Востока, и съ пѣхотою изъ окрестныхъ городовъ. Такимъ образомъ, онъ осадилъ Эдессу и окружилъ ея жителей такъ, что ни они не могли выйти, ни кто другой проникнуть къ нимъ. Сверхъ того, въ городѣ

испытывали большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ другихъ предметахъ необходимости. Городъ былъ окруженъ крѣпкою стѣною, а верхняя его часть защищена высокими башнями, такъ что и по завоеваніи города тамъ можно было найти еще убѣжище. Но все это служитъ хорошимъ средствомъ противъ непріятеля, если въ городѣ есть люди, которые сражаются за свою свободу и имѣютъ рѣшимость дать мужественный отпоръ врагу; если же между осажденными нѣтъ никого, кто хотѣлъ бы сопротивляться, то и стѣны и башни безполезны для города, когда ихъ никто не защищаетъ. Найдя городъ лишеннымъ войска, Сангвинъ имѣлъ тѣмъ больше надежды овладѣть имъ. Онъ расположилъ свое войско вокругъ; назначилъ каждому начальнику слѣдующее ему мѣсто и началъ потрясать стѣны метательными машинами, а жителей безпокоить, пуская въ нихъ безпрерывное множество стрѣлъ. Между тѣмъ повсюду разнесся слухъ, что христіанскій городъ осажденъ врагами нашего имени и нашей вѣры, и сердца вѣрующихъ, узнавшихъ о томъ, были потрясены такимъ извѣстіемъ, и, ревнуя о вѣрѣ, они начали вооружаться для мести. Графъ, услышавъ объ осадѣ и придя въ ужасъ, поспѣшно собралъ войска; поздно вспомнилъ онъ о знаменитомъ городѣ; прежде не желая о немъ заботиться, когда онъ болѣлъ и требовалъ средствъ, теперь онъ вздумалъ, такъ сказать, приготовить похороны умершему. Онъ обошелъ своихъ вассаловъ, умолялъ друзей, отправлялъ пословъ къ своему государю, князю Антіохіи, и слезно просилъ сжалиться надъ нимъ въ его нуждѣ и освободить вышеупомянутый городъ отъ угрожавшаго ему рабскаго ига. Явились послы и къ королю Іерусалимскому, подтверждая доходившіе до него слухи объ осадѣ города. Государыня королева, управлявшая государствомъ, по совѣщаніи съ вельможами, отправила поспѣшно своего двоюроднаго брата Манассу, коннетабля короля, Филиппа Наплузскаго и Элинанда Тиверіадскаго съ сильнымъ войскомъ, чтобы подать желаемую помощь государю графу и доведеннымъ до крайности жителямъ. Но князь Антіохіи, радуясь несчастію графа и не думая о томъ, чѣмъ онъ обязанъ общей пользѣ, и что личная ненависть не должна удовлетворяться на счетъ общественнаго блага, медлилъ подъ всякими предлогами подать ту помощь, о которой его просили.

V. Между тѣмъ Сангвинъ нападалъ безпрерывно на осажденныхъ и употреблялъ всѣ усилія, что̀ увеличивало стѣсненіе гражданъ и содѣйствовало ему къ овладѣнію мѣстомъ. Такимъ образомъ, онъ приказалъ провести подъ стѣну подземный ходъ и подпереть его деревомъ, которое было подожжено; вслѣдъ затѣмъ бо̀льшая часть стѣны обрушилась, такъ что непріятель имѣлъ предъ собою отверстіе шириною въ сто локтей. Когда врагъ получилъ желаемый входъ, войско бросилось со всѣхъ сторонъ въ городъ и положило все безъ различія возраста, состоянія и пола, такъ что къ нему можно было примѣнить извѣстныя слова: „Вдову и странника умертвили, малолѣтнихъ избили, мальчиковъ и дѣвочекъ и стараго человѣка“. Когда городъ былъ завоеванъ и преданъ мечу, благоразумнѣйшіе и опытнѣйшіе изъ гражданъ бѣжали, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, въ тѣ башни, которыя, какъ мы сказали, стояли въ городѣ, чтобы спасти свою жизнь на

нѣкоторое время. Но тамъ при входѣ произошла такая давка отъ стеченія народа, что многіе были задушены самымъ жалкимъ образомъ. Въ числѣ погибшихъ при этомъ находился и достопочтенный владыка архіепископъ Гуго вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его духовенства. Присутствовавшіе при этомъ увѣряли однако, что такое бѣдствіе постигло епископа не безъ собственной его вины, ибо онъ, вмѣсто того, чтобы собранную имъ массу денегъ употребить на уплату войску и такимъ образомъ помочь городу, предпочелъ, какъ скупецъ, лежать на своихъ богатствахъ, нежели отвратить погибель народа, и потому онъ пожалъ плоды своей скупости и нашелъ смерть среди черни; если Господь не сжалится надъ нимъ, то и на страшномъ судѣ, на томъ свѣтѣ, ему не будетъ безопасно. Къ такого рода людямъ можно отнести тѣ грозныя слова Писанія: „Да погибнетъ съ тобою серебро твое" („Дѣян. Ап. 8, 20). Такимъ образомъ, пока князь Антіохіи по безумной ненависти медлилъ оказать помощь своимъ братьямъ, и пока графъ ожидалъ посторонней помощи, этотъ древнѣйшій городъ, принадлежавшій христіанству еще со временъ апостольскихъ и освобожденный отъ заблужденія невѣрныхъ проповѣдью апостола Ѳаддея, впалъ въ незаслуженное рабство. Въ этомъ же городѣ, говорятъ, погребено тѣло св. Ѳомы вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ апостоломъ и королемъ Абгаромъ. Этотъ Абгаръ былъ тѣмъ знаменитымъ *топархомъ* (владѣтелемъ), о которомъ разсказываетъ Евсевій Кесарійскій въ своей „Церковной исторіи", что онъ писалъ письмо къ Господу Іисусу Христу и удостоился получить отъ него отвѣтъ. Онъ прилагаетъ оба эти письма и въ концѣ дѣлаетъ замѣтку: „Мы нашли это въ публичномъ архивѣ города Эдессы, гдѣ правилъ Абгаръ, записаннымъ въ хартіяхъ, которыя содержатъ дѣянія короля Абгара". Но довольно объ этомъ; теперь возвратимся къ нашей исторіи.

Но возвращеніе автора къ своей исторіи было скорѣе отступленіемъ, потому что, разсказавъ въ главѣ VI первый походъ Балдуина III въ Каменистую Аравію, гдѣ турки овладѣли однимъ христіанскимъ укрѣпленіемъ, онъ только послѣ того возвращается къ дѣламъ Эдессы.

VII. Между тѣмъ (т.-е. пока Балдуинъ ходилъ въ свой первый походъ), Сангвинъ, о которомъ мы говорили выше, возгордясь своимъ счастьемъ при Эдессѣ, вознамѣрился осадить укрѣпленный городъ на Евфратѣ Калогенбаръ (н. Калаатъ-Джабуръ). Во время этой осады, когда онъ ночью, сильно напившись вина, лежалъ навзничь въ своей палаткѣ, его убили собственные слуги и евнухи, подкупленные владѣльцемъ крѣпости. Одинъ изъ нашихъ, получивъ извѣстіе о томъ, сказалъ:

Quam bonus eventus!
Fit sanguine, sanguinolentus;
Vir homicida, reus,
Nomine *Sanguineus* [1]).

---

[1]) „Какое счастливое событіе! въ крови погибъ окровавленнымъ душегубецъ и злодѣй, носившій на себѣ имя крови". Султанъ назывался Зенги, откуда вышла латинизированная форма: Sanguineus, напоминавшая западному уху слово sanguis, кровь.

Убійцы, какъ было условлено, бѣжали въ стѣны осажденнаго города и спаслись отъ мести родственниковъ убитаго; войско же, потерявъ своего вождя, немедленно разбѣжалось. Изъ сыновей Сангвина одинъ правилъ въ Мосулѣ, далѣе на востокъ, другой же младшій, по имени *Норадинъ* (Нуреддинъ), въ Алеппо. Это былъ человѣкъ умный, осторожный, въ правилахъ суевѣрія своего народа богобоязненный и счастливый распространитель отцовскаго наслѣдства.

Остальныя главы XVI книги и вся XVII книга заключаютъ въ себѣ изложеніе важнѣйшихъ событій первыхъ десяти лѣтъ правленія Балдуина III, отъ 1143 до 1154 года, послѣ чего Іерусалимское королевство начинаетъ видимо клониться къ своему паденію. Въ этотъ промежутокъ времени, королевство Іерусалимское получило помощь съ Запада; взятіе Эдессы побудило императора Конрада III и короля французскаго Людовика VII предпринять *второй* крестовый походъ, окончившійся, впрочемъ, неудачною осадою Дамаска; на описаніе этого похода авторъ посвящаетъ большую часть XVI и все начало XVII книги. По удаленіи западныхъ союзниковъ, Балдуинъ III, отразивъ собственными силами нападеніе мусульманъ на Іерусалимъ, предпринялъ наступательное движеніе и осадилъ послѣдній городъ, находившійся въ Палестинѣ въ рукахъ невѣрныхъ, а именно Аскалонъ, и въ 1154 г. овладѣлъ имъ.

Восемнадцатая книга обозрѣваетъ послѣднія 8 лѣтъ правленія Балдуина III (1154 — 1162), ознаменовавшіяся внутренними раздорами не только князей между собою, но и сословій одного противъ другого. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Балдуинъ III старался укрѣпить себя родственнымъ союзомъ съ восточными императорами и женился на племянницѣ императора, но вскорѣ послѣ этого брака онъ умеръ, какъ подозрѣвали, отъ отравы, 19 февраля 1162 года [1]).

Вильгельмъ Тирскій.

Sacri belli historia, libri XXIII.—Кн. XIV—XVIII.

О жизни и сочиненіяхъ Вильгельма Тирскаго см. ниже, въ прим. къ ст. 41.

---

[1]) Продолженіе см. ниже, въ ст. 41.

II.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ИСТОРІЯ ПАЛЕСТИНЫ ДО ЗАВОЕВАНІЯ ІЕРУСАЛИМА МУСУЛЬМАНАМИ.

1147—1187 г.

30.—Св. Бернардъ и монастырь Клерво. 1090—1130 г.

(Въ 1140 г.).

I. *Бернардъ* родился въ Бургундіи, въ Фонтень, замкѣ своего отца, отъ родителей знатныхъ мірскою славою, но еще болѣе достойныхъ и знаменитыхъ христіанскимъ благочестіемъ. Его отецъ, Тесцелинъ, принадлежалъ къ древнему и настоящему рыцарству, оказывалъ уваженіе Богу и въ точности соблюдалъ правду. Ведя войну евангельски, какъ то установлено Предтечею Господа, онъ никого не грабилъ и не обманывалъ, довольствовался своими доходами, которые имѣлъ въ изобиліи, и обращалъ ихъ на добрыя дѣла. Онъ служилъ совѣтомъ и оружіемъ своимъ земнымъ сузеренамъ, но не забывалъ воздать должное своему Господу Богу. Мать Бернарда, Алета, изъ замка Монбаръ, соблюдая въ своемъ положеніи апостольское правило, подчинялась мужу и подъ его властью управляла домомъ въ страхѣ божіемъ, предавалась дѣламъ милосердія и воспитывала дѣтей въ строгости. Она родила семерыхъ, шесть сыновей и одну дочь, и родила не столько для мужа, сколько для Бога, ибо сыновья сдѣлались монахами, а дочь монахиней. Какъ разсказываютъ, рождая дѣтей не для міра, а для Бога, она тотчасъ по ихъ рожденіи приносила ихъ своими руками Господу. Вотъ почему эта благорожденная женщина не поручала вскормленія ихъ чужой груди, и такимъ образомъ сама исполнила ихъ вмѣстѣ съ молокомъ материнскими добродѣтелями. Когда дѣти поднялись, но еще оставались на ея рукахъ, она начала ихъ воспитывать болѣе для пустыни, чѣмъ для двора, и, не дозволяя имъ привыкнуть къ вкуснымъ яствамъ, давала грубую и простую пищу. Такимъ образомъ, по внушенію Господа, она расположила ихъ и выростила такъ, какъ будто они должны были прямо удалиться въ пустыню.

Когда она еще носила въ утробѣ Бернарда, третьяго изъ своихъ сыновей, ей приснилось предзнаменованіе будущаго, а именно, что она заключаетъ въ своей утробѣ бѣлую собачку съ рыжеватою спинкой, и собачка лаяла. Страшно испуганная такимъ сновидѣніемъ, она совѣщалась съ однимъ изъ духовныхъ; онъ понялъ тотчасъ смыслъ пророчества, и, припоминая слова Давида къ Господу о святыхъ пророкахъ: „Ноги ваши омочатся въ крови вашихъ враговъ, и языкъ

вашихъ псовъ упитается ею“ (Пс. 67, 24), отвѣчалъ испуганной и мучимой женщинѣ: „Не бойся: это хорошо; ты будешь матерью знаменитой собаки, которая сдѣлается стражемъ дома господня и испуститъ громкій лай на враговъ вѣры; это будетъ изумительный проповѣдникъ, и, какъ добрая собака, цѣлительнымъ свойствомъ своего языка излечитъ многія болѣзни души у многихъ“. При этомъ отвѣтѣ, полученномъ какъ бы отъ Бога, благочестивая и вѣрующая жена пришла въ вострогъ, и полная любви къ сыну, еще не родившемуся, впредъ предначертала посвятить его изученію священнаго писанія, сообразно смыслу видѣнія и его истолкованія, которымъ было обѣщано столько чудеснаго этому ребенку, какъ то впослѣдствіи и исполнилось. Едва она благополучно разрѣшилась имъ отъ бремени, какъ не только представила его Богу, что̀ обыкновенно дѣлала до сихъ поръ, но, подобно св. Аннѣ, матери Самуила, отнесла его въ храмъ, на вѣчное служеніе которому предназначался новорожденный, и отнесла сама, какъ даръ самый пріятный Богу.

По той же причинѣ, она какъ можно скорѣе поручила его воспитаніе въ церкви Шатильонъ образованнымъ наставникамъ и употребила всѣ усилія, чтобы онъ сдѣлалъ успѣхи. Мальчикъ, исполненный прелестей и отъ природы одаренный умомъ, скоро осуществилъ желаніе своей матери: онъ подвизался въ изученіи наукъ съ быстротою, превышающею его возрастъ и всѣхъ его сверстниковъ; но въ мірскихъ дѣлахъ онъ началъ, и что̀ было естественно, умерщвлять свою плоть въ виду будущаго совершенства, во всемъ обнаруживалъ простоту, любилъ жить уединенно, избѣгалъ общества, казался погруженнымъ въ размышленія, былъ послушенъ и покоренъ родителямъ, добръ и признателенъ ко всѣмъ, простъ и кротокъ у себя дома, рѣдко любилъ выходить, стыдливъ чрезмѣрно, неразговорчивъ, богобоязненъ съ цѣлью сохранить чистоту дѣтства, прилеженъ къ наукамъ, помощью которыхъ должно понимать и познавать Бога въ писаніяхъ: дальнѣйшій нашъ разсказъ объяснитъ, въ какой степени онъ во всемъ успѣлъ въ короткое время и до какого дошелъ совершенства.

Въ двухъ послѣдующихъ главахъ (II и III) біографъ Бернарда приводитъ различныя чудеса, прославившія его дѣтство, разсказываетъ о благочестивой смерти его матери, объ искушеніяхъ самого Бернарда, которыя заставили его удалиться въ особый домъ, въ Шатильонѣ, гдѣ онъ устроилъ свою конгрегацію и окружилъ себя учениками, въ числѣ которыхъ были его дядя и нѣсколько братьевъ; при этомъ авторъ замѣчаетъ, что рѣчи Бернарда были увлекательны до того, что матери не пускали къ нему сыновей, жены мужей, изъ опасенія лишиться ихъ; наконецъ, біографъ приходитъ къ самому важному событію въ жизни Бернарда, а именно, когда онъ рѣшился вмѣстѣ съ своими учениками оставить совершенно свѣтъ и удалиться въ монастырь Сито, приходившій въ то время въ упадокъ отъ бѣдности своихъ монаховъ и ихъ малочисленности.

IV. Въ годъ отъ воплощенія господня 1113, пятнадцать лѣтъ спустя послѣ основанія монастыря Сито (Cistercium, н. Citeaux, близъ Дижона), служитель божій Бернардъ, имѣя отъ роду 23 года, всту-

пилъ въ этотъ домъ, управляемый аббатомъ Стефаномъ, вмѣстѣ съ 30 своими сотоварищами, и преклонилъ свою главу подъ сладкое иго Христа. Съ этого дня Богъ ниспослалъ свое благословеніе, и виноградникъ Господа понесъ плодъ, распространяя вѣтви до моря и за его предѣлами; такъ какъ нѣкоторые изъ сотоварищей Бернарда были женаты, и ихъ жены вмѣстѣ съ мужьями дали обѣтъ подчиниться правиламъ жизни религіозной, то въ діоцезѣ Лангра былъ основанъ ихъ заботами женскій монастырь, называемый Жюльи, и который съ божіей помощью достигъ великаго процвѣтанія. До сего дня онъ пользуется славою за свое благочестіе, многочисленность и богатство, все болѣе и болѣе расширяется и не перестаетъ укрѣпляться въ силѣ.

Таково было святое начало монастырской жизни этого божьяго человѣка. Тому, кто не жилъ, какъ онъ, въ духѣ господнемъ, невозможно разсказать всѣхъ преславныхъ дѣяній его подвижничества и описать его ангельскіе нравы, при прохожденіи здѣшней земной жизни. Одинъ Тотъ, кто одарялъ, и кто получалъ, можетъ знать, какимъ благословеніемъ своей благости окружилъ его Господь съ той минуты, какъ онъ облекся въ монашеское одѣяніе, и какими дарами его осыпалъ, и какъ упоилъ его обиліемъ благополучія въ своемъ домѣ. Онъ вступилъ въ этотъ домъ, бѣдный духомъ, никому неизвѣстный и почти ничтожный, съ цѣлью исчезнуть въ сердцѣ и памяти людей и въ надеждѣ остаться незнаемымъ и темнымъ человѣкомъ, какъ забытый сосудъ; но Богу было иначе угодно, и Онъ уготовилъ въ немъ сосудъ своего избранія, не только для утвержденія и распространенія монастырскаго ордена, но также и для того, чтобы пронести его имя предъ лицемъ королей и народовъ и далѣе, до концовъ земли. Не думая сдѣлаться предметомъ такой благодати и помышляя единственно о соблюденіи своего сердца и твердости помысловъ, онъ имѣлъ постоянно въ мысляхъ и даже на языкѣ: „Бернардъ, Бернардъ, къ чему ты пришелъ?“ и подобно тому, какъ читается о Господѣ: „Іисусъ *дѣлалъ* и училъ“ (Дѣян. Ап. I, 1), такъ и онъ, съ перваго дня своего вступленія въ келью послушниковъ, дѣлалъ самъ то, чему хотѣлъ учить другихъ.

Впослѣдствіи, поставленный аббатомъ монастыря Клерво (Clara-Vallis, Ясная-Долина, н. Clairvaux), когда послушники сходились къ нему и спѣшили вступить въ монахи, я часто слышалъ, какъ онъ проповѣдовалъ и говорилъ: „Если вы устремляетесь къ предметамъ духовнымъ, то оставьте за дверьми плоть, которую вы приносите изъ міра: войдите сюда однимъ духомъ; плоть ни къ чему не служитъ“. Когда послушники устрашались такими новыми для нихъ рѣчами, онъ, снисходя къ ихъ юности, начиналъ бесѣдовать съ ними съ большею кротостью, и объяснялъ имъ, что за дверьми должно оставлять плотскія похоти. Бывъ самъ послушникомъ, онъ, не щадя нисколько себя, стремился всѣми средствами не только къ умерщвленію похотей, производимыхъ чувственностью, но и самой чувственности, которая ихъ порождаетъ. Такъ какъ внутреннее чувство начинало все чаще знакомить его съ сладостью духовной любви и давало ему знать о какомъ-то наитіи свыше, то онъ боялся, что это внутреннее

чувство пострадаетъ отъ плотской чувственности, а потому допускалъ послѣднюю не болѣе, какъ настолько, насколько то нужно для физической жизни въ обществѣ людей. Забота его о томъ обратилась въ привычку, и привычка сдѣлалась природою. Поглощенный весь духомъ, направляя свои надежды къ Богу и занятый умомъ духовными размышленіями, онъ, видя, не видѣлъ, слушая, не слыхалъ; вкушаемое не имѣло для него никакого вкуса, и съ трудомъ какой-нибудь изъ органовъ его чувственнаго воспріятія доводилъ до его свѣденія впечатлѣнія отъ внѣшняго міра. Онъ прожилъ уже цѣлый годъ въ кельѣ послушниковъ, и, выйдя оттуда, все же не зналъ, былъ ли тамъ тотъ потолокъ, который называется сводомъ; ему случалось нерѣдко посѣщать домъ монаховъ, входить туда и выходить, и, не смотря на то, онъ всегда думалъ, что тамъ было одно окошко впереди, между тѣмъ какъ ихъ было три. Умертвивъ въ себѣ всякое любопытство, онъ не получалъ ни откуда впечатлѣній, и если, случайно, приходилось ему взглянуть на что-нибудь, то, какъ мы выше сказали, занятый другими мыслями, онъ ничего не замѣчалъ; безъ сосредоточенія вниманія наше чувственное воспріятіе ничтожно... Что̀ сказать о его снѣ, который у другихъ составляетъ время отдохновенія отъ работъ для возстановленія духа? До настоящаго времени онъ бодрствовалъ сверхъ силъ человѣческихъ. Обыкновенно онъ жаловался, что никогда не теряетъ столько времени, какъ за сномъ, и находитъ довольно вѣрнымъ сравненіе сна со смертью: какъ въ глазахъ людей спящіе кажутся мертвыми, такъ мертвые бываютъ спящими для Бога. Посему, когда онъ слышалъ, что монахъ сильно храпѣлъ во снѣ или неприлично лежалъ, то онъ съ трудомъ переносилъ то и обвинялъ его въ томъ, что онъ спитъ какъ плотской и земной человѣкъ. У него же при легкой пищѣ и сонъ былъ легокъ; ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, онъ не допускалъ пресыщенія для тѣла, и ему было достаточно понемногу того и другого. Онъ никогда не понималъ удовольствія удовлетворить аппетитъ, призывающій его къ пищѣ и ѣлъ изъ одного страха придти въ разслабленіе; приступая къ ѣдѣ, прежде нежели сѣсть за столъ, онъ насыщался одною мыслью о яствахъ, а потому и шелъ къ столу какъ на казнь. Съ той поры, какъ онъ облекся въ схиму, или какъ вышелъ изъ кельи послушниковъ, его силы (а онъ былъ всегда нѣжнаго сложенія) были уже истощены бдѣніемъ и постами, холодомъ, трудомъ и тяжкими, безпрерывными упражненіями; желудокъ его былъ такъ испорченъ, что онъ немедленно извергалъ ртомъ еще непереваренную пищу. Если случайно иное успѣвало перевариться и силою природы выходило естественно, то при слабости нижнихъ частей тѣла и это дѣлалось съ величайшими страданіями. Пища не столько поддерживала его жизнь, сколько отсрочивала смерть. Послѣ стола онъ обыкновенно замѣчалъ, сколько онъ съѣлъ, и не могъ безнаказанно выступить изъ предѣловъ принятой порціи; воздержаніе сдѣлалось до того его природой, что если ему случалось иногда съѣсть что-нибудь сверхъ обыкновеннаго пріема пищи, то это удавалось ему съ трудомъ. Такимъ образомъ, онъ былъ послушникомъ среди послушниковъ, монахомъ среди монаховъ, сильный духомъ и слабый тѣломъ, ограничивая плоть

и покоемъ, и пищею, не давая себѣ отдыха отъ работъ и чернаго труда. Онъ считалъ другихъ святыми и совершенными, и полагалъ, что для него, какъ для послушника, необходимы не льготы и снисхожденіе, дозволенное людямъ заслуженнымъ и усовершенствовавшимся, но весь жаръ новичка и всѣ строгости устава и безпощадность дисциплины.

Потому, ревнуя объ общей жизни, когда братія занималась ручными работами, къ которымъ онъ не имѣлъ привычки или ловкости, онъ старался вознаградить то, роя землю, рубя дрова и нося ихъ на своихъ плечахъ, или другою какою-либо работой. Когда ему недоставало на то силъ, онъ прибѣгалъ къ самымъ презрѣннымъ занятіямъ, и замѣнялъ тяжесть труда самоуничиженіемъ. И что̀ удивительно, тотъ, кто былъ надѣленъ даромъ созерцанія духовныхъ предметовъ и божественныхъ, не только желалъ заниматься подобными грязными работами, но и чрезвычайно былъ тѣмъ доволенъ... За работою онъ молился и внутренно размышлялъ, не прерывая внѣшняго труда, и работалъ извнѣ, безъ ущерба наслажденію внутреннимъ созерцаніемъ; до сихъ поръ все, что̀ онъ ни читалъ въ св. писаніи, и все, что̀ ни представлялъ себѣ духовно, все это ему приходило на мысль среди молитвы и размышленій на поляхъ и въ лѣсахъ, почему онъ обыкновенно и говаривалъ своимъ друзьямъ, шутя съ любовью, что онъ никогда не имѣлъ другихъ учителей, кромѣ дубовъ и буковыхъ деревьевъ. Во время жатвы братія съ жаромъ и радостью о св. Духѣ занималась уборкою хлѣба; такъ какъ онъ былъ не въ состояніи принять участіе въ такой работѣ и ничего въ ней не понималъ, то ему предлагали посидѣть и отдохнуть; огорчаемый тѣмъ, онъ прибѣгалъ къ молитвѣ и просилъ Бога со слезами даровать ему способность къ жатвѣ. Простота вѣры не обманула святого, и онъ получилъ желаемое. Съ тѣхъ поръ онъ гордился тѣмъ, что болѣе другихъ ловокъ въ этой работѣ, и во время ея тѣмъ охотнѣе предавался молитвѣ, ибо помнилъ, что способность къ ней онъ получилъ отъ Бога...

V. Когда сдѣлалось угодно Тому, кто извлекъ Бернарда изъ міра, прославиться въ немъ новыми милостями, и соединить въ Сито большое множество сыновъ божіихъ, Богъ вложилъ въ сердце аббата Стефана намѣреніе отправить часть своей братіи для основанія монастыря Клерво. Аббатъ Стефанъ поставилъ Бернарда владыкою и аббатомъ тѣхъ, которые были отправлены имъ, и всѣ чрезвычайно изумились такому назначенію; какъ люди опытные и отличившіеся въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ, они боялись имѣть подобнаго вождя, принимая во вниманіе и его крайнюю молодость, и тѣлесное разслабленіе и отсутствіе навыка въ практической жизни. Клерво (Clara-Vallis, т. е. Ясная-Долина) находясь на территоріи города Лангра, близь рѣки Объ, былъ издавна пристанищемъ воровъ и назывался въ прежнее время „Долиною-Полыни“, или по причинѣ изобилія этого растенія, или по той горечи, которую испытывали попадавшіеся тамъ въ руки воровъ. Благочестивая братія поселилась въ этомъ мѣстѣ ужаса и пустыннаго уединенія, чтобы превратить гнѣздо грабителей въ храмъ божій и домъ молитвъ. Тамъ они служили Богу

нѣкоторое время въ простотѣ и бѣдности духа, претерпѣвая голодъ, жажду, стужу, наготу и безсонныя ночи. Часто приходилось имъ питаться дубовыми листьями. Ихъ хлѣбъ, какъ хлѣбъ того пророка, состоялъ изъ смѣси ячменя, пшена и негодныхъ растеній, такъ что благочестивые люди, которыхъ угощали въ томъ домѣ, брали съ собою такой хлѣбъ съ горькими слезами, чтобы показать другимъ, вмѣсто чуда, какъ живутъ люди, и какіе люди!...

Глава шестая посвящена разсказамъ о первыхъ чудесахъ Бернарда, его благочестіи и о томъ, какъ онъ успѣлъ уговорить свою замужнюю сестру оставить свѣтъ и удалиться въ монастырь.

VII. Такъ-какъ Бернардъ, недавно отправленный въ Клерво, долженъ былъ еще получить посвященіе въ свое званіе, а епископскій престолъ въ Лангрѣ, отъ котораго зависѣло такое посвященіе, былъ не занятъ, то братія искала другого мѣста, гдѣ онъ могъ бы быть поставленъ; вскорѣ они вспомнили объ отличной славѣ преподобнаго епископа въ городѣ Шалонѣ, знаменитаго наставника Вильгельма Шампо, и было рѣшено послать къ нему Бернарда. Бернардъ отправился въ Шалонъ, въ сопровожденіи Гельбольда, монаха изъ Сито. Молодой человѣкъ, слабый тѣломъ и исхудалый, вступилъ въ домъ вышеупомянутаго епископа, а за нимъ слѣдовалъ монахъ, старшій его возрастомъ и замѣчательный ростомъ, силою и красотой. При видѣ ихъ, одни начали смѣяться и шутить, но нашлись и такія люди, которые, понявъ настоящій смыслъ всего, оказали почтеніе Бернарду, Когда спрашивали, кто же изъ этихъ двухъ аббатъ, глаза епископа прозрѣли первыми: онъ узналъ служителя божія и сообразно съ тѣмъ принялъ его. Въ первой же частной бесѣдѣ высказанныя Бернардомъ слова обнаружили всю мудрость юноши болѣе, чѣмъ то могла бы сдѣлать цѣлая проповѣдь, и епископъ понялъ, что прибытіе такого гостя есть посѣщеніе свыше. Не было недостатка въ знакахъ гостепріимства, пока разговоръ не поселилъ между ними дружбы и свободной откровенности: епископъ полюбилъ Бернарда болѣе за симпатію, которую онъ внушалъ, нежели за его рѣчи. Съ того дня и часа они составляли въ Богѣ одно сердце и одну душу, такъ что впослѣдствіи одинъ былъ часто гостемъ другого, и Клерво считалось собственнымъ домомъ епископа, а жители Клерво пользовались не только жилищемъ епископа, но чрезъ него и всѣмъ городомъ Шалономъ. Даже больше, подъ вліяніемъ епископа, вся страна Реймса и вся Галлія прониклись уваженіемъ къ божьему человѣку. Всѣ научились у знаменитаго епископа принимать и почитать Бернарда какъ ангела божія: этотъ мужъ, пользовавшійся столь великимъ вліяніемъ и полюбившій съ такою силою неизвѣстнаго и уничиженнаго монаха, казалось, провидѣлъ пребывающую на немъ благодать.

Нѣсколько времени спустя, когда болѣзнь аббата усилилась до того, что ожидали только его смерти, или жизни худшей всякой смерти, епископъ пришелъ навѣстить его. Взглянувъ на него, епископъ сказалъ, что онъ имѣетъ надежду сохранить не только его жизнь, но и здоровье, если онъ отдастся на его волю и согласится, чтобы были

приняты мѣры, сообразныя съ характеромъ его болѣзни; но Бернарда трудно было склонить отказаться отъ обычной суровости жизни. Епископъ отправился въ капитулъ монастыря Клерво, и тамъ, въ присутствіи собравшихся аббатовъ, распростерся всѣмъ тѣломъ на землѣ, просилъ и получилъ согласіе на то, чтобы Бернардъ былъ отданъ ему въ теченіе одного года на послушаніе. Дѣйствительно, можно ли было отказать столь могущественному человѣку, который просилъ съ такимъ великимъ уничиженіемъ? Возвратившись въ Клерво, онъ приказалъ построить Бернарду отдѣльный домикъ внѣ монастыря и его стѣнъ, предписавъ не соблюдать ни въ чемъ правилъ устава относительно пищи, питья и другихъ предметовъ, избавить отъ всѣхъ заботъ по дому и предоставить жить по установленному имъ порядку.

Въ это самое время и я началъ посѣщать Клерво и Бернарда. Отправившись съ другимъ аббатомъ, я нашелъ его живущимъ въ своей кельѣ такъ, какъ живутъ прокаженные на общественныхъ перекресткахъ. По приказанію епископа и аббатовъ, какъ говорили, онъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ заботъ о домѣ, и, вполнѣ предоставленный Богу и самому себѣ, казался восхищеннымъ утѣхами рая. Вступивъ въ это царственное жилище—такъ я смотрѣлъ на эту келью и на ея обитателя — клянусь Господомъ, я почувствовалъ то благоговѣніе, которымъ проникаются, приближаясь къ алтарю Бога. Стоя около него, я почувствовалъ такое восхищеніе, такую страсть къ тому, чтобы раздѣлить съ нимъ его бѣдность и простоту. что, еслибы въ тотъ день мнѣ было дано право выбора, я ничего не пожелалъ бы такъ, какъ остаться навсегда тамъ и служить ему. Онъ принялъ насъ обоихъ съ радостью, и на вопросъ, какъ живетъ и что́ дѣлаетъ, отвѣчалъ съ свойственною ему милою улыбкою: „Ничего, хорошо; я, которому до сихъ поръ по волѣ божіей повиновались разумныя существа, подчиненъ теперь волѣ неразумнаго животнаго“. Такъ отзывался онъ о томъ грубомъ, тщеславномъ и невѣжественномъ человѣкѣ, который хвалился вылечить его отъ болѣзни и въ руки котораго онъ былъ отданъ по распоряженію епископа, аббатовъ и братіи. Мы думали, что столь больной человѣкъ, бывшій предметомъ великихъ заботъ, будетъ прилично обставленъ, но, сѣвъ съ нимъ за столъ, мы почувствовали отвращеніе при видѣ яствъ, которыя ему подавали по приказанію медиковъ, и до которыхъ едва ли бы дотронулся здоровый человѣкъ, не смотря на всѣ мученія голода; правило молчанія съ трудомъ удерживало насъ отъ того, чтобы не выразить гнѣва и не разразиться ругательствами противъ медика, какъ безбожника и человѣкоубійцы. Но Бернардъ ѣлъ все безъ различія и находилъ хорошимъ; его чувства были извращены и вкусъ исчезъ, такъ что-онъ едва распознавалъ яства. Дѣйствительно, извѣстно, что онъ нѣсколько дней сряду ѣлъ вмѣсто масла сырую кровь, которую ему подавали по ошибкѣ, пилъ масло вмѣсто воды, и съ нимъ было много подобныхъ приключеній. Онъ говорилъ, что находитъ вкусъ въ одной водѣ, ибо она освѣжаетъ ему горло...

Въ ту пору въ Клерво царствовалъ золотой вѣкъ: тамъ встрѣчались люди добродѣтельные, нѣкогда богатые и славимые въ мірѣ, а нынѣ гордые своею бѣдностью во Христѣ, строившіе храмъ господень

цѣною собственной крови, пота и истомы, въ борьбѣ съ голодомъ, жаждою, стужей, наготой, преслѣдованіями, оскорбленіями и всякаго рода бѣдствіями, и подготовлявшіе такимъ образомъ для Клерво то довольство и миръ, которыми нынѣ наслаждается этотъ домъ. Живя не столько для себя, сколько для Христа и для братіи, стекавшейся въ то мѣсто на служеніе Богу, они не обращали никакого вниманія на свои лишенія, лишь бы обезпечить братію послѣ себя, чтобы ей было чѣмъ удовлетворить нуждамъ добровольной нищеты, принятой на себя изъ любви ко Христу. Когда подходишь къ Клерво по скату горы, присутствіе Бога возвѣщается видомъ его храма, между тѣмъ какъ тишина долины говоритъ о простотѣ и уничиженіи келій, о простотѣ и уничиженіи ихъ обитателей. Въ этой долинѣ, переполненной людьми, гдѣ никому не дозволялось быть празднымъ, и гдѣ каждый трудился и работалъ надъ назначеннымъ ему дѣломъ, спускавшіеся въ нее находили посреди дня тишину ночи, прерываемую однимъ стукомъ работы или славословіемъ братіи въ опредѣленные часы. Строгость молчанія внушала и мірянамъ, посѣщавшимъ Клерво, такое благоговѣніе, что они боялись говорить не только о дурномъ или пустомъ, но вообще ни о чемъ, что не имѣло бы отношенія къ видѣнному ими. Уединеніе той мѣстности, гдѣ укрывались служители божіи среди густыхъ лѣсовъ и извилинъ сосѣднихъ горъ, напоминало нѣкоторымъ образомъ пещеру нашего отца св. Бенедикта, въ которой нашли его однажды пастухи; но они подражали ему не только въ жилищѣ, но и въ образѣ жизни, ибо умѣли жить уединенно среди множества людей. Благодать, направляемая уставомъ, дѣлала эту долину, переполненную людьми, пустынею для каждаго, кто населялъ ее: человѣкъ безъ правилъ, будетъ ли онъ одинъ, испытаетъ въ себѣ всѣ страсти толпы; но тамъ единство духа и законъ молчанія, наложенный на всѣхъ, могъ давать каждому то уединеніе, которое замыкало его въ своемъ сердцѣ...

VIII. Такова была въ тѣ времена, подъ управленіемъ аббата Бернарда, та школа духовныхъ наукъ въ знаменитой и возлюбленной долинѣ. Тамъ можно было встрѣтить всю ревность къ правильной дисциплинѣ, возбужденную и предписанную Бернардомъ, который сооружалъ Богу храмъ на землѣ по тому образцу, который былъ ему указанъ на горѣ, когда онъ жилъ съ Богомъ въ облакахъ посреди уединенія Сито... Освободившись отъ оковъ повиновенія, лежавшихъ на немъ въ теченіе цѣлаго года и получивъ возможность снова жить по своей волѣ, онъ, подобно согнутому луку, который, вырвавшись, принимаетъ прежнюю форму, или задержанному ручью, который, одолѣвъ препоны, стремится по прежнему пути, возвратился къ старымъ привычкамъ, желая какъ бы при этомъ наказать себя за долгое отдохновеніе и перерывъ въ трудахъ... Онъ пребывалъ въ молитвѣ денно и нощно, пока не подгибалась колѣни, истомленныя постомъ, и пока ноги, отекшія отъ труда, могли поддерживать его тѣло. Долгое время, тайно отъ всѣхъ, онъ носилъ на себѣ власяницу; но когда это было узнано, онъ оставилъ ее и жилъ какъ прочіе. Пища его состояла изъ молока съ хлѣбомъ и изъ отвара овощей или кашки, какую обыкновенно даютъ дѣтямъ. Или слабость не позволяла ему другихъ

яствъ, или онъ избѣгалъ ихъ по своей воздержности. Если онъ иногда пилъ вино, то весьма рѣдко и въ чрезвычайно маломъ количествѣ; онъ увѣрялъ, что вода нравится ему больше, и она лучше для здоровья. Такимъ образомъ, изнуренный и истощенный, онъ съ трудомъ допускалъ, чтобы его освобождали днемъ или ночью отъ общей работы съ братіею, или отъ занятій и трудовъ по должности. Медики смотрѣли на него и удивлялись способу его жизни, говоря, что онъ напрягаетъ свою природу такъ, какъ еслибы ягненка привязать къ плугу и заставить пахать землю. Его испорченный желудокъ причинялъ ему рвоту пищею, которую онъ не могъ переварить, что̀ дѣлало его непріятнымъ для другихъ, особенно въ хорѣ пѣвчихъ; но тѣмъ не менѣе онъ не отставалъ отъ собранія братіи; приказавъ подлѣ своего мѣста вырыть ямку въ землѣ, онъ такимъ образомъ подчинялся той печальной необходимости. Но когда увеличившаяся болѣзнь не дозволяла ему и того, онъ былъ вынужденъ избѣгать общества братіи и жить отдѣльно, выходя въ собранія изрѣдка или для проповѣди, или для утѣшенія, или для поддержанія монастырской дисциплины.

Это печальное обстоятельство лишало святую братію общества ихъ отца, и мы оплакиваемъ горестныя послѣдствія его слабости, но чтимъ въ немъ его святую ревность и духовный жаръ. Впрочемъ его разслабленіе не должно вызывать слезъ или внушать печали, ибо кто знаетъ, что Богу не было угодно именно слабостью этого человѣка побѣдить всѣ великія силы земли? Развѣ случалось, чтобы его болѣзнь вредила тому, что было ему предписано исполнить благодатью? Кто въ наше время, при всей своей тѣлесной силѣ и здоровьѣ, сдѣлалъ столько для прославленія Бога и на пользу его святой церкви, какъ именно этотъ истомленный и полуживой человѣкъ? Сколькихъ людей умѣлъ онъ, силою слова и примѣра, удалить отъ свѣта, не только для вступленія въ монастырь, но и для обращенія ихъ къ усовершенствованію? Сколько въ христіанскомъ мірѣ онъ устроилъ домовъ и убѣжищъ для тѣхъ, которые, впавъ въ смертный грѣхъ, подвергались опасности вѣчной смерти, и могли войти въ нихъ, обратиться къ Господу и удалиться въ тѣ мѣста для своего спасенія? Сколько расколовъ церковныхъ было умиротворено имъ? Какія ереси онъ не успѣлъ смутить? Не онъ ли установлялъ миръ между церквами и народами? Вотъ что̀ онъ сдѣлалъ для всѣхъ вообще. А кто можетъ разсказать, сколькими способами, сколько лицъ, въ сколькихъ мѣстахъ и сколько разъ воспользовались его безчисленными благодѣяніями?

Но, къ сожалѣнію, авторъ только указываетъ въ общихъ чертахъ на всемірную дѣятельность Бернарда, а затѣмъ, въ слѣдующихъ главахъ (IX—XIV) до конца самой книги, представляетъ намъ сборникъ легендъ о его чудесахъ, какъ онъ исцѣлялъ больныхъ, какъ, по его приказанію, было написано письмо подъ проливнымъ дождемъ, и пергаминъ остался незамоченнымъ, какъ онъ отлучилъ отъ церкви мухъ, жужжавшихъ во время богослуженія, вслѣдствіе чего онѣ пропали, какъ онъ боролся съ дьяволомъ и т. п.

Монахъ Вильгельмъ.

Vita s. Bernardi, Clarvallensis abbatis primi.

Монахъ Вильгельмъ (Guillelmus, monachus Signiacensis) былъ современникомъ св. Бернарда и занималъ должность аббата въ монастырѣ С. Тьерри (Св. Теодорика), близъ Реймса; изъ его собственныхъ словъ видно, въ какихъ дружественныхъ отношеніяхъ онъ находился съ описываемымъ имъ лицомъ. Около 1140 г. Вильгельмъ сложилъ съ себя званіе аббата и удалился на покой въ монастырь Синьи (Signi), гдѣ и умеръ еще прежде Бернарда простымъ монахомъ. Тамъ-то онъ и писалъ „Жизнь св. Бернарда, перваго аббата Клерво", ограничиваясь, впрочемъ, годами его дѣтства и первой чисто монастырской дѣятельности до 1130 года, когда, по смерти папы Гонорія II, произошелъ расколъ въ церкви и было избрано двое папъ, Иннокентій II и Анаклетъ II, и когда Бернарду представился первый случай выступить за предѣлы монастыря въ роли защитника Иннокентія II. Этотъ второй періодъ дѣятельности Бернарда нашелъ себѣ біографовъ въ двухъ продолжателяхъ Вильгельма: Арнольдѣ, аббатѣ Боньвальскомъ, и Готфридѣ, монахѣ Клерво и секретарѣ Бернарда, изъ которыхъ первый написалъ одну книгу, а послѣдній—три, такъ-что полная біографія составляетъ всего пять книгъ (объ Арнольдѣ и Готфридѣ см. ниже, въ примѣчан. къ ст. 31 и 32). — *Изданія*: въ Acta Sanct. Bolland. подъ 20 авг. IV, 256 — 351. — *Переводы*: франц. у *Гизо*, Coll. t. X, стр. 145 и слѣд.—*Изслѣдованія*: *Neander*, Der heilige Bernard und seine Zeitalter. Berl. 1813, втор. изд. 1848; *Ratisbonne*, Histoire de St. Bernard, abbé de Clairvaux. Par. 1842.

---

31. — Св. Бернардъ и Иннокентій II. 1134 г.

(Около 1155 г.).

Авторъ біографіи въ прологѣ объясняетъ, что онъ намѣренъ продолжать начатый трудъ монаха Вильгельма (см. о немъ выше, въ примѣч. къ ст. 30), который ограничился описаніемъ дѣтства Бернарда и первыми годами его чисто монастырской дѣятельности, а потому онъ и началъ прямо съ 1130 года, когда расколъ церкви, по поводу избранія въ Римѣ двухъ папъ, Иннокентія II и Анаклета II, вызвалъ Бернарда въ первый разъ на политическую сцену. Вслѣдствіе того авторъ посвящаетъ первую главу біографіи и начало второй подробному описанію римскихъ событій въ 1130 г., разсказываетъ, какъ Иннокентій II бѣжалъ изъ Рима черезъ Пизу во Францію, какъ на соборѣ въ Этампѣ, по приглашенію короля, Бернардъ въ первый разъ защищалъ бѣжавшаго папу, какъ онъ склонилъ и короля англійскаго Гейнриха II, и императора германскаго Лотаря признать Иннокентія; какъ Лотарь отвелъ папу въ Римъ, и какъ онъ былъ вторично изгнанъ соперникомъ и удалился въ Пизу, гдѣ созванъ былъ соборъ (1134), для присутствія на которомъ явился и Бернардъ изъ Галліи. По закрытіи собора, папа отправляетъ Бернарда въ Миланъ для подчиненія его жителей, которыхъ архіепископъ Ансельмъ былъ сторонникомъ соперника Иннокентія II.

II.... По закрытіи собора (въ Пизѣ, 1134 г.), владыка папа отправилъ къ жителямъ Милана для примиренія ихъ съ церковью аббата

Клерво (т.-е. св. Бернарда), котораго они и прежде часто приглашали къ себѣ, Гвидо, епископа Пизанскаго, и Матвѣя, епископа Альбанскаго, какъ легатовъ *a latere*; они всѣ трое имѣли порученіе исцѣлить этотъ городъ, впавшій въ расколъ, произведенный Ансельмомъ, и привести ихъ въ единство церкви. Къ вышепоименованнымъ прелатамъ, которыхъ св. аббатъ принялъ себѣ въ спутники, сообразно съ выборомъ владыки папы, онъ присоединилъ, согласно съ общимъ желаніемъ, преподобнаго Готфрида, епископа г. Шартра, искренность котораго и чистоту нравовъ онъ имѣлъ случай испытать во многихъ случаяхъ. Дѣйствительно, кардиналамъ казалось благоразумнымъ опереться на подобнаго помощника въ дѣлѣ столь важномъ. Когда посланные перешли Апеннины, и жители Милана узнали, что къ ихъ предѣламъ приближается аббатъ, котораго они такъ желали видѣть у себя, весь народъ вышелъ ему на встрѣчу миль за семь предъ городомъ; знатные и чернь, конные и пѣшіе, люди зажиточные и бѣдные, всѣ оставили городъ, покинули кровъ и, раздѣлившись группами, въ сплошныхъ рядахъ, приняли божьяго человѣка съ знаками невѣроятнаго почтенія; всѣ цѣловали ему ноги; и хотя онъ терпѣлъ отъ подобнаго выраженія преданности, но не могъ отъ того освободиться никакими просьбами, ни отклонить силою восторги благочестивой ревности этой толпы, распростертой предъ нимъ. Народъ вырывалъ, какъ только могъ, волоса изъ шерсти его одѣянія и уносилъ съ собою клочки бахромы, нашитой на платьѣ, какъ вѣрное средство противъ болѣзней, въ увѣренности, что всѣ предметы, которые касались его, были святынею, и что они сами, дотрогиваясь до него, пріобрѣтали святость. Обгоняя другъ друга въ своемъ слѣдованіи за аббатомъ, они издавали въ честь его радостные крики; и только послѣ того какъ онъ долгое время былъ замкнутъ посреди волнъ безчисленной толпы, его передали наконецъ заботамъ торжественнаго гостепріимства. Когда послѣ приступили къ публичному обсужденію дѣла, по поводу котораго этотъ божій человѣкъ и кардиналы прибыли въ Миланъ, городъ, забывъ, такъ сказать, свое могущество и отказавшись отъ упорства, съ такимъ уничиженіемъ подчинился святому аббату, что къ его готовности повиноваться можно было справедливо примѣнить извѣстный стихъ поэта:

„Должно, чтобъ мы и могли, и хотѣли исполнить велѣнье“.

Когда всѣ несогласія были устранены, Миланъ примирился съ церковью и народъ этого города увидѣлъ согласіе возстановленнымъ на прочныхъ основаніяхъ, святому аббату представились другого рода занятія. Дьяволъ, овладѣвъ тѣломъ нѣсколькихъ несчастныхъ, началъ предаваться всѣмъ неистовствамъ безумнаго бѣшенства. Божій человѣкъ строго выговорилъ ему и противопоставилъ знамя Христа; тогда демоны, устрашенные и въ трепетѣ предъ великою доблестью, состязавшеюся съ ними, убѣжали изъ жилищъ, которыми они овладѣли. Такова была новая задача Бернарда; ему предстояло не только окончить дѣла, важныя для Рима, но и дать торжество вѣрѣ въ божественный законъ. Въ наше время было бы неслыханнымъ дѣломъ уви-

дѣть, какъ тогда, и столько вѣры въ народѣ, и столько добродѣтелей въ одномъ человѣкѣ. Между миланцами и святымъ аббатомъ произошло даже благочестивое соревнованіе: онъ приписывалъ славу производимыхъ имъ чудесъ искренности ихъ вѣрѣ; а они — его святости, твердо убѣжденные въ томъ, что онъ получитъ отъ Бога все, чего бы ни попросилъ. Такимъ образомъ, они привели къ нему, безъ малѣйшаго колебанія, женщину, извѣстную всѣмъ, которую нечистый духъ терзалъ цѣлыхъ семь лѣтъ, и настоятельно умоляли его изгнать, именемъ Бога, дьявола, который овладѣлъ ею, и возвратить ей прежнее состояніе здоровья. Такая вѣра народа внушила божьему человѣку великую и боязливую робость; съ одной стороны, въ своемъ уничиженіи, достойномъ послужить урокомъ для всѣхъ, онъ не осмѣливался взяться за новое для него дѣло, съ другой—ему было совѣстно отказать въ упорной просьбѣ толпы и противиться столь великой благодати; ему казалось, что онъ оскорбитъ Господа, и что его недовѣріе къ себѣ можетъ покрыть облакомъ сомнѣнія всемогущество божіе, если его вѣра останется позади народной вѣры. Такимъ образомъ, онъ испытывалъ въ себѣ мучительное волненіе; наконецъ, хотя онъ и увѣрялъ, что чудеса нужно дѣлать скорѣе для невѣрующихъ, чѣмъ для вѣрныхъ, однако, возложивъ свое упованіе на успѣхъ въ смѣломъ предпріятіи на св. Духа, онъ началъ молитву; потомъ, заклиная сатану именемъ духа силъ, онъ обратилъ его въ бѣгство властью, данною ему небомъ, и даровалъ тэй женщинѣ жизнь и спокойствіе. Всѣ присутствовавшіе, исполнясь радости и воздымая руки къ нему, оглашали воздухъ выраженіемъ своей благодарности къ Богу, удостоившему посѣтить ихъ съ высоты своего трона. Вскорѣ всѣ заговорили объ этомъ чудѣ, и слава о немъ распространилась повсюду; со всѣхъ сторонъ стекались въ церкви, на площади, гдѣ происходилъ судъ, и у перекрестковъ; повсюду только и говорили, что о служителѣ божіемъ; торжественно провозглашали, что для него нѣтъ ничего невозможнаго, о чемъ бы онъ ни просилъ его; повторяли, вѣрили, громко говорили и утверждали, что у Всемогущаго слухъ всегда отверзтъ къ его молитвѣ. Не могли довольно ни насмотрѣться, ни наслушаться его. Одни входили толпою къ нему, чтобъ насладиться его присутствіемъ; другіе ждали у дверей, когда онъ выйдетъ. Прекратились всѣ занятія; ремесленники оставили свои работы; весь городъ былъ занятъ одною мыслью увидѣть его. Всѣ тѣснились за нимъ, умоляя о благословеніи, и у каждаго было одно вожделѣніе — прикоснуться къ его одеждѣ.

Конецъ этой главы и двѣ слѣдующія наполнены въ цѣлости подобными же разсказами о чудесахъ, совершенныхъ Бернардомъ въ Миланѣ и Павіи, откуда онъ возвратился въ Клерво. Пятая глава излагаетъ, какимъ образомъ Бернардъ, по возвращеніи изъ Италіи, перенесъ свой монастырь на болѣе удобное мѣсто къ рѣкѣ. Три послѣднія главы (VI, VII и VIII) описываютъ новое участіе Бернарда въ политической борьбѣ съ врагами Иннокентія въ Аквитаніи и южной Италіи, гдѣ король Рожеръ принялъ сторону Анаклета: благодаря усиліямъ Бернарда, и эти два послѣдніе врага подчинились римскому престолу; наконецъ, авторъ останавливается на томъ, какъ около 1140 г.

вспыхнула война по сосѣдству монастыря, между его покровителемъ Тибо, графомъ Шампани, и французскимъ королемъ, но Бернардъ спасъ своего друга, примиривъ его съ Лудовикомъ VII Юнымъ.

Аббатъ Арнольдъ.

Vita s. Bernardi Claraevallensis abbatis primi.

Аббатъ Арнольдъ (Arnoldus, abbas Bonaevallis) жилъ при св. Бернардѣ и писалъ вскорѣ послѣ его смерти, около 1155 года, продолжая такой же трудъ другого современника Бернарда, писавшаго при его жизни, монаха Вильгельма (см. о немъ выше, въ ст. 30, на стр. 350). Арнольдъ начинаетъ свой разсказъ съ 1130, и останавливается на 1140; его сочиненіе продолжалъ третій біографъ Готфридъ, дошедшій до смерти св. Бернарда (см. о немъ ниже, въ примѣчаніи къ ст. 32). Объ изданіяхъ и критикѣ сочиненія Арнольда см. выше, на стр. 350.

32.—Отношеніе св. Бернарда къ второму крестовому походу. 1146 г.

(Послѣ 1153 г.).

Авторъ третьей біографіи св. Бернарда (см. о первыхъ двухъ выше, въ ст. 30 и 31, на стр. 350 и 353) продолжаетъ трудъ двухъ своихъ предшественниковъ, и потому ограничивается событіями его жизни отъ 1140 до 1153 г., когда Бернардъ умеръ. Но эта біографія вся состоитъ изъ эпизодовъ безъ всякой связи между собою. Такъ, въ первыхъ трехъ главахъ своей первой книги, авторъ разсуждаетъ о нравахъ и добродѣтеляхъ Бернарда, говоритъ о посѣщеніи имъ Гуго, епископа Гренобля, о его талантахъ проповѣдника и о стараніи избѣгать всякихъ почестей. Упомянувъ о проповѣдяхъ Бернарда, авторъ вспоминаетъ, что онъ проповѣдывалъ и второй крестовый походъ, который, однако, не удался, а потому останавливается на объясненіи этого факта.

IV. Я не могу умолчать о томъ, что такъ-какъ Бернардъ побудилъ своими проповѣдями идти на освобожденіе Іерусалима (въ 1146 году), то нашлись такіе люди, которые или по невѣжеству, или по злобѣ, выступили противъ него и, видя, что тотъ походъ имѣлъ несчастный конецъ, подняли крикъ. Между тѣмъ я могу доказать, что Бернардъ вовсе не былъ первымъ виновникомъ этого дѣла. Слухъ о печальномъ положеніи, въ которомъ находился Іерусалимъ (т.-е. по взятіи Эдессы мусульманами), сильно взволновалъ еще прежде умы людей; сверхъ того, онъ былъ убѣждаемъ королемъ французскимъ, и не одинъ разъ, а многократно, также и апостольскими посланіями,

чтобы вмѣшаться въ это дѣло. Бернардъ, однако, не соглашался говорить и давать свое согласіе на такое предпріятіе; наконецъ, верховный первосвятитель своимъ посланіемъ ко всѣмъ вѣрнымъ предписалъ ему, какъ обычному истолкователю воли римской церкви, объяснить народамъ и властителямъ необходимость похода. Изъ посланія того слѣдовало, что и тѣ, и другіе, должны, покаянія ради и отпущенія грѣховъ, идти въ Іерусалимъ какъ для освобожденія своихъ братьевъ, такъ и для того, чтобы пожертвовать за нихъ жизнью. Все это и тому подобное можетъ быть приводимо съ совершенною правдою; но лучше будетъ разсказать то, что послѣ было лучшаго. Бернардъ проповѣдывалъ походъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, при помощи Господа, который подтвердилъ истину рѣчей своего служителя чудесами, о чемъ будетъ разсказано ниже. Какъ велики и многообразны были эти чудеса! Какъ трудно исчислить ихъ, и еще труднѣе разсказать! Еще въ то время начали ихъ записывать, но кончилось тѣмъ, что многочисленность чудесъ превзошла силы писателя, и важность предмета была не по средствамъ того, кто взялся говорить о нихъ. Дѣйствительно, всѣ видѣли, какъ въ одинъ день исцѣлялось отъ различныхъ болѣзней по 20 человѣкъ и болѣе, и не проходило дня, чтобы то не повторилось; однимъ словомъ, въ то время Христосъ дозволилъ своему служителю однимъ прикосновеніемъ и молитвами возвращать зрѣніе слѣпымъ отъ рожденія, хромымъ употребленіе ногъ, чахоточнымъ здоровье, глухимъ слухъ, нѣмымъ языкъ и приводить въ состояніе здоровья, что́ было тѣмъ удивительнѣе, чѣмъ здоровье было прежде хуже.

Правда, восточная церковь не имѣла счастія быть освобожденною вслѣдствіе того похода, но за то небесная церковь переполнилась душами благочестивыхъ и могла о томъ веселиться. Если же при этомъ случаѣ Богу было угодно исторгнуть не тѣла восточныхъ христіанъ изъ рукъ невѣрныхъ, но души западныхъ христіанъ изъ власти грѣха, то кто осмѣлится спросить: „Почему, Господи, ты дѣйствовалъ такъ, а не иначе?“ Какой благоразумный человѣкъ не огорчится болѣе несчастіемъ тѣхъ, которые впали въ прежній грѣхъ или даже въ большій того, который былъ ими содѣянъ прежде, нежели смертью другихъ, которые предали свой духъ Христу, послѣ многихъ страданій и послѣ вкушенія плодовъ покаянія? Пусть египтяне, пусть дѣти мрака, неспособные ни видѣть, ни понимать истины, говорятъ: „Онъ счастливо извелъ ихъ изъ Египта, чтобы погубить въ пустынѣ“ (Исх. 32, 12). Христосъ, нашъ Спаситель, терпѣливо переноситъ такую хулу, вознаграждаемую вполнѣ спасеніемъ многаго числа душъ. Нашъ преподобный отецъ (т. е. Бернардъ) имѣлъ въ виду тѣ слова Писанія, когда, между прочимъ, говорилъ: „Если неизбѣжно одно изъ двухъ: чтобы роптали на Бога или на меня, то я предпочитаю, чтобы такой ропотъ обрушился скорѣе на меня, нежели на Господа. Я сочту своимъ счастіемъ, если Богъ удостоитъ сдѣлать изъ меня щитъ для прикрытія себя. Охотно приму на себя удары раздирающаго языка клеветы и ядовитыя язвы богохульства, если только буду въ состояніи тѣмъ самымъ не допустить ихъ до Всевышняго. Я не боюсь быть униженнымъ, лишь бы осталась неприкосновенною его слава“. Это

тѣ самыя слова, которыми Бернардъ выражается во второй книгѣ своего произведенія: „*О размышленіи*“. Между тѣмъ, въ то время, когда распространился въ Галліи первый слухъ о плачевной участи предпринявшихъ походъ, какой-то отецъ представилъ служителю божію слѣпого сына для возвращенія ему зрѣнія и успѣлъ силою убѣжденія отвратить его отказъ. Святой мужъ, возложивъ руки на ребенка просилъ Бога о томъ, чтобы, если Бернардъ дѣйствительно слышалъ его голосъ во время своей проповѣди похода, и если онъ былъ вдохновленъ святымъ Духомъ, когда говорилъ о томъ, то пусть Всевышній докажетъ то, возвративъ зрѣніе слѣпому. Когда, послѣ такой молитвы ожидали ея послѣдствій, ребенокъ воскликнулъ: „Чтó это такое значитъ: я вижу теперь?“ Всѣ присутствовавшіе подняли громкіе клики; при этомъ были не только духовныя лица, но и міряне, которые, убѣдившись въ томъ, что ребенокъ видитъ, получили великое утѣшеніе и принесли Богу дань благодарности.

Я вѣрю также и въ то, какъ замѣтятъ иные и какъ Бернардъ самъ возвѣстилъ, что на той самой недѣлѣ, когда блаженная душа божьяго человѣка освободилась отъ тѣлесныхъ узъ (1153 г.), церковь Іерусалимская получила великое утѣшеніе отъ божественнаго милосердія. Именно тогда былъ взятъ Аскалонъ, это укрѣпленное мѣсто, отстоявшее недалеко отъ святого города, и которое угрожало ему опасностью. Христіане, утомленные осадою крѣпости, продолжавшеюся 50 дней и болѣе, не имѣли никакого успѣха; а потому взятіе города могло быть результатомъ не усилія рукъ человѣческихъ, но божественнаго могущества, подъ ударами котораго онъ палъ. При этомъ кстати будетъ помѣстить здѣсь собственныя слова Бернарда, которыя онъ писалъ въ томъ же году одному знаменитому рыцарю ордена Храма, своему дядѣ, бывшему въ то время только на службѣ, а нынѣ Великому Магистру воинства Храма (т. е. Тампліеровъ: „Горе нашимъ князьямъ, говорилъ онъ; они не сдѣлали ничего хорошаго въ господней землѣ, и въ своихъ земляхъ, куда они поспѣшно возвратились, обнаружили непреодолимую злобу, не умѣя сострадать бѣдствіямъ Іосифа. Однако я надѣюсь, что Господь не отвергнетъ свой народъ и не оставитъ своего наслѣдія. Но что я говорю! десница божія будетъ силою того народа, и рука его доставитъ ему помощь, дабы всѣ познали, что лучше возлагать надежды на Всевышняго, чѣмъ на сильныхъ земли“. Впрочемъ довольно объ этомъ предметѣ.

Въ послѣднихъ главахъ первой книги (V—VIII), авторъ говоритъ о борьбѣ Бернарда съ еретиками, Абеларомъ и другими, возвращается снова къ описанію нравовъ и добродѣтелей Бернарда, и заключаетъ исчисленіемъ его сочиненій. Вторая книга почти исключительно посвящена чудесамъ Бернарда, и третья—короткому описанію послѣдняго его участія въ ссорѣ г. Метца съ сосѣдними баронами, а затѣмъ авторъ подробно останавливается на его смерти и исчисляетъ различныя явленія и откровенія, послѣдовавшія за смертью Бернарда.

Монахъ Готфридъ.

Vita s. Bernardi, abbatis Claraevallensis primi,

Монахъ Готфридъ (Godefridus, monachus Claraevallensis) былъ секретаремъ (notarius) Бернарда, и писалъ послѣ его смерти, продолжая трудъ Вильгельма и Арнольда, остановившагося на 1140 году (см. о нихъ въ ст. 30 и 31, на стр. 350 и 353). Объ изданіяхъ и критикѣ его „Жизни св. Бернарда, перваго аббата Клерво“, см. выше, на стр. 350.

33.—Сборы къ второму крестовому походу, и путь Лудовика VII до Никомедіи. 1146—48.

(Въ 1148 г.).

Прологъ.

Преподобному Сугерію, аббату церкви св. Діонисія, послѣдній изъ его монаховъ, *Одо Діогильскій*, шлетъ привѣтъ [1])!

Я желалъ бы, но не знаю какъ, найти средство описать вамъ достойнымъ образомъ наше странствованіе къ св. Гробу, съ тѣмъ, чтобы вы могли, передѣлавъ мой трудъ своимъ слогомъ, передать его памяти потомства. При путевыхъ затрудненіяхъ я чувствую двойное препятствіе: и усталость, и свою неспособность. Но иногда слѣдуетъ попытаться сдѣлать и то, на что́ мы не имѣемъ силъ, чтобы наша работа могла вызвать людей болѣе смѣлыхъ и которые имѣли бы силу исполнить то, чего мы желаемъ, но чего не можемъ. Будучи осыпанъ безъ мѣры, во время нашего странствованія, милостями преславнаго короля Лудовика (VII, Юнаго) и стоя въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ нему, я, конечно, чувствую желаніе отблагодарить его, но мнѣ недостаетъ для того силъ. Но пусть мой трудъ будетъ дѣломъ блаженнаго Діонисія, изъ любви къ которому я предпринялъ свой подвигъ, и вмѣстѣ вашимъ, такъ какъ король вмѣсто васъ взялъ меня, вашего монаха. Во всякомъ случаѣ, вы обязаны ему много, вы, котораго онъ такъ любитъ и которому онъ поручилъ свое государство, оставляя его вамъ по вашей ревности къ проповѣданію вѣры христовой. Конечно, при этомъ онъ соблюлъ и собственные интересы, такъ какъ онъ довѣрилъ управленіе дѣлами испытанной вѣрности и великому уму. Вы написали исторію дѣяній его отца [2]), и было бы преступленіемъ съ вашей стороны не написать того же о его сынѣ,

---

[1]) Этотъ прологъ въ формѣ письма былъ препровожденъ авторомъ при посылкѣ манускрипта своей монографіи и написанъ въ Антіохіи, куда Лудовикъ VII прибылъ 19 марта 1148 года.

[2]) Аббатъ Сугерій, управлявшій государствомъ во время похода Лудовика VII, написалъ біографію Лудовика VI Толстаго. См. извлеченіе изъ нея во второмъ отдѣлѣ 2-й части III тома.

жизнь котораго служитъ образцомъ добродѣтели; съ самаго начала его управленія, когда онъ былъ еще ребенкомъ, мірская слава не только не была для него случаемъ предаться страстямъ, но еще болѣе увеличила и освѣтила его доблести. Потому, если кто начнетъ писать о его жизни только по возвращеніи изъ Іерусалима, то онъ тѣмъ самымъ опуститъ лучшую часть этого образца, который Богу было угодно продолжить въ примѣръ королямъ грядущаго времени. И въ жизни юнаго Николая (св.) мы изумляемся всего болѣе четвертому и шестому дню его рожденія и другимъ прирожденнымъ ему качествамъ болѣе, нежели удивительной святости его епископской жизни.

Итакъ, вы, которому принадлежитъ право описать жизнь сына, послѣ того какъ вами уже написана жизнь его отца, вы, который, пользуясь милостью обоихъ, обязаны и тому, и другому, напишите также и о сынѣ, начавъ съ его дѣтства, и съ той минуты, когда въ немъ начала проявляться его доблесть. Вы знаете его лучше, нежели кто-нибудь другой, ибо вамъ, какъ воспитывающему отцу, довелось знать его самымъ близкимъ образомъ. Что же касается до меня, то я хотя и затрудняюсь своимъ искусствомъ письма, но, зная хорошо все случившееся на походѣ къ св. Гробу — въ качествѣ же капеллана я былъ неотлучно при королѣ, и когда онъ вставалъ съ постели, и когда ложился — я хочу, въ своей, такъ сказать, болтовнѣ, изобразить вамъ истину, которую вы украсите потомъ цвѣтами своего краснорѣчія. Не бойтесь сдѣлать то, что̀ вы должны сдѣлать, еслибы даже вы узнали, что многіе другіе рѣшились взяться за то же дѣло; подумайте больше о томъ, что тотъ, кто заслуживаетъ всеобщую похвалу, получитъ такимъ образомъ похвалу отъ многихъ.

Книга первая.

Въ годъ отъ воплощенія Слова 1146, преславный король Франціи и герцогъ Аквитаніи, *Лудовикъ* (VII), сынъ короля (VI, Толстаго), имѣя отъ роду 25 лѣтъ и желая быть достойнымъ Христа, принялъ крестъ въ Везеле, въ самый день Пасхи (31 марта), и вознамѣрился идти по пути господню. Еще въ предшествовавшій тому праздникъ Рождества, этотъ благочестивый король, возсѣдая на сеймѣ въ Буржѣ и нарочно созвавъ болѣе обыкновеннаго епископовъ и бароновъ королевства, открылъ имъ тайну своего сердца. Тогда епископъ г. Лангра, человѣкъ благочестивый, разсказалъ, соотвѣтственно своему сану, о разрушеніи города Роа, извѣстнаго въ древности подъ именемъ Эдессы, о бѣдствіяхъ, испытываемыхъ христіанами, и о неистовствахъ язычниковъ; онъ заставилъ пролить слезы своимъ повѣствованіемъ о такомъ плачевномъ предметѣ; потомъ онъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ соединиться около короля, чтобы подать помощь христіанамъ и вступить въ борьбу за царя всего человѣческаго рода. Между тѣмъ король самъ горѣлъ ревностью къ вѣрѣ и презрѣніемъ къ земнымъ страстямъ и славѣ, что̀ послужило примѣромъ, дѣйствительнымъ болѣе всѣхъ рѣчей. Впрочемъ все то, что̀ въ ту минуту сѣялъ епископъ словами, а король личнымъ примѣромъ, слушатели пожали не тотчасъ.

Былъ назначенъ другой день для собранія всѣхъ въ Везеле, къ празднику Пасхи, въ эпоху христовыхъ страстей, съ тѣмъ чтобы въ день воскресенія всѣ вдохновленные свыше поспѣшили содѣйствовать прославленію креста.

Между тѣмъ король, исполненный заботъ о своемъ предпріятіи, отправилъ пословъ въ Римъ къ папѣ Евгенію, чтобы возвѣстить ему все случившееся. Послы были приняты милостиво, съ милостью отпущены и принесли съ собою грамоты сладчайшія меда, которыми предписывалось повиновеніе королю, опредѣлялась форма вооруженія и одежды, обѣщалось всѣмъ принявшимъ на себя легкое бремя Христа отпущеніе грѣховъ и покровительство ихъ дѣтямъ и женамъ, и въ заключеніе прилагались нѣкоторыя распоряженія, которыя было угодно сдѣлать первосвятителю въ его святой и мудрой заботливости о предстоящемъ дѣлѣ. Онъ самъ хотѣлъ первый приложить свою руку къ тому, но не могъ, такъ какъ ему воспрепятствовала тираннія жителей Рима, а потому онъ возложилъ свои обязанности на св. аббата Клерво, Бернарда.

Наконецъ, наступилъ день столь вожделѣнный для короля. Аббатъ, подкрѣпленный апостолическою властью и собственною святостью, и безчисленное множество приглашенныхъ сошлись въ одномъ мѣстѣ и въ одно и то же время. Король украсилъ себя крестомъ, присланнымъ ему отъ первосвятителя, и вмѣстѣ съ нимъ приняли крестъ многіе изъ бароновъ. Такъ, какъ въ замкѣ не было мѣста для такого множества людей, то внѣ его въ открытомъ полѣ построили изъ дерева возвышеніе, чтобы аббатъ могъ говорить во всеуслышаніе. Онъ поднялся наверхъ, и съ нимъ король, украшенный крестомъ. Когда этотъ божественный ораторъ, по своему обычаю, распространилъ росу небеснаго слова, со всѣхъ сторонъ и всѣ подняли крики, требуя: *крестовъ, крестовъ!* Аббатъ, не столько раздавая, сколько осыпая крестами, заранѣе изготовленными, долженъ былъ, наконецъ, разорвать свою одежду, и, сдѣлавъ новые кресты, продолжалъ надѣлять ими по прежнему. Такъ онъ трудился надъ этимъ, пока стоялъ на томъ мѣстѣ. Я не буду говорить о чудесахъ, которыя происходили тамъ въ то время, и изъ которыхъ явствовало, что то дѣло было угодно Богу; я боюсь, что, сказавъ мало, буду обвиненъ въ томъ, что не сказалъ больше, а сказавъ много, получу упрекъ за удаленіе отъ предмета. Наконецъ, когда было обнародовано, что походъ откроется чрезъ годъ, всѣ радостно разошлись по домамъ. Между тѣмъ аббатъ, скрывавшій отважный духъ въ тѣлѣ слабомъ и на половину умершемъ, пустился проповѣдывать въ другія мѣста, такъ что въ короткое время число странниковъ увеличилось безконечно. Король, находя удовольствіе только въ проповѣдываніи вѣры и надѣясь собрать еще одну многочисленную армію, отправилъ пословъ въ Апулію къ королю Рожеру. Рожеръ отвѣчалъ ему согласно его желаніямъ: сверхъ того, онъ послалъ къ королю знатныхъ людей, которые обѣщали снабдить его съѣстными припасами, кораблями и всѣмъ необходимымъ, и говорили, что самъ Рожеръ или его сынъ присоединятся къ походу. Лудовикъ отправилъ пословъ къ императору Константинопольскому, но именъ ихъ не знаю, потому что они не записаны въ

пилигримскіе списки. Императоръ отвѣчалъ нашему королю въ длинномъ посланіи длинною лестью, называя его и святымъ, и другомъ, и братомъ, и обѣщалъ ему многое, чего на дѣлѣ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, не исполнилъ.

Далѣе авторъ говоритъ о французскихъ посольствахъ въ Германію и Венгрію съ тою же цѣлью; о возвращеніи посланныхъ и ихъ отчетѣ на сеймѣ въ Этампѣ, 16 февраля, гдѣ король устроилъ безъ себя регентство изъ аббата Сугерія и графа Неверрскаго, и куда прибылъ папа Евгеній для благословенія крестоносцевъ; опредѣлено было къ Пасхѣ собраться всѣмъ въ Метцѣ и оттуда тронуться въ дальнѣйшій путь чрезъ Германію, Венгрію и Грецію, въ противность совѣтамъ Рожера Сицилійскаго, который предостерегалъ Людовика VII относительно коварства грековъ и предлагалъ идти чрезъ Италію и потомъ моремъ.

Предъ окончательнымъ отправленіемъ король совершилъ весьма похвальный подвигъ, въ которомъ, однако, немногіе ему подражали, а, можетъ быть, даже никто изъ людей, равныхъ ему по званію. Посѣтивъ сначала монастыри въ Парижѣ, онъ вышелъ за огородъ и отправился ходить по домамъ прокаженныхъ: я самъ видѣлъ его тамъ, какъ за нимъ слѣдовали двое служителей, а остальная свита держалась въ отдаленіи. Между тѣмъ его мать, жена и множество людей отправились къ блаженному Діонисію. Туда же отправился и нашъ король, гдѣ онъ нашелъ папу, аббата и всѣхъ монаховъ вмѣстѣ. Распростершись благоговѣйно на землѣ, онъ помолился своему патрону. Папа и аббатъ открыли небольшую золотую дверцу и, вынувъ осторожно серебряный ящикъ, дали королю приложиться къ тому, что онъ цѣнилъ отъ всего сердца, съ цѣлью внушить ему бо́льшую рѣшимость и отважность. Послѣ того, взявъ съ алтаря знамя и получивъ отъ папы посохъ странника и благословеніе, онъ удалился въ опочивальни монаховъ, чтобы укрыться отъ толпы; онъ не могъ долѣе оставаться среди такого множества народа, а мать и жена его почти задыхались отъ слезъ и жары. Было бы напрасно и невозможно желать описывать плачъ и рыданія, которыми оглашалось то мѣсто. Въ этотъ день король, удержавъ при себѣ немногихъ изъ свиты, обѣдалъ въ столовой монаховъ, и потомъ, обнявъ всѣхъ его окружавшихъ, удалился, напутствуемый ихъ слезами и молитвами.

Книга вторая.

Длинныя рѣчи есть вмѣстѣ и скучныя рѣчи для того, кто занятъ великими дѣлами; и я боюсь, не писалъ ли я ужъ слишкомъ растянуто, идя все впередъ, не переводя духа. Прошу васъ простить мнѣ, мой отецъ, этотъ недостатокъ. Я говорилъ о счастливыхъ событіяхъ, о своей родинѣ, я записывалъ имена, вспоминалъ о предметахъ, видѣнныхъ мною съ удовольствіемъ, и на иномъ останавливался долго, не скучая; когда человѣкъ въ радости, онъ не торопится заняться тѣмъ, что для него горестно. Теперь же, вступая въ чуждыя области,

я перехожу къ предмету болѣе трудному и непріятному, а потому и буду говорить о немъ короче.

По удаленіи нашего короля изъ церкви блаженнаго Діонисія, въ государствѣ не случилось ничего достопамятнаго, если вы не желаете отнести къ тому назначеніе въ товарищи вамъ по управленію государствомъ архіепископа Реймскаго. Впрочемъ, не знаю, не слѣдуетъ ли мнѣ уничтожить въ моемъ разсказѣ имя графа Рауля, какъ исключеннаго: онъ былъ присоединенъ къ вамъ третьимъ, чтобы вамъ двумъ не остаться безъ свѣтскаго меча, и чтобы было тѣмъ труднѣе разорвать веревку, когда она свита изъ трехъ снурковъ.

Теперь я намѣренъ говоритъ о Метцѣ, ибо тамъ мы собрались вмѣстѣ. Въ этомъ городѣ король не владѣлъ ничѣмъ какъ своею собственностью; но, не смотря на то, жители этого города, какъ то прежде произошло и въ Вердюнѣ, толпились около короля, выражая свою привязанность, какъ истинные его слуги. Лудовикъ раскинулъ свои палатки за городомъ, подождалъ нѣсколько дней армію, собиравшуюся къ тому мѣсту, и издалъ законы о соблюденіи мира и распоряженія относительно похода. Князья подтвердили все это присягою и дали клятву; но такъ-какъ они впослѣдствіи нехорошо соблюдали миръ, то и я также не желаю вспоминать о томъ. Оттуда король отправилъ въ Вормсъ людей благоразумныхъ и благочестивыхъ, Альвиза, епископа Арраса, и Льва, Сенъ-Бертинскаго аббата, для приготовленія всего необходимаго къ переправѣ арміи, слѣдовавшей за ними черезъ Рейнъ, протекающій предъ этимъ городомъ. Они исполнили свое порученіе весьма хорошо и собрали со всѣхъ сторонъ такое количество судовъ. что не было надобности въ мостѣ. Въ торжественный день св. Петра и Павла (29 іюня) городское населеніе и духовенство встрѣтили короля съ большимъ почетомъ. Въ этомъ городѣ мы испытали въ первый разъ безумную необузданность своихъ людей. Рыцари переправились черезъ рѣку, а такъ какъ они нашли тамъ весьма обширные луга, то королю было угодно подождать Арнульфа епископа Лизьё, также норманновъ и англовъ. Все это время съѣстные припасы доставлялись намъ въ изобиліи по рѣкѣ, и наши люди находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ туземцами. Наконецъ, произошла ссора: наши странники бросили лодочниковъ въ рѣку. Видя это, граждане схватились за оружіе, переранили нѣсколькихъ изъ нашихъ людей и одного положили на мѣстѣ. Это преступленіе раздражило странниковъ, и они произвели пожаръ, причинившій много вреда жителямъ, а также нѣкоторымъ изъ нашихъ, а именно, купцамъ и мѣняламъ. Наконецъ, волею божіею, умные люди укротили безумцевъ съ той и другой стороны. Граждане, однако, продолжали бояться и, уведя съ собою суда на свой берегъ, прекратили всякое сообщеніе съ нами. Епископъ Арраса, мужъ благочестивый, найдя наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, лодку, переплылъ рѣку вмѣстѣ съ нѣсколькими баронами и успокоилъ жителей. Тогда они сѣли снова на суда, возобновили сообщеніе и по прежнему начали доставлять намъ все необходимое.

Такъ въ Вормсѣ мы испытали въ первый разъ то. что послужило дурнымъ предзнаменованіемъ будущихъ опасностей. По удаленіи оттуда, многіе изъ странниковъ отдѣлились отъ войска, чтобы идти

чрезъ Альпы, потому что все вздорожало отъ нашей многочисленности. Король, поднявшись съ мѣста, отправилъ впередъ въ Регенсбургъ епископа Арраса съ канцлеромъ и аббатомъ Сенъ-Бертинскимъ, чтобы встрѣтить тамъ пословъ Константинопольскаго императора, которые уже нѣсколько дней ожидали въ томъ городѣ прихода нашего короля. По прибытіи туда, всѣ наши странники переправились черезъ Дунай по весьма хорошему мосту и нашли тамъ огромное число судовъ, при помощи которыхъ нашъ багажъ и множество народу были отправлены до Болгаріи. Нѣкоторые помѣстили на судахъ повозки въ двѣ и четыре лошади, надѣясь въ степяхъ Болгаріи вознаградить себя за потерю вьючнаго скота. Но впослѣдствіи эти повозки оказались менѣе полезными, нежели можно было ожидать. Все это мы замѣчаемъ для назиданія потомства; при многочисленности повозокъ въ четыре лошади, всякій разъ, когда одна изъ нихъ встрѣчала препятствія, и всѣ другія должны были также остановиться; иногда случалось найти нѣсколько дорогъ, но онѣ всѣ загораживались ими, и тогда погонщики, преодолѣвая такія затрудненія, подвергались величайшимъ опасностямъ. Такимъ образомъ пало большое число лошадей, и многіе жаловались на медленность пути.

Населеніе города Регенсбурга приняло короля по-королевски. А чтобы не повторять каждый разъ одного и того же, а именно, что всѣ народы доказали нашему королю свою къ нему преданность, скажу разъ навсегда, что во всѣхъ селеніяхъ, замкахъ и городахъ, до самаго Константинополя, всѣ болѣе или менѣе оказывали королю королевскія почести, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, и всѣ обнаруживали свое доброе расположеніе; я говорю: болѣе или менѣе, ибо не всѣ имѣютъ одинаковыя средства.

Когда палатки были раскинуты и король помѣстился, позвали пословъ императора, и они явились къ нему. Привѣтствовавъ его и вручивъ ему свои священныя грамоты, они продолжали стоять на ногахъ, въ ожиданіи отвѣта: они никогда не садятся, если не получатъ на то приказанія. Наконецъ, получивъ то, они поставили стулья, которые принесли съ собою, и сѣли. Мы видѣли въ первый разъ такой обычай, а впослѣдствіи узнали, что это обычай греческій, а именно, когда сидятъ владѣтельныя особы, то ихъ подданные всѣ остаются стоять (ср. съ этимъ замѣчаніемъ разсказъ у Анны Комненой, выше, на стр. 156). При этомъ вы увидѣли бы, какъ молодые люди, вытянувшись, съ приподнятою головою, устремивъ глаза на своего господина и сохраняя глубокое молчаніе, стоятъ готовые повиноваться всякому мановенію. Богатые не носятъ другой одежды, какъ шелковые кафтаны, короткіе и плотно застегнутые; рукава у нихъ узкіе, такъ что они походятъ на атлетовъ, изготовившихся къ бою. Бѣдные одѣваются точно такъ же, отличаясь только тѣмъ, что ихъ одежда не такъ роскошна.

Я не хочу останавливаться на полномъ переводѣ грамотъ, представленныхъ греческими послами, какъ потому, что это было бы неприлично, такъ и потому, что я не могъ бы сдѣлать того. Въ своей первой и главной части эти грамоты были столь низкопоклонны и написаны съ такимъ униженіемъ для снисканія благоволенія, что можно

положительно сказать: подобный языкъ, слишкомъ мягкій для того, чтобы вытекать изъ чувства привязанности, былъ бы неприличенъ не только для императора, но и для комедіанта. А потому и было бы постыдно тому, кто имѣетъ говорить о другомъ, останавливаться долго на подобномъ писаніи. Во всякомъ случаѣ, я не могу не замѣтить, что французы, какими бы ни были они льстецами, не могли бы, даже еслибы и захотѣли, сравниться въ этомъ отношеніи съ греками. Сначала король слушалъ терпѣливо, хотя и краснѣлъ за то, что ему говорятъ подобныя вещи; но онъ не могъ себѣ представить, что̀ могъ значить такой языкъ. Впослѣдствіи, встрѣчая въ Греціи часто пословъ, онъ съ трудомъ выслушивалъ ихъ всякій разъ, когда они начинали говорить въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Однажды епископъ Лангра Готфридъ, человѣкъ благочестивый и отважный, сжалившись надъ королемъ и не будучи въ состояніи переносить длинныхъ фразъ оратора и переводчика, замѣтилъ имъ: „Братья мои, не говорите такъ часто о славѣ, величіи, мудрости и благочестіи короля; онъ знаетъ себя, и мы его знаемъ; скажите скорѣе и безъ всякихъ отступленій, чего вы желаете". Не смотря на то, старинная поговорка: *Timeo Danaos et dona ferentes* (т.-е. боюсь Данаевъ и несущихъ дары) продолжала часто повторяться предъ нами, и даже устами свѣтскихъ людей.

Во второй части грамотъ, относившейся прямо къ дѣлу, заключались слѣдующія два предложенія, а именно: чтобы король не отнималъ у императора ни одного города, ни замка въ его государствѣ; и, сверхъ того, возвратилъ бы все принадлежавшее ему, откуда онъ изгонитъ турокъ; это обязательство должно быть скрѣплено клятвою бароновъ. Первое изъ этихъ предложеній показалось нашимъ довольно разсудительнымъ; но относительно второго возникъ большой споръ. Нѣкоторые говорили: „Императоръ можетъ пріобрѣтать у турокъ, что̀ онъ считаетъ своимъ, при помощи денегъ, договоровъ или силою; но почему же мы не можемъ дѣлать того же, если намъ случится овладѣть чѣмъ-нибудь?" Другіе, напротивъ, утверждали, что необходимо заключить такое условіе, чтобы впослѣдствіи не возникло споровъ о томъ, что не было опредѣлено впередъ.

Между тѣмъ, прошло много дней, и греки жаловались на промедленіе, опасаясь, какъ говорили они, что императоръ принимая свои мѣры предосторожности, прикажетъ сжечь всѣ поля и разрушить укрѣпленія. „Ибо, присоединяли послы, онъ объявилъ намъ, что именно распорядится такимъ образомъ, если мы опоздаемъ, такъ-какъ онъ подозрѣваетъ васъ въ непріязненныхъ намѣреніяхъ. Если же онъ исполнитъ это, то вы не найдете по дорогѣ ничего изъ необходимаго для себя, даже еслибы императоръ и захотѣлъ доставить вамъ что-нибудь". Наконецъ, нѣкоторые бароны дали клятву отъ имени короля, обезпечивая императору неприкосновенность его владѣній, и съ своей стороны послы обѣщали намъ также клятвенно, отъ имени своего императора, дешевые рынки, легкость мѣны и все, что мы сочтемъ за необходимое. Остальное же, что не могло быть устроено тѣми, которые вели переговоры, было отложено до личнаго свиданія обоихъ государей.

Послѣ того одинъ изъ пословъ, по имени Димитрій, возвратился поспѣшно, а другой, называемый Мавромъ, остался съ нами. Сообразно тому, что требовалъ, между прочимъ, императоръ, были избраны нѣсколько бароновъ для отправленія въ Константинополь вмѣстѣ съ тѣмъ Мавромъ, а именно, Альвизъ Аррасскій, канцлеръ Бартоломей, Аркамбодъ изъ Бурбона и нѣкоторые другіе. Получивъ свои инструкціи, они поспѣшили отправиться, а король слѣдовалъ за ними нѣсколько медленнѣе, какъ того требовало движеніе многочисленной арміи.

Окончаніе этой книги состоитъ изъ перечня городовъ и мѣстъ, чрезъ которые проходили крестоносцы, идя по Венгріи, Болгаріи и Греціи до Адріанополя, съ короткимъ указаніемъ дней разстоянія между городами и характеристикою мѣстности; въ самомъ концѣ авторъ говоритъ нѣсколько подробнѣе о дѣлахъ Венгріи, гдѣ въ то время король Бэла имѣлъ соперника въ своемъ братѣ Борисѣ, убѣжавшемъ въ лагерь французовъ; несмотря на просьбы Бэлы, Лудовикъ VII сохранилъ съ нимъ миръ, но не выдалъ ему бѣглеца.

Книга третья.

Сначала описываются бѣдствія французовъ, испытанныя ими отъ вѣроломства грековъ, которое, впрочемъ, авторъ извиняетъ отчасти тѣмъ, что передъ ними проходили нѣмцы, позволявшіе себѣ грабить жителей и внушившіе имъ недовѣріе вообще къ западнымъ народамъ, а отчасти и тѣмъ, что сами французы не всегда были справедливы и вызывали месть грековъ.

Но все это (т.-е. препятствія, которыя дѣлали греки крестоносцамъ на ихъ пути) можно было бы еще перенести, и даже слѣдуетъ сознаться, что мы сами заслужили испытанныя нами бѣдствія, въ наказаніе за то зло, которое мы причиняли съ своей стороны грекамъ, еслибы греки ко всему тому не присоединили богохульства. Напримѣръ, если наши (т.-е. латинскіе) священники совершали литургію на ихъ алтаряхъ, то греки немедленно дѣлали очистительныя церемоніи и омовенія, такъ-какъ они считали свои алтари оскверненными. У нихъ есть богатыя домашнія капеллы, украшенныя живописью, мраморомъ и свѣточами; потому они могли бы справедливо сказать: „Господи, я дорожилъ славою твоего дома“, еслибы равнымъ образомъ въ нихъ свѣтился свѣточъ православной вѣры. Но, о бѣдствіе! мы слыхали, что они совершаютъ преступленіе, достойное смерти, а именно, всякій разъ когда кто-нибудь вступаетъ въ бракъ съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ, то до свадьбы они снова крестятъ тѣхъ, которые были уже крещены по римскому обряду. Мы узнали, что у нихъ есть и другія еретичества, относительно отправленія св. тайнъ и вопроса объ исхожденіи св. Духа. Все это не замарало бы нашихъ страницъ, еслибы самый предметъ не навелъ насъ на разговоръ о томъ.

Все это было причиною того, что греки внушили нашимъ ненависть къ себѣ: ихъ заблужденія сдѣлались наконецъ извѣстными даже и мірянамъ. Почему они не считали грековъ христіанами, и убить

грека было ни почемъ; по этой же причинѣ было трудно удержать нашихъ отъ грабежа и хищничества.

Но возвратимся къ нашему королю, который все это время почти ежедневно получалъ новыя посольства отъ императора и жаловался на то, что не возвращаются его послы, не зная ничего, что съ ними дѣлается. Императорскіе же послы приносили каждый день хорошія извѣстія, но не оправдывали ихъ на дѣлѣ; впрочемъ имъ и не вѣрили, ибо всѣ они продолжали говорить самымъ лживымъ языкомъ. Король выслушивалъ отъ нихъ „многолѣтія“ (т.-е. привѣтствія), не придавая имъ никакого значенія. Этимъ словомъ у нихъ выражается то почтеніе, которое они оказываютъ не только королямъ, но и вообще всѣмъ знатнымъ людямъ безразлично; при этомъ они низко склоняютъ голову и все тѣло, или становятся на оба колѣна, или распростираются на землѣ во всю длину роста. По временамъ императрица писала къ нашей королевѣ; вообще, въ то время, всѣ греки какъ бы обратились въ женщинъ, отреклись отъ всякаго мужества и въ языкѣ, и въ сердцѣ. Они обѣщали намъ съ легкомысленными клятвами все, что мы, по ихъ мнѣнію, могли бы пожелать; но они не могли ни намъ внушить довѣрія, ни сами сохранить достоинство. У нихъ господствуетъ общее мнѣніе, что вѣроломство ради выгодъ святой имперіи не унижаетъ никого.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что я несправедливо преслѣдую ненавистныхъ намъ людей, и изъ презрѣнія къ нимъ выдумываю то, чего не видалъ. Кто имѣлъ случай знать грековъ, тотъ скажетъ, что въ минуту страха они унижаются до послѣдней степени, но, взявъ верхъ, дѣлаются заносчивыми и жестоко притѣсняютъ слабѣйшаго. Въ настоящее время они употребили всѣ усилія, чтобы склонить короля отправиться изъ Адріанополя прямо къ проливу св. Георгія Сестскаго, чтобы къ ихъ выгодѣ онъ переправился какъ можно скорѣе за море. Но король не хотѣлъ сдѣлать того первымъ, чего еще никогда не дѣлали французы, сколько то было ему извѣстно. А потому онъ продолжалъ идти впередъ по пути предшествовавшихъ ему нѣмцевъ (т. е. Конрада III), хотя и не съ тѣми приключеніями. Приблизившись къ Константинополю на одинъ день разстоянія, онъ нашелъ своихъ пословъ, вышедшихъ къ нему на встрѣчу; они разсказали ему объ императорѣ все то, что мы выше изложили уже отчасти. Нашлись даже люди, которые совѣтовали королю отступить, овладѣть всею богатою страною, покрытою городами и замками, написать немедленно королю Рожеру, съ тѣмъ, чтобы онъ въ то же время напалъ на императора, и ждать прибытія его флота, съ цѣлью вмѣстѣ осадить Константинополь. Но, къ нашему несчастію и къ несчастью всѣхъ служителей апостола Петра, эти совѣты не были приняты королемъ. Мы двинулись далѣе, и вотъ, когда предъ нами открылся городъ, знатные, богатые, духовенство и весь народъ вышли на встрѣчу къ королю и приняли его съ должными почестями, прося униженно посѣтить императора и, соотвѣтственно его желанію, вступить съ нимъ въ переговоры. Король, сжалясь надъ опасеніями императора и соглашаясь на его просьбу, вошелъ въ городъ, сопровождаемый небольшимъ числомъ своихъ людей, и нашелъ подъ пор-

тикомъ дворца императора (Мануила Комнена), который и принялъ его довольно прилично. Оба государя были почти однихъ лѣтъ и одного роста, отличаясь другъ отъ друга манерами и одеждой. Послѣ объятій и взаимныхъ поцѣлуевъ, они вошли во внутренность дворца и возсѣли оба на заранѣе приготовленныя сѣдалища. Тамъ, окруженные каждый своими людьми, они бесѣдовали другъ съ другомъ чрезъ переводчика. Императоръ спросилъ о здоровьѣ короля и его намѣреніяхъ, пожелалъ ему всего, что дается отъ Бога, а что въ его власти, то обѣщалъ, и дай Господи, чтобы его обѣщанія были столь же искренни, насколько они были лестны для короля! Если бы тѣлодвиженія, доброе выраженіе лица и слова свидѣтельствовали о помыслахъ сердца, то всѣ присутствовавшіе могли бы утверждать, что императоръ горячо полюбилъ короля; но подобные доводы только вѣроятны и никогда не достовѣрны. Послѣ этого пріема они разстались какъ братья; императорскіе вельможи сопровождали короля изъ дворца и до самаго дома, который былъ отведенъ для его помѣщенія.

Книга четвертая.

Константинополь, слава Греціи, городъ, извѣстный своими богатствами, и еще болѣе богатый, нежели о немъ говорятъ, построенъ треугольникомъ, въ видѣ корабельнаго паруса. Въ переднемъ углу видна св. Софія и дворецъ Константина, въ которомъ находится капелла, знаменитая святѣйшими мощами. Съ двухъ сторонъ треугольникъ омывается морскими волнами. Когда мы прибыли въ этотъ городъ, у насъ съ правой стороны былъ рукавъ св. Георгія и какой-то потокъ, впадающій въ этотъ рукавъ и берущій свое начало миляхъ въ четырехъ. Въ той сторонѣ находится дворецъ, называемый Влахерною; находясь на низменномъ мѣстѣ, но отстроенный съ большимъ искусствомъ и съ большими издержками, онъ выведенъ достаточно высоко и доставляетъ своимъ обитателямъ тройное удовольствіе, вслѣдствіе сосѣдства моря, полей и города, которые видны отовсюду вмѣстѣ. Его внѣшняя красота несравненна, а внутренность превосходить все, что я могъ бы сказать. Вездѣ позолота и разнообразіе цвѣтовъ; дворъ превосходно выстланъ мраморомъ, и трудно рѣшить, что увеличиваетъ цѣнность или красоту этого дворца: изумительное ли искусство, употребленное на него, или дорогіе матеріалы, изъ которыхъ онъ отстроенъ. Третья сторона треугольника примыкаетъ къ полямъ, но защищена двойною стѣною и имѣетъ протяженія отъ моря до дворца около двухъ миль. Впрочемъ эта сторона недостаточно укрѣплена и башни невысоки, но жители, какъ я полагаю, разсчитываютъ на свою многочисленность и на спокойствіе, которымъ они пользуются съ давняго времени. Внутри у самыхъ стѣнъ находятся пустопорожнія мѣста, гдѣ работаетъ плугъ и заступъ: они разбиты на огороды, которые доставляютъ городу всякаго рода овощи. Подземные каналы, проведенные извнѣ, доставляютъ въ изобиліи прѣсную воду. Впрочемъ городъ грязенъ и вонючъ и во многихъ его мѣстахъ царствуетъ вѣчный мракъ. Дѣйствительно, богатые занимаютъ своими постройками город-

скія площади, а клоаки и мрачныя улицы предоставлены бѣднымъ и иностранцамъ. Въ этихъ мѣстахъ совершаются убійства, грабежи и всякаго рода преступленія, которыя боятся свѣта. Такъ-какъ въ городѣ живутъ безъ суда, и тамъ столько же воровъ, сколько бѣдныхъ, то ни одинъ злодѣй не чувствуетъ ни страха, ни стыда; преступленіе не наказывается закономъ, и никогда не совершается явно, среди бѣлаго дня. Въ этомъ городѣ во всемъ крайность: онъ превышаетъ другіе города своими богатствами, а также порочностью своихъ жителей.

Въ Константинополѣ находится большое число церквей, менѣе великихъ, но столь же красивыхъ, какъ св. Софія, и которыя, помимо своей красоты, еще болѣе замѣчательны по многочисленнымъ, находящимся въ нихъ, мощамъ святыхъ. Въ церквахъ бываетъ столько народа, какъ только онѣ могутъ вмѣстить: одни приходятъ изъ любопытства, другіе по благочестію. Самъ король, сопровождаемый императоромъ, посѣщалъ св. мѣста, и по возвращеніи, уступая настойчивымъ просьбамъ послѣдняго, отправился къ нему обѣдать. Это празднество, на которое было приглашено множество гостей, было замѣчательно и по своему убранству, и по изысканности яствъ, и по роскоши игръ, которыми удовлетворялся вмѣстѣ и слухъ, и вкусъ, и зрѣніе. Многіе изъ королевскихъ людей боялись за короля; но онъ, считая себя подъ покровительствомъ Бога, полный вѣры и мужества, не испытывалъ никакого безпокойства. Тотъ, кто не имѣетъ намѣренія вредить другимъ, не легко вѣритъ тому, чтобы кто-нибудь могъ ему повредить; и хотя греки не подали никакого въ этомъ случаѣ повода думать о вѣроломствѣ, но все же думаю, что еслибы они имѣли однѣ хорошія мысли, то не были бы уже въ такой степени услужливы. Они только скрывали свое неудовольствіе, чтобы предаться ему послѣ, когда мы переплывемъ чрезъ рукавъ св. Георгія. За то, что они заперли для толпы городскія ворота, нельзя ихъ упрекать, ибо нашлись между нами безумцы, которые сожгли много домовъ и оливковыхъ рощъ, или по недостатку дровъ, или по дерзости, или въ пьяномъ видѣ. Король очень часто приказывалъ рѣзать такимъ уши, руки и ноги; но и этого было недостаточно, чтобы укротить ихъ неистовства. Надобно было одно изъ двухъ: или погубить нѣсколько тысячъ человѣкъ, или терпѣть ихъ различныя злодѣянія.

Все это время наши рынки были хорошо снабжены провизіею и со стороны моря, и у дворца; даже и въ палаткахъ намъ дѣлали весьма выгодныя предложенія. Такъ, мы покупали рубашку меньше чѣмъ за два денарія, а 30 рубашекъ за три солида безъ одной марки; но, отойдя отъ города дня на три пути, мы покупали уже рубашку за 5 и за 6 денаріевъ, а за дюжину платили 3 солида и одну марку.

Между тѣмъ какъ императоръ поджидалъ прибытія шедшихъ изъ Апуліи и переѣхавшихъ море между Брундузіемъ и Дураццо, наступилъ праздникъ блаженнаго Діонисія, и король торжествовалъ его съ достодолжнымъ рвеніемъ. Императоръ былъ предувѣдомленъ о томъ— греки также празднуютъ этотъ день—и отправилъ къ королю избранныхъ изъ своего духовенства, въ большомъ числѣ, снабдивъ каждаго изъ нихъ огромною свѣчею, украшенною золотомъ и разрисованною различными цвѣтами; все это увеличило торжественность церемоніи.

Греческіе духовные отличались отъ нашихъ словами, которыя они произносили, и особеннымъ свойствомъ голоса; ихъ сладкое переливаніе тоновъ было пріятно. Смѣшеніе тоновъ, сліяніе низкихъ звуковъ съ верхними, голоса евнуха съ голосомъ мужскимъ — а между пѣвчими было много евнуховъ—все это очаровывало французовъ. Сверхъ того, ихъ скромныя и приличныя тѣлодвиженія, рукобитіе, наклоненіе тѣломъ чрезвычайно нравились глазамъ. Мы привели это доказательство расположенія императора, чтобы тѣмъ ярче выставить его вѣроломство; онъ показывалъ намъ самое дружеское вниманіе, а въ глубинѣ своего сердца питалъ такія намѣренія, что одна наша всеобщая смерть могла бы его вполнѣ удовлетворить. Безъ сомнѣнія, никто не можетъ знать грека, кто не испыталъ его лично или кто не обладаетъ даромъ провидѣнія.

Епископъ Лангра, не довѣрявшій ихъ чести и презиравшій всю ихъ угодливость, предсказывалъ намъ бѣдствія, которымъ мы подверглись впослѣдствіи, и давалъ совѣтъ овладѣть городомъ. Онъ указывалъ на то, что стѣны ветхи и передняя ихъ часть разваливалась на нашихъ глазахъ; что народъ презрѣненъ и безсиленъ, и что можно безъ особаго труда отвести каналы и лишить жителей прѣсной воды. Этотъ человѣкъ весьма мудрый и святыхъ нравовъ, прибавлялъ, что по взятіи этого города намъ не придется нападать на другіе города, которые сами подчинятся тому, кто владѣетъ столицей. Далѣе онъ замѣтилъ, что такой поступокъ можетъ быть противенъ христіанству не на дѣлѣ, а только по имени, ибо нѣсколько лѣтъ тому назадъ императоръ, вмѣсто того, чтобы помогать христіанамъ, пошелъ на князя Антіохіи.

За этимъ слѣдуетъ довольно длинная рѣчь епископа на ту же тему и споры приверженцевъ мнѣнія епископа и его противниковъ, которые и одержали верхъ, напомнивъ пилигримамъ ихъ обѣтъ воевать съ турками, а не съ греками.

Таковы были споры двухъ партій (т.-е. желавшихъ прямо завоевать Константинополь и требовавшихъ продолженія начатаго похода въ Палестину), и обѣ стороны приводили справедливые доводы. Я думаю, однако, что епископъ одержалъ бы, наконецъ верхъ, еслибы греки, за неимѣніемъ силы, не пустили въ ходъ хитрость. Смотря недовѣрчиво на наше промедленіе, они не смѣли, однако, торопить; но за то они начали сокращать подвозы на рынкахъ и побуждали нашихъ отправиться за море различными слухами, которые они распускали о нѣмцахъ (т.-е. о Конрадѣ III). Сначала они начали разсказывать, что турки собрали многочисленную армію, и что нѣмцы избили у нихъ 14 тысячъ человѣкъ, сами не потерявъ ни одного. Другой день, разсказавъ еще болѣе счастливый случай, они вызывали насъ тѣмъ къ скорѣйшей переправѣ. Они говорили, что нѣмцы прибыли въ Иконій, и что, еще до ихъ прибытія, населеніе этого города разбѣжалось, пораженное ужасомъ; къ этому прибавляли, что нѣмцы торопятся идти далѣе, и что ихъ императоръ писалъ къ греческому императору, прося его принять и защищать завоеванное имъ

безъ всякаго труда. Такія вѣсти волновали армію; поднялся ропотъ на короля: одни завидовали добычамъ нѣмцевъ, другіе—ихъ успѣху. Такимъ образомъ, король, побѣжденный разсказами грековъ и жалобою своихъ, рѣшился переплыть море, не ожидая остальныхъ. Императоръ, желавшій того, доставилъ ему немедленно огромное число кораблей. Но король, переплывъ проливъ св. Георгія, долженъ былъ провести 15 дней въ ожиданіи остальной части своей арміи и еще 15 дней страдать отъ вѣроломства грековъ. Греки, достигнувъ желаемой цѣли, начали обнаруживать свои затаенные помыслы. А безумные поступки нашихъ доставили имъ предлогъ къ оправданію своей злобы. Потому многіе и говорили, что греки причиняютъ намъ зло не изъ ненависти къ намъ, но по чувству мести. Но кто знаетъ одну сторону дѣла, тотъ судитъ только въ половину, и кто изучилъ вопросъ не глубоко, тотъ не произнесетъ правильнаго сужденія. Можетъ быть, что греки и были оскорблены, но вѣрно и то, что они ничѣмъ бы не были умиротворены.

Итакъ, мы переплыли море, а за нами вблизи слѣдовали суда съ съѣстными припасами и мѣнялами. Эти послѣдніе разложили всѣ свои богатства на берегу; ихъ столы блестѣли золотомъ и были украшены серебряными вазами, которыя они скупали у нашихъ. Къ нимъ являлись изъ нашей арміи люди для промѣна того, въ чемъ они нуждались; а вмѣстѣ съ ними подходили и такіе люди, которые увлеклись чужою собственностью. Однажды какой-то фландръ, человѣкъ, достойный батоговъ или костра, видя такія несмѣтныя богатства и ослѣпленный корыстью, поднялъ крикъ: *haro, haro*! и началъ тащить все, что ему нравилось; онъ вызвалъ и другихъ къ такому же преступленію, какъ своею дерзостью, такъ и приманкою дорогой добычи. Между тѣмъ какъ безумцы бросались во всѣ стороны, люди, имѣвшіе деньги, пустились бѣжать. Крики и неистовство увеличивались; столы были опрокинуты; золото разбросано и раскрадено; спасаясь отъ смерти, ограбленные мѣнялы обратились въ бѣгство; корабли приняли къ себѣ бѣглецовъ и, оставивъ берегъ, перевезли ихъ въ городъ вмѣстѣ съ многими изъ нашихъ, отправлявшихся за съѣстными припасами. По высадкѣ ихъ на берегъ, они были прибиты и ограблены; всѣ тѣ, которые оставались въ городѣ, какъ гости, лишились также имущества. Король узналъ о томъ и, пылая гнѣвомъ, потребовалъ къ себѣ виновника, котораго и выдалъ графъ Фландрскій; его повѣсили въ виду города. Послѣ того Людовикъ приказалъ разыскать все утраченное, помиловать тѣхъ, которые возвратятъ вещи, и грозить жесточайшими наказаніями тѣмъ, которые осмѣлятся утаить хотя что-нибудь. А чтобы никто не боялся его присутствія и не краснѣлъ предъ нимъ, король далъ приказаніе относить украденныя вещи епископу Лангрскому. На слѣдующій день призвали всѣхъ, кто бѣжалъ, и возвратили имъ въ цѣлости все, что́ они показали подъ присягой какъ похищенное у нихъ. Многіе требовали болѣе, чѣмъ имъ слѣдовало; но король желалъ лучше самъ заплатить недостающее, нежели подвергать свою армію тревогамъ.

Затѣмъ авторъ описываетъ переговоры Людовика VII съ императоромъ, какъ по послѣднему дѣлу оскорбленія французовъ въ Константинополѣ, такъ

и вообще о возстановленіи рынковъ при арміи; но греки такъ медлили отвѣтомъ, что Лудовикъ VII рѣшился тронуться впередъ, не ожидая отвѣта; и тогда императоръ согласился на личное свиданіе съ королемъ, вслѣдствіе котораго и были возстановлены прежнія сношенія. Въ заключеніе этой книги помѣщено извѣстіе объ окончательномъ пораженіи нѣмцевъ.

Послѣднія три книги (V, VI и VII) содержатъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ Лудовикъ VII, соединившись съ остатками арміи Конрада III, пошелъ далѣе; какъ возникли неудовольствія между французами и нѣмцами, вслѣдствіе чего Конрадъ III вернулся въ Константинополь; и какъ наконецъ Лудовикъ VII прибылъ въ Антіохію, 19 марта 1148 года. На этомъ событіи и останавливается авторъ, не кончивъ своей исторіи крестоваго похода.

Монахъ Одо Діогильскій.

De profectione Ludovici VII regis Francorum in Orientem. — Кн. I — IV.

Монахъ Одо Діогильскій (Odo de Diogilo) родился въ началѣ XII вѣка и умеръ въ 1168 г. Все, что мы можемъ знать о его жизни и общественныхъ отношеніяхъ, онъ разсказываетъ самъ въ Прологѣ (см. выше, на стр. 356) къ своему труду: „О странствованіи Лудовика VII, французскаго короля, на Востокъ". По возвращеніи съ королемъ изъ похода въ Палестину, онъ удерживался въ тѣхъ же близкихъ отношеніяхъ къ Лудовику VII, и по смерти своего покровителя, аббата Сугерія, занялъ его мѣсто въ Сен-Дени. Уступая анониму (см. о немъ ниже, въ примѣч. къ ст. 38), описывавшему тотъ же предметъ, въ точности и строгой послѣдовательности фактическаго изложенія Одо остается единственнымъ писателемъ второго крестоваго похода, который доставилъ намъ столь подробную и живую картину нравовъ какъ самихъ крестоносцевъ той эпохи, такъ и народовъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло на пути. При всей своей ненависти къ византійскимъ грекамъ, авторъ не щадитъ и своихъ соотечественниковъ, какъ то видно и въ приведенномъ выше извлеченіи изъ его труда. — *Изданія*: Одо не вошелъ ни въ одинъ изъ извѣстныхъ сборниковъ, и потому мы имѣемъ только одно старинное его изданіе, которое сдѣлалъ іезуитъ *Chifflet* въ своемъ небольшомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: S. Bernardi Claraevall. abbatis genus illustre assertum. Dijon 1660 г.: оно повторено у *Migne*, Patrologiae cursus completus. Томъ 195-й. — *Переводъ*: франц. у *Guizot*, Collect. XXIV, стр. 279—384.

34.—Второй крестовый походъ, по разсказу очевидца. 1147 — 49.

(Около 1158 г.).

Авторъ, бывшій очевидцемъ и участникомъ второго крестоваго похода, собственно имѣлъ въ виду написать біографію своего императора, Фридриха I Барбаруссы, но онъ посвятилъ всю первую книгу своего труда обзору предшествовавшихъ событій, начиная отъ первыхъ годовъ борьбы Гейнриха IV съ

Гильдебрандомъ и до смерти Конрада III (1152 г.); вслѣдствіе того, въ эту первую книгу вошелъ разсказъ и о второмъ крестовомъ походѣ Конрада III (1147—1149), помѣщенный въ XXXIV главѣ и послѣдующихъ.

XXXIV. *Какъ, властью апостольскаго престола, былъ проповѣданъ заморскій походъ* (т.-е. второй крестовый походъ). Въ то время, когда въ городѣ Римѣ возсѣдалъ Евгеній (III, папа), а царствовалъ Конрадъ (III, императоръ и король германскій), и Лудовикъ (VII, Юный) правилъ въ западной Франціи (т.-е. въ нынѣшней Франціи, въ противоположность восточной Франціи или Франконіи), Мануилъ же (Комненъ) господствовалъ въ царственномъ городѣ (in urba regia, т.-е въ Византіи), и въ Іерусалимѣ Фулько, въ то время Лудовикъ (VII), питая тайное намѣреніе отправиться въ Іерусалимъ, такъ-какъ братъ его Филиппъ далъ уже подобный обѣтъ, но былъ предупрежденъ смертью, и вмѣстѣ не желая долѣе откладывать, созвалъ около себя нѣкоторыхъ изъ князей и открылъ имъ свое намѣреніе. Въ ту пору жилъ въ Галліи нѣкій аббатъ монастыря Клерво (coenobii Claraevallensis), по имени Бернардъ, уважаемый за свою жизнь и нравы, строгій къ правиламъ религіи, одаренный мудростью и книжными познаніями, славный знаменіями и чудесами. Князья положили вызвать его къ себѣ и посовѣтоваться съ нимъ, какъ съ божественнымъ оракуломъ, какимъ образомъ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ. Вышепоименованный аббатъ призывается, и его просятъ дать совѣтъ, какъ исполнить волю короля. Считая непозволительнымъ дать собственною властью отвѣтъ по поводу столь важнаго дѣла, Бернардъ говорилъ, что было бы лучше всего представить то на усмотрѣніе и рѣшеніе римскаго первосвященника. Итакъ, отправивъ посольство къ Евгенію, они передали ему все дѣло. Евгеній, принявъ въ соображеніе примѣръ своихъ предшественниковъ и видя, что Урбанъ въ подобномъ же случаѣ воспринялъ въ единеніе мира заморскую церковь и два патріаршихъ престола, а именно—Антіохійскій и Іерусалимскій, отложившихся отъ повиновенія римскому престолу, одобрилъ, какъ слѣдуетъ, данный Лудовикомъ обѣтъ на распространеніе христіанской религіи, а власть проповѣдовать и возбуждать къ тому же умы всѣхъ препоручилъ Бернарду, который у всѣхъ народовъ Галліи и Германіи считался пророкомъ и апостоломъ. Вслѣдствіе того было слѣдующее посланіе къ королю и его князьямъ.

XXXV. *Посланіе папы Евгенія по поводу предыдущаго.* „*Евгеній* епископъ, рабъ рабовъ божіихъ, возлюбленному сыну Лудовику (VII), знаменитому королю франковъ, и возлюбленнымъ сынамъ нашимъ князьямъ, и всѣмъ въ Богѣ вѣрнымъ, живущимъ въ Галліи, привѣтъ и апостольское благословеніе!

„Сколько потрудились наши предшественники, римскіе первосвятители, на освобожденіе восточной церкви, о томъ мы читаемъ въ разсказахъ прежнихъ людей и находимъ записаннымъ въ дѣяніяхъ ихъ. Нашъ предшественникъ, блаженной памяти папа Урбанъ (II), возгласилъ подобно трубѣ и воззвалъ къ освобожденію ея сыновъ римской церкви со всѣхъ концовъ міра. На его голосъ сошлись загорные обитатели и особенно ревностные и мужественные воители изъ королев-

ства франковъ, также изъ Италіи, воспламененные жаромъ благодати; собравъ громадное войско, не безъ пролитія собственной крови, но вспомоществуемые божескою силою, они очистили отъ языческой мерзости тотъ городъ, въ которомъ Спаситель нашъ благоволилъ пострадать за насъ и оставилъ намъ въ воспоминаніе своихъ страстей преславный Гробъ а вмѣстѣ съ тѣмъ освободили и многіе другіе города, которыхъ не перечисляемъ, во избѣжаніе подробностей. Божескимъ милосердіемъ и трудами вашихъ отцовъ, которые продолжали защищать эти города и по мѣрѣ силъ заботились о распространеніи христіанскаго имени въ тѣхъ странахъ, не только сохранились до нашего времени всѣ тѣ завоеванія, но и были мужественно пріобрѣтены другіе города невѣрныхъ. Теперь же по грѣхамъ народа—нельзя того и вымолвить безъ горя и стенаній — Эдесса, называемая на нашемъ языкѣ Rohais, которая, какъ говорятъ, даже и во время господства язычниковъ на Востокѣ, одна принадлежала христіанамъ и служила Господу, взята врагами креста Христова вмѣстѣ со многими христіанскими укрѣпленіями; архіепископъ же города вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ и другими христіанами умерщвленъ, а святыя мощи преданы на поруганіе невѣрнымъ и разбросаны. Какою опасностью угрожаетъ такое событіе и церкви господней, и всему христіанству, мы знаемъ хорошо сами и не думаемъ, чтобы то ускользнуло отъ вашей мудрости. Вы докажете ясно свое великодушіе и доблесть, если какъ сыны защитите то, что мужественно пріобрѣтено отцами. Въ противномъ же случаѣ, и чего Боже избави, храбрость отцовъ оскудѣетъ въ ихъ сынахъ. Потому просимъ именемъ Бога, убѣждаемъ и требуемъ отъ вашего собранія (universitatem vestram), обѣщая отпущеніе грѣховъ, чтобы вѣрующіе въ Бога и всѣ благородные и самые знатные препоясались мечемъ и, выступя на встрѣчу толпищамъ невѣрныхъ, торжествующихъ въ это время побѣду надъ нами, защитили восточную церковь, освобожденную, какъ мы сказали выше, пролитіемъ крови вашихъ отцовъ, и вырвали бы изъ ихъ рукъ многія тысячи плѣнныхъ братьевъ, да возвеличится вами имя Христово и да сохранится неприкосновенною и незапятнанною ваша доблесть, превозносимая во вселенной. Да послужитъ вамъ примѣромъ тотъ доблестный Матаѳія, который, для спасенія отеческихъ законовъ, жертвовалъ своею жизнью вмѣстѣ съ дѣтьми и родственниками, и не задумался отречься отъ всего, чѣмъ владѣлъ въ мірѣ; послѣ многихъ трудовъ, наконецъ, съ божіею помощью онъ и его семья восторжествовали доблестно надъ врагами. Мы же въ своихъ отеческихъ заботахъ о вашемъ спокойствіи и безопасности церкви, всѣмъ тѣмъ, которые рѣшатся предпринять и исполнить благочестивый обѣтъ на дѣло столь святое и необходимое, даемъ властью, полученною отъ Бога, такое же отпущеніе грѣховъ, какое установилъ нашъ предшественникъ папа Урбанъ; женъ же ихъ, дѣтей, имущество и владѣнія повелѣваемъ объявить подъ покровительствомъ святой церкви и подъ нашею защитою, равно какъ и подъ защитою архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ божіей церкви. Даже запрещаемъ апостольскою властью безпокоить владѣнія тѣхъ, которые приняли крестъ, и дѣлать имъ процессы, прежде нежели будетъ достовѣрно извѣстно, что они возвратились

или умерли. Сверхъ того, такъ-какъ воины господни не должны заниматься ни богатствомъ одѣяній, ни внѣшними украшеніями, ни псами, ни соколами, ни чѣмъ другимъ, что содѣйствуетъ праздности, то именемъ Бога обращаюсь къ мудрости тѣхъ, которые взялись за такое святое дѣло, и прошу не помышлять ни о чемъ подобномъ, и употребить всѣ заботы и усилія на пріобрѣтеніе оружія, лошадей и прочаго необходимаго для борьбы съ невѣрными. Тѣ же, которые обременены долгами и имѣютъ намѣреніе отъ чистаго сердца предпринять святое странствованіе, освобождаются въ прошедшемъ отъ всякой лихвы; и если они сами или другіе за нихъ связали себя клятвою или словомъ, то мы разрѣшаемъ ихъ отъ всего нашею апостольскою властью. Имъ же дозволяется отдавать въ залогъ свободно и безъ всякаго спора церквамъ или духовнымъ лицамъ и всѣмъ другимъ вѣрующимъ земли или другія владѣнія, если ихъ родственники или владѣтели, къ феоду которыхъ они принадлежатъ, не могли или не хотѣли одолжить денегъ. Мы же, по примѣру своего предшественника и властью всемогущаго Бога и князя апостоловъ блаженнаго Петра, врученною намъ Господомъ, даемъ полное отпущеніе и освобожденіе отъ грѣховъ, такъ что всякій, кто благочестиво предпринимаетъ и совершитъ святое странствованіе, или во время его умретъ, получитъ разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ, въ которыхъ покается съ сокрушеннымъ и уничиженнымъ сердцемъ и вмѣстѣ вкуситъ плодъ вѣчнаго воздаянія.

„Дано въ Ветраллѣ, въ декабрскія Календы (1 дек. 1146 г.)“.

XXXVI. *Какъ, вслѣдствіе проповѣди Бернарда, аббата Клерво, король Франціи вмѣстѣ съ своими князьями принялъ крестъ.* Такимъ образомъ, чтобы возвратиться къ порядку разсказа, скажемъ, что Бернардъ, преподобный аббатъ, пользуясь дарованною ему властью отъ апостольскаго престола, препоясался мужественно мечемъ слова божія, возбуждая умы многихъ къ заморскому походу; между тѣмъ назначается сеймъ (curia generalis) въ Верзелакѣ (н. Везеле), городѣ Галліи, куда были приглашены всѣ вельможи и знатнѣйшіе люди изъ различныхъ провинцій Галліи. На этомъ сеймѣ Лудовикъ, король франковъ, принявъ съ большою готовностью крестъ отъ вышеупомянутаго аббата, далъ обѣтъ на заморское плаваніе вмѣстѣ съ Теодерикомъ Фландрскимъ и Генрихомъ, сыномъ Теобальда Блоа, равно и другими графами, баронами и именитыми мужами своего государства.

XXXVII. *Какимъ образомъ, по слову нѣкоего Рудольфа, большая часть восточной Франціи дала такой же обѣтъ и о преслѣдованіи іудеевъ.* Между тѣмъ монахъ Рудольфъ, человѣкъ набожный и строгій въ правилахъ религіи, но недовольно проникнутый книжными познаніями, вступилъ въ тѣ части Галліи, которыя касаются Рейна, и началъ побуждать къ принятію креста тысячи людей, живущихъ въ Кельнѣ, Майнцѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ, Страсбургѣ и въ другихъ сосѣднихъ странахъ, городахъ и селахъ. Но онъ присоединилъ къ своей проповѣди недобрую мысль о необходимости избіенія іудеевъ, жившихъ разсѣянно по тѣмъ странамъ и городамъ, какъ враговъ христіанской религіи. Сѣмя его ученія пустило такіе корни во многихъ

городахъ Галліи и Германіи, что, по избіеніи множества іудеевъ во время такого бурнаго возстанія, спасшіеся изъ нихъ бѣжали подъ сѣнь короля Германіи (principis Romanorum), ища тамъ своей безопасности. Вслѣдствіе того весьма многіе изъ нихъ, успѣвъ уйти отъ такой безчеловѣчной смерти, удалились для сохраненія жизни въ имперскій городъ (in oppido principis) Норикъ, называемый также Нюренбергомъ, и въ другія подвластныя ему мѣста.

XXXVIII. *Посланіе аббата Клерво по поводу этого дѣла.* Но вышеупомянутый аббатъ Клерво, предостерегая отъ такого ученія, отправилъ вѣстниковъ и письма къ народамъ Галліи и Германіи: въ нихъ, ссылаясь многократно на авторитетъ св. Писанія, онъ доказалъ, что іудеевъ слѣдуетъ за ихъ злодѣяніе не убивать, но только разсѣять. Онъ привелъ даже и слова Псалмопѣвца, гласящаго: „Богъ поставилъ меня надъ врагами моими, да не убьешь ихъ". И еще: „Въ доблести твоей разсѣй ихъ".

XXXIX. *Какимъ образомъ тотъ же аббатъ убѣдилъ короля Конрада (III) и многихъ князей принять крестъ, и о смерти герцога Фридриха.* Склонивъ многихъ въ западной Галліи предпринять заморскій походъ, Бернардъ вознамѣрился идти въ королевство восточныхъ франковъ (т.-е. во Франконію) для возбужденія ихъ проповѣдью; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ расположить короля Германіи (principis Romanorum) къ принятію креста силою своихъ убѣжденій и успокоить страну, гдѣ Рудольфъ по поводу іудеевъ произвелъ въ городахъ возстаніе противъ владѣтелей. Услышавъ о томъ, король (Конрадъ III) созвалъ сеймъ въ день Рождества Христова, въ городѣ Шпейерѣ. Прибывъ туда, аббатъ склонилъ къ принятію креста короля вмѣстѣ съ Фридрихомъ (Барбаруссою), сыномъ его брата, другими князьями и именитыми людьми, дѣлая притомъ явно или скрытно многія чудеса. Явившись въ Майнцъ, Бернардъ нашелъ Рудольфа пользующимся большимъ расположеніемъ народа. Встрѣтившись съ нимъ и убѣдивъ его не продолжать проповѣдь, которую онъ принялъ на себя своею властью, странствуя по міру, въ противность монашескому уставу, Бернардъ довелъ его до того, что онъ, давъ ему обѣтъ повиновенія, удалился въ свой монастырь: народъ пришелъ въ негодованіе, и еслибы не уваженіе къ его святости, то возстаніе было бы неизбѣжно. Между тѣмъ преславный герцогъ Фридрихъ, оставаясь въ Галліи, гдѣ его задержала болѣзнь, питалъ тайное неудовольствіе противъ государя, брата своего короля Конрада, за то, что онъ позволилъ принять крестъ его сыну Фридриху (Барбаруссѣ), котораго онъ сдѣлалъ, какъ перворожденнаго и единственнаго сына отъ перваго брака, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ отъ второй жены, наслѣдникомъ всѣхъ своихъ земель. Аббатъ Клерво навѣстилъ его и, давъ свое благословеніе, помянулъ его въ своихъ молитвахъ. Но, не перенеся болѣзни, онъ умеръ нѣсколько дней спустя, и былъ погребенъ въ монастырѣ св. Вальпургисъ, лежащемъ въ предѣлахъ Эльзаса. Въ управленіи же герцогствомъ ему наслѣдовалъ его сынъ Фридрихъ (Барбарусса).

XL. *О томъ, какъ многіе изъ князей и безчисленное множество народа приняло крестъ въ Регенсбургѣ и какъ саксонцы дали обѣтъ*

идти на другихъ язычниковъ. Послѣ того король вступилъ въ Баварію и тамъ созвалъ сеймъ въ мѣсяцѣ февралѣ, ведя за собою, вмѣсто аббата Клерво, аббата Адама Іоркскаго, человѣка благочестиваго и достаточно ученаго. Отслуживъ по обычаю торжественную обѣдню и призвавъ благодать св. Духа, Адамъ взошелъ на амвонъ и прочелъ посланіе папы и аббата Клерво; присоединивъ къ этому краткое увѣщаніе, онъ склонилъ почти всѣхъ присутствующихъ дать обѣтъ къ предпринятію вышеупомянутаго похода. Онъ не имѣлъ недостатка ни въ убѣдительной рѣчи человѣческой мудрости, ни въ вкрадчивыхъ и тонкихъ оборотахъ по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства, но всѣ присутствующіе были возбуждены уже молвою и по собственному побужденію принимали крестъ. Въ тотъ часъ крестъ былъ принятъ тремя епископами, а именно: Гейнрихомъ Регенсбургскимъ, *Отто Фрейзингенскимъ* (нашъ авторъ), Регинбертомъ Падуанскимъ и герцогомъ Норическимъ (Швабскимъ) Гейнрихомъ, братомъ короля, съ безчисленнымъ множествомъ графовъ и другихъ знатныхъ именитыхъ людей. Удивительно сказать, но даже большое число воровъ и разбойниковъ явилось туда же съ обѣтомъ, такъ-что всякій здравомыслящій человѣкъ не могъ не признать въ такой внезапной и необыкновенной ихъ перемѣнѣ дѣйствія перста божія, и, признавъ то, не могъ не остаться пораженнымъ. Также Вельфъ, братъ герцога Гейнриха Перваго, принадлежавшій къ числу знатнѣйшихъ вельможъ государства, далъ вмѣстѣ со многими другими такой же обѣтъ въ самую ночь на Рождество Христово, въ собственной виллѣ Битенгу. Герцогъ Богемскій Лабеслаусъ (Владиславъ) и маркграфъ Штирійскій Одоакръ, также и Бернардъ, знаменитый графъ Каринтіи, приняли на себя кресты немного спустя послѣ того, вмѣстѣ съ многочисленными своими дружинами. Саксонцы же, такъ-какъ они имѣли своими сосѣдями народы, преданные мерзости идолопоклонства, отказались идти на Востокъ и приняли крестъ съ намѣреніемъ нанести войну тѣмъ народамъ (т.-е. пруссамъ); они отличались отъ нашихъ тѣмъ, что не нашивали крестовъ просто на платье, но носили его сверху на плащѣ (rota).

XLI. Вотъ копія съ посланія аббата Клерво, отправленнаго въ королевство восточныхъ франковъ (т.-е. во Франконію):

«Владыкамъ и возлюбленнымъ отцамъ, архіепископамъ, всему духовенству и народу восточной Франціи и Баваріи, *Бернардъ*, именуемый аббатомъ Клерво, желаетъ обилія даровъ св. Духа!

„Рѣчь моя къ вамъ о дѣлѣ Христа, въ комъ ваше спасеніе; если уваженіе къ Богу не извиняетъ предъ вами ничтожества говорящаго лица, то обратите свое вниманіе на него ради собственной пользы. Я малъ, но не мало люблю васъ о Христѣ Іисусѣ. Я имѣю такую необходимость писать къ вамъ и такую причину, что осмѣлился обратиться съ посланіемъ ко всему вашему собранію. Я охотно побесѣдовалъ бы съ вами, еслибы имѣлъ столько же на то возможности, сколько воли. Братія! настаетъ важное время, приближается день спасенія, обильнаго спасенія. Поколебалась и потряслась земля, ибо Богу небесному предстоитъ утратить свою землю (т. е. Палестину); ту землю, на которой онъ былъ видимъ и жилъ болѣе 30 лѣтъ, какъ

человѣкъ съ человѣками; ту землю, которую онъ прославилъ чудесами, освятилъ своею кровью, и на которой явился цвѣтъ перваго воскрешенія изъ мертвыхъ. И нынѣ, за наши грѣхи, враги креста подняли нечестивое чело, опустошая мечемъ благословенную страну, страну обѣтованія. Еслибы не было защитниковъ, то они вторглись бы и въ самый городъ Бога живаго, чтобы разрушить орудіе нашего спасенія и осквернить святыя мѣста, обагренныя кровью пречистаго агнца. О горе! они надсмѣхаются надъ святынею христіанской религіи и стремятся вторгнуться и замарать тотъ одръ, на которомъ за насъ наша жизнь опочила сномъ смерти. Какъ вы поступите, отважные мужи? какъ поступите вы, служители креста? Отдадите ли псамъ святыню, и бисеръ свиньямъ? Сколько грѣшниковъ снискали тамъ слезнымъ покаяніемъ отпущеніе грѣховъ, послѣ того какъ языческая мерзость была вычищена мечемъ вашихъ отцовъ! Видитъ это духъ злобы и завидуетъ, скрежещетъ зубами и блѣднѣетъ. Онъ держитъ надъ нами сосудъ своей неправды, чтобы не осталось и слѣда благочестія, и старается, чего Боже избави, достигнуть того. Но это было бы для всѣхъ вѣковъ безутѣшнымъ горемъ, какъ невознаградимое зло, но, въ особенности, оно послужило бы вѣчнымъ упрекомъ и безконечнымъ сожалѣніемъ для нашего презрѣннаго вѣка. Что же, однако, подумать, братія? Уже не умалилась ли десница божія, или сдѣлалась безсильною, если она для сохраненія и возстановленія своего наслѣдія обращается къ столь презрѣннымъ червямъ? Развѣ онъ не можетъ послать болѣе 12 легіоновъ ангеловъ, и сказать только слово, и земля будетъ освобождена? Безъ сомнѣнія, у него есть сила, если онъ чего пожелаетъ; но, говорю вамъ, Господь Богъ вашъ испытываетъ васъ. Онъ взираетъ на своихъ сыновъ, не пойметъ ли его кто-нибудь, и ищетъ такого и соболѣзнуетъ вмѣстѣ съ нимъ. Ибо онъ сострадаетъ къ своему народу и падшимъ подаетъ средство къ спасенію. Подумайте о всемъ, что онъ дѣлаетъ для избавленія васъ отъ грѣховъ, и вы будете поражены. Взгляните на бездну благодати и успокойте грѣшниковъ. Онъ желаетъ не вашей смерти, но чтобы вы обратились и здравствовали; онъ старается не противъ васъ, а въ вашу пользу", и такъ далѣе.

Такимъ и подобнымъ образомъ, по правилу и наукѣ ораторскаго искусства, распространялся Бернардъ; что іудеи не должны быть убиваемы, онъ подтвердилъ то на основаніи разума и Писаній; кромѣ того, онъ говорилъ далѣе: „Мнѣ слѣдовало бы назвать васъ счастливымъ поколѣніемъ, которое живетъ въ эпоху столь богатую индульгенціями, настоящій годъ юбилея (т. е. первый годъ столѣтія, въ который давалось всѣмъ отпущеніе грѣховъ), когда такъ легко умилостивить Господа! Ибо нынѣ благословеніе распространяется на всѣхъ, и всѣ стремятся къ знаменію жизни. Такъ-какъ ваша земля богата мужественными людьми и родитъ доблестное юношество, слава же ваша и молва о вашей храбрости исполняетъ вселенную, то препояшьтесь мечемъ и схватитесь за оружіе"... [1]).

[1]) Этими словами авторъ вторично прерываетъ выписку изъ посланія Бернарда и болѣе къ нему не возвращается. Но это посланіе сохранилось въ цѣлости до са-

XLII. *Какимъ образомъ вслѣдствіе того настал внезапно удивительный миръ.* Когда вслѣдствіе того молва о походѣ возбудила безчисленные народы и племена не только въ римской имперіи (т. е. въ Германіи и Италіи), но даже въ западной Франціи, Англіи и Паннонiи, почти весь Западъ умолкъ до того, что не только нигдѣ не было войнъ, но даже считалось непозволительнымъ носить оружіе публично.

XLIII. *Какимъ образомъ король Конрадъ сдѣлалъ своего сына Гейнриха соправителемъ и приказалъ короновать его, и о сынѣ герцога Гейнриха.* Между тѣмъ король римлянъ Конрадъ сдѣлалъ торжественное собраніе князей въ городѣ восточной Франціи Франкфуртѣ, что можетъ быть переведено на латинскій языкъ: Vadum Francorum (т.-е. бродъ франковъ), ибо Карлъ (Великій), отправляясь съ франками для завоеванія саксовъ, нашелъ, говорятъ, тамъ бродъ чрезъ рѣку Майнъ, который при Майнцѣ впадаетъ въ Рейнъ. Тамъ, по избранію князей, сынъ его Гейнрихъ, еще ребенокъ, былъ поставленъ королемъ, и Конрадъ, приказавъ короновать его въ Ахенѣ въ половинѣ поста, сдѣлалъ Гейнриха своимъ соправителемъ. Въ этомъ же собраніи находился Гейнрихъ, сынъ того Гейнриха герцога Норики, о которомъ

маго конца и помѣщено нынѣ въ собраніи писемъ Бернарда; оно служитъ лучшимъ образчикомъ краснорѣчія проповѣдниковъ крестовыхъ походовъ, а потому мы дополнимъ то, чтó составляетъ пробѣлъ у нашего автора:

„Да будетъ ваше воинство, продолжалъ св. Бернардъ, всегда на-готовѣ: но бросьте эту злобу, которая побуждаетъ васъ обыкновенно биться другъ съ другомъ и губить взаимно. Какое кровожадное неистовство гонитъ васъ къ тому, чтобы произать мечемъ тѣло своего ближняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, и губить его душу? Тутъ нечѣмъ гордиться и побѣдителю. Всякій разъ, когда онъ торжествуетъ надъ павшимъ врагомъ, его собственная душа бываетъ поражена тѣмъ же мечемъ который доставилъ ему побѣду. Безуміе, а не мужество побуждаетъ предаваться такой борьбѣ; это доказательство сумасбродства, а не отваги. Храбрые и доблестные воины, вамъ представляется теперь случай къ войнѣ, въ которой вы можете выиграть все и ничего не бояться: ибо, торжествуя, вы покрываетесь дѣйствительною славой, а павъ, пріобрѣтаете дѣйствительное благо. И вы, поглощенные заботой о пріобрѣтеніи земныхъ сокровищъ, бойтесь упустить изъ рукъ предлагаемое вамъ нынѣ сокровище, возьмите крестъ, и вы получите прощеніе грѣхамъ своимъ, исповѣданнымъ съ сердцемъ сокрушеннымъ. Самъ по себѣ этотъ крестъ не важенъ, но если вы понесете его съ благоговѣніемъ, то чрезъ него достигнете царствія небеснаго. Взявшіе уже крестъ поступили хорошо, и тѣ, которые возьмутъ его, поступятъ не хуже. Но берегитесь дѣйствовать при этомъ опрометчиво: изберите себѣ предводителей воинственныхъ и искусныхъ; распорядитесь такъ, чтобы господня армія тронулась вмѣстѣ, чтобы имѣть всегда одинаковую силу и возможность сопротивляться нападенію. Въ первомъ походѣ, еще до взятія Іерусалима, нѣкто по имени Петръ (т. е. Пустынникъ), о которомъ вы, безъ сомнѣнія, слыхали, велъ одинъ тѣхъ, которые собрались около него, и подвергся такимъ опасностямъ, что немногіе спаслись; одни погибли отъ голода, другіе отъ меча. Надобно опасаться, чтобы и съ вами не случилось чего-нибудь подобнаго, если вы поступите такъ же. Да избавитъ васъ отъ того Богъ, имя котораго да будетъ благословенно во вѣки вѣковъ. Аминь!“

мы говорили выше; достигнувъ совершеннолѣтія, онъ требовалъ себѣ по праву наслѣдства власти надъ герцогствомъ Норикою, которое, по его увѣренію, было несправедливо присуждено его отцу. Пользуясь его благоразуміемъ, король склонилъ его спокойно ожидать рѣшенія этого дѣла до его возвращенія изъ Палестины.

XLIV. Когда исчезла суровость зимы и благодатная весна вызвала изъ земли цвѣты и мураву, а зазеленѣвшіе луга, покрывъ собою ликъ земли, улыбнулись солнцу, король Конрадъ, выйдя съ своими изъ Нюренберга, съ тѣмъ, чтобы спуститься по Дунаю, прибылъ на судахъ въ Регенсбургъ, и въ день Вознесенія господня, расположившись лагеремъ въ Восточной Маркѣ близъ крѣпости, называемой Ардахеръ, два-три дня поджидалъ своихъ, которые мало-по-малу собирались около него. Оттуда направясь къ послѣднимъ предѣламъ своего государства, онъ расположился на отдыхъ близъ рѣки Вискаге; отпраздновавъ тамъ день Пятидесятницы, онъ перешелъ со всѣмъ своимъ войскомъ рѣку Литаге и раскинулъ палатки въ Панноніи; одна часть его арміи плыла по Дунаю, другая же шла берегомъ. За Конрадомъ слѣдовало такое множество людей, что едва хватало рѣки для плаванія и береговъ для марша; немного спустя, къ нему присоединился Лудовикъ (VII, Юный), король франковъ, ведя за собою изъ числа нашихъ людей лотаринговъ, которыхъ князьями или старѣйшинами были Стефанъ изъ Метца и Генрихъ изъ Тула, оба епископы, Регинальдъ Мунцунскій и Гуго Вермандоа, оба графы; изъ Италіи шли Амедей Туринскій и братъ его Вильгельмъ маркграфъ Монте-Феррато, дяди короля и многіе другіе. Но всѣмъ извѣстно, какой конецъ имѣлъ по нашимъ грѣхамъ этотъ походъ; я же, принявъ на себя писать не трагедію, но пріятную исторію, долженъ другимъ предоставить разсказъ о томъ....

Въ слѣдующей главѣ XLV авторъ, оставаясь вѣрнымъ своей цѣли, говоритъ эпизодически только объ одномъ несчастномъ случаѣ наводненія, постигшемъ крестоносцевъ на дорогѣ въ Палестину, и затѣмъ дѣлаетъ большое отступленіе (XLVI—LVII) чисто богословскаго характера по поводу борьбы св. Бернарда съ еретиками въ Галліи, а именно: съ Гильбертомъ Поату, Петромъ Абелардомъ и др.; только въ LVIII и въ LIX глав. онъ еще разъ возвращается къ крестовому походу, но говоритъ весьма коротко, упоминаетъ объ осадѣ Дамаска, предоставляя снова другимъ описывать это событіе, потому что оно было печально; за то вся LX глава посвящена авторомъ на чрезвычайно характеристическое разсужденіе, съ цѣлью оправдать второй крестовый походъ; эта глава служитъ хорошимъ образчикомъ тѣхъ утонченностей схоластики, которымъ предавались ученые средневѣковой школы:

XL. *Какъ оправдать исходъ этого похода* (т.-е. второго крестоваго похода). Такъ-какъ нѣкоторые изъ малодушной церковной братіи, изумляясь, дивятся и, дивяся, изумляются, по поводу подъятыхъ нами трудовъ въ томъ походѣ, вслѣдствіе того, что наше предпріятіе имѣло такое доброе начало и такой унизительный и худой конецъ, то, мнѣ кажется, имъ можно отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Ничто не можетъ быть названо добрымъ, кромѣ того, что изъ себя, а не извнѣ

имѣетъ начало, дѣйствительно существуетъ и по истинѣ называется благимъ, какъ то сказано въ Писаніи: „Никто не благъ, токмо единъ Богъ“. Все же прочее называется добрымъ только отъ Него, не по своей сущности, но по его благости. Если же что-нибудь въ естествѣ называется добрымъ, то это дѣлается или безусловно, или условно (simpliciter, aut secundum quid). Если дѣлается безусловно, въ такомъ случаѣ и называется даромъ природы, пожалованнымъ благодатью, какъ о томъ сказано въ Писаніи: „Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй...“ По правилу Аристотеля (juxta logicorum regulum), методъ отъ родового понятія ведетъ къ анализу (ad destruendum), а отъ видового къ синтезу (ad construendum). А потому, если я что-нибудь называю добромъ безусловно, то при этомъ я разумѣю его сущность, и то же самое отношу къ ея видамъ; если же я считаю что-нибудь хорошимъ только условно, то въ такомъ случаѣ я имѣю въ виду болѣе полезность этой вещи, нежели его сущность. Такое опредѣленіе примѣняется ко многимъ вещамъ: такъ, мы называемъ лошадь хорошею по мѣрѣ ея годности къ запряжкѣ, одежду— по пользѣ укрыванія ею, пищу — по мѣрѣ ея питательности. Вслѣдствіе того же, то, что хорошо для одного вида, худо въ другомъ; напримѣръ, бѣлена (jusquiamus) питаетъ воробья и умерщвляетъ человѣка. Даже одна и та же вещь бываетъ хороша и нехороша для одного и того же вида, смотря по обстоятельствамъ; напримѣръ, мы говоримъ: „Вода хороша тому, кто чувствуетъ лихорадочный жаръ; вино съ водою хорошо тому, кто, по словамъ апостола, слабъ желудкомъ“; но это не значитъ, что то, чтó хорошо одному человѣку и въ данномъ случаѣ, хорошо по своей сущности и для всякаго человѣка безразлично. Точно также изъ того, что у эѳіопа бѣлые зубы, не слѣдуетъ, что онъ весь бѣлъ, ни наоборотъ, что у него зубы черны, потому что онъ самъ весь черенъ. Это же самое усматривается и изъ священнаго Писанія: когда мы говоримъ, что не добро было іудеямъ или Іудѣ предать Христа и распять, въ то же время мы знаемъ, что это было благомъ для насъ всѣхъ. Итакъ, въ человѣческой философіи бѣлые зубы не мѣшаютъ эѳіопу быть чернымъ, а въ Писаніи злоба іудеевъ не препятствуетъ страстямъ Христа быть спасительными для насъ. Примѣняясь (a simili), мы можемъ сказать то же самое и о вышеупомянутомъ нашемъ походѣ: если его нельзя назвать хорошимъ по концу или съ точки зрѣнія матеріальныхъ удобствъ, то онъ былъ хорошъ для спасенія многихъ душъ; но при этомъ мы судимъ о дѣлѣ не по его сущности, но по пользѣ, которую оно принесло... Хотя мы говоримъ, что тотъ святой аббатъ (т.-е. Бернардъ) былъ вдохновленъ духомъ божіимъ для возбужденія насъ, но мы за свою гордыню, распущенность нравовъ и пренебреженіе спасительными заповѣдями заслуженно потерпѣли и имуществомъ, и лично, чтò согласно и съ разумомъ, и съ примѣрами древнихъ. Но какимъ образомъ тотъ доблестный мужъ самъ выразилъ свое оправданіе въ книгѣ, написанной имъ по сему случаю для папы Евгенія и озаглавленной *De consideratione*, любознательный читатель можетъ то найти самъ въ упомянутомъ сочиненіи.

Въ трехъ послѣднихъ главахъ своей первой книги (LXI—LXIII) авторъ приводитъ письмо папы Евгенія къ Конраду III, гдѣ онъ его утѣшаетъ въ неудачѣ похода въ Палестину, совѣтуя переносить все съ смиреніемъ, и потомъ говоритъ коротко о послѣднихъ событіяхъ правленія Конрада III и о его смерти; во второй и послѣдней книгѣ авторъ приступаетъ къ главному своему предмету, а именно, къ жизнеописанію Фридриха I Барбаруссы, которое онъ доводитъ только до 1156 года; современникъ его и другъ Радевикъ продолжилъ этотъ трудъ до 1160, помѣстивъ въ одной изъ главъ біографію и нашего автора (см. ниже, въ ст. 35), а другой анонимный писатель довелъ жизне описаніе Фридриха I до 1170 года.

Еп. Оттонъ Фрейзингенскій.

De gestis Friderici ad 1156 a.—Кн. I, 34—60.

Оттонъ Фрейзингенскій (Otto Frisingensis episcopus) епископъ былъ весьма знатнаго происхожденія и находился въ близкомъ родствѣ съ германскими императорами. Агнеса, дочь императора Гейнриха IV, отъ перваго брака съ Фридрихомъ Швабскимъ, родоначальникомъ Гогенштауфеновъ, имѣла сына Конрада III, короля Германскаго, и Фридриха, наслѣдовавшаго отцу въ Швабіи (отъ послѣдняго родился Фридрихъ I Барбаруссa, преемникъ Конрада III); а отъ второго брака съ Леопольдомъ, герцогомъ австрійскимъ, Агнеса родила нашего автора, Оттона, который такимъ образомъ былъ по матери братомъ Конрада III и дядею Фридриха I Барбаруссы. Оттонъ получилъ воспитаніе въ парижскихъ школахъ, гдѣ онъ изучилъ философію того времени, богословіе и діалектику; поступивъ въ духовное званіе, онъ былъ сначала аббатомъ Моримунда, а съ 1138 г. сдѣлался епископомъ г. Фрейзингена (въ Баваріи, на СВ. отъ Мюнхена; въ 1857 г. ему воздвигли статую на площади Фрейзингена), принималъ участіе во второмъ крестовомъ походѣ и умеръ по возвращеніи изъ Палестины въ 1158 году. Но подробности его жизни мало извѣстны, и мы должны ограничиваться только тѣмъ, что сообщилъ намъ его современникъ и продолжатель его трудовъ Радевикъ (см. ниже, въ ст. 35). Изъ историческихъ сочиненій Оттона Фрейзингенскаго до насъ дошли: 1) *Хроника отъ сотворенія міра до своего времени*, остановившаяся на 1146 году, въ 7 книгахъ, изъ которыхъ одна послѣдняя касается современныхъ автору событій; къ нимъ присоединена еще восьмая книга мистическаго содержанія объ антихристѣ, свѣтопреставленіи и т. п. 2) *О дѣяніяхъ Фридриха I Барбаруссы* (De gestis Friderici) въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ первая составляетъ введеніе, и дѣлаетъ обзоръ событій исторіи Германіи отъ начала борьбы Гейнриха IV съ Гильдебрандомъ и до смерти Конрада III (отъ 1070-хъ годовъ до 1152 г.); а во второй излагаются первые четыре года правленія Фридриха Барбаруссы, до 1156 года. *Хроника* Оттона Фр. была продолжена Оттономъ Санъ-Блазійскимъ аббатомъ, отъ 1146 г. до 1209 г., а *Жизнь Фридриха I* — Радевикомъ (см. о немъ ниже, въ примѣчаніи къ ст. 35) и доведена до 1160 г.; неизвѣстный писатель продолжилъ еще до 1170 года. — *Изданія*: сочиненія Оттона Фрейзингенскаго и его продолжателей не имѣли новыхъ изданій, а изъ древнихъ лучшее сдѣлалъ *Pithoeus* (Базель, 1569 года); точно также они остаются до сихъ поръ непереведенными ни на одинъ изъ новѣйшихъ язы-

ковъ.—*Критика*: у *Huber*, Otto v. Freisingen, sein Character und sein Verhältniss zu seine Zeit, München, 1847; у *Wattenbach*, Deutschlands Geschichtsquellen, стр. 350 и слѣд.; у *Wiedemann*, Otto v. Fr., sein Leben und sein Wirken. Passau. 1849.

35.—Слово современника объ Оттонѣ Фрейзингенскомъ. † 1158 г.

(Около 1170 г.).

Авторъ-современникъ, продолжая прерванный трудъ Оттона Фр. на 1156 г. (см. выше, примѣчаніе къ ст. 34), а именно *Жизнь Фридриха Барбаруссы*, во второй книгѣ своего продолженія доходитъ до 1158 года, когда умеръ Оттонъ Фр., и по этому поводу посвящаетъ XI главу некрологу своего предшественника.

XI. *О смерти Оттона, епископа Фрейзингенскаго.* Римскій императоръ (т.-е. Фридрихъ I Барбарусса), хотя и былъ благопріятствуемъ фортуною во всѣхъ своихъ дѣлахъ, но въ это время (т.-е. около 1158 г.) долженъ былъ потерпѣть отъ жестокости слѣпой Смерти, постигшей нѣкоторыхъ изъ князей; благородство ихъ происхожденія, великій умъ и превосходныя качества души и тѣла требуютъ отъ насъ передать память о нихъ потомству. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ *Оттонъ*, Фрейзингенской церкви преподобный пастырь, авторъ этой *Исторіи* (т.-е. „Жизни Фридриха Барбаруссы"), и достойный болѣе счастливаго конца, еслибы, какъ говорятъ иные, судьба не позавидовала его доблестямъ. Такъ-какъ моя родина (Фрейзингенъ) удручена сугубою печалью и смертью столь преславнаго мужа, и пожаромъ Фрейзингенской церкви (въ томъ же году, когда умеръ епископъ), то никто не вмѣнитъ мнѣ въ вину того, что я намѣренъ изложить подробнѣе и бѣдствія родного города, и скорбную кончину своего возлюбленнаго владыки и воспитателя, и дать мѣсто печали, ибо мы видѣли, какъ еще недавно нашъ городъ преисполненъ былъ радостнымъ счастіемъ, а теперь уже дошелъ до послѣдней степени паденія. Если же кто-нибудь, какъ выразился кто-то, будетъ жестокосердымъ судьею, то пусть онъ это событіе занесетъ въ исторію, а писателю оставитъ его слезы.

Въ годъ отъ воплощенія господня MCLIX (1159), индикта VII, въ правленіе пресвѣтлѣйшаго императора Фридриха, въ годъ его имперіи III, королевства же V, вышеупомянутый святитель, волею божіею, переселился изъ здѣшняго міра. Онъ былъ какъ бы ниспосланъ небомъ и нашелъ нашу церковь лишенною почти всего имущества; ея состояніе было расхищено, дворцы пришли въ упадокъ, прислуга дошла до печальнаго состоянія, въ монастыряхъ о религіи не думали нисколько или очень мало; но покойный съ божіею помощью привелъ все въ прежній порядокъ и поселилъ въ духовенствѣ религіозность,

возвратилъ прислугѣ свободу, богатствамъ обиліе, зданіямъ ихъ украшеніе; его заботы, труды и заслуги для своей каѳедры и своихъ людей были такъ велики, что его можно было принять не столько за возстановителя, сколько за основателя. Въ этомъ отношеніи ему помогало и его рожденіе, и честность и почетное общественное положеніе. А именно, онъ былъ внукъ императора Гейнриха IV. племянникъ Гейнриха Пятаго по матери, единоутробный братъ короля Конрада (III) и дядя нынѣ благополучно царствующаго августѣйшаго императора Фридриха (I); родился же онъ отъ знатнѣйшаго князя въ государствѣ Леопольда, маркграфа (Австріи) и Агнесы, дочери Гейнриха IV императора; двоюродными братьями его были Конрадъ епископъ Падуанскій, Леопольдъ герцогъ Баваріи и Гейнрихъ герцогъ Австріи; сестры его—Гертруда герцогиня Богемская и Берта герцогиня Польская, также маркиза Монферратская, родительница императрицы Испаніи. Таково было знаменитое его происхожденіе и знатное родство. Научными свѣдѣніями онъ былъ снабженъ не такъ, какъ то обыкновенно встрѣчается, и между епископами Швабіи считался первымъ или въ числѣ первыхъ, такъ, что не только обладалъ знаніемъ писанія и понималъ его таинственный смыслъ и значеніе, но и былъ почти первымъ, который занесъ въ нашу страну тонкость философическихъ сочиненій и книгъ Аристотеля относительно топикъ, аналитики и эленховъ (in topicis, analyticis et elenchis). Вслѣдствіе такихъ и другихъ многихъ преимуществъ и по причинѣ знанія свѣтскихъ дѣлъ и изумительнаго краснорѣчія, онъ весьма часто съ твердостью защищалъ интересы церкви предъ королями и князьями, и это снискало ему немалую славу, а слава, какъ водится, породила зависть; но онъ неустрашимо разрушалъ козни своихъ противниковъ и честно выходилъ честнымъ безъ всякаго ущерба для себя изъ всякаго спора. Свой образъ жизни онъ устроилъ по образцу устава Цистерціенсовъ (т.-е. монастыря Сито, Citeaux); у нихъ же онъ былъ сдѣланъ сначала аббатомъ въ монастырѣ Моримундѣ и снискалъ такую похвалу, что могъ бы сказать себѣ: „Поднимайся, другъ, выше". Возведенный въ званіе епископа, когда уже остылъ въ немъ жаръ юности и усыпились страсти пылкаго возраста, онъ, отклоняя отъ себя грѣховныя прелести и не давая вѣса суду людскому, началъ трудиться больше для Бога, котораго не можетъ обмануть ни совѣсть, ни сердце, и старался жить по слову Евангелія: „Да не знаетъ твоя лѣвая рука того, что дѣлаетъ правая". Такимъ образомъ, если въ немъ и осталось что-нибудь изъ суеты прежней свѣтской жизни, то впослѣдствіи все подобное очистилъ и истребилъ языкъ порицателей, этотъ острый мечъ. Но что́ и говорить объ этомъ? Когда вышеупомянутый императоръ Фридрихъ отправился въ итальянскій походъ, и онъ долженъ былъ бы идти, какъ человѣкъ необходимый и полезный для дѣлъ имперіи, но ему удалось отказаться, и, какъ человѣкъ богобоязненный, онъ предпочелъ остаться среди молящейся братіи, нежели среди браннаго шума, и могъ бы сказать: „Господи, пріими меня молящагося съ братіею, которая" и проч. Получивъ отъ императора благосклонное согласіе на то, чтобы остаться дома, онъ препоручилъ себя и удрученную печалями церковь его милостямъ и, предвидя про-

рочески свою кончину, изъ опасенія, чтобы церковь не пострадала послѣ его смерти, просилъ для нея свободы избранія, какъ то дѣлалось въ прежнія времена въ другихъ церквахъ. Получивъ согласіе на такую просьбу, онъ возвратился домой. Когда нѣкоторымъ была предсказана его смерть въ видѣніяхъ или во снѣ, Оттонъ вознамѣрился навѣстить капитулъ Цистерціенсовъ и, не смотря на болѣзнь и слабость тѣла, предпринялъ тяжелый путь и прибылъ въ монастырь Моримундъ. Тамъ, пролежавъ нѣсколько дней въ постели и не сомнѣваясь больше въ своей смерти, былъ помазанъ по обычаю св. елеемъ и составилъ въ порядкѣ духовное завѣщаніе относительно своего имущества; заботясь также и о спасеніи своей души, онъ приказалъ подать себѣ въ руки одну книгу (вѣроятно одно изъ богословскихъ сочиненій Оттона) и передалъ ее людямъ книжнымъ и богобоязненнымъ, прося разсмотрѣть, не оскорбляетъ ли кого-нибудь то, что онъ могъ сказать въ пользу магистра Гильберта, и предоставляя имъ все подобное исправить; самъ же исповѣдался послѣдователемъ каѳолической вѣры, по правиламъ св. римской и вселенской церкви. Потомъ съ сердцемъ сокрушеннымъ, въ уничиженіи, покаялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, принялъ св. причастіе и посреди собранія святыхъ, какъ епископовъ, такъ и аббатовъ, отдалъ Богу душу. Счастливый и по достоинству награжденный мужъ! онъ умеръ прежде, нежели могъ видѣть, какъ его возлюбленная церковь, съ которою онъ былъ связанъ сердечною любовью, обратилась въ прахъ и пепелище. При жизни онъ указалъ братіи мѣсто своего погребенія за церковью, гдѣ всякій могъ бы топтать ногами его могилу; но такой его послѣдней волѣ воспротивились, и онъ былъ погребенъ съ честью внутри церкви, близъ большого алтаря; могилѣ же его братія оказывала всякое почтеніе и уваженіе. И я, который писалъ начало этого труда съ его словъ и предпринялъ довести дѣло до конца по приказанію государя (Фридриха I Барбаруссы), даже закрылъ ему своею рукою глаза, сочинилъ ему слѣдующую эпитафію и приказалъ начертать ее на могильномъ камнѣ:

Quicquid in orbe beat præclaros et meliores,
Præsulis Ottonis mire cumulavit honores и т. д.

Въ слѣдующей главѣ авторъ разсказываетъ о пожарѣ церквей въ Фрейзингенѣ, и затѣмъ снова возвращается къ главному предмету, т.-е. къ описанію дѣяній Фридриха Барбаруссы.

Каноникъ Радевикъ.

De gestis Friderici.—Кн. II, 11.

Радевикъ былъ каноникомъ церкви въ Фрейзингенѣ и жилъ въ одно время съ Оттономъ Фрейзингенскимъ (см. о немъ выше, на стр. 379). Онъ продолжалъ жизнеописаніе Фридриха Барбаруссы, предпринятое Оттономъ, и довелъ его до 1160 года. Объ изданіяхъ труда Радевика и ихъ изслѣдованіи см. выше, на стр. 379.

36. — Походъ Конрада III чрезъ византійскія владѣнія. 1146 г.

(Около 1218 г.).

Авторъ одной изъ лучшихъ византійскихъ хроникъ XII вѣка, высказавъ въ своемъ предисловіи риторическіе взгляды во вкусѣ того времени на важность значенія исторіи, начинаетъ свой трудъ, обнимающій періодъ времени отъ 1118 г. до 1204 г., особымъ отдѣломъ въ одной книгѣ, въ которой описывается правленіе императора Іоанна, сына Алексѣя I Комнена; второй отдѣлъ въ семи книгахъ заключаетъ въ себѣ время правленія Мануила Комнена; а именно въ первыхъ трехъ главахъ первой книги говорится о воцареніи Мануила, его вѣнчаніи на царство, женитьбѣ и личномъ составѣ высшаго управленія имперіи предъ появленіемъ въ ея предѣлахъ нѣмецкой арміи Конрада III предпринявшаго второй крестовый походъ.

4. Въ эту эпоху управленія самодержца (т. е. Мануила, въ 1146 г.), на предѣлы греческой имперіи налетѣла съ Запада вражеская, грозная и ядовитая туча; говоря такъ, я разумѣю вторженіе нѣмцевъ и имъ соплеменныхъ народовъ; между ними находились и женщины, ѣздившія на лошадяхъ, сидя не въ одну сторону ногами, а верхомъ, съ копьями и оружіемъ въ рукахъ, одѣтыя по-мужски, съ воинственнымъ выраженіемъ лица, превосходя отвагою Амазонокъ. Между ними отличалась одна, какъ вторая Пентесилія, которую за ея роскошную парчевую одежду называли «златоножкой». Причиною похода выставлялся Гробъ господень и желаніе пройти прямою и спокойною дорогой на помощь своимъ братьямъ въ Іерусалимѣ; потому они шли, не неся съ собою ничего лишняго, но только то, что неизбѣжно для жизни; потому же у нихъ не было ни буравовъ, ни брусьевъ, ни сѣкиръ: на нихъ были надѣты шлемы, панцыри, мечи и прочее, необходимое для битвы. Что они не имѣли другой причины похода, въ томъ они увѣряли клятвенно, и, какъ то оказалось впослѣдствіи, справедливо. Отправивъ пословъ, они просили у императора разрѣшенія пройти мирно по его владѣніямъ и права являться на рынокъ для закупки необходимаго людямъ и лошадямъ. Императоръ, встревоженный такимъ неожиданнымъ и новымъ появленіемъ, не потерялъ, однако, присутствія духа: онъ отвѣчалъ благосклонно посламъ и показалъ видъ, что ободряетъ ихъ предпріятіе и изумляется благочестивой предпріимчивости. Давъ обѣщаніе немедленно позаботиться объ изготовленіи всего, что имъ нужно пріобрѣсти, онъ говорилъ, что они будутъ идти такъ, какъ бы они находились не въ чужой землѣ, а на родинѣ, но съ тѣмъ только, чтобы они дали клятву сдѣлать переходъ мирно и выйти изъ предѣловъ греческихъ владѣній безъ всякаго коварства. Послѣ того императоръ дѣйствительно далъ приказаніе, чтобы по всей дорогѣ, гдѣ будутъ проходить латины, изготовлялись запасы для продажи. Все это было исполнено тотчасъ. Но императоръ боялся, что подъ овечьей шкурой идутъ волки или, какъ говорится въ баснѣ: подъ ослиною

шкурою левъ, а подъ львиной лисица прикрылась“; вслѣдствіе того онъ созвалъ греческія войска и, разсуждая всенародно объ общественныхъ дѣлахъ, представилъ, какая вторглась къ нимъ огромная армія; сколько у непріятеля конницы, тяжеловооруженныхъ людей, и какъ безчисленна его пѣхота; упомянулъ при этомъ, что они всѣ закованы въ мѣдь и кровожадны; въ глазахъ ихъ сверкаетъ огонь, и они чаще моются въ крови, нежели другіе въ водѣ. Кромѣ того, императоръ, говоря въ сенатѣ, съ сановниками и войсками, прибавилъ, что тиранъ Сициліи (т. е. Рожеръ Нормандскій), уподобляясь морскому чудовищу, опустошаетъ прибрежныя страны и, не встрѣчая препятствій, нападаетъ на греческіе города и истребляетъ все встрѣчающееся на пути. Затѣмъ императоръ приказалъ возстановить городскія башни и стѣны; роздалъ войску панцыри, вооружилъ людей копьями съ желѣзными наконечниками; воодушевилъ ихъ, надѣливъ быстроногими лошадьми, и придалъ бодрость раздачею денегъ, которыя еще въ древности были справедливо названы кѣмъ-то нервомъ всего существующаго (νεῦρα τῶν πραγμάτων); Такимъ образомъ, ввѣривъ охраненіе города Господу и Матери-Дѣвѣ, онъ далъ войскамъ наставленіе, какъ отражать непріятельскія силы: одни были оставлены для защиты города и расположены вдоль стѣнъ; другимъ было приказано слѣдовать на близкомъ разстояніи за нѣмецкимъ войскомъ и препятствовать тѣмъ, которые отдѣлятся отъ арміи для грабежа и добычи. Все это должно было дѣлать, сохраняя миръ, безъ непріязни. Долгое время между обоими войсками не происходило ничего замѣчательнаго. Наконецъ, нѣмцы расположились лагеремъ близь Филиппополя, но даже и тамъ не произошло никакого несогласія, ибо архіерей той провинціи, Михаилъ, родомъ изъ Италіи, мужъ велерѣчивый, исполненный всякаго рода свѣдѣній и на соборахъ говорившій такъ сладко, что всѣ преклоняли къ нему слухъ, умѣлъ до того польстить королю пріятными рѣчами, объ одномъ прямо говоря, на другое намекая, и какъ Протей защищая интересы грековъ, что король весьма охотно слушалъ его, приглашалъ его на свои пирушки и угощалъ. Онъ даже жестоко наказывалъ тѣхъ, которые, не заплативъ денегъ, привозили въ лагерь съѣстные прапасы.

5. Когда король отправился оттуда далѣе, между арріергардомъ нѣмецкой арміи и греками завязались ссоры по случаю дурного обращенія; вслѣдъ затѣмъ начались жалобы и драки, и, наконецъ, дѣло дошло до оружія. Безъ сомнѣнія, между ними началась бы жестокая сѣча, еслибы тотъ же архіерей не укротилъ во-время короля, жаждавшаго войны и обратившагося въ кровожаднаго звѣря. Прибывъ въ Адріанополь, король продолжалъ путь немедленно; но одинъ изъ его родственниковъ, захворавъ, остался въ городѣ; нѣсколько грековъ, изъ безчестныхъ людей, привыкшихъ не къ оружію, а къ грабежу, сожгли его вмѣстѣ съ гостинницей и со всѣми въ ней находившимися людьми. Когда узналъ о томъ Конрадъ — такъ назывался этотъ король — онъ препоручилъ месть своему племяннику Фридриху (т. е. Барбароссѣ). Фридрихъ, человѣкъ отъ природы жестокій и раздражительный, сжегъ весь монастырь, въ которомъ остановился тотъ больной, казнилъ захваченныхъ въ плѣнъ и вытребовалъ похищенныя

деньги. Вслѣдствіе того произошла война; но стараніями Прузуха и другихъ былъ заключенъ миръ. Прузухъ, переѣхавъ вбродъ три рѣки, протекавшія подъ каменнымъ мостомъ, встрѣтился съ раздраженнымъ Фридрихомъ, успокоилъ его и воздержалъ отъ дальнѣйшихъ намѣреній. Послѣ того они двинулись впередъ мирно и спокойно. Нѣсколько дней спустя, прибывъ въ долину Хировакховъ, нѣмцы раскинули тамъ свой лагерь; надѣясь на миръ и вѣрность грековъ, они не сдѣлали никакого вала, какъ и всегда поступали на пути. По ихъ лагерю протекала рѣчка Мелосъ, неширокая и мелкая; лѣтомъ, высыхая, она терялась въ болотахъ; мѣсто же, по которому протекала та рѣчка, было не песчано, но плодородно и воздѣлано плугомъ; за то зимою или во время сильныхъ дождей она дѣлалась большою рѣкой и стремительной, такъ что походила болѣе на море, нежели на рѣку; въ такую пору нельзя было перейти ее вбродъ, а только переплыть на судахъ; если поднималась буря, то она опустошала деревни, смывала дороги и представляла всякаго рода опасности. Этотъ-то ручей, раздувшись отъ дождей и ночью выступивъ неожиданно изъ береговъ, какъ будто бы разверзлись хляби небесныя, унесъ изъ лагеря нѣмцевъ не только оружіе, сѣдла, одежды, обозъ, но даже повлекъ за собою лошадей, муловъ и вооруженныхъ людей. Зрѣлище было жалкое и плачевное: погибали безъ битвы, погибали, когда никто не губилъ; ни ростъ, ни десница, побѣдоносная въ бою, не спасали никого; погибали какъ трава, разносились какъ солома; повсюду были слышны рыданія и стоны. Видѣвшіе все это, полагали, что гнѣвъ господень обрушился на лагерь нѣмцевъ; наводненіе было столь неожиданно, что не было возможности спасти даже жизнь; сонъ этой ночи былъ для однихъ смертью, для другихъ утратою всего имущества. Король, приведенный въ отчаяніе случившимся и съ изумленіемъ видя, что грекамъ помогаютъ силы природы, и самыя времена года измѣняютъ свой ходъ въ ихъ пользу, поспѣшно отправился оттуда. Подойдя къ столичному городу, онъ былъ вынужденъ удалиться съ войскомъ, не смотря на то, что сначала, находясь въ Перѣ, называемой Пикридіемъ, не соглашался на то, и хвастался безразсудно, что въ его власти удалиться или остаться. При перевозѣ войска (т.-е. въ Азію), когда императоръ приказалъ записывать его число и отмѣчать каждую партію по одиночкѣ, тѣ, которымъ было поручено это дѣло, утомленные длиннымъ счетомъ, возвратились домой, не ожидая конца. Такимъ образомъ, когда, сообразно желанію грековъ, король отправился на востокъ, а вскорѣ за ними послѣдовали и франки (Φράγγοι, т.-е. французы, подъ предводительствомъ Лудовика VII, о которомъ нашъ историкъ не упомянулъ ни одного раза), императоръ предался прежнимъ заботамъ о своихъ владѣніяхъ; онъ позаботился также и о томъ, чтобы латины находили на своемъ пути возможность покупать съѣстные припасы. Въ то же время онъ приказалъ въ удобныхъ мѣстахъ и въ узкихъ проходахъ ставить засаду, вслѣдствіе чего многіе изъ нѣмцевъ погибли. Жители городовъ также не допускали ихъ на свои рынки, но сначала получивъ, при помощи опущенныхъ веревокъ, со стѣны деньги, отпускали имъ послѣ того хлѣба и другихъ припасовъ, сколько имъ вздумалось. Нѣмцы, оскорбленные такими несправедливостями,

взывали къ мстительному оку Провидѣнія, указывая ему на тѣхъ, которые употребляли ложные вѣсы, не хотѣли сжалиться надъ пришельцами и единовѣрцами, и не только не давали имъ того, что имъ принадлежало, но даже изо рта вырывали кусокъ хлѣба. Но презрѣнные жители городовъ, по своей безчеловѣчности, нисколько не раскаявались: получивъ золото или серебро и положивъ его за пазуху, они удалялись со стѣнъ; нѣкоторые же, примѣшавъ къ мукѣ известь, отравляли хлѣбъ. Было ли это дѣлаемо по приказанію императора, какъ то говорилось, навѣрное не знаю. Какъ бы то ни было, такіе поступки слѣдуетъ считать несправедливыми и безбожными. Извѣстно только одно, что, по приказанію императора, чеканилась фальшивая монета, которую употребляли въ торговлѣ съ итальянцами. Однимъ словомъ, не было такого зла, котораго не замышлялъ бы императоръ самъ или чрезъ другихъ, съ тою цѣлью, чтобы постоянными угрозами навести страхъ на отдаленное потомство нѣмцевъ и лишить ихъ охоты къ новымъ вторженіямъ.

Шестая и послѣдняя глава первой книги посвящена авторомъ на описаніе борьбы Конрада съ турками въ Малой Азіи и его пораженія; но затѣмъ онъ не говоритъ ничего болѣе о второмъ крестовомъ походѣ и, что особенно замѣчательно, забываетъ совершенно объ участіи въ походѣ Лудовика VII. Остальныя шесть книгъ этого второго отдѣла заняты исключительно изложеніемъ событій византійской исторіи въ эпоху правленія Мануила до его смерти въ 1180 году. Третій отдѣлъ въ одной книгѣ посвященъ правленію Алексѣя II Комнена (1180—1183), умерщвленнаго своимъ дядей Андроникомъ. Четвертый отдѣлъ въ двухъ книгахъ обнимаетъ эпоху жестокаго правленія Андроника (1183—1185). Пятый отдѣлъ въ трехъ книгахъ — правленіе Исаака Ангела (1185—1195) и, наконецъ, шестой отдѣлъ—правленіе Алексѣя III Комнена, брата Исаака Ангела (1195—1203), при которомъ латины четвертаго крестоваго похода завоевали Византію; потому, начиная съ шестого отдѣла, трудъ нашего автора пріобрѣтаетъ снова важность для исторіи крестовыхъ походовъ.—*См. продолженіе ниже, въ ст. 60 и 61.*

Никита Хоніатъ.

Ἱστορία. — Втор. отд., Кн. I.

О Никитѣ Хоніатѣ и его сочиненіяхъ см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 61.

37.—Еще извѣстіе о походѣ Конрада III и Лудовика VII. 1146 г.

(Въ 1180 г.).

Первую книгу своего сочиненія византійскій авторъ въ цѣлости посвящаетъ обзору главнѣйшихъ событій царствованія императора Іоанна Комнена, сына Алексѣя Комнена (1118—1143), продолжая такимъ образомъ трудъ Анны Комненой (см. о ней выше, на стр. 160).

Въ 11 главахъ *второй* книги излагаются первые три года правленія его преемника Мануила, проведенные имъ въ безпрестанныхъ войнахъ съ латинами, владѣвшими Антіохійскимъ княжествомъ, и турками иконійскими; наконецъ, въ 1046 г., когда Мануилъ едва успѣлъ заключить миръ съ послѣдними, какъ пришло извѣстіе о томъ, что неспокойно на западныхъ границахъ: а именно, разнесся слухъ о новомъ приближеніи крестоносной арміи, предпринявшей второй крестовый походъ, подъ предводительствомъ германскаго императора Конрада III и французскаго короля Лудовика VII Юнаго.

12. Послѣ того (т. е. по заключеніи мира между Византіею и турками, въ 1046 г.) начались дѣла на западѣ. Нѣмцы (Κελτοί), французы (Γερμανοί; такъ называли ихъ греки, а потому и Лудовикъ VII является у нашего автора вездѣ германскимъ королемъ) и галлы, вмѣстѣ съ обитателями древняго Рима, бритты и британцы, двинулись на насъ со всѣми силами Запада. Предлогомъ къ такому походу выставлялось намѣреніе перейти изъ Европы въ Азію, сразиться съ невѣрными турками (Πέρσαις), потомъ проникнуть въ Палестину и поклониться Храму господню и святымъ мѣстамъ; но настоящею причиною нашествія служило желаніе опустошить по дорогѣ владѣнія грековъ (Ρωμαίων, т. е. римлянъ; такъ называли себя въ средніе вѣка византійскіе греки) и ниспровергнуть все встрѣтившееся на пути. Войско ихъ превышало всякое число. Когда императоръ (βασιλεύς) узналъ, что они приближаются къ предѣламъ Венгріи, онъ выслалъ къ нимъ на встрѣчу нѣкоего Димитрія Макремболиту и Александра, родомъ изъ Италіи, бывшаго графа (κόμης) итальянскаго города Гравины; послѣдній, бывъ выгнанъ вмѣстѣ съ многими другими изъ своихъ владѣній сицилійскимъ тиранномъ (т. е. герцогомъ норманскимъ), перешелъ, вслѣдствіе того, на сторону императора (византійскаго). Имъ было дано порученіе развѣдать намѣренія чужеземцевъ, и если они станутъ увѣрять, что они идутъ не на погибель грековъ, то потребовать отъ нихъ клятвеннаго подтвержденія. Когда послы были приведены къ вождямъ варваровъ (т. е. западныхъ европейцевъ), они говорили имъ слѣдующимъ образомъ:

„Нанести войну безъ всякаго ея объявленія, и притомъ людямъ, не причинившимъ никакой обиды, еще никто не считалъ дѣломъ святымъ или честнымъ; особенно этимъ не могутъ гордиться тѣ, которые обладаютъ и благородствомъ, и могуществомъ. Въ случаѣ побѣды, она не будетъ приписана ихъ храбрости; если же они будутъ побѣждены,

то никто не скажетъ, что они по доблести подвергали себя опасностямъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ имъ не будетъ никакой похвалы. Потому и вамъ не надлежитъ вступать въ землю грековъ, прежде нежели вы обяжетесь клятвенно не причинять оскорбленій императору. Если же вы не желаете клясться, то почему вамъ не объявить войны прямо? съ греками опасно вести даже и внезапную войну; присоединяя же къ тому вѣроломство, вы должны будете имѣть дѣло и съ могуществомъ грековъ. Но если ваша дружба искрення и чужда коварства, то, утвердивъ ее клятвою, вы можете спокойно идти по владѣніямъ великаго императора и пользоваться гостепріимствомъ и другими знаками благоволенія".

Такъ говорили послы. Чужеземцы же, собравшись въ ставкѣ Конрада, нѣмецкаго короля (Κορράδον· τοῦ 'Αλαμανῶν ῥηγός), такъ-какъ онъ занималъ первое мѣсто среди западныхъ народовъ, увѣряли, что они пришли вовсе не для нанесенія обидъ грекамъ, и, если то нужно, готовы подтвердить свои слова клятвою; имъ будетъ тѣмъ легче, говорили они, дать такую клятву, ибо ихъ походъ имѣетъ цѣлью Палестину и турокъ, опустошающихъ Азію своими набѣгами. По выслушаніи всего того греками, они немедленно доказали свои слова на дѣлѣ, какъ тѣ, которые были вельможами короля, такъ и тѣ, которые занимали какія-нибудь высокія должности; я разумѣю герцоговъ и графовъ. У нихъ каждая должность имѣетъ свои привилегіи, получаемыя отъ императорскаго достоинства, стоящаго выше всего и отъ котораго проистекаютъ всѣ остальныя: герцогъ выше графа, король выше герцога, и императоръ стоитъ надъ королемъ. Тотъ, кто ниже всѣхъ, подчиняется высшему по самой сущности дѣла, дѣлитъ съ нимъ тяжести войны и повинуется во всемъ прочемъ. Потому лицо, именуемое у грековъ βασιλεύς, называется у латиновъ ἰμπεράτωρ, и пользуется верховною властью; короли же избираются по установленному порядку. Таковы у нихъ различныя степени достоинствъ.

По исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, послы возвратились въ Византію, а короли продолжали предпринятый ими путь, но впрочемъ не вмѣстѣ: впереди шелъ *Нѣмецъ* (Ἀλαμανὸς, т. е. Конрадъ), а сзади его на большомъ разстояніи слѣдовалъ *Французъ* (Γερμανός, т. е. Лудовикъ VII); но почему они такъ распорядились, мнѣ неизвѣстно: быть можетъ, каждый хотѣлъ вести свое собственное войско, или они опасались недостатка съѣстныхъ припасовъ. Шли же они въ безчисленномъ множествѣ, превосходя собою морской песокъ, такъ что и Ксерксъ въ древности, переплывая Геллеспонтъ, не могъ бы гордиться столькими тысячами. Когда они подошли къ Дунаю и все было изготовлено для ихъ переправы, императоръ (византійскій), назначивъ особыхъ чиновниковъ, далъ имъ приказаніе стоять на противоположномъ берегу и отмѣчать число переѣхавшихъ на каждомъ суднѣ; но они, дойдя до 90 тысячъ, долѣе не могли поспѣвать считать.

13. Таково множество было ихъ. Когда они подступили къ Ниссѣ, главному городу Дакіи, Михаилъ, по прозванію Врана, которому императоръ поручилъ управленіе тою провинціею, приготовилъ имъ все необходимое, сообразно императорскому указу. Послѣ того они явились къ Сардикѣ, гдѣ ихъ встрѣтили двое знатнѣйшихъ мужей, ко-

торые приняли ихъ радушно, какъ то и слѣдовало, и позаботились о ихъ продовольствіи... Но варвары шли спокойно, пока дорога была затруднительна: между Дунаемъ и Сардикой тянутся обрывистыя и мало доступныя горы; на всемъ этомъ пространствѣ они не позволяли себѣ ничего, что могло бы оскорбить грековъ. Достигнувъ же ровныхъ мѣстъ, не представляющихъ трудностей пути, они обнаружили враждебные замыслы: отнимали силою то, что слѣдовало бы купить, а того, кто сопротивлялся, умерщвляли мечемъ. Король Конрадъ нисколько не безпокоился, что являлись жалобы, и не хотѣлъ ничего слушать; а если и выслушивалъ, то ссылался на необузданность толпы. Когда дошло то до императора, онъ выслалъ противъ нихъ съ войскомъ, поспѣшно собраннымъ, Прозуха, извѣстнаго своими воинскими доблестями [1]). Прозухъ настигъ варваровъ подъ Адріанополемъ; сначала онъ слѣдовалъ за ними на близкомъ разстояніи и не дозволялъ производить безпорядковъ; но, наконецъ, видя, что ихъ неистовство увеличивается, онъ вступилъ съ ними въ явную борьбу по слѣдующему случаю. Одинъ изъ знатнѣйшихъ нѣмцевъ, захворавъ, слегъ въ монастырѣ въ Адріанополѣ, имѣя при себѣ деньги и другія богатства. Нѣсколько пѣшихъ людей изъ грековъ, провѣдавъ о томъ, сожгли его вмѣстѣ съ жилищемъ и овладѣли деньгами. Когда объ этомъ узналъ Фридрихъ, племянникъ Конрада (т. е. Барбарусса), человѣкъ невѣроятно жестокій, дерзкій и гордый, онъ направился къ Адріанополю и, предупредивъ двумя днями Конрада, сжегъ весь монастырь, въ которомъ лежалъ тотъ нѣмецъ, и далъ тѣмъ поводъ грекамъ къ войнѣ со своими. Прозухъ, напавъ на Фридриха, обратилъ его въ бѣгство и избилъ варваровъ во множествѣ. Это былъ тотъ самый Фридрихъ, который впослѣдствіи наслѣдовалъ Конраду у нѣмцевъ, какъ мы то объяснимъ современемъ. Съ тѣхъ поръ нѣмцы, извѣдавъ на дѣлѣ силы грековъ, прекратили свои неистовства.

Въ 14 главѣ авторъ описываетъ дальнѣйшія стычки греческихъ отрядовъ съ крестоносцами; греки старались отклонить Конрада отъ Византіи, но Конрадъ, не смотря на страшное наводненіе, отъ котораго пострадалъ много его лагерь, успѣлъ приблизиться къ стѣнамъ столицы; видя, однако, готовность ея жителей къ оборонѣ, онъ отступилъ въ сосѣднее мѣстечко Пикридій, и оттуда вступилъ въ переговоры съ Мануиломъ, какъ то авторъ разсказываетъ въ слѣдующей главѣ.

15. Это (т. е. переговоры) произошло слѣдующимъ образомъ. Конрадъ, по прибытіи въ Пикридій, отправилъ къ императору письмо съ содержаніемъ вялымъ и слабодушнымъ, смыслъ котораго былъ слѣдующій: „О императоръ, мужъ благоразумный судитъ о вещахъ не по нимъ самимъ, а по цѣли, которой ими достигаютъ; тотъ же, котораго духъ предупрежденъ, весьма часто не рѣшается похвалить хорошее и осудить дурное, и такимъ образомъ онъ часто принимаетъ за благодѣяніе поступки враговъ и негодуетъ на друзей. Потому не слагай на насъ вину того, что было совершено въ твоихъ владѣніяхъ,

[1]) Прозухъ былъ турокъ по происхожденію, но воспитывавшійся въ Византіи.

вслѣдствіе неустройства и многочисленности войска; не возмущайся противъ насъ за то, въ чемъ мы нисколько не виноваты: все это произошло отъ необузданности толпы. Я нисколько не изумляюсь тому, что во время прохожденія чужеземнаго войска, которое нуждается въ отдаленныхъ фуражировкахъ для пріисканія продовольствія, могутъ случиться несправедливости съ обѣихъ сторонъ". Это и тому подобное писалъ *Нѣмецъ*. Императоръ же, видя въ его словахъ однѣ увертки, отвѣчалъ ему слѣдующимъ образомъ: „Нашему величеству не безъизвѣстно, какъ склонна бываетъ къ неистовствамъ чернь, которою столь трудно управлять и сдерживать. А потому мы особенно заботились о томъ, чтобы вы, пришельцы и чужестранцы, не потерпѣли никакого бѣдствія при прохожденіи по нашимъ провинціямъ, тѣмъ болѣе, что вы пришли не съ злыми умыслами и не можете причинить намъ оскорбленій; такъ бы то и произошло, еслибы мы не услышали, что вы нарушили законы гостепріимства. Но вы, мужи благоразумные и ясно понимающіе сущность вещей, не находите въ томъ никакой вины, и мы приносимъ вамъ благодарность за то; ибо и намъ не слѣдуетъ послѣ того заботиться объ укрощеніи нашей черни; мы будемъ также приписывать все ея необузданности, какъ вы насъ тому научаете. Въ вашемъ интересѣ было бы не нападать въ разбродъ и не скитаться по чужой землѣ. Если же кто иначе думаетъ, и съ обѣихъ сторонъ отдѣльныя партіи того и другого войска получатъ позволеніе нападать на кого угодно, то нѣтъ возможности, чтобы пришельцы не пострадали отъ туземцевъ".

Съ этими словами императоръ отпустилъ пословъ. Но, зная, что войско грековъ настолько же выше варваровъ знаніемъ воинскаго дѣла и боевою стойкостью, насколько ниже численностью, онъ принялъ слѣдующее намѣреніе: Прозухъ. Цикандилъ и другіе греческіе вожди получили приказаніе собрать достаточное войско и стать предъ нѣмцами, расположившись въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: въ отдаленіи поставить слабые и иррегулярные полки (ἀγελαῖον τοῦ στρατοῦ), за четвертымъ знаменемъ; далѣе слѣдуютъ тяжеловооруженные (ὁπλιτικόν) и панцырные (κατάφρακτον); потомъ легкая кавалерія; наконецъ, впереди всѣхъ скиѳы (т.-е. славяне) вмѣстѣ съ турками и греческими стрѣлками. Когда нѣмцы увидѣли войска, расположенныя въ такомъ порядкѣ, они бросились на нихъ горячо и шумно, съ пагубною поспѣшностью: бой былъ ожесточенный и пораженіе нѣмцевъ великое. Греки, встрѣтивъ нападающаго непріятеля съ воинскою опытностью, избили многихъ. Конрадъ ничего не зная о случившемся, оставался въ лагерѣ, исполненный гордыни и всякаго рода надеждъ. Императоръ же, съ цѣлью сбить ему спѣсь и посмѣяться надъ нимъ, отправилъ Конраду письмо слѣдующаго содержанія: „Да будетъ вѣдомо всѣмъ вамъ, что конь, не слушающій узды, не полезенъ всаднику и даже часто можетъ свергнуть его въ пропасть; и войско, не обращающее вниманія или пренебрегающее повелѣніями вождей, въ большей части случаевъ повергаетъ ихъ въ опасность; потому мы никогда не терпѣли, чтобы наши воины позволяли себѣ своевольные поступки. Ты же, имѣя другой взглядъ, пренебрегалъ этимъ правиломъ и даже уговаривалъ наше величество, обратившееся къ тебѣ, какъ къ другу,

съ увѣщаніями, чтобы оно показало такое же снисхожденіе. Теперь же знай, какую пользу принесла вамъ распущенность войска. До моего свѣдѣнія дошло, что небольшое греческое войско, вступивши въ бой съ весьма почтенными силами нѣмцевъ, дурно обошлось съ ними. Всегда выходитъ такъ, что туземцы, родившіеся на своей землѣ, бываютъ гораздо сильнѣе пришельцевъ и чужеземцевъ; и въ этомъ случаѣ намъ не слѣдуетъ наказывать чернь за ея неистовство. Если ты съ этимъ согласенъ, то пусть твои войска привыкнутъ повиноваться приказаніямъ своихъ вождей и воздержатся отъ насильственныхъ поступковъ. Если же думаешь иначе, то взгляни на то, что предъ тобою: по крайней мѣрѣ нашъ подвигъ будетъ для тебя поучителенъ".

16. Таково было письмо императора. Между тѣмъ Конрадъ, не получивъ еще свѣдѣній о пораженіи нѣмцевъ, повидимому, не хотѣлъ уменьшить своей гордости; даже началъ требовать, чтобы ему дали императорскую яхту (δρόμωνα) и гребныя суда для переправы его арміи; въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ на слѣдующій годъ придти съ нѣсколькими тысячами войска для осады Византіи. Раздраженный всѣмъ этимъ, императоръ приказалъ на этотъ разъ отвѣчать противъ такой дерзости не шуткою, но въ оскорбительныхъ выраженіяхъ: „Тѣ, которые знаютъ цѣну и малымъ вещамъ, не будутъ основывать своего мнѣнія на многочисленности, но на ихъ сущности, и на томъ, чѣмъ они богаты и чего въ нихъ недостаетъ. Сподвижниковъ Марса должно судить не по ихъ числу, но по ихъ доблести, трудамъ и опытности въ военномъ дѣлѣ. За тобою слѣдуетъ громадная армія, а у насъ едва нашлось сколько-нибудь войска, ибо наши силы разсѣяны по всему пространству имперіи грековъ; но твоя армія не устроена и по большей части несвѣдуща въ военномъ дѣлѣ. Стадо животныхъ, еслибы даже оно состояло изъ множества тысячъ, не выдержитъ нападенія льва. Или ты не знаешь, что ты, какъ птица, находился въ нашихъ рукахъ, и намъ стоило только захотѣть погубить тебя? Подумай о тѣхъ, которые населяютъ эти страны: ихъ предки пронесли свое оружіе по всему міру и повелѣвали какъ вами, такъ и другими живущими подъ солнцемъ народами. Знай же, что къ тебѣ никогда не явится ни императорская яхта, ни все то, что ты требовалъ отъ насъ; возвратись туда, откуда пришелъ. Насъ никто не обвинитъ въ томъ, что мы не оказали расположенія тѣмъ, которые хотѣли нанести намъ обиды; а наносить обиду и отражать ее — не одно и то же: первое проистекаетъ отъ злонамѣренности, къ послѣднему же принуждаетъ насъ забота о безопасности. Наши подданные умоляютъ насъ постоянно доставить грекамъ спокойное и безобидное обладаніе тѣмъ, что мы успѣли отнять у сосѣднихъ намъ турокъ; чего мы не могли допустить нашимъ ненавистникамъ, то подтвердимъ и на тебѣ; въ справедливости этого ты теперь убѣждаешься самъ".

Въ концѣ этой главы авторъ разсказываетъ весьма коротко, какъ Конрадъ наконецъ переправился въ Азію и, получивъ проводниковъ, двинулся къ Иконію, какъ онъ былъ разбитъ турками; но греческій авторъ весьма естественно умалчиваетъ объ измѣнѣ проводниковъ; и какъ, послѣ пораженія, король, едва спасшись отъ плѣна, возвратился назадъ.

17. Таково было положеніе нѣмцевъ. Между тѣмъ король французовъ (τῶν Γερμανῶν ῥήξ, т.-е. Лудовикъ VII Юный), переправившись чрезъ Дунай и намѣреваясь идти далѣе, не велъ себя съ такимъ неистовствомъ, какъ Конрадъ: онъ принялъ весьма благосклонно императорскихъ пословъ, Михаила Палеолога августѣйшаго и Михаила по прозванію Врану, и чрезъ нихъ передалъ свой поклонъ императору. Какъ казалось сначала, онъ нимало не злоумышлялъ противъ грековъ, и я не знаю, поступалъ ли онъ такъ потому, что былъ благоразумнѣе Конрада, или потому, что его характеръ вообще былъ мягче отъ природы. Во всякомъ случаѣ онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе того особенное расположеніе императора. Приблизившись къ Византіи и отправивъ къ императору пословъ, онъ не только выражалъ ему дружбу, но и присоединилъ къ тому, что онъ охотно вступилъ бы съ нимъ въ переговоры о весьма важныхъ дѣлахъ, если имъ можно сойтись вмѣстѣ и побесѣдовать о томъ во дворцѣ. Императоръ согласился на это предложеніе и просилъ его явиться съ полнымъ довѣріемъ. По прибытіи короля, близкіе къ императору, или по своему роду, или по богатствамъ, вмѣстѣ съ первоклассными чинами вышли къ нему на встрѣчу и, принявъ его по достоинству, съ великими почестями отвели во дворецъ. Когда онъ вошелъ туда, гдѣ на высокомъ тронѣ возсѣдалъ императоръ, ему подали небольшой стулъ, который на латинскомъ языкѣ называется σελλίον (т.-е. sella, вообще сѣдалище). Когда онъ усѣлся, они завели разговоръ о различныхъ предметахъ, и наконецъ императоръ далъ ему помѣщеніе вблизи городскихъ стѣнъ на загородной виллѣ, которая въ народѣ извѣстна подъ именемъ Филопатіи. Послѣ онъ осматривалъ вмѣстѣ съ императоромъ тѣ зданія, которыя лежатъ въ восточной части города, и видѣлъ въ нихъ все, что въ нихъ вызываетъ изумленіе, равно какъ и святые предметы, которые благоговѣйно хранятся въ храмѣ, построенномъ въ тѣхъ мѣстахъ; а именно, тамъ находились вещи, нѣкогда прикасавшіяся святѣйшему тѣлу Христа и укрѣпляющія христіанъ. По совершеніи всего этого и давъ клятву, что будетъ жить съ императоромъ въ дружбѣ и на войнѣ останется его союзникомъ, король переправился въ Азію.

Начало послѣдующей главы 18 составляетъ отступленіе по поводу безпорядковъ, возникшихъ въ Византіи при назначеніи новаго патріарха Николая и смѣнившаго его Θеодота. Затѣмъ авторъ обращается къ главному предмету, т.-е. крестовому походу.

18. Между тѣмъ нѣмцы, претерпѣвъ нѣсколько пораженій отъ турокъ и потерявъ множество своихъ людей, отступили назадъ, такъ-какъ не было надежды пройти чрезъ Филомелій. Прибывъ въ Никею, они присоединились къ французамъ (Γερμανοῖς), подвигавшимся впередъ, и другимъ королямъ, которые вели за собою многочисленное войско. Одинъ изъ такихъ былъ повелѣвавшій народомъ чеховъ (Τζέχοι) и возведенный Конрадомъ въ королевское достоинство; другой начальствовалъ поляками (Λέχοι), скиѳскимъ народомъ, которыхъ страна примыкаетъ къ западнымъ венграмъ. Когда оба войска сошлись вмѣстѣ, старинная насмѣшка надъ нѣмцами начала повторяться громко:

ποῦτζη 'Αλαμανέ (французск. поговорка того времени: pousse Allemand! долой нѣмецъ!); такъ выговаривалось это бранное слово, а происхожденіе его слѣдующее. У этихъ двухъ народовъ существуетъ различный способъ сраженія. Французы (Γερμανοί) ловко садятся на коня и отлично бросаются впередъ съ копьемъ: ихъ конница своею быстротою превосходитъ нѣмецкую; за то нѣмцы ('Αλεμανοί) имѣютъ лучшую пѣхоту и лучше владѣютъ мечемъ. Когда однажды случилось нѣмцамъ вступить въ бой съ французами, они, опасаясь ихъ конницы, рѣшились драться пѣшими; но французы напали на ихъ неустроенную конницу и поразили ее; вслѣдствіе того и нѣмецкая пѣхота обратилась въ бѣгство, не смотря на то, что численный перевѣсъ былъ на ея сторонѣ. Съ тѣхъ поръ французы преслѣдовали тою поговоркой нѣмцевъ, ибо они, имѣвъ возможность сражаться на лошадяхъ, предпочли пѣшее сраженіе. И эта поговорка, съ которою обращались къ нѣмцамъ, была имъ не мало оскорбительною. Они дошли вмѣстѣ только до Филадельфіи, какъ вслѣдствіе тѣхъ оскорбленій, такъ и потому, что боялись во время похода быть силами ниже французовъ. Такимъ образомъ Конрадъ, видя пренебреженіе со стороны французовъ, приказалъ оттуда повернуть назадъ и обратился по этому поводу къ императору.

Въ концѣ этой главы авторъ приводитъ отвѣтное письмо императора, впрочемъ незначительное по своему содержанію и болѣе риторическое; императоръ, желая раздѣлить силы латинъ, приглашаетъ Конрада къ себѣ.

19. Таково было заключеніе письма. Между тѣмъ Конрадъ, проклиная свое неблагоразуміе и не зная, что̀ дѣлать, весьма неохотно слѣдовалъ за французами. Когда же къ нему пришло императорское письмо, онъ, считая дѣло выгоднымъ, съ поспѣшностью принялъ предложеніе и немедленно возвратился назадъ. Придя къ Геллеспонту и переплывъ проливъ, онъ явился во Ѳракію: встрѣтивъ императора, который въ то время тамъ находился, онъ вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Византію; въ Византіи его заняли всякаго рода потѣхи, императорскіе дворцы, различныя зрѣлища, конныя игры, великолѣпныя представленія, которыя подкрѣпляли тѣло, изнуренное трудами. Наконецъ, собравъ достаточную сумму денегъ, Конрадъ отправился на судахъ въ Палестину; флотомъ же управлялъ Никифоръ Дазіотъ, и онъ же завѣдывалъ всѣмъ необходимымъ.

Болѣе авторъ ничего не говоритъ о второмъ крестовомъ походѣ, и только упоминаетъ въ концѣ этой главы, что Конрадъ и Лудовикъ VII, не успѣвъ ничего достигнуть, возвратились въ Европу. Въ 20 и послѣдней главѣ второй книги упоминается о смерти Конрада и о вступленіи послѣ него Фридриха Барбаруссы. Въ послѣдующихъ пяти книгахъ авторъ излагаетъ исторію правленія Мануила до 1176 года, наполненнаго войнами съ итальянскими норманнами, и соперничествомъ съ Фридрихомъ Барбаруссою за Италію; только дѣла антіохійскія даютъ ему случай изрѣдка упоминать о судьбахъ Іерусалимскаго королевства между вторымъ и третьимъ крестовыми походами.

Грамматикъ Іоаннъ Киннамъ.

'Ιστορίων βίβλια ζ.—Кн. II.

Грамматикъ Іоаннъ Киннамъ (Ιωάννης Κιννάμος) былъ секретаремъ при Константинопольскомъ дворѣ и родился въ началѣ XII столѣтія. Состоя на службѣ при лицѣ императора Мануила, онъ былъ очевидцемъ описываемыхъ событій и могъ вполнѣ хорошо знать всѣ подробности отношеній Византіи къ участникамъ второго крестоваго похода. Какъ грекъ, онъ объясняетъ намъ ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣли его соотечественники на религіозныя предпріятія латинъ. Получивъ отличное по тому времени образованіе, Киннамъ сначала находился въ военной службѣ; потомъ, при Мануилѣ, сдѣлался его секретаремъ, откуда произошло его прозваніе „грамматика“. Это послѣднее обстоятельство доставило ему богатый матеріалъ для составленія исторіи своего времени, въ которой онъ продолжалъ трудъ Анны Комненой (см. о ней на стр. 160). Его „Семь книгъ исторіи“ (Ἱστορίων βίβλια Ζ) обнимаютъ собою правленіе Іоанна, сына Алексѣя Комнена, и Мануила, отъ 1118 до 1176 года.—*Изданія:* Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Ed. Niebuhrii. Bonn., 1828—55, vol. XXIV, 1—300 стр. съ латинск. переводомъ.

38.—Походъ Лудовика VII чрезъ Малую Азію и Сирію до Іерусалима. 1146—1147 г.

(Въ 1180 г.).

Анонимный авторъ начинаетъ свой трудъ описаніемъ взятія Эдессы мусульманами, что было причиною второго крестоваго похода; далѣе говоритъ о соборѣ въ Везеле, о шествіи императора Конрада и короля Лудовика VII, принявшихъ крестъ, чрезъ Венгрію и Болгарію до Константинополя, о пребываніи ихъ у византійскаго императора Мануила, и о томъ, какъ они, переправившись въ Малую Азію, раздѣлились: Конрадъ пошелъ прямо на Иконій, но былъ заведенъ греками въ пустыни Каппадокіи и, претерпѣвъ пораженіе, возвратился въ Никею; Лудовикъ VII, намѣревавшійся слѣдовать берегомъ Малой Азіи, только-что тронулся изъ Никомедіи, когда къ нему пришло извѣстіе о бѣдствіи нѣмцевъ; дождавшись прибытія Конрада, онъ соединился съ остатками его войска, и они отъ Никомедіи отправились въ походъ вмѣстѣ одною дорогою.

Послѣ того (т.-е. по присоединеніи Конрада къ войску Людовика VII, въ декабрѣ 1146 г.) оба короля отправились въ дальнѣйшій путь вмѣстѣ съ своими войсками, оставляя влѣво ту дорогу, которою слѣдовалъ императоръ до того времени; они отправились въ Малую Азію и прибыли въ Смирну. Оттуда продолжали идти въ Эфесъ, гдѣ и расположились для отдыха. Но императоръ, обративъ вниманіе на то, что онъ считается величайшимъ изъ владѣтелей Европы, и что, не смотря на многочисленное рыцарство, съ которымъ онъ выступалъ въ походъ, имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи войско, обращенное

въ ничтожество, видѣлъ себя въ чужой странѣ поставленнымъ въ зависимость отъ французской арміи, безъ которой ему нельзя предпринять ничего, или очень мало. Потому онъ полагалъ постыднымъ для себя оставаться въ такомъ положеніи; его императорское величіе пострадаетъ, если онъ будетъ шествовать съ такимъ небольшимъ числомъ воиновъ: вслѣдствіе того Конрадъ приказалъ своей пѣхотѣ вернуться сухимъ путемъ, а самъ съ ничтожною свитой отплылъ на кораблѣ въ Константинополь. Императоръ Мануилъ принялъ его съ гораздо большими почестями, нежели прежде, и Конрадъ вмѣстѣ со свитою провелъ у него всю зиму. Эти два государя были въ родствѣ по своимъ женамъ, дочерямъ Беренгарія, графа Луксембургскаго. Вслѣдствіе такихъ родственныхъ отношеній императоръ сдѣлалъ Конраду дружескій пріемъ и надѣлилъ какъ его, такъ и его бароновъ, богатыми подарками и драгоцѣнностями.

По возвращеніи императора, король Франціи совѣщался съ сопровождавшими его вельможами о дорогѣ, по которой они должны были слѣдовать, и вообще о томъ, какъ поступить. Во время пребыванія въ Эфесѣ имъ пришлось оплакать потерю отважнаго французскаго рыцаря, по имени Гвидо изъ Понтьё, къ которому король былъ весьма расположенъ. Гвидо былъ погребенъ съ почестью посреди главной церкви города. Оставивъ Эфесъ, армія Людовика (VII) направилась на востокъ и послѣ нѣсколькихъ дней пути прибыла къ берегамъ рѣки Меандра, гдѣ во всякое время можно найти множество лебедей, и вслѣдствіе чего латинскій поэтъ сказалъ:

Ad vada Meandri concinit albus olor.

Пріятное мѣстоположеніе и обиліе луговъ побудили короля остановиться въ томъ мѣстѣ. Французы желали встрѣтить непріятеля и помѣряться съ нимъ. Ихъ желаніе не замедлило исполниться, ибо по другую сторону рѣки турки раскинули свои палатки въ большомъ числѣ. Когда наши повели своихъ лошадей на водопой къ берегамъ Меандра, невѣрные осыпали ихъ съ другой стороны стрѣлами. Французы, горя желаніемъ схватиться съ ними на другомъ берегу, долго осматривали русло рѣки и, наконецъ, нашли бродъ, который былъ неизвѣстенъ даже самимъ туземцамъ. Тогда они бросились толпою на противоположный берегъ, поражая со всѣхъ сторонъ непріятеля, который пытался мечемъ и копьемъ заставить ихъ отступить. Бой завязался съ обѣихъ сторонъ и былъ продолжителенъ; наконецъ, съ божіею помощью, побѣда осталась за христіанами. Большая часть непріятелей погибла отъ меча; другіе попались въ плѣнъ, а остальные бѣжали, какъ могли. Побѣдители, разсыпавшись по лагерю побѣжденныхъ, нашли тамъ всякаго рода богатства: шелковыя матеріи, золото, серебро, одежды, различные сосуды, какъ то обыкновенно встрѣчается въ палаткахъ побѣжденныхъ. Обремененные добычею, они перешли обратно рѣку и возвратились въ лагерь. Они провели ночь въ радости и восхваляли Бога за первую побѣду, которая была имъ дарована. На слѣдующій день войско отправилось къ городу, называемому у французовъ *Лишъ* (Лаодикея), и тамъ, нагрузивъ съѣстными припасами свои повозки и вьючный скотъ, продолжало путь.

Вскорѣ имъ представилась на пути значительная гора, которую

надлежало перейти. Обыкновенно въ арміи одинъ изъ великихъ бароновъ начальствовалъ авангардомъ, а другой—арріергардомъ. Каждый день эти вожди совѣщались о мѣстѣ, гдѣ имъ слѣдуетъ расположиться лагеремъ. Въ этотъ день авангардомъ командовалъ Готфридъ изъ Ранкона, знатный владѣтель Поату, несшій королевское знамя, которое обыкновенно предшествовало знамени св. Діонисія, называемому *орифламмой*. Было рѣшено, чтобы авангардъ расположился на вершинѣ горы и провелъ тамъ ночь. Когда Готфридъ прибылъ на назначенное мѣсто, ему показалось, что можно еще идти далѣе, и что солнце стоитъ высоко. Предводительствовавшіе отрядами также совѣтовали ему оставить вершину горы, и указывали на красивую долину внизу, гдѣ они могли бы удобно расположиться. Ранконъ слишкомъ поддался такому совѣту и, чтобы достигнуть за-свѣтло указаннаго мѣста, ускорилъ шагъ. Между тѣмъ арріергардъ, увѣренный, по сдѣланному условію, что Готфридъ остановится на вершинѣ горы и тамъ раскинетъ палатки, и не подозрѣвая, что онъ пошелъ дальше, слѣдовалъ за нимъ медленно и лѣниво. Турки же, наблюдавшіе за христіанскою арміею на небольшомъ разстояніи, замѣтили, что тѣ два отряда весьма отдѣлились другъ отъ друга, и что на вершинѣ горы остались одни пѣшіе люди и безоружные, а потому сочли такое время самымъ удобнымъ для нападенія на христіанъ. Дорога, которая вела на гору, была, кромѣ того, узка и обрывиста; турки поняли, что было бы трудно подняться на нее и соединиться для битвы; вслѣдствіе того они быстро поскакали на лошадяхъ и, овладѣвъ возвышеніемъ, преградили дорогу такимъ образомъ, что арріергардъ не могъ бы иначе достигнуть авангарда, какъ подъ ихъ мечемъ и стрѣлами. Они начали нападеніе издалека, стрѣляя изъ луковъ; потомъ, приблизившись, вступили въ рукопашную. Положеніе христіанской арміи было печально. Люди не могли подниматься на гору иначе какъ по-одиночкѣ и по узкой, обрывистой тропинкѣ; оба отряда стояли далеко другъ отъ друга и не могли оказывать взаимной помощи. Сверхъ того по дорогѣ было разбросано столько поклажи и вьючнаго скота, что самые отважные воины, искавшіе напасть на непріятеля, были затруднены всѣми тѣми препятствіями. Многіе изъ нашихъ погибли при первомъ столкновеніи. Однако мало-по-малу самые мужественные изъ воиновъ успѣли соединиться; они воодушевляли другъ друга, говоря, что турки народъ безъ силы и храбрости, какъ то они и доказали недавно на равнинахъ Меандра. Поддерживая такимъ образомъ одинъ другого, они успѣли соединиться со всѣхъ сторонъ и, защищаясь, мужественно бились. Съ своей стороны и невѣрные воодушевляли другъ друга къ бою, вспоминая, какъ они побѣдили императора и его армію, хотя онъ былъ знатнѣе и могущественнѣе короля Франціи.

Долгое время дрались съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ и яростью. Пока храбрѣйшіе изъ французскихъ воиновъ могли защищаться, они производили страшное опустошеніе въ рядахъ непріятеля. Но турки были столь многочисленны, что всякій разъ, когда одни, утомленные и израненные, удалялись съ поля битвы, ихъ немедленно замѣщали свѣжіе отряды. Наши же, не имѣя такого преимущества, не могли потому долго переносить тяжести боя и наконецъ начали

уступать, изнеможенные отъ усталости и ранъ. Много было убито; многіе попались въ плѣнъ и были отягчены цѣпями.

Христіанская армія потеряла четырехъ изъ своихъ знатнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ, графа Гаронсы, Гоше изъ Монгэ, Эврара изъ Бретейля и Итье изъ Маньяка; неизвѣстно, погибли ли они, или попались въ плѣнъ. Много и другихъ воиновъ воспріяло въ этотъ день мученическій вѣнецъ; хотя приговоры божества не должны быть обсуждаемы, какъ праведные и непогрѣшимые, но люди считали страннымъ то обстоятельство, что французы, народъ самый благочестивый и строго исполняющій заповѣди господни, пали подъ ударами невѣрныхъ.

Изъ авангарда никто не участвовалъ въ сраженіи; они раскинули палатки, предались отдыху и ничего не знали о случившемся. Но, замѣтивъ, что арріергардъ слишкомъ долго не подходитъ, они начали опасаться и думать, не случилось ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе. Король лично присутствовалъ въ сраженіи; но когда число окружавшихъ его начало уменьшаться и турки овладѣли полемъ битвы, нѣсколько французскихъ воиновъ схватили лошадь короля подъ устцы и принудили его удалиться на возвышенность, находившуюся вблизи. Тамъ они оставались до ночи; но потомъ имъ показалось благоразумнѣе спуститься и отправиться по какой-нибудь дорогѣ, нежели оставаться окруженными непріятелемъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи кто могъ имѣть довольно мудрости, чтобы дать совѣтъ королю, угрожаемому опасностями отовсюду? Враги обступали вокругъ, армія погибла; никто не зналъ, по какой дорогѣ слѣдуетъ идти; но Богъ, не покидающій никогда тѣхъ, которые надѣются на него, ниспослалъ имъ утѣшеніе. Пилигримы замѣтили зажженные огни и, узнавъ по нимъ лагерь авангарда, отправились къ его палаткамъ. Турки же, опасаясь, чтобы авангардъ не вернулся подъ покровомъ ночи для помощи христіанамъ, отступили. Нѣкоторые разсказываютъ, что король оставался на вершинѣ того холма съ небольшимъ числомъ воиновъ, между которыми находились многіе, не любившіе его, и которые, не зная о его присутствіи, изрыгали противъ него хулу. Король мужественно защищался на холмѣ; но, видя, что съ приближеніемъ ночи темнота раздѣлитъ сражающихся, онъ удалился подъ дерево; потомъ, взобравшись на вѣтви, онъ долгое время защищался мечемъ противу турокъ. Непріятель, опасаясь ночного мрака и прибытія помощи королю, удалился съ быстротою. Когда авангардъ увидѣлъ короля и узналъ о случившемся несчастіи, по всему лагерю распространились печаль, стоны и плачъ. Не было никого, кто не оплакивалъ бы кого-нибудь изъ своихъ; одинъ утратилъ отца; другой—сына; иной—брата; иной—дядю. Еслибы горе дало возможность размышленію, то христіане легко моглибы понять, какой опасности подвергаетъ ихъ такое отчаяніе, ибо турки, замѣтивъ то, поняли бы, до какого крайняго положенія доведена армія, и безъ труда или истребили бы ее, или взяли бы въ плѣнъ. Однако нѣкоторые изъ христіанъ, ускользнувшіе изъ оковъ невѣрныхъ, возвратились въ лагерь, укрываясь сначала въ кустарникѣ и въ пещерахъ; но число ихъ было ничтожно по сравненію съ павшими въ битвѣ. Съ того дня количе-

ство съѣстныхъ припасовъ стало уменьшаться, а вскорѣ и люди, и скотъ почувствовали въ немъ недостатокъ. Не могли ничего найти для поддержанія жизни, потому что лагерь не имѣлъ никакого подвоза съѣстныхъ припасовъ. Опасность была тѣмъ больше, что никто въ арміи не зналъ страны и не могъ сказать, въ которую сторону слѣдовало идти. Христіанскіе воины походили на заблудшихъ овецъ; они бросались то налѣво, то направо; то опускались въ долины, то поднимались на горы. Но волею божіею, наконецъ, армія достигла города Саталіи (Атталія). Удивительно то, что ни одинъ турокъ не являлся предъ нею, и ей не предстояло ни выдерживать битвъ, ни бороться съ другими препятствіями со стороны непріятеля; для многихъ это обстоятельство было предметомъ и изумленія, и радости.

Саталія расположена на морскомъ берегу и принадлежитъ греческой имперіи; въ ея окрестностяхъ находятся поля, весьма удобныя для обработки и которыя давали бы обильную жатву, еслибы ихъ воздѣлывать; но они ничего не приносятъ ни земледѣльцамъ, ни горожанамъ, потому что турки, владѣющіе сосѣдними замками, угнетаютъ жителей до того, что они не могутъ посвящать себя никакому труду. Но въ стѣнахъ Саталіи находится довольно земли для производства хлѣба и всего необходимаго для человѣка. Вблизи стѣнъ устроены прекрасные фонтаны, восхитительныя дачи, гдѣ растутъ всякаго рода деревья. Хлѣбъ очень дешевъ, потому что купцы привозятъ его моремъ; но торговля идетъ худо, вслѣдствіе притѣсненій турокъ, если городъ не платитъ имъ ежегодной дани. Турки называютъ этотъ городъ *Ахаліей*, по имени большой горы, которая господствуетъ надъ нимъ и тянется изъ Ликсодона до морского берега къ о. Кипру; греки называютъ этотъ городъ *Аталикой*, а мы, франки — *Пропастью Саталіи*, и это названіе удерживается до настоящаго времени.

Лудовикъ, давъ своему войску нѣсколько дней отдыха, оставилъ пѣхоту въ городѣ, а самъ съ нѣсколькими рыцарями и баронами сѣлъ на корабль и отплылъ, держась влѣво отъ Исавріи и Киликіи, а вправо отъ Кипра. Море было спокойно, и вѣтеръ дулъ попутный. Такъ онъ прибылъ въ Селевкію и высадился въ гавани св. Симеона, что́ въ десяти миляхъ отъ Антіохіи, и гдѣ р. Оронтъ, омывъ этотъ городъ, впадаетъ въ море. Раймундъ, князь Антіохіи, узнавъ, что король Франціи присталъ къ его владѣніямъ съ арміей, выразилъ по этому случаю большую радость: уже давно онъ ожидалъ его прибытія. Онъ вышелъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ вельможами двора и блестящею свитой и принялъ его въ Антіохіи съ большимъ почетомъ. Народъ и духовенство встрѣтили Лудовика процессіею. Раймундъ старался угодить ему всѣми мѣрами; еще прежде, узнавъ о томъ, что король принялъ крестъ, онъ послалъ ему во Францію большіе подарки и драгоцѣнности. Онъ надѣялся, что съ помощью французовъ ему удастся отнять у турокъ нѣсколько городовъ и крѣпостей и расширить свои владѣнія насчетъ сарацинъ. Особенно онъ разсчитывалъ на дружбу королевы Элеоноры, сопровождавшей короля, и которая была его племянницею, какъ дочь его старшаго брата Вильгельма, графа Поату. При королѣ не было ни одного барона, ко-

торый не получилъ бы отъ него подарковъ. Со всѣми ими онъ обращался соотвѣтственно достоинству и происхожденію каждаго; навѣщалъ ихъ и старался понравиться своими ласковыми и вкрадчивыми рѣчами. Онъ такъ былъ увѣренъ въ помощи франковъ, что уже считалъ въ своей власти Цезарею и прочіе города, сосѣдніе Антіохіи. Его мечты, безъ сомнѣнія, осуществились бы, еслибы ему удалось склонить въ свою пользу короля Франціи, ибо турки, устрашенные прибытіемъ Лудовика, не имѣли ни намѣренія, ни средствъ сопротивляться; они думали только о бѣгствѣ, если король тронется противъ нихъ. Князь Антіохійскій, развѣдывая намѣренія Лудовика, не нашелъ въ немъ того, что̀ онъ искалъ; напротивъ, онъ замѣтилъ, что король былъ далекъ отъ его намѣреній. Однажды онъ пришелъ къ нему, и въ присутствіи всѣхъ бароновъ изложилъ предъ нимъ свою просьбу; онъ доказывалъ ему, что, принявъ его предложеніе, онъ увеличитъ свою славу и распространитъ предѣлы христіанства. Король, по совѣщаніи съ баронами, отвѣчалъ Раймунду, что онъ далъ обѣтъ идти въ св. землю; что онъ предпринялъ походъ исключительно съ этою цѣлью; что со времени своего отбытія изъ Франціи онъ испыталъ всякаго рода бѣдствія, и потому не желаетъ измѣнить намѣренія и пускаться въ новыя предпріятія; что онъ желаетъ исполнить прежде всего свою клятву, и послѣ того выслушаетъ охотно князя и другихъ владѣтелей Сиріи относительно всего, что̀ касается выгодъ христіанства.

Такой отвѣтъ короля убѣдилъ Раймунда, что всѣ его надежды неосновательны, и онъ такъ озлобился на него, что съ того времени безпрестанно строилъ ему козни. Король узналъ о замыслахъ Раймунда и его коварныхъ планахъ, и, посовѣтовавшись тайно съ баронами, ушелъ ночью изъ города вмѣстѣ съ своею свитою. Его удаленіе не имѣло уже того блеска и торжества, какими сопровождалось его прибытіе. Многіе, осуждая справедливо поведеніе короля, говорили, что его выходъ изъ Антіохіи не соотвѣтствовалъ ни его достоинству, ни его чести.

Слѣдуетъ отступленіе, въ которомъ авторъ разсказываетъ, какимъ образомъ Конрадъ III, осыпанный подарками императора Мануила, сѣлъ на корабль и прибылъ въ Палестину прежде Лудовика VII.

Нѣсколько времени спустя, въ Іерусалимѣ узнали, что король Франціи оставилъ Антіохію и отправился прямо въ Триполь. Король Балдуинъ (III), когда къ нему пришло извѣстіе о томъ, созвалъ бароновъ и выслалъ патріарха на встрѣчу къ королю съ просьбою поспѣшить въ св. городъ, гдѣ его ожидали императоръ нѣмецкій, онъ самъ и бароны: король Іерусалимскій опасался, что какой-нибудь договоръ, заключенный Лудовикомъ съ княземъ Антіохіи или съ графомъ Триполя, задержитъ его въ тѣхъ владѣніяхъ... Четыре владѣтеля, которые правили въ Палестинѣ (король Іерусалима, графъ Триполя, князь Антіохіи и графъ Эдессы), были самыми могущественными христіанскими баронами на Востокѣ; узнавъ о прибытіи французскаго короля и германскаго императора, каждый возъимѣлъ надежду при ихъ по-

мощи увеличить свои владѣнія пріобрѣтеніемъ богатыхъ и цвѣтущихъ городовъ на турецкой границѣ, и для достиженія того каждый съ своей стороны дѣлалъ все возможное для привлеченія къ себѣ этихъ двухъ могущественныхъ государей. Они посылали деньги имъ самимъ, ихъ баронамъ и тѣмъ изъ служителей, которые, по ихъ мнѣнію, могли имѣть на нихъ вліяніе.

Затѣмъ авторъ разсказываетъ торжественный въѣздъ Лудовика VII въ Іерусалимъ; неудачный походъ союзниковъ противъ Дамаска и возвращеніе ихъ въ Европу безъ всякихъ результатовъ; хроника останавливается или прерывается на разводѣ Лудовика VII съ Элеонорою.

Анонимъ.

Gesta Ludovici VII regis, filii Ludovici Grossi.

Анонимъ, т.-е. *безъименный* писатель, замѣчателенъ прежде всего тѣмъ, что вмѣстѣ съ Одо Діогильскимъ (см. о немъ выше, на 369 стр.) служитъ единственнымъ полнымъ источникомъ для второго крестоваго похода. Уступая своему сопернику въ искусствѣ изложенія, анонимъ стоитъ выше его по точности и опредѣленности разсказа. Рукопись безъ имени автора сохранялась въ монастырѣ С.-Дени; изъ самого содержанія можно заключить объ авторѣ только одно, что онъ писалъ около 1180 года.—Лучшее изданіе сдѣлано у *Duchesne*, Historiæ Francorum scriptores coaetanei etc. Par. 1636—49, въ 5 том.; IV т., стр. 390 и слѣд.—Изслѣдованіе у *Wilken*, Geschichte der Kreuzzüge. III. 1 P. 158. № 4.

---

39. — Осада Дамаска и окончаніе второго крестоваго похода. 1148—49 г.

(Въ 1811 г.).

Лудовикъ VII, король Франціи, оставивъ въ отчаянномъ положеніи значительную часть своей арміи въ Сataліи (Атталія) на произволъ судьбы, сѣлъ на корабли и прибылъ моремъ въ княжество Антіохію. Три четверти его войска погибло на пути, но тѣмъ не менѣе князь Антіохійскій, Раймундъ Поату, принялъ его съ восторгомъ. Народъ и духовенство вышли въ процессіи на встрѣчу королю. Французы, сопровождавшіе его, забыли скоро, среди удовольствій, и усталости долгаго пути, и плачевную смерть своихъ сподвижниковъ. Въ стѣнахъ Антіохіи жили въ то время графиня Тулузская, графиня Блоа, Сивилла Фландрская, Морилла графиня Русси, Талькерія герцогиня Бульонская и много другихъ дамъ, знаменитыхъ своимъ происхожденіемъ или красотою. Празднества, данныя Раймундомъ, полу-

чили особенный блескъ отъ присутствія Элеоноры Гвіенской. Эта молодая принцесса, дочь Вильгельма IX (Поату) и племянница князя Антіохіи, соединяла самые обольстительные дары души съ прелестною красотою; она вызвала къ себѣ изумленіе въ Константинополѣ и не нашла соперницы при дворѣ императора Мануила. Ее упрекали съ нѣкоторымъ основаніемъ за то, что она желала нравиться болѣе, нежели какъ то прилично христіанской королевѣ. Не искреннее благочестіе, не ревность покаянія, влекли ее въ Іерусалимъ. Утомленія, опасности долгаго пути, несчастія крестоносцевъ, мысль о святыхъ мѣстахъ, всегда присущая духу пилигримовъ, нисколько не ослабили въ ней ея слишкомъ сильной наклонности къ удовольствіямъ и ея чрезмѣрнаго расположенія къ любезностямъ рыцарей.

Раймундъ Поату, среди празднествъ, даваемыхъ въ честь королевы Элеоноры, не забывалъ интересовъ своего княжества. Онъ хотѣлъ ослабить могущество Нуреддина, самаго грознаго врага христіанскихъ колоній, и пламенно желалъ, чтобы крестоносцы захотѣли помочь ему въ этомъ предпріятіи; ласки, просьбы, дары, ничего не было пощажено, чтобы заохотить ихъ къ продолженію своего пребыванія въ его владѣніяхъ. Князь Антіохіи обратился сначала къ королю Франціи, и предложилъ ему, въ совѣтѣ бароновъ, осадить Алеппо и другіе сосѣдніе города. Такъ-какъ самые опасные враги христіанъ являлись постоянно съ береговъ Тигра и Евфрата, то вѣрнѣйшимъ средствомъ къ предупрежденію ихъ набѣговъ было бы завоеваніе городовъ, которые лежали на ихъ пути и служили имъ, такъ сказать, воротами въ Сирію. Сколько бѣдствій обрушилось на христіанскія колоніи, вслѣдствіе того, что эти города были оставлены въ рукахъ варваровъ! Еще не забыли плѣна Боэмунда, сподвижника Готфрида, плѣна одного изъ королей Іерусалимскихъ, смерть Рожера и многихъ другихъ князей, захваченныхъ врасплохъ и побѣжденныхъ туркоманами и ордами, прибывшими изъ Персіи, съ береговъ Каспійскаго моря, и изъ страны Мосула. Могли ли забыть взятіе Эдессы, исполнившее ужасомъ все христіанство, и угрозы свирѣпаго завоевателя Месопотаміи, который поклялся овладѣть Антіохіею и подчинить Іерусалимъ закону исламизма? Всѣ эти доводы и многіе другіе, представляемые Раймундомъ Поату, не могли быть оцѣнены воителями, прибывшими съ Запада, и которые не знали ни положенія христіанскихъ колоній, ни могущества ихъ враговъ. Лудовикъ VII отвѣчалъ, что онъ далъ обѣтъ идти къ святому Гробу, что онъ принялъ крестъ для исполненія этого обѣта, что, со времени своего отправленія изъ Франціи, онъ испыталъ много несчастій и не можетъ помышлять о новыхъ предпріятіяхъ; онъ присоединялъ, что, по исполненіи своихъ священныхъ обѣтовъ пилигрима, онъ выслушаетъ охотно князя Раймунда и другихъ владѣтелей Сиріи, относительно всего, что̀ касается выгодъ христіанства въ этой странѣ.

Князь Антіохіи не упалъ духомъ отъ такого отвѣта. Онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы тронуть сердце королевы, и рѣшился употребить въ дѣло любовь для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. Вильгельмъ Тирскій, оставившій намъ портретъ Раймунда, го-

ворить, что этотъ князь „былъ въ разговорѣ мягокъ и привѣтливъ, обнаруживая въ своихъ привычкахъ и обращеніи удивительную прелесть и манеры превосходнаго и великодушнаго князя". Онъ вознамѣрился склонить королеву Элеонору къ продолженію своего пребыванія въ княжествѣ Антіохійскомъ. Тогда только-что начиналась весна: веселые берега Оронта, рощи Дафны, прекрасное небо Сиріи должны были, безъ сомнѣнія, помогать краснорѣчію Раймунда. Королева, увлеченная просьбами этого князя и находясь подъ вліяніемъ всякихъ угодъ со стороны чувственнаго и блистательнаго двора и, если вѣрить историкамъ, подъ вліяніемъ удовольствій и страстей, недостойныхъ ея, настоятельно убѣждала короля промедлить своимъ отправленіемъ къ святому городу. Лудовикъ VII былъ человѣкъ строгаго благочестія и недовѣрчиваго духа и ревниваго: побужденія, которыя задерживали королеву въ Антіохіи, только увеличивали въ немѣ рѣшимость идти въ Іерусалимъ. Упорство Элеоноры вызывало въ немъ подозрѣнія, и эти подозрѣнія дѣлали его непоколебимымъ. Тогда Раймундъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, разразился жалобами и думалъ только о мести. Этотъ князь, говоритъ Вильгельмъ Тирскій, былъ необузданъ въ своихъ желаніяхъ „и столь злобенъ, что при раздраженіи не имѣлъ ни смысла, ни толку". Онъ легко сообщилъ свое негодованіе Элеонорѣ. Эта королева громко выражала намѣреніе разойтись съ Лудовикомъ VII и расторгнуть бракъ подъ предлогомъ родства. Раймундъ также клялся употребить насиліе, чтобы удержать свою племянницу въ своихъ владѣніяхъ. Наконецъ, король Франціи, оскорбленный, въ качествѣ короля и мужа, рѣшился ускорить отъѣздомъ и былъ вынужденъ похитить свою собственную жену и отвезти ее ночью въ свой лагерь.

Поведеніе королевы должно было являться соблазнительнымъ въ глазахъ невѣрныхъ и христіанъ на Востокѣ. Ея примѣръ могъ имѣть гибельныя послѣдствія въ войскѣ, гдѣ находилось большое число женщинъ. Въ толпѣ рыцарей и даже мусульманъ, которые во время пребыванія Элеоноры въ Антіохіи привлекали къ себѣ поочередно ея взоры, указываютъ на одного молодого турка, который получалъ отъ нея подарки и для котораго она намѣревалась оставить короля Франціи. Въ такихъ обстоятельствахъ, замѣчаетъ остроумно Мезере́ (французскій историкъ XVII вѣка), часто говорятъ болѣе, нежели есть; но иногда также бываетъ болѣе, нежели говорятъ. Какъ бы то ни было, Лудовикъ VII не могъ забыть своего безчестія, и считалъ себя обязаннымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, развестись съ Элеонорою, которая вышла замужъ за короля Англіи, Гейнриха II, и передала ему герцогство Гвіень, что составило для Франціи одно изъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій второго крестоваго похода.

Король и бароны Іерусалима, опасаясь продолжительности пребыванія Лудовика въ Антіохіи, отправили къ нему пословъ, заклиная именемъ Іисуса Христа торопиться отправленіемъ въ Палестину. Король Франціи исполнилъ ихъ желаніе и прошелъ Сирію и Финикію, не останавливаясь при дворѣ графа Триполя, который имѣлъ тѣ же намѣренія, какъ и Раймундъ Поату. Его прибытіе въ святую землю произвело живѣйшій восторгъ и воодушевило надежду христіанъ. На-

родъ Іерусалима, князья, прелаты, вышли къ нему на встрѣчу, держа въ рукахъ пальмовыя вѣтви съ пѣніемъ тѣхъ же словъ, которыми привѣтствовали Спасителя міра: „Благословенъ грядый во имя Господне!“ Около того же времени нѣмецкій императоръ Конрадъ III, оставившій Европу съ многочисленнѣйшею арміею и теперь сопровождаемый только нѣкоторыми изъ своихъ бароновъ, прибылъ въ святую землю, не съ великолѣпіемъ великаго государя, но съ уничиженіемъ простого пилигрима. Оба монарха оплакали испытанныя ими бѣдствія и, сойдясь въ церкви св. Гроба, преклонились вмѣстѣ предъ неисповѣдимою волею Провидѣнія.

Балдуинъ III, который правилъ тогда въ Іерусалимѣ, государь молодой, подававшій большія надежды и горѣвшій нетерпѣніемъ какъ возвеличить свою славу, такъ и расширить свое государство, не упустилъ ничего для внушенія къ себѣ довѣренности крестоносцевъ и для ускоренія войны, которую слѣдовало нанести мусульманамъ. Въ Птолемаидѣ было собрано многочисленное собраніе. Императоръ Конрадъ, король Франціи, юный король Іерусалима отправились туда въ сопровожденіи своихъ бароновъ и своихъ рыцарей. Вожди христіанскихъ армій и старѣйшины духовенства совѣщались вмѣстѣ относительно священной войны, въ присутствіи королевы Милезенды, маркизы Австрійской и многихъ французскихъ и нѣмецкихъ дамъ, которыя сопровождали крестоносцевъ въ Азію. Въ этомъ блестящемъ собраніи, христіане были изумлены, замѣтивъ отсутствіе королевы Элеоноры Гвіенской, и съ сожалѣніемъ вспоминали о пребываніи въ Антіохіи. Отсутствіе Раймунда Поату, графовъ Эдессы и Триполя, которые вовсе не были приглашены на это совѣщаніе, должно было также породить печальныя мысли и предвѣщать несчастное послѣдствіе раздора между восточными христіанами.

Имя бѣднаго графа Эдессы Іосцелина едва было упомянуто на совѣтѣ бароновъ и князей; о городѣ Эдессѣ вовсе не говорили, а между тѣмъ его потеря вооружила Западъ; никто не упомянулъ о необходимости завоеванія Алеппо, предложеннаго Раймундомъ Антіохійскимъ. Съ самаго начала правленія Балдуина III, князья и владѣтели Палестины составили планъ распространить свое оружіе за Ливаномъ и подчинить Дамаскъ. Такъ какъ христіане, овладѣвъ какою-нибудь провинціею или мусульманскимъ городомъ, раздѣляли между собою земли и дома побѣжденныхъ, то народъ, населявшій безплодныя горы Іудеи, бо́льшая часть воителей Іерусалима, даже само духовенство, устремили свои желанія на земли Дамаска, которыя представляли побѣдителямъ богатую добычу, пріятное мѣстоположеніе и поля, обильныя жатвою. Впрочемъ, и мудрая политика могла также внушать имъ намѣреніе предупредить въ этомъ завоеваніи атабековъ, и въ особенности Нурредина, власть котораго должна была увеличиться пріобрѣтеніемъ Дамаска. А потому на сеймѣ въ Птолемаидѣ было опредѣлено начать войну именно осадою этого города.

Всѣ войска собрались въ Галилеѣ (сѣв. часть Іер. кор.), къ самому началу весны, и двинулись къ г. Панеѣ, предводительствуемыя королемъ Франціи, императоромъ Германіи, королемъ Іерусалима и предшествуемыя патріархомъ, который несъ истинный крестъ. Хри-

стіанская армія, къ которой присоединились Тампліеры и Іоанниты, перешла, въ первыхъ дняхъ іюня, горную цѣпь Анти-Ливана и расположилась лагеремъ близь мѣстечка Даріи, при входѣ въ долину Дамаска.

Городъ Дамаскъ, называемый нынѣ *Эль-Хамъ, Сирія,* потому что онъ служитъ столицею этой страны, расположенъ въ долинѣ у подножія Анти-Ливана; онъ имѣетъ въ окружности полтора льё. Дамаскъ считается однимъ изъ священныхъ городовъ исламизма, и его мусульманское населеніе извѣстно своимъ фанатизмомъ и своею ненавистью къ *гяурамъ.* Сады Дамаска простираются на семь льё и насажены деревьями всякаго рода. Это изумительный лѣсъ апельсинныхъ, лимонныхъ деревьевъ, кедровъ, абрикосовъ, сливъ, вишень, персиковъ, фигъ и проч. Рѣка Барадди или Баррада (беретъ свой источникъ въ десяти льё отъ Дамаска, на СВ.), главные рукава которой носили въ древности имена Фарфара и Абаны, развѣтвляется на многіе каналы, которые орошаютъ обиліемъ своихъ водъ сады и городъ. Пр. Іезекіиль хвалитъ вина Дамаска, его многочисленныя фабрики, краску его шерстяныхъ издѣлій. Шелковыя матеріи и бумажныя ткани, сахарные заводы и сушеніе фруктовъ, сѣдельное производство для наѣздниковъ степей—составляютъ нынѣ главный предметъ торговли Дамаска; каждый день купеческіе караваны выходятъ изъ Эль-Хама во всѣ стороны Востока. Многія мѣста св. Писанія изображаютъ этотъ городъ центромъ чувственныхъ наслажденій и удовольствій. Дамаскъ и нынѣ принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ и самыхъ очаровательныхъ городовъ на Востокѣ. Внутренность домовъ въ Дамаскѣ представляетъ много изящества и блеска: это настоящія азіатскія молельни съ дворами, усаженными апельсинными и гранатными деревьями или груднымъ ягодникомъ (jujubière), съ фонтанами и водометами. Мусульманская легенда повѣствуетъ, что Магометъ, пораженный, при видѣ этого города, его красотою, остановился и не хотѣлъ входить въ него. „Человѣку предназначенъ всего одинъ рай, воскликнулъ пророкъ арабовъ; что касается до меня, я рѣшился не наслаждаться раемъ въ этомъ мірѣ“.

Дамаскъ, одинъ изъ первыхъ городовъ, основанныхъ рукою человѣка, занимаемый поочереди ассиріянами, персами, греками, римлянами и византійскими императорами, подпавъ подъ владычество арабовъ съ первыхъ временъ эгиры (VII ст.), образовалъ изъ себя мусульманское княжество. Въ эпоху второго крестоваго похода, это княжество, подвергаясь нападенію то франковъ, то ортокидовъ, то атабековъ и ограничиваясь почти однѣми городскими стѣнами, принадлежало мусульманскому владѣтелю, который долженъ былъ защищаться отъ вторженія чужеземныхъ враговъ не менѣе, какъ и противъ честолюбія эмировъ. Нуреддинъ, владѣтель Алеппо и многихъ другихъ городовъ Сиріи, дѣлалъ уже много разъ попытку овладѣть Дамаскомъ, и никогда не терялъ надежды присоединить его къ своимъ завоеваніямъ, а между тѣмъ христіане уже рѣшили осадить этотъ городъ.

Дамаскъ былъ защищенъ высокими стѣнами съ восточной и южной стороны; съ запада и съ сѣвера онъ имѣлъ для своей защиты одни

густые и обширные сады, гдѣ со всѣхъ сторонъ возвышались изгороди, земляныя стѣнки и маленькія башни, въ которыхъ можно было помѣстить стрѣлковъ. Составители хроникъ съ удовольствіемъ рисуютъ намъ состояніе христіанской арміи при ея прибытіи къ стѣнамъ Дамаска. „О! восклицаетъ авторъ *Дѣяній Лудовика VII* (см. о немъ на стр. 400), какъ хорошо было глядѣть на эту армію съ ея многочисленными палатками, совершенно новыми, съ ея разноцвѣтными и разнообразными знаменами, колеблющимися по волѣ вѣтровъ! Мусульмане, стоя на высотѣ своихъ укрѣпленій, трепетали при ея видѣ: ихъ страхъ не представлялъ въ себѣ ничего удивительнаго, ибо, они знали, имъ приходилось сражаться съ цвѣтомъ французскаго дворянства“. Крестоносцы, готовясь начать осаду, опредѣлили въ совѣтѣ, прежде всего овладѣть садами. Они разсчитывали найти тамъ воду и фрукты; но такое предпріятіе было сопряжено съ великими затрудненіями: сады, тянувшіеся до подножія Анти-Ливана, представляли собой густой лѣсъ, перерѣзанный узкими тропинками, гдѣ два человѣка съ трудомъ могли бы пройти рядомъ. Невѣрные изготовили повсюду окопы, въ которыхъ они могли безопасно сопротивляться нападеніямъ крестоносцевъ. Но ничто не могло удержать храбрость и порывы христіанской арміи, которая проникла въ сады съ различныхъ сторонъ. Съ высоты башенъ, изъ укрѣпленія стѣнъ, изъ чащи густыхъ деревьевъ, вылетали тучи стрѣлъ и дротиковъ. Каждый шагъ христіанъ въ этой защищенной мѣстности былъ обозначенъ упорною битвою. Между тѣмъ невѣрные, выдерживая безпрерывныя нападенія, принуждены были, наконецъ, оставить свою позицію. Король Іерусалима шелъ первымъ во главѣ своей арміи и рыцарей ордена Тампліеровъ и Іоаннитовъ; за восточными христіанами выступали французскіе крестоносцы, предводительствуемые Лудовикомъ VII. Императоръ Германіи, собравшій остатки своихъ войскъ, оставался въ резервѣ, и долженъ былъ обезпечивать осаждающихъ отъ неожиданнаго нападенія враговъ.

Король Іерусалимскій съ жаромъ преслѣдовалъ мусульманъ: его воины бросались вмѣстѣ съ нимъ въ ряды непріятелей и сравнивали своего вождя съ Давидомъ, который, по словамъ Писанія, побѣдилъ одного изъ царей Дамаска. Мусульмане, продолжая биться, соединились на берегахъ Баррады, къ западу отъ города, чтобы спастись отъ стрѣлъ и камней христіанъ, утомленныхъ жарою и жаждою. Воины, предводительствуемые Балдуиномъ III, тщетно старались нѣсколько разъ прорвать ряды невѣрныхъ: они встрѣчали постоянно непреодолимый отпоръ. Тогда-то германскій императоръ обнаружилъ свою храбрость въ подвигѣ достойномъ героевъ перваго крестоваго похода. Сопровождаемый небольшимъ числомъ своихъ людей, онъ проходитъ чрезъ французскую армію, которая, по затруднительной мѣстности, не могла сражаться, и становится впереди крестоносцевъ. Ничто не можетъ противостоять его отчаянному нападенію: враги, попадавшіеся ему на встрѣчу, падаютъ подъ его ударами; тогда одинъ мусульманинъ, гигантскаго роста и вооруженный съ ногъ до головы, становится передъ нимъ, чтобы остановить его. Конрадъ III летитъ немедленно на встрѣчу врагу. При видѣ такого поединка, обѣ арміи

неподвижно ждали въ страхѣ, пока одинъ изъ двухъ бойцовъ не опрокинетъ своего противника, чтобы возобновить битву. Мусульманскій воинъ былъ скоро сброшенъ съ коня. Конрадъ однимъ ударомъ меча по плечу своего непріятеля разрубилъ его тѣло на двѣ части. Это чудо силы и мужества удвоило жаръ христіанъ и распространило ужасъ между невѣрными, которые съ того времени начали искать своей безопасности въ городѣ и берега рѣки оставили во власти крестоносцевъ.

Восточные писатели разсказываютъ о степени страха жителей Дамаска послѣ побѣды христіанъ. Въ теченіе многихъ дней мусульмане ложились спать на пеплѣ; посреди главной мечети былъ выставленъ коранъ, собранный Османомъ; женщины, дѣти собирались около священной книги, взывая къ Магомету о помощи противъ ихъ враговъ. Осажденные уже думали покинуть городъ; они загородили улицы со стороны садовъ толстыми бревнами, цѣпями и кучею камней, чтобы замедлить шествіе осаждающихъ и дать себѣ время бѣжать сѣверными и южными воротами, вмѣстѣ съ своими богатствами и семействами.

Христіане были такъ убѣждены въ овладѣніи городомъ, что ихъ вожди занимались только однимъ вопросомъ: кому будетъ отданъ Дамаскъ. Бо̀льшая часть бароновъ и владѣтелей, находившихся въ христіанской арміи, заискивали благосклонности короля Франціи и императора Германіи и пренебрегали осадою укрѣпленій, чтобы домогаться пріобрѣтенія города. Теодорикъ Эльзасскій, графъ Фландріи, приходившій два раза въ Палестину, еще до этого похода, и предоставившій своему семейству всѣ свои владѣнія въ Европѣ, просилъ для себя Дамасское княжество настоятельнѣе другихъ, и одержалъ верхъ надъ своими соискателями и соперниками. Такое предпочтеніе породило зависть и повело за собою разслабленіе арміи. Пока овладѣніе городомъ составляло предметъ честолюбія каждаго, вожди пылали усердіемъ и жаромъ; но, потеря вънадежду, одни впали въ бездѣйствіе, другіе не считали славы христіанъ своимъ собственнымъ дѣломъ, и старались воспрепятствовать успѣху предпріятія, которое не представляло имъ никакой выгоды.

Предводители осажденныхъ воспользовались такимъ настроеніемъ умовъ, чтобы открыть переговоры съ крестоносцами. Ихъ угрозы, ихъ обѣщанія, ихъ подарки уничтожили послѣднее рвеніе и энтузіазмъ христіанъ. Особенно они обращались къ баронамъ Сиріи и убѣждали ихъ не довѣрять пришельцамъ Запада, которые, по ихъ словамъ, хотятъ овладѣть христіанскими городами въ Азіи. Они угрожали предать Дамаскъ въ руки султана Мосула или новому властителю Востока, Нурредину, которому ничто не могло противиться и который скоро овладѣетъ Іерусалимскимъ королевствомъ. Бароны Сиріи, или бывъ увлечены подобными рѣчами, или въ глубинѣ души опасаясь предпріимчивости франковъ, явившихся къ нимъ на помощь, только и думали о томъ, чтобы замедлить осаду, которой они сами желали съ такимъ жаромъ. Злоупотребляя довѣрчивостью крестоносцевъ, они предложили планъ, принятый слишкомъ легкомысленно и уничтожившій всѣ надежды, какія возлагались на этотъ крестовый походъ.

Въ собраніи, бароны Сиріи совѣтовали перемѣнить мѣсто напа-

денія: сосѣдство садовъ и рѣки, говорили они, препятствуетъ выгодному размѣщенію орудій. Христіанская армія, въ занимаемой ею позиціи, можетъ быть захвачена врасплохъ и подвергнется опасности увидѣть себя окруженною врагами, безъ всякой возможности къ защитѣ; казалось болѣе вѣрнымъ и болѣе легкимъ повести осаду города съ южной и съ восточной стороны.

Большинство предводителей имѣло болѣе отваги, нежели благоразумія: увѣренность въ побѣдѣ заставляла ихъ считать все возможнымъ; сверхъ того, они не могли сомнѣваться въ восточныхъ христіанахъ, которые были ихъ братьями, и для которыхъ они предприняли войну. Опасеніе затянуть осаду принудило одобрить планъ, предложенный баронами Сиріи. Перемѣнивъ мѣсто аттаки, христіанская армія, вмѣсто того, чтобы найти легкій доступъ къ укрѣпленіямъ, увидѣла предъ собою башни и неодолимыя стѣны; къ тому, пространство, которое она занимала теперь, не представляло ей никакихъ средствъ: это была земля обнаженная и безводная. Едва крестоносцы расположились лагеремъ на новыхъ мѣстахъ, какъ городъ Дамаскъ принялъ въ свои стѣны подкрѣпленіе изъ 20,000 курдовъ и туркомановъ, рѣшившихся защищать его. Осажденные, храбрость которыхъ возвысилась отъ присутствія этихъ союзниковъ, облеклись, говоритъ одинъ арабскій историкъ, щитомъ побѣды и сдѣлали нѣсколько вылазокъ, при которыхъ одержали верхъ надъ христіанами. Крестоносцы нѣсколько разъ подступали къ городу и были постоянно отражаемы. Стоя на безплодной почвѣ, они испытывали недостатокъ во всемъ: сосѣднія поля были опустошены невѣрными, и хлѣбъ, уцѣлѣвшій отъ истребленія во время войны, былъ скрытъ въ подземельяхъ, которыхъ нельзя было открыть. Христіанская армія готова была сдѣлаться добычею всѣхъ ужасовъ голода. Между осаждающими вспыхнулъ раздоръ; въ лагерѣ крестоносцевъ только и говорили о вѣроломствѣ и измѣнѣ; христіане Сиріи и христіане европейскіе не соединяли болѣе своихъ силъ при нападеніи на городъ. Вскорѣ узнали, что султаны Алеппо и Мосула появились съ многочисленною арміею: тогда совсѣмъ отчаялись овладѣть Дамаскомъ, и осада была снята. Такимъ образомъ, христіане, не испытавъ до конца своей твердости и своей храбрости, оставили, послѣ нѣсколькихъ дней, предпріятіе, къ которому приготовлялись всѣ силы Европы и Азіи. Къ числу замѣчательныхъ обстоятельствъ этой осады принадлежитъ то, что Эйюбъ, родоначальникъ династіи Эйюбитовъ, предводительствовалъ въ то время гарнизономъ Дамаска и имѣлъ при себѣ сына, молодого Саладина, которому суждено было впослѣдствіи нанести столь тяжкій ударъ христіанамъ и овладѣть Іерусалимомъ. Старшій сынъ Эйюба былъ убитъ при одной вылазкѣ, и жители Дамаска соорудили ему мраморный памятникъ, который видѣли даже нѣсколько вѣковъ спустя подъ стѣнами города.

Одинъ престарѣлый мусульманскій мулла, проведшій сорокъ лѣтъ въ сосѣдней пещерѣ, былъ принужденъ оставить свое убѣжище и искать спасенія въ стѣнахъ, осажденныхъ христіанами. Онъ сожалѣлъ о своемъ уединеніи, нарушенномъ шумомъ войны, и горѣлъ желаніемъ снискать пальму мученичества. Не смотря на возраженія своихъ учениковъ, онъ вышелъ безъ оружія на встрѣчу крестоносцамъ, на-

шелъ желаемую смерть на полѣ битвы, и народъ Дамаска почтилъ его святымъ.

Если вѣрить арабскимъ историкамъ, духовенство не пренебрегало никакимъ средствомъ для возбужденія энтузіазма въ сподвижникахъ Христа. Въ одной битвѣ, близь города, видѣли, какъ между двухъ армій выступилъ сѣдовласый священникъ, на мулѣ и съ крестомъ въ рукахъ; онъ убѣждалъ христіанъ удвоить храбрость и жаръ, и обѣщалъ имъ, именемъ Христа, завоеваніе Дамаска. Мусульмане направляли въ него всѣ свои стрѣлы; крестоносцы тѣснились по сторонамъ, чтобы защитить его. Бой былъ живой и кровавый; наконецъ, священникъ, пронзенный стрѣлами, палъ подъ кучею труповъ, и христіане оставили поле битвы.

Бо̀льшая часть арабскихъ писателей и латинскихъ хроникеровъ разсказываютъ осаду Дамаска съ различными подробностями; тѣмъ не менѣе, всѣ согласны, что отступленіе христіанъ было дѣломъ измѣны. Анонимный писатель *Дѣяній Людовика VII*, самъ очевидецъ, увѣряетъ, что вожди Дамаска тайно подсылали къ баронамъ Сиріи, обѣщая имъ великія сокровища, если они только согласятся убѣдить короля Франціи оставить мѣсто, занимаемое арміею. „Эти бароны, именъ которыхъ исторія не желала произносить, говоритъ авторъ, чтобы спасти ихъ потомство отъ стыда подобныхъ воспоминаній, совѣтовали Людовику перейти на другую сторону Дамаска. О горе! Ихъ совѣтъ былъ принятъ“. По свидѣтельству одного восточнаго историка, король Іерусалимскій принялъ отъ жителей Дамаска значительныя суммы, но онъ былъ обманутъ осажденными, которые доставили ему свинцовую монету, покрытую листовымъ золотомъ.

Нѣкоторые изъ латинскихъ хроникеровъ винятъ при этомъ случаѣ корыстолюбіе Тампліеровъ; другіе высказываютъ свои подозрѣнія относительно Раймунда, князя Антіохіи, который горѣлъ местью противъ короля Франціи. Вильгельмъ Тирскій, оплакивая отступленіе христіанъ, излагаетъ съ безпристрастіемъ тѣ различныя сужденія, которыя произносились по поводу этого событія; одни, говоритъ онъ, приписывали его духу зависти и соперничества, который воодушевлялъ вождей христіанской арміи; другіе думали, что многіе князья и бароны дозволили подкупить себя, и что Богъ, въ наказаніе имъ, обратилъ въ негодный металлъ тѣ деньги, которыя они получили за свою измѣну христіанскому дѣлу. Изложивъ такимъ образомъ различное показаніе современниковъ, сановитый историкъ Іерусалимскаго королевства сознается, что, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ открыть истины, и кончаетъ свой разсказъ воззваніемъ къ правосудію божію противъ неизвѣстныхъ виновниковъ столь тяжкаго преступленія. При этомъ не будетъ излишне сдѣлать одно замѣчаніе, которое можетъ прилагаться ко многимъ событіямъ этой исторіи, а именно, что, въ несчастныхъ обстоятельствахъ, хроники служатъ почти всегда выраженіемъ чувствованій толпы, а толпа всегда наклонна вѣрить, что тамъ есть измѣна, гдѣ войско побѣждено. Весьма вѣроятно, что предводители крестоносной арміи имѣли, для оставленія своего предпріятія, другія побужденія, а не тѣ, которыя имъ приписываются хрониками; ибо если было справедливо утверждать, что христіанскіе князья уступили со-

вѣтамъ, вѣроломство которыхъ не трудно было открыть, и что, вслѣдствіе этихъ совѣтовъ, они были доведены до того, что отчаявались въ успѣхѣ, то и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ болѣе изумляться ихъ простодушной довѣрчивости, нежели измѣнѣ, которой они были игрушкою и вмѣстѣ жертвою.

Послѣ такой несчастной попытки надобно было отчаяться въ успѣхѣ этой войны; на совѣтѣ вождей предложили осаду Аскалона; но умы были огорчены, мужество утрачено. Германскій императоръ думалъ объ одномъ возвращеніи въ Европу, гдѣ папа, чтобы утѣшить его въ неудачахъ, далъ ему титулъ *защитника Римской Церкви*. Король Франціи оставался въ Палестинѣ почти цѣлый годъ; но онъ обнаруживалъ въ это время одно благочестіе пилигрима. Съ этой эпохи, говоритъ Вильгельмъ Тирскій, христіанскія государства въ Азіи шли быстро къ своему паденію. Мусульмане научились не бояться болѣе западныхъ князей, и даже тѣ, которые прежде едва осмѣливались защищаться противъ франковъ, не колебались болѣе объявлять имъ войну. Крестоносцы, по возвращеніи въ Европу, преувеличивали вѣроломство грековъ, силы мусульманъ, измѣну сирійскихъ христіанъ: ихъ разсказы поселяли отчаяніе или равнодушіе во всѣхъ странахъ, гдѣ христіанскія колоніи Востока находили до того времени защитниковъ для себя.

Первый крестовый походъ былъ описанъ огромнымъ числомъ современныхъ историковъ. Второй имѣлъ только трехъ; и, по странности, достойной замѣчанія, всѣ трое прерываютъ свой разсказъ на самой срединѣ событій, и едва говорятъ о концѣ похода, приготовленія къ которому были ими описаны подробно, какъ будто они боялись открыть предъ свѣтомъ неудачи христіанскихъ сподвижниковъ. Ихъ молчаніе можетъ, по крайней мѣрѣ дать, намъ понятіе, которое составляли въ то время относительно этого крестоваго похода.

Во второмъ крестовомъ походѣ неудачи христіанъ не были искуплены никакою славою. Предводители повторили ошибки Готфрида и его сподвижниковъ: они, какъ и ихъ предшественники, не позаботились основать колонію въ Малой Азіи и овладѣть городами, которые могли служить прикрытіемъ для пилигримовъ, идущихъ въ Сирію. Изумляются тому терпѣнію, съ которымъ они переносили оскорбленія и вѣроломства грековъ; но такая кротость, болѣе религіозная, нежели политическая, довела ихъ до погибели. Присоединимъ къ этому, что они слишкомъ презирали турокъ и недовольно обращали вниманіе на средства къ борьбѣ съ ними. Какъ и въ первую священную войну, христіане влекли за собою большое число дѣтей, женщинъ, старцевъ, которые не могли содѣйствовать побѣдѣ, а послѣ пораженія всегда увеличивали замѣшательство и отчаяніе. Среди такого скопища дисциплина не могла установиться; впрочемъ и сами предводители не дѣлали никакихъ попытокъ къ предупрежденію послѣдствій распущенности нравовъ.

Готфридъ Ранконскій, неблагоразуміе котораго (см. выше, на стр. 396) погубило половину французской арміи и поставило короля Франціи въ величайшую опасность, не имѣлъ другого наказанія, кромѣ собственныхъ угрызеній совѣсти, и думалъ искупить свою ошибку,

распростершись вмѣстѣ съ своими сотоварищами надъ гробомъ Іисуса Христа. Всего болѣе вредила дисциплинѣ распущенность нравовъ, которая была слѣдствіемъ особенно того, что большое число женщинъ взялось за оружіе и смѣшалось въ рядахъ войска. Въ этомъ походѣ видѣли отрядъ амазонокъ, предводительствуемый вождемъ, нарядъ котораго изумлялъ болѣе нежели его храбрость, и который, по своей золотой обуви, назывался *Дамою-золотоножкою* (см. выше, на стр. 383).

Другою причиною распущенности нравовъ была крайняя легкость, съ которою принимали въ число крестоносцевъ людей самыхъ испорченныхъ, и даже злодѣевъ. Святой Бернардъ, смотрѣвшій на крестовый походъ какъ на путь къ небу, приглашалъ величайшихъ грѣшниковъ и радовался, видя, что они также вступаютъ на путь спасенія. Реймскій соборъ, котораго аббатъ Клерво былъ оракуломъ, опредѣлилъ, что поджигатели должны въ теченіе года нести службу Богу въ Іерусалимѣ или Испаніи. Пламенный проповѣдникъ священной войны не подумалъ, что великіе грѣшники подъ знаменемъ креста подвергнутся новымъ искушеніямъ, и что на продолжительномъ пути имъ будетъ легче совратить своихъ спутниковъ, нежели исправиться самимъ. Безпорядки были, къ несчастью, терпимы вождями, которые полагали, что небо всегда снисходительно къ крестоносцамъ, и не хотѣли быть строже божества.

Во всякомъ случаѣ, христіанская армія, рядомъ съ самыми соблазнительными нравами, представляла, однако, примѣры суроваго благочестія. Посреди опасностей войны и утомленій длиннаго странствованія, король Франціи съ точностію выполнялъ самые мелочные обряды религіи. Въ разсказахъ Одо Діогильскаго можно видѣть не разъ трогательную преданность Лудовика VII тому народу, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Франціи. Бо́льшая часть вождей принимала его за образецъ для себя. Въ лагерѣ дѣлали болѣе процессій, нежели военныхъ упражненій, и войско менѣе довѣряло своему оружію, чѣмъ своимъ молитвамъ. Вообще, недовольно употребляли средства человѣческаго благоразумія и слишкомъ полагались на Провидѣніе, не оказывающее покровительства тѣмъ, которые совращаются съ пути разума и мудрости.

Первый походъ представляетъ въ себѣ двѣ отличительныя черты: благочестіе и геройство. Второй походъ имѣетъ своимъ побужденіемъ одно благочестіе, которое ближе подходитъ къ ханженству монастырей, нежели къ энтузіазму. Въ этой войнѣ легко замѣтить вліяніе монаховъ, которые проповѣдывали ее и вмѣшивались потомъ во всѣ дѣла. Король Франціи обнаруживалъ въ несчастіяхъ одно самоотверженіе мученика и на полѣ битвы представлялъ одну храбрость и горячность простого солдата. Образъ дѣйствій германскаго императора отличался не бо́льшимъ искусствомъ; онъ потерялъ все вслѣдствіе безразсудной самоувѣренности и убѣжденія, что онъ можетъ побѣдить турокъ безъ помощи французовъ. Оба они были весьма ограничены въ своихъ воззрѣніяхъ, и имъ недоставало той энергіи, которая порождаетъ великія дѣла. Въ походѣ, которымъ они распоряжались, ничто не возвысилось надъ ними, и на всемъ отпечатлѣлся ихъ характеръ. Одо Діогильскій приписываетъ несчастія нѣмцевъ ихъ не-

воздержности: *ebrii semper.* Конрадъ былъ слишкомъ довѣрчивъ къ обѣщаніямъ императора Мануила, который предупредилъ турокъ и далъ латинамъ вожатаевъ, съ порученіемъ обмануть ихъ. Конрадъ III, человѣкъ посредственный, высказался весь въ письмѣ, которое онъ писалъ къ аббату Корбейскаго монастыря: „Я совершилъ въ Святой Землѣ, говоритъ нѣмецкій императоръ, то, что было угодно Богу и что мнѣ дозволили сдѣлать князья той страны". Этотъ второй крестовый походъ не представилъ ни геройскихъ страстей, ни доблестей рыцарства; великіе предводители не встрѣчались въ лагерѣ, и эпоха, описываемая нами, видѣла въ себѣ только двухъ геніальныхъ людей: святого Бернарда, который поднялъ Западъ своимъ краснорѣчіемъ, и аббата Сугерія, мудраго министра Лудовика VII, который долженъ былъ загладить для Франціи тѣ бѣдствія, которыя ей причинилъ второй крестовый походъ.

Мишо.

Histoire des Croisades. T. I, стр. 396 — 410, изд. 1857.

О жизни и сочиненіяхъ Мишо см. выше, въ примѣчаніи къ ст. 3, на стр. 76.

---

40. — Характеристика Нуреддина по восточнымъ писателямъ. 1118 — 1174 г.

(Около 1230 г.).

Авторъ, разсказавъ всю исторію правленія Нуреддина до 1174 г., когда султанъ Мосула, видя явную измѣну своего намѣстника въ Египтѣ, Саладина, отказавшагося помогать ему противъ христіанъ, предпринялъ походъ противъ него въ Египетъ, но умеръ на пути въ Дамаскѣ, имѣя отъ роду 58 лунныхъ лѣтъ, приводитъ разсказъ медика о его смерти и затѣмъ останавливается долго на описаніи характера и нравовъ Нуреддина.

Я заимствую свой разсказъ о смерти Нуреддина, въ 569 году эгиры (т.-е. 1174 г.), у того медика, который состоялъ при немъ во время его послѣдней болѣзни. „Нуреддинъ, говорилъ онъ мнѣ, захворалъ въ Дамаскѣ; меня позвали лечить его вмѣстѣ съ другимъ медикомъ. Мы его нашли лежащимъ въ небольшой комнатѣ; онъ съ трудомъ дышалъ и едва можно было его понимать. Онъ любилъ удаляться въ это мѣсто для молитвы и тамъ внезапно почувствовалъ себя худо; прежде нежели могли подумать о томъ, чтобы перенести его куда-нибудь, онъ находился уже въ величайшей опасности. Видя его въ такомъ положеніи, я сказалъ ему: „Тебя слѣдовало бы перенести въ болѣе свободное мѣсто; при такой болѣзни, какъ твоя, прежде

всего нуженъ чистый воздухъ". Мы попытались помочь ему, но было слишкомъ поздно: черезъ минуту его уже не стало. Да будетъ милостивъ къ нему Аллахъ!"

Нуреддинъ былъ смуглъ, высокаго роста; борода у него росла только на подбородкѣ. Онъ имѣлъ широкій лобъ, пріятное выраженіе лица, а глаза дышали кротостью. При смерти, его владѣнія были обширны, ибо онъ правилъ въ одно время Мосуломъ, частью Месопотаміи, Сиріею, Египтомъ, Счастливою Аравіею, и исполнилъ весь свѣтъ славою своего правосудія и добродѣтелей. Я опишу теперь нѣкоторыя изъ его превосходныхъ качествъ, и этого будетъ довольно для того, чтобы понять, насколько было угодно Богу сдѣлать этого государя образцомъ совершенства. Я докажу, что люди, подобные ему, принадлежатъ къ числу мало-обыкновенныхъ.

Мнѣ удавалось читать жизнь государей, предшествовавшихъ исламизму и тѣхъ, которые слѣдовали за Магометомъ; но за исключеніемъ четырехъ законныхъ калифовъ, Абубекра, Омара, Османа и Али, и калифа Омара, сына Абдалазиса, я не знаю никого, кто провелъ бы лучшую жизнь; я не знаю другого, кто показалъ бы большую справедливость. Днемъ и ночью онъ былъ занятъ тѣмъ, что творилъ судъ, помышлялъ о средствахъ истреблять невѣрныхъ (т.-е. христіанъ) и предупреждать злоупотребленія; день и ночь онъ заботился объ исполненіи своихъ обязанностей къ Богу, творя милостыню и совершая добрыя дѣла. Все, что я говорилъ до сихъ поръ, можетъ быть разсматриваемо, какъ описаніе одного его правленія; теперь же постараюсь разсказать о немъ то, что принадлежало ему лично, какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни. Еслибы жизнь такого одного человѣка была жизнью цѣлаго народа, то и цѣлый народъ имѣлъ бы право гордиться ею. Какъ же она должна была быть славна, если принадлежала нераздѣльно одному человѣку!

Вотъ, напримѣръ, какова была его скромность, любовь къ молитвѣ и познанія. Не смотря на обширность своего государства, количество доходовъ, богатство провинцій, онъ ѣлъ, одѣвался и содержалъ себя единственно изъ доходовъ съ того имущества, которое онъ купилъ на часть своей добычи. Въ отношеніи общественныхъ доходовъ, онъ совѣщался съ законниками и употреблялъ въ свою пользу только ту часть денегъ, которую они ему предоставляли. Отъ этого правила онъ не отступалъ никогда. Въ своемъ одѣяніи онъ не дозволялъ себѣ вещей, противныхъ религіи, какъ-то: шелкъ, золото и серебро; воздерживался также отъ вина и запрещалъ продажу его въ своихъ владѣніяхъ; не терпѣлъ, чтобы оно ввозилось подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; если кто-нибудь бывалъ пойманъ въ нарушеніи такой его воли, то его наказывали со всею строгостью законовъ, не взирая на различіе между лицами.

Я слышалъ отъ одного изъ моихъ друзей, что Нуреддинъ видѣлся съ своею женою Ради-Катунъ только въ опредѣленномъ для того мѣстѣ; кромѣ того, они никогда не встрѣчались; онъ любилъ всегда оставаться наединѣ, или для чтенія жалобъ своихъ подданныхъ и писемъ эмировъ, или для отвѣта по нимъ. Къ молитвѣ онъ былъ очень усерденъ и посвящалъ ей значительное время. Днемъ онъ чи-

талъ нѣсколько главъ изъ Алкорана; на ночь творилъ вечернюю молитву и послѣ того ложился спать; въ полночь снова просыпался, дѣлалъ омовеніе и продолжалъ молиться до утра. Утромъ выѣзжалъ на лошади или занимался дѣлами. Замѣчательно, что пенсія, назначенная Нуреддиномъ своей женѣ, была крайне умѣренна и недостаточна для ея содержанія. Однажды Ради-Катунъ поручила моему другу жаловаться отъ нея Нуреддину и просить увеличенія пенсіи. При этомъ требованіи Нуреддинъ прогнѣвался; кровь бросилась ему въ лицо, и онъ отвѣчалъ моему другу: „Но откуда она хочетъ, чтобы я досталъ, чѣмъ удовлетворить ея расходы? Клянусь Аллахомъ! я не намѣренъ изъ-за нея осудить себя на муки адскимъ огнемъ. Если она полагаетъ, что деньги, врученныя мнѣ для храненія, составляютъ мою собственность, то она весьма ошибается; эти деньги принадлежатъ всѣмъ правовѣрнымъ; я только ихъ казначей, и не хочу для ея удовольствія сдѣлаться вѣроломнымъ стражемъ". Потомъ, нѣсколько подумавъ, онъ сказалъ: „Впрочемъ у меня остаются еще три лавки въ Эмессѣ; пусть она возьметъ ихъ, если хочетъ: я ихъ предоставляю ей". Замѣтьте при этомъ, что эти три лавки приносили самый ничтожный доходъ.

Нуреддинъ не дѣлалъ ничего безъ добраго намѣренія, и вотъ тому доказательство. Въ его время въ Месопотаміи находился одинъ добродѣтельный человѣкъ, жившій въ уединеніи далеко отъ человѣческаго общества. Нуреддинъ былъ съ нимъ въ перепискѣ и оказывалъ ему великое почтеніе. Совершенно случайно этотъ человѣкъ узналъ, что государь иногда тѣшится игрою въ мячъ [1]); онъ ему немедленно пишетъ: „Я не повѣрилъ бы, что человѣкъ, подобный тебѣ, предается столь пустымъ занятіямъ, и замучиваетъ своего коня безъ всякой пользы для религіи". Нуреддинъ былъ очень чувствителенъ къ подобнаго рода упрекамъ, и отвѣчалъ ему собственноручно: „Клянусь Аллахомъ, если я играю въ мячъ, то не потому, что меня увеселяетъ это или доставляетъ удовольствіе; мы находимся въ эту минуту на границѣ, въ виду непріятеля; намъ приходится безпрерывно садиться на коней и быть на сторожѣ. Но нельзя постоянно давать сраженія, днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ; надобно давать людямъ роздыхъ. Прими въ соображеніе также и то, что лошадь сама по себѣ неспособна ко всѣмъ быстрымъ движеніямъ, впередъ, назадъ, въ направленіи, какомъ угодно; кромѣ того, нашимъ лошадямъ приходится часто оставаться безъ дѣла; не лучше ли объѣзжать ихъ по временамъ, упражнять и пріучать къ повиновенію голосу всадника? Клянусь Аллахомъ, вотъ причины, которыя побуждаютъ меня играть иногда въ мячъ".

Обратите вниманіе также на строгость Нуреддина къ самому себѣ; не найдется второго примѣра подобнаго тому, даже между тѣми, которые живутъ въ кельяхъ, далеко отъ общества людей. Конечно, въ

---

[1]) Игра въ мячъ у восточныхъ народовъ того времени походила на нынѣшнюю любимую игру англичанъ *крикетъ*, съ тѣмъ различіемъ, что у первыхъ участвовавшіе въ игрѣ сидѣли на лошадяхъ.

свѣтѣ мало людей, которые среди игръ стараются преслѣдовать хорошія цѣли такъ, чтобы ихъ увеселенія были пріятны Богу и имѣли предъ нимъ заслуги. А вышесказанное было очевиднымъ доказательствомъ, что Нуреддинъ не дѣлалъ ничего безъ чистоты въ намѣреніяхъ. Такъ всегда поступаютъ добродѣтельные люди, которые сознаютъ свои обязанности и исполняютъ ихъ. Я слыхалъ, что однажды Нуреддинъ получилъ изъ Египта тюрбанъ чрезвычайно тонкой и украшенной золотомъ матеріи, и не хотѣлъ даже взглянуть на него. Ему хотѣли описать его на словахъ, но онъ не удостоилъ выслушать, и такъ какъ въ это время вошелъ *софи* (философъ), то онъ подарилъ ему тюрбанъ. Напрасно ему замѣчали, что этотъ уборъ нейдетъ софи. „Предоставьте ему эту вещь, отвѣчалъ Нуреддинъ: я надѣюсь, что вмѣсто этого тюрбана Аллахъ дастъ мнѣ что-нибудь лучшее въ другой жизни“.

Нуреддинъ проводилъ часть ночи въ молитвѣ; любилъ заниматься благочестивымъ чтеніемъ и упражнялся въ добрыхъ дѣлахъ. Можно сказать, что для него написанъ былъ тотъ стихъ: „Онъ соединялъ отвагу съ уничиженіемъ предъ своимъ Господомъ; о, какая это святыня въ святынѣ!“

Онъ изучалъ науку права и закона по системѣ ученаго Абу-Ганифа. Но онъ не отвергалъ и другихъ правовѣрныхъ ученій; напротивъ, *держаться во всемъ средины*—было его правиломъ. Онъ имѣлъ склонность къ познанію преданій и ученій, оставленныхъ Магометомъ, Онъ давалъ властителямъ своего времени примѣръ чистой и праведной жизни, и оказывалъ уваженіе къ правиламъ религіи относительно питья и пищи, и одежды. Не справедливо ли то, что до него правители жили, какъ въ тѣ древнія *времена невѣжества* (восточные писатели разумѣли подъ этимъ эпоху идолопоклонства до Магомета), рабами желудка и всякой роскоши, не дѣлая различія между добромъ и зломъ? Съ Нуреддиномъ, напротивъ, самъ Аллахъ, такъ сказать, снизошелъ на землю. Этотъ государь обращалъ большое вниманіе на то, что̀ запрещается и что̀ предписывается религіею, и вмѣнялъ то въ правило своимъ людямъ, служителямъ и сановникамъ; своимъ примѣромъ онъ назидалъ весь міръ. И не будетъ ли утѣшенъ до конца вѣковъ тотъ, кто самъ дѣлалъ добро и принуждалъ къ тому другихъ?

Если кто спроситъ, какимъ образомъ Нуреддинъ могъ оставаться умѣреннымъ при обширности своихъ владѣній и огромныхъ доходахъ съ провинцій, то тому сто́итъ вспомнить примѣръ царя Соломона, сына Давида, который, не смотря на обширность своихъ владѣній, стоялъ во главѣ благочестивыхъ людей своего времени; можно указать такому еще на нашего пророка Магомета, который владѣлъ всею Аравіею и при всемъ томъ былъ скромнымъ властителемъ; вотъ доказательство, что скромность происходитъ отъ того, что сердце не привязывается къ земнымъ богатствамъ...

Нуреддинъ былъ исполненъ уваженія къ чистымъ законамъ, сообразуясь съ ихъ опредѣленіями. По этому поводу онъ говорилъ: „Мы только слуги закона; наша обязанность состоитъ въ наблюденіи за исполненіемъ ихъ“. Вотъ черта, которая доказываетъ, въ какой

точности онъ слѣдовалъ закону. Однажды, играя въ мячъ на площади Дамаска, онъ замѣтилъ человѣка, который въ разговорѣ съ другимъ указалъ рукою на него. Онъ посылаетъ немедленно спросить, чего тотъ хочетъ. Неизвѣстный отвѣчалъ: „Я имѣю процессъ противъ Нуреддина за одну собственность; пусть онъ явится въ судъ защищать себя". Едва только узналъ Нуреддинъ, въ чемъ состоитъ дѣло, какъ бросилъ мячъ и, оставивъ площадь, представился къ кади (судьѣ), со словами: „Я являюсь для защиты собственнаго дѣла; сдѣлай для меня то, что ты сдѣлалъ бы для всякаго". Начались пренія; противникъ изложилъ свои доводы; Нуреддинъ представилъ свои, и тотъ человѣкъ былъ признанъ виноватымъ. Тогда Нуреддинъ, обратившись къ кади и присутствовавшимъ, сказалъ: „Я зналъ хорошо, что притязанія моего противника несправедливы, и, тѣмъ не менѣе, явился, чтобы не подумали, что я желалъ обидѣть его. Теперь, когда право признано за мною, я желаю отдать этому человѣку ту собственность, за владѣніе которой онъ позвалъ меня въ судъ. Будьте свидѣтелями того, что я отдалъ эту собственность ему". Не чрезмѣрное ли это правосудіе? Не переходитъ ли оно за предѣлы всякаго благодѣянія? О, Аллахъ, осѣни эту прекрасную душу своимъ милосердіемъ, эту душу, которая повсюду искала идти по пути правды! Другое доказательство любви Нуреддина къ правосудію состоитъ въ томъ, что, когда всѣ современные правители по одному подозрѣнію и самому ничтожному поводу осуждали обвиненныхъ на пытку и истязанія, онъ запретилъ все подобное въ какомъ бы то ни было видѣ. Онъ требовалъ, чтобы прежде всего выслушивали свидѣтелей; если законныя улики противъ обвиненнаго будутъ очевидны, то онъ подвергается наказанію, опредѣленному закономъ, безъ малѣйшаго отступленія отъ смысла текста. Благодаря такому преобразованію, Аллахъ освободилъ его государство отъ множества преступленій, бывшихъ прежде весьма обыкновенными, и которыя продолжаютъ свирѣпствовать въ сосѣднихъ государствахъ, не смотря на строгость администраціи, суровость наказаній и страсть немедленно предавать обвиненнаго мукамъ пытки за малѣйшее подозрѣніе. Во владѣніяхъ же Нуреддина, при всей ихъ обширности, господствовала великая тишина; число преступниковъ замѣтно уменьшилось, благодаря правосудію государя и его уваженію къ закону.

Я слыхалъ отъ человѣка достойнаго вѣры, что Нуреддинъ, находясь однажды въ казначействѣ, нашелъ сумму, захваченную въ казну несправедливо; онъ призвалъ служащихъ и сказалъ имъ: „Эти деньги не принадлежатъ ни намъ, ни казнѣ; ихъ слѣдуетъ отнести къ кади Кемаль-Эддину, съ приказаніемъ возвратить тому, у кого ихъ взяли". Нѣсколько времени спустя, возвратившись въ казначейство, онъ опять увидѣлъ тамъ тѣ деньги; тогда онъ пришелъ въ гнѣвъ, и, повторивъ приказаніе отнести ихъ немедленно Кемаль-Эддину, велѣлъ сказать ему: „Я знаю, что ты способенъ взять на себя такой грѣхъ; но мои плечи не такъ крѣпки, и я не желаю изъ-за этихъ денегъ навлечь на себя правосудіе Всевышняго". Вслѣдствіе того деньги были возвращены.

Самое удивительное то, что правосудіе Нуреддина дѣйствовало и

послѣ его смерти. Въ его время жилъ въ Дамаскѣ чужестранецъ, прибывшій изъ Сиріи и привлеченный туда кротостью его правленія. По смерти Нуреддина, когда Дамаскъ подчинился власти Саладина, онъ, видя, что народъ страдаетъ отъ насилія и жестокости войска новаго султана, явился къ нему съ жалобою, требуя удовлетворенія. Истецъ, отправляясь къ дому Саладина, разорвалъ на себѣ одежды, билъ себя въ грудь, плакалъ, взывалъ къ милосердію и кричалъ: „О, Нуреддинъ, Нуреддинъ! еслибы ты могъ видѣть, какъ съ нами обращаются и какое причиняютъ намъ зло, то, безъ сомнѣнія, ты сжалился бы надъ нами. Гдѣ твоя правда?“ Такъ кричалъ онъ, идя по городу и направляясь къ мавзолею Нуреддина въ сопровожденіи огромной толпы; слухъ о томъ дошелъ до Саладина. „Спаси страну, спаси народъ, говорили ему, или онъ возстанетъ“. Саладинъ позвалъ того человѣка къ себѣ, а онъ находился тогда подлѣ мавзолея и плакалъ, окруженный безчисленною толпой. Его привели къ Саладину, и онъ получилъ удовлетвореніе. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ заплакалъ больше прежняго, и Саладинъ съ изумленіемъ спросилъ его о причинѣ такихъ слезъ. „Я оплакиваю, отвѣчалъ онъ, я оплакиваю такого добродѣтельнаго государя, который продолжаетъ насъ судить по правдѣ даже и послѣ своей смерти“.—„Ты правъ, возразилъ Саладинъ; да, мы у него научились справедливому суду“.

Нуреддинъ первый установилъ высшую судебную палату; это было мѣсто, предназначенное для изслѣдованія обидъ, нанесенныхъ частнымъ лицамъ. Поводомъ къ учрежденію такого трибунала послужило то, что когда Нуреддинъ утвердилъ свое пребываніе въ Дамаскѣ, его эмиры, и въ особенности Ширку, могущественнѣйшій изъ всѣхъ, котораго считали его соправителемъ, покупали земли и злоупотребляли своею властью до того, что начали обижать крестьянъ и жителей селъ. Со всѣхъ сторонъ поднялись жалобы по этому поводу. Кади Кемаль-Эддинъ удовлетворилъ нѣкоторыхъ; но онъ не смѣлъ коснуться людей Ширку и ограничился тѣмъ, что довелъ то до свѣдѣнія Нуреддина. Вотъ тогда-то онъ и устроилъ ту высшую судебную палату, и желалъ, чтобы въ ней отправлялся судъ безъ всякаго лицепріятія. Когда слухъ объ этомъ новомъ учрежденіи дошелъ до Ширку, онъ немедленно понялъ, что оно направлено противъ него. Тогда онъ созвалъ своихъ людей и сказалъ имъ: „Знайте, что новое учрежденіе устроено противъ меня, ибо кто, кромѣ меня, осмѣлится не обращать вниманія на Кемаль-Эддина? Клянусь Аллахомъ, если меня позовутъ въ новый судъ по милости кого-нибудь изъ васъ, то я такого немедленно повѣшу на крестѣ. Идите тотчасъ отыскать всѣхъ, кто имѣетъ жалобу на меня; постарайтесь покончить мировою; чего бы то ни стоило, всѣ должны быть удовлетворены“. Ему замѣтили, что такой образъ дѣйствія не совсѣмъ благоразуменъ и сдѣлаетъ истцовъ слишкомъ требовательными. „Дѣлайте, что̀ приказано, отвѣчалъ онъ; я предпочитаю лишиться всего состоянія, нежели явиться подсудимымъ предъ Нуреддиномъ и завести процессъ съ презрѣнными людьми“. Служители Ширку повиновались. Между тѣмъ устроили зданіе судебной палаты; когда оно было совсѣмъ окончено, Нуреддинъ отправился туда и торжественно открылъ засѣданіе. Онъ засѣдалъ тамъ два раза въ недѣлю,

вспомоществуемый кади Кемаль-Эддиномъ и нѣсколькими законниками. Такъ-какъ не появлялось жалобъ на Ширку, то государь былъ очень изумленъ и желалъ знать причину. Узнавъ ее, онъ былъ тронутъ до слезъ и, принося благодареніе Аллаху, говорилъ: „Воздадимъ хвалу Аллаху, что наши люди обращаются къ добру сами, безъ того, чтобы ихъ кто-нибудь принуждалъ къ тому“. Замѣтьте, какой прекрасный способъ быть справедливымъ, какой великій страхъ внушалъ къ себѣ этотъ государь; замѣтьте, какъ его распоряженія были строги и въ то же время не стоили ни одной капли крови и обходились безъ наказанія.

Нуреддинъ пріобрѣлъ себѣ великую славу храбростью и тѣлесною ловкостью. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, первый воинъ въ свое время; его воинскіе таланты вошли въ поговорку. Множество людей, знавшихъ его, увѣряли меня, что имъ не случалось видѣть человѣка, который сидѣлъ бы на конѣ такъ красиво; можно было сказать, что онъ съ конемъ составлялъ одно. Онъ былъ очень ловокъ въ игрѣ въ мячъ: когда пускали мячъ, онъ во время его полета бросался опустивъ поводья и, встрѣтивъ его на воздухѣ, откидывалъ назадъ черезъ всю площадь. Во время этого движенія никто не видалъ его руки: онъ билъ по мячу дощечкой, не выпуская руки изъ рукава; столько ловкости было въ его игрѣ. Относительно его храбрости замѣчу, что предъ сраженіемъ онъ обыкновенно бралъ съ собою два лука и два колчана; потомъ, бросившись на непріятеля, сражался какъ простой воинъ, говоря: „Увы, вотъ уже много времени, какъ я ищу мученичества и не могу того достигнуть“. Однажды эти слова услышалъ имамъ Котбеддинъ; имамъ замѣтилъ ему: „Именемъ Аллаха! не подвергай свою жизнь опасности, а вмѣстѣ съ нею исламизмъ и мусульманъ; ты—ихъ опора, и если—чего избави Аллахъ—тебя убьютъ, мы погибли“. Нуреддинъ отвѣчалъ: „О, что ты говоришь, Котбеддинъ? Кто можетъ спасти нашу страну и исламизмъ, кромѣ великаго Аллаха, которому равнаго нѣтъ!“

При нуждѣ Нуреддинъ умѣлъ прибѣгать къ хитрости, искусству и тонкому обману; это случалось ему въ особенности противъ франковъ, да поразитъ ихъ Аллахъ! Большею частью своихъ побѣдъ онъ обязанъ хитрости. Самую поразительную черту его мудрости представляютъ его отношенія къ армянскому князю Мелику, сыну Льва. Онъ до того угождалъ ему, что расположилъ его вполнѣ къ своимъ интересамъ, и Меликъ соединился съ нимъ противъ франковъ. По этому поводу онъ говаривалъ: „Я употребилъ всѣ средства, чтобы привязать къ себѣ этого армянскаго князя, потому что его владѣнія укрѣплены природою и недоступны. У насъ нѣтъ средствъ проникнуть къ нему силою, а онъ можетъ выжидать всегда для опустошенія нашихъ провинцій. Видя это, я не пощадилъ ничего, чтобы увлечь его; я ему далъ большое количество земель, и онъ вступилъ въ зависимость отъ меня, даже помогалъ мнѣ противъ франковъ“. Къ несчастью, по смерти Нуреддина, его преемники отступили отъ такой мудрой политики. Что́ же произошло? Армяне напали на мусульманскія земли и причинили невознаградимое зло.

Лучшую сторону Нуреддина составляло его обращеніе съ воинами:

27

если воинъ умиралъ, оставляя сына, то послѣдній получалъ земли отца и распоряжался ими самъ, если былъ совершеннолѣтнимъ; въ противномъ случаѣ ему давали на время опытнаго человѣка, который управлялъ за него. Благодаря подобному учрежденію, въ войскѣ говорили: „Это наше добро; оно перейдетъ къ нашимъ дѣтямъ, и мы должны его защищать, хотя бы то стоило жизни". Въ этомъ заключалась причина стойкости, которую обнаруживали войска Нуреддина въ сраженіяхъ и на полѣ битвы. Онъ приказывалъ составлять полные списки солдатъ, съ раздѣленіемъ по полкамъ; на этомъ спискѣ обозначалось количество оружія, лошадей и т. д. Вслѣдствіе того не было опасности, чтобы эмиры, по корыстолюбію или жадности, не заботились имѣть подъ знаменами должнаго числа людей, или удерживали часть денегъ, назначаемыхъ на содержаніе войска. Нуреддинъ говорилъ по этому случаю: „Мы должны быть каждую минуту готовы къ тому, чтобы выступить въ походъ; если эмиры не обратятъ вниманія на то, чтобы ихъ полки были въ полномъ составѣ, то исламизму можетъ угрожать большое бѣдствіе". Увы! Нуреддинъ былъ совершенно справедливъ, размышляя подобнымъ образомъ, ибо мы видѣли, какъ послѣ его смерти тѣ опасенія оправдались.

Услуги Нуреддина исламизму безконечны. Онъ перестроилъ всѣ крѣпости Сиріи, Алепъ, Гамакъ, Эмессу, Дамаскъ и другіе. Кромѣ того онъ открылъ многія училища въ Дамаскѣ, Алепѣ, и пр. Онъ же воздвигнулъ многочисленныя и прекрасныя мечети; мечеть въ Мосулѣ служитъ образцомъ красоты и прочности. Замѣчательно, что построеніе ея онъ поручилъ одному шейху, по имени Омару. Нуреддину говорили, что этотъ шейхъ не совсѣмъ способенъ къ подобному дѣлу, но онъ отвѣчалъ: „Когда я поручалъ такую работу эмиру или какому-нибудь писателю, то всегда случалось такъ, что они удерживали часть денегъ для себя, и мечеть оставалась неоконченною. Теперь я увѣренъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что меня не обманутъ. Если же онъ сдѣлаетъ не такъ, то во всякомъ случаѣ вина будетъ его, а не моя".

Нуреддину же мы обязаны построеніемъ многихъ госпиталей, и, между прочимъ, большого госпиталя въ Дамаскѣ. Я самъ знаю по собственному опыту, что онъ былъ построенъ не только для бѣдныхъ, но вообще для всѣхъ мусульманъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ. Однажды я возвращался больнымъ изъ пилигримства въ Іерусалимъ, и спросилъ себѣ медика; меня отправили къ медику большого госпиталя. Я поспѣшилъ туда и нашелъ его прописывавшимъ рецепты. Едва онъ только завидѣлъ меня издалека, какъ подошелъ ко мнѣ съ улыбкою и спросилъ меня, чего я желаю; я объяснилъ ему свою болѣзнь. Онъ прописалъ мнѣ тотчасъ же рецептъ, приготовилъ лекарство и сказалъ: „Мой ученикъ доставитъ вамъ это". — „Но, возразилъ я, благодаря Аллаха, я могу обойтись безъ вашихъ травъ; я довольно богатъ и не желаю покушаться на имущество бѣдныхъ". При этихъ словахъ, докторъ взглянулъ на меня и сказалъ: „О, господинъ мой, я не сомнѣваюсь, что вы можете обойтись безъ нашихъ травъ; но здѣсь никто не отказывается отъ бла-

годѣяній Нуреддина. Клянусь Аллахомъ, даже дѣти Саладина и его эмиры берутъ лекарства изъ этого госпиталя". — „Я не зналъ того, былъ мой отвѣтъ. Онъ продолжалъ: „Потому что Нуреддинъ хотѣлъ быть полезнымъ всѣмъ мусульманамъ, и богатымъ, и бѣднымъ".

Нуреддинъ же построилъ *ханства*, или гостинницы, по большимъ дорогамъ. Теперь можно путешествовать въ безопасности, и всякій знаетъ, гдѣ можно положить свои вещи. Онъ построилъ также башни и сторожки по границамъ. При малѣйшемъ движеніи непріятеля, выпускали голубя, и предупрежденные мусульмане принимали всѣ мѣры. Это была прекрасная мысль Нуреддина и самая полезная; да будетъ къ нему милостивъ Аллахъ!

Равнымъ образомъ, онъ построилъ во многихъ своихъ провинціяхъ кельи и монастыри для софи (мудрецовъ). Онъ назначалъ для содержанія этихъ духовныхъ лицъ значительныя земли и большіе доходы. Бесѣдовать съ главою такихъ отшельниковъ составляло для него великое удовольствіе; онъ призывалъ ихъ къ себѣ, радушно принималъ и почтительно обращался съ ними; замѣтивъ софи издалека, онъ вставалъ предъ нимъ, обнималъ его и сажалъ рядомъ съ собою на диванѣ. Такое же уваженіе онъ оказывалъ законовѣдамъ, уламамъ, имѣя высокое понятіе о ихъ достоинствѣ и питая къ нимъ великое почтеніе. Иногда онъ собиралъ ихъ около себя, и тогда бесѣда вращалась около предметовъ религіозныхъ. Потому благочестивые люди и набожные стекались къ нему изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; приходили изъ Хоразана и другихъ мѣстъ. Однимъ словомъ, Нуреддинъ чтилъ и высоко ставилъ людей благочестивыхъ, такъ-что эмирами овладѣвала зависть, и они часто жаловались Нуреддину и старались очернить духовныхъ въ его глазахъ. Все это весьма огорчало его; если приходили къ нему и обнаруживали какой-нибудь порокъ софи, то онъ отвѣчалъ: „Но кто же безгрѣшенъ? безгрѣшны только тѣ, которые кончили свои дни".

Я слышалъ, что когда-то одинъ изъ эмировъ отзывался оскорбительно объ имамѣ Котбеддинѣ; Нуреддинъ разсердился и сказалъ: „Допустимъ, что ты говоришь правду; но этотъ имамъ имѣетъ чѣмъ вознаградить за пороки, въ которыхъ ты его обвиняешь, и за многіе другіе, а именно, своими познаніями и своимъ благочестіемъ; а ты и тебѣ подобные, вы имѣете вдвое больше пороковъ, нежели сколько вы приписываете имаму, и притомъ не имѣете ничего, чѣмъ бы можно было васъ извинить. Если у тебя есть сколько-нибудь здраваго смысла, обрати вниманіе лучше на свои слабости, чѣмъ на недостатки другихъ. Вотъ еще! я переношу ваши глупости, не вознаграждаемыя никакою доброю стороною, и я не долженъ терпѣть недостатковъ въ имамѣ, допустивъ даже, что они не выдуманы, если они искупаются столь многими достоинствами? Но дѣло вотъ въ чемъ: Аллахъ свидѣтель, я не вѣрю ни одному слову изъ того, что̀ ты сказалъ, и постарайся не говорить болѣе подобнымъ образомъ, или я строго тебя накажу".

Нуреддинъ построилъ въ Дамаскѣ школу, гдѣ обучали наукѣ *преданій* (т.-е. устное ученіе Магомета), и приписалъ ей значительное

имущество для содержанія учителей и учениковъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ первымъ, устроившимъ учрежденіе подобнаго рода. Онъ основалъ въ своемъ государствѣ школы для сиротъ и далъ средства къ существованію учителямъ и ученикамъ. Во многихъ выстроенныхъ имъ мечетяхъ онъ учредилъ вклады для тѣхъ, которые обязаны были тамъ читать Алкоранъ, и обезпечилъ сиротъ, на которыхъ возлагалась такая обязанность. И это было устроено въ первый разъ.

Нуреддинъ былъ отъ природы важенъ и имѣлъ осанку, внушавшую уваженіе. Онъ былъ, какъ говорятъ, строгъ безъ суровости и добръ безъ слабости. Однимъ словомъ, онъ соединялъ въ себѣ то, чего мы не видимъ въ другихъ, и былъ уважаемъ одинаково всѣми. Напримѣръ, ни одинъ эмиръ не осмѣливался сѣсть въ его присутствіи, если онъ не далъ на то приказанія. Не было дѣлано ни для кого исключеній, кромѣ Эйюба, отца Саладина. И при всемъ томъ, не смотря на свое величіе, едва лишь онъ замѣчалъ законника, софи или факира, какъ вставалъ съ своего мѣста, чтобы сдѣлать ему честь; онъ выбѣгалъ къ нему на встрѣчу, садилъ его рядомъ съ собою и вообще обходился такъ, какъ того не видалъ никто изъ его собственнаго семейства. Если ему случалось осыпать милостями человѣка подобнаго рода, онъ говорилъ: „О, эти люди имѣютъ все право на расположеніе правителя; если они требуютъ у насъ чего-нибудь, то они того достойны".

Учреждаемыя имъ празднества и собранія имѣли тотъ же характеръ, какъ и у нашего пророка Магомета, то-есть, они соединяли въ себѣ деликатное обращеніе съ крайнею сдержанностью. *Женщины* [1]) были безусловно удаляемы. На празднествахъ разсуждали о наукѣ, о религіи, о благочестіи, или о войнѣ съ невѣрными. Но все перемѣнилось со смертью Нуреддина. Я слыхалъ, что однажды, когда Саладинъ овладѣлъ Дамаскомъ, *гафецъ* [2]) Абулъ-Кассемъ случился на одномъ изъ его праздниковъ и наслушался тамъ разговоровъ въ высшей степени неприличныхъ и грубыхъ. Напрасно онъ пытался завести бесѣду съ самимъ Саладиномъ, какъ, бывало, бесѣдовалъ съ Нуреддиномъ, но не могъ заставить выслушать себя: всѣ говорили вдругъ и никто не хотѣлъ быть слушателемъ. Абулъ-Кассему наскучило такое общество, и онъ удалился къ себѣ. Когда Саладинъ принуждалъ его снова явиться въ его собранія, онъ отвѣчалъ; „Сказать правду, мнѣ не по вкусу ваши сходбища; когда я у васъ, мнѣ кажется, что я попалъ къ какому-нибудь презрѣнному человѣку. Никто не слушаетъ того, кто говоритъ, и не отвѣчаютъ на вопросъ. Увы! эти собранія имѣли другой видъ при Нуреддинѣ; мы стояли предъ нимъ, какъ стоитъ *человѣкъ съ птицею на головѣ* (восточный оборотъ, т.-е. какъ мертвые); когда онъ говорилъ, мы слушали, молча, и если мы обращались къ нему, онъ выслушивалъ съ вниманіемъ". Вслѣдствіе того Саладинъ приказалъ своимъ эмирамъ вести себя впредь скромнѣе въ

---

[1]) Слово *женщина* обозначаетъ также вообще всякій предметъ, запрещенный религіею, ибо у мусульманъ слова: *женщина* и *запрещенный предметъ*, могутъ употребляться одно вмѣсто другого. *Рено.*

[2]) Такъ называютъ людей, знающихъ наизусть Алкоранъ.

присутствіи Абулъ-Кассема. Впрочемъ довольно сказаннаго, чтобы убѣдить, какой порядокъ царствовалъ при Нуреддинѣ, даже въ мелочахъ его правительственной дѣятельности.

Намъ остается сказать о его любви къ религіи и о ревности къ поддержанію ея во всей чистотѣ. Онъ обращалъ особенное вниманіе на послѣднее, употребляя противъ того всѣ средства и не давая времени нововводителямъ распространять свое вредное ученіе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ и говорилъ: „Какъ! мы заботимся о безопасности дорогъ отъ воровъ и разбойниковъ, хотя зло, причиняемое ими, только второстепенное, и мы не хотимъ защищать религіи! Не обязаны ли мы защищать ее отъ всякаго посягательства, ее, которая служитъ основаніемъ всему?“ Однажды онъ узналъ, что въ Дамаскѣ находится человѣкъ, по имени Іосифъ, сынъ Адама, раздѣлявшій заблужденія тѣхъ, которые приравниваютъ Бога къ твари и стараются своею скромною внѣшностью пріобрѣсти послѣдователей. Нуреддинъ немедленно позвалъ его къ себѣ, посадилъ на осла и приказалъ водить по всему городу въ сопровожденіи людей, бившихъ его по щекамъ, и глашатая, который кричалъ: „Такъ награждаются тѣ, которые проповѣдуютъ заблужденіе въ дѣлѣ религіи“. Затѣмъ онъ былъ навсегда изгнанъ изъ города.

Ибнъ-Алатиръ.

Исторія Атабековъ.

Ибнъ-Алатиръ (Эццеддинъ-Али) родился на берегу Тигра въ городѣ Джезирѣ, въ 1160 г. по Р. Х., и былъ сыномъ одного изъ эмировъ, находившихся въ службѣ у султановъ Мосула. Въ молодости своей онъ поселился въ послѣднемъ городѣ, какъ разъ въ ту эпоху, когда началась борьба Саладина съ христіанами Палестины. Авторъ принималъ постоянное участіе въ этихъ войнахъ, и только по заключеніи мира между Саладиномъ и Ричардомъ Львиное-Сердце удалился въ Мосулъ, гдѣ, предавшись исключительно наукамъ и литературѣ, прожилъ до самой смерти, въ 1233 году. Въ эту послѣднюю эпоху своей жизни онъ написалъ два замѣчательныхъ сочиненія: 1) *Исторія Атабековъ*, и 2) *Всемірная исторія.* Исторія Атабековъ, т.-е. княжескихъ отцовъ, имѣетъ своимъ предметомъ возвышеніе султановъ Мосула, Алеппо и Дамаска, начиная со времени крестовыхъ походовъ; но авторъ излагаетъ событія подробно только до смерти Нуреддина, а затѣмъ его трудъ обращается почти въ хронологическую таблицу. Авторъ былъ очевидно пристрастенъ къ Нуреддину и писалъ панегирикъ любимому султану Мосула, хотя, впрочемъ, и христіанскій писатель, какъ Вильгельмъ Тирскій (см. о томъ выше, на стр. 338), говоря о смерти Нуреддина, замѣчаетъ: „это былъ человѣкъ умный, осторожный, въ правилахъ суевѣрія своего народа богобоязненный, и счастливый распространитель отцовскаго наслѣдства“. Не смотря, однако, на то, всѣ, за исключеніемъ сирійскихъ мусульманъ, были въ восторгѣ отъ его смерти, избавившей ихъ отъ строгаго правителя; даже племянникъ Нуреддина, Саифъ-Эддинъ, султанъ Мосула, получивъ извѣстіе о смерти дяди, разрѣшилъ подданнымъ напиться въ этотъ день до пьяна.—*Всемірная исторія* заключаетъ въ себѣ сборникъ всего, что было интереснаго для мусульманъ

въ ихъ прежней исторіи и что оставалось до того времени разсѣяннымъ по различнымъ сочиненіямъ; она начинается 722 годомъ нашей эры и доходитъ почти до года смерти автора.

Приведенная выше статья изъ „Исторіи Атабековъ“ составляетъ одну изъ самыхъ полныхъ картинъ внутренняго быта мусульманъ въ эпоху крестовыхъ походовъ и заимствована нами у французскаго переводчика, извѣстнаго оріенталиста Рено (см. о немъ ниже, въ прим. къ ст. 55), помѣстившаго свой трудъ въ Bibliothèque des Croisades, par Michaud. Paris. 1829. T. IV, стр. 152 и слѣд.

41.—Палестина въ правленіе Амальрика и Балдуина IV: войны съ Саладиномъ. 1163—1184.

(Между 1170 и 1184 гг.).

Начинается книга девятнадцатая [1]).

I. Послѣ бездѣтной смерти государя Балдуина Третьяго, четвертаго короля Іерусалимскаго изъ латинъ, его преемникомъ по управленію святою землею былъ государь *Амальрикъ*, его единственный братъ, графъ Іоппе и Аскалона, пятый латинскій король; случилось же то въ годъ отъ воплощенія господня *тысяча-сто-шестьдесятъ-третій* (1163), шестьдесятъ-два года спустя по освобожденіи любезнаго Богу города. Во главѣ римской церкви стоялъ тогда владыка Александръ, въ третьемъ году своего папства; храмъ св. Воскресенія управлялся владыкою Амальрикомъ, девятымъ латинскимъ патріархомъ, и былъ то четвертый годъ его управленія; въ св. церкви Антіохійской былъ владыка Эммерикъ, третій латинскій патріархъ города, въ 20-мъ году своего патріархата; а св. Тирская церковь управлялась владыкою Петромъ, третьимъ латинскимъ архіепископомъ со времени завоеванія города, на 13-мъ году его архіепископства. По смерти брата Амальрика, князья были несогласны относительно преемства въ королевствѣ, и изъ этого несогласія возникъ опасный раздоръ. Но милосердіе Господа поспѣшило на помощь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ и указало лучшія мѣры къ предотвращенію зла; государь Амальрикъ, благопріятствуемый духовенствомъ и народомъ, по устраненіи предложеній другой партіи, былъ внезапно помазанъ и коронованъ въ храмѣ св. Гроба вышеупомянутымъ владыкою патріархомъ Амальрикомъ, при содѣйствіи и въ присутствіи архіепископовъ, епископовъ и всѣхъ прелатовъ церкви, восемь дней спустя по смерти брата, 11 февраля, на основаніи права наслѣдства. Амальрикъ по посвященіи въ рыцари и по облеченіи въ оружіе, сдѣланъ былъ графомъ

---

[1]) Начало см. выше, въ ст. 2.

Іоппе, а впослѣдствіи его братъ, блаженной памяти, государь Балдуинъ (III) съ королевскою щедростью подарилъ ему знаменитый городъ филистимлянъ, Аскалонъ, завоеванный въ его время и возвращенный, наконецъ, христіанству, какъ о томъ мы разсказали подробнѣе въ исторіи правленія короля Балдуина. Государь Амальрикъ при вступленіи на престолъ имѣлъ 27 лѣтъ отъ роду и правилъ 11 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.

II. Это былъ человѣкъ большой государственной опытности и во всѣхъ своихъ дѣлахъ обнаруживалъ умъ и осмотрительность; его рѣчь не была свободна, но не такъ, чтобы то можно было вмѣнить ему въ недостатокъ: она не имѣла только изящества вполнѣ свободнаго слова. Но его мнѣнія были лучше искусства другихъ набирать и украшать слова. Въ обычномъ правѣ, которымъ управлялось королевство, онъ зналъ дѣло до мелочей и не имѣлъ себѣ подобнаго; своими умными и отличными судебными приговорами онъ превосходилъ всѣхъ князей королевства. Въ дни опасностей и затрудненій, съ которыми онъ встрѣчался часто при своей безпрерывной борьбѣ съ цѣлью расширенія государства, онъ былъ одинаково храбръ и предусмотрителенъ, и оставался непоколебимымъ съ королевскимъ спокойствіемъ. Онъ не былъ ученъ и въ этомъ отношеніи много уступалъ своему брату, но при живости своего характера, отличной памяти, любознательности и ревностномъ чтеніи всякій разъ, когда ему позволяли государственныя дѣла, онъ былъ для короля достаточно образованъ. Онъ умѣлъ задавать трудные вопросы, и самъ наслаждался разрѣшеніемъ задачъ. Особенно нравилось ему слушать чтеніе историческихъ книгъ; онъ твердо удерживалъ прочитанное въ памяти и послѣ разсказывалъ то вѣрно и точно. Всѣ его занятія были серьезны; онъ не любилъ ни театра (mimica), ни игры въ кости, но за то охотно предавался соколиной и ястребиной охотѣ. Въ трудѣ онъ обнаруживалъ постоянство, и хотя былъ плотенъ и весьма толстъ, но обращалъ мало вниманія на жаръ и стужу. Десятину платилъ церкви вполнѣ и безъ задержанія; въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно евангельскій человѣкъ. Обѣдню слушалъ ежедневно съ благоговѣніемъ, если болѣзнь или какое-нибудь другое препятствіе не удерживало его отъ того. Ругательства и порицанія, высказываемыя противъ него явно или тайно, онъ переносилъ съ большимъ терпѣніемъ, даже и въ томъ случаѣ, если они были произносимы людьми ничтожными; онъ умѣлъ при этомъ дѣлать видъ, какъ будто не слыхалъ того, что ему пришлось услышать. Въ ѣдѣ и питьѣ былъ умѣренъ и презиралъ невоздержность въ обоихъ случаяхъ. Къ своимъ намѣстникамъ питалъ такое довѣріе, что во все время ихъ управленія не требовалъ отчета и не выслушивалъ жалобъ на ихъ невѣрность, что одни вмѣняли ему въ порокъ, а другіе хвалили, какъ доказательство чистаго довѣрія. Но всѣ эти дарованія и преимущества затемнялись въ немъ однимъ недостаткомъ: онъ былъ чрезвычайно молчаливъ и не довольно учтивъ въ обращеніи. Даръ привѣтливаго разговора, которымъ государь, главнымъ образомъ, выигрываетъ сердца своихъ подданныхъ, былъ ему совершенно чуждъ. Рѣдко съ кѣмъ заговаривалъ онъ самъ, если къ тому не былъ вынужденъ, или если кто не обращался къ нему, и

этотъ недостатокъ былъ въ немъ тѣмъ болѣе замѣтенъ, что братъ его владѣлъ въ высшей степени даромъ привѣтливой рѣчи и располагающей разговорчивости. Также, говорятъ, онъ былъ слишкомъ чувственъ, что да проститъ ему милосердый Богъ, и нарушалъ брачное право другихъ. Сверхъ того, онъ сильно угнеталъ свободу церкви и истощилъ ея имущество большими и несправедливыми поборами, такъ что она въ его управленіе опустѣла, и вынуждалъ ее обременять себя сверхъ силъ долгами. Онъ былъ болѣе сребролюбивъ, нежели то прилично королевскому достоинству, и допускалъ совращать себя подарками съ строгаго пути правды. Впрочемъ онъ старался извинить свою корысть и часто говаривалъ мнѣ въ дружеской бесѣдѣ, что каждый князь и въ особенности король долженъ остерегаться не растратить своихъ денегъ, и именно по двумъ причинамъ: ибо, во-первыхъ, если что-нибудь имѣетъ владѣтель, то и имущество его подданныхъ въ безопасности, а во-вторыхъ, онъ долженъ имѣть всегда въ виду, что его государство можетъ неожиданно впасть въ крайность, причемъ на немъ лежитъ обязанность быть въ высшей степени щедрымъ и не щадить ничего, чтобы всякій могъ видѣть, что онъ сберегалъ богатства не для себя, а для своей страны. Что онъ выполнялъ такую свою обязанность, того не могутъ отвергать даже его враги, ибо въ минуту государственной опасности онъ не щадилъ ни денегъ, ни личныхъ усилій и трудовъ; но имущество его подданныхъ не наслаждалось особою безопасностью, и для истощенія его онъ пользовался самымъ ничтожнымъ предлогомъ.

III. Его тѣло было такъ пропорціонально въ своихъ частяхъ, что онъ былъ выше людей средняго роста и ниже такихъ, которые были чрезвычайно длинны. Лицо его было красиво и обличало достоинство князя даже тѣмъ, которые его не знали. Глаза имѣли блескъ и были средней величины; носъ, какъ и у брата, умѣренно орлиный; волоса свѣтлые и откинутые назадъ. На подбородкѣ и щекахъ превосходная густая борода. Но смѣхъ его былъ неприличенъ, ибо при этомъ ходило все его тѣло. Всего охотнѣе онъ бесѣдовалъ съ умными и разсудительными людьми, которые видѣли чужія страны и знали ихъ обычаи. Я припоминаю теперь, какъ однажды, когда ему случилось заболѣть въ землѣ города Тира отъ ничтожной и неопасной лихорадки, онъ призвалъ меня, чтобы въ свободные часы отъ лихорадки бесѣдовать со мною; мы имѣли большой разговоръ, и я успѣлъ къ его удовольствію разрѣшить нѣсколько вопросовъ, предложенныхъ имъ мнѣ, такъ удовлетворительно, какъ то было возможно въ промежутки припадковъ. Между такими вопросами былъ одинъ, который мнѣ причинилъ большую внутреннюю тревогу, отчасти потому, что это былъ вопросъ совершенно новый и касался предмета, которому не слѣдуетъ быть вопросомъ, ибо это есть дѣло непоколебимой вѣры, и также потому, что мой духъ возмутился тѣмъ, что православный князь, сынъ православнаго, не имѣетъ твердаго убѣжденія въ дѣлѣ столь ясномъ и питаетъ въ душѣ сомнѣніе. А именно, онъ меня спросилъ, существуютъ ли, кромѣ ученія Спасителя и его святыхъ послѣдователей, въ которомъ онъ не сомнѣвается, другія доказательства, ясныя и убѣдительныя, необходимости будущаго воскрешенія мертвыхъ. По-

раженный новизною вопроса, я отвѣчалъ: „Въ ученіи нашего Господа и Спасителя и во многихъ мѣстахъ Евангелія указано ясно на будущее воскрешеніе плоти, предъ страшнымъ судомъ, на которомъ онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ и истребитъ міръ огнемъ: избранные наслѣдуютъ царство, пріуготованное имъ отъ начала свѣта, безбожные же отойдутъ въ вѣчный огонь, назначенный діаволу и аггеламъ его". Далѣе я говорилъ, что въ этомъ отношеніи для насъ достаточно увѣренія св. апостоловъ и отцовъ ветхаго завѣта. На это король отвѣчалъ: „Во все это я вѣрую твердо, но желалъ бы имѣть другія доказательства, которыми я могъ бы убѣдить въ другой жизни по смерти и въ будущемъ воскрешеніи такихъ, которые то отрицаютъ и не признаютъ ученія Христа". Я отвѣчалъ: „Возьмите на себя роль такого лица, а мы постараемся что-нибудь сдѣлать". — „Хорошо", говорилъ онъ.—*Я*: „Вѣришь ли ты, что Богъ правосуденъ?" — *Онъ*: „Вѣрую, и ничего нѣтъ несомнѣннѣе этого". — *Я*: „Не долженъ ли тотъ, кто правосуденъ, воздавать добромъ добро и зломъ зло?" — *Онъ*: „Конечно".—*Я*: „Но въ настоящей жизни такъ не бываетъ, ибо иногда добрые люди въ этой жизни испытываютъ одни несчастія и неудачи, а злые постоянно блаженствуютъ, и тому мы видимъ ежедневные примѣры". *Онъ*: „И это справедливо". Тогда я продолжалъ: „Такое воздаяніе будетъ имѣть мѣсто въ будущей жизни, ибо невозможно Богу не быть правосуднымъ судьею; а въ такомъ случаѣ необходимо воскрешеніе плоти и другая жизнь, въ которой каждый за добрыя или злыя дѣла, содѣянныя имъ здѣсь, получитъ награду или наказаніе". На это отвѣчалъ онъ: „Это мнѣ чрезвычайно нравится; ты уничтожилъ во мнѣ всякое сомнѣніе". Такія и подобныя бесѣды доставляли ему большое удовольствіе. Но возвратимся къ начатому. Тѣло его было необыкновенно жирно, такъ что онъ имѣлъ женскую форму груди, выдающуюся до пояса; но остальныя части тѣла были устроены природою лучше, такъ что онъ казался весьма красивымъ. А что въ ѣдѣ онъ былъ весьма умѣренъ и въ питьѣ воздерженъ, этого не могутъ отвергать и его враги.

IV. Амальрикъ, еще при жизни брата и во время его счастливаго управленія, женился на дочери графа Эдесскаго, Іосцелина Младшаго, именемъ Агнесѣ; она, при жизни брата, родила ему двухъ дѣтей, а именно, сына Балдуина, котораго дядя воспринялъ отъ купели, и слѣдовавшую за нимъ дочь, которая получила имя Сибиллы по имени графини Фландрской, сестры ея отца и короля. Но, объявивъ свои наслѣдственныя права на престолъ, по смерти брата, Амальрикъ долженъ былъ развестись съ Агнесою, ибо при началѣ онъ женился на ней противъ воли патріарха, блаженной памяти Фулько, а патріархъ былъ противъ ихъ брака, ибо они находились въ четвертой степени родства, какъ то впослѣдствіи было доказано публично предъ лицемъ церкви ихъ общими родственниками. А именно, родственники ихъ обоихъ, сообразно предписаніямъ церковнаго права, въ присутствіи владыки патріарха блаженной памяти Амальрика, и владыки Іоанна, кардинальнаго пресвитера церкви Іоанна и Павла, и легата апостольскаго престола, дали личную клятву, что дѣло было такъ, какъ объявлено, и на основаніи того имъ былъ данъ разводъ,

уничтожившій бракъ. Но при этомъ сдѣлано было условіе, что дѣти ихъ остаются законными и сохраняютъ полное право отцовскаго наслѣдства. Впослѣдствіи, интересуясь всѣмъ этимъ, я тщательно изслѣдовалъ, въ какой степени родства они состояли: въ то же время, когда это происходило въ Іерусалимѣ, *я еще не возвращался изъ школы, а находился за моремъ, удерживаемый изученіемъ наукъ* [1]). Наконецъ, мы узнали, какъ было дѣло, отъ госпожи Стефаніи, аббатиссы церкви святой Маріи Старшей (Mariæ Majoris), находящейся въ Іерусалимѣ предъ храмомъ св. Гроба. Эта благочестивая и, какъ по своему происхожденію, такъ и по своимъ нравамъ, благородная женщина была дочерью государя Іосцелина Старшаго, графа Эдессы, и сестры государя Рожера, сына князя Антіохійскаго Ричарда, а потому она, не смотря на преклонную старость, знала это дѣло весьма точно. Родство было слѣдующее: великій мужъ, государь Балдуинъ Буржскій, второй латинскій король, о жизни котораго, нравахъ, счастьѣ и несчастьѣ мы говорили подробнѣе въ исторіи его правленія, и государь Іосцелинъ Старшій были сыновьями двухъ сестеръ. Балдуинъ былъ отецъ королевы Милизенды, и ея сыновья, государь Балдуинъ Третій и государь Амальрикъ, сдѣлались королями. Сыномъ же Іосцелина Старшаго былъ Іосцелинъ Младшій, отъ котораго родились: вышеупомянутая госпожа графиня *Агнеса*, сдѣлавшаяся противъ закона женою государя Амальрика, и Іосцелинъ Третій, нынѣ королевскій сенешаль и дядя государя короля Балдуина (V), который правитъ въ настоящее время (1185 г.).

Конецъ этой главы посвященъ на описаніе послѣдующихъ браковъ, въ которые вступала Агнеса послѣ развода съ королемъ. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ изложенію дѣяній Амальрика; но такъ-какъ вся политика новаго Іерусалимскаго короля была направлена въ первый разъ на завоеваніе Египта, овладѣніе которымъ могло бы обезпечить лучше всего Іерусалимское королевство, то потому авторъ въ двадцати главахъ, отъ V до XXIV, описываетъ подробно политическое и географическое состояніе Египта: внутреннія смуты въ Египтѣ и умерщвленіе калифа дали поводъ Амальрику вмѣшаться въ дѣла этой страны; одна сторона, во главѣ которой стоялъ инсургентъ Саваръ, пригласила Амальрика, обѣщая ему платить ежегодную подать; другая же искала помощи у Нуреддина, успѣвшаго къ тому времени овладѣть Дамаскомъ. Нуреддинъ отправилъ въ Египетъ войско подъ начальствомъ Ширку (у латин. писат.—Сираконъ); но призвавшій его султанъ былъ уже убитъ. Саваръ захватилъ власть въ свои руки, и въ союзѣ съ Амальрикомъ, встрѣтивъ Ширку на берегахъ Нила близъ Каира, принудилъ его удалиться въ степь. Послѣ 3 дней преслѣдованія, Амальрикъ нагналъ Ширку въ степяхъ въ субботу, наканунѣ того воскресенья, когда поютъ: *Радуйся Іерусалиме*, 1167 года.

XXIV. Послѣ того (т.-е. когда крестоносцы нагнали турокъ въ пустынѣ), не имѣя много времени думать, они совѣщались поспѣшно, что́ дѣлать въ такую рѣшительную минуту, требовавшую всякаго благоразумія и отваги, и по всеобщему согласію опредѣлили отва-

---

[1]) Объясненіе этого мѣста см. ниже, въ примѣчаніи къ этой статьѣ.

житься на бой съ непріятелемъ. Но численность съ обѣихъ сторонъ была неодинакова, ибо Сираконъ (Ширку) имѣлъ съ собою 12 тысячъ турокъ, изъ которыхъ 9 тысячъ имѣли шлемы и панцыри, остальныя же три были вооружены только луками и стрѣлами, и сверхъ того у него было 10 или 11 тысячъ арабовъ, снабженныхъ своимъ обычнымъ оружіемъ, копьемъ. Наша же конница состояла всего изъ 374 человѣкъ, не считая египтянъ, людей слабыхъ и ничтожныхъ, которые болѣе мѣшали, нежели приносили пользу. Сверхъ того, у нашихъ были легко вооруженные всадники, называемые туркополами, но сколько ихъ было, не знаемъ; слышали же мы отъ многихъ, что они въ день той великой битвы большею частью оставались безполезны. Когда наши узнали о близости непріятеля, и непріятель провѣдалъ о прибытіи нашихъ, полки были разставлены въ надлежащій порядокъ, и люди, болѣе опытные въ военномъ дѣлѣ, увѣщевали другихъ, давали наставленія новичкамъ и старались, напоминая о побѣдѣ и безсмертной славѣ, разжечь сердца своихъ сподвижниковъ. Мѣсто, гдѣ должно было произойти сраженіе, находилось на границѣ степей и обработанной земли, и было весьма неровно: песчаные холмы и долины перерѣзывали его, такъ-что нельзя было замѣтить ни наступавшихъ, ни отступавшихъ. Называлось же оно *Бебенъ*, что значитъ: *ворота*, ибо тѣ холмы затрудняли проходъ. и отстояло на 10 миль отъ Ламоніи, по имени которой нѣкоторые обозначаютъ сраженіе того дня. Между тѣмъ и непріятель не терялъ времени. и, разставивъ войско въ боевой порядокъ, занялъ холмы справа и слѣва; нашимъ же трудно было напасть на нихъ, ибо тѣ холмы были круты и состояли изъ разсыпавшагося песку. Отрядъ Сиракона стоялъ въ серединѣ, а другіе—по сторонамъ его. Дѣло пришло къ тому, что вступили въ рукопашную, и наши, составлявшіе королевское войско, бросились единодушно на отрядъ Сиракона, опрокинули непріятеля и разбили его. Сираконъ же, преслѣдуемый нашими, обратился въ бѣгство. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гуго Цезарейскій напалъ на отрядъ, предводительствуемый племянникомъ Сиракона, *Саладиномъ* (Salahadinus); но его не поддержали свои, и онъ попался въ плѣнъ вмѣстѣ со многими другими; еще больше было убитыхъ. При этомъ палъ благородный и отважный мужъ Евстафій Шоми изъ Понта. Воодушевленные счастьемъ такой побѣды, другіе турецкіе полки соединились вмѣстѣ и, напавъ на ту часть нашихъ, которой было ввѣрено охраненіе обоза, разсѣяли ее и побили. При этомъ палъ мужественный, доблестный и благородный юноша, государь Гуго изъ Креоны, родомъ сициліецъ. Когда этотъ отрядъ былъ разсѣянъ и большею частью погибъ, спасшіеся отъ меча искали спасенія въ бѣгствѣ. Непріятель же безпрепятственно овладѣлъ обозомъ и увезъ его съ собою. Между тѣмъ раздѣленные отряды разсыпались тамъ-и-сямъ по небольшимъ долинамъ, гдѣ борьба продолжалась отдѣльными схватками, въ которыхъ то наши, то враги одерживали верхъ. Такимъ образомъ, только сами принимавшіе лично участіе въ сраженіи знали, какъ идетъ дѣло, и кромѣ ихъ никто не могъ ничего видѣть. Битва оставалась долго нерѣшительною, и побѣждали то одни, то другіе, не зная, что происходитъ въ другихъ мѣстахъ. Среди такого боя былъ тяжело раненъ и нашъ достопочтен-

ный братъ, государь епископъ Виѳлеемскій Радульфъ, занимавшій мѣсто королевскаго канцлера, въ которомъ позже я наслѣдовалъ ему; онъ потерялъ при этомъ весь свой обозъ. Такимъ образомъ, битва оставалась долго нерѣшительною, и нельзя было сказать съ точностью, кто побѣдитель. Когда день склонился къ вечеру, и наступившая ночь призывала разсѣявшихся къ отступленію, всѣ остававшіеся на свободѣ поспѣшили къ своимъ, и наши, отыскивая ревностно короля, сошлись съ разныхъ сторонъ вмѣстѣ. Государь король остался побѣдителемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ сражался; другіе же въ различныхъ пунктахъ, гдѣ они пытали свое военное счастіе, имѣли одни удачу, другіе неудачу; и никто съ обѣихъ сторонъ не одержалъ рѣшительной побѣды. Король съ немногими изъ своихъ отступилъ на одну возвышенность и, водрузивъ свое знамя, чтобы тѣмъ собрать разсѣявшихся, ожидалъ ихъ прибытія. Когда они соединились, то увидѣли, что непріятель, побившій и взявшій въ плѣнъ ту часть нашего войска, которая защищала обозъ, стоялъ въ безпорядкѣ на двухъ холмахъ, и нашимъ не было другой дороги къ отступленію, какъ между этихъ холмовъ. Построившись, они и пошли тихимъ шагомъ посреди непріятелей, стоявшихъ справа и слѣва, и враги, видя такую рѣшимость, не осмѣлились ничего предпринять. Такъ проходили они сомкнутыми рядами: храбрѣйшіе и лучше вооруженные окружали со всѣхъ сторонъ остальныхъ; наконецъ они прибыли къ рѣкѣ и благополучно перешли вбродъ. Всю эту ночь наши отступали по той же дорогѣ, по которой пришли. Явившись въ Ламонію, они нашли тамъ Гергарда изъ Пути и Магаду, сына султана, которые занимали съ 50 всадниками и сотнею туркопуловъ противоположный берегъ, чтобы встрѣтить непріятеля, если онъ захочетъ переправиться чрезъ рѣку. Встрѣча съ ними была особенно пріятна государю королю, ибо онъ опасался, что непріятель, найдя ихъ раздѣленными, можетъ напасть на нихъ на томъ или на другомъ берегу. Онъ заботился также и о пѣхотѣ, которая оставалась позади, и боялся, чтобы непріятель не напалъ на нее врасплохъ. Такимъ образомъ, онъ прождалъ прибытія арміи у вышеупомянутаго города три дня, а ею начальствовалъ мудрый и благородный Іосцелинъ Самосатскій. Наконецъ, въ четвертый день наши мало-по-малу собрались, и пѣхота соединилась съ остальными; тогда, продолжая свой путь, они прибыли къ Каиръ (Caĥere), гдѣ и разбили свой лагерь у моста, предъ Вавилономъ. Сдѣлавъ тамъ смотръ, они увидѣли, что имъ недостаетъ ста человѣкъ; у непріятеля же, говорятъ, пало до 1,500 человѣкъ.

XXV. Между тѣмъ и Сираконъ, собравъ также своихъ, прошелъ тайно отъ нашихъ, чрезъ степи въ Александрію, которую ему сдали жители. Едва дошли о томъ первые слухи до короля, онъ созвалъ своихъ князей, равно султана, его сыновей и благородныхъ египтянъ, для поспѣшнаго совѣщанія, какъ должно дѣйствовать. Послѣ долгихъ споровъ, какъ то водится въ подобныхъ случаяхъ, наконецъ, опредѣлили, такъ-какъ Александрія снабжается съѣстными припасами только на корабляхъ изъ верхнихъ странъ Египта, и сама не производитъ хлѣба, то поставить въ рѣкѣ сторожевой флотъ, чтобы не было въ Александрію никакого подвоза. Вслѣдъ затѣмъ король потянулся со

всею арміею въ ту сторону и раскинулъ лагерь между Торогою и Деменегутомъ, мѣстечкомъ, отстоящимъ отъ Александріи на 8 миль. Оттуда онъ разослалъ лазутчиковъ по окрестнымъ и даже по отдаленнымъ странамъ высматривать и развѣдывать въ пустынѣ, чтобы никто не проникъ въ городъ для помощи осажденнымъ, или не вышелъ изъ города для призванія войскъ. Въ то же время флотъ преграждалъ всякому дорогу или, по крайней мѣрѣ, не пропускалъ никого безъ тщательнаго осмотра. По прошествіи мѣсяца, какъ городъ не получалъ подвоза съѣстныхъ припасовъ, народъ сталъ жаловаться на недостатокъ пищи. Сираконъ, видя это и опасаясь погубить голодомъ своихъ вмѣстѣ съ прочими, оставилъ въ городѣ Саладина, давъ ему около 1,000 всадниковъ, а самъ ночными переходами прошелъ по пустынѣ, мимо лагеря нашихъ, и явился въ верхнихъ частяхъ Египта, откуда незадолго предъ тѣмъ пришелъ. Когда король узналъ о томъ, онъ дѣятельно началъ преслѣдовать его и, такимъ образомъ, дошелъ до Вавилона. Уже все войско было готово пуститься въ дальнѣйшій путь, какъ къ королю явился неожиданно благородный и могущественный египтянинъ, Бенекарселле и объявилъ ему, что Александрія находится въ крайности, и что у него въ городѣ есть вліятельные родственники, управляющіе гражданами; народъ же, мучимый голодомъ, легко согласится на все, и потому городъ можно безъ всякаго труда сдать вмѣстѣ съ башнями во власть короля. Король, узнавъ о томъ, спросилъ князей, что они думаютъ о всемъ этомъ, и, наконецъ, всѣ вмѣстѣ съ султаномъ согласились возвратиться къ Александріи и съ обоими войсками осадить городъ.

Слѣдующая глава, XXVI, занята историческимъ описаніемъ Александріи и разсужденіемъ о ея торговомъ значеніи, а въ XXVII главѣ описаны подробности самой осады, сопровождавшейся обыкновенными въ то время пріемами военнаго искусства, и описаніе которыхъ мы часто встрѣчали у нашего автора выше; жители, считая турецкій отрядъ Саладина, запершійся въ городѣ, виновникомъ своихъ бѣдствій, рѣшились сдаться, почему Саладинъ, опасаясь измѣны, просилъ своего дядю поспѣшить помощью. Въ XXVIII главѣ говорится о мѣрахъ, которыя принялъ Сираконъ для спасенія своего племянника: онъ отправилъ къ королю своего племянника Гуго Цезарейскаго съ предложеніемъ мира, на условіяхъ размѣняться плѣнными, снять осаду съ Александріи и дать ему свободный проходъ назадъ въ Азію.

XXIX. Когда государь Гуго выслушалъ все это (т. е. мирныя предложенія Сиракона), онъ, какъ человѣкъ умный и осторожный, обдумалъ дѣло со всѣхъ сторонъ, чтобы нисколько не сомнѣваться относительно пользы такого договора для нашихъ; но при всемъ томъ, чтобы не имѣть вида человѣка, который предпочитаетъ свою личную свободу общественному благу, онъ нашелъ болѣе приличнымъ начать переговоры о томъ чрезъ кого-нибудь другого; онъ самъ разсказывалъ мнѣ все это позже, въ дружеской бесѣдѣ. Такимъ образомъ, былъ отправленъ съ этимъ предложеніемъ одинъ изъ товарищей его плѣна, стоявшій близко къ королю, нѣкто Арнульфъ изъ Турбесселя, который попался въ плѣнъ въ одно время съ государемъ Гуго. Онъ

спѣшитъ съ своимъ порученіемъ къ королю, объясняетъ ему причину своего отправленія и въ собраніи князей, на которомъ присутствовалъ султанъ и его дѣти, излагаетъ условія мирнаго договора. Предложеніе было одобрено всѣми, и всѣ полагали, что нисколько не будетъ противорѣчить славѣ короля и союзу, заключенному имъ съ калифомъ (багдадскимъ), то, если городъ сдастся во власть короля, осажденный непріятель и войско Сиракона, разсѣянное по Египту, удалятся изъ страны, а наши плѣнные будутъ размѣнены на непріятельскихъ плѣнныхъ. Султанъ Саваръ вмѣстѣ съ египетскими вельможами одобрилъ условія мира и былъ ими совершенно доволенъ, ибо онъ ничего и не желалъ, какъ чтобы его соперникъ и врагъ очистилъ государство. Въ заключеніе явился и государь Гуго, чтобы утвердить договоръ и покончить дѣло.

XXX. Послѣ того глашатаи возвѣстили всему войску, что война окончена, и Александрія не должна быть болѣе тревожима. Тогда жители, истощенные продолжительною осадою и радуясь заключенію мира, вышли изъ города и ходили на свободѣ, послѣ того какъ столь долгое время находились взаперти, чтобы разсѣяться отъ скуки. Имѣя теперь открытое сообщеніе, они старались также подкрѣпить свое истощенное тѣло пищею, которую находили, и возстановить погасавшія въ нихъ жизненныя силы. Ихъ радовало дружеское обращеніе съ ними того войска, которое еще недавно выражало къ нимъ ненависть и наводило ужасъ, и они весело бесѣдовали съ тѣми, которые наканунѣ угрожали имъ смертью и погибелью. И наши не замедлили отправиться въ городъ, исходили все, осмотрѣли улицы, ворота и стѣны, чтобы, возвратившись домой, разсказать что-нибудь своимъ и занять ихъ чудесными исторіями. Надъ этимъ знаменитымъ городомъ возвышается башня изумительной высоты, называемая Pharas (фаръ, маякъ) и служащая при помощи зажигаемыхъ на ней огней руководною звѣздою для незнающихъ мѣстности во время ночного плаванія. Александрія лежитъ не у открытаго моря; подходъ къ ней весьма опасенъ и путь невѣренъ; вотъ почему на башнѣ всегда содержится огонь на общественный счетъ, чтобы подходящіе корабли могли избѣгнуть угрожающихъ имъ опасностей и избрать надлежащій путь. На этой-то башнѣ было водружено въ знакъ побѣды знамя государя короля, и то, что сначала было извѣстно немногимъ, узнали всѣ. Тѣ, которые остерегались при первыхъ переговорахъ довѣрять нашимъ, видя этотъ вѣрный знакъ мира, не боялись болѣе нашихъ и были вполнѣ убѣждены, что наши не имѣютъ враждебныхъ замысловъ. Они удивлялись въ особенности тому, что такое множество жителей и чужеземныхъ войскъ, съ вѣрностью защищавшихъ городъ, были заключены въ стѣнахъ столь небольшимъ войскомъ и столь постыдно принуждены къ сдачѣ. Наши имѣли едва 500 конныхъ и 4 или 5 тысячъ пѣшихъ людей, между тѣмъ какъ у осажденныхъ было слишкомъ 50 тысячъ способныхъ носить оружіе.

XXXI. Такимъ образомъ Саладинъ оставилъ городъ и предъ своимъ удаленіемъ провелъ нѣкоторое время въ лагерѣ у государя короля, давшаго ему стражу для почета и для огражденія отъ обидъ, которыя могутъ быть нанесены ему дерзкими людьми. Между тѣмъ

султанъ при звукахъ трубъ, тимпановъ, пѣніи и другихъ всякаго рода музыкальныхъ инструментовъ, сопровождаемый кликами войска, вмѣстѣ съ свитою и безчисленною прислугой прошелъ въ тріумфѣ чрезъ городскія ворота, навелъ великій страхъ на гражданъ, однихъ осудилъ, другихъ оправдалъ, изслѣдовалъ проступки всѣхъ и воздалъ каждому по его заслугамъ. Наконецъ, приговоривъ жителей къ извѣстному денежному штрафу, онъ поставилъ людей, которые должны были завѣдывать сборомъ податей и налоговъ и наблюдать, чтобы жители не уклонялись отъ своихъ обязанностей. Собравъ, такимъ образомъ, огромную сумму, онъ передалъ управленіе городомъ довѣреннымъ людямъ и со славою возвратился въ лагерь. Наши же изготовились въ обратный путь, а тѣ, которые пришли на корабляхъ, запаслись въ дорогу и радостно отправились домой. Король сжегъ машины, приказалъ привести въ порядокъ обозъ, и направился къ Вавилону. Тамъ онъ соединился съ оставшимися и, по утвержденіи колебавшагося трона султана, по изгнаніи непріятеля и по возвращеніи своихъ плѣнныхъ, прибылъ въ Аскалонъ 20-го августа, въ четвертый годъ своего правленія, въ годъ же отъ воплощенія господня *тысяча-сто-шестьдесятъ-седьмой* (1167).

Кончается книга девятнадцатая.

Слѣдующая книга, *двадцатая*, обнимаетъ собою послѣднія шесть лѣтъ правленія Амальрика (1167 — 1173), проведенныя имъ въ новыхъ и неудавшихся планахъ завоевать Египетъ въ союзѣ съ Константинопольскимъ императоромъ; между тѣмъ Египтомъ успѣваетъ овладѣть Сираконъ, по смерти котораго Саладинъ свергаетъ калифа и подчиняетъ себѣ всю страну. Вслѣдствіе того послѣдніе годы жизни Амальрика были наполнены безпрерывными войнами съ Саладиномъ; въ 1173 году умираютъ другъ за другомъ Нурединъ въ Дамаскѣ и Амальрикъ въ Іерусалимѣ; этими событіями заключается послѣдняя, XXXIII, глава двадцатой книги.

Начинается двадцать-первая книга.

I. Шестымъ королемъ Іерусалима былъ государь *Балдуинъ Четвертый*, сынъ блаженной памяти государя короля Амальрика, исторію котораго мы разсказали выше, и госпожи графини Агнесы, дочери графа Эдесскаго Іосцелина Младшаго, о которомъ мы часто упоминали прежде. Когда государь Амальрикъ былъ призванъ на отцовскій престолъ, онъ долженъ былъ, какъ то сказано выше, развестись съ женою, преимущественно по настоянію блаженной памяти владыки патріарха Амальрика Іерусалимскаго, который въ этомъ отношеніи слѣдовалъ по стопамъ своего предшественника, владыки Фулько. Дѣло состояло въ томъ, что они были близкіе родственники, какъ то было въ дѣйствительности и что̀ мы подробно объясняли въ исторіи правленія государя короля Амальрика. Его отецъ, заботив-

шійся много о воспитаніи своего сына, поручилъ его мнѣ, когда я былъ еще архидіакономъ города Тира; Балдуину было тогда девять лѣтъ; отецъ съ большими просьбами и обѣщаніями милостей убѣждалъ меня просвѣтить его науками. Когда онъ пребывалъ у меня, и я употребилъ всѣ заботы на наставленіе его въ наукахъ, а равно и на образованіе нравовъ, какъ то приличествуетъ королевскому сыну, случилось однажды, что благородныя дѣти, окружавшія его, играли другъ съ другомъ и, что водится между шалунами, царапали въ шутку ногтями по рукамъ; онъ одинъ переносилъ все терпѣливо, какъ будто не испытывалъ боли, хотя они его не щадили, между тѣмъ какъ другіе крикомъ выражали свою боль. Когда это повторялось и было доведено до меня, я сначала подумалъ, что это происходитъ не отъ его нечувствительности, а отъ терпѣливости; но, призвавъ его къ себѣ, чтобы убѣдиться въ томъ лично, я открылъ, что вся его правая рука дѣйствительно потеряла чувство, такъ что онъ нисколько не замѣчалъ, если ее щипали или кусали. Размышляя объ этомъ, я припомнилъ слова мудрости: „Надобно быть увѣреннымъ, что членъ, потерявшій чувство, далекъ отъ излеченія, и тотъ боленъ опаснѣе всего, кто не подозрѣваетъ своей болѣзни“. Я далъ знать отцу, который обратился за совѣтомъ къ врачамъ; но перевязки (fomentum), втиранія и лекарства нисколько не помогли. Это зло, какъ обнаружилось послѣ въ теченіе его жизни, было началомъ неизлечимой болѣзни, о которой мы не можемъ и говорить безъ слезъ. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, то увидѣли, что онъ страдаетъ ужасною проказою (morbo elephantioso), которая распространялась съ каждымъ днемъ и поражала ему оконечности и лицо до того, что приближенные не могли смотрѣть на него безъ глубокаго состраданія. Не смотря на то, онъ дѣлалъ хорошіе успѣхи въ наукахъ и съ каждымъ днемъ обнаруживалъ прекрасныя способности, подававшія отличную надежду. По своему возрасту онъ былъ статенъ, искусенъ, по примѣру предковъ, въ верховой ѣздѣ и управленіи лошадьми, имѣлъ твердую память, любилъ поучаться въ бесѣдѣ, при всемъ этомъ былъ бережливъ и не легко забывалъ какъ добро, такъ и зло. Онъ походилъ на своего отца не только лицомъ, но и всею фигурою, обращеніемъ и разговоромъ; его характеръ, какъ и отца, былъ живой, но рѣчь растянутая; какъ и отецъ, онъ жадно слушалъ исторію и всегда былъ готовъ выслушивать добрые совѣты.

II. Когда умеръ его отецъ, ему было едва 13 лѣтъ; у него была еще старшая сестра, по имени Сибилла, отъ одной матери, воспитанная въ монастырѣ св. Лазаря въ Виѳаніи у госпожи аббатиссы Иветы, тетки его отца. По смерти его отца, князья королевства, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, собрались вмѣстѣ, и, по ихъ единодушному желанію, онъ былъ съ приличною торжественностью помазанъ въ короли и коронованъ въ храмѣ св. Гроба владыкою патріархомъ Амальрикомъ Іерусалимскимъ, блаженной памяти, при содѣйствіи архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ церкви, 15 іюля (1173), въ четвертый день послѣ смерти отца. Въ то время во главѣ св. римской церкви стоялъ владыка папа Александръ III, патріархомъ Антіохійскимъ былъ владыка Эммерикъ, Іерусалимскимъ—владыка Амаль-

рикъ, Тирскимъ—владыка Фридрихъ; Греческою имперіею управлялъ знаменитый и блаженной памяти государь императоръ Мануилъ; Римскою—государь Фридрихъ (I, Барбарусса), Франціею—государь Людовикъ (VII), Англіею—государь Гейнрихъ (II), сынъ графа Анжуйскаго Готфрида, Сициліею—государь Вильгельмъ Второй, сынъ государя Вильгельма Старшаго; княземъ же Антіохіи былъ государь Боэмундъ, сынъ князя Раймунда, а графомъ Триполя—государь Раймундъ Младшій, сынъ графа Раймунда Старшаго.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ III до IV, авторъ представляетъ картину внутреннихъ междоусобій въ Іерусалимѣ, по поводу споровъ за регентство при малолѣтствѣ короля; рядомъ съ этимъ шло развитіе могущества Саладина, который, по смерти Нуреддина, отнялъ у его дѣтей Дамаскъ, и такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ окружилъ владѣнія христіанъ. Вслѣдствіе всего того авторъ остановился предъ вопросомъ: что могло привести Іерусалимъ въ такое печальное положеніе?

VII. Мнѣ хочется при этомъ (авторъ только-что окончилъ разсказъ о томъ, какъ Саладинъ овладѣлъ Дамаскомъ) сдѣлать небольшое отступленіе отъ нити повѣствованія, не для безцѣльной болтовни, но для того, чтобы помѣстить здѣсь нѣсколько словъ, которыя не будутъ безполезны. Часто спрашиваютъ, и это обстоятельство по истинѣ заслуживаетъ вопроса: *въ чемъ заключается причина того явленія, что наши отцы въ небольшомъ числѣ могли не разъ вступать въ борьбу съ превосходными непріятельскими силами, и при помощи божіей небольшая горсть нашихъ разбивала огромныя и несмѣтныя войска, такъ-что христіанское имя было грозою невѣдущимъ Бога язычникамъ, и Господь прославлялся въ дѣяніяхъ нашихъ отцовъ; нынѣ же наши современники, напротивъ, побѣждаются малочисленнымъ непріятелемъ, и часто даже случалось, что они съ сильнѣйшимъ войскомъ ничего не могли сдѣлать съ непріятелемъ, уступавшимъ численностью, и даже были имъ побиваемы?* Если мы подумаемъ объ этомъ и тщательно разсмотримъ наше положеніе, то прежде всего мы должны указать на ту причину, которая имѣетъ отношеніе къ Богу. Нашимъ отцамъ, этимъ богобоязненнымъ и благочестивымъ людямъ, наслѣдовали развращенныя и порочныя дѣти, которыя преступаютъ заповѣди христіанской религіи и позволяютъ себѣ все, что имъ приходитъ на мысль; они худы и даже хуже тѣхъ, которые говорили своему Господу Богу: „Удались отъ насъ: мы не хотимъ знать путей твоихъ“ (Іов. 21, 14), и которыхъ Господь справедливо лишилъ своей милости, ибо грѣхи ихъ вызвали его гнѣвъ. Люди настоящаго времени, и особенно на Востокѣ, таковы, что еслибы кто захотѣлъ описать ихъ нравы или, лучше сказать, ихъ отвратительные пороки, тотъ палъ бы подъ тяжестью работы и написалъ бы, повидимому, вмѣсто исторіи сатиру. Вторая же причина слѣдующая: въ старину, когда отправились на Востокъ тѣ достопочтенные мужи, исполненные ревности о Богѣ и искренней вѣры, они были привычны къ ратному дѣлу, искусны въ войнѣ и опытны въ употребленіи оружія; восточные же жители, напротивъ, были усыплены отъ продолжитель-

наго мира, къ войнѣ непривычны и рады своему спокойному состоянію. Потому нисколько не удивительно, что небольшое число нашихъ справлялось съ многочисленнымъ непріятелемъ, одерживало верхъ и побѣждало. Тѣ, которые лучше насъ знакомы съ военнымъ дѣломъ, знаютъ также лучше насъ, что продолжительная и непрерывная опытность на войнѣ предпочитается грубой и непривычной силѣ. Третья причина, которая приходитъ намъ на мысль, также важна, какъ и предыдущая. Прежде каждый городъ (т.-е. мусульманскій) имѣлъ особеннаго владѣтеля, и всѣ они, говоря языкомъ нашего Аристотеля, не стояли одинъ подъ другимъ и рѣдко преслѣдовали одинаковыя цѣли, а гораздо чаще противоположныя. Борьба съ такими непріятелями, которые стремились къ различному и даже противоположному, и боялись другъ друга, не была особенно трудна, ибо они не могли и не хотѣли соединиться для общей защиты, и, опасаясь своихъ, не менѣе какъ и нашихъ, не имѣли силъ бороться съ нами. Теперь же всѣ сосѣднія намъ страны, по божьему попущенію, соединились въ рукахъ одного (т.-е. Саладина). Въ послѣднее время, еще на нашей памяти, нашъ жестокій врагъ Сангвинъ (Зенги), ненавидѣвшій христіанское имя, какъ чуму, отецъ недавно умершаго Нуреддина, подчинивъ себѣ силою многія государства, покорилъ своей власти знаменитую и благородную столицу мидянъ, а именно Рагесъ, иначе называемый Эдессою, и избилъ всѣхъ жителей, находившихся въ немъ. Далѣе, сынъ его Нуреддинъ изгналъ владѣтеля Дамаска и болѣе измѣною, нежели силою, покорилъ это государство и присоединилъ его къ отцовскому наслѣдству. Наконецъ, этотъ же Нуреддинъ при помощи Сиракона, овладѣлъ древнимъ и богатымъ Египтомъ, какъ мы подробно изложили то въ исторіи правленія государя Амальрика. Такимъ образомъ, говоримъ мы, всѣ сосѣднія страны соединились подъ властью одного и идутъ противъ насъ по его мановенію, какъ одинъ человѣкъ, хотя, быть можетъ, и неохотно; но тамъ нѣтъ никого, кто бы думалъ различно и безнаказанно смѣлъ ослушатся своего господина. Всѣмъ этимъ теперь владѣетъ Саладинъ, о которомъ мы говорили выше, человѣкъ низкаго рода, изъ послѣдней черни, но счастье подняло его на высшую степень могущества. Изъ Египта и окрестныхъ странъ онъ получаетъ безчисленное множество лучшаго и чистѣйшаго золота, называемаго *обрузит*, а изъ другихъ провинцій онъ набираетъ несмѣтные полки конныхъ и пѣшихъ людей, жаждущихъ его золота и которыхъ легко привлечь, если имѣешь много денегъ. Но возвратимся къ нашей исторіи...

Въ остальныхъ главахъ 21-й книги и въ слѣдующей, *двадцать-второй*, авторъ излагаетъ исторію правленія Балдуина IV отъ вступленія его на престолъ до 1184 года; все это время регентъ графъ Триполя ведетъ постоянную войну съ Саладиномъ за Дамаскъ; но Балдуинъ, придя въ возрастъ, удалилъ регента, хотя его болѣзнь принудила вручить государственныя дѣла Гвидо Лузиньяну, за котораго онъ выдалъ свою сестру Сибиллу, овдовѣвшую по смерти перваго мужа, Вильгельма маркграфа Монферратскаго. Неспособность Гвидо и его честолюбивые замыслы заставили скоро Балдуина лишить своего зятя власти и объявить, въ 1183 г., королемъ своего племянника, Балдуина (V),

сына Сибиллы отъ перваго брака, которому было всего пять лѣтъ отъ роду. Всѣми этими безпорядками пользовался Саладинъ, вторгаясь безпрерывно въ королевство, и въ 1183 г. осадилъ г. Петру. Балдуинъ IV былъ вынужденъ снова обратиться къ графу Триполя и поручилъ ему начальство надъ войскомъ. Описаніемъ осады г. Петры и удаленія Саладина, вслѣдствіе прибытія туда графа Триполя, авторъ заключаетъ свою предпослѣднюю, 22-ю книгу.

Начинается книга двадцать-третья.

Прологъ.

Я имѣлъ намѣреніе, дойдя до этого мѣста (т.-е. 1184 г.), отложить перо въ сторону и покрыть молчаніемъ ту исторію, которую предпринялъ передать потомству, вслѣдствіе тѣхъ огорченій, которыя мнѣ причинили бѣдствія, начавшія поражать королевство чаще обыкновеннаго, даже безпрерывно. Нѣтъ человѣка, который могъ бы безъ боли говорить о паденіи своей родины и крайнемъ положеніи соотечественниковъ; напротивъ, людямъ свойственно, и это весьма натурально, стараться превознести свое отечество и гордиться славою своихъ. Но мнѣ нечего восхвалять; я обязанъ писать о затрудненіяхъ и разнообразныхъ бѣдствіяхъ нашего сѣтующаго отечества, которое можетъ вызвать въ насъ однѣ жалобы и слезы. До сихъ поръ (т.-е. до 1184 г.) мы описывали, какъ умѣли, знаменитыя дѣянія отважныхъ героевъ, которые въ теченіе слишкомъ 80 лѣтъ управляли страною на нашемъ Востокѣ и преимущественно въ Іерусалимѣ, но теперь намъ недостаетъ мужества писать дальше, ибо мы должны приходить въ ужасъ отъ своего настоящаго, и можемъ только изумляться тому, чтó видимъ и слышимъ и чтò недостойно быть предметомъ пѣснопѣній какого-нибудь Кодра или Мевія. Между дѣяніями нашихъ князей нельзя найти ничего, что мудрый счелъ бы достойнымъ изображенія, что читателю причинило бы радость и писателю сдѣлало честь; мы можемъ примѣнить къ себѣ слова пророка: „Пастыри заблуждаются въ законѣ, мудрые въ совѣтѣ, и пророки поучаютъ неправдѣ“ (Іерем. 18, 18); на насъ повторилось и то, что „каковъ народъ, таковы и пастыри“ (Ос. 4, 9); къ намъ же могутъ быть отнесены и слова Исаіи: „Голова больна, сердце утомлено, отъ головы до пятъ въ немъ нѣтъ ничего здороваго“ (I, 5, 6). Мы достигли такой эпохи, что не можемъ вынести ни своей порочности, ни спасительныхъ средствъ противъ нея, а потому за наши грѣхи непріятель получилъ надъ нами перевѣсъ, и мы, торжествовавшіе прежде надъ нимъ и увѣнчанные пальмою побѣдъ, претерпѣваемъ пораженіе почти при всякомъ дѣлѣ, ибо мы оставлены божественною благодатью. Вслѣдствіе всего этого мы считали лучшимъ молчать и предпочли оставить во мракѣ наши слабости, нежели выставлять ихъ на свѣтъ для позора. Но тѣ, которые желали, чтобы мы продолжили однажды начатый трудъ и настоятельно убѣждали описать состояніе Іерусалимскаго королевства какъ въ его счастливую эпоху, такъ и въ эпоху бѣдствій, поставляли намъ на видъ для нашего поощренія

примѣръ краснорѣчивѣйшихъ историковъ, а именно, Тита-Ливія, который сообщаетъ не только объ удачахъ, но и о неудачахъ римлянъ, и Іосифа, который въ длинномъ рядѣ книгъ описываетъ и знаменитыя дѣянія евреевъ, и нанесенный имъ позоръ. Кромѣ этихъ писателей, они ссылались и на примѣры другихъ, побуждая меня къ продолженію труда; впрочемъ убѣдить насъ имъ было тѣмъ легче, что и мы сами хорошо знаемъ двойственность задачи историка: съ одной стороны, онъ долженъ воодушевить потомство своимъ разсказомъ о счастливыхъ дѣяніяхъ, съ другой—примѣромъ несчастной судьбы сдѣлать ихъ болѣе осторожными въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Долгъ историка писать не то, что́ ему нравится, но то, что́ представляетъ время. Въ дѣлахъ же человѣческихъ и особенно во время войны мы видимъ постоянную превратность, и какъ не бываетъ постоянства въ счастьѣ, такъ и несчастье имѣетъ свои свѣтлые промежутки. Такимъ образомъ, мы дали себя уговорить снова предаться начатому нами труду, и намѣрены теперь съ божіею помощью писать тщательно дальше, какъ мы уже начали, все, что́ представитъ намъ грядущее время — и да будетъ оно благополучно — если Богу будетъ угодно продлить нашъ вѣкъ.

I. Между тѣмъ (т.-е. какъ Саладинъ принужденъ былъ оставить осаду г. Петры), вражда между государемъ королемъ и графомъ Іоппе (Гвидо Лузиньянъ) по неизвѣстнымъ причинамъ возрастала съ каждымъ днемъ, такъ-что всѣ видѣли ясно, что король ищетъ повода, на основаніи котораго можно было бы расторгнуть бракъ графа съ его сестрою (Сибиллою). Онъ часто ходилъ къ патріарху и требовалъ отъ него назначить день, въ который онъ могъ бы подать жалобу на этотъ бракъ и объявить разводъ въ его присутствіи. Но графъ, извѣщенный о всемъ томъ, возвратился изъ похода, оставилъ войско и, прибывъ кратчайшею дорогою въ Аскалонъ, дать знать оттуда своей женѣ, находившейся въ Іерусалимѣ, чтобы она поспѣшила оставить городъ до прибытія короля и отправилась въ Аскалонъ; иначе онъ опасался, что король, имѣя ее въ своей власти, не согласится, чтобы она поѣхала къ нему. Тогда король отправилъ вѣстника, приглашая графа къ себѣ и возвѣщая ему о цѣли приглашенія. Но графъ, не желая являться, сослался на болѣзнь, которая ему препятствовала отправиться въ дорогу. Такъ-какъ онъ не являлся и на послѣдующія приглашенія, то король рѣшился поѣхать самъ и лично пригласить графа на судъ. Прибывъ туда въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ князей и найдя городскія ворота запертыми, онъ постучалъ рукою троекратно; но никто не повиновался его приказанію, и потому исполненный справедливаго негодованія онъ возвратился назадъ на глазахъ всего городского населенія, которое, узнавъ о прибытіи короля, собралось на стѣнахъ и башняхъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло. Когда король направился оттуда прямо къ городу Іоппе, онъ встрѣтилъ, еще до прибытія на мѣсто, знатныхъ гражданъ того мѣста обоихъ сословій, которые отворили ему ворота и впустили безъ малѣйшаго затрудненія. Поставивъ тамъ намѣстника, которому онъ

поручилъ заботы о городѣ, онъ отправился въ Акконъ. Тамъ назначенъ былъ всеобщій сеймъ (curia generalis), и когда князья королевства собрались тамъ въ назначенный день, патріархъ, который имѣлъ на своей сторонѣ магистровъ ордена Тампліеровъ и Госпиталитовъ, палъ предъ королемъ, ходатайствуя за графа и прося короля отложить свой гнѣвъ и примириться съ нимъ. Но такъ-какъ они не были услышаны, то оставили съ досадою не только сеймъ, но и городъ. На этомъ же сеймѣ князей было опредѣлено отправить пословъ къ королямъ и князьямъ за Альпы съ просьбою помочь христіанству и королевству. Это дѣло должно было быть разсмотрѣно прежде всего, но патріархъ прервалъ его своею просьбою о графѣ, какъ-то было сказано выше, и вслѣдъ за тѣмъ въ великомъ гнѣвѣ удалился изъ Аккона. Когда графъ Іоппе узналъ, что король не обнаружилъ склонности къ примиренію съ нимъ, то увеличилъ свою виновность новымъ и еще худшимъ поступкомъ. Онъ отправился вмѣстѣ съ своимъ рыцарствомъ къ укрѣпленію Даруму и напалъ на станъ арабовъ, которые съ позволенія короля и въ увѣренности въ его словѣ разбили палатки въ той мѣстности, чтобы пасти свои стада. Напавъ на нихъ врасплохъ, онъ отнялъ у нихъ ихъ достояніе и съ богатою добычею возвратился въ Аскалонъ. Когда король узналъ объ этомъ нападеніи, онъ снова собралъ князей и поручилъ все управленіе государствомъ графу Триполя, на храбрость котораго и благоразуміе онъ возлагалъ большія надежды. Этимъ расположеніемъ, повидимому, онъ удовлетворилъ желанію всего народа и большей части князей, ибо всѣ были того убѣжденія, что единственнымъ путемъ къ спасенію оставалось одно: вручить заботу о государствѣ графу.

Вильгельмъ Тирскій.

Belli sacri historia, libri XXIII. — Кн. XIX — XXIII.

Вильгельмъ, канцлеръ короля Іерусалимскаго Амальрика, архіепископъ Тирскій (Guilelmus, cancellarius regis Amalarici, archiepiscopus Tyrius) принадлежитъ къ числу первоклассныхъ историковъ эпохи крестовыхъ походовъ. Но жизнь самого Вильгельма Тирскаго не нашла себѣ біографа ни въ его современникахъ, ни въ ближайшемъ къ нему потомствѣ, и потому всѣмъ, что мы о немъ знаемъ, мы обязаны его же собственнымъ указаніямъ, разсѣяннымъ отрывочно по его сочиненію. Французы и нѣмцы оспариваютъ другъ у друга честь и называютъ Вильгельма Т. своимъ соотечественникомъ, но въ прологѣ (см. у насъ выше, на стр. 48) къ своему сочиненію нашъ авторъ ясно называетъ Палестину своею *родиною*, а его продолжатели говорятъ прямо, что онъ родился въ Іерусалимѣ. Изъ словъ самого же Вильгельма Т. можно заключить, что онъ родился въ началѣ 40-хъ годовъ XII столѣтія, потому что въ кн. XIX, гл. 4 (выше, на стр. 425), онъ говоритъ, что во время развода короля Амальрика съ Агнесой, слѣдовательно въ 1162 г., онъ былъ за-моремъ, на Западѣ, гдѣ занимался науками (ср. прологъ къ книгѣ XVI, на стр. 332). Такъ какъ Парижскій университетъ былъ въ то

время самою знаменитою школою, то позднѣйшіе французскіе историки прибавляютъ, впрочемъ, въ видѣ одной догадки, что онъ обучался именно въ этомъ университетѣ. По возвращеніи изъ Европы въ Палестину, Вильгельмъ Т. пріобрѣлъ расположеніе короля Амальрика, и, благодаря тому, получилъ въ 1167 г. званіе архидіакона г. Тира (XV, 1). Каковы были отношенія нашего автора къ королю, видно изъ того, что въ томъ же году Амальрикъ отправилъ его въ Константинополь къ императору Мануилу для заключенія наступательнаго союза противъ Египетскаго султана (XX, 4). Вскорѣ послѣ того Вильгельмъ Т. разошелся съ своимъ архіепископомъ и въ 1169 г. ѣздилъ въ Римъ съ жалобою на него (XX, 18). По возвращеніи его изъ Рима, Амальрикъ, уважавшій Вильгельма, какъ отличнаго ученаго (XIX, 3), поручилъ ему воспитаніе (въ 1170 г.) своего 9-лѣтняго сына Балдуина (XXI, 1), который, по вступленіи на престолъ въ 1173 г., сдѣлалъ его своимъ канцлеромъ (XXI, 5), а въ 1174 г. народъ и духовенство избрали его архіепископомъ города Тира. Въ 1177 г. Вильгельмъ Т. ѣздилъ въ Италію по дѣламъ своей церкви и присутствовалъ на Латеранскомъ Соборѣ (XXI, 26). На обратномъ пути онъ заѣхалъ въ Константинополь, гдѣ государственныя дѣла удержали его 7 мѣсяцевъ, такъ-что онъ возвратился на родину только въ 1179 году (XXII, 4). Этимъ ограничивается все, что мы можемъ знать о жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ писателей; но и этого достаточно, чтобы судить о степени авторитета писателя, который не только выросъ и жилъ въ странѣ, исторія которой излагается имъ, но и занималъ высшія государственныя должности, ставившія его въ близкое соприкосновеніе къ людямъ и событіямъ. Дальнѣйшая его судьба намъ мало извѣстна и сохранившіяся извѣстія полны противорѣчій. Одинъ изъ позднѣйшихъ его продолжателей разсказываетъ, что онъ, вслѣдствіе ссоры съ Іерусалимскимъ патріархомъ Ираклiемъ, ходилъ въ Римъ судиться и былъ тамъ отравленъ подосланнымъ медикомъ со стороны того патріарха; но если это справедливо, то смерть Вильгельма Т. не могла быть позже 1184 г.; между тѣмъ, по взятіи Іерусалима Саладиномъ, онъ былъ въ 1188 г. на съѣздѣ Филиппа-Августа и Ричарда Львиное-Сердце близъ Жизора и проповѣдовалъ имъ крестовый походъ. Достовѣрно одно, что въ 1193 г. на одной хартіи подписался другой архіепископомъ Тирскимъ, и слѣдовательно Вильгельмъ Тирскій могъ умереть въ началѣ 90-хъ годовъ XII столѣтія.

По словамъ нашего автора (см. выше, стр. 48), онъ написалъ, по настоянію короля Амальрика, два сочиненія: одно заключало въ себѣ исторію арабовъ отъ Магомета до 1184 года, но оно не дошло до насъ; другое, извѣстное подъ именемъ: Historia rerum in partibus transmarinis gestarum a tempore successorum Mahometh usque ad annum Domini 1184, находится въ нашихъ рукахъ и составляетъ славу автора; въ новѣйшихъ изданіяхъ оно носитъ заглавіе: Belli sacri historia, libri XXIII, и обнимаетъ собою исторію Іерусалимскаго королевства отъ 1100 до 1184 года. Первыя пятнадцать книгъ составлены авторомъ по письменнымъ документамъ и преданіямъ, а, начиная съ XVI книги и до послѣдней XXIII, онъ излагаетъ событія по показаніямъ очевидцевъ и по собственному наблюденію. Какъ видно изъ пролога къ XXIII книгѣ, авторъ, видя паденіе своего отечества и не желая говорить о такомъ печальномъ событіи, хотѣлъ ограничиться первыми XXII книгами, но, по убѣжденію друзей, рѣшился продолжать начатое; однако онъ успѣлъ окончить только первую главу XXIII книги и остановился на томъ, что заговорилъ о

событіяхъ 1184 года. Неизвѣстно, что помѣшало ему; но послѣдовавшее вскорѣ взятіе Іерусалима Саладиномъ и путешествіе автора на Западъ въ 1188 г. указываютъ на то, что политическія событія сдѣлали невозможнымъ спокойный трудъ литератора.

„Исторія священной войны, въ XXIII книгахъ", справедливо доставила своему автору титулъ *князя* историковъ крестовыхъ походовъ. Къ своему выгодному для историка общественному положенію Вильгельмъ Тирскій присоединялъ большую ученость, превосходно владѣлъ латинскимъ языкомъ, на которомъ и писалъ, а кромѣ того жилъ въ эпоху, когда стихъ фанатизмъ и поэтическое настроеніе, а потому Вильгельмъ является свободнымъ отъ предразсудковъ, отдаетъ справедливость мусульманамъ, не щадитъ единовѣрцевъ, и вообще говоритъ такъ, какъ необходимо было говорить тому, кто жилъ и писалъ не въ эпоху геройскаго воодушевленія, а почти наканунѣ взятія Іерусалима Саладиномъ. Надобно полагать, что онъ началъ свое сочиненіе, если оно было писано по порученію Амальрика, около 1170 года, а закончилъ въ началѣ 1184 г. — *Изданія*: 1) у *Bongars*, въ его сборникѣ писателей крестовой эпохи, извѣстномъ подъ именемъ Gesta Dei per Francos (Hanov. 1611, на стр. 625—1044; 2) въ Recueil des historiens des Croisades, publié par les soins de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Par. 1841, t. I, vol. 1, 2 (тамъ же помѣщенъ старо-французскій переводъ, подъ заглавіемъ: L'estoire de Eracles empereur et la conquest de la terre d'outremer, c'est la translation de l'estoire de Guillaum arcevesque de Sur).—*Переводы*: нѣмецкій, Wilhelm Erzbischof von Tyrus, Geschichte der Kreuzzüge und des Königreichs Jerusalem, von E. u. R. Kaussler. Stuttg. 1840; франц. Guizot, Collect. XVI — XVIII. XIX. Par. 1824.

Исторія Вильгельма Тирскаго имѣла своихъ продолжателей, далеко уступающихъ ему во всѣхъ отношеніяхъ; они довели исторію Палестины до 1275 года; см. извлеченіе изъ одного изъ нихъ, а именно Бернарда Казначея, ниже, въ ст. 44 и 52.

III.

ВЗЯТІЕ ІЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМЪ

и

ТРЕТІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

1187—1204 г.

42.—Земля и люди на Востокѣ, предъ началомъ третьяго крестоваго похода. 1175 г.

(Изъ записокъ путешественника XII вѣка).

Въ 1175 г. Фридрихъ Барбарусса отправилъ въ Капръ Гергарда, викарія Страсбургскаго епископа, чтобы привѣтствовать новаго султана на Востокѣ. Гергардъ на пути записалъ все, что ему удалось видѣть или слышать; его записки попали въ руки Арнольда Любекскаго (см. о немъ ниже, въ примѣчаніи къ ст. 48), и онъ, составляя свою „Хронику славянъ", по литературному обычаю того времени, вставилъ эти записки цѣликомъ въ VII книгу, гдѣ онѣ и составили ея 10-ю главу. Ссылаясь на Горація, который говоритъ, что цѣль поэта составляетъ не только полезное, но и пріятное, Арнольдъ прерываетъ свой разсказъ объ основаніи епископства въ Лифляндіи, и, желая позабавить своего читателя, утомленнаго серьезными предметами, переписываетъ въ свою хронику вышеупомянутыя путевыя записки Гергарда, веденныя имъ во время его поѣздки на Востокъ.

Все, что мнѣ удалось во время моего путешествія (на Востокъ) по дѣламъ посольскимъ увидѣть или узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ, я записывалъ всякій разъ, когда находилъ что-нибудь рѣдкое или новое, и гдѣ бы то ни случилось: на землѣ, обитаемой людьми, на сушѣ или на морѣ. Я сѣлъ на корабль 6 сентября (1175 г.) въ Генуѣ. Отплывъ оттуда, мы проѣхали между двухъ острововъ, а именно между Корсикой и Сардиніей. Эти острова отстоятъ другъ отъ друга на четыре мили; оба они весьма красивы по гористому положенію и своимъ долинамъ и обилуютъ всякими произведеніями земли. На Корсикѣ жители обоего пола добродушны, обходительны, гостепріимны, а мужчины отважны и воинственны. Напротивъ, того на о. Сардиніи люди грубы, невѣжественны, дики, скупы и мужчины женоподобные и невидные; тамъ встрѣчается много волковъ. Море около Сардиніи самое бурное и опасное. Сардинія имѣетъ въ длину и въ ширину протяженія, на шесть дней пути, и, по климату, весьма нездорова; напротивъ, Корсика — величиною всего въ три дня пути, но страна весьма здоровая, за исключеніемъ мѣстности, по которой протекаетъ

одна рѣка, отъ воды которой умираетъ всякій, кто ея напьется, и даже птицы, пролетающія надъ нею, околѣваютъ.

Проплывъ между этихъ двухъ острововъ, я прибылъ въ Сицилію. Этотъ островъ имѣетъ чрезвычайно здоровый климатъ; изобилуетъ всякими произведеніями природы, украшенъ долинами и горами, богатъ виноградниками, лугами и рощами, красивыми ручейками, источниками и рѣками; множество фруктовъ и красивыхъ цвѣтовъ; обтекающее его море образовало изъ него форму креста; для торговли положеніе Сициліи весьма выгодно, но она слабо населена. Этотъ островъ имѣетъ протяженія въ длину и ширину шесть дней пути; на немъ находится большое число городовъ.

Вблизи Сициліи, насупротивъ ея, лежитъ еще одинъ островъ, Мальта, въ 10 миляхъ разстоянія и населенный сарацинами. Мальта находится въ зависимости отъ Сициліи.

Недалеко отъ Мальты есть и другой островъ, Панталеонъ (Понтелеарія). Населеніе его сарацинское, не признающее надъ собой ничьей власти. Люди тамъ грубы и дики, и живутъ въ пещерахъ. Если на нихъ нападаетъ сильное войско, то они удаляются со всѣмъ своимъ имуществомъ въ пещеру, и такимъ образомъ ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, не имѣя возможности вступить въ борьбу. Живутъ они болѣе скотоводствомъ, нежели земледѣліемъ, и весьма мало высѣваютъ хлѣба.

Оттуда я прибылъ, послѣ семи дней пути, въ какую-то варварскую страну, населенную арабами. Этотъ народъ живетъ, не имѣя жилищъ, подъ открытымъ небомъ, гдѣ найдется какое-нибудь пристанище. Они говорятъ, что для временнаго пребыванія человѣка на землѣ, весьма короткаго по сравненію съ временемъ божественнаго воздаянія, не стоитъ строить домовъ. Землю они воздѣлываютъ мало, и живутъ однимъ скотоводствомъ. Женщины и мужчины у нихъ ходятъ почти нагими; только по срединѣ тѣло прикрыто кускомъ плохого сукна. Вообще этотъ народъ имѣетъ жалкую наружность, до крайности бѣденъ, не имѣетъ ни оружія, ни одежды, черенъ, безобразенъ и слабосиленъ.

Затѣмъ я ѣхалъ по морю 47 дней и видѣлъ на пути различныя породы рыбы; напримѣръ, одна рыба по глазомѣру была длиною въ 340 локтей. Видалъ я также рыбъ, которыя летаютъ надъ моремъ на разстояніи полета стрѣлы.

Наконецъ, я вошелъ въ Александрійскую гавань, предъ которою возвышается громадная каменная башня, указывающая морякамъ входъ въ нее. Такъ-какъ Египетъ—плоская страна, то на башнѣ горитъ огонь всю ночь; онъ обозначаетъ собою для мореплавателей мѣсто гавани, чтобы спасти ихъ отъ опасности. Александрія—великолѣпный городъ, украшенный зданіями, садами, и съ безчисленнымъ населеніемъ. Въ немъ живутъ сарацины, іудеи и христіане; самъ же городъ находится во власти Вавилонскаго султана (т.-е. Каирскаго). Въ прежнее время этотъ городъ былъ очень великъ, какъ то показываютъ слѣды развалинъ. Онъ протягивался на 4 мили въ длину, и одну милю въ ширину. Съ одной стороны его омывалъ рукавъ рѣки, проведенный изъ Евфрата (т. е. Нила); съ другой же къ нему примыкало великое море

(т. е. Средиземное). Нынѣ же городъ тѣснится къ морю, а отъ рукава Нила его отдѣляетъ большое поле: при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Евфратъ и Нилъ—это одно и то же. Въ Александріи народъ живетъ по своему обычаю. Климатъ тамъ очень здоровъ, и я часто встрѣчалъ столѣтнихъ старцевъ. Городъ окруженъ плохою стѣною, безъ рвовъ. Замѣчу, что одна гавань доставляетъ доходу съ пошлинъ 50,000 золотыхъ, что больше нежели 8,000 марокъ серебра. Люди самыхъ различныхъ націй посѣщаютъ Александрію съ своими товарами. Прѣсной воды нѣтъ въ городѣ, кромѣ той, которую разъ въ годъ впускаютъ водопроводами изъ Нила въ цистерны (водоемы). Тамъ находится много христіанскихъ церквей, и между ними церковь св. евангелиста Марка, за чертою стѣны новаго города, расположеннаго на морскомъ берегу. Въ этой церкви я видѣлъ 17 гробницъ, наполненныхъ костями и кровью мучениковъ, имена которыхъ, однако, неизвѣстны. Я видѣлъ также и капеллу, въ которой этотъ евангелистъ писалъ свое евангеліе, гдѣ онъ претерпѣлъ мученическую смерть и былъ погребенъ, и откуда венеціане увезли его мощи. Въ этой же церкви избирается патріархъ; тамъ же его посвящаютъ и послѣ смерти хоронятъ. Христіанская община въ Александріи и донынѣ избираетъ своего патріарха, подвластнаго греческой церкви. Въ этомъ городѣ стоялъ въ прежнее время громадный дворецъ фараона, окруженный колоссальными мраморными статуями; слѣды его видны и до настоящаго времени.

Мнѣ показывали, какъ Нилъ, вблизи Александріи, выступая изъ русла, разливается на небольшомъ пространствѣ по долинѣ, продолжаетъ нѣкоторое время безъ всякихъ человѣческихъ усилій и искусства стоять на мѣстѣ неподвижно, и потомъ самъ собою превращается въ самую лучшую и чистѣйшую соль. Нилъ обыкновенно каждый годъ выходитъ изъ береговъ, заливаетъ водою Египетъ и чрезъ то оплодотворяетъ его; дожди же въ этой странѣ бываютъ весьма рѣдки. Начало разлива происходитъ въ половинѣ іюня, и вода остается въ такомъ положеніи до Воздвиженія св. Креста (14 сентября); а затѣмъ она начинаетъ убывать до Богоявленія (6 января). Замѣчательна та быстрота, съ которою вода возвращается въ свое русло. Гдѣ только земля показывается снова, поселянинъ немедленно обрабатываетъ ее плугомъ и сѣетъ хлѣбъ. Въ мартѣ убирается жатва. Земля не рождаетъ ничего другого, какъ пшеницу и ячмень, но отличной доброты. Овощи всякаго рода, фрукты и коренья имѣются свѣжими отъ дня св. Мартина (ноябрь) до марта. Овцы и козы въ той странѣ мечутъ два раза въ годъ и, по крайней мѣрѣ, двухъ вмѣстѣ. Я слыхалъ также, что тамъ ослицы даютъ приплодъ отъ жеребцовъ. По всему Египту христіане живутъ и въ городахъ, и въ деревняхъ, но платятъ опредѣленную дань королю Вавилонскому (т.-е. Египетскому султану). Почти каждая деревня имѣетъ христіанскую церковь. Но населеніе крайне бѣдно и ведетъ жалкую жизнь.

Надобно знать, что отъ Александріи до Новаго-Вавилона считается около 3 дней дороги сухимъ путемъ, а водою, по направленію отъ запада къ востоку, ѣздятъ семь дней. Замѣчу при этомъ, что на свѣтѣ существуютъ три города съ именемъ Вавилона: одинъ на рѣкѣ

Хобарѣ (н. Кобуръ, рѣка Месопотаміи, впадающая въ Евфратъ), гдѣ правилъ Навуходоносоръ и гдѣ находится башня Бабель (т.-е. Ваала или Бэла). Этотъ, нынѣ покинутый, городъ называется Старымъ-Вавилономъ и отстоитъ отъ новаго на 30 дней пути. Есть еще одинъ Вавилонъ въ Египтѣ на Нилѣ у подошвы горы и близь степей; тамъ правилъ Фараонъ; этотъ Вавилонъ отстоитъ отъ Новаго на шесть миль, и также разрушенъ. Наконецъ, Новый-Вавилонъ лежитъ въ равнинѣ на морскомъ берегу. Въ прежнее время это былъ весьма значительный городъ, и до сихъ поръ онъ не утратилъ своей важности и весьма населенъ, лежитъ въ плодоносной долинѣ, но посѣщается одними купцами. Къ нему часто подходятъ корабли изъ Индіи, нагруженные пряностями, спускаясь по Нилу, а оттуда товары доставляются въ Александрію. Хлѣбъ и овощи разложены повсюду по улицамъ и переулкамъ.

Въ одной милѣ отъ Новаго-Вавилона, въ степи, находятся двѣ горы (такъ называетъ авторъ пирамиды), выведенныя искусственно изъ громадныхъ мраморныхъ камней и плитъ—изумительная работа! Онѣ отстоятъ другъ отъ друга на полетъ стрѣлы, четыреугольной формы и одинаковаго объема какъ въ ширину, такъ и въ длину; ширина ихъ равняется одному сильному полету стрѣлы, а въ высоту онѣ будутъ въ два полета.

Далѣе, вблизи Новаго-Вавилона, на одну треть мили, находится другой значительный городъ, по имени Каиръ, гдѣ находится резиденція султана, дворцы его и вельможъ, а равно и казармы. Этотъ городъ, населенный войскомъ, лежитъ на Нилѣ. Зданія его весьма роскошны и стоютъ того, чтобы ихъ посмотрѣть. Онъ окруженъ стѣною и лежитъ среди прекрасныхъ садовъ. Въ немъ живутъ сарацины, іудеи и христіане, и каждая народность имѣетъ свое богослуженіе. Христіанскихъ церквей много.

Съ милю отъ этого города находится бальзамическій садъ, занимающій подъ собою около полудесятины. Бальзамное дерево равняется трехлѣтней виноградной лозѣ, а листья такіе же какъ у трилистника. Когда приспѣваетъ время въ маѣ мѣсяцѣ, дерево надрѣзывается по способу, извѣстному тѣмъ, которые ходятъ за нимъ. Вслѣдствіе того изъ дерева начинаетъ точиться каплями клейкое вещество; его собираютъ въ стеклянные сосуды и держатъ такъ шесть мѣсяцевъ, прикрывъ сверху голубинымъ каломъ; потомъ его варятъ и очищаютъ, послѣ чего жидкость отдѣляется отъ густой массы. Этотъ садъ орошается источникомъ и не допускаетъ для своего употребленія никакой другой воды. Замѣтимъ, что бальзамъ не растетъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ, кромѣ этого мѣста. Къ тому источнику удалилась нѣкогда св. Дѣва съ нашимъ Спасителемъ, спасаясь отъ преслѣдованій Ирода, и долгое время укрывалась тамъ, омывая въ водѣ того источника пеленки ребенка, какъ то требовалось вслѣдствіе его человѣческаго естества. По этой причинѣ и до настоящаго дня этотъ источникъ пользуется у сарацинъ особымъ почтеніемъ, и всякій разъ, когда они омывались въ немъ, они приносили съ собою восковыя свѣчи и куренія. Въ день Богоявленія туда собирается множество народа изъ окрестностей, чтобы окунуться въ источникѣ. Сарацины вѣрятъ въ

то, что св. Дѣва зачала Іисуса Христа отъ Ангела, родила и послѣ пребыла дѣвою. Но, говорятъ они, этотъ святой сынъ дѣвы былъ только пророкомъ, и Богъ чудеснымъ образомъ взялъ его на небо съ душою и тѣломъ. Они празднуютъ и его рождество, но отрицаютъ то, что онъ сынъ божій, что онъ былъ крещенъ, распятъ, умеръ и погребенъ. Далѣе, они увѣряютъ, что не мы, а они слѣдуютъ ученію Христа и апостоловъ, ибо они обрѣзаны. Также они вѣруютъ въ апостоловъ и пророковъ, и чествуютъ нѣкоторыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ Христа.

Въ Каирѣ находится старая и высокая пальма, которая, когда св. Дѣва, проходя мимо нея съ нашимъ Спасителемъ, хотѣла достать съ нея плодъ, сама собою наклонилась и послѣ снова выпрямилась. Сарацины, видя то, позавидовали св. Дѣвѣ и надрѣзали дерево въ двухъ мѣстахъ; но въ ту же ночь дерево исцѣлилось и стояло по прежнему; до сихъ поръ на немъ сохранились слѣды тѣхъ надрѣзовъ. Эту пальму сарацины считаютъ святою и каждую ночь освѣщаютъ ее лампадами. Есть много и другихъ мѣстъ въ Египтѣ, гдѣ пребывала св. Дѣва и которыя чтятся и сарацинами, и христіанами.

Нилъ или Евфратъ гораздо болѣе Рейна; онъ вытекаетъ изъ Рая, и никто не знаетъ его источниковъ; изъ письменныхъ извѣстій видно, что онъ протекаетъ по равнинѣ; вода въ немъ мутная и изобилуетъ рыбой, которая впрочемъ нехороша. Въ Нилѣ живутъ иппопотамы; они скрываются подъ водой и часто выходятъ оттуда. Крокодилов же безчисленное множество; они похожи на ящерицу, снабжены четырьмя ногами и имѣютъ короткую и толстую лапу. Голова крокодила имѣетъ сходство съ головой кабана, длинная и широкая, съ огромными зубами. Крокодилъ любитъ выходить на солнце, и если встрѣтитъ звѣря или ребенка, то умерщвляетъ ихъ.

Есть въ Египтѣ одна христіанская церковь, вблизи которой находится колодезь; круглый годъ онъ остается сухимъ, за исключеніемъ времени церковнаго праздника. Тогда вода поднимается въ немъ въ теченіе трехъ дней такъ высоко, что ее хватаетъ на всѣхъ христіанъ, собирающихся къ торжеству. Но едва кончится праздникъ, какъ исчезаетъ и вода.

Въ шести миляхъ отъ Новаго-Вавилона, въ степи, откапываются въ одной горѣ квасцы, употребляемые для окрашиванія валяльщиками; доходъ съ того идетъ въ пользу султана. Въ Египтѣ изготовляются и индѣйскія краски. Кромѣ того, Египетъ богатъ всякаго рода птицами. Хотя по всей странѣ не существуетъ ни золотой, ни серебряной, ни другой металлической руды, но жители ея богаты золотомъ. Тамъ водятся и хорошія лошади; множество попугаевъ; они прилетаютъ изъ Нубіи. Нубія отстоитъ отъ Вавилона на 40 дней пути; это страна христіанская; она имѣетъ своего короля, подданные котораго однако необразованны и сама страна весьма лѣсиста. Въ Египтѣ выводятъ цыплятъ отъ одной до двухъ тысячъ въ печкѣ, при помощи огня, безъ насѣдки; это идетъ въ пользу султана. Климатъ въ Египтѣ жаркій: дождь выпадаетъ рѣдко. Гора Синай лежитъ посреди степи въ семи дняхъ разстоянія.

Сарацины вѣрятъ, что дождутся рая на землѣ. Тотъ же рай, въ

который они вступаютъ по смерти, имѣетъ, по ихъ представленію, четыре рѣки: одна течетъ виномъ, другая молокомъ, третья медомъ и четвертая водою. Тамъ, говорятъ они, растутъ всякаго рода плоды; тамъ можно будетъ ѣсть и пить все, что угодно, и каждый получаетъ ежедневно новую жену; если же кто палъ въ сраженіи отъ руки христіанина, то ему даются въ раю каждый день девять женъ. На мой вопросъ, что дѣлается съ тѣми женщинами, которыя были уже одинъ день женою, никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта.

Египетъ богатъ всякаго рода птицами и плодами, но вслѣдствіе религіознаго запрещенія бѣденъ виномъ; еслибы оно воздѣлывалось, то надобно замѣтить, что страна имѣетъ всѣ необходимыя для того качества.

Изъ Вавилона я отправился въ Дамаскъ по степямъ; путь этотъ совершается въ двадцать дней, и во все это время я не встрѣтилъ ни одного куска воздѣланной земли. Степь представляетъ то плоскую, то гористую песчаную почву; на ней растетъ только низкій кустарникъ, и то мѣстами. Климатъ въ этой степи чрезвычайно неровный: зимою очень холодно, а лѣтомъ крайне жарко. Проѣздъ по всей этой странѣ сопряженъ съ величайшими затрудненіями, и дорога весьма невѣрная: ибо при вѣтрѣ песокъ заметаетъ ее до того, что ничего нельзя разобрать; только бедуины, проѣзжая часто по степи, и другіе странники могутъ руководить путешественниками, какъ лоцмана на морѣ. Замѣчу, что степь изобилуетъ львами, страусами, кабанами, буйволами, ослами и зайцами. Вода встрѣчается рѣдко, чрезъ каждые четыре или пять дней. Съ одной стороны степь примыкаетъ къ Индѣйскому, а съ другой—къ Красному морю. На берегу послѣдняго я провелъ двѣ ночи. Я видѣлъ также тѣ 17 пальмъ, гдѣ Моисей изъ разсѣвшейся скалы досталъ воду.

Отъ горы Синая я странствовалъ еще два дня. Замѣчу, что еще никто на свѣтѣ не изслѣдовалъ протяженія и границъ степей, такъ-какъ онѣ, подобно морю, не вездѣ доступны. Оставивъ степь за собою, я увидѣлъ равнину, нѣкогда населенную христіанами, а теперь она вся опустошена и мало обработана, ибо лежитъ на границѣ христіанскихъ и сарацинскихъ владѣній. Въ этой странѣ я встрѣтилъ древній городъ, по имени Буссерентинъ (н. Буссеретъ, древняя Бостра, столица идумеевъ, а впослѣдствіи римской Аравіи), нѣкогда населенный христіанами, отстроенный изъ мрамора, всячески украшенный, и, какъ о томъ свидѣтельствуютъ развалины, весьма красивый городъ и привлекательный. Теперь же онъ населенъ сарацинами, весьма съузился, такъ-что отъ него остался только одинъ зàмокъ, чрезвычайно хорошо укрѣпленный.

Оттуда я прибылъ въ Дамаскъ, послѣ трехъ дней пути чрезъ страну, населенную отчасти христіанами, которые платятъ дань владѣтелю Дамаска. Дамаскъ весьма замѣчательный городъ съ двойною стѣною и красивыми башнями; онъ отлично укрѣпленъ, имѣетъ проточную воду, источники, водопроводы извнѣ, а внутри водою снабжены различныя мѣста и отдѣльные дома; его окружаютъ со всѣхъ сторонъ цвѣтники, огороды; на украшенія издержано весьма много.

Такимъ образомъ, жители имѣютъ, и внѣ, и внутри воды сколько угодно, какъ въ земномъ раю. Много есть христіанскихъ церквей и христіанъ; весьма много евреевъ. Въ окрестностяхъ Дамаска растетъ отличное вино. Климатъ очень здоровый; много людей преклонныхъ лѣтъ. Отъ Іерусалима пять небольшихъ дней, а отъ Аккона—четыре.

Въ трехъ миляхъ отъ Дамаска, въ горахъ, лежитъ мѣстечко, называемое Сайданейда. Оно населено христіанами, у которыхъ есть церковь, лежащая близь него въ полѣ и посвященная преславной Дѣвѣ Маріи. Въ этой церкви и въ принадлежащемъ къ ней монастырѣ служатъ Богу и святой Дѣвѣ 12 монахинь и 8 монаховъ. Тамъ же я видѣлъ деревянную дощечку, въ локоть длины и полъ-локтя ширины, за алтаремъ, въ стѣнѣ у окошка, за желѣзною рѣшеткой. На этой доскѣ былъ изображенъ нѣкогда ликъ святой Дѣвы, нынѣ же чудеснымъ образомъ изображеніе на деревѣ обратилось въ плоть, и изъ него течетъ непрерывно благовонное масло, лучшее всякаго бальзама. При помощи этого масла христіане, сарацины и іудеи часто освобождались отъ различныхъ болѣзней, и замѣчательно, что это масло никогда не убавляется, не смотря на то, что имъ пользуются весьма много. До образа никто не смѣетъ дотрогиваться, но смотрѣть дозволено каждому. Забота о храненіи масла возложена на одного христіанина; тѣ, которые пользуются имъ съ благоговѣніемъ и вѣрою въ св. Дѣву, отслуживъ при этомъ обѣдню, достигаютъ всего, чего бы ни пожелали. Къ этому мѣсту, въ день зачатія и рождества Богородицы (9 дек. и 8 сент.), стекаются всѣ сарацины той провинціи вмѣстѣ съ христіанами для молитвы, и съ величайшимъ благоговѣніемъ представляютъ свои дары. Замѣчу еще: этотъ образъ былъ изготовленъ въ Константинополѣ въ честь св. Дѣвы, и оттуда принесенъ патріархомъ въ Іерусалимъ. Около того времени случилось аббатиссѣ того монастыря посѣтить Іерусалимъ для молитвы; она, выпросивъ этотъ образъ для своей церкви у патріарха, взяла его съ собою. Происходило же все это въ 870 году отъ воплощенія господня; но священное масло начало источаться изъ образа гораздо позднѣе.

Замѣчу еще: въ области Дамаска, Антіохіи и Алеппо живетъ въ горахъ сарацинское племя, которое на своемъ языкѣ называется *гейссессины* (ассассины), а у романскихъ народовъ зовется людьми Горнаго Старца. Они не имѣютъ никакой религіи; ѣдятъ свиное мясо, не смотря на запрещеніе его сарацинскою вѣрою, и живутъ со всѣми женщинами безразлично, не исключая матерей и сестеръ. Они населяютъ горы и считаются народомъ непобѣдимымъ, ибо имѣютъ весьма крѣпкіе зáмки. Земля ихъ не плодородна, и они держатся скотоводствомъ. У нихъ есть свой повелитель, который держитъ въ страхѣ всѣхъ сосѣднихъ князей, какъ мусульманскихъ, такъ и христіанскихъ, ибо онъ находитъ средство умерщвлять ихъ удивительнымъ образомъ. Вотъ какъ это дѣлается у него. Этотъ князь имѣетъ отличные зáмки, окруженные высокими стѣнами, черезъ которыя можно проникнуть только небольшою и заботливо охраняемою калиткою. Въ этихъ замкахъ онъ воспитываетъ съ малолѣтства сыновей своихъ простолюдиновъ и приказываетъ обучать ихъ различнымъ языкамъ: латинскому, греческому, романскому, сарацинскому и еще нѣкоторымъ другимъ.

Воспитатели внушаютъ имъ съ ранняго дѣтства и до совершеннолѣтія, что они обязаны, и словомъ, и мыслью, безотчетно повиноваться своему повелителю; въ этомъ случаѣ онъ, имѣя власть надъ живущими богами, доставитъ имъ всѣ утѣхи рая. Иначе, учили ихъ, они невозвратно погибнутъ, если вздумаютъ въ чемъ-либо противорѣчить его волѣ. И удивительное дѣло: они живутъ съ дѣтства въ такомъ заключеніи въ этихъ замкахъ, что не видятъ никого, кромѣ своихъ воспитателей, и ничего другого не слышатъ, пока не позовутъ ихъ къ князю для совершенія убійства. Представъ предъ него, они получаютъ вопросъ, намѣрены ли повиноваться его повелѣніямъ, чтобы достигнуть рая. Тогда они отвѣчаютъ, какъ ихъ тому учили, бросившись, безъ дальнѣйшихъ размышленій, ему въ ноги и съ величайшею ревностью, что они готовы исполнить всякое его повелѣніе. Тогда онъ даетъ имъ золотой кинжалъ и высылаетъ, чтобы убить какого-нибудь князя по его указанію.

Изъ Дамаска я прибылъ чрезъ Тиверіаду въ Акконъ послѣ 4 дней пути, а оттуда въ Іерусалимъ, изъ Іерусалима же въ Аскалонъ. Это небольшой приморскій городъ, отлично укрѣпленный стѣнами и рвами и весьма здоровый. Оттуда я возвратился степью черезъ 8 дней назадъ въ Вавилонію (Каиръ). При этомъ я видѣлъ одно мѣсто на дорогѣ, покрытое на разстояніи цѣлой мили каменною солью, и встрѣтилъ множество дикихъ ословъ и буйволовъ.

Замѣчу, что въ Агирѣ (Эль-Аримъ) находится публичный домъ разврата для содомитянъ. Жены у сарацинъ ходятъ подъ густымъ покываломъ и никогда не бываютъ въ храмахъ. За ними строго присматриваютъ евнухи, такъ-что знатныя женщины иначе не выходятъ изъ дома, какъ съ разрѣшенія своихъ мужей. Ни братъ, ни другой родственникъ мужа или жены безъ позволенія мужа не смѣетъ посѣтить ее. Мужчины ходятъ въ храмъ пять разъ въ день на молитву. Вмѣсто колоколовъ они имѣютъ глашатаевъ, по голосу которыхъ всѣ сходятся вмѣстѣ. Благочестивые сарацины моются каждый часъ; они начинаютъ съ головы и лица, потомъ моютъ руки, пальцы, ноги, ступню и, наконецъ, спереди и сзади; послѣ того идутъ на молитву, и молятся не иначе какъ съ колѣнопреклоненіемъ. Они вѣрятъ въ Бога, какъ творца міра, и говорятъ, что Магометъ — святѣйшій пророкъ и основатель ихъ религіи. Къ нему дѣлаютъ странствованіе сарацины, живущіе вдалекѣ и вблизи. Также и другимъ основателямъ ихъ религіи они оказываютъ почтеніе.

Каждый сарацинъ имѣетъ право жениться на 7 женахъ. Каждая жена на основаніи брачнаго договора получаетъ извѣстное содержаніе. Сверхъ того они живутъ по своему произволу со всѣми рабынями и служанками, не видя въ томъ никакого грѣха. Если раба родитъ ребенка, то получаетъ свободу, и сарацинъ можетъ по своей волѣ назначить намѣстникомъ кого хочетъ изъ своихъ сыновей, будетъ ли онъ рожденъ свободною женою или рабою. Впрочемъ многіе сарацины такъ благочестивы, что имѣютъ только по одной женѣ. Менѣе семи женъ дозволяется имѣть, но не болѣе, за то можно, какъ я сказалъ, увеличиват число наложницъ.

При этомъ слѣдуетъ подумать о неизмѣримой благости Спасителя,

который не оставляетъ своею любовью ни людей праведныхъ, ни людей безбожныхъ. Праведному, кроткому, благочестивому, боящемуся его заповѣдей, онъ доставляетъ въ награду вѣчную жизнь, и осчастливливаетъ его высшимъ благомъ, которое онъ есть самъ, и созерцаніемъ своего величія; людямъ же безбожнымъ, осужденнымъ на вѣчныя муки, онъ ниспосылаетъ изобиліе временныхъ благъ въ здѣшней земной жизни. Вотъ вслѣдствіе чего тѣ отверженцы (т.-е. мусульмане) пользуются лучшими землями, имѣютъ въ изобиліи хлѣбъ, вино и масло, украшаются богато въ золото, серебро, драгоцѣнные камни и шелкъ, утопаютъ въ благоуханіяхъ и сладостяхъ и не отказываютъ себѣ ни въ чемъ, что пріятно глазу. Надъ ними сбывается пророчество Исаака, который, благословивъ Іакова духовными дарами, сказалъ Исаву: „Отъ тука земли будетъ домъ твой и отъ росы небесныя свыше: въ этомъ твое благословеніе“ (I Моис. 27, 39, 40). Это же мы можемъ сказать словами самого Бога: „Любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ: да будете сынами Отца вашего небеснаго; потому что онъ велитъ восходить солнцу своему надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Матѳ. V, 44, 45). И Давидъ сказалъ: „Неправедные будутъ счастливы на свѣтѣ и пріобрѣтутъ богатства“.

Страсбургскій викарій Гергардъ.

Помѣщено у Арнольда Любекскаго въ Chron. Slavorum, VII, 10.

Гергардъ, викарій Страсбургскаго епископа (Gerardus, Argentinensis Vicedominus), былъ отправленъ Фридрихомъ Барбаруссою въ Египетъ, чтобы привѣтствовать Саладина, по случаю смерти Нуреддина (1174 г.), которая открывала Сирію и Палестину честолюбію Египетскаго султана. Составленныя имъ замѣтки на пути попались въ руки Арнольда аббата Любекскаго и были имъ помѣщены въ его «Хронику славянъ». См. о томъ же ниже, въ примѣчаніи къ ст. 48.

---

43. — Состояніе общества въ Палестинѣ предъ завоеваніемъ Іерусалима Саладиномъ. 1187 г.

(Около 1220 г.).

ТРИ КНИГИ

Восточной исторіи.

622—1219.

Прологъ.

Когда Господь, предложившій себя искупительною жертвою, и взирая въ своемъ милосердомъ состраданіи на великодушіе и терпѣніе христіанской арміи, сжалился надъ ея долговременными страданіями, разверзъ предъ нею врата Египта и предалъ въ ея власть знаменитый городъ Даміетту (т.-е. въ 1219 г.), мы оставались послѣ

того долгое время, „возсѣдая на берегахъ рѣкъ, которыя орошаютъ царство Вавилона, и проливали тамъ слезы, восноминая о Сіонѣ (Псал. 136, ст. 1)“; по причинѣ своей малочисленности, мы не могли идти впередъ противъ непріятеля, превосходившаго насъ числомъ, и не осмѣливались оставить города. Многіе изъ нашихъ, худѣя и томясь отъ скуки въ эти дни, узнали своимъ собственнымъ опытомъ, какъ справедливы тѣ слова Соломона; „Пожеланія убиваютъ лѣниваго, ибо его руки не хотятъ ничего дѣлать“ (Притчи, гл. 21, ст. 25); и слова пророка Іеремiи (Плачъ, гл. 1. ст. 7): „Враги видѣли его (Іерусалимъ), и смѣялись надъ его покоемъ“. Но я, помышляя о томъ, какъ пагубна потеря времени, о чемъ говоритъ и Соломонъ (Эклес. гл. 33, ст. 28, 29): „Муки и наказаніе злому рабу, пошлите его на работу, чтобы онъ не былъ празднымъ, ибо праздность научаетъ всякому злу“,—я рѣшился, вслѣдствіе размышленія о священномъ Писаніи, сдержать свой умъ, всегда наклонный, подобно злому рабу, къ дѣламъ суетнымъ и безполезнымъ, и котораго мысли, безпрестанно терзаемое сердце, были часто перепутаны, чтобы приковать его узами прилежнаго чтенія и не позволить ему заблудиться въ мечтахъ своей фантазіи. Такъ, ища для себя развлеченія и воодушевленный желаніемъ научиться чему-нибудь новому и неизвѣстному, я нашелъ различныя книги въ библіотекахъ грековъ, латинъ и арабовъ; случайно попались мнѣ въ руки разсказы о восточныхъ царяхъ, ихъ битвахъ и ихъ дѣяніяхъ. Эти занимательные писатели, превознося суетно высокопарными похвалами людей, о которыхъ я намѣренъ говорить, и занося тщательно въ свои сочиненія разсказы о ихъ битвахъ, побѣдахъ, богатствахъ, о ихъ могуществѣ и прошедшей славѣ, оставили потомству достопамятныя произведенія. Все это сильно воодушевило меня и вмѣстѣ огорчило и опечалило; я упрекалъ своихъ современниковъ за ихъ небрежность и лѣность, ибо „сыны вѣка сего умнѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ“ (Ев. Луки XVI, 8): первые изъ нихъ употребили столько рвенія и трудовъ къ тому, чтобы описать преходящія дѣянія людей осужденныхъ. Въ наше же время, напротивъ, не нашлось никого, или по крайней мѣрѣ нашлось очень мало людей, которые предприняли бы разсказать и описать битвы, преславныя побѣды и дивныя дѣла Царя Небеснаго, на славу и хвалу того, кто одинъ достоинъ хвалы и славы во всѣ вѣка. Дѣйствительно, у Товіи (XII, 7) сказано: „Выгоду князя составляетъ то, чтобы хранить тайну князя, и славѣ Бога служитъ то, чтобы дѣла Бога были открыты и извѣщены всѣмъ“; а потому древніе и святые отцы, имѣя всегда предъ собою страхъ господень и пользуясь дарованнымъ имъ талантомъ, употребили всѣ старанія и все прилежаніе къ тому чтобы, во славу Господа и въ назиданіе людей своего времени и ихъ потомства, описать чудныя дѣла Іисуса Христа, какъ тѣ, которыя онъ удостоилъ совершить самъ лично, такъ и тѣ, которыя онъ исполнилъ чрезъ посредство своихъ святыхъ. Во многихъ книгахъ, святые евангелисты разсказали дѣянія самого Христа, Лука—дѣянія апостоловъ, другіе благочестивые люди—дѣянія и подвиги мучениковъ и исповѣдниковъ, Іеронимъ—жизнь восточныхъ отцовъ, Григорій — западныхъ отцовъ, Евсевій Александрійскій оставилъ церковную исторію, а дру-

гіе мудрые люди передали намъ *historia tripartita* и другія событія, совершившіяся отъ начала церкви господней. Но лѣность людей новаго времени отказалась собирать вмѣстѣ съ апостолами крохи, падающія отъ трапезы Господа, и хранила глубокое молчаніе. Между тѣмъ и въ наши дни Господь совершилъ дивныя дѣла, достойныя прославленія и памяти людей, въ Испаніи противъ мавровъ, въ Провансѣ противъ еретиковъ (альбигойцевъ), въ Греціи противъ отщепенцевъ, въ Сиріи противъ... (пропускъ въ манускриптѣ), въ Египтѣ противъ сарацинъ, въ отдаленнѣйшихъ странахъ Востока противъ персовъ, ассиріянъ, халдеевъ и турокъ. Потому я не хочу погребсти молчаніемъ тѣ многочисленныя и тѣ удивительныя битвы нашего короля (т.-е. Іерусалимскаго, Іоанна Бріэння), и тѣ преславныя побѣды, которыя онъ одержалъ надъ своими непріятелями, чтобы кто-нибудь не упрекнулъ меня въ неблагодарности къ нему. Я желаю лучше, какъ та бѣдная вдовица, положивъ три или четыре монеты въ кружку господню, лепетомъ своимъ воздать ему хвалу, нежели сохранить молчаніе и воздержаться отъ прославленія его. Въ прежнія времена, при сооруженіи храма, одни приносили золото, другіе серебро, одни мѣдь, другіе шерсть гіацинтоваго цвѣта, пурпуръ, дважды крашенныя сукна, тонкое полотно, а иные козью шерсть и овчину, каждый по своимъ средствамъ; такъ и я поручаю себя тому, кто смотритъ болѣе на намѣреніе, нежели на результатъ, кто принимаетъ въ соображеніе не то, какъ сдѣлано, но чѣмъ сдѣлано, и кто съумѣетъ извинить мою недостаточность, если я ему сдѣлаю жертвоприношеніе не такое, какое желалъ бы, но какое могъ.

Предметъ, о которомъ я намѣренъ разсуждать въ этомъ сочиненіи, раздѣленъ мною на *три книги*.

Въ *первой книгѣ*, очертивъ вкратцѣ исторію Іерусалима, я изложилъ въ подробности дѣла Господа, которыя онъ сподобилъ совершить въ своемъ милосердіи въ странахъ Востока; я описалъ племена жителей, города и тѣ мѣстности, о которыхъ, какъ я видѣлъ, упоминается всего чаще въ различныхъ писаніяхъ; мнѣ казалось это необходимымъ для бòльшаго уразумѣнія обстоятельствъ, которыя излагаются въ нихъ; а чтобы еще болѣе расширить мой трудъ, я присоединилъ къ тому подробности о многочисленныхъ и различныхъ особенностяхъ этой земли.

Во *второй книгѣ*, пробѣжавъ быстро исторію новѣйшихъ обитателей Востока, я перешелъ къ разсказу о дѣлахъ, которыя совершилъ Господь въ наши дни въ странахъ западныхъ; я описалъ главнымъ образомъ различные ордена, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, и въ концѣ книги приложилъ подробное разсужденіе о порядкѣ и обязанностяхъ крестоносцевъ, и о пользѣ ихъ пилигримства.

Въ *третьей книгѣ*, возвратившись отъ исторіи Запада къ Востоку, я началъ съ изложенія событій, видѣнныхъ моими собственными глазами, и которыя Господь сподобилъ совершить, въ своемъ народѣ и въ войскѣ христіанъ, послѣ Латеранскаго Собора и до взятія Даміетты. Да позволитъ мнѣ Господь окончить эту книгу завоеваніемъ Святой Земли, обращеніемъ или истребленіемъ сарацинъ и возстановленіемъ восточной церкви. Внимательный читатель увидитъ ясно самъ,

въ какой степени мой настоящій трудъ можетъ послужить хорошимъ примѣромъ для тѣхъ, которые сражаются подъ знаменемъ Христа, какъ онъ будетъ полезенъ для утвержденія вѣры, преобразованія нравовъ, опроверженія невѣрныхъ, замѣшательства нечестивыхъ, наконецъ для того, чтобы воздать хвалу людямъ добрымъ и побудить другихъ слѣдовать по ихъ стопамъ.

Первая книга.

Въ началѣ этой книги, послѣ самаго краткаго очерка древнѣйшихъ судебъ Палестины, начиная отъ Авраама до Магомета, авторъ останавливается нѣсколько на послѣднемъ, и затѣмъ прямо переходитъ къ исторіи крестовыхъ походовъ. Но онъ говоритъ весьма коротко о самыхъ событіяхъ и обращаетъ особенное вниманіе на цвѣтущее положеніе Іерусалимскаго королевства въ первые годы его существованія, и затѣмъ, приблизившись къ концу XII вѣка, рисуетъ самыми мрачными красками то глубокое паденіе нравовъ самихъ завоевателей Палестины, которое было главною причиною пораженія христіанъ и утраты ими Іерусалима, въ 1187 году.

Между тѣмъ какъ виноградникъ Господа (Іерусалимское королевство) распространялъ отъ себя (въ началѣ своего существованія) сладкое благоуханіе до концовъ земли, древній змѣй, ядоносный драконъ, врагъ человѣческаго рода, не могъ долго переносить этихъ сладкихъ благоуханій: видя преобразованія, совершенныя въ восточныхъ странахъ десницею Всевышняго, видя, какъ святая церковь дѣлаетъ во всемъ успѣхи, какъ распространяется богопочитаніе, какъ невѣрные смѣшаны и христіане превознесены, какъ возобновляются чудеса, какъ повторяются дивные подвиги, какъ небесный огонь, въ день святой субботы на Пасхѣ, нисходитъ въ церковь Воскресенія Господня, какъ народъ благочестиво стекается для празднованія славы Бога и восхваленія его благодѣяній, какъ невѣрные покрыты стыдомъ и вѣрующіе радуются о Господѣ; смотря на все это съ завистью, укрывшись въ новый мракъ отъ столь сильнаго свѣта и пораженный сердцемъ въ своей злобѣ на смерть, дьяволъ началъ отыскивать тысячи средствъ, придумывать всякія ухищренія, чтобы тайно разлить свой ядъ, разрушить виноградникъ господень, „и посѣять плевелы на полѣ господнемъ, пока пастухи спали“ (Матѳ. XIII, 25).

Первоначально дьяволъ не могъ найти себѣ помѣщенія въ мѣстахъ сухихъ и безводныхъ, то-есть, посреди тѣхъ первыхъ пилигримовъ, еще бѣдныхъ, истощенныхъ и утомленныхъ продолжительными трудами; но наконецъ онъ увидѣлъ домъ въ полномъ спокойствіи и свободнымъ отъ всякой опасности, а людей предавшимися праздности, живущими безопасно въ своемъ новомъ обиталищѣ, посреди увеличе-

нія сборовъ хлѣба и масла, и наслаждающимися въ крайнемъ изобиліи всѣхъ земныхъ благъ; тогда дьяволъ, взявъ съ собою семь духовъ, болѣе развращенныхъ, чѣмъ онъ самъ, вступилъ въ тотъ домъ съ семью смертными грѣхами; и послѣдовавшія событія были горше предшествовавшихъ, ибо язвы людей возобновились, ихъ безуміе породило порчу и гноеніе въ ранахъ. Разжирѣвъ и растолстѣвъ, они сдѣлались мятежными, и неправда этихъ безумцевъ вышла изъ среды ихъ богатствъ и наслажденій. Господь ихъ насытилъ, и они сдѣлались прелюбодѣями, и предались разврату въ домахъ погибшихъ женщинъ; они разлились какъ вода; они пустились въ погоню за своими пожеланіями; они не перелились изъ одного сосуда въ другой; они разлеглись въ своей грязи, какъ вьючное животное ложится на свой пометъ; они заржали какъ лошади, и каждый изъ нихъ преслѣдовалъ съ яростнымъ жаромъ жену своего ближняго. Огонь ниспалъ на нихъ, и они болѣе не видали солнца, ибо они обратили глаза къ землѣ, и сдѣлались гордыми, заносчивыми, надутыми, наглыми, мятежными; раздирали другъ друга и сѣяли раздоръ между своими братьями; были злобны, преданы суевѣрію и святотатству, раздражительны и несправедливы, раздражены лѣностью и малодушіемъ, ненасытны въ своемъ корыстолюбіи, согбенны отъ пьянства, отвратительны отъ разврата и мерзости, воры, похитители, убійцы, люди крови, предатели, не умѣющіе повиноваться ни своимъ родителямъ, ни своимъ старшимъ, безъ всякихъ привязанностей, безъ удержи, безъ всякаго чувства состраданія, наконецъ, говоря словами пророка (Ос. IV, 2): „проклятія, ложь, убійства, грабительства и прелюбодѣяніе наводнили этотъ народъ, и кровь пала на кровь“. А потому и адъ распахнулся широко; онъ приготовилъ помѣщеніе для всѣхъ преступленій и пороковъ и умножилъ свои нападенія въ безконечность. Помыслы этихъ нечестивыхъ людей были злобны во всякое время, и извратили всѣ пути на землѣ; всякая добродѣтель и всякое благочестіе исчезли въ такой степени, благодѣтельность до того застывала все болѣе и болѣе, и между человѣческими сынами встрѣчали такъ мало вѣры на землѣ, что съ трудомъ можно было найти кого-нибудь, кто отличалъ мірское отъ священнаго и чистое отъ нечистаго. Всѣ были увлечены въ пропасть и хаосъ; въ нихъ не было ничего святого съ головы до ногъ, и каковъ былъ народъ, таковъ былъ и священникъ.

И дѣйствительно, если начать съ господней святая святыхъ, въ то время, когда почти весь міръ, своими жертвованіями и своими приношеніями и различными дарами, сдѣлался данникомъ прелатовъ церкви и людей, живущихъ въ орденахъ, пастыри „сами паслись“, собирая шерсть и молоко овецъ, не заботясь нисколько о душахъ, и подавая, напротивъ, своимъ подданнымъ примѣръ вѣроломства; эти откормленныя кравы на горахъ Самаріи перешли отъ бѣдности Христа къ богатству, отъ его смиренія къ гордости, отъ его уничиженія къ тщеславію; они растолстѣли наслѣдіемъ Распятаго, они обогатились и начали величаться, а между тѣмъ Господь сказалъ Петру: „паси овцы моя“, и мы нигдѣ не видимъ, чтобы онъ сказалъ: „стриги овцы моя“. Такимъ образомъ, отыскивая своего, а не того, чего требуетъ Іисусъ Христосъ, они сдѣлались слѣпыми вожатаями слѣпыхъ, и нѣмыми псами,

не умѣющими лаять. Имѣя входъ во святая святыхъ для молитвы и ключъ къ познанію, они однако ни сами не входили туда и не позволяли того желающимъ: жалкимъ образомъ страдая отъ проказы Неемановой (Царст., IV, 5, 27), они сами устраивали повсюду по церквамъ скамьи продающихъ голубей и столы мѣновщиковъ, и могли сказать вмѣстѣ съ Іудою предателемъ: „что вы дадите мнѣ, если я вамъ предамъ его?“ Такимъ образомъ, всѣ любили подарки и искали одной выгоды; отнимали ключи у Симона-Петра, чтобы передать ихъ Симону-Волхву, предаваясь чрезвычайной роскоши, разжирѣвъ въ постыдной праздности, они пользовались „не только крохами, падающими со стола господина“, но даже цѣлыми хлѣбами и вкуснѣйшими яствами, чтобы тѣмъ откармливать щенковъ, которыхъ они имѣли отъ своихъ презрѣнныхъ наложницъ, и которые были презрѣнны еще болѣе этихъ послѣднихъ.

Когда регулированное духовенство, заразившись ядомъ богатства, вознеслось чрезмѣрно и пріобрѣло огромныя владѣнія, презирая своихъ старшихъ, разрывая узы, соединявшія его съ ними, и откинувъ эти узы далеко въ сторону, оно сдѣлалось неудобнымъ для церквей и для прочаго духовенства; ревнуя другъ другу и обнося себя взаимно, къ великому соблазну всего христіанства, оно скоро перешло къ публичной брани, къ открытой враждѣ и почти къ схваткамъ, къ насиліямъ и къ борьбѣ, не только на словахъ, но иногда даже на дѣлѣ. Начавъ свое вавилонское столпотвореніе и отдѣлившись другъ отъ друга въ смѣшеніи языковъ, оно не только распалось между собою, но, образовавъ партіи, сѣяло раздоръ между другими. Конечно, большое число среди духовенства, питая лучшія намѣренія и состоя изъ людей справедливыхъ и богобоязненныхъ, соблюдало спасительныя правила и святыя учрежденія своего ордена, насколько то было возможно среди вихря; подобно зерну въ кучѣ плевелъ и лиліи между терніемъ, оно, бывъ исполнено уничиженія, проникнуто и уязвлено до глубины сердца сильнѣйшею печалью, не дозволяло себѣ ходить на совѣтъ нечестивыхъ, не останавливалось на пути грѣшниковъ и не возсѣдало на зачумленныхъ ложахъ. Но нечестіе злыхъ и злонамѣренныхъ одерживало верхъ, и ихъ неправда была обильна до того, что часто они не боялись допускать къ божественному служенію тѣхъ, на которыхъ ихъ прелаты наложили запрещеніе и анаѳему, такъ-что тѣ, которые должны были бы радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими, одни могли торжествовать, между тѣмъ какъ другіе бѣдствовали. Вслѣдствіе того могущественныя узы церковной дисциплины ослабли; міряне и зачумленные люди смѣялись надъ приговорами своихъ прелатовъ и презирали грозное правосудіе духовнаго меча. Дѣйствительно, аббаты, пріоры, монахи и ихъ продажные и жалкіе капелланы, отбросивъ всякій страхъ господень, смѣло заносили свою косу на чужую жатву, соединяли тайнымъ бракомъ лица, не имѣвшія на то права или находившіяся въ бѣгствѣ, посѣщали больныхъ изъ корыстныхъ побужденій, а не изъ благочестія, и пріобщали святыхъ таинствъ, не смотря на запрещеніе своихъ собственныхъ священниковъ; рѣшили и вязали души, забота о которыхъ нисколько не принадлежала имъ, въ противность Богу и опре-

дѣленіямъ святыхъ каноновъ, ибо самъ Апостолъ сказалъ: „Кто ты, осуждающій чужого раба?“ Относительно умершихъ, они допускали всѣхъ безразлично къ погребенію, не смотря на запрещеніе своихъ прелатовъ, и злоупотребляли правомъ приходской церкви, ибо „обязанность монаховъ плакать и молиться, а не совершать таинства надъ свѣтскими людьми“. И не только монахи, но также и монахини оказывались одинаково непослушными въ отношеніи своихъ старшихъ. Свергнувъ съ себя иго повиновенія, онѣ выходили изъ монастыря, бродили по всѣмъ площадямъ и въ своемъ нечестіи посѣщали публичныя бани вмѣстѣ съ свѣтскими людьми. Все сказанное нами приведено не съ тѣмъ, чтобы упрекать потомство, живущее нынѣ, за преступленія ихъ предшественниковъ, но единственно для того, чтобы они, омывъ свои ноги въ крови нечестія, научились подражать добрымъ, проклинать и осуждать злыхъ. Да уничижатся они вмѣстѣ со Христомъ, воспримутъ на себя бѣдность, чистоту и благость, дабы, отказавшись отъ міра не по одному внѣшнему одѣянію, могли „спасти души свои терпѣніемъ“.

Относительно мірянъ и свѣтскихъ людей замѣчу, что чѣмъ они были болѣе знатны и могущественны, тѣмъ жесточе совращались съ своихъ путей. Племя, исполненное превратности и коварства, дѣти злобы и развращенія, люди распутные и преступившіе божественный законъ, происходящіе отъ тѣхъ пилигримовъ, о которыхъ я говорилъ выше, мужей благочестивыхъ, угодныхъ Богу и преисполненныхъ благодати, какъ осадокъ происходитъ отъ вина, какъ грязь садится отъ масла, какъ плевелы отдѣляются отъ зерна и примѣсь отъ серебра; они наслѣдовали владѣнія, а не добродѣтели своихъ отцовъ, и злоупотребили земнымъ достояніемъ, которое ихъ отцы снискали цѣною своей собственной крови, сражаясь мужественно во славу божію съ нечестивыми. Ихъ дѣти, называемыя нынѣ *пулланами* [1]), вскормленныя въ наслажденіяхъ, мягкія и женоподобныя, привыкшія къ банямъ болѣе, чѣмъ къ битвамъ, преданныя всякой нечистотѣ и роскоши, носили, подобно женщинамъ, волнующееся одѣяніе и были украшены какъ храмы: кто знаетъ, какъ мало смотрятъ на нихъ сарацины, тому извѣстно, до какой степени они трусливы, боязливы, малодушны и робки при встрѣчѣ съ врагами Христа. А потому, между тѣмъ какъ прежде сарацины трепетали, не смотря на свою многочисленность, въ присутствіи ихъ отцовъ, пришедшихъ въ небольшомъ числѣ, какъ будто надъ ними разражался громовой ударъ, впослѣдствіи, еслибы съ пулланами не были франки и западные народы, то сарацины, видя ихъ трусость, боялись бы ихъ не болѣе какъ женщинъ. Заключая договоры съ сарацинами, пуллане радуются миру съ врагами Христа; они вступаютъ въ раздоры другъ съ другомъ по са-

[1]) Авторъ выше объяснилъ происхожденіе этого названія: дѣти пилигримовъ, родившіяся въ Палестинѣ, назывались *pullani* потому, что, при недостаткѣ женщинъ въ Палестинѣ, онѣ были вывезены нарочно и въ огромномъ числѣ, преимущественно изъ *Апуліи* (южн. Италія); другіе же, по словамъ автора, производили это слово отъ *pullus*, цыпленокъ, ибо родившіеся въ Палестинѣ составляли младшее поколѣніе, по сравненію съ древними обитателями этой страны, сирійцами.

мому ничтожному поводу, безпрерывно производятъ междоусобія, очень часто просятъ помощи противъ христіанъ даже у враговъ нашей вѣры и, не краснѣя, употребляютъ, во вредъ христіанству, тѣ силы и богатства, которыя имъ слѣдовало бы обратить противъ язычниковъ во славу божію. Покрываясь и украшаясь листьями, какъ безплодная ива, не приносящая плода, они такъ хорошо умѣютъ скрывать свои мысли подъ звучными словами, что незнакомые съ ними на опытѣ съ трудомъ постигаютъ вѣроломство ихъ сердца и спасаются отъ обмана. Какъ люди подозрительные и снѣдаемые ревностью, они держатъ женъ своихъ взаперти и слѣдятъ за ними съ такою заботливостію, что къ нимъ съ трудомъ могутъ являться ихъ братья и ихъ родственники; имъ запрещено ходить въ церкви, быть въ процессіяхъ, слушать спасительное назиданіе божественнаго слова и дѣлать все, что относится къ спасенію души; онѣ могутъ посѣщать церкви не болѣе одного раза въ году. Нѣкоторые, однако, дозволяютъ имъ ходить въ баню три раза въ недѣлю, но подъ строгимъ надзоромъ. Самые богатые и знатные между ними, чтобы казаться еще христіанами и нѣсколько извинить себя, ставятъ алтари рядомъ съ кроватью своихъ женъ, и приказываютъ читать для нихъ обѣдню жалкимъ капелланамъ и священникамъ ничтожнымъ и невѣжественнымъ. Но чѣмъ болѣе тѣсно заключены ихъ жены, тѣмъ болѣе онѣ стараются, при помощи всякихъ хитростей и выдумокъ, найти лазейку, чтобы обмануть мужей. Нельзя повѣрить, какъ научаютъ ихъ сирійскія и сарацинскія женщины колдовству, ухищреніямъ и мерзостямъ всякаго рода. Сверхъ всего этого, пуллане не только не оказываютъ признательности, но даже угнетаютъ всѣми способами пилигримовъ, которые приходятъ издалека, изъ странъ самыхъ отдаленныхъ, съ большими издержками и претерпѣвъ тысячи затрудненій, какъ по благочестію, такъ и изъ желанія оказать имъ помощь. Они предпочитаютъ вѣчно коснѣть въ праздности и предаваться плотскимъ наслажденіямъ, нежели нарушить перемиріе съ сарацинами и сражаться противъ нихъ. Пуллане страшно обогащались, заставляя пилигримовъ платить неумѣренныя цѣны въ ихъ гостинницахъ, обманывая и разоряя ихъ при продажѣ вещей и при сдѣлкахъ всякаго рода, наконецъ платя презрѣніемъ и поднимая на смѣхъ этихъ сподвижниковъ Христа, которые покинули родину изъ любви къ нему; они преслѣдовали ихъ поруганіями и оскорбленіями, называя западныхъ пилигримовъ *сынами Гернођы*, какъ будто бы они были глупы и безсмысленны... (пропускъ въ манускриптѣ), и обращались съ упреками къ тѣмъ, къ которымъ должны были чувствовать состраданіе. Таковы, и еще хуже, извращенная злоба и злобная извращенность этихъ негодныхъ людей, которые съ радостію готовы на все худое, съ восторгомъ совершаютъ самые дурные поступки, и имъ на вѣчныя времена уготована буря мрака. Они живутъ среди своихъ богатствъ, но скоро спустятся въ преисподнюю ада. Но какъ мы проклинаемъ злобу нечестивыхъ, сообразно словамъ пророка: „ужасъ овладѣлъ мною, когда я думалъ о нечестивыхъ, оставившихъ нашъ законъ“; и въ другомъ мѣстѣ: „я ненавижу ихъ всею ненавистью, и они сдѣлались моими врагами“; точно также мы хвалимъ о Господѣ добрыхъ людей, если таковые найдутся между ними. Пусть

тотъ, кто прогнѣвается на меня за сказанное, подумаетъ, что тѣмъ самымъ онъ выдаетъ себя и попадаетъ въ число тѣхъ, о которыхъ я говорилъ.

Относительно тѣхъ, которые считаются уроженцами знаменитыхъ городовъ, Генуи, Пизы, Венеціи и другихъ странъ Италіи, и которые живутъ теперь въ Сиріи, я замѣчу, что ихъ отцы и предшественники, славно побѣждая враговъ Христа, стяжали безсмертное имя и вѣчный вѣнецъ, но дѣти ихъ были бы гораздо ужаснѣе для сарацинъ, еслибы отказались отъ своей зависти и ненасытной корысти и не имѣли бы между собою безконечныхъ распрей и стычекъ. Но такъ какъ они борются и чаще, и охотнѣе другъ противъ друга, нежели противъ вѣроломнаго племени язычниковъ, и такъ какъ они предаются болѣе своимъ торговымъ сдѣлкамъ, нежели войнѣ за Христа, то они радуютъ тѣмъ нашихъ враговъ, которые нѣкогда трепетали предъ ихъ предками, людьми воинственными и отважными.

Въ Палестинѣ есть еще одинъ классъ людей, которые съ древнихъ временъ населяли эту страну, живя подъ управленіемъ различныхъ властителей, римлянъ, грековъ, латинъ и варваровъ, сарацинъ и христіанъ, и перенося долгое время въ различныхъ формахъ иго рабства; они оставались рабами, платили всегда подать, предназначались своими господами для сельскихъ работъ и другой низшей службы, не ходили на войну и были неспособны къ военному дѣлу, подобно женщинамъ, за исключеніемъ небольшого числа изъ тѣхъ, которые хотя не были вооружены и всегда изъявляли готовность къ бѣгству, однако носили при себѣ луки и стрѣлы. Этотъ классъ людей называли *суріанами*, или отъ имени города Сура (Тира), который съ древнихъ временъ занималъ первое мѣсто между городами Сиріи, или отъ самаго этого имени Сиріи (*Syria*), вслѣдствіе замѣщенія буквы *у* буквою *и*, ибо въ древнихъ писаніяхъ они называются также *сиріанами*. Эти люди въ большинствѣ случаевъ безъ всякой чести, исполнены двоедушія, подобно грекамъ, хитры какъ лисица, лживы и непостоянны, преданы любостяжанію, измѣнники, падки на подкупъ, имѣютъ одно на языкѣ, а другое въ сердцѣ, и вовсе не считаютъ зломъ грабежъ и хищничество. Дѣлаясь шпіонами за ничтожныя деньги, они выдаютъ тайны христіанъ сарацинамъ, посреди которыхъ взросли; они употребляютъ языкъ послѣднихъ предпочтительно предъ всякимъ другимъ, и точно также развращены, ибо прежде они жили смѣшанно съ сарацинами и усвоили себѣ ихъ нравы. А потому, подобно сарацинамъ, они держатъ своихъ женъ взаперти и закутываютъ какъ ихъ, такъ и своихъ дочерей, въ чадры; подобно сарацинамъ, грекамъ и почти всѣмъ восточнымъ народамъ, они не брѣютъ бороды, чрезвычайно заботятся о ней и обращаютъ ее въ предметъ тщеславія, какъ знакъ возмужалости, какъ украшеніе лица, и видятъ въ ней характеръ власти и славы человѣка. У латинъ евнухи, совершенно лишенные бороды, разсматриваются какъ люди, лишенные всякаго благородства и вполнѣ женственные; точно также сиріане считаютъ величайшимъ безчестіемъ нетолько совсѣмъ лишиться бороды, но даже потерять одинъ ея вóлосъ. А потому послы царя Давида, которымъ Аннонъ, царь аммонитовъ, сбрилъ половину бороды въ знакъ презрѣнія къ

ихъ господину, не хотѣли уничтожать остальнаго и укрывались въ Іерихонѣ, пока ихъ честь не возвратилась вмѣстѣ съ бородою. Балдуинъ, графъ Эдессы (позже Іерусалимскій король), отпустилъ себѣ бороду по восточному обычаю, потому что онъ женился на дочери знатнаго армянскаго князя греческой вѣры, по имени Гавріила; желая, при своей бѣдности, выманить у своего весьма богатаго тестя деньги, онъ сказалъ ему, что, бывъ вынужденъ крайностью, онъ заложилъ свою бороду ростовщикамъ за весьма значительную сумму; тогда Гавріилъ, будучи вмѣстѣ и огорченъ, и изумленъ, и желая спасти свою дочь и своего зятя отъ вѣчнаго срама, далъ этому послѣднему тридцать тысячъ византійскихъ золотыхъ, подъ условіемъ обязаться не закладывать болѣе своей бороды, въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни находился и до какой бы бѣдности ни былъ доведенъ. Въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ сиріане употребляютъ сарацинскій языкъ; имъ же они пользуются для написанія своихъ контрактовъ, договоровъ и для всѣхъ прочихъ случаевъ; но въ божественномъ писаніи и во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ они пользуются греческимъ языкомъ: такимъ образомъ, при богослуженіи, ихъ міряне, зная одинъ сарацинскій языкъ, ничего не понимаютъ, между тѣмъ какъ греки, имѣя одинъ и тотъ же языкъ для свѣтскаго разговора и письма, понимаютъ своихъ священниковъ въ церкви, служащихъ на языкѣ литературномъ, который есть вмѣстѣ и разговорный языкъ. Сиріане вполнѣ соблюдаютъ обычаи и учрежденія грековъ при божественной службѣ и во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, и повинуются имъ, какъ своимъ старѣйшимъ; относительно же латинскихъ прелатовъ, въ діоцезѣ которыхъ они живутъ, сиріане говорятъ, что они покоряются имъ не сердцемъ, но только устами и по наружности, и единственно изъ боязни къ ихъ свѣтскимъ баронамъ. Они имѣютъ особенныхъ греческихъ епископовъ, и ни во что не ставили бы латинскія отлученія отъ церкви и всякіе приговоры со стороны латинъ, еслибы наши міряне сами не избѣгали всякаго общенія съ ними относительно договоровъ и другихъ необходимыхъ связей. Сиріане говорили между собою, что всѣ латины сами отлучены и потому никого не могутъ связывать своими приговорами.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ большое богословское отступленіе, объясняя причину раздѣла церкви на восточную и западную; разсуждаетъ по поводу вопроса объ исхожденіи святого Духа отъ Отца или отъ Отца и Сына и, въ заключеніе, доказываетъ грекамъ необходимость главенства папы.

Сиріане, какъ и греки, не допускаютъ четвертаго брака. Ихъ священники и ихъ діаконы хотя не вступаютъ въ бракъ, послѣ своего посвященія, но удерживаютъ при себѣ женъ, съ которыми сочетались прежде. Поддіаконство не считается у нихъ священствомъ. Малолѣтніе у грековъ немедленно послѣ крещенія получаютъ помазаніе отъ руки простыхъ священниковъ, что у латинъ дозволяется однимъ епископамъ и высшимъ прелатамъ, замѣняющимъ въ церкви господней мѣсто апостоловъ. Дѣйствительно, возложеніе рукъ апостолами сообщало именемъ святого Духа силу и утвержденіе, и вышеупомя-

нутое таинство у грековъ и сиріанъ соотвѣтствуетъ возложенію рукъ. Субботній день считается у нихъ столь торжественнымъ, что никому не позволено въ субботу поститься, за исключеніемъ святой субботы предъ Пасхою. Въ субботу они отправляютъ торжественное богослуженіе, какъ въ воскресенье. Ѣдятъ говядину и бражничаютъ по обычаю евреевъ. Такое торжественное празднованіе субботы было осуждено латинами, съ цѣлью избѣгнуть всякаго сходства съ іудействомъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ обзору различныхъ сектъ, находившихся въ Палестинѣ; говоритъ о Якобитахъ, Несторіанахъ, Маронитахъ, но при этомъ останавливается исключительно на богословскомъ ихъ значеніи и вступаетъ съ ними въ споръ: армяне и евреи заключаютъ этнографическій очеркъ Палестины, приводимый нашимъ авторомъ, и затѣмъ онъ весьма долго останавливается на физическомъ описаніи Востока. Это мѣсто служитъ любопытнѣйшимъ памятникомъ состоянія естественныхъ наукъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Послѣ того авторъ возвращается къ исторіи, и кончаетъ свою первую книгу краткимъ разсказомъ послѣднихъ лѣтъ существованія Іерусалимскаго королевства, говоритъ о взятіи Іерусалима Саладиномъ и въ сжатыхъ чертахъ излагаетъ третій крестовый походъ. Этимъ кончается первая книга. (См. продолженіе ниже, въ ст. 56).

Епископъ Яковъ Витрійскій.

Historia orientalis. Libri. III. 622—1219.—Кн. I.

О жизни и сочиненіяхъ епископа Якова Витрійскаго см. ниже, въ примѣч. къ ст. 64.

44.—Тиверіадская битва и взятіе Іерусалима Саладиномъ. 1187 г.

(Около 1230 года).

Авторъ единственной хроники, которая обнимаетъ собою почти оба столѣтія крестовыхъ походовъ отъ начала ихъ и до конца (1096—1275 г.) и которая была притомъ писана на французскомъ языкѣ того времени, беретъ за основу своего труда хронику Вильгельма Тирскаго (см. о немъ выше, на стр. 437) и переводитъ ее буквально съ латинскаго языка до самаго 1184 года, на которомъ остановился Вильгельмъ Тирскій; затѣмъ онъ продолжаетъ своего предшественника и является потому самъ оригинальнымъ писателемъ. Вильгельмъ Тирскій кончилъ разсказомъ о ссорѣ короля Балдуина IV съ своимъ зятемъ Гвидо Лузиньяномъ (см. выше, на стр. 437), на мѣсто котораго Балдуинъ избралъ правителемъ государства Раймунда графа Триполя. Потому его продолжатель разсказываетъ съ большими, впрочемъ, отступленіями, исто-

рію правленія Раймунда отъ 1184 до 1187 г., сначала за болѣзнью Балдуина IV Прокаженнаго (Mesiaux), и потомъ за малолѣтствомъ его племянника Балдуина V, сына сестры короля, Сибиллы, и пасынка ея мужа Гвидо Лузиньяна; смерть Балдуина V сдѣлала престолъ вакантнымъ, и враги Раймунда избрали королевою Сибиллу, а она вручила королевство своему мужу. Непризнанный Раймундомъ, Гвидо объявилъ ему войну; вслѣдствіе того Раймундъ заключилъ союзъ съ Саладиномъ, но, по настоянію пословъ Гвидо, онъ согласился примириться съ новымъ королемъ и дать ему присягу въ вѣрности.

Когда король Гвидо Лузиньянъ узналъ о томъ (т.-е. о готовности Раймунда примириться съ нимъ), онъ былъ весьма обрадованъ такимъ извѣстіемъ. Выйдя изъ Іерусалима, онъ пошелъ на встрѣчу къ графу Триполя (Раймунду). Они встрѣтились у замка св. Іова; и едва король завидѣлъ графа, какъ сошелъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ. Графъ, видя, что король сошелъ, также оставилъ лошадь и пошелъ къ нему на встрѣчу. Приблизившись къ королю, графъ сталъ предъ нимъ на колѣни. Король поднялъ его, поцѣловалъ, и они вмѣстѣ возвратились въ Неаполь (Наплуза). Тамъ король совѣщался съ графомъ Триполя и притомъ баронами о томъ, какъ дѣйствовать. Графъ совѣтовалъ ему созвать армію и соединить ее у источника Сафоріи (на мѣстѣ древняго города Діоцезареи, въ Галилеѣ; нынѣ деревня Сафоре), ибо ему было хорошо извѣстно, что Саладинъ приготовилъ армію, чтобы вступить въ его владѣнія. Онъ совѣтовалъ также просить о помощи князя Антіохіи. Король послѣдовалъ совѣту графа, отправился къ Сафорію и созвалъ свои войска. Князь Антіохіи прислалъ ему туда своего сына съ 50 рыцарями. Патріархъ (Ираклій, врагъ Вильгельма Тирскаго, обвиняемый въ его смерти; см. выше, на стр. 438) отправилъ въ армію истинный крестъ и извѣщалъ короля, что дѣла не позволяютъ ему явиться лично. При этомъ исполнилось предсказаніе архіепископа Тирскаго (Вильгельма), когда избирали Ираклія въ патріархи: „Ираклій (т.-е. Византійскій императоръ VII вѣка) завоевалъ истинный крестъ и принесъ его въ Іерусалимъ; и Ираклій же вынесетъ его, и крестъ будетъ съ того времени потерянъ“. Дѣйствительно, Ираклій вынесъ крестъ изъ Іерусалима, и съ того времени крестъ не возвращался, и былъ потерянъ въ битвѣ, какъ вы то увидите ниже.

Когда св. крестъ былъ принесенъ въ армію, магистръ Тампліеровъ совѣтовалъ королю обнародовать повсюду, что кто желаетъ имѣть деньги (sous), пусть явится къ нему; король дастъ всякому хорошее жалованье и предоставитъ сокровища, которыя принадлежатъ королю Англіи и хранятся въ домѣ Тампліеровъ. Но я вамъ разскажу объ этихъ сокровищахъ, которыя король Гейнрихъ (II, Плантагенетъ) имѣлъ въ Тамплѣ и въ Госпиталѣ. Когда король Англіи предалъ мученической смерти св. Ѳому Канторберійскаго (Бекета), онъ подумалъ послѣ въ себѣ, что онъ поступилъ дурно, и что ему слѣдуетъ примириться съ Господомъ, какъ за этотъ поступокъ, такъ и за другіе; вслѣдствіе того, послѣ мученической смерти св. Ѳомы, онъ отправлялъ ежегодно огромныя суммы въ Тампль и въ Госпиталь въ Іерусалимѣ, желая, по своемъ прибытіи въ Палестину, имѣть

все наготовѣ, чтобы подать помощь этой странѣ. Эти-то сокровища, которыя хранились у магистра Тампля, магистръ вручилъ королю Гвидо (Guion), и выразилъ ему при этомъ свое желаніе, чтобы онъ собралъ какъ можно болѣе войска для борьбы съ сарацинами и для отмщенія имъ за причиненный ими стыдъ и убытокъ. Тогда король взялъ сокровища Тампля и, раздавъ ихъ рыцарямъ и простымъ воинамъ (serjans), приказалъ начальникамъ ихъ имѣть на своихъ знаменахъ гербъ англійскаго короля, ибо они будутъ содержаться на его счетъ. Между тѣмъ какъ король оставался пять недѣль въ томъ мѣстѣ со своими людьми, Саладинъ переправился чрезъ рѣку и осадилъ Тиверіаду (Tabarie). Когда Саладинъ началъ осаду, въ городѣ находилась жена графа Триполя; у нея не было въ распоряженіи ни одного рыцаря; всѣ удалились въ армію короля и ея четырехъ сыновей-рыцарей, которыхъ она имѣла отъ владѣтеля зàмка Сентъ-Омера (во Франціи). Старшій изъ сыновей назывался Гуго Тиверіадскій, другой Вильгельмъ, третій Рауль и четвертый Одо.

Когда графиня увидѣла, что турки осадили ее, и что она не можетъ устоять противъ стольких сарацинъ, она отправила посольство къ королю Гвидо и къ графу, своему господину, и объявила имъ, что, если они не подадутъ ей немедленно помощи, она лишится города, не имѣя достаточно людей, чтобы сопротивляться огромной арміи сарацинъ. Посолъ графини явился къ королю, и король, выслушавъ его, пригласилъ къ себѣ магистра Тампліеровъ и бароновъ. Когда они собрались, онъ возвѣстилъ имъ, что Саладинъ осадилъ Тиверіаду, что графиня проситъ скорѣйшей помощи, или она потеряетъ городъ, и что о томъ нужно подумать. „Государь, замѣтилъ графъ Триполя, я далъ бы вамъ совѣтъ, еслибы мнѣ повѣрили. но я знаю, что мнѣ не повѣрятъ“. — „Во всякомъ случаѣ, сказалъ король, говорите, чтó вы желаете сказать“.—„Государь, я совѣтую лишиться Тиверіады, и скажу вамъ почему: Тиверіада моя, и тамъ моя жена; слѣдовательно никто столько не потеряетъ, какъ я. Но я знаю, что если сарацины овладѣютъ городомъ, они не разрушатъ его, но только займутъ, и не пойдутъ искать насъ; они захватятъ мою жену и моихъ людей, помѣстятся въ моемъ городѣ, но я все это возвращу, когда мнѣ представится къ тому возможность. Притомъ я предпочитаю, чтобы былъ взятъ одинъ мой городъ, нежели погибла вся страна. Наконецъ, я вполнѣ увѣренъ, что Тиверіада погибла даже и въ томъ случаѣ, если вы пойдете къ ней на помощь; я вамъ долженъ сказать, что отсюда до Тиверіады нѣтъ совсѣмъ воды, кромѣ небольшого источника, а именно: Криссона: его мало для всей арміи. Лишь только вы выступите въ походъ, сарацины станутъ предъ вами, и будутъ безпокоить васъ до самой Тиверіады, пока не заставятъ остановиться противъ воли; сражаться вы будете не въ состояніи, по причинѣ жаровъ, и людямъ нечего будетъ пить; если же вы захотите вступить въ битву, сарацины разсѣются и убѣгутъ въ горы, а вамъ нельзя будетъ идти впередъ безъ пѣхоты; наконецъ, если они васъ заставятъ остановиться, чтó будутъ пить ваши люди и ваши лошади? они умрутъ отъ жажды. Затѣмъ сарацины возьмутъ васъ всѣхъ въ плѣнъ, ибо у нихъ есть и вода, и съѣстные

припасы, и они не будутъ утомлены, а мы будемъ погибать отъ жажды и жары. Такимъ образомъ, насъ всѣхъ убьютъ или полонятъ. На основаніи всего того, я совѣтую вамъ лучше потерять Тиверіаду, нежели погубить всю страну“. На все это замѣтилъ магистръ Тампліеровъ, что „тутъ есть нѣсколько волчьей шерсти“. Но графъ не обратилъ вниманія на эти слова, и продолжалъ говорить королю: „Государь, если вы пойдете туда, я даю вамъ голову на отсѣченіе, что все мною сказанное сбудется“. Король спросилъ у бароновъ, что они думаютъ относительно совѣта, поданнаго графомъ; они отвѣчали, что графъ говоритъ правду, и что они всѣ съ нимъ согласны. Самъ король и Госпиталиты согласились также, какъ и всѣ другіе, кромѣ магистра Тампліеровъ. Не смотря на то, король обѣщалъ всѣмъ баронамъ послѣдовать совѣту графа. Тогда всѣ разошлись по палаткамъ, ибо было около полуночи. Король отправился ужинать. Послѣ ужина къ нему пришелъ магистръ Тампля и сказалъ ему: „Государь, неужели вы вѣрите совѣту, который даетъ вамъ этотъ измѣнникъ? Онъ желаетъ покрыть васъ стыдомъ. Вы еще правите недавно, и никогда король этой страны не имѣлъ въ такое короткое время столь огромное войско. Для васъ будетъ великій стыдъ, если вы допустите въ 5 миляхъ отъ себя потерять городъ, въ то время какъ вамъ предоставляется первый случай показать себя. Знайте, что Тампліеры сбросятъ съ себя бѣлыя мантіи и продадутъ все, что̀ имѣютъ, нежели пропустятъ возможность отмстить за стыдъ, который мнѣ причинили сарацины. Государь, возвѣстите всему лагерю, чтобы брались за оружіе и шли по мѣстамъ; пусть явится и святой крестъ“. Король не осмѣлился противорѣчить ему, такъ-какъ онъ сдѣлалъ его королемъ и выдалъ ему сокровища короля Англіи. Король велѣлъ объявить свой приказъ (crier son bon), чтобы всѣ вооружились и чтобы каждый строился въ своемъ отрядѣ. Когда бароны услышали королевскій приказъ, они изумились и спрашивали другъ друга, по чьему совѣту король такъ дѣйствуетъ. Всѣ отправились къ палаткѣ короля, чтобы отвратить его отъ похода. Но король не хотѣлъ и слушать, и говорилъ одно, чтобы всѣ шли вооружаться и слѣдовали за нимъ. Они съ неудовольствіемъ взялись за оружіе, какъ люди увѣренные, что въ будущемъ не случится ничего хорошаго. Въ этотъ день Баліанъ Ибелинъ (Bellen Dibelin, одинъ изъ главнѣйшихъ бароновъ Палестины) командовалъ арьергардомъ и потерялъ много рыцарей. Прежде нежели король тронулся съ мѣста, турки сдѣлали все, что̀ предсказывалъ графъ Триполя, и начали нападать на него въ большомъ числѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ большое отступленіе сначала по поводу пойманной старухи-сарацинки, которую заподозрили въ намѣреніи заколдовать лагерь и сожгли; это обстоятельство дало автору случай разсказать in-extenso библейскую исторію осла Валаама (Числ. гл. 22) въ совершенно искаженномъ видѣ; а потомъ авторъ присоединяетъ разсказъ объ избраніи Ираклія въ патріархи еще при Балдуинѣ IV, его враждѣ съ историкомъ Вильгельмомъ Тирскимъ и объ отравленіи послѣдняго въ Римѣ, куда онъ ѣздилъ съ жалобою на патріарха, бывшаго извѣстнымъ своею соблазнительною жизнію. Только послѣ того авторъ возвращается къ главному предмету разсказа, а именно, къ походу короля Гвидо противъ Саладина.

Теперь я опять разскажу вамъ о королѣ Гвидо и его арміи, которая прибыла къ источнику Сафорію для помощи городу Тиверіадѣ. Когда они тронулись еще въ дорогу, сарацины начали безпокоить ихъ съ фронта, какъ то предсказалъ графъ Триполя; такъ что былъ уже девятый часъ дня, а они сдѣлали только половину дороги до Тиверіады и источниковъ. Тогда король спросилъ графа Триполя, какой онъ дастъ ему совѣтъ, и что̀ тутъ дѣлать. Графъ далъ на этотъ разъ худой совѣтъ, а именно, чтобы войско разбило палатки и остановилось. Многіе говорили въ то время, что еслибы прямо напасть на сарацинъ, то они были бы разбиты. Тутъ король Гвидо принялъ и дурной совѣтъ, а прежде не хотѣлъ вѣрить хорошему. Когда сарацины увидѣли, что христіане остановились на мѣстѣ, они весьма обрадовались и расположились такъ близко отъ нихъ, что могли переговариваться; даже кошка не могла бы выйти изъ лагеря христіанъ незамѣченною сарацинами. Эта ночь была весьма тяжела для нашихъ, ибо ни человѣкъ, ни животное не могли достать себѣ питья. Они вышли изъ Рамлы въ пятницу; на слѣдующій день приходился праздникъ лѣтняго св. Мартина предъ мѣсяцемъ августомъ. Христіане провели эту ночь въ оружіи, и муки жажды еще болѣе увеличились. На слѣдующій день, они тронулись впередъ, вооружившись вполнѣ и изготовившись къ битвѣ, а сарацины, съ своей стороны, отступили, не желая начать бой прежде, нежели наступитъ самый жаркій часъ дня. Мѣсто, гдѣ находились христіане, было покрыто верескомъ. Сарацины подожгли его, чтобы увеличить страданія нашихъ какъ отъ огня, такъ и отъ солнца, и продержали ихъ въ этомъ положеніи до третьяго часу дня (по нашему, до девяти часовъ утра). Тогда пять рыцарей изъ отряда графа Триполя отправились къ Саладину и сказали ему: „Государь, чего вы ждете? нападите на нихъ, они безпомощны и всѣ падутъ". Дѣйствительно, пѣхота открыто бросала оружіе и безъ боя сдавалась сарацинамъ, вслѣдствіе мукъ жажды. Когда король увидѣлъ отчаяніе пѣшихъ людей, сдававшихся сарацинамъ, онъ приказалъ графу Триполя напасть первому, такъ какъ битва происходила на его землѣ и ему принадлежало право перваго нападенія. Графъ и напалъ на сарацинъ, спускаясь по покатости холма; какъ только сарацины увидѣли то, они раздвинулись и дали ему пройти; такимъ образомъ, графъ удалился. Послѣ того сарацины сомкнулись и, бросившись на короля, взяли его въ плѣнъ со всѣми баронами, кромѣ одного арьергарда, который успѣлъ уйти. Когда графъ Триполя, проникнувшій сквозь ряды сарацинъ, услышалъ, что король въ плѣну, онъ убѣжалъ въ Тиръ. Хотя Тиверіада была всего въ двухъ миляхъ отъ того мѣста, но онъ не осмѣлился зайти туда изъ страха быть взятымъ въ плѣнъ: съ нимъ убѣжали сынъ князя Антіохіи, рыцари, сопровождавшіе его, и четыре пасынка графа. Баліанъ Ибелинъ, находившійся въ арьергардѣ, ушелъ и спасся въ Тирѣ, куда скрылся и Райнольдъ, владѣтель Сидона (Sajettes).

Въ этомъ сраженіи былъ потерянъ св. крестъ, и долгое время не знали, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Въ то время, когда графъ Гейнрихъ Шампанскій сдѣлался государемъ королевства Іерусалимскаго, одинъ

изъ братіи Тампліеровъ, участвовавшій въ сраженіи, объявилъ ему: „Государь; еслибы можно было найти кого-нибудь въ этой странѣ, кто могъ бы меня проводить на мѣсто той битвы, то я навѣрное нашелъ бы св. крестъ, ибо я зарылъ его своими руками во время сраженія". Графъ Гейнрихъ призвалъ одного изъ своихъ пѣшихъ людей, тамошняго уроженца, и спросилъ его, можетъ ли онъ указать мѣсто битвы; онъ отвѣчалъ утвердительно и говорилъ, что можетъ узнать то мѣсто, гдѣ былъ взятъ король. Тогда Гейнрихъ приказалъ ему вести туда Тампліера, зарывшаго крестъ. Послѣдній утверждалъ, что идти можно только ночью, или иначе они попадутся въ плѣнъ. Они и отправились ночью, рылись цѣлыхъ три ночи, но ничего не нашли.

Когда Саладинъ разбилъ и полонилъ нашихъ христіанъ, онъ расположился на отдыхъ, возблагодарилъ нашего Господа за честь, полученную имъ, и потомъ приказалъ привести въ свою палатку всѣхъ плѣненныхъ рыцарей: такъ и сдѣлали. Привели короля и съ нимъ князя Райнольда, владѣтеля Крака (Шатильонскаго), Гумфрида Торонскаго (мужа Изабеллы, сестры королевы Сивиллы), магистра Тампліеровъ, маркиза Бонифація Монферратскаго, графа Іосцелина и коннетабля Эмери, королевскаго маршала. Всѣ эти вельможи были взяты вмѣстѣ съ королемъ во время битвы. Происходило же это въ субботу, въ день св. Мартина лѣтняго. Христіане были поражены въ годъ отъ воплощенія господня 1187, іюля пятаго дня (le cinquiesme jor de *juignet*: ошибка, вм. іюля).

Когда Саладинъ увидѣлъ предъ собою короля и бароновъ, находившихся въ его власти, онъ пришелъ въ великую радость. Онъ видѣлъ, что королю жарко, и зналъ, что онъ охотно напился бы чего-нибудь. Тогда онъ приказалъ подать полную чашу сиропа, чтобы утолить его жажду. Король, отпивъ, подалъ чашу Райнольду, чтобы и онъ выпилъ. Когда Саладинъ увидѣлъ, что король далъ напиться Райнольду (который еще прежде ограбилъ его мать въ мирное время), человѣку самому ненавистному для него, онъ пришелъ въ гнѣвъ и замѣтилъ королю, что онъ весьма недоволенъ тѣмъ, но уже если это случилось, то пусть онъ пьетъ, только съ тѣмъ условіемъ, что это будетъ въ послѣдній разъ въ его жизни. Затѣмъ онъ спросилъ мечъ и собственноручно отрубилъ голову князю Райнольду, потому что онъ никогда не соблюдалъ клятвы во время перемирій; по приказанію Саладина, его голова была провезена по всѣмъ городамъ и замкамъ, что́ и было исполнено. Послѣ того Саладинъ повелѣлъ взять короля и всѣхъ плѣнныхъ и отвести ихъ въ темницу въ Дамаскъ, а самъ расположился подъ Тиверіадой.

Когда графиня узнала, что король взятъ и христіане поражены, она сдала Саладину Тиверіаду. Въ тотъ же день Саладинъ отправилъ часть своихъ рыцарей къ Назарету, и городъ сдался. Въ среду онъ пошелъ къ Аккону, и тотъ сдался; оттуда къ Тиру, но Саладинъ не хотѣлъ начинать осады, потому что тамъ заперлись рыцари, ушедшіе съ поля сраженія. При этомъ случаѣ Баліанъ Ибелинъ просилъ у Саладина охранной грамоты для пути въ Іерусалимъ, чтобы оттуда

привести королеву [1]), свою жену и своихъ дѣтей. Саладинъ далъ ему то охотно, но подъ условіемъ, чтобы онъ не оставался въ Іерусалимѣ долѣе одной ночи и не воевалъ противъ него.

Когда Баліанъ прибылъ въ Іерусалимъ, городское населеніе встрѣтило его съ радостью, дало по этому случаю праздникъ и просило его именемъ Бога взять на себя его защиту и управленіе. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ, ибо далъ клятву Саладину, что останется только одну ночь. Патріархъ ему отвѣчалъ: „Государь, я разрѣшаю васъ отъ грѣха и клятвы, данной вами Саладину; знайте, что больше грѣха сдержать ее, чѣмъ нарушить; будетъ великій стыдъ и вамъ, и вашимъ наслѣдникамъ, если оставите Іерусалимъ въ настоящемъ его положеніи, и никогда на землѣ не будетъ вамъ никакой чести“. Тогда Баліанъ обѣщалъ остаться. Жители города дали ему вассальную присягу (homage) и признали его своимъ государемъ. Въ Іерусалимѣ оставалась еще королева, жена короля Гвидо: но спасшихся послѣ битвы было всего два рыцаря. Тогда Баліанъ Ибелинъ возвелъ въ рыцари 50 сыновей горожанъ; и знайте, что городъ былъ такъ переполненъ женщинами и дѣтьми, убѣжавшими туда при извѣстіи о плѣнѣ короля и пораженіи христіанъ, что по размѣщеніи ихъ по домамъ, сколько то было возможно, другіе должны были оставаться на улицахъ. Тогда патріархъ и Баліанъ открыли памятникъ Гроба, покрытый серебромъ, и обратили все это въ монету, для раздачи рыцарямъ и пѣхотѣ. И каждый день рыцари и простые воины ходили по странѣ около города и закупали съѣстные припасы, предвидя близкую осаду. Впрочемъ, остановимся говорить о Іерусалимѣ и обратимся къ Саладину, который стоялъ подлѣ Тира.

Саладинъ полагалъ, что пока находятся въ Тирѣ тѣ рыцари, ему не удастся ничего сдѣлать. Потому онъ пошелъ дальше и осадилъ городъ Сайеттъ (Saida, Sidon), отстоящій на шесть миль отъ Тира. При этомъ онъ взялъ городъ Габулъ, а потомъ замокъ Батрій. Изъ этого-то замка происходила та дама, которую графъ Триполя не соглашался выдать за Герара Рошефоръ, который съ досады вступилъ въ Тампль: отсюда произошла та вражда, которая погубила страну. Когда графъ Триполя узналъ, что Саладинъ вступилъ въ его землю, онъ пустился моремъ вмѣстѣ съ княземъ Антіохіи и со всѣми рыцарями, и удалился въ Триполь; но онъ не долго жилъ по своемъ прибытіи туда, и, какъ говорятъ, умеръ отъ печали, оставивъ свои владѣнія сыну князя Антіохіи, который съ того времени сдѣлался графомъ. Когда Райнольдъ Сидонскій и начальникъ Тира увидѣли, что всѣ рыцари удалились, и что у нихъ осталось мало людей и мало пищи, они пригласили къ себѣ Саладина и обѣщали сдать ему Тиръ. Саладинъ, услышавъ о томъ, пришелъ въ великую радость: онъ избралъ одного рыцаря и отправилъ съ нимъ свое знамя, чтобы водрузить его на башнѣ; но начальникъ отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ сдѣлать того, опасаясь жителей города, но какъ только явится Саладинъ, онъ водрузитъ его знамя и удержитъ. Рыцарь возвратился и донесъ о

[1]) Ибелинъ былъ женатъ на Маріи, вдовѣ короля Іерусалимскаго Амальрика и дочери Исаака Комнена.

томъ Саладину. Тогда Саладинъ поспѣшно отправился къ Тиру; но Богъ еще до его прибытія послалъ городу помощь, не желая его погубить; Господу было угодно удержать Тиръ за христіанами, чтобы у нихъ оставалось хоть немного земли; и теперь я вамъ разскажу, какимъ образомъ Богъ помогъ Тиру.

Авторъ разсказываетъ довольно подробно, какъ Конрадъ Монферратскій, сынъ маркграфа Монферратскаго, находившагося въ плѣну у Саладина, прибылъ въ Тиръ еще до прихода Саладина и, несмотря на всѣ его требованія, отказался сдать ему городъ.

Когда Саладинъ увидѣлъ, что ничего нельзя сдѣлать съ Тиромъ, онъ удалился, осадилъ Цезарею и взялъ ее; оттуда пошелъ къ Яффѣ и взялъ ее; потомъ подошелъ къ Аскалону и осадилъ его; но городъ оказался хорошо укрѣпленнымъ, и Саладинъ не могъ его взять такъ легко, какъ онъ прежде думалъ. Тогда онъ пошелъ въ Дамаскъ, чтобы привести въ лагерь Іерусалимскаго короля. По прибытіи его, Саладинъ сказалъ жителямъ Аскалона, что если они желаютъ сдать ему городъ, то онъ дастъ свободу имъ и королю. Король переговаривался съ своими людьми, находившимися въ городѣ, и объявилъ имъ, что онъ не желаетъ сдачи Аскалона для себя, ибо это было бы жаль сдѣлать для одного человѣка; но онъ проситъ ихъ именемъ Бога, если они не будутъ въ состояніи держаться и сдадутся, то пусть это устроятъ такъ, чтобы и онъ получилъ свободу. Тогда граждане собрались, совѣщались и объявили, что они не видятъ ни откуда себѣ помощи, а потому лучше сдать городъ для спасенія жизни и имущества, нежели умереть отъ голода или быть взяту силою. Они и сдали городъ Саладину на слѣдующихъ условіяхъ: имъ и ихъ имуществу обезпечивается независимость, и Саладинъ обязуется доставить ихъ безопасно на землю христіанъ. Король былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими девятью, которыхъ онъ выберетъ въ темницѣ; но король долженъ былъ остаться въ заключеніи до конца марта, а Аскалонъ сдался въ концѣ августа предшествовавшаго года.

Овладѣвъ Аскалономъ, Саладинъ отправилъ короля въ Наплузу (Naples) и предложилъ королевѣ, его женѣ, отправиться туда же, потому что онъ не желалъ бы видѣть ее въ Іерусалимѣ во время осады. Когда королева узнала о томъ, она отправилась къ королю въ Наплузу и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока Саладинъ не овладѣлъ Іерусалимомъ.

Въ день взятія Аскалона къ Саладину явились посланные изъ Іерусалима, которыхъ онъ пригласилъ для переговора о сдачѣ города, если то будетъ возможно. Это происходило въ пятницу, и солнце около девятаго часа такъ измѣнилось, что, казалось, наступила ночь. Тогда Саладинъ сказалъ гражданамъ Іерусалима, что они сами видятъ, что вся Сирія, кромѣ Тира и Іерусалима, завоевана, а потому, сдавъ ему городъ добровольно, они поступятъ благоразумно. Я забылъ вамъ сказать, что въ день взятія Аскалона Саладину сдались и всѣ его окрестные замки. Граждане Іерусалима отвѣчали ему, что, если то угодно Богу, они никогда не сдадутъ города. „А я вамъ говорю,

возразилъ Саладинъ, что вы это сдѣлаете. Я очень вѣрю, что Іерусалимъ — божій домъ; такова наша вѣра. Я неохотно приступаю къ осадѣ божьяго дома, и не возьму его приступомъ, если возможно сдѣлать то же по договору и согласію. Я вамъ дамъ 30 тысячъ византиновъ (besans), если вы обѣщаете сдать Іерусалимъ. Вы можете идти на пять миль въ сторону, куда пожелаете, и можете пахать землю въ 5 миляхъ отъ города; я вамъ доставлю столько съѣстныхъ припасовъ, сколько ихъ нигдѣ нѣтъ по такой дешевой цѣнѣ. Предлагаю вамъ перемиріе до Пятидесятницы; и когда это время наступитъ, защищайтесь, если получите откуда-нибудь помощь; но если никто не придетъ къ вамъ, сдайте городъ, и я прикажу отвести васъ въ цѣлости на христіанскую землю со всѣмъ имуществомъ". Но они отвѣчали, что, если угодно Богу, они никогда не сдадутъ города, гдѣ Господь претерпѣлъ смерть и пролилъ за насъ свою кровь. Когда Саладинъ увидѣлъ, что они не уступаютъ ему города миролюбиво по договору, онъ поклялся, что возьметъ его не иначе, какъ силою.

Пока Саладинъ стоялъ предъ Аскалономъ, Баліанъ Ибелинъ просилъ его именемъ Бога дать охранную грамоту его женѣ и дѣтямъ для препровожденія ихъ въ Триполь; самъ же онъ не можетъ выполнить условій, предписанныхъ Саладиномъ при отъѣздѣ его въ Іерусалимъ, ибо за нимъ такъ строго наблюдаютъ, что нѣтъ возможности уйти. Саладинъ владѣлъ тогда всѣмъ королевствомъ, за исключеніемъ Іерусалима, Тира и Крака. Кракъ никогда не былъ имъ осаждаемъ, но по завоеваніи страны, спустя два года, голодъ принудилъ его жителей къ сдачѣ. Прежде нежели рѣшиться на то, они продали сарацинамъ своихъ женъ и дѣтей для покупки съѣстныхъ припасовъ, и въ замкѣ не было ни одного животнаго, ни чего другого, чѣмъ они могли бы питаться. Саладинъ былъ очень обрадованъ, когда они сдались; онъ выкупилъ женъ и дѣтей, проданныхъ ими, и возвратилъ имъ все; сверхъ того, далъ имъ большую награду и приказалъ отвести ихъ въ христіанскую землю. Онъ поступилъ такъ потому, что они столь хорошо и честно защищали замокъ, пока могли, не имѣя владѣтеля. Въ среду вечеромъ Саладинъ отправился изъ Аскалона для осады Іерусалима; на слѣдующій день онъ обложилъ городъ отъ женской больницы прокаженныхъ (maladerie, т.-е. malum Lazari, болѣзнь Лазаря) до мужской и воротъ св. Стефана.

Но до начала осадныхъ дѣйствій онъ предложилъ жителямъ сдать городъ на условіяхъ, высказанныхъ имъ подъ Аскалономъ; если же они не согласятся, то пусть знаютъ его клятву въ случаѣ приступа овладѣть городомъ не иначе, какъ силою. Жители Іерусалима отвѣчали, что онъ можетъ дѣлать, что хочетъ, но они не уступятъ города. Тогда Саладинъ приказалъ изготовиться къ приступу. Жители также вооружились и вступили въ битву съ сарацинами; но сраженіе недолго продолжалось, ибо утреннее солнце было прямо имъ въ глаза, и они отступили въ ожиданіи вечера, когда возобновился приступъ до самой ночи. Такъ Саладинъ дѣйствовалъ 8 дней, и сарацины не могли загнать христіанъ въ городъ, ибо они цѣлый день оставались за городомъ, даже два-три раза гнали сарацинъ до самыхъ палатокъ. Съ этой же стороны сарацины не могли поставить ни камнеметатель-

ныхъ машинъ, ни другихъ осадныхъ орудій. Тогда сарацины начали нападать на христіанъ слѣдующимъ образомъ; они не безпокоили ихъ до девятаго часа дня, а послѣ того солнце становилось за спиною сарацинъ и въ лицо христіанамъ, также и пыль: тогда только турки шли на приступъ, имѣя въ рукахъ лопатки, которыми они подбрасывали на воздухъ песокъ и пыль, летѣвшіе въ глаза и лицо христіанамъ.

Когда сарацины убѣдились, что они ничего не могутъ сдѣлать съ этой стороны, они перемѣнили мѣсто осады и облегли городъ съ другой стороны, отъ воротъ св. Стефана до воротъ Іосафата и аббатства Масличной горы, откуда они могли видѣть все, что дѣлается въ городѣ, исключая узкихъ переулковъ. Эта перемѣна произошла въ пятницу. Когда осада повелась съ этой стороны, христіане были до того стѣснены, что не могли дѣлать вылазокъ, ибо на всемъ этомъ пространствѣ у нихъ не было ни воротъ, ни закрытыхъ ходовъ (posternes), которыми можно было бы выйти въ поле, исключая хода Магдалины, которымъ сообщались между двухъ стѣнъ. Въ день перемѣны плана осады Саладинъ устроилъ камнеметательную машину, которая въ тотъ же день пустила семь разъ камни въ городскую стѣну; ночью прибавили орудій, такъ что на слѣдующій день считалось до 12 машинъ, укрѣпленныхъ балками. Утромъ Саладинъ, вооруживъ своихъ рыцарей, повелъ ихъ тремя отрядами на приступъ; они держали предъ собою щиты. Стрѣлки шли позади и пускали стрѣлы градомъ, такъ-что въ городѣ не нашлось человѣка, который осмѣлился бы показаться на стѣнахъ. Турки дошли до рвовъ и, спустивъ туда копачей (mineurs), приставили лѣстницы къ стѣнамъ. Въ два дня они подкопали стѣны на 15 локтей (toises). Подкопавъ и подперевъ стѣну бревнами, они подложили огня, и подкопанная часть стѣны обрушилась въ ровъ. Христіане не могли вести контръмины (miner encontre), ибо опасались камней и стрѣлъ, которыхъ они не могли выдержать.

Тогда христіане собрались для совѣщанія, какъ поступить; они явились къ патріарху и къ Ибелину, и говорили имъ, что они предпочитаютъ идти ночью для нападенія на лагерь и умереть честно въ бою, нежели быть взятыми въ городѣ и постыдно умерщвленными. Они видѣли, что нѣтъ возможности выдерживать долѣе, что дальнѣйшее защищеніе не послужитъ ни къ чему, и лучше уже умереть тамъ, гдѣ Христосъ претерпѣлъ за насъ смерть, нежели сдать городъ. Граждане, рыцари и простые воины согласились съ этимъ рѣшеніемъ, но патріархъ предложилъ противное: „Господа, я вполнѣ одобрилъ бы это, ежели бы не было ничего другого; но если мы погубимъ себя и вмѣстѣ съ собою другихъ, которыхъ мы могли бы спасти, то въ такомъ случаѣ тотъ планъ нехорошъ: на каждаго человѣка въ городѣ приходится до 50 женщинъ и дѣтей; если же мы падемъ, то сарацины захватятъ ихъ и не убьютъ, а обратятъ въ вѣру Магомета, и они будутъ потеряны для Бога; если же, съ божіею помощью, кто-нибудь изъ насъ могъ бы ходатайствовать предъ сарацинами такъ, чтобы мы могли выйти и скрыться въ христіанской землѣ, то такой исходъ дѣла казался бы мнѣ лучшимъ, нежели подверженная

случайностямъ битва“. Всѣ согласились съ этимъ совѣтомъ и просили Баліана Ибелина идти къ Саладину и спросить, каковы его условія. Онъ пошелъ и началъ переговоры; но пока они говорили о сдачѣ города, турки сдѣлали приступъ, притащили лѣстницы и поставили ихъ къ стѣнѣ. Отъ десяти до двѣнадцати знаменъ уже развѣвались на стѣнѣ, и непріятель даже успѣлъ войти проломомъ въ городъ. Саладинъ, увидѣвъ своихъ людей и знамена на стѣнахъ, сказалъ Баліану: „Къ чему вамъ предлагать и разсуждать о сдачѣ города, когда мои люди готовы и безъ того войти туда? теперь поздно: городъ уже мой“. Но едва онъ выговорилъ это, какъ нашъ Господь вдохновилъ такою отвагою христіанъ, находившихся на стѣнѣ, что они оттѣснили и сбросили турокъ со стѣнъ на землю, даже загнали ихъ за ровъ. Саладинъ, видя то, смѣшался и опечалился; а Баліану приказалъ возвратиться и придти завтра, когда онъ охотно выслушиваетъ все, что бы онъ ни пожелалъ. Скажу вамъ еще, что ночью изъ метательной машины камень ударился съ такою силою о палиссадъ окоповъ, что этотъ палиссадъ обрушился съ великимъ шумомъ; стража въ лагерѣ и въ городѣ начала кричать отъ страха: „измѣна, измѣна!“ Въ городѣ думали, что сарацины ворвались, а въ лагерѣ полагали, что христіане уже въ лагерѣ.

Іерусалимскія дамы (les dames) взяли чаны и, поставивъ ихъ на площади предъ Лобнымъ-Мѣстомъ, наполнили холодною водою; погрузивъ туда своихъ дочерей, онѣ отрѣзали имъ косы и бросили прочь. Священники, монахи и монахини ходили босоногими процессіею по городскимъ стѣнамъ и носили предъ собою св. крестъ, который имѣли сирійцы. Священники несли на головахъ corpus Domini (тѣло Христово); но Господь нашъ Іисусъ Христосъ не хотѣлъ внять имъ, сколько они ни молились; ибо грязная и вонючая роскошь и распутство не допускали молитвы подняться къ Богу. Нашъ Господь не хотѣлъ болѣе терпѣть ихъ и до того вымелъ городъ отъ жителей, что въ немъ послѣ не осталось ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, кромѣ двухъ пожилыхъ людей, которые также не долго жили послѣ того. Впрочемъ, оставимъ это и скажемъ о Баліанѣ Ибелинѣ, который отправился къ Саладину, чтобы сдать городъ.

Авторъ описываетъ новое свиданіе Баліана съ Саладиномъ, которое не привело ни къ чему, потому что Баліанъ домогался свободнаго пропуска жителей, а Саладинъ требовалъ со всѣхъ безъ различія, и съ богатыхъ и съ бѣдныхъ, по 20 ливровъ съ мужчины, 10 съ женщины и 5 съ дѣтей. Баліанъ, возвратившись въ городъ, объявилъ волю султана, и было положено для выкупа бѣдныхъ взять англійскія сокровища въ Госпиталѣ, а Баліана отправить въ третій разъ къ Саладину въ надеждѣ выторговать у него что-нибудь.

Баліанъ отправился въ третій разъ къ Саладину и спросилъ его, зачѣмъ онъ пришелъ. „Государь, сказалъ Баліанъ, я пришелъ къ вамъ за тѣмъ же, о чемъ и прежде просилъ“. Саладинъ ему отвѣчалъ, что онъ остается при прежнихъ условіяхъ, а если они не приняли ихъ, то и онъ ничего не перемѣнитъ, ибо городъ и безъ того въ его рукахъ. „Государь, сказалъ Баліанъ, именемъ Бога, возьмите съ бѣд-

ныхъ болѣе умѣренный выкупъ, и если я буду въ состоянiи, то сдѣлаю, что вамъ заплатятъ все, ибо изо 100 не найдется двухъ, которые могли бы заплатить". Тогда Саладинъ отвѣчалъ, что, во-первыхъ, для Бога, а потомъ и для него, онъ будетъ довольствоваться болѣе умѣреннымъ выкупомъ, и назначилъ для мужчинъ 10 ливровъ, для женщинъ—5 и для дѣтей одинъ. Такъ былъ опредѣленъ выкупъ для тѣхъ, которые могутъ его внести; все же остальное ихъ имущество, движимое или другое какое-нибудь, они имѣютъ право забрать съ собою, и никто имъ въ томъ не воспрепятствуетъ. Тогда Балiанъ сказалъ снова Саладину: „Государь, вы опредѣлили выкупъ богатыхъ; теперь назначьте, что́ хотите для бѣдныхъ, ибо въ городѣ будетъ до 20,000 человѣкъ, которые не въ состоянiи заплатить того, что слѣдуетъ съ одного человѣка. Ради Бога, будьте умѣренны, и я буду хлопотать въ Тамплѣ, въ Госпиталѣ и у гражданъ, чтобы всѣ бѣдные были выкуплены". Саладинъ охотно согласился быть менѣе требовательнымъ, и обѣщалъ за 100 тысячъ византиновъ отпустить всѣхъ бѣдныхъ. „Государь,—замѣтилъ Балiанъ,—когда всѣ зажиточные выкупятся, то не лучше ли взять съ нихъ половину выкупа, который вы требуете съ бѣдныхъ?" Саладинъ не согласился. Тогда Балiанъ подумалъ, что ему невыгодно говорить о выкупѣ всѣхъ вмѣстѣ, но лучше сговориться на опредѣленную часть, а потомъ съ божiею помощью для остальныхъ еще что нибудь выторговать. Потому онъ спросилъ Саладина, а за сколько бы онъ отпустилъ 7,000 человѣкъ. Саладинъ отвѣчалъ: „За 50,000 византиновъ". — „Государь, возразилъ Балiанъ, это невозможно; Бога ради, будьте умѣренны". Наконецъ, они договорились такъ, что за 7,000 будетъ заплачено 30 тысячъ византиновъ, и двухъ женщинъ считать за одного мужчину; то же и въ отношенiи десятерыхъ дѣтей. Когда все было устроено, Саладинъ далъ время для продажи и заклада имущества, чтобы внести выкупъ. Срокъ былъ назначенъ въ 50 дней, и всякiй, кто къ этому времени окажется въ городѣ, будетъ принадлежать Саладину со всѣмъ своимъ имуществомъ. Саладинъ обѣщалъ, когда христiане выйдутъ за городъ, онъ прикажетъ отвести ихъ въ цѣлости на христiанскую землю: всѣ имѣющiе оружiе должны вооружиться, и если разбойники или воры нападутъ на нихъ, то пусть они защищаются и охраняютъ проходы, пока не пройдутъ чрезъ нихъ всѣ безоружные.

Когда все было такимъ образомъ опредѣлено, Балiанъ простился съ Саладиномъ и вернулся въ городъ. Патрiархъ пригласилъ Тамплiеровъ, Госпиталитовъ и горожанъ для выслушанiя договора Балiана съ Саладиномъ. Всѣ собрались, и Балiанъ разсказалъ имъ все, какъ было. Они одобрили образъ его дѣйствiя, ибо онъ не могъ поступить лучше. Тогда отправили къ Саладину ключи отъ города, и онъ, получивъ ихъ, выразилъ великую радость и возблагодарилъ Бога. Онъ послалъ стражу въ башню Давида и приказалъ поставить на ней свое знамя, ворота же городскiя запереть всѣ, кромѣ однихъ: а именно, воротъ св. Давида. При нихъ были поставлены рыцари и простые воины, чтобы никто изъ христiанъ не могъ выйти, и тамъ же входили и выходили сарацины для покупки того, что́ христiане имѣли

продать. Сдача Іерусалима произошла въ пятницу, въ день св. Лежье (St. Legier), что бываетъ во второй день октября (le second jor d'octembre), въ годъ отъ воплощенія господня 1188 (1187). Когда Саладинъ совершенно укрѣпилъ башню св. Давида и городскія ворота, онъ приказалъ кричать по городу, чтобы христіане несли выкупъ въ башню св. Давида и вручали его тѣмъ лицамъ (baillis), которыя имъ для того поставлены; и чтобы никто не ждалъ срока 50 дней, ибо всякій съ того времени будетъ принадлежать тѣломъ и имуществомъ Саладину, кого найдутъ еще въ городѣ. Патріархъ и Баліанъ отправились въ Госпиталь и, взявъ оттуда 30 тысячъ византиновъ для выкупа 7,000 бѣдныхъ, отнесли эту сумму въ башню св. Давида. Когда 30 тысячъ византиновъ были уплачены, они созвали гражданъ города, и послѣ того, взявъ съ каждой улицы двухъ выборныхъ (prodomes, т.-е. prud'hommes), извѣстныхъ имъ лично, заставили ихъ поклясться всѣмъ святымъ, что они не прикроютъ ни мужчины, ни женщины, и безъ ненависти и пристрастія спросятъ подъ присягою у каждаго, что онъ имѣетъ; принудивъ при этомъ поклясться, что никто не удержитъ для себя больше, нежели сколько ему нужно для возвращенія въ христіанскую землю (т.-е. на западъ), на остальное же выкупятъ бѣдныхъ людей. Затѣмъ составили поименный списокъ бѣдныхъ каждой улицы и, смотря по положенію каждаго, выбирали одного предпочтительно предъ другимъ. Такъ составилось 7.000 человѣкъ, и ихъ вывели за городъ. Послѣ того патріархъ и Баліанъ созвали Тампліеровъ, Госпиталитовъ и гражданъ, и просили ихъ именемъ Бога позаботиться о выкупѣ бѣдныхъ людей, остававшихся въ Іерусалимѣ; они помогли, но не такъ, какъ то слѣдовало бы, ибо у нихъ не было страха лишиться имущества, такъ-какъ Саладинъ обезпечилъ ихъ въ томъ; на отобранное у бѣдныхъ, выведенныхъ за городъ, когда при осмотрѣ ихъ у нихъ было найдено больше, чѣмъ имъ нужно на дорогу, они выкупили еще нѣсколькихъ бѣдныхъ, но я не скажу вамъ числа выкупленныхъ такимъ образомъ.

Теперь я опишу, какимъ образомъ Саладинъ разставилъ стражу въ Іерусалимѣ, чтобы сарацины не могли причинять оскорбленій христіанамъ, находившимся въ городѣ. Въ каждой улицѣ было поставлено по два рыцаря (т. е. мусульманскихъ) и десять простыхъ воиновъ для охраненія города, и они такъ хорошо исполняли свое дѣло, что никто не слыхалъ, чтобы христіанамъ сдѣлано было какое насиліе; по мѣрѣ того, какъ выкупившіеся выходили изъ Іерусалима, они располагались предъ лагеремъ сарацинъ, менѣе нежели на разстояніи полета одной стрѣлы. Саладинъ приказалъ ограждать днемъ и ночью христіанскій станъ, чтобы имъ не дѣлалось никакихъ оскорбленій и чтобы мошенники не могли туда проникнуть. Когда заплатившіе выкупъ вышли за городъ, въ Іерусалимѣ оставалось еще много бѣдныхъ. Сальфединъ пришелъ къ Саладину, своему брату, и сказалъ ему: „Государь, я помогалъ завоеванію страны и народа, а потому прошу васъ дайте мнѣ тысячу рабовъ изъ оставшихся въ городѣ“. Саладинъ спросилъ, что онъ хочетъ съ ними дѣлать, а онъ отвѣчалъ, что намѣренъ поступить съ ними, какъ ему будетъ угодно. Саладинъ далъ ему требуемое и приказалъ своимъ людямъ отсчитать тысячу

рабовъ; такъ и было сдѣлано. Когда Сальфединъ получилъ тысячу бѣдныхъ, онъ освободилъ ихъ для Бога. Тогда и патріархъ просилъ Саладина дать и ему во имя Бога бѣдныхъ, которые не могутъ выкупиться; онъ далъ ему 700. Патріархъ освободилъ ихъ. Потомъ Баліанъ попросилъ себѣ бѣдныхъ у Саладина; и онъ далъ ему 500. Баліанъ освободилъ ихъ. Тогда Саладинъ сказалъ своимъ людямъ: „Сальфединъ, мой братъ, сдѣлалъ милостыню; патріархъ и Баліанъ то же самое; теперь и я хочу сдѣлать свою милостыню". Тогда онъ приказалъ своимъ людямъ открыть проходъ св. Ладра и объявить въ городѣ, чтобы всѣ бѣдные выходили, повелѣвъ при этомъ заключить въ темницу такихъ, при обыскѣ которыхъ будетъ найдено, что они имѣли чѣмъ выкупиться; старыхъ людей вывести за городъ, а юношей и молодыхъ женщинъ поставить между двухъ стѣнъ. Осмотръ и выводъ продолжались отъ восхода солнца до заката, и они были выпущены чрезъ проходъ. Такую милостыню оказалъ Саладинъ безчисленнымъ бѣднымъ. Послѣ того сосчитали оставшихся, и ихъ оказалось 11 тысячъ. Патріархъ и Баліанъ пришли къ Саладину и просили его именемъ Бога взять ихъ самихъ въ заложники и освободить остальныхъ бѣдныхъ, пока христіанство не выкупитъ ихъ. Саладинъ отвѣчалъ, что онъ не хочетъ имѣть двухъ человѣкъ за 11 тысячъ, и чтобы они больше не говорили ему о томъ; и они не говорили больше.

Саладинъ сдѣлалъ еще одну великую любезность (un grant courtoisie), когда дамы изъ горожанокъ и дочери рыцарей, убѣжавшія въ Іерусалимъ, мужья которыхъ были взяты или убиты въ сраженіи, выйдя изъ Іерусалима послѣ выкупа, пришли къ Саладину и умоляли его о пощадѣ (crier li merci). Саладинъ, увидя ихъ, спросилъ, кто онѣ, и ему отвѣчали, что это это жены и дочери рыцарей, убитыхъ или взятыхъ въ сраженіи; тогда онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, чего онѣ желаютъ; онѣ ему говорили, что просятъ его именемъ Бога сжалиться надъ ними, бароны которыхъ (т. е. мужья и отцы) въ темницѣ, а земли утрачены; и да поможетъ имъ въ томъ Богъ. Когда Саладинъ увидѣлъ ихъ плачущими, онъ возъимѣлъ великую жалость, и приказалъ имъ справиться, живы ли ихъ господа (seignors), и выпустить всѣхъ, которые окажутся въ темницахъ; и всѣхъ, кого нашли, выпустили. Послѣ того онъ приказалъ щедро наградить изъ своего имущества тѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ отцы или господа умерли; однимъ было дано больше, другимъ меньше, смотря по состоянію. Имъ дали столько, что онѣ прославляли предъ Богомъ и добрыми людьми (au siecle du bien) благодѣяніе, оказанное имъ Саладиномъ.

Когда всѣ христіане, имѣвшіе право уйти изъ Іерусалима, вышли, мусульмане изумлялись, не понимая, откуда могло взяться столько народу, и говорили Саладину, что изъ города выходитъ такое множество христіанъ, что они не могутъ вмѣстѣ идти. Саладинъ раздѣлилъ ихъ на три части: Тамплієры должны были вести одну часть; другую—Госпиталиты; и Баліанъ съ патріархомъ—третью. Когда они были раздѣлены такимъ образомъ, онъ далъ каждому отдѣлу по 50 рыцарей (мусульманъ), чтобы охранять ихъ до самой христіанской земли. И я разскажу вамъ, какъ они ихъ вели и охраняли. Двадцать-

пять рыцарей ѣхали впереди; пообѣдавъ, они ложились спать, и днемъ давали кормъ лошадямъ; поужинавъ же, садились снова на лошадей и шли всю ночь съ христіанами, чтобы сарацинскіе воры не пробрались въ ихъ среду. Ѣхавшіе же сзади, когда видѣли мужчинъ, женщинъ или дѣтей уставшихъ, спѣшивали своихъ оруженосцевъ и сажали уставшихъ до пристанища, а дѣтей брали къ себѣ и помѣщали впереди или сзади на лошадяхъ. Когда они останавливались для отдыха, то ужинали, ложились спать, и на слѣдующій день авангардъ мѣнялся съ арьергардомъ. Въ опасныхъ мѣстахъ они вооружали христіанъ, которые имѣли при себѣ оружіе, и приказывали имъ охранять проходъ, пока не пройдутъ всѣ. Во время стоянокъ мѣстные жители приносили имъ пищу въ такомъ количествѣ, что христіане имѣли всего въ изобиліи. Изъ этихъ трехъ отрядовъ Тампліеры вели одинъ, Госпиталиты—другой, а патріархъ и Баліанъ Ибелинъ—третій. Патріархъ и Баліанъ оставались послѣдними, въ надеждѣ выпросить у Саладина остальныхъ христіанъ.

Саладинъ приказалъ конвоировать христіанъ такимъ образомъ, пока они шли по его странѣ, до владѣній Триполя; когда же они прибыли въ Триполь, то графъ Триполя приказалъ запереть ворота и не впускать никого; даже выслалъ своихъ рыцарей въ поле, чтобы отнять у нихъ то имущество, которое имъ предоставилъ Саладинъ. Большая часть бѣдныхъ удалилась въ земли Антіохіи и Арменіи; другіе остались у Триполя, и послѣ были впущены туда. Но жители Аскалона не нашли себѣ пріема въ окрестныхъ замкахъ, и потому пошли на зимовку въ Александрію; когда христіане приблизились къ Александріи, паша (baillі) устроилъ имъ станъ, окружилъ его и приказалъ охранять, чтобы имъ не приключилось какого-нибудь бѣдствія. Такъ они благополучно провели зиму до марта, когда они пустились моремъ въ христіанскую землю.

При этомъ я разскажу вамъ, какъ поступали съ ними въ Александріи. Сарацинскіе старшины (prodome, т. е. prud'hommes) города Александріи выходили ежедневно за городъ и награждали христіанъ деньгами и хлѣбомъ. Богатые же люди, имѣвшіе довольно денегъ, закупили товары, помѣстили ихъ на корабли и, отправившись за море, нажились. Вотъ что съ ними приключилось: въ Александріи зимовало 38 кораблей пизанскихъ, генуэзскихъ, венеціанскихъ и другихъ націй, дѣлавшихъ большія закупки къ мѣсяцу марту. Когда наступилъ мартъ и тѣ, которые наняли корабли, сѣли на нихъ, осталось, по крайней мѣрѣ, тысяча христіанъ, которые не могли нанять кораблей, ни купить съѣстныхъ припасовъ для помѣщенія на нихъ. Хозяева кораблей пришли къ Александрійскому пашѣ для уплаты ему того, что слѣдовало, и просили возвратить имъ паруса и рули, желая при первой хорошей погодѣ и вѣтрѣ выйти въ море. Паша же отвѣчалъ имъ, что они не получатъ отъ него ни рулей, ни парусовъ, пока не помѣстятъ на корабли всѣхъ бѣдныхъ христіанъ. Но они отказывались, говоря, что бѣдные не имѣютъ ничего, чтобы заплатить за переѣздъ и купить съѣстные припасы. „Чтò же вы хотите сдѣлать?“ говорилъ паша. Они отвѣчали, что оставятъ ихъ и не возьмутъ на корабли. Тогда паша спросилъ ихъ, христіане ли они, что они под-

твердили. „Какъ же, продолжалъ паша, вы хотите оставить ихъ въ рабствѣ у Саладина. Это невозможно; вы должны ихъ взять съ собою. И вотъ какъ я поступлю въ этомъ случаѣ, для Бога и для нихъ: я дамъ имъ столько хлѣба и воды, сколько имъ нужно, а вы посадите ихъ на корабли; иначе я не отдамъ вамъ ни рулей, ни парусовъ". Когда мореходы увидѣли, что имъ нечего дѣлать, они согласились. „Но вы дайте мнѣ клятву, сказалъ паша, призвавъ всѣхъ святыхъ, что вы отвезете ихъ какъ слѣдуетъ въ христіанскую землю, и не высадите ихъ за то, что я принудилъ васъ, иначе, какъ вмѣстѣ съ богатыми людьми, и не причините имъ никакого зла; если же я узнаю, что вы поступили съ ними дурно, то я отмщу на купцахъ вашей земли, которые явятся въ нашу страну". Такъ отправились въ безопасности тѣ христіане, которые, пройдя сарацинскую землю, пришли на зиму въ Александрію. Теперь разскажу я вамъ о Саладинѣ.

Саладинъ, овладѣвъ Іерусалимомъ и отправивъ первый отрядъ христіанъ съ Тампліерами, не хотѣлъ оставить города прежде, нежели онъ будетъ самъ въ Тамплѣ для молитвы, и до выхода изъ города всѣхъ христіанъ. Онъ послалъ въ Дамаскъ привести достаточное количество розовой воды, чтобъ омыть Тампль до своего входа въ него; говорятъ, что съ этою цѣлью прибыли четыре или пять верблюдовъ, тяжело навьюченныхъ. Но прежде, нежели Тампль былъ омытъ розовою водою и онъ вошелъ въ него, было приказано сбросить на землю большой золоченый крестъ, помѣщенный надъ Тамплемъ. Сарацины, опутавъ его веревками, волокли его до воротъ башни Давида; тамъ они разбили его на куски, и, когда тащили, сопровождали крестъ страшными криками; я не утверждаю, чтобы это было сдѣлано по приказанію Саладина. Когда храмъ былъ омытъ, Саладинъ вошелъ въ него и возблагодарилъ Бога за то, что онъ предалъ въ его руки свой домъ. Послѣ того онъ отправилъ часть своей арміи для осады Тира. Другая же часть оставалась предъ Іерусалимомъ, пока не вышли изъ города всѣ христіане, которые должны были выйти. Наконецъ, и самъ онъ отправился къ арміи, которую послалъ противъ Тира.

Далѣе авторъ разсказываетъ исторію Палестины въ эпоху третьяго крестоваго похода [1]), завоеваніе Византіи латинами, попытку крестоносцевъ овладѣть Египтомъ во время пятаго похода; и, наконецъ, останавливается на завоеваніи Іерусалима Фридрихомъ II и оканчиваетъ свою хронику возвращеніемъ его въ Европу (1230 г.). Неизвѣстные продолжатели довели трудъ нашего автора до 1275 года.

Казначей Бернардъ.

L'estoire de la conqueste de la Terre d'outremer etc. Стр. 9—63 (по изд. Гизо).

Казначей Бернардъ (Bernardus Thesaurarius) жилъ въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка. О немъ мы знаемъ одно, благодаря упоминовенію

---

[1]) См. о томъ ниже, въ ст. 52.

итальянскихъ хроникъ, что онъ служилъ при лицѣ императора Фридриха II Гогенштауфена и былъ его казначеемъ. Бернардъ оставилъ намъ единственную полную исторію всего времени крестовыхъ походовъ, и притомъ на старофранцузскомъ языкѣ. Для начала ея, отъ 1096 г. до 1184 г., авторъ ограничился переводомъ исторіи Вильгельма Тирскаго (см. о немъ выше, на стр. 115), и затѣмъ продолжалъ ее самъ до 1230 года; неизвѣстное лицо или нѣсколько лицъ, одинъ за другимъ, довели его хронику до 1275 года. Это произведеніе сдѣлалось извѣстнымъ сначала въ латинскомъ переводѣ, который былъ сдѣланъ монахомъ XIV вѣка Франческомъ Пипиномъ изъ Болоньи; Мураторі не нашелъ оригинала и издалъ въ VII томѣ своего сборника Rerum italicarum scriptores одинъ этотъ переводъ, въ 1725 году. Но въ 1729 г. о. Мартенъ нашелъ оригиналъ на старо-французскомъ языкѣ и, опустивъ начало, служащее переводомъ Вильгельма Тирскаго, помѣстилъ самостоятельный трудъ Бернарда отъ 1184 года вмѣстѣ съ продолжателями до 1275 г. въ V томѣ своего сборника: Veterum scriptorum etc. collectio (Par. 1724 –33, въ 9 том.). — *Новѣйшія изданія*: въ Recueil des historiens des croisades (Par. 1841—44, въ 2 томахъ), т. II; и у *Guizot*, въ его Collect. t. XIX. Par. 1824, вмѣстѣ съ переводомъ на современный французскій языкъ.

---

45. — О взятіи Іерусалима Саладиномъ, по показаніямъ современныхъ мусульманскихъ писателей. 1187 г.

Въ 583 году эгиры (сентябрь, 1187 г.), послѣ побѣды надъ христіанами при Тиверіадѣ и по завоеваніи почти всѣхъ городовъ Палестины, кромѣ Іерусалима и Тира, Саладинъ хотя и рѣшился напасть прежде на Іерусалимъ, но долго колебался приступить къ самому дѣлу. Наконецъ, письмо одного мусульманина, находившагося въ плѣну въ св. городѣ, разсѣяло его опасенія. Письмо состояло изъ трехъ стиховъ, гдѣ плѣнникъ говорилъ слѣдующимъ образомъ о Іерусалимѣ:

„О властитель, ниспровергшій знамёна креста!
„Самъ святой городъ приходитъ къ тебѣ съ жалобою на свою несчастную долю:
„Всѣ мечети, говоритъ онъ, уже очищены: я одинъ, не смотря на всю славу, остаюсь замараннымъ грязью“.

Послѣ этого приглашенія, Саладинъ болѣе не колебался. Историкъ *Эмадеддинъ* [1]) разсказываетъ, что къ Саладину явился астрологъ и

---

[1]) *Эмадеддинъ* былъ приближеннымъ секретаремъ Саладина, родился въ Испагани, 1125 г., и умеръ въ Дамаскѣ 1201 г. Онъ оставилъ послѣ себя два сочиненія: „Молнія Сиріи“, т.-е. исторія завоеваній Саладина въ Сиріи, Палестинѣ и Финикіи, которая дошла до насъ только въ отрывкахъ; и „Образецъ краснорѣчія Коса (знаменитаго оратора, жившаго при Магометѣ) по поводу завоеваній Іерусалима“, т.-е. исторія завоеванія Іерусалима Саладиномъ.

объявилъ, что если вѣрить его звѣздѣ, то онъ возьметъ Іерусалимъ, но это будетъ стоить ему глаза. Онъ отвѣчалъ: „Если мнѣ нужно для того совершенно ослѣпнуть, то я и тогда пожелаю овладѣть городомъ“. Такъ онъ оставилъ окрестности Аскалона и направился къ святому городу. Это произошло въ срединѣ мѣсяца реджеба, или 21 сентября.

„Въ то время, говоритъ *Ибнъ-Алатиръ* [1]), въ Іерусалимѣ находились патріархъ города, стоявшій выше короля, и Баліанъ, сынъ Басрана (Ибелинъ), владѣтель Рамлы, спасшійся послѣ битвы при Тиверіадѣ, и который, по своей храбрости и своему сану, былъ близокъ къ королевскому достоинству. Тамъ пребывали и другіе воины, успѣвшіе уйти съ поля битвы, равно и христіане изъ Аскалона и сосѣднихъ городовъ, подчинившихся власти мусульманъ. Всѣ предпочитали смерть рабству, всѣ готовы были пожертвовать жизнью, имуществомъ и семьею для спасенія святого города. При приближеніи мусульманской арміи, одинъ эмиръ подошелъ слишкомъ близко, вслѣдствіе чего былъ схваченъ христіанами и изрубленъ вмѣстѣ съ своею свитою, но скоро собралась и вся мусульманская армія. Первые пять дней Саладинъ занимался изученіемъ мѣстности и пріисканіемъ болѣе выгоднаго мѣста“.

Эмадеддинъ прибавляетъ, что султанъ въ одинъ изъ этихъ дней собралъ около себя своихъ эмировъ и сказалъ имъ:

„Если Аллахъ окажетъ намъ милость и дозволитъ изгнать врага его святого дома, то какою радостью исполнимся мы! съ какими благодареніями мы не обратимся къ нему! Вотъ уже болѣе восьмидесяти лѣтъ, какъ святой городъ находится во власти невѣрныхъ, и Аллаху воздается нечестивое поклоненіе. Давно уже властители мусульманскіе стараются освободить его; но имъ не удавались ихъ намѣренія; Аллахъ сохранилъ эту славу для Эйюбитовъ, чтобы склонить къ нимъ сердце мусульманъ. Употребимъ же всѣ усилія къ завоеванію Іерусалима. Мечеть Алакса [2]), находящаяся тамъ, построена невѣрными; она была мѣстопребываніемъ пророковъ, и служитъ мѣстомъ покоя святыхъ и цѣлью пилигримства небесныхъ ангеловъ; тамъ произойдетъ всеобщее воскрешеніе мертвыхъ и послѣдній судъ; туда стекутся всѣ избранники Господа; тамъ хранится камень недосягаемой красоты, съ котораго Магометъ поднялся на небо; тамъ блистала молнія, свѣтились мистеріи ночи и выходило пламя, освѣщавшее вселенную. Между прочими вратами св. города стоятъ и врата *Милосердія;* кто входитъ этими вратами, дѣлается достойнымъ рая. Тамъ и тронъ Соломона, часовня Давида и Силоамскій источникъ, подобный райской рѣкѣ. Храмъ Іерусалимскій принадлежитъ къ числу тѣхъ трехъ мечетей, о которыхъ Магометъ говоритъ въ Алкоранѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Аллахъ возвратитъ намъ его въ лучшемъ видѣ, потому что ему сдѣлана честь быть упомянутымъ въ той священной книгѣ“.

Когда окончены были всѣ приготовленія, вслѣдъ затѣмъ началась и самая осада.

---

[1]) См. о немъ выше, на стр. 421.

[2]) Т.-е. мечеть Омара, построенная на мѣстѣ храма Соломона.

„Іерусалимъ, говоритъ Ибнъ-Алатиръ, былъ городомъ весьма укрѣпленнымъ. Нападеніе началось съ сѣвера, близь воротъ Алеуда или Колонны, недалеко отъ Сіонскаго храма. Именно тамъ находилась ставка султана. Машины были устроены ночью, а приступъ произошелъ на слѣдующій день, 20 реджеба. Франки обнаружили сначала большую храбрость. Съ обѣихъ сторонъ смотрѣли на эту войну какъ на священную. Не было надобности въ убѣжденіи со стороны предводителей для воодушевленія войскъ: всѣ безстрашно защищали свой постъ; всѣ нападали, не думая объ отступленіи. Осажденные дѣлали вылазки ежедневно и спускались въ равнину.

„Во время одного приступа былъ убитъ знатный эмиръ, и мусульмане, бросившись впередъ, какъ одинъ человѣкъ, для отмщенія его смерти, обратили христіанъ въ бѣгство; потомъ они приблизились ко рвамъ укрѣпленія и сдѣлали проломъ. Стрѣлки, разставленные по сосѣдству, сбивали христіанъ стрѣлами съ укрѣпленій и прикрывали рабочихъ. Въ то же время готовили подкопъ; когда все было сдѣлано, подложили бревенъ и зажгли ихъ. Въ виду такой опасности, вожди христіанъ рѣшились сдаться. Къ Саладину были отправлены важнѣйшіе изъ гражданъ, и онъ имъ отвѣчалъ: „Я поступлю съ вами такъ, какъ христіане поступили съ мусульманами, когда взяли святой городъ, то-есть, я прикажу избить мужчинъ, а остальное обращу въ рабство; однимъ словомъ, воздамъ зломъ за зло“. При такомъ отвѣтѣ Баліанъ, сынъ Басрана, начальствовавшій въ Іерусалимѣ, просилъ охранной грамоты, чтобы самому вести переговоры съ султаномъ. Его просьба была исполнена. Онъ явился къ Саладину и сдѣлалъ ему мирныя предложенія. Саладинъ оставался непреклоннымъ, и онъ унизился до просьбы и мольбы. Но, увидѣвъ, что султанъ не обращаетъ ни на что вниманія, онъ отложилъ въ сторону кротость и сказалъ: „Знай же, султанъ, что мы безчисленны, и одному Богу извѣстно, сколько насъ. Жители не хотятъ бороться только потому, что надѣются на сдачу, какъ то было допущено многимъ другимъ. Они не хотятъ смерти и желаютъ жизни, но если смерть сдѣлается неизбѣжною, то клянусь Богомъ: мы умертвимъ нашихъ женъ и дѣтей; мы истребимъ все имущество, не оставивъ вамъ ни одной монеты. Вы не найдете ни женщинъ для рабства, ни мужчинъ для цѣпей. Мы разрушимъ мечеть Алаксу и другія святыя мѣста. Мы перерѣжемъ всѣхъ мусульманъ, которые въ числѣ пяти тысячъ находятся у насъ въ плѣну. Мы не оставимъ ни одного вьючнаго животного. Мы выступимъ противъ васъ; мы будемъ драться, какъ дерутся, защищая жизнь. Много падетъ вашихъ на каждаго изъ насъ. Мы умремъ свободными или со славою восторжествуемъ“. Послѣ этихъ словъ Саладинъ совѣщался съ эмирами, которые подали голосъ въ пользу сдачи на условіяхъ. „Христіане, говорили они, должны выйти изъ города пѣшими и не уносить съ собою ничего, не показавъ намъ. Мы будемъ разсматривать ихъ какъ своихъ плѣнниковъ, и пусть они выкупаются за опредѣленную цѣну“. Саладинъ совершенно согласился съ этимъ. Было условлено съ христіанами, что каждый горожанинъ, бѣдный или богатый, заплатитъ за себя 10 золотыхъ монетъ; женщины — пять и дѣти обоего пола — двѣ. Срокомъ уплаты этой дани назначили 40 дней.

Послѣ же того всѣ не внесшіе деньги будутъ обращены въ рабовъ. Но, заплативъ дань, каждый получаетъ свободу и можетъ идти куда пожелаетъ. Относительно бѣдныхъ жителей города, число которыхъ было опредѣлено приблизительно до 18 тысячъ, Баліанъ обязался внести за нихъ 30 тысячъ золотыхъ монетъ. По заключеніи такихъ условій, святой городъ открылъ свои ворота, и мусульманское знамя водрузилось на его стѣнахъ. Все это происходило 24 реджеба (начало октября 1187 года [1])“.

Вслѣдъ затѣмъ Саладинъ вступилъ съ войсками въ Іерусалимъ.

„Этотъ день, говоритъ Эмадеддинъ, былъ днемъ торжества для мусульманъ. Султанъ приказалъ устроить за городомъ палатку для принятія поздравленій отъ вельможъ, эмировъ, софи и законниковъ. Самъ онъ возсѣдалъ скромно и вмѣстѣ сохраняя всю важность; радость блистала на его лицѣ, ибо онъ надѣялся снискать великую славу за овладѣніе святымъ городомъ. Двери его ставки были открыты для всѣхъ, и онъ оказывалъ при этомъ великую щедрость. Около него стояли чтецы и произносили правила закона; поэты пѣли свои стихи и гимны. Повсюду читали манифестъ, объявлявшій о такомъ счастливомъ событіи; трубы звучали; глаза всѣхъ были исполнены слезами радости; сердце каждаго въ уничиженіи приписывало успѣхи Аллаху; всѣ уста славословили Бога“.

Люди ученые и набожные толпами стекались изъ сосѣднихъ странъ, чтобы быть свидѣтелями взятія Іерусалима. Всѣ эти правовѣрные выражали свою радость каждый по своему. Историкъ Эмадеддинъ, находившійся въ Дамаскѣ по болѣзни, разсказываетъ, что онъ, при первомъ извѣстіи объ осадѣ Іерусалима, вдругъ почувствовалъ себя здоровымъ и поспѣшилъ туда, чтобъ раздѣлить всеобщую радость. Онъ прибылъ на слѣдующій день послѣ сдачи. Такъ-какъ онъ славился краснорѣчіемъ, то его друзья толпились около него съ просьбою написать имъ письма, которыя они желали отправить родственникамъ и пріятелямъ. Въ одинъ первый день онъ написалъ 70 такихъ писемъ. Обстоятельство, особенно возбуждавшее энтузіазмъ мусульманъ, по показаніямъ самихъ арабскихъ писателей, состояло въ томъ, что день взятія Іерусалима былъ именно тотъ самый день, когда, по всеобщему вѣрованію, Магометъ чудесно поднялся на небо, сопровождаемый ангеломъ Гавріиломъ....

Въ числѣ удалившихся изъ города былъ также и патріархъ; онъ уносилъ съ собою всѣ золотыя и серебряныя украшенія съ Гроба господня. Видя то, Эмадеддинъ говоритъ султану:

„Тутъ будетъ вещей больше чѣмъ на 200 тысячъ золотыхъ монетъ: мы обезпечили христіанамъ ихъ собственность, но не украшенія церквей“.—„Пусть ихъ, отвѣчалъ султанъ: иначе они обвинятъ насъ въ вѣроломствѣ; они дѣйствуютъ не по смыслу договора, но за то мы вынудимъ ихъ восхвалять кротость нашей религіи“.

Вслѣдствіе того съ патріарха, какъ и со всѣхъ другихъ, взяли 10 золотыхъ монетъ. Христіане, имѣвшіе чѣмъ заплатить, выходили

[1]) Изъ этого слѣдуетъ, что осада Іерусалима Саладиномъ продолжалась всего 4 дня.

другъ за другомъ изъ города Ибнъ-Алатиръ жалуется при этомъ на жадность эмировъ и лицъ имъ подвѣдомственныхъ, которые, вмѣсто того, чтобы представить эти деньги султану, укрыли часть ихъ въ свою пользу.

„Еслибы они оставались вѣрными долгу,—говоритъ историкъ,—то казна была бы полна. Въ городѣ считали христіанъ, способныхъ носить оружіе, до 60 тысячъ, кромѣ женщинъ и дѣтей. Дѣйствительно, городъ былъ великъ, и населеніе его увеличилось еще жителями Аскалона, Рамлы и другихъ сосѣднихъ мѣстъ. Толпы наводняли улицы и церкви, и едва можно было отыскать себѣ мѣсто. Доказательствомъ такой многочисленности служитъ то, что весьма многіе заплатили дань и получили свободу. Вмѣстѣ съ ними удалились 18 тысячъ бѣдныхъ, за которыхъ Баліанъ внесъ 30 тысячъ золотыхъ; и, несмотря на то, оставалось 16 тысячъ христіанъ, которые, по неимѣнію чѣмъ выкупиться, были обращены въ рабство. Этотъ фактъ я заимствую изъ оффиціальныхъ списковъ, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія. Присоедините къ тому большое число жителей, ушедшихъ обманомъ, не заплативъ дани: одни тайно спустились по веревкѣ со стѣнъ; другіе купили себѣ мусульманскія одежды и вышли безъ всякой дани. Наконецъ, нѣкоторые изъ эмировъ объявили многихъ христіанъ своею собственностью (т.-е. жителями принадлежавшихъ имъ помѣстій) и взяли ихъ выкупъ въ свою пользу. Однимъ словомъ, въ казну попала только самая ничтожная часть дани“....

Христіане, удаляясь, имѣли право идти, куда угодно: одни отправились въ Антіохію и Триполь, другіе—въ Тиръ; нѣкоторые же пошли въ Египетъ, чтобы въ Александріи сѣсть на суда и отплыть на западъ. По свидѣтельству историка Александрійскихъ Патріарховъ [1]), Саладинъ обнаружилъ при этомъ случаѣ большое великодушіе. Онъ далъ удалившимся конвой съ цѣлью охранять ихъ на пути; тѣ же, которые въ числѣ 500 отправились чрезъ Александрію, были освобождены отъ всѣхъ расходовъ. Такъ-какъ въ Александріи не нашлось въ то время корабля, готоваго къ отплытію, то они ждали цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Саладинъ приказалъ доставлять имъ все нужное и заплатилъ даже за дорогу, чтобы, какъ онъ говорилъ, они остались имъ довольны. По его же приказанію, правитель Александріи и его чиновники оказывали имъ всевозможное вниманіе до самаго отъѣзда.

Относительно христіанъ, оставшихся въ Іерусалимѣ, особенно греческаго исповѣданія, которыхъ вовсе не безпокоили, мы читаемъ у Эмадеддина, что они сохранили свое имущество подъ условіемъ взноса ежегодной дани, сверхъ общаго выкупа. Только четыре латинскихъ священника получили право оставаться для служенія въ храмѣ Гроба господня, не платя притомъ никакой дани.

„Нѣкоторые изъ ревностныхъ мусульманъ,—говоритъ Эмадеддинъ,—совѣтовали Саладину разрушить храмъ, полагая, что если гробница Мессіи будетъ истреблена и плугъ пройдетъ по тому мѣсту, гдѣ стоялъ

[1]) *Исторія Александрійскихъ Патріарховъ* обнимаетъ собою время отъ св. Марка до XIII вѣка; она была писана различными авторами, имена которыхъ большею частью неизвѣстны.

храмъ, то христіане лишатся предлога къ пилигримству; но другіе предпочитали сохранить этотъ религіозный памятникъ, ибо не храмъ, но Лобное-Мѣсто и гробница привлекали христіанъ, и потому, еслибы землю поднять на небо, то и тогда они не перестали бы стекаться въ Іерусалимъ. Они ссылались также и на то, что калифъ Омаръ въ первые вѣка исламизма, овладѣвъ святымъ городомъ, позволилъ христіанамъ оставаться и оказалъ уваженіе храму Гроба господня".

Послѣ того Саладинъ занялся возобновленіемъ мечетей и между прочимъ открылъ въ Алаксѣ (мечеть Омара) *мирабъ* [1]), которую Тампліеры застроили стѣною и обратили въ хлѣбный магазинъ, а по словамъ другихъ — въ отхожее мѣсто. Саладинъ отстроилъ мирабъ просторно и удобно, чтобы мусульмане могли тамъ предаваться молитвѣ. Тамъ же была поставлена каѳедра.

„Мирабъ,—говоритъ Эмадеддинъ,—былъ очищенъ: полъ покрыли прекрасными коврами; къ потолку привѣсили лампады, и читали тамъ слова, нисшедшія съ неба (Алкоранъ). Такъ возвратилась истина, и ложь была обращена въ бѣгство; Алкоранъ восторжествовалъ, евангеліе изгнано. Совершались всѣ наши обряды; молились за калифа и султана; на всѣхъ сходило благословеніе, и печаль удалилась. Скрытое сдѣлалось явнымъ; древнія учрежденія возстановлены; стихи Алкорана читаются вслухъ; знаки нашей религіи водружены на своемъ мѣстѣ. Звучитъ голосъ, призывающій на молитву; колокола замолкли. Изгнанная вѣра возвращается въ свое убѣжище: дервиши, люди набожные, великіе и малые, всѣ спѣшатъ поклониться Аллаху; съ высоты каѳедры раздается голосъ, напоминающій правовѣрнымъ о днѣ воскресенія и послѣдняго суда".

Послѣдними словами авторъ намекаетъ на церемонію, которая происходила въ мечети въ первую пятницу по взятіи города. Извѣстно, что пятница у мусульманъ есть по предписанію день молитвы; извѣстно также и то, что въ этотъ день, послѣ службы, проповѣдникъ восходитъ на каѳедру, чтобы обратиться къ молельщикамъ съ назиданіями. Но вотъ какъ говоритъ о томъ нашъ авторъ, очевидецъ разсказа:

„Султанъ, по словамъ Эмадеддина, не назначилъ еще никого для проповѣди; многіе говорили себѣ: „Еслибы Аллахъ удостоилъ меня почетнаго званія имама! еслибы мнѣ досталось такое счастье на этотъ день, а послѣ все равно, кто будетъ имамомъ за мною". Въ пятницу, рано утромъ, всѣ спрашивали: „Кого назначитъ султанъ проповѣдникомъ?" Мечеть была полна; собравшіеся ожидали съ нетерпѣніемъ; глаза всѣхъ были устремлены на каѳедру, слухъ напрягался, сердце билось сильнѣе; слезы лились. Недоставало мѣстъ для множества присутствующихъ; всѣ говорили: „Счастливъ тотъ, кто дожилъ до дня возстановленія исламизма! Какое дивное торжество! какое блестящее собраніе! какъ достославно быть имамомъ въ подобный день! Какъ знаменито царство Эйюбитовъ! Найдется ли въ странахъ мусульманскихъ собраніе, подобное нынѣшнему, которое было бы столь почтено Аллахомъ?"

---

[1]) Та часть мечети, которая обращена къ Меккѣ.

„Наконецъ, султанъ повелѣлъ кади, Могиэддину-Абулмаали-Магомету, сыну Цеки, отправить должность *катиба* или проповѣдника. Это возвѣщеніе покрыло внезапнымъ пóтомъ чело тѣхъ, которые ожидали для себя этой же почести. Что касается до меня, то я подалъ кади черную одежду, полученную мною въ даръ отъ калифа. Кади взошелъ на каѳедру; рѣчь, произнесенная имъ, вызвала наше изумленіе; обороты его рѣчи были находчивы и легки; онъ переходилъ отъ молитвы къ убѣжденію, отъ убѣжденія къ молитвѣ; онъ представилъ всѣ преимущества и святость Іерусалима; говорилъ объ очищеніи мечети, упомянувъ коротко о бѣгствѣ священниковъ и о молчаніи колоколовъ. Въ своей молитвѣ онъ помянулъ калифа и султана, и кончилъ изъ Алкорана тѣмъ стихомъ, который предписываетъ правосудіе и добрыя дѣла. По окончаніи проповѣди, онъ сошелъ съ каѳедры и исполнилъ молитву въ мирабѣ, начавъ ее словами: *Во имя милосердаго Аллаха*!

„Послѣ того молился султанъ; присутствовавшіе, ставъ около него рядами, дѣлали обѣты за вѣковѣчность его славы. Лица всѣхъ были обращены къ Киблѣ, въ сторону Мекки; руки подъяты къ небу. Султанъ слышалъ, какъ молились за него“...

По возстановленіи мираба мечети Алаксы, Саладинъ приказалъ помѣстить тамъ слѣдующую надпись золотыми буквами:

„Во имя милосердаго Аллаха!

„Этотъ святой мирабъ былъ возстановленъ и мечеть Алакса, дѣло благочестія правовѣрныхъ, возобновлена повелѣніемъ слуги и друга Аллаха, Іосифа, сына Эйюба, побѣдоноснаго Малекъ-Нассера Саладина, когда Аллахъ отверзъ врата святаго города, въ 583 году. Онъ молитъ Аллаха ниспослать ему благодать, силою которой онъ пребудетъ къ нему благодарнымъ, и сдѣлать его участникомъ своей благости и милосердія“.

По свидѣтельству Эмадеддина, Саладинъ устроилъ въ церкви св. Анны училище факировъ изъ секты Шафеи. Домъ патріарха, близь храма Гроба господня, былъ отданъ одной общинѣ софи. Султанъ приписалъ къ обоимъ этимъ учрежденіямъ значительные доходы; подобное же было сдѣлано въ пользу другихъ мусульманскихъ общинъ. Саладинъ устроилъ въ Іерусалимѣ также училище для юношества.

Рено.

Biblioth. des Croisades, par Michaud. Par. 1829. T. IV, стр. 204 и слѣд.

Рено (Joseph Reinaud), современный намъ извѣстный французскій оріенталистъ, членъ Института, родился въ 1795 г. и получилъ первое воспитаніе въ духовной семинаріи, но любовь къ изученію восточныхъ языковъ привела его въ Парижъ, гдѣ онъ и приготовился къ своему дѣлу подъ руководствомъ знаменитаго оріенталиста Сильвестра де Саси. Въ 1834 г. его назначили въ королевскую Библіотеку; а въ 1838 г., по смерти де Саси, онъ замѣстилъ его на каѳедрѣ арабскаго языка въ „Школѣ живыхъ восточныхъ языковъ“ въ Па-

рижѣ. Къ числу многихъ его работъ принадлежитъ также Extraits des historiens arabes relatifs aux guerres des croisades. Par. 1829; оно помѣщено въ Bibliothèque des Croisades, par Michaud, и составляетъ IV томъ этого сборника. Рено имѣлъ въ виду представить не только подробный анализъ важнѣйшихъ восточныхъ хроникъ, относящихся къ крестовымъ походамъ, начиная отъ завоеванія Іерусалима Готфридомъ до изгнанія христіанъ изъ Палестины, но вмѣстѣ и перевести тѣ мѣста изъ нихъ, которыя представляютъ особенный интересъ и дополняютъ собою извѣстія латинскихъ и византійскихъ писателей.

---

46. — Ордонансы Филиппа II Августа о крестовомъ походѣ и Саладиновой десятинѣ. 1188 г.

I.

Ордонансъ о долгахъ крестоносцевъ.

Во имя святыя нераздѣльныя Троицы, аминь. Было постановлено государемъ Филиппомъ (II), королемъ Франціи, съ согласія архіепископовъ, епископовъ и бароновъ своего государства, что епископы и прелаты, и монастырскіе клерики и воины, которые возьмутъ крестъ, получатъ, для уплаты долговъ, сдѣланныхъ ими какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ еще прежде, нежели король принялъ крестъ, двухлѣтнюю отсрочку, считая съ наступающаго праздника Всѣхъ Святыхъ; такимъ образомъ, въ первый праздникъ заимодавцы возвратятъ себѣ треть своей ссуды; въ слѣдующій праздникъ — другую треть и въ третій праздникъ — послѣднюю треть. Никто не обязывается уплачивать процентовъ со дня принятія креста. Если крестоносный рыцарь, законный наслѣдникъ, сынъ или зять не-крестоносца, или вдовы, имѣетъ въ живыхъ отца и мать, то его отецъ и мать, для уплаты своихъ долговъ, пользуются тѣмъ же узаконеннымъ срокомъ. Если же ихъ сынъ или зять, принявшій крестъ, отдѣленъ отъ семьи, или если онъ не рыцарь, или не крестоносецъ, то имъ не предоставляется никакой разсрочки. Въ теченіе пятнадцати дней отъ наступающаго праздника св. Іоанна Крестителя, должники, имѣющіе земли и доходы, должны представить ихъ, въ узаконенный срокъ, своимъ заимодавцамъ, черезъ посредство сузерена, въ области котораго состоятъ тѣ земли и доходы, дабы заимодавцы получили должное имъ. Сузерены не могутъ сопротивляться подобному предоставленію, или должны сами обезпечить заимодавца крестоносцевъ. Крестоносецъ, который не имѣетъ ни земель, ни доходовъ, достаточныхъ для покрытія своего долга, обязуется представить поручителей или залогодателей, которые должны уплатить за него въ опредѣленные сроки; и если, въ теченіе пятнадцати дней отъ наступающаго праздника св. Іоанна Крестителя, долгъ

не будетъ обезпеченъ землею или поручительствомъ, то такой крестоносецъ не пользуется разсрочкою, предоставленною другимъ крестоносцамъ. Если клерикъ или крестоносный воинъ долженъ клерику или воину также крестоносному, то долгъ отлагается до слѣдующаго праздника Всѣхъ Святыхъ, но во всякомъ случаѣ обезпечивается залогомъ.

Если какой-нибудь крестоносецъ, за восемь дней до Срѣтенія Господня или восемь дней спустя, далъ своему заимодавцу въ обезпеченіе золото, серебро или хлѣбъ, или какую-нибудь другую движимость, то заимодавецъ не обязуется въ этомъ случаѣ къ разсрочкѣ. Закупъ годового сбора хлѣба, сдѣланный по опредѣленной цѣнѣ не крестоносцемъ, сохраняется во всей своей силѣ. Если какой-нибудь воинъ или клерикъ закладываетъ на извѣстное число лѣтъ свое имущество или свои доходы какому-нибудь крестоносному горожанину или клерику или воину некрестоносному, то заложившій получаетъ въ этотъ годъ сборъ съ своихъ земель или доходовъ, а заимодавецъ, по истеченіи срока долгового обязательства, удерживаетъ залоги еще на одинъ годъ, для вознагражденія того времени, которое онъ потерялъ; во всякомъ случаѣ, заимодавецъ удерживаетъ на этотъ годъ половину хлѣбнаго сбора, если онъ самъ обработывалъ заложенныя земли или виноградники. Всѣ торговыя сдѣлки, совершенныя въ теченіе осьми дней отъ Срѣтенія Господня, сохранятъ свою силу. А чтобы крестоносный должникъ могъ воспользоваться разсрочкою, даруемою ему для уплаты долга, онъ долженъ дать обезпеченіе такое же или даже лучше прежняго. Если возникнутъ споры по поводу обезпеченія, то по опредѣленію сузерена, въ области котораго находится заимодавецъ, дается новое обезпеченіе, такое же или лучшее. Если сузеренъ не перемѣнитъ обезпеченія, то дѣло переносится въ совѣтъ государя той земли. Если какой-нибудь сузеренъ или владѣтель, въ области котораго находится заимодавецъ или должникъ, не захочетъ исполнить или приказать исполнить то, что предписано относительно разсрочки долга или обезпеченія его, и, не смотря на предостереженія митрополита или епископа, не исполнитъ того въ сорокъ дней, то онъ можетъ подвергнуться отлученію. Но если сузеренъ или государь пожелаетъ доказать, въ присутствіи митрополита или епископа, что онъ ничѣмъ не нарушилъ правъ заимодавца или должника, и что онъ готовъ исполнить предписанное, то митрополитъ или епископъ не могутъ его отлучать. Ни одинъ крестоносецъ, клерикъ, воинъ или кто другой не могутъ быть принуждаемы къ исполненію обѣщаннаго ими, со дня своего отправленія до прибытія назадъ, если только жалоба не была подана до принятія креста.

II.

Ордонансъ о Саладиновой десятинѣ.

Всѣ тѣ, которые не отправляются въ крестовый походъ, обязуются представить въ этотъ годъ, по крайней мѣрѣ, десятину со всѣхъ своихъ движимостей и доходовъ, исключая духовныхъ монастыря Сито

(Cistersienses) и ордена Шартрезовъ (Cartusii) или Фонтевристовъ (Fons Eureldinus, близь Сомюра) и прокаженныхъ, но только относительно ихъ собственнаго имущества. Никто не можетъ налагать руки на коммюны, кромѣ сузерена, которому принадлежитъ коммюна. Во всякомъ случаѣ, тотъ, кто имѣлъ права на какую-нибудь изъ коммюнъ, сохранитъ ихъ по прежнему. Тотъ, кто имѣетъ право высшаго суда въ какой-нибудь землѣ, будетъ собирать и десятину съ той земли. Да будетъ вѣдомо, что тѣ, которые платятъ десятину, должны вносить ее со всей движимости и своихъ доходовъ, не вычитая долговъ, въ которые они могли войти прежде. По взносѣ десятины, они могутъ уплачивать свои долги изъ остатка. Всѣ міряне, какъ военные, такъ и другіе, будутъ вносить свою десятину подъ присягою и подъ страхомъ анаѳемы, а клерики подъ угрозою отлученія. Некрестоносный воинъ вноситъ крестоносному сузерену, по отношенію къ которому онъ считается обязательнымъ вассаломъ (homo ligius), десятину какъ съ своей собственной движимости, такъ и съ того феода, который полученъ имъ отъ него. Если онъ не имѣетъ такого феода, то платитъ своему обязательному сузерену съ одной собственной движимости, а съ своихъ феодовъ вноситъ тому, отъ кого ихъ получилъ. Если кто не имѣетъ никакого обязательнаго сузерена, то онъ доставляетъ десятину съ своей движимости тому, въ чьемъ феодѣ живетъ. Если какой-нибудь сборщикъ десятины найдетъ въ имѣніи того, отъ кого получается десятина, вещи, принадлежащія другому, и если владѣтель можетъ то доказать, то сборщикъ не долженъ удерживать такихъ вещей. Крестоносный воинъ, будучи законнымъ наслѣдникомъ, сыномъ или зятемъ некрестоноснаго воина, или какой-нибудь вдовы, получитъ десятину съ своего отца или съ своей матери. Никто не можетъ наложить руки на имущество архіепископовъ, епископовъ, капитуловъ или церквей, стоящихъ въ непосредственной зависимости отъ нихъ, кромѣ архіепископовъ, епископовъ, капитуловъ и церквей, находящихся въ феодальной зависимости. Епископы, собирающіе десятину, вносятъ ее тѣмъ, кому они должны. Всякій крестоносецъ, который въ виду подати или десятины не захочетъ уплатить ее, будетъ принужденъ тѣмъ, кому онъ долженъ внести и кто распорядится съ нимъ по своей волѣ; кто принудитъ такого силою, не будетъ отлученъ за то. Богъ да вознаградитъ всякаго, кто благочестиво внесетъ свою десятину.

Изъ ордонансовъ Филиппа II Августа.

Institutio decimarum.

Ордонансы Филиппа II Августа, относящіеся къ крестовымъ походамъ, записаны у его исторіографа и медика Ригорда въ его сочиненіи: De gestis Philippi Augusti Francorum regis (изд. *Duchesne*, Historiae Francorum scriptores etc. Par. 1649. T. V, стр. 25 и слѣд.).

47.—Изъ переписки Фридриха I Барбаруссы и Саладина. 1188 года.

I.

Фридрихъ, божіею милостью, императоръ римлянъ, всегда августѣйшій, великій побѣдитель враговъ имперіи, счастливый покровитель христіанства—*Саладину*, главѣ (praesidi) сарацинъ, мужу знаменитому, и который, по примѣру Фараона, будетъ вынужденъ оставить преслѣдованіе божьихъ дѣтей.

Мы получили съ живѣйшимъ удовольствіемъ грамоту, писанную вами, и наше величество находитъ ее достойною отвѣта. Нынѣ, такъ-какъ вы осквернили св. землю и такъ какъ защита города Іисуса Христа составляетъ нашу обязанность, какъ главы имперіи, то мы извѣщаемъ васъ, что если вы не оставите немедленно этой земли и не дадите намъ должнаго удовлетворенія, то мы, вспомоществуемые святостью Христа, предпримемъ войну со всѣми ея случайностями и отправимся въ походъ въ ноябрскія календы. Мы съ трудомъ повѣрили бы, что событія древней исторіи могутъ быть вамъ неизвѣстны; а если вы ихъ знаете, то почему вы дѣйствуете такъ, какъ будто они неизвѣстны вамъ? Знаете ли вы, что обѣ Эѳіопіи, Мавританія, Скиѳія, земли, населенныя парѳянами и запечатлѣнныя кровью нашего Красса; что Аравія, Халдея и въ особенности Египетъ, гдѣ великій Антоній—о горе!—дозволилъ поработить себя нечестивой любви Клеопатры; однимъ словомъ, что всѣ эти земли зависѣли отъ нашей имперіи? Можете ли вы не знать, что Арменія и другія безчисленныя страны подчинялись нашему господству? Короли ихъ, кровью которыхъ такъ часто обагрялся мечъ римлянъ, знали хорошо про то; и вы также съ божіею помощью поймете, что̀ могутъ наши побѣдоносные орлы, что̀ могутъ полки многочисленныхъ народовъ; вы испытаете на себѣ ярость тѣхъ тевтоновъ, которые ходятъ въ оружіи даже во время мира; вы познакомитесь съ обитателями Рейна, съ юношествомъ Истріи, которое не знаетъ бѣгства; съ баваромъ высокаго роста; съ жителями Швабіи, гордыми и хитрыми; съ жителями Франконіи, всегда осмотрительными; съ саксомъ, который играетъ мечемъ; съ народами Турингіи и Вестфаліи; съ быстрымъ брабанцемъ; съ лотарингомъ, который не знаетъ мира; съ безпокойнымъ бургундомъ; съ обитателями Альпъ; съ фризомъ, который ловко поражаетъ дротикомъ; съ богемцемъ, который съ радостью принимаетъ смерть; съ болонами (поляками), болѣе свирѣпыми, чѣмъ звѣри ихъ лѣсовъ; съ Австріею, Истріею, Илиріею, Ломбардіею, Тосканою, Венеціею, Пизою; въ день, предназначенный для Рождества Христа, вы узнаете, что мы еще можемъ владѣть мечемъ, хотя, по вашимъ словамъ, старость уже удручаетъ насъ.

II.

Королю, искреннему другу, великому и превознесенному *Фридриху*, королю Германіи!

Во имя милосердаго Бога, милостью Бога единаго, всемогущаго, всевышняго, побѣдоноснаго, вѣчнаго, царству котораго нѣтъ конца. Мы возносимъ ему вѣчное благодареніе, а милость его надъ всѣмъ міромъ: мы молимъ, да ниспошлетъ благодать свою на своихъ пророковъ и въ особенности на нашего наставника и своего апостола (nuntium) пророка Магомета, котораго онъ послалъ для установленія истинной религіи, долженствующей восторжествовать надъ всѣми прочими религіями. Между прочимъ, мы сообщаемъ королю, мужу искреннему, могущественному, великому, другу возлюбленному, королю Германіи, что къ намъ явился нѣкто по имени Гейнрихъ, называя себя вашимъ посломъ, и представилъ намъ какую-то грамоту, которую объявилъ вашею грамотою. Мы приказали прочесть грамоту и выслушали его самого, и на то, что онъ сказалъ на словахъ, отвѣчали устно. Но вотъ и письменный нашъ отвѣтъ. Вы перечисляете намъ всѣхъ тѣхъ, которые въ союзѣ съ вами пойдутъ на насъ, и называете ихъ и говорите: „король такой-то земли, и король иныхъ земель и графъ такой, и графъ этакой; и такіе-то архіепископы и маркграфы и рыцари". Но еслибы мы также захотѣли исчислить всѣхъ, которые служатъ намъ, которые подчиняются нашимъ повелѣніямъ, которые повинуются нашему слову и которые сражаются подъ нашими распоряженіями, то не было бы возможности помѣстить всего того въ нашей грамотѣ. Вы приводите имена христіанскихъ народовъ; но народы мусульманскіе гораздо и гораздо многочисленнѣе христіанскихъ. Между нами и христіанскими народами, о которыхъ вы говорите, лежитъ цѣлое море; а между безчисленными сарацинами и между нами нѣтъ никакого моря и никакого препятствія къ соединенію. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи бедуиновъ (Bedevini), которыхъ однихъ было бы достаточно, чтобы противопоставить нашимъ врагамъ; у насъ есть туркоманы; если мы ихъ пошлемъ противъ своихъ враговъ, они истребятъ ихъ; мы имѣемъ сельскихъ жителей, которые, получивъ приказаніе, мужественно сразятся съ людьми, вторгшимися въ наши земли, для разграбленія ихъ и завоеванія. Это не все. У насъ есть, кромѣ того, боевые *солдаты* (soldarii, т.-е. наемники), помощью которыхъ мы вступили въ эту страну, завоевали ее и побѣдили нашихъ враговъ. Эти храбрые люди, равно какъ и всѣ языческіе короли (reges paganissimi), не будутъ колебаться, если мы призовемъ ихъ, и не станутъ медлить, если узнаютъ нашу волю. И если, какъ говоритъ ваша грамота, вы соберетесь, если вы пойдете на насъ, какъ то прибавляетъ вашъ посолъ, то и мы пойдемъ вамъ на встрѣчу, вспомоществуемые святостью Бога. Намъ недостаточно того, что мы завоевали эту приморскую страну (Палестину и Финикію); если будетъ угодно Богу, мы переплывемъ моря и съ божіею помощью завоюемъ ваши земли: ибо, придя сюда, вы будете должны привести съ собою всѣ свои силы и явиться въ сопровожденіи всего своего народа, такъ-что въ вашемъ государствѣ не останется никого для защиты. Когда Господь въ своемъ всемогуществѣ дастъ намъ побѣду надъ вами, намъ ничего не останется, какъ идти, опираясь на силу божію и его волю, чтобы овладѣть вашими землями. Уже два раза всѣ христіане соединялись противъ насъ, нападая на Вавилонію (Еги-

петъ): въ первый разъ они угрожали Даміеттѣ и во второй разъ—Александріи; между тѣмъ въ ту эпоху христіане еще были владѣтелями Палестины и Финикіи. Но вы знаете, въ какомъ положеніи и въ какомъ жалкомъ видѣ христіане возвратились изъ того и другого похода. Теперь, напротивъ, эта страна въ нашей власти. Господь надѣлилъ насъ провинціями; онъ отодвинулъ наши предѣлы въ ширину и въ длину: онъ отдалъ намъ Египетъ съ прилежащими землями, страну Дамаска, Финикію (maritimam Jerusalem) Палестину (Gesire) съ ея замками; страну Эдессы (terram Roasiae) со всѣмъ принадлежащимъ ей и царство Индію (т.-е. счастливую Аравію) со всѣмъ принадлежащимъ ему: и все это, по милости Бога, находится въ нашихъ рукахъ, и князья мусульманскіе повинуются намъ. Если мы дадимъ приказаніе имъ, они не откажутся исполнить его; если мы попросимъ багдадскаго калифа (Calephum de Baldac)—да сохранитъ его Господь—придти къ намъ, онъ встанетъ съ престола своей имперіи и поспѣшитъ намъ на помощь. Святостью и могуществомъ Бога мы овладѣли Іерусалимомъ и его страною: въ рукахъ христіанъ остаются три города: Тиръ, Триполь и Антіохія, которые не замедлятъ подчиниться нашей власти. Если вы рѣшительно хотите войны и если, съ божіею помощью, мы покоримъ всѣ христіанскіе города, то мы выступимъ вамъ на встрѣчу, какъ о томъ сказано выше въ нашей грамотѣ. Если же, напротивъ, вы предпочитаете добрый миръ, то отправьте начальникамъ тѣхъ трехъ городовъ приказаніе выдать намъ ихъ безъ всякаго сопротивленія, а мы возвратимъ вамъ святой Крестъ; дадимъ свободу всѣмъ плѣннымъ христіанамъ, находящимся въ нашихъ владѣніяхъ; допустимъ одного вашего священника при гробѣ; возвратимъ аббатства, существовавшія до перваго крестоваго похода (in tempore paganissimo) и окажемъ имъ покровительство: и дозволимъ приходить пилигримамъ въ теченіе всей нашей жизни, и будемъ имѣть съ вами миръ. И такъ, въ случаѣ, если грамота, доставленная намъ Гейнрихомъ, есть дѣйствительно грамота короля, то мы написали эту грамоту въ отвѣтъ на то: и да наставитъ насъ Богъ своимъ совѣтомъ и своею волею!

Грамота сія писана въ годъ отъ пришествія пророка нашего Магомета DLXXXIV. Слава единому Богу! И да сохранитъ Богъ пророка нашего Магомета и его родъ.

Отъ побѣдоноснаго царя, возвѣщателя истины, знамени правды, правителя міра и религіи, султана сарацинъ и язычниковъ, служителя двухъ святыхъ домовъ и проч. и проч.

Изъ переписки Фридриха I Барбаруссы и Саладина.

Переписка Фридриха I Барбаруссы и Саладина была помѣщена однимъ изъ историковъ третьяго крестоваго похода, Галфридомъ Винодѣломъ, въ его путевыя записки и такимъ образомъ сохранилась для исторіи. О Галфридѣ и его сочиненіяхъ см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 51.

48.—Крестовый походъ Фридриха I Барбаруссы. 1189—1190.

(Въ 1212 г.).

Авторъ, взявъ на себя продолженіе труда своего предшественника Гельмольда (см. о немъ выше, т. II, стр. 676), въ *первыхъ двухъ* книгахъ своей хроники и въ началѣ *третьей* книги до 30 главы, разсказываетъ исторію сѣверной Германіи, начиная съ 1171 года и до 1189 г. Описавъ дѣянія Генриха Льва, герцога саксонскаго, и его борьбу съ Фридрихомъ I Барбаруссою, авторъ останавливается на 1187 г., когда вся Европа была взволнована извѣстіемъ о взятіи Іерусалима Саладиномъ. Въ 29 гл. третьей книги описанъ сеймъ въ Госларѣ, на которомъ Фридрихъ I Барбарусса, принудивъ своего соперника Генриха Льва удалиться въ Англію, принялъ крестъ и опредѣлилъ на слѣдующій годъ въ маѣ мѣсяцѣ выступить въ походъ.

30. Когда улыбнулась весна (1189 г.), государь императоръ (Фридрихъ I Барбарусса), исполненный ревности, отправился въ странствованіе. Прибывъ въ Регенсбургъ и замѣтивъ большой недочетъ въ войскѣ, онъ началъ сомнѣваться въ возможности предпринимаемаго похода. Малочисленность же войска происходила отъ того, что множество людей всѣхъ націй ушло впередъ, не дождавшись войска, ибо, изъ любви къ странствованію, всѣ торопились уходомъ. Но императоръ, зная, что по затруднительности пути ему не удастся нагнать тѣхъ, которые ушли впередъ, составилъ совѣтъ и рѣшился идти по прежде принятому направленію. Отправляясь далѣе, онъ прибылъ въ Австрію. Тамъ встрѣтилъ его съ большою свитою герцогъ страны, великолѣпно угостилъ его вмѣстѣ съ людьми, и тѣхъ, которые не отказывались, надѣлилъ почетными подарками. Во время пребыванія императора въ главномъ городѣ той страны, а именно въ Вѣнѣ, въ войскѣ его безнравственность и развратъ дошли до такой степени, что, по опредѣленію императора, принуждены были возвратиться домой до 500 распутныхъ женщинъ, воровъ и негодяевъ. Затѣмъ императоръ пустился въ дальнѣйшую дорогу, и въ Троицынъ-день достигъ границъ Венгріи, гдѣ торжествовали этотъ праздникъ и отдыхали. Король Венгріи (Бэла, дочь котораго за годъ предъ тѣмъ вышла замужъ за Фридриха Швабскаго, сына императора) чрезъ посланныхъ встрѣтилъ императора весьма дружелюбно, далъ ему свободный проходъ по странѣ и дозволилъ покупать все, что̀ угодно. Онъ приказалъ также, когда крестоносцы двинулись въ походъ, строить вездѣ, гдѣ не было дорогъ, мосты на рѣкахъ, ручьяхъ и болотахъ. Когда императоръ приблизился къ Грану, метрополіи Венгріи, король со свитою изъ тысячи человѣкъ выступилъ лично ему на встрѣчу, и не только выразилъ свою преданность и гостепріимство, но и оказалъ дѣйствительныя услуги. Во время четырехдневнаго пребыванія императора въ Гранѣ, оба государя, видя безпокойный характеръ и необузданность войска, опредѣлили, чтобы оно дало клятву въ строгомъ и ненарушимомъ

соблюденіи мира. Королева (Маргарита, сестра короля Филиппа II Августа, бывшая замужемъ за Бэлою III) подарила государю императору весьма красивую палатку, верхъ которой былъ покрытъ краснымъ сукномъ и коврами, вырѣзанными по его ширинѣ и длинѣ, кроват съ богато украшенными подушками и дорогимъ одѣяломъ и, наконецъ, табуретъ съ подушкой предъ кроватью. Моя рука слаба, чтобы описать, какъ все это было великолѣпно украшено. А чтобы при этомъ доставить подаркомъ пріятное удовольствіе, по ковру бѣгали одинъ черный и другой бѣлый кроликъ. Послѣ того королева, представившая такіе подарки, осмѣлилась обратиться къ императору съ просьбой; а именно, она просила, чтобы своимъ посредничествомъ онъ исходатайствовалъ у короля свободу его брату, котораго онъ держалъ уже 15 лѣтъ въ заключеніи. Дѣйствительно, король, принимавшій императора съ великимъ уваженіемъ и потому не желавшій огорчить его чѣмъ бы то ни было, не только выпустилъ своего брата изъ темницы, но и далъ ему 2000 венгровъ, съ приказаніемъ предшествовать императору, указывать ему дорогу и исправлять ее. Послѣ всего этого король пригласилъ императора въ самый замокъ Гранъ, переведя его черезъ рѣку того же названія, и отъ которой получилъ свое имя и нижній городъ, гдѣ прежде находился императоръ и самый замокъ. Король подарилъ тамъ императору два амбара, наполненныхъ превосходною мукòю. Но онъ не нуждался въ мукѣ и подарилъ ее бѣднымъ. При этомъ случаѣ, вслѣдствіе жадности толпы, три человѣка задушились въ мукѣ. Затѣмъ король провожалъ императора до города Актилы, гдѣ онъ и оставался четыре дня. Оттуда прибыли къ городу Скланкемунту (н. Саланкеменъ, близь Темешвара), гдѣ три дня и три ночи переходили вбродъ рѣку Эйцу, причемъ утонуло три рыцаря. Тамъ же король снабдилъ войско огромнымъ количествомъ провіанта. Оттуда они явились къ рѣкѣ Совѣ (н. Сава), гдѣ произведено было перечисленіе войска, и при этомъ оказалось 5 т. конныхъ и 100 т. пѣшихъ, хорошо вооруженныхъ людей. Въ величайшемъ восторгѣ отъ такого громаднаго числа воиновъ, императоръ приказалъ устроить турниръ и посвятилъ 60 молодыхъ людей изъ оруженосцевъ въ рыцари для исполненія ими рыцарскихъ обязанностей. Тамъ же онъ произвелъ судъ, вслѣдствіе котораго двумъ купцамъ была отрублена голова, а четыремъ служителямъ, нарушившимъ клятвенный миръ, руки. Въ этотъ же день 500 служителей, вышедшихъ на фуражировку, были перебиты ядовитыми стрѣлами туземцевъ, называемыхъ сербами. Впрочемъ на слѣдующій день явился въ лагерь герцогъ того народа и далъ присягу императору, получивъ отъ него свою землю въ ленъ. Поднявшись оттуда, они прибыли къ рѣкѣ, по имени Маровѣ (н. Морава). Король венгровъ доставилъ къ тому мѣсту множество возовъ съ мукою, запряженныхъ двумя волами. Тамъ же король простился съ императоромъ и разстался съ нимъ, подаривъ ему четырехъ верблюдовъ, нагруженныхъ дорогими подарками, которые оцѣняли въ 50 тысячъ марокъ. А императоръ, выражая свою благодарность, отдалъ ему всѣ суда, которыя слѣдовали за нимъ отъ Регенсбурга. Въ тотъ же день къ императору явился греческій герцогъ и поднесъ ему золотой сосудъ съ двумя ручками, и такое мно-

жество съѣстныхъ припасовъ, что ихъ было достаточно войску на цѣлыхъ восемь дней.

31. Въ день рождества Іоанна Крестителя (24 іюня, 1189 г.) они оставили Венгрію и вступили въ Булгарію. Три дня нельзя было найти воды, и войско испытало большую крайность. Греческій герцогъ приказалъ расчистить для нихъ всѣ узкія дороги, и такимъ образомъ въ день св. Іакова (30 іюня) они подошли къ укрѣпленію Равенеллѣ (у монастыря Раванитца, при сліяніи Раванитцы съ Моравой, гдѣ турецкая крѣпость Тьюпрійя), лежащему посреди лѣсовъ. Послѣ тяжелаго перехода лѣсомъ, они вступили, какъ въ божій рай, въ городъ Листрицъ, лежащій на границѣ Булгаріи и Греціи. Слѣдуя дальше, они достигли Винополя (н. Филиппополь), большого, но безлюднаго города, въ которомъ, не смотря на то, что войско расположилось по квартирамъ, почти чрезъ домъ не было жильцовъ. Тамъ они простояли 18 недѣль. Конечно, при всѣхъ такихъ удобствахъ не обходилось безъ несчастія, ибо всякій Авель всегда найдетъ своего Каина. А именно, начальникъ Брандица, лежащаго на границѣ Булгаріи и Венгріи, исполненный зависти къ служителямъ Христа, поспѣшилъ къ Константинопольскому королю (Исааку Ангелу) и говорилъ ему: „Какъ ты могъ дозволить проходъ чрезъ твои владѣнія такимъ безбожнымъ людямъ? Они ни щадятъ ни городовъ, ни мѣстечекъ, и предаютъ все грабежу. Потому будь увѣренъ, что они, прибывъ въ твою страну, свергнутъ тебя съ престола и овладѣютъ твоимъ государствомъ“. Византіецъ, повѣривъ ему легко на слово, въ страхѣ приказалъ захватить посланныхъ императора, а именно, епископа Мюнстерскаго, графа Роберта Нассаускаго и каммерарія Маркварда съ 500 рыцарей. Это обстоятельство напугало жителей страны, и они при появленіи пилигримовъ искали убѣжища въ мѣстахъ безопасныхъ, оставляя пустыми свои города и деревни.

32. Между тѣмъ императоръ, живя въ вышеупомянутомъ городѣ (Филиппополь), удивлялся продолжительному отсутствію тѣхъ, которые были посланы къ королю (Исааку Ангелу) съ тѣмъ, чтобы ему напомнить договоръ и клятвенное обѣщаніе оказывать всякія услуги, пилигримамъ, отправляющимся наказать ненавидящихъ Бога и отмстить за св. землю и пролитую кровь служителей господнихъ. Онъ именно обѣщалъ доставить имъ у себя полную безопасность, очистить дороги и разрѣшить покупку съѣстныхъ припасовъ и всего необходимаго. Съ своей стороны, императоръ соблюдалъ все, въ чемъ клялся, съ такою вѣрностью, что, какъ мы выше упомянули, не дозволялъ никому изъ своихъ предаваться насилію, грабежу или кражѣ. Прождавъ долгое время и видя, что все нѣтъ его посланныхъ, онъ началъ въ гнѣвѣ опустошать окрестности, приказывая вспахивать плугомъ землю, на которой стояли разграбленные города и деревни; это онъ дѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы внушить жителямъ тѣмъ большій страхъ къ себѣ. При этомъ войско награбило столько золота, серебра, драгоцѣнныхъ одеждъ и скота, что кто-то, желая добыть себѣ любимое имъ кушанье, заплатилъ за *одну* курицу *восемь* быковъ. Но вскорѣ это изобиліе превратилось въ такой недостатокъ, что они, проѣвъ все или, лучше сказать, истребивъ, и забыли о преж-

немъ достаткѣ. Проведя восемнадцать недѣль въ томъ мѣстѣ, войско тронулось впередъ и прибыло въ Адріанополь. Тамъ они оставались семь недѣль, и туда же возвратились посланные императора съ 50 заложниками, выданными Византіею для поручительства въ сохраненіи мира и исполненіи всѣхъ требованій императора. По полученіи заложниковъ, войско выступило изъ Адріанополя въ половинѣ поста, и въ день Пасхи, который въ томъ году (1190) торжествовался въ самое Благовѣщеніе, прибыло къ проливу св. Георгія (Дарданеллы). Тамъ они расположились лагеремъ и праздновали св. Пасху. На другой день, сѣвъ на корабли, войско переправилось чрезъ проливъ. Король же (Исаакъ Ангелъ) припасъ для того такое множество судовъ, что все войско со всѣмъ имуществомъ могло перебраться на другую сторону въ три дня.

33. Переправившись чрезъ море, народъ божій, подобно тому какъ въ древности Израиль по избавленіи отъ рабства Фараона, воспѣлъ гимнъ на прославленіе вѣры христовой. Имѣя въ своихъ рукахъ заложниковъ, всѣ надѣялись на сохраненіе мира. Между тѣмъ начались по прежнему споры и драки при покупкѣ и продажѣ вещей, а затѣмъ старыя муки голода и лишеній! Нѣсколько дней спустя, когда войско еще находилось на греческой землѣ, ему встрѣтились турки и задержали его. Сначала христіане не обращали на нихъ вниманія, потому что они при своей малочисленности, казалось, не могли имъ вредить. Но число турокъ начало возрастать съ каждымъ днемъ, какъ неизмѣримый морской песокъ, и они кружились около нихъ постоянно. Но народъ божій пѣлъ: „Господи, какъ много у меня враговъ! многіе возстаютъ на меня: многіе говорятъ о душѣ моей: „нѣтъ ему спасенія отъ Бога!“ Ты же, Господи, щитъ, охраняющій меня; ты слава моя, и т. д.“ (Псал. 3, 2 и слѣд.). Не смотря на то, что непріятель окружалъ ихъ, какъ волки овецъ, они продолжали начатую дорогу. Но едва они тронулись, какъ тронулся и непріятель. Такъ они вступили въ Романію, пустынную, непроходимую и безводную страну, а ихъ мѣшки были уже пусты: у нихъ не было больше съѣстныхъ припасовъ. Нѣкоторые, еще въ эпоху изобилія, наготовили себѣ медовыхъ хлѣбовъ и могли кое-какъ существовать. Тѣ же, которые не позаботились о томъ, питались кониною и кореньями или умирали отъ голода: когда у нихъ не хватало силъ идти, они падали лицомъ на землю, чтобы ожидать мученической смерти во имя божіе. Непріятель бросался на такихъ, и на глазахъ всѣхъ безъ состраданія умерщвлялъ. Въ то же время обнаружился недостатокъ и вьючныхъ животныхъ, отчасти по отсутствію корма, а также и потому, что ихъ употребили въ пищу; вслѣдствіе того многіе знатные люди, не привыкшіе къ тягостямъ похода, принуждены были идти по цѣлымъ днямъ пѣшкомъ и благодарили Бога. Войско же было расположено такъ, что пѣшіе и слабые люди помѣщались въ центрѣ; а конница, ограждая ихъ отъ непріятеля, занимала правое и лѣвое крыло. Иногда они сами нападали на врага и умерщвляли его въ порядочномъ числѣ, однажды до 5000; но и турки не переставали ихъ преслѣдовать. Но „праведный долженъ много терпѣть, Господь же его во всемъ поддержитъ“, а потому и десница божія не ослабѣвала надъ ними, и

даже укрѣпляла ихъ во всемъ. Они страдали, какъ наказуемые, но не какъ смущенные даже до смерти; имъ было горестно, но духъ бодрствовалъ въ нихъ. Императоръ, хотя и былъ увѣренъ въ коварствѣ грековъ, однако отпустилъ заложниковъ со словами: „Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь“ (Рим. 12, 19). Послѣ того они вошли въ обширную пустыню, гдѣ два дня пространдали отъ безводья. Въ Троицу подошли къ Иконію, главному городу турокъ, и раскинули лагерь около него въ садахъ, гдѣ подкрѣпили себя кореньями, отрытыми въ окрестностяхъ, такъ что души ихъ наслаждались, какъ въ раю.

34. Когда, такимъ образомъ, проголодавшійся божій народъ порядочно подкрѣпилъ себя пищею и думалъ, что наконецъ послѣ тяжкихъ трудовъ наступитъ теперь благодѣтельный отдыхъ и невзгоды войны смѣнятся радостью мира, сынъ неправды, сынъ Саладина, зять султана (Иконійскаго), приказалъ сказать императору: „Если ты желаешь имѣть свободный проходъ чрезъ мою страну, то долженъ мнѣ заплатить за каждаго изъ своихъ по одному византійскому золотому. Въ противномъ случаѣ, знай, что я нападу на тебя съ оружіемъ въ рукахъ, и самого тебя съ твоими людьми или умерщвлю мечемъ, или заберу въ плѣнъ“. На это отвѣчалъ императоръ: „Неслыханное дѣло, чтобы римскій императоръ кому-нибудь платилъ подать; онъ привыкъ болѣе требовать отъ другихъ, чѣмъ вносить, получать, но не давать; но такъ-какъ мы утомлены, то, чтобы мирно продолжать нашъ путь, я охотно готовъ заплатить по такъ-называемому *мануилу* (мелкая монета съ изображеніемъ визант. импер. Мануила). Если же онъ не захочетъ и предпочтетъ напасть на насъ, то пусть знаетъ, что съ большою охотою сразимся съ нимъ за Христа, и желаемъ съ любовью къ Господу или побѣдить, или пасть“. *Мануилы* же принадлежали къ разряду самой дурной монеты, и не имѣли въ себѣ ни чистаго золота, ни чистой мѣди, но составлялись изъ смѣшанной и ничтожной по цѣнѣ массы. Посланный возвратился къ своему повелителю и передалъ слышанное. Между тѣмъ императоръ собралъ умнѣйшихъ людей въ войскѣ и изложилъ имъ все дѣло, чтобы рѣшить сообща, какъ дѣйствовать. Всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: „Вы отвѣчали превосходно и какъ то подобаетъ императорскому величію. Знайте, что и мы не думаемъ объ условіяхъ мира, ибо намъ ничего не остается, какъ выборъ между жизнью и смертью, побѣдою или потерею дѣла“. Такая твердость весьма понравилась императору. Съ разсвѣтомъ дня онъ поставилъ войско въ боевой порядокъ. Сынъ его, герцогъ Швабскій, сталъ впереди съ отборнѣйшими воинами, а самъ императоръ съ остальнымъ войскомъ взялъ на себя отражать нападеніе непріятеля на тылъ. Правда, воины Христа были сильны болѣе мужествомъ, нежели числомъ, но тотъ, кто воодушевлялъ мучениковъ, вдохновилъ ихъ твердостью. Непріятель претерпѣвалъ пораженіе со всѣхъ сторонъ, и павшимъ не было числа: трупы валялись кучами. Даже входъ въ городъ былъ прегражденъ множествомъ павшихъ стѣнъ; но одни убивали, другіе оттаскивали убитыхъ. Наконецъ, наши ворвались въ городъ и избили въ немъ всѣхъ жителей. Спаслись только тѣ, которые укрылись въ замкѣ, стоявшемъ у города. Побѣдивъ, такимъ обра-

зомъ, непріятеля, они оставались въ городѣ три дня. Тогда султанъ отправилъ къ императору знатнаго посла съ подарками и приказалъ сказать: „Ты сдѣлалъ хорошо, что пришелъ въ нашу страну; если же ты не былъ принятъ сообразно съ твоими желаніями и высокимъ достоинствомъ, то это доставляетъ тебѣ славу, а намъ стыдъ. Та великая побѣда составитъ для тебя вѣчное воспоминаніе, а для насъ срамъ и позоръ. Будь вполнѣ увѣренъ, что все случившееся произошло безъ моей воли; я лежу больной, и не могу справиться ни съ собою, ни съ другими. Потому, прошу тебя, сжалься надо мною, возьми заложниковъ и все, чего потребуешь, но затѣмъ оставь городъ и расположись лагеремъ по прежнему въ садахъ“. Чтобы кончить это дѣло скорѣе, императоръ вмѣстѣ съ своими оставилъ городъ, отчасти и потому, что онъ получилъ все желаемое, а отчасти и воздухъ, зараженный трупами убитыхъ, побуждалъ также удалиться. По заключеніи мира, ратники Христа весело потянулись по своей дорогѣ и не были болѣе преслѣдуемы непріятелемъ. Они прошли страну Арменію и достигли рѣки *Салефъ* (Каликаднъ), при которой лежитъ укрѣпленіе того же имени.

35. По прибытіи на то мѣсто, государь императоръ, по случаю великой жары и грязи отъ пыли, захотѣлъ выкупаться въ рѣкѣ и освѣжиться. Рѣка была не широка, но, стѣсненная горами, она имѣла быстрое теченіе. Между тѣмъ какъ прочіе переходили вбродъ, онъ, не смотря на возраженіе многихъ, пустился верхомъ вплавь, полагая, такимъ образомъ, переправиться на другой берегъ; но сила теченія сбила его и увлекла противъ желанія; такимъ образомъ, онъ былъ поглощенъ волнами, прежде нежели окружавшіе могли подать ему помощь (10 іюня, 1190 г.). Это событіе опечалило всѣхъ, и всѣ оплакивали его въ одинъ голосъ: „Кто будетъ теперь утѣшать насъ во время странствованія? Нашъ защитникъ умеръ. Теперь мы будемъ блуждать, какъ овцы посреди волковъ, и никто не защититъ насъ отъ ихъ зубовъ“. Такъ сѣтовалъ народъ, плача и воздыхая. Сынъ же императора (Фридрихъ Швабскій) утѣшалъ ихъ, говоря: „Хотя мой отецъ умеръ, но должно мужаться и не падать духомъ въ печали, тогда явится и помощь отъ Господа“. Такъ-какъ онъ во всемъ держалъ себя благоразумно, то по смерти отца всѣ подчинились его власти. Затѣмъ онъ собралъ около себя всѣхъ, которые остались—а многіе разошлись—и отправился къ Антіохіи. Тамъ встрѣтилъ его съ почетомъ антіохійскій князь, и вручилъ ему городъ, такъ-что онъ могъ имъ распоряжаться, какъ угодно. На городъ часто нападали сарацины, и потому онъ не надѣялся сохранить его за собою. Въ то время, когда герцогъ Фридрихъ оставался тамъ нѣкоторое время для отдыха, проголодавшееся его войско начало упиваться виномъ и предалось безъ мѣры городскимъ наслажденіямъ, такъ-что между ними открылась смертность отъ избытка, большая той смертности, которую прежде причинялъ недостатокъ. Между тѣмъ какъ въ простомъ народѣ умирали многіе отъ невоздержности, знатные люди погибали отъ жаровъ. Такъ скончался Готфридъ, епископъ Вюрцбургскій, мужъ дѣятельный и благоразумный, который по милосердію божію руководилъ всѣмъ этимъ странствованіемъ, и перешелъ изъ здѣшняго міра

въ небесную отчизну. Тогда герцогъ, оставивъ въ Антіохіи 300 человѣкъ, потянулся съ прочими въ Акконъ (Птолемаида), гдѣ онъ и нашелъ большую христіанскую армію, занятую осадой этого города. Его прибытіе воодушевило нѣмцевъ, находившихся въ лагерѣ, хотя онъ привелъ съ собою всего 1,000 человѣкъ. Но въ то время, когда онъ готовился вступить въ борьбу съ непріятелемъ, его постигла преждевременная смерть (20 янв. 1191 г.). Такъ кончилось это предпріятіе, не принеся, повидимому, никакихъ результатовъ. Нѣкоторые были тѣмъ крайне огорчены и говорили, что то, что было несправедливо начато, не можетъ имѣть благополучнаго конца. Но, разсуждая такъ, ты не подумалъ, что то, что въ твоихъ глазахъ свѣтъ, на дѣлѣ тьма, какъ сказалъ Господь: „Если око твое чисто, то все тѣло твое свѣтло будетъ“ (Матв. 6, 22); очевидно, въ этихъ словахъ подъ глазомъ разумѣется внутреннее зрѣніе, а подъ тѣломъ наружная дѣятельность. Премудрость учитъ: „Человѣкъ видитъ то, что находится предъ глазами, а Господь взираетъ на сердца“. Если же Богъ одинъ видитъ сердца, а ты только наружность, то какъ же ты осмѣливаешься судить, подобно божеству, который одинъ знаетъ сокровенное? Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ есть ясные доводы для сужденія, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе; эти евангельскіе мужи изъ любви къ Христу оставили женъ, дѣтей, братьевъ, сестеръ, отцовъ и матерей, домъ и дворъ свой, и, что самое главное, осудили свое тѣло на труды и лишенія. Большая часть изъ нихъ предприняла странствованіе съ такимъ благочестіемъ, что лучше желали погибнуть исповѣдниками Господа, нежели возвратиться назадъ. Потому, если этотъ походъ или странствованіе не достигло желаемой цѣли, то слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что пилигримы достигли желаемой короны. Ибо славна предъ Господомъ смерть преподобныхъ его; одному Богу извѣстно, когда и какъ должна смерть кого-нибудь постигнуть, и онъ одинъ судитъ о заслугахъ каждаго человѣка. Если смерть взяла праведнаго, то это значитъ, что онъ достигъ вѣчнаго покоя.

Въ послѣднихъ главахъ (36—38) этой книги авторъ говоритъ коротко объ осадѣ Птолемаиды прибывшими вслѣдъ затѣмъ Филиппомъ II Августомъ и Ричардомъ Львиное-Сердце, о ея взятіи, удаленіи Филиппа-Августа въ Европу и войнѣ Ричарда съ Саладиномъ до заключенія мира.

Въ послѣдующихъ и вмѣстѣ послѣднихъ книгахъ своего труда, отъ IV до VII, авторъ, возвратившись къ главному предмету, т.-е. къ исторіи сѣверной Германіи, разсказываетъ исторію правленія сына Фридриха I Барбаруссы, Гейнриха VI, и его брата Филиппа I въ постоянной борьбѣ ихъ съ Вельфами, до самой смерти послѣдняго, когда его соперникъ Оттонъ IV Вельфъ овладѣлъ короною Германіи (1209). Этимъ оканчивается хроника. Но авторъ еще три раза дѣлаетъ отступленіе по поводу крестовыхъ походовъ: 1-е въ V книгѣ— единственное описаніе похода въ Палестину, по распоряженію императора Гейнриха VI; 2-е въ VI книгѣ, въ самомъ концѣ ея — вставленъ разсказъ о завоеваніи Византіи крестоносцами, который не представляетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, по сравненію съ другими источниками; и 3-е въ VII книгѣ, гдѣ глава 10 заключаетъ въ себѣ весьма интересныя путевыя замѣтки о Египтѣ и Сиріи посла Фридриха Барбаруссы, Гергарда Страсбургскаго, ѣздив-

шаго на поклонъ къ Саладину, въ 1175 г. (см. это путешествіе выше, на стр. 443).

Аббатъ Арнольдъ Любекскій.

Chronica Slavorum. III, 30 — 35.

Арнольдъ, аббатъ въ Бенедиктинскомъ монастырѣ города Любека (Arnoldus Lubecensis), родился въ Брауншвейгѣ, какъ можно предполагать, около 1140 года, и умеръ въ Любекѣ въ 1212 г. О его жизни мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, кромѣ того, что авторъ самъ, вспоминая о своемъ дѣтствѣ, замѣчаетъ, что отецъ и мать оставили его безъ вниманія, что никто изъ сильныхъ земли не оказалъ ему никакого покровительства, и онъ еще ребенкомъ поступилъ въ Бенедиктинскій монастырь, гдѣ и провелъ не совсѣмъ безукоризненно свою юность. Впослѣдствіи, около 1170 г., онъ достигъ званія казначея въ монастырѣ въ Любекѣ, а потомъ сдѣланъ былъ его аббатомъ. Въ своемъ предисловіи къ составленной имъ „Хроникѣ славянъ", Арнольдъ замѣчаетъ, что имъ руководило намѣреніе продолжать знаменитый трудъ Гельмольда (см. о немъ выше, т. II стр. 676), писавшаго о томъ же предметѣ, и потому онъ начинаетъ съ 1171 г., на которомъ остановился его предшественникъ. Арнольдъ довелъ свою хронику до 1209 г., когда былъ убитъ второй сынъ Фридриха Барбаруссы, Филиппъ I, и когда утвердился въ званіи императора его соперникъ, Оттонъ IV Вельфъ. Принадлежа, по политическимъ убѣжденіямъ, къ партіи Вельфовъ, Арнольдъ вездѣ неблагопріятно отзывается о Гогенштауфенахъ, и потому смерть Фридриха Барбаруссы не произвела на него того впечатлѣнія, какого можно было ожидать отъ нѣмецкаго историка, разсказывавшаго дѣянія одного изъ замѣчательнѣйшихъ героевъ отечественной исторіи. — *Изданія*: лучшее, полнѣйшее и вмѣстѣ послѣднее до сихъ поръ сдѣлалъ *Bangertus* (Любекъ. 1659). — *Переводы*: нѣмецкій (*Laurent*, Berl. 1853) помѣщ. въ Geschichtschr. d. deutsch. Vorzeit. Lief. 20 (21 згр.).—*Изслѣдованія*: *Wattenbach*, Deutschlands Geschichtsquell. p. 378.

---

49. — Ричардъ Львиное-Сердце на о. Сициліи, и его договоръ съ Филиппомъ II Августомъ. 1190 г.

(Въ 1202 г.).

Авторъ этой хроники пишетъ собственно исторію Англіи, продолжая трудъ Бэды-Преподобнаго (см. о немъ т. I, примѣч. къ ст. 66 и 79), отъ 738 г. до начала XIII вѣка, и помѣщая въ ней отрывочныя извѣстія о другихъ странахъ, а между прочими также и о Палестинѣ; но первые два крестовые похода нашли у него для себя мало мѣста, за то авторъ гораздо болѣе заинтересовался третьимъ крестовымъ походомъ, именно потому, что въ немъ хотѣлъ принять участіе англійскій король Генрихъ II, а его сынъ, Ричардъ Львиное-Сердце, принялъ дѣйствительно. Изложивъ подробно сборы къ походу Генриха II съ приложеніемъ многочисленныхъ документовъ, актовъ, писемъ, до-

говоровъ его съ Филиппомъ II, а также различныхъ астрологическихъ предсказаній и легендъ, авторъ объясняетъ, какимъ образомъ междоусобія Франціи съ Англіей не дозволяли соперникамъ отправиться въ походъ до самой смерти Генриха; потомъ авторъ останавливается долго на первомъ времени правленія Ричарда I, описываетъ новые его переговоры съ Филиппомъ II и наконецъ походъ чрезъ Марсель до о. Сициліи, гдѣ должны были встрѣтиться оба короля. По этому случаю авторъ даетъ предварительно описаніе самаго острова.

По срединѣ пути между Марселью и Сициліей, надобно знать, лежатъ два большіе острова: тотъ, который больше, называется Сардиніей (Sardena), а другой—Корсикой (Corzege). Около самой Сициліи множество острововъ; нѣкоторые изъ нихъ, также какъ и около Сардиніи, вулканическіе (ardentes). Подлѣ Корсики водятся рыбы, которыя, выскочивъ изъ моря, летаютъ по воздуху; пролетѣвъ около одной мили, онѣ снова падаютъ въ море; за этими рыбами гоняется множество чаекъ (falcones), которыя преслѣдуютъ ихъ и ловятъ для пищи. Мнѣ ручался въ справедливости этого тотъ, кто самъ видѣлъ; а его показанія правдивы: онъ сидѣлъ за столомъ на палубѣ, и одна изъ такихъ летучихъ рыбъ упала передъ нимъ на столъ. Замѣчу, что самый большой изъ острововъ, окружающихъ Сицилію, называется Мунтгибель; онъ до такой степени пылалъ огнемъ, что около него высыхало море на большомъ пространствѣ и сожигало рыбу; но теперь уже давно погасъ этотъ островъ заслугами и молитвами блаженной Агаѳіи, дѣвственницы и мученицы. Однажды, когда огонь вылеталъ изъ жерла горы Гибель болѣе обыкновеннаго и началъ приближаться къ городу Катанамъ, гдѣ почивали святыя мощи блаженной Агаѳіи, множество язычниковъ прибыли къ ея гробницѣ, выставили ея покрывало противъ пожара, и огонь возвратился въ море, высушилъ воду на разстояніи одной мили и сжегъ рыбу; немногія изъ нихъ спаслись полусожженными, и отъ нихъ ведетъ свое начало та порода, которая и до сихъ поръ остается полусожженною и называется рыбою св. Агаѳіи. Если случится какому-нибудь рыбаку поймать такую рыбу, то онъ ее немедленно пускаетъ на свободу изъ уваженія къ блаженной Агаѳіи и во славу Господа нашего Іисуса Христа, всечуднаго и преславнаго во святыхъ своихъ.

Между тѣмъ Робертъ изъ Саблайля, Ричардъ изъ Камуиллы и Вильгельмъ, владѣтель замка Улера [1]), проплывъ на кораблѣ Ричарда, короля Англіи, между Африкой и Испаніей, и испытавъ на пути частыя бури, прибыли въ Марсель, въ среду, въ восьмой день послѣ Успенія Богородицы (22 авг.), и вмѣстѣ съ ними весь врученный имъ флотъ. Не найдя государя короля, они оставались тамъ восемь дней, занимаясь необходимымъ исправленіемъ судовъ. Послѣ того они отправились за королемъ, и въ день Воздвиженія Креста (14 сент.) прибыли въ Мессину на о. Сициліи, въ пятницу; а въ слѣдующее

[1]) Это были вассалы Ричарда, которые вели флотъ прямо изъ Англіи въ Марсель, куда король пошелъ сухимъ путемъ чрезъ Францію.

воскресенье пріѣхалъ туда же и Филиппъ (II Августъ), король Франціи, 16 сентября; Маргаретъ эмиръ (admiralis), Іорданъ Пинскій (del Pin) и другіе начальники города приняли его съ почестями и отдали ему для помѣщенія дворецъ Танкреда, короля Сициліи [1]).

Когда король Ричардъ услышалъ, что его флотъ прибылъ въ Мессину (изъ этого видно, что Ричардъ одинъ присталъ сначала къ южной Италіи), онъ удалился изъ Салерно 13 сентября и, миновавъ архіепископскіе города Амальфа и Концу, прибылъ 18 сентября къ городу и крѣпости, называемой Эскала. Вблизи этой крѣпости находится небольшой островъ, на которомъ, говорятъ, помѣщалась школа Лукана, и до сихъ поръ виденъ тамъ подъ землею прекрасный покой, гдѣ Луканъ имѣлъ обыкновеніе заниматься. Слѣдующую ночь король провелъ въ виллѣ, называемой Лацерартъ, что въ пріорствѣ Монте-Кассино. Сентября 19 король, миновавъ пріорство св. Михаила Іосафатскаго, прибылъ къ другому пріорству того же ордена, называемому пріорствомъ св. Маріи, гдѣ помѣщается замокъ св. Лукеи. Сентября 20 король, миновавъ за̀мокъ Ламанту, подошелъ къ виллѣ св. Евфиміи. Сентября 21 король прибылъ въ Мелиду, гдѣ его съ почетомъ принимали и угощали въ аббатствѣ св. Троицы. Близь этого аббатства стоитъ деревянная башня, которую завоевалъ Робертъ Гвискаръ и овладѣлъ послѣ того замкомъ и городомъ Мелидою. Сентября 22 король Англіи, выйдя изъ Мелиды въ сопровожденіи одного только рыцаря, проходилъ мимо какой-то небольшой виллы, и по дорогѣ обратился къ одному дому, въ которомъ замѣтилъ ястреба; войдя въ домъ, онъ взялъ себѣ эту птицу; видя, что король не намѣренъ возвращать ее, крестьяне сбѣжались во множествѣ и напали на него съ камнями и дубинами въ рукахъ. Когда же одинъ изъ нихъ обнажилъ свой ножъ противъ короля, Ричардъ ударилъ его мечемъ плашмя, но мечъ сломался; тогда онъ, отбившись отъ другихъ камнями и едва успѣвъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, прибылъ въ пріорство Лабайнарію и, не останавливаясь тамъ, переправился чрезъ большую рѣку Фаръ-Мессинскій (le Far Meschines, т. е. Мессинскій проливъ, который авторъ называетъ рѣкою). Близь каменной башни, поставленной въ Сициліи у самаго входа въ Фаръ, король провелъ ночь въ палаткѣ. Рѣка же Фаръ отдѣляетъ Калабрію отъ Сициліи. При входѣ въ Фаръ, близь Лабайнаріи, есть опасное мѣсто для моряковъ, называемое Сциллой, а при выходѣ другое—Харибда. Сентября 23 Ричардъ, король Англіи, прибылъ въ Мессину, что на о. Сициліи, съ многочисленными судами, кораблями и галерами, въ такой славѣ и при такомъ звукѣ трубъ и литавровъ (buccinum), что жителями овладѣлъ страхъ. Король

---

[1]) Незадолго до появленія крестоносцевъ, умеръ король Сициліи Вильгельмъ II, послѣдній потомокъ Гвискара, женатый на сестрѣ Ричарда I, Іоаннѣ; его единственная дочь Констанція была замужемъ за имп. Гейнрихомъ VI, сыномъ Фридриха Барбаруссы, которому она и передала свои права на Сицилію и Неаполь; но побочный сынъ Вильгельма II, Танкредъ, провозгласилъ себя королемъ и возбудилъ междоусобную войну. Танкредъ сначала боялся крестоносцевъ, ибо Ричардъ долженъ былъ мстить за свою сестру Іоанну, которую онъ держалъ въ плѣну, а Филиппъ былъ союзникъ германскаго императора, мужа ея дочери.

же Франціи съ своими людьми, со всѣми знатными города Мессины, съ духовенствомъ и народомъ стояли на берегу и изумлялись тому, что видѣли и слышали о королѣ Англіи и о его могуществѣ. Когда онъ присталъ, то тотчасъ же вступилъ въ бесѣду съ королемъ Франціи, и послѣ этого разговора король Франціи въ тотъ же день сѣлъ на свои корабли съ намѣреніемъ отплыть въ Іерусалимскую землю; но едва онъ вышелъ изъ гавани, какъ поднялся противный вѣтеръ, и онъ съ досадою и противъ воли долженъ былъ вернуться въ Мессину. Король же Англіи помѣстился въ домѣ Регинальда изъ Мугека, гдѣ ему приготовили жилище, за городомъ, въ виноградникахъ. Сентября 24 и 25 король Англіи навѣщалъ короля Франціи въ его помѣщеніи и разговаривалъ съ нимъ о различныхъ предметахъ. Между тѣмъ Ричардъ, король Англіи, отправилъ пословъ къ Танкреду, королю Сициліи, и успѣлъ освободить изъ-подъ стражи свою сестру Іоанну, бывшую королеву Сициліи (см. выше выноску 1 на стр. 499). Сентября 28 король Англіи вышелъ на встрѣчу своей сестрѣ Іоаннѣ, которая въ тотъ же день прибыла изъ Палермо въ Мессину на галерахъ, отправленныхъ Танкредомъ, королемъ Сициліи. Сентября 29, то-есть въ день св. Михаила, король Франціи навѣстилъ сестру короля Англіи въ ея домѣ, увидѣлся съ ней и былъ тому весьма радъ. Сентября 30 король Англіи переправился чрезъ Фаръ и, овладѣвъ укрѣпленнымъ мѣстомъ Баніаръ, перваго октября ввелъ туда свою сестру Іоанну; оставивъ ее въ Баніарѣ, онъ, въ сопровожденіи рыцарей и другой многочисленной прислуги, возвратился въ Мессину. Октября 2 король Англіи овладѣлъ монастыремъ Гриффономъ, мѣстомъ, укрѣпленнымъ посреди рѣки Фара между Мессиною и Калабріею, и сложилъ тамъ свои съѣстные припасы, прибывшіе къ нему изъ Англіи и другихъ его странъ; выгнавъ оттуда монаховъ и ихъ прислугу, онъ снабдилъ монастырь рыцарями и другою стражею. Когда же жители Мессины увидѣли, что онъ помѣстилъ войско и свою сестру въ замкѣ Боаръ и занялъ при этомъ монастырь Гриффонъ, они начали его подозрѣвать въ намѣреніи овладѣть всѣмъ островомъ, и взволновались. Вслѣдствіе того 3-го октября произошелъ раздоръ между войскомъ короля Англіи и жителями Мессины; негодованіе съ обѣихъ сторонъ возросло до того, что жители заперли городскія ворота и сошли со стѣнъ въ полномъ вооруженіи. Войско королевское, замѣтивъ то, бросилось съ жаромъ къ городскимъ воротамъ, а государь король на быстромъ скакунѣ разъѣзжалъ по войску и, желая воздержать его отъ неистовствъ, билъ палкой всякаго, кто попадался подъ руку, но ничего не могъ сдѣлать и наконецъ вернулся домой; вооружившись, онъ выѣхалъ снова, чтобы прекратить зло, если то будетъ возможно. Потомъ, сѣвъ въ лодку, онъ отправился во дворецъ короля Танкреда для совѣщанія съ королемъ Франціи о всемъ случившемся. Между тѣмъ вмѣшательствомъ городскихъ властей ссора прекратилась: обѣ стороны, положивъ оружіе, разошлись по домамъ. Октября 4 къ королю Англіи пришли: Ричардъ, архіепископъ Мессинскій, Вильгельмъ, архіепископъ съ Королевской-Горы, Маргаретъ эміръ, Іорданъ Пинскій и многіе другіе сторонники короля Сициліи, приведя съ собою Филиппа короля Франціи, Регинальда Шартрскаго, Манас-

сера Лангрскаго, епископовъ, Гуго герцога Бургундіи и многихъ другихъ надежныхъ людей, для заключенія мира съ королемъ Англіи. Во время ихъ переговоровъ, когда все было готово для заключенія мира, граждане Мессины въ огромномъ числѣ удалились на горы и замышляли оттуда напасть измѣннически на короля Англіи; нѣкоторые изъ нихъ нанесли даже оскорбленіе Гуго Черному въ его помѣщеніи, и страшный ихъ крикъ дошелъ до слуха короля Англіи. Прервавъ совѣщаніе съ королемъ Франціи и другими вышеупомянутыми лицами, онъ приказалъ немедленно взяться за оружіе; а самъ съ немногими поднялся на крутую гору, которую считали неприступною. Когда онъ достигъ съ великимъ трудомъ вершины горы, всѣ находившіеся на ней бросились бѣжать въ городъ, а король преслѣдовалъ ихъ съ мечемъ въ рукахъ. Рыцари и королевскіе воины схватились жестоко съ гражданами у воротъ и подъ стѣнами и, выдержавъ удары камней, которыми ихъ осыпали, то врывались въ ворота, то отступали; при этомъ изъ вассаловъ короля Англіи было убито 5 рыцарей и 20 простыхъ воиновъ, на глазахъ короля Франціи, который не оказалъ имъ никакой помощи [1]), хотя они были товарищами по странствію. Король Франціи и его люди вошли даже въ городъ и съ полною безопасностью ходили посреди гражданъ. Между тѣмъ войско англійскаго короля, послѣ тяжелыхъ усилій, взяло такой перевѣсъ, что сбило городскія ворота, овладѣло стѣнами и, вступивъ въ городъ, разставило вдоль укрѣпленій по стѣнамъ знамена короля Англіи. Король Франціи въ высшей степени оскорбился тѣмъ и потребовалъ снять англійскія знамена и водрузить его собственныя. Король Англіи не соглашался сначала, но послѣ, во исполненіе воли французскаго короля, приказалъ убрать свои знамена и передалъ городъ на охраненіе Госпиталитовъ и Тампліеровъ, пока не будетъ исполнено все, чего онъ требовалъ отъ Танкреда короля Сициліи.

Восьмого октября король Франціи и король Англіи, въ присутствіи графовъ, бароновъ, духовенства и народа, клялись надъ мощами святыхъ, что они и ихъ войско во время странствованія туда и обратно будутъ вѣрно охранять другъ друга; графы и бароны присягнули также, что они будутъ твердо и непоколебимо служить. Потомъ короли, сообразно съ волею и желаніемъ всего войска пилигримовъ (peregrinorum), постановили, чтобы всѣ пилигримы, которые могутъ умереть на дорогѣ во время своего странствованія, могутъ распорядиться вполнѣ всѣмъ, что относится до оружія, лошадей и одежды, которыми пользуются, также и половиною всего состоянія, взятаго для путевыхъ издержекъ, но съ тѣмъ, чтобы ничего не отсылать на родину; подобно тому и клерики при капеллахъ могутъ устраивать, какъ угодно, вещи, касающіяся капеллы, и всѣ свои книги. Другая же половина должна быть передана въ руки Вальтера, архіепископа Руанскаго, Манассера Лангрскаго, магистровъ воинства Тампля и Госпиталя, Гуго, герцога Бургундіи, Радульфа Куси, Дрогона Мефо, Ро-

---

[1]) Авторъ оставляетъ необъясненнымъ такое поведеніе Филиппа II: Танкредъ успѣлъ склонить на свою сторону Ричарда тѣмъ легче, что король Франціи началъ еще прежде замѣчать въ Ричардѣ намѣреніе отказаться отъ руки его сестры Алисы.

берта Саблейля, Андрея Шавоннь и Гильберта Васкуиля; эту часть они будутъ употреблять на пользу Іерусалимской страны, когда сочтутъ то необходимымъ. Все это короли подтвердили сами лично и обязались соблюдать то на всемъ пути, какъ по сю, такъ и по ту сторону моря, въ отношеніи всѣхъ пилигримовъ обоего королевства, какъ тѣхъ, которые придутъ, такъ и тѣхъ, которые уже пришли. Архіепископы и епископы обѣщали также соблюдать то во всей истинѣ. Магистры Тампля и Госпиталя согласились за свой орденъ; графы и бароны клялись лично. Сверхъ того было запрещено играть въ какую бы то ни было игру, исключая рыцарей и духовенства, но съ тѣмъ, чтобы они въ теченіе одного дня или ночи не проигрывали болѣе 20 солидовъ. Если же рыцари или бароны превысили въ проигрышѣ 20 солидовъ въ теченіе одного дня или ночи, то они должны внести 100 солидовъ вышеупомянутымъ архіепископамъ, епископамъ, графамъ и баронамъ, которымъ ввѣрено храненіе вышеупомянутыхъ денегъ для увеличенія той казны. Но короли могутъ играть на сколько имъ угодно (pro beneplacito suo). Въ домѣ королей простые воины могутъ играть съ ихъ дозволенія до 20 солидовъ. И у архіепископовъ, епископовъ, графовъ и бароновъ ихъ простые воины, получивъ отъ нихъ дозволеніе, могутъ играть не свыше 20 солидовъ. Если же простые воины, матросы и другіе служители будутъ пойманы за игрою безъ позволенія, то первые водятся нагими три дня по лагерю и бичуются, если не захотятъ откупиться отъ такого вышеупомянутою пенею; то же и въ отношеніи служителей. Моряки же, по ихъ обычаю наказывать, опускаются рано утромъ въ море ежедневно въ теченіе трехъ дней, если не захотятъ откупиться отъ такого испытанія вышеупомянутою пенею. Если какой-нибудь пилигримъ во время странствованія у другого на пути сдѣлаетъ ссуду, то обязуется возвратить. Но относительно того, что было имъ занято до начала странствованія, не отвѣчаетъ во время похода. Если какой-нибудь матросъ или простой воинъ, или другой кто-либо, исключая духовныхъ и рыцарей, тайно убѣжитъ отъ своего господина, то никто не долженъ его принимать безъ согласія на то прежняго господина. Если же кто приметъ такого безъ согласія на то прежняго господина, то будетъ наказанъ по опредѣленію вышеупомянутыхъ лицъ. И если кто покусится безразсудно нарушить эти постановленія столь торжественно утвержденныя, то да будетъ такому вѣдомо, что его отлучатъ архіепископы и епископы всего воинства; и нарушители сообразно ихъ состоянію будутъ подвергнуты наказанію по опредѣленію вышеупомянутыхъ лицъ. Сверхъ того короли постановили, что никакой купецъ, чѣмъ бы онъ ни торговалъ, не можетъ скупать въ лагерѣ ни хлѣбъ, ни муку, для перепродажи, если не будетъ то доставлено ему посторонним. Изъ этой муки слѣдуетъ напечь хлѣбовъ; зерномъ же не везти, если не сдѣланъ хлѣбъ или если зерно не взято для перевоза. Вообще запрещено покупать тѣсто; также запрещено все покупать въ городѣ или на 1500 шаговъ отъ города. Если же кто купитъ зерномъ и испечетъ хлѣбъ, то можетъ пріобрѣтать барыша на одну долю унціи. Другіе же купцы, чѣмъ бы ни торговали, могутъ наживать на десять денаріевъ одинъ денарій. Запрещено скупать битую и живую скотину для перепродажи; должно

бить въ лагерѣ. Никто не можетъ увеличивать цѣны на вино, послѣ перваго ея объявленія. Никто не можетъ печь хлѣба больше, чѣмъ на одинъ денарій. Относительно англійской монеты опредѣлено, чтобы при всякой продажѣ одинъ денарій принимался за 4 денарія анжуйской монеты. Да будетъ вѣдомо, что все вышесказанное было постановлено по опредѣленію и волею королей Франціи, Англіи и Сициліи.

На третій день послѣ взятія Мессины, городскія власти и правители страны вручили королю Англіи заложниковъ, въ ручательство сохраненія мира, и обѣщали сдать ему городъ, если Танкредъ, король Сициліи и ихъ господинъ, не выполнитъ въ скорости всѣхъ сдѣланныхъ ему требованій. Ричардъ же требовалъ отъ Танкреда уступки горы св. Ангела со всѣмъ графствомъ и другими принадлежностями въ пользу сестры своей Іоанны, такъ-какъ Вильгельмъ (II), бывшій король Сициліи, и ея мужъ, далъ ей то во вдовье владѣніе (indodarium); также золотой престолъ, который въ обычаѣ у королей той страны; а для себя просилъ золотую столовую доску длиною 12 футъ и шириною $1\frac{1}{2}$ фута, и большую шелковую палатку, въ которой могутъ помѣщаться 12 рыцарей; также два золотыхъ треножника для поддержки той доски, 24 золотыхъ кубка и столько же серебряныхъ тарелокъ; 60000 мѣръ хлѣба, столько же жита и вина и сто вооруженныхъ галеръ со всѣми принадлежностями и съ съѣстными припасами на два года. Все это требовалъ король Англіи для самого себя, какъ наслѣдникъ короля Генриха (II, Плантагенета); Вильгельмъ, король Сициліи, умирая, завѣщалъ ему всѣ вышеупомянутые предметы. На это Танкредъ, король Сициліи, отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Я далъ Іоаннѣ, вашей сестрѣ, предъ ея отъѣздомъ землю въ вознагражденіе за вдовій удѣлъ, а относительно вашихъ требованій исполню все, что̀ слѣдуетъ по обычаю этой страны". Вслѣдствіе того, по совѣту съ лучшими людьми, король Сициліи представилъ королю Англіи 20.000 унцій золота на требованіе вдовы, его сестры; другія же 20 т. унцій на остальныя требованія, которыя предъявлялъ Ричардъ на основаніи завѣщанія покойнаго Вильгельма, короля Сициліи, и въ приданое за дочерью Танкреда, которая выйдетъ за Артура, герцога Бретани, племянника Ричарда.

Затѣмъ авторъ приводитъ, по своему обычаю, нѣсколько подлинныхъ документовъ: два мирныхъ договора между Ричардомъ и Танкредомъ, и письмо Ричарда къ папѣ Клименту съ извѣщеніемъ о заключенномъ мирѣ.

Но прежде нежели былъ заключенъ и утвержденъ миръ между королями Англіи и Сициліи, Маргаретъ эмиръ и Іорданъ Пинскій, друзья короля Танкреда, которымъ онъ ввѣрилъ охраненіе Мессины, скрылись ночью, увезя съ собою семейства и все имущество въ золотѣ и серебрѣ; но дома, галеры и другія ихъ владѣнія конфисковалъ король Англіи. Послѣ того король Англіи велѣлъ прорыть широкій и глубокій каналъ по срединѣ того острова, который находился на рѣкѣ Фарѣ (въ Мессинскомъ проливѣ) и на которомъ лежалъ монастырь Гриффонъ, гдѣ охранялись деньги и съѣстные припасы короля. Каналъ проходилъ въ длину всего острова отъ одного берега до другого;

а конецъ его упирался въ Харибду (слѣдуетъ за тѣмъ повторенie о Сциллѣ и Харибдѣ того, что уже выше объяснилъ авторъ). Пока медлили заключенiемъ мира, король Англiи укрѣпилъ себѣ мѣсто на вершинѣ горы за стѣнами города Мессины, и этотъ замокъ назвали Матегриффонъ. Обитатели же Гриффона до прихода Ричарда были сильнѣе всѣхъ прочихъ жителей страны и ненавидѣли тѣхъ, которые приходили изъ-за горъ; такъ-что ни во что ставили убивать ихъ, и некому было имъ помочь. Но когда прибылъ король Англiи, злоба ихъ укротилась, сила убавилась, и они сдѣлались самыми презрѣнными людьми въ странѣ. Разсчитывая, что они могутъ оскорблять Ричарда, какъ въ прежнее время грабили другихъ, они попали въ яму, которую вырыли сами, и разбѣжались по странѣ. Англiйскiй же народъ (Gens autem anglicana) пользовался большимъ уваженiемъ въ королевствѣ Сицилiи (по этому случаю авторъ приводитъ разсказъ объ одномъ старинномъ пророчествѣ, предсказывавшемъ о томъ, что англичане со временемъ овладѣютъ королевствомъ Сицилiею).

Потомъ король Англiи изъ любви къ Богу и для спасенiя души своей и своихъ родственниковъ объявилъ вѣчный миръ (in perpetuum *vrec*) по всей своей землѣ, по сю и по ту сторону моря, постановивъ, что всякiй спасшiйся отъ кораблекрушенiя сохраняетъ въ цѣлости свое имущество; если же кто умретъ на кораблѣ, то сыновья, дочери, братья и сестры получаютъ наслѣдство, доказавъ, что они ближайшiе наслѣдники; но если умершiй не имѣетъ ни сыновей, ни дочерей, ни братьевъ, ни сестеръ, то король получаетъ все движимое имущество (catallum, отъ capitale—капиталъ). Это постановленiе о *врекъ* (мирѣ) и утвержденiе грамоты сдѣлалъ Ричардъ король Англiи во второй годъ своего правленiя, въ мѣсяцѣ октябрѣ, въ Мессинѣ (слѣдуетъ списокъ лицъ, скрѣпившихъ грамоту). Въ томъ же году болѣе 100,000 язычниковъ (т.-е. мусульманъ), служившихъ въ королевствѣ Сицилiи королю Вильгельму, послѣ его смерти, отказались служить королю Танкреду, какъ потому что Гейнрихъ (VI), король Германiи, домогался Сицилiи, такъ и потому что Ричардъ, король Англiи, напавъ на островъ, овладѣлъ большею его частью. Они удалились въ горы съ женами, дѣтьми и скотомъ, и тѣснили христiанъ, причиняя имъ великiй вредъ. Но, услышавъ о мирѣ и согласiи между королемъ Англiи и королемъ Танкредомъ, они возвратились на службу послѣдняго и, давъ ему заложниковъ, разошлись по домамъ. Обработывая землю, какъ они то дѣлали при королѣ Вильгельмѣ, язычники оставались на службѣ Танкреда.

Слѣдуетъ большое отступленiе: авторъ, отложивъ въ сторону сицилiйскiя дѣла, обращается къ разсказу объ осадѣ Птолемаиды христiанами, поджидавшими Ричарда и Филиппа II, и, отмѣтивъ нѣсколько другихъ отрывочныхъ событiй, какъ, напримѣръ, смерть папы Климента, неудовольствiе въ Англiи противъ папскаго лагеря, тѣснившаго народъ и т. п., переходитъ снова къ Ричарду въ Сицилiю.

Въ томъ же году (т.-е. въ концѣ 1190 г.) Ричардъ, король Англiи, по вдохновенiю свыше, припомнивъ всю грѣховность своей жизни, съ

уничиженіемъ сердца созвалъ въ капеллу Регинальда всѣхъ архіепископовъ и епископовъ, находившихся съ нимъ подъ Мессиною, и, выйдя къ нимъ нагишомъ, не устыдился у ногъ ихъ исповѣдать Богу въ ихъ присутствіи всю грѣховность своей жизни. Отецъ милосердый Господь, не желающій смерти грѣшника, но да исправится и живетъ, воззрѣлъ на него окомъ состраданія, далъ ему кающееся сердце и призвалъ къ покаянію; Ричардъ же воспріялъ наказаніе отъ рукъ епископовъ, и съ того часа сдѣлался богобоязненнымъ, избѣгалъ зла и творилъ добро. О, счастливъ тотъ, кто падаетъ съ тѣмъ, чтобы подняться выше! О, счастливъ тотъ, кто послѣ раскаянія не впалъ въ грѣхъ!

Слѣдуетъ новое и большое отступленіе по поводу бесѣды Ричарда съ старцемъ Іоакимомъ изъ Калабріи о томъ мѣстѣ Апокалипсиса, гдѣ говорится о семи царяхъ, изъ которыхъ пятеро пало, а двое остались, именно Саладинъ и Антихристъ; послѣ того авторъ приводитъ свои собственныя соображенія объ Антихристѣ, сообщаетъ длинный списокъ князей, стоявшихъ подъ Птолемаидою, и затѣмъ внезапно возвращается къ Ричарду въ Мессину, начиная хронику 1191 года.

Въ февралѣ мѣсяцѣ (1191 г.), въ день Срѣтенія господня, въ субботу, послѣ стола, Ричардъ король Англіи и многіе изъ его дома вмѣстѣ съ приближенными короля Франціи сошлись, по обычаю, за стѣнами города Мессины, чтобы заняться народными (popularibus, по друг. списк. pluribus) играми. На обратной дорогѣ, идя по городу, они встрѣтили какого-то крестьянина, ведшаго изъ деревни осла, навьюченнаго камышомъ, который называется также тростью (canna). Король Англіи и другіе бывшіе съ нимъ взяли каждый себѣ по трости и начали другъ на друга нападать. Случилось, что король Англіи и Вильгельмъ изъ Бара, лучшій изъ рыцарей короля Франціи, напали другъ на друга и сшиблись тростями, при чемъ ударомъ Вильгельма было разорвано верхнее одѣяніе (cappa) Ричарда. Разсерженный король напалъ на него, такъ-что и онъ, и лошадь его заметались; пока король старался сбросить его на землю, у него самого перевернулось сѣдло, и онъ спрыгнулъ съ лошади. Ему подвели другого, болѣе сильнаго коня, и онъ снова старался напасть и сбросить Вильгельма, но не могъ. Вильгельмъ припалъ на шею лошади, и король разразился въ угрозахъ. Тогда Робертъ Бретейль, сынъ Роберта графа Лейстерскаго, котораго наканунѣ король подпоясалъ графскимъ мечемъ отца, наложилъ руку на Вильгельма, чтобы помочь своему сузерену; король ему закричалъ: „Пособи мнѣ и бей его!“ Долго еще Вильгельмъ и король состязались дѣломъ и словомъ. Наконецъ, король сказалъ ему: „Убирайся отсюда и берегись, чтобы не попасться мнѣ: я буду вѣчнымъ врагомъ и тебя, и всѣхъ твоихъ“. Сказавъ это, онъ удалился. Вильгельмъ же, скорбя и сожалѣя о негодованіи короля, обратился къ Филиппу, своему государю, прося у него помощи и совѣта относительно случившагося на улицѣ. На слѣдующій день король Франціи пришелъ, отъ имени Вильгельма, къ королю Англіи и униженно просилъ мира и прощенія, но король не хотѣлъ его слушать. Послѣ

него пришли къ королю Англіи архіепископъ Канторберійскій, герцогъ Бургундіи, графъ Неверскій и многіе другіе изъ князей Франціи и, павъ къ его ногамъ, униженно молили о прощеніи Вильгельма, но король не хотѣлъ слушать ихъ. На третій день Вильгельмъ удалился изъ Мессины; его государь, король Франціи, не хотѣлъ держать его у себя долѣе противъ воли короля Англіи. Гораздо позже, когда наступило время отъѣзда, къ Ричарду явились король Франціи и всѣ архіепископы, епископы, графы, бароны и вожди арміи; припавъ къ его ногамъ, они просили простить Вильгельма, указывая на важность потери столь отличнаго рыцаря. Съ большимъ трудомъ, но они успѣли склонить Ричарда дать разрѣшеніе Вильгельму возвратиться въ мирѣ и обѣщаніе не дѣлать зла ни ему, ни его людямъ, пока они находятся на службѣ господней.

Послѣ того король Англіи далъ много кораблей королю Франціи и его людямъ, и столь щедро надѣлилъ всѣхъ рыцарей и простыхъ воиновъ цѣлой арміи, что многіе говорили: еще никто изъ его предшественниковъ не роздалъ столько въ одинъ годъ, сколько онъ въ одинъ мѣсяцъ. И должно полагать, что такою раздачею онъ заслужилъ благоволеніе Громодержца, ибо сказано: „Щедраго дателя любитъ Богъ“.

Въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ король Англіи отправилъ галеры въ Неаполь на встрѣчу матери своей, королевѣ Элеонорѣ [1]), Беренгерѣ, дочери Санхо, короля Наварры, на которой онъ былъ намѣренъ жениться, и Филиппу, графу Фландріи, ѣхавшему вмѣстѣ съ ними. Но мать Ричарда и дочь Наваррскаго короля отправились въ Брундузій, гдѣ ихъ встрѣтилъ съ почетомъ Маргаретъ эмиръ и другіе вассалы короля Танкреда. Графъ же Фландріи прибылъ въ Неаполь и, найдя тамъ галеры Ричарда, отправился въ Мессину и отдалъ себя въ распоряженіе короля Англіи. Но король Франціи, оскорбленный тѣмъ, устроилъ такъ, что графъ, оставя Ричарда, перешелъ къ нему.

Слѣдуетъ небольшое отступленіе по поводу жалобъ изъ Англіи на самовластіе правителя, оставленнаго Ричардомъ на время своего отсутствія.

Перваго марта (1191 г.) Ричардъ уѣхалъ изъ Мессины и отправился въ Катаны — тамъ покоится святѣйшее тѣло блаженной дѣвы Агаѳіи и мученицы — для переговоровъ съ королемъ Танкредомъ, который прибылъ туда ему на встрѣчу. Когда же король Танкредъ услышалъ о прибытіи короля Англіи, онъ встрѣтилъ его и, принявъ съ должною королю почестью, ввелъ въ городъ. При посѣщеніи ими пещеры блаженной мученицы Агаѳіи, народъ и духовенство, хваля и благословляя Господа, соединившаго королей союзомъ, ожидали ихъ у входа во храмъ. Помолившись на гробѣ блаженной Агаѳіи, король Англіи вмѣстѣ съ Танкредомъ отправился во дворецъ и провелъ тамъ три дня и три ночи. На четвертый день король Сициліи отправилъ

[1]) Alienor, Элеонора Пуату, была замужемъ сначала за Лудовикомъ VII, французскимъ королемъ, а послѣ за Генрихомъ II, отцомъ Ричарда; разстроивъ бракъ сына съ Алисою, сестрою Филиппа II, она привезла теперь ему другую невѣсту, Беренгеру.

Ричарду большіе дары золотомъ, серебромъ, конями и шелковыми тканями; но король Англіи ничего не принялъ отъ него, кромѣ небольшого перстня, удержаннаго имъ въ знакъ дружбы. Король же Англіи подарилъ Танкреду знаменитый мечъ, который бритты называютъ *Caliburne*; это былъ мечъ Артура, извѣстнаго короля Англіи. Сверхъ всего, Танкредъ далъ Ричарду четыре большихъ корабля, называемыхъ *ursers*, и 15 галеръ. Когда же король Англіи уходилъ, Танкредъ лично провожалъ его до Таверня, который отстоитъ на два большихъ перехода отъ Катанъ. На слѣдующій день, когда Ричардъ хотѣлъ отправиться дальше, Танкредъ передалъ ему записку (breve), доставленную ему отъ короля Франціи герцогомъ Бургундскимъ; въ этой запискѣ было сказано, что король Англіи — измѣнникъ, и не соблюдаетъ заключеннаго мира; если Танкредъ желаетъ вступить въ войну съ королемъ Англіи или напасть на него ночью, то люди Филиппа помогутъ ему истребить Ричарда и его войско. На это король Англіи отвѣчалъ: „Я не измѣнникъ, не былъ имъ и не буду; мира, который я заключилъ съ вами, не нарушилъ и не нарушу, пока живъ; притомъ не могу легко повѣрить, чтобы король Франціи могъ такимъ образомъ писать обо мнѣ, ибо онъ мой сузеренъ (dominus meus) и клялся быть союзникомъ во время этого странствованія". Ему отвѣчалъ Танкредъ: „Вручаю вамъ подлинныя письма, которыя онъ мнѣ прислалъ чрезъ герцога Бургундіи, и если герцогъ Бургундіи откажется отъ того, что онъ доставилъ мнѣ ихъ отъ своего господина, короля Франціи, то я готовъ доказать ему то чрезъ одного изъ моихъ герцоговъ". Получивъ изъ рукъ короля Танкреда эти письма, Ричардъ возвратился въ Мессину. — Въ этотъ же день и король Франціи прибылъ въ Тавернь, говорилъ съ Танкредомъ и, проведя тамъ ночь, на слѣдующій день вернулся въ Мессину. Король же Англіи, раздраженный противъ него, сумрачно смотрѣлъ на него, что́ не обѣщало мирнаго расположенія, и старался отыскать предлогъ, чтобы отдѣлиться отъ короля Франціи. На его вопросъ, что́ все это значитъ, Ричардъ передалъ ему чрезъ Филиппа, графа Фландріи, все, что́ онъ слышалъ отъ Танкреда, и въ доказательство показалъ ему тѣ письма. Король Франціи, видя то и чувствуя себя несправедливымъ, замолчалъ, ибо не могъ возражать. Но, вернувшись къ себѣ, онъ объявилъ: „Теперь я вполнѣ убѣжденъ, что король Англіи ищетъ предлога дѣлать мнѣ зло, и все это выдумка и ложь; я думаю, что онъ рѣшился на такую выдумку, чтобы отказаться отъ моей сестры Алисы (Alesia), съ которою онъ клятвенно обручился; но пусть онъ знаетъ, что если это случится и онъ женится на другой, то я буду врагомъ его и всѣхъ его людей до конца жизни". Услышавъ то, король Англіи отвѣчалъ, что онъ никогда не женится на его сестрѣ, ибо его отецъ (Генрихъ II) зналъ ее и имѣлъ отъ нея сына, чему онъ приводилъ многихъ свидѣтелей, готовыхъ подтвердить то всяческимъ образомъ. Когда и король Франціи удостовѣрился въ томъ, вслѣдствіе многихъ показаній, то онъ, по совѣту графа Фландріи и другихъ своихъ вассаловъ, согласился покончить дѣло миролюбиво, чтобы предать забвенію все происшедшее между нимъ и королемъ Англіи. Ричардъ освобождался отъ всѣхъ клятвъ, обязательствъ и договоровъ, заключенныхъ по поводу

обрученія съ Алисою, и за то обѣщалъ королю Франціи уплачивать въ теченіе 5 лѣтъ ежегодно по 2 тысячи марокъ стерлингами (strilingorum), и тутъ же на мѣстѣ заплатилъ первыя двѣ тысячи. По возвращеніи домой, король Англіи отпустилъ на свободу Алису и выдалъ Жизоръ и прочее, уступленное въ качествѣ приданаго. На этихъ условіяхъ король Франціи далъ согласіе Ричарду жениться на комъ угодно; сверхъ того, Филиппъ предоставилъ и подтвердилъ хартіей, чтобы герцогство Бретань на вѣчныя времена считалось вассальнымъ владѣніемъ герцога Нормандіи, и чтобы герцогъ Бретани былъ вассаломъ (homo) герцога Нормандіи и относился къ нему какъ ligius (зависимый) къ своему сузерену, а герцогъ Нормандіи даетъ присягу Франціи и за Бретань, и за Нормандію.

Такимъ образомъ, въ тотъ день оба короля сдѣлались друзьями и утвердили всѣ свои договоры клятвою и приложеніемъ печатей. Того же мѣсяца марта 30 числа, въ субботу [1]), Филиппъ, король Франціи, отплылъ изъ Мессинской гавани со всѣмъ своимъ флотомъ, и 22 апрѣля, въ субботу на святой недѣлѣ, прибылъ съ войскомъ къ осажденной Птолемаидѣ (Accon). Король же Англіи и его войско остались, по отбытіи Филиппа, въ Мессинѣ. Въ тотъ же день, когда король Франціи удалился изъ Мессины, прибыла туда королева Элеонора, мать Ричарда, и привезла съ собою Беренгеру, дочь Санхо, короля Наварры, на которой король Англіи имѣлъ намѣреніе жениться. Апрѣля 4, Элеонора возвратилась въ Англію чрезъ Римъ по дѣлу Готфрида, избраннаго въ архіепископы Іорка. Король просилъ чрезъ нее первосвятителя и униженно умолялъ, чтобы онъ утвердилъ избраніе Готфрида и посвятилъ его самъ или чрезъ другого. По удаленіи Элеоноры, дочь короля Наваррскаго осталась на рукахъ Ричарда вмѣстѣ съ его сестрою Іоанною, королевою Сициліи.

Такъ какъ 11 апрѣля умеръ папа Климентъ и былъ избранъ Целестинъ III, то авторъ по этому случаю дѣлаетъ отступленіе и разсказываетъ подробно какъ избраніе новаго папы, такъ и коронованіе имъ Гейнриха VI императорскою короной, а затѣмъ снова обращается къ Ричарду.

Между тѣмъ король Ричардъ срылъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и разрушилъ свою крѣпость Матегриффонъ, еще до своего отъѣзда изъ Мессины, какъ то обѣщалъ Танкреду. Въ четвергъ же онъ вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ и флотомъ изъ Мессинской гавани, на 150 большихъ корабляхъ и 53 галерахъ, хорошо вооруженныхъ; но въ субботу, въ девятомъ часу дня, подулъ страшный восточный вѣтеръ и разсѣялъ флотъ. Король съ частью кораблей присталъ къ о. Криту, а потомъ къ Родосу. Большой же корабль, на которомъ ѣхала королева Сициліи и дочь короля Наваррскаго, вмѣстѣ со многими приближенными Ричарда, и другія два судна подошли къ о. Кипру; король ничего не зналъ, что съ ними случилось.

---

[1]) Если въ 1091 г. Пасха была 16 апрѣля, то 30 марта приходилось въ четвергъ, а не въ субботу.

Далѣе авторъ разсказываетъ исторію завоеванія Кипра Ричардомъ, его прибытіе подъ Птолеманду, осаду города, его завоеваніе, возвращеніе Ричарда, его плѣнъ и освобожденіе, войну съ Филиппомъ II и смерть, наконецъ, начало правленія Іоанна Безземельнаго до 1202 года, на которомъ останавливается хроника. Для исторіи четвертаго крестоваго похода у нашего автора замѣчателенъ особенно только одинъ эпизодъ, а именно проповѣдь четвертаго крестоваго похода монахомъ Фулько Нёльи въ Англіи и его свиданіе съ Ричардомъ, незадолго до смерти короля (см. о томъ ниже, въ ст. 57).

Рожеръ Говеденъ.

Annalium Anglicanorum Libri II. 731 — 1201. —
Подъ 1190 и 1191 годами.

О жизни и сочиненіяхъ Рожера Говедена см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 57.

50.—Осада Акры христіанами, по мусульманскимъ извѣстіямъ. 1189 — 1191.

(До 1235 г.).

Арабскій историкъ, окончивъ разсказъ о взятіи Іерусалима Саладиномъ, говоритъ сначала, какъ владѣтель Тира, почти единственнаго города, оставшагося въ рукахъ христіанъ, отправилъ въ Западную Европу посольство съ картиною, на которой представленъ былъ планъ Іерусалима, посрединѣ котораго особенно возвышался Храмъ Гроба господня, внизу изобразили самый Гробъ, а надъ нимъ мусульманскій всадникъ на конѣ, оскверняющемъ его нечистотою. Эта картина возилась по всѣмъ городамъ и селеніямъ; ее выставляли на площадяхъ и рынкахъ; народъ, возмущаемый такимъ изображеніемъ, устремлялся въ Палестину, и вскорѣ въ Тирѣ собралось такое число пилигримовъ, что въ 1189 г. христіане могли предпринять осаду Акры или Птолемаиды. Но прошло два года, и Саладинъ такъ удачно развлекалъ силы осаждавшихъ и подкрѣплялъ осажденныхъ, что городъ не сдавался до тѣхъ поръ, пока въ началѣ 1191 г. не прибыли войска короля французскаго Филиппа II Августа и Ричарда Львиное-Сердце, англійскаго короля.

Въ 587 году эгиры (весною 1191 г.) наступила, наконецъ, благопріятная погода; море сдѣлалось спокойно, и войска съ обѣихъ сторонъ (т.-е. со стороны христіанъ, осаждавшихъ Акру, и Саладина, нападавшаго на нихъ съ тыла) пришли въ движеніе. Саладинъ видѣлъ, какъ его полки другъ за другомъ возвращались съ зимнихъ квартиръ; христіане также получили большую помощь; между прочими къ нимъ явился и король Франціи (т.-е. Филиппъ II Августъ),

которымъ они давно уже грозили намъ; онъ приплылъ въ субботу, 23 реби (20 апрѣля). Это былъ король высокаго достоинства, весьма уважаемый и одинъ изъ первыхъ властителей франковъ; по своемъ прибытіи, онъ взялъ на себя начальство надъ войскомъ. Его сопровождало шесть кораблей, наполненныхъ людьми и съѣстными припасами. Съ нимъ же былъ привезенъ огромный бѣлый соколъ, страшный на видъ и рѣдкій въ этой породѣ; я никогда не видалъ болѣе красиваго. Король весьма любилъ этого сокола и много его ласкалъ; но однажды эта птица улетѣла съ его руки прямо въ городъ и была доставлена султану; напрасно король предлагалъ тысячу золотыхъ за выкупъ; ему отказали. Это обстоятельство причинило намъ большую радость и казалось хорошимъ предзнаменованіемъ. Нѣсколько времени спустя, въ христіанскую армію прибылъ графъ Фландрскій, по имени Филиппъ, одинъ изъ могущественнѣйшихъ государей Запада. Съ той эпохи, нападенія начали дѣлаться сильнѣе. Во вторникъ, 9 джумади, когда султанъ находился еще въ Карубѣ и Шафарамѣ, на своихъ зимнихъ квартирахъ, христіане приблизились къ городу. Саладинъ поспѣшилъ со всѣми своими силами для отвлеченія ихъ силъ; послѣ того, отправивъ свои полки по квартирамъ, онъ самъ остановился на равнинѣ въ той палаткѣ, гдѣ читалъ вечернюю молитву и отдыхалъ. Я былъ въ эту минуту подлѣ него. Вдругъ объявляютъ ему, что непріятель возобновилъ приступъ; тогда онъ поворотилъ свою армію назадъ и оставилъ ее подъ оружіемъ на всю ночь, проводя время вмѣстѣ съ нею. Но нападеніе не прекратилось, почему Саладинъ размѣстилъ свое войско по прежнему на холмѣ Айадія, въ виду города. На слѣдующій день онъ поразилъ христіанъ, идя самъ во главѣ храбрыхъ. Непріятель же, видя такое рвеніе мусульманъ, побоялся быть окруженнымъ въ своихъ окопахъ и прекратилъ нападеніе на городъ.

Между тѣмъ гарнизонъ Акры (т.-е. мусульманскій) пришелъ въ плачевное состояніе; врагъ не давалъ ему покоя и особенно старался о томъ, чтобы засыпать рвы; съ этою цѣлью онъ бросалъ туда все, что ему попадало подъ руку, даже трупы и всякую падаль; увѣряютъ, что они кидали туда своихъ больныхъ, прежде нежели тѣ успѣвали умирать. Гарнизонъ, чтобы отражать непріятеля въ столь различныхъ случаяхъ нападенія, долженъ былъ раздѣлиться на нѣсколько отрядовъ; одни спускались во рвы, гдѣ они рубили трупы на куски, другіе тащили крючьями обезображенныя части и передавали ихъ на руки третьимъ, которые уже бросали ихъ въ море; одинъ отрядъ стоялъ при машинахъ, другой охранялъ укрѣпленія. Какъ бы то ни было, гарнизону приходилось выносить всякаго рода тяжести. Городскіе начальники безпрестанно писали намъ жалобы на свои бѣдствія, которымъ, можетъ быть, не было подобныхъ и которыя, казалось, превышали человѣческую силу; но они подчинялись своей судьбѣ, въ убѣжденіи, что Аллахъ благосклоненъ къ тѣмъ, которые терпятъ. Война не прекращалась ни днемъ, ни ночью. Христіане нападали на городъ, а султанъ на христіанъ; насколько христіане старались безпокоить осажденныхъ, настолько и онъ тревожилъ ихъ самихъ. При этомъ случаѣ Саладинъ обнаружилъ необыкновенную твердость. Однажды къ нему явился посланный отъ имени франковъ для переговоровъ,

но онъ отвѣчалъ, что франки могутъ говорить сколько имъ угодно, онъ же не имѣетъ имъ ничего сообщить. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда прибылъ король Англіи (т.-е. Ричардъ Львиное-Сердце, котораго имя никогда не упоминаютъ арабскіе писатели, называя его или *королемъ Англіи*, или просто: *Англичанинъ*).

Этотъ король былъ страшной силы, испытаннаго мужества и неукротимаго характера; онъ составилъ себѣ большую славу своими прежними войнами, хотя и былъ ниже короля Франціи и достоинствомъ, и могуществомъ, но за то онъ былъ гораздо богаче и болѣе опытенъ въ воинскомъ дѣлѣ. Его флотъ состоялъ изъ 25 кораблей, наполненныхъ воинами и съѣстными припасами. На своемъ пути онъ овладѣлъ островомъ Кипромъ. Онъ прибылъ къ Акрѣ въ субботу, 13 джумади (8 іюня 1191 г.).

Такое новое подкрѣпленіе вдохновило враговъ великою радостью. Франки предались по этому поводу громкимъ ликованіямъ и ночью зажгли огни. Послѣднее было сдѣлано съ цѣлью устрашить насъ: они хотѣли большимъ числомъ огней дать намъ понятіе о своей многочисленности. Христіане давно уже ожидали короля Англіи; мы знали черезъ перебѣжчиковъ, что они отложили окончательный приступъ до его прибытія,—такъ высоко цѣнилось ими его искусство и отвага. Дѣйствительно, появленіе короля Англіи произвело большое впечатлѣніе на мусульманъ; ими начали овладѣвать страхъ и боязнь. Но султанъ принялъ и этотъ ударъ съ самоотверженіемъ; онъ благоговѣйно подчинился волѣ Аллаха; и чего можетъ бояться тотъ, кто возлагаетъ на него свои надежды? Не слѣдуетъ ли человѣку довольствоваться Аллахомъ, не обращая вниманія на прочее?

Флотъ англичанъ встрѣтилъ на своемъ пути большой мусульманскій корабль съ съѣстными припасами и снадобьями, шедшій изъ Берита въ Акру; этотъ корабль, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, оказывалъ продолжительное сопротивленіе и успѣлъ даже сжечь христіанскій корабль; но, наконецъ, не имѣя возможности ни продолжать борьбу, ни спастись на парусахъ, такъ какъ вѣтеръ стихъ, начальникъ корабля, по имени Якусъ, человѣкъ храбрый и добрый воинъ, приказалъ пробить топоромъ отверстіе, и все было поглощено моремъ; отъ всего экипажа спасся только одинъ человѣкъ, котораго христіане послали въ Акру извѣстить о пораженіи [1]). Это извѣстіе причинило намъ великую печаль; но султанъ перенесъ и новое испытаніе съ обыкновенною твердостью, и подчинился волѣ божіей, съ увѣренностью, что Аллахъ не оставитъ тѣхъ, которые ему пребыли вѣрными. Счастливымъ образомъ, въ тотъ же день Аллахъ и послалъ намъ утѣшеніе. Христіане построили машину въ четыре этажа, изъ которыхъ первый былъ изъ дерева, второй изъ свинцу, третій изъ желѣза и четвертый изъ мѣди; машина своею высотою превышала укрѣпленія Акры и была уже пододвинута на разстояніи пяти локтей отъ стѣнъ, или около того, если судить по глазомѣру. Осажденные пришли въ отчаяніе и думали уже сдаться, какъ Аллахъ попустилъ

---

[1]) Подробности этого морского дѣла см. ниже, въ ст. 51, у христіанскаго писателя-очевидца, Галфрида Винодѣла.

эту машину сжечь. При видѣ того мы предались радости и воздали хвалу Аллаху.

После небольшого отступленія, нашъ авторъ снова возвращается къ главному разсказу.

Между тѣмъ приступы не прекращались. Всякій разъ, когда осажденные подвергались нападенію, они давали сигналъ, и наши отвѣчали имъ; вслѣдъ за тѣмъ люди садились на лошадей и отвлекали непріятеля. 19-го джумади (половина іюня) мы ворвались въ укрѣпленія христіанъ, что доставило нѣкоторое спокойствіе городу. Произошелъ жестокій бой, продолжавшійся до полудня, и обѣ арміи отступили только вслѣдствіе усталости. Въ этотъ день солнце такъ палило и жаръ дошелъ до того, что многіе получили головокруженіе.
Двадцать-третьяго мы услышали снова сигналъ; воины схватились за оружіе и бросились на лагерь христіанъ; франки немедленно возвратились для защиты съ громкими криками и захватили нѣсколько мусульманъ въ своихъ палаткахъ. Именно при этомъ случаѣ былъ убитъ одинъ человѣкъ знатнаго происхожденія, пришедшій изъ глубины Мазандерана, что у береговъ Каспійскаго моря, съ цѣлью отличиться въ священной войнѣ; онъ прибылъ во время самаго боя и, спросивъ позволенія у Саладина пойти въ дѣло, славно принялъ мученическую смерть. Между тѣмъ врагъ, взбѣшенный тѣмъ, что осмѣлились вторгнуться въ его лагерь, запылалъ негодованіемъ; выступивъ стремительно, пѣхота и конница бросились на насъ, какъ одинъ человѣкъ. Къ счастью, мусульмане устояли. День былъ ужасный; мы дали доказательство неслыханной твердости. Наконецъ, непріятель, удивленный такою храбростью и остановленный сопротивленіемъ, которое могло привести въ трепетъ, вступилъ въ переговоры. Отъ нихъ явился посолъ, котораго отвели къ Малекъ-Аделю (сыну Саладина); при немъ было письмо отъ короля Англіи, въ которомъ онъ просилъ о свиданіи съ султаномъ; но Саладинъ приказалъ сказать, что короли не вступаютъ такъ легко въ личные разговоры; надобно условиться предварительно; было бы неблаговидно продолжать разрывъ и возобновить войну, послѣ того какъ они видѣлись бы другъ съ другомъ и вмѣстѣ ѣли бы и пили. „Если онъ желаетъ видѣться со мною,—присоединилъ султанъ,—то прежде всего необходимо заключить миръ; а до того времени ничто не мѣшаетъ тому, чтобы переводчики были нашими посредниками и передали, что мы скажемъ другъ другу. По заключенію же мира, если то будетъ угодно Аллаху, мы очень легко можемъ переговорить лично“. Война продолжалась и въ слѣдующіе дни. Каждую минуту мы получали отъ осажденныхъ письма съ жалобами на труды и утомленіе, которое они испытываютъ со времени прибытія короля Англіи. Между тѣмъ этотъ король захворалъ и былъ близокъ къ смерти; въ то же время ранили и короля Франціи; этотъ случай далъ городу возможность отдохнуть.

Слѣдуетъ отступленіе съ цѣлью объяснить другія причины недѣятельности христіанъ, а именно внутренніе ихъ раздоры: Гвидо потерялъ свою

жену, дочь короля Амальрика, благодаря которой онъ получилъ іерусалимскій престолъ; вслѣдствіе того на этотъ престолъ долженъ быть вступить сынъ Гумфрида, женатый на второй дочери Амальрика; но Конрадъ Монферратскій, правитель Тира, отнялъ у него жену и самъ женился на ней, провозгласивъ себя въ тоже время королемъ Іерусалима; Ричардъ Львиное-Сердце принялъ сторону Гвидо, а Филиппъ-Августъ—сторону Конрада; вслѣдствіе этого раздора, когда послѣдній удалился въ Тиръ, король Англіи обратился снова къ Саладину съ мирными предложеніями, и отправленный имъ посолъ былъ принятъ Малекъ-Аделемъ и Афдаломъ, сыновьями султана.

Сыновья султана отвѣчали посланному отъ короля Англіи: „Не всякій, кто захочетъ, можетъ приблизиться къ султану; прежде нужно получить его согласіе“. Саладинъ согласился, и ему представили посла, который, отдавъ ему поклонъ короля Англіи, сказалъ: „Мой государь желаетъ имѣть свиданіе съ вами, и если вы дадите ему охранную грамоту, то онъ явится сюда и лично объявитъ свою волю; но, быть можетъ, вы предпочитаете избрать на равнинѣ мѣсто, лежащее между двухъ армій, гдѣ вы имѣли бы возможность переговорить вмѣстѣ о своихъ дѣлахъ“. Султанъ отвѣчалъ: „Если мы свидимся, то онъ не пойметъ моего языка, а я не пойму его, а потому лучше прибѣгнуть къ посредству посла“. Но посланный настаивалъ на своемъ, и было договорено, что свиданіе произойдетъ между королемъ и Малекъ-Аделемъ; однако посланный болѣе не показывался. Носился слухъ, что христіанскіе князья отговорили короля Англіи пойти на то свиданіе, подъ тѣмъ предлогомъ что это для него унизительно; прибавляли къ этому, что король Франціи, имѣвшій власть надъ нимъ, положительно ему запретилъ то. Только уже спустя нѣсколько времени послѣ того, посланный короля Англіи возвратился для опроверженія такихъ слуховъ; ему было приказано объявить, что король руководился въ этомъ случаѣ собственною волею, а не волею другихъ. „Я управляю, говорилъ король, но не управляюсь. Если же я не явился на свиданіе, то только по болѣзни“. Потомъ посланный, имѣвшій собственно цѣлью достать нѣкоторые предметы въ которыхъ нуждался его государь, вслѣдствіе своей болѣзни, продолжалъ слѣдующимъ образомъ: „У нашихъ королей есть обычай дѣлать взаимно подарки даже и во время войны; мой государь въ состояніи предложить султану дары; позволите ли вы мнѣ представить ихъ, и будутъ ли они вамъ пріятны, если ихъ передастъ посланный?“ Малекъ-Адель отвѣчалъ: „Подарки будутъ хорошо приняты, если дозволятъ и намъ отдать тѣмъ же“. Тогда посланный объявилъ: „Мы привезли съ собою соколовъ и другихъ хищныхъ птицъ, пострадавшихъ не мало отъ переѣзда, и которыя теперь погибаютъ отъ крайности; не дадите ли вы намъ курицъ и цыплятъ для кормленія ихъ? какъ только тѣ выздоровѣютъ, мы отблагодаримъ султана“.—„Скажите лучше, возразилъ Малекъ-Адель, что вашъ господинъ боленъ (т.-е. Ричардъ) и имѣетъ надобность въ курицахъ и цыплятахъ. Впрочемъ за этимъ дѣло не станетъ; онъ получитъ ихъ, сколько угодно; поговоримъ о другомъ“.—„Чего же вы желаете?“ продолжалъ посланный. „Ничего,

отвѣчалъ Малекъ-Адель: вы пришли сюда, такъ вамъ и говорить о томъ, чего вы желаете“.

Далѣе авторъ описываетъ всѣ вѣжливости, которыя были сдѣланы взаимно Ричардомъ и Саладиномъ; Ричардъ безпрестанно посылалъ въ лагерь мусульманъ съ какимъ нибудь подаркомъ или просьбою прислать ему фруктовъ, снѣгу и т. п., что и было ему доставляемо; но авторъ подозрѣваетъ христіанъ въ намѣреніи развѣдать при этомъ расположеніе лагеря и выждать время, потому что приступы продолжались попрежнему, и 1 іюля христіане такъ стѣснили осажденныхъ, что только ночь помѣшала имъ овладѣть городомъ, а диверсія, сдѣланная Саладиномъ, не удалась.

Въ этотъ день (1 іюля) было страшное дѣло: султанъ скакалъ на конѣ по рядамъ войска, подобно львицѣ, потерявшей свое дѣтище, и кричалъ: „Мусульмане, мусульмане!“ съ глазами, полными слезъ. Каждый разъ, когда его взоры обращались къ городу, онъ живо себѣ представлялъ страданіе осажденныхъ; онъ думалъ о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ воинами; при этой мысли въ немъ вспыхивалъ жаръ, и онъ возобновлялъ битву. Весь день онъ провелъ безъ пищи и принялъ только предписанное медикомъ питье. Я также не могъ устоять противъ такого утомленія, и, оставивъ султана, удалился въ палатку, на холмѣ Айядія, откуда можно было видѣть все. Сраженіе прекратилось только ночью.

Въ это время мы получили отъ осажденныхъ слѣдующее письмо: „Мы дошли до послѣдней крайности; мы не въ состояніи больше держаться; завтра, 8 джумади (2 іюля), если вы не явитесь къ намъ на помощь, мы вступимъ въ переговоры для спасенія жизни и оставимъ городъ; мы позаботимся о сохраненіи своей головы“. Это извѣстіе было самое плачевное; мы были глубоко огорчены. Въ Акрѣ находились въ то время отборные воины Палестины, Сиріи и Египта и всѣхъ странъ мусульманскихъ; тамъ служили храбрѣйшіе изъ эмировъ и знаменитѣйшіе герои исламизма. При чтеніи того письма, султанъ испыталъ такую печаль, какой ему еще не случалось; боялись даже за его жизнь, и между тѣмъ онъ не переставалъ славословить Бога и терпѣливо переносить все. Въ виду такой опасности онъ предписалъ для отвлеченія непріятеля отъ города напасть на непріятельскій лагерь. Съ разсвѣтомъ дня ударили тревогу; вся армія взялась за оружіе, конница и пѣхота, и мусульмане пошли на приступъ; но султанъ имѣлъ небольшой успѣхъ. Часть христіанской пѣхоты засѣла въ укрѣпленіяхъ, крѣпкихъ какъ стѣна, и невозможно было дойти до нея. Я слышалъ отъ одного, которому удалось пробраться въ самый лагерь непріятелей, какъ онъ видѣлъ какого-то христіанина, стоявшаго на высотѣ укрѣпленій; подлѣ него стояли люди, подававшіе ему стрѣлы и камни, которыми онъ отражалъ мусульманъ; твердость его была необычайная; пораженный болѣе полусотней стрѣлъ и камней, онъ не попятился ни на шагъ; мы избавились отъ него, обдавъ его изъ горшка нефтью, и онъ сгорѣлъ до тла. Другой увѣрялъ меня, что видѣлъ, какъ женщина дралась за-одно съ мужчинами. Бой длился до ночи.

Вслѣдъ затѣмъ авторъ говоритъ о новыхъ переговорахъ; Саладинъ согласился сдать городъ, кромѣ гарнизона, и возвратить животворящій крестъ; но христіане требовали всей Палестины, и султанъ рѣшился на новый приступъ.

Послѣ неудачныхъ переговоровъ, Саладинъ вознамѣрился попытаться еще разъ, созвалъ свой совѣтъ, изложилъ ему плачевное состояніе города и предложилъ возобновить битву. Мнѣнія были различны; но пока они разсуждали, на стѣнахъ города появилось знамя франковъ, и въ то же время поднялись страшные крики со стороны христіанъ. Былъ полдень (17 іюля 1191 г.). Мусульмане остановились пораженными и на нѣсколько времени ими овладѣлъ ужасъ; казалось, они потеряли разсудокъ; но затѣмъ раздались плачъ и рыданія; сердце каждаго раздѣляло общее горе, по мѣрѣ вѣры его и набожности; по духу своей религіи мусульмане были удручены этою потерею. Я находился въ эту минуту подлѣ Саладина; онъ былъ пораженъ, какъ мать, утратившая свое дѣтище, и горько плакалъ; я утѣшалъ его, сообразно обстоятельствамъ, и говорилъ, что теперь лучше будетъ думать о спасеніи Іерусалима и Палестины.

Боаэддинъ.

Исторія жизни Саладина.

Боаэддинъ (Boha-eddin, Aboulmahassen Ioussouf Ibn-Scheddad) родился въ Мосулѣ въ 1145 г. и, получивъ воспитаніе въ Багдадѣ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность богословскими и юридическими познаніями. По взятіи Іерусалима Саладиномъ, онъ посѣтилъ этотъ городъ, понравился султану и былъ назначенъ кади Іерусалима; по смерти Саладина, Боаэддинъ удалился въ Алеппо, гдѣ и умеръ въ 1235 г. Изъ сочиненій его, дошедшихъ до насъ, особенно замѣчательна „Исторія жизни Саладина“, по тѣмъ близкимъ отношеніямъ, въ которыхъ стоялъ авторъ къ описываемымъ имъ предметамъ. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ: „Такъ-какъ я имѣлъ преимущество быть свидѣтелемъ дѣяній моего господина султана, Саладина, защитника вѣры, сокрушителя христіанскаго богопочитанія, знамени правды и виновника взятія святого города, то я увидѣлъ себя принужденнымъ повѣрить всему, что̀ говорилось о герояхъ древности, отдаленность которыхъ дѣлаетъ ихъ баснословными. Я видѣлъ такіе подвиги, что свидѣтелю нельзя не описать ихъ; а потому я рѣшился сообщить краткій разсказъ о всемъ видѣнномъ мною и слышанномъ отъ очевидцевъ. Это только малая часть цѣлаго; но и это немногое дастъ понятіе объ остальномъ“.—Сочиненіе Боаэддина было издано въ арабскомъ оригиналѣ съ латинскимъ переводомъ Schultens (Vita et res gestae sultani Saladini. Leyde. 1732) въ одномъ томѣ in-folio; французскій же переводъ въ извлеченіяхъ помѣщенъ въ Bibliothèque des Croisades, par Michaud. Par. 1829. т. VI, и былъ сдѣланъ Рено (см. о немъ выше, на стр. 483).

51. — Морское дѣло Ричарда I Львиное-Сердце съ мусульманами подъ Акрой. 1191 г.

(Около 1200 г.).

Авторъ, описавъ отъѣздъ Ричарда Львиное-Сердце изъ Европы въ Палестину и его путь по Средиземному морю, разсказываетъ, какъ флотъ англійскаго короля, по овладѣніи Кипромъ, направился къ Акрѣ, осажденной крестоносцами, и близъ этого города встрѣтилъ мусульманскій корабль (см. описаніе этого же самаго обстоятельства у арабскаго писателя Боаэддина, на стр. 512).

Король, замѣтивъ корабль, приказалъ Петру изъ Бара, начальствовавшему одной изъ галеръ, отправиться узнать, кто на немъ. Петръ донесъ, что ему отвѣчали, будто бы этотъ корабль принадлежитъ королю Франціи. Ричардъ тотчасъ же подъѣхалъ къ кораблю, но, слыша на немъ не-французскій языкъ и не замѣчая знака христіанъ, былъ изумленъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и величиною, и прочностью постройки судна, на которомъ возвышались три большія мачты. Бока его были выкрашены зеленымъ и желтымъ цвѣтами, и онъ, повидимому, былъ наполненъ всякаго рода провизіею. Кто-то видѣвшій въ Беритѣ, какъ его нагружали, увѣрялъ впослѣдствіи, что на немъ помѣщалось всякаго рода оружіе, тяжестью на 100 верблюдовъ, а именно: пращи, луки, копья и т. п. Кромѣ того, на немъ находилось безчисленное количество провизіи, множество сосудовъ съ греческимъ огнемъ и двѣсти штукъ самыхъ ядовитыхъ змѣй, предназначенныхъ на погибель христіанамъ. На кораблѣ присутствовали семь эмировъ и до 80 отборныхъ турокъ. Для лучшаго освѣдомленія о немъ, къ нему начали приближаться и другія галеры; имъ отвѣчали, что это генуэзцы и идутъ въ Тиръ; но такіе отвѣты вызывали большія подозрѣнія, и одинъ изъ нашихъ галерныхъ начальниковъ увѣрялъ, что корабль—сарацинскій, и вызвался доказать то, хотя бы предпріятіе стоило ему жизни. Король приказалъ ему слѣдовать на веслахъ, и когда галера подошла близко, экипажъ корабля на привѣтствія англійскихъ моряковъ отвѣчалъ залпомъ стрѣлъ. Замѣтивъ то, король далъ распоряженіе напасть на корабль; стрѣлы полетѣли съ обѣихъ сторонъ. Такъ-какъ вѣтеръ былъ ничтоженъ, то ходъ корабля уменьшился; но наши галеры хотя и окружили его отвсюду, но не могли ничего сдѣлать: такъ прочна была его постройка, и такъ упорно и отчаянно защищались сарацины. Наши, не имѣя силъ одолѣть противника, начали ослабѣвать въ нападеніи. Непобѣдимый Ричардъ, котораго отвага ничѣмъ не могла быть охлаждена, кричалъ изо всѣхъ силъ: „Неужели вы дадите кораблю уйти, не коснувшись его? О срамъ! послѣ столькихъ побѣдъ, вы уступаете теперь трусливо! Нельзя отдыхать въ виду непріятеля, посланнаго вамъ судьбою. Знайте, что вы будете повѣшены на крестахъ или наказаны унизительною смертью, если дадите уйти непріятелю“. Англичане, почув-

ствовавъ по нуждѣ отвагу, приблизились къ кораблю и, забросивъ веревки на руль, пытались задержать ходъ; другіе же, при помощи этихъ веревокъ, успѣли даже перескочить на бордъ. Турки, сопротивляясь съ упорствомъ, перерубили однимъ руки, другимъ ноги и голову и побросали въ море. Англичане, пылая местью, пошли съ яростью на приступъ, сцѣпились съ кораблемъ и напали на турокъ, которые продолжали упорную защиту; воодушевленные отчаяніемъ, они всѣми силами давали отпоръ нападающимъ. Тогда англичане, бросившись на носъ корабля, привели турокъ въ безпорядокъ; но они, соединившись и ставъ тѣсно другъ съ другомъ по срединѣ корабля, рѣшились храбро умереть или отразить непріятеля. Это были все молодые люди, хорошо вооруженные и привыкшіе къ военному дѣлу. Долго боролись съ обѣихъ сторонъ; падали и христіанскіе, и мусульманскіе воины. Между тѣмъ турки, сражаясь постоянно съ отчаяніемъ, принудили англичанъ отступить и очистить корабль. Тогда послѣдніе, возвратившись на свои галеры, оцѣпили его со всѣхъ сторонъ и искали новаго и болѣе удобнаго мѣста для приступа. Король, видя опасность, которой подвергались его люди, и невозможность покорить турокъ, сохранивъ въ то же время корабль съ оружіемъ и припасами, которыми онъ былъ нагруженъ, приказалъ своимъ галерамъ разбить корабль своими желѣзными шпорами. Галеры, приступивъ къ такому маневру, ударили изо всей силы въ бокъ корабля и пробили его; онъ пошелъ немедленно ко дну. Турки, спасаясь отъ погибели, бросились въ волны; но наши однихъ перебили, другихъ утопили. Король спасъ 35 человѣкъ, между которыми были эмиры и люди, искусные въ построеніи машинъ; всѣ же остальные погибли; оружіе, змѣи и весь грузъ утонулъ. Сарацины, смотрѣвшіе съ высоты сосѣднихъ горъ и бывшіе свидѣтелями такого пораженія, отправились, исполненные печали, донести о томъ Саладину.

Описаніемъ этой морской битвы авторъ заключаетъ свою вторую книгу и переходитъ къ третьей, которая начинается разсказомъ о прибытіи Ричарда въ лагерь подъ Акрой, гдѣ стояли уже два года крестоносцы и куда незадолго предъ тѣмъ явился Филиппъ II Августъ.

Галфридъ Винодѣлъ.

Itinerarium Richardi Angl. regis in Terram Sanctam ab a. 1170—1194.

Галфридъ Винодѣлъ (Galfridus de Vino salvo, во франц. формѣ Gauthier Vinisauf) жилъ и писалъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка. Его сочиненіе объ уходѣ за виноградниками и выдѣлкѣ вина дало ему прозваніе Винодѣла. Онъ сопутствовалъ Ричарду Львиное-Сердце въ третьемъ крестовомъ походѣ и оставилъ весьма интересные мемуары подъ заглавіемъ: „Путь Ричарда, короля Англіи, въ Св. Землю, отъ 1170—1194 г.“. Въ началѣ этихъ мемуаровъ помѣщенъ обзоръ завоеваній Саладина, вызвавшихъ походъ въ Іерусалимъ. По живости изложенія, умѣнью наблюдать и превосходно разсказы-

вать, трудъ Галфрида принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ эпохи третьяго похода, и въ то же время служитъ лучшимъ изображеніемъ рыцарскихъ подвиговъ Ричарда.—*Изданія*: лучшее у *Gale*, Histor. Angl. scriptores, 247—429 стр.; у *Bongars*, Gesta Dei per Francos, 1150—1172 стр., неполное изданіе и безъ имени автора.—*Переводы*: англ. у Bohn'Antiquarian library, t. VI.

---

52. — Взятіе Акры и война Ричарда съ Саладиномъ. 1191—1192 г.

(Около 1230 года).

Когда король Ричардъ завоевалъ островъ Кипръ [1]) и захватилъ въ плѣнъ императора (одного изъ Комненовъ, бѣжавшаго изъ Константинополя отъ жестокостей Андроника и провозгласившаго себя императоромъ на о. Кипрѣ), онъ повелѣлъ тампліерамъ охранять этотъ островъ и намѣревался отдать имъ его совершенно; они говорили, что не возьмутъ острова, но будутъ его охранять. Послѣ того король пошелъ далѣе по морю и увезъ съ собою императора, его жену и дочь. Такимъ образомъ, онъ прибылъ къ городу Акрѣ (8 іюня 1191 г.). Король Франціи (Филиппъ II) узналъ, что пріѣхалъ король Англіи и что онъ уже женатъ; хотя это обстоятельство оскорбляло его, но тѣмъ не менѣе онъ вышелъ къ нему на встрѣчу и былъ столь вѣжливъ (de si grant cortoisie), что сошелъ съ коня и, какъ говорятъ, взялъ жену короля Ричарда на руки и перенесъ ее съ лодки на берегъ. По прибытіи короля Ричарда, онъ и король Франціи ежедневно подступали къ Акрѣ. При одномъ такомъ штурмѣ французамъ случилось ворваться силою между двухъ стѣнъ; при этомъ былъ убитъ маршалъ Франціи. Осада продолжалась уже болѣе года, и турки терпѣли большой недостатокъ въ людяхъ и въ съѣстныхъ припасахъ; они просили Саладина подумать о ихъ освобожденіи, ибо не могли долѣе держаться. Саладинъ понималъ хорошо, что осажденные сильно терпѣли, и это огорчало его. Онъ просилъ обоихъ королей вступить съ нимъ въ перемиріе, пока онъ успѣетъ переговорить съ жителями города, и дать ему для того одинъ день. Въ теченіе этого перемирія, былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ. Саладинъ сдаетъ Акру королю Франціи и обѣщаетъ выдать ему святой Крестъ и выпустить на свободу по одному христіанину за каждаго сарацина въ городѣ, а за эмировъ и за знатныхъ людей дать приличный выкупъ. Для возвращенія Креста и для уплаты выкупа былъ назначенъ день. Когда миръ былъ заключенъ, христіане вступили въ Акру и посадили сарацинъ въ темницу. Король Франціи получилъ зàмокъ Акры и поставилъ тамъ свой гарнизонъ; король Англіи помѣстился въ домѣ тамп-

---

[1]) Извлеченіе изъ предыдущаго у того же автора см. выше, на стр. 461.

ліеровъ. Такъ была взята и сдалась Акра, въ годъ отъ воплощенія господня 1191 (13 іюля).

Граждане Акры и тѣ, которые имѣли тамъ собственность до завоеванія города сарацинами, отправились по своимъ домамъ и хотѣли удержать ихъ за собою; но наемные всадники, овладѣвъ ихъ собственностью, не возвращали ея, ибо они ничего не желали знать и притомъ завоевали ее у сарацинъ. Граждане Акры явились къ королю Франціи и молили о пощадѣ, прося не дозволять грабить ихъ, ибо они не закладывали и не продавали своей собственности, но сарацины отняли ее у нихъ; такъ-какъ Господь Богъ возвратилъ эту собственность христіанамъ, то было бы несправедливо лишить ихъ ея, и просили его именемъ Бога оказать имъ защиту. Король сказалъ, что онъ сдѣлаетъ это охотно. Онъ пригласилъ короля Англіи и бароновъ войска. Когда они собрались, король предложилъ имъ, сообразно съ просьбою гражданъ Акры, возвратить имъ ихъ наслѣдіе; потомъ онъ говорилъ имъ, что они пришли въ эту страну не для того, чтобы пріобрѣтать дома и наслѣдія, но чтобы помочь странѣ и вручить ее христіанамъ; а такъ-какъ они завоевали страну, то онъ держится того мнѣнія, что, по справедливости, не слѣдуетъ терять наслѣдія тѣмъ, которымъ оно принадлежитъ: таковъ былъ его совѣтъ. Всѣ согласились съ этимъ и объявили, что такъ должно поступить. Такимъ образомъ, оба короля и всѣ прочіе постановили, что всякій, кто можетъ доказать надлежащимъ свидѣтельствомъ свои права на наслѣдство, получитъ его. Потомъ было постановлено, что рыцари, овладѣвшіе домами въ Акрѣ, будутъ жить вмѣстѣ съ тѣми, которымъ они принадлежатъ, и занимать часть дома, пока рыцарямъ будетъ то угодно.

Когда наступилъ тотъ день, въ который Саладинъ долженъ былъ выдать святой Крестъ королю и заплатить выкупъ за эмировъ, находившихся въ Акрѣ, султанъ просилъ короля Франціи назначить ему другой день, такъ-какъ онъ не успѣлъ еще приготовить всего; король согласился. Когда наступилъ и этотъ день, Саладинъ опять ничего не прислалъ, и просилъ новой отсрочки. Король разсердился, видя, что султанъ обманываетъ его такимъ образомъ; онъ назначилъ ему снова день и объявилъ, что если онъ не представитъ всего. что долженъ представить, то всѣмъ сарацинамъ, находящимся въ Акрѣ, будетъ отрублена голова. Когда наступилъ назначенный срокъ, султанъ опять ничего не сдѣлалъ. Послѣ того король приказалъ взять сарацинъ, кромѣ эмировъ, и отвести ихъ въ укрѣпленіе Акры, гдѣ имъ отрубили головы. Онъ пощадилъ эмировъ, потому что война не была еще кончена, и съ цѣлью обмѣна, если попадется въ плѣнъ какой-нибудь баронъ. Одну половину этихъ эмировъ держалъ при себѣ король Франціи, а другую—король Англіи. Когда Саладинъ сдалъ Акру, онъ удалился въ свою страну и, отправивъ людей къ Аскалону, завоеванному имъ у христіанъ, приказалъ срыть этотъ городъ, изъ опасенія, чтобы христіане не осадили его. Вскорѣ послѣ того умеръ Филиппъ, графъ Фландріи, а Филиппъ, король Франціи, тяжко заболѣлъ; но едва онъ началъ выздоравливать, какъ приказалъ изготовить галеру, сѣлъ на нее (3 августа), и живъ и здравъ прибылъ во Францію (27 декабря 1191). На мѣсто себя онъ оставилъ герцога Бургундіи

вмѣстѣ съ своими людьми и съ своею казною; нѣкоторые говорили, что графъ Филиппъ, умирая, призвалъ короля и предложилъ ему удалиться, такъ-какъ поклялись его умертвить. Другіе же увѣряютъ, что онъ возвратился по поводу графства Фландріи, которое уходило изъ его рукъ и было дано имъ въ приданое за своею племянницею; король боялся, чтобы графъ Геннегау не овладѣлъ Фландріею. Мы не будемъ болѣе говорить о королѣ Франціи, который прибылъ живъ и здравъ и вернулся чрезъ Римъ, посѣтивъ апостола; скажемъ о томъ, что случилось съ королемъ Англіи и баронами, оставшимися въ Акрѣ. Королю Ричарду дали знать, что сарацины очистили Іерусалимъ, и что онъ можетъ легко овладѣть городомъ, если отправится туда безъ обоза и не останавливаясь. Онъ извѣстилъ о томъ герцога Бургундіи и бароновъ Франціи; они же опредѣлили идти къ Іерусалиму и оставить въ Акрѣ сильный гарнизонъ. Нагрузивъ корабли съѣстными припасами, они отправили ихъ къ Яффѣ (Іоппе); оттуда пошли далѣе и расположились къ пяти миляхъ отъ Іерусалима, при городѣ, который называется Бетанополисъ. Тамъ они устроились въ боезомъ порядкѣ и назначили авангардъ и арьергардъ: король Ричардъ сталъ въ авангардѣ, а герцогъ Бургундіи въ арьергардѣ.

Когда мѣста были распредѣлены такимъ образомъ, каждый удалился въ свою квартиру. Но герцогъ Бургундскій много размышлялъ самъ съ собою и, размысливъ, позвалъ бароновъ Франціи и сказалъ имъ: „Господа, вы знаете, что нашъ государь, король Франціи, возвратился, и что цвѣтъ его королевства остался здѣсь, и что король Англіи, по сравненію съ нами, имѣетъ мало людей; если мы пойдемъ на Іерусалимъ и овладѣемъ городомъ, то не скажутъ, что мы его взяли, а скажутъ, что король Англіи взялъ его; это будетъ великій стыдъ для Франціи и великій упрекъ, и скажутъ, что король Филиппъ убѣжалъ и что король Ричардъ взялъ Іерусалимъ, и это послужитъ на вѣки упрекомъ Франціи". Многіе согласились съ нимъ, къ его удовольствію, но нашлись и такіе, которые не согласились. Герцогъ Бургундіи приказалъ французамъ вооружиться и возвратился въ Акру. Нѣкоторые изъ бароновъ, любившіе короля Англіи, дали ему знать, что французы возвратились въ Акру. Когда король услышалъ о томъ, онъ вернулся въ Яффу, снабдилъ ее людьми и припасами и прибылъ въ Акру къ герцогу Бургундскому. Вскорѣ послѣ того герцогъ умеръ. Между тѣмъ Саладинъ собралъ армію и осадилъ Яффу. Жители Яффы, видя себя осажденными, послали къ королю Ричарду просить о помощи, ибо они не могли устоять противъ такой большой арміи. Когда король Ричардъ услышалъ о томъ, онъ далъ знать баронамъ Франціи, что Яффа осаждена, и спрашивалъ ихъ, пойдутъ ли они съ нимъ; они отвѣчали, что пойдутъ всюду, гдѣ святое христіанство нуждается въ ихъ помощи. Послѣ того они устроили свои полки и отправились на помощь Яффѣ. Король Ричардъ сказалъ баронамъ Франціи, чтобы они шли безопасно сухимъ путемъ, а онъ отправится моремъ, съ цѣлью прибыть скорѣе къ замку, пока они будутъ идти съ своей стороны. Король вооружилъ свои галеры и сѣлъ на нихъ вмѣстѣ съ своими людьми; они плыли днемъ и ночью и такимъ образомъ прибыли къ Яффѣ. Когда они были предъ

Яффою, зàмокъ былъ уже взятъ, и сарацины вязали христiанъ, чтобы увести ихъ въ свой лагерь. Когда король Ричардъ увидѣлъ, что зáмокъ взятъ, онъ сошелъ на берегъ, повѣсилъ щитъ на шею и въ руки взялъ датскую сѣкиру; овладѣвъ зàмкомъ, онъ избилъ всѣхъ сарацинъ, а остальныхъ преслѣдовалъ до самаго лагеря. Предъ лагеремъ онъ и его люди остановились на холмѣ. Саладинъ спрашивалъ своихъ воиновъ, почему они бѣгутъ; они отвѣчали, что король Англiи былъ въ Яффѣ, полонилъ и избилъ многихъ изъ его людей и овладѣлъ зàмкомъ. Саладинъ спросилъ, гдѣ же онъ; они отвѣчали: „Государь, вотъ онъ на холмѣ съ своими людьми“.—„Какъ! воскликнулъ Саладинъ: такой король стоитъ пѣшимъ посреди своихъ людей! Это неприлично“. Тогда Саладинъ отправилъ ему коня и поручилъ вѣстнику сказать, что такое лицо, какъ онъ, не долженъ оставаться пѣшимъ посреди своихъ людей въ столь великой опасности. Вѣстникъ исполнилъ все, чтó приказалъ ему его властитель. Онъ явился къ королю и представилъ ему коня отъ имени Саладина. Король поблагодарилъ его, и потомъ приказалъ одному изъ своихъ воиновъ сѣсть на коня и проѣхаться предъ нимъ. Всадникъ далъ коню шпоры и хотѣлъ его повернуть, но не могъ, и конь унесъ его противъ воли въ лагерь сарацинъ.

Саладинъ былъ весьма пристыженъ этимъ обстоятельствомъ и отправилъ къ нему другого коня. Король Ричардъ вернулся въ Яффу. Саладилъ не трогался въ этотъ день до слѣдующаго утра. Король Ричардъ за подвиги, которые онъ совершилъ тамъ и въ другихъ мѣстахъ, и при зàмкѣ Дарунѣ, отнятомъ имъ отъ сарацинъ, наводилъ страхъ на всю страну язычниковъ, и иногда случалось, какъ говорятъ, когда дѣти сарацинъ плакали, матери ихъ говорили: „Молчи, здѣсь король Англiи“, и когда какой-то сарацинъ ѣхалъ на борзомъ конѣ, который, увидя свою тѣнь, сталъ пятиться назадъ, сарацинъ, пришпоривъ его, сказалъ: „Не думаешь ли ты, что король Ричардъ спрятался въ этомъ кустарникѣ?“ Когда Саладинъ узналъ, что христiане приближаются къ Яффѣ сухимъ путемъ, онъ снялъ осаду, выступилъ имъ на встрѣчу и нашелъ ихъ предъ зàмкомъ Арсуромъ. Тамъ они сошлись и сразились. Христiане понесли бóльшую потерю, нежели сарацины, но во всякомъ случаѣ они отправились въ порядкѣ и прибыли въ Яффу, гдѣ находился король Ричардъ. Въ томъ дѣлѣ былъ убитъ Яковъ изъ Авеня, добрый рыцарь. Послѣ того случилось, что караванъ сарацинъ, идя изъ Египта, шелъ въ Дамаскъ. Въ караванѣ слышали, что Саладинъ стоитъ предъ Яффой, и потому сарацины двигались безъ боязни и расположились въ пяти миляхъ отъ Яффы. Королю Ричарду дали знать, что идетъ богатый караванъ, и что онъ, овладѣвъ имъ, прiобрѣтетъ большiя богатства. Король вооружилъ своихъ людей, захватилъ караванъ и привелъ его въ Яффу; послѣ того онъ собралъ бароновъ армiи и сказалъ имъ, что намѣренъ идти, взять и укрѣпить Аскалонъ, и что если этотъ городъ будетъ укрѣпленъ, то страна найдетъ въ немъ гораздо лучшую защиту. Они отправились туда и взяли Аскалонъ, поставили въ немъ хорошiй гарнизонъ и овладѣли двумя ближайшими зàмками: Газою и Даруномъ. Король Англiи и бароны остались тамъ, потому что эта

страна считалась здоровѣе другихъ. Теперь остановимся говорить о заморской странѣ (Палестинѣ) и скажемъ объ островѣ Кипрѣ.

После небольшого отступленія, гдѣ говорится о столкновеніяхъ между греками и тампліерами, оставленными Ричардомъ на о. Кипрѣ, авторъ возвращается снова къ Палестинѣ и Ричарду.

Въ это же время случилось, что къ городу Тиру прибылъ купеческій корабль изъ страны Ассасиновъ. Маркизъ Тира (Конрадъ Монферратскій, носившій титулъ короля Іерусалимскаго) имѣлъ надобность въ деньгахъ; онъ послалъ на корабль и приказалъ взять на немъ столько имущества, сколько будетъ угодно. Купцы сошли на берегъ и жаловались маркизу, что ихъ ограбили; они молили именемъ Бога возвратить принадлежавшее имъ. Маркизъ отвѣчалъ, что онъ лишилъ ихъ не всего имущества, и удерживаетъ для себя только остальное. Но они говорили, что будутъ жаловаться своему властителю, если онъ не хочетъ ихъ удовлетворить; на это маркизъ отвѣчалъ, что они могутъ дѣйствительно жаловаться. Купцы возвратились, разсказали своему властителю объ убыткѣ и жаловались. Когда государь ассасиновъ услышалъ то, онъ потребовалъ отъ маркиза возвратить имущество его людей; маркизъ отвѣчалъ, что не отдастъ. Государь ассасиновъ потребовалъ вторично того же, говоря, что въ противномъ случаѣ ему будетъ худо; маркизъ отвѣчалъ, что не отдастъ. Тогда государь ассасиновъ повелѣлъ двумъ изъ своихъ людей идти въ Тиръ, чтобы умертвить маркиза. Они отправились. Прибывъ въ Тиръ, они приняли христіанство, и одинъ изъ нихъ поселился у маркиза, а другой у Баліана Ибелина, женатаго на королевѣ Маріи и жившаго въ Тирѣ. Случилось, что вечеромъ маркиза отправилась въ баню; маркизъ не хотѣлъ ѣсть до ея возвращенія; видя, что она остается слишкомъ долго, онъ почувствовалъ голодъ. Тогда онъ сѣлъ на коня вмѣстѣ съ двумя рыцарями и отправился на квартиру епископа Бове, чтобы поѣсть съ нимъ. А епископъ поѣлъ еще до его прибытія. Тогда онъ вернулся домой. Въѣхавъ въ узкую улицу, близь мѣнового двора, онъ увидѣлъ, что съ одной стороны и съ другой показались два человѣка. При его приближеніи, они выступили къ нему на встрѣчу, и одинъ изъ нихъ подалъ письмо; маркизъ принялъ, но другой вытащилъ ножъ и ударилъ его такъ, что онъ палъ мертвымъ. Такъ разсказываютъ туземцы о его смерти (29 апр. 1192). Говорятъ, что король Англіи дѣйствовалъ руками ассасиновъ, и что онъ послалъ также во Францію умертвить короля Филиппа (II); быть можетъ, что это несправедливо, но королю Франціи донесли, будто король Англіи имѣлъ такое намѣреніе. Король Филиппъ былъ очень испуганъ и приказалъ охранять себя; долгое время къ нему не допускали никого, кто не былъ хорошо извѣстенъ. Во время умерщвленія маркиза, король Англіи находился въ Акрѣ. Когда онъ узналъ, что маркизъ убитъ, онъ поспѣшно сѣлъ на коня и явился въ Тиръ, приведя съ собою своего племянника, Гейнриха Шампанскаго; именно вслѣдствіе того и составилось дурное мнѣніе о его участіи въ убійствѣ мар-

киза: ибо маркизъ былъ убитъ во вторникъ, а въ слѣдующій четвергъ Ричардъ женилъ Гейнриха Шампанскаго на вдовѣ маркиза.

Когда графъ Гейнрихъ отправился изъ Шампани, онъ владѣлъ вполнѣ (menant et prenant, т. е. правилъ и взималъ подати) графствомъ Шампань; удалившись въ Палестину, онъ вручилъ графство своей матери и отдалъ его на ея попеченіе. Она, при своей жизни, отправляла ему доходы съ земли и уплачивала его долги, которые онъ дѣлалъ купцамъ, приходившимъ изъ Палестины въ Шампань. Такимъ образомъ, графъ Гейнрихъ владѣлъ своею землею, пока жилъ, и многіе были весьма изумлены, когда впослѣдствіи его преемники были лишены и земель, и графства. У графини оставались сынъ и дочь. Дочь была замужемъ за Балдуиномъ, графомъ Фландріи, который былъ позже императоромъ Константинополя. А сынъ, по смерти графа Гейнриха и графини, былъ пожалованъ въ рыцари королемъ Филиппомъ, давшимъ ему графство. Имя его было Тибо; онъ былъ женатъ на сестрѣ королевы Наваррской, сестрѣ англійской королевы, жены короля Ричарда. Король Ричардъ, женивъ своего племянника, графа Шампани, замѣтилъ, что рыцари и пилигримы начали возвращаться въ свои земли, и что немногіе остаются въ Св. Землѣ. Тогда онъ сказалъ графу Гейнриху, что желаетъ заключить перемиріе съ сарацинами, вернуться въ свою страну и собрать деньги и людей, чтобы придти къ нему на помощь и поддержать при окончаніи срока перемирія. Графъ ему отвѣчалъ, что ему это пріятно, если онъ того хочетъ, но просилъ именемъ Бога не забыть его, ибо онъ самъ видитъ, въ какомъ положеніи находится страна. Такъ-какъ графъ Гейнрихъ оставался въ Палестинѣ, то ему слѣдовало заключить перемиріе; онъ обратился къ Саладину. Саладинъ зналъ хорошо, что король Англіи и пилигримы возвращаются домой, и что только потому графъ ищетъ перемирія. Вслѣдствіе того онъ отвѣчалъ графу, что онъ не дастъ ему никакого перемирія, если король не прикажетъ срыть Аскалона, Газы и Даруна, которые были имъ укрѣплены. Когда король услышалъ, что владѣнія его племянника должны потерять такую землю, какъ Аскалонъ, онъ сказалъ графу Гейнриху: „Прекрасный племянникъ (biaus neveu), я не могу долѣе оставаться въ этой странѣ. Срытіе Аскалона не можетъ удержать меня; я срою его, чтобы получить перемиріе; но съ божіею помощію, если буду живъ и здоровъ, я приведу съ собою столько людей, что возвращу Аскалонъ и всю страну, и вы будете носить корону въ Іерусалимѣ“. Такимъ образомъ перемиріе было заключено подъ условіемъ срытія Газы, Даруна и Аскалона (10 авг. 1192 г.).

Когда договоръ былъ утвержденъ, Саладинъ сжалился надъ владѣтелями, которые жили еще въ Палестинѣ и которыхъ онъ лишилъ наслѣдія. Онъ далъ владѣтелю Сидона хорошій городъ, въ четырехъ миляхъ отъ Тира, называемый Серфентъ. Баліанъ Ибелинъ, женатый на королевѣ Маріи, получилъ зàмокъ въ пяти миляхъ отъ Акры и зависящія отъ него земли; зàмокъ назывался Лакимонтъ. Владѣтелю Каифы была возвращена Каифа. Владѣтель Цезаріи получилъ Цезарію. Владѣтель Арсура возвратилъ себѣ Арсуръ и зависящія отъ него земли. Графу Гейнриху Саладинъ отдалъ Яффу. Впослѣдствіи графъ

Гейнрихъ, имѣя отъ своей жены трехъ дочерей, выдалъ ихъ за трехъ сыновей коннетабля Амори (Hemeri), владѣтеля Кипра. Старшій сынъ долженъ былъ жениться на старшей дочери, когда они оба придутъ въ возрастъ; и старшій изъ сыновей Амори объявилъ старшей изъ дочерей Гейнриха, что если кто-нибудь изъ нихъ умретъ, то тѣмъ не менѣе старшій долженъ жениться на старшей. Онъ отдалъ Яффу королю Кипра вмѣстѣ съ своими дочерьми. Болѣе онъ не могъ ничего дать, ибо его жена имѣла отъ маркиза дочь, которая впослѣдствіи, какъ вы узнаете, была королевою. Король Кипра, получивъ Яффу, снабдилъ ее рыцарями, вооруженными людьми и припасами, и сдѣлался ея владѣтелемъ.

Когда король Англіи заключилъ перемиріе съ сарацинами, онъ приказалъ изготовить корабли, нагрузить галеры съѣстными припасами и людьми и посадить на нихъ свою жену и жену императора Кипра, который умеръ у него въ плѣну, вмѣстѣ съ его дочерью и его людьми. Послѣ того онъ сказалъ магистру тампліеровъ: „Магистръ, я знаю, что меня не всѣ любятъ, и если я переплыву море, и узнаютъ, что я нахожусь тамъ, то мнѣ никакимъ образомъ не удастся уйти отъ того, чтобы меня не убили или не взяли въ плѣнъ. Потому я прошу васъ, дайте мнѣ нѣсколькихъ изъ вашихъ военныхъ братій и вооруженныхъ людей, которые сѣли бы со мною на галеру. Когда мы будемъ далеко отсюда, они проведутъ меня, какъ брата-тампліера, въ мою страну". Говоря правду, король дѣйствительно нанесъ обиду нѣсколькимъ тампліерамъ предъ Акрою, когда онъ туда прибылъ, а также и герцогу Австрійскому, о чемъ я нахожу неприличнымъ говорить въ своей книгѣ. Магистръ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ его желаніе охотно, и тайно далъ ему рыцарей и вооруженныхъ людей, и они сѣли на галеру. Король простился съ графомъ Гейнрихомъ, тампліерами и туземцами и взошелъ на корабль. Вечеромъ онъ пересѣлъ на галеру тампліеровъ и простился съ своею женою и людьми. Одни пошли въ одну сторону, а другіе въ другую.

Бернардъ Казначей.

L'estoire de la conquest de la Terre d'outre mer etc. Стр. 181—211 (по изд. Гизо).

О жизни и сочиненіяхъ Бернарда Казначея см. выше, въ примѣчаніи къ ст. 44, на стр. 476.

---

53. — Ричардъ I Львиное-Сердце подъ стѣнами Іерусалима. 1192.

(До 1235 г.).

По взятіи Птолемаиды (Акра), Филиппъ II Августъ возвратился домой; Конрадъ Монферратскій ушелъ къ себѣ въ Тиръ; потому войну съ Саладиномъ продолжалъ одинъ Ричардъ Львиное-Сердце, и эта война уже длилась почти цѣлый годъ отъ августа 1191 г., когда христіане двинулись впередъ изъ Птолемаиды, и до конца іюня 1192 г., когда Ричардъ рѣшился подступить въ первый разъ къ самому Іерусалиму, гдѣ заперся Саладинъ. Арабскій историкъ, изложивъ всѣ эти событія, останавливается подробно на этомъ самомъ торжественномъ моментѣ борьбы Саладина съ Ричардомъ.

Четвергъ, 19 джумади (конецъ іюня, 1192 г.). былъ страшнымъ днемъ. Утромъ, султанъ созвалъ свой совѣтъ: тамъ присутствовалъ и эмиръ Госсамэддинъ Абулъ-Ганджіа, тотъ самый, который защищалъ Акру въ первый годъ осады; онъ былъ нездоровъ и его посадили. Тутъ же находился и эмиръ Маштубъ, выдерживавшій конецъ осады Акры, и который, оставаясь долго въ плѣну, только-что успѣлъ выкупиться. Султанъ былъ внѣ себя, вслѣдствіе неизбѣжной опасности, которая угрожала всѣмъ, и не имѣлъ силы говорить; онъ приказалъ говорить мнѣ за него. Я началъ рѣчь, и по внушенію Аллаха настаивалъ на необходимости умереть, если то потребуется для спасенія святого города; между прочимъ я сказалъ слѣдующее: „Нашъ пророкъ Магометъ, находясь въ подобной же опасности, убѣждалъ своихъ сподвижниковъ пожертвовать жизнью и биться съ врагомъ до послѣдней минуты: вотъ примѣръ, которому должно слѣдовать. Отправимся въ молельню Алаксы (мечети Омара) и дадимъ клятву предъ Аллахомъ, что мы скорѣе погибнемъ, нежели оставимъ Іерусалимъ. Кто знаетъ! быть можетъ, Аллахъ, тронутый нашимъ самоотверженіемъ, избавитъ насъ отъ угрожающей опасности“. Всѣ одобрили эти слова; одинъ султанъ, оставаясь въ раздумьѣ, хранилъ молчаніе и казался взволнованнымъ. Видя его въ такомъ настроеніи, мы также замолчали. Наконецъ, онъ заговорилъ: „Хвала Аллаху, и привѣтъ нашему пророку! Вамъ извѣстно, что въ эту минуту вы составляете оплотъ исламизма и его единственную защиту; вы знаете, что въ вашихъ рукахъ кровь мусульманъ, ихъ имущество и ихъ семейство; безъ васъ для непріятеля не было бы никакой преграды. Если—чего да избавитъ Аллахъ—вы потеряете свое мужество, тогда для насъ все кончено; христіане перевернутъ всю страну и поставятъ ее вверхъ дномъ, какъ ангелъ Сигилъ въ день суда закроетъ книгу человѣческихъ дѣяній. На васъ лежитъ отвѣтственность; почему я и выбралъ васъ изъ всѣхъ мусульманъ, чтобы вы содержались на ихъ счетъ. Исламизмъ ждетъ отъ васъ своего спасенія. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать“. Тогда всталъ Маштубъ и говорилъ: „О, нашъ властитель! мы твои слуги и рабы. Мы хорошо тебѣ служили;

ты далъ намъ высокія званія; ты осыпалъ насъ благодѣяніями; все, что мы имѣемъ, мы получили отъ тебя; своего у насъ только головы, и онѣ отданы на службу тебѣ. Именемъ Аллаха! никто изъ насъ не поколеблется защищать тебя даже до смерти". Эти слова увѣрили Саладина; всѣ эмиры говорили то же самое. Лицо султана прояснилось; сердце его разверзлось, и онъ приказалъ дать намъ поѣсть. Такимъ образомъ, было рѣшено защищать Іерусалимъ до конца; но послѣ совѣта, когда его опредѣленія сдѣлались извѣстны, мамелюки султана обнаружили сильное сопротивленіе; они собрались съ шумомъ около Госсамэддина и разразились жалобами. „Это опредѣленіе безразсудно, говорили они. Если мы начнемъ защищать Іерусалимъ, то произойдетъ то же, что было при осадѣ Акры; такъ мы совсѣмъ уронимъ исламизмъ; лучше попытать счастіе битвы и дойти до общаго дѣла. Если Аллахъ намъ даруетъ побѣду, непріятель погибъ, и мы лишимъ его даже и тѣхъ мѣстъ, которыми онъ владѣетъ; если же мы будемъ побѣждены, тогда намъ не будетъ дѣла до Іерусалима и насъ упокоятъ. Притомъ развѣ исламизмъ былъ менѣе славенъ, когда мы не владѣли этимъ городомъ? Если желаютъ, чтобы мы остались здѣсь, то пусть съ нами останется султанъ или кто-нибудь изъ его семейства; иначе курды не захотятъ повиноваться туркамъ, а турки курдамъ, и осажденные раздѣлятся между собою". Это обстоятельство причинило султану неописанное горе. Онъ придавалъ огромную цѣну владѣнію святымъ городомъ, цѣну, которой нельзя постигнуть никакимъ воображеніемъ. Поэтому пусть судятъ о печали, которую онъ тогда испыталъ. Одну минуту онъ имѣлъ мысль запереться самому въ Іерусалимѣ; потомъ, по представленію своихъ эмировъ, онъ остановился на томъ, чтобы оставить въ городѣ одного изъ своихъ племянниковъ. Между тѣмъ имъ овладѣла великая печаль; мы замѣтили это вечеромъ, когда, по обычаю, собрались у него; онъ былъ задумчивъ и не такъ веселъ, какъ обыкновенно. Послѣ вечерней молитвы, когда было очень поздно и всѣ разошлись, онъ далъ мнѣ знакъ остаться. Мы провели ночь вмѣстѣ; я считаю эту ночь, проведенную на службѣ Аллаху, какъ самую достопамятную. На слѣдующій день утромъ я говорю ему: „Мнѣ пришла на умъ мысль... Когда находишься въ затрудненіи, слѣдуетъ употребить всѣ возможныя средства, чтобы выйти изъ нихъ; и когда нѣтъ средствъ земныхъ, необходимо прибѣгнуть къ Аллаху, который всегда готовъ помочь. Сегодня пятница, день благословенный, когда Аллахъ исполняетъ просьбы молящихся; мы находимся теперь въ мѣстѣ самомъ святомъ на землѣ (т. е. въ Іерусалимѣ); почему бы султану не очиститься? почему бы ему не сдѣлать втайнѣ обильной милостыни? почему бы не обратиться съ горячими обѣтами къ Аллаху и не вручить ему ключъ отъ своихъ дѣлъ, сознаваясь въ своемъ безсиліи преодолѣть настоящую опасность? Я увѣренъ, что Аллахъ придетъ къ нему на помощь и исполнитъ его молитву". Султанъ, оказалось, имѣлъ твердую вѣру и полное упованіе. Когда насталъ часъ молитвы, мы отправились вмѣстѣ въ мечеть Алаксу, гдѣ онъ совершилъ молитву, распростершись на землѣ и заливаясь слезами. День законченъ былъ милостынею. Вдругъ вечеромъ, когда мы снова собрались у султана, съ передовыхъ постовъ

явилась записка, извѣщавшая, что христіанская армія отступаетъ. На слѣдующій день мы узнали, что въ ту минуту, когда нужно было рѣшить дѣло, вожди христіанской арміи раздѣлились. Французы требовали идти впередъ и начать приступъ, говоря, что они для того и пришли сюда, и не хотятъ возвращаться, не посѣтивъ святого города; король Англіи отвѣчалъ, что всѣ источники въ окрестностяхъ города отравлены, что почва Іерусалима крѣпка и камениста, и, образуя одну сплошную скалу, не дозволитъ копать колодцевъ. Напрасно французы замѣчали, что за водою можно ходить къ ручью Тэку, на одну парасангу (персидская мѣра пути) отъ Іерусалима, и что можно раздѣлить армію на двѣ части: одна будетъ въ дѣлѣ, а другая пойдетъ за водой. Король возразилъ, что это неудобно, ибо, во время раздѣленія арміи, Саладинъ нападетъ съ одной стороны, а осажденные съ другой, и они всѣ погибнутъ. Тогда франки опредѣлили отдать это дѣло на рѣшеніе посредниковъ; триста изъ предводителей арміи выбрали 12 человѣкъ, которые опять, въ свою очередь, назначили трехъ посредниковъ. Всѣ эти пренія происходили на лошадяхъ и въ открытомъ полѣ, ибо франки иначе не совѣщались. Посредники выразили мнѣніе о необходимости отступить; противники смолкли, и христіанская армія потянулась къ Яффѣ. Отступленіе началось утромъ 21 джумади (начало іюля) и произвело всеобщую радость между мусульманами.

Боаэддинъ.

Исторія жизни Саладина.

О Боаэддинѣ и его сочиненіяхъ см. выше, на стр. 515.

---

54. — Историческій разсказъ о плѣнѣ Ричарда Львиное-Сердце. 1192—94 г.

(Въ 1825 г.).

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Палестинѣ, Ричардъ узналъ о томъ, что его братъ Іоаннъ, графъ Мортенъ (Безземельный), пользуясь его отсутствіемъ, изгналъ поставленнаго имъ въ Англіи намѣстника Вильгельма Лоншана (Longchamp), а французскій король, Филиппъ II Августъ, объявилъ данную имъ присягу не враждовать противъ Англіи недѣйствительною. Такія извѣстія изъ Европы заставили Ричарда, не смотря на клятву не оставлять Св. Земли, пока онъ не съѣстъ послѣдняго коня, заключить съ Саладиномъ перемиріе на 3 года, 3 мѣсяца и 3 дня и поспѣшить на родину для усмиренія брата и противодѣйствія кознямъ сосѣда своего, Филиппа II.

Достигнувъ (1192 г.) моремъ острова Сициліи, Ричардъ подумалъ о томъ, что было бы опасно для него пристать къ одному изъ портовъ южной Галліи, потому что бо́льшая часть бароновъ въ Провансѣ находились въ родствѣ съ Конрадомъ, маркизомъ Монферратскимъ, убитымъ въ Тирѣ, какъ подозрѣвали, по приказанію Ричарда (см. выше, на стр. 522), и также потому что, Раймундъ, графъ Тулузскій, верховный владѣтель всѣхъ приморскихъ странъ на западъ отъ устьевъ Роны, былъ его личнымъ врагомъ, еще по прежнимъ отношеніямъ, когда Ричардъ до крестоваго похода находился въ Аквитаніи. Опасаясь съ ихъ стороны какой-нибудь засады, онъ, вмѣсто того, чтобы переплыть Средиземное море, вошелъ въ Адріатику и, чтобы не быть узнаннымъ, отпустилъ бо́льшую часть своей свиты. На его корабль напали пираты; но онъ успѣлъ, послѣ довольно горячаго съ ними дѣла, вступить въ переговоры, пересѣлъ на одинъ изъ ихъ кораблей, и уже на немъ присталъ къ одной небольшой гавани, на Истрійскомъ берегу. Ричардъ высадился съ нормандскимъ барономъ Балдуиномъ Бэтюнскимъ, двумя своими капелланами, Филиппомъ и Ансельмомъ, нѣсколькими тампліерами и съ небольшимъ числомъ прислуги. Надобно было получить охранную грамоту на проѣздъ отъ владѣтеля страны, имѣвшаго пребываніе въ Горицѣ и бывшаго, къ несчастью, въ близкой связи съ фамиліей маркиза Монферратскаго. Король послалъ къ нему одного изъ своихъ людей съ просьбой о пропускѣ, и приказалъ предложить графу Горица перстень, украшенный большимъ рубиномъ, купленнымъ въ Палестинѣ у пизанскихъ купцовъ. Этотъ въ то время знаменитый рубинъ былъ узнанъ графомъ. „Кто послалъ тебя просить у меня проѣзда?“ спросилъ онъ у королевскаго слуги. „Странники, возвращающіеся изъ Іерусалима“. — „Какъ ихъ зовутъ?“— „Одинъ называется Балдуинъ Бэтюнскій, а другой, предлагающій вамъ этотъ перстень—Гуго, купецъ“. Графъ внимательно разсматривалъ этотъ перстень и нѣкоторое время хранилъ молчаніе, но потомъ вдругъ возразилъ: „Ты говоришь неправду: его зовутъ не Гуго, а королемъ Ричардомъ. Но такъ-какъ онъ, не зная меня, хотѣлъ почтить своимъ подаркомъ, то я не хочу его удерживать; отсылаю обратно его перстень и даю ему полную свободу на проѣздъ“.

Удивленный этимъ, для него совершенно-неожиданнымъ, обстоятельствомъ, Ричардъ тотчасъ же отправился въ путь: ему въ этомъ нисколько не препятствовали. Но графъ Горица послалъ предувѣдомить своего брата, владѣтеля близлежащаго города, что король англійскій находится въ ихъ странѣ и долженъ проѣзжать черезъ его землю. У этого брата состоялъ на службѣ нормандскій рыцарь, по имени Рожеръ, родомъ изъ Аржантона; ему было поручено каждый день посѣщать всѣ гостинницы, въ которыхъ останавливались пилигримы, и присматриваться, не узнаетъ ли онъ короля англійскаго по рѣчи или по какому-либо другому признаку. Рожеру, если онъ успѣетъ захватить Ричарда, было обѣщано полгорода. Нормандскій рыцарь производилъ свои поиски въ теченіе нѣсколькихъ дней, ходилъ изъ дома въ домъ, и кончилъ тѣмъ, что нашелъ короля. Ричардъ пытался сначала скрыть свое имя, но, доведенный до крайности вопросами норманна, былъ вынужденъ сознаться. Тогда Рожеръ заплакалъ, за-

клиная короля бѣжать, не теряя ни минуты, и предложилъ ему лучшую свою лошадь; потомъ онъ возвратился къ своему сузерену, сказалъ ему, что слухъ о прибытіи короля былъ ложенъ, что онъ нашелъ вовсе не его, а отыскалъ только одного изъ своихъ соотечественниковъ, Балдуина Бэтюнскаго, возвращавшагося изъ Палестины. Баронъ, озлобленный тѣмъ, что лишился добычи, приказалъ схватить Балдуина и запереть его въ темницу.

Въ это время король Ричардъ бѣжалъ черезъ нѣмецкія земли въ сопровожденіи Вильгельма Этангскаго, своего задушевнаго друга, и одного только слуги, умѣвшаго говорить по-нѣмецки, потому ли, что онъ былъ природный англосаксъ, или же оттого, что его невысокое положеніе въ свѣтѣ внушило ему желаніе выучиться англосакскому языку, тогда весьма схожему съ саксонскимъ нарѣчіемъ Германіи и еще не имѣвшему ни французскихъ словъ, ни выраженій, ни оборотовъ. Они путешествовали три дня и три ночи безъ пищи, почти сами не зная, куда ѣдутъ, и прибыли въ страну, называвшуюся на нѣмецкомъ языкѣ Эстеррейхъ (Австрія), то-есть, восточное государство. Это наименованіе было послѣднимъ остаткомъ воспоминаній о древней имперіи франковъ, въ которой эта страна составляла нѣкогда восточную марку. Эстеррейхъ, или Австрія, какъ называли ее французы и норманны, зависѣла отъ германской имперіи и находилась подъ управленіемъ владѣтеля, носившаго титулъ *герцога (Here-zog)*; по несчастью, этотъ герцогъ, именемъ Леопольдъ, былъ тотъ самый, котораго Ричардъ смертельно обидѣлъ въ Палестинѣ, приказавъ сорвать его знамя. Его резиденція была въ Вѣнѣ, на Дунаѣ, куда прибыли король и его два спутника, изнуренные усталостью и голодомъ.

Слуга, говорившій по-англосакси, отправился въ городскую мѣняльную для промѣна византійскихъ золотыхъ на мѣстную монету. Онъ хвастался передъ купцами своимъ золотомъ и своей особой, принимая на себя важный видъ и манеры придворнаго человѣка. Граждане, въ которыхъ онъ возбудилъ подозрѣніе, отвели его къ своему судьѣ, чтобы узнать, кто онъ такой. Онъ назвался слугою богатаго купца, который долженъ былъ прибыть въ Вѣну черезъ три дня, и по этому показанію былъ освобожденъ. Когда онъ возвратился въ квартиру, занимаемую королемъ, то разсказалъ ему свое приключеніе и совѣтовалъ какъ можно скорѣе ѣхать; но Ричардъ, желавшій отдохнуть, остался еще на нѣсколько дней. Въ теченіе этого промежутка времени слухъ о его высадкѣ распространился по Австріи, и герцогъ Леопольдъ, хотѣвшій отмстить Ричарду за обиду и вмѣстѣ съ тѣмъ обогатиться выкупомъ за подобнаго плѣнника, разослалъ во всѣ стороны лазутчиковъ и вооруженныхъ людей, чтобъ его отыскивать. Они объѣхали всю страну и не могли ничего открыть; но однажды, когда слуга, бывшій уже разъ въ подозрѣніи, пришелъ на городской рынокъ и закупалъ тамъ припасы, замѣтили у него за поясомъ богато-вышитыя перчатки, употреблявшіяся при дворѣ знатными особами того времени. Его взяли снова и, чтобъ заставить сознаться, подвергли пыткѣ; онъ разсказалъ все и назвалъ гостинницу, въ которой жилъ король Ричардъ. Этотъ домъ былъ тотчасъ окруженъ вооруженными людьми герцога австрійскаго; они застали короля врас-

плохъ и принудили его сдаться. Герцогъ обошелся съ нимъ почтительно, но приказалъ запереть его въ тюрьму и сторожить избраннымъ воинамъ днемъ и ночью, съ обнаженными мечами.

Какъ только распространился слухъ о взятіи короля англійскаго, императоръ, или кесарь всей Германіи (Гейнрихъ VI), потребовалъ отъ герцога австрійскаго, своего вассала, выдачи ему плѣнника, подъ тѣмъ предлогомъ, что одному только императору дозволительно содержать у себя въ тюрьмѣ короля. Герцогъ Леопольдъ по наружности охотно призналъ справедливость этого страннаго разсужденія, но при этомъ выговорилъ долю изъ выкупа. Англійскій король былъ тогда перевезенъ изъ Вѣны на берега Рейна, въ одну изъ императорскихъ крѣпостей, и императоръ отправилъ къ французскому королю радостное посланіе, доставившее послѣднему болѣе удовольствія—говоритъ одинъ историкъ тогдашняго времени — нежели подарокъ изъ чистаго золота и драгоцѣнныхъ камней. Филиппъ II тотчасъ же написалъ императору поздравленіе и приглашалъ его стеречь своего плѣнника съ наивозможнымъ стараніемъ, потому что, писалъ онъ, „свѣтъ никогда не будетъ имѣть покоя, если подобному крамольнику удастся убѣжать". Вслѣдствіе этого онъ предлагалъ заплатить сумму равную, или даже большую, противъ того выкупа, который бы далъ король англійскій, если только императоръ согласится отдать ему Ричарда подъ присмотръ.

Императоръ подвергнулъ, по обыкновенію, это предложеніе разсмотрѣнію сейма, или общаго собранія владѣтелей и епископовъ Германіи. Онъ изложилъ имъ основанія просьбы французскаго короля и оправдывалъ заточеніе Ричарда въ темницу мнимымъ содѣйствіемъ его въ убійствѣ маркиза Монферратскаго, обидой, нанесенной знамени герцога австрійскаго, и заключеніемъ съ сарацинами перемирія на три года. За такія преступленія слѣдовало, по его мнѣнію, объявить англійскаго короля врагомъ имперіи. Собраніе рѣшило, что Ричардъ подлежитъ имперскому суду по взводимымъ на него обвиненіямъ, но отказало въ выдачѣ его королю французскому. Послѣдній, не выждавъ произнесенія надъ плѣнникомъ приговора, отправилъ къ нему нарочнаго и приказалъ сказать, что онъ не признаетъ его болѣе своимъ вассаломъ, вызываетъ его и объявляетъ ему непримиримую войну. Въ то же время онъ велѣлъ сообщить графу Мортену тѣ же самыя предложенія, какія нѣкогда дѣлалъ Ричарду для возстановленія его противъ отца. Онъ обѣщалъ обезпечить за графомъ Іоанномъ владѣніе Нормандіею, Анжу и Аквитаніею и помочь ему завладѣть королевской властью въ Англіи. Взамѣнъ всего этого онъ требовалъ только, чтобъ Іоаннъ былъ вѣрнымъ его союзникомъ и женился на сестрѣ его Алисѣ. Не заключая съ королемъ Филиппомъ положительнаго союза, Іоаннъ началъ интриговать во всѣхъ странахъ, подвластныхъ брату, и подъ предлогомъ, что Ричардъ умеръ, или долженъ считаться умершимъ, потребовалъ присяги въ вѣрности отъ должностныхъ лицъ и правителей зáмковъ и городовъ.

Король англійскій узналъ объ этихъ проискахъ чрезъ норманскихъ аббатовъ, получившихъ позволеніе навѣщать его въ темницѣ, и въ особенности чрезъ своего бывшаго канцлера Вильгельма Лоншана,

личнаго врага графа Мортена. Ричардъ принялъ его какъ друга, пострадавшаго на его службѣ, и употреблялъ его для разныхъ переговоровъ. День, назначенный для суда, насталъ; король явился, какъ обвиненный, передъ германскимъ сеймомъ, собраннымъ въ Вормсѣ (1193 г.). Ему достаточно было только обѣщать за свой выкупъ сто тысячъ серебряныхъ марокъ, и признать себя вассаломъ императора, чтобъ оправдаться отъ всѣхъ обвиненій. Это признаніе себя вассаломъ, бывшее не болѣе какъ формальностью, имѣло въ глазахъ императора значеніе, по поводу его притязаній на всеобщее владычество римскихъ цезарей, въ отношеніи которыхъ онъ считалъ себя наслѣдникомъ. Феодальное подчиненіе Англійскаго королевства Германской имперіи не могло быть продолжительнымъ, но, тѣмъ не менѣе, признаніе и объявленіе этого подданства были совершены со всѣмъ блескомъ и торжественностью по обычаямъ того вѣка. „Король Ричардъ", говоритъ одинъ современникъ, „отказался отъ королевства и отдалъ его императору, какъ всеобщему верховному владѣтелю, сузерену, возложивъ на него, въ знакъ передачи, свою шапку; императоръ же тотчасъ возвратилъ королевство въ ленное ему владѣніе, подъ условіемъ уплаты ежегодной дани въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и утвердилъ его инвеституру пожалованіемъ двойного золотого креста". Послѣ этой церемоніи императоръ, епископы и германскіе владѣтели обѣщали, поклявшись спасеніемъ своихъ душъ, возвратить королю англійскому свободу тотчасъ же послѣ уплаты имъ ста тысячъ серебряныхъ марокъ. Съ этого дня заточеніе Ричарда сдѣлалось уже не такъ стѣснительнымъ.

Въ теченіе этого времени графъ Мортенъ, продолжая свои интриги, уговаривалъ англійскихъ правителей, архіепископа руанскаго и норманскихъ бароновъ, присягнуть ему въ вѣрности и признать его королемъ. Бóльшая часть изъ нихъ отказалась, и графъ, чувствуя себя слишкомъ слабымъ на то, чтобъ принудить ихъ исполнить свое желаніе, отправился во Францію и заключилъ формальный договоръ съ королемъ Филиппомъ. Онъ объявилъ себя вассаломъ этого короля за Англію и за всѣ другія владѣнія своего брата, поклялся жениться на его сестрѣ и уступить ему значительную часть Нормандіи, Туръ, Лошъ, Амбуазъ и Монтришаръ тотчасъ послѣ того, какъ, по его содѣйствію, онъ сдѣлается королемъ Англіи. Наконецъ, онъ подписалъ еще слѣдующее условіе: „И если мой братъ Ричардъ будетъ предлагать мнѣ миръ, то я не приму безъ согласія моего французскаго союзника даже въ такомъ случаѣ, когда мой союзникъ заключилъ бы отдѣльный миръ съ означеннымъ моимъ братомъ Ричардомъ".

Послѣ утвержденія этого договора, король Филиппъ перешелъ съ многочисленной арміей норманскую границу, а графъ Іоаннъ приказалъ раздавать деньги между остававшимися еще свободными валлійскими племенами, чтобъ побудить ихъ къ нашествію и оказать тѣмъ помощь его приверженцамъ въ Англіи. Этотъ угнетаемый завоевателями народъ съ радостью посвятилъ свою національную ненависть на службу одной изъ двухъ партій, разъединявшихъ норманновъ; но, неспособный къ большимъ предпріятіямъ внѣ малой страны, гдѣ онъ такъ упорно защищалъ свою независимость, онъ не принесъ пользы

противникамъ короля Ричарда; притомъ же послѣдніе дѣйствовали въ Англіи малоуспѣшно. Это обстоятельство побудило графа Іоанна остаться при королѣ французскомъ и обратить всѣ свои замыслы на Нормандію. Освобожденная такимъ образомъ отъ бѣдствій войны, Англія, тѣмъ не менѣе, страдала, потому что она была подвергнута огромнымъ налогамъ на выкупъ короля. Королевскіе сборщики проходили страну по всѣмъ направленіямъ и брали дань со всѣхъ сословій общества: съ духовныхъ и свѣтскихъ, саксовъ и норманновъ. Всѣ собираемыя по частямъ въ провинціяхъ деньги были отсылаемы въ Лондонъ. Разсчитывали, что сумма сбора должна равняться назначенному выкупу; но оказался страшный недочетъ, происшедшій отъ плутней сборщиковъ. Такъ какъ первый сборъ былъ найденъ недостаточнымъ, то исполнители королевской власти предприняли вторичный, употребляя, говорятъ историки, благовидный предлогъ королевскаго выкупа для прикрытія своего постыднаго воровства.

Прошло уже почти два года съ тѣхъ поръ, какъ Ричардъ находился въ заключеніи; онъ отправлялъ оттуда посланнаго за посланнымъ въ Англію и въ свои континентальныя провинціи, прося своихъ уполномоченныхъ приверженцевъ поспѣшить выкупомъ для его освобожденія. Онъ горько жаловался, что друзья его забыли и не хотятъ сдѣлать для него того, что онъ самъ сдѣлалъ бы для каждаго изъ нихъ. Онъ выразилъ эти жалобы въ пѣснѣ, сочиненной на южно-романскомъ языкѣ, который онъ предпочиталъ менѣе выработанному нарѣчію Нормандіи, Анжу и Франціи:

„Много у меня друзей, но скудно они платятъ. Стыдно имъ, что, за недостаткомъ выкупа, я уже двѣ зимы нахожусь въ плѣну [1]).

„Пусть знаютъ мои англійскіе, нормандскіе, пуатвинскіе и гасконскіе люди и бароны, что изъ-за денегъ я не оставилъ бы ни одного изъ своихъ бѣдныхъ товарищей въ темницѣ: говорю это не въ упрекъ имъ; но я все еще въ плѣну!...“

Пока во всей Англіи производился вторичный сборъ на выкупъ короля Ричарда, въ Лондонъ прибыли посланные императора для полученія, въ видѣ задатка, въ счетъ всей суммы денегъ, уже собранныхъ. Они повѣряли количество ихъ вѣсомъ и мѣрой, и приложили свои печати къ мѣшкамъ, которые англійскіе моряки перевезли до самыхъ императорскихъ владѣній на счетъ и страхъ короля англійскаго. Деньги были благополучно доставлены къ германскому кесарю, препроводившему изъ нихъ третью часть герцогу австрійскому за поимку короля; вслѣдъ за тѣмъ, для рѣшенія участи этого плѣнника, былъ собранъ новый сеймъ, назначившій срокомъ его освобожденія третью недѣлю послѣ праздника Рождества Христова, съ условіемъ, что онъ оставитъ извѣстное число заложниковъ для обезпеченія вѣр-

---

[1]) Pro n'ay d'amis, mas paure son li don;
Ancta lur es si per ma rezenson
Soi sai dos yvers pres.
(*Raynouard*, Choix des poésies des Troubadours, t. IV, p. 183).

ной уплаты слѣдовавшей еще съ него суммы. Король Ричардъ согласился на все, и, довольный его податливостью, императоръ хотѣлъ вознаградить его подаркомъ. Онъ пожаловалъ ему формальную грамоту на ленное владѣніе землями, принадлежавшими ему самому только номинально, именно онъ далъ ему часть Бургундіи и области Ліонскую, Вьенскую и Провансальскую. „Надо знать“, говоритъ современникъ, „что эти земли, пожалованныя императоромъ королю, заключали въ себѣ пять архіепископствъ и тридцать три епископства; но нужно также замѣтить, что означенный императоръ не имѣлъ тамъ никогда никакой власти, и что жители никогда не хотѣли признавать ни одного изъ назначенныхъ имъ владѣтелей“.

Когда французскій король и его союзникъ, графъ Іоаннъ, узнали о рѣшеніи, принятомъ императорскимъ сеймомъ, то начали опасаться, что имъ не достанетъ времени для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ до освобожденія короля. Вслѣдствіе этого они отправили съ наивозможной поспѣшностью къ императору пословъ, предлагая ему семьдесятъ тысячъ серебряныхъ марокъ, если онъ согласится продолжить заточеніе Ричарда еще на одинъ годъ, или, если ему будетъ пріятнѣе, тысячу серебряныхъ ливровъ за каждый мѣсяцъ содержанія его въ плѣну, или же еще сто-пятьдесятъ тысячъ марокъ за выдачу плѣнника подъ присмотръ короля французскаго и графа Мортена. Прельщенный такими блестящими предложеніями, императоръ хотѣлъ измѣнить своему слову, но члены сейма, давшіе клятву вѣрно исполнить свое обѣщаніе, воспротивились и, пользуясь своею властью, освободили узника въ концѣ января 1194 года. Ричардъ не могъ ѣхать ни во Францію, ни въ Нормандію, занятую тогда французами; всего безопаснѣе было для него сѣсть на корабль въ одномъ изъ германскихъ портовъ и направиться прямо въ Англію; но тогда продолжалось бурное время года; ему пришлось прождать болѣе мѣсяца въ Антверпенѣ, а въ теченіе этого промежутка императоръ снова подвергся искушеніямъ своей жадности: надежда удвоить барыши пересилила въ немъ боязнь навлечь на себя неудовольствіе владѣтелей, менѣе его сильныхъ, которыхъ онъ, въ качествѣ верховнаго властителя, имѣлъ тысячу средствъ заставить молчать. Поэтому онъ рѣшился вторично захватить отпущеннаго имъ на свободу плѣнника; но тайна этой замышляемой измѣны была недостаточно охранена, и одинъ изъ заложниковъ, оставленныхъ въ рукахъ императора, нашелъ средство предувѣдомить короля. Ричардъ тотчасъ же сѣлъ на судно норманскаго купца, по имени Алэна Траншмера и, ускользнувъ такимъ образомъ отъ рукъ тѣхъ, которые были посланы съ цѣлью схватить его, счастливо высадился въ англійской гавани Сандвичъ (1194 г.).

Авг. Тьерри.

Hist. de la conq. de l'Angl. par les Normands. Par. 1856. T. IV, 42—54 стр.

Объ Авг. Тьерри и его сочиненіяхъ см. выше, въ томѣ I, примѣч. къ ст. 68 и 71, и II, примѣч. къ ст. 16 и 37.

55. — Характеристика Саладина и его смерть, по арабскимъ писателямъ. 1158 — 1193 г.

Послѣ возвращенія Ричарда, англійскаго короля, изъ Палестины на родину, Саладинъ, не имѣя болѣе причины опасаться христіанъ, отправился провести нѣкоторое время въ Дамаскѣ. Онъ очень любилъ этотъ городъ и надѣялся возстановить тамъ свое здоровье, потрясенное боевыми трудами послѣднихъ лѣтъ. Его намѣреніе было, побывъ нѣсколько въ Дамаскѣ, отправиться далѣе въ Египетъ, гдѣ онъ не былъ цѣлыхъ 10 лѣтъ. Онъ выѣхалъ изъ Іерусалима, посѣтилъ на дорогѣ Наплузу, Тиверіаду и другія завоеванныя имъ мѣстности. По прибытіи Саладина въ Беритъ, къ нему явился на поклонъ Боэмундъ, князь Антіохіи. Султана тронуло особенно то, что Боэмундъ посѣтилъ его по собственному побужденію, безъ всякаго недовѣрія, безъ стражи и не требуя охранной грамоты. Чтобы выразить ему свое удовольствіе, султанъ сдѣлалъ ему отличный пріемъ и подарилъ нѣсколько деревень, сосѣднихъ съ его княжествомъ; прибывшіе съ нимъ владѣтели получили также отъ султана подарки. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ Дамаскъ и былъ встрѣченъ знаками всеобщаго восторга. Жители, при видѣ его, выразили величайшую радость, и поэты написали по этому случаю множество стиховъ. Саладинъ немедленно занялся благосостояніемъ жителей и искоренилъ различныя злоупотребленія. Боаэддинъ (см. о немъ выше, на стр. 515) намекаетъ на то, говоря, что „султанъ раскинулъ крыло своего правосудія, и тучи щедротъ распространили на всѣхъ благодѣтельный дождь“.

Между тѣмъ Саладинъ отправился съ своимъ братомъ Малекъ-Аделемъ на охоту. Его отсутствіе продолжалось 15 дней; здоровье, повидимому, возстановилось совершенно, и онъ началъ считать себя внѣ опасности, какъ вдругъ снова заболѣлъ и умеръ. Боаэддинъ, историкъ-очевидецъ, вошелъ по этому поводу въ слишкомъ большія подробности, и мы ограничимся однимъ извлеченіемъ, которое сдѣлалъ оттуда Абульфеда (арабскій историкъ начала XIV вѣка).

„Въ пятницу, 15 сафара (21 февраля 1193 г. или 589 г. эгиры), когда прибыли мусульманскіе пилигримы изъ Мекки, Саладинъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и простудился. По возвращеніи во дворецъ, онъ почувствовалъ чрезвычайную слабость; имъ овладѣла желчная лихорадка, и съ того времени болѣзнь получила опасный характеръ; на четвертый день больному пустили кровь; въ девятый онъ почувствовалъ ознобъ во всемъ тѣлѣ и впалъ въ бредъ; въ двѣнадцатый день, когда наступили послѣднія минуты, былъ позванъ изъ мечети имамъ, чтобы присутствовать при его смерти; надъ нимъ прочли обычныя молитвы, и онъ исповѣдалъ вѣру; наконецъ, на слѣдующій день утромъ, Саладинъ умеръ, въ среду, 27 сафара (5 марта 1193 г.). Тѣло его было омыто катибомъ, или проповѣдникомъ мечети. Въ тотъ же день приступили къ погребенію, и онъ былъ похороненъ съ обычными молитвами, на томъ же мѣстѣ, гдѣ умеръ. Матерія, послужившая для погребенія, была пріобрѣтена

на законныя деньги. Его старшій сынъ, Малекъ-Афдалъ, сдѣлалъ пріемъ и выслушалъ сожалѣнія; послѣ онъ велѣлъ построить мавзолей, подлѣ главной мечети, на мѣстѣ дома, принадлежавшаго одному человѣку, пользовавшемуся хорошею репутаціей, а три года спустя, по его приказанію, тѣло отца было перенесено туда, и онъ самъ шелъ пѣшкомъ во главѣ процессіи. Процессія прошла подъ воротами дворца и направилась къ главной мечети. Тѣло было поставлено предъ каѳедрою; когда прочли молитвы, его опустили въ землю. Ситъ-Альмамъ, сестра Саладина, раздала при этомъ случаѣ обильную милостыню бѣднымъ".

Боаэддинъ, бывшій въ городѣ въ минуту смерти Саладина, говоритъ, что печаль по немъ была всеобщая.

„Этотъ день, по его словамъ, былъ самый ужасный, какой когда-либо постигалъ исламизмъ. Дворецъ въ Дамаскѣ, городъ, вся вселенная были удручены горемъ, которое знаетъ только одинъ Аллахъ. Я и многіе другіе охотно отдали бы всю жизнь для спасенія султана. Всѣ сердца погрузились въ печаль, глаза смокли отъ слезъ, и отчаяніе было столь повсемѣстно, что никому не пришло въ голову ограбить городъ". Онъ прибавляетъ далѣе, что, при первомъ извѣстіи о болѣзни султана, рынки и общественныя мѣста опустѣли, и каждый старался спрятать свое богатство и имущество. На востокѣ нѣтъ ничего прочнаго: все зависитъ отъ личнаго характера властителя, и если властитель умираетъ, то съ нимъ умираетъ и все остальное.

Жизнь и личность Саладина послужили предметомъ для многихъ писателей. Но между всѣми арабскими историками подробнѣе всѣхъ о томъ говоритъ Боаэддинъ, хотя онъ не безпристрастенъ и вездѣ видитъ только одну сторону. Мы приведемъ здѣсь только тѣ черты изъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя дополняютъ извѣстный образъ Саладина, какимъ онъ является въ своей политической жизни.

Саладинъ родился въ Текритѣ, на Тигрѣ, и умеръ 57 лунныхъ лѣтъ (55 солнечныхъ), послѣ правленія 24 лѣтъ въ Египтѣ и 19 въ Сиріи. Писатели арабскіе изображаютъ его весьма щедрымъ, причемъ онъ лишалъ себя даже необходимаго. Боаэддинъ утверждаетъ, что его казначей былъ вынужденъ въ концѣ, по секрету отъ султана, откладывать деньги на непредвидѣнный случай. Когда онъ умеръ, въ его сокровищницѣ нашли одну золотую и 47 серебряныхъ монетъ (что едва составляетъ 50 франковъ нынѣшней монеты). „Вотъ, заключаетъ Боаэддинъ, это все, что ему осталось отъ доходовъ, получаемыхъ въ Египтѣ, Аравіи, Сиріи и части Месопотаміи. У такого властителя это обстоятельство могло служить только доказательствомъ его чрезмѣрной щедрости, потому что кромѣ того у него не осталось никакого имущества и никакой собственности".

Особенно когда Саладинъ овладѣвалъ новою провинціею, онъ обнаруживалъ крайнюю расточительность, чтобы расположить въ свою пользу большинство. Когда онъ вступилъ въ Дамаскъ по смерти Нуреддина, онъ не взялъ ничего изъ его сокровищъ для себя и раздѣлилъ все между эмирами. Абульфаражъ [1]) въ своей „Сирійской хро-

---

[1]) *Абульфаражъ*, родомъ сиріанинъ, якобитскій епископъ въ Алеппо, родился въ 1226 и умеръ въ 1286 г. Онъ написалъ на арабскомъ и сирійскомъ языкахъ все-

никѣ“ приводитъ одну черту, которая весьма хорошо говоритъ о различіи характера Саладина и Нуреддина. Саладинъ, говоритъ онъ, поручилъ эмиру Ибнъ-Мокаддаму, одному изъ тѣхъ, которые помогли ему овладѣть Дамаскомъ, раздѣлить между прочими эмирами и важнѣйшими изъ жителей города сокровища, накопленныя Нуреддиномъ: эмиръ опустилъ руку и началъ съ себя, но не смѣлъ захватить много. Саладинъ, удивленный тѣмъ, спросилъ его о причинѣ, и тотъ отвѣчалъ ему, смѣясь, что когда-то Нуреддинъ, при раздѣлѣ изюму, видя, какъ онъ много захватываетъ въ руку, замѣтилъ, что, такимъ образомъ, не хватитъ на всѣхъ. Тогда Саладинъ возразилъ, что скупость придумана для купцовъ, а не для властителей, и что эмиръ можетъ брать всею рукою, а если не хватитъ одной руки, то пусть беретъ двумя.

Саладинъ, по словамъ Абульфеды, имѣлъ кроткіе нравы; онъ терпѣливо выносилъ противорѣчіе и оказывалъ снисходительность къ тѣмъ, которые ему служили. Если что-нибудь его оскорбляло, онъ не показывалъ виду. Случилось въ то время, когда онъ сидѣлъ, одинъ изъ мамелюковъ бросилъ грубо своею обувью въ голову товарища, и башмакъ упалъ возлѣ султана, но онъ отвернулся, какъ бы не замѣчая того. Въ разговорѣ Саладинъ былъ остороженъ; его примѣръ внушалъ то же самое другимъ, и никто не осмѣливался въ его присутствіи марать честь другого. Боаэддинъ приводитъ слѣдующій примѣръ долготерпѣливости Саладина. Когда, во время своей послѣдней болѣзни, султанъ спросилъ теплой воды, ему принесли кипятку; онъ повторилъ свою просьбу, и ему подали совсѣмъ холодную воду. Саладинъ, не измѣняя своего состоянія духа, сказалъ только одно: „Благословенно имя Аллаха! не могу ли я получить такую воду, какой я спрашивалъ?“ Боаэддинъ, бывшій вмѣстѣ съ кади Фаделемъ свидѣтелемъ этого обстоятельства, говоритъ, что они не могли безъ слезъ на глазахъ замѣтить, что всякій обыкновенный человѣкъ въ подобномъ случаѣ вылилъ бы воду на голову безтолковаго слуги.

Боаэддинъ, описывая далѣе обходительность султана, замѣчаетъ, что онъ былъ чрезвычайно привѣтливъ, встрѣчалъ съ добрымъ выраженіемъ лица и весьма хорошо принималъ своихъ гостей. Онъ никого не отпускалъ, не пригласивъ къ обѣду; пословъ мусульманскихъ и христіанскихъ угощалъ совершенно одинаково. Боаэддинъ присоединяетъ, что султанъ особенно любилъ разговоры съ старѣйшинами отшельниковъ, учеными правовѣдами и другими достойными людьми. „Онъ настаивалъ на томъ, продолжаетъ историкъ, чтобы мы хорошо обращались съ лицами подобнаго рода. Если представлялось такое лицо, султанъ принималъ его благосклонно, осыпалъ ласками и не дозволялъ ему отправиться безъ знаковъ его вниманія. Онъ былъ хорошій собесѣдникъ, самаго пріятнаго характера и даже шутливаго. Онъ зналъ отлично исторію арабовъ, ихъ приключенія, ихъ родословныя и родословныя лошадей; имѣлъ свѣдѣнія обо всемъ, что существуетъ на землѣ рѣдкаго и любопытнаго; потому бесѣда съ нимъ была весьма назидательна. Когда кто-нибудь изъ насъ заболѣвалъ,

---

мірную исторію отъ С. М. до 1284; она издана въ 1863 г., съ латинскимъ переводомъ, въ Оксфордѣ; издателемъ ея былъ извѣстный ученый *Роское*.

онъ справлялся о его здоровьѣ, о томъ, какъ его лечатъ, что онъ ѣстъ и пьетъ и какъ идутъ его дѣла. Онъ не могъ смотрѣть на сироту безъ состраданія; если сирота имѣлъ какихъ-нибудь родственниковъ, онъ поручалъ имъ ребенка и давалъ средства къ его содержанію и образованію. Если ему попадался на встрѣчу старецъ, обремененный лѣтами, онъ плакалъ отъ умиленія и оказывалъ ему свою щедрость. Такъ дѣйствовалъ Саладинъ, пока Аллахъ не призвалъ его на лоно своего милосердія".

Саладинъ не былъ равнодушенъ къ семейнымъ радостямъ: онъ любилъ окружать себя семьею и дѣтьми, принимая участіе въ играхъ послѣднихъ. Боаэддинъ приводитъ слѣдующій случай: „По заключеніи мира (т.-е. съ Ричардомъ), незадолго до смерти, Саладинъ призвалъ къ себѣ въ Дамаскъ свою семью и самыхъ младшихъ дѣтей. Одного изъ нихъ звали Эмиромъ; онъ любилъ его больше всѣхъ другихъ, и играть съ нимъ было для него величайшимъ удовольствіемъ. Христіанскіе послы, явившіеся къ нему для свиданія, застали его среди подобныхъ занятій. При видѣ ихъ, ребенокъ, удивленный тѣмъ, что эти люди были съ бритымъ подбородкомъ, имѣли короткіе волоса на головѣ и одѣвались странно, испугался и заплакалъ. Султанъ извинился предъ послами, и аудіенція была отложена до слѣдующаго дня..."

Саладинъ былъ искренно привязанъ къ своей религіи и воспитывалъ въ тѣхъ же правилахъ своихъ дѣтей. Боаэддинъ сохранилъ намъ наставленіе, которое султанъ давалъ передъ смертью своему сыну Дагеру, отправляя его для управленія въ Алеппо: „О сынъ мой! я совѣтую тебѣ сохранять страхъ господень, какъ источникъ всего добраго. Питай отвращеніе къ крови; бойся проливать ее и пятнать себя ею; пролитая кровь никогда не засыпаетъ. Заботься о благѣ подданныхъ и знакомься съ ихъ положеніемъ. Ты для нихъ одинаково мой служитель и служитель Аллаха. Дѣлай довольными эмировъ, вельможъ и знатныхъ. Только своимъ умѣньемъ я достигъ настоящей степени могущества. Не питай вражды къ кому бы то ни было, ибо мы всѣ смертны. Внимательно исполняй свои обязанности въ отношеніи другихъ; только удовлетворяя ихъ, ты получишь прощеніе у Аллаха, а въ своихъ отношеніяхъ къ нему, помни, что покаяніе можетъ все загладить, ибо Аллахъ всеблагій и милосердый..."

„Саладинъ, по словамъ того же Боаэддина, весьма любилъ правосудіе, и не только другихъ принуждалъ заниматься имъ, но и самъ занимался лично всякій разъ, когда то позволяли ему дѣла. Онъ засѣдалъ въ судѣ два раза въ недѣлю, въ понедѣльникъ и четвергъ, окруженный своими кади и законовѣдами. Для знатнаго и бѣднаго, для каждаго дверь была отперта. И такъ онъ поступалъ въ своей столицѣ, равно и въ путешествіи, принимая подаваемыя жалобы и никому не отказывая въ просьбѣ. Если дѣло требовало продолжительнаго изслѣдованія, онъ тщательно изучалъ его, или днемъ, или ночью, и произносилъ свой приговоръ по внушенію Аллаха. Никто не обращался къ его правосудію втунѣ: онъ былъ одинаковъ для членовъ своей семьи и для всѣхъ своихъ подданныхъ. Армянскій купецъ потребовалъ его самого въ судъ и притомъ несправедливо; онъ не только

не отказался защищать себя, но послѣ суда еще наградилъ купца за хорошее мнѣніе о немъ и о его судьяхъ. Его слава въ этомъ отношеніи была такъ распространена, что его тревожили жалобами и просьбами во всякій часъ дня. Однажды, послѣ долгихъ занятій общественными дѣлами, онъ удалился изъ толпы, чтобы отдохнуть, какъ вдругъ является мамелюкъ съ требованіемъ выслушать его. Саладинъ просилъ придти на слѣдующій день. „Мое дѣло не терпитъ отлагательства,“ отвѣчалъ мамелюкъ и бросилъ ему свою просьбу почти въ лицо. Султанъ, не оскорбляясь, поднялъ прошеніе и, найдя его справедливымъ, далъ удовлетвореніе мамелюку. Другой разъ, когда онъ разсуждалъ съ своими вождями, женщина подала ему записку; онъ приказалъ ей подождать. „Къ чему же, закричала она, ты считаешься нашимъ властителемъ, если не хочешь быть нашимъ судіей?“ — „Она права“, отвѣчалъ султанъ. Оставивъ немедленно собраніе, онъ вышелъ къ ней и исполнилъ все, что она требовала.

Мы не достигли бы конца, если бы захотѣли привести все, что говорятъ арабскіе писатели, и особенно Боаэддинъ, о правосудіи Саладина и его благочестіи. Боаэддинъ старался выставить всѣ доблести своего героя, и съ намѣреніемъ умалчивалъ о порокахъ, которые пятнали его. Потому, слѣдуя показаніямъ только этого историка, мы составили бы себѣ весьма неполное понятіе о характерѣ и политикѣ Саладина. Всякій разъ, когда султаномъ овладѣвало честолюбіе, онъ отлагалъ въ сторону всякую правду и умѣренность: исторія его войнъ представляетъ тому много доказательствъ, но вотъ еще одинъ случай, тѣмъ болѣе поразительный, что онъ относится къ послѣднему году жизни Саладина и не оправдывается даже какимъ-нибудь жалкимъ предлогомъ; мы заимствуемъ его у Ибнъ-Алатира (см. о немъ выше, на стр. 421). „По заключеніи мира, когда король Англіи (Ричардъ) отправился въ свою страну, и мусульмане могли предаться покою, Саладинъ призвалъ къ себѣ въ Дамаскъ брата, Малекъ-Аделя, и сына, Малекъ-Афдала, и сказалъ имъ: „Вотъ мы и освободились отъ франковъ; съ этой стороны нѣтъ болѣе никакой опасности. Куда устремить теперь наши силы?“ Малекъ-Адель предложилъ идти на покореніе Келата въ Великой Арменіи, владѣніе которой было ему давно обѣщано, если страна будетъ завоевана. Малекъ-Афдалъ, напротивъ, предлагалъ напасть на провинціи Малой Азіи, находившіяся тогда во власти дѣтей Килиджъ-Арслана, прежняго султана Иконія. „Эта страна, говорилъ онъ, болѣе важная, чѣмъ Келатъ, болѣе населенная, болѣе богатая и болѣе легкая для завоеванія; кромѣ того, тамъ лежитъ дорога, по которой идутъ христіане, когда они отправляются сухимъ путемъ: овладѣвъ этою страною, мы загородимъ проходъ“. — „Какое малодушіе, какая близорукость! прервалъ султанъ. Я беру на себя одного завоеваніе Малой Азіи: а ты, братъ, взявъ часть арміи и одного изъ моихъ сыновей, пойдешь покорять Келатъ. Когда я кончу свое дѣло, отправлюсь къ вамъ, и мы вмѣстѣ вторгнемся въ Адербеджанъ по ту сторону Тигра и разрушимъ древнюю монархію персидскихъ султановъ“. Нельзя предвидѣть, чѣмъ кончились бы предпріятія Саладина; приготовленія были уже сдѣланы, назначено мѣсто для сбора, и въ эту самую минуту умираетъ султанъ...

Въ теченіе своего правленія Саладинъ встрѣтилъ только одно упорное сопротивленіе со стороны христіанъ, и именно, западныхъ. Потому онъ и считалъ своими врагами только франковъ; онъ называлъ ихъ *врагами Аллаха*, и войну съ ними—*священной войной*. По словамъ Боаэддина, говорить объ этой войнѣ составляло для него особенное удовольствіе. Онъ охотно покидалъ семью, дѣтей, домъ, чтобы въ цѣлости отдаться этой войнѣ. „Лучшее средство понравиться ему, говоритъ Боаэддинъ, было говорить такъ же, какъ онъ. Вслѣдствіе того и я рѣшился поднести ему небольшое сочиненіе, гдѣ говорилось объ обязанностяхъ священной войны; я собралъ тамъ всѣ стихи Алкорана, которые имѣютъ отношеніе къ этому предмету, и всѣ устныя преданія Магомета, гдѣ заключаются намеки на то же. Султанъ часто читалъ мой трудъ и, умирая, передалъ его своему старшему сыну".

„Вотъ еще одинъ случай, продолжаетъ Боаэддинъ, въ которомъ я былъ лично заинтересованъ, и который даетъ высокое понятіе о религіозной ревности Саладина. Въ концѣ 584 года эгиры (т.-е. 1188 г., вскорѣ послѣ взятія Іерусалима), когда мы овладѣли Каукабомъ, и Саладинъ распустилъ свою армію, ему вздумалось посѣтить Аскалонъ и приморскія мѣста, съ цѣлью заняться ихъ укрѣпленіемъ. Я сопровождалъ его на этомъ пути; дѣло было зимою; море страшно волновалось, и, какъ говорится въ Алкоранѣ, „волны поднимались горою". Я въ первый разъ тогда увидалъ море; видъ его произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; я разсуждалъ съ собою, что, если мнѣ предложатъ цѣлый міръ, то и тогда я не соглашусь сдѣлать даже одной мили по этой стихіи; я былъ готовъ считать глупцами тѣхъ, которые за презрѣнный кусокъ золота или серебра безстрашно пускаются въ море; однимъ словомъ, я склонялся въ пользу мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что человѣка можно объявить умалишеннымъ уже за одно то, что онъ ввѣряетъ себя морю, и не принимать болѣе его свидѣтельства въ судѣ. Но когда я находился погруженнымъ въ такія мысли, султанъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: „Я хочу тебѣ сообщить то, что у меня лежитъ на душѣ. Если Аллахъ предастъ въ мои руки остальные христіанскіе города, я раздѣлю свое государство между дѣтьми, дамъ имъ наставленія, прощусь съ ними и пущусь въ это море для покоренія острововъ и западныхъ странъ: я не положу оружія, пока останется хотя одинъ невѣрный на землѣ, если только не буду остановленъ смертью". Эти слова поразили меня до того, что я, забывъ мысли, занимавшія меня, сказалъ султану: „По истинѣ, нѣтъ на землѣ отваги, душевной славы и ревности къ божественной религіи, которыя могли бы равняться съ подобными же качествами султана. Доказательствомъ храбрости его служитъ то, что его не останавливаетъ нисколько видъ этого грознаго моря; по отношенію же религіозной ревности, султанъ, не довольствуясь изгнаніемъ христіанъ изъ какой-нибудь части земли, какъ Палестина, стремится очистить отъ нихъ всю землю". Но, почувствовавъ снова страхъ, который мнѣ сначала внушило море, я присоединилъ: „Планъ султана превосходенъ; но лучше было бы отправить одни войска, а самому оставаться здѣсь, чтобы не подвергнуть жизнь опасности; ибо онъ за-

щита исламизма и его единственная опора". На это султанъ возразилъ: „Но я тебя дѣлаю судьею; скажи, какая смерть считается болѣе славною?" Я отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія та, которой подвергаются ради Аллаха. „Итакъ, прибавилъ султанъ, я былъ правъ, ища себѣ подобной смерти". Смотрите, какъ тверда его воля, какъ чиста его душа. О Аллахъ, тебѣ извѣстно, какъ онъ былъ ревностенъ для защиты религіи; ты знаешь, съ какою готовностью онъ жертвовалъ собою для тебя! И все это онъ дѣлалъ въ надеждѣ заслужить твое милосердіе: будь же къ нему милосердъ!"

Итакъ, Саладинъ стремился ни къ чему другому, какъ къ покоренію Франціи, Италіи и всего христіанскаго міра. Пусть не думаютъ, что слова, приведенныя Боаэддиномъ, были простою угрозою; мы находимъ тѣ же идеи въ отвѣтѣ Саладина на одно письмо къ нему отъ императора Фридриха Барбаруссы (см. о томъ выше, на стр. 487). Всѣ окружавшіе Саладина и пользовавшіеся его довѣріемъ были заняты тою же мыслью. Каждый разъ, когда Боаэддинъ говоритъ о какомъ-нибудь городѣ и странѣ христіанской, онъ всегда заключаетъ словами: „Да попуститъ насъ Аллахъ скорѣе овладѣть тѣмъ!" Въ этомъ отношеніи не было исключенія даже для Константинополя, не смотря на то, что императоръ Исаакъ Ангелъ былъ союзникомъ Саладина...

Особенно замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что ненависть Саладина къ христіанамъ продолжалась только до тѣхъ поръ, пока они составляли независимую отъ него націю. Но, побѣдивъ однажды христіанъ, онъ смотрѣлъ на нихъ другими глазами. Съ коптами-христіанами въ Египтѣ онъ обращался весьма благосклонно. Еще до Саладина египетскіе христіане занимали всѣ мѣста по части финансовъ, раздѣла земель и т. п.; монастыри были многочисленны и богато надѣлены; фатимидскіе калифы не только терпѣли ихъ, но и оказывали имъ большое покровительство. Имъ можно было довѣрять тѣмъ болѣе, что всѣ они были якобиты, то-есть, секты Евтихія, и непримиримые враги константинопольскихъ грековъ и западныхъ христіанъ. Потому въ прежнее время они содѣйствовали утвержденію мусульманъ въ Египтѣ. Только мелькиты (т.-е. имперіалисты, такъ называли византійскихъ грековъ), какъ приверженцы ученія византійскихъ императоровъ, составляли исключеніе. Саладинъ, достигнувъ власти, изъ угожденія Нуреддину, возобновилъ древніе указы противъ христіанъ; онъ приказалъ имъ носить особую одежду и поясъ; запретилъ ѣздить на лошадяхъ и мулахъ; одни ослы были имъ разрѣшены; они не допускались ни къ какой общественной должности, не могли громко молиться въ церквахъ и употреблять колокола, ни совершать на улицахъ процессіи въ Вербное воскресенье; стѣны церквей оставались закиданными грязью; кресты сбивались съ куполовъ; самихъ христіанъ всячески преслѣдовали, что заставило многихъ отказаться отъ религіи. Но по смерти Нуреддина, Саладинъ, оставшись полновластнымъ господиномъ, прекратилъ преслѣдованія и возвратилъ всѣмъ свободу. Онъ не только далъ христіанамъ право занимать мѣста, но даже его эмиры, братья, племянники, дѣти, брали христіанъ на службу и дѣлали ихъ своими управителями, секретарями и повѣренными. Такое обращеніе расположило къ нему весьма египетскихъ

христіанъ; и это обстоятельство, въ соединеніи съ другими чертами его великодушія по отношенію враждебныхъ ему христіанъ, распространило славу султана на Востокѣ и на Западѣ. Этимъ объясняются тѣ великолѣпныя и даже преувеличенныя похвалы, которыми осыпаютъ Саладина христіанскіе писатели, и особенно итальянцы; эти похвалы доходятъ до того, что, можетъ быть, трудно будетъ найти что-нибудь подобное у самихъ мусульманскихъ авторовъ. Вотъ какимъ образомъ выражается о Саладинѣ одинъ христіанскій писатель, коптъ, въ своей арабской Исторіи Александрійскихъ Патріарховъ (см. о немъ выше, на стр. 481):

„Саладинъ при всѣхъ своихъ договорахъ съ франками оставался вѣрнымъ данному слову. Если сдавался городъ, онъ давалъ жителямъ свободный выходъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Относительно плѣнныхъ мусульманъ, Саладинъ предлагалъ христіанамъ выкупъ, превышающій ихъ стоимость; если франки отказывались, онъ обыкновенно говорилъ: „Я оставляю вамъ вашихъ плѣнныхъ, но обращайтесь съ ними столь же хорошо, какъ я съ своими". Вслѣдствіе того многіе христіане отсылали ему добровольно мусульманскихъ плѣнныхъ, и султанъ щедро вознаграждалъ ихъ за то. Часто случалось, что осажденные непріятели, по взятіи города, выходили изъ него въ полномъ вооруженіи, въ панцырѣ, набедренникѣ и шлемѣ, однимъ словомъ, какъ бы они шли на битву. Видя ихъ, султанъ сначала улыбался, и потомъ плакалъ; онъ не только не дѣлалъ имъ зла, но даже давалъ конвой для ихъ охраненія. Такъ дѣйствовалъ Саладинъ по отношенію своихъ враговъ, сообразуясь съ предписаніями Пятокнижія: „Если, когда ты сидишь, оселъ твоего непріятеля пройдетъ съ клажею, свалившеюся на одну сторону, то встань и поправь клажу на средину"; или съ словами Евангелія: „Любите враговъ вашихъ; творите добро ненавидящимъ васъ; благословляйте клянущихъ васъ и молитесь за оскорбляющихъ васъ"; однимъ словомъ, онъ приноровлялся ко многимъ другимъ мѣстамъ подобнаго же содержанія, и которыя мы опускаемъ для краткости. Такимъ образомъ, Саладинъ въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовалъ этимъ обоимъ законамъ (т.-е. ветхому и новому завѣту), не зная ихъ, и только по одному божественному внушенію. А потому онъ и умеръ спокойно на своемъ ложѣ и имѣлъ достохвальный конецъ, какъ самъ, такъ и все его потомство"...

Но Эмадеддинъ, секретарь Саладина (см. о немъ, на стр. 477), восклицаетъ: „Съ Саладиномъ вымерли великіе люди; вмѣстѣ съ нимъ перевелись и люди достойные; добрыя дѣла уменьшились, злыя увеличились, жизнь сдѣлалась труднѣе; земля покрылась мракомъ; нашъ вѣкъ долженъ былъ оплакивать своего феникса, и исламизмъ лишился послѣдней опоры".

Рено.

Biblioth. des Croisades, par Michaud, t. IV, 360—376.

О Рено и его трудахъ см. выше, на стр. 483.

IV.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНАМИ.

1204 г.

56. — Общественная жизнь Парижа въ началѣ XIII вѣка и проповѣдь Фулько Нельи. 1200 г.

(Около 1120 г.).

Вторая книга [1]).

Въ первыхъ *пяти* главахъ этой книги авторъ представляетъ общую картину нравственнаго паденія какъ свѣтскаго, такъ и въ особенности церковнаго общества западной Европы, къ началу XIII вѣка, и затѣмъ останавливается подробно на распущенности нравовъ и безобразіи жизни парижанъ той эпохи, среди которыхъ суждено было явиться суровому проповѣднику четвертаго крестоваго похода, Фулько Нельи.

VI. Въ тѣ худые и мрачные дни, въ то время полное опасности (такъ авторъ говоритъ о послѣднихъ годахъ XII и о началѣ XIII вѣка), городъ Парижъ, поглощенный, какъ и всѣ прочіе города, всякаго рода преступленіями и запятнанный безчисленными пороками, блуждалъ во мракѣ, „измѣною десницы Всевышняго, которая обращаетъ степи въ мѣста удовольствій и пустыню въ садъ Господа". Парижъ былъ городомъ вѣрнымъ и славнымъ, городомъ великаго короля, и походилъ на рай наслажденій и вертоградъ утѣхъ, полный всякаго рода деревьями, распространяя по всему міру благоуханіе, „откуда хозяинъ, какъ изъ своего сокровища, выноситъ новое и старое" (Матѳ. XIII, 52). Этотъ городъ былъ какъ фонтанъ въ саду и какъ „источники живой воды, орошающіе земную поверхность, гдѣ родится хлѣбъ, который ей свойственъ, и который составляетъ утѣху царей и распространяетъ на всю церковь божію лучи слаще самаго лучшаго меду". А нынче Парижъ въ своемъ духовенствѣ развращенъ болѣе нежели въ остальномъ народѣ; какъ паршивая коза или больная овца, онъ портитъ своимъ пагубнымъ примѣромъ многочисленныхъ путешественниковъ, которые стекаются въ него со всѣхъ сторонъ; „онъ пожираетъ своихъ собственныхъ жителей" и влечетъ ихъ съ собою на

---

[1]) См. содержаніе первой книги этого же автора и извлеченіе изъ нея, выше, въ ст. 43.

дно пропасти. Обыкновенный блудъ въ Парижѣ не считался грѣхомъ; погибшія женщины, бѣгая по всѣмъ улицамъ и площадямъ, завлекали почти силою въ свои дома разврата тѣхъ клериковъ, которые проходили предъ ними. Если случалось, что клерики отказывались входить туда, то онѣ кричали вслѣдъ за ними, называя ихъ содомитянами. Этотъ постыдный и омерзительный порокъ, подобный неизлечимой заразѣ и смертоносному яду, дѣйствительно господствовалъ въ городѣ съ такою силою, что мужчины считали особенною честью публично содержать одну или нѣсколькихъ наложницъ. Въ одномъ и томъ же домѣ школа была на верху, а подъ нею мѣста разврата. Въ верхнемъ этажѣ магистры давали уроки; въ нижнемъ этажѣ погибшія женщины постыдно торговали собою. Въ одномъ мѣстѣ распутницы ссорились между собою или съ своими любовниками; въ другомъ клерики диспутировали и громко кричали въ жаркомъ спорѣ. Чѣмъ кто болѣе былъ легкомысленъ и постыдно расточителенъ, тѣмъ болѣе его восхваляли, и всѣ отзывались о немъ какъ о честномъ и великодушномъ человѣкѣ. Если кто-нибудь желалъ, по наставленію апостола (Посл. къ Титу, II, 12), жить среди нихъ „цѣломудренно, праведно и благочестиво", то такого называли жалкимъ скупцомъ и суевѣрнымъ ханжею. Почти всѣ парижскіе схолары (студенты), какъ туземные, такъ и иностранные, занимались исключительно только тѣмъ, чтобы учиться и изслѣдовать что-нибудь новое. Одни занимались единственно для того, чтобы знать, но это одно любопытство; другіе, чтобы прославиться, но это тщеславіе; наконецъ, иные учились, чтобы пріобрѣтать впослѣдствіи выгоду, но это корыстолюбіе и симонія. Весьма немногіе изъ нихъ занимались, чтобы получать назиданіе или назидать другихъ. Они вызывали одинъ другого и спорили между собою не только по поводу различія мнѣній или для диспута, но даже различіе странъ возбуждало у нихъ несогласія, ненависть, сильныя ссоры, и они безстыдно преслѣдовали другъ друга всякаго рода бранью и оскорбленіями. Англичанъ они называли пьяницами и шутами; дѣтей Франціи—гордыми, изнѣженными и изукрашенными какъ женщины; они говорили, что нѣмцы на своихъ праздникахъ ведутъ себя неприлично и по-скотски; нормандцевъ называли тщеславными самохвалами; жителей Пуату—вѣроломными и льстецами; бургундцевъ—грубыми и глупыми; бретонцевъ—легкомысленными и непостоянными, и часто упрекали ихъ за умерщвленіе Артура (убитаго своимъ братомъ Іоанномъ Безземельнымъ, королемъ Англіи). Уроженцевъ Ломбардіи называли скупыми, злыми и неспособными къ войнѣ; римлянъ—мятежными, насильственными и злословными; сицилійцевъ — жестокими тиранами; жителей Брабанта—кровожадными, поджигателями, разбойниками и хищниками; жителей Фландріи—легкомысленными, расточительными, прожорливыми, мягкими какъ масло и трусливыми. Вслѣдствіе подобныхъ оскорбленій, часто переходили отъ словъ къ побоямъ.

Я не буду говорить о тѣхъ учителяхъ логики, предъ глазами которыхъ летали безпрестанно „египетскія мухи", то-есть всякаго рода софистическія утонченности; никто не могъ понимать ихъ высокопарныхъ рѣчей, въ которыхъ, какъ говоритъ Исаія, не было никакой

мудрости. Что касается до докторовъ богословія, „возсѣдавшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ“ (Матѳ. XXIII, 2), то они были напыщены наукою, но ихъ жизнь никого не назидала. Проповѣдуя и не дѣйствуя, они сдѣлались подобны „мѣди звучащей, или цимбалу звенящему“ (I Посл. Коринѳ. XIII, 1), или каналу, выложенному камнемъ, который остается всегда сухимъ, вмѣсто того, чтобы вести воду въ сады ароматовъ. Они не только ненавидѣли другъ друга, но старались угодливостію привлекать къ себѣ учениковъ отъ другихъ, искали славы для себя, но не заботились о душевномъ благѣ. Прислушиваясь къ извѣстнымъ словамъ апостола: „если кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ“, они множили свои пребенды и домогались мѣстъ; но они желали не добраго дѣла, а отличія, и заботились особенно о томъ, чтобы „имѣть первыя мѣста на пиршествахъ и въ синагогахъ, и чтобы имъ кланялись въ народныхъ сборищахъ“ (Матѳ. XXIII, 6—7). Между тѣмъ какъ апостолъ Іаковъ (III, 1) сказалъ: „Братія мои, немногіе дѣлайтесь учителями“, они, напротивъ, такъ старались о томъ, чтобы сдѣлаться учителями, что не могли достать учениковъ иначе какъ просьбами и пожертвованіями. Но болѣе безопасно учиться, нежели учить, и скромный слушатель дороже тщеславнаго и ограниченнаго учителя. Господь сохранилъ между ними небольшое число людей честныхъ и богобоязненныхъ, „которые не стояли на пути грѣшниковъ“, ни сидѣли вмѣстѣ съ другими на отравленномъ сѣдалищѣ.

VII. „Какъ лилія среди тернія“ и какъ роза между крапивой, „какъ ангелъ города Пергама, гдѣ сатана имѣетъ свой тронъ, какъ древо, которое приноситъ ѳиміамъ и лѣтомъ распространяетъ благоуханіе, какъ сосудъ массивнаго золота, украшенный всякаго рода драгоцѣнными камнями, какъ олива, приносящая плодъ, и какъ кипарисъ, высящійся до облаковъ“, какъ небесная труба и арфистъ Господа, былъ въ то время канторомъ города Парижа Петръ магистръ, мужъ сильный словомъ и дѣломъ, „очищавшій одинаково золото и серебро“, съ вѣсомъ въ рѣчахъ и подтверждавшій важность своего ученія правильностью своихъ нравовъ. Онъ началъ дѣйствовать и учить, какъ свѣточъ, пылающій и блестящій, какъ „городъ, возсѣвшій на горѣ“, какъ „золотой подсвѣчникъ въ храмѣ господнемъ“.

Нѣкто священникъ Фулько (Нельи), желая напоять себя въ этомъ чистѣйшемъ источникѣ, смиренно вступилъ въ его школу съ табличками и стилемъ, и часто размышляя о его нравственныхъ и общедоступныхъ словахъ, собираемыхъ имъ тщательно изъ устъ своего учителя, онъ, при своихъ умственныхъ способностяхъ, прочно отпечатлѣвалъ все въ своей памяти. Въ дни же праздниковъ, возвратившись въ свою церковь, онъ дѣлился съ своею паствою тѣмъ, что ревностно собиралъ въ теченіе недѣли. И такъ-какъ „онъ былъ вѣренъ въ маломъ, то Господь поставилъ его надъ многимъ“. Дѣйствительно, призванный сначала сосѣдними священниками, онъ проповѣдывалъ просто и общедоступно (т.-е. на народномъ языкѣ), предъ простыми мірянами и излагалъ слышанное имъ какъ пастырь „который собираетъ дикія смоквы“; его досточтимый и премудрый учитель, замѣтивъ ревность и горячность своего ученика, бѣднаго и непросвѣщеннаго священника, воспринявшаго благодатно его вѣру и его

благочестіе, заставилъ его проповѣдывать въ своемъ присутствіи и предъ многочисленными и весьма образованными схоларами города Парижа, въ церкви св. Северина. Но Господь далъ своему новому сподвижнику столько благодати и силы, что его учитель и всѣ слушавшіе, бывъ поражены изумленіемъ, утверждали, что св. Духъ говоритъ въ немъ и его устами; вслѣдствіе того всѣ другіе, бывъ поражены такимъ изумленіемъ, какъ доктора, такъ и схолары, стекались слушать его простую и новую рѣчь. Одинъ привлекалъ другого, „какъ петля идетъ за петлею“, и каждый говорилъ: „придите и послушайте священника Фулько, это новый Павелъ“. А самъ Фулько, укрѣпляемый Господомъ и снабженный дарами Духа святого, какъ Самсонъ, вооруженный ослиною челюстію, началъ „бороться со звѣрями въ Эфесѣ“ и съ помощью божіею мужественно ниспровергать чудовищные пороки. Однажды, когда многочисленная толпа клериковъ и народа собралась предъ нимъ на широкой площади города Парижа, называемой обыкновенно *Шампо*, Фулько началъ сѣять поле господне, отверзъ уста, и „Господь исполнилъ ихъ“, какъ сказано о томъ въ писаніи: „кто щедро дастъ, самъ разживется, и кто упиваетъ добромъ, самъ упьется“. Такимъ образомъ, Господь открылъ ему разумъ, дабы онъ уразумѣлъ Писаніе, и далъ его рѣчамъ такую благодать, что многіе люди, тронутые и проникнутые уничиженіемъ, снимали съ себя одежду, разували ноги и, держа въ рукахъ розги или ремни, распростирались у его ногъ, исповѣдали всенародно свои грѣхи и предавали вполнѣ себя и свое имущество на его волю и его распоряженіе. Онъ же, принося благодареніе Господу, „который можетъ изъ камней произвесть чадъ Аврааму“, принималъ ихъ, обнимая въ мирѣ, и говорилъ воинамъ, чтобы они никого ни обижали, но „довольствовались своимъ жалованьемъ“, а ростовщикамъ и хищникамъ приказывалъ возвратить, по возможности, все отнятое ими. Погибшія женщины рвали на себѣ волосâ и отрекались отъ своей мерзости. Другіе грѣшники, отвергнувъ сатану и его прелести и проливая слезы, являлись къ нему съ мольбою о прощеніи. И слово господне, подобное свѣту, не только внушало имъ уничиженіе, но даже болѣе, Господь чрезъ его посредство возвращалъ здоровье многимъ больнымъ, угнетеннымъ всякаго рода недугами, какъ то утверждается тѣми, которые видѣли все это собственными глазами. Но Фулько воспринялъ благодать божію не тщетно, и старался съ ревностію умножить ввѣренный ему талантъ, „лая какъ песъ и ходя вокругъ города“. Мало того, онъ прошелъ „съ быстротою и дѣятельностію своего духа“ все королевство Франціи и большую часть имперіи, опрокинулъ сильнымъ дуновеніемъ корабли Тарса, „настаивая во время и не во время“, и „забывая заднее, и простираясь впередъ, не удерживая свой мечъ отъ пролитія крови“, но нося его всегда при бедрѣ, переходя отъ воротъ къ воротамъ, проникая чрезъ поля, не дѣлая ни для кого исключенія; онъ бился во имя Господа, „съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ“, и такъ-какъ живая собака лучше мертваго льва, то онъ не переставалъ безпрерывнымъ лаемъ отгонять волковъ отъ овчарни, насыщалъ невѣждъ словомъ науки, подкрѣплялъ угнетенныхъ словомъ утѣшенія, поддерживалъ и назидалъ тѣхъ, которые сомнѣвались, сло-

вомъ увѣщанія, тѣхъ, которые противились, словомъ укоризны, тѣхъ, которые заблуждались, словомъ строгости, лѣнивыхъ словомъ убѣжденія, тѣхъ, которые начали совращаться, словомъ предупрежденія. И такъ-какъ онъ былъ самъ проникнутъ живымъ жаромъ, то онъ воспламенялъ всѣ народы своими немногорѣчивыми и простыми рѣчами, и не только низшіе классы, но даже королей и князей, и никто не смѣлъ и не могъ ему сопротивляться. Около него собирались толпами изъ странъ отдаленныхъ, чтобы послушать и увидѣть чудеса, совершаемыя Господомъ его руками. На носилкахъ приносили больныхъ, ставили ихъ по дорогамъ и на площадяхъ, гдѣ онъ долженъ былъ проходить, чтобы онъ могъ на пути коснуться ихъ своею одеждою и исцѣлить отъ недуговъ. Иногда онъ самъ дотрогивался до нихъ: другой разъ, не имѣя возможности подойти, по причинѣ стеченія народа, онъ давалъ имъ свое благословеніе или поилъ святою водой, которую имѣлъ въ своихъ рукахъ. И вѣра, и благочестіе какъ больныхъ, такъ и тѣхъ, которые ихъ приносили, была такова, что не только заслугами служителя божія, но также по пламенности духа и по великой вѣрѣ, не допускающей никакого сомнѣнія, бóльшая часть больныхъ оказались достойными исцѣленія. Тѣ, которые могли оторвать и сохранить самомалѣйшую часть его одежды, считали себя счастливыми. А потому, такъ-какъ многіе желали имѣть куски его одежды, и народъ рвалъ ее безпрестанно, то Фулько былъ принужденъ имѣть всегда при себѣ новый подрясникъ. Обыкновенно толпа сдавливала его невыносимымъ образомъ, и онъ билъ палкою тѣхъ, которые приставали къ нему болѣе другихъ; чтобы не быть задушеннымъ желавшими его коснуться, онъ такимъ образомъ отгонялъ ихъ. Хотя ему случалось иногда ранить тѣхъ, кого онъ билъ, но они не оскорблялись и не роптали, и даже, въ избыткѣ своего благочестія и при твердости своей вѣры, цѣловали собственную кровь, какъ освященную божьимъ человѣкомъ.

Однажды, когда кто-то сильно разорвалъ ему подрясникъ, онъ объявилъ толпѣ, говоря: „берегитесь рвать мою одежду, ибо она не благословлена; но вотъ я благословлю подрясникъ этого человѣка". При этомъ онъ сдѣлалъ крестное знаменіе, и народъ въ ту же минуту разорвалъ тотъ подрясникъ на тысячи кусковъ, и каждый сохранилъ для себя частицу, какъ священный останокъ.

Фулько былъ молотомъ для людей корыстныхъ, и поражалъ не только ростовщиковъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые накопляли богатства по скупости, особенно въ тѣ времена, когда поднималась цѣна на съѣстные припасы. Онъ самъ часто восклицалъ: „корми всякаго, кто умираетъ съ голоду; ты самъ умрешь, если его не накормишь". Однажды, когда онъ объявилъ въ своей проповѣди, что „люди, проклятые народомъ и скрывающіе свой хлѣбъ", намѣрены продать его по низкой цѣнѣ до начала предстоящей жатвы, и что въ скоромъ времени будетъ конецъ дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, всѣ, повѣривъ его словамъ, какъ бы въ немъ говорилъ самъ Господь, поспѣшили выставить на продажу спрятанный ими хлѣбъ, и такимъ образомъ, сообразно его предсказанію, цѣна на съѣстные припасы дѣйствительно упала. Но онъ, видя коварныхъ людей и снѣдаемый горестію, съ такою силою вооружился противъ упорныхъ грѣшниковъ

и противъ тѣхъ, которые медлили обратиться къ Господу, что часто проклиналъ ихъ, или показывалъ видъ, что проклинаетъ. Всѣ, опасаясь его проклятій, какъ грома и молніи, повиновались его приказаніямъ, и сами же утверждали, что каждый, кого онъ проклялъ, доставался въ руки діавола, и что другіе падали внезапно на землю, покрытые пѣною, какъ то бываетъ въ падучей болѣзни.

Утомленный строгостію своего покаянія, нося на себѣ всегда жесткую власяницу и часто, какъ говорятъ, панцырь, будучи сдавливаемъ толпою, которая тѣснила его безмѣрно, Фулько нерѣдко впадалъ во гнѣвъ. Но едва только раздавались его проклятія на тѣхъ, которые тѣснили его и которые мѣшали ему говорить, ведя разговоръ сами, какъ всѣ падали на землю, и внезапно воцарялось глубокое молчаніе. Безстыдныхъ священниковъ и ихъ наложницъ, которыхъ онъ называлъ кобылицами діавола, онъ преслѣдовалъ жестокими укоризнами и такими проклятіями, что они покрывались великимъ стыдомъ; указывая пальцемъ на всѣхъ тѣхъ, которые вели себя такимъ образомъ, онъ кричалъ вслѣдъ за ними, такъ-что почти всѣ женщины этого рода оставили своихъ священниковъ.

Одна женщина изъ благородной фамиліи, жившая въ деревнѣ, которою она владѣла, нѣсколько разъ предупреждала священника, чтобы онъ оставилъ свою наложницу; онъ отказался, и она ему объявила: „я не имѣю никакой власти надъ вами, но всѣ тѣ жители деревни, которые не считаются клериками, подчинены моему суду“. Тогда Фулько приказалъ представить ему наложницу того священника, обстригъ ей волоса и сказалъ: „такъ-какъ ты не хочешь оставить священника, то я желаю поставить тебя священницею“.

Одинъ епископъ приказалъ другому священнику оставить или свою служанку, или свой приходъ, и онъ, плачась и жалобясь, объявилъ, что желаетъ лучше отказаться отъ своей церкви, нежели отпустить наложницу. Такимъ образомъ, онъ оставилъ церковь, и тогда та женщина, видя, что ея священникъ остается бѣднымъ, ибо онъ не имѣлъ болѣе доходовъ, пренебрегла имъ и бросила его, и несчастный потерялъ вмѣстѣ и свою церковь, и свою наложницу.

Куда бы ни являлся тотъ поборникъ Бога, повсюду погибшія женщины оставляли дома разврата и обращались къ нему. По бо́льшей части онъ выдавалъ ихъ замужъ; другихъ же заключалъ въ монастырь, чтобы тамъ онѣ могли вести правильную жизнь. При этомъ случаѣ былъ основанъ, сначала внѣ города Парижа и недалеко отъ него, монастырь св. Антонія, Цистерзіенскаго ордена, въ которомъ принимали женщинъ подобнаго рода. Въ другихъ мѣстахъ и другихъ городахъ, гдѣ этотъ святой человѣкъ благословлялъ источники и колодези, больные стекались толпами, и тамъ были построены часовни и даже госпитали. Господь исполнялъ его слова такимъ авторитетомъ и такою благодатью, что магистры и схолары города Парижа, принося съ собою на его проповѣди таблички и тетради, записывали за нимъ съ его словъ все сказанное имъ; но эти слова не имѣли уже столько силъ въ устахъ другого и не были столь плодотворны при своемъ повтореніи. Молва о его проповѣди разнеслась по всей христіанской землѣ, и слава его святости распространилась повсюду.

Сверхъ того, его ученики, отправляемые имъ на проповѣдь, какъ апостолы Христа были принимаемы всѣми съ великимъ почетомъ и уваженіемъ. Но одинъ изъ нихъ, считавшійся первымъ, самый краснорѣчивый и самый дѣятельный, по имени магистръ Петръ Руссійскій, „сдѣлалъ пятно на его славѣ". Дѣйствительно, онъ, который вступилъ на путь усовершенствованія, который проповѣдывалъ бѣдность, началъ самъ копить богатства и извлекать доходы отъ проповѣдей, а потомъ сдѣлался каноникомъ и канцлеромъ церкви въ Шартрѣ; такимъ образомъ, тотъ, кто былъ долженъ пролить свѣтъ изъ дыму, выпустилъ дымъ изъ свѣта. И вслѣдствіе того онъ не только сдѣлалъ презрѣннымъ свое ученіе, но и нанесъ большой вредъ другимъ ученикамъ Фулько.

Между тѣмъ какъ этотъ святой человѣкъ привлекалъ къ Богу ежедневно души многихъ, онъ, возложивъ на свои плечи знаменіе креста, вознамѣрился словами и примѣромъ приглашать, побуждать и склонять князей, рыцарей и людей всѣхъ сословій къ тому, чтобы поспѣшить помочь святой землѣ. Самъ же онъ началъ собирать деньги милостынею вѣрующихъ, съ намѣреніемъ раздать ихъ бѣднымъ крестоносцамъ, какъ рыцарямъ, такъ и всѣмъ другимъ. И хотя онъ дѣлалъ такой сборъ не въ видахъ корыстолюбія или по какому-нибудь другому худому побужденію, но, по неисповѣдимой волѣ божіей, съ этой минуты его вліяніе и его проповѣдь начали много терять въ глазахъ людей; и по мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество денегъ, страхъ и уваженіе, внушаемые имъ, уменьшались. Нѣсколько времени спустя (въ 1201 г.), онъ впалъ въ тяжелую лихорадку, умеръ въ деревнѣ, называемой Нельи, и былъ погребенъ въ приходской церкви, которою онъ самъ управлялъ. Множество народа стекалось къ его гробницѣ изъ странъ сосѣднихъ и изъ странъ отдаленныхъ; перестройка этой церкви, начатая имъ самимъ, была совершенно окончена изъ пожертвованій пилигримовъ, приходившихъ со всѣхъ сторонъ. Еще при началѣ своего служенія, Фулько сломалъ старую церковь, противъ воли всѣхъ міранъ, и обѣщалъ своимъ прихожанамъ отстроить ее заново, болѣе роскошно и притомъ безъ всякаго обремененія для нихъ.

Въ послѣднихъ трехъ главахъ второй книги (VIII, IX и X) авторъ говоритъ о другихъ проповѣдникахъ, которые являлись въ то время, и изъ которыхъ иные были истинными служителями религіи, а многіе обманывали народъ. (См. продолженіе, ниже, въ ст. 64).

Епископъ Яковъ Витрійскій.

Historia orientalis. Libri III. — 622—1219. — Кн. II.

О жизни и сочиненіяхъ епископа Якова Витрійскаго см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 64.

57.—Фулько Нельи и Ричардъ Львиное-Сердце. 1098 г.

(Въ 1202 г.).

Въ томъ же году (т.-е. когда былъ избранъ Иннокентій III, который писалъ о необходимости новаго крестоваго похода, т.-е. въ 1098 году [1]), жилъ въ Галліи священникъ по имени *Фулько*, котораго Богъ превознесъ предъ очами царей и далъ ему власть исцѣлять слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ угнетенныхъ недугами и изгонять злыхъ духовъ; онъ успѣлъ обратить къ Богу даже развратныхъ женщинъ, свергнувшихъ съ себя, по его настоянію, иго безстыдства, и уговорилъ ростовщиковъ обратить вниманіе на небесное сокровище, котораго ни ржавчина, ни тля не истребляютъ, ни воры не крадутъ, и то, что пожирала корысть, раздѣлить между бѣдными. Онъ же предсказалъ королямъ Франціи и Англіи, что одинъ изъ нихъ и вскорѣ погибнетъ лютою смертію, если они не прекратятъ вражды. И такъ-какъ въ то время жатва была обильна, а жнецовъ мало, то Господь далъ ему въ помощники для проповѣди слова божія двухъ мудрыхъ мужей, магистра Петра изъ........ владыку Роберта изъ........, владыку Евстафія, аббата Флэ и многихъ другихъ, которые ходили повсюду, проповѣдуя и скрѣпляя рѣчь свою чудесами. Между тѣмъ Фулько явился однажды къ Ричарду, королю Англіи, и сказалъ ему: „Говорю тебѣ, король, именемъ Всемогущаго Бога, выдай какъ можно скорѣе замужъ трехъ твоихъ злѣйшихъ дочерей, да не постигнетъ тебя что-нибудь еще худшее. Наложи палецъ на уста твои; кто говоритъ правду, будетъ обвинитель; никто не родится безъ грѣха, но блаженъ, кто мало грѣховенъ; а въ другомъ мѣстѣ сказано: никто безъ грѣха не живетъ“. Говорятъ, король отвѣчалъ ему: „Притворщикъ, солгалъ ты на свою голову, ибо у меня нѣтъ ни одной дочери“. Фулько сказалъ тогда королю: „Нисколько не лгу, ибо ты имѣешь дѣйствительно трехъ дочерей: одну зовутъ *Гордостью*, другую—*Корыстью*, а третью—*Безнравственностью*“. Услышавъ это, король, подозвавъ къ себѣ графовъ и бароновъ, которые находились при этомъ, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Послушайте, какъ разглагольствуетъ этотъ притворщикъ, утверждая, что я имѣю трехъ злѣйшихъ дочерей, а именно, Гордость, Корысть и Безнравственность; онъ даетъ мнѣ совѣтъ выдать ихъ замужъ, и я отдаю мою Гордость за гордыхъ Храмовниковъ, мою Корысть за корыстныхъ монаховъ ордена Цистерціензовъ, а мою Безнравственность за прелатовъ церковныхъ“. О, какъ недостойно свои пороки прикрывать насмѣшкою! Послѣ того Фулько, оставивъ короля, началъ ходить изъ города въ городъ, проповѣдуя слово божіе. Проповѣдуя такимъ образомъ слово божіе, онъ пришелъ въ г. Лизьё (Lexovium, н. Lisieux, въ Нормандіи, близь Кана); но клерики этого города, которыхъ упрекалъ этотъ мужъ, исполненный

---

[1]) Предыдущее у этого автора см. выше, на стр. 497.

Духа св. и добрыхъ дѣлъ, въ зазорной жизни, наложили на него руку и, заковавъ, бросили въ темницу. Но ни оковы, ни заключенія не могли его удержать: получивъ свободу, онъ прибылъ въ г. Канъ (Cadomum н. Caen) и, проповѣдуя слово господне, творилъ чудеса въ присутствіи народа. Начальники же зáмка, думая угодить королю (Ричарду), наложили на него руки и, заковавъ, бросили въ темницу; но, расторгнувъ оковы и выйдя изъ темницы, онъ удалился невредимымъ и пошелъ далѣе съ радостью, ибо считалъ себя удостоеннымъ пострадать за имя христово. Оставляя зáмокъ Кана, онъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, свидѣтельствуя тѣмъ противъ своихъ притѣснителей [1]).

Рожеръ Говеденъ.

Annalium Anglicanorum Libri. II. 371—1201.— Подъ 1198 годомъ.

Рожеръ Говеденъ (Rogerus de Hoveden) родился изъ знатной фамиліи въ первой половинѣ XII ст., въ мѣстечкѣ Говеденѣ (н. Howden), въ Іоркскомъ графствѣ, и умеръ въ 1202 г. Сначала онъ былъ капелланомъ при дворѣ Генриха II Плантагенета и однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ нему, но по смерти короля, въ 1189 г., Рожеръ удалился отъ дѣлъ, и, занявъ каѳедру богословія въ оксфордскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ на себя трудъ продолжать „Церковную исторію“ Бэды Преподобнаго (см. о немъ выше, въ т. I, примѣч. къ ст. 66 и 79), потому его „Англійскіе Анналы въ двухъ книгахъ“ и начинаются съ 731 года, когда умеръ Бэда. Но до 1192 г. Анналы Рожера служатъ копіею или передѣлкою другихъ хроникъ; впрочемъ и эта часть труда замѣчательна по страсти автора вносить всѣ историческіе документы въ текстъ, такъ что его Анналы являются вмѣстѣ превосходнымъ архивомъ, сохранившимъ для насъ переписку и граматы многихъ государственныхъ лицъ того времени. Съ 1192 г. и до 1201 г., которымъ кончаются Анналы, Рожеръ служитъ главнѣйшимъ источникомъ для исторіи Англіи. — *Изданія:* самое полное и единственное сдѣлалъ *Savile*, въ своемъ сборникѣ Rerum anglicarum scriptores post Bedam praecipui. Lond. 1596 стр. 230—471.—*Переводы:* англ. *Rilly*, въ Antiquarian Library by Bohn. Lond. 1849, въ 2 ч. (т. 20 и 23). — *Изслѣдованія: Lappenberg*, Geschichte von England, I, стр. LXI, и III, 871 стр.

58.—Посланіе папы Иннокентія III о крестовомъ походѣ. 1198 г.

Горя пламеннымъ желаніемъ къ освобожденію святой земли изъ рукъ нечестивыхъ, посовѣтовавшись съ мудрыми людьми, которые хорошо знали обстоятельства времени и мѣста, и съ одобренія свя-

[1]) См. о концѣ этой хроники, откуда заимствовано извлеченіе, выше, на стр. 509.

щенной коллегіи, мы постановляемъ, да изготовятся крестоносцы (cruce signati) такъ, чтобы, черезъ годъ отъ нынѣшняго іюня къ іюньскимъ календамъ слѣдующаго года, всѣ тѣ, которые предприняли отплыть за море, собрались въ королевствѣ Сициліи, одни, какъ то слѣдуетъ и подобаетъ, въ Брундузіѣ, а другіе въ Мессинѣ и въ другихъ мѣстахъ сосѣднихъ этимъ обѣимъ гаванямъ; къ тому времени и мы, если Богу угодно, располагаемъ прибыть туда лично, дабы христіанское войско могло нашимъ совѣтомъ и помощью спасительно устроиться и идти въ походъ съ божественнымъ и апостолическимъ благословеніемъ. Пусть позаботятся о приготовленіи къ тому же самому сроку и тѣ, которые положили отправиться сухимъ путемъ. При этомъ мы предоставляемъ себѣ приставить къ нимъ для совѣта и помощи надлежащаго легата съ нашей стороны (de nostro latere).

Священники же и прочіе клерики, какіе случатся въ христіанскомъ войскѣ, какъ подчиненные, такъ и прелаты, пусть тщательно настаиваютъ въ своихъ проповѣдяхъ и убѣжденіяхъ, поучая всѣхъ словомъ, равно и дѣломъ, чтобы они всегда имѣли предъ глазами божественный страхъ и любовь, да не скажутъ или совершатъ чего, что оскорбляетъ величіе божіе. И если когда-нибудь впадутъ въ прегрѣшенія, то пусть снова воспрянутъ въ истинномъ покаяніи, съ уничиженіемъ сердца и плоти, сохраняя умѣренность въ пищѣ и одеждѣ, отложивъ въ сторону всякія распри, дабы, снабженные духовными и физическими средствами, они могли тѣмъ безопаснѣе бороться съ врагомъ вѣры, не думая много о своемъ могуществѣ, но возлагая надежду на силу божію. Клерикамъ же дозволяемъ получать свои доходы въ теченіе трехъ лѣтъ, и если они живутъ при церквахъ и будутъ имѣть нужду, то могутъ отдавать свои доходы въ залогъ.

А чтобы такое наше святое повелѣніе не встрѣтило препятствій и не было замедлено, мы строго предписываемъ всѣмъ прелатамъ церквей, каждому въ своей мѣстности, заботливо убѣждать и склонять къ исполненію данныхъ предъ Богомъ обѣтовъ, какъ тѣхъ, которые рѣшились возложить на себя знаменіе креста, такъ и прочихъ крестоносцевъ и другихъ, которые впослѣдствіи примутъ крестъ; и если то окажется необходимымъ, пусть побуждаютъ къ тому личнымъ отлученіемъ отъ церкви или наложеніемъ запрещенія на ихъ земли, исключая, однако, тѣ лица, которымъ встрѣтится препятствіе и которыя, по усмотрѣнію апостолическаго престола, должны будутъ, на основаніи уважительныхъ причинъ, измѣнить или отложить свои обѣты.

Ко всему этому, дабы въ дѣлѣ христовомъ ничего не было упущено изъ относящагося къ тому, мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы патріархи, архіепископы, епископы, аббаты и другіе, на которыхъ возлагается забота о душахъ, тщательно обращались съ крестнымъ словомъ къ своей паствѣ, заклиная Отцомъ и Сыномъ, и Духомъ святымъ, единымъ, истиннымъ, вѣчнымъ Богомъ, королей, герцоговъ, князей, маркграфовъ, графовъ, бароновъ и прочихъ вельможъ, а также городскія коммюны (communiones civitatum) и коммюны сельскія (communiones villarum) и коммюны мѣстечекъ (oppidorum), чтобы всѣ тѣ,

которые сами лично не отправились на помощь святой землѣ, поставили соотвѣтственное число воиновъ и взяли на себя необходимые расходы на три года, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, во отпущеніе своихъ грѣховъ, какъ то выражено во вселенскомъ посланіи и какъ то мы повторимъ ниже для бо́льшаго обезпеченія.

Мы желаемъ, чтобы это отпущеніе распространялось не только на тѣхъ, которые доставляютъ свои корабли, но и на тѣхъ, которые позаботятся выстроить суда для этого предпріятія. Тѣмъ же, которые откажутся — если только могутъ найтись столь неблагодарные предъ Господомъ Богомъ нашимъ — мы возвѣщаемъ несомнѣнно отъ лица апостольскаго престола, пусть они знаютъ, что въ послѣдній день суда они съ трепетомъ дадутъ намъ отвѣтъ въ томъ; впрочемъ еще прежде того они должны подумать, съ какою совѣстью и съ какою увѣренностію они могутъ положиться на единороднаго Сына божія Іисуса Христа, ему же все предано въ руки, если они откажутся въ этомъ дѣлѣ служить тому, кто распятъ за наши грѣхи, милостью котораго они живутъ, благодатью котораго поддерживаются и чьею кровью искупляются.

А чтобы о насъ не подумали, что мы возлагаемъ на плеча людей громадную и невыносимую тяжесть, сами не желая поднять для того даже нашего пальца и походя на тѣхъ, которые говорятъ, какъ нужно дѣлать, а сами ничего не дѣлаютъ, мы даемъ и жертвуемъ на это дѣло тридцать тысячъ фунтовъ, которые мы могли сберечь отъ своихъ крайне умѣренныхъ и необходимыхъ расходовъ, сверхъ корабля, уступленнаго нами крестоносцамъ, изъ Рима и изъ сосѣднихъ мѣстъ, ассигнуя при этомъ три тысячи марокъ серебра, оставшихся у насъ отъ благостыни нѣкоторыхъ вѣрныхъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ были съ вѣрностью розданы руками блаженной памяти аббата и іерусалимскаго патріарха и магистровъ Храма и Госпиталя, на пользу и необходимое для той земли.

Желая также, дабы другіе прелаты церкви и всѣ клерики приняли участіе въ томъ же, мы постановили съ одобренія всеобщаго собора, чтобы всѣ клерики, какъ подчиненные, такъ и прелаты, представляли въ теченіе трехъ лѣтъ для вспомоществованія святой земли двадцатую часть церковныхъ доховъ, чрезъ посредство лицъ, которыя будутъ назначены апостолическимъ усмотрѣніемъ. Но изъ этого исключаются тѣ духовные, которые взяли крестъ или имѣютъ намѣреніе взять, и лично отправятся въ походъ.

Мы же сами и наши братія, кардиналы святой римской церкви, будемъ взносить десятую часть сполна; да будетъ вѣдомо, что всѣ обязаны къ тому подъ страхомъ отлученія, такъ-что всякій, кто съ умысломъ прибѣгнетъ къ обману, будетъ отлученъ.

Слѣдуя справедливымъ предписаніямъ покойнаго императора (Фридриха I), мы даемъ особенныя преимущества крестоносцамъ со времени ихъ отправленія въ походъ; они пользуются освобожденіемъ отъ всѣхъ поборовъ, налоговъ и другихъ тягостей; ихъ лицо и имущество, по принятіи креста, находятся подъ покровительствомъ блаженнаго Петра и нашимъ собственнымъ и состоятъ подъ защитою архіепископовъ, епископовъ и всѣхъ прелатовъ церкви; кромѣ того, назначаются

еще особые защитники, такъ-что ихъ имущество сохранится въ цѣлости и неприкосновенности до тѣхъ поръ, пока не получится вѣрное извѣстіе о ихъ смерти или возвращеніи, и если кто-нибудь замыслитъ противъ нихъ злое, то будетъ остановленъ церковнымъ судомъ.

Если заимодавцы задержатъ кого-нибудь изъ крестоносцевъ, принуждая внести клятвенно утвержденные проценты, то мы предписываемъ съ такою же строгостію заставлять ихъ отказаться отъ данной имъ клятвы и отъ требованія процентовъ. Если же кто-нибудь изъ заимодавцевъ будетъ вынуждать силою проценты, то мы повелѣваемъ требовать отъ нихъ возвращенія процентовъ.

Евреевъ же предписываемъ принуждать свѣтскою властью къ возврату процентовъ, и пока они того не исполнятъ, всѣмъ вѣрнымъ во Христѣ прекратить съ ними всякое сношеніе подъ страхомъ церковнаго отлученія. Тѣмъ же, которые не могутъ въ настоящее время уплатить долговъ евреямъ, князья даютъ надлежащую отсрочку, дабы ихъ не безпокоили процентами по принятіи пути до тѣхъ поръ, пока не придетъ положительное извѣстіе о ихъ смерти или возвращеніи. Да будетъ извѣстно прелатамъ церкви, что они будутъ строго наказаны, если окажутъ невниманіе въ судѣ крестоносцамъ и ихъ семействамъ. Такъ-какъ корсары и пираты (cursarii et piratae) весьма много препятствуютъ помогать святой землѣ, полоня и грабя идущихъ и возвращающихся оттуда, то мы налагаемъ узы отлученія въ особенности на ихъ пособниковъ и укрывателей, и угрожаемъ анаѳемою всякому, кто завѣдомо вступитъ съ ними въ торговыя сдѣлки, а правителямъ городовъ и мѣстечекъ вмѣняемъ въ обязанность воздерживать и препятствовать такому нечестію, ибо не останавливать злыхъ людей есть то же самое, что и покровительствовать имъ: дѣйствія тайной шайки обременяютъ совѣсть того, кто не противится ея явнымъ преступленіямъ; мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы прелаты употребили всю церковную строгость противъ такихъ лицъ и ихъ владѣній.

Кромѣ того, мы отлучаемъ и подвергаемъ анаѳемѣ тѣхъ лживыхъ и нечестивыхъ христіанъ, которые доставляютъ сарацинамъ противъ самого Христа и христіанскаго народа оружіе, желѣзо и корабельное дерево, а также и суда или корабли, или служатъ кормчими на разбойническихъ судахъ сарацинъ, управляютъ ихъ военными машинами, или даютъ имъ какой-нибудь совѣтъ или помощь въ ущербъ святой землѣ; имущество такихъ конфискуется и сами они превращаются въ рабовъ. Предписываемъ повторять такіе приговоры во всѣхъ приморскихъ городахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и нѣдра церкви не разверзнутся предъ ними, если они не предадутъ въ пользу святой земли какъ своего беззаконнаго стяжанія, такъ и самихъ себя, чтобы быть наказану тѣмъ же, въ чемъ прегрѣшили. Если же кому нечѣмъ будетъ заплатить пени, то наказать его такъ, чтобы это наказаніе отняло у другихъ смѣлость къ чему-нибудь подобному.

Сверхъ того запрещаемъ всѣмъ христіанамъ, подъ страхомъ анаѳемы, ходить въ земли сарацинъ, живущихъ на Востокѣ, или плавать на своихъ корабляхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, чтобы чрезъ то

оставалось бо́льшее число кораблей для желающихъ отправляться на помощь святой землѣ, и чтобы лишить сарацинъ тѣхъ значительныхъ выгодъ, которыя они получаютъ обыкновенно отъ торговли.

Хотя на различныхъ соборахъ вообще запрещали турниры (torneamenta) подъ извѣстными наказаніями, но такъ-какъ въ нынѣшнее время они служатъ большимъ препятствіемъ крестоносному дѣлу, то мы запрещаемъ ихъ строжайше на три года подъ страхомъ отлученія.

Такъ-какъ для исполненія такого предпріятія въ особенности необходимо, чтобы князья и христіанскіе народы соблюдали миръ, то мы, по настоянію святого вселенскаго собора, постановили, чтобы по крайней мѣрѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ сохранялся всеобщій миръ на всей землѣ христіанской, и чтобы прелаты церквей склоняли поссорившихся къ полному миру или къ ненарушимому сохраненію перемирія; тѣ же, которые воспротивятся, будутъ отлучены лично и на ихъ владѣнія наложится строжайшее запрещеніе, если только обида не будетъ такъ велика, что нельзя было бы радоваться миру. Если они не уважутъ церковнаго наказанія, то имъ придется бояться, чтобы церковная власть не призвала противъ нихъ свѣтской власти, какъ противъ нарушителей крестоноснаго дѣла.

Мы же, вспомоществуемые милосердіемъ Всемогущаго Бога и авторитетомъ блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла, властью, которую намъ, хотя и недостойно, даровалъ Богъ вязать и рѣшить, всѣмъ, кто возьметъ на себя трудъ лично или издержками, даруемъ полное отпущеніе ихъ грѣховъ, въ которыхъ они исповѣдались съ сокрушеннымъ сердцемъ, и въ воздаяніе праведныхъ обѣщаемъ вѣчное спасеніе какъ тѣмъ, которые приняли не личное участіе, но на свой счетъ и соотвѣтственно своему имуществу и званію поставили надлежащихъ воиновъ, такъ и тѣмъ, которые, хотя на чужой счетъ, отправились въ походъ лично. Мы желаемъ и соглашаемся, чтобы это отпущеніе, сообразно помощи и благочестію каждаго, распространилось на всѣхъ, которые окажутъ помощь святой землѣ изъ своего достоянія или дадутъ помощь и совѣтъ тѣмъ, которые благочестиво отправятся на этотъ подвигъ; да послужитъ оно къ ихъ спасенію. Аминь.

Иннокентій III.

Expeditionis pro recuperanda terra sancta ordinatio.

Папа Иннокентій III (отъ 1198 до 1216 г.), послѣ неудачной попытки Ричарда Львиное-Сердце и Филиппа II Августа, явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ новаго крестоваго похода и оставилъ послѣ себя большую переписку по этому предмету съ различными лицами. Первое мѣсто въ этой перепискѣ занимаетъ его „Предписаніе похода для освобожденія святой земли“; оно издано вмѣстѣ съ другими его посланіями у *Duchesne*, Historiae Francorum scriptores etc. Par. 1649, т. V, стр. 749 и слѣд.

59. — Византія предъ завоеваніемъ ея крестоносцами.

(1781 г.).

Сто лѣтъ, отъ 1080 до 1180 г., а именно правленіе Алексѣя I Комнена и двухъ его преемниковъ, Іоанна (1118—1143) и Мануила (1143—1180), были лучшею эпохою Византійской исторіи: императоры счастливо отражали внѣшнихъ враговъ, держали въ страхѣ самихъ крестоносцевъ и смиряли внутреннія крамолы. Но весь этотъ успѣхъ основывался на личностяхъ правителей, и достаточно было первыхъ пяти лѣтъ по смерти Мануила, чтобы язвы византійскаго общества, прикрываемыя внѣшнимъ блескомъ, обнаружились вполнѣ и сдѣлали понятными легкость завоеванія имперіи какою-нибудь горстью латиновъ.

Личныя выгоды и противоположныя страсти смущали иногда братскую взаимную привязанность двухъ сыновей императора Алексѣя Великаго (Іоанна и Исаака). Честолюбіе вынудило Исаака Севастократора бѣжать и возмутиться; непоколебимость и милости Іоанна Красиваго привели его къ подчиненію. Заблужденія Исаака, отца императоровъ Трапезунта, были неглубоки и непродолжительны; но Іоаннъ, старшій изъ его сыновей, навсегда отрекся отъ религіи. Бывъ оскорбленъ дѣйствительно или воображаемо императоромъ, своимъ дядею, онъ оставилъ лагерь римлянъ и перебѣжалъ къ туркамъ. Въ вознагражденіе за свое богоотступничество, онъ получилъ руку султана, титулъ *келеби*, или благороднаго, и обширныя владѣнія; потому, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, Магометъ II хвалился тѣмъ, что онъ происходитъ изъ фамиліи Комненовъ.

Андроникъ, младшій братъ Іоанна, сынъ Исаака и внукъ Алексѣя Комнена, представляетъ собою одинъ изъ великолѣпныхъ характеровъ очерчиваемаго нами вѣка, и его похожденія могли бы служить предметомъ весьма оригинальнаго романа. Онъ заставилъ полюбить себя трехъ женщинъ королевскаго происхожденія, и дѣйствительно, художникъ, который захотѣлъ бы изобразить идеалъ силы и красоты, могъ бы избрать его образцомъ для себя: онъ не имѣлъ тѣхъ пріятностей, которыя сообщаетъ свѣтскость; но онѣ замѣнялись въ немъ мужественностью, высокимъ ростомъ, мускулами атлета и воинственнымъ видомъ. Кусокъ хлѣба и стаканъ воды составляли часто его ужинъ, и если ему случалось ѣсть кабана или козу, то они были убиты имъ самимъ на охотѣ и изготовлены его собственными руками. Его увлекательное краснорѣчіе умѣло примѣняться ко всѣмъ обстоятельствамъ и положеніямъ жизни; онъ подражалъ св. Павлу, но только не своимъ поведеніемъ; и, если дѣло шло о томъ, чтобы причинить зло, онъ былъ смѣлъ въ составленіи плановъ и отважно приводилъ ихъ въ исполненіе. По смерти императора Іоанна, онъ удалился во главѣ римской арміи; проходя по Малой Азіи, онъ блуждалъ случайно или съ намѣреніемъ въ горахъ, хотя и былъ въ то время еще очень мо-

лодъ: турецкіе охотники окружили его, и онъ оставался нѣкоторое время, добровольно или противъ воли, во власти ихъ князя. Его доблести и его пороки снискали ему благорасположеніе его двоюроднаго брата: онъ раздѣлялъ опасности и удовольствія императора Мануила (преемника Іоанна); и между тѣмъ какъ этотъ послѣдній находился въ предосудительныхъ связяхъ съ Ѳеодорою, онъ успѣлъ обольстить Евдоксію, сестру этой княжны. Евдоксія, пренебрегая приличіями своего пола и своего званія, съ гордостію называла себя наложницею Андроника, и какъ дворецъ, такъ и лагерь были свидѣтелями ея поведенія. Она послѣдовала за нимъ въ Киликію, которая была первымъ театромъ его воинской доблести и его неблагоразумія. Онъ сильно торопился осадою Мопсуесты; проводилъ дни въ отважныхъ приступахъ, а ночью предавался музыкѣ и танцамъ; труппа греческихъ комедіантовъ составляла ту часть его свиты, которою онъ въ особенности дорожилъ. Бывъ однажды окруженъ непріятельскимъ гарнизономъ, сдѣлавшимъ неожиданно вылазку, онъ своимъ непобѣдимымъ копьемъ пробился сквозь густые ряды армянскихъ полковъ. По возвращеніи Андроника въ императорскій лагерь, находившійся въ Македоніи, Мануилъ принялъ его при всѣхъ весьма дружественно, но наединѣ далъ ему выговоръ, и, чтобы вознаградить или утѣшить несчастнаго полководца, далъ ему княжества: Несъ, Банизебу и Касторію. Евдоксія сопровождала его повсюду: братья послѣдней, придя въ ярость и желая искупить свое кровное безчестіе, напали внезапно на его ставку; Евдоксія совѣтовала ему переодѣться въ женское платье и спасаться бѣгствомъ; но отважный Андроникъ не хотѣлъ послѣдовать подобному совѣту и расчистилъ себѣ дорогу посреди своихъ многочисленныхъ убійцъ. При этомъ же случаѣ онъ обнаружилъ въ первый разъ свою неблагодарность и вѣроломство; вступивъ въ преступныя сношенія съ королемъ Венгріи и императоромъ Германіи, онъ подошелъ однажды къ ставкѣ императора съ мечемъ въ рукахъ и въ подозрительное время: выдавъ сначала себя за латинскаго воина, онъ сознался, что хотѣлъ отмстить одному смертельному врагу, и имѣлъ неловкость отозваться съ похвалою о быстротѣ своего коня, съ помощью котораго, говорилъ онъ, можно спастись во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Мануилъ скрылъ свои подозрѣнія; но, по окончаніи похода, онъ приказалъ схватить Андроника и заключилъ его въ одной изъ башенъ константинопольскаго дворца.

Это заключеніе продолжалось болѣе двѣнадцати лѣтъ: не имѣя силъ переносить тишины и лишенія удовольствій, онъ былъ безпрестанно занятъ мыслью о бѣгствѣ. Однажды онъ замѣтилъ въ углу своей темницы обломанные кирпичи; ему удалось расширить проходъ и открыть сзади темное и забытое убѣжище. Захвативъ съ собою остатокъ пищи, Андроникъ влѣзъ туда, тщательно заложилъ проходъ кирпичами и тщательно уничтожилъ всѣ слѣды своего крова. Стражи, дѣлавшіе обходъ въ обычный часъ, были поражены тишиною его темницы, и распространили слухъ, что Андроникъ спасся, но неизвѣстно какимъ образомъ. Въ ту же минуту дворцовыя и городскія ворота были заперты; провинціи получили строгое приказаніе захватить бѣглеца, а жена его, подозрѣваемая въ содѣйствіи къ бѣгству,

была заключена въ той же самой башнѣ. Ночью она думала видѣть предъ собою привидѣніе, но вскорѣ узнала своего мужа; они дѣлились пищею, и плодомъ ихъ тайныхъ свиданій, ослаблявшихъ муки ихъ плѣна, было рожденіе сына. Бдительность тюремщиковъ, приставленныхъ къ его женѣ, мало-по-малу теряла свою силу, и Андроникъ успѣлъ бѣжать, но его открыли и привели въ Константинополь, обремененнаго двойною цѣпью. При всей строгости новаго заключенія, онъ вторично успѣлъ уйти изъ темницы. Молодой человѣкъ, прислуживавшій ему, напоилъ стражу и при помощи воска снялъ форму съ ключей: друзья Андроника прислали ему на днѣ боченка поддѣльные ключи со связкою веревокъ. Плѣнникъ воспользовался всѣмъ этимъ съ отвагою и съ большимъ благоразуміемъ; онъ открылъ двери, сошелъ съ башни, укрывался цѣлый день въ кустахъ и ночью спустился со стѣнъ дворцоваго сада. Его ожидала лодка; онъ зашелъ въ свой домъ, обнялъ дѣтей, сбилъ съ себя оковы и, сѣвъ на бѣгуна, пустился къ берегамъ Дуная. Когда онъ прибылъ въ Анхіалу, городъ Ѳракіи, одинъ изъ его неустрашимыхъ приверженцевъ далъ ему лошадей и денегъ; онъ переправился черезъ рѣку, поспѣшно проѣхалъ по степямъ Молдавіи и чрезъ Карпатскія горы, и уже находился близь Галича, города Красной Руси, какъ внезапно былъ остановленъ шайкою валаховъ, которые рѣшились препроводить его въ Константинополь. Присутствіе духа вывело его и изъ этой новой опасности. Подъ предлогомъ естественной нужды, онъ сошелъ ночью съ лошади, и ему позволили отойти въ сторону отъ отряда. Воткнувъ въ землю палку, на которую онъ будто бы опирался, онъ повѣсилъ на нее свою шляпу и часть своей одежды, бросился въ лѣсъ, и валахи, обманутые чучеломъ, дали ему время добраться до Галича. Тамъ его приняли весьма хорошо и препроводили въ Кіевъ, мѣстопребываніе великаго князя: ловкій грекъ успѣлъ скоро снискать расположеніе и довѣріе Ярослава: онъ умѣлъ подделываться подъ нравы всѣхъ странъ, и туземцы восхваляли его неустрашимость и силу, которую онъ обнаруживалъ на охотѣ за оленями и медвѣдями. Мануилъ просилъ русскаго князя присоединить свои силы къ силамъ имперіи, чтобы сдѣлать вторженіе въ Венгрію. Во время этихъ важныхъ переговоровъ, Андроникъ оказалъ услуги императору: онъ обѣщалъ особымъ договоромъ сохранить ему вѣрность до смерти, и императоръ, съ своей стороны, объявилъ полное забвеніе прошедшаго. Въ слѣдъ затѣмъ онъ отправился во главѣ русской конницы отъ Днѣпра къ берегамъ Дуная. Не смотря на свои неудовольствія, Мануилъ всегда любилъ воинственный и свободный характеръ Андроника, и со времени нападенія на Землинъ, причемъ послѣдній отличился, императоръ простилъ его торжественнымъ образомъ.

По возвращеніи Андроника въ отечество, его честолюбіе возгорѣлось снова, сначала по поводу своего собственнаго несчастія и наконецъ въ виду несчастія своей страны. Дочь Мануила была слишкомъ слабымъ препятствіемъ для честолюбивыхъ видовъ князей дома Комненовъ, которые считали себя болѣе достойными престола: она должна была выйти за короля Венгріи, и этотъ бракъ былъ противенъ надеждамъ и предразсудкамъ князей и знатныхъ. Но, когда

потребовали присяги на вѣрность будущему преемнику, Андроникъ одинъ поддержалъ честь римскаго имени; онъ не хотѣлъ давать незаконной присяги, и громко протестовалъ противъ усыновленія иностранца. Его патріотизмъ оскорбилъ императора; но онъ согласовался съ чувствованіями народа, и потому монархъ, удаляя его отъ себя, оказалъ ему свою немилость почетнымъ образомъ, ибо вторично поручилъ ему начальство на границѣ Киликіи, съ безотчетнымъ распоряженіемъ доходами острова Кипра. Армяне снова испытали на себѣ его отвагу. Его небрежность на этотъ разъ не сдѣлалась для него плачевною. Ему удалось обезоружить и опасно ранить одного мятежника, который разстроилъ всѣ его планы. Вскорѣ онъ сдѣлалъ и другое завоеваніе, болѣе легкое и болѣе пріятное: онъ обольстилъ прекрасную Филиппу, сестру императрицы Маріи и дочь Раймунда Пуату, латинскаго князя, правившаго Антіохіею. Изъ угожденія ей, бросивъ свой постъ, онъ провелъ все лѣто за пиршествами и турнирами: Филиппа, увлеченная любовью, пожертвовала для него своею честью, своимъ именемъ и выгоднымъ бракомъ. Гнѣвъ Мануила, раздраженнаго такимъ семейнымъ безчестіемъ, прервалъ наслажденія Андроника: онъ бросилъ несчастную принцессу въ слезахъ и раскаяніи и, сопровождаемый толпою искателей приключеній, отправился пилигримомъ въ Іерусалимъ. Его рожденіе, его великая военная слава, ревность, которую онъ обнаруживалъ въ отношеніи религіи, заставили стараться привлечь его подъ знамена креста;—онъ очаровалъ короля и духовенство, и получилъ на берегу Финикіи владѣніе Беритъ. Въ сосѣдствѣ съ нимъ жила молодая и прекрасная королева, происходившая изъ одного съ нимъ народа и одной фамиліи, правнука императора Алексѣя и вдова Балдуина III, короля іерусалимскаго. Она навѣстила своего родственника и почувствовала къ нему любовь. Эта королева называлась Ѳеодора; она была третьею жертвою его обольщеній, и ея стыдъ былъ еще болѣе оглашенъ и представлялъ болѣе соблазна, нежели первыхъ двухъ. Императоръ, постоянно питавшій месть, настоятельно побуждалъ своихъ подданныхъ и союзниковъ, которыхъ имѣлъ на границѣ Киликіи, схватить Андроника и выколоть ему глаза. Палестина не представляла ему болѣе безопасности; но Ѳеодора предупредила его и сопровождала въ бѣгствѣ. Королева іерусалимская являлась на всемъ Востокѣ наложницею Андроника, и двое побочныхъ дѣтей свидѣтельствовали о ея слабости. Андроникъ убѣжалъ сначала въ Дамаскъ, и, при всемъ своемъ уваженіи къ религіи грековъ, онъ нисколько не усомнился въ чести мусульманъ, живя съ великимъ Нуреддиномъ и съ Саладиномъ, служившимъ у него. Въ качествѣ друга Нуреддина, онъ ходилъ въ Багдадъ и къ различнымъ дворамъ Персіи; сдѣлавъ далекій обходъ вокругъ береговъ Каспійскаго моря и черезъ горы Грузіи, онъ утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Малой Азіи, у турокъ, наслѣдственныхъ враговъ соотечественниковъ Андроника. Андроникъ, его наложница и толпа изгнанниковъ, слѣдовавшая за нимъ, нашли себѣ радушный пріемъ во владѣніяхъ султана Колоніи (Цезареи); чтобы доказать ему свою признательность, онъ дѣлалъ неоднократные набѣги на римскую провинцію Трапезунта; при каждомъ набѣгѣ, онъ

приводилъ съ собою большое число плѣнныхъ христіанъ съ значительною добычею. Разсказывая свои похожденія, Андроникъ любилъ сравнивать себя съ Давидомъ, который своимъ продолжительнымъ изгнаніемъ успѣлъ уйти изъ сѣтей злобы. Но царь пророкъ, прибавлялъ онъ, ограничивался только тѣмъ, что прятался на границѣ Іудеи, убивалъ какого-нибудь амалекита и, не смотря на свое печальное положеніе, грозилъ корыстному Набалу; его же набѣги были обширнѣе и дѣлали извѣстнымъ его имя и его религію по всему Востоку. По опредѣленію церкви, Андроникъ былъ отлученъ объ общенія вѣрующихъ; впрочемъ такое отлученіе доказываетъ, что Андроникъ не отказывался никогда отъ христіанства.

Онъ успѣлъ спастись отъ всѣхъ тайныхъ и явныхъ преслѣдованій императора; но плѣнъ его наложницы поймалъ наконецъ его въ сѣти. Правитель Трапезунта захватилъ Θеодору; іерусалимская королева и ея двое дѣтей были отправлены въ Іерусалимъ, и съ того времени странствующая жизнь Андроника сдѣлалась мучительною для него. Онъ началъ умолять о прощеніи, и получилъ его: ему даже позволили придти и броситься къ ногамъ своего государя, который удовольствовался покорностью столь гордаго князя. Павъ ницъ предъ Мануиломъ, онъ оплакивалъ свой мятежъ со слезами и рыданіями, и объявилъ, что не встанетъ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь вѣрный подданный не возьметъ его за цѣпь, надѣтую на его шеѣ, и не притащитъ къ ступенямъ трона; такое чрезвычайное выраженіе раскаянія вызвало всеобщее удивленіе и сочувствіе; церковь и императоръ простили ему его грѣхи и его преступленія; но Мануилъ, продолжавшій питать къ нему недовѣріе, удалилъ его отъ двора и сослалъ въ Эное, городъ Понта, окруженный богатыми виноградниками и лежащій на берегу Чернаго моря. Смерть Мануила и безпорядки по случаю несовершеннолѣтія его преемника открыли новое поприще для честолюбія Андроника. Императоръ Алексѣй II (1180—1183), имѣвшій отъ роду отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, не могъ обнаружить ни силы, ни мудрости, ни опытности. Императрица Марія, мать его, отдала и себя, и управленіе своему любимцу, по имени Комнену; а сестра молодого императора, называвшаяся также Маріею и бывшая замужемъ за италіанцемъ, украшеннымъ именемъ Кесаря, составила заговоръ и наконецъ произвела возстаніе противъ своей ненавистной мачихи. О провинціяхъ забыли; столица волновалась, и порочность нѣсколькихъ мѣсяцевъ ниспровергла трудъ цѣлаго вѣка спокойствія и порядка. Гражданская война возобновилась въ стѣнахъ Константинополя; обѣ партіи предались кровопролитію на площади дворца, и мятежники, загнанные въ церковь св. Софіи, выдерживали правильную осаду. Патріархъ употребилъ все, чтобы уврачевать общественное бѣдствіе; самые уважаемые патріоты требовали громко защитника и мстителя своихъ правъ, и всѣ восхваляли таланты и даже добродѣтели Андроника; въ своемъ изгнаніи, онъ показывалъ видъ, что помнитъ тѣ обязанности, которыя налагала на него присяга: „если безопасность и честь императорской фамиліи угрожаются кѣмъ-нибудь, говорилъ онъ, то я употреблю въ ея пользу всѣ средства, какими могу располагать“. Онъ позаботился о томъ,

чтобы въ своей перепискѣ съ патріархомъ и знатными помѣстить извлеченіе изъ псалмовъ Давида и посланіе св. Павла, и терпѣливо выжидалъ, когда голосъ соотечественниковъ призоветъ его на помощь отчизнѣ. Когда онъ отправлялся изъ Эное въ Константинополь, его свита, сначала ничтожная, обратилась скоро въ многочисленную толпу и наконецъ сдѣлалась цѣлою арміею; всѣ вѣрили его слову, какъ онъ говорилъ о своей религіи и о своей вѣрности. Андроникъ сохранилъ даже чужеземную одежду, которая своею простотою выказывала его величественный ростъ и говорила всѣмъ о его бѣдности и его изгнаніи. Всѣ препятствія исчезали предъ нимъ; онъ прибылъ въ проливъ Ѳракійскаго Босфора; императоръ вышелъ изъ гавани, чтобы встрѣтить спасителя имперіи; ничто не могло оказать ему сопротивленія. Забыли всѣхъ любимцевъ, возвеличенныхъ милостями императора, и думали только о немъ. Первою заботою Андроника было овладѣть дворцомъ, поздравить императора, заключить въ темницу императрицу Марію, наказать ея министра и возстановить порядокъ и общественное спокойствіе. Послѣ того онъ отправился на могилу Мануила; было приказано всѣмъ держаться въ отдаленіи; но зрители наблюдали за его молитвою и слышали или думали слышать слѣдующее: „Я больше не боюсь тебя, мой непримиримый врагъ, который преслѣдовалъ меня какъ бродягу по всѣмъ странамъ земли. Эта могила заключаетъ твои останки, и ты не выйдешь отсюда ранѣе страшнаго суда, когда насъ всѣхъ воззоветъ труба. Теперь моя очередь, я стопчу своими ногами и твой прахъ, и твое потомство“. Послѣдовавшія затѣмъ жестокости заставляютъ думать, что онъ дѣйствительно могъ имѣть подобныя мысли; но невѣроятно, чтобы онъ высказалъ свои задушевныя мысли уже въ первые мѣсяцы своего управленія; онъ прикрылъ свои намѣренія личиною лжи, которая могла обмануть одну толпу. Вѣнчаніе Алексѣя II произошло съ обычною церемоніею, и его вѣроломный опекунъ, держа въ своихъ рукахъ тѣло и кровь Христовы, объявилъ, что онъ будетъ жить и умирать за своего возлюбленнаго питомца. Между тѣмъ его многочисленные приверженцы поддерживали ту мысль, что потрясенная имперія должна погибнуть подъ скипетромъ дитяти, что государство можетъ спасти одинъ какой-нибудь опытный князь, отважный на войнѣ, искусный въ наукѣ правленія и наученный превратностью судьбы искусству царствовать, и что всѣ граждане должны принудить скромнаго Андроника возложить на себя бремя короны. Принудили даже молодого императора присоединить свой голосъ къ всеобщему требованію и просить себѣ соправителя, который вскорѣ лишитъ его высокаго званія, будетъ держать въ неволѣ, и который, наконецъ, оправдаетъ справедливое замѣчаніе патріарха, что Алексѣя II можно считать умершимъ, лишь только онъ попадетъ во власть своего опекуна. Алексѣй умеръ послѣ того какъ мать его была схвачена и казнена. Тиранъ, очернивъ честь императрицы Маріи и возбудивъ противъ нея народныя страсти, приказалъ обвинить ее и судить за преступныя сношенія съ королемъ Венгріи. Ея сынъ, молодой человѣкъ, исполненный чести и правоты, выразилъ свое отвращеніе къ такому преступному процессу и трое изъ судей поставили совѣсть выше своей безопасности; но прочіе,

подчиняясь волѣ Андроника, безъ всякихъ доказательствъ и не выслушавъ оправданія обвиненной, осудили вдову Мануила, и сынъ ея подписалъ смертный приговоръ. Марія была задушена, тѣло ея бросили въ море и память ея была оскорблена самымъ чувствительнымъ образомъ для женскаго тщеславія, ибо изъ ея прекраснаго лица сдѣлали самую безобразную карикатуру. Послѣ того не замедлили умертвить ея сына: его задавили тетивою лука; и Андроникъ, недоступный чувству сожалѣнія и угрызеніямъ совѣсти, взглянувъ на трупъ этого невиннаго юноши, грубо толкнулъ его ногою: „Твой отецъ воскликнулъ онъ, былъ негодяй, твоя мать распутница, и ты самъ глупецъ“.

Скипетръ Византіи былъ наградою преступленій Андроника; онъ правилъ около трехъ съ половиною лѣтъ въ качествѣ опекуна и верховнаго главы имперіи. Его управленіе представляло странную смѣсь добродѣтели и порока. Когда онъ слѣдовалъ своимъ страстямъ, онъ былъ бичомъ своего народа, и, возвращаясь къ разсудку, онъ дѣлался его отцомъ. Онъ выказалъ себя справедливымъ и строгимъ въ дѣлахъ частнаго правосудія; уничтожилъ постыдную и плачевную продажность; умѣя различать людей, онъ дѣлалъ хорошій выборъ и былъ довольно твердъ, чтобы наказывать виновныхъ, а потому вскорѣ на всѣхъ мѣстахъ явились достойные люди. До него обыкновенно грабили тѣхъ несчастныхъ, которые претерпѣвали кораблекрушеніе, и онъ уничтожилъ этотъ безчеловѣчный обычай; провинціи, столь долгое время угнетаемыя и пренебреженныя, ожили среди изобилія, и между тѣмъ какъ очевидцы его ежедневныхъ жестокостей проклинали его, милліоны людей, жившихъ вдали отъ Византіи, прославляли счастливое благоденствіе его правленія. Марій и Тиберій подтвердили собою ту древнюю поговорку, что человѣкъ, переходя отъ изгнанія къ власти, дѣлается кровожаднымъ. Жизнь Андроника подтвердила справедливость того въ третій разъ. Онъ припоминалъ въ своемъ изгнаніи всѣхъ своихъ враговъ и соперниковъ, которые говорили о немъ худо, которые порицали его въ несчастіи или которые противились его счастью, и надежда на месть была тогда единственнымъ его утѣшеніемъ. Избавившись отъ императора и его матери, онъ считалъ себя обязаннымъ истребить всѣхъ, которые ненавидѣли его или могли его наказать; и рядъ душегубствъ уничтожилъ въ немъ всякое состраданіе. Чтобы изобразить его кровожадность, нѣтъ надобности разсказывать о всѣхъ жертвахъ, погибшихъ отъ яда или меча, въ морѣ или въ огнѣ; достаточно указать на то, что недѣля, въ которую онъ не пролилъ крови, называлась *временемъ счастливыхъ дней* въ лѣтописяхъ его жизни. Онъ старался слагать на законы или на судей часть своихъ преступленій; но личина спала, и его подданные не могли не узнать наконецъ виновника своихъ бѣдствій. Благороднѣйшіе изъ грековъ и въ особенности тѣ, которые, по своему происхожденію или по родству, могли предъявить притязаніе на наслѣдіе Комненовъ, спасались изъ логовища этого чудовища: одни бѣжали въ Никею или въ Прузію, въ Сицилію или на островъ Кипръ; такъ-какъ ихъ бѣгство считалось уже преступленіемъ, то они присоединяли къ нему возстанія и принимали на себя титулъ императора. Андроникъ спасался всякій разъ

отъ кинжала и меча своихъ жесточайшихъ враговъ; онъ покорилъ и наказалъ города Никею и Прузію; сицилійцы ограничились разореніемъ Ѳессалоники; и если мятежники, удалившіеся на островъ Кипръ, были внѣ преслѣдованій императора, то, съ другой стороны, такая отдаленность острова была выгодна и для самого Андроника. Его свергнулъ съ престола ничтожный соперникъ и безоружный народъ. Андроникъ произнесъ смертный приговоръ противъ Исаака Ангела, который происходилъ по женской линіи отъ Алексѣя Великаго. Исаакъ рѣшился защищать свою свободу и свою жизнь: умертвивъ палача, исполнявшаго предписанія тирана, онъ убѣжалъ въ церковь св. Софіи. Чернь, любопытная и опечаленная, наполнила мало-по-малу храмъ. Но толпа очень скоро переходитъ отъ плача къ брани и отъ брани къ угрозамъ. Начали раздаваться голосà: „Чего мы боимся? Чего мы подчиняемся тирану? Насъ цѣлые милліоны, а онъ одинъ: наше рабство основано на нашемъ терпѣніи". Съ разсвѣтомъ дня, возстаніе въ городѣ сдѣлалось всеобщимъ: овладѣли темницами; самые спокойные или самые раболѣпные граждане обнаружили готовность защищать свою страну; и Исаакъ, по числу второй (1185—1195), былъ возведенъ прямо изъ храма на престолъ. Андроникъ, считавшій себя въ безопасности, находился въ то время на восхитительныхъ островахъ Пропонтиды. Онъ вступилъ въ мало приличный бракъ съ Алисою или Агнесою, дочерью Лудовика VII, короля Франціи, и вдовою несчастнаго Алексѣя; его общество, болѣе соотвѣтственное его темпераменту, нежели возрасту, составляли молодая жена и одна изъ самыхъ любимыхъ наложницъ. При первомъ извѣстіи о революціи, онъ отправился въ Константинополь, торопясь наказать виновныхъ смертью; но онъ былъ пораженъ молчаніемъ дворца, шумомъ города, и обнаружилъ безпокойство, когда замѣтилъ, что всѣ его оставляли. Онъ обнародовалъ всеобщую амнистію въ пользу своихъ подданныхъ: его подданные смѣялись надъ такимъ заявленіемъ и говорили, что они не намѣрены прощать его; онъ предложилъ передать корону своему сыну Мануилу; но добродѣтели сына не могли искупить преступленій отца. Онъ могъ еще спастись моремъ, но слухъ о революціи распространился по всему берегу; съ той минуты какъ перестали бояться тирана, никто не оказывалъ болѣе ему повиновенія. Вооруженное судно овладѣло императорскою галерою; и Андроникъ, въ оковахъ и съ длинною цѣпью на шеѣ, былъ привлеченъ къ ногамъ Исаака Ангела. Его краснорѣчіе и слезы сопровождавшихъ его женщинъ не остановили казни, и вмѣсто того, чтобы осудить Андроника законнымъ порядкомъ на смерть, новый императоръ предоставилъ его ярости многочисленной толпы гражданъ, которые, по его кровожадности, лишились отца, мужа или друга. Они вырвали ему зубы и волоса, выкололи глаза и отрубили кисти рукъ; чтобы смерть была мучительнѣе для него, они позаботились оставлять промежутки между различными пытками. Потомъ посадили его на верблюда, и не опасаясь, чтобы кто-нибудь рѣшился его освободить, возили его съ торжествомъ по всѣмъ улицамъ столицы, и самая послѣдняя чернь съ радостью попирала ногами величіе этого властителя. Осыпавъ Андроника безчисленными ударами и поруганіями, они

повѣсили его за ноги между двухъ колоннъ, наверху которыхъ были помѣщены волкъ и свинья; и всѣ тѣ, которые могли достать его тѣло, позволяли себѣ подвергать его самой скотской и утонченной жестокости. Два итальянца, которымъ онъ внушилъ сожалѣніе, или которые были увлечены яростью, вонзили ему два меча и освободили его такимъ образомъ отъ страданій жизни. Во время столь продолжительной и мучительной агоніи, онъ произнесъ только слѣдующія слова: „Господи, сжалься надо мною; зачѣмъ ты хочешь разбить въ куски уже и безъ того разломанный сосудъ!?“

Гиббонъ.

The history of the decline and fall of the roman empire. Базель. 1787.

О Гиббонѣ и его сочиненіяхъ см. въ т. I, примѣч. къ ст. 23.

60.—Осада и взятіе Константинополя латинами. 1204 г.

(Въ 1218 г.).

Въ *шестомъ* отдѣлѣ своего труда [1]) авторъ излагаетъ въ трехъ книгахъ исторію правленія Алексѣя III Комнена (1195—1203), свергнувшаго своего брата Исаака Ангела; первыя двѣ книги и семь главъ третьей книги посвящены описанію внутреннихъ смутъ и внѣшнихъ войнъ узурпатора до 1203 года, когда крестоносцы четвертаго похода, соединясь съ венеціанами, нанесли послѣдній ударъ Византіи.

8. До сихъ поръ (т.-е. до вторженія латинъ) рѣчь моя текла свободно и шла торною дорогой. Теперь же не знаю, что и сказать: какое можетъ быть расположеніе духа у того, кто долженъ вспомнить объ общественныхъ бѣдствіяхъ, которыми была удручена царица городовъ въ правленіе этихъ *земныхъ ангеловъ* (авторъ намекаетъ на фамилію правившей тогда династіи Ангеловъ)? Я желалъ бы описать по достоинству то тяжкое и плачевное зло; но это невозможно, и потому я долженъ сократить исторію, чтобы сдѣлать ее полезнѣе для потомства вслѣдствіе сжатаго изложенія горестныхъ событій, которое ослабитъ печаль.

Оставаясь вѣрнымъ обѣщанію говорить коротко, авторъ въ концѣ этой главы въ нѣсколькихъ словахъ упоминаетъ о томъ, какъ Алексѣй III ослѣпилъ брата Исаака, но оставилъ его вмѣстѣ съ сыномъ Алексѣемъ, еще юно-

---

[1]) См. предыдущее выше, на стр. 383—386.

шею, на свободѣ; какъ Исаакъ нашелъ средство послать письмо въ Италію къ дочери Иринѣ, бывшей за королемъ германскимъ Филиппомъ I, сыномъ Фридриха Барбаруссы, съ жалобою на узурпатора; какъ молодой Алексѣй бѣжалъ въ Италію къ своей сестрѣ; и какъ вообще Ангелы дурнымъ управленіемъ раздражили противъ себя всѣхъ, и особенно венеціанскихъ купцовъ, которые были особенно оскорблены, видя, что Ангелы оказываютъ болѣе покровительства пизанцамъ.

9. Венеціане (Βενέτικοι), имѣя въ виду древніе договоры съ греками, оскорблялись тѣмъ, что ихъ значеніе перешло на пизанцевъ, и, отдаляясь отъ насъ, они обнаруживали при каждомъ случаѣ враждебное расположеніе, особенно когда Алексѣй (III), по корыстолюбію, не хотѣлъ уплатить имъ 200 минъ золота, недостававшихъ въ займѣ 15 центенаріевъ того же металла, которые обязался уплатить императоръ Мануилъ. Еще болѣе желалъ намъ зла венеціанскій дожъ (δούξ) Генрихъ Дандоло (Ἐρίκος Λάνδουλος), слѣпой и удрученный временемъ; онъ предъ всѣми ненавидѣлъ и враждовалъ противъ грековъ; былъ человѣкомъ хитрымъ и чрезвычайно дерзкимъ, до того, что называлъ себя мудрѣйшимъ изъ мудрѣйшихъ, и славолюбіемъ превосходилъ другихъ. Онъ считалъ жизнь хуже смерти, если ему не удастся отмстить оскорбленій, нанесенныхъ греками его согражданамъ, и пересчитывалъ въ умѣ всѣ бѣдствія, испытанныя его единоплеменниками въ правленіе Ангеловъ и при Андроникѣ и Мануилѣ. Но зная, что всякое предпріятіе обратится на его же голову, если будетъ задумано противъ грековъ одними венеціанами, Дандоло началъ помышлять о пріобрѣтеніи союзниковъ и объ устроеніи козней вмѣстѣ съ такими людьми, которые пылаютъ непримиримою ненавистью къ грекамъ и завидуютъ ихъ благоденствію. Въ это время (1203 г.) сама судьба послала ему нѣсколькихъ знатныхъ владѣтелей, желавшихъ посѣтить Палестину, и съ ними-то онъ вступилъ въ союзъ противу грековъ. Это были: Бонифацій маркграфъ Монферратскій, Балдуинъ графъ Фландрскій, Гейнрихъ графъ Сенъ-Поль, Лудовикъ графъ Блоа (ὁ κόμης Πλέης Λολόϊκος) и многіе другіе отважные воители, ростомъ равнявшіеся почти съ своими копьями. Въ теченіе трехъ лѣтъ въ Венеціи строились 110 перевозныхъ судовъ, большихъ кораблей 60, плоскодонныхъ 70; изъ нихъ одинъ корабль за чрезмѣрную величину былъ названъ „Космосомъ“ (Вселенная). Когда наступило время, на корабли были посажены 1,000 всадниковъ панцырныхъ, 30 тысячъ со щитами, умѣвшихъ владѣть всякаго рода оружіемъ, и множество стрѣлковъ.

Въ то время, какъ флотъ былъ готовъ къ отплытію, надъ Византіей скопились, какъ говорится, туча надъ тучей и волна надъ волной. Алексѣй, сынъ Исаака Ангела, снабженный письмами отъ папы древняго Рима и отъ нѣмецкаго короля Филиппа (I), желавшихъ воспользоваться тѣмъ разбойническимъ набѣгомъ для возвращенія юношѣ отеческаго престола, явился на тотъ флотъ и былъ принятъ, ибо не только его именемъ прикрывалось злодѣяніе, направленное противъ грековъ, но сверхъ того онъ могъ удовлетворять ихъ корыстолюбіе деньгами. Будучи юнъ не столько лѣтами, сколько умомъ,

Алексѣй, попавъ въ руки хитрыхъ и коварныхъ людей, обязался и подтвердилъ клятвенно, что онъ довершитъ все, что они не могли бы покончить: онъ обѣщалъ имъ бездну денегъ и 50 кораблей для войны вмѣстѣ съ греками противъ сарацинъ; но что всего хуже и безумнѣе, онъ принялъ латинскую вѣру, призналъ выдуманныя преимущества папъ и обѣщалъ измѣнить древнія постановленія грековъ.

По прибытіи флота къ Іадарѣ (г. Зара), венеціанскій дожъ Дандоло приказалъ осадить этотъ городъ за нарушеніе имъ, какъ онъ говорилъ, какого-то стариннаго договора. Между тѣмъ греческій императоръ Алексѣй, уже давно получивъ извѣстіе о движеніи латинъ, не дѣлалъ никакихъ приготовленій, что собственно составляло и его личную обязанность, и общую обязанность всѣхъ; крайняя распущенность въ дѣлахъ государственныхъ нисколько не лучше полнаго безумія. Евнухи же, бывшіе охранителями лѣсистыхъ горъ, которыя сберегались для императорской охоты, какъ священныя рощи или божій рай, не давали рубить деревьевъ и грозили тяжкимъ наказаніемъ тому, кто осмѣлился бы на то съ цѣлью строить корабли. Кромѣ того, главный начальникъ флота, Михаилъ Стрифнъ, женатый на сестрѣ императрицы, имѣлъ обычай превращать въ золото не только рули и якори, но даже паруса и весла, и лишилъ греческій флотъ большихъ кораблей. Императоръ же не только не наказывалъ такихъ безчестныхъ людей, совершившихъ гнуснѣйшія преступленія, но даже былъ къ нимъ благосклоннѣе, нежели ко всѣмъ другимъ. Сидя спокойно дома, онъ занимался только тѣмъ, что срѣзывалъ горы, засыпалъ долины и выравнивалъ площади; осмѣивалъ за столомъ предпріятіе латинскаго флота, и считалъ баснею тѣ опасности, о которыхъ иные говорили и поставляли на видъ. Но когда до него дошли несомнѣнныя извѣстія о томъ, что латины, принудивъ Іадару къ сдачѣ, пристали къ Эпидамну, а жители этого города провозгласили императоромъ Алексѣя (сына Исаака Ангела), тогда и у императора, какъ у рыбака въ пословицѣ, „палка родила умъ“ (πληγεὶς κομίζεται νοῦν): онъ приказалъ поправить 20 судовъ, сгнившихъ и проточенныхъ червями, и, обойдя городскія стѣны, далъ повелѣніе срыть близъ лежавшіе дома по другую сторону черты. Между тѣмъ латинскій флотъ, отплывъ изъ Эпидамна къ Корцирѣ, направился оттуда къ Константинополю. Западные люди давно уже знали, что греческая имперія есть не что иное, какъ больная голова съ перепоя и опьянѣлая (κραιπάλην καὶ μέθην), а Византія представляетъ собою Сибарисъ, прославленный своею роскошью. Совершивъ удивительно счастливое плаваніе, при тихомъ и попутномъ вѣтрѣ, они подошли къ городу, когда никто о томъ и не зналъ. Сначала они остановились у Халкедона, и оттуда поплыли, частью на веслахъ, а частью на парусахъ, къ лежащей на востокѣ Перѣ (противъ Византіи, съ другой стороны Золотого Рога), гдѣ, бросивъ якорь, оставались на корабляхъ въ разстояніи полета стрѣлы отъ берега. Легкіе же корабли пристали къ Скутари. Греки начали бросать съ возвышеній берега стрѣлы, которыя, не достигая большею частью кораблей, падали въ море. Другой отрядъ расположился у Даматріи съ цѣлью удерживать конницу; но и это имѣло не болѣе успѣха: не подходя близко къ непріятелю, греки обратили тылъ,

и одни были убиты, другіе едва избѣжали смерти; особенно вожди, какъ люди болѣе трусливые. И къ чему имъ было бороться съ такими людьми, которыхъ они называли ангелами хищниками и мѣдными статуями? они умирали отъ одного ихъ взгляда.

10. Спустя нѣсколько дней, латины, видя, что никто не сопротивляется имъ съ сухого пути, пододвинулись ближе къ берегу. Конница отступила далѣе отъ моря, а корабли направились въ заливъ. Послѣ того одни съ суши, другіе съ моря начали осаждать ту башню, къ которой была прикрѣплена тяжеловѣсная желѣзная цѣпь, служившая для поднятія въ случаѣ направленія непріятельскаго флота. При этомъ одни изъ нашихъ, послѣ кратковременнаго сопротивленія, бѣжали, другіе были убиты или попались въ плѣнъ; иные по цѣпи, какъ по веревкѣ, спустились на наши корабли; многіе же, не успѣвъ ухватиться за нее, были низвергнуты въ море. Разорвавъ цѣпь, пріятельскій флотъ весь двинулся впередъ: наши корабли были частью захвачены, а другіе, пригнанные къ берегу и оставленные своими людьми, были разрушены. Бѣдствія являлись въ столь разнообразныхъ формахъ, что едва ли чей умъ могъ бы постигнуть ихъ вполнѣ. Все это происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ, 6711 г. (т.-е. отъ сотворенія міра; 1203 г. по Р. X.).

Конецъ этой главы описываетъ отдѣльныя стычки, въ теченіе первыхъ дней осады; общій приступъ латинъ 17 іюля съ суши и съ моря, когда городъ былъ спасенъ одною храбростью пизанцевъ и поплатился незначительнымъ пожаромъ въ одной части между Влахерною и монастыремъ Эвергета; и, наконецъ, какъ бѣжалъ малодушный Алексѣй въ Дебельту, на кораблѣ съ 10 центенаріями золота (10,000 золотыхъ) и другими драгоцѣнностями, предоставивъ семейство и городъ на произволъ непріятеля; глава, тѣмъ не менѣе, кончается панегирикомъ Алексѣю III за добрыя качества его души.

Первыя три главы слѣдующаго, *седьмого* отдѣла, въ одной книгѣ, посвященнаго на кратковременное правленіе Исаака Ангела, излагаютъ, какимъ образомъ, послѣ бѣгства Алексѣя III, греки избрали ослѣпленнаго имъ Исаака; какъ Исаакъ вступилъ въ переговоры съ латинами и какъ вожди крестоносцевъ вошли въ Византію вмѣстѣ съ его сыномъ Алексѣемъ, принудивъ отца подписать договоръ, заключенный ими съ послѣднимъ; затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о неистовствахъ, произведенныхъ латинами въ Византіи, о грабежахъ ихъ и новомъ пожарѣ; къ этому присоединилось несогласіе отца съ сыномъ; ихъ произволъ и насилія вызвали народное возстаніе патріотовъ, во главѣ котораго сталъ Дука Алексѣй, по прозванію Мурзуфлъ (т. е. „срощенныя брови“).

4. Было уже 25 января, VII индикта, 6712 года (т.-е. 1204 г.). Въ главномъ храмѣ собралось множество народа; сенатъ, соборъ святителей и высшаго духовенства явились туда же и были вынуждены совѣщаться объ избраніи новаго императора. Когда отъ насъ требовали высказать свое мнѣніе, мы не хотѣли согласиться на то, чтобы, по сверженіи императоровъ, можно было избрать другого, имѣя увѣренность, что кто бы ни былъ избранъ, онъ не будетъ лучше сверженныхъ, какъ потому что латинскіе вожди станутъ всѣми силами

защищать Алексѣя, такъ и по другимъ причинамъ. Но чернь, неблагоразумная, измѣнчивая и прислушивающаяся къ голосу одной страсти, не соглашалась долѣе переносить господство Ангеловъ и не хотѣла разойтись безъ того, чтобы не былъ избранъ новый императоръ. Зная по опыту необузданность толпы, помышляя о своей судьбѣ и проливая слезы, мы не сопротивлялись болѣе и легко предугадывали будущее. Между тѣмъ мятежники начали сами пріискивать императора и назначали то одного, то другого изъ знатнѣйшихъ фамилій; но, не остановившись ни на комъ, они съ оружіемъ въ рукахъ приступили къ городскому начальству и къ людямъ нашего сана, и, хватая ихъ за руки, принуждали принять корону. О горе, горе! что́ могло быть хуже и ужаснѣе подобнаго несчастія? что могло быть безумнѣе и смѣшнѣе сумасбродствъ такого собранія? Въ оправданіе выбора приводилось слѣдующее разсужденіе: „У тебя есть во что облечься: такъ будь нашимъ главою!"

Въ пятой и послѣдней главѣ седьмого отдѣла авторъ разсказываетъ, какимъ образомъ избрали наконецъ въ императоры ничтожнаго характеромъ юношу Николая Канаба; какъ императоръ Алексѣй рѣшился впустить въ городъ латинскія войска, но Мурзуфлъ захватилъ Алексѣя и въ темницѣ задушилъ, а Николая посадилъ подъ стражу и самъ себя провозгласилъ императоромъ.

Въ первыхъ двухъ главахъ и въ началѣ третьей *восьмого* отдѣла, посвященнаго двухмѣсячному правленію Мурзуфла, авторъ излагаетъ, какія мѣры были приняты новымъ императоромъ къ защитѣ города, какъ онъ напрасно пытался вступить въ переговоры съ латинами, и какъ латины, послѣ отчаяннаго приступа, успѣли овладѣть частью укрѣпленій; вслѣдствіе того Мурзуфлъ бѣжалъ изъ города; Ѳеодоръ Дука и Ѳеодоръ Ласкарисъ вступили-было въ споръ за обладаніе „сокрушавшимся кораблемъ", и Ласкарисъ былъ предпочтенъ, но, видя равнодушіе народа къ защитѣ города, и онъ бѣжалъ. Послѣ того Византія оставалась совершенно безпомощною.

3. Послѣ того (т.-е. какъ бѣжалъ Ѳеодоръ Ласкарисъ) непріятель сверхъ всякаго ожиданія увидѣлъ, что никто не выступаетъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ и никто не сопротивляется: напротивъ, все остается открытымъ настежь, переулки и перекрестки не защищены, нигдѣ ни малѣйшей опасности и полная свобода непріятелю. Жители города, передавая себя въ руки судьбы, вышли на встрѣчу латинамъ съ крестами и святыми изображеніями Христа, какъ то дѣлается въ торжественныхъ и праздничныхъ случаяхъ; но и это зрѣлище не смягчило души латинъ, не умилило ихъ и не укротило ихъ мрачнаго и яростнаго духа: они не пощадили не только частное имущество, но, обнаживъ мечи, ограбили святыни господни, и звукомъ трубъ возбуждали коней къ нападенію. Не знаю, съ чего начать и чѣмъ кончить описаніе всего того, что совершили эти нечестивые люди! О ужасъ! Святые образа безстыдно потоптаны! О горе! Мощи святыхъ мучениковъ заброшены въ мѣста всякой мерзости! Но, что страшно промолвить и что можно было видѣть глазами: божественное тѣло и кровь христовы были разлиты и разбро-

саны по землѣ. Нѣкоторые изъ нихъ разбивали драгоцѣнныя чаши; ихъ украшенія прятали за пазуху, а изъ нихъ пили, какъ изъ бокаловъ. О, предтечи антихриста и предвѣстники его нечестивыхъ дѣлъ, во ожиданіи которыхъ мы находимся! Въ тѣ дни, какъ въ древности, Христосъ былъ снова раздѣтъ и осмѣянъ, и о ризахъ его метали жребій; недоставало только того, чтобы они пронзили его бокъ копьемъ и пролили потоки святой крови. О разграбленіи главнаго храма нельзя и слушать равнодушно. Святые налои, затканные драгоцѣнностями и необыкновенной красоты, приводившей въ изумленіе, были разрублены на куски и раздѣлены между воинами, вмѣстѣ съ другими великолѣпными вещами. Когда имъ было нужно вывезти изъ храма священные сосуды, предметы необыкновеннаго искусства и чрезвычайной рѣдкости, серебро и золото, которымъ были обложены каѳедры, амвоны и врата, они ввели въ притворы храмовъ муловъ и лошадей съ сѣдлами: животные, пугаясь блестящаго пола, не хотѣли войти, но они били ихъ, и такимъ образомъ оскверняли ихъ каломъ и кровью священный полъ храма.

4. Какая-то женщина, преисполненная грѣха, рабыня фурій, прислужница дьявола, исчадіе ядоносныхъ чаръ, ругаясь надъ Христомъ и возсѣдая на патріаршемъ тронѣ, пѣла неприличныя пѣсни и, ломаясь, скакала вокругъ. Послѣ этого нельзя и говорить, что чего-нибудь не дѣлалось или что-нибудь было хуже другого: величайшія преступленія были совершены всѣми и съ одинаковою ревностью. Развѣ могли пощадить женъ, дочерей и дѣвъ, посвященныхъ Богу, тѣ, которые не щадили самого Бога? Было весьма трудно смягчить мольбами и умилостивить варваровъ раздраженныхъ и исполненныхъ желчи до того, что ничто не могло противостоять ихъ ярости; если кто и дѣлалъ такую попытку, то его считали безумнымъ и смѣялись надъ нимъ. Кто сколько нибудь имъ противорѣчилъ или отказывалъ въ требованіяхъ, тому угрожалъ ножъ; и не было никого, кто не испыталъ въ этотъ день плача. На перекресткахъ, въ переулкахъ, въ храмахъ, повсюду жалобы, плачъ, рыданія, стоны, крики мужчинъ, вой женщинъ, грабежи, прелюбодѣйство, плѣнъ, разлука друзей. Благородные покрылись безчестіемъ, старцы плакали, богатые бродили ограбленными. Все это повторялось на площадяхъ, въ закоулкахъ, въ храмахъ, въ подвалахъ. Не было мѣста, которое оставалось бы нетронутымъ или могло бы служить убѣжищемъ для страдальцевъ. Бѣдствія распространялись повсюду. Боже безсмертный, какая была людямъ печаль, какое отчаяніе! Когда случалось, чтобы морскія бури, затмѣніе солнца, кровавый ликъ луны, измѣненіе въ теченіи звѣздъ, гдѣ-нибудь и когда-нибудь могли предвѣщать подобное несчастіе?

Подобныя жалобы автора и восклицанія продолжаются до самаго конца главы, и въ заключеніе приводится сравненіе взятія Константинополя латинами со взятіемъ Іерусалима Саладиномъ, причемъ мусульмане пристыдили своимъ человѣколюбіемъ западныхъ христіанъ.

Послѣднія двѣ главы, 5 и 6, заключающія восьмой отдѣлъ, могутъ быть названы плачемъ, написаннымъ въ подражаніе Іеремiадѣ, на которую авторъ ссылается нерѣдко.

Въ *девятомъ* и послѣднемъ отдѣлѣ, довершающемъ трудъ автора, говорится о событіяхъ, послѣдовавшихъ за взятіемъ Константинополя латинами до 1206 года. Въ первой и въ началѣ второй главы этого отдѣла авторъ объясняетъ, почему онъ не поступилъ такъ, какъ Солонъ поступилъ при Пизистратѣ, а именно, не возмущалъ гражданъ въ послѣднее время противъ императоровъ, подобно тому мудрецу, который сдѣлалъ воззваніе къ аѳинянамъ, чтобы они свергли тирана; при этомъ авторъ жалуется на то, что „для византійцевъ всякія убѣжденія были бы тщетны, ибо у нихъ уши не имѣли отверстія къ разсудку, и сами они не понимали сладости свободы, какъ не понимаетъ тотъ сладости меда, который его не вкушалъ“. Далѣе, авторъ выражаетъ свое удивленіе тому, что взятіе Константинополя латинами не было предзнаменовано никакими небесными явленіями, и затѣмъ останавливается на разсказѣ о своей собственной судьбѣ во время всеобщаго разгрома.

2. Скажу нѣсколько словъ и о самомъ себѣ. Многіе изъ моихъ друзей въ тотъ печальный и злополучный день укрылись въ моемъ домѣ, обставленномъ портиками, оттѣняющими его, и потому трудно доступномъ для непріятеля. А тотъ прекрасный и обширный домъ, который былъ у меня въ Сфоракіѣ, сгорѣлъ еще во время второго пожара. Главный храмъ, сосѣдній съ моимъ домомъ, могъ бы служить лучшимъ убѣжищемъ, но непріятель не оставилъ ни одного мѣста въ покоѣ; не было такой святыни или укрѣпленія, которое было бы въ состояніи защитить страдальцевъ. Куда бы кто ни убѣжалъ, его непремѣнно вытаскивали и уводили. Видя такіе ужасы, мы начали совѣщаться, какъ дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Былъ у меня въ то время одинъ близкій и домашній человѣкъ, родомъ венеціанецъ, который нѣкогда нашелъ въ моемъ домѣ безопасное и готовое убѣжище для себя и для своей жены со всѣмъ имуществомъ. Онъ-то и оказался намъ въ то время весьма полезнымъ. Вооружившись и одѣвшись въ платье наемника, онъ не допускалъ грабителей входить въ домъ, выдавая себя за ихъ товарища, который уже овладѣлъ зданіемъ для себя, и разговаривая съ ними на своемъ отечественномъ языкѣ. Но такъ-какъ они начали врываться толпами, особенно франки, которые не походили на другихъ ни характеромъ, ни внѣшностью, и хвалились тѣмъ, что они боятся только одного, чтобы не обрушилось на нихъ небо, то венеціанецъ совѣтовалъ намъ удалиться, изъ опасенія, чтобы варвары насъ не заковали въ цѣпи, а женщинъ не обезчестили. Будучи прежде добрымъ другомъ и кліентомъ, а теперь въ такое трудное время сдѣлавшись союзникомъ и защитникомъ, онъ отвелъ насъ въ другое мѣсто, гдѣ жили знакомые намъ венеціане. Мы вышли въ небольшомъ числѣ; венеціанецъ тащилъ насъ за руки, какъ будто своихъ плѣнниковъ: лица наши были печальны и одежды плохія.

3. Но когда мы снова пришли въ ту часть города, изъ которой прежде бѣжали, и которая досталась на долю франковъ, насъ оставили всѣ слуги, разсѣявшись въ разныя стороны, и мы должны были посадить себѣ на плеча дѣтей, которыя не могли еще ходить. Груднаго младенца пришлось нести на рукахъ, и такъ идти по всему городу. Дней пять спустя по взятіи города, мы пустились въ дорогу

въ субботу. Повидимому, это послѣднее обстоятельство было не случайнымъ, но волею Провидѣнія. Тогда наступала зима, и время родовъ моей жены было уже близко. По словамъ Христа, слѣдовало всегда молиться, чтобы наше бѣгство не начиналось въ субботу и не пришлось бы зимою: „горе въ тѣ дни беременнымъ". Такъ-какъ собрались взглянуть на насъ друзья и родственники, то мы шли по закоулкамъ, подвигаясь кучею, какъ муравьи; намъ попадались на встрѣчу войска, дурно вооруженныя; съ боку на сѣдлахъ висѣли мечи [1]), а за поясомъ торчалъ ножъ. Одни были отягощены добычею; другіе обыскивали проходившихъ плѣнныхъ, не скрывается ли у нихъ подъ рубищемъ драгоцѣнная одежда и нѣтъ ли за пазухой золота или серебра. Иные пристально всматривались въ красивыхъ женщинъ, какъ бы желая ихъ схватить для себя. Вслѣдствіе того, боясь за честь нашихъ женщинъ, мы поставили ихъ въ срединѣ, какъ въ овчарнѣ, а дѣвицамъ приказали вымазать себѣ лицо грязью, какъ онѣ прежде покрывали его румянами, съ тѣмъ чтобы замазать яркій цвѣтъ щекъ; красота могла, какъ огонь ночью заманиваетъ путника, привлечь къ себѣ сначала зрителей, потомъ возбудить въ нихъ страсть и наконецъ понудить къ похищенію; а латины считали для себя все дозволеннымъ.

Эта глава кончается большимъ отступленіемъ по поводу разсказа, какимъ образомъ, не смотря на тѣ предосторожности, какой-то варваръ отнялъ дочь у одного старика, какъ нашъ авторъ вмѣшался въ это дѣло и успѣлъ наконецъ убѣдить похитителя возвратить свою жертву отцу.

4. Когда мы вышли изъ города, всѣ возблагодарили Бога и съ рыданіями оплакивали потерю имущества. Я же, павъ ницъ, вопрошалъ стѣны, къ чему онѣ продолжаютъ стоять, почему онѣ также не плачутъ и не обрушатся въ прахъ! Если тѣ, для кого вы построены, говорилъ я стѣнамъ, погибли отъ огня и меча, то къ чему же вамъ дольше стоять? Кого послѣ этого придется вамъ защищать и укрывать? Быть можетъ, вы замышляете въ день гнѣва господня погубить нашихъ враговъ, когда Богъ подниметъ десницу на притѣснившихъ насъ и ногами попретъ Западъ, какъ о томъ пророчествовалъ Давидъ? И ты, о царица городовъ, обширнѣйшій городъ, городъ великаго царя (т. е. Константина), скинія Всевышняго, гордость и хвала служителей его, утѣха чужеземцевъ, повелительница повелительницъ городовъ, пѣснь пѣсней, почесть почестей и рѣдкое зрѣлище рѣдкостей, кто разлучитъ насъ съ тобою, какъ милыхъ дѣтей разлучаютъ отъ ихъ любимой матери? Что съ нами будетъ? Куда обратимся? Чѣмъ утѣшимся, отлученные отъ твоей груди и исторгнутые изъ твоей утробы? Когда мы узримъ тебя снова не такою, какова ты нынѣ, обширное пепелище, юдоль плача, попранная войсками, обращенная въ ничто и поруганная, но прославленною и невредимою, почитаемою даже тѣми,

---

[1]) Изъ этого можно заключить, что авторъ принялъ за войско партіи купцовъ латинскихъ, которые слѣдовали за главною арміею.

которые теперь угнетают и раздражают тебя, кормящею добрых людей и снѣдающею богатства властителей, как то было в прежнія времена?

Автор продолжает в этом же родѣ, впадая все болѣе и болѣе в риторику, до самаго конца главы.

5. Изливая таким образом душу свою в печали, мы продолжали идти, плача и орошая землю слезами. Если нам удастся когда-нибудь возвратиться, то это будет дѣлом руки Всевышняго, который укрѣпляет малодушных, облекает их в одежды спасенія и надѣпляет их туникою ликованій. Впереди нас шел вселенской церкви архипастырь; он не имѣл на себѣ ни сумы, ни пояса с золотом, без посоха, необутый, в одной туникѣ, настоящій апостол евангелія или, скорѣе, второобраз Христа; но он спускался с новаго Сіона, сидя на жалком оселкѣ, а не восходил на него с торжеством. Так мы дошли до Силимбріи, гдѣ окончилось наше странствованіе; наша семья не претерпѣла насилій, благодаря великому милосердію Господа и его вѣчной и всесовершенной щедрости; никто из нас не попал в оковы, не был связан, ни осыпан побоями, как многіе из наших, от которых требовали денег. Один Бог нас питал, который заботится о пищѣ всякаго в свое время, кормит и воронят, взывающих к нему, и богато одѣвает полевую лилію, которая не ткет и не сѣет. Но поселяне и чернь наносили нам, византійцам, много оскорбленій по дорогѣ, и с ироніей называли нашу наготу и нищенскій вид *равенством* (ἰσοπολιτείαν); бѣдствіе сосѣдей нисколько не дѣлало их благоразумнѣе. Многіе нечестивцы даже благодарили Бога, что им удалось нажиться общественным достояніем, проданным за ничтожную цѣну. Им еще не пришлось видѣть в своих домах прожорливых латин; они еще не испытали их ярости и того презрѣнія, которое латины питают к грекам.

Таково было наше положеніе и всѣх тѣх, которые были с нами одинаковаго состоянія и образованности. Между тѣм низкая чернь и уличная сволочь обогащалась чрез разграбленіе святыни, которую распродавали латины. Враги же предались пиршествам и увеселеніям, имѣя при этом в виду особенно осмѣять и наругаться над греческими обычаями; так, они ходили по улицам, надѣв на себя, без всякой нужды, широкія одежды, а шеи лошадей украсили полотняным головным убором; бѣлыя ленты, которыя развѣшивались по плечам, они привязывали к мордам животных, и с таким убранством разъѣзжали по городу. Другіе носили перья (δόνακας, палочки для письма), чернильницы (δοχεῖα μέλανος) и держали в руках тетради, как бы желая осмѣять наших писателей. Большинство же забавлялось тѣм, что сажало на лошадей задом-на перед обезчещенных ими женщин, завязав им волоса в узел и откинув их назад; кромѣ того, они украшали лошадей женскими головными уборами и локонами, и цѣлые дни бражничали и пили, угощаясь лакомствами и дорогими яствами; другіе же объѣдались отечествен-

ными блюдами, какъ-то: лопатки бычачины, отваренныя въ горшкѣ, гороховая каша съ свинымъ саломъ, приправленная чеснокомъ, и соусъ, приготовленный изъ различныхъ острыхъ соковъ. Послѣ раздѣла добычи, они не дѣлали никакой разницы между святынею и обыкновенными предметами, но обращали все для своего употребленія, безъ всякаго уваженія къ божеству и религіи, такъ что пользовались образами Спасителя и святыхъ какъ стульями и скамьями.

6. Когда они начали раздѣлять по жребію провинціи и города, то при этомъ обнаружили безсмысліе, чтобы не сказать глупость, людей надутыхъ изумительнымъ чванствомъ. Смотря на себя какъ на царей царствующихъ и какъ бы держа въ своей десницѣ вселенную, латины разослали по греческимъ провинціямъ людей для того, чтобы раздѣлить ихъ по жребію на основаніи годовыхъ доходовъ. Въ этотъ дѣлежъ вошли даже владѣнія другихъ народовъ: такъ, въ число жребіевъ была включена Александрія, знаменитый городъ, лежащій на Нилѣ; Ливія, простирающаяся до Нумидіи и Кадикса; далѣе парѳяне, персы, земля восточныхъ иберовъ, Ассирія, Гирканія и другія восточныя страны, орошаемыя великими рѣками. Не были забыты и страны, лежащія на сѣверѣ: онѣ были раздѣлены также по жребію. Одинъ выхвалялъ свои города, ихъ доходы и луга для прокормленія лошадей; другой говорилъ о процвѣтаніи всякими благами доставшейся ему доли; иные спорили за раздѣлъ городовъ; иные же мѣнялись городами и передѣлывали границы. Многіе весьма желали отправиться для завоеванія Иконія. Городскія же ворота и часть цѣпи, охранявшей гавань, они послали со многими кораблями въ Сирію къ своимъ землякамъ, извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ о взятіи города. Но когда настало время избранія императора, всѣ собрались для совѣщаній въ храмъ св. апостоловъ. Сначала, вслѣдствіе какого-то отечественнаго обычая, они приказали поставить въ рядъ четыре чаши, по числу четырехъ кандидатовъ; одна изъ чашъ содержала въ себѣ безкровную жертву, другія же были оставлены пустыми. Эти чаши были вручены столькимъ же священникамъ, съ тѣмъ, чтобы каждый, при имени того или другого князя, взялъ чашу въ руки и подалъ ее кандидату. Императорская власть должна была достаться тому, кто получитъ чашу съ тѣломъ и кровью господней. Но послѣ, когда венеціанскому дожу Дандоло показалось болѣе удобнымъ назначить императора посредствомъ избранія, то изъ франковъ и лонгобардовъ (т.-е. французовъ и италіянцевъ) взяли пятерыхъ знатныхъ и столько же изъ венеціанъ, и по большинству голосовъ выборъ палъ на Балдуина, графа Фландріи. Но для всѣхъ было очевидно, что Дандоло дѣйствовалъ такъ въ этомъ случаѣ съ хитрымъ намѣреніемъ и съ большимъ искусствомъ. Будучи, какъ слѣпецъ, исключенъ изъ числа кандидатовъ, онъ желалъ, по крайней мѣрѣ, чтобы власть досталась тому, кто болѣе податливаго характера и съ меньшимъ честолюбіемъ; при этомъ онъ обратилъ вниманіе также и на то обстоятельство, чтобы собственное государство избраннаго было какъ можно болѣе отдалено отъ предѣловъ Венеціи, такъ чтобы въ случаѣ ссоры онъ не могъ подвинуть вдругъ войско изъ своихъ земель, или вообще удобно тѣснить нападеніями и оскорблять венеціанъ. Онъ зналъ, что такую

опасность представляетъ маркграфъ Бонифацій, родомъ изъ Лонгобардіи (Ломбардіи, Λαμπάρδιαν), страны приморской, откуда легко попасть и въ греческія провинціи, и еще легче причинить зло венеціанамъ. Руководясь такими разсчетами, безъ сомнѣнія, нелѣпыми, этотъ Дандоло, хотя и слѣпой, но провидящій многое и во мракѣ глазами ума, отвергнулъ маркграфа Бонифація, и предпочелъ ему, съ согласія франковъ и венеціанъ, Балдуина, уроженца отдаленной Галліи; а извѣстно, что предѣлы Галліи и Венеціи отстаютъ другъ отъ друга такъ же, какъ предѣлы Венеціи отъ греческихъ провинцій. Къ этому присоединилось и то, что Балдуинъ былъ привязанъ къ нему всѣмъ сердцемъ, чтилъ его какъ отца и не былъ столь опытенъ, какъ маркграфъ. Балдуинъ не имѣлъ еще 33 лѣтъ отъ роду; впрочемъ, онъ былъ человѣкъ благочестивый и скромный, и во все время отсутствія своей жены не поднималъ даже глазъ на женщинъ; любилъ предаваться хваленіямъ Богу; помогалъ угнетеннымъ нуждою; противорѣчившихъ ему выслушивалъ безпристрастно, а что̀ главное, два раза въ недѣлю приказывалъ объявлять, чтобы никто не смѣлъ проводить ночь въ его дворцѣ, кто покушался на честь чужой жены.

Послѣднія главы (7—17) этого отдѣла, заключающаго собою весь трудъ, содержатъ исторію кратковременнаго правленія перваго латинскаго императора Балдуина I, внутренніе раздоры при немъ и внѣшнія войны съ болгарами; въ войнѣ съ этимъ народомъ Балдуинъ попался въ плѣнъ; авторъ разсказываетъ его погибель (1205 г.) и кончаетъ свой трудъ вступленіемъ на императорскій престолъ его брата, Гейнриха I (1206 г.).

Никита Хоніатъ.

Ἱστόρια.—Кн. III шестого отдѣла и слѣд. до конца.

О Никитѣ Хоніатѣ и его сочиненіяхъ см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 61.

61.—Монументальная Византія предъ взятіемъ ея крестоносцами. 1204 г.

(Въ 1218 г.).

Авторъ этого небольшого сочиненія, которое, вѣроятно, составляло приложеніе къ его главному историческому труду (см. о томъ ниже, въ примѣчаніи къ этой же статьѣ), въ первой главѣ говоритъ о предметѣ, не имѣвшемъ отношенія къ главной темѣ, а именно, о наружности новаго латинскаго патріарха изъ венеціанъ, Θомы, котораго „тѣло жиромъ своимъ превосходило откормленнаго борова“ и т. д. въ томъ же родѣ. Но съ слѣдующей главы, коснув-

шись вообще жадности латинъ, онъ описываетъ подробно всѣ памятники, которыми была украшена Византія, и которые погибли отъ руки завоевателей.

2. Съ перваго дня, какъ говорятъ, латины, сгорая корыстолюбіемъ, изобрѣли новый способъ грабежа, не испытанный никѣмъ изъ тѣхъ, кто до того времени грабилъ Константинополь. Вскрывъ гробницы императоровъ, помѣщенныя въ храмѣ Героевъ (Ἡρῷος), построенномъ при главной церкви Учениковъ Христа, они разграбили тамъ все, что нашли, и набили себѣ пазуху съ неслыханною дерзостью золотыми украшеніями, алмазами и чистѣйшими драгоцѣнными камнями. Приступивъ къ трупу Юстиніана, остававшемуся неприкосновеннымъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, они хотя и смотрѣли на него съ изумленіемъ, но все же не удержались отъ того, чтобы не содрать съ него украшеній. Потому справедливо говорили, что западные люди не щадятъ ни живыхъ, ни мертвыхъ, и безъ всякаго различія ни для кого не дѣлаютъ исключенія. Нѣсколько времени спустя, они разобрали завѣсу главнаго храма, которая цѣнилась въ нѣсколько тысячъ минъ чистѣйшаго серебра, потому что была заткана золотомъ.

3. Но, не смотря на такіе подвиги, они продолжали нуждаться въ деньгахъ—корыстолюбіе варваровъ ненасытно—а потому и обратили вниманіе на мѣдныя статуи и бросили ихъ въ огонь. Такъ, *Юнона* изъ мѣди, статуя необыкновенной тяжести, воздвигнутая на Константинопольской площади, была разбита на куски и перелита; четыре быка едва могли перевезти ея голову въ главный дворецъ. Другая статуя *Парисъ-Александръ*, протягивающій золотое яблоко раздора Венерѣ, была также низвергнута съ своего пьедестала.

4. Кто не изумлялся, всматриваясь въ изумительную работу барельефовъ той *четверогранной Пирамиды* (μηχάνημα), которая была столь высока, что не могла бы спорить только съ самыми большими колоннами, разсѣянными по городу? Тамъ изображались пѣвчія птицы, привѣтствующія весну своимъ звучнымъ пѣніемъ, труды землепашца, свирѣль и дойникъ, блѣющія овцы, прыгающія ягнята; потомъ, море съ безчисленнымъ множествомъ рыбъ: однѣ попались въ сѣть, другія успѣли вырваться и нырнуть на дно; въ другомъ мѣстѣ, нагіе амуры, стоя группами, по-двое, по-трое, другъ противъ друга, перекидывались яблоками и хохотали; на самой вершинѣ этой пирамиды, на ея остріѣ, помѣщалась женская статуя, которая отъ вѣтра поворачивалась на всѣ стороны, почему и называлась „флюгаркой“ (ἀνεμοδούλιον, т.-е. послушная вѣтру). Это удивительное произведеніе искусства было отдано на переливку, равно какъ и другая статуя *Всадника*, стоявшая въ Таврѣ на пьедесталѣ, имѣвшемъ форму стола. Этотъ героическій памятникъ, колоссальныхъ размѣровъ, былъ принимаемъ нѣкоторыми за Іисуса, сына Навина, на томъ основаніи, что всадникъ протягивалъ руку къ закату солнца, какъ сдѣлалъ то Іисусъ при Габаонѣ, желая остановить солнце; но большая часть полагала, что эта статуя изображаетъ Беллерофонта, воспитаннаго въ Пелопоннезѣ и сидящаго на Пегасѣ; ибо этотъ конь, сообразно преданію о Пегасѣ, не имѣлъ на себѣ узды и не чувствовалъ на себѣ всадника, такъ какъ онъ несся и при помощи ногъ, и при помощи крыльевъ.

Было древнее преданіе, дошедшее до насъ и переходившее изъ устъ въ уста, а именно, что подъ лѣвымъ копытомъ одной изъ переднихъ ногъ этого коня скрыли изображеніе человѣка, котораго одни принимаютъ за венеціанца, другіе же за какого-то латина не изъ союзныхъ грекамъ, или изъ болгаръ. Потому нога была прикрѣплена нѣсколькими гвоздями, съ тѣмъ, чтобы нельзя было похитить того, что находилось подъ нею. И конь, и всадникъ были оба разбиты на куски и брошены въ огонь; при этомъ нашли и ту мѣдную фигурку, скрытую въ лошадиной ногѣ и завернутую въ шерстяную ткань. Но такъ-какъ латины мало заботились о томъ, что изображала надпись подъ нею, то и бросили ее вмѣстѣ съ прочимъ въ огонь.

5. Эти варвары не пощадили и другихъ статуй въ Гипподромѣ и, враждуя съ изящнымъ, истребили множество удивительныхъ произведеній; все это было перелито ими въ монету, великое обратилось въ ничтожное, и то, что было воздвигнуто съ огромными расходами, уступило мѣсто презрѣннымъ деньгамъ. Такимъ образомъ, погибла и статуя *Геркулеса Тріеспера* (трехвечерній—одинъ изъ эпитетовъ этого героя), великолѣпно исполненная и стоявшая въ Кофинѣ; на немъ была накинута львиная шкура съ головою; какъ ни мертвенъ металлъ, но глаза статуи смотрѣли какъ живые, и изъ устъ его какъ будто вырывался крикъ, которымъ онъ хотѣлъ разогнать праздную толпу, собравшуюся около него. Геркулесъ сидѣлъ безъ колчана и лука; не было даже и палицы; правая нога и правая рука были протянуты впередъ, какъ только можно; лѣвая же нога пригнута, и на нее оперлась лѣвая рука; на рукѣ лежала голова, отягченная печалью; герой оплакивалъ свою злосчастную судьбу и жаловался на труды, которыми его хотѣлъ обременить Эвристей, не потому, чтобы онъ нуждался въ его трудахъ, но изъ зависти и злоупотребляя своею властью. Геркулесъ былъ изображенъ съ широкими плечами и грудью, съ курчавыми волосами, толстымъ задомъ, мускулистыми руками и, какъ я полагаю, въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ какомъ отлилъ Геркулеса изъ мѣди Лизимахъ (Лизиппъ), свой первый и послѣдній трудъ. Величина статуи была такова, что шнурокъ, обведенный около его пальца могъ опоясать человѣка, а берцовая кость была съ человѣческій ростъ. И этого-то Геркулеса не пощадили варвары, хотя они силу ставятъ выше всѣхъ добродѣтелей, приписываютъ ее себѣ и гордятся ею.

6. Вмѣстѣ съ этою статуею они истребили группу *Осла*, выступающаго съ ревомъ, и идущаго за нимъ погонщика; Августъ Кесарь поставилъ ее въ Акціумѣ, называемомъ у грековъ Никополисомъ, въ воспоминаніе того случая, когда онъ вышелъ ночью отыскивать войско Антонія и встрѣтилъ человѣка съ осломъ; на вопросъ, кто онъ и куда идетъ, погонщикъ отвѣчалъ: „Меня зовутъ *Никономъ* (побѣдитель), а моего осла *Никандромъ* (побѣдитель мужей); иду же я въ лагерь Кесаря“.

7. Не была пощажена и другая группа *Свиньи и Волчицы*, которыя вскормили Рема и Ромула; для мелкой мѣдной монеты этотъ древнѣйшій и уважаемый памятникъ былъ отданъ въ переливку. Туда же пошли и слѣдующія группы: *Человѣка, сражающагося со львомъ*;

Иппопотама, который заканчивался чешуйчатымъ хвостомъ; *Слона*, потрясающаго хоботомъ, и *Сфинксовъ*, которые спереди имѣли видъ красивыхъ женщинъ, а сзади походили на страшныхъ чудовищъ; вообще ихъ наружность была замѣчательна, ибо хотя они выступали ногами, но неслись при помощи крыльевъ и смѣялись надъ быстротою птицъ. Погибъ и невзнузданный *Конь*, съ уставленными ушами; онъ ржалъ и весело подскакивалъ; погибла и *Сцилла*, изъ боковъ которой выходили чудовища, бросившіяся на корабль Улисса и пожравшія его спутниковъ.

8. Въ Гипподромѣ же помѣщался мѣдный *Орелъ*, новое изображеніе Аполлонія Тіанскаго [1]) и изумительное орудіе его чаръ. Когда онъ прибылъ въ Византію, его просили спасти отъ змѣй, преслѣдовавшихъ византійцевъ. Вслѣдствіе того, совершивъ какіе-то нечестивые обряды, которымъ слѣдуютъ служители демоновъ, онъ помѣстилъ орла на колоннѣ, очаровывавшаго души всѣхъ, и убѣждалъ смотрѣть на него какъ можно долѣе; дѣйствительно, глядѣвшіе на орла не могли сойти съ мѣста, какъ тѣ, которые слушали пѣніе сиренъ. Орелъ имѣлъ распущенныя крылья, какъ бы готовясь летѣть; но змѣй, обвивъ его кольцами, не позволялъ подняться, и пытался головою ужалить его въ крыло. Однако ядовитое пресмыкающееся ничего не могло сдѣлать, ибо орелъ, сжавъ его въ когтяхъ, не допускалъ до того, и змѣй, казалось, болѣе кoченѣлъ, нежели боролся съ птицею, чтобы достигнуть его крыла. Такимъ образомъ, чудовище начинало издыхать и ядъ его застылъ, между тѣмъ какъ орелъ, повидимому, съ торжествующимъ видомъ, но безъ побѣднаго крика, намѣревался подняться и унести съ собою змѣя: о томъ можно было судить по его веселому выраженію и смерти чудовища. Тѣ, которые видѣли этого змѣя, сказали бы, что его мученія могли устрашить всѣхъ другихъ змѣй Византіи и заставить ихъ укрыться въ норы. Изображеніе этого орла было замѣчательно не только по одному вышесказанному мною, но и вслѣдствіе того, что на крыльяхъ орла были обозначены линіями двѣнадцать часовъ дня, и по нимъ всякій, знавшій то, могъ узнавать время, если лучи солнца не были закрыты облаками.

Въ 9 и 10 главахъ авторъ описываетъ статую *Елены* и статую какой-то *неизвѣстной женщины*, которая на воздухѣ держитъ одною рукою коня за ногу вмѣстѣ со всадникомъ. Но все, что говорится объ Еленѣ, относится не къ статуѣ, а къ историческимъ воспоминаніямъ о взятіи Трои, которыя опять напомнили автору взятіе Византіи и дали ему поводъ къ риторическимъ упражненіямъ.

11. За этою статуею (т.-е. женщины, держащей на воздухѣ коня за ногу со всадникомъ), близъ того восточнаго столба ристалища, который называется „Краснымъ“ (Ῥούσιος) помѣщались статуи, воздвигнутыя въ честь возницъ, прославившихся своимъ искусствомъ

[1]) Одинъ изъ языческихъ философовъ II вѣка по Р. Х., имѣвшій въ виду поддержать падавшую религію преобразованіемъ ея.

править: неопредѣленно, однимъ движеніемъ руки, они давали урокъ другимъ, а именно, не совѣтуя спускать возжи у столба и указывая на необходимость подтянуть ихъ изо всей силы, чтобы, приблизившись къ столбу, заставить противника описать большой кругъ и такимъ образомъ остаться позади, не смотря на всю быстроту его коней и собственное искусство править колесницею.

12. Хотя я не имѣлъ въ виду описывать всего, но считаю необходимымъ присоединить еще описаніе одного каменнаго пьедестала удивительной работы и представлявшаго превосходное зрѣлище. На этомъ пьедесталѣ помѣщалось животное, котораго всякій, безъ сомнѣнія, принялъ бы за быка, еслибы у него не былъ хвостъ такъ коротокъ и не отвисла бы шея, какъ то бываетъ у египетскихъ быковъ; притомъ копыто этого животнаго нераздвоенное. Этотъ быкъ въ своей пасти душилъ другое животное, тѣло котораго было покрыто столь толстою чешуею, что оно казалось непроницаемымъ. Перваго принимаютъ нѣкоторые за *Василиска;* второго же, котораго онъ душитъ—за *Аспида.* Другіе же полагаютъ, что это—нильскій иппопотамъ и крокодилъ. Впрочемъ это все равно. Укажу только на одну особенность ихъ борьбы, а именно, что они оба и наносятъ удары, и принимаютъ, и уничтожаютъ, и уничтожаются, одерживаютъ верхъ и уступаютъ; оба вмѣстѣ и побѣждаютъ, и побѣждаются: дѣйствительно, тотъ, котораго считаютъ василискомъ, распухъ съ головы до пятъ, и тѣло его было зеленѣе цвѣта лягушки, ибо ядъ разлился повсюду и покрылъ все смертью; припавъ на колѣни, съ закатившимися глазами, чудовище казалось безжизненнымъ, и зритель принялъ бы его за мертваго, еслибы его не поддерживали ступни, которыя держались сами собою. Другое же животное, стиснутое въ зубахъ перваго, едва шевеля хвостомъ, съ разинутою пастью, старалось вырваться, но не могло, ибо его плечи и переднія лапы были заключены въ пасти и сжаты зубами. Такъ наносили они другъ другу смерть, боролись, оба побѣждали и оба гибли. Мнѣ же при этомъ приходило на мысль: такой бой на жизнь и смерть можетъ быть изображенъ не только при помощи искусства и въ видѣ борьбы однихъ свирѣпыхъ животныхъ, но онъ повторялся и между многими народами, которые наносили войну намъ, грекамъ: всѣ они погибли во взаимной враждѣ, терзая другъ друга, и погибли по волѣ Христа, который разсѣеваетъ народы, жаждущіе войны, не терпитъ кровопролитія и даетъ праведному попрать аспида и василиска, и льва, и дракона.

Никита Хоніатъ.

Περὶ Κωνσταντινουπολέως. 1—12.

Никита Хоніатъ (Νικήτας Χωνειάτος), названный такъ по мѣсту своего рожденія въ городѣ Хонѣ, или Колоссеяхъ, во Фригіи, жилъ во второй половинѣ XII и первые годы XIII вѣка. Получивъ воспитаніе въ Константинополѣ, онъ занималъ впослѣдствіи различныя важныя должности, и достигъ наконецъ званія логофета (канцлера). Въ эпоху взятія Константинополя ла-

тинами Никита находился на мѣстѣ дѣйствія, былъ очевидцемъ катастрофы и самъ едва успѣлъ спасти свою жизнь, благодаря счастливому случаю (см. выше, стр. 572). Потерявъ во время эмиграціи жену, онъ вступилъ снова въ бракъ и удалился на жительство въ Никею, гдѣ и провелъ остатокъ жизни, посвященный имъ на описаніе плачевныхъ событій, которыя ему пришлось пережить. Никита умеръ въ 1218 году и оставилъ послѣ себя большую хронику, Ἱστορία, въ девяти отдѣлахъ, раздѣленныхъ на 20 книгъ; она обнимаетъ собою 88 лѣтъ византійской исторіи, отъ смерти Алексѣя I Комнена, въ 1118 г., и до смерти Балдуина I, латинскаго императора, 1206 г. (см. анализъ и извлеченія изъ нея выше, въ ст. 36 и 60, на стр. 409 и 603). Сверхъ того Никита написалъ, какъ бы въ дополненіе той хроники, особый трактатъ Περὶ Κονσταντινόυπολέως, съ обстоятельнымъ описаніемъ памятниковъ древняго искусства, которыми были украшены площади Византіи до завоеванія ея латинами, и которые погибли отъ варварства побѣдителей въ 1204 г. — *Изданія*: лучшее помѣщено въ Corpus scriptorum historiæ Byzantinæ (Боннское изданіе Нибура. 1828—55 г., въ 48 томахъ), и составляетъ XXI томъ этого собранія съ греческимъ текстомъ и латинскимъ переводомъ. Описаніе же памятниковъ Византіи, подъ заглавіемъ Narratio de statuis antiquis и т. д. — издано Вилькеномъ (Лейпцигъ. 1830). — *Переводы*: Хроника имѣетъ старинный французскій переводъ *Cousin*, Par. 1685; а описаніе статуй переведено на нѣмецкій *Вилькеномъ* въ его Geschichte d. Kreuzzuge. V. Leipz. 1829; и франц. у *Buchon*, Collect. des chroniques nationales franç. (Par. 1824—29, въ 47 т.) перв. серія, т. III.—*Изслѣдованія*: *Dronke*, De Niceta Acominato et Zonara. Кобленцъ. 1839

---

62. — Извлеченіе изъ книги Жоффруа Виллегардуина: „О завоеваніи Константинополя". 1198 — 1204 г.

(Около 1210 г.).

Годъ 1198 [1]). Знайте, что въ тысяча-сто-девяносто-осьмомъ году отъ воплощенія нашего Господа Іисуса Христа, при Иннокентіи III, апостолѣ Рима (папѣ), при Филиппѣ (II), королѣ Франціи, и Ричардѣ, королѣ Англіи, жилъ во Франціи святой человѣкъ, имя котораго было Фулько Нельи. Нельи лежитъ между Ланьи-на-Марнѣ и

---

[1]) (An. 1198). Sachiés que mille cent quatre-vinz et dix-huit cens après l'Incarnation nostre seingnor Jesus-Christ, al tens Innocent III, apostoille de Rome, et Philippe roy de France, et Richart roy d'Engleterre, ot un saint home en France, qui ot nom Folques de Nuilly. Cil Nuillis siest entre Lagny sor Marne et Paris; et il ere prestre, et tenoit la parroiche de la ville. Et cil Folques dont je vous di, comença à parler de Dieu par France, et par les autres terres entor. Et nostres sires fist maint miracles por luy. Sachiés que la renomée de cil saint home alla tant, qu'elle vint à l'apostoille de Rome Innocent, et l'apostoille envoya en France, et manda al prodome que il en penchast des croiz par s'autorité, etc. etc.

Парижемъ, а онъ былъ священникомъ и управлялъ городскимъ приходомъ. И этотъ Фулько, о которомъ я вамъ говорю, началъ проповѣдывать слово господне во Франціи и по другимъ окрестнымъ землямъ. И нашъ Господь дѣлалъ чрезъ него много чудесъ. Знайте также, что слава этого святого человѣка распространилась до того, что дошла до апостола Рима, Иннокентія, и апостолъ отправилъ пословъ во Францію и поручилъ тому мужу проповѣдывать крестъ отъ имени его власти. И послѣ того онъ отправилъ еще своего кардинала господина Петра Капуанскаго, принявшаго крестъ, и прислалъ чрезъ него слѣдующее отпущеніе грѣховъ: всякій, кто вступитъ въ крестоносцы и отправитъ службу Богу одинъ годъ на Востокѣ, будетъ освобожденъ отъ всѣхъ грѣховъ, которые онъ совершилъ и въ которыхъ исповѣдывался. Такъ-какъ это отпущеніе было весьма обширно, то оно тронуло сердца людей, и многіе взяли крестъ, потому что отпущеніе было столь обширно.

Годъ 1199. На слѣдующій годъ послѣ того, какъ этотъ мужъ Фулько проповѣдывалъ такимъ образомъ слово божіе, случился турниръ въ Шампани, въ замкѣ, именуемомъ Экри (Aicris, замокъ на рѣкѣ Aisne), и милостью божіею случилось такъ, что Тибо, графъ Шампани и Бри, взялъ крестъ, вмѣстѣ съ Лудовикомъ, графомъ Блоа и Шартра; и было это предъ началомъ адвента (время приготовленія у католиковъ предъ Рождествомъ). И знайте, что этотъ графъ Тибо былъ молодой человѣкъ и имѣлъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, и графъ Людовикъ не имѣлъ болѣе двадцати-семи лѣтъ. Оба эти графа были племянниками короля Франціи и также двоюродные братья, а съ другой стороны племянниками короля Англіи. Вмѣстѣ съ этими двумя графами взяли крестъ два высокіе барона Франціи, Симонъ Монфоръ (тотъ самый, который позже игралъ важную роль въ альбигойскихъ войнахъ) и Рено Монмирель. Великая слава прошла по землѣ, когда эти два высокіе мужа возложили на себя крестъ.

Далѣе авторъ приводитъ длинный списокъ епископовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, принявшихъ крестъ вмѣстѣ съ Тибо и Лудовикомъ, и въ числѣ ихъ упоминаетъ самого себя, какъ маршала Шампани.

Годъ 1200. Въ началѣ поста слѣдующаго года, въ самый день Пепла (le jour que on prent cendres, т.-е. въ среду первой недѣли поста), принялъ крестъ Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау, въ Брюгге, и графиня Марія, его жена, которая была сестрою графа Тибо Шампанскаго.

Снова слѣдуетъ длинный списокъ ихъ спутниковъ и краткое описаніе двухъ сеймовъ въ Суассонѣ и въ Компіенѣ; на послѣднемъ крестоносцы избрали шестерыхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился и нашъ авторъ, и дали имъ полномочіе заключить съ кѣмъ-нибудь договоръ о перевозѣ ихъ въ Святую Землю на корабляхъ. Эти послы сочли за лучшее отправиться прямо въ Венецію.

Годъ 1201. Дожъ Венеціи (li dux de Venise), по имени *Генрихъ Дандоло*, человѣкъ весьма мудрый и весьма сильный, оказалъ имъ боль-

шія почести, и не только онъ, но и другіе граждане, и они приняли ихъ радушно. И когда они представили грамоты своихъ государей (Тибо Шампанскаго, Людовика Блоа и Балдуина Фландрскаго), всѣ чрезвычайно изумились тому дѣлу, по которому они пришли въ ихъ землю. Грамоты были довѣрительныя, и графы просили вѣрить ихъ посламъ, какъ имъ самимъ лично, и обязывались исполнить все, что пообѣщаютъ тѣ шестеро. И дожъ отвѣчалъ имъ: „Господа, я просмотрѣлъ ваши грамоты: мы видимъ, что ваши государи принадлежатъ къ числу могущественнѣйшихъ людей изъ тѣхъ, которые не носятъ короны, и они просятъ васъ вѣрить вамъ во всемъ, что вы ни скажете, и считать твердымъ то, что вы сдѣлаете: скажите же, что̀ вамъ угодно“. И послы отвѣчали: „Государь, мы желаемъ, чтобы вы собрали свой совѣтъ, и предъ вашимъ совѣтомъ мы вамъ скажемъ, о чемъ васъ просятъ наши государи, если угодно, завтра“. И дожъ сказалъ имъ, что онъ проситъ ихъ отложить то на четыре дня, и тогда онъ соберетъ совѣтъ свой, и они могутъ сказать, въ чемъ состоитъ ихъ просьба.

Они переждали эти четыре дня, которые имъ были назначены. Войдя во дворецъ богатый и прекрасный, они нашли дожа и его совѣтъ собравшимися въ особомъ покоѣ и изложили свое порученіе слѣдующимъ образомъ: „Государь, мы пришли къ тебѣ отъ имени высокихъ бароновъ Франціи, которые приняли знаменіе креста, чтобы отмстить оскорбленіе, нанесенное Іисусу Христу, и завоевать Іерусалимъ, если то Богъ попуститъ; и такъ-какъ они знаютъ, что никто не имѣетъ столь великаго могущества, какъ вы и вашъ народъ, то они и просятъ васъ, Бога ради, сжалиться надъ заморскою землею и отмстить за оскорбленія Іисуса Христа; какимъ бы образомъ они могли имѣть у васъ корабли и прочее необходимое?“—„А на какомъ условіи?“ возразилъ дожъ.— „На всякомъ условіи, отвѣчали послы, какое бы вы имъ ни предложили, лишь бы они могли выполнить“.— „Конечно, сказалъ дожъ, намъ предлагаютъ важное дѣло, и они, повидимому, имѣютъ въ виду большое предпріятіе. Мы вамъ дадимъ отвѣтъ чрезъ восемь дней, и не удивляйтесь очень, если срокъ такъ великъ, ибо слѣдуетъ много подумать о дѣлѣ столь важномъ“.

По истеченіи срока, назначеннаго дожемъ, они возвратились во дворецъ. Всѣ слова и рѣчи, которыя были тамъ сказаны, я не могу вамъ передать, но заключеніе было слѣдующее: „Господа, сказалъ дожъ, мы вамъ представимъ то, что мы опредѣлили въ совѣтѣ, во ожиданіи согласія нашего великаго совѣта и всей республики (le commun de la terre), и вы переговорите другъ съ другомъ, можете ли то принять. Мы дадимъ вамъ перевозныхъ судовъ для доставки четырехъ-тысячъ-пятисотъ лошадей, девяти тысячъ оруженосцевъ, четырехъ-тысячъ-пятисотъ рыцарей и двадцати-тысячъ пѣхотинцевъ; и всѣ эти люди обезпечиваются съѣстнымъ на девять мѣсяцевъ. Все это будетъ сдѣлано на томъ условіи, чтобы намъ заплатили за каждую лошадь четыре марки и за каждаго человѣка двѣ марки; и всѣ тѣ условія мы исполнимъ въ теченіе одного года, считая со дня, когда мы отплывемъ изъ гавани Венеціи, отправляясь на службу Богу и христіанству, куда бы то ни было. Вышесказанное составляетъ сумму

въ восемьдесятъ-пять-тысячъ марокъ. И сверхъ того мы поставимъ отъ себя пятьдесятъ галеръ изъ любви къ Богу, съ тѣмъ условіемъ, что въ теченіе всего похода, отъ всѣхъ завоеваній, которыя мы сдѣлаемъ на морѣ или на сушѣ, половина намъ, а половина вамъ. Теперь вамъ подумать, можете ли вы это исполнить и согласитесь ли".

Послы вышли, сказавъ, что они переговорятъ другъ съ другомъ и отвѣтятъ завтра. Они совѣщались и проговорили всю ночь; согласившись на предлагаемое, они явились на слѣдующій день къ дожу и сказали: „Государь, мы согласны заключить этотъ договоръ"; а дожъ отвѣтилъ, что онъ поговоритъ съ своими людьми, и какъ они то найдутъ, о томъ дастъ имъ знать. На слѣдующій день, который былъ уже третьимъ днемъ, дожъ, человѣкъ мудрый и могущественный, созвалъ свой великій совѣтъ, а совѣтъ состоялъ изъ сорока лицъ, мудрѣйшихъ въ странѣ. Своимъ умомъ и талантомъ, который былъ у него весьма великъ и весьма хорошъ, онъ сдѣлалъ то, что всѣ похвалили и одобрили его предложеніе. Сначала онъ созвалъ сто человѣкъ, потомъ двѣсти, потомъ тысячу, пока всѣ не приняли и не похвалили; наконецъ, онъ созвалъ, по крайней мѣрѣ, десять тысячъ въ церкви св. Марка, красивѣйшей изъ всѣхъ, какія существуютъ, и приказалъ имъ выслушать обѣдню св. Духа и молить Бога, чтобы онъ просвѣтилъ ихъ относительно просьбы пословъ, и всѣ весьма охотно исполнили его приказаніе.

Когда окончилась обѣдня, дожъ отправилъ къ посламъ и предложилъ имъ просить уничиженно у народа, чтобы онъ согласился на утвержденіе договора. Послы явились въ церковь. На нихъ смотрѣли многіе, а особенно тѣ, которые ихъ не видали. Жоффруа Виллегардуинъ (т.-е. нашъ авторъ), маршалъ Шампани, обратился съ рѣчью, одобренною предварительно другими послами, и сказалъ: „Господа, самые высокіе и самые могущественные бароны Франціи прислали насъ къ вамъ съ мольбою о томъ, чтобы вы сжалились надъ Іерусалимомъ, порабощеннымъ турками, чтобы вы, ради Господа Бога, согласились сопутствовать имъ для отмщенія оскорбленій, нанесенныхъ Іисусу Христу; обратились же они къ вамъ, ибо знали, что ни одинъ народъ не имѣетъ такого могущества на морѣ, какъ вы и ваши люди; они повелѣли намъ припасть къ вашимъ ногамъ и не подниматься, пока вы не согласитесь на ихъ просьбу и не сжалитесь надъ святою землею, лежащею за моремъ".

Тогда шесть пословъ стали на колѣни, проливая обильныя слезы; и дожъ, и всѣ другіе воскликнули въ одинъ голосъ и подняли руки высоко и говорили: „Мы согласны, мы согласны!" И затѣмъ поднялся столь великій шумъ и громъ, что, казалось, земля должна была провалиться. И когда этотъ великій шумъ и это великое сочувствіе, которому подобнаго не видѣлъ никто, успокоилось, добрый дожъ Венеціи, человѣкъ мудрый и сильный, взошелъ на каѳедру, говорилъ народу, и сказалъ такъ: „Господа, посмотрите на честь, которую сдѣлалъ вамъ Богъ, когда лучшіе люди въ мірѣ оставили безъ вниманія всѣ другіе народы и искали вашей помощи, для того, чтобы вмѣстѣ съ вами совершить столь важное дѣло, какъ избавленіе нашего Господа изъ рукъ невѣрныхъ!" Слова, сказанныя дожемъ, были столь

хороши и прекрасны, что я не умѣю вамъ ихъ передать. Такъ кончилось дѣло: и на слѣдующій день начали заниматься изготовленіемъ грамотъ, и онѣ были составлены и подписаны. Когда все было совершено, уже тогда сдѣлалось извѣстнымъ, что походъ будетъ направленъ въ Вавилонію (т.-е. въ Египетъ, къ городу Каиру, называвшемуся въ то время Вавилономъ), потому что съ этой стороны можно было туркамъ болѣе повредить, нежели откуда-нибудь. Между тѣмъ было положено, что въ день св. Іоанна, черезъ годъ, а именно въ 1202 отъ воплощенія Іисуса Христа, бароны и пилигримы должны прибыть въ Венецію и корабли для нихъ будутъ изготовлены. Когда грамоты были составлены и приложены печати, ихъ отнесли къ дожу въ главный дворецъ, гдѣ собирался великій совѣтъ и малый совѣтъ. И когда дожъ вручилъ эти грамоты посламъ, онъ преклонилъ колѣно со слезами и клялся надъ святыми сохранить вѣрно договоръ, начертанный въ грамотахъ; то же сдѣлалъ его совѣтъ, состоявшій изъ сорока членовъ. И послы клялись сохранить договоръ, именемъ своихъ государей, и сами дали присягу на вѣрность. Знайте, что при этомъ было много пролито слезъ сочувствія. И послѣ того обѣ стороны отправили пословъ въ Римъ къ апостолу Иннокентію, для утвержденія того договора, что онъ и исполнилъ весьма охотно. Послы заняли въ городѣ двѣ тысячи марокъ серебра и дали ихъ герцогу какъ задатокъ, чтобы начать вооруженіе кораблей; затѣмъ они простились и отправились въ свою страну. Послѣ нѣсколькихъ дней пути, послы прибыли въ Плаценцію, городъ Ломбардіи; оттуда Жоффруа Виллегардуинъ, маршалъ Шампани, и Аларъ Жакеро направились прямо во Францію, а другіе пошли въ Генуя и Пизу, чтобы узнать, не сдѣлаютъ ли они чего-нибудь въ пользу заморской земли (Палестины).

Далѣе авторъ разсказываетъ, какъ онъ возвратился изъ Венеціи въ Шампань, съ радостнымъ извѣстіемъ о заключенномъ договорѣ съ Венеціею, и нашелъ графа Тибо больнымъ; какъ вскорѣ послѣ того двадцати-двухлѣтній графъ скончался въ томъ же году (1201); какъ крестоносцы предлагали замѣнить его герцогу Бургундскому и многимъ другимъ, но всѣ отказались; и какъ наконецъ это предложеніе было принято Бонифаціемъ, маркизомъ Монферратскимъ, котораго избрали предводителемъ похода. Затѣмъ, подъ годомъ 1202, авторъ описываетъ, какимъ образомъ, между Пасхою и Троицынымъ днемъ, одни крестоносцы отправились чрезъ горы въ Венецію, а другіе сѣли во Фландріи на корабли и поплыли туда же чрезъ Гибралтаръ; но, замѣчаетъ авторъ, послѣдніе никогда не сдержали своего слова и, не заходя въ Венецію, отправились прямо къ берегамъ Сиріи.

Годъ 1202. Что касается до пилигримовъ, отправившихся сухимъ путемъ, то бо́льшая ихъ часть уже прибыла въ Венецію. Балдуинъ Фландрскій былъ также тамъ, и многіе другіе. Въ это время приходитъ извѣстіе, что многіе пилигримы направились другими дорогами въ другія гавани; это обстоятельство встревожило крестоносцевъ, ибо вслѣдствіе того они не могли бы выполнить договора и заплатить венеціанамъ условленной суммы. Они держали совѣтъ и опредѣлили отправить надежныхъ пословъ на встрѣчу пилигримамъ и Лудовику,

графу Блоа и Шартра, съ цѣлью убѣждать ихъ и умолять сжалиться надъ заморскою Святою Землею, и вмѣстѣ напомнить имъ, что для нихъ только одна дорога чрезъ Венецію.

Для этого посольства были избраны графъ Гуго Сенъ-Поль и Жоффруа, маршалъ Шампани, и они поѣхали въ Павію, въ Ломбардіи. Они нашли тамъ графа Лудовика съ большимъ числомъ хорошо вооруженныхъ рыцарей и пѣхотинцевъ; ихъ убѣжденіями и ихъ мольбою большая часть пилигримовъ, имѣвшихъ намѣреніе пойти другими путями въ другія гавани, отправились на Венецію; это, однако, не помѣшало многимъ пойти другими дорогами въ Апулію. Между послѣдними находились Вилленъ Нельи, одинъ изъ лучшихъ рыцарей на свѣтѣ, Генрихъ Ардильеръ, Ренаръ Дампіеръ, Генрихъ Лонгшампъ, Жилль Тразеньи, непосредственный васаллъ (hom lige) Балдуина графа Фландріи и Геннегау, который далъ ему изъ своихъ денегъ пятьсотъ фунтовъ, чтобы онъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ въ походъ. Вмѣстѣ съ ними ушло множество рыцарей и пѣшихъ людей, имена которыхъ не записаны. Это обстоятельство причинило большой ущербъ тѣмъ, которые отправились въ Венецію, и было причиною большого для нихъ несчастія, какъ вы можете то увидѣть изъ послѣдующаго.

Такимъ образомъ, графъ Лудовикъ и другіе бароны пошли на Венецію, и были приняты тамъ съ великимъ торжествомъ и великою радостію и расположились на островѣ св. Николая вмѣстѣ съ прочими пилигримами. Народъ былъ все отличный и прекрасный. Никогда и никто не видалъ въ такомъ множествѣ подобныхъ людей. И венеціане продавали имъ въ изобиліи все, что было нужно для лошадей и для людей. И корабли, изготовленные ими, были такъ хорошо оснащены и снабжены, что никогда еще народъ христіанскій не видалъ ничего болѣе богатаго и превосходнаго; число галеръ и кораблей было въ три раза больше, нежели сколько было нужно для пилигримовъ. О! какъ жаль, что прочіе, отправлявшіеся въ другія гавани, не явились сюда. Христіане восторжествовали бы непремѣнно, и земля турокъ была бы порабощена. Венеціане исполнили всѣ свои обязательства, и даже сверхъ того; они убѣждали графовъ и бароновъ сдержать условія и съ ихъ стороны, и внести имъ деньги, такъ-какъ они готовы къ отплытію.

Вслѣдствіе того произведенъ былъ сборъ денегъ въ войскѣ пилигримовъ, и нашлось довольно такихъ, которые не могли заплатить за перевозъ, и бароны собрали только то, что могли. Такимъ образомъ, они внесли деньги за перевозъ, но эта сумма оказалась весьма недостаточною, а потому бароны сошлись вмѣстѣ и разсуждали такъ: „Господа, венеціане исполнили совершенно свои обязательства и сдѣлали даже больше; но насъ собралось здѣсь не столько, чтобы заплатить сполна перевозную плату, ибо многіе отправились въ другія гавани; а потому пусть каждый изъ насъ пожертвуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, лишь бы только выполнить заключенныя условія; лучше оставить здѣсь все свое состояніе, нежели не доплатить, потерять то, что̀ уже внесено, и не сдержать слова; если эта армія разойдется, завоеваніе Святой Земли останется невозможнымъ“. Вслѣдствіе этихъ словъ произошло великое разногласіе между большею частью баро-

новъ и другихъ людей, и послѣдніе говорили: „Мы заплатили за свой перевозъ и отправимся охотно, если они хотятъ насъ везти; если же не захотятъ, то мы удалимся и отправимся искать перевоза въ другомъ мѣстѣ“. Они разсуждали такимъ образомъ потому, что имъ хотѣлось, чтобы армія была распущена. Другіе же говорили: „Мы желаемъ лучше пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и отправиться въ походъ бѣдными, нежели распустить армію, ибо, если Богу будетъ угодно, онъ вознаградитъ насъ“.

Тогда графъ Фландріи и графъ Лудовикъ, и Бонифацій Монферратскій, и графъ Гуго Сенъ-Поль, и всѣ тѣ, которые были на ихъ сторонѣ, начали собирать все, что̀ имѣли, и занимать сколько могли. При этомъ вы могли бы увидѣть, сколько было отнесено во дворецъ дожа прекрасныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, для уплаты долга. И когда они заплатили все это, тѣмъ не менѣе тридцать-четыре-тысячи марокъ серебра недоставало до условленной суммы. Этимъ обстоятельствомъ были весьма обрадованы тѣ, которые скрыли свое имущество и не желали платить: они надѣялись, что вслѣдствіе того армія будетъ распущена. Но Богъ не допустилъ того.

Послѣ всего этого дожъ говорилъ своему народу и сказалъ слѣдующее: „Господа, эти люди не могутъ намъ больше платить, и то, что̀ они уже заплатили, намъ принадлежитъ вполнѣ, на основаніи договора, котораго они не въ состояніи исполнить. Но мы не должны пользоваться своимъ правомъ съ такою строгостію, чтобы не навлечь осужденія на себя и на нашу землю. Потребуемъ у нихъ одной услуги. Король Венгріи отнялъ у насъ Цару (Jadres, городъ въ Далмаціи, на небольшомъ островѣ Адріатическаго моря; у древнихъ *Jadera*) въ Славоніи, одинъ изъ укрѣпленнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, и мы, при всемъ нашемъ могуществѣ, не будемъ въ состояніи завоевать ее безъ помощи этихъ людей. Предложимъ имъ помочь намъ въ томъ, и мы отсрочимъ въ ихъ пользу тридцать-тысячъ марокъ серебра, которыя они намъ должны, пока Богъ дозволитъ намъ сражаться вмѣстѣ съ ними“. Это предложеніе было представлено баронамъ: многіе воспротивились, желая распущенія арміи, но, не смотря на все то, предложеніе было принято и утверждено.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ воскресенье, всѣ собрались въ церкви св. Марка: тамъ было много народа, какъ туземцы, такъ и бо̀льшая часть бароновъ и пилигримовъ. Предъ началомъ большой обѣдни, дожъ Венеціи, по имени Генрихъ Дандоло, взошелъ на каѳедру, говорилъ народу и сказалъ ему: „Господа, вы вступили въ союзъ съ лучшими людьми во вселенной и за самое великое дѣло, какое когда-нибудь предпринималось. Я уже старъ и слабъ, и нуждаюсь въ покоѣ, и страдаю тѣлесными недугами; но тѣмъ не менѣе я вижу, что между вами нѣтъ никого, кто могъ бы править и распоряжаться, какъ я, вашъ государь. Если вы дадите свое согласіе, чтобы я взялъ крестъ для управленія вами и для руководства, то я оставлю на своемъ мѣстѣ сына, и онъ будетъ править землею, а я пойду жить и умирать вмѣстѣ съ вами и съ пилигримами“. И когда крестоносцы услышали то, они закричали въ одинъ голосъ: „Мы васъ молимъ, име-

немъ Бога исполнить обѣщанное, сдѣлать то и отправиться вмѣстѣ съ нами!“

Весь народъ той земли и пилигримы были чрезвычайно тронуты этимъ предложеніемъ и залились слезами, видя предъ собою этого добраго старца, который имѣлъ столько причинъ оставаться дома спокойно, какъ вслѣдствіе своихъ преклонныхъ лѣтъ, такъ и потому, что онъ потерялъ зрѣніе — а глаза у него были прекрасны — отъ раны, полученной имъ въ голову; и при всемъ томъ, онъ обнаруживалъ такую бодрость и отвагу. Ахъ! какъ мало походили на него тѣ, которые, во избѣжаніе опасности, отправились въ другія гавани. Сойдя съ каѳедры, онъ отправился къ алтарю, сталъ на колѣни со слезами, и ему нашили крестъ на парадную его шапку изъ бумажной матеріи (grant chapel de coton): онъ желалъ, чтобы всѣ видѣли этотъ крестъ. И венеціане начали также принимать крестъ, соперничая другъ съ другомъ, и многіе приняли въ этотъ день, но все же ихъ было немного. Наши пилигримы были весьма обрадованы тѣмъ, что дожъ возложилъ на себя крестъ, какъ за его мудрость, такъ и за отвагу, которою онъ отличался. Такимъ образомъ, какъ вы то слышали, дожъ сдѣлался крестоносцемъ. Послѣ того начали изготовлять корабли, и галеры, и суда, чтобы принять на нихъ бароновъ; срокомъ же для отправленія былъ назначенъ ближайшій сентябрь (1202).

Между тѣмъ случилось, послушайте, одно изъ величайшихъ чудесъ и самое неожиданное происшествіе, о какомъ когда-либо вы могли слышать. Въ это время въ Константинополѣ былъ императоромъ нѣкто по имени Исаакъ (Jursac); у него былъ братъ Алексѣй, котораго онъ выкупилъ у турокъ изъ плѣна. Этотъ Алексѣй схватилъ своего брата императора, выкололъ ему глаза, и вслѣдствіе этой измѣны, какъ вы слышали, сдѣлался императоромъ. Онъ держалъ его долго въ темницѣ вмѣстѣ съ его сыномъ Алексѣемъ. Этотъ сынъ убѣжалъ изъ темницы и на кораблѣ прибылъ въ приморскій городъ Анкону, а оттуда отправился къ королю Германіи Филиппу (сынъ Фридриха Барбаруссы), который былъ женатъ на его сестрѣ. Послѣ того онъ явился въ Верону, въ Ломбардіи, и поселился въ этомъ городѣ. Тамъ онъ нашелъ довольно пилигримовъ, отправлявшихся въ армію, и тѣ, которые помогли ему убѣжать, совѣтовали теперь слѣдующее: „Государь, говорили они, посмотрите, близь насъ находится въ Венеціи армія, состоящая изъ лучшихъ и лучшихъ рыцарей въ мірѣ, идущихъ за море; попросите ихъ, чтобы они сжалились надъ тобою и надъ твоимъ отцомъ, который претерпѣлъ, лишившись своего наслѣдія. И если они согласятся тебѣ помочь, ты сдѣлаешь имъ все, чего они пожелаютъ. Есть надежда на то, что они сжалятся“. И онъ сказалъ, что исполнитъ то весьма охотно, и что совѣтъ этотъ хорошъ.

Такимъ образомъ, онъ выбралъ пословъ и отправилъ ихъ къ маркизу Бонифацію Монферратскому. И когда бароны увидѣли ихъ, то весьма изумились и отвѣчали посламъ: „Мы хорошо понимаемъ, что вы говорите; мы отправимъ вмѣстѣ съ нимъ одного изъ нашихъ къ королю Филиппу, къ которому онъ удалился; если онъ согласится помочь намъ въ завоеваніи Святой Земли, то и мы ему поможемъ воз-

вратить свою землю, которую, какъ мы знаемъ, несправедливо отняли у него и его отца". Такимъ образомъ, были отправлены послы въ Германію, къ Константинопольскому принцу (al valet de Constantinopol: *valet* означаетъ вообще младшаго или молодого человѣка, не имѣющаго права носить оружіе; отсюда происходитъ новѣйшее слово: *валетъ*).

Незадолго предъ тѣмъ, о чемъ мы говорили, пришло въ армію извѣстіе, весьма опечалившее бароновъ, что Фулько, святой человѣкъ, который первымъ проповѣдывалъ крестовый походъ, кончилъ жизнь и умеръ.

Далѣе авторъ говоритъ о прибытіи въ лагерь нѣмецкихъ пилигримовъ, увеличившихъ собою силы арміи; потомъ разсказываетъ, какъ, въ день св. Ремигія, венеціане и часть крестоносцевъ, кромѣ Бонифація Монферратскаго, сѣли на суда, и въ день св. Мартина (10 ноября 1202) прибыли къ городу Царѣ; затѣмъ слѣдуетъ описаніе самой осады и скораго взятія Цары, гдѣ союзники рѣшились перезимовать, въ ожиданіи весны слѣдующаго года.

Пятнадцать дней спустя (послѣ взятія Цары), прибылъ въ лагерь маркизъ Бонифацій Монферратскій, остававшійся назади, и Матвѣй Монморанси, и Петръ Бражекель, и многіе другіе знатные люди. Еще пятнадцать дней спустя, явились и послы изъ Германіи отъ короля Филиппа и отъ Константинопольскаго принца. Тогда бароны и дожъ Венеціи сдѣлали собраніе въ квартирѣ послѣдняго. Послы говорили имъ и сказали слѣдующее: „Господа, насъ прислалъ къ вамъ король Филиппъ и сынъ константинопольскаго императора, братъ его жены. Господа, говорилъ король, я пошлю вамъ брата и отдамъ его въ руки Бога, который да хранитъ его отъ смерти, и въ ваши руки. Такъ-какъ вы предприняли походъ именемъ Бога, для возстановленія права и справедливости, то вы должны, если можете, возвратить несправедливо отнятое наслѣдіе, и если вы это исполните, то вамъ будутъ предложены условія самыя выгодныя, какія когда-либо предлагались, и самыя богатыя для завоеванія Святой Земли. Во-первыхъ, если Богъ поможетъ вамъ возвратить его наслѣдіе, то онъ подчинитъ всю Романскую имперію (т.-е. Восточную) Риму, отъ котораго она отдѣлилась. Потомъ онъ знаетъ, что вы пожертвовали всѣмъ своимъ для похода, и что вы бѣдны; а потому онъ дастъ вамъ двѣсти-тысячъ марокъ серебра и съѣстные припасы для всей арміи отъ мала до велика. И онъ отправится лично съ вами въ Вавилонскую землю (т.-е. въ Египетъ), или, если вы сочтете то за лучшее, отправитъ десять-тысячъ человѣкъ на свое иждивеніе. Служба ихъ продолжится одинъ годъ; а въ теченіе всей своей жизни онъ будетъ содержать на свой счетъ пятьсотъ рыцарей въ Святой Землѣ для ея охраненія. Господа, говорили послы, мы имѣемъ полномочіе утвердить этотъ договоръ, если вы хотите принять его съ своей стороны. И знайте, что столь выгодныя условія еще никогда и никому не предлагались. Кто отъ всего этого откажется, у того нѣтъ большой охоты къ завоеваніямъ". И крестоносцы говорили, что они объ этомъ поразсудятъ между собою. На

слѣдующій день созвано было собраніе, по открытіи его, начали разсуждать.

Сдѣланное предложеніе было оспариваемо съ различныхъ сторонъ: говорилъ аббатъ монастыря Во (Vaux), ордена Цистерціенскаго, и всѣ тѣ, которые желали раздора въ арміи; они объявили, что никогда не согласятся на то, ибо имъ предлагаютъ войну съ христіанами, а они отправились въ походъ съ другою цѣлью; они желали идти въ Сирію. Другая же сторона возражала имъ: „Добрѣйшіе господа (bel Seignor), въ Сиріи мы ничего не можемъ сдѣлать, какъ то видно на другихъ, которые бросили насъ и отправились изъ другихъ гаваней. И знайте, что, если Святая Земля когда-нибудь будетъ возвращена, то не иначе какъ со стороны Вавилоніи (Египта) или Греціи. И если мы откажемся отъ того договора, то покроемся стыдомъ навсегда“.

Такимъ образомъ, въ лагерѣ возникло несогласіе, и не удивляйтесь, если міряне не могли сойтись другъ съ другомъ, ибо и бѣлые монахи Цистерціенскаго ордена были несогласны между собою. Аббатъ монастыря Ло (Los), мужъ весьма святой и благоразумный, вмѣстѣ съ другими аббатами, державшими его сторону, проповѣдывалъ повсюду и убѣждалъ всѣхъ именемъ Бога держаться вмѣстѣ и принять сдѣланное предложеніе: ибо только этимъ средствомъ можно лучше всего завоевать Святую Землю. А аббатъ Во и его сторонники сильно охуждали то и говорили, что все это будетъ нехорошо: лучше идти въ Сирію и сдѣлать что можно.

Тогда явились маркизъ Бонифацій Монферратскій и Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау, и графъ Лудовикъ, и графъ Гуго Сенъ-Поль и говорили, что они принимаютъ сдѣланное имъ предложеніе, и что имъ будетъ стыдно, если они откажутся отъ него. Такъ они отправились въ квартиру дожа, и призвали пословъ и скрѣпили условія, о которыхъ мы слышали выше, клятвою и приложеніемъ печатей. Оказалось, что со стороны французовъ было не болѣе двѣнадцати человѣкъ, давшихъ клятву, и больше того не могли найти. Между принявшими условія были маркизъ Монферратскій, графъ Балдуинъ Фландрскій, Лудовикъ, графъ Блоа и Шартра, и графъ Гуго Сенъ-Поль, и восемь другихъ, которые держались ихъ стороны. Такъ былъ заключенъ договоръ и изготовлены грамоты, и назначенъ срокъ прибытія въ лагерь принца (т. е. царевича Алексѣя), а именно въ пятнадцатый день послѣ Пасхи.

Далѣе авторъ описываетъ зимнюю стоянку крестоносцевъ подъ Царою, во время которой обнаруживались часто несогласія между ними и попытки къ бѣгству, значительно ослаблявшія армію, и затѣмъ переходитъ къ началу слѣдующаго 1203 года, когда крестоносцы, предъ своимъ отплытіемъ изъ Цары въ Константинополь, отправили къ папѣ посольство, для утвержденія ихъ договора съ царевичемъ Алексѣемъ.

Годъ 1203. По совѣщаніи другъ съ другомъ, бароны рѣшились отправить посольство въ Римъ къ апостолу (папѣ), ибо онъ выразилъ имъ свое неудовольствіе за взятіе Цары; и они выбрали послами двухъ рыцарей и двухъ клериковъ, какихъ они считали годными для этого

дѣла. Тѣ два клерика были Невелонъ, епископъ Суассона, и Іоаннъ Нойонскій, канцлеръ Балдуина графа Фландріи; а рыцари — Іоаннъ изъ Фіеза и Робертъ изъ Бове. Они клялись надъ святыми, что исполнятъ вѣрно порученіе и возвратятся въ лагерь.

Трое сдержали свое слово, а четвертый, именно Робертъ, поступилъ дурно: онъ не могъ сдѣлать ничего хуже, нарушилъ клятву, и вмѣстѣ съ другими ушелъ въ Сирію. Но остальные трое поступили хорошо, и исполнили свое порученіе, какъ то приказали бароны, и сказали апостолу: „Бароны умоляютъ васъ простить за взятіе Цары, къ чему они были вынуждены по отсутствію тѣхъ, которые ушли въ другія гавани; иначе они не могли держаться, и теперь просятъ васъ, какъ своего добраго отца, дать имъ свои предписанія, которыя они готовы исполнить“. И апостолъ отвѣчалъ посламъ, что ему хорошо извѣстно, какъ они должны были вести себя по ошибкѣ другихъ, что онъ сжалился надъ ними и шлетъ теперь свое благословеніе баронамъ и пилигримамъ и разрѣшаетъ ихъ какъ своихъ дѣтей; и онъ приказалъ имъ и просилъ ихъ поддержать армію, ибо зналъ хорошо, что безъ нея невозможно оказать услугъ Господу: и онъ далъ полномочіе Невелону, епискому Суассона и Іоанну Нойнскому вязать и рѣшить пилигримовъ, пока не придетъ въ лагерь его кардиналъ.

Такъ проходили дни и начался великій постъ; въ это время начали изготовлять корабли, чтобы къ Пасхѣ отплыть. По нагруженіи кораблей, наканунѣ Пасхи, пилигримы выступили изъ города въ гавань; между тѣмъ венеціане разрушили городскія стѣны и башни. Въ это время случилось обстоятельство, весьма огорчившее армію, а именно, одинъ изъ ея великихъ бароновъ, по имени Симонъ Монфоръ, заключилъ договоръ съ королемъ Венгріи, непріятелемъ крестоносцевъ, ушелъ къ нему и оставилъ армію. За нимъ послѣдовалъ Гвидо Монфоръ, его братъ, Симонъ Нофль, аббатъ монастыря Во изъ ордена Цистерціенскаго и многіе другіе. Вскорѣ послѣ него удалился изъ арміи и другой высокій вассалъ, Энгерранъ изъ Бове и Гуго, его братъ, вмѣстѣ съ своими людьми, которыхъ имъ удалось увлечь. И эти люди ушли изъ арміи, какъ вы то слышали. Для арміи это составило великій ущербъ, и стыдъ для тѣхъ, которые покинули ее.

Послѣ того корабли и суда вышли въ море, и было опредѣлено отправиться къ гавани Корфу, острову Восточной имперіи, и кто прибудетъ первый, подождетъ другихъ, пока не соберутся всѣ, что и было исполнено. Но прежде нежели дожъ и маркизъ вышли на галерахъ изъ гавани Цары, туда прибылъ Алексѣй сынъ императора Исаака Константинопольскаго, присланный Филиппомъ, королемъ Германіи, и онъ былъ принятъ съ великою радостью и великою почестью. И дожъ далъ ему столько галеръ и кораблей, сколько то было нужно. И такъ они вышли изъ гавани Цары, и при попутномъ вѣтрѣ прибыли въ Дураццо.

Затѣмъ авторъ описываетъ весь переѣздъ крестоносцевъ отъ Дураццо до самаго Константинопольскаго пролива, гдѣ они, по совѣту Дандоло, пристали къ азіатскому берегу и расположились лагеремъ въ виду Константинополя; императоръ Алексѣй дѣлаетъ имъ выгодныя предложенія, подъ условіемъ

немедленно удалиться въ Палестину; но крестоносцы требуютъ возведенія на престолъ законнаго государя; такимъ образомъ, переговоры не кончились ничѣмъ, и крестоносцы рѣшились приступить къ осадѣ города (конецъ іюня 1203).

На слѣдующій день (по прекращеніи переговоровъ съ греками), крестоносцы, отслушавъ обѣдню, собрались для совѣщанія: и совѣщались они, сидя верхомъ на лошадяхъ, въ открытомъ полѣ. Вы могли бы видѣть тамъ прекрасныхъ коней и множество всадниковъ на нихъ; а совѣтъ шелъ о томъ, какъ начать и вступить въ борьбу. Говорили также и о многихъ другихъ предметахъ; но въ заключеніе было опредѣлено, чтобы графъ Балдуинъ Фландрскій велъ авангардъ, потому что у него было много отличныхъ людей, и стрѣлковъ, и арбалетчиковъ, больше чѣмъ у кого-нибудь другого (затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе остальныхъ пяти отрядовъ и ихъ предводителей; послѣднимъ шестымъ отрядомъ командовалъ Бонифацій Монферратскій).

Назначили также и день, чтобы сѣсть на суда и высадиться на другомъ берегу, съ рѣшимостію жить или умереть. И знайте, что это было одно изъ самыхъ сомнительныхъ дѣлъ, какое когда-либо предпринималось. Послѣ того епископы и духовные говорили народу и убѣждали его исповѣдаться и составить духовное завѣщаніе, такъ какъ никому неизвѣстна воля божья. И во всей арміи это было исполнено охотно и съ благочестіемъ. Назначенный срокъ наступилъ. И рыцари вступили на корабли съ своими конями, вооруженные съ головы до ногъ, въ шлемахъ съ забралами; лошади были покрыты и осѣдланы, а прочіе люди, не столь привыкшіе къ военному дѣлу, сѣли на большіе корабли; галеры также были всѣ вооружены и убраны. Случилось же это въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ солнечнаго восхода. А императоръ Алексѣй выжидалъ ихъ въ боевомъ порядкѣ и съ великою силою на противоположномъ берегу. И затрубили въ трубы. Къ каждой галерѣ былъ привязанъ корабль, чтобы ему было легче продвинуть ее впередъ. Никто не спрашивалъ, кому надобно было высаживаться прежде. Какъ кто могъ, такъ и выходилъ. Рыцари бросились съ судовъ въ море въ полномъ вооруженіи, съ опущенными забралами и съ мечемъ въ рукѣ, и по поясъ были въ водѣ; такъ же поступили стрѣлки, пѣхотинцы и арбалетчики, каждый отрядъ, гдѣ ему случилось пристать. И греки показали видъ, что намѣрены имъ сопротивляться; но когда дѣло дошло до рукопашнаго боя, они обратили тылъ, побѣжали и предоставили имъ берегъ. И знайте, что никогда еще никакая гавань не была взята съ такою славою. Тогда моряки открыли корабельныя двери и перебросили мосты, и начали перетаскивать лошадей. А рыцари начали садиться на нихъ и располагаться въ боевомъ порядкѣ, какъ то слѣдовало.

Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау, предводительствовавшій авангардомъ, выступаетъ впередъ, а другіе отряды за нимъ, каждый на своемъ мѣстѣ. И шли они такъ до самаго того мѣста, гдѣ стоялъ императоръ Алексѣй; а онъ повернулъ въ Константинополь и бросилъ свою палатку. Наши люди нашли тамъ довольно добычи. Между тѣмъ бароны опредѣлили, что они расположатся у гавани предъ башнею

Галатою, къ которой примыкала цѣпь, препятствовавшая кораблямъ проникнуть во внутреннюю гавань Константинополя. И наши бароны видѣли, что если они не возьмутъ этой башни и не разорвутъ этой цѣпи, то они погибли, и имъ будетъ худо. Потому они провели ночь предъ башнею и въ еврейскомъ кварталѣ, называемомъ Станоръ, гдѣ они нашли много хорошихъ и богатыхъ домовъ и удобно переночевали. На слѣдующее утро, находившіеся въ башнѣ Галатѣ и прибывшіе изъ Константинополя на помощь въ баркахъ сдѣлали вылазку; наши же люди бросились немедленно къ оружію. Ихъ собралъ Яковъ изъ Авеня, вмѣстѣ съ своими пѣшими людьми. И знайте, что схватка была большая, и Яковъ былъ раненъ мечемъ въ лицо и едва не погибъ. Но одинъ изъ его рыцарей, по имени Николай изъ Лоленя, сѣлъ на коня и поспѣшилъ на помощь къ своему сузерену: онъ дѣйствовалъ такъ хорошо, что заслужилъ величайшую похвалу. По всей арміи поднялись крики, и наши сбѣжались со всѣхъ сторонъ; они ихъ разбили, весьма многихъ убили и взяли въ плѣнъ, такъ что нѣкоторые не возвращались въ башню, сѣли на свои барки, и много ихъ утонуло; тѣ же, которые убѣжали и бросились въ башню, были преслѣдуемы столь близко, что не успѣли запереть за собою воротъ. Самая главная борьба произошла у воротъ; крестоносцы взяли ихъ силою, сломали и при этомъ многихъ убили и взяли въ плѣнъ.

Такъ они овладѣли за́мкомъ Галатою и Константинопольскою гаванью. Велика была радость арміи, и она восхваляла Бога; жители же города пали духомъ. На слѣдующій день, кораби, суда и галеры вступили въ гавань. Тогда армія совѣщалась о томъ, какъ поступить: напасть ли на городъ съ моря, или съ суши. Венеціанамъ очень хотѣлось, чтобы были устроены лѣстницы на корабляхъ и чтобы приступъ былъ веденъ со стороны моря. Французы же говорили, что они не умѣютъ дѣйствовать такъ хорошо на морѣ, какъ венеціане, но за то, сидя на лошади, въ своемъ вооруженіи, они будутъ болѣе полезны на сухомъ пути. Положено было, что венеціане нападутъ съ моря, бароны и ихъ армія со стороны суши. Самый приступъ былъ отложенъ на четыре дня.

Въ пятый день вся армія взялась за оружіе. Отряды двинулись въ назначенномъ порядкѣ отъ гавани къ дворцу Влахерны; а корабли шли вдоль берега до самой середины гавани, гдѣ впадаетъ рѣчка, которую нельзя перейти иначе, какъ по каменному мосту. Но греки сломали его, и бароны трудились цѣлый день и цѣлую ночь надъ починкою. Наконецъ, мостъ былъ готовъ, и отряды перешли по немъ утромъ одинъ за другимъ въ предназначенномъ порядкѣ. Такъ они подступили къ городу, и никто не вышелъ оттуда, чтобы стать противъ нихъ. И это было великимъ чудомъ, такъ-какъ на одного человѣка въ арміи приходилось въ городѣ двѣсти.

Далѣе авторъ описываетъ тѣ мѣры, которыя были приняты крестоносцами для защиты лагеря, небольшія отдѣльныя стычки и приготовленія къ всеобщему приступу съ суши и съ моря: приступъ съ суши совершенно не удался, но за то венеціане успѣли овладѣть нѣсколькими приморскими башнями; тогда императоръ Алексѣй дѣлаетъ вылазку со всѣми своими силами;

но греки и крестоносцы долгое время стояли другъ противъ друга, и никто не смѣлъ начать нападенія; наконецъ, по неизвѣстнымъ причинамъ для автора, императоръ внезапно возвратился въ городъ, а на слѣдующій день къ нимъ пришло другое, еще болѣе неожиданное извѣстіе о бѣгствѣ императора.

Но посмотрите, какое совершилось чудо господне! Въ эту же ночь императоръ Алексѣй Константинопольскій захватилъ изъ своихъ сокровищъ сколько могъ, взялъ съ собою всѣхъ тѣхъ, которые пожелали уйти, убѣжалъ и оставилъ городъ. Жители же города были сначала весьма удивлены, а потомъ отправились въ темницу, гдѣ находился императоръ Исаакъ, которому были выколоты глаза. Его облачили въ императорскія одежды, отвели въ главный дворецъ Влахерну, посадили на высокій тронъ и подчинились ему какъ своему государю. И тогда, по желанію императора Исаака, назначили пословъ и отправили ихъ въ армію, и возвѣстили сыну Исаака и баронамъ, что Алексѣй бѣжалъ, и на престолъ возведенъ императоръ Исаакъ. Когда принцъ узналъ о томъ, онъ сообщилъ полученное имъ извѣстіе маркизу Бонифацію Монферратскому, а маркизъ баронамъ арміи. И когда всѣ собрались въ палатку сына императора Исаака, онъ разсказалъ имъ ту новость. Услышавъ то, они выразили несказанную радость, какой никогда не видывали въ мірѣ, и всѣ воздали благочестиво хвалу Господу Богу за такую быструю помощь и за такое избавленіе отъ крайности, въ которой они находились. И потому можно справедливо сказать, что никто не въ состояніи повредить тѣмъ, кому Господь пожелаетъ оказать помощь.

Между тѣмъ начинало разсвѣтать, и войско взялось за оружіе; всѣ вооружались, ибо не очень вѣрили грекамъ. Но въ то же время появились новые вѣстники, по одному и по двое вмѣстѣ, и разсказывали ту же самую новость. По совѣщанію бароновъ и графовъ съ дожемъ Венеціи, были отправлены въ городъ послы для разузнанія, въ какомъ положеніи находится дѣло. Если сообщенное извѣстіе справедливо, то послы должны требовать отъ отца подтвержденія тѣхъ условій, которыя они заключили съ сыномъ, или, въ противномъ случаѣ, они не отпустятъ царевича въ городъ. Послами были избраны: отъ однихъ Матвѣй Монморанси, а отъ другихъ Жоффруа, маршалъ Шампани, а отъ дожа Венеціи два венеціанца. Такимъ образомъ, послы были отведены къ городскимъ воротамъ, и имъ открыли ворота, и они пошли пѣшкомъ, а греки (li Griffon) разставили отъ воротъ до дворца Влахерны англичанъ и датчанъ (наемниковъ), вооруженныхъ сѣкирами; тамъ они нашли императора Исаака одѣтымъ столь богато, что напрасно кто-нибудь захотѣлъ бы видѣть человѣка одѣтаго съ бóльшею роскошью. Императрица, его жена, весьма красивая дама, сестра короля Венгріи, находилась подлѣ него; другихъ же знатныхъ людей и знатныхъ дамъ, разукрашенныхъ до-нельзя, было такое множество, что не представлялось возможности повернуться; и всѣ тѣ, которые за день предъ тѣмъ стояли противъ него, теперь явились къ его услугамъ.

Послы предстали предъ императоромъ Исаакомъ, и императоръ,

и всѣ прочіе оказали имъ большое почтеніе, и послы говорили, что они желаютъ переговорить съ нимъ наединѣ отъ имени сына и бароновъ арміи. И онъ всталъ и пошелъ въ отдѣльный покой, взявъ съ собою императрицу, своего камергера, драгомана и четырехъ пословъ. По согласію съ своими товарищами, Жоффруа Виллегардуинъ, маршалъ Шампани, говорилъ императору Исааку: „Государь, ты видишь, какую услугу мы оказали твоему сыну, и какъ мы выполнили предъ нимъ заключенное съ нимъ условіе. Но онъ не можетъ вступить въ городъ, пока самъ не выполнитъ условій съ своей стороны. Онъ проситъ теперь, какъ вашъ сынъ, чтобы вы утвердили его договоръ съ нами въ той формѣ и тѣмъ же способомъ, какъ онъ то сдѣлалъ самъ".— „Какой это договоръ?" спросилъ императоръ. „Нижеслѣдующій, отвѣчалъ посолъ: во-первыхъ, поставить всю романскую имперію въ зависимость отъ Рима, отъ котораго она отдѣлилась. Потомъ, дать войску двѣсти-тысячъ марокъ серебра и съѣстныхъ припасовъ на годъ, всѣмъ отъ мала до велика; отправить десять тысячъ человѣкъ на своихъ корабляхъ и содержать ихъ на свой счетъ въ теченіе года; и наконецъ имѣть въ Святой Землѣ пятьсотъ рыцарей, которые охраняли бы ее, на своемъ иждивеніи, до самой смерти. Вотъ договоръ, заключенный нами съ вашимъ сыномъ и скрѣпленный клятвою и печатями какъ его, такъ и Филиппа, короля Германіи, вашего зятя. Мы желаемъ теперь, чтобы и вы также утвердили этотъ договоръ". — „Конечно,—отвѣчалъ императоръ,—условія договора весьма велики, и я не вижу, какъ возможно ихъ исполнить; но вы оказали такую услугу и мнѣ, и ему, что еслибы вамъ отдать всю имперію, то и это было бы сообразно съ вашею услугой". Много было сказано и другихъ рѣчей, но все это кончилось тѣмъ, что отецъ утвердилъ, договоръ, заключенный его сыномъ, клятвою и золотыми печатями. Грамота была вручена посламъ; простившись съ императоромъ, они возвратились въ армію и передали баронамъ о совершенномъ ими дѣлѣ.

Послѣ того бароны сѣли на лошадей и отвели царевича съ великою радостію въ городъ къ его отцу, и греки (li Gré) открыли имъ ворота и приняли ихъ съ великимъ торжествомъ и восторгомъ. Радость отца и сына была необычайна, такъ-какъ они давно уже не видались, и отъ столь великой бѣдности, послѣ тяжкаго изгнанія, были снова столь возвеличены, прежде всего помощью Бога, а потомъ крестоносцевъ. Торжество было велико и въ Константинополѣ, и въ арміи у пилигримовъ, вслѣдствіе славы и побѣды, дарованной имъ Богомъ. На слѣдующій день, императоръ и даже его сынъ просили графовъ и бароновъ именемъ Бога расположиться на другой сторонѣ гавани, близь Стенона, говоря, что если они останутся въ городѣ, то это повлечетъ за собою къ столкновенію между ними и греками (li Grius), и городъ можетъ быть разрушенъ. И бароны говорили, что они уже оказали имъ столь много услугъ, что не откажутъ теперь въ этой просьбѣ. Затѣмъ они переправились на другую сторону гавани и поселились тамъ въ мирѣ и спокойствіи, пользуясь изобильно всякаго рода съѣстными припасами.

Вы легко себѣ представите, что многіе изъ арміи захотѣли видѣть Константинополь, и богатые дворцы, и высокія церкви, которыхъ тамъ

такъ много, и великія сокровища, которыхъ не найдешь ни въ одномъ городѣ въ такомъ огромномъ количествѣ. Я не говорю о различныхъ святыняхъ: въ одномъ этомъ городѣ ихъ столько, сколько въ остальномъ мірѣ. Греки (li Grieu) и французы сохраняли во всемъ великое согласіе и торговали между собою. По общему приговору французовъ и грековъ (li Grex) было рѣшено, чтобы короновать новаго императора въ праздникъ св. Петра. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. Коронація происходила съ тѣми же почестями, какъ то дѣлалось у грековъ во всѣ времена. Потомъ начали уплачивать сумму, должную арміи, и каждому возвратили то, что онъ далъ венеціанамъ за переѣздъ. Новый императоръ часто ходилъ навѣщать бароновъ въ армію и оказывалъ имъ всевозможныя почести. И онъ долженъ былъ такъ дѣйствовать, ибо они оказали ему большія услуги. Однажды онъ зашелъ отдѣльно въ квартиру Балдуина, графа Фландріи и Геннегау, куда были позваны дожъ Венеціи и старѣйшіе бароны. И онъ обратился къ нимъ съ рѣчью и сказалъ: „Господа, я считаю себя императоромъ божіею и вашею милостію: вы оказали мнѣ такую услугу, какой никто еще не оказывалъ христіанскому человѣку. Но знайте, что многіе показываютъ мнѣ наружное расположеніе, а внутренне ненавидятъ меня. Греки оскорблены особенно тѣмъ, что я возвратилъ свое наслѣдіе вашими силами: срокъ же вашего удаленія близокъ. Вы заключили союзъ съ венеціанами только до праздника св. Михаила: въ такое короткое время, я не могу выполнить своихъ условій, и притомъ, если вы меня оставите, я потеряю и государство, и жизнь, ибо греки ненавидятъ меня изъ-за васъ. Но сдѣлаемте вотъ что: останьтесь здѣсь до марта, я продолжу вашъ союзъ съ венеціанами до Михайлова дня слѣдующаго года и заплачу венеціанамъ, а вамъ буду доставлять все необходимое до Пасхи. Къ тому же времени я успѣю такъ укрѣпиться въ странѣ, что мнѣ нечего будетъ бояться. Между тѣмъ, при помощи доходовъ съ своихъ земель, я заплачу вамъ должное по договору и успѣю изготовить корабли, чтобы идти съ вами или послать другихъ, какъ мы условились о томъ. У васъ же останется свободнымъ цѣлое лѣто для похода“.

Бароны отвѣчали, что они поговорятъ объ этомъ другъ съ другомъ, хотя и были вполнѣ увѣрены въ справедливости словъ императора и въ томъ, что его предложеніе было выгодно какъ для него самого, такъ и для нихъ: однако они не могли ни на что рѣшиться, не посовѣтовавшись съ арміею; они обѣщали ему, послѣ такого совѣщанія, дать отвѣтъ. Послѣ того императоръ Алексѣй разстался съ ними и возвратился въ Константинополь, а они вернулись въ армію, назначили на слѣдующій день совѣщаніе и пригласили всѣхъ бароновъ, предводителей армій и бóльшую часть рыцарей. И когда они собрались, предложеніе императора было отдано имъ на обсужденіе.

Затѣмъ авторъ разсказываетъ, какъ, послѣ жаркихъ преній, крестоносцы согласились принять новое условіе и провести зиму подъ стѣнами Константинополя, съ цѣлью упрочить положеніе новаго императора; какъ императоръ Алексѣй, по совѣту крестоносцевъ и сопровождаемый частью ихъ арміи, прошелся по своей имперіи, и какъ, во время его отсутствія, вслѣдствіе ссоры

между греками и латинами, произошелъ въ Константинополѣ ужасный пожаръ, произведшій навсегда ненависть туземцевъ къ пришельцамъ; и какъ, наконецъ, Алексѣй возвратился изъ похода къ началу ноября 1203 года, измѣнившись совершенно въ своихъ отношеніяхъ къ латинамъ. Это послѣднее обстоятельство заставило крестоносцевъ отправить къ Алексѣю посольство и требовать объясненій.

Для этого посольства были избраны Кононъ Бетюнскій, Жоффруа Виллегардуинъ, маршалъ Шампани, и Милесъ Брабантскій; а дожъ Венеціи отправилъ трехъ знатнѣйшихъ мужей изъ своего совѣта. Послы сѣли на коней, подпоясались мечами и подъѣхали вмѣстѣ ко дворцу Влахернѣ. Знайте, что они шли на большую опасность и на большое приключеніе, при извѣстномъ вѣроломствѣ грековъ. Спѣшившись у дверей, они вошли во дворецъ и увидѣли императора Алексѣя и императора Исаака, его отца, сидящими на двухъ престолахъ рядомъ другъ съ другомъ; близь нихъ возсѣдала императрица, мачиха Алексѣя и сестра короля Венгріи, прекрасная и добрая дама. Они были окружены множествомъ высокихъ людей, и ихъ свита походила на дворъ богатѣйшаго властителя.

По совѣщанію съ прочими послами, началъ говорить Кононъ Бетюнскій, мужъ весьма мудрый и краснорѣчивый: „Государь, мы пришли къ тебѣ отъ имени бароновъ арміи и дожа Венеціи; ты знаешь, что они оказали тебѣ услуги, какъ то извѣстно всякому и очевидно само по себѣ. Вы и вашъ отецъ клялись имъ исполнить условія заключеннаго договора, какъ они изображены въ грамотахъ. Вы не исполнили ихъ, какъ то слѣдовало бы вамъ. Они убѣждали васъ нѣсколько разъ, и мы теперь снова убѣждаемъ, въ присутствіи вашихъ бароновъ, соблюсти договоръ, составленный между ними и вами. Если вы то исполните, все пойдетъ хорошо. Если же нѣтъ, то знайте, что съ этого часа и на будущее время они не считаютъ васъ ни государемъ, ни другомъ, позаботятся о себѣ какъ могутъ, а васъ предувѣдомляютъ, что не причинятъ зла ни вамъ, ни кому другому, пока не получатъ отвѣта, и не прибѣгнутъ ни къ какой измѣнѣ, ибо и на своей родинѣ они не привыкли иначе поступать. Теперь вы слышали, что мы вамъ сказали: посовѣтуйтесь и поступите, какъ заблагоразсудится вамъ“. Греки были чрезвычайно изумлены, и при видѣ такого оскорбленія говорили, что еще никто и никогда не осмѣливался огорчать такимъ образомъ Константинопольскаго императора въ собственныхъ его покояхъ. Императоръ Алексѣй и другіе, бывшіе съ ними до тѣхъ поръ въ лучшихъ отношеніяхъ, выразили посламъ свое неудовольствіе. Во дворцѣ поднялась большая тревога, и послы, вернувшись къ воротамъ, сѣли на лошадей. Когда они выѣхали за ворота, не было ни одного изъ нихъ, который не считалъ бы себя счастливымъ и не изумлялся своему избавленію отъ опасности: греки были близки къ тому, чтобы схватить ихъ и умертвить. Возвратившись въ армію, они разсказали баронамъ о всемъ случившемся. Такъ началась война, и всякій вредилъ другому, какъ могъ, и на сухомъ пути, и на морѣ. Греки и франки схватывались нѣсколько разъ; но,

благодаря Бога, греки претерпѣвали всегда бо́льшую потерю, нежели франки. Война продолжалась долго, до глубокой зимы.

Затѣмъ авторъ подробно описываетъ стратагему грековъ, которые пустили брандеровъ, чтобы сжечь флотъ крестоносцевъ, но венеціане успѣли искусно оттолкнуть ихъ и поплатились всего однимъ купеческимъ кораблемъ изъ Пизы.

Пока все это происходило, греки, видя совершенный разрывъ императора съ франками, составили противъ него измѣнническій заговоръ. При дворѣ находился грекъ, котораго императоръ любилъ болѣе прочихъ, и который именно разссорилъ его съ франками. Имя его было Мурзуфлъ (Morchuflex). По совѣту съ другими, въ полночь, когда императоръ Алексѣй спалъ у себя, его собственная стража, вмѣстѣ съ Мурзуфломъ и его сообщниками, схватила его въ постели и бросила въ темницу. Мурзуфлъ, по совѣту другихъ грековъ, надѣлъ на себя пурпуровую обувь, принялъ титулъ императора и короновался въ храмѣ св. Софіи. Но послушайте, была ли когда-нибудь и кѣмъ-нибудь совершаема столь ужасная измѣна! Когда императоръ Исаакъ услышалъ, что его сынъ схваченъ, а Мурзуфлъ коронованъ, имъ овладѣлъ такой страхъ, что онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Императоръ же Мурзуфлъ два-три раза приказывалъ отравить сына, но Богу было не угодно, чтобы онъ умеръ: тогда онъ удавилъ его. Но Мурзуфлъ распустилъ слухъ, что онъ умеръ своею смертью, похоронилъ его съ почестями, какъ императора, и притворился весьма опечаленнымъ. Но убійство не могло укрыться: греки и французы узнали скоро, что было совершено убійство, какъ вы о томъ слышали. Тогда бароны арміи и дожъ Венеціи собрались для совѣщанія, на которомъ присутствовали епископы и все духовенство, и представители апостола (папы): послѣдніе доказывали баронамъ и пилигримамъ, что тотъ, кто совершилъ такое убійство, не имѣетъ права на власть, и тѣ, которые согласятся на то, будутъ сочтены соучастниками преступленія; сверхъ того, они отказываются отъ повиновенія Риму. „Почему мы вамъ объявляемъ, — говорило духовенство, — что война правильна и справедлива, и если вы имѣете прямое намѣреніе завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то получите отпущеніе грѣховъ, какъ далъ вамъ то апостолъ всѣмъ, которые исповѣдуются и умрутъ". Знайте, что эти слова служили большимъ подкрѣпленіемъ для бароновъ и пилигримовъ. Война между франками и греками сдѣлалась ужасною и нисколько не утихала: напротивъ, она усиливалась, и не проходило дня безъ схватки на сухомъ пути или на морѣ.

Слѣдуетъ описаніе отдѣльныхъ стычекъ, которыя повторялись безпрерывно въ теченіе всей зимы съ 1203 по 1204 годъ; наконецъ, въ 1204 году крестоносцы рѣшились сдѣлать послѣдній и самый отчаянный приступъ со стороны моря въ ближайшій понедѣльникъ.

Годъ 1204. Въ то же самое время и императоръ Мурзуфлъ расположился со всѣмъ своимъ войскомъ предъ тѣмъ мѣстомъ, на которое былъ направленъ приступъ, и раскинулъ тамъ свои пурпуровыя

палатки. Такъ продолжалось дѣло до самаго утра въ понедѣльникъ, когда всѣ наши на судахъ, корабляхъ и галерахъ явились вооруженными; жители же города чувствовали нынѣшній разъ страхъ болѣе обыкновеннаго. Наши чрезвычайно изумлялись тому, что никого не было видно ни на стѣнахъ, ни на башняхъ. Тогда начался изумительный и отчаянный приступъ: каждый корабль устремлялся къ назначенному ему мѣсту; крики были такъ велики, что, казалось, земля распадется. Приступъ продолжался долго, пока нашъ Господь не поднялъ сильнаго вѣтра, называемаго *Boire:* этотъ вѣтеръ пригналъ суда и корабли ближе къ берегу, и два корабля, связанные вмѣстѣ, изъ которыхъ одинъ назывался „Пилигримъ", а другой „Парадизъ", подошли къ одной башнѣ съ двухъ сторонъ такъ близко, что лѣстница „Пилигрима" достала башню. Въ ту же минуту одинъ венеціанецъ и одинъ французскій рыцарь, по имени Андрей изъ Урбуаза, взошли на башню, а за ними и другіе люди; находившіеся же въ башнѣ были поражены и бѣжали.

Рыцари, помѣщенные на перевозныхъ судахъ, увидѣвъ то, бросились на берегъ, приставили лѣстницы къ стѣнамъ, поднялись на верхъ силою и овладѣли другими четырьмя башнями. Вслѣдъ за ними начали и другіе бросаться съ кораблей, судовъ и галеръ, какъ ни попало, овладѣли тремя воротами, вступили въ нихъ, пошли далѣе и прямо поскакали къ ставкѣ императора Мурзуфла. Онъ же устроилъ свои полки впереди палатокъ. Греки, увидѣвъ предъ собою всадниковъ на лошадяхъ, смѣшались, и самъ императоръ бѣжалъ по улицамъ во дворецъ Буколеонъ (въ противоположной сторонѣ города, на берегу Пропонтиды). При этомъ вы увидѣли бы, какъ наши били грековъ и овладѣвали ихъ лошадьми, мулами и прочимъ имуществомъ. Убитыхъ и раненыхъ оказалось столько, что имъ не было ни конца, ни мѣры. Бо̀льшая часть знатныхъ грековъ бросилась къ воротамъ Влахерны; насталъ уже вечеръ, и наши, утомясь борьбою и избіеніемъ войскъ императора, начали собираться на большой площади, находившейся внутри Константинополя. Они рѣшились расположиться вблизи стѣнъ и башенъ, которыми они овладѣли, и никакъ не думали, что имъ удастся завоевать городъ ранѣе мѣсяца: такъ много было въ Константинополѣ церквей, дворцовъ и народа. Все было сдѣлано сообразно съ тѣмъ рѣшеніемъ.

Такимъ образомъ, они расположились предъ стѣнами и башнями, въ виду своихъ кораблей. Графъ Балдуинъ Фландрскій помѣстился въ пурпуровой ставкѣ императора Мурзуфла, которую онъ оставилъ въ порядкѣ, а братъ его Генрихъ сталъ предъ дворцомъ Влахерны. Бонифацій, маркизъ Монферратскій и его люди расположились въ ближайшемъ кварталѣ города. Такимъ образомъ была размѣщена вся армія, какъ вы то слышали, и Константинополь былъ взятъ въ понедѣльникъ послѣ вербнаго воскресенія (le lundi de Pasque florie). Лудовикъ, графъ Блоа и Шартра, томился всю зиму четырехъ-дневною лихорадкою, и не могъ участвовать въ осадѣ. Знайте, что это обстоятельство причинило большой ущербъ въ арміи, такъ-какъ онъ былъ отличный рыцарь, и пролежалъ больнымъ на кораблѣ. Въ эту ночь войско, чрезвычайно утомленное, отдохнуло. Но императоръ Мур-

зуфлъ не отдыхалъ: онъ созвалъ всѣхъ своихъ людей и объявилъ, что идетъ напасть на франковъ; но онъ не сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ, и самыми отдаленными отъ арміи улицами прибылъ къ Золотымъ воротамъ, и бѣжалъ изъ города. И за нимъ бѣжали всѣ, кто могъ; и о всемъ этомъ ничего не знала армія.

Въ эту ночь предъ ставкою Бонифація, маркиза Монферратскаго, не знаю кто-то, изъ боязни, чтобы греки не напали на насъ, поджегъ кварталъ, отдѣлявшій ихъ отъ грековъ. И городъ началъ страшно горѣть и былъ обхваченъ пламенемъ: и горѣлъ всю эту ночь и до вечера слѣдующаго дня. Это былъ третій пожаръ въ Константинополѣ со времени прибытія франковъ: и при этомъ сгорѣло домовъ болѣе, чѣмъ сколько находится въ трехъ самыхъ большихъ городахъ королевства Франціи. По прошествіи ночи, когда наступило утро слѣдующаго дня, во вторникъ, вся армія, и конные, и пѣшіе, вооружилась, и каждый занялъ свое мѣсто. Выходя изъ своихъ ставокъ, они думали, что имъ предстоитъ такая битва, какой они еще не имѣли; о бѣгствѣ же императора они ничего не знали. Между тѣмъ никто не выходилъ имъ навстрѣчу. Маркизъ Бонифацій Монферратскій шелъ все утро прямо на Буколеонъ. При его появленіи, всѣ находившіеся тамъ сдались подъ условіемъ сохраненія жизни. Въ томъ за̀мкѣ укрылись знатнѣйшія дамы въ мірѣ, а именно: сестра короля Франціи, бывшая императрицею, и сестра короля Венгріи, которая также была императрицею; съ ними было много и другихъ знатныхъ дамъ. Я не говорю о сокровищахъ, найденныхъ въ этомъ дворцѣ, ибо ихъ находилось тамъ столько, что не было имъ ни конца, ни мѣры. Въ то же время дворецъ Влахерна сдался Генриху, брату графа Балдуина Фландрскаго, и на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Сокровища, находившіяся въ немъ, не были нисколько меньше того, что̀ было найдено въ Буколеонѣ. Оба они снабдили тѣ за̀мки своими людьми для охраненія сокровищъ. Другіе же разошлись по городу и собирали добычу; добыча же была такъ велика, что вамъ никто не въ состояніи былъ бы опредѣлить количества найденнаго золота, серебра, сосудовъ, драгоцѣнныхъ камней, бархату, шелковыхъ матерій, мѣховыхъ одеждъ и прочихъ предметовъ. Но Жоффруа Виллегардуинъ, маршалъ Шампани, свидѣтельствуетъ вамъ по совѣсти и по истинѣ, что въ теченіе многихъ вѣковъ никогда не находили столько добычи въ одномъ городѣ.

Всякій бралъ себѣ домъ, какой ему было угодно, и такихъ домовъ было достаточно для всѣхъ. Такимъ образомъ, армія пилигримовъ и венеціанъ размѣстилась по квартирамъ, и всѣ радовались о чести и побѣдѣ, которую даровалъ имъ Богъ, и вслѣдствіе которой они перешли отъ бѣдности къ богатству и къ наслажденіямъ. Между тѣмъ въ этомъ торжествѣ и въ этой радости, ниспосланной Богомъ, прошло вербное воскресенье и великая Пасха. И намъ слѣдовало восхвалять нашего Господа Бога: имѣя всѣ вмѣстѣ не болѣе двадцати тысячъ вооруженныхъ людей, мы съ божіею помощью овладѣли четырьмя стами тысячъ населенія, или болѣе, и притомъ въ городѣ, отлично защищенномъ, городѣ великомъ и закрытомъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ того раздался кличъ по всей арміи отъ имени Бонифа-

ція Монферратскаго, предводителя войска, отъ имени бароновъ и дожа Венеціи, а именно, чтобы всѣ снесли и собрали свою добычу, сообразно данной присягѣ и подъ страхомъ отлученія; мѣстомъ же сбора назначены были три церкви, отданныя на охраненіе французамъ и венеціанамъ, самымъ честнымъ, какихъ только могли найти. И тогда каждый началъ приносить свою добычу и складывать вмѣстѣ.

Нѣкоторые приносили добросовѣстно, другіе же нѣтъ, ибо имъ не дозволяла того жадность, этотъ корень всѣхъ золъ: такъ, уже сначала они отдѣлили свое дѣло отъ общаго и укрыли вещи; но съ того времени и Богъ началъ ихъ любить менѣе другихъ. О, всеблагій Боже! Пока они вели себя хорошо и честно, до тѣхъ поръ и Господь покровительствовалъ имъ и ихъ дѣлу и возвысилъ ихъ надъ прочими, но гораздо чаще добрые трудятся для злыхъ. Между тѣмъ добыча была собрана вся и раздѣлена пополамъ между франками и венеціанами, какъ они въ томъ клялись. Сдѣлавъ этотъ раздѣлъ, наши уплатили изъ своей части пятьдесятъ-тысячъ марокъ серебра, чтобы покрыть свой долгъ венеціанамъ; остальная же сумма до ста-тысячъ была роздана слѣдующимъ образомъ: а именно, двое пѣшихъ получили столько же, сколько одинъ конный, и двое конныхъ—сколько одинъ рыцарь. Знайте, что никогда ничего не совершалось болѣе славнаго: какъ было предписано, такъ все было и выполнено, и добыча не была утаена; съ тѣми же, которые удержали что-нибудь, поступлено было строго, и многихъ изъ нихъ повѣсили. Такъ, графъ Сенъ-Поль приказалъ повѣсить одного изъ своихъ рыцарей, съ монетою на шеѣ, которою онъ скрылъ и какъ его въ томъ обвиняли. Было много и другихъ какъ изъ высшаго, такъ и изъ низшаго класса, которые не доставили добычи и удержали ее въ противность справедливости. Какъ велика была добыча, сдѣланная въ Константинополѣ, о томъ можно судить уже потому, что, помимо скрытаго и не считая доли венеціанъ, наши получили по крайней мѣрѣ четыреста-тысячъ марокъ серебра и болѣе десяти-тысячъ всякаго рода сбруй. Такимъ-то образомъ была раздѣлена добыча, сдѣланная въ Константинополѣ, какъ вы о томъ слышали.

Послѣ того наши составили собраніе и вмѣстѣ съ войскомъ совѣщались, какъ поступить относительно того, что было уже ими опредѣлено прежде (а именно, относительно раздѣленія имперіи). Послѣ долгихъ преній, назначили день, въ который будутъ наименованы 12 человѣкъ для избранія императора. И не могло быть иначе, чтобы при этомъ не явилось множество претендентовъ и завистниковъ, ибо сдѣлаться Константинопольскимъ императоромъ было бы великою честью. Но главное соперничество происходило между Балдуиномъ, графомъ Фландріи и Геннегау, и маркизомъ Бонифаціемъ Монферратскимъ; всѣ говорили, что будетъ избранъ одинъ изъ двухъ. Видя это, благоразумные люди въ арміи, державшіе сторону того или другого, разсуждали сообща и говорили такъ: „Господа, если изберутъ одного изъ этихъ двухъ высокихъ лицъ, то другой придетъ въ такую зависть, что уведетъ съ собою всѣхъ своихъ людей, и такъ мы потеряемъ страну, какъ нѣкогда едва не утратили Іерусалима, когда, по завое-

ванія его, избрали Готфрида Бульонскаго. И графъ Св. Эгидія (li cuens de Sain Gille, т.-е. Раймундъ Тулузскій) почувствовалъ при этомъ такую зависть, что убѣдилъ прочихъ бароновъ и всѣхъ другихъ оставить армію. Много людей ушло, и еслибы не помогъ Богъ, то земля была бы потеряна. А потому и намъ слѣдуетъ беречься, чтобы не случилось чего подобнаго. Постараемся удержать ихъ обоихъ, чтобы при избраніи одного, съ помощью божіей, и другой остался бы съ нами. Пусть избранный уступитъ своему совмѣстнику всѣ земли въ Турціи по ту сторону пролива съ островомъ Критомъ, а совмѣстникъ пусть сдѣлается его вассаломъ. Такъ мы удержимъ обоихъ". Соотвѣтственно такому рѣшенію и было поступлено: соперники добродушно согласились на такое условіе. Наконецъ наступилъ день собранія, и избрали 12 человѣкъ, шесть съ одной стороны и шесть съ другой. И они поклялись надъ святыми, что изберутъ по совѣсти того, кто окажется болѣе достойнымъ и кто будетъ лучше править имперіею. Такимъ образомъ назначили 12 человѣкъ. Въ назначенный день они собрались въ богатомъ дворцѣ, гдѣ стоялъ дожъ Венеціи, и который былъ красивѣйшимъ зданіемъ въ мірѣ.

Туда собралось множество людей, чему нельзя и удивляться, ибо каждый хотѣлъ видѣть, кого выберутъ. Тѣ двѣнадцать избирателей были призваны и отведены въ богатѣйшую капеллу, находившуюся во дворцѣ. Ихъ совѣщаніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока они не согласились между собою. Невелону, епископу Соассонскому, принадлежавшему къ числу 12, было поручено говорить за всѣхъ. Потомъ они вышли къ баронамъ и дожу Венеціи. Вы можете себѣ представить, что на нихъ всѣ смотрѣли съ любопытствомъ, желая знать результатъ выборовъ. И епископъ началъ говорить и сказалъ: „Господа, мы согласились, благодаря Бога, относительно избранія императора; и вы клялись считать того императоромъ, кто будетъ нами избранъ, и помогать ему, если кто окажетъ сопротивленіе. Нынѣ же, въ часъ рожденія Господа нашего, мы объявляемъ: избранъ Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау". Тотчасъ же раздался по всему дворцу радостный крикъ, и бароны отвели его въ церковь; при этомъ Бонифацій Монферратскій предупреждалъ всѣхъ другихъ и оказывалъ ему всевозможныя почести. Такъ былъ избранъ Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау, императоромъ, и коронованіе его назначили чрезъ три недѣли послѣ Пасхи. Между тѣмъ многіе занялись приготовленіемъ богатыхъ одеждъ къ тому торжеству, и имъ было изъ чего сдѣлать.

Во время коронованія, маркизъ Бонифацій Монферратскій женился на императрицѣ, вдовѣ императора Исаака и сестрѣ короля Венгріи. Въ эти же дни умеръ знатный баронъ арміи, Одо шампанецъ изъ Шамплита; оплакиваемый братомъ своимъ Вильгельмомъ и прочими друзьями, онъ былъ погребенъ съ большою церемоніею въ церкви св. Апостоловъ.

Между тѣмъ приблизился день коронованія, и императоръ Балдуинъ былъ вѣнчанъ радостно и съ почетомъ въ церкви св. Софіи, въ годъ отъ воплощенія господня 1204. Нечего говорить о восторгѣ и празднествѣ, на которомъ присутствовали бароны и рыцари, сколько ихъ было; и маркизъ Бонифацій Монферратскій, и графъ Лудовикъ

привѣтствовали Балдуина, какъ своего государя. Послѣ великаго торжества коронованія, его отвели въ процессіи въ богатый дворецъ Буколеонъ, богаче котораго нельзя видѣть. И когда кончились праздники, онъ занялся дѣлами.

Бонифацій, маркизъ Монферратскій, потребовалъ исполненія договора, а именно уступки ему земель въ Турціи по ту сторону пролива, съ о. Критомъ. Императоръ зналъ, что онъ обязанъ отдать ему эти владѣнія, и соглашался на то охотно. И когда маркизъ увидѣлъ, что императоръ такъ благодушно намѣренъ исполнить условія договора, онъ началъ просить у него въ обмѣнъ на тѣ земли королевство Ѳессалоникское (т.-е. Македонію), потому что оно ближе къ предѣламъ владѣній короля Венгріи, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. Много переговаривались объ этомъ дѣлѣ, но кончилось тѣмъ, что императоръ уступилъ. Бонифацій далъ ему присягу, и все войско исполнилось великою радостью; ибо маркизъ былъ отважнѣйшій рыцарь на свѣтѣ и любимъ всѣми за свою щедрость. Такимъ образомъ, какъ вы то слышали, маркизъ Монферратскій остался въ завоеванной землѣ.

Конецъ мемуаровъ нашего автора заключаетъ въ себѣ исторію новой Латинской имперіи въ Константинополѣ до 1207 года.

Маршалъ Шампани Жоффруа Виллегардуинъ.

De la conqueste de Constantinople.—1198—1204 г.

Жоффруа Виллегардуинъ, маршалъ Шампани (Geoffroy de Ville-Harduin, maréchal de Champagne), родился въ началѣ второй половины XII столѣтія, въ епархіи г. Троа, между Баръ и Арсисъ-на-Обѣ. Отецъ Жоффруа, Вильгельмъ, былъ маршаломъ Шампани, и имѣлъ еще одного сына Іоанна и трехъ дочерей. Въ 1180 г., Жоффруа, по смерти отца, наслѣдовалъ ему въ его званіи маршала Шампани и поступилъ ко двору графа Гейнриха, связавшаго скоро судьбу своего небольшого графства съ Іерусалимскимъ королевствомъ. Во время похода Ричарда Львиное-Сердце, графъ Шампани, вручивъ родовое владѣніе младшему брату, Тибо, отправился въ Палестину и, при помощи Ричарда получилъ титулъ Іерусалимскаго короля; но въ 1197 г. онъ погибъ отъ паденія изъ окошка въ Птолемаидѣ, и его братъ Тибо вступилъ въ управленіе графствомъ Шампань. Неудивительно потому, что Тибо, какъ братъ Іерусалимскаго короля, скорѣе другихъ изъявилъ готовность къ новому походу въ Палестину, и что въ его графствѣ нашлось болѣе нежели гдѣ-нибудь желающихъ принять крестъ. Не смотря на преждевременную смерть Тибо, его спутники, и вмѣстѣ съ ними нашъ авторъ, присоединились къ Балдуину Фландрскому, женатому на сестрѣ Тибо, и отправились въ походъ, заключившійся завоеваніемъ Константинополя. Во время похода и самой осады города, Жоффруа принималъ участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, а потому хорошо зналъ происходившее въ лагерѣ. По утвержденіи латиновъ въ имперіи, Жоффруа получилъ званіе маршала Романіи и пережилъ правленіе Балдуина I. Его мемуары, начинаясь съ 1198 г., были имъ доведены до 1207 г., когда уже царствовалъ преемникъ Балдуина I, Гейнрихъ; самъ же онъ умеръ въ 1213 году.

Но его имя долго сохранялось на Востокѣ, благодаря подвигамъ его племянника Жоффруа Виллегардуина (сына Іоанна), который умѣлъ завоевать себѣ Ахаію, гдѣ долгое время правило его потомство.

Мемуары Жоффруа Виллегардуина, маршала Шампани и Романіи, „О завоеваніи Константинополя", принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ французской литературы и вмѣстѣ считаются однимъ изъ лучшихъ историческихъ произведеній крестоносной эпохи, которое было написано свѣтскимъ перомъ, что составляло большую рѣдкость въ ту эпоху. — *Изданія:* лучшее сдѣлано Историческимъ обществомъ Франціи, подъ редакціею *Paulin Paris*: De la conqueste de Constantinoble, par Joffroi de Villehardouin et Henri de Valenciennes (его продолжатель). Paris, 1838. — См. изслѣдованіе о Виллегардуинѣ и его времени въ диссертаціи *Медовикова*, „Латинскіе императоры въ Константинополѣ".

V.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

И

ОСАДА ДАМІЕТТЫ.

1217—1220 г.

63.—О крестовомъ походѣ Дѣтей.—1212 г.

(Въ 1810 г.).

Заморскій походъ, предпринятый около 1212 г. и состоявшій изъ дѣтей, хотя и не принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ событій исторіи крестовыхъ походовъ, но тѣмъ не менѣе является чѣмъ-то чрезвычайнымъ. Что учрежденія, внушаемыя духомъ религіи и предназначенныя къ распространенію нашего богопочитанія или къ увеличенію его блеска, не всегда находили предохранительныя мѣры противъ порчи, свойственной всякому человѣческому дѣлу, это составляетъ истину, подтверждаемую многочисленными примѣрами; но чтобы фанатизмъ или духъ злобы могъ имѣть достаточно силы для того, чтобы погасить въ дѣтяхъ естественное сознаніе своей слабости и лишить ихъ своей подпоры, чтобы внушить имъ извѣстную послѣдовательность идей, настойчивость въ рѣшимости, согласіе, требуемое для всякаго предпріятія, соединенными силами нѣсколькихъ лицъ, этому можно повѣрить съ трудомъ, хотя воспоминаніе о подобномъ фактѣ сохранилось у многихъ историковъ. Кому извѣстенъ вкусъ среднихъ вѣковъ къ чудесному, и кто читалъ одно неполное изложеніе крестовыхъ походовъ новѣйшими историками, тотъ прежде всего почувствуетъ наклонность отнести походъ дѣтей къ баснословнымъ приключеніямъ; а потому необходимо собрать вмѣстѣ всѣ свидѣтельства, заслуживающія довѣрія, чтобы внушить вѣру въ подобный фактъ.

Въ этомъ оригинальномъ событіи надобно различать слѣдующія различныя обстоятельства: время, когда оно совершилось, средства, которыя подготовили его, мѣста, бывшія свидѣтелями факта, и его исходъ. Хотя критика не имѣетъ достаточныхъ средствъ, чтобы опредѣлить съ точностію каждый изъ этихъ пунктовъ, однако средневѣковыя хроники доставляютъ намъ показанія довольно обширныя, чтобы удовлетворить благоразумную любознательность.

Относительно времени, современные историки помѣщаютъ этотъ крестовый походъ подъ 1212 годомъ и не позже 1213 г. Если нѣкоторые отодвигаютъ его на десять лѣтъ назадъ или ставятъ впередъ на двѣнадцать лѣтъ, то это очевидная ошибка.

Относительно мѣста, гдѣ зародилось и было исполнено подобное предпріятіе, крестоносцы, какъ кажется, принадлежали къ двумъ на-

родностямъ и составили два отряда, слѣдовавшіе по двумъ противоположнымъ направленіямъ. Одни, отправясь изъ Германіи, перешли Саксонію, Альпы и прибыли къ берегамъ Адріатики; Франція доставила другой отрядъ, который, собравшись въ окрестностяхъ Парижа, проникъ черезъ Бургундію и прибылъ въ Марсель, гдѣ предназначалось сѣсть на корабли.

Для возбужденія этого юношества и чтобы привести его въ движеніе, были употребляемы всякаго рода обаяніе, обольщеніе и разсказы о чудесахъ. По словамъ Винцента изъ Бове, въ то время разсказывали, что Горный Старецъ, воспитывавшій *Арзакидовъ* съ самаго нѣжнаго ихъ возраста, держалъ у себя въ плѣну двухъ клериковъ и возвратилъ имъ свободу съ тѣмъ условіемъ, чтобы они доставили ему мальчиковъ изъ Франціи. Потому думали, что эти дѣти, обманутыя лживыми видѣніями и обольщенныя обѣщаніями тѣхъ двухъ клериковъ, возложили на себя знаменіе креста. Возбудителемъ крестоваго похода дѣтей въ Германіи былъ нѣкто Николай, родомъ изъ Алеманніи. Онъ увѣрилъ массу дѣтей, при помощи ложнаго откровенія, что засуха въ этотъ годъ будетъ такъ велика, что пучины моря обратятся въ сушу, и толпа дѣтей явилась въ Генную съ намѣреніемъ отправиться въ Іерусалимъ, прямо по высохшему дну Средиземнаго моря.

Составъ этихъ отрядовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ мѣрамъ обольщенія. Тамъ находились дѣти всякаго возраста, всякаго званія, даже обоего пола; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли не болѣе двѣнадцати лѣтъ; они проходили по городамъ и деревнямъ, безъ вождей, безъ руководителей, безъ всякихъ запасовъ, съ пустымъ кошелькомъ. Напрасно ихъ родные, ихъ друзья старались удержать, указывая имъ на безуміе подобнаго похода: плѣнъ, на который ихъ осуждали, удвоивалъ ихъ ревность; сломавъ ворота или пробивъ стѣны, они успѣвали ускользнуть и присоединялись къ своимъ толпамъ. На вопросъ о цѣли странствованія, они отвѣчали, что идутъ посѣтить святыя мѣста. Хотя пилигримство, начатое при подобныхъ условіяхъ и обозначившееся всякаго рода преувеличеніями, должно было служить поводомъ скорѣе къ соблазну, чѣмъ къ назиданію, тѣмъ не менѣе, однако, нашлись люди столь мало благоразумные, чтобы видѣть въ этомъ знакъ всемогущества божія. Мужчины, женщины оставляли дома и поля, и присоединялись къ толпамъ бродягъ, думая идти путемъ спасенія; другіе доставляли имъ деньги и припасы, полагая тѣмъ помогать душамъ, вдохновленнымъ Богомъ и руководимымъ чувствомъ живѣйшаго благочестія. Самъ папа, узнавъ о ихъ шествіи, говорилъ, воздыхая: „эти дѣти служатъ намъ упрекомъ за то, что мы погрузились въ сонъ, между тѣмъ какъ они летятъ на защиту Святой Земли“. Если люди дальновидные, въ средѣ духовенства, открыто порицали этотъ походъ, то ихъ осужденіе принималось за безвѣріе и скупость, и потому, для избѣжанія общественнаго презрѣнія, благоразуміе было осуждено на молчаніе.

Между тѣмъ событія доказали, что все предпринимаемое человѣкомъ безъ помощи разума и обсужденія не приводитъ къ счастливому результату; и вскорѣ, говоритъ одинъ современникъ, вся эта толпа

исчезла, *quasi evanuit universa*. Но при этомъ нужно строго отличать судьбу крестоносцевъ нѣмецкихъ и французскихъ, хотя, быть можетъ, часть послѣднихъ также направилась въ Италію.

Достаточно было надѣть на себя крестъ, чтобы быть допущену къ крестовому походу; если въ походахъ, устроенныхъ свѣтскою и духовною властію, вся бдительность церквей и прелатовъ не могла устранить безнравственныхъ людей, то какіе люди должны были попасть въ сборище, образовавшееся безъ всякаго надзора и въ составѣ котораго большинство членовъ, подобно блудному сыну, бѣжало изъ родительскаго дома, чтобы предаться на просторѣ самымъ преступнымъ наклонностямъ? А потому насъ не долженъ удивлять разсказъ Готфрида монаха о томъ, что къ нѣмецкимъ пилигримамъ примѣшивались воры и исчезали, ограбивъ ихъ обозъ и похитивъ приношенія, которыми надѣляли ихъ вѣрующіе. Одинъ изъ такихъ воровъ, бывъ узнанъ въ Кёльнѣ, окончилъ свои дни на висѣлицѣ. Къ этому первому несчастію присоединились тысячи другихъ бѣдствій, бывшихъ неизбѣжнымъ результатомъ отсутствія предусмотрительности въ крестоносцахъ. Утомленіе отъ продолжительнаго пути, жаръ, крайность, погубили бо̀льшую часть. Изъ прибывшихъ въ Италію, одни разсѣялись по деревнямъ, были ограблены жителями и обращены въ рабство; другіе, въ числѣ семи тысячъ, явились предъ Генуею: сначала сенатъ дозволилъ имъ оставаться въ городѣ шесть или семь дней; но, подумавъ впослѣдствіи о безполезности предпріятія, боясь, что такое множество людей произведетъ голодъ, и въ особенности опасаясь того, что императоръ Фридрихъ II, возставшій противъ папы и объявившій войну генуэзцамъ, воспользуется этимъ случаемъ, чтобы произвести какое-нибудь смятеніе, сенатъ приказалъ крестоносцамъ удалиться изъ города. Впрочемъ со временъ Бизарро (писавшаго исторію крестовыхъ походовъ въ XVI вѣкѣ) утвердилось мнѣніе, что республика даровала права гражданства многимъ нѣмецкимъ юношамъ, знаменитымъ по своему происхожденію; впослѣдствіи они пріобрѣли такое значеніе, что вступили въ сословіе патриціевъ; и отъ нихъ, присоединяетъ тотъ же историкъ, ведутъ свое начало многія фамиліи, существующія даже въ наше время, и между которыми въ особенности славится домъ Вивальди. Другіе, сознавъ слишкомъ поздно свое заблужденіе, отправились обратно въ свою сторону; и эти крестоносцы, которые недавно шли многочисленными толпами, съ пѣніемъ гимновъ, назначенныхъ для ихъ воодушевленія, возвращались по-одиночкѣ, лишенные всего, съ больными ногами, испытывая всѣ муки голода и осмѣиваемые населеніемъ городовъ и селъ; при этомъ погибли многія молодыя дѣвушки.

Французскіе крестоносцы имѣли почти такую же участь: ничтожная часть возвратилась, а остальные погибли въ волнахъ или сдѣлались предметомъ спекуляціи для двухъ марсельскихъ купцовъ. Гуго Феррей и Вильгельмъ Поркъ — таковы были ихъ имена—вели съ сарацинами обширную торговлю, значительную вѣтвь которой составляла продажа мальчиковъ. Имъ представился самый благопріятный случай; они предложили пилигримамъ, прибывшимъ въ Марсель, перевезти ихъ на Востокъ безъ всякаго вознагражденія, и предлогомъ къ

такому великодушію выставили свое благочестіе. Это предложеніе было принято съ радостію, и семь кораблей съ пилигримами отплыли къ берегамъ Сиріи. После двухъ дней плаванія, когда этотъ флотъ находился въ виду острова св. Петра, близь Скалы Уединенія, поднялась жестокая буря, и море поглотило два корабля со всѣми ихъ пассажирами. Остальные пять достигли Александріи, и молодые крестоносцы были всѣ проданы сарацинамъ или торговцамъ рабовъ. Калифъ купилъ для себя сорокъ юношей, которые всѣ еще прежде вступили въ различные ордена, и воспиталъ ихъ тщательно въ одномъ уединенномъ мѣстѣ: двѣнадцать изъ нихъ погибли мучениками, не желая отказаться отъ своей религіи. По словамъ одного изъ клериковъ, воспитаннаго калифомъ и получившаго впослѣдствіи свободу, никто изъ юношей не принялъ магометанства; всѣ, оставаясь вѣрными религіи отцовъ, съ твердостію продолжали исповѣдывать ее въ уничиженіи и рабствѣ. Гуго и Вильгельмъ, составивъ позже планъ къ умерщвленію Фридриха II, были открыты и погибли постыдною смертію вмѣстѣ съ тремя сарацинами, своими сообщниками; такимъ образомъ, они нашли въ своемъ жалкомъ концѣ справедливую награду за свою измѣну.

Впослѣдствіи папа Григорій IX построилъ церковь на островѣ св. Петра, въ честь претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и назначилъ двѣнадцать канониковъ для службы въ ней. Тамъ показывали мѣсто, гдѣ были погребены трупы, выброшенные моремъ на берегъ. Что касается до тѣхъ крестоносцевъ, которые пережили всѣ бѣдствія и остались въ Европѣ, то папа не хотѣлъ освободить ихъ отъ обѣта, за исключеніемъ нѣсколькихъ старцевъ или разслабленныхъ: всѣ остальные обязаны были предпринять пилигримство въ зрѣломъ возрастѣ или откупиться милостынею.

Таковъ былъ исходъ крестоваго похода Дѣтей; два составителя хроникъ называютъ его весьма справедливо: *expeditio nugatoria*, *expeditio derisoria*.

Журденъ.

Lettre à M. Michaud.

Журденъ (Jourdain), извѣстный французскій оріенталистъ (род. 1788 г., ум. 1818), составившій себѣ славу сочиненіемъ: La Perse, ou tableau de l'histoire, du gouvernement, de la religion etc. 1814. 5 vol. Вышеприведенное письмо служило его отвѣтомъ Мишо на его вопросъ по этому предмету, и помѣщено въ Eclaircissement, къ т. II „Исторіи крестовыхъ походовъ“ Мишо, на стр. 476 и слѣд. (изд. 1854 г.).

64.—Осада Даміетты крестоносцами, по сказаніямъ очевидца. 1218 г.

(Въ 1219 г.).

Описаніе осады Даміетты крестоносцами составляетъ главную часть содержанія *третьей* книги нашего автора, въ отношеніи которой первыя двѣ [1]) составляютъ введеніе. Но авторъ, прежде нежели онъ приступилъ къ самому дѣлу, въ началѣ книги записалъ въ свою лѣтопись обширное письмо Іерусалимскаго патріарха къ папѣ Иннокентію III; въ этомъ письмѣ, патріархъ, сообразно предписанію папы, представляетъ весьма интересную и обстоятельную картину Саладиновой монархіи по смерти ея основателя, въ началѣ XIII столѣтія, говоритъ о характерѣ и нравахъ дѣтей Саладина, ихъ междоусобіяхъ, и въ заключеніе приводитъ описаніе ихъ владѣній въ отношеніи физическомъ и экономическомъ. Затѣмъ, приступивъ къ разсказу шестого крестоваго похода, предпринятаго Іерусалимскимъ королемъ Іоанномъ Бріенномъ и Андреемъ, королемъ Венгріи, авторъ говоритъ о ихъ неудачныхъ попыткахъ на сухомъ пути, по направленію къ Іерусалиму, и за которыми прошелъ 1217 г.; Андрей Венгерскій, видя однѣ неудачи, вернулся домой, но за то въ Акконъ прибыли новыя силы, а именно, флоты нѣмецкихъ городовъ, которые дали возможность Іоанну Бріенню, въ 1218 г., нанести ударъ исламизму въ самый центръ, а именно, напасть на Египетъ.

Въ годъ отъ воплощенія 1218, въ мѣсяцѣ маѣ, начали прибывать въ гавань Акконъ (Птолемаиду) суда изъ провинціи Кёльна и нѣсколько другихъ судовъ изъ провинцій Бремена и Трира. Такимъ образомъ, всѣ приготовлялись къ приведенію въ исполненіе того плана, который былъ утвержденъ въ Римѣ на Латеранскомъ соборѣ государемъ папою Иннокентіемъ (III), блаженной памяти, и который состоялъ въ томъ, чтобы направить воинство христово на владѣніе Египта. Вслѣдствіе того, въ теченіе мѣсяца мая и послѣ Вознесенія Господня, вооруженные корабли, галеры и другія перевозныя суда изготовились къ отплытію, и Іоаннъ, король Іерусалима, патріархъ, епископы Никосіи и Аккона, Леопольдъ герцогъ Австрійскій, три военные ордена и множество христіанъ, вышли всѣ вмѣстѣ изъ гавани Аккона. Мѣстомъ сбора была назначена Башня Сына Господня, иначе называемая Башнею Пилигримовъ; но когда король, герцогъ и магистры трехъ военныхъ орденовъ приплыли къ тому мѣсту, подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, и армія господня, пустившись впередъ на парусахъ, явилась въ третій день предъ гаванью Даміетты; она не дѣлала высадки и два дня выжидала главныхъ предводителей. Между тѣмъ знатнѣйшіе люди въ арміи собрались близь портика храма, чтобы обсудить, какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ. Нѣкоторые пред-

[1]) См. анализъ и извлеченіе изъ двухъ предыдущихъ выше, въ ст. 43 и 56.

лагали возвратиться назадъ, но наконецъ, сообразно совѣтамъ архіепископа Никосіи, и по всеобщему желанію, мы высадились предъ гаванью Даміетты, подъ предводительствомъ вождя Сарепонта, и вступили въ непріятельскую землю, безъ всякаго пролитія крови и прежде нежели успѣли прибыть съ своими галерами главные вожди, слѣдовавшіе за нами. Въ тотъ же день, около девятаго часа (три часа пополудни), явились наконецъ и они, привѣтствуя насъ и выражая свое изумленіе по тому случаю, что мы уже были заняты размѣщеніемъ своихъ палатокъ. Тѣ же, которые промедлили долѣе предъ Башнею Пилигримовъ, шли по нашимъ слѣдамъ и прибыли къ Даміеттѣ только въ шестой день послѣ нашего отправленія изъ Аккона. Было много и такихъ, которые не успѣли въ свое время окончить сборовъ и отплыли позже; одни изъ нихъ долгое время боролись съ противнымъ вѣтромъ, а другіе, скитаясь по морю въ теченіе четырехъ недѣль и даже больше, пристали наконецъ съ большимъ трудомъ. Архіепископъ Реймса и епископъ Лиможа, оба удрученные годами, остались въ Акконѣ. Этотъ послѣдній заплатилъ скоро свой долгъ природѣ; а первый, сѣвъ на корабль вмѣстѣ съ крестоносцами, чтобы возвратиться домой, умеръ на пути.

Во время нашей высадки, какъ я о томъ только-что говорилъ, какой-то фризъ, поставивъ правое колѣно на землю, а лѣвою рукою потрясая стальное зеркало рабыни, пустилъ имъ въ сарацина, игравшаго на берегу, и поразилъ его на смерть. На встрѣчу намъ выступило только небольшое число сарацинъ. Одинъ изъ нихъ палъ вмѣстѣ съ лошадью, другіе обратились въ бѣгство, и мы безпрепятственно раскинули лагерь между морскимъ берегомъ и рѣкою Ниломъ. Господь сдѣлалъ для насъ и другое чудо, не менѣе важное. Въ минуту нашего прибытія мы могли черпать прѣсную воду въ Нилѣ у самаго его слiянія съ моремъ, а впослѣдствіи намъ часто случалось находить одну соленую воду даже выше, поднимаясь до того зданія, которое отстоитъ отъ Даміетты почти на одну милю.

Нѣсколько времени спустя послѣ прибытія христіанъ, произошло солнечное затмѣніе, почти полное. Хотя такія явленія бываютъ почти всегда при полнолуніи и по причинамъ весьма естественнымъ, ибо и Господь сказалъ (Лук. XXI, 25): „и будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ",— мы объясняли это затмѣніе къ невыгодѣ сарацинъ, полагая, что оно должно предвѣщать пораженіе тѣхъ, которые вѣрятъ въ силу луны и приписываютъ больше значенія ея росту и убыли. У Квинта Курція сказано, что когда Александръ Македонскій, этотъ молотъ вселенной, переправился изъ Греціи въ Азію для борьбы съ Даріемъ и Поромъ, случилось лунное затмѣніе въ то самое время, когда онъ строилъ войско въ боевомъ порядкѣ; Александръ объяснялъ это обстоятельство въ пользу грековъ и къ невыгодѣ персовъ, и, удвоивъ такимъ обарзомъ храбрость своихъ людей, повелъ ихъ въ битву и побѣдилъ Дарія.

Посреди теченія Нила стояла башня, которую слѣдовало намъ взять, чтобы переправиться чрезъ рѣку. Фризы, нетерпѣливые по своему нраву, бросились съ другой стороны, отняли стада у сарацинъ и, желая утвердиться лагеремъ на противоположномъ берегу, стали

крѣпко и вступили въ борьбу съ сарацинами, которые вышли изъ города для отраженія ихъ. Но они должны были изъ повиновенія возвратиться, ибо наши князья считали неудобнымъ оставить въ тылу башню, занятую язычниками и наполненную агарянами (арабами). Между тѣмъ герцогъ Австрійскій и Госпиталиты св. Іоанна изготовили на двухъ судахъ двѣ лѣстницы. Нѣмцы и фризы укрѣпились на третьемъ кораблѣ и построили небольшую башню на вершинѣ мачты, не приставляя къ ней лѣстницы. Ими предводительствовалъ, управлялъ и судилъ графъ Адольфъ изъ г. Монса, мужъ благородный и могущественный, братъ Кельнскаго архіепископа, который умеръ предъ Даміеттою еще до взятія этой башни. Лѣстницы герцога и Госпиталитовъ были приставлены во время празднованія дня св. Іоанна Крестителя, въ первое послѣдовавшее воскресенье; и сарацины сдѣлали страшныя усилія къ сопротивленію. Лѣстница Госпиталитовъ была сломана и пала вмѣстѣ съ мачтою и тѣми воинами, которые стояли на ней; лѣстница герцога была одинаково разбита и почти въ тотъ же самый часъ; отважные рыцари, которые стояли на ней, облеченные въ полное вооруженіе, пали только своимъ тѣломъ, но ихъ души, увѣнчанныя славой мученичества, поднялись къ небу. Египтяне, исполнившись радости, разразились великимъ смѣхомъ и великими криками, били въ барабанъ и трубили въ трубы; въ то же время христіане были поражены горемъ и печалью. Между тѣмъ корабль Тевтоновъ, бросивъ якорь между башнею и городомъ, причинялъ большой вредъ египтянамъ при помощи своихъ стрѣлковъ и въ особенности вредилъ тѣмъ изъ непріятелей, которые занимали мостъ, перекинутый съ башни въ городъ. Съ своей стороны, непріятели сильно нападали на этотъ корабль какъ изъ города, такъ съ башни и съ моста, и бросали въ него греческимъ огнемъ. Наконецъ, этотъ огонь занялся; христіанамъ предстояла опасность сгорѣть, и тѣ, которые защищали корабль, работали съ жаромъ и успѣли потушить пожаръ; послѣ того этотъ корабль, унизанный стрѣлами внутри и извнѣ, на башнѣ, построенной вверху мачты, и въ своихъ снастяхъ, былъ наконецъ отведенъ на прежнее мѣсто, къ величайшей чести христіанъ. Другой корабль Тампліеровъ, снабженный такими же укрѣпленіями и державшійся во время приступа постоянно возлѣ башни, испыталъ равномѣрно большія поврежденія.

Видя тогда, что мы не можемъ овладѣть башнею, ни при помощи своихъ камнеметательныхъ орудій, которыя мы напрасно употребляли въ дѣло въ теченіе многихъ дней, ни посредствомъ обложенія ея, такъ-какъ рѣка представляла большую глубину; ни голодомъ, ибо городъ былъ близокъ къ ней; ни посредствомъ подкоповъ, такъ-какъ вода доходила до самыхъ стѣнъ; но въ то же время, дѣйствуя на глазахъ Господа и повинуясь ему, какъ своему строителю, мы взяли два корабля у нѣмцевъ и фризовъ, не безъ труда связали ихъ вмѣстѣ, прикрѣпивъ надежно другъ къ другу при помощи бревенъ и канатовъ, съ тѣмъ, чтобы они не могли качаться; и потомъ поставили на этихъ корабляхъ четыре мачты и столько же рей (тѣ перекладины, которыми укрѣпляются паруса). На вершинѣ мачтъ мы помѣстили башню, твердо укрѣпленную при помощи реекъ и проч-

ныхъ плетенокъ, чтобы она могла выдерживать дѣйствіе непріятельскихъ машинъ. Башня была обита мѣдью извнѣ и сверху, для предохраненія ея отъ греческаго огня; а подъ башнею мы построили лѣстницу, которая была привязана и вмѣстѣ привѣшена толстыми канатами, и которая выдавалась на тридцать локтей впереди носа. Окончивъ всѣ эти различныя работы въ короткое время и весьма счастливо, мы пригласили знатнѣйшихъ людей въ арміи посмотрѣть, нѣтъ ли какихъ-нибудь недостатковъ, которые могли бы быть восполнены деньгами или человѣческимъ искусствомъ; когда же намъ отвѣчали, что еще никогда не было видано такой деревянной работы на водѣ, то мы сочли полезнымъ подвергнуть ее испытанію. Между тѣмъ мостъ, которымъ проходили враги изъ города въ башню, былъ почти совершенно разрушенъ машинами, дѣйствовавшими постоянно противъ него.

Въ шестой день недѣли, которая предшествуетъ празднику св. Варѳоломея, мы вышли съ босыми ногами и съ полнымъ благочестіемъ, вмѣстѣ со всѣми своими соотечественниками, съ цѣлью совершить процессію въ честь св. Креста. Помолившись уничиженно о помощи свыше, чтобы отклонить отъ дѣла господня всякое чувство ревности и тщеславія, мы пригласили къ участію въ своемъ предпріятіи людей всѣхъ націй, какіе только находились въ нашей арміи, хотя число нѣмцевъ и фризовъ было совершенно достаточно, чтобы наполнить корабли и управлять ихъ движеніемъ. Въ день св. Варѳоломея (24 августа), что пришлось въ пятницу, вода въ Нилѣ сильно прибывала, но, несмотря на всѣ препятствія со стороны теченія, мы успѣли, не безъ большихъ затрудненій и даже опасности, подвести свою машину съ того мѣста, гдѣ она была отстроена, къ самой башнѣ. Корабль, помогавшій намъ въ этомъ предпріятіи, выступалъ впереди, идя на парусахъ. Между тѣмъ духовенство оставалось на берегу съ босыми ногами и обращало къ небу свои мольбы. Когда мы достигли земли, нашъ двойной корабль не могъ быть направленъ къ западному берегу; поднявшись впередъ, мы пристали къ сѣверной сторонѣ, и успѣли наконецъ укрѣпить наши канаты и якоря, несмотря на силу теченія, которое пыталось оттолкнуть насъ. Враги устроили надъ городскими башнями шесть машинъ, и даже болѣе, чтобы дѣйствовать противъ насъ; но уже при началѣ, одна изъ этихъ машинъ была разбита и доведена до бездѣйствія; другія, послѣ нѣсколькихъ ударовъ.... (пропускъ въ манускриптѣ): но нѣкоторые бросали въ насъ безпрерывно камни, падавшіе градомъ. Корабль, стоявшій впереди и у подножья башни, былъ внѣ всякой опасности. Греческій огонь, бросаемый на близкомъ пространствѣ, съ высоты башни, расположенной на рѣкѣ, и издалека, съ городскихъ башенъ, падалъ на него подобно молніи, и могъ внушить ужасъ. Однако, усердно работая, мы успѣли потушить его уксусомъ и пескомъ. Между тѣмъ патріархъ распростерся во прахѣ предъ древомъ Креста, и все духовенство, облеченное въ ризы, стояло съ босыми ногами на берегу и поднимало крики къ небу.

Въ это время защитники башни, при помощи копій, успѣли вымазать масломъ верхнюю часть лѣстницы, потомъ покрыли ее грече-

скимъ огнемъ, и она немедленно воспламенилась; христіане, стоявшіе наверху, прижались къ одному мѣсту, чтобы спастись отъ огня, и обременили своею тяжестію одинъ конецъ лѣстницы, такъ что подвижной мостъ, приложенный впереди, опустился. Знаменосецъ герцога Австрійскаго упалъ съ лѣстницы, и сарацины захватили знамя. Христіане, стоявшіе на берегу, сошли съ лошадей, распростерлись на землѣ съ мольбами къ небу, и ихъ крѣпко стиснутыя руки и исказившіяся черты лица свидѣтельствовали объ отчаяніи, испытываемомъ ими за тѣхъ, которые подвергались столькимъ опасностямъ на столь глубокой рѣкѣ.... (пропускъ въ манускриптѣ) и всего христіанства. При такомъ доказательствѣ живѣйшаго благочестія народа, и когда всѣ поднимали руки къ небу съ мольбами, божественное милосердіе дозволило поднять лѣстницу; слезы вѣрующихъ утушили пламя, и наши, возвративъ себѣ свои силы, напали на защитниковъ башни и мужественно бились мечемъ, копьемъ, палицами и всякимъ другимъ оружіемъ. Какой-то юноша изъ епархіи Люттиха вступилъ первый на башню. Другой фризъ, весьма молодой, держа въ рукѣ цѣпъ, который онъ изготовилъ для битвы, связавъ его на-крѣпко веревкою, поражалъ этимъ оружіемъ направо и налѣво, и, опрокинувъ того воина, который держалъ желтое знамя султана, овладѣлъ этимъ знаменемъ. Другіе тотчасъ послѣдовали за первыми и восторжествовали надъ врагами, которыхъ они считали столь твердыми и столь страшными, пока они сопротивлялись. О неизреченное милосердіе божіе! О восторгъ невыразимой радости христіанъ! Послѣ горя и печали, послѣ слезъ и рыданій, какую мы увидѣли радость, какое торжество! Мы запѣли *Te Deum laudamus*; *Benedictus Dominus Deus Israel* и другія благодарственныя пѣснопѣнія; мы повторяли тысячу разъ громогласно хвалы Господу, и обильныя слезы слились съ восторгами сердца.

Между тѣмъ сарацины, удалившись въ нижнюю часть башни, подложили огонь извнѣ и сожгли всю обшивку; наши, хотя и были побѣдителями, но не могли вынести такого страшнаго пожара и возвратились на свою лѣстницу. Мостъ, который былъ утвержденъ въ нижней части нашей машины, обрушился и упалъ къ подножію башни въ глубину водъ, которыя окружали его со всѣхъ сторонъ; тогда побѣдители приступили съ желѣзными молотами къ небольшой двери башни, а заключенные за нею сарацины защищали ее съ своей стороны. Между тѣмъ тѣ два связанные корабля оставались неподвижными. Большая часть перевязокъ лѣстницы перервалась, и канаты, державшіе твердо тѣ корабли вмѣстѣ, были протерты въ различныхъ мѣстахъ, отъ ударовъ, наносимыхъ имъ машинами. Христіане оставались въ такомъ опасномъ положеніи отъ девятаго часа пятницы до десятаго часа слѣдующей субботы. Но канатъ, которымъ была прикрѣплена лѣстница, оставался нетронутымъ, равно какъ и та небольшая башня, въ которой сидѣли стрѣлки и люди, предназначенные для ея защиты и метанія камней. Наконецъ, сарацины, заключенные въ башнѣ, просили вступить въ переговоры, и сдались герцогу Австрійскому, подъ условіемъ сохраненія жизни; другіе же спасались ночью, выскакивая изъ оконъ своей узкой темницы, но большая часть ихъ

утонула или была убита на водѣ. Въ плѣнъ взято было около ста человѣкъ.

Затѣмъ авторъ описываетъ цѣлый рядъ схватокъ между мусульманами и христіанами, которые были усилены прибытіемъ къ нимъ новаго отряда римлянъ подъ предводительствомъ епископа Альбано, папскаго легата. Христіане, по взятіи башни на рѣкѣ, стараются переплыть Нилъ, чтобы приступить къ осадѣ самой Даміетты, но мусульманскій гарнизонъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ уничтожаетъ всѣ ихъ попытки, и только въ концѣ декабря 1218 г., въ ночь на праздникъ св. Агаты, усилія крестоносцевъ увѣнчались успѣхомъ.

Въ ночь на праздникъ св. Агаты, дѣвы и мученицы, когда собрались вѣрующіе, которые должны были сдѣлать переправу чрезъ рѣку на слѣдующій день, вѣтеръ и дождь много увеличили затрудненіе и опасность такого предпріятія; но Богъ, не допуская своихъ людей подвергнуться испытанію сверхъ силъ, обративъ свой взоръ на лагерь своихъ служителей и возобновивъ чудеса своего могущества, сдѣлалъ легкимъ и пріятнымъ то, что́, при обыкновенномъ ходѣ событій, было бы трудно и даже невозможно. Въ полночь Господь поразилъ султана и его сатраповъ столь великимъ страхомъ, что они, возложивъ всю надежду на бѣгство, оставили лагерь, о чемъ не знали ни мы, ни египтяне, которыхъ они построили въ боевой порядокъ для сопротивленія намъ. Какой-то апостатъ, который уже давно оставилъ христіанскую вѣру и сражался вмѣстѣ съ султаномъ, приблизившись къ берегу, закричалъ по-французски: „Что вы медлите? Почему остаетесь на мѣстѣ? Султанъ ушелъ". При этихъ словахъ, онъ просилъ принять его на небольшое судно христіанъ, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать истину своихъ словъ, и отдался въ наши руки. Съ разсвѣтомъ, когда въ христіанскихъ молельняхъ началась обѣдня, отправляемая въ день того праздника, пѣснопѣніемъ *Gaudeatus omnes in Domino*, то извѣстіе пришло къ легату, королю и всѣмъ другимъ. Вслѣдствіе того, и пока египтяне были заняты бѣгствомъ, наши, соперничая другъ съ другомъ, перешли весело рѣку, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны непріятеля и не проливъ ни одной капли крови. Но дно рѣки было весьма илисто, и глубина водъ до того затруднила переправу на непріятельскій берегъ, что лошади съ трудомъ добрались до него, несмотря на то, что всадники предоставили имъ свободу и сняли съ нихъ сѣдла. Тампліеры вскочили первыми на лошадей, подняли свое знамя и, двинувшись съ нѣсколькими братьями госпиталя св. Іоанна и небольшимъ числомъ свѣтскихъ рыцарей, пустились вскачь по направленію къ городу и были остановлены только у лагеря язычниковъ; встрѣтивъ тамъ около ста-двадцати человѣкъ, они немедленно изрубили ихъ. Мужественный король Іерусалима, сопровождаемый магистромъ и братьями госпиталя, вмѣстѣ съ графомъ Неверскимъ, бросившись преслѣдовать непріятельскую армію и возвратившись безъ всякихъ результатовъ, встрѣтилъ у городскихъ воротъ нѣсколько человѣкъ проклятаго племени, намѣревавшихся сопротивляться ему, и напалъ на нихъ съ яростью, хотя и

имѣлъ малочисленную свиту. Онъ обратилъ ихъ въ бѣгство и опрокинулъ, принудивъ столь могущественныхъ людей показать тылъ и искать спасенія въ городѣ; онъ преслѣдовалъ ихъ безъ устали своимъ побѣдоноснымъ мечемъ до самыхъ городскихъ воротъ. Между тѣмъ братья госпиталя св. Іоанна и графъ Неверскій, не давая себѣ никакого отдыха и собравъ нѣсколько изъ нашихъ, пустились съ обнаженнымъ мечемъ преслѣдовать многочисленный отрядъ непріятелей, по дорогѣ, которая ведетъ въ городъ Танисъ, однихъ умертвили, а другихъ принудили броситься въ воду. „Сѣкира не прославится безъ сѣкущаго его, ни пила безъ того, кто ею пилитъ“ (Ис. X. 15).

Какое чудо можетъ быть сравнено съ этимъ или поставлено рядомъ, кромѣ того, о которомъ мы читаемъ въ книгѣ Царствъ, по поводу Бенадаба, царя Сиріи, собравшаго всѣ свои войска и осадившаго Самарію? Господь поразилъ его такимъ страхомъ, что онъ оставилъ лагерь и обратился въ бѣгство. И точно также какъ тогда, прокаженные, стоявшіе у воротъ, извѣстили самаритянъ о бѣгствѣ сирійцевъ, такъ и теперь одинъ прокаженный, по крайней мѣрѣ душою, а именно апостатъ, о которомъ я уже говорилъ, явился объявить нашимъ о бѣгствѣ египтянъ. И какъ тогда народъ самаритянскій овладѣлъ добычею въ лагерѣ сирійцевъ, такъ и теперь наша армія захватила палатки и богатства бѣглецовъ; и братья госпиталя, бывъ побѣдителями вмѣстѣ съ прочими христіанами, взяли себѣ ихъ щиты, шлемы, желѣзные крючья и всѣ небольшія суда, которыя они нашли на рѣкѣ, ниже вышеупомянутаго зданія. Большое число непріятельскихъ воиновъ, покинувъ своихъ женъ и дѣтей и испуганные неожиданною переправою нашей арміи ушло изъ Даміетты; самый же городъ былъ вскорѣ обложенъ нами со всѣхъ сторонъ и осажденъ съ сухого пути. Наша армія была въ то время раздѣлена на два отряда: одинъ оставался на пескѣ, чтобы охранять какъ берега рѣки, такъ и гавань; другой же предназначался для осады города, который былъ весьма хорошо укрѣпленъ. Необходимость заставила насъ также построить мостъ на быстрыхъ водахъ рѣки Нила, которую невозможно переходить вбродъ; но чѣмъ болѣе мы нуждались въ этомъ мостѣ, тѣмъ болѣе онъ намъ стоилъ расходовъ и трудовъ. Наконецъ, съ божіею помощію, мы устроили такой мостъ на прочныхъ корабляхъ, которые были установлены въ одну линію черезъ рѣку, и такимъ образомъ мы, уничтоживъ гибельное для нашей арміи раздѣленіе, заперли проходъ по рѣкѣ своимъ врагамъ. Вслѣдствіе того городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, и наша армія могла безпрестанно сообщаться съ обоими берегами рѣки, соединенными при помощи того моста.

Небрежность и малодушіе нѣсколькихъ христіанъ, имя которыхъ извѣстно Господу, были причиною того, что враги, возстановивъ свои силы и свою отвагу и вспомоществуемые Нуреддиномъ (султаномъ Алеппо, внукомъ Саладина), который явился къ нимъ съ войскомъ изъ Алеппо и съ многочисленною свитою, овладѣли тѣмъ пунктомъ, на которомъ мы совершили столь чудесный переходъ. Такимъ образомъ, осаждая городъ, мы увидѣли самихъ себя осажденными и преданными величайшимъ опасностямъ; еслибы божественная премуд-

рость впередъ не внушила намъ мысли о необходимости охраненія, при помощи нѣмцевъ и фризовъ, того лагеря, который мы устроили сначала между моремъ и рѣкою, то гавань была бы отнята у насъ, и все наше предпріятіе подверглось бы большой опасности. Но чтобы чудо нашей переправы явилось во всемъ своемъ блескѣ и было приписано одному Богу, сарацины удвоили свое безуміе. Въ субботу на разсвѣтѣ, предъ воскресеніемъ, когда поютъ: *Oculi mei semper ad Dominum*, и когда мы не ожидали столь важной опасности, непріятель приблизился къ намъ толпою и бросился въ наши окопы; но при помощи божіей онъ былъ отбитъ и испыталъ значительную потерю въ конныхъ и пѣшихъ людяхъ.

Послѣ того авторъ дѣлаетъ отступленіе и разсказываетъ, какъ въ началѣ 1219 г. мусульмане, владѣвшіе Іерусалимомъ, срыли всѣ его укрѣпленія и намѣревались разбить Гробъ Господень, но были удержаны отъ того своимъ уваженіемъ къ Іисусу Христу, предписываемымъ Кораномъ. По этому поводу авторъ распространяется о Магометѣ и его ученіи и говоритъ, что мусульманъ слѣдуетъ называть только еретиками, но не сарацинами (подъ этимъ словомъ въ то время разумѣли язычниковъ). Затѣмъ онъ снова обращается къ разсказу объ осадѣ и борьбѣ съ арміею Нуреддина въ началѣ 1219 г.

Въ вербное воскресенье того же года (1219), наши враги, послѣ того какъ они угрожали намъ своимъ предпріятіемъ, въ которомъ они должны были погибнуть сами или истребить насъ, сдѣлали ужасное приготовленіе; двинувшись съ многочисленною арміею конныхъ и пѣшихъ людей, они пошли на насъ и напали со всѣхъ сторонъ на наши окопы, въ особенности же на мостъ Тампліеровъ и герцога Австрійскаго, который соединился съ ними для защиты вмѣстѣ съ своими нѣмцами. Отборные мусульманскіе всадники спѣшились и дали кровавую битву христіанамъ; съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ; наконецъ непріятели бросились на мостъ и сожгли одну его часть. Тогда герцогъ Австрійскій приказалъ своимъ оставить мостъ и предоставить свободный проходъ тѣмъ, которые желали бы двинуться дальше; но непріятель не осмѣлился идти впередъ, изъ страха предъ нашими всадниками, которые построились въ боевой порядокъ съ цѣлью помогать защищавшимъ окопы. Въ теченіе всего этого времени, неустрашимыя женщины приносили сражавшимся воду, камни, вино и хлѣбъ; священники не переставали молиться, перевязывали раны христіанамъ и благословляли Господа. Въ этотъ день намъ не было дано носить другихъ пальмовыхъ вѣтвей, кромѣ арбалетовъ, луковъ и стрѣлъ, копій, мечей и щитовъ; такъ мы были сдавлены и страшно измучены, отъ восхода солнца до двѣнадцатаго часа (то-есть до вечера), тѣми, которые пришли погубить насъ, въ надеждѣ на освобожденіе своего города. Но наконецъ они были обращены въ бѣгство и отступили, претерпѣвъ немалую потерю.

Время весенней переправы наступило. Герцогъ Австрійскій долженъ былъ вернуться домой, послѣ того какъ онъ вѣрно сражался полтора года за Христа, съ благочестіемъ, уничиженіемъ, преданностію и великодушіемъ: помимо прочихъ своихъ расходовъ, онъ далъ

ордену Тевтонскихъ рыцарей, для войнъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, большое число лошадей. Полагаютъ, что онъ подарилъ двѣсти марокъ и даже больше, для покупки земли, и пятьсотъ марокъ золота на постройку новаго зàмка Тампліерамъ. Сверхъ того, герцогъ Австрійскій далъ пятьсотъ марокъ серебра въ пользу того же самаго зàмка, чтобы вывести его стѣны и башни.

Въ началѣ мая пилигримы начали возвращаться толпами, предоставляя насъ на жертву величайшимъ опасностямъ. Но нашъ милосердый и всеблагій Отецъ, нашъ руководитель и наша опора, щитъ всѣхъ тѣхъ, которые возлагаютъ на него свою надежду, и кому легко даровать побѣду какъ съ большимъ, такъ и съ малымъ числомъ людей, и Іисусъ Христосъ не допустили невѣрныхъ напасть на насъ до прибытія новыхъ пилигримовъ, которые стеклись толпами и оказали намъ помощь, въ которой мы такъ нуждались. Съѣстные припасы и лошади, доставленные намъ по волѣ божіей въ изобиліи, распространили радость въ войскѣ вѣрующихъ.

Вѣроломные враги, послѣ того какъ мы, сражаясь, испытали большія потери, въ день Вознесенія Господня напали на насъ, по своему обычаю, съ суши и съ моря. Они возобновляли нѣсколько разъ подобныя попытки, но не могли ничего сдѣлать намъ. Часто они приближались къ самому нашему лагерю, чтобы вызвать нашихъ, и если имъ удавалось причинить намъ зло, то и мы платили имъ тѣмъ же. Однажды наши пѣшіе люди захватили трупъ вѣроломнаго врага, облекли его въ оружіе, какъ живого человѣка, и установили на ногахъ; привязавъ къ туловищу отрубленную голову за волоса, они выставили трупъ за лагеремъ, почти на разстояніе полета копья отъ сарацинъ, которые разъѣзжали по равнинѣ. При видѣ этого, семь сарацинъ выѣхали впередъ въ числѣ трехъ, потомъ явилось еще пять, и наконецъ всѣ семеро бросились на трупъ, желая вызвать тѣмъ христіанъ; но, замѣтивъ вскорѣ, что голова отрублена и держится одними волосами, они отступили предъ христіанами, которые собрались, чтобы напасть на нихъ.

Далѣе авторъ описываетъ въ томъ же родѣ многочисленныя стычки, которыя происходили между христіанами и мусульманами подъ стѣнами Даміетты отъ мая до начала ноября 1219 г.; вспомогательная армія Нуреддина не могла принудить христіанъ снять осаду, а между тѣмъ христіане успѣли довести городъ до самаго отчаяннаго положенія.

Къ тому времени (то-есть къ ноябрю 1219 г.) городъ Даміетта, доведенный до отчаянія сверхъ всякаго вѣроятія или описанія, какъ продолжительностію осады, такъ мечемъ, голодомъ и страшною чумою, возложилъ всю свою надежду на миръ, который былъ обѣщанъ султаномъ. Голодъ дошелъ до того, что не было никакихъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ порченаго хлѣба. Въ Египтѣ зерно сохраняется недолго, вслѣдствіе мягкости грунта, на которомъ оно произрастаетъ; впрочемъ выше Даміетты и въ окрестностяхъ Вавилона (Каира) оно сохраняется цѣлыми годами при помощи какого-то искусства. Мы слышали, что въ ту эпоху одна айва продавалась въ Даміеттѣ за

одиннадцать византиновъ. Голодъ распространилъ между жителями различнаго рода болѣзни; между прочими неудобствами, которыя они должны были переносить, ночью ихъ поражала такая слѣпота, что они не могли ничего видѣть. Султанъ утѣшалъ ихъ ежедневно ложными обѣщаніями и такимъ образомъ удерживалъ отъ сдачи. Они завалили изнутри всѣ ворота, чтобы никто не могъ перейти къ намъ и сообщить, до какой степени бѣдствія они были доведены. Если кому удавалось уйти потаеннымъ проходомъ, или спустившись съ высоты башни при помощи веревокъ, то его распухшее и истомленное голодомъ тѣло говорило намъ краснорѣчиво о той степени бѣдствія, до которой были доведены его соотечественники. Сарацины, нападавшіе на насъ изъ своего лагеря и изъ окрестности, начали равномѣрно испытывать недостатокъ въ хлѣбѣ и въ кормѣ. Нилъ, который обыкновенно поднимается отъ праздника св. Іоанна Крестителя до Воздвиженія Креста, и который заливаетъ въ это время всю равнину, не достигъ нынѣшній разъ своей обычной высоты, къ которой привыкли египтяне, и мы полагаемъ, что вслѣдствіе того бо̀льшая часть земель осталась ненаводненною и потому не могла быть въ свое время ни обработана, ни засѣяна.

Тогда султанъ, опасаясь дороговизны припасовъ и голода, и желая въ то же время удержать за собою Даміетту, заключилъ съ своимъ братомъ Конрадиномъ (Маискъ-Аль-Муадамъ-Шарфеддинъ, племянникъ Саладина и владѣтель Дамаска и Іерусалима) договоръ, въ силу котораго они должны были возвратить намъ св. Крестъ, отнятый у насъ Саладиномъ, св. городъ Іерусалимъ, всѣхъ плѣнниковъ, которые окажутся въ живыхъ во владѣніяхъ Вавилона (Каира) и Дамаска, дать намъ, сверхъ того, достаточную сумму денегъ для возведенія стѣнъ Іерусалима, наконецъ возстановить намъ въ цѣлости королевство Іерусалимское, удержавъ за мусульманами только два за̀мка, Кракъ, и Монреаль, за которые султанъ предложилъ платить дань въ теченіе всего перемирія. Эти два замка, расположенные въ Аравіи, держали въ своей зависимости еще семь другихъ твердынь, и сарацинскіе купцы, равно какъ и пилигримы, отправлявшіеся въ Мекку или возвращавшіеся оттуда, всегда проходили мимо этихъ за̀мковъ; но кто владѣлъ Іерусалимомъ и кто имѣлъ бы при этомъ силу и добрую волю, тотъ могъ сдѣлать много зла обитателямъ этихъ укрѣпленій и разорить ихъ виноградники и ихъ поля.

Король, французы, графъ Лейстеръ и нѣмецкіе вожди стояли упорно на томъ, чтобы всѣ эти предложенія были приняты, какъ полезныя, по ихъ мнѣнію, для христіанства; и, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, ибо они согласились бы принять условія гораздо менѣе выгодныя и которыя имъ предлагались прежде, еслибы не воспротивились другіе, по своему великому благоразумію. Съ другой стороны, папскій легатъ, патріархъ, всѣ италіянскіе вожди и многіе другіе опытные мужи возстали съ успѣхомъ противъ заключенія подобнаго договора, доказывая съ основаніемъ, что прежде всего слѣдуетъ овладѣть городомъ Даміеттою.

Между тѣмъ султанъ тайно ввелъ въ городъ большое число пѣшихъ людей, которые прошли по болотамъ; двѣсти-сорокъ человѣкъ

между ними обратились въ бѣгство; но пока христіане спали.... (пропускъ въ манускриптѣ) вечеромъ въ воскресеніе, послѣ праздника Всѣхъ Святыхъ (1 ноября 1219), они вступили; наконецъ, нашъ караулъ поднялъ тревогу, они были преданы смерти, и мы захватили болѣе трехъ-сотъ плѣнниковъ.

Ноября 5 дня (1219), когда Спаситель правилъ міромъ на землѣ, а епископъ Альбано отправлялъ должность легата апостолическаго престола, городъ Даміетта былъ взятъ, вслѣдствіе нашихъ усилій и нашей бдительности, безъ всякаго договора о сдачѣ, безъ сопротивленія, безъ насилія, грабежа и приступа, чтобы всякому было очевидно, что такая побѣда могла быть приписана одному Сыну божію, который внушилъ своему народу мысль вступить въ Египетъ и распространилъ свою власть надъ этою страною. Пока мы занимали городъ, на глазахъ самого вавилонскаго султана, этотъ послѣдній, по своему обычаю, не осмѣлился проникнуть за наши окопы, чтобы напасть на сподвижниковъ Христа, которые были готовы защищаться. Въ то же время вода въ рѣкѣ значительно поднялась и наполнила наши рвы. Султанъ, придя въ замѣшательство, сжегъ свой лагерь и бѣжалъ. Богъ, собравшій въ третій день воду подъ небесами, самъ отвелъ своихъ воиновъ по морю къ гавани Даміеттѣ и доставилъ ихъ туда въ мѣсяцѣ маѣ въ третій день недѣли. Въ февралѣ и точно также въ третій день недѣли онъ перевелъ ихъ черезъ рѣку, чтобы осадить городъ. Мы можемъ сравнить Даміетту, нѣкогда потопленную землетрясеніемъ, „съ трехъ-лѣтнею юницею, которая громко вопіетъ" (Ис. XV, 5). Мы называемъ ее юницею, по причинѣ ея распущенности нравовъ. Она имѣла въ изобиліи рыбу, птицъ, пастбы, хлѣбъ, сады и огороды; она вела обширную торговлю, занималась морскимъ разбоемъ, утопала въ наслажденіяхъ и грѣхахъ и погибла въ гееннѣ. Но часъ суда насталъ.... (пропускъ въ манускриптѣ). При третьемъ землетрясеніи жители погибли, но городъ остался въ цѣлости. Даміетта была прежде осаждаема греками и латинами, которые оставили свое предпріятіе. Въ этотъ третій разъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ предалъ ее въ руки своихъ служителей, ведомыхъ Іисусомъ Христомъ, который живетъ, царствуетъ, повелѣваетъ и торжествуетъ, который наводняетъ и оплодотворяетъ Египетъ, „и овладѣетъ смущеніе тѣми которые расчесываютъ ленъ и выдѣлываютъ висонъ" (Ис. XIX 9).

За этимъ слѣдуетъ лирическое обращеніе къ городу Даміеттѣ, въ которомъ авторъ упрекаетъ его за грѣхи, бывшіе причиною его паденія; и къ жителямъ города Кёльна, которыхъ авторъ привѣтствуетъ, какъ главныхъ виновниковъ успѣха всей осады:

Возрадуйся ты, страна Кёльна, воздай хвалы Богу, приди въ восторгъ, ибо руки твоихъ обитателей, твои военныя машины, твои воины и твое оружіе, твои припасы и твои сокровища содѣйствовали успѣху этого похода болѣе, нежели все остальное германское королевство. И ты, Кёльнъ, городъ святыхъ, сады котораго дали у себя отпрыскъ лиліямъ дѣвственницъ, розамъ мучениковъ, фіалкамъ испо-

вѣдниковъ вѣры, преклони колѣно для прославленія благочестія твоихъ дѣвъ и вознеси громогласно твои безконечныя благодаренія!

Далѣе авторъ говоритъ объ одной арабской книгѣ, въ которой предсказывалось взятіе Даміетты, о прибытіи пословъ изъ различныхъ странъ съ поздравленіями; описываетъ отчаянное положеніе жителей, измученныхъ голодомъ; разсказываетъ, какъ побѣдители раздѣлили между собою богатства и предались пьянству и всякимъ порокамъ, какъ, не смотря на то, они успѣли овладѣть сосѣднимъ городомъ Танисомъ и какъ, въ началѣ 1220 года, Конрадинъ испыталъ неудачу подъ Даміеттою и вымѣстилъ ее на Палестинѣ. Послѣ такого отступленія, авторъ снова возвращается къ крестоносцамъ.

По возвращеніи того времени года (т.-е. весною 1220 г.), когда короли обыкновенно отправляются на войну, Іоаннъ, король Іерусалима, оставилъ лагерь вѣрующихъ, приводя многочисленные предлоги къ извиненію своего удаленія и обѣщая скоро возвратиться назадъ; но онъ забылъ прошедшее и предался будущему, между тѣмъ какъ Господь разверзъ свою длань и наполнилъ гавань Даміетты всякаго рода богатствами, винами, хлѣбомъ и масломъ; сверхъ того въ Даміетту прибыло большое число пилигримовъ и лошадей, какъ бы для того, чтобы еще болѣе обвинить короля за то, что онъ не продолжалъ предпріятія, начатаго столь счастливо.

Вмѣстѣ съ этимъ шестымъ транспортомъ пилигримовъ явились архіепископы Милана и Крита, епископы Генуи и Реджіо и послы короля Фридриха (II, Германскаго), которые доставили грамоты отъ него съ золотыми печатями и возвѣстили о его прибытіи. Также прибылъ епископъ Бресчіи и многіе италіянскіе рыцари. Легатъ, видя во всемъ этомъ особенную благодать божественнаго милосердія, которое доставило всѣ средства къ обезпеченію успѣховъ дальнѣйшаго похода, былъ снѣдаемъ горестію и печально смотрѣлъ на то, какъ безполезно терялось время и упускались благопріятныя обстоятельства. Вслѣдствіе того всѣ знатные были призваны къ совѣщанію, и сначала легатъ, а за нимъ архіепископъ Милана и прочіе епископы употребили всѣ свои усилія, чтобы склонить къ походу противъ султана, который стоялъ лагеремъ на берегахъ Нила, на разстояніи одного дня пути отъ Даміетты; но рыцари, по совѣщаніи, отвергли всѣ эти предложенія, оправдывая свой отказъ главнымъ образомъ тѣмъ, что король Іерусалима удалился самовольно, и что между ними не было ни одного князя, который былъ бы въ состояніи руководить народомъ божіимъ, и которому люди различныхъ націй хотѣли бы повиноваться. Такимъ образомъ всѣ рѣшились оставаться въ покоѣ, и чрезъ то возросли бѣдствія въ нашемъ лагерѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прибылъ графъ Матвѣй изъ Апуліи, ведя за собою восемь галеръ, изъ которыхъ двѣ были вооружены для нападенія на христіанъ: онъ успѣлъ захватить ихъ во время своего переѣзда.

Епископъ Яковъ Витрійскій.

Historia Orientalis. Libri. III. 622—1219.—Кн. III.

Епископъ Аккона Яковъ Витрійскій (Jacobus de Vitriaco, Acconensis, deinde Tusculanus episcopus, род. около 1180 г. и ум. въ 1244 г.) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ писателей крестоносной эпохи, по той наблюдательности, съ которою онъ излагаетъ видѣнное имъ въ странахъ чужеземныхъ. Бывъ уроженцемъ города Витри, около Парижа, онъ обратилъ на себя вниманіе папы Иннокентія III и, по его порученію, проповѣдывалъ въ 1210 г. походъ противъ альбигойскихъ еретиковъ. Его имя сдѣлалось столь извѣстнымъ, что жители города Аккона, въ Палестинѣ, избрали его своимъ епископомъ. Въ новомъ званіи, онъ обнаружилъ большую дѣятельность на пользу Св. Земли, писалъ нѣсколько разъ въ Европу, возбуждая западные народы къ походу въ Іерусалимъ, и самъ принималъ участіе въ войнахъ съ невѣрными. Наконецъ, Яковъ Витрійскій рѣшился быть историкомъ видѣннаго имъ, и оставилъ намъ въ трехъ книгахъ „Восточную исторію"; въ своемъ „Прологѣ", онъ самъ объясняетъ причины, побудившія его взяться за такой трудъ (см. выше, на стр. 451). Въ первой книгѣ авторъ является въ роли путешественника и описываетъ Востокъ въ отношеніи этнографическомъ и культурномъ; во второй книгѣ онъ представляетъ картину нравственнаго упадка западнаго общества; и, наконецъ, въ третьей излагаетъ исторію пятаго крестоваго похода или осаду Даміетты. Многіе полагаютъ, что эта третья книга не принадлежитъ нашему автору и составляетъ письмо Оливера Схоластика, написанное имъ своимъ согражданамъ, жителямъ г. Кёльна, которые играли важную роль при взятіи Даміетты; но авторъ положительно упоминаетъ въ своемъ Прологѣ о третьей книгѣ, и кромѣ того ея содержаніе во многихъ мѣстахъ буквально сходно съ сохранившимся письмомъ Якова Витри въ Лотарингію, гдѣ онъ описываетъ также взятіе Даміетты.

Такъ-какъ Даміетта скоро была отнята у христіанъ, и западные народы совершенно охладѣли къ крестовымъ походамъ, то Яковъ Витрійскій, огорченный неудачами, сложилъ съ себя званіе епископа, удалился въ Италію и умеръ тамъ епископомъ Тускулана и кардиналомъ римской церкви, въ 1244 году.

Изданія: Книги I и II изданы у *Bongars*, Gesta Dei per Francos, I, 1047—1145 стр.; книга II—у *Gretser*, Hortus crucis, III.—*Переводы:* франц. у *Guizot*, Coll. XXII. съ предисловіемъ.

VI.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ВОЗВРАЩЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

1227—1228 г.

65. — Борьба Фридриха II съ Григоріемъ IX, предъ его походомъ въ Палестину. 1227—28.

(Въ 1857 г.).

Императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ, женившись на Іолантѣ, дочери и наслѣдницѣ Іерусалимскаго короля Іоанна Бріеннскаго, обязался еще въ 1225 г. договоромъ въ Санжермано съ папою Гоноріемъ III предпринять крестовый походъ въ Палестину не позже августа 1227 года. Марта 18, въ 1227 г., скончался Гонорій III, а мѣсто его занялъ 80-лѣтній, но энергическій племянникъ Иннокентія III, кардиналъ Гуголино, принявшій имя Григорія IX. Фридрихъ II дѣйствительно началъ дѣлать всѣ приготовленія къ отъѣзду, но, встрѣтивъ въ обществѣ большое равнодушіе, съ трудомъ собралъ деньги и людей; однако при всемъ томъ сѣлъ на корабль и отправился въ Палестину. Необыкновенно жаркое лѣто причинило императору болѣзнь, и послѣ 3 дней плаванія онъ возвратился назадъ въ Пуццеоли, гдѣ намѣревался ваннами подкрѣпить свое здоровье. Между тѣмъ собранное имъ войско разсѣялось, и главная статья Санжерманскаго договора должна была остаться неисполненною.

Когда папа Григорій IX, находившійся въ то время (сент. 1226 г.) въ своемъ помѣстьѣ Ананьи, получилъ извѣстіе о внезапномъ возвращеніи Фридриха II въ южную Италію, онъ не могъ сдержать своего гнѣва и досады, и въ силу Санжерманскаго договора отлучилъ императора отъ церкви, 29 сентября 1227 года. Для оправданія такого рѣшительнаго поступка, онъ изложилъ подробно въ окружномъ посланіи тѣ отношенія, въ которыхъ находился папскій дворъ къ Фридриху.

„Судно св. Петра, писалъ папа, плыветъ по необъятному морю, или лучше сказать оно брошено на произволъ всякой непогоды. Буря и волны одолѣваютъ его съ такою силою, что гребцы и кормчій, обливаемые потокомъ дождя, едва переводятъ дыханіе, едва могутъ избѣгнуть Харибды, едва уходятъ отъ Сциллы. Случится ли судну съ попутнымъ вѣтромъ на всѣхъ парусахъ торопиться въ гавань, какъ налетаетъ шквалъ въ противоположномъ направленіи, и волны, кружась, отбрасываютъ его снова въ море. Но вода только заливаетъ его, а не

топитъ: ибо Господь, поселившійся на этомъ суднѣ и пробужденный криками своихъ учениковъ, изгоняетъ злыхъ духовъ, начинаетъ повелѣвать моремъ и вѣтрами, и наступаетъ тишина. Главнымъ образомъ это судно одолѣвается бурями четырехъ родовъ: первая буря та, что вѣроломная шайка язычниковъ стремится удержать въ своей власти землю, орошенную кровью Христа; далѣе, ярость тирановъ стремится къ уничтоженію свободы церкви; безуміе еретиковъ хочетъ раздирать нераздѣльныя ризы Спасителя; наконецъ, коварныя козни лжебратьевъ поражаютъ и наносятъ раны сердцу вѣрующихъ, и церковь въ то время, когда она думаетъ вскормить на груди своей сына (папа намекаетъ прямо на Фридриха II, воспитанника Иннокентія III), готовитъ себѣ огнь. зміевъ или *василисковъ* [1]), которые ищутъ своимъ ядовитымъ укушеніемъ истребить все на свѣтѣ. Чтобы умертвить чудовищъ подобнаго рода, уничтожить силу враговъ и укротить ярость волнъ, римская церковь отдаляетъ нынѣ изъ нѣдръ своихъ императора Фридриха; она его приняла изъ утробы матери, вскормила своею грудью, носила на рукахъ своихъ, исторгнула изъ рукъ тѣхъ, которые посягали на его душу, съ чрезвычайными усиліями и пожертвованіями выростила его и возвела въ королевское достоинство (въ Неаполѣ), а потомъ поставила на вершинѣ императорскаго величія: и все это церковь сдѣлала въ надеждѣ найти въ немъ посохъ защиты и опоры въ преклонномъ возрастѣ. Но Фридрихъ заплатилъ церкви такою неблагодарностью, какую только можетъ ожидать мать отъ своего сына!

„Безъ разрѣшенія папы, безъ его согласія, онъ самъ по собственному побужденію принялъ въ Германіи крестъ, и когда Гонорій (III) пригласилъ его вѣнчаться императорскою короною, въ противность прежнему обычаю, по которому короли обыкновенно сами просили папу о томъ чрезъ знатное посольство, Фридрихъ повторилъ свой обѣтъ и даже настаивалъ на томъ, чтобы и онъ, и всѣ пилигримы были отлучены отъ церкви, если не предпримутъ въ условленный срокъ похода. Но онъ три раза находилъ предлоги къ отсрочкѣ предпріятія, и Гонорій три раза, вмѣсто того, чтобы отлучить его, соглашался на промедленіе за новыя обѣщанія и новыя клятвы. Къ нему питала довѣріе церковь; ему довѣряли пилигримы, стекавшіеся радостно и большими толпами въ Брундузій. Но они не нашли тамъ обѣщанныхъ приготовленій, ни съѣстныхъ припасовъ или прочаго необходимаго для похода; а такъ-какъ императоръ противозаконно отложилъ отплытіе на самое жаркое время, то вслѣдствіе того появились болѣзни, похитившія самыхъ лучшихъ бойцовъ. Наконецъ, когда было упущено время, Фридрихъ отправился въ походъ, но черезъ нѣсколько дней возвратился, забывъ при этомъ свои обѣты, клятвы, наказаніе и самое дѣло Христа, и предался обычнымъ увеселеніямъ въ своемъ государствѣ. Такъ пало великое предпріятіе, такъ обманулся цвѣтъ вѣрующихъ въ

---

[1]) *Regulos*, переводъ съ греч. βασιλίσκος; папа прибѣгнулъ къ игрѣ словъ: василискъ, т.-е. змѣй, и уменьшительное отъ βασιλεύς, царёкъ; говоря такъ, папа опять разумѣлъ Фридриха II.

своихъ надеждахъ; но міръ не былъ обманутъ ничтожными и пустыми предлогами, за которыми укрывался императоръ.

„Намъ больно то, что вскормленникъ церкви, возвеличенный ею сынъ, столь презрѣннымъ образомъ погрузился въ бездну стыда и срама, безъ войны и борьбы съ непріятелемъ; а судьба несчастныхъ пилигримовъ и заброшенной Святой Земли лежитъ еще болѣе у насъ на сердцѣ. Итакъ, чтобы не уподобиться нѣмымъ псамъ, и не дать мысли, что мы людей чтимъ болѣе Бога, мы произнесли отлученіе надъ императоромъ. Впрочемъ, уповая на милосердіе божіе, которое никому не желаетъ погибели, мы надѣемся, что это спасительное средство откроетъ ему духовныя очи. Принеся покаяніе, онъ, возлюбленный нами съ первыхъ дней своей юности, легко найдетъ у насъ прощеніе: но въ случаѣ упорства, его ожидаютъ тягчайшія наказанія, чтобы онъ понялъ, что заповѣдь господня стоитъ выше произвола императора“...

Еще до полученія этого посланія, Фридрихъ II отправилъ къ папѣ епископовъ города Реджіо и Бари, и Райнольда Сполеттскаго, съ тѣмъ, чтобы они разсказали ему все дѣло и оправдали его; но Григорій IX или не вѣрилъ словамъ, или считалъ открытую вражду лучше сомнительной дружбы, или наконецъ просто хотѣлъ слѣдовать болѣе своимъ прежнимъ планамъ, нежели новымъ соображеніямъ, и 11 ноября, а потомъ въ день Рождества 1227 г. подтвердилъ произнесенное имъ отлученіе. Фридрихъ, котораго, конечно, встревожило первое отлученіе папою, разосланное по всѣмъ концамъ христіанскаго міра, не сдался однако, ибо ему не удалось легко и скоро примириться съ своимъ соперникомъ, и съ своей стороны разослалъ грамоту съ опроверженіемъ; послѣ объясненія предшествовавшихъ событій, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Я не прибѣгалъ къ пустымъ предлогамъ, какъ въ томъ меня упрекаетъ папа, и безъ всякаго дурного намѣренія не отправился въ походъ, но именно потому что—Богъ тому свидѣтель—меня постигла тяжкая болѣзнь. Это служитъ оправданіемъ моего послѣдняго промедленія, а всѣ прежнія условія, отсрочки и т. п. не требуютъ новыхъ для себя оправданій, ибо папа, этотъ строгій блюститель, согласился на нихъ и принялъ ихъ во вниманіе. Упоминая о томъ злоумышленно, онъ можетъ обмануть только незнающихъ, но не найдетъ въ томъ справедливаго основанія упрекать меня. Мое же частое повтореніе обѣтовъ и мое настоящее слово свидѣтельствуютъ только о твердости и неизмѣнности моего намѣренія; но скоро самое дѣло разсѣетъ всякое сомнѣніе и ясно обнаружитъ: дѣйствительно ли у папъ такъ лежитъ на сердцѣ благосостояніе Святой Земли, преимущественно передъ всѣмъ прочимъ, или они болѣе всего думаютъ о томъ, какъ погубить меня?

„Я сознаюсь неохотно, но и не могу скрыть, что надежда обманула какъ многихъ, такъ и меня. Повидимому, приближается конецъ міра, ибо любовь, всѣмъ управляющая и все содержащая, начинаетъ изсякать, и не только въ побочныхъ ручьяхъ, но въ самомъ своемъ источникѣ, не только въ отпрыскахъ, но и въ самомъ деревѣ и въ его корнѣ. Развѣ несправедливое отлученіе папами графа Тулузскаго

(во времена альбигойскихъ войнъ) и другихъ князей не подавило ихъ до того, что они впали въ рабство? Развѣ не Иннокентій Третій побудилъ англійскихъ бароновъ къ возстанію противъ ихъ короля Іоанна (Безземельнаго), какъ противъ врага церкви? Но когда смирившійся король подчинилъ постыднымъ образомъ и себя, и свое государство римской церкви, папа, желая съ нечестивою жадностью упитаться муками страны, предалъ всякому поруганію и даже смерти тѣхъ самыхъ бароновъ, которыхъ прежде поддерживалъ и возбуждалъ, отложивъ при этомъ въ сторону всякій стыдъ предъ людьми и всякій страхъ предъ Богомъ. Вотъ римскій образъ дѣйствія, и я испыталъ его на самомъ себѣ. Подъ сладкими рѣчами, гдѣ медъ льется на медъ, масло на масло, чтобы тѣмъ обольстить и склонить, скрывается ненавистный кровопійца, и римскій дворъ—неужели это истинная церковь! — называя себя моею матерью и кормилицей, она дѣйствуетъ какъ мачиха, и потому можетъ быть названа началомъ и корнемъ всякаго зла. Ея послы ходятъ постоянно по всѣмъ землямъ и вяжутъ, рѣшатъ, наказываютъ произвольно; при этомъ они имѣютъ въ виду не сѣять и возрастать истинныя сѣмена слова божія, но, какъ волки въ овечьей шкурѣ, стремятся поработить освобожденныхъ, потревожить миролюбивыхъ и повсюду выжимать деньги. Они не щадятъ ни св. церквей, ни убѣжищъ убогихъ, ни жилищъ праведныхъ, которыя созданы нашими предками въ простотѣ и благочестіи ихъ сердца. Та первая церковь, которая произвела на свѣтъ столькихъ угодниковъ, была основана на бѣдности и невинности, и другого основанія, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа, никто не можетъ ни найти, ни положить. Теперь же, когда латинская церковь утопаетъ въ богатствѣ, опирается на него, зиждется имъ, надобно опасаться, чтобы не обрушилось все ея зданіе! Если римской имперіи, предназначенной къ охраненію христіанства, будутъ угрожать враги и невѣрные, императоръ схватится за мечъ и будетъ знать, чего требуютъ его честь и званіе; но если отецъ всѣхъ христіанъ, преемникъ апостола Петра, намѣстникъ христовъ, забывъ, что мы спасли одного изъ его преемниковъ отъ рукъ Оттона (IV Вельфа), возбудитъ противъ насъ враговъ повсюду: на что мы должны тогда надѣяться? что начать? Развѣ въ наше время люди отвергнутые и неблагородные, не простираютъ своихъ грязныхъ рукъ къ королевскимъ и императорскимъ титуламъ? Папы хотятъ перевернуть весь міръ, чтобы видѣть у ногъ своихъ императоровъ, королей и князей. Теперь и мы знаемъ, чего папа добивается отъ насъ, и отъ подданныхъ не сокрыто, насколько они могутъ разсчитывать на помощь церкви, если они вздумаютъ отречься отъ повиновенія законной власти. А потому весь міръ долженъ соединиться къ ниспроверженію этой неслыханной тиранніи, и къ уничтоженію всеобщей опасности: ибо никто не избѣгнетъ погибели, если забудетъ или опуститъ помочь несправедливо угнетенному; знай, если огонь обхватилъ стѣну сосѣда, дѣло идетъ о тебѣ (tua res agitur)".

Такъ выражалъ императоръ, въ порывѣ негодованія и сознавая свои силы, тѣ убѣжденія, которыя въ немъ сложились и укрѣпились; они стояли въ прямомъ противорѣчіи съ основоположеніями господствовавшей церкви, и потому рѣчь могла идти не о примиреніи, а о пере-

миріи на время. На днѣ всего продолжалъ господствовать разрывъ, и чрезъ всѣ событія той эпохи тянется непрерывно борьба *за независимость государства отъ церковной власти.* Этотъ мотивъ слышится вездѣ, и императоръ не хотѣлъ, да и не могъ, обойти задачу своего времени. Каковы бы ни были мнѣнія отдѣльныхъ личностей объ этомъ предметѣ, борьба представлялась ему возвышенною и задача въ высшей степени важною: дѣло шло не о какомъ-нибудь второстепенномъ, личномъ недоумѣніи или о ничтожномъ спорѣ за право, которое легко было бы устранить перестановкою словъ, но о предметѣ, который долженъ былъ имѣть вліяніе на судьбу цѣлаго человѣчества, подготовить и установить будущее грядущихъ вѣковъ.

При прямомъ противорѣчіи показаній историковъ, трудно вполнѣ удовлетворительно разъяснить въ ссорѣ папы съ императоромъ тотъ второстепенный фактъ, изъ котораго папа дѣлалъ обвинительный пунктъ, а Фридрихъ II приводилъ его въ свою защиту, а именно болѣзнь императора. Но, принявъ въ соображеніе многое изъ предыдущаго и послѣдующаго, мы можемъ придти къ слѣдующимъ, въ высшей степени правдоподобнымъ заключеніямъ. Императоръ, оставаясь вѣрнымъ своему слову, желалъ похода, но подъ условіемъ имѣть къ тому достаточную силу и полную увѣренность въ успѣхѣ; а потому, въ случаѣ недостаточныхъ средствъ къ войнѣ, онъ, отложивъ въ сторону фанатизмъ и религіозную ненависть, весьма охотно вступилъ бы даже въ переговоры съ мусульманами, еслибы только могъ этимъ путемъ достигнуть желаемой цѣли. Но противъ такого умѣреннаго взгляда на дѣло возстали всѣ тѣ, которые считали вѣчную войну съ невѣрными первою обязанностью христіанина. Фридрихъ не хотѣлъ и не могъ раздѣлять такое убѣжденіе даже и тогда, когда крестоносцы собрались въ Брундузіѣ и Гидрунтѣ, сверхъ всякаго ожиданія, въ большомъ числѣ. Къ сожалѣнію, большинство ихъ было весьма невоинственно и, сверхъ того, нуждалось во всемъ; кораблей, съѣстныхъ припасовъ и денегъ было недостаточно, не смотря на то, что императоръ позаботился о всемъ этомъ сверхъ того, къ чему его обязывали договоры съ папою. Его противники, сознавая все это и видя, что открывшіяся въ войскѣ болѣзни были естественнымъ послѣдствіемъ жаркаго времени, тѣмъ не менѣе, однако, утверждали, что императоръ имѣлъ намѣреніе приказать отравить Лудовика VI, Туринскаго ландграфа, между тѣмъ какъ такое преступленіе, помимо всякой нравственности, не могло имѣть никакой цѣли и было бы простымъ безуміемъ. Не болѣе основательно было сомнѣніе въ собственной болѣзни Фридриха, въ высшей степени вѣроятной при томъ положеніи дѣлъ; онъ самъ свидѣтельствовалъ о ней торжественно, и, повидимому, сами папскіе послы подтверждали ее. Что императору его болѣзнь была кстати, при ежедневномъ уменьшеніи численности его арміи, что, можетъ быть, онъ и безъ болѣзни возвратился бы, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, это совершенно другой вопросъ. Если Григорій отвѣчалъ и на него утвердительно, то въ такомъ случаѣ ему не слѣдовало обвинять императора въ публичной *лжи*, чрезъ что ссора могла бы только принять весьма дурной оборотъ. Притомъ, по Санжерманскому договору, Фридрихъ II самъ себя осуждалъ на отлученіе безъ всякихъ

оговорокъ, если только онъ не отправится въ Палестину въ августѣ 1227 года; онъ считался бы отлученнымъ даже прежде, нежели Григорій успѣлъ бы издать свою буллу; Фридрихъ долженъ былъ обвинять одного себя, что этотъ необдуманный договоръ не оставлялъ ему никакого исхода и не допускалъ никакого извиненія, но осуждалъ безусловно. А потому Григорій сдѣлалъ ошибку, произнеся отлученіе не въ силу одного договора, но приводя спеціальные доводы тому, на что онъ имѣлъ полное право; между тѣмъ онъ безъ всякой нужды коснулся извиненій императора и провозгласилъ ихъ ложью. Потому императоръ былъ въ правѣ считать себя оскорбленнымъ, и дѣло пошло не о томъ, что могло бы его извинять, а о томъ, *справедливо* ли то, на что императоръ сослался.

Въ пользу Фридриха говорила та искренность, съ которою онъ дѣйствовалъ на пользу крестоваго похода, какъ прежде, такъ и нынѣ. Такъ, онъ отправилъ посломъ къ египетскому султану архіепископа Палермо; графъ Ѳома изъ Аквино и Ацерры еще осенью 1227 года благополучно прибылъ въ Палестину съ частью пилигримовъ; всѣ вассалы и землевладѣльцы государства были приглашены доставить къ веснѣ или людей, или деньги. Не смотря на все это, папа запретилъ всѣмъ прелатамъ и духовнымъ, подъ страхомъ отлученія, доставлять что бы то ни было императору; такимъ строгимъ и несвоевременнымъ запрещеніемъ папа возстановилъ противъ себя и мірянъ, которые и безъ того были мало расположены къ его духовной власти, и благочестивыхъ защитниковъ крестоваго похода. Даже нѣкоторые изъ духовныхъ считали несправедливымъ повиноваться въ этомъ случаѣ папѣ, другіе же просто боялись императора, а многіе, желавшіе воспользоваться тѣмъ распоряженіемъ папы, увидѣли себя въ затруднительномъ положеніи, когда Фридрихъ объявилъ папскую буллу ничтожною и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ отобрать у нихъ ихъ наложницъ, ссылаясь при этомъ на необходимость слѣдовать строго въ этомъ отношеніи предписаніямъ церкви. Вскорѣ и самъ папа почувствовалъ на себѣ всю тяжесть вражды съ императоромъ.

Еще весною 1227 г., Фридрихъ, помогая жителямъ Рима, страдавшимъ отъ голода, отправилъ въ ихъ пользу значительный грузъ съ хлѣбомъ, и другими различными средствами доказалъ имъ свое расположеніе. Въ настоящую же минуту посолъ императорскій, Роффридъ Беневентскій, съ согласія сената и народа, прочелъ громогласно на Капитоліѣ оправдательное письмо Фридриха, и чрезъ то увеличилъ еще болѣе число его приверженцевъ. У могущественной фамиліи Франджипани, которая никогда не была расположена къ папамъ, императоръ купилъ ихъ имѣніе и отдалъ имъ же въ ленъ безденежно. Вслѣдствіе того, Франджипани стали во главѣ друзей императора и громко порицали поступокъ папы. Когда же Григорій, не обращая на то ни малѣйшаго вниманія, во второй день Пасхи, 27 марта 1228 г., еще разъ произнесъ въ церкви св. Петра отлученіе надъ императоромъ, освободилъ его подданныхъ отъ присяги и лишилъ его владѣній въ Апуліи, сначала раздался ропотъ, потомъ крики, брань и хула, такъ что папа, съ трудомъ избѣгнувъ личныхъ оскорбленій, долженъ былъ бѣжать чрезъ Ріети въ Перуджію.

Въ это же время Фридрихъ торжественно отпраздновалъ въ Бароли Пасху; до него дошли слухи, что графъ Ѳома Ацеррскій одержалъ побѣду, и что султанъ Дамаска. Моаттамъ, умеръ. Вслѣдствіе того императоръ повелѣлъ маршалу Ричарду сѣсть на суда съ 500 рыцарей и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ собственному отплытію. Въ народномъ собраніи, подъ открытымъ небомъ, такъ-какъ ни одно зданіе не могло вмѣстить въ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ, были обнародованы и клятвою подтверждены слѣдующіе пункты, какъ послѣднія распоряженія императора: „Всѣ сословія и подданные обязуются жить мирно и по закону. Герцогъ Райнольдъ Сполеттскій назначается намѣстникомъ. Если императоръ умретъ въ походѣ, то ему наслѣдуетъ старшій сынъ Гейнрихъ, а потомъ Конрадъ; если же не будетъ ихъ, ни другихъ родственниковъ по мужской линіи, то власть переходитъ къ законнымъ дочерямъ".

Устроивъ, такимъ образомъ, все внутри, приготовивъ флотъ и войско, Фридрихъ внезапно лишился императрицы Іоланты, вслѣдствіе ея болѣзни отъ родовъ. Но это обстоятельство не удержало Фридриха отъ исполненія его намѣреній; онъ сѣлъ на корабль 28 іюня 1228 года, и послѣ благополучнаго плаванія присталъ сначала къ Кипру, а потомъ, 7 сентября, высадился въ Акконѣ.

Фридрихъ фонъ Раумеръ.

Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. Leipz. 1857.—III, 184-192.

Фридрихъ фонъ Раумеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ, сынъ агронома, родился близь Дессау въ 1781 году. Кончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ Галле, онъ вступилъ на судебное поприще и до 1811 года занимался службой; но въ эту эпоху Раумеръ успѣлъ составить себѣ литературное имя трудами: 1) Sechs Dialoge über Krieg und Handel. Berl. 1806; 2) Das Brittische Besteuerungssystem. Berl. 1810 и др. Двѣ послѣднія работы: „Рѣчь Эсхина и Демосѳена о вѣнцѣ" (Berl. 1811) и „Генеалогическія таблицы Арабовъ и Турокъ" (Heidelb. 1811) доставили ему каѳедру въ Бреславскомъ университетѣ. Новые труды: 1) Handbuch merkwürdiger Stellen aus den lateinischen Geschichtschreibern Mittelalters. Bresl. 1813, т. е. „Ручная книга замѣчательныхъ мѣстъ изъ латинскихъ средневѣковыхъ историковъ", гдѣ Раумеръ издалъ въ *латинскомъ подлинникѣ* небольшие отрывки изъ историческихъ писателей среднихъ вѣковъ до конца XIII вѣка; и 2) Herbstreise nach Venedig. Berl. 1816. 2 vol.— доставили Раумеру мѣсто профессора политической экономіи и исторіи въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ онъ и читалъ лекціи до 1861 года. Въ эту эпоху Раумеръ и издалъ свой трудъ, который доставилъ ему всю его славу, а именно: „Исторія Гогенштауфеновъ и ихъ времени"; она была издана въ Лейпцигѣ, въ 6 томахъ, 1823—1825; третье и послѣднее изданіе: Berl. 1857. Первая книга перваго тома посвящена исключительно Востоку отъ раздѣленія Ѳеодосіемъ имперіи, 395 года, до смерти Готфрида Бульонскаго, 1100 г. Вторая книга дѣлаетъ подробный обзоръ исторіи Германіи въ первой половинѣ XI вѣка до

второго крестоваго похода Конрада III, 1146 г. Наконецъ, въ третьей книгѣ перваго тома изложена исторія Палестины отъ Готфрида Бульонскаго до конца второго крестоваго похода и смерти Конрада III, 1152 г. Второй томъ заключаетъ въ себѣ исторію Германіи, начиная отъ вступленія Фридриха I Барбаруссы до смерти его сына Филиппа I (1152—1209 г.). Третій томъ продолжаетъ исторію Германіи, прерывая правленіе Фридриха II нападеніемъ монголовъ (1209—1241). Наконецъ, четвертый томъ кончаетъ исторію Германіи при послѣднихъ Гогенштауфенахъ; авторъ останавливается на казни Конрадина и смерти Лудовика IX Св. (1241—1270 г.). Пятый и шестой томъ составляютъ самую важную часть всего труда, гдѣ авторъ весьма обстоятельно излагаетъ юридическій бытъ Германіи въ XII и XIII вѣкѣ, ея экономическія условія, интеллектуальное развитіе, домашній складъ жизни и нравы, наконецъ положеніе церковнаго общества, его отношеніе къ мірянамъ, управленіе лицъ и имуществъ, монастыри и т. д.

Къ менѣе замѣчательнымъ трудамъ относятся: 1) Geschichte Europas seit dem Ende des XV Jahrh. 1832—50. Bänd. I—IX; 2) Briefe aus Paris und Frankreich. Leipz. 1830. 2 vol.; 3) Vorlesungen über die alte Geschichte. Leipz. 1847. 2 vol.; 4) Die Vereinigten Staaten von Nordamerica. 1845. 2 vol.; 2) Briefe aus Frankfurt und Paris. Berl. 1849. 2 vol. Послѣдній трудъ автора находится въ связи съ тою политическою ролью, которую онъ занималъ во время послѣдней революціи въ Германіи, когда Берлинъ избралъ его членомъ во Франкфуртскій парламентъ, а Іоаннъ, викарій Имперіи, отправилъ его въ Парижъ посломъ отъ германскаго сейма.

---

66. — Походъ императора Фридриха II въ Палестину. 1228—29.

(Въ 1259 г.).

Авторъ одного изъ первоклассныхъ историческихъ произведеній среднихъ вѣковъ, извѣстнаго подъ именемъ „Великой исторіи Англіи“, составилъ подъ этимъ именемъ громадный сборникъ замѣчательныхъ событій, связанныхъ между собою только однимъ хронологическимъ порядкомъ и относящихся не только къ исторіи Англіи, но и къ судьбамъ другихъ странъ. Онъ началъ свою хронику съ 1066 года, когда Вильгельмъ Нормандскій завоевалъ Англію (см. начало этой хроники, отъ 1066 г. до 1088 г. выше, во II томѣ, ст. 66, и при этомъ краткое извѣстіе объ авторѣ ея), и остановился на 1259 г. Проходя годъ за годомъ, авторъ достигаетъ наконецъ 1228 года и записываетъ сначала королевскіе указы о правильномъ вѣсѣ и мѣрѣ, потомъ разсказываетъ смерть одного барона Рожера Тони, который, по настоянію брата, опоздавшаго пріѣхать вд время, снова ожилъ, чтобы объяснить ему, какія муки его ожидаютъ за участіе въ турнирахъ; затѣмъ слѣдуютъ замѣтки о вновь избранныхъ епископахъ на различные престолы; далѣе внесена булла Григорія IX, отлучающая императора Фридриха II отъ церкви, и отвѣтное

письмо отлученнаго; разсказано возстаніе жителей Рима противъ папы вслѣдствіе ихъ сочувствія императору [1]); побѣда герцога Тулузскаго надъ войсками французскаго короля — эпизодъ изъ альбигойскихъ войнъ; смерть Стефана, архіепископа Кантерборійскаго; вторженіе жителей Валлиса въ Англію, и неудача, испытанная при этомъ англійскимъ королемъ Генрихомъ III. Такимъ образомъ, мало-по-малу, авторъ достигъ іюня 1228 года, и потому отъ дѣлъ валлійскихъ перешелъ прямо къ походу Фридриха II въ Палестину.

1228 г. Въ томъ же году (т.-е. когда валлійцы сдѣлали нападеніе на Англію), императоръ Фридрихъ (II) отправился по Средиземному морю, чтобы исполнить данный Богу обѣтъ странствованія. Онъ присталъ къ Аккону (Птолемаида) наканунѣ дня рождества блаженной Дѣвы Маріи (7 сент.). Духовенство и тамошній народъ вышли на встрѣчу и приняли его съ почестью, какъ то и подобало столь великому государю. Но, зная, что онъ отлученъ папою, они не хотѣли имѣть съ нимъ сообщенія, и не цѣловались съ нимъ, не садились за одинъ столъ; всѣ предлагали ему дать папѣ удовлетвореніе и вступить въ единеніе церкви. При его прибытіи, Іоанниты и Тампліеры оказали ему всѣ знаки уваженія, ставъ предъ нимъ на колѣни; они обнимали его колѣни, и вся армія вѣрующихъ, собравшаяся подъ Аккономъ, воздала славу Господу по случаю посѣщенія ея императоромъ, въ надеждѣ, что отъ него будетъ спасеніе Израилю. Тогда императоръ, обращаясь ко всему войску, горько жаловался ей на римскаго первосвятителя, произнесшаго надъ нимъ несправедливый приговоръ, и увѣрялъ, что его походъ на помощь Св. Землѣ былъ только имъ отложенъ по поводу тяжкой болѣзни, которая его задержала, и многихъ другихъ дѣлъ, важныхъ для всего христіанства. Между тѣмъ Вавилонскій султанъ (т.-е. египетскій), узнавъ о прибытіи Фридриха въ Сирію, отправилъ къ нему многочисленные и богатые дары золотомъ, серебромъ, шелковыми тканями, бриліантами, верблюдами, слонами, медвѣдями, обезьянами и другими удивительными предметами, которыхъ мы не видимъ на Западѣ. Во время своей высадки подъ Аккономъ, императоръ былъ встрѣченъ вождями и руководителями христіанской арміи герцога Лимбургскаго, Іерусалимскаго патріарха, архіепископовъ Назаретскаго, Цезарейскаго и Нарбонскаго, англійскихъ епископовъ Винчестерскаго и Экзетерскаго, и великихъ магистровъ Іоаннитскаго ордена и Тампліеровъ, которые стали во главѣ 800 рыцарей и около 10 тысячъ пѣшихъ людей, собравшихся туда со всѣхъ концовъ вселенной. Пилигримы, воодушевленные одинаковымъ энтузіазмомъ, укрѣпили Цезарею и другіе зàмки самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Имъ оставалось востановить укрѣпленіе въ Іоппе и затѣмъ отправиться къ св. городу. Императоръ, получивъ

---

[1]) Эти послѣднія событія изъ борьбы Фридриха II съ папою изложены на основаніи показаній нашего автора и другихъ источниковъ у Раумера (см. выше, ст. 65, на стр. 627). Они случились еще въ 1227 году, но авторъ заноситъ ихъ въ хронику подъ 1228 годомъ, вѣроятно, не по ошибкѣ, а потому что папская булла и письмо императора достигли Англіи только въ 1228 году.

свѣдѣнія о состояніи Палестины, одобрилъ планъ пилигримовъ: они изготовили все необходимое для похода, и армія тронулась впередъ съ торжествомъ, предводительствуемая самимъ императоромъ. Они прибыли благополучно къ Іоппе за 17 дней до декабрскихъ календъ (13 ноября). Но всѣ запаслись весьма мало провіантомъ, такъ-какъ нельзя было, идя сухимъ путемъ, обременить животныхъ такъ, чтобы достало пропитанія для людей и для лошадей на большое время. Въ гавани Аккона были заготовлены корабли съ этою цѣлью; но въ минуту отправленія флота съ грузомъ, назначеннымъ для содержанія арміи, поднялась буря, расходились страшныя волны, и пилигримы христовы остались безъ съѣстныхъ припасовъ цѣлыхъ семь дней. Въ то время многіе боялись, чтобы Господь въ своемъ гнѣвѣ не стеръ съ лица земли своего народа. Но несказанное милосердіе божіе, которое никого не испытуетъ сверхъ его силъ, смягчилось воплями и слезами вѣрующихъ. Богъ повелѣлъ вѣтрамъ и морю остановиться, и настала тишина. Дѣйствительно, вскорѣ многочисленный флотъ, ведомый Богомъ, присталъ къ Іоппе и выгрузилъ огромное количество хлѣба, ячменю, вина и всякаго рода продуктовъ, такъ-что войско не чувствовало болѣе недостатка ни въ чемъ, пока не укрѣпило вышеназваннаго города; а эта мѣра была вызвана обстоятельствами.

Въ этомъ же году (1228) въ Англію прибылъ архіепископъ Великой Арменіи съ цѣлью посѣтить останки угодниковъ и святыя мѣста англійской земли, какъ имъ было уже совершено въ другихъ государствахъ. Онъ представилъ духовнымъ и прелатамъ церкви письмо отъ государя папы, въ которомъ папа просилъ принять его съ уваженіемъ и обходиться съ нимъ почтительно. Явившись въ Сентъ-Альбансъ, чтобы помолиться первому мученику Англіи (св. Альбану, замученному при Діоклеціанѣ, въ 303 году), онъ былъ встрѣченъ съ почетомъ самимъ аббатомъ и всѣмъ монастыремъ. Тамъ онъ остановился, утомленный странствованіемъ, съ цѣлью подкрѣпить себя и своихъ спутниковъ, и началъ чрезъ переводчиковъ разспрашивать съ любопытствомъ о церемоніяхъ, обрядахъ и родѣ жизни въ Англіи, разсказывая, въ свою очередь, изумительныя особенности Востока. Въ разговорѣ, одинъ изъ монаховъ, сидѣвшій подлѣ него, спросилъ, празднуютъ ли въ его странѣ зачатіе блаженной Маріи; онъ отвѣчалъ: „Да, празднуютъ, и вотъ на какомъ основаніи: она была зачата, послѣ того какъ ангелъ объявилъ о томъ Іоакиму, который сѣтовалъ, живя въ пустынѣ. То же должно сказать о зачатіи блаженнаго Іоанна-Крестителя, и по той же причинѣ; относительно же зачатія Господа, возвѣщеннаго ангеломъ Маріи, которая зачала отъ Духа святого, никто изъ вѣрующихъ не можетъ и сомнѣваться“.

Итакъ, эти три зачатія празднуются въ Арменіи, какъ онъ увѣрялъ въ томъ и подтверждалъ вышеизложенными доводами. Между прочимъ, его спросили также о знаменитомъ Іосифѣ, о которомъ часто толкуютъ въ народѣ; онъ жилъ во время страстей Спасителя, говорилъ съ нимъ и до сихъ поръ живетъ, какъ свидѣтель христіанской вѣры. Архіепископъ отвѣчалъ на это подробнымъ изложеніемъ дѣла; а по его словамъ, одинъ антіохійскій рыцарь, находившійся въ его свитѣ въ качествѣ переводчика и извѣстный Генриху Спигурнелю,

одному изъ друзей аббата, перевелъ все сказанное имъ и передалъ на *французскомъ* языкѣ (изъ этого видно, что въ XIII столѣтіи языкъ господствующаго класса въ Англіи былъ еще французскій):

„Мой владыка знаетъ хорошо этого человѣка, и еще предъ самымъ отправленіемъ его въ западныя страны, Іосифъ обѣдалъ за столомъ архіепископа, который и прежде часто видалъ его и говаривалъ съ нимъ". Тогда его спросили, что же произошло между этимъ Іосифомъ и нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и онъ продолжалъ: „Во время страстей, когда Іисусъ Христосъ, схваченный евреями, былъ отведенъ въ преторію къ Пилату для суда, и евреи яростно обвиняли его, Пилатъ, не найдя никакой причины предать его смерти, сказалъ имъ: „Возьмите его и судите по вашему закону"; но, такъ-какъ евреи все болѣе и болѣе неистовствовали, то Пилатъ, по ихъ требованію, освободилъ Варраву, и предалъ Іисуса на пропятіе. Когда евреи влекли Іисуса изъ преторіи, *Картафилъ*, придверникъ преторіи Понтія-Пилата, воспользовался минутою, когда онъ проходилъ дверью, и съ презрѣніемъ ударилъ его кулакомъ въ спину, сказавъ при этомъ съ насмѣшкой: „Иди же, Іисусъ, иди скорѣе: чего ты ждешь?" Іисусъ обратился къ нему и, взглянувъ строго, сказалъ: „Я иду, а ты *будешь ожидать*, пока я снова не приду"; или, какъ позже передалъ то евангелистъ: „Сынъ человѣческій идетъ, по сказанному о немъ въ Писаніи, а ты подождешь моего прибытія". И этотъ Картафилъ, которому было во время страстей господнихъ около 30 лѣтъ, живетъ и до сихъ поръ, находясь въ томъ ожиданіи, какъ сказалъ Спаситель. Всякій разъ, когда онъ достигаетъ ста лѣтъ, на него находитъ неизлечимая болѣзнь, похожая на обморокъ; потомъ онъ выздоравливаетъ, возвращается къ жизни и видитъ себя въ томъ же возрастѣ, какой онъ имѣлъ въ эпоху страданій Христа, такъ-что о немъ можно справедливо сказать вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ: „Моя юность возобновляется, какъ юность орла". Когда каѳолическая вѣра распространилась повсюду послѣ крестной смерти Господа, этотъ Картафилъ былъ крещенъ и получилъ имя Іосифа отъ Ананіи, который крестилъ блаженнаго апостола Павла. Обыкновенно онъ проживаетъ въ обѣихъ Арменіяхъ и другихъ восточныхъ странахъ, обращаясь съ епископами и другими прелатами церкви. Это человѣкъ благочестивый и набожный, говоритъ мало и неохотно, и бесѣдуетъ только съ епископами и благочестивыми людьми, которые предлагаютъ ему вопросы. Тогда онъ начинаетъ разсказывать о старыхъ дѣлахъ и о томъ, что происходило въ эпоху страданія и воскресенія Христа. Онъ говоритъ и о свидѣтеляхъ этого воскресенія, то-есть, о тѣхъ, которые сами воскресли вмѣстѣ со Христомъ, пришли въ святой городъ и являлись многимъ; о символѣ апостоловъ, ихъ разлукѣ и проповѣди; и при этомъ онъ никогда не улыбается и не произноситъ легкомысленныхъ словъ, которыя могли бы вызвать осужденіе или упрекъ, ибо онъ всегда въ слезахъ и въ страхѣ господнемъ, помышляя съ трепетомъ о пришествіи Іисуса Христа, который придетъ среди грома и молній судить міръ; онъ боится испытать на себѣ его гнѣвъ въ день страшнаго суда, сознавая, что онъ заслужилъ справедливую месть господню, надсмѣявшись надъ нимъ, когда онъ шелъ на страданіе. Множество

людей приходятъ къ нему изъ отдаленныхъ странъ и находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы взглянуть на него и побесѣдовать съ нимъ; если это люди достойные уваженія, онъ отвѣчаетъ коротко на вопросы, предлагаемые ими. Онъ отказывается отъ всякихъ подарковъ, и довольствуется пищею самою умѣренною и самою простою одеждою. Однако онъ имѣетъ надежду на спасеніе, потому что совершилъ грѣхъ по незнанію, и на основаніи того, что сказалъ Спаситель въ своей молитвѣ: „Отче, прости имъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ". Самъ Павелъ, прегрѣшившій по невѣденію, заслужилъ благодать. То же должно сказать о Петрѣ, который отрекся отъ Господа по непостоянству или по страху. Но Іуда, предавшій Спасителя неправдою или корыстью, растерзалъ свои внутренности и, повѣсившись, кончилъ свою жалкую жизнь безъ всякой надежды на спасеніе. Разсуждая такъ, Картафилъ не теряетъ надежды на милосердіе божіе и на возможность получить прощеніе за свой проступокъ" [1]).

Архіепископу предлагались еще и другіе вопросы о ковчегѣ Ноя, который, говорилъ онъ, какъ остановился, такъ и теперь еще стоитъ на горахъ Арменіи; спрашивали и о многихъ другихъ предметахъ. Онъ на все отвѣчалъ утвердительно, свидѣтельствуя о справедливости такихъ разсказовъ; а такъ-какъ это было лицо уважаемое, котораго правдивость подтверждалась письмомъ отъ папы, то его слова произвели впечатлѣніе на слушателей, и его разсказы, повидимому, носили на себѣ печать истины. Впрочемъ, это все такіе предметы, которыхъ никто не можетъ заподозрить въ выдумкѣ; притомъ это было подтверждено знаменитымъ рыцаремъ и доблестнымъ воиномъ Ричардомъ Аргентинскимъ, который, вмѣстѣ съ другими, лично посѣщалъ, какъ благочестивый пилигримъ, восточныя страны, и впослѣдствіи умеръ епископомъ.

Далѣе слѣдуетъ еще небольшое отступленіе о смерти двухъ епископовъ въ Англіи и о приглашеніи, которое получилъ Генрихъ III, король англійскій, въ началѣ 1229 года, отъ владѣтелей Аквитаніи, Гасконіи, Поату и Нормандіи, чтобы явиться во Францію и напасть на французскаго короля.

1229 г. Около того же времени (т.-е. когда Генрихъ III получилъ то приглашеніе) папа Григорій (IX), негодуя на то, что императоръ римскій (т.-е. Фридрихъ II) отправился въ Св. Землю, будучи отлученнымъ и мятежнымъ, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ желалъ покаяться и удовлетворить церковь, чтобы войти въ ея единеніе. Потому, видя его упорство и неповиновеніе, папа рѣшился свергнуть его съ императорскаго престола и возвести на его мѣсто другого, который былъ бы для св. престола сыномъ мира и послушанія. Но такъ-какъ я не могъ навести другихъ справокъ относительно достовѣрности этого факта, то и помѣщаю здѣсь письмо графа, по имени Ѳомы, которому императоръ, отправляясь въ походъ, поручилъ, вмѣстѣ съ другими, управленіе и защиту имперіи. Его письмо,

---

[1]) Весь этотъ разсказъ такъ напоминаетъ живущую и до сихъ поръ легенду о „вѣчномъ жидѣ", что нельзя не признать въ немъ ея древнѣйшій источникъ.

писанное по этому поводу и отправленное къ императору въ Сирію, было доставлено мнѣ пилигримомъ, достойнымъ всякой вѣры:

„Великому государю Фридриху (II), божіею милостью императору римлянъ и Августу, могущественному королю Сициліи, Ѳома, графъ Ацерры, его преданный вассалъ, желаетъ здравія и побѣды надъ врагами!

„Послѣ вашего отплытія, пресвѣтлѣйшій государь, римскій первосвятитель Григорій, открытый врагъ вашего величества, собралъ многочисленную армію, во главѣ которой поставилъ Іоанна Бріеннскаго, бывшаго короля въ Іерусалимѣ, и другихъ именитыхъ воителей. Онъ вступилъ съ оружіемъ въ рукахъ на вашу землю и землю вашихъ вассаловъ, и, въ противность закону христіанскому, рѣшился побѣдить васъ вещественнымъ мечемъ, не имѣя возможности, какъ того желалъ, поразить васъ мечемъ духовнымъ. Поименованный Іоаннъ, собравъ многочисленное рыцарство изъ Франціи и сосѣднихъ земель, домогается быть императоромъ, если только ему удастся васъ свергнуть, и платитъ жалованье своимъ войскамъ изъ апостолической казны. Іоаннъ и другіе вожди римскихъ войскъ вошли такимъ образомъ съ вооруженною силою на вашу территорію и во владѣнія вашихъ вассаловъ. Они предаютъ огню зданія и деревни, обращаютъ все въ добычу, уводятъ стада, всячески мучатъ своихъ плѣнныхъ и вынуждаютъ ихъ внести за себя выкупъ. Они не различаютъ половъ; кто находится внѣ церкви или кладбища, дѣлается ихъ жертвою; они овладѣваютъ бургами и зàмками, не обращая вниманія на то, что вы служите Христу. Если кто-нибудь заговоритъ объ императорѣ, то Іоаннъ Бріеннскій замѣчаетъ, что кромѣ него нѣтъ другого императора. Ваши друзья, пресвѣтлѣйшій императоръ, приходятъ въ ужасъ отъ всего этого, и особенно духовенство вашей страны, которое спрашиваетъ, по какому праву и съ какою совѣстью римскій святитель дѣйствуетъ подобнымъ образомъ и идетъ войною на христіанъ, когда Спаситель сказалъ Петру, намѣревавшемуся ударить мечемъ вещественнымъ: „Положи мечъ твой въ ножны: ибо кто подниметъ мечъ, отъ меча и погибнетъ“. Въ то же время всѣ удивлялись, что тотъ, который почти ежедневно отлучаетъ отъ церкви разбойниковъ, поджигателей и другихъ палачей христіанства, даетъ теперь согласіе на подобныя покушенія и подкрѣпляетъ ихъ своимъ авторитетомъ. Позаботьтесь, могущественный императоръ, я васъ умоляю, о собственной безопасности и о вашемъ достоинствѣ: ибо вашъ врагъ, Іоаннъ Бріеннскій, занялъ всѣ гавани по морю и снабдилъ ихъ лазутчиками и вооруженными людьми, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ вашего возвращенія, захватить васъ и посадить въ темницу; да сохранитъ васъ отъ того Богъ!“

Слѣдуетъ большое отступленіе по поводу драки студентовъ въ Парижѣ съ жителями, которая повлекла за собою временное закрытіе университета, и по поводу вопроса о назначеніи новаго архіепископа Кантерборійскаго: папа не утверждаетъ избраннаго англійскимъ духовенствомъ и назначаетъ другого, который обязался согласиться на сборъ десятины, чтобы помочь папѣ въ борьбѣ его съ императоромъ.

Въ этомъ же самомъ году (1229 г.) нашъ Господь Іисусъ Христосъ, спаситель и утѣшитель рода человѣческаго, осыпалъ милостью своихъ людей. Благодаря молитвамъ вселенской церкви, онъ возвратилъ христіанамъ вообще и императору Фридриху въ особенности святой городъ Іерусалимъ и всю землю, которую Господь, Сынъ божій и нашъ Искупитель, освятилъ своею кровью. Дѣйствительно, Господь оказалъ милость своему народу и возвысилъ смиренныхъ; народы были отомщены, и сарацины раздѣлились вслѣдствіе междоусобій. Въ ту эпоху, Вавилонскій султанъ былъ до того занятъ внутренними войнами, что не могъ устоять противъ новыхъ нападеній и принужденъ былъ заключить съ императоромъ перемиріе на 10 лѣтъ, уступивъ христіанамъ Св. Землю, безъ всякаго кровопролитія. Читатель же, желающій ближе познакомиться съ этимъ благодѣяніемъ божескаго милосердія, можетъ прочесть нижеслѣдующее письмо императора римлянъ (Фридриха II), которое онъ послалъ къ королю англійскому Генриху (III), приложивъ золотую печать:

„*Фридрихъ*, божіею милостью императоръ римлянъ и Августъ, король Іерусалима и Сициліи, своему возлюбленному другу Генриху (III) королю Англіи привѣтъ и искреннюю любовь!

„Да возрадуются и восторжествуютъ всѣ о Господѣ, и тѣ, сердце которыхъ право, да превозносятся! Богъ, желая доказать свое могущество, не гордится ни конями, ни колесницами. Такъ и нынѣ онъ составилъ себѣ славу малымъ числомъ людей, да познаютъ всѣ, что онъ славенъ величествомъ, грозенъ блескомъ, дивенъ совѣтомъ въ дѣлахъ дѣтей человѣческихъ, измѣняетъ времена своимъ соизволеніемъ и можетъ сдѣлать изъ всѣхъ народовъ одинъ народъ; въ небольшое число дней онъ доставилъ чудомъ, а не человѣческою храбростью, успѣхъ походу, который съ давнихъ временъ не могли привести къ окончанію многіе князья и сильные міра, не смотря на ихъ многочисленность, громадность силъ, страхъ, который они внушали, и средства, которыми располагали. Но чтобы не мучить дольше ваше любопытство многословіемъ, я желаю доложить вашей милости (sinceritati), что мы возложили все наше упованіе на Бога и были увѣрены, что его Сынъ, Іисусъ Христосъ, на служеніе которому мы съ такимъ самоотверженіемъ жертвовали тѣломъ и душею, не покинетъ насъ въ столь отдаленныхъ и неизвѣстныхъ странахъ; напротивъ, мы имѣли убѣжденіе, что онъ надѣлитъ насъ совѣтомъ и спасительною помощью чести своей ради, славы и хвалы. Мы отправились изъ Аккона съ полною довѣренностью къ его имени, 15 дня прошедшаго ноября мѣсяца, и прибыли благополучно въ Іоппе съ намѣреніемъ возстановить укрѣпленіе этого города, какъ то было необходимо, съ тѣмъ, чтобы открыть, какъ намъ, такъ и всему христіанскому народу, не только самый легкій, но и самый короткій и безопаснѣйшій доступъ къ св. городу Іерусалиму. Въ то время, когда мы находились въ Іоппе съ вѣрою и надеждою на Бога и занимались тщательно возобновленіемъ зàмка, какъ того требовали обстоятельства и дѣло Христа, и пока мы и всѣ пилигримы заботливо трудились надъ предпріятіемъ, послы отъ насъ къ Вавилонскому султану, и отъ него къ намъ, ходили взадъ и впередъ безпрерывно. Султанъ же этотъ и

другой султанъ, его братъ, по имени Ксафатъ, держались подлѣ города Газы съ многочисленною арміею и отступили отъ насъ на одинъ день пути. Съ другой стороны, въ городѣ Сихемѣ, называемомъ обыкновенно Неаполемъ (Наплуза) и расположенномъ въ долинѣ, султанъ Дамаска, ихъ племянникъ, держалъ на-готовѣ безчисленное множество конницы и пѣхоты, и находился отъ насъ и отъ христіанъ равномѣрно на одинъ день пути. Послѣ долгихъ преній съ обѣихъ сторонъ о возвращеніи Св. Земли, Іисусъ Христосъ Сынъ божій смотрѣлъ съ высоты небесъ на наше благочестивое терпѣніе и терпѣливое благочестіе, и, сострадая въ своемъ милосердіи къ намъ, устроилъ такъ, что Вавилонскій султанъ возвратилъ намъ св. городъ Іерусалимъ, это мѣсто, гдѣ ступала нога Христа, это мѣсто, гдѣ почитатели истинной вѣры поклоняются Отцу въ духѣ и истинѣ. Желая довести до вашего свѣдѣнія всѣ подробности этой уступки, я извѣщаю васъ, что не только возвращенъ намъ самый городъ, но и вся страна, которая лежитъ между Іерусалимомъ и Іоппе, такъ что на будущее время пилигримы могутъ свободно посѣщать Гробъ господень и возвращаться безъ всякой опасности. При этомъ заключены слѣдующія условія: а именно, сарацины этой страны, оказывая большое уваженіе въ Іерусалимѣ тому храму, къ которому они часто дѣлаютъ странствованіе для молитвы и отправленія своихъ обрядовъ, получаютъ отъ насъ право свободнаго доступа туда на будущее время, но мы оставили за собою опредѣленіе ихъ числа; кромѣ того, они должны являться туда безъ оружія, не жить въ городѣ, но за городомъ, и по окончаніи молитвы немедленно удаляться. Далѣе, они уступаютъ намъ городъ Виѳлеемъ и всю землю между этимъ городомъ и Іерусалимомъ; городъ Назаретъ и всю землю между Назаретомъ и Аккономъ; также всю провинцію Торонъ, весьма широкую, пространную и чрезвычайно полезную для христіанъ; наконецъ, городъ Сидонъ, или Саидъ, съ окрестностями и прилегающею страною. Владѣніе послѣднимъ городомъ будетъ тѣмъ болѣе важно для христіанъ, что до сихъ поръ сарацины извлекали изъ него большія выгоды для себя. Дѣйствительно, Сидонъ представляетъ собою превосходную гавань, откуда все отправляется въ Дамаскъ, и изъ Дамаска очень часто въ Вавилонъ (Каиръ), какъ-то оружіе и необходимые съѣстные припасы. Хотя, по договору, намъ дозволено отстроить городъ Іерусалимъ такъ, какъ того не было до сихъ поръ, равно и зàмокъ въ Іоппе, Цезареѣ, Сидонѣ и зàмокъ св. Маріи Тевтонской, который начали строить братья этого ордена на горѣ, сосѣдней Аккону, и чего они до того времени не могли никогда выполнить; но самъ султанъ обязался не строить никакого зданія, ни зàмка, пока не окончится срокъ перемирія, заключеннаго съ нами на 10 лѣтъ. Это перемиріе было подтверждено клятвою съ обѣихъ сторонъ, въ 18-й день мѣсяца февраля, въ воскресенье, когда Христосъ, Сынъ божій, воскресъ изъ мертвыхъ и когда ему покланяются во всей вселенной въ память того воскресенія. По истинѣ казалось, что этотъ день для насъ и для всѣхъ сіялъ такъ, какъ онъ сіялъ во время пѣнія ангеловъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, къ человѣкамъ благоволеніе“. Признавая столь великое благодѣяніе и честь, которую даровалъ намъ

Господь въ своемъ милосердіи, не смотря на наше ничтожество, и въ противность ожиданіямъ многихъ, къ вѣчной своей славѣ, и желая лично въ самомъ святомъ мѣстѣ принести ему въ жертву нашего агнца лобзанія, мы вступили въ Іерусалимъ, вмѣстѣ съ прочими пилигримами, которые вѣрно исполнили свое служеніе Христу, въ субботу, 17 марта. Немедленно, и какъ то подобаетъ каѳолическому императору, мы благоговѣйно преклонились предъ св. Гробомъ: на слѣдующій день мы вѣнчались короною, которую всемогущій Господь вознамѣрился дать намъ съ высоты своего трона, возвеличивъ насъ чудеснымъ образомъ надъ всѣми князьями міра и допустивъ до столь важнаго достоинства, которое намъ, впрочемъ, принадлежало и прежде, какъ титулъ, и все это для того, чтобы всѣ знали, что рука Господа участвовала въ этомъ дѣлѣ. А такъ-какъ всѣ дѣла его милосердны, то послѣдователи православной вѣры да повѣдаютъ и разскажутъ всему міру, что тотъ, кто благословенъ во всѣ вѣка, посѣтилъ и искупилъ свой народъ, и утвердилъ для насъ звучную трубу спасенія въ домѣ своего отца Давида. Наконецъ, предъ оставленіемъ св. города Іерусалима, мы предположили возобновить самымъ великолѣпнымъ образомъ его башни и стѣны, и желаемъ этимъ заняться съ такою заботою и стараніемъ, что и въ наше отсутствіе работы будутъ продолжаться такъ, какъ бы мы находились на мѣстѣ. А чтобы наше письмо дышало до конца радостью, чтобы конецъ его соотвѣтствовалъ началу и чтобы новый восторгъ овладѣлъ вашею царственною душою, мы прибавляемъ въ заключеніе, что султанъ обязался въ непродолжительномъ времени возвратить намъ всѣхъ плѣнныхъ, которые еще не отданы, подобно тому какъ онъ долженъ былъ сдѣлать по договору, заключенному между нимъ и христіанами въ эпоху паденія Даміетты (1219 г.), равно и другихъ, взятыхъ въ плѣнъ съ того времени.

„Дано въ святомъ городѣ Іерусалимѣ, 17 дня мѣсяца марта, въ годъ господень 1229".

Вотъ форма золотой печати императора: съ одной стороны его изображеніе и вокругъ надпись: *Фридрихъ божіею милостію императоръ римскій и Августъ.* Надъ правымъ плечомъ изображенія императора надписано: *Король Іерусалимскій*; а надъ лѣвымъ: *Король Сицилійскій.* На другой сторонѣ изображенъ городъ, представляющій Римъ, и вокругъ написано: *Римъ, столица міра, держитъ бразды вселенной.* Императорская печать была нѣсколько больше папской.

Когда, какъ мы сказали уже выше, христіанская армія вступила въ Іерусалимъ, патріархъ и подвѣдомственные ему епископы очистили храмъ господень, церковь Гроба, св. Воскресенія, вмѣстѣ съ другими церквами и почитаемыми мѣстностями города, вымыли полъ и стѣны св. водою, сдѣлали процессіи и пѣли гимны и пѣснопѣнія. Наконецъ, всѣ мѣста, оскверненныя прикосновеніемъ невѣрныхъ, были возвращены Богу. Но пока отлученный отъ церкви императоръ оставался въ стѣнахъ города, ни одинъ изъ прелатовъ не хотѣлъ служить обѣдни. Наконецъ, Галтеръ, изъ братіи ордена Проповѣдниковъ, родомъ англъ, человѣкъ благочестивый, разумный, скромный и хорошо свѣдущій въ священномъ Писаніи, получившій отъ папы назначеніе говорить про-

повѣди крестоносцамъ, чѣмъ онъ составилъ себѣ славу и что онъ исполнялъ нѣкоторое время, отслужилъ обѣдню въ загородныхъ церквахъ. При этомъ онъ еще болѣе воспламенилъ благочестіе вѣрующихъ и расположилъ ихъ окончательно къ служенію Богу, умершему на крестѣ. Послѣ того всѣ прелаты, значительные и незначительные, и остальное духовенство получили свои церкви и прежнія владѣнія: всѣ были въ восторгѣ отъ божественныхъ даровъ, которые превзошли ихъ ожиданія, и занялись единодушно вмѣстѣ съ прочими пилигримами постройкою городскихъ стѣнъ и исправленіемъ съ большими издержками рвовъ, башенъ и укрѣпленій. Такъ трудились не только въ св. городѣ Іерусалимѣ, но и въ прочихъ городахъ и замкахъ этой земли, которую нашъ Господь Іисусъ Христосъ освятилъ божественными стопами и ознаменовалъ своею преславною кровью. Восторгъ христіанъ былъ такъ великъ, что, казалось, утѣхи неба сошли на землю.

Но когда, благодаря Бога, всѣ дѣла были устроены такимъ образомъ, сатана, этотъ старый мастеръ расколовъ и несогласій, пришелъ въ зависть и внушилъ то же чувство обитателямъ той страны, и преимущественно Тампліерамъ и Іоаннитамъ, которые, завидуя славѣ императора, сдѣлались еще болѣе дерзкими, опираясь на ненависть, которую питалъ къ нему папа. Они уже знали, что папа сдѣлалъ нападеніе на императора съ оружіемъ въ рукахъ. Желая, чтобы послѣдній великій успѣхъ былъ приписанъ исключительно имъ, которые получаютъ со всего христіанства несмѣтныя богатства, предназначаемыя исключительно на защиту Св. Земли, но вмѣсто того поглощаемыя ими для себя и исчезающія въ какой-то бездонной пропасти, Тампліеры и Іоанниты вѣроломно и измѣннически дали знать Вавилонскому султану, что императоръ имѣетъ намѣреніе отправиться къ рѣкѣ, въ которой Христосъ былъ крещенъ Іоанномъ Крестителемъ; что онъ пойдетъ пѣшкомъ въ шерстяномъ одѣяніи, сопровождаемый немногими и тайно, для смиреннаго поклоненія въ тѣхъ мѣстахъ слѣдамъ Христа и его Предтечи, котораго не затмилъ величіемъ ни одинъ сынъ женщины; и, наконецъ, что султанъ можетъ при этомъ или схватить, или умертвить императора, какъ то ему вздумается. Султанъ, получивъ это извѣщеніе и замѣтивъ, кромѣ того, что письмо запечатано извѣстною ему печатью, проклялъ вѣроломство и измѣну христіанъ, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые носятъ духовную одежду и знакъ креста; призвавъ двухъ своихъ самыхъ близкихъ и благоразумныхъ совѣтниковъ, онъ сообщилъ имъ все дѣло, показалъ письмо, при которомъ висѣла еще печать, и при этомъ воскликнулъ: „Вотъ какова вѣрность христіанъ!" При видѣ этого письма, его совѣтники отвѣчали ему, послѣ долгаго и зрѣлаго размышленія: „Государь, между нами заключенъ теперь добрый миръ: нарушеніе его будетъ дѣломъ постыднымъ; чтобы пристыдить христіанъ, пошлите это письмо съ висящею при немъ печатью къ самому императору. Вы сдѣлаете изъ него себѣ большого пріятеля, ибо услуга, подобная настоящей, не маловажна". Принявъ этотъ совѣтъ, султанъ отправилъ письмо къ императору и сообщилъ ему всѣ подробности тѣхъ козней, о которыхъ мы говорили. Между тѣмъ какъ все это происходило,

императоръ, котораго уже успѣли предупредить лазутчики, дѣятельные и ловкіе, сначала колебался, не смѣя вѣрить, что его единовѣрцы могли устроить противъ него такія козни. Но въ минуту его нерѣшительности къ нему прибылъ посланный султана и доставилъ письмо, не оставлявшее никакого сомнѣнія относительно той измѣны. Императоръ, довольный тѣмъ, что ему удалось уйти изъ разставленныхъ сѣтей, благоразумно затаилъ свое неудовольствіе до того времени, когда настанетъ часъ мести, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ всѣ приготовленія, необходимыя для возвратнаго пути въ свое государство. Таково было происхожденіе ненависти между императоромъ съ одной стороны и Тампліерами и Іоаннитами съ другой: впрочемъ Іоанниты въ этомъ дѣлѣ были менѣе виновны и преступны, нежели Тампліеры. Съ той поры сердце императора было связано съ сердцемъ султана неразрывными узами дружбы и любви. Они заключили между собою тѣсный союзъ и посылали другъ другу дорогіе подарки. Между прочимъ обратилъ на себя особенное вниманіе слонъ, препровожденный султаномъ императору. Тампліеры, Іоанниты и ихъ сообщники, узнавъ, что странствованіе императора къ рѣкѣ Іордану отложено, поняли, вслѣдствіе того и по другимъ признакамъ, что ихъ хитрость не имѣла никакого успѣха. Тогда они склонили на свою сторону Іерусалимскаго патріарха, который, говорятъ, написалъ слѣдующее письмо съ цѣлью обезславить императора:

„*Герольдъ*, патріархъ Іерусалимскій, всѣмъ вѣрнымъ во Христѣ шлетъ привѣтъ о Господѣ!

„Если вполнѣ разобрать, отъ начала до конца, образъ дѣйствія, которому слѣдовалъ императоръ въ нашей заморской странѣ, и какъ чудовищно онъ поступалъ во вредъ дѣлу христову и съ презрѣніемъ къ христіанской вѣрѣ, то во всей его особѣ, съ пятъ до конца волосъ на головѣ, нельзя будетъ найти ничего разумнаго. На самомъ дѣлѣ, онъ явился сюда отлученнымъ отъ церкви, ведя за собою едва сорокъ рыцарей, и то безъ всякихъ средствъ; безъ сомнѣнія, онъ разсчитывалъ пособить своей нищетѣ на счетъ жителей Сиріи. По прибытіи въ Кипръ, онъ захватилъ Іоанна Ибелина, безъ соблюденія всякихъ приличій, и съ нимъ вмѣстѣ его дѣтей, которыхъ онъ пригласилъ будто бы для разсужденія о дѣлахъ Св. Земли и позвалъ ихъ къ себѣ обѣдать. Затѣмъ, онъ же задержалъ короля (Кипрскаго), какъ плѣнника, не смотря на то, что этотъ былъ приглашенъ имъ же самимъ, и такимъ образомъ, насиліемъ и обманомъ онъ наложилъ руки на его государство. Послѣ того онъ явился въ Сирію. Вначалѣ императоръ обѣщалъ на словахъ надѣлать чудесъ; но между тѣмъ какъ его хвастовство обольщало сердца простыхъ людей, онъ отправилъ немедленно пословъ къ Вавилонскому султану для мирныхъ переговоровъ. Это обстоятельство сдѣлало его презрѣннымъ въ глазахъ султана и его язычниковъ, особенно потому, что они хорошо знали ничтожныя силы императора, которыхъ нечего имъ было опасаться. Между тѣмъ онъ отправился съ христіанскою арміею къ городу Іоппе, подъ предлогомъ заняться его укрѣпленіями, а на дѣлѣ, чтобы находиться ближе къ султану и тѣмъ удобнѣе вести переговоры о мирѣ или перемиріи. Чѣмъ же это кончилось? Послѣ долгихъ и тай-

ныхъ совѣщаній, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ туземцевъ, онъ объявилъ неожиданно, что миръ съ султаномъ заключенъ. Никто еще не зналъ содержанія этого мира или перемирія, какъ императоръ уже поклялся соблюдать его условія. Насколько этотъ договоръ пагубенъ и до какой степени онъ измѣняетъ интересамъ христіанства, вы можете судить сами, разсмотрѣвъ тѣ изъ его параграфовъ, которые я счелъ полезнымъ доставить вамъ въ копіи. Императоръ, гордясь своимъ словомъ, ограничился только тѣмъ, что далъ свое слово султану и получилъ взамѣнъ то же самое. Между прочимъ онъ возвѣстилъ, что святой городъ сданъ ему, и онъ войдетъ въ него наканунѣ того воскресенья, когда поютъ: „Очи мои", и т. д. На слѣдующій день, онъ вступилъ въ церковь Гроба, въ противность всѣмъ правиламъ и обычаямъ, такъ-какъ онъ былъ отлученъ, и возложилъ корону на голову, къ явному ущербу чести и величества императорскаго; между тѣмъ сарацины продолжали удерживать въ своихъ рукахъ храмъ Господень и храмъ Соломона, а законъ Магомета, какъ и прежде, былъ дозволенъ публично, къ немалому стыду и горю пилигримовъ. Потомъ, въ слѣдующій понедѣльникъ, императоръ, обѣщавшій нѣсколько разъ укрѣпить городъ, оставилъ городъ на разсвѣтѣ дня, ни съ кѣмъ не простившись, между тѣмъ какъ братья Тампліеры и Іоанниты предлагали ему свое посильное содѣйствіе, если онъ, сообразно обѣщанному, займется укрѣпленіемъ города. Но онъ, мало заботясь объ исправленіи зла и видя, что овладѣніе Іерусалимомъ было дѣломъ неважнымъ, такъ-какъ городъ въ настоящемъ его положеніи не могъ ни защищаться, ни сопротивляться, ограничился одними разговорами и въ тотъ же день отправился въ Іоппе, вмѣстѣ съ своими людьми. Въ слѣдующее воскресенье, когда поютъ: „Возрадуйся, Іерусалиме", онъ прибылъ въ Акконъ, гдѣ склонилъ жителей на свою сторону, давъ имъ нѣкоторыя привилегіи, чтобы тѣмъ заслужить ихъ расположеніе. Знаетъ Богъ, къ чему онъ дѣйствовалъ такъ, но послѣдствія обнаружили все. Когда наступило время плаванія, всѣ пилигримы, малые и большіе, считая свой обѣтъ исполненнымъ, такъ-какъ они посѣтили св. Гробъ, вознамѣрились, по общему согласію, оправиться назадъ. Но такъ-какъ *мы* не заключали никакого перемирія съ султаномъ Дамаска, то и видѣли въ этомъ то, что пилигриммы бросили Св. Землю на произволъ судьбы. Находясь въ такомъ опасномъ положеніи, мы рѣшились, для общаго блага, устроить конницу на счетъ денегъ, которыя составляли благочестивыя пожертвованія блаженной памяти французскаго короля. Императоръ, узнавъ о томъ, далъ намъ знать, что онъ удивляется нашимъ приготовленіямъ, такъ-какъ у него заключено перемиріе съ султаномъ Вавилона. Мы ему отвѣчали, что желѣзо еще остается въ ранѣ, ибо съ султаномъ Дамаска нѣтъ мира, ни перемирія, и оба эти султана имѣютъ различныя мнѣнія по этому предмету. Далѣе мы говорили, что, не смотря на Вавилонскаго султана, султанъ Дамаска можетъ намъ причинить еще много зла. На это императоръ отвѣчалъ, что, сдѣлавшись разъ королемъ Іерусалима, онъ не можетъ позволить вооруженія конницы безъ своего согласія или совѣта. А мы ему въ отвѣтъ на это говорили, что къ нашему величайшему сожалѣнію мы не можемъ,

не подвергая опасности своей души, обращаться къ нему по этому или по какому-нибудь другому дѣлу, ибо онъ отлученъ отъ церкви. На этотъ разъ императоръ оставилъ насъ безъ отвѣта; но на слѣдующій день онъ созвалъ чрезъ глашатая всѣхъ пилигримовъ, находившихся въ Акконѣ, приглашая ихъ собраться за городомъ; прелаты же и духовные получили особыя письма, въ которыхъ они созывались на морской берегъ. Императоръ явился туда лично, и началъ горько жаловаться на насъ, причемъ клевета слѣдовала за клеветою. Потомъ онъ напалъ на великаго магистра Тампліеровъ, человѣка всѣми уважаемаго, и старался различными обвиненіями, ни на чемъ не основанными, публично очернить его славу; онъ хотѣлъ на другихъ свалить свои собственные промахи, которые были слишкомъ для всѣхъ очевидны. Въ заключеніе, онъ прибавилъ, что, къ ущербу его власти и къ великому неудовольствію, мы позволяемъ себѣ содержать на своемъ жалованьѣ конницу. Вслѣдствіе всего того онъ приказалъ всѣмъ рыцарямъ, какой бы націи они ни принадлежали, немедленно оставить Св. Землю, если имъ дороги ихъ жизнь и имущество, прибавивъ сверхъ того графу Ѳомѣ, котораго онъ намѣревался оставить намѣстникомъ въ Палестинѣ, чтобы онъ тѣлесно наказывалъ всякаго, кто останется не смотря на запрещеніе, но такъ, чтобы наказаніе одного сдѣлалось страшнымъ урокомъ для многихъ. Объявивъ такимъ образомъ свою волю, онъ не принялъ никакихъ извиненій, и, не выслушавъ отвѣта на всѣ сказанныя имъ низости, удалился. Немедленно, по его приказанію, у городскихъ воротъ были поставлены стрѣлки съ приказаніемъ выпускать Тампліеровъ изъ города, но не впускать назадъ. Сверхъ того, онъ распорядился помѣстить стрѣлковъ у входа въ церкви на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ города, особенно у моего дворца и у дома Тампліеровъ. Знайте же, что онъ никогда не показывалъ такой вражды и сарацинамъ, ни такой ненависти и озлобленія. Въ виду такой явной вражды съ его стороны, мы сочли за лучшее собрать прелатовъ и пилигримовъ и отлучить отъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые будутъ поддерживать императора словомъ или дѣломъ противъ церкви, или Тампліеровъ и другихъ духовныхъ и пилигримовъ. Но императоръ, придя оттого еще въ бо́льшую ярость, приказалъ строго охранять всѣ входы и запретилъ допускать съ съѣстными припасами ни къ намъ, ни къ тѣмъ, которые были вмѣстѣ съ нами; вездѣ были разставлены стрѣлки, не щадившіе ни насъ, ни Тампліеровъ, ни пилигримовъ. Къ довершенію своихъ злыхъ умысловъ, узнавъ, что нѣкоторые изъ ордена Проповѣдниковъ и Миноритовъ собрались въ вербный день въ извѣстное мѣсто для проповѣданія слова божія, онъ приказалъ стащить ихъ съ каѳедръ, волочить по землѣ и бичевать, какъ разбойниковъ. Но, видя, что онъ ничего не выигрываетъ отъ нашего осаднаго положенія, онъ предложилъ наконецъ миръ; мы отвѣчали, что не хотимъ и слышать о мирѣ, если онъ прежде того не удалитъ своихъ стрѣлковъ и не возвратитъ намъ свободы и имущества въ томъ видѣ, какъ то было до его вступленія въ городъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что уступилъ; но такъ-какъ обѣщанное не было выполнено, то мы и наложили на городъ запрещеніе. Тогда, видя, что его злоба встрѣчаетъ себѣ отпоръ, онъ не хотѣлъ даже

оставаться въ Св. Землѣ. Желая разорить насъ въ конецъ, онъ тайно приказалъ снести на корабли весь запасъ оружія, который хранился съ давняго времени въ Акконѣ, для обороны Св. Земли, и бо́льшую его часть отправилъ къ своему другу, султану Вавилона. Потомъ онъ отправилъ въ Кипръ нѣсколькихъ рыцарей съ порученіемъ исторгнуть у его жителей значительную сумму серебра; но, что́ превышало всякую мѣру, онъ истребилъ всѣ суда, какія только могъ достать. Узнавъ о томъ, мы сочли за лучшее постараться отклонить его отъ такого намѣренія. Но онъ, смѣясь надъ нашими представленіями и угрозами, отправился тайно, въ день ап. Іакова и Филиппа (30-го іюня), чрезъ слободу, отдѣленную отъ города, къ гавани. Тамъ, сѣвъ на судно и не простившись ни съ кѣмъ, онъ отплылъ къ Кипру, оставивъ Іоппе совершенно беззащитнымъ. Наконецъ, онъ уѣхалъ; дай Богъ, чтобъ и не возвращался! Намѣстники султана немедленно запретили бѣднымъ христіанамъ и сиріанамъ выходить за городскія стѣны; такимъ образомъ, множество пилигримовъ должны были пріостановиться отправленіемъ. Вотъ тѣ злодѣянія—есть много и другихъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ, и которыя мы предоставляемъ разсказать другимъ — которыя были совершены императоромъ ко вреду Св. Землѣ и собственной душѣ: дай, Господи, намъ, въ твоемъ милосердіи, облегченіе нашихъ нуждъ.—Будьте здоровы!“

Это письмо, дойдя до Запада, запятнало имя императора и лишило его дружбы многихъ людей. Папа обнаружилъ тогда тѣмъ бо́льшую ревность къ низложенію его и тѣмъ бо́льшую жадность получить себѣ деньги, которыя ему были обѣщаны (т. е. для войны съ Фридрихомъ II).

Около того же времени въ Англію прибылъ Стефанъ, капелланъ государя папы и нунцій при англійскомъ королѣ. Онъ явился для сбора десятины, которую обѣщали государю папѣ послы вышеупомянутаго короля въ Римѣ, для поддержанія предпринятой войны противъ императора римлянъ (Фридриха II). Папа получилъ свѣдѣніе относительно многихъ ненавистныхъ и противныхъ христіанскому закону поступкахъ вышепоименованнаго императора. Онъ изложилъ ихъ письменно и обнародовалъ при помощи апостолическихъ посланій въ различныхъ странахъ свѣта. Главнымъ образомъ, папа упрекалъ его въ томъ, что онъ, будучи отлученнымъ, вошелъ въ церковь св. Гроба въ Іерусалимѣ; собственноручно короновался тамъ предъ главнымъ алтаремъ; возсѣлъ въ коронѣ на патріаршій стулъ, и говорилъ предъ народомъ, прикрывая свои низости и обвиняя римскую церковь въ томъ, что она была несправедлива къ нему; далѣе, онъ упрекалъ ее съ наглостью и дерзостью въ ненасытной корысти и симоніи; потомъ вышелъ изъ церкви, сопровождаемый своими тѣлохранителями, и, не имѣя при себѣ никого изъ лицъ духовныхъ, шелъ такъ съ короною на головѣ до самаго дома Іоаннитовъ. Къ этому папа присоединялъ: „Императоръ далъ въ своемъ дворцѣ, въ Акконѣ, пиръ сарацинамъ и заставилъ христіанскихъ женщинъ танцовать и играть предъ ними. Утверждаютъ даже, что все это сопровождалось постыднымъ развратомъ. Онъ заключилъ договоръ съ султаномъ; но никто, кромѣ его, не зналъ условій заключеннаго мира. Теперь довольно ясно доказано,

насколько то можно судить по его внѣшнимъ поступкамъ, что онъ предпочитаетъ законъ магометанскій нашей вѣрѣ; во многихъ случаяхъ онъ даже слѣдуетъ обрядамъ того служенія. Въ грамотѣ, которою они размѣнялись съ султаномъ и которую по-арабски называютъ *mosepha*, было договорено, что во время перемирія онъ, Фридрихъ, будетъ помогать султану противъ всѣхъ христіанъ и сарацинъ, и султанъ обязывается съ своей стороны къ тому же. Онъ ограбилъ каноников̃ъ св. Креста въ Акконѣ и лишилъ ихъ доходовъ, которые они получали съ гавани. Онъ же лишилъ имущества архіепископа Никозіи въ Кипрѣ. Свѣтскою властью онъ оказалъ покровительство епископу въ Сиріи, который былъ поставленъ отлученнымъ еретикомъ и преслѣдуемъ патріархомъ. Онъ же лишилъ каноников̃ъ св. Гроба всѣхъ приношеній, дѣлаемыхъ этому Гробу, патріарха—приношеній на Голгоѳѣ и Лобномъ-Мѣстѣ, и каноников̃ъ Храма—доходовъ съ этого храма. За все это братъ во Христѣ, Галтерій, отлучилъ его въ Іерусалимѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его сообщниковъ. Въ вербный день онъ постыднымъ и насильственнымъ образомъ согналъ съ каѳедры братьевъ ордена Проповѣдниковъ, дерзко обошелся съ ними и заключилъ въ темницу. За нѣсколько дней до страстей христовыхъ онъ заперъ патріарха, епископовъ Винчестерскаго и Экзетерскаго, также и Тампліеровъ въ ихъ домахъ и, видя свое безсиліе, удалился со срамомъ".

Опираясь на такіе и имъ подобные доводы, государь папа объявилъ недѣйствительными всѣ распоряженія императора въ Св. Землѣ, и старался возбудить противъ него войну; при этомъ онъ увѣрялъ, что для вѣры христіанской будетъ весьма полезно и справедливо лишить императорскаго достоинства столь жестокаго преслѣдователя религіи; онъ вызвалъ страшное гоненіе противъ своей матери церкви, и это преступленіе было ненавистнѣе всего остальнаго; онъ овладѣлъ ея замками, ея землями и ея владѣніями, и, какъ общественный врагъ, держитъ ихъ въ своихъ рукахъ по настоящее время.

Около этого времени, когда Стефанъ, капелланъ и нунцій государя папы, изложилъ передъ королемъ Англіи, въ чемъ состоятъ желанія папы и предметъ его посольства, король созвалъ въ Вестминстерѣ, въ то воскресенье, когда поютъ: „Милосердіе Господа" и т. д., архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, Тампліеровъ, Іоаннитовъ, графовъ, бароновъ, церковныхъ ректоровъ и всѣхъ своихъ вассаловъ, чтобы они явились въ назначенный день и въ назначенное мѣсто для выслушанія вышеупомянутаго требованія (т. е. десятины для войны папы съ императоромъ) и для постановленія опредѣленія, сообразно съ обстоятельствами. Когда всѣ сошлись, какъ клерики, такъ и міряне, и ихъ подчиненные, Стефанъ прочелъ громогласно, въ присутствіи всего собранія, посланіе государя папы, которымъ требовалась десятина со всего движимаго имущества въ Англіи, Ирландіи и Валлисѣ, обязательная для свѣтскихъ и духовныхъ, съ цѣлью поддержать папу въ его войнѣ съ императоромъ римскимъ Фридрихомъ (II). Онъ писалъ въ этомъ письмѣ, что онъ предпринялъ эту войну одинъ во имя вселенской церкви, которую императоръ, отлученный и мятежный, старался истребить, какъ то доказано несомнѣннымъ образомъ; что

средства св. апостольскаго престола недостаточны для усмиренія императора, и что римская церковь, вынужденная необходимостью, молитъ своихъ дѣтей о помощи, которая дозволила бы ей привести къ желаемому концу войну, во многихъ отношеніяхъ начатую съ успѣхомъ. Наконецъ, въ заключеніе, государь папа старается убѣдить всѣхъ членовъ римской церкви, какъ прирожденныхъ дѣтей ея, матери всѣхъ церквей, помочь ей всѣми силами, имѣя въ виду, что если она—чего Боже избави—погибнетъ, то и члены пропадутъ вмѣстѣ съ головою. Таковы были доводы, изложенные ясно въ посланіи государя папы. Послѣ того Стефанъ убѣждалъ всѣхъ присутствовавшихъ дать ихъ согласіе, указывая на честь и выгоды, которыя достанутся на долю тѣхъ, которые исполнятъ требованіе папы. Но король Англіи, въ которомъ всѣ надѣялись найти опору и защиту (т. е. противъ папскихъ притязаній), оказался, какъ того и можно было ожидать отъ него, тѣмъ водянымъ растеніемъ, котораго концы колютъ всякаго, кто довѣрится имъ. Онъ, какъ мы сказали выше, обязался чрезъ тѣхъ, которые дѣйствовали отъ его имени въ Римѣ, заплатить десятину; ему нельзя было отпереться отъ своихъ словъ; а потому онъ молчалъ, и его молчаніе было принято за одобреніе. Но графы, бароны и всѣ свѣтскіе отказались рѣшительно отъ взноса десятины, не желая предавать своихъ леновъ и свѣтскихъ владѣній на жертву римской церкви. Епископы, аббаты, пріоры и другіе прелаты церкви, послѣ трехъ-четырехъ дней разсужденія и сильнаго ропота, согласились наконецъ, опасаясь подвергнуться отлученію, въ случаѣ сопротивленія апостолическому предписанію. Согласившись противъ воли, они кончили бы это дѣло и выдали бы только такое количество серебра, которое не отяготило бы ихъ слишкомъ, еслибы, какъ увѣряютъ, Стефанъ Сегравъ, тогдашній совѣтникъ короля, человѣкъ, любившій одного себя, и сердце котораго всегда было склонно ко злу, не заключилъ симоническаго договора съ нунціемъ Стефаномъ и не устроилъ бы такъ, что десятина была вытребована сполна, къ неисчислимому вреду для церкви и государства. Послѣ того нунцій Стефанъ показалъ всѣмъ прелатамъ довѣрительное письмо папы, которымъ онъ назначилъ его завѣдывать сборомъ десятины. Этотъ сборъ долженъ былъ дѣлаться не по той таксаціи, которая была недавно установлена для взиманія двадцатой доли для пріобрѣтенія отъ короля привилегій, но по новой оцѣнкѣ имущества, болѣе удобной и выгодной для государя папы; а именно, этотъ сборъ долженъ былъ производиться съ доходовъ, извоза, найма плуговъ [1]), приношеній, десятинъ, корма животныхъ, производствъ земли и пріобрѣтенныхъ имуществъ, какъ церковныхъ, такъ и другихъ, подъ какими бы названіями они ни существовали; притомъ не допускалось никакихъ скидокъ, и ни подъ какимъ предлогомъ не принимались въ соображенія ни долги, ни расходы. Это же довѣрительное письмо уполномочивало Стефана отлучать сопротивляющихся и прекращать богослуженіе въ церквахъ. На основаніи того,

---

[1]) Въ средніе вѣка существовалъ особаго рода промыселъ отдачи на прокатъ плуга бѣднымъ крестьянамъ, которые не имѣли средствъ пріобрѣтать сельскихъ орудій въ собственность.

Стефанъ въ каждомъ графствѣ назначилъ своихъ агентовъ и отлучилъ всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся сами или чрезъ другихъ препятствовать сбору десятины или оцѣнкѣ имущества, посредствомъ стачки, укрывательства или другого обмана. А такъ-какъ это дѣло не допускало никакихъ промедленій, то Стефанъ потребовалъ, подъ страхомъ отлученія, отъ всѣхъ прелатовъ и другихъ, чтобы они внесли ему вдругъ всю требуемую сумму, или сдѣлавъ заемъ, или другимъ способомъ пріобрѣтя деньги, такъ чтобы онъ могъ, не выжидая конца операціи сбора, удовлетворить папу; а послѣ они могутъ возвратить свое, когда будетъ собрана десятина. Онъ говорилъ, что государь папа обремененъ такими огромными долгами, что онъ рѣшительно не знаетъ, какимъ образомъ кончить предпринятую войну. Послѣ того соборъ разошелся, впрочемъ не безъ сильнаго ропота.

Тогда Стефанъ немедленно разослалъ письма епископамъ, аббатамъ, пріорамъ и монастырямъ всѣхъ орденовъ, съ приказаніемъ, подъ страхомъ отлученія, препроводить ему къ назначенному дню сумму серебра, хорошею новою монетою, полнаго вѣса, достаточную для того, чтобы государь папа могъ удовлетворить своихъ кредиторовъ, и чтобы они сами спаслись отъ отлученія. Этотъ человѣкъ былъ до того неумолимъ въ своихъ требованіяхъ, что требовалъ десятины даже съ плодовъ слѣдующей осени, которыхъ можно было ожидать. Прелаты, не имѣя другихъ средствъ, продавали чаши, сосуды, раки и другіе священные предметы; иные же отдавали ихъ въ залогъ и дѣлали займы. Стефанъ имѣлъ при себѣ проклятыхъ ростовщиковъ, которые выдавали себя за негоціантовъ и прикрывали свою постыдную дѣятельность именемъ торговли; они-то и снабжали серебромъ тѣхъ, которые находились въ нуждѣ и угнетались взысканіями Стефана. Онъ не давалъ никому пощады, угрожалъ всякому, и тѣ, которые успѣли достать серебро за большіе проценты, дѣлались потомъ жертвою ростовщиковъ и претерпѣвали страшные убытки. Англія разражалась въ то время такими проклятіями, что нельзя было повторять ихъ вслухъ; ропотъ былъ на устахъ всѣхъ; каждый говорилъ: „О, еслибы этотъ сборъ не пошелъ въ прокъ тѣмъ, для которыхъ его дѣлаютъ!“ Желаніе народа исполнилось, ибо „худо пріобрѣтенное не приноситъ пользы“. Но съ этой эпохи Англію точили ультрамонтаны (т.-е. загорные люди, живущіе за Альпами; ихъ называли также *ломбардами*; и эти два выраженія сдѣлались тождественными съ именемъ ростовщика), которые хотя и называли себя торговцами, но, въ сущности, были безбожными ростовщиками, которые старались поймать въ свои сѣти всѣхъ, кого угнетали поборы римскаго двора. Вслѣдствіе всего того, Стефанъ, капелланъ государя папы, а на дѣлѣ человѣкъ, стригшій себѣ серебряное руно, оставилъ въ Англіи ненавистную память о себѣ. Райнульфъ, графъ Честерскій, одинъ воспротивился съ энергіею; онъ не хотѣлъ предать свою землю рабству, и не позволилъ ни одному духовному или клерику въ своемъ ленѣ платить десятины; между тѣмъ Англія, Валлисъ, Шотландія и Ирландія были вынуждены къ тому. При этомъ оставалось утѣшиться только тѣмъ, что и заморскія государства, даже самыя отдаленныя, не были изъяты отъ этого побора. Когда всѣ эти громадныя богатства достигли рукъ папы,

онъ щедро надѣлилъ ими Іоанна Бріеннскаго и другихъ вождей своей арміи, что принесло великій вредъ императору, ибо, пользуясь его отсутствіемъ, они разорили его зáмки и укрѣпленія.

Послѣ того авторъ заноситъ, въ видѣ замѣчанія, различныя мелкія событія: посвященія въ епископы, смерть замѣчательныхъ прелатовъ; неудавшіеся сборы бароновъ Англіи сдѣлать высадку во Францію; смерть одного ростовщика въ Бретани и жестокій поступокъ графа съ священникомъ, который не хотѣлъ похоронить ростовщика, какъ отлученнаго за лихоимство, и т. д. Послѣ того авторъ снова обращается къ своему предмету.

Въ этомъ же самомъ году Фридрихъ, императоръ римлянъ, возвративъ христіанству Св. Землю и заключивъ съ Вавилонскимъ султаномъ миръ на 10 лѣтъ, подтвержденный клятвенно съ обѣихъ сторонъ, сѣлъ на корабль въ день Воздвиженія св. Креста (14 сентября), чтобы, переѣхавъ Средиземное море, возвратиться въ свое государство. Но, узнавъ, что Іоаннъ Бріеннскій выжидаетъ его въ гаваняхъ, онъ опасался пристать къ берегу безъ предосторожностей; чтобы не попасться въ плѣнъ, онъ направился къ одному вѣрному мѣсту, пославъ туда напередъ лазутчиковъ, которые и ввели его въ гавань невредимо. Высадившись благополучно въ Сициліи, но съ небольшимъ числомъ людей, онъ узналъ, что его противники успѣли уже покорить многіе изъ его зáмковъ и укрѣпленій, что папа держитъ на жалованьѣ войско, которое онъ осыпаетъ золотомъ и богатствами; и что, наконецъ, его враги, не встрѣчая себѣ препятствій, свободно распространяются по землямъ имперіи и опустошаютъ ихъ. Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи о его прибытіи, законные вассалы императора толпами начали стекаться около Фридриха, сообразно той клятвѣ, которая связывала ихъ съ императоромъ. При ихъ помощи и поддерживаемый новыми подкрѣпленіями, онъ бетрепетно напалъ на враговъ и началъ мало-по-малу завоевывать у нихъ свои утраченныя земли и свои зáмки.

Этимъ авторъ заключаетъ хронику 1229 года, и переходитъ къ послѣдующимъ годамъ, излагая исключительно важнѣйшія событія исторіи западной Европы до 1240-хъ годовъ, когда появленіе монголовъ, имѣвшее огромное вліяніе на судьбу Палестины, заставило его снова обратиться къ судьбамъ Св. Земли. — (См. ниже, въ слѣдующей 67 статьѣ, продолженіе о томъ).

Монахъ Матвѣй Парижскій.

Historia major Angliæ, seu Chronicon ab a. 1066 — 1259. — Подъ годомъ 1228 и 1229.

О жизни и сочиненіяхъ Матвѣя Парижскаго см. выше, краткій очеркъ во II томѣ, въ примѣч. къ ст. 66, и ниже подробнѣе въ примѣчаніи къ ст. 67.

67.—Монголы и завоеваніе Іерусалима хорарезмійцами. 1244 г.

(Въ 1259 г.).

Авторъ, подъ 1238-мъ годомъ своей хроники, разсказываетъ сначала различныя внутреннія событія англійской исторіи: бракъ Симона Монфора съ сестрою короля Генриха III; возстаніе противъ него бароновъ; смерть королевы Шотландской; прибытіе Константинопольскаго императора въ Англію; ссору папскаго легата съ Оксфордскими студентами; наконецъ, онъ упоминаетъ о смерти египетскаго султана, покровителя христіанъ и друга Фридриха II, и по этому поводу говоритъ, что въ этомъ же году явились въ Европѣ въ первый разъ мусульмане проповѣдниками крестоваго похода, по случаю нападенія на переднюю Азію монголовъ.

1238 г. Около этого времени къ королю Франціи прибыло торжественное посольство отъ сарацинъ, и особенно отъ Горнаго-Старца, чтобы извѣстить его и разсказать ему сущую правду о томъ, какъ съ сѣверныхъ горъ спустилось чудовищное и кровожадное племя людей; какъ оно наводнило собою пространныя и богатыя земли Востока, опустошило Великую Венгрію и повсюду разослало грозныя письма и посольства. Ихъ предводитель называетъ себя посланникомъ Всевышняго, которому предназначено усмирить мятежные народы. Эти варвары отличаются огромною головою, несоотвѣтствующею остальному тѣлу; пищею имъ служитъ сырое мясо и даже мясо людей. Они отличные стрѣлки; умѣютъ переплывать всякія рѣки въ кожаныхъ ладьяхъ, которыя они носятъ съ собою; при громадномъ ростѣ, они обладаютъ страшною силою; безбожны и неумолимы; ихъ языкъ не походитъ ни на одно изъ извѣстныхъ намъ нарѣчій. Они весьма богаты всякаго рода скотомъ; лошади ихъ быстры, и могутъ въ одинъ день пробѣжать пространство трехъ дней пути; будучи отлично вооружены спереди, они не носятъ никакого вооруженія сзади, такъ-какъ имъ запрещено бѣгство. Ихъ предводитель, человѣкъ свирѣпый, называется Кааномъ (т.-е. ханъ). Они обитаютъ сѣверныя страны и спускаются то съ Каспійскихъ горъ, то съ горъ сосѣднихъ; ихъ называютъ *татарами* (или монголами) отъ имени рѣки Таръ. Будучи слишкомъ многочисленны, къ несчастью рода человѣческаго, они какъ бы выходятъ изъ земли кипучимъ ключемъ: они уже и прежде дѣлали нападенія, но въ нынѣшнемъ году распространились съ необыкновенною яростью. Вслѣдствіе того жители Готіи (т.-е. Скандинавіи) и Фризіи, опасаясь нападенія варваровъ, не приходили по обычаю въ Англію во время ловли сельдей, чѣмъ они обыкновенно нагружали свои корабли въ Ярмутѣ. А потому въ этотъ годъ селедку отдавали за даромъ, вслѣдствіе отсутствія вывоза; и въ странахъ самыхъ отдаленныхъ отъ моря можно было купить за одну серебряную монету (pro uno argenteo) отъ сорока до пятидесяти штукъ и самыхъ

свѣжихъ. Сарацинскій посолъ, знатный человѣкъ и знаменитаго происхожденія, явился къ королю Франціи съ порученіемъ отъ восточныхъ князей извѣстить о случившемся и просить у западныхъ народовъ помощи для отраженія неистовства татаръ. Этотъ же посолъ поручилъ одному изъ сопровождавшихъ его сарацинъ отправиться къ королю Англіи, разсказать ему о всемъ происшедшемъ и сказать ему, что если сарацины не остановятъ вторженія варваровъ, то они опустошатъ весь Западъ, а поэтъ сказалъ: „Если горитъ домъ сосѣда, то подумай о своемъ домѣ". Посланный просилъ потому, чтобы въ столь крайнемъ и важномъ для всего міра положеніи христіане поддержали сарацинъ и помогли имъ отразить общаго врага. Епископъ Винчестерскій, принявшій крестъ и присутствовавшій случайно на этомъ свиданіи, отвѣтилъ весьма умно: „Оставимъ собакъ грызть другъ друга и взаимно истреблять; а когда придетъ нашъ чередъ, мы вступимъ въ борьбу съ тѣми изъ христовыхъ враговъ, которые переживутъ и очистимъ лицо земли отъ нихъ; да подчинится весь міръ единой каѳолической церкви, и да будетъ едино стадо и единъ пастырь!"

Этимъ отрывочнымъ извѣстіемъ о появленіи монголовъ въ Азіи и ограничивается авторъ подъ 1238 годомъ; затѣмъ онъ обращается къ внутреннимъ событіямъ европейской исторіи послѣдующихъ 1239, 1240 и 1241 годовъ, останавливаясь преимущественно на борьбѣ Генриха III съ англійскими баронами и Фридриха II съ папою. Упомянувъ подъ 1241 годомъ о взятіи въ Италіи города Фаэнцы, державшаго сторону папъ, Фридрихомъ II, авторъ вторично обращается къ монголамъ.

1241 г. Во время всѣхъ этихъ событій, это племя безчеловѣчное, неистовое, варварское, необузданное и беззаконное, извѣстное подъ именемъ татаръ, дерзко напало на земли христіанъ съ сѣвера, произвело страшныя опустошенія и возбудило въ цѣломъ христіанствѣ страхъ и ужасъ. При своей неслыханной кровожадности, они обратили почти въ пустыню Фризію, Готію, Польшу, Богемію и большую часть обѣихъ Венгрій, принудивъ къ бѣгству и умертвивъ князей, прелатовъ и жителей городовъ и селъ. Вотъ тѣ письма, писанныя во внутреннюю Европу, по которымъ можно судить о томъ разрушительномъ происшествіи. Въ нихъ говорилось слѣдующее:

„*Гейнрихъ*, милостію божіею, графъ Лотарингскій, палатинъ саксовъ, своему тестю и государю, любимому и вѣчно любимому, знаменитому владѣтелю, герцогу Брабантскому, свидѣтельствуетъ о своей ревности и готовности служить ему какъ угодно!

„Несчастія, предсказанныя въ Писаніи издревле, не изсякли и теперь, и въ наказаніе за наши грѣхи появляются отовсюду. На самомъ дѣлѣ, народъ кровожадный и безчисленный, племя неистовое и беззаконное вторглось и заняло сосѣднія намъ страны. Они достигли даже Польши, ограбивъ предварительно другія страны и истребивъ ихъ народы. По этому случаю я получилъ увѣдомленіе и просьбу какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ нашего любезнаго брата, короля Богеміи, поспѣшно вооружиться и придти на помощь и защиту вѣрныхъ. Дѣй-

ствительно, теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что эта татарская нація намѣрена чрезъ недѣлю послѣ Пасхи кровожадно ворваться въ Богемію и опустошить ее, если королю не будетъ оказана заблаговременная помощь. Такъ-какъ горитъ домъ у сосѣда, и сосѣдняя намъ земля подверглась разграбленію, а часть ея уже опустошена, то мы просимъ со слезами помощи и совѣта у Бога и у своихъ сосѣдей, нашихъ братьевъ, во имя вселенской церкви. Всякое промедленіе будетъ опасно, и мы молимъ васъ настойчиво спѣшить, какъ можно скорѣе, намъ на помощь, ибо дѣло идетъ столько же о вашемъ избавленіи, сколько и о нашемъ; соберите многочисленную конницу, храбрую и отважную: ваши вассалы поставятъ вамъ ее; держите ее всегда на-готовѣ, во ожиданіи, когда мы пошлемъ вторично дать знать. А мы, чрезъ содѣйствіе своихъ прелатовъ и братьевъ Проповѣдниковъ и Миноритовъ, объявимъ повсюду крестовый походъ, такъ-какъ дѣло идетъ о Богѣ распятомъ, молебствія и посты, и призовемъ къ священной войнѣ всѣхъ обитателей страны. Замѣтимъ при этомъ, что значительная часть этой проклятой націи съ другою арміею, соединенною съ ними, опустошаетъ Венгрію съ неслыханнымъ варварствомъ; въ рукахъ короля этой страны, какъ увѣряютъ, осталась самая ничтожная часть его владѣній. Однимъ словомъ, церковь и населеніе сѣверныхъ странъ угнетены и подавлены бѣдствіями всякаго рода до того, что еще никогда, отъ начала міра, эти земли не претерпѣвали столь великихъ золъ.

„Дано въ годъ благодати 1241, въ день, когда поютъ: „Возрадуйся, Іерусалиме!“

Таково же было содержаніе письма, отправленнаго герцогомъ Брабантскимъ епископу Парижа. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ писалъ и архіепископъ Кёльнскій королю Англіи. Вотъ почему, вслѣдствіе этихъ тяжкихъ бѣдствій и несогласія, горестнаго для церкви, между императоромъ и папою, предписаны были во многихъ странахъ посты и молитвы, съ щедрою раздачею милостыни, дабы Господь, поправшій своихъ враговъ и торжествующій руками и слабыхъ и сильныхъ, сжалился надъ своимъ народомъ и низринулъ гордыню татаръ.

Въ то время, когда этотъ бичъ гнѣва господня угрожалъ народамъ, королева Бланка, мать короля французскаго (Лудовика IX Св.), женщина уважаемая и любимая Богомъ, воскликнула при полученіи этихъ извѣстій: „Гдѣ вы, король Лудовикъ, мой сынъ?“ Онъ подбѣжалъ и отвѣтилъ: „Что съ вами, мать моя?“ Тогда она съ плачемъ и вздохами, какъ женщина, но съ большею твердостью, нежели обыкновенныя женщины, говорила ему, помышляя о предстоящей опасности: „Что теперь дѣлать, мой сынъ, при этомъ печальномъ событіи, ужасный слухъ о которомъ распространился между нами? Нынѣ всѣмъ намъ и всей святой церкви угрожаетъ вторженіе татаръ“. На эти слова, король отвѣчалъ хотя и печальнымъ голосомъ, но вдохновленнымъ свыше: „О, мать моя, да подкрѣпятъ насъ небесныя утѣшенія! Если эта нація нападетъ на насъ, то или мы отправимъ этихъ татаръ въ тартаръ (адъ), откуда они вышли, или они откроютъ намъ дорогу на небо“. Онъ какъ бы хотѣлъ этимъ сказать: „Или мы ихъ отразимъ, или, въ противномъ случаѣ, мы отойдемъ къ Богу, какъ

исповѣдники Христа и мученики". Эта замѣчательная и благородная рѣчь воодушевила не только французское рыцарство, но и жителей сосѣднихъ странъ. Императоръ, узнавъ объ этомъ вторженіи, писалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ христіанскимъ владѣтелямъ, и въ особенности королю англійскому:

„*Фридрихъ* (II), императоръ римлянъ и Августъ и пр., королю Англіи привѣтъ!"

„Въ настоящее время происходятъ событія, которыя занимаютъ столько же римскую имперію, имѣющую обязанность распространять евангеліе, сколько и остальныя государства вселенной, исповѣдующія христіанскую вѣру; какъ ни поздно пришли къ намъ извѣстія о томъ, но мы не можемъ не сообщить вамъ ихъ. Какой-то народъ, вышедшій уже давно изъ послѣднихъ предѣловъ земли, прибылъ изъ странъ южныхъ; долгое время скрываясь въ жаркомъ поясѣ и обожженный солнцемъ, онъ направился потомъ къ Сѣверу; овладѣвъ силою всей страной, это племя долгое время оставалось тамъ и множилось, какъ желуди. Это народъ варварскій и по происхожденію, и по образу жизни; не знаю, откуда явилось ихъ названіе *татары*, отъ ихъ ли происхожденія, или отъ мѣста, въ которомъ они жили; повидимому, божественное провидѣніе держало ихъ до настоящаго времени съ цѣлью наказать ими и исправить божій народъ: но да не послужитъ то къ паденію всего христіанства! Это вторженіе сопровождалось общественными бѣдствіями; всеобщее разореніе было послѣдствіемъ его, и плодоносныя земли, по которымъ прошла эта нечестивая нація, остались опустошенными. Не щадя ни возраста, ни пола, ни достоинства, они стремятся къ уничтоженію всего рода человѣческаго; увѣренные въ своемъ могуществѣ и надѣясь на свою многочисленность, татары желаютъ одни господствовать на всей поверхности земли. Предавъ грабежу и смерти всѣ страны, которыя они могли только завидѣть, оставивъ позади себя безконечныя пустыни, они прибыли въ землю густо населенную куманами (половцами). Тамъ татары, этотъ народъ, не щадящій жизни и привыкшій къ своимъ лукамъ, стрѣламъ и дротикамъ болѣе, нежели мы къ своему оружію, руки которыхъ болѣе мощны и извѣданы, нежели у другихъ народовъ, разсѣяли тотъ народъ и покорили его; мечъ татаръ обагрился въ крови тѣхъ, которые не успѣли бѣжать. Но такое сосѣдство не могло внушить болѣе благоразумія и осторожности русскимъ (rutheni); врагъ былъ вовсе не такъ далеко, чтобы они, не видавъ прежде никогда такого народа, не пришли въ ужасъ отъ приближавшагося пожара и не приняли мѣръ противъ набѣга татаръ, или вообще не подумали бы о своемъ спасеніи. Между тѣмъ варвары явились внезапно съ цѣлью грабить и истреблять. Когда этотъ неистовый народъ, бросающійся съ быстротою гнѣва божія или молніи, напалъ на нихъ, городъ Кіевъ (Cleva), одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ этой страны, былъ уже осажденъ и взятъ приступомъ, и все то знаменитое государство, жители котораго были перерѣзаны, было предано грабежу и опустошенію. Такая участь должна была бы заставить венгровъ, сосѣднихъ имъ, подумать о мѣрахъ предосторожности; но венгры, по своей небрежности, не подумали о защитѣ.

Далѣе авторъ разсказываетъ о завоеваніи Венгріи монголами и о приближеніи ихъ къ границамъ имперіи.

Теперь ужасъ и страхъ, внушаемый неистовствомъ этихъ завоевателей, долженъ овладѣть сердцемъ каждаго; подавляющая насъ необходимость, близко угрожающая опасность заставляютъ подумать о мѣрахъ къ отраженію врага. Всеобщее истребленіе міра и въ особенности христіанства требуетъ поспѣшной помощи, ибо эта свирѣпая и беззаконная нація не знаетъ человѣколюбія. Между тѣмъ она слѣдуетъ за повелителемъ, котораго чтитъ и послушно уважаетъ, называя его богомъ земли. Это — люди малорослые, но сильные; широкоплечіе, съ мощными руками и ногами, мускулистые, неустрашимые и всегда готовые броситься въ опасность по одному слову предводители. Лицо ихъ широкое, глаза скошенные; они издаютъ пронзительный крикъ, вполнѣ выражающій свирѣпость ихъ сердца. Они одѣваются въ недубленую кожу и прикрываются воловьей шкурой, или шкуройословъ и лошадей, нашитою на желѣзный обручъ; таково ихъ вооруженіе, которое они употребляютъ до настоящаго времени. Но, о чемъ мы не можемъ говорить безъ сожалѣнія, они успѣли теперь облечься въ лучшее вооруженіе, пользуясь добычею, отнятою у христіанъ, чтобы къ нашему стыду мы истреблялись собственнымъ оружіемъ: такъ хочетъ гнѣвъ божій! Теперь они ѣздятъ на лучшихъ лошадяхъ, лучше ѣдятъ и одѣваются менѣе дико. Эти татары — отличные стрѣлки; они носятъ съ собою искусно изготовленные мѣха, при помощи которыхъ безопасно и скоро переправляются по рѣкамъ и болотамъ. Говорятъ, что ихъ лошади, когда недостаетъ фуража, питаются древесною корою, листьями и корнями травъ; они ведутъ лошадей за собою, и, не смотря на то, ихъ лошади въ случаѣ нужды обнаруживаютъ легкость и быстроту. Я предвидѣлъ и предсказывалъ эти бѣдствія, я часто писалъ къ вашему величеству и извѣщалъ чрезъ пословъ, какъ васъ, такъ и другихъ христіанскихъ государей; я убѣждалъ ихъ сохранять между собою миръ и просилъ прекратить раздоры, вредные республикѣ христовой; я говорилъ, что необходимо съ поспѣшностью подняться всѣмъ, чтобы остановить успѣхи этого народа, готоваго броситься на насъ, ибо стрѣла ранитъ не такъ опасно, когда успѣешь предвидѣть ее. Нашимъ врагамъ остается только радоваться, видя, какъ несогласіе раздѣляетъ христіанскихъ государей и расчищаетъ имъ дорогу.

Императоръ, пользуясь этимъ случаемъ, обращается съ упреками къ папѣ, который враждуетъ противъ него, и молитъ всѣ христіанскіе народы собраться во едино „для низверженія татаръ въ тартаръ", и въ заключеніе исчисляетъ всѣ народы, которые могли бы соединиться вмѣстѣ для борьбы съ общимъ врагомъ.

Такъ, сойдутся вмѣстѣ *Германія*, бурная и пылкая на войнѣ; *Франція*, мать и вскормленница отважнаго рыцарства; *Испанія*, воинственная и неустрашимая; плодоносная *Англія*, богатая героями и мощная своимъ флотомъ; *Алеманнія*, славная мужественными витя-

зями; *Дакія* (Данія), искусная въ морскихъ бояхъ; неукротимая *Италія*; *Бургундія*, не знающая моря; *Апулія*, которая не можетъ терпѣть покоя; острова морей Адріатическаго, Греческаго и Тирренскаго, *Критъ, Кипръ, Сицилія*, доставляющіе непобѣдимыхъ мореходовъ; кровожадная *Ирландія;* острова и страны, сосѣднія океану; живой *Валлисъ;* болотистая *Шотландія;* ледяная *Норвегія;* однимъ словомъ, всѣ знатныя страны Запада, управляемыя королями, пошлютъ избранное воинство, которое выступитъ подъ знаменемъ животворящаго креста, креста, который наводитъ страхъ не только на мятежныхъ людей, но и на неистовыхъ демоновъ.

„Дано во время обратнаго движенія, послѣ сдачи и разоренія Фаэнцы, въ 13 день іюля".

Таково было содержаніе письма, съ которымъ императоръ, въ своей заботѣ объ общественномъ дѣлѣ, обратился къ различнымъ государямъ, перемѣняя только титулъ и нѣкоторыя слова въ самомъ содержаніи. Въ письмѣ, адрессованномъ къ королю Франціи, слѣдующее мѣсто весьма раздражило его: „Я удивляюсь, писалъ Фридрихъ, что дальновидность французовъ не можетъ лучше другихъ раскрыть хитрости папы и не видитъ его намѣреній. Дѣйствительно, его ненасытное властолюбіе стремится подчинить себѣ всѣ государства вѣрныхъ. Папа беретъ за образецъ англійскую корону, которую онъ повергъ къ своимъ стопамъ, и теперь, чтобы поработить своей волѣ императорское величество, онъ осмѣливается въ своей продерзости объявлять самыя наглыя притязанія".

По всей Европѣ и даже въ странахъ сарацинскихъ распространился странный слухъ, и по поводу того явились самыя противорѣчивыя мнѣнія. На самомъ дѣлѣ, были люди, которые утверждали, что императоръ самъ съ умысломъ поднялъ этотъ бичъ народовъ, татаръ; что то велерѣчивое письмо служило только прикрытіемъ самыхъ черныхъ замысловъ; что Фридрихъ, въ своихъ дерзкихъ замыслахъ, домогался власти надъ вселенной и уничтоженія христіанской вѣры, по примѣру Луцифера или антихриста. Его упрекали за одно мѣсто письма, которое было несогласно съ истиною. Тамъ сказано, что татары, неизвѣстные прочимъ людямъ, вышли изъ южныхъ странъ, находящихся въ жаркомъ поясѣ; но это, очевидно, сказка, ибо мы никогда не слыхали, чтобы татары проходили по южнымъ странамъ или восточнымъ. Подозрѣвали даже болѣе: что тайныя дѣйствія татаръ обходились не безъ сношенія ихъ съ императоромъ; никто не могъ открыть ихъ козней и плановъ, ибо они умѣютъ скрывать свой языкъ и научились перемѣнять вооруженіе. Если кто-нибудь изъ нихъ попадется въ плѣнъ, то величайшія мученія не могутъ исторгнуть у плѣнника ихъ замысловъ и плановъ. Извѣстно, что все пространство міра дѣлится на семь климатовъ, а именно: индѣйскій, эѳіопскій или мавританскій, іерусалимскій, греческій, римскій и франкскій, и что на всей поверхности земли обитаемой нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда не проникали бы купцы, какъ о томъ сказалъ поэтъ: „Неутомимый купецъ доходитъ до конца Индіи"; какъ же могло случиться, что эти татары, при своей многочисленности, оставались до сихъ поръ никому неизвѣстными? Откуда явилось между ними такое согласіе

въ замыслахъ и такая печальная тайна о ихъ существованіи? Говорятъ, что это гирканы и скиѳы (Sicii), столь любящіе проливать кровь, и которые живутъ по горамъ и въ ущельяхъ сѣвера, ведутъ жизнь свирѣпую и покланяются горнымъ духамъ въ опредѣленное время. Эти-то татары, въ союзѣ съ куманами, были приглашены императоромъ, и напали на короля венгровъ и другихъ владѣтелей въ имперіи съ цѣлью, утомивъ ихъ войною, заставить искать убѣжища у императора и дать ему присягу, за что императоръ окажетъ имъ помощь. Дѣйствительно, когда все это случилось, непріятель удалился. Но я далекъ отъ мысли, чтобы подобное злодѣяніе могло гнѣздиться въ сердцѣ одного человѣка.

Послѣ того авторъ снова оставляетъ монголовъ въ сторонѣ и разсказываетъ внутреннія событія европейской исторіи, и опять преимущественно тѣ, которыя относятся къ борьбѣ Генриха III съ баронами Англіи, и Фридриха II съ папами, подъ годомъ 1242 и 1243. Но, дойдя до 1244 года, авторъ возвращается къ монголамъ по поводу просьбы венгерскаго короля къ Фридриху II о помощи противъ завоевателей, подъ условіемъ ленной присяги императору; разсказавъ коротко, что Фридрихъ II изгналъ монголовъ и освободилъ Венгрію, авторъ записываетъ бракъ побочной дочери Фридриха съ однимъ греческимъ княземъ Ватакомъ, что еще болѣе раздражило папу противъ императора, ибо Ватакъ въ его глазахъ былъ еретикъ. Послѣ того авторъ обращается, наконецъ, къ Палестинѣ и говоритъ о томъ вліяніи, которое произвело на ея судьбу вторженіе монголовъ въ переднюю Азію.

1244 г. Между тѣмъ татары, изгнанные изъ Венгріи и не имѣя возможности вынести удара, нанесеннаго имъ силами императора, оставили сѣверныя страны и съ быстротою направились на Востокъ. Въ то время, когда они опустошали съ свирѣпостью владѣнія Персіи, другой народъ, весьма кровожадный и безчеловѣчный, населявшій страны, сосѣднія Чермному морю и признававшій надъ собою власть Вавилонскаго султана, извѣстный подъ именемъ *хow варезмійцевъ*, старался избѣгнуть бури, угрожавшей ему отъ вторженія варваровъ. Явившись въ вавилонскому султану, они требовали у него настойчиво мѣста для поселенія. Султанъ, понимая, что въ случаѣ отказа ховарезмійцы добудутъ свое мечемъ, отвѣчалъ имъ: „Недалеко отъ насъ обитаетъ народъ, который мы называемъ христіанами; они живутъ въ приморскихъ странахъ, враждебны нашему закону, непріязненны намъ и угрожаютъ вступить съ нами въ еще болѣе ожесточенную борьбу. Самое драгоцѣнное для нихъ мѣсто—Іерусалимъ. Идите же мужественно на нихъ, выгоните ихъ и овладѣйте ихъ жилищами. Побѣдивъ христіанъ, вы обогатитесь драгоцѣнными добычами, пріобрѣтете въ волю земель съ зàмками и городами, и тогда вы разсчитывайте вполнѣ на мое покровительство“. Тогда ховарезмійцы, воодушевленные такою рѣчью, напали сначала на Іерусалимъ и произвели страшное опустошеніе между христіанами, какъ мы подробно узнали о томъ изъ писемъ владѣтельныхъ лицъ.

„*Фридрихъ* (II)[1]) божіею милостью императоръ римлянъ и Августъ, король Іерусалима и Сициліи, Ричарду, графу Корнваллійскому, своему любезному брату, привѣтъ и увѣреніе въ искренней дружбѣ!

„Въ Римѣ былъ слышенъ голосъ, рыданія и вопли. Молва признала этотъ голосъ за предвѣщаніе нашихъ бѣдствій; но бѣдствія не приходятъ по одиночкѣ. Дѣйствительно, многочисленные удары грома, разразившіеся въ окрестностяхъ Іерусалима предвѣщали близость бури, кровавое истребленіе вѣрующихъ во Христа, плачевную утрату Гроба господня, наконецъ опустошеніе св. города, и все это случилось въ наше время. Молнія сверкнула, но вмѣсто того, чтобы привести за собою росу или капли дождя, она заволокла тучами небо и залила насъ потокомъ бѣдствій. Дѣйствительно, въ ту минуту, когда любовь и долгъ вѣры воодушевляли христіанъ, переживших избіеніе отъ руки хoварезмійцевъ, къ тому, чтобы отмстить злодѣямъ за то бѣдствіе, и когда вожди и самый послѣдній воинъ требовали возстановленія чести, патріархъ Іерусалимскій, желая одинъ воспользоваться славою побѣды и считая вѣроятно другихъ князей недостойными его сообщества, явился проповѣдникомъ похода господня, раздражалъ и безъ того пылкія сердца своихъ слушателей и воспалилъ въ нихъ благочестивую ревность, которая на этотъ разъ была неумѣстна; не дождавшись благопріятной минуты—а это главное требованіе законовъ войны—христіанская армія, составленная изъ соединенныхъ силъ заморскаго рыцарства, напала за два дня до праздника св. Луки евангелиста (16 окт.) на хoварезмійцевъ, которые предвидѣли такое нападеніе и изготовились къ битвѣ; въ этомъ дѣлѣ, начатомъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, едва нѣсколько человѣкъ со стороны христіанъ успѣли спастись отъ смерти или плѣна. Другіе, но въ весьма небольшомъ числѣ, освободились послѣ и бѣжали; при томъ это были люди, которыхъ отвага не увлекла въ самый центръ боя, гдѣ съ трескомъ ломалось оружіе и сыпались удары. Изъ всѣхъ бароновъ Св. Земли, изъ всего рыцарства Іерусалимскаго королевства, изъ цѣлаго монастыря ордена Храмовниковъ, выславшихъ 300 братьевъ, изъ 200 Іоаннитовъ и изъ всего Нѣмецкаго ордена св. Маріи—о бѣдствіе!—не спасся никто, кромѣ патріарха, барона Монфорта, знаменоносца королевства, начальствовавшаго передовымъ отрядомъ, четырехъ рыцарей и небольшого числа прислуги Тампліеровъ, 19 Іоаннитовъ и только трехъ оруженосцевъ Тевтонскихъ братьевъ. Вотъ все, что возвратилось, и то благодаря счастью или бѣгству. Именитые люди, какъ епископъ св. Георгія и владѣтель Каифы, легли на полѣ

[1]) По удаленіи Фридриха II изъ Палестины въ 1229 г., Іерусалимъ управлялся 10 лѣтъ его намѣстниками; но въ 1239 г. кончился срокъ перемирія съ султаномъ, и мусульмане снова овладѣли Св. Землею. Вслѣдствіе того начались новыя попытки отдѣльныхъ частныхъ лицъ къ возвращенію Гроба господня; самую счастливую изъ такихъ попытокъ сдѣлалъ братъ Генриха III, Ричардъ Корнваллійскій, племянникъ Ричарда Львиное-Сердце. Въ 1240 г. онъ успѣлъ второй разъ овладѣть Іерусалимомъ, и на слѣдующій годъ возвратился въ Европу, предоставивъ Св. Землю на жертву междоусобій партіи Фридриха II съ патріархомъ и орденами. Въ такомъ положеніи нашли Іерусалимъ хoварезмійцы, когда они подступили къ нему въ 1244 г.

битвы подъ смертоносными ударами. Галтерій, графъ Іоппе, былъ смертельно раненъ. Архіепископъ Тирскій, переживштій свои раны, былъ заключенъ въ темницу. Все это я узналъ изъ писемъ, которыя дошли до меня изъ монастыря Нѣмецкаго ордена св. Маріи. Такое плачевное событіе должно возбудить тѣмъ бо́льшую печаль и огорченіе въ нашемъ сердцѣ и въ сердцахъ всѣхъ христіанскихъ князей, и пролить потоки слезъ, потому что этому пораженію предшествовали ошибки, а безпечность послѣдовала за нимъ. Дѣйствительно, духовный орденъ Тампліеровъ, гордыня которыхъ питается изнѣженностью туземныхъ бароновъ Св. Земли, предались самообольщенію и своею безумною и вѣроломною войною заставили Вавилонскаго султана обратиться съ просьбою о помощи къ ховарезмійцамъ, не смотря на союзъ, заключенный нашимъ именемъ съ султаномъ, по согласію съ монастыремъ и магистрами орденовъ Іоаннитскаго и Нѣмецкаго св. Маріи; дѣйствуя такимъ образомъ, Тампліеры могутъ быть обвинены не только въ очевидномъ промахѣ, который можно сдѣлать по простотѣ ума, ибо они, ожидая найти постоянство въ измѣнчивости варваровъ и вѣрность въ вѣроломствѣ, призвали къ себѣ на помощь противъ Вавилонскаго султана и ховарезмійцевъ султана Дамаска и Крака, противныхъ ему и по религіозному различію, и по намѣреніямъ; неужели для погашенія пожара нужно лить масло? Кромѣ того, Тампліеры были до униженія снисходительны къ тѣмъ двумъ султанамъ, какъ насъ увѣрили въ томъ нѣкоторые изъ духовныхъ, прибывшіе изъ-за моря; а именно, тѣ султаны и ихъ люди были ими приняты съ торжествомъ въ самомъ монастырѣ ордена Тампліеровъ, и совершали свои предосудительные обряды и мірскія празднества, призывая имя Магомета. Между тѣмъ они никакимъ образомъ не могли совершенно уничтожить въ себѣ привязанность къ своимъ единовѣрцамъ и затаенную ненависть къ намъ однимъ обѣщаніемъ союза съ нами, и послѣдствія скоро доказали, что тѣ султаны были болѣе врагами, чѣмъ союзниками. Дѣйствительно, за исключеніемъ султана Щамеля, убѣжавшаго съ поля сраженія съ 5 человѣками, котораго султанъ Дамаска послалъ на помощь противъ Вавилонскаго султана, и который не надѣялся быть хорошо принятымъ со стороны послѣдняго, всѣ другіе до султана Крака, показавъ видъ, что они намѣрены принять участіе въ битвѣ, перешли на другую сторону, къ которой и прежде были расположены сердцемъ, и не участвовали въ битвѣ, даже не обнаружили подобнаго намѣренія. Ко всему этому, крайняя безпечность—послѣднее несчастіе, когда дѣло идетъ о спасеніи—довершила нашу опасность и грозила окончательнымъ разореніемъ. Намъ, какъ людямъ православнымъ, тяжело писать безъ огорченія, что главы православія вовсе не думаютъ о мѣрахъ къ исправленію такого печальнаго зла, и не сѣтуютъ, подобно нашимъ предкамъ, о столь горестныхъ событіяхъ; но что еще хуже, мы не обращаемъ вовсе вниманія на свои раны, и не торопимся уврачевать ихъ, какъ будто бы дѣло идетъ не о христіанахъ и не о христіанской вѣрѣ. Господь поразилъ насъ, а мы и не горюемъ; со всѣхъ сторонъ горятъ кровли нашихъ домовъ, а мы и не спѣшимъ за водой; напротивъ, каждый радуется бѣдствіямъ другого.

Затѣмъ императоръ описываетъ эти бѣдствія, останавливаясь преимущественно на вторженіи монголовъ и враждѣ къ нему римскихъ папъ, которые продолжали вооружать противъ него итальянскіе города.

„Впрочемъ я не думаю, что намъ слѣдуетъ считать это дѣло (т. е. завоеваніе Палестины) отчаяннымъ и осужденнымъ на смерть, и не думать болѣе о возможныхъ и должныхъ средствахъ. Я съ своей стороны не отказываюсь отъ того, и, даже обѣщая свои услуги тѣмъ охотнѣе, что сѣкира уже лежитъ при корнѣ дерева, полагаю, что мнѣ и всѣмъ христіанскимъ государямъ должно поспѣшить на помощь; но мнѣ необходимо, чтобы Италія была умиротворена, и чтобы наши права, которыми пользовались предки въ имперіи и въ королевствѣ, были вполнѣ возстановлены; тогда только наши крылья получатъ всю силу при цѣлости своихъ перьевъ и могутъ поднять насъ безопасно въ воздушное пространство.

„Дано въ Фоджіѣ, 27 декабря, 3 индикта“.

Но вотъ что было причиною того плачевнаго избіенія христіанъ, о которомъ говорилось выше, и которое произошло въ самомъ св. городѣ Іерусалимѣ. Когда ховарезмійцы неожиданно напали на патріарха и жителей города, эти послѣдніе бросились поспѣшно съ своими семействами въ городъ Іоппе, чтобы найти тамъ убѣжище. Но коварные ховарезмійцы, желая вернуть бѣглецовъ, съ тѣмъ чтобы поймать ихъ въ свои сѣти и умертвить, распустили на укрѣпленіяхъ города знамена христіанъ, обратившихся въ бѣгство. Вслѣдствіе того тѣ христіане, которые спрятались за городомъ, видя то, пустились въ погоню за бѣглецами, желая оказать имъ братскую услугу, и, догнавъ ихъ на лошадяхъ, приглашали возвратиться, увѣряя, что христіане, оставшіеся въ городѣ успѣли счастливо восторжествовать надъ непріятелемъ и радостно водрузили свои знамена на стѣнахъ. Когда христіане возвратились назадъ и вошли съ полною увѣренностью въ городъ, тотъ народъ, вооруженный съ ногъ до головы и снабженный всякаго рода оружіемъ, бросился на христіанъ, ничего не ожидавшихъ, и всѣхъ ихъ истребилъ мечемъ. При извѣстіи объ этомъ избіеніи, тѣ изъ нашихъ, которые уцѣлѣли въ своихъ замкахъ, собрали сильную и многочисленную армію и рѣшились потребовать отчета отъ убійцъ и отмстить имъ кровавымъ образомъ. Между ними завязалась упорная битва, но, по несчастію, горестному навсегда, христіане были поражены, какъ то явствуетъ изъ вышеприведеннаго письма. Впрочемъ, павшіе, раненые и сохранившіе жизнь бѣгствомъ, хотя и въ маломъ числѣ, заставили непріятели дорого заплатить за побѣду, какъ онъ самъ сознавался послѣ сраженія. Бой продолжался безъ отдыха отъ начала дня до поздняго вечера, когда сдѣлалось такъ темно, что нельзя было никого узнавать, и потому сражающіеся принуждены были разойтись [1]).

За этимъ авторъ приводитъ въ подлинникѣ письмо великаго магистра Іоаннитовъ, Вильгельма Шато-Нёвъ, изъ котораго онъ и почерпнулъ свой

[1]) Эта битва ховарезмійцевъ съ христіанами и ихъ мусульманскими союзниками происходила при Газѣ, въ половинѣ октября 1244 года.

краткій разсказъ объ избіеніи христіанъ въ Іерусалимѣ и о пораженіи ихъ при Газѣ, послѣ чего Іерусалимъ навсегда уже остался въ рукахъ невѣрныхъ и, послѣ битвы при Газѣ, подчинился египетскимъ султанамъ.

Далѣе авторъ по-прежнему обращается къ внутреннимъ событіямъ Европы и излагаетъ ихъ погодно до 1259 года, которымъ и заключается его хроника; только, подъ годами 1248 — 1254, походъ Лудовика IX Св. въ Палестину заставляетъ его на время возвратиться къ исторіи крестовыхъ походовъ.

Монахъ Матвѣй Парижскій.

Historia major Angliæ, seu Chronicon ab a. 1066 — 1259. — Подъ годомъ 1244.

Матвѣй Парижскій (см. краткое извѣстіе о немъ и его трудѣ во II томѣ, въ примѣч. къ ст. 66) принадлежитъ къ числу первоклассныхъ историческихъ писателей въ средніе вѣка. Получивъ свое воспитаніе въ монастырѣ св. Альбанса, одномъ изъ центровъ католическаго просвѣщенія въ Англіи, онъ принялъ монашество въ 1217, изъ чего можно заключить, что ему было тогда не менѣе 20 лѣтъ. Его ученость и искусство каллиграфа и иллюминатора обратили на него вниманіе аббата; потому, когда около 1240 года умеръ монастырскій исторіографъ *Рогеръ Вендоверъ*, писавшій хронику Англіи, начиная отъ завоеванія ея норманнами въ 1066 г., продолженіе этого труда было возложено на Матвѣя Парижскаго. Въ 1247 г. онъ былъ приглашенъ къ королю Генриху III присутствовать при торжествѣ, по случаю доставленія изъ Палестины чаши съ кровью христовой, и король поручилъ ему, какъ знаменитому литератору, составить описаніе всего праздника. Въ томъ же году Иннокентій IV отправилъ его въ Норвегію къ Гакону V для устройства дѣлъ одного монастыря того же бенедиктинскаго ордена; при этомъ Лудовикъ IX Св. поручилъ Матвѣю пригласить Гакона участвовать въ крестовомъ походѣ и принять подъ свое начальство весь флотъ. Послѣднее время Матвѣй предавался исключительно своимъ литературнымъ трудамъ и довелъ продолженную имъ хронику Вендовера до 1259 г., когда онъ скончался самъ. Послѣ него, его хроника была продолжена *Вильгельмомъ Рисгангеромъ* до конца правленія Генриха III (1273 г.).

Этотъ трудъ трехъ монаховъ св. Альбанса въ своемъ соединеніи носитъ общее названіе „Великой исторіи Англіи или Хроники отъ 1066 до 1259", но обыкновенно извѣстенъ подъ именемъ Матвѣя Парижскаго, какъ лучшаго изъ нихъ и болѣе талантливаго писателя. Въ Матвѣѣ Парижскомъ особенно поражаетъ его безпристрастіе въ дѣлахъ церковныхъ; онъ до того не щадитъ папъ и ихъ легатовъ, что многіе изъ позднѣйшихъ писателей подозрѣвали подлинность его сочиненія и думали, что въ XVI вѣкѣ протестанты съ умысломъ исказили хронику Матвѣя своими вставками. Трудъ Матвѣя не менѣе замѣчателенъ какъ богатый сборникъ подлинныхъ документовъ, писемъ, грамотъ и т. п., которые безъ него не дошли бы до насъ; въ хроникѣ помѣщено до 200 такихъ документовъ.—Объ изданіяхъ, переводахъ и критикѣ его хроники см. выше, во II томѣ, въ примѣчаніи къ ст. 66; сверхъ того, остаются неизданными: 1) географическій атласъ, составленный рукою Матвѣя и помѣщенный на первыхъ листахъ манускрипта его Хроники; 2) Малая исторія Англіи, сокращеніе предыдущей, и 3) жизнеописанія нѣкоторыхъ святыхъ.

VII.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ЛУДОВИКА IX СВ.

и

ЗАВОЕВАНІЕ АККОНА МУСУЛЬМАНАМИ.

1248—1291 г.

68. — Первый походъ Лудовика IX Святого въ Египетъ, его плѣнъ и освобожденіе. 1248—1254 гг.

(Между 1304 и 1314 гг.).

Посвященіе отъ автора.

Благороднѣйшему, превосходнѣйшему и могущественнѣйшему королю *Лудовику* [1]), сыну короля Франціи, Наварры, Шампани и Бри, графу Палатину — *Жанъ, сиръ Жоанвилля*, сенешаль Шампани; да наградитъ васъ по моимъ молитвамъ Іисусъ кроткою и всецѣльною любовью и спасеніемъ!

Благороднѣйшій и могущественный государь, вамъ извѣстно, что я писалъ по порученію покойной вашей матери [2]), моей прекраснѣйшей дамы, да проститъ ей Богъ, а поручила она мнѣ потому, что въ то время питала ко мнѣ большую любовь, а также и потому, что ей было извѣстно, какъ я любилъ и вѣрно служилъ вышеупомянутому королю, св. Лудовику, и слѣдовалъ за нимъ во многіе мѣста и города. Она меня просила и молила убѣдительнѣйше, какъ только могла, чтобы я написалъ и составилъ книжку и разсказъ о достойныхъ и святыхъ дѣлахъ государя короля св. Лудовика. Я обѣщалъ то почтительнѣйше и исполнилъ, какъ могъ. Такъ-какъ вы, превосходнѣйшій и могущественный государь, старшій сынъ и наслѣдникъ, вступившій на престолъ по смерти отца, то я вамъ и посылаю эту книжку, зная, что никому изъ живущихъ болѣе васъ она не должна

---

[1]) Т.-е. Лудовику X Сварливому (1314—1316), правнуку Лудовика IX Св. и сыну Филиппа IV Красиваго. Такъ то выражено въ новѣйшихъ по открытію и лучшихъ манускриптахъ, между тѣмъ въ прежнихъ рукописяхъ этотъ Лудовикъ назывался сыномъ Лудовика IX, почему и полагали, что переписчикъ ошибся: а именно, думали, что авторъ посвятилъ свое сочиненіе самому Лудовику IX Св., сыну Лудовика VIII, и писалъ по порученію его матери Бланки, которая ниже названа вдовою Лудовика — что невѣроятно.

[2]) Т.-е. Іоанны, королевы Наваррской, жены Филиппа IV Красиваго († 1304).

принадлежать. Да воспользуетесь вы и всѣ прочіе, которые ее прочтутъ или послушаютъ, какъ другіе станутъ читать, подражая дѣяніямъ и примѣрамъ, находящимся въ ней; и да почтимъ и исповѣдуемъ Бога нашего творца.

ИСТОРІЯ

СВЯТОГО ЛУДОВИКА, IX ЭТОГО ИМЕНИ,

КОРОЛЯ ФРАНЦІИ,

НАПИСАННАЯ ЖАНОМЪ, СИРОМЪ ЖОАНВИЛЛЯ, ВЕЛИКИМЪ СЕНЕШАЛЕМЪ ШАМПАНИ.

Прологъ.

Во имя святой, державной Троицы, Отца и Сына и св. Духа, аминь! Я, *Жанъ, сиръ Жоанвилля,* великій сенешаль Шампани, писалъ и предавалъ памяти жизнь и святыя дѣла и слова достойной и святой памяти государя святого Лудовика, короля Франціи, какъ то видѣлъ и слышалъ въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ (1248—1254), сопровождая его въ святомъ походѣ и пилигримствѣ за море (т.-е. въ египетскомъ походѣ), и послѣ того при нашемъ возвращеніи. Книжка же эта дѣлится на двѣ части. Первая часть говоритъ и поучаетъ, какъ государь король Лудовикъ Святой жилъ и правилъ Бога ради и нашей матери святой церкви, и къ выгодѣ и пользѣ своего государства. Вторая часть гласитъ о его великихъ рыцарскихъ и военныхъ подвигахъ, какъ они совершались другъ за другомъ, чтобы тѣмъ назидать и воспитывать всякаго, кто будетъ читать о нихъ или слушать читанное другими. Изъ всего этого можно видѣть и ясно уразумѣть, что не было человѣка въ его время, отъ начала царствованія и до конца, который жилъ бы такъ праведно и свято, какъ онъ. При всемъ томъ, мнѣ кажется, что для него сдѣлали не довольно, ибо не причислили его къ лику мучениковъ за тѣ страданія, которыя онъ перенесъ во время своего крестоваго пилигримства, въ теченіе шести лѣтъ, которыя я провелъ въ его сообществѣ. Подобно тому, какъ нашъ Господь Богъ умеръ за человѣческій родъ (l'umain lignage) *на крестѣ,* и добрый король святой Лудовикъ умеръ *крестоносцемъ* въ Тунисѣ. А такъ-какъ никакое благо не можетъ быть предпочтено мудрости души, то по этой причинѣ я начну съ первой части, которая говоритъ о его поученіяхъ и святыхъ словахъ, и потому составляетъ душевную пищу.

Первая часть.

Первая часть, занимающая въ изданіи Петито всего 20 страницъ in-8°, изъ 340 страницъ всей книги, сообразно сказанному авторомъ въ Прологѣ, представляетъ собою сборникъ анекдотовъ и изреченій Лудовика IX, заимствованныхъ изъ различныхъ періодовъ его жизни и ничѣмъ не связанныхъ между собою, кромѣ общей цѣли автора очертить внутренній характеръ своего героя (см. извлеченіе изъ первой части ниже, во второмъ отдѣлѣ 1-й части третьяго тома).

Вторая часть.

Начало *второй части* посвящено разсказу отдѣльныхъ событій перваго періода правленія Лудовика IX до похода въ Египетъ, и преимущественно его феодальныхъ войнъ съ вассалами; разсказавъ послѣднюю войну Лудовика IX съ англійскимъ королемъ Генрихомъ III, который вступилъ въ союзъ съ французскимъ графомъ Де-ла-Марша, авторъ внезапно обращается къ своему главному предмету, а именно къ крестовому походу Лудовика IX, и продолжаетъ такъ:

Послѣ этихъ дѣлъ (т.-е. войнъ съ баронами), случилось (1243 г.) королю впасть въ тяжкую болѣзнь въ Парижѣ и онъ былъ въ такомъ состояніи, что одна изъ дамъ, которая смотрѣла за нимъ во время болѣзни, сочтя его умершимъ, хотѣла покрыть ему лицо и объявила, что онъ умеръ. Но, по божественному соизволенію, другая дама, стоявшая съ другой стороны кровати, не потерпѣла, чтобы лицо короля было такимъ образомъ закрыто, и чтобы его похоронили, и утверждала постоянно, что онъ еще живъ. Пока спорили эти дамы, нашъ Господь проявился въ немъ и возвратилъ ему языкъ. И добрый король потребовалъ, чтобы ему принесли крестъ, что и было исполнено. И когда добрая дама, его мать (Бланка) узнала, что онъ заговорилъ, она обрадовалась такъ, что не могла быть болѣе рада. Но, увидѣвъ его крестоносцемъ, она была поражена, какъ будто бы онъ умеръ.

Но, не смотря на то, добрый король принялъ крестъ, и вмѣстѣ съ нимъ Робертъ графъ Артоа, Альфонсъ графъ Поатье, Карлъ графъ Анжу, впослѣдствіи король Сициліи; всѣ трое были братья короля (далѣе слѣдуетъ списокъ другихъ графовъ и бароновъ, принявшихъ крестъ). Въ ихъ обществѣ находился и я, *Жанъ Жоанвилль*, какъ двоюродный братъ мессира (господина) Гоберта Апрмонтскаго и его братьевъ; мы переплыли море на небольшомъ суднѣ, нанятомъ нами вмѣстѣ. Насъ было 20 рыцарей, изъ которыхъ десятерыхъ содержалъ я, и онъ столько же. И было это послѣ Пасхи въ годъ благодати тысяча CCXLVIII (1248). А до своего отправленія я созвалъ своихъ вассаловъ и подданныхъ въ Жоанвиллѣ, и они пришли ко мнѣ наканунѣ самой Пасхи, въ тотъ самый день, когда родился мой сынъ Іоаннъ, сеньоръ Анкарвилля, отъ первой жены, сестры графа Гранпрé. Всю

недѣлю я устраивалъ праздники и пиры съ моимъ братомъ владѣтелемъ Вокелура и съ находившимися тамъ богатыми людьми той страны; и послѣ говорили они, что мы хорошо ѣли, пили и распѣвали, и всѣ были рады съ своей стороны. Когда же наступила пятница, я сказалъ имъ: „Господа, да будетъ вамъ извѣстно, что я отправляюсь за море. Не знаю, возвращусь ли я, или нѣтъ. Потому, если найдется кто-нибудь, кого я оскорбилъ и кто желалъ бы пожаловаться на меня, то пусть онъ выступитъ впередъ. Я хочу удовлетворить такого, какъ имѣю обычай всегда такъ поступать съ тѣми, которые жалуются на меня и на моихъ людей». И такимъ образомъ я поступалъ, какъ то знаютъ всѣ въ той странѣ и на моихъ земляхъ. А чтобы не имѣть споровъ, я вѣрилъ всему, что они представляли, безъ возраженій. Дѣлалъ же я то для того, потому что не желалъ отнимать и одного денарія несправедливо. Для своихъ расходовъ я заложилъ своимъ друзьямъ большое количество земель, такъ что у меня осталось не болѣе 1,200 ливровъ поземельнаго дохода. Госпожа же мать моя еще жива и въ качествѣ вдовы пользовалась большею частью моего имущества. Я отправился съ 10 рыцарями, какъ то сказано выше, и съ тремя знаменами. И разсказываю я все это, чтобы вы видѣли, что еслибы не помощь божія, то я не перенесъ бы такой тяжести въ теченіе 6 лѣтъ, которыя я провелъ въ странствованіи по святымъ мѣстамъ...

Знайте, что передъ своимъ отправленіемъ король потребовалъ всѣхъ бароновъ Франціи въ Парижъ и приказалъ имъ дать присягу и клятву (foy et hommage) въ томъ, что они сохранятъ вѣрность его дѣтямъ и не предпримутъ ничего дурного во время его пилигримства въ заморскую страну. Онъ потребовалъ къ себѣ также и меня. Но я, не бывъ его подданнымъ [1]), вовсе не хотѣлъ давать присяги: при томъ я не имѣлъ намѣренія оставаться дома. Когда же я хотѣлъ отправиться и пуститься въ дорогу, я послалъ за аббатомъ Шеминона, котораго считали въ то время разумнѣйшимъ изъ всего ордена бѣлыхъ, чтобы примириться съ нимъ. Онъ снарядилъ меня, подвязалъ шарфомъ и вложилъ въ руки посохъ. И послѣ того я отправился изъ Жоанвилля и больше не входилъ въ него до самаго возвращенія изъ пилигримства въ Св. Землю. Прежде всего я совершилъ странствованіе въ сосѣднія мѣстечки, а именно, въ Блекуръ къ св. Урбану, и другія, находившіяся по близости Жоанвилля; ходилъ же я пѣшкомъ, босоногій и въ рубашкѣ. И когда я возвращался изъ Блекура къ св. Урбану, мнѣ пришлось проходить мимо замка Жоанвилля, и я не смѣлъ обернуться къ Жоанвиллю, опасаясь испытать слишкомъ большую грусть; и сердце мое почувствовало жалость, ибо я тамъ оставлялъ своихъ двухъ дѣтей и удалялся отъ своего прекраснаго замка Жоанвилля, страстно любимаго мною. И меня повлекли дальше графъ Салебрюль, мой спутникъ, и мои люди и рыцари.

---

[1]) Жанъ Жоанвилль былъ французъ, но не хотѣлъ давать присяги французскому королю, потому что по феодальному праву считалъ себя вассаломъ графовъ Шампани.

И мы обѣдали въ Фонтень-Аршевекъ, передъ Донжё. И тамъ аббатъ св. Урбана—да будетъ къ нему милостивъ Богъ—далъ мнѣ и моимъ рыцарямъ прекрасные подарки. И потомъ мы простились съ нимъ и пошли прямо въ Озонну; тамъ мы помѣстили себя и вооруженіе на суда на Сонѣ до Ліона, а наши лошади и боевые кони были ведены подъ устцы вдоль береговъ рѣки. И когда мы прибыли въ Ліонъ, тамъ мы вошли въ Рону, чтобы плыть къ Арлю. Припоминаю, что подъ Роной мы встрѣтили за̀мокъ Рошъ-Пюи, разрушенный королемъ, потому что владѣтель (sire) этого за̀мка, по имени Рожье, пользовался дурною славою за то, что онъ разгружалъ и грабилъ всѣхъ проходившихъ мимо купцовъ и пилигримовъ. Въ мѣсяцѣ августѣ (1248) сѣли мы на корабль въ Марсели, при этомъ открыли бортъ, чтобы ввести нашихъ лошадей. Когда же мы всѣ взошли, борты были снова заколочены и забиты, какъ будто бы изъ корабля хотѣли сдѣлать винную бочку; а въ морѣ борты бываютъ въ водѣ. Тотчасъ хозяинъ корабля закричалъ своимъ людямъ, которые находились на носу: „Все ли готово? можемъ ли ѣхать?“ И они отвѣчали, что совершенно готово. Когда же вошли священники и клерики, ихъ отвели на верхъ корабля и приказали имъ славословить Бога, дабы онъ насъ всѣхъ благополучно препроводилъ. И всѣ запѣли прекрасную пѣснь: *Veni creator spiritus*, до самаго конца. И во время пѣнія, моряки подняли съ Богомъ паруса. Вѣтеръ раздулъ ихъ, и скоро мы потеряли изъ виду землю, такъ что видѣли около себя одно море и небо; съ каждымъ днемъ мы удалялись отъ того мѣста, изъ котораго выѣхали. И при этомъ я желалъ бы сказать, что тотъ весьма безуменъ, кто знаетъ, что онъ отнялъ что-нибудь у другого, имѣетъ на душѣ смертный грѣхъ, и, не смотря на то, пускается на такую опасность. Ибо, засыпая вечеромъ, никто не увѣренъ, что онъ не очутится къ утру на днѣ морскомъ.

Далѣе авторъ описываетъ, какъ у африканскихъ береговъ они не могли подвигаться впередъ и все оставались въ виду одной горы; какъ по совѣту священника они избавились отъ этихъ чаръ процессіею, и наконецъ прибыли къ о. Кипру, гдѣ нашли Лудовика IX, поспѣвшаго раньше пріѣхать и озабоченнаго заготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ, чтобы какъ можно скорѣе отплыть въ Египетъ.

Во время пребыванія короля на Кипрѣ, великій ханъ (татарскій) отправилъ къ нему посольство, которое говорило ему ласково и привѣтливо, хотя онъ того и не требовалъ. Между прочимъ ханъ Татаріи поручалъ сказать ему, что онъ совершенно готовъ къ его услугамъ и поможетъ ему завоевать Святую Землю и освободить Іерусалимъ изъ рукъ сарацинъ и язычниковъ. Король благосклонно принялъ это посольство, и отправилъ отъ себя пословъ къ тому хану Татаріи, которые и оставались тамъ два года. Король препроводилъ къ хану Татаріи палатку въ видѣ часовни и богато убранную. Палатка была обтянута пурпуромъ. Сдѣлалъ же онъ это, чтобы посмотрѣть, нельзя ли склонить хана Татаріи къ нашей вѣрѣ. Онъ украсилъ палатку изображеніемъ Благовѣщенія Дѣвы Маріи Богородицы. И эту палатку

отвезли двое изъ братіи Миноритовъ, знавшіе сарацинскій языкъ; король послалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они убѣждали и наставляли ихъ для увѣрованія въ Бога. По своемъ возвращеніи, они явились къ королю, думая найти его въ Акрѣ; но онъ былъ въ Цезареѣ. Тогда они вернулись во Францію. Весьма любопытно было бы разсказать, какъ были приняты другіе послы, отправленные королемъ къ варварамъ; я слышалъ ихъ разсказы королю, и они сами мнѣ разсказывали о томъ, по моей просьбѣ. Но я не буду передавать этого теперь, чтобы не прервать изложенія главнаго предмета.

Вы должны знать, что во время моего отправленія изъ Франціи я имѣлъ дохода не болѣе 1,200 ливровъ: и я взялъ на себя содержаніе десяти рыцарей съ тремя знаменами, какъ о томъ мною сказано выше. Когда же я прибылъ къ о. Кипру, у меня оставалось, по уплатѣ за корабль, всего 240 ливровъ золотомъ и серебромъ. И многіе изъ моихъ рыцарей говорили мнѣ, что они меня оставятъ, если я не достану денегъ. Тогда моя смѣлость нѣсколько поколебалась, но я продолжалъ надѣяться на Бога. Добрый король, святой Лудовикъ, узнавъ о моемъ непріятномъ положеніи, послалъ за мной, взялъ меня къ себѣ и далъ 800 ливровъ. И я возблагодарилъ Бога, ибо имѣлъ теперь денегъ больше чѣмъ нужно.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ отступленіе съ цѣлью представить состояніе Востока въ эпоху прибытія Лудовика IX въ Египетъ и говоритъ о войнѣ между египетскимъ султаномъ и султаномъ Дамаска, которая совпала съ прибытіемъ крестоносцевъ къ берегамъ Египта; египетскій султанъ находился потому въ это время въ Сиріи. Объяснивъ это обстоятельство, авторъ описываетъ самый переѣздъ Лудовика изъ Кипра въ Египетъ и высадку крестоносной арміи вблизи Даміетты: нашъ авторъ былъ въ числѣ первыхъ вступившихъ на берегъ; сарацины сопротивлялись слабо и бѣжали; наконецъ, подъѣхала галера везшая знамя Сенъ-Дени, и оно было благополучно перенесено на берегъ. Король остался послѣднимъ.

Когда добрый король св. Лудовикъ узналъ, что знамя Сенъ-Дени на берегу, онъ оставилъ судно, бывшее уже близко берега, и не хотѣлъ ждать, чтобы оно совершенно подплыло: потому онъ бросился въ море, въ противность убѣжденіямъ находившагося при немъ легата, и очутился по плечи въ водѣ. Такъ онъ вышелъ съ щитомъ на шеѣ, съ шлемомъ на головѣ и съ мечемъ въ рукѣ. Подойдя къ своимъ людямъ, онъ увидѣлъ сарацинъ съ той стороны и спросилъ, что̀ это за люди. Ему отвѣчали, что это турки и сарацины. Онъ хотѣлъ броситься на нихъ одинъ; но приближенные удержали его и заставили подождать, пока всѣ люди не займутъ своихъ мѣстъ и не вооружатся.

Тогда сарацины отправили посла къ своему султану Куллону (Неджмеддинъ) возвѣстить о прибытіи короля, и посылали три раза. Но не было никакого отвѣта, ибо султанъ былъ боленъ. Тогда сарацины оставили городъ Даміетту, полагая что султанъ умеръ. Король, узнавъ о томъ, выслалъ впередъ одного изъ своихъ рыцарей до самой Даміетты. И вскорѣ рыцарь возвратился къ королю и донесъ ему, что султанъ дѣйствительно померъ, а сарацины бѣжали, и онъ самъ

даже былъ въ ихъ домахъ. Тогда король позвалъ легата и всѣхъ прелатовъ арміи, и они пропѣли *Te Deum laudamus* до самаго конца. Послѣ того онъ сѣлъ на коня, и всѣ его люди; и мы отправились расположиться предъ Даміеттою. Турки, получивъ невѣрное извѣстіе, удалились слишкомъ поспѣшно и не сломали мостовъ, построенныхъ ими на судахъ, что могло бы намъ причинить большое неудовольствіе. За то они повредили намъ въ другомъ отношеніи; подложивъ огонь въ нѣскольнихъ мѣстахъ рыночной площади (la Soulde), гдѣ находились всѣ товары и цѣнныя вещи; все это они сожгли съ намѣреніемъ, чтобы мы не могли двинуться далѣе. Это было то же самое, еслибы кто-нибудь завтра поджегъ малый мостъ въ Парижѣ, отъ чего да избавитъ насъ Богъ.

Но мы можемъ сказать самимъ себѣ, какую милость оказалъ намъ Господь нашъ создатель, оградивъ насъ отъ опасности и отъ смерти, при нашей высадкѣ, когда мы радостно бросились на своихъ враговъ, сидѣвшихъ на лошадяхъ?! Какую большую милость доставилъ намъ всеблагій Господь, предавъ въ наши руки Даміетту, безъ малѣйшей опасности для насъ?! Мы никогда не овладѣли бы ею, еслибы не принудили къ тому голодомъ. Милость велика, мы можемъ это сказать, и всякій то видитъ ясно. Король Іоаннъ (т.-е. Бріеннскій, въ 1219 г.; см, выше въ ст. 64), при нашихъ предшественникахъ, взялъ нѣкогда Даміетту голодомъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы благій Господь могъ сказать о насъ тоже, что онъ сказалъ о сынахъ Израиля, когда онъ извелъ ихъ въ обѣтованную страну. Упрекая ихъ, онъ говорилъ имъ: *Et pro nihilo habuerunt Terram desiderabilem*, и такъ далѣе. А сказалъ онъ такъ, потому что они забыли его, не смотря на всѣ его милости. Онъ спасъ ихъ и избавилъ отъ плѣненія фараонскаго, и далъ имъ землю обѣтованія. Такъ онъ скажетъ послѣ и о насъ, когда мы забудемъ его, и какъ то будетъ объяснено ниже.

Начну съ самого короля, который созвалъ всѣхъ бароновъ и прелатовъ, и по прибытіи ихъ спрашивалъ у нихъ совѣта: какъ поступить съ имуществомъ, которое они нашли въ городѣ Даміеттѣ, и какимъ образомъ его раздать. Патріархъ (Фулько Іерусалимскій), находившійся тамъ, говорилъ первымъ и сказалъ: „Государь, мнѣ кажется, было бы полезно, еслибы вы удержали за собою весь хлѣбъ, жито, рисъ и другіе съѣстные припасы; а чтобы городъ не былъ разграбленъ, объявите по войску, что все движимое должно быть доставлено въ домъ легата, подъ страхомъ отлученія“. Всѣ бароны и другіе согласились съ тѣмъ, и такъ было поступлено. Оказалось, что все снесенное въ домъ легата не превышало цѣнностью 6,000 ливровъ. И когда все было собрано въ домѣ легата, король и бароны отправили за именитымъ выборнымъ мессиромъ Жаномъ Валери. И когда онъ явился, король сказалъ ему, какъ онъ поступилъ по совѣту бароновъ, и что легатъ одолжитъ ему 6,000 ливровъ, во что оцѣнено все имущество, снесенное въ его домъ; а онъ употребитъ эти 6,000, гдѣ то окажется нужнымъ и болѣе выгоднымъ. „Государь,—отвѣчалъ ему выборный,—я благодарю васъ всенижайше за честь, которую вы оказываете мнѣ; но, не разсердитесь, я не приму этого предложенія. Съ помощью божіей, я никогда не откажусь отъ добрыхъ древнихъ обы-

чаевъ, которыхъ держались наши предшественники въ Св. Землѣ. При овладѣніи какимъ-нибудь непріятельскимъ городомъ или при взятіи большой добычи, одна треть найденнаго въ городѣ принадлежитъ королю, а двѣ трети пилигримамъ. Король Іоаннъ, при взятіи Даміетты (1219 г.), крѣпко держался этого обычая. И, какъ я слышалъ отъ старыхъ людей, король Іерусалимскій предшествовавшій королю Іоанну, соблюдалъ этотъ обычай безъ малѣйшаго отступленія. Но подумайте, не предпочтете ли вы вручить мнѣ двѣ части хлѣба, жито, рису и другихъ вещей, удержанныхъ вами, и я съ большою охотою раздамъ все это пилигримамъ, во славу божію". Королю не понравился этотъ совѣтъ, и такъ дѣло осталось. Но многіе были весьма недовольны королемъ за то, что онъ нарушилъ добрые старые обычаи [1]).

Королевскіе люди, устроившись удобно и размѣстившись въ городѣ Даміеттѣ, начали закладывать свое имущество купцамъ, которые слѣдовали за арміею съ хлѣбомъ и товарами и продавали имъ все необходимое по самой дорогой цѣнѣ. Слухъ о томъ распространился по чужимъ странамъ, и издалека начали свозить съѣстные припасы въ армію; все это причинило великое зло и ущербъ. Бароны, рыцари и другіе, которымъ слѣдовало сохранять свое имущество и беречь его на черный день, давали другъ другу пиры и наслаждались обиліемъ яствъ. Простой же народъ наносилъ оскорбленія женщинамъ и дѣвицамъ. А королю приходилось давать удовлетвореніе всѣмъ жаловавшимся на его людей и начальниковъ. Самъ добрый король говорилъ мнѣ, что на полетъ камня отъ его палатки были устроены дома разврата (bordeaux), содержимые его людьми. Было много и другихъ золъ, какихъ никогда прежде не видывали въ арміи.

Далѣе авторъ описываетъ различныя попытки со стороны турокъ тревожить крестоносцевъ, которые оставались на мѣстѣ весьма долго, до самаго конца 1249 г., поджидая прибытія брата Лудовика IX, Альфонса Поату. Наконецъ, Альфонсъ прибылъ въ декабрѣ 1249 г., и тогда составилось совѣщаніе о томъ, куда идти. Многіе предлагали напасть на Александрію, но братъ короля, графъ Артоа, настаивалъ на необходимости овладѣть Каиромъ, говоря, что „для умерщвленія змѣи нужно раздавить ей голову". Мнѣніе графа было принято, и войско, оставивъ королеву Маргариту съ гарнизономъ въ Даміеттѣ, тронулось далѣе вверхъ по рукаву Нила, постоянно сталкиваясь съ мусульманами; наконецъ, 19-го декабря, крестоносцы подошли къ городу Мансурѣ, отдѣлявшемуся отъ нихъ каналомъ Ашмуномъ; по ту сторону канала стояла мусульманская армія подъ начальствомъ Сцецедуна (Факреддинъ), котораго пожаловалъ въ рыцари императоръ Фридрихъ II. Султанъ

---

[1]) Лудовикъ IX сдѣлалъ первую попытку къ уничтоженію того зла, которое всего болѣе вредило всѣмъ военнымъ предпріятіямъ того времени: армія не имѣла своей казны и своихъ магазиновъ; каждый заботился о себѣ, и потому каждый имѣлъ свою долю въ добычѣ; въ случаѣ же частной непредусмотрительности, обѣднѣвшіе дѣлались бременемъ для войска. Лудовикъ IX хотѣлъ уничтожить это зло, но оно было такъ тѣсно связано съ духомъ феодализма, что попытка короля вызвала оппозицію.

Неджмеддинъ умеръ не задолго до этого времени, а на престолъ вступилъ его сынъ Туранъ-Шахъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе самой осады Мансуры: христіане строятъ машины, стоя на берегу противоположномъ крѣпости, и стараются подъ ихъ прикрытіемъ навести мостъ чрезъ каналъ; мусульмане съ своей стороны перевозятъ отряды и безпокоятъ христіанъ съ тыла, а въ то же время употребляютъ всѣ усилія, чтобы уничтожить осадныя работы христіанъ.

Однажды вечеромъ (это было уже въ началѣ 1250 г.) турки подвели машину, которую они называютъ камнеметательницей (la perriere); она могла причинять страшное зло, и они уставили ее противъ нашей башенной машины (chaz chateilz), которую сторожилъ въ эту ночь Готье де-Кюрель вмѣстѣ со мною. Изъ своей машины они бросали на насъ въ изобиліи греческій огонь (feu gregois), вещь самую ужасную, какую когда-либо я видѣлъ. Когда добрый витязь Готье, мой товарищъ, замѣтилъ этотъ огонь, онъ закричалъ и сказалъ намъ: „Мы погибли безвозвратно; если они подожгутъ нашу машину, то и мы сгоримъ; если же мы ее оставимъ, намъ будетъ стыдно. Я же думаю, что насъ теперь никто не можетъ спасти, кромѣ Господа Бога; а потому совѣтую всѣмъ, каждый разъ, когда они пустятъ въ насъ греческимъ огнемъ, бросаться на локти и на колѣни и взывать къ всемогущему Богу о помилованіи“. Лишь только турки бросили огонь въ первый разъ, мы легли на локти и на колѣни, какъ то намъ совѣтовалъ добрый человѣкъ. И упалъ огонь въ этотъ разъ между нашихъ двухъ машинъ, на мѣсто, которое вырыли наши люди, чтобы отвести рѣку въ сторону. Этотъ огонь былъ потушенъ немедленно человѣкомъ, котораго мы имѣли при себѣ на такой случай. По наружности этотъ огонь былъ таковъ, что издалека представлялся величиною съ винную бочку и сзади имѣлъ хвостъ въ нѣсколько футъ. Онъ производилъ такой шумъ, какъ будто бы молнія падала съ неба, и представлялся мнѣ огромнымъ дракономъ, летящимъ по воздуху; свѣтъ его былъ такъ силенъ, что въ нашей арміи дѣлалось свѣтло какъ днемъ, таково было его пламя. Въ эту ночь они три раза бросали греческій огонь изъ камнеметательницы, и четыре раза при помощи арбалета съ башни. И всякій разъ, когда нашъ добрый король святой Лудовикъ видѣлъ, какъ они бросаютъ огонь, онъ кидался на землю и протягивалъ руки, поднимая лицо къ небу. И онъ взывалъ громкимъ голосомъ къ нашему Господу и говорилъ, плача, со слезами: „Господи (beau sire), Іисусе Христе, спаси меня и людей моихъ!“ И повѣрьте мнѣ, его добрыя молитвы и просьбы послужили намъ въ помощь. Кромѣ того, всякій разъ, какъ огонь падалъ предъ нами, онъ посылалъ къ намъ одного изъ своихъ камергеровъ (chambellans), чтобы узнать, въ какомъ мы положеніи и не истребилъ ли насъ огонь.

Далѣе слѣдуетъ описаніе другихъ случаевъ, болѣе удачныхъ для сарацинъ и несчастныхъ для крестоносцевъ: турки успѣли наконецъ сжечь главныя осадныя орудія христіанъ.

Видя это (т.-е. истребленіе своихъ машинъ), король и всѣ его люди были весьма смущены, и король созвалъ своихъ бароновъ, чтобы посовѣтоваться, какъ дѣйствовать. И увидѣли они совершенную невозможность перебраться на другую сторону къ сарацинамъ: ибо наши не могли съ такою поспѣшностью строить, какъ тѣ разрушали. Тогда мессиръ Гумбертъ изъ Божё, коннетабль Франціи, сказалъ королю, что къ нему явился какой-то бедуинъ и сказалъ, что если ему хотятъ дать 500 византійскихъ золотыхъ, то онъ покажетъ намъ хорошее мѣсто для перехода вбродъ на лошади. Король отвѣчалъ, что совершенно согласенъ на это, но пусть коннетабль повѣрить истину его показанія; и этотъ человѣкъ не хотѣлъ показывать брода до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ обѣщанныя деньги. Тогда король распорядился, чтобы герцогъ Бургундскій и богатѣйшіе люди изъ Палестины, бывшіе въ согласіи съ нимъ, остались охранять лагерь противъ сарацинъ; а онъ самъ вмѣстѣ съ тремя братьями, графомъ Поатье, графомъ Артоа и графомъ Анжу, впослѣдствіи королемъ Сициліи, какъ я уже сказалъ о томъ, и вмѣстѣ съ своими конными людьми пойдутъ посмотрѣть и испытать бродъ, который имъ укажетъ бедуинъ. Назначили для того первый день поста, и когда онъ наступилъ, мы сѣли на лошадей и отправились къ мѣсту брода, всѣ въ полномъ вооруженіи. На пути нѣкоторые ѣхали слишкомъ близко къ берегу, а земля была вязкая и разсыпалась, такъ что они оборвались въ рѣку вмѣстѣ съ лошадьми и утонули. И король, замѣтивъ то, указалъ на нихъ другимъ, чтобы они остереглись и не упали. Между прочими обвалился и утонулъ мессиръ Жанъ Орлеанскій, мужественный витязь, несшій знамя арміи. Когда мы подъѣхали къ броду, на другой сторонѣ рѣки стояло по крайней мѣрѣ 300 конныхъ сарацинъ, охранявшихъ проходъ. Вступивъ въ рѣку, мы нашли бродъ хорошимъ и дно крѣпкимъ, и, направившись вверхъ по рѣкѣ, успѣли перебраться на другой берегъ, благодареніе Богу, безъ всякой опасности. Когда же сарацины завидѣли насъ, они ускакали съ великою поспѣшностью.

До отправленія, король опредѣлилъ, чтобы Тампліеры составляли авангардъ, а графъ Артоа, его братъ, велъ второй отрядъ. Но едва графъ Артоа переправился чрезъ рѣку вмѣстѣ съ своими людьми и замѣтилъ, что сарацины бѣгутъ предъ ними, онъ пришпорилъ лошадей и пустился вслѣдъ за сарацинами. Но авангардъ сталъ удерживать графа Артоа, который не смѣлъ отвѣчать ему изъ страха предъ Фулько Нельскимъ, державшимъ его лошадь подъ устцы. Но мессиръ Фулько не разслушалъ того, что Тампліеры говорили графу, ибо онъ былъ крѣпокъ на ухо, и закричалъ громкимъ голосомъ: *ура*, *ура* (or à eulx, or à eulx)! Тампліеры, видя то, считали бы себя пристыженными и обезславленными, еслибы они допустили графа Артоа идти впередъ. Тогда они изо всей силы пришпорили коней и, слѣдуя за бѣжавшими сарацинами, ворвались вслѣдъ за ними въ городъ Мансуру (Massourre) и далѣе на поля, раскинувшіяся предъ Вавилономъ (Каиромъ). Когда они хотѣли повернуть назадъ, турки, пользуясь узкими улицами, начали осыпать ихъ стрѣлами и камнями. При этомъ были убиты графъ Артоа, сиръ Куси, по имени Рауль, и многіе дру-

гіе рыцари, въ числѣ 300. А Тампліеры, какъ говорилъ мнѣ самъ магистръ (le maistre capitaine), потеряли до 280 (quatorze vingts) вооруженныхъ и конныхъ людей. Въ то же время я, мои всадники и пѣшіе люди увидѣли слѣва огромное число турокъ, изготовлявшихся къ бою, и немедленно бросились на нихъ. Преслѣдуя ихъ, я замѣтилъ одного рослаго сарацина, садившагося на коня, между тѣмъ какъ другой всадникъ держалъ коня подъ устцы. Пока сарацинъ брался за сѣдло, чтобы сѣсть, я пронзилъ его мечемъ такъ глубоко, что онъ палъ мертвымъ на мѣстѣ. Когда его всадникъ увидѣлъ, что господинъ погибъ, онъ бросилъ его и коня и напалъ на меня сзади, ударивъ своимъ мечемъ между плечъ съ такою силою, что я сунулся на шею лошади, а онъ меня схватилъ такъ крѣпко, что мнѣ не было возможности обнажить свой мечъ, которымъ я былъ подпоясанъ. Но я успѣлъ овладѣть другимъ мечемъ, висѣвшимъ на сѣдлѣ и принесшимъ мнѣ въ ту минуту большую пользу. Замѣтивъ, что я держу мечъ въ рукахъ, онъ извлекъ свой, за который я ухватился, и отступилъ отъ меня.

Слѣдуетъ описаніе другихъ отдѣльныхъ схватокъ передового отряда, въ которомъ находился нашъ авторъ, подвергая нѣсколько разъ жизнь свою опасности; горсть христіанъ разсыпалась по полю, окруженная многочисленною арміею, и совершенно погибла бы, еслибы къ тому времени не переправился вбродъ самъ король и не поспѣшилъ къ нимъ на помощь.

Вдругъ, вижу я, идетъ король и съ нимъ его люди; они спѣшатъ при страшномъ громѣ трубъ, роговъ и рожковъ. Король остановился на одномъ возвышеніи, вмѣстѣ съ своею пѣхотою, желая имъ что-то сказать. И увѣряю васъ, что я никогда не видалъ такого прекраснаго воина; онъ казался головою выше всѣхъ. На головѣ у него былъ чудный позолоченный шлемъ и въ рукѣ мечъ нѣмецкой работы. Когда онъ остановился, его рыцари увидѣли, что другіе всадники и люди короля схватились съ турками: они бросились также впередъ вмѣстѣ съ прочими. И знайте, что въ этотъ разъ были совершены такіе подвиги съ обѣихъ сторонъ, какихъ еще не видали никогда во все время заморскихъ походовъ (veage d'oultre mer, т.-е. крестовыхъ). И никто не стрѣлялъ изъ луковъ, арбалетовъ и другихъ метательныхъ орудій, но бились тѣломъ къ тѣлу, поражая палицами, мечемъ, древками копій и перемѣшавшись другъ съ другомъ. Я только смотрѣлъ, и выражалъ сожалѣніе съ своими рыцарями, что мы не участвовали въ дѣлѣ вмѣстѣ съ прочими, хотя мы были покрыты ранами наравнѣ съ другими. Но вотъ ко мнѣ является мой оруженосецъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ моимъ знаменемъ; онъ подвелъ мнѣ одного изъ моихъ горячихъ боевыхъ коней, и я тотчасъ сѣлъ на него, и сталъ рядомъ съ королемъ. Тамъ же былъ мессиръ Жанъ Валери, который видѣлъ, что король хочетъ удариться въ битву: и онъ ему совѣтуетъ взять направо, къ рѣкѣ, на случай опасности, чтобы имѣть возможность получить вспомоществованіе отъ герцога Бургундскаго и его арміи, которая охраняла лагерь, оставленный нами на другой сторонѣ рѣки; а также и съ тою цѣлью, чтобы наши люди могли освѣжиться и

испить воды. Жара же была чрезмѣрная. Король приказалъ созвать своихъ бароновъ, рыцарей и другихъ людей совѣта, находившихся въ битвѣ съ турками. И когда они явились, онъ спрашивалъ, что теперь дѣлать? И многіе отвѣчали, что добрый рыцарь, мессиръ Жанъ Валери, находившійся съ нимъ, давалъ весьма хорошій совѣтъ. Тогда, по совѣту того Валери, признанному многими за хорошій, король удалился вправо къ рѣкѣ. И вотъ приходитъ мессиръ Гумбертъ изъ Божё, коннетабль Франціи, и говоритъ королю, что его братъ, графъ Артоа, окруженъ въ одномъ домѣ, въ Мансурѣ, и чудесно защищается: но при всемъ томъ ему нужна помощь, и онъ проситъ короля пособить ему. И король сказалъ: „Коннетабль, поспѣшайте впередъ, я послѣдую за вами". И я, Жоанвилль, говорю коннетаблю, что желаю быть однимъ изъ его рыцарей и отправлюсь за нимъ, за что онъ меня поблагодарилъ отъ всего сердца. И немедленно каждый изъ насъ далъ шпоры и помчался на Мансуру, въ пылъ битвы съ турками. И многіе изъ нашихъ отдѣлились отъ другихъ и скакали врознь, разсѣявшись между силами турецкими и сарацинскими.

Вотъ, вскорѣ является одинъ изъ пѣхотинцевъ къ коннетаблю, съ которымъ былъ и я, и говоритъ, что король окруженъ турками и находится въ великой опасности. Мы перепугались и почувствовали великій страхъ: ибо между нами и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ турки окружили короля, стояло, по крайней мѣрѣ, тысяча или тысяча-двѣсти турокъ, а насъ было всего шесть человѣкъ. Тогда я говорю коннетаблю, что такъ-какъ мы не имѣемъ возможности проникнуть чрезъ массу турокъ, то лучше обойти ихъ сверху. Такъ мы и сдѣлали. По дорогѣ намъ встрѣтился ровъ, между нами и сарацинами. И знайте, что еслибы они обратили вниманіе на насъ, то мы были бы всѣ немедленно перерѣзаны; но они поджидали короля и другіе главные отряды; притомъ они приняли насъ за своихъ. Такимъ образомъ, мы прибыли къ рѣкѣ и, проходя между ею и дорогою, увидѣли, что король отступилъ вверхъ по рѣкѣ, а турки подводятъ новые отряды. И турецкія войска сразились съ королевскими у самой рѣки, и было то зрѣлище достойное сожалѣнія: ибо большая часть нашихъ, которые были послабѣе, задумали перейти на другую сторону, къ лагерю, гдѣ находился герцогъ Бургундскій; но это было невозможно, такъ-какъ ихъ лошади много уже трудились и потеряли силу, и ко всему тому была страшная жара. Спустившись ниже вдоль рѣки, мы увидѣли, что вода была вся покрыта пиками, копьями, щитами, людьми и лошадьми, которые погибали и тонули. Когда мы увидѣли печальную участь, постигшую нашихъ людей, я сказалъ коннетаблю, что намъ слѣдуетъ остаться у рѣки для охраненія небольшого плота, который тамъ находился. „Ибо, прибавилъ я, если мы бросимъ это мѣсто, то они нападутъ на короля съ этой стороны; если же они окружатъ нашихъ съ двухъ сторонъ, то намъ будетъ уже слишкомъ худо". Такъ мы и остались. И будьте увѣрены, что добрый король совершилъ въ этотъ день столь великіе подвиги, какихъ я не видалъ еще ни въ одномъ сраженіи. Тогда говорили, что еслибы не онъ, то въ тотъ день мы всѣ пропали бы и погибли. Но я думаю, что его доблесть и мощь были на половину увеличены всемогуществомъ бо-

жіимъ. Онъ устремлялся всюду, гдѣ опасность угрожала его людямъ, и наносилъ удивительные удары мечемъ и палицею. И однажды мнѣ разсказывали сиръ де-Курсене и мессиръ Жанъ де-Салене, что въ этотъ день шесть турокъ приблизились къ королю, схватили его коня за узду и хотѣли увести его силою. Но доблестный принцъ защищался изъ всѣхъ силъ и съ такою отвагою поражалъ тѣхъ шестерыхъ враговъ, что успѣлъ самъ освободиться. Когда многіе увидѣли, что онъ совершаетъ такой подвигъ и столь отважно защищается, они сами воодушевились, оставили охраняемый ими проходъ и поспѣшили къ королю на помощь.

Затѣмъ авторъ приводитъ отдѣльные разсказы о другихъ частныхъ подвигахъ, которые были совершены въ виду его, пока онъ продолжалъ охранять вышеупомянутый плотъ, отражая нападенія турокъ.

Пока мы такимъ образомъ охраняли плотъ, добрый графъ Соассона, когда мы возвратились на мѣсто, отогнавъ дальше негодныхъ турокъ, началъ шутить со мною и сказалъ мнѣ: „Сенешаль, оставимъ этихъ каналій кричать и лаять. О сегодняшнемъ днѣ мы оба, и вы, и я, будемъ разсказывать въ зàмкахъ предъ дамами“.

Къ вечеру, около солнечнаго заката, коннетабль мессиръ Гумбертъ изъ Божё привелъ къ намъ пѣшихъ арбалетчиковъ короля и сталъ предъ нами. И мы сошли съ лошадей и расположились за арбалетчиками. Видя это, сарацины разбѣжались и оставили насъ въ покоѣ. Тогда мнѣ говоритъ коннетабль, что мы хорошо поступили, охраняя такимъ образомъ плотъ. И сказалъ онъ мнѣ, чтобы я смѣло шелъ къ королю и не оставлялъ его, пока онъ не вернется въ палатку. И я отправился къ королю. Едва только я явился къ нему, какъ прибылъ мессиръ Жанъ Валери и просилъ его отъ имени сира Шатильона дать ему арріергардъ. Король согласился на это весьма охотно. Послѣ того король отправился въ свою палатку, снялъ съ головы свой шлемъ и взялъ у меня мою желѣзную каску, какъ болѣе легкую, чтобы освѣжиться. Когда мы ѣхали такимъ образомъ вмѣстѣ, къ королю приблизился братъ Генрихъ, пріоръ монастыря Роннэ, перебравшійся за рѣку, и которому цѣловала руку вся армія. Онъ спросилъ у короля: какія извѣстія о его братѣ, графѣ Артоа? И король отвѣчалъ, что все благополучно, т.-е., онъ хотѣлъ сказать, ему извѣстно, что братъ находится въ раю. И пріоръ братъ Генрихъ, прося его разсказать о смерти графа Артоа, сказалъ ему: „Сиръ, ни одному королю Франціи не доставалась такая честь, какъ вамъ. Вы и ваши люди съ великою отвагою перешли эту рѣку, чтобы сразиться съ непріятелемъ; и вы сражались такъ, что изгнали его, и овладѣли полемъ битвы и машинами, которыми они воевали изумительнымъ образомъ. Наконецъ, вы остаетесь даже на ночь въ непріятельскихъ квартирахъ и палаткахъ“. И добрый король отвѣчалъ, что Бога должно благодарить за все, что̀ онъ даетъ. И затѣмъ начали падать обильныя слезы изъ его глазъ, и многія знатныя лица были весьма опечалены и разжалоблены, видя, что онъ такъ плачетъ и восхваляетъ Бога за все, что онъ принудилъ его перенести.

Окончивъ такимъ образомъ описаніе первой битвы, въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста, авторъ сначала говоритъ, какъ они провели ночь, постоянно отражая попытки турокъ возвратить утраченныя имъ машины. Потомъ онъ описываетъ вторую, не менѣе отчаянную битву, въ пятницу на той же недѣлѣ: христіане удержали позицію и простояли, такимъ образомъ, до самой Святой, претерпѣвая ужасныя бѣдствія отъ чумы, которая открылась въ лагерѣ, и отъ дороговизны, ибо турки пресѣкли всякое сообщеніе арміи по водѣ съ Даміеттою: на Пасхѣ, быкъ продавался за 80 ливровъ, баранъ стоилъ 30 л., одно яйцо — 12 денаріевъ и т. д. Вслѣдствіе того король велѣлъ отступить за каналъ и съ великимъ трудомъ и потерями соединился съ другою частью своей арміи, которою командовалъ герцогъ Бургундскій; но это соединеніе не могло спасти отъ бѣдствій голода и заразительныхъ болѣзней.

Когда добрый король, святой Лудовикъ, смотрѣлъ на всѣ эти бѣдствія, онъ, протягивая руки, поднималъ лицо къ небу и благословлялъ Господа за все дарованное имъ. Но, видя, что ни онъ самъ, ни его люди не могутъ оставаться долѣе безъ того, чтобы не погибнуть, онъ приказалъ приготовиться ко вторнику вечеромъ на Ѳоминой недѣлѣ (5 апрѣля), чтобы возвратиться въ Даміетту. И приказалъ отъ своего имени мореходамъ на флотѣ изготовить корабли и взять всѣхъ бѣдныхъ, чтобы отвести ихъ въ городъ. Въ то же время онъ предписалъ Іосцелину изъ Корванта и другимъ своимъ мастерамъ и механикамъ перерубить канаты, державшіе мостъ между нами и сарацинами (т.-е. на каналѣ Ашмунѣ). Но ничего не было сдѣлано, и это причинило намъ большой вредъ. Когда я увидѣлъ, что всѣ готовятся идти въ Даміетту, я также сѣлъ на свой корабль, и со мною два рыцаря, которые оставались при мнѣ съ прочею свитою. И подъ-вечеръ, когда сдѣлалось весьма темно, я приказалъ своему кормчему поднять якорь и плыть по теченію. А онъ отвѣчалъ, что не смѣетъ, ибо между нами и Даміеттою стоятъ большія суда султана, которыя захватятъ насъ и умертвятъ. Между тѣмъ мореходы короля развели большой огонь, чтобы принять и отогрѣть бѣдныхъ больныхъ на галерахъ. А больные поджидали корабли, стоя на берегу рѣки. Пока я убѣждалъ своихъ моряковъ мало-по-малу подвигаться впередъ, я увидѣлъ при свѣтѣ огня сарацинъ, которые ворвались въ нашъ лагерь и избили больныхъ на берегу. Мои моряки подняли якорь и хотѣли потихоньку спускаться; но вдругъ являются другіе моряки, которые должны были взять бѣдныхъ больныхъ, и они замѣтили, что ихъ умерщвляютъ сарацины; они поспѣшно обрѣзали якорные канаты и такъ прижали мое маленькое судно, что я ожидалъ каждую минуту пойти на дно. Избавившись отъ этой опасности, весьма великой, мы начали плыть по теченію. Видимъ, король, страдавшій одинаковою болѣзнью съ войскомъ и покрытый вередами, и съ нимъ другіе, которыхъ мы оставили; королю предлагаютъ сѣсть на большія суда для безопасности, но онъ говоритъ, что желаетъ лучше умерть, чѣмъ оставить свой народъ. Насъ зовутъ и кричатъ, чтобы мы остановились, и пускаютъ въ насъ стрѣлы изъ арбалета, съ цѣлью заставить подплыть къ берегу; но король не согласился, и насъ отпустили. При

этомъ я разскажу вамъ, какимъ образомъ взяли короля въ плѣнъ, и какъ онъ послѣ самъ мнѣ разсказывалъ о томъ. Онъ оставилъ своихъ людей и свой отрядъ, и вмѣстѣ съ мессиромъ Жоффура изъ Сержина сталъ въ отрядѣ мессира Готье Шатильонскаго, составлявшемъ арріергардъ. И король сидѣлъ на небольшомъ бѣгунѣ, покрытомъ шелковою попоной. И онъ, какъ я потомъ слышалъ, не покидалъ своихъ людей, равно какъ и добрый витязь мессиръ Жоффруа изъ Сержина, который проводилъ короля до маленькаго мѣстечка, называемаго Казель (Меніе), гдѣ король и былъ взятъ въ плѣнъ. Но прежде, нежели турки могли овладѣть имъ, король говорилъ, что мессиръ Жоффруа изъ Сержина защищалъ его такъ, какъ добрый слуга охраняетъ отъ мухъ кубокъ своего господина. Всякій разъ, когда сарацины приближались, мессиръ Жоффруа отражалъ ихъ мечемъ и копьемъ, и сила его, отвага и храбрость удвоивались; своими ударами онъ оттонялъ турокъ отъ короля. Такъ достигли они Казеля, гдѣ и остановились въ домѣ одной горожанки, бывшей изъ Парижа. Тамъ всѣ считали короля на дорогѣ къ смерти и не надѣялись, чтобы онъ могъ пережить этотъ день.

Вдругъ является къ королю мессиръ Филиппъ Монфортъ и говоритъ ему, что онъ отправится повидаться съ эмиромъ (l'admiral) султана, съ которымъ онъ еще прежде переговаривался о перемиріи: если королю угодно, то онъ снова пойдетъ къ нему. И король просилъ его исполнить то, и обѣщалъ согласиться на все, чего они не захотятъ. Тогда монсеньоръ Филиппъ Монфортъ отправляется и идетъ къ сарацинамъ, которые сняли съ головы чалмы (toailles). И сиръ Монфортъ снялъ съ своего пальца перстень въ увѣреніе перемирія; и между тѣмъ какъ онъ уговорился на томъ же основаніи, какъ и прежде, одинъ негодяй и измѣнникъ, по имени Марсель, началъ громко кричать нашимъ людямъ: „Господа рыцари, сдавайтесь всѣ, король вамъ приказываетъ то чрезъ меня, и прекратите борьбу“. При этихъ словахъ всѣ испугались, и каждый выдалъ сарацинамъ свое оружіе. Когда эмиръ увидѣлъ, что сарацины ведутъ королевскихъ людей плѣнными, онъ сказалъ мессиру Филиппу Монфортъ, что ему не нужно перемирія, ибо онъ видитъ, что всѣ его люди взяты сарацинами. И мессиръ Филиппъ, видя, что всѣ королевскіе люди взяты, былъ весьма изумленъ. Онъ очень хорошо зналъ, что хотя онъ и былъ парламентеромъ, но тѣмъ не менѣе будетъ задержанъ, и не видѣлъ, къ кому бы обратиться. Въ языческой землѣ есть весьма дурной обычай: когда султанъ и какой-нибудь король той страны посылаютъ парламентеровъ для заключенія перемирія, и кто-нибудь изъ государей умретъ, то посолъ, въ случаѣ, если перемиріе не было еще заключено, объявляется плѣнникомъ, отъ кого бы онъ ни былъ, отъ султана или отъ короля.

Между тѣмъ вы должны знать, что мы, находившіеся на корабляхъ на рѣкѣ, въ надеждѣ пробраться въ Даміетту, были не болѣе счастливы, какъ и тѣ, которые оставались на берегу. Насъ также взяли, какъ вы то увидите ниже. Въ то время, когда мы плыли, поднялся такой страшный противный вѣтеръ отъ Даміетты, что онъ измѣнилъ теченіе, и мы не могли идти внизъ; пришлось вернуться къ

сарацинамъ. Правда, король оставилъ многихъ рыцарей для охраненія больныхъ на берегу, но это нисколько не принесло намъ пользы: они всѣ разбѣжались. На разсвѣтѣ насъ принесло къ тому мѣсту, гдѣ стояли корабли султана, препятствовавшіе провозу съѣстныхъ припасовъ изъ Даміетты въ лагерь. Замѣтивъ насъ, они подняли страшный шумъ и начали бросать въ насъ и въ конныхъ людей, стоявшихъ на другомъ берегу рѣки, пуки греческаго огня, и, казалось, звѣзды падаютъ съ неба. Когда мои моряки попали снова въ теченіе и хотѣли плыть дальше, мы увидѣли тѣхъ всадниковъ, которыхъ король оставилъ для охраненія больныхъ: они бѣжали къ Даміеттѣ. Вѣтеръ же поднялся крѣпче прежняго, и выбросилъ насъ на одинъ изъ береговъ рѣки. А на другомъ берегу находилось огромное количество нашихъ кораблей, взятыхъ и захваченныхъ сарацинами, и мы не смѣли туда подойти. И видимъ мы ясно, что турки умерщвляютъ на нихъ людей и бросаютъ въ воду. И видимъ также, что они таскаютъ съ судовъ ящики и сбрую, захваченные ими. Такъ-какъ мы не хотѣли приблизиться къ сарацинамъ, то они грозили намъ и пускали въ насъ стрѣлы. Тогда я надѣлъ на себя кирасу, чтобы избѣгнуть ранъ. А между тѣмъ на кормѣ нашего корабля мои люди начали кричать мнѣ: „Сиръ, сиръ, нашъ кормчій, вслѣдствіе угрозъ со стороны сарацинъ, хочетъ насъ высадить на берегъ, гдѣ мы будемъ убиты“. Тогда я всталъ, такъ-какъ я былъ боленъ, и обнажилъ свой мечъ, и грозилъ умертвить ихъ, если они вздумаютъ плыть далѣе и отвести меня къ сарацинамъ. И они мнѣ отвѣчали, что не пойдутъ далѣе; я предпочелъ бы быть выкинутымъ за бортъ, нежели выйти на берегъ, потому что я видѣлъ, какъ убиваютъ нашихъ людей. Они послушались меня. Но вскорѣ противъ насъ вышли четыре галеры султана, на которыхъ было 10,000 человѣкъ. Тогда я созвалъ своихъ рыцарей и просилъ ихъ посовѣтовать мнѣ, что̀ дѣлать, сдаться ли тѣмъ, которые плывутъ на галерахъ, или тѣмъ, которые находятся на берегу. И всѣ мы были согласны, что лучше сдаться галерамъ, ибо въ такомъ случаѣ насъ оставятъ всѣхъ вмѣстѣ, нежели тѣмъ, которые стоятъ на берегу и разлучатъ насъ другъ съ другомъ; притомъ, на берегу мы можемъ попасться въ руки бедуиновъ. На этотъ совѣтъ не соглашался одинъ изъ бывшихъ со мною клериковъ; онъ говорилъ, что мы должны сами лишить себя жизни, чтобы отправиться въ рай. Но мы не хотѣли этому вѣрить, ибо страхъ смерти слишкомъ сильно овладѣлъ нами.

Когда я увидѣлъ, что приходится сдаться, я схватилъ бывшую со мною шкатулку, гдѣ находились мои драгоцѣнности, и святыню и бросилъ все въ рѣку. И мнѣ сказалъ одинъ изъ моряковъ, что если я не позволю ему сказать, что я родственникъ короля, то они насъ всѣхъ убьютъ. И я ему отвѣчалъ, что онъ можетъ сказать все, что̀ ему угодно. Между тѣмъ подъѣхала первая изъ четырехъ галеръ, перерѣзала намъ путь и бросила якорь близъ нашего корабля. Въ это время Богъ послалъ мнѣ—такъ я вѣрю—какого-то сарацина, который былъ изъ владѣній императора и имѣлъ на себѣ короткіе штаны изъ грубаго полотна; онъ достигъ нашего корабля вплавь и, бросившись ко мнѣ, сказалъ: „Сиръ, если вы мнѣ не повѣрите, вы погибли; вамъ необходимо для спасенія удалиться съ корабля и броситься въ

воду; они не замѣтятъ васъ, ибо заняты исключительно мыслью объ овладѣніи кораблемъ". Онъ перебросилъ мнѣ веревку съ ихъ галеры на палубу моего корабля; и я вскочилъ въ воду, и сарацинъ со мною: я въ немъ очень нуждался, и онъ меня поддерживалъ и свелъ на галеру. Я же былъ очень слабъ отъ болѣзни, такъ что шелъ шатаясь, и утонулъ бы безъ него на днѣ рѣки.

Меня встащили на галеру, въ которой находилось около восьмидесяти человѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые взошли на мой корабль, и этого бѣднаго сарацина, державшаго меня на рукахъ. Вскорѣ меня перенесли на берегъ, и всѣ бросились, желая перерѣзать мнѣ горло, чего я и ожидалъ: каждый, кто меня убилъ бы, считалъ бы это за великую честь. Но сарацинъ, уведшій меня съ корабля, не выпускалъ меня изъ рукъ и закричалъ имъ: „Родственникъ короля, родственникъ короля!" А я уже чувствовалъ ножъ у горла, и опустился на колѣни на землю. Но Богъ меня спасъ отъ опасности, при помощи того бѣднаго сарацина, который отвелъ меня въ укрѣпленіе, гдѣ были сарацины. И когда я явился къ нимъ, они сняли съ меня мою кирасу, и изъ состраданія ко мнѣ, видя меня больнымъ, набросили мнѣ на плечи пурпуровое покрывало съ зеленой каймой, которое подарила мнѣ госпожа моя мать. А одинъ изъ нихъ принесъ бѣлый ремень, которымъ я подпоясался сверхъ покрывала; другой же сарацинскій рыцарь одолжилъ мнѣ шапку, которую я надѣлъ на голову. И тотчасъ у меня застучали зубы, какъ отъ великаго страха, испытаннаго мною, такъ и отъ болѣзни. Я попросилъ пить, и пошли принести мнѣ воды въ горшкѣ. Но едва я взялъ воду въ ротъ, чтобы проглотить, какъ она вся вышла вонъ ноздрями. Одинъ Богъ знаетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи я находился въ то время! Я разсчитывалъ скорѣе на смерть, нежели на жизнь, ибо у меня была опухоль въ горлѣ. И когда мои люди увидѣли, что вода вышла у меня ноздрями, они начали плакать и печалиться. И сарацинъ, спасшій меня, спрашивалъ моихъ людей, чего они плачутъ. И они объяснили ему, что я осужденъ на смерть, такъ-какъ имѣю опухоль въ горлѣ, которая меня задушитъ. И этотъ добрый сарацинъ, показывавшій постоянно сожалѣніе ко мнѣ, подошелъ поговорить съ однимъ изъ сарацинскихъ рыцарей; и этотъ сарацинскій рыцарь сказалъ ему, что онъ меня вылечитъ и дастъ мнѣ одно питье, отъ котораго я вылечусь въ два дня; такъ то и случилось. И я вылечился скоро при помощи божіей и того питья, которое мнѣ далъ сарацинскій рыцарь.

Лишь только я вылечился, какъ эмиръ султанскихъ галеръ послалъ за мною, чтобы узнать, дѣйствительно ли я родственникъ короля, какъ то говорили. И я ему отвѣчалъ, что нѣтъ. И онъ меня спросилъ, какъ же это такъ? Я отвѣчалъ, что мнѣ посовѣтовалъ это одинъ морякъ, опасаясь, что сарацины, взявшіе насъ въ плѣнъ, убьютъ всѣхъ. И эмиръ мнѣ замѣтилъ, что совѣтъ былъ очень хорошъ. Ибо иначе они насъ перебили бы и бросили въ воду. Тогда эмиръ снова спросилъ меня, не знаю ли я императора нѣмецкаго Фридриха (т.-е. II, Гогенштауфена, котораго авторъ называетъ Ferry d'Almaigne), который жилъ въ то время, и не въ родствѣ ли я съ нимъ. И я ему сказалъ правду, а именно, я слышалъ, что госпожа

моя мать была его двоюродною сестрою. И эмиръ мнѣ отвѣчалъ, что за это онъ меня любитъ еще больше. И когда мы тамъ ѣли и пили, онъ приказалъ позвать ко мнѣ одного горожанина изъ Парижа. Когда горожанинъ увидѣлъ, что я ѣлъ, онъ сказалъ мнѣ: „О! сиръ, что вы дѣлаете?“—„А что́ я дѣлаю?“ отвѣчалъ я. И горожанинъ напомнилъ мнѣ именемъ Бога, что я ѣмъ въ пятницу. И я тотчасъ бросилъ посуду, изъ которой я ѣлъ, назадъ. Видя это, эмиръ спросилъ у спасшаго меня сарацина, который былъ постоянно со мною, почему я пересталъ ѣсть. И онъ сказалъ: потому что сегодня пятница, о чемъ я не подумалъ. И эмиръ замѣтилъ, что Богъ не оскорбится этимъ, ибо я это сдѣлалъ не сознательно. И знайте, что легатъ, бывшій при королѣ, часто спрашивалъ меня, зачѣмъ я пощусь, когда я такъ боленъ, между тѣмъ какъ при королѣ, кромѣ меня, нѣтъ никого изъ важныхъ лицъ, и говорилъ, что я дѣлаю худо. Я постился вовсе не потому, что былъ плѣнникомъ, и каждую пятницу не ѣлъ ничего, кромѣ хлѣба и воды.

Въ слѣдующее воскресенье послѣ того, какъ я былъ взятъ, эмиръ вывелъ насъ изъ укрѣпленія къ рѣкѣ для соединенія съ тѣми, которые были взяты на судахъ. И когда я пришелъ туда, вижу, что вытащили моего капеллана, мессира Жана, со дна галеры, и онъ тотчасъ же упалъ въ обморокъ. Сарацины убили его немедленно предо мною и бросили въ рѣку. Его клерика, потерявшаго всѣ силы отъ болѣзни, свирѣпствовавшей въ войскѣ, сарацины ударили молотомъ по головѣ и убили; а потомъ бросили въ рѣку, вслѣдъ за его учителемъ. Точно такъ же они поступали и съ другими плѣнными: какъ только-что кого нибудь вытаскивали со дна галеры, гдѣ находились плѣнные, сарацины, видя, что кто-нибудь очень нездоровъ или слабъ, убивали такого и бросали въ воду; и такъ они обращались съ бѣдными больными. Видя эту тираннію, я замѣтилъ имъ чрезъ моего сарацина, что они поступаютъ дурно и въ противность предписаніямъ Саладина язычника, говорившаго, что не должно ни убивать, ни умерщвлять человѣка, а дать ему отъ своего хлѣба и соли. А они отвѣчали мнѣ, что эти люди никуда не годятся и не могутъ ничего дѣлать, до того они больны. Послѣ того они подвели ко мнѣ всѣхъ моихъ моряковъ, и объявили, что они всѣ ренегаты (regniez). И я имъ сказалъ, что они отреклись отъ вѣры не по убѣжденію, а по страху смерти, и потому лишь только вернутся въ свою страну, какъ обратятся къ своей вѣрѣ. И на это отвѣчалъ мнѣ эмиръ: „Саладинъ говорилъ, что еще никогда не видѣли, чтобы христіанинъ сдѣлался хорошимъ сарациномъ, или сарацинъ хорошимъ христіаниномъ“. Послѣ того эмиръ приказалъ мнѣ сѣсть на коня, и мы поѣхали рядомъ. Онъ перевелъ меня по мосту до того мѣста, въ которомъ находился святой Лудовикъ и его плѣнные люди. При входѣ въ большую палатку мы нашли писца, который записывалъ имена плѣнниковъ для султана. И мнѣ пришлось объявить свое имя, котораго я не хотѣлъ скрывать: и мое имя было записано вмѣстѣ съ другими. При входѣ же въ палатку тотъ сарацинъ, который меня сопровождалъ и спасъ на галерѣ, сказалъ мнѣ: „Сиръ, я не могу слѣдовать далѣе за вами, извините меня. Я поручаю вамъ этого ребенка; держите его при себѣ

всегда за руку, или иначе, я знаю, сарацины убьютъ его". Ребенка звали Бартоломей Монфоконъ, сынъ сеньора Монфокона изъ Бара. Когда мое имя было записано, эмиръ ввелъ насъ, меня и того ребенка, въ палатку, гдѣ находились бароны Франціи и болѣе десяти тысячъ другихъ лицъ вмѣстѣ съ ними. И когда я вошелъ, всѣ выразили такую громкую радость, что ничего нельзя было разслышать за шумомъ, который они подняли. Они считали меня погибшимъ.

Затѣмъ авторъ записываетъ различные эпизоды изъ своего заключенія, говоритъ о попыткахъ непріятеля принудить сначала бароновъ, а потомъ и короля, выдать ему послѣднія христіанскія владѣнія въ Палестинѣ; мусульмане, встрѣтивъ отказъ, угрожаютъ королю пыткою, но, видя, что всѣ ихъ усилія напрасны, рѣшаются вступить съ королемъ въ переговоры на болѣе умѣренныхъ условіяхъ.

Когда сарацины увидѣли, что они не могутъ побѣдить короля угрозами, они снова обратились къ нему и спрашивали, какую онъ согласенъ дать сумму сверхъ сдачи Даміетты. И король отвѣчалъ, что если султанъ захочетъ взять умѣренный выкупъ, то онъ обратится къ королевѣ (т.-е. Маргаритѣ, которая оставалась въ Даміеттѣ), чтобы она заплатила за его людей. И сарацины спрашивали его, почему онъ хочетъ свестись съ королевой. И онъ отвѣчалъ, что имѣетъ на это достаточную причину, ибо королева считается его дамой и подругой. Тогда совѣтники султана пошли къ султану и спросили, сколько онъ потребуетъ съ короля. Послѣ того они вернулись къ королю и сказали ему, захочетъ ли королева заплатить милліонъ византійскихъ золотыхъ (dix cens mille besans d'or), что составляло тогда пятьсотъ тысячъ ливровъ [1]), и прислать ихъ королю для этого дѣла? И король потребовалъ отъ нихъ клятвы въ томъ, что султанъ дастъ слово освободить его, если королева заплатитъ ему 500,000 ливровъ. И они вернулись къ султану, и спрашивали, согласенъ ли онъ на такія условія и дастъ ли слово. И потомъ представили они королю, что султанъ согласенъ и даетъ клятву. Какъ только сарацины присягнули и поклялись исполнить все и освободить его, король обѣщалъ имъ, съ своей стороны, что онъ охотно внесетъ выкупъ 500,000 фунтовъ за освобожденіе своихъ людей, а за себя лично сдастъ султану Даміетту: король не желаетъ торговать своимъ тѣломъ, и ни за какія деньги не согласится получить освобожденія. Когда султанъ узналъ волю короля, онъ сказалъ: „Клянусь Кораномъ, щедръ и великодушенъ этотъ французъ, если не хочетъ выторговать ничего изъ такой большой суммы: я соглашаюсь на то, что съ него требовали. Но скажите ему, замѣтилъ султанъ, что я ски-

---

[1]) Византійскій золотой стоилъ десять солидовъ (су), и солидъ того времени равнялся 19 нынѣшнимъ су (т. е. одному франку, безъ одного су); такимъ образомъ византійскій золотой стоилъ на новѣйшія деньги около 9½ франковъ, и милліонъ византійскихъ золотыхъ=9 милліонамъ съ половиною франковъ. Въ одномъ же ливрѣ, какъ видно изъ словъ Жоанвилля, заключалось два византійскихъ золотыхъ.

дываю изъ его выкупной суммы 100,000 ливровъ, и пусть онъ заплатитъ только 400,000".

По заключеніи такого договора, авторъ описываетъ, какъ король и его люди отправились вмѣстѣ съ султаномъ къ Даміеттѣ, для сдачи города; какъ на пути произошло возстаніе мамелюковъ, вслѣдствіе котораго султанъ былъ умерщвленъ, и мамелюки, уничтоживъ договоръ съ христіанами, возобновили угрозы и требовали новыхъ условій. Король обнаружилъ такую твердость, не смотря на всѣ лишенія, что мамелюки должны были довольствоваться прежними условіями, и даже сдѣлали Лудовику IX весьма оригинальное предложеніе, какъ о томъ говоритъ нашъ авторъ далѣе:

Вы должны знать, что, когда мамелюки (les chevaliers de la Haulcqua) умертвили своего султана, эмиры приказали трубить и ударить въ барабаны предъ палаткою короля. И сказали королю, что они, по взаимномъ совѣщаніи, выразили живѣйшее желаніе сдѣлать короля султаномъ Вавилона (Каира). И однажды спросилъ меня король, не думаю ли я, что ему слѣдовало бы принять царство Вавилонское, еслибы ему предложили. И я отвѣчалъ, что онъ поступилъ бы неразумно, имѣя въ виду то, что они уже умертвили своего государя. И не смотря на то, король сказалъ мнѣ, что онъ не отказался бы. И знайте, что это не случилось бы никогда, ибо эмиры говорили между собою, что король самый гордый изъ всѣхъ христіанъ, какихъ они когда-либо знали. А говорили они такъ потому, что онъ, выходя изъ дома, бралъ съ собою всегда крестъ и клалъ знаменіе креста на все свое тѣло. И говорили сарацины, что еслибы Магометъ принудилъ ихъ столько страдать, сколько Богъ заставилъ терпѣть короля, то они никогда не почитали бы его и не увѣровали бы въ него. Какъ только-что условія эмировъ съ королемъ были клятвенно утверждены, было тотчасъ же постановлено, что на слѣдующій день, въ праздникъ Вознесенія господня, Даміетта будетъ сдана эмирамъ, а король и всѣ плѣнные получатъ свободу. И наши четыре галеры бросили якорь у моста предъ Даміеттою; тамъ же сдѣлали для короля палатку, въ которую онъ сошелъ.

Авторъ описываетъ далѣе, какъ вошли мусульмане въ Даміетту, какія они совершили тамъ неистовства, не смотря на договоръ, и какъ они, овладѣвъ разъ Даміеттою, не хотѣли освобождать ни короля, ни его людей, вознамѣрились умертвить ихъ и уже повезли назадъ въ Каиръ, но были удержаны корыстью: они боялись съ ихъ смертью потерять выкупную сумму. Вслѣдствіе всего этого крестоносцы провели цѣлый день въ ожиданіи смерти и безъ всякой пищи.

Такимъ образомъ, по соизволенію Бога, который никогда не забываетъ своихъ служителей, эмиры (побуждаемые корыстью) опредѣлили, когда уже день склонялся къ вечеру, дать намъ свободу, и снова поворотили насъ къ Даміеттѣ. И наши четыре галеры пристали къ берегу рѣки. Тогда мы просили высадить насъ на берегъ. Но они не соглашались отпустить насъ, не давъ намъ поѣсть. И говорили сара-

цины: стыдно будетъ эмирамъ выпустить насъ изъ плѣна на-тощакъ. Тотчасъ привезли изъ арміи съѣстное (de la viande), а именно, ломти сыру, засушеннаго на солнцѣ, чтобы не развелись въ немъ черви, и яицъ, сваренныхъ за четыре или пять дней. А для оказанія почета нашимъ особамъ они раскрасили яйца въ различные цвѣта.

Давъ намъ поѣсть, они высадили насъ на землю. И мы пошли на встрѣчу королю, котораго сарацины вывели изъ павильона на берегу рѣки, гдѣ они его содержали. Короля окружили, по крайней мѣрѣ, 20,000 пѣшихъ сарацинъ, подпоясанныхъ мечами. Случилось такъ, что на рѣкѣ предъ королемъ стояла генуэзская галера, на которой не видѣли никого, кромѣ какого-то дурака: когда король подошелъ къ самой галерѣ, онъ началъ свистать. Тотчасъ выскочили изъ-подъ палубы человѣкъ восемьдесятъ арбалетчиковъ, съ арбалетами и стрѣлами на-готовѣ. Какъ только сарацины увидѣли ихъ, они бросились бѣжать, подобно испуганнымъ овцамъ, и съ королемъ осталось всего двое или трое. Генуэзцы (les Genevois) перебросили доску на берегъ и приняли къ себѣ короля, графа Анжу, его брата, впослѣдствіи короля Сициліи, монсеньора Жоффруа изъ Сержина, мессира Филиппа Немурскаго, маршала Франціи, магистра Троицы и меня. А графъ Поатье остался плѣнникомъ у сарацинъ, пока король не заплатитъ ста тысячъ ливровъ, которые онъ обязался внести до отплытія изъ рѣки.

По этому поводу авторъ описываетъ подробно, съ какими трудами Лудовикъ успѣлъ занять необходимую для выкупа брата сумму, и затѣмъ въ заключеніе говоритъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя перенесла королева Маргарита, жена Лудовика IX, остававшаяся все это время въ Даміеттѣ.

Выше вы видѣли и слышали о тѣхъ великихъ преслѣдованіяхъ и бѣдствіяхъ, которыя были перенесены за моремъ добрымъ королемъ святымъ Лудовикомъ и всѣми нами. Знайте также, что и добрая дама королева спаслась не безъ того, чтобы имѣть во всемъ этомъ свою долю, весьма тяжелую для сердца, какъ вы то увидите сейчасъ. За три дня до родовъ, къ ней пришло извѣстіе, что король, ея добрый супругъ, взятъ въ плѣнъ. Отъ этого извѣстія она такъ разстроилась тѣлесно и впала въ такую немощь, что ей на-яву казалось постоянно, будто вся комната наполнена сарацинами, собравшимися ее умертвить. И она безконечно кричала: „Помогите, помогите“, между тѣмъ какъ тамъ не было ни души. И изъ боязни, чтобы не погибъ плодъ, носимый ею въ утробѣ, она приказала одному рыцарю стоять всякую ночь у ея постели и не спать. Этотъ рыцарь былъ человѣкъ старый и ветхій, и имѣлъ отъ роду лѣтъ восемьдесятъ, и даже больше. И каждый разъ, какъ она вскрикивала, онъ жалъ ее за руку и говорилъ: „Дама моя, не безпокойтесь, я съ вами, не бойтесь“. И прежде нежели эта добрая дама родила, она удалила изъ комнаты всѣхъ, кромѣ того стараго рыцаря, и бросилась предъ нимъ на колѣни, и просила его сдѣлать ей одно одолженіе. И рыцарь далъ ей клятвенное обѣщаніе. И королева сказала ему: „Господинъ рыцарь, я прошу васъ по данной вами мнѣ клятвѣ, если сарацины овладѣютъ городомъ,

отрубите мнѣ голову, прежде нежели они могутъ захватить меня". И рыцарь ей отвѣчалъ, что онъ исполнитъ ея просьбу весьма охотно, и что даже онъ самъ имѣлъ на этотъ случай мысль поступить такимъ образомъ.

Вскорѣ королева родила въ Даміеттѣ сына, по имени Жана, а по прозванію *Тристана*, ибо онъ родился въ печали (tristesse) и нуждѣ. И въ самый день, какъ она родила, ей сказали, что жители Пизы, Генуи и вся бѣдная община, находившаяся въ городѣ, намѣрены бѣжать и оставить короля. И королева позвала ихъ всѣхъ къ себѣ, и просила ихъ и говорила: „Господа, именемъ Бога умоляю васъ не оставлять этого города; ибо вы знаете, что въ такомъ случаѣ государь король и всѣ находящіеся съ нимъ погибнутъ. И по крайней мѣрѣ, если вамъ неугодно такъ поступить, сжальтесь надъ этой бѣдной и исхудалой женщиной, которая лежитъ предъ вами и прошу васъ,подождите, пока она встанетъ". И отвѣчали ей всѣ, что это невозможно, ибо они умрутъ съ голода въ этомъ городѣ. И она говорила, что никогда они не умрутъ съ голода, и что она скупитъ все съѣстное, какое толькое найдется въ городѣ, и будетъ содержать ихъ на счетъ короля. И такъ она сдѣлала, и скупила все, что́ могла найти. И въ короткое время, прежде нежели она встала, ей стоило содержаніе этихъ людей 360,000 ливровъ, и даже больше. И при всемъ томъ доброй дамѣ пришлось встать до срока и отправиться въ Акру, ибо Даміетту нужно было сдать туркамъ и сарацинамъ.

Знайте всѣ, что король, претерпѣвъ такое множество бѣдствій и взойдя на корабль, не нашелъ тамъ ничего, что приготовили бы ему люди, ни одежды, ни кровати, ни ложа, ни другого чего. Пришлось ему лежать шесть дней переѣзда до Акры на матрацахъ. И у короля не было никакихъ одеждъ, кромѣ двухъ, которыя приказалъ ему сшить султанъ изъ чернаго шелка, обшитаго зеленымъ и сѣрымъ и съ золотыми пуговицами. Пока мы были въ морѣ и шли въ Акру, я сидѣлъ постоянно возлѣ короля, ибо былъ боленъ. И тогда мнѣ разсказывалъ король, какъ его взяли, и какимъ образомъ онъ досталъ съ божіею помощью выкупъ за себя и за насъ. И я разсказалъ ему, какъ меня взяли на рѣкѣ, и какъ сарацинъ спасъ мнѣ жизнь. И мнѣ король замѣтилъ, что я много обязанъ нашему Господу, который избавилъ меня отъ столь великой опасности. И между прочимъ, добрый святой король страшно сожалѣлъ о смерти графа Артоа, своего брата. Однажды онъ спросилъ, что дѣлаетъ его братъ, графъ Анжу, и жаловался, что онъ ни одного дня не пробылъ въ его обществѣ, хотя они ѣхали на одной галерѣ. И ему сказали, что онъ играетъ за столомъ съ мессиромъ Готье Немурскимъ. И услыхавъ то, онъ всталъ и пошелъ, шатаясь, ибо былъ очень слабъ отъ болѣзни. И подойдя къ нимъ, онъ схватилъ кости и столъ, и бросилъ ихъ въ море, и разсердился на брата за то, что онъ такъ занялся игрой, и не хотѣлъ помнить ни смерти брата, графа Артоа, ни того, что Господь спасъ насъ отъ опасности. Но мессиръ Готье Немурскій поплатился еще лучше, ибо король вмѣстѣ съ костями и столомъ сбросилъ въ море всѣ его деньги.

При этомъ я желаю разсказать о нѣкоторыхъ бѣдствіяхъ и несча-

стіяхъ, которыя постигли меня въ Акрѣ: но отъ нихъ избавили меня они оба, къ которымъ я питаю полное довѣріе, а именно, нашъ Господь Богъ и благословенная Дѣва Марія. Говорю же я объ этомъ, чтобы побудить всѣхъ, которые то услышатъ, имѣть довѣріе къ Богу и терпѣніе во всѣхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, и Господь поможетъ имъ, какъ онъ и мнѣ помогъ. Скажемъ прежде всего, что, когда король прибылъ въ Акру, жители города вышли къ нему на встрѣчу съ процессіею и въ великой радости. И вскорѣ король послалъ за мною и приказалъ мнѣ, если я дорожу его любовью, присутствовать всегда за его утреннимъ и вечернимъ столомъ, пока онъ не рѣшитъ, возвращаемся ли мы во Францію, или остаемся тамъ. Я помѣстился въ Акрѣ у одного тамошняго священника, гдѣ меня устроилъ епископъ того мѣста и гдѣ я былъ тяжко боленъ. И изъ всѣхъ моихъ людей у меня остался одинъ слуга, всѣ же другіе были больны, какъ и я. И иногда не было души, которая дала бы мнѣ хоть разъ въ день напиться воды. А для бо̀льшаго своего удовольствія я видѣлъ ежедневно изъ окошка своей комнаты, какъ проносили мимо меня въ церковь до 20 покойниковъ для погребенія. И всякій разъ, когда я слышалъ пѣніе *Libera me*, я принимался плакать горючими слезами, моля Бога о пощадѣ, и чтобы онъ сохранилъ меня и моихъ людей отъ язвы, которая господствовала въ городѣ; такъ то и случилось [1]).

Далѣе, и до конца своихъ мемуаровъ, авторъ описываетъ пребываніе короля въ Палестинѣ и возвращеніе ихъ во Францію; потомъ говоритъ о послѣднихъ годахъ правленія Лудовика IX точно такъ же отрывочно, какъ и въ началѣ, приводя отдѣльные факты и анекдоты; опускаетъ походъ его въ Тунисъ, потому что „онъ самъ не участвовалъ въ этомъ походѣ“, и наконецъ сообщаетъ подробнѣе о его смерти, увѣщаніи дѣтямъ и канонизаціи.

Еще прибавлю нѣсколько словъ въ честь добраго короля святого Лудовика. А именно, когда я находился въ своей часовнѣ въ Жоанвиллѣ, случилось однажды, что онъ предсталъ предо мною съ ликующимъ лицомъ. И я былъ очень обрадованъ видѣть его у себя въ замкѣ. И я сказалъ ему: „Сиръ, когда вы отправитесь отсюда, я провожу васъ въ другой домъ, который стоитъ у меня въ Шевилльонѣ“. И онъ мнѣ отвѣчалъ съ улыбкою: „Сиръ Жоанвилль, клянусь вами же, что я отсюда не уйду, ибо я уже здѣсь“. Когда я проснулся, и думалъ про себя, что было бы пріятно Богу и ему, если я его помѣщу въ этой капеллѣ. Это было весьма скоро исполнено мною. Я поставилъ алтарь въ честь Бога и въ его честь, и предписалъ служить ежедневно обѣдню въ честь Бога и монсеньора святого Лудовика. И о всемъ этомъ я разсказалъ монсеньору Лудовику, его сыну,

---

[1]) Въ одномъ изъ варіантовъ къ мемуарамъ нашего автора все это мѣсто разсказано гораздо подробнѣе: а именно, авторъ приводитъ цѣлую исторію своего единственнаго слуги и говоритъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя онъ испыталъ отъ крайней бѣдности и безчестности магистра Тампліеровъ, который получилъ отъ него деньги на храненіе и отдалъ ему только половину.

чтобы получить отъ него частицу мощей монсеньора святого Лудовика для своей капеллы въ Жоанвиллѣ, и сдѣлать тѣмъ угодное Богу и монсеньору святому Лудовику: пусть тѣ, которые увидятъ его алтарь, почувствуютъ тѣмъ большее къ нему благоговѣніе.

Да вѣдаютъ всѣ читатели этой маленькой книжки, и твердо вѣруютъ, что разсказанное мною истинно, какъ я то самъ видѣлъ или узналъ отъ него самого. Все же прочее, о чемъ я свидѣтельствую по наслышкѣ, примите, если заблагоразсудите, въ добрую сторону, молясь Господу, чтобы онъ молитвами монсеньора святого Лудовика соблаговолилъ ниспослать намъ все необходимое для души и тѣла. Аминь.

Жанъ сиръ Жоанвилль.

Histoire de Saint Loys, IX du nom, roy de France.

Жанъ сиръ Жоанвилль великій, сенешаль Шампани (Jehan sire de Joinville [1]), grand seneschal de Champagne), происходилъ изъ самой знаменитой фамиліи въ Шампани: его дядя принималъ участіе въ завоеваніи Константинополя латинами, а отецъ оказалъ большую услугу королевскому дому, при защитѣ Троа, когда почти всѣ бароны Франціи возстали, пользуясь малолѣтствомъ Лудовика IX. Нашъ Жоанвилль родился около 1224 и, по обычаю того времени, былъ отданъ на воспитаніе ко двору своего сузерена, Тибо IV, графа Шампани; веселый нравъ юноши и его открытый характеръ расположили къ нему графа, который вслѣдствіе того, по смерти стараго Жоанвилля, пожаловалъ его сына сенешалемъ. Когда въ 1245 г. заговорили о крестовомъ походѣ, Жоанвиллю было всего 22 года, и онъ, повидимому, едва только зналъ короля. Жоанвилль былъ уже женатъ и имѣлъ двухъ дѣтей; онъ заложилъ все свое имущество, нанялъ 10 рыцарей и послѣдовалъ за королемъ. Жоанвилль раздѣлялъ всѣ труды и опасности Лудовика IX во время его похода въ Египетъ и въ Палестину и вмѣстѣ съ нимъ возвратился во Францію. Во Франціи Жоанвилль сохранилъ за собою расположеніе Лудовика и дѣлилъ свое время между дворомъ короля и своего графа. Когда въ 1268 г. король созвалъ бароновъ для вторичнаго похода въ Палестину, Жоанвилль отказался сопровождать его, ссылаясь на то, что его вассалы много пострадали отъ похода въ Египетъ. При Филиппѣ III, Жоанвилль пользовался тѣмъ же почетомъ; но Филиппъ IV Красивый былъ мало къ нему расположенъ, хотя его жена Іоанна, королева Наварры и графиня Наварры, продолжала оказывать ему прежнее довѣріе и поручила управленіе графствомъ. Въ 1315 г. Жоанвилль возсталъ открыто противъ короля, обременявшаго Францію налогами, и только смерть Филиппа IV спасла его отъ мести. При сынѣ Филиппа IV, Лудовикѣ X Сварливомъ, Жоанвилль имѣя отъ роду слишкомъ 80 лѣтъ, рѣшился, по просьбѣ матери короля, Іоанны Наваррской, написать свои мемуары или „Исторію святого Лудовика, IX этого имени, короля Франціи“. Эти мемуары составляютъ самый лучшій памятникъ древней французской прозы и сохранятъ всегда

[1]) Замокъ Жоанвилль стоитъ на р. Марнѣ, въ верхнихъ частяхъ ея теченія, на ю.-в. отъ Васси.

весь интересъ и всю прелесть наивнаго разсказа, въ которомъ безъискусственно отразился духъ времени и писателя, въ противность ученой латинской литературѣ духовныхъ, среди которой произведеніе Жоанвилля является первымъ знакомъ обнаружившейся жизни національнаго языка. Мемуары, раздѣляясь на двѣ части, содержатъ въ себѣ собраніе всего, что было примѣчательнаго въ глазахъ Жоанвилля въ правленіи Лудовика IX, и только крестовый походъ въ Египетъ разсказанъ имъ связно отъ начала и до конца. Жоанвилль умеръ въ глубокой старости, въ 1318 году. — *Изданія*: первое и лучшее сдѣлалъ Du Cange, въ 1668 году, присоединивъ къ нему большое число спеціальныхъ изслѣдованій о нравахъ, законодательствѣ и обычаяхъ XIII вѣка; изъ новѣйшихъ изданій, съ примѣчаніями *Paulin Paris*, самое удовлетворительное сдѣлалъ Firm. Didot. Par. 1858.—*Переводы*: нѣмецкій von Driesch. Trier, 1853, съ критическимъ изслѣдованіемъ текста.

---

69. — Собственноручное письмо Лудовика IX Святого о походѣ въ Египетъ.

(Въ 1250 г.).

Лудовикъ, божіею милостью, король французовъ, своимъ любезнымъ и вѣрнымъ прелатамъ, баронамъ, рыцарямъ, жителямъ городовъ и мѣстечекъ и всѣмъ обитателямъ королевства Франціи, которые получатъ настоящее письмо, шлетъ свой привѣтъ!

Чести и славы ради святого имени Господа, мы считаемъ себя обязанными повѣстить васъ о томъ, что̀ насъ постигло.

По взятіи Даміетты, которую Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ своемъ неизреченномъ милосердіи, предалъ во власть христіанъ, и о чемъ вы должны уже имѣть свѣденіе, какъ о достославномъ событіи, мы держали великій совѣтъ, и отправились изъ этого города, 20 дня прошедшаго ноября, вмѣстѣ съ нашими сухопутными морскими силами, идя противъ сарацинъ, собравшихся и расположившихся лагеремъ возлѣ города, называемаго Мансурою. Во время этого перехода мы подвергались частымъ нападеніямъ непріятеля, который былъ постоянно поражаемъ: особенно одинъ разъ мы убили у нихъ множество людей.

Въ то же самое время мы узнали, что султанъ Египта умеръ; что, прежде нежели онъ закрылъ глаза, послали за его сыномъ, находившимся на Востокѣ, приглашая его немедленно отправиться въ Египетъ; что султанъ приказалъ своей арміи присягнуть его сыну, и что, до прибытія этого принца, поручилъ вести войну одному изъ своихъ эмировъ Факардину. Подойдя, мы увѣрились въ истинѣ этихъ извѣстій.

Намъ было невозможно напасть на сарацинъ при этомъ городѣ, ибо рукавъ Нила, называемый Танисъ (Ашмунъ), отдѣляясь отъ главнаго теченія рѣки, протекалъ между ихъ арміею и нашею. Такимъ

образомъ, мы устроили свой лагерь между Ниломъ и Танисомъ. Когда въ томъ мѣстѣ сарацины снова напали на насъ, мы истребили многихъ изъ нихъ мечемъ и еще большее число отбросили въ рѣку.

Такъ-какъ рукавъ Нила, называемый Танисъ, не можетъ быть перейденъ вбродъ, то мы начали строить плотину для переправы нашей арміи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы сдѣлали огромную работу, издержали несмѣтныя суммы и подвергались величайшимъ опасностямъ. Сарацины противопоставляли нашему предпріятію всякаго рода препятствія, и въ отвѣтъ на наши машины устроили свои; деревянныя башни, воздвигнутыя нами на плотинѣ, были ниспровергнуты или сожжены греческимъ огнемъ. Мы уже потеряли всякую надежду на сооруженіе плотины, какъ къ намъ явился перебѣжчикъ изъ сарацинской арміи и указалъ вблизи бродъ, гдѣ христіанская армія могла бы переправиться чрезъ рѣку. По совѣщаніи съ нашими баронами и главными вождями арміи, въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ поста, было опредѣлено на слѣдующій день, во вторникъ, рано утромъ, отправиться къ назначенному времени, а часть войскъ оставить для охраненія лагеря. На слѣдующій день, прибывъ къ тому броду, мы перешли рѣку, не безъ опасностей; это мѣсто оказалось болѣе глубокимъ, нежели какъ намъ то сказали. Нашимъ лошадямъ пришлось переправляться вплавь и подниматься на берегъ крутой и скалистый.

Совершивъ переходъ, мы направились противъ машинъ, устроенныхъ сарацинами для разрушенія нашей плотины. Нашъ авангардъ бросился къ машинамъ; многіе были убиты и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ эмировъ. Но съ той минуты начался безпорядокъ въ нашей арміи; наши, разсѣявшись по лагерю непріятелей, достигли Мансуры, умерщвляя всѣхъ попадавшихся имъ на пути; наконецъ сарацины замѣтили ихъ неблагоразуміе, воодушевились, окружили нашихъ со всѣхъ сторонъ и стѣснили ихъ. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли большое число бароновъ, рыцарей, Тампліеровъ и Госпиталитовъ, достойныхъ всякаго нашего сожалѣнія. Тамъ же палъ нашъ возлюбленный и знаменитый братъ, графъ Артоа, потерявъ здѣшнюю смертную жизнь. Мы должны скорѣе радоваться тому, нежели сожалѣть, ибо мы увѣрены, что онъ заслужилъ мученическій вѣнецъ и теперь обитаетъ въ небесномъ отечествѣ.

Пользуясь этимъ безпорядкомъ, сарацины бросились на насъ со всѣхъ сторонъ, осыпали тучею стрѣлъ и рубили насъ до девятаго часа вечера, между тѣмъ какъ мы не имѣли ни одной метательной машины для отраженія ихъ, часть нашихъ рыцарей пала и большинство лошадей было убито или изранено; но съ божіею помощью мы удержали за собою поле битвы и собрали свое войско.

Мы расположились лагеремъ у машинъ, отнятыхъ нами у непріятеля, и поставили мостъ для сообщенія съ остальною арміею, оставленною на другомъ берегу рѣки. На слѣдующій день многіе изъ нашихъ получили приказаніе перейти къ намъ и помѣститься вблизи лагеря; сарацинскія машины были разрушены, и мы устроили на мосту перила, чтобы можно было безъ опасности переходить съ одного берега на другой.

Въ слѣдующую пятницу сарацины, соединивъ всѣ свои силы съ намѣреніемъ истребить насъ, напали на нашъ лагерь съ безпримѣрною яростью. Вспомоществуемые божественнымъ провидѣніемъ, мы устояли, отбили ихъ нападеніе и многихъ изъ нихъ умертвили. Черезъ нѣсколько дней сынъ султана, возвратившись съ Востока, явился въ Мансуру; сарацины, въ восторгѣ отъ радости, встрѣтили его съ барабаннымъ боемъ, какъ своего государя, и силы ихъ увеличились войскомъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ султаномъ.

Съ того времени, не знаю, по какому-то суровому приговору божества, всѣ наши дѣла совершенно неожиданно измѣнили свой ходъ: заразительныя болѣзни истребляли людей и лошадей; не было никого, кто не оплакивалъ бы умершихъ или умирающихъ друзей. Христіанская армія погибала и уменьшилась на половину. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ доходилъ до того, что многіе умирали голодною смертью. Суда, отправляемыя изъ Даміетты, не могли доходить до насъ, ибо галеры и сарацинскія суда останавливали ихъ на Нилѣ. Наши враги, овладѣвъ большею частью нашего флота, захватили, не смотря на всѣ усилія нашихъ, два каравана, шедшихъ къ намъ съ съѣстными припасами и оружіемъ.

Полнѣйшій недостатокъ въ средствахъ къ существованію и прокормленію породилъ въ нашей арміи отчаяніе и печаль. Угнетенные страданіями голода и болѣзни, мы были принуждены оставить лагерь и отступить къ Даміеттѣ, своему послѣднему убѣжищу. Но такъ-какъ участь людей не зависитъ отъ ихъ воли, но отъ того, кто направляетъ ихъ стопы и располагаетъ ими по приговору Провидѣнія, сарацины, соединивъ всѣ свои силы, напали на насъ, 5 апрѣля, со всѣхъ сторонъ. Божескимъ попущеніемъ и во искупленіе своихъ грѣховъ, мы попались въ ихъ руки, и вмѣстѣ съ нами наши любезные братья, графы Поату и Анжу, и всѣ тѣ, которые слѣдовали берегомъ, и никто не ушелъ: насъ бросили въ темницу, и при этомъ многіе изъ нашихъ погибли, и много было пролито крови. Изъ отправившихся водою большая часть также попалась въ плѣнъ; многіе были перерѣзаны, и цѣлые корабли съ больными сожжены безъ всякаго сожалѣнія.

Мы уже находились нѣсколько дней въ темницѣ, когда султанъ предложилъ намъ перемиріе. Онъ требовалъ настоятельно и съ угрозами, чтобы мы, не отлагая, сдали Даміетту со всѣмъ въ ней находящимся и заплатили имъ за всѣ расходы отъ начала войны. Послѣ долгихъ переговоровъ, мы сошлись на десятилѣтнемъ перемиріи съ слѣдующими условіями:

Султанъ долженъ возвратить свободу намъ и тѣмъ, которые пришли съ нами въ Египетъ, равно какъ и всѣмъ христіанамъ, изъ какой бы страны они ни были, и которые были захвачены со времени правленія Кимеля (Камиля), его дѣда, заключившаго миръ съ императоромъ (т.-е. Фридрихомъ II). Султанъ соглашался на то, чтобы христіане Св. Земли удержали въ мирѣ за собою всѣ части Іерусалимскаго королевства, которыми они владѣли до нашего прибытія. Съ своей стороны, мы обязались сдать Даміетту и заплатить 800,000 византиновъ за выкупъ плѣнныхъ и на покрытіе военныхъ издержекъ

Мы дали слово также освободить всѣхъ сарацинъ, взятыхъ въ плѣнъ со времени нашей высадки въ Египетъ, и тѣхъ, которые находились въ плѣну въ Іерусалимскомъ королевствѣ, со времени заключенія мира съ императоромъ. Сверхъ того, было условлено, что все наше имущество, оставляемое по уходѣ изъ Египта, будетъ ввѣрено охраненію султана, пока не представится случая къ перевозу его во Францію. Больные христіане въ Даміеттѣ и тѣ, которые останутся нѣкоторое время, чтобы продать свое имущество, могутъ оставаться въ городѣ извѣстный срокъ, и потомъ безпрепятственно возвратиться въ свою страну сухимъ путемъ или моремъ. Султанъ обязанъ дать конвой тѣмъ, которые пожелаютъ немедленно отправиться въ Іерусалимское королевство.

Такимъ образомъ, мы заключили перемиріе съ султаномъ и скрѣпили его обоюдною клятвою. Уже султанъ шелъ съ своею арміею къ Даміеттѣ, гдѣ всѣ условія договора должны были исполниться, какъ Богъ попустилъ совершиться великому событію. Нѣсколько сарацинскихъ воиновъ, поддерживаемыхъ большинствомъ арміи, бросились на султана утромъ, когда онъ всталъ изъ-за стола, и нанесли ему тяжелыя раны. Они умертвили его сабельными ударами въ то время, когда онъ бросился изъ палатки, ища спасенія; и все это произошло въ присутствіи многихъ эмировъ и множества сарацинъ. Послѣ такого убійства, множество воиновъ, пылавшихъ яростью, вошли въ нашу палатку, желая, какъ того опасались многіе изъ нашихъ, умертвить насъ вмѣстѣ съ прочими христіанами. Но милосердіе Бога укротило ихъ ярость: они ограничились требованіемъ немедленнаго исполненія договора, заключеннаго съ султаномъ. Послѣ многочисленныхъ угрозъ, было угодно Господу, этому отцу всякаго милосердія, утѣшителю страждущихъ, готовому удовлетворить мольбамъ просящихъ, чтобы мы утвердили этотъ договоръ и получили клятву сарацинъ, которую они намъ дали по закону своей религіи. Въ то же время мы опредѣлили срокъ освобожденія плѣнныхъ и сдачи Даміетты.

Не безъ сожалѣнія мы заключали этотъ договоръ, сначала съ султаномъ, а потомъ съ его войскомъ; но мы навѣрное знали, что не было никакой возможности удержать Даміетту въ нашихъ рукахъ. Такимъ образомъ, по совѣту бароновъ Франціи, мы предпочли, для пользы христіанства, сдать городъ, который нельзя было защищать, нежели подвергнуть опасности жизнь нашихъ рыцарей и воиновъ. Въ назначенный день эмиры приняли отъ насъ Даміетту и освободили насъ, нашихъ двухъ братьевъ, графовъ Бретани, Фландріи, Суассона, бароновъ, рыцарей, какъ королевства Франціи, такъ королевства Іерусалимскаго и Кипрскаго. Точное исполненіе ими этой части договора заставило насъ надѣяться, что они освободятъ и всѣхъ другихъ христіанъ, находившихся въ ихъ власти.

Окончивъ это важное дѣло, мы оставили Египетъ, назначивъ повѣренныхъ для пріема плѣнныхъ христіанъ и для сохраненія имущества, которое не могло быть взято съ нами, по малочисленности оставшихся у насъ кораблей. По прибытіи нашемъ въ Акру, думая постоянно о христіанахъ оставшихся въ плѣну, мы отправили за ними новыхъ повѣренныхъ съ кораблями, съ тѣмъ чтобы они въ то же

время доставили намъ наше имущество, а именно, военныя машины, палатки и другіе предметы; но эмиры долгое время задерживали нашихъ повѣренныхъ, и на ихъ просьбу объ исполненіи условій договора отвѣчали одними обѣщаніями. Наконецъ, заставивъ ихъ прождать нѣсколько мѣсяцевъ, они, вмѣсто 12,000 христіанъ, которыхъ слѣдовало освободить, передали нашимъ повѣреннымъ около 400, изъ которыхъ многіе должны были внести за себя деньги. А изъ вещей, оставленныхъ нами въ Даміеттѣ, они ничего не хотѣли возвратить.

Но послѣ перемирія, заключеннаго и утвержденнаго клятвою, всего ужаснѣе было то, что намъ разсказывали наши повѣренные и нѣкоторые изъ плѣнныхъ, заслуживающіе довѣрія. Сарацины выбрали нѣсколькихъ молодыхъ христіанъ, вывели ихъ, какъ жертву, и, поднявъ надъ ихъ головою мечъ, принуждали отказаться отъ религіи. Многіе, по слабости, сдѣлались отступниками; другіе геройски оставались вѣрными, не смотря на всѣ мученія; нѣтъ сомнѣнія, ихъ кровь возопіетъ ко Господу въ пользу христіанскаго народа; они будутъ нашими ходатаями предъ строгимъ судьею и принесутъ намъ больше пользы въ небесномъ отечествѣ, нежели сколько они могли бы быть полезными, оставаясь съ нами на землѣ.

Многіе больные, оставшіеся въ Даміеттѣ, были умерщвлены; и мы потеряли надежду на точное исполненіе договора, хотя сами съ своей стороны все исполнили вѣрно.

По заключеніи перемирія, мы думали, что палестинскіе христіане будутъ спокойны, по крайней мѣрѣ до истеченія срока перемирія; и мы намѣревались возвратиться во Францію, даже сдѣлали всѣ приготовленія къ отплытію. Но, видя изъ случившагося ясно, что эмиры не боятся нарушить клятву, мы совѣщались съ баронами Франціи, прелатами, Тампліерами, Госпиталитами и Тевтонами, а также и съ баронами Іерусалимскаго королевства. Большая ихъ часть считала нашъ отъѣздъ окончательнымъ паденіемъ Св. Земли, при томъ разслабленіи и крайности, въ которыхъ она находится нынѣ. Они говорили намъ, что христіанскіе плѣнники, оставшіеся въ Египтѣ, погибнутъ и потеряютъ всякую надежду на освобожденіе. А потому они полагали, что наше присутствіе здѣсь можетъ принести нѣкоторую пользу, и что съ божіею помощью мы будемъ въ состояніи содѣйствовать освобожденію плѣнныхъ и удержанію тѣхъ мѣстъ, которыми еще владѣютъ христіане въ Іерусалимскомъ королевствѣ; главнымъ образомъ, они разсчитывали на то, что султанъ Дамаска находится въ войнѣ съ египтянами и, какъ увѣряютъ, пойдетъ мстить за смерть египетскаго султана. Обдумавъ все это внимательно и изъ состраданія къ несчастіямъ Св. Земли, на помощь которой мы явились, желая въ то же время пособить нашимъ бѣднымъ плѣннымъ, несчастіе которыхъ мы раздѣляли сами, мы, не смотря на стремленіе многихъ покинуть эту опустошенную страну, предпочли отложить свой отъѣздъ и пробыть нѣсколько времени въ Сиріи, нежели бросить дѣло Христа и оставить плѣнныхъ безъ всякой надежды.

Мы отправляемъ во Францію своихъ возлюбленныхъ братьевъ, графа Поатье и графа Анжу, для утѣшенія нашей любезной матери и нашего королевства.

Пусть всѣ, которые носятъ христіанское имя, примутъ участіе въ нашемъ предпріятіи; и въ особенности вы, духовные, кого, повидимому, Господь избралъ, чтобы подавать примѣръ самоотверженія и отваги. Наши враги, сверхъ богохульства, которое они изрыгаютъ въ нашемъ присутствіи, бьютъ крестъ розгами и топчутъ его ногами. Воспряньте же, воины христовы, соединитесь вмѣстѣ, изготовьтесь къ отмщенію оскорбленій, нанесенныхъ нашему Богу: послѣдуйте примѣру отцовъ, которые отличились между всѣми народами горячностью своей вѣры и исполнили всю вселенную своею славою. Мы предшествовали вамъ на этомъ поприщѣ; теперь идите вы, послѣдуйте за нами, и получите награду, хотя и явитесь поздно. Хозяинъ, въ евангеліи, обращается одинаково хорошо и съ послѣдними работниками своего вертограда, и съ первыми. Изготовьтесь, и пусть тѣ, которымъ Богъ внушитъ такое благородное желаніе, отправятся въ апрѣлѣ или въ маѣ слѣдующаго года; тѣ же, которые не поспѣютъ, могутъ воспользоваться второю экспедиціею около Иванова дня.

Дѣло требуетъ поспѣшности, и всякое промедленіе становится пагубнымъ. Прелаты и всѣ вѣрные Христа, помогите намъ у Всевышняго жаромъ своихъ молитвъ; прикажите дѣлать то же самое во всѣхъ подвѣдомственныхъ вамъ мѣстахъ, дабы они могли исходатайствовать для насъ у божественнаго милосердія тѣ блага, которыхъ мы недостойны по своимъ грѣхамъ.

Дано въ Акрѣ, въ годъ господень 1250, въ мѣсяцѣ августѣ.

Изъ писемъ Лудовика IX Св.

Epistola Ludovici IX regis Galliae de captione et liberatione sua ad subditos suos in regno Franciae constitutos.

„*Письмо Лудовика IX*, короля Галліи, о своемъ плѣнѣ и освобожденіи, къ своимъ подданнымъ, пребывающимъ въ королевствѣ Франціи", помѣщено въ сборникѣ Бонгара, Gesta Dei per Francos. Hannov. 1611, стр. 1196—1200.

70.—Египетскій походъ Лудовика IX Св., по мусульманскимъ извѣстіямъ. 1249—50 г.

(Около 1400 г.).

Арабскій историкъ излагаетъ судьбу династіи Эйюбитовъ, а именно потомства Саладина, въ видѣ хроники, по годамъ, и доходитъ такимъ образомъ до времени правленія египетскаго султана Неджмъ-Эддина, при которомъ Лудовикъ IX сдѣлалъ высадку при устьяхъ Нила. Въ ту эпоху султанъ Египта находился въ войнѣ съ султаномъ Дамаска; услышавъ о приближеніи непріятеля, онъ прекратилъ войну и, не смотря на тяжкую болѣзнь, поспѣшно

возвратился въ Египетъ въ апрѣлѣ 1249. и приказалъ эмиру Факреддину стать предъ Даміеттою и воспрепятствовать высадкѣ христіанъ.

Въ пятницу, 21 дня луны зефера, въ годъ эгиры 647 (4 іюня 1249), прибылъ флотъ французовъ, въ два часа дня: на немъ находились безчисленныя войска, предводительствуемыя Лудовикомъ (IX), сыномъ Лудовика, короля Франціи: франки, владѣвшіе Сиріею, присоединились къ французамъ. Весь флотъ расположился у берега, въ виду лагеря Факреддина. Король Франціи, до открытія непріязненныхъ дѣйствій, отправилъ чрезъ глашатая письмо къ султану Неджмъ-Эддину; оно было выражено слѣдующимъ образомъ:

„Вамъ не безъизвѣстно, что я считаюсь государемъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ религію Христа, какъ вы повелѣваете повинующимися закону Магомета; ваше могущество не внушаетъ мнѣ никакого ужаса, и какимъ образомъ оно могло бы мнѣ внушить что-нибудь подобное? Я заставлялъ трепетать мусульманъ Испаніи, и гналъ ихъ предъ собою, какъ пастухъ стадо барановъ; я истреблялъ храбрѣйшихъ изъ нихъ и обременялъ оковами ихъ женъ и ихъ дѣтей: теперь они стараются расположить меня къ миру и отвратить мое оружіе дарами. Воины, стоящіе подъ моими знаменами, покрываютъ собою равнины, и конница моя не менѣе страшна. Вы имѣете одно средство отвратить бурю, угрожающую вамъ: примите къ себѣ священниковъ, которые наставятъ васъ въ религіи христіанской; обратитесь къ ней и почтите крестъ: иначе я буду преслѣдовать васъ повсюду, и Богъ рѣшитъ, кто изъ насъ, вы или я, останется владѣтелемъ Египта.

Неджмъ-Эддинъ, при чтеніи этого письма, не могъ воздержаться отъ слезъ, онъ приказалъ своему секретарю кади Беаэддину написать слѣдующій отвѣтъ:

„Во имя всемогущаго и милосердаго Бога, да будетъ его благословеніе надъ нашимъ пророкомъ Магометомъ и надъ его друзьями! Я получилъ ваше письмо: оно исполнено угрозъ, и вы хвалитесь огромнымъ числомъ своихъ воиновъ; или вы не знаете, что мы умѣемъ владѣть оружіемъ, и что мы наслѣдовали храбрость нашихъ предковъ? Еще никто не отваживался напасть на насъ безъ того, чтобы не испытать на себѣ нашего превосходства. Припомните наши побѣды надъ христіанами; мы ихъ изгнали изъ страны, которою они владѣли; сильнѣйшіе города пали подъ нашими ударами. Приведите себѣ на память тотъ стихъ Алкорана, гдѣ говорится, что „тѣ, которые несправедливо сражаются, погибнутъ"; и другое, гдѣ сказано: „Сколько разъ многочисленнѣйшія войска были поражены горстью солдатъ!" Богъ покровительствуетъ правдѣ, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что онъ защититъ насъ и сдѣлаетъ тщетными ваши горделивые замыслы".

Въ субботу французы сдѣлали вылазку на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился лагерь Факреддина: они раскинули красную палатку для короля; мусульмане сдѣлали нѣкоторыя попытки не допустить ихъ на берегъ; эмиръ Неджмъ-Эддинъ и эмиръ Саримеддинъ были убиты въ схваткѣ. При началѣ ночи эмиръ Факреддинъ снялся съ лагеря вмѣстѣ съ своею арміею и, перейдя мостъ, который ведетъ на восточный берегъ Нила и гдѣ находится Даміетта, направился

по дорогѣ въ Ашмунъ-Тани (Мансура). Вслѣдствіе такого его движенія французы овладѣли западнымъ берегомъ рѣки. Ничто не можетъ изобразить отчаянія жителей Даміетты, когда они увидѣли эмира Факреддина, какъ онъ удалялся отъ ихъ города и предоставилъ ихъ на жертву ярости христіанъ; они не осмѣлились выжидать непріятеля и съ поспѣшностію бѣжали въ ту же ночь. Образъ дѣйствія мусульманскаго предводителя былъ тѣмъ менѣе извинителенъ, что гарнизонъ города состоялъ изъ большого числа людей, и при томъ изъ храбраго колѣна Бени-Кенане, и что самъ городъ былъ болѣе въ состояніи выдержать теперь осаду, нежели прежде, когда его обступили франки, въ правленіе султана Эльмеликула-Камиля; не смотря на язву и голодъ, франки могли тогда овладѣть городомъ только послѣ 16 мѣсяцевъ осады.

Въ воскресенье утромъ (6 іюня 1249) французы явились предъ городомъ; удивленные отсутствіемъ жителей, они опасались какой-нибудь засады; но вскорѣ, удостовѣрившись въ бѣгствѣ жителей, они, не обнажая меча, овладѣли городомъ и всѣми его укрѣпленіями. При извѣстіи о взятіи Даміетты, въ Каирѣ произошло всеобщее смятеніе; съ горемъ помышляли о томъ, какъ такой успѣхъ увеличитъ силу и отвагу христіанъ; непріятель видѣлъ, какъ малодушно бѣжала предъ нимъ мусульманская армія, и захватилъ въ свои руки безчисленное множество оружія всякаго рода и припасовъ, военныхъ и съѣстныхъ. Болѣзнь султана, увеличивавшаяся съ каждымъ днемъ и препятствовавшая ему дѣйствовать въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, довершила отчаяніе египтянъ; никто не сомнѣвался, что царство сдѣлается скоро добычею христіанъ.

Султанъ, негодуя на малодушіе гарнизона, осудилъ 50 главныхъ начальниковъ удавить; напрасно они ссылались на отступленіе эмира Факреддина; султанъ отвѣчалъ имъ, что они заслужили смерть уже тѣмъ, что оставили Даміетту безъ его приказанія: одинъ изъ такихъ начальниковъ, осужденный погибнуть вмѣстѣ съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ рѣдкой красоты, просилъ казнить его прежде сына; султанъ отказалъ ему въ этой милости, и отецъ имѣлъ горе видѣть умерщвленіе сына на своихъ глазахъ.

Послѣ этой казни султанъ повернулся къ эмиру Факреддину: „Какое сопротивленіе оказалъ ты,—произнесъ онъ раздраженнымъ голосомъ,—и какую битву ты далъ? ты не могъ устоять одного часа противъ франковъ: слѣдовало имѣть болѣе твердости и мужества". Начальники арміи боялись, при гнѣвѣ султана, за жизнь Факреддина; они дали понять эмиру своими тѣлодвиженіями, что готовы умертвить своего повелителя. Факреддинъ отказался согласиться на то, и послѣ говорилъ имъ, что султанъ можетъ прожить всего нѣсколько дней; но если онъ захотѣлъ бы ихъ потревожить, то они всегда могутъ отдѣлаться отъ него.

Неджмъ-Эддинъ, не смотря на свое печальное положеніе, распорядился своимъ отъѣздомъ въ Мансуру; онъ сѣлъ на военный корабль (по-арабски, собственно на *машинный корабль*, т.-е. съ бойницами и греческимъ огнемъ), и прибылъ туда въ среду, 25 зефера (9 іюня 1249 г.). Прежде всего онъ укрѣпилъ этотъ городъ, и вся

армія была занята такою работою. Суда, которыми начальствовалъ султанъ, еще до своего отправленія, явились нагруженныя войскомъ и припасами всякаго рода; всѣ способные носить оружіе стали подъ его знамена; арабы прибыли въ большомъ числѣ.

Въ то время, когда султанъ дѣлалъ всѣ эти приготовленія, французы усилили мѣры къ защитѣ Даміетты и помѣстили тамъ многочисленный гарнизонъ.

Въ понедѣльникъ, въ послѣдній день луны ребіуль-эвель (12 іюля 1249), въ Каиръ доставили 36 плѣнныхъ христіанъ изъ тѣхъ, которые охраняли лагерь отъ набѣга арабовъ, и между ними было 2 рыцаря. Въ 5-й день той же луны привели тридцать-семь; въ 7—двадцать-два и въ 16 (20, 22 и 30 іюня)—сорокъ-пять, между которыми было 3 рыцаря.

Различные христіанскіе князья, владѣвшіе берегами Сиріи, сопровождали франковъ, и ихъ владѣнія оставались незащищенными. Жители Дамаска воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы осадить Сидонъ; послѣ нѣкотораго сопротивленія, этотъ городъ долженъ былъ сдаться; слухъ объ овладѣніи Сидономъ произвелъ великую радость въ Каирѣ: этимъ утѣшались въ потерѣ Даміетты.

Каждый день брали въ плѣнъ французовъ: въ 18-й день луны діемазиль-эвель (29 авг. 1249) ихъ взяли 50 человѣкъ.

Болѣзнь султана увеличивалась, и враги отчаялись въ его выздоровленіи; онъ страдалъ въ одно и то же время фистулою и язвою въ легкихъ; наконецъ, онъ умеръ въ ночь на понедѣльникъ, въ 15-й день луны хабана (22 ноября), назначивъ своимъ преемникомъ сына, Туранъ-Шаха. Неджмъ-Эддинъ былъ 44 лѣтъ отъ роду, и правилъ 10 лѣтъ; онъ первый учредилъ воинство изъ рабовъ или *мамелюковъ-багаритовъ* (т.-е. рабовъ морскихъ), названныхъ такъ потому, что они помѣщались во дворцѣ, который былъ построенъ этимъ султаномъ на островѣ Расудахѣ, противъ Стараго Каира. Впослѣдствіи это воинство овладѣло престоломъ Египта.

Едва онъ умеръ, какъ султанша Шегеретъ-Эддуръ, его жена, позвала къ себѣ полководца Факреддина и евнуха Діемаледдина; она возвѣстила имъ смерть султана и просила помочь ей нести бремя правленія въ столь трудныя времена: всѣ трое опредѣлили держать въ тайнѣ смерть султана и дѣйствовать его именемъ, какъ бы онъ еще жилъ; о смерти же его обнародовать только по прибытіи Туранъ-Шаха, къ которому были отправлены вѣстники.

Не смотря на всѣ предосторожности, французы узнали о смерти Саладина; ихъ армія немедленно оставила равнины Даміетты и расположилась при Фарискурѣ (на восточномъ берегу Нила, въ 13 миляхъ отъ Даміетты); суда, нагруженныя военными и съѣстными припасами, поднимались по Нилу и доставляли все необходимое въ изобиліи.

Эмиръ Факреддинъ послалъ письмо въ Каиръ, чтобы предувѣдомить жителей Каира о приближеніи французовъ и убѣждать ихъ пожертвовать жизнью и имуществомъ для защиты отечества. Это письмо было читано съ каѳедры главной мечети, и народъ отвѣчалъ на него стонами и рыданіями; всѣ были въ смущеніи и ужасѣ: смерть султана, которую подозрѣвали, увеличивала замѣшательство; самые малодушные

замышляли оставить городъ, который, по ихъ мнѣнію былъ не въ состояніи противиться французамъ; самые отважные, напротивъ, пошли къ Мансурѣ, чтобы соединиться съ мусульманскою арміею.

Во вторникъ, въ первый день луны рамадана (7 дек. 1249), произошли небольшія стычки между отдѣльными отрядами обѣихъ армій; однако это не помѣшало французской арміи расположиться при Шармесахѣ (въ 43 миляхъ отъ Даміетты); въ понедѣльникъ, въ 7-й день той же луны (13 дек. 1249), она подошла къ Бермуну (въ 12 миляхъ отъ Мансуры).

Въ воскресеніе, въ 13-й день той же луны (19 дек. 1249), христіанская армія появилась предъ Мансурой; между нею и египетскимъ лагеремъ протекалъ рукавъ Ашмунъ.Назиръ-Даудъ, князь Карака (Крака), стоялъ на западномъ берегу Нила съ нѣсколькими отрядами; французы очертили свой лагерь, окопали его глубокимъ рвомъ и обвели палисадомъ; потомъ они выдвинули машины, чтобы метать камни въ египетскій лагерь; флотъ ихъ прибылъ въ то же самое время, и начали сражаться на сухомъ пути и на водѣ.

Въ среду, въ 15-й день той же луны (21 дек. 1249), шесть перебѣжчиковъ явились въ лагерь мусульманъ и извѣстили, что христіанская армія начинаетъ нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ.

Въ день байрама (первый день луны шеваля, который приходился въ четвергъ 6 января 1250 г.) взяли въ плѣнъ одного князя, родственника короля Франціи. Не проходило дня безъ стычекъ, и успѣхъ былъ различенъ; мусульмане особенно старались брать въ плѣнъ, чтобы получать свѣдѣнія о врагѣ, и употребляли для того всякаго рода военныя хитрости. Одинъ воинъ изъ Каира придумалъ всунуть голову въ дыню, которую онъ выдолбилъ внутри, и такимъ образомъ приблизился вплавь къ лагерю французовъ; христіанскій воинъ, не подозрѣвая хитрости, бросился въ Нилъ, чтобы поймать дыню; тогда египтянинъ, отличный пловецъ, потащилъ его за собою и привелъ къ своему предводителю

Въ среду, въ 7-й день луны шеваля (12 янв. 1250 г.), мусульмане овладѣли большимъ судномъ, на которомъ находилось сто воиновъ, предводительствуемыхъ значительнымъ лицомъ. Чрезъ недѣлю, въ четвергъ, въ 15-й день той же луны, французы вышли изъ лагеря, и вся ихъ кавалерія тронулась; произошла небольшая схватка, и со стороны французовъ осталось на мѣстѣ 40 рыцарей съ лошадьми.

Въ пятницу (14 января) въ Каиръ отвели 67 плѣнныхъ, между которыми находилось три значительныхъ лица. Въ четвергъ, въ 22-й день той же луны (27 янв.), загорѣлось большое судно у французовъ, и что было принято за счастливое предзнаменованіе для мусульманъ.

Измѣнники показали французамъ бродъ на каналѣ Ашмунъ; 1,400 всадниковъ переправились и неожиданно напали на лагерь мусульманъ, во вторникъ, въ 5-й день луны зилькаде (8 февраля 1250); во главѣ ихъ стоялъ братъ короля Франціи; эмиръ Факреддинъ былъ въ то время въ банѣ; онъ вышелъ поспѣшно, сѣлъ на коня безъ узды и безъ сѣдла, въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабовъ; непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ; рабы малодушно оставили своего господина, и онъ очутился посреди французовъ; напрасно онъ защищался;

ему пришлось пасть подъ ударами. По убіеніи Факреддина, французы отступили къ Джедиле; вслѣдъ затѣмъ вся ихъ конница подошла къ Мансурѣ, сбила ворота и ворвалась въ городъ. Мусульмане бѣжали направо и налѣво; король Франціи проникъ до самаго дворца султана, и побѣда, казалось, была уже на его сторонѣ, какъ явились мамелюки-багариты[1]), предводительствуемые Бибарсомъ, и вырвали побѣду у христіанъ: они съ яростью напали на нихъ и принудили отступить: между тѣмъ пододвинулась французская пѣхота чтобы перейти черезъ мостъ; еслибы ей удалось такое предпріятіе, то пораженіе египетской арміи и потеря города Мансуры были бы неизбѣжны. Ночь раздѣлила обѣ стороны; французы въ безпорядкѣ отступили къ Джедиле, оставивъ на мѣстѣ 1,500 убитыхъ; они окружили лагерь стѣною и рвомъ; ихъ армія была раздѣлена на два отряда, изъ которыхъ менѣе значительный расположился на каналѣ Ашмунъ, а самый многочисленный—на главномъ рукавѣ Нила, который протекаетъ мимо Даміетты.

Тогда пустили голубя въ Каиръ, сначала въ тотъ моментъ, когда французы овладѣли лагеремъ Факреддина, и у него подъ крыломъ было письмо, возвѣщавшее объ этомъ несчастіи жителямъ: эта печальная новость повергла городъ въ отчаяніе, увеличенное прибытіемъ бѣглецовъ; ворота Каира оставались всю ночь открытыми для пріема ихъ. Второй голубь, съ извѣстіемъ о побѣдѣ надъ французами, возстановилъ спокойствіе въ городѣ; радость смѣнила прежнюю печаль; всѣ поздравляли другъ друга съ счастливымъ событіемъ и давали публичныя празднества.

Едва Туранъ-Шахъ узналъ о смерти отца Неджмъ-Эддина, какъ немедленно выѣхалъ изъ Хуснъ-Кейфа (на р. Тигрѣ); онъ оставилъ городъ въ сопровожденіи 50 всадниковъ, въ 15-й день луны рамадана и прибылъ въ Дамаскъ къ концу той же луны. Получивъ присягу отъ всѣхъ правителей городовъ въ Сиріи, онъ отправился далѣе, въ 27-й день луны шеваля, по дорогѣ въ Египетъ; извѣстіе о его прибытіи ободрило мусульманъ; смерть Неджмъ-Эддина не была еще обнародована, служба у султана шла своимъ чередомъ; ему приготовляли столъ, какъ бы живому, и всѣ приказанія давались отъ его имени. Государствомъ управляла султанша, и въ своемъ умѣ она находила средства для всего; узнавъ о прибытіи Туранъ-Шаха въ Саліехъ, она отправилась туда и вручила ему верховную власть. Новый султанъ хотѣлъ явиться во главѣ войска и пошелъ въ Мансуру, куда и прибылъ въ 6-й день луны залькаде (8 февраля 1250).

Суда, отправляемыя изъ Даміетты, доставляли въ лагерь французовъ всякаго рода продовольствіе въ изобиліи; въ Нилѣ вода была въ то время самая высокая (ошибка: потому что вода въ Нилѣ поднимается на бо̀льшую высоту въ сентябрѣ). Туранъ-Шахъ приказалъ построить много судовъ и перевезъ ихъ совсѣмъ готовыми въ сосѣдній каналъ Мегале; тамъ они были спущены на воду, получили экипажъ и стали въ засаду. Когда небольшой флотъ французовъ появился предъ устьемъ канала Мегале, мусульмане вышли и бросились

---

[1]) При Людовикѣ IX отрядъ мамелюковъ состоялъ еще не болѣе какъ изъ 800 человѣкъ.

на французовъ. Пока оба флота сражались, другія египетскія суда прибыли изъ Мансуры и напали на французовъ; напрасно они пытались бѣжать; въ этомъ дѣлѣ было убито или взято въ плѣнъ до 1000 христіанъ. Слѣдствіемъ такой побѣды было то, что 52 судна, наполненныя продовольствіемъ, были отняты, и плаваніе по Нилу и сообщеніе лагеря съ Даміеттою прервано; въ войскѣ христіанъ открылся страшнѣйшій голодъ. Мусульмане окружили французовъ со всѣхъ сторонъ, такъ-что они не могли ни идти впередъ, ни отступить.

Въ первый день луны зильгиге (7 марта 1250), французы захватили семь судовъ, но люди, находившіеся на нихъ, имѣли счастье убѣжать. Не смотря на все превосходство египтянъ на Нилѣ, французы попытались еще разъ отправить грузъ изъ Даміетты; но его перехватили, и 32 судна были взяты и отведены въ Мансуру, въ 9-й день луны зильгиге (16 марта); эта новая потеря довершила ихъ бѣдствія: они предложили султану перемиріе и отправили пословъ для переговоровъ. Эмиръ Зейнеддинъ и кади Бедреддинъ были назначены для сношенія съ ними. Французы предлагали сдать Даміетту, съ условіемъ, чтобы имъ возвратили Іерусалимъ и нѣкоторыя мѣстности Сиріи. Это предложеніе было отвергнуто, и переговоры прекратились.

Въ пятницу, въ 27-й день луны зильгиге (1 апр. 1250), французы сожгли всѣ военныя машины и деревянныя постройки, а вмѣстѣ повредили почти всѣ свои суда.

Въ 648 годъ эгиры, въ ночь на вторникъ, въ 3-й день луны мугаррема (5 апр. 1250 г.), вся французская армія снялась съ лагеря и направилась по дорогѣ въ Даміетту; нѣсколько судовъ, сохранившихся у нихъ, спустились въ то же время по Нилу. Въ среду, на разсвѣтѣ, мусульмане, замѣтивъ отступленіе христіанъ, преслѣдовали ихъ и тревожили нападеніями: главное дѣло было при Фарискурѣ; французы были разбиты и обращены въ бѣгство; десять тысячъ осталось на полѣ битвы, а другіе говорятъ—30,000; болѣе 100,000 пѣхотинцевъ и служителей были обращены въ рабство; лошади, мулы, палатки и другія сокровища составили богатую добычу; со стороны же мусульманъ убито всего 100 человѣкъ. Мамелюки-багариты, подъ предводительствомъ Бибарса-Эльбондукдари, особенно отличились въ этомъ дѣлѣ. Король Франціи, сопровождаемый нѣсколькими князьями, удалился на небольшой холмъ; онъ сдался, подъ условіемъ сохраненія жизни, евнуху Джемаледдину-Мухсуну-Эльзалиги; на него наложили желѣзную цѣпь, отвели въ такомъ видѣ въ Мансуру и заключили въ домѣ Ибрагима-бенъ-Локмана, секретаря султана, подъ стражею евнуха Сагила; братъ короля былъ взятъ въ то же время и отведенъ въ тотъ же домъ; султанъ доставлялъ имъ средства къ существованію.

Многочисленность плѣнныхъ начинала затруднять; султанъ приказалъ Сейфеддину умертвить ихъ; каждую ночь этотъ жестокій рабъ мстительности своего властелина выводилъ 300 или 400 человѣкъ изъ темницы и, отрубивъ имъ голову, бросалъ ихъ въ Нилъ: такимъ образомъ погибло 100,000 французовъ.

Султанъ, отправившись изъ Мансуры, прибылъ въ Фарискуръ, гдѣ и приказалъ построить великолѣпную палатку; въ то же время онъ

приказалъ поставить на Нилѣ деревянную башню и, освободившись отъ жестокой войны, предавался тамъ разврату.

Побѣда, одержанная имъ, была слишкомъ блестяща, чтобы не вразумить собою народы, подчинявшіеся ему; онъ писалъ эмиру Джемальеддину-бенъ Агмуру, правителю Дамаска, собственноручное письмо, слѣдующаго содержанія:

„Хвала Всемогущему, который обратилъ нашу печаль въ радость; ему одному мы обязаны побѣдой; милости, которыми онъ осыпалъ насъ, безчисленны, а послѣдняя изъ нихъ самая драгоцѣнная. Возвѣсти народу Дамаска, или скорѣе всѣмъ мусульманамъ, что Богъ даровалъ намъ полную побѣду надъ христіанами въ то самое время, когда они замышляли нашу погибель. Въ понедѣльникъ, въ первый день этого года, мы открыли нашу сокровищницу и роздали наши богатства войску, вмѣстѣ съ оружіемъ; мы призвали къ себѣ на помощь колѣна арабовъ, и безчисленное множество людей стояло подъ нашими знаменами. Въ ночь съ вторника на среду наши враги снялись съ лагеря и вмѣстѣ съ обозомъ отправились къ Даміеттѣ. Несмотря на мракъ ночи, мы преслѣдовали ихъ: 30,000 человѣкъ остались на мѣстѣ, не считая погибшихъ въ Нилѣ. Въ ту же рѣку мы побросали безчисленное множество плѣнныхъ. Ихъ король удалился въ Миніехъ; онъ молилъ насъ о милосердіи, и мы даровали ему жизнь, и оказали почести, должныя его сану. Даміетту снова взяли“.

Вмѣстѣ съ письмомъ султанъ отправилъ шапку короля, которая свалилась съ него во время битвы; она была пурпуровая, обшитая сѣрымъ мѣхомъ; правитель Дамаска надѣлъ королевскую шапку на голову, и въ ней читалъ всенародно то письмо. Какой-то поэтъ, по поводу этой шапки, написалъ слѣдующіе стихи:

„Шапка француза была бѣла какъ бумага; наши сабли окрасили ее въ непріятельскую кровь и измѣнили цвѣтъ“.

Мрачная и уединенная жизнь, которую велъ султанъ, раздражала умы всѣхъ; онъ держалъ при себѣ нѣсколькихъ любимцевъ, приведенныхъ имъ изъ Хуснъ-Кейфа; ихъ онъ облекъ въ высшія государственныя должности, отнятыя у старыхъ слугъ его отца; особенно онъ обнаруживалъ непримиримую ненависть къ мамелюкамъ-багаритамъ, хотя они такъ много содѣйствовали послѣдней побѣдѣ; его развратъ истощилъ казну, и чтобы наполнить ее, онъ вынудилъ султаншу Шегеретъ-Эддуръ отдать ему отчетъ въ богатствахъ Неджмъ-Эддина, его отца. Испуганная султанша просила защиты у мамелюковъ-багаритовъ; она представила имъ свои заслуги, оказанныя государству въ затруднительныя времена, и неблагодарность Туранъ-Шаха, который обязанъ ей своею короной. Эти рабы, и безъ того раздраженные противъ Туранъ-Шаха, не колеблясь, приняли сторону султанши и рѣшились умертвить властителя. Для приведенія въ исполненіе своего замысла, они избрали то время, когда онъ бываетъ за столомъ. Бибарсъ нанесъ ему первый ударъ саблею, который онъ отразилъ рукою, но пальцы его были отрублены. Онъ убѣжалъ въ башню, построенную имъ на берегу Нила и находившуюся близко отъ палатки. Заговорщики преслѣдовали его и, увидѣвъ ворота запертыми, подожгли башню. При этомъ присутствовала вся армія; но такъ-какъ Ту-

ранъ-Шаха вообще ненавидѣли, то никто не принялъ его стороны. Напрасно онъ кричалъ съ верху, что отказывается отъ престола и возвратится въ Хусяъ-Кейфъ; заговорщики были непреклонны. Наконецъ, пламя обхватило башню, и онъ бросился въ Нилъ; но его одежда зацѣпилась, и онъ повисъ на нѣкоторое время; находясь въ такомъ положеніи, онъ получилъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ и упалъ въ воду, гдѣ и утонулъ. Такимъ образомъ, желѣзо, огонь и вода собрались вмѣстѣ, чтобы лишить его жизни. Его тѣло оставалось три дня на берегу Нила, и никто не осмѣливался предать его погребенію. Посолъ Багдадскаго калифа выхлопоталъ себѣ такое право и похоронилъ его.

Этотъ жестокій султанъ, вступая на престолъ, задушилъ своего брата, Адиль-Шаха; четыре мамелюка-багарита взяли на себя такое порученіе. Это братоубійство не осталось безнаказаннымъ, и тѣ же самые четыре мамелюка болѣе другихъ настаивали на его погибели. Этимъ султаномъ окончилась фамилія Эйюбитовъ (т. е. потомковъ Саладина), которые владѣли Египтомъ 80 лѣтъ, при 8 правителяхъ.

По умерщвленіи Туранъ-Шаха, султанша Шегеретъ-Эддуръ была провозглашена властительницею Египта; она была первою рабынею, правившею въ этой странѣ. Одни говорятъ, что она была турчанка, а другіе считаютъ ее армянкою. Султанъ Неджмъ-Эддинъ купилъ ее и любилъ столь страстно, что водилъ ее съ собою на войну и никогда не покидалъ. Она имѣла отъ этого султана одного сына, по имени Камель; онъ умеръ въ дѣтствѣ. Эмиръ Азеддинъ-Аибегъ, родомъ туркоманъ, былъ назначенъ предводителемъ войскъ; имя султанши помѣщалось на монетахъ.

Эмиръ Абу-Али договаривался съ королемъ Франціи о выкупѣ и сдачѣ Даміетты. Послѣ различныхъ преній было опредѣлено, что французы очищаютъ Даміетту, а король и всѣ плѣнные, находящіеся въ Египтѣ, освобождаются, подъ условіемъ внести наличными деньгами половину суммы, которая будетъ назначена для выкупа. Король Франціи приказалъ правителю Даміетты сдать городъ; но онъ отказался повиноваться, и нужно было новое приказаніе. Наконецъ, этотъ городъ подчинился мусульманамъ, оставаясь одиннадцать мѣсяцевъ въ рукахъ непріятеля. Король заплатилъ 400,000 золотыхъ, какъ за себя, такъ и за королеву, своего брата и другихъ князей, бывшихъ съ нимъ. Всѣ франки, взятые въ плѣнъ при султанахъ Годиль-Камилѣ, Салихъ-Неджмъ-Эддинѣ и Туранъ-Шахѣ, получили свободу; ихъ было числомъ 12,100 человѣкъ и 6 женщинъ. Король со всѣми французами перешелъ на западный берегъ Нила и сѣлъ на корабль, для отплытія въ Акру, въ субботу (7 мая 1250 г.).

Поэтъ Эссагибъ-Гіеманъ-Эддинъ-бенъ-Мартрубъ, по поводу удаленія короля, написалъ слѣдующіе стихи:

„Передайте королю Франціи, когда вы его увидите, слѣдующіе стихи, начертанные другомъ правды:

„Смерть служителей Мессіи была наградою, ниспосланною вамъ Богомъ.

„Вы пристали къ Египту, разсчитывая имъ овладѣть; вы вообра-

зили себѣ, что эта страна населена трусами; о, вы, барабаны, наполненные вѣтромъ!

„Вы думали, что минута погибели мусульманъ наступила, и эта ложная мысль закрыла отъ вашихъ глазъ всѣ препятствія.

„По своему прекрасному характеру, вы бросили своихъ воиновъ на равнинахъ Египта, и могила разверзлась подъ ихъ стопами.

„Что осталось отъ шестидесяти тысячъ, которые васъ сопровождали? — убитые, раненые и плѣнные!

„Пусть Богъ чаще внушаетъ вамъ подобныя намѣренія; они причинятъ погибель христіанству, и Египту нечего будетъ бояться его неистовства.

„Безъ сомнѣнія, ваши духовные предсказывали вамъ побѣду; ихъ предсказанія ложны.

„Примите въ соображеніе лучше слѣдующій, болѣе вѣрный оракулъ:

„Если жажда мщенія побудитъ васъ вернуться въ Египетъ, то будьте увѣрены, что домъ Локмана [1]) еще стоитъ на мѣстѣ, что цѣпь готова и евнухъ не дремлетъ".

Макризи.

— Путь къ познанію правленія царей.

Макризи, арабскій писатель, родился въ Каирѣ въ 1372 году и умеръ въ 1442 г. Изъ его сочиненій особенно замѣчательно: „Историческое и географическое описаніе Египта" и „Путь къ познанію правленія царей"; въ последнемъ сочиненіи авторъ пишетъ исторію Эйюбитскихъ султановъ Египта, преемниковъ Саладина, потомъ султановъ изъ мамелюковъ-багаритовъ, отъ 1250 до 1382, и начало правленія послѣдней династіи мамелюковъ-черкесскихъ.—Отрывки изъ послѣдняго сочиненія, относящіеся къ походамъ Лудовика IX, переведены на французскій языкъ Кардонемъ и изданы у *Petitot*, Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France. Par. 1819, т. III, стр. 3 и слѣд. Полный французскій переводъ сдѣлалъ Quatremère, Par. 1842.

---

71. — Второй походъ Лудовика IX Св. и его смерть. 1269—1270 г.

(Въ 1274 г.).

Авторъ, бывъ неотлучно при Лудовикѣ IX, въ качествѣ его духовника, описываетъ въ первыхъ XXXVI главахъ послѣдовательно всю жизнь короля и такимъ образомъ доходитъ до послѣдняго событія его царствованія, а именно до второго крестоваго похода, окончившагося въ Тунисѣ.

XXXVII. *О предположеніи вторичнаго пилигримства въ Св. Землю.* Хотя святой король былъ уже одинъ разъ совершенно обманутъ въ

[1]) Поэтъ намекаетъ на подробности плѣна Лудовика IX, см. выше, на стр. 700.

своихъ надеждахъ на распространеніе христіанской вѣры, но тѣмъ не менѣе, слушая разсказы о бѣдствіяхъ, отчаяніи и ежедневныхъ опасностяхъ Св. Земли, онъ вознамѣрился въ концѣ своихъ дней предпринять что-нибудь рѣшительное на служеніе Богу, и въ чемъ не легко было бы ему воспрепятствовать. Имъ овладѣла благочестивая мысль отплыть для борьбы съ опасностями, которымъ подвергалась Св. Земля, если то будетъ угодно Богу, и онъ началъ прилагать къ тому все свое стараніе. Къ всеобщему удивленію, король сталъ, сколько могъ, уменьшать расходы по своему дому. Однако онъ не хотѣлъ поспѣшно приступать къ этому дѣлу, подъ вліяніемъ побужденій одного своего сердца. Вслѣдствіе того онъ уничиженно и благоговѣйно совѣщался чрезъ тайнаго посла съ первосвятителемъ папою Климентомъ (IV, † 1268); папа, какъ мужъ мудрый, сначала опасался и долго обсуждалъ дѣло, но наконецъ благосклонно согласился и одобрилъ благочестивое предположеніе. Кромѣ того, онъ отправилъ во Францію по этому же дѣлу, и по просьбѣ короля, своего легата Симона, пресвитера-кардинала церкви св. Цециліи.

XXXVIII. *Какимъ образомъ король второй разъ принялъ крестъ.* Возъимѣвъ намѣреніе принять крестъ, Лудовикъ созвалъ въ Парижѣ прелатовъ, князей, бароновъ, рыцарей и множество другихъ людей. Собравъ ихъ вмѣстѣ, король каѳолическій самъ, въ присутствіи легата, сдѣлалъ преславное и убѣдительное обращеніе къ присутствующимъ; онъ воодушевлялъ ихъ къ отмщенію оскорбленій, нанесенныхъ Спасителю въ Св. Землѣ, и къ заботамъ о завоеваніи наслѣдія христіанъ, которое по нашимъ грѣхамъ находилось столь долгое время въ рукахъ невѣрныхъ. Такъ разсуждалъ благочестивый король о всемъ этомъ и о прочемъ, что относится къ тому же дѣлу. Когда и легатъ произнесъ свою рѣчь, король первымъ принялъ крестъ съ великимъ благоговѣніемъ, а за нимъ три его сына и множество графовъ, бароновъ и рыцарей; крестъ приняли какъ тѣ, съ которыми король переговорилъ уже о томъ тайно, такъ и другіе, сердца которыхъ тронулъ самъ Богъ.

XXXIX. *О томъ, какъ онъ заботливо приготовлялся къ походу.* Какимъ горѣлъ онъ жаромъ, по взятіи креста, какъ старался убѣдить къ тому же вельможъ богатыми подарками и обѣщаніями, какъ нетерпѣливо ускорялъ сборы къ походу, изготовлялъ корабли, - о всемъ этомъ могутъ свидѣтельствовать тѣ, которые съ нимъ раздѣляли его заботы. При первомъ случаѣ, онъ пустился въ дорогу и въ назначенное время прибылъ въ гавань Эгъ-Мортъ (portum Aquarum-Mortuarum, н. Aigues-Mortes); но тамъ онъ испыталъ величайшую досаду и тоску вслѣдствіе обмана мореходовъ и отсутствія судовъ, которыя не были приготовлены къ обѣщанному времени. Такимъ образомъ, онъ сѣлъ на корабль гораздо позже, нежели думалъ.

XL. *О намѣреніи идти въ Тунисъ.* Когда всѣ корабли, какіе только поспѣли, собрались по условію у Сардиніи, всѣ вожди арміи явились къ королю, и на общемъ собраніи было рѣшено идти на завоеваніе царства Туниса (regnum Tunicii), прежде нежели они отправятся въ Св. Землю или въ Египетъ. Мы полагаемъ, что здѣсь слѣдуетъ объяснить причины, побудившія короля составить такой планъ, ибо

многіе выразили по этому поводу изумленіе и поднимали ропотъ: казалось, что слѣдовало бы идти прямо на помощь Святой Землѣ.

XLI. *Причины, по которымъ король согласился идти на Тунисъ.* Еще прежде нежели король принялъ вторично крестъ, къ нему часто являлись послы отъ владѣтеля Туниса, и нашъ король равнымъ образомъ часто отправлялъ своихъ пословъ къ нему. Владѣтель же Туниса давалъ почувствовать чрезъ людей, заслуживающихъ вѣры, что онъ имѣетъ большую склонность къ христіанской религіи и очень легко могъ бы сдѣлаться христіаниномъ, если бы къ тому представился приличный случай и если бы можно было то сдѣлать, не уронивъ своей чести и не опасаясь мщенія сарацинъ. Вслѣдствіе того каѳолическій король, горя желаніемъ пособить ему, говорилъ однажды: „О, если бы я могъ дожить до того, чтобы сдѣлаться воспріемникомъ такого крестника“. Подъ вліяніемъ такой надежды, онъ намѣревался отправиться въ Каркассону и Нарбонну, какъ будто съ цѣлью посѣтить свои владѣнія, а на дѣлѣ ему хотѣлось быть поближе къ тому мѣсту, если Богъ внушитъ владѣтелю Туниса исполнить то, что онъ обѣщалъ. При этомъ мнѣ не слѣдуетъ умолчать, что въ тотъ самый годъ, когда благочестивый король Людовикъ долженъ былъ въ послѣдній разъ отплыть за море, владѣтель Туниса отправилъ къ нему торжественное посольство; въ праздникъ св. Діонисія король съ большою церемоніею крестилъ въ самой церкви св. Діонисія извѣстнаго еврея, самъ принялъ его отъ купели вмѣстѣ съ вельможами, и при этомъ желалъ, чтобы тѣ послы были свидѣтелями такого торжественнаго крещенія. Послѣ того, призвавъ ихъ, онъ говорилъ имъ съ большою любовью: „Скажите отъ меня вашему повелителю, что я столь пламенно желаю спасенія его души, что согласился бы провести всѣ дни жизни моей въ сарацинской темницѣ и не видѣть солнечнаго свѣта, лишь бы только вашъ государь и вашъ народъ отъ чистаго сердца сдѣлались христіанами“. О благочестивая рѣчь и достойная быть принятою! О слово по-истинѣ каѳолическое и преисполненное вѣры и благодати! Король каѳолическій желалъ бы благоговѣйно, чтобы та христіанская вѣра, которая, во времена блаженнаго Августина и другихъ православныхъ отцовъ, процвѣтала въ Африкѣ и преимущественно въ Карѳагенѣ, процвѣла бы снова въ наше время и распространилась ко славѣ и чествованію Іисуса Христа. Такимъ образомъ король размышлялъ, что если столь многочисленное и знаменитое войско вдругъ явится передъ Тунисомъ, то ёдва ли владѣтель его можетъ другой разъ представить своимъ сарацинамъ такой удобный предлогъ для крещенія, которое спасетъ отъ смерти какъ его самого, такъ и всѣхъ, кто пожелаетъ обратиться въ христіанство; при такомъ положеніи дѣлъ, онъ можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за собою свои владѣнія. Сверхъ того королю дали понять, что еслибы владѣтель Туниса воспротивился, то будетъ весьма легко завоевать этотъ городъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всю землю. Королю напоминали, что Тунисъ наполненъ золотомъ, серебромъ и несмѣтными богатствами, тѣмъ болѣе, что съ давняго времени онъ никѣмъ не былъ завоеванъ. Такимъ образомъ, являлась надежда, что если съ божіею помощью Тунисъ будетъ взятъ христіанами, то въ его сокровищницахъ можно

почерпнуть много средствъ для возвращенія Св. Земли. Между тѣмъ до сихъ поръ изъ страны Туниса султанъ Вавилона (Каира) получалъ большую помощь конницею, оружіемъ и воинами, ко вреду Св. Землѣ. Наши бароны полагали, что если этотъ ядоносный корень будетъ совсѣмъ вырванъ, то все христіанство и Св. Земля получатъ оттого большую пользу. А такъ-какъ было писано, что „гдѣ одно служитъ для другого, то это одно и то же", и такъ-какъ походъ въ Тунисъ предпринимался для расширенія чести имени Христова и въ особенности для вспомоществованія Св. Землѣ и на ея пользу, то такое предпріятіе не казалось противорѣчащимъ даннымъ обѣтамъ креста, и даже оно оставалось тѣмъ же самымъ дѣломъ; ибо этотъ походъ служилъ поддержкою и приготовленіемъ къ болѣе скорому возвращенію Св. Земли. Если же исходъ этого предпріятія былъ не тотъ, какого ожидали вѣрующіе, то мы должны приписать то, по таинственному приговору господню, самимъ себѣ и своимъ грѣхамъ.

XLII. *О прибытіи короля въ Тунисъ.* Такимъ образомъ, сѣвъ на суда, мы пристали безпрепятственно къ берегамъ Африки, въ виду Туниса, и раскинули свои палатки близь Карѳагена. Вскорѣ наши мужественно и побѣдоносно овладѣли всѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ тотъ знаменитый Карѳагенъ, и его окрестностями. При этомъ было умерщвлено много сарацинъ и добыты съѣстные припасы и все прочее необходимое для войска. Стычки происходили ежедневныя и побоище было великое; но все это и тому подобное я предоставляю изложить тѣмъ, которые умѣютъ лучше меня писать о военныхъ подвигахъ.

XLIII. *О приключившейся тамъ смертности.* Христіанское войско простояло тамъ въ палаткахъ около 4 мѣсяцевъ, и послѣдовала великая смертность людей, какъ по причинѣ дурной погоды и почвы, такъ и вслѣдствіе недостатка здоровыхъ деревьевъ и прѣсной воды. При этомъ погибли многіе рыцари и благородные бароны; между ними скончался свѣтлѣйшій графъ Ниверноа, Іоаннъ, сынъ благочестиваго короля, смерть котораго не мало потрясла внутренности Лудовика. Но король, въ своемъ благоразуміи и твердости, скоро утѣшился относительно этой послѣдней смерти, насколько то было возможно.

XLIV. *О благочестивой и оплакиваемой кончинѣ благочестиваго короля, и какъ онъ держалъ себя, умирая.* Вскорѣ послѣ того, въ этомъ же самомъ лагерѣ, самъ король, блаженной и преславной памяти, Богомъ возлюбленный, людямъ милый, послѣ всѣхъ своихъ трудовъ для вѣры, послѣ столь тяжкихъ лишеній, понесенныхъ имъ неутомимо на пользу религіи и распространенія церкви, волею Господа, пожелавшаго кончить счастливо его труды и славно воздать за нихъ, впалъ въ безпрерывную лихорадку и слегъ въ постель, совершивъ надъ собою благоговѣйно всѣ таинства церкви, въ здравомъ и ясномъ умѣ. Когда мы совершили муропомазаніе и читали семь псалмовъ съ литаніею, онъ самъ говорилъ стихи псалмовъ и, поминая святыхъ на литаніи, благочестиво взывалъ къ ихъ заступничеству. По очевидномъ приближеніи послѣдняго часа, онъ не заботился ни о чемъ, какъ только о дѣлахъ, касающихся Бога и прославленія вѣры христовой; такъ, когда ему было уже тяжело говорить, не смотря на то, этотъ

мужъ, полный божества и по истинѣ каѳолическій, въ нашемъ присутствіи, сказалъ: „Будемъ стараться ради имени Бога о томъ, чтобы каѳолическая вѣра могла быть проповѣдана и насаждена въ странѣ Туниса. О, кто могъ бы быть способнымъ для отправленія туда проповѣдникомъ!“ И онъ назначилъ для того монаха изъ ордена Предикаторовъ, который уже бывалъ тамъ и былъ извѣстенъ владѣтелю Туниса. Вотъ какимъ образомъ довершалъ свою жизнь истинный почитатель Бога и постоянный ревнитель вѣры христовой, исповѣдуя такимъ образомъ истинную религію. Когда же его тѣлесныя силы и даръ слова стали ослабѣвать, онъ не переставалъ, насколько могъ, призывать имена своихъ святыхъ, въ особенности же блаженнаго Діонисія, главнаго патрона своего королевства. Въ этомъ положеніи, мы слышали, какъ онъ нѣсколько разъ лепеталъ конецъ того гимна, который поется въ честь блаж. Діонисія, а именно: „Молимъ, Господи, дай намъ, именемъ твоей любви, узрѣть блага міра и не трепетать предъ его бѣдствіями“. Эти слова онъ повторялъ много разъ. Также часто онъ произносилъ начало молитвы къ св. апостолу Іакову: „Будь, Господи, святителемъ и стражемъ твоего народа“, и поминалъ другихъ святыхъ. Наконецъ, когда наступилъ послѣдній часъ, слуга христовъ, протянувшись въ формѣ креста на ложѣ, посыпанномъ пепломъ, отдалъ свой блаженный духъ Создателю. и именно въ тотъ самый часъ, когда и Сынъ божій испустилъ духъ на крестѣ для спасенія міра. Безъ сомнѣнія, о такой христіанской и счастливой кончинѣ слѣдуетъ плакать, но слѣдуетъ и радоваться (далѣе длинное разсужденіе о томъ, почему должно радоваться, и почему должно плакать). Отошелъ же онъ ко Господу въ день послѣ праздника св. Варѳоломея (25 августа), въ девятомъ часу дня (по нашему, въ третьемъ по полудни), въ годъ господень тысяча-двѣсти-семидесятый (1270).

XLV. *О прибытіи короля Сициліи къ Тунису.* Замѣтимъ, что въ тотъ самый часъ, когда духъ блаженнаго короля оставилъ тѣло, и даже въ ту самую минуту свѣтлѣйшій король Сициліи (Карлъ Анжу), братъ преславнаго короля Франціи, присталъ къ гавани по божескому устроенію и вступилъ въ нашъ лагерь. Его прибытіе утѣшило не мало наши сердца, удрученныя скорбью по случаю смерти короля, и радость наша была велика о явившейся къ намъ помощи. Въ то же время, присутствіе столь побѣдоноснаго государя не мало поразило сердца сарацинъ, которые могли воодушевиться извѣстіемъ о кончинѣ короля.

XLVI. *О томъ, какъ его кости были удержаны въ лагерь.* Святыя кости его тѣла, по волѣ новаго короля Филиппа (III), я и другіе, назначенные для того, должны были немедленно проводить во Францію, а именно, въ церковь блаж. Діонисія, гдѣ король назначилъ мѣсто своего погребенія, если ему придется умереть въ этой землѣ до утвержденія въ ней христіанства. Но послѣ, посовѣтовавшись съ королемъ Сициліи, Филиппъ удержалъ при себѣ святые останки, въ надеждѣ, что заслугами его святого отца войско будетъ имѣть хорошій успѣхъ и предохранится отъ несчастій.

XLVII. *О перенесеніи сердца его и внутренностей въ Сицилію.* Впрочемъ, когда тѣло его было отварено и отдѣлено отъ ко-

стей, благочестивый король Сициліи просилъ и получилъ отъ своего племянника, короля Филиппа, сердце и внутренности покойнаго. Послѣ того онъ приказалъ съ большими почестями перенести эти останки въ Сицилію и укрыть въ одномъ знаменитомъ каѳедральномъ аббатствѣ близь Палермо, съ торжественною процессіею всего духовенства и народа. Когда мы, по возвращеніи изъ Туниса и проходя мимо Палермо, посѣтили то прекрасное аббатство, мы слышали отъ многихъ людей, заслуживающихъ вѣры, что тамъ произошло много чудесъ, по перенесеніи туда святыхъ останковъ. Но съ какою почестью, благоговѣніемъ и почитаніемъ были встрѣчаемы кости его, которыя несъ съ собою король Филиппъ, возвращаясь изъ Туниса! Духовенство и народъ стекались вездѣ процессіею для того, чтобы взглянуть или прикоснуться до того помѣщенія, въ которомъ неслись драгоцѣнные останки, когда король проходилъ чрезъ Сицилію, Калабрію, священный городъ Римъ, Витербо, гдѣ тогда происходило совѣщаніе кардиналовъ по случаю выбора папы, Болонію и другіе города Ломбардіи; всѣ находившіеся при королѣ могутъ о томъ свидѣтельствовать.

XLVIII. *О прибытіи священныхъ костей во Францію.* Если вѣрующіе народы въ чужихъ земляхъ встрѣчали святые останки съ такими почестями и процессіями, то кто можетъ разсказать, съ какими благочестивыми и слезными процессіями стекался отвсюду народъ и духовенство, и какъ благоговѣйно принималъ эти останки, когда свѣтлѣйшій король вступилъ вмѣстѣ съ костями отца въ королевство Францію?

XLIX. *О погребеніи его въ церкви св. Діонисія.* Наконецъ, прибывъ во Францію къ св. Діонисію, гдѣ, какъ мы сказали, король назначилъ мѣсто своего погребенія, мы предали погребенію его святыя кости, въ собраніи прелатовъ, бароновъ и многочисленнаго духовенства, въ присутствіи его сына, короля Филиппа, рядомъ съ его благочестивѣйшимъ отцомъ Лудовикомъ (VIII). Филиппъ же, лучшій сынъ лучшаго отца, всегда сохранялъ вѣрно и благочестиво память о немъ при жизни и при смерти.

Былъ же онъ погребенъ въ годъ господень MCCLXXI (1271), въ пятницу, предъ Троицынымъ днемъ.

Монахъ Готфридъ Больё.

Vita Ludovici Noni, regis Francorum.

Монахъ Готфридъ Болье (Gaufridus de Belloloco, по франц. Geoffroi de Beaulieu) принадлежалъ къ ордену Предикаторовъ и былъ духовникомъ Лудовика IX. Онъ сопровождалъ короля во всѣхъ его походахъ, и написанная имъ „Жизнь Лудовика Девятаго“ послужила главнымъ источникомъ для позднѣйшихъ историковъ, писавшихъ о томъ же предметѣ. — Она издана у *Duchesne*, Historiae Francorum scriptores, t. V, 444 стр. и т. д.

72. — Характеристика Бибарса, мамелюкскаго султана. 1260—1273 г.

(Въ 1273 г.).

Въ изданномъ отрывкѣ изъ сочиненія нашего автора, первая глава дѣлаетъ краткій обзоръ судьбы мусульманскихъ государствъ, по низверженіи Эйюбитовъ и плѣненіи Лудовика Св. въ 1250 г., до возведенія на престолъ Каира бывшаго предводителемъ мамелюковъ Бибарса-Бондогара, въ 1260 г. затѣмъ слѣдуетъ глава, посвященная характеристикѣ новаго султана.

II. *О процвѣтаніи нынѣшняго султана и о его имени.* Этотъ султанъ (Бибарсъ, принявшій по вступленіи на престолъ имя: Малекъ-Эльвегеръ-Бондогаръ), можно сказать, въ военномъ искусствѣ не уступалъ императору Юліану (Juliano Cæsare), а своими злодѣяніями не былъ ниже Нерона. Онъ успѣлъ подчинить себѣ пять государствъ, въ которыхъ царствовалъ и правилъ единовременно: царство Египетъ; королевство Іерусалимское, гдѣ нѣкогда господствовали Давидъ и Соломонъ; царство Сирію, съ столицею Дамаскомъ; царство Алеппо, въ землѣ Эматъ; и царство Аравію, страну дѣтей Моава и Аммона. Этотъ султанъ уже погубилъ 280 своихъ эмировъ и друзей, по двое, по-трое или по-четыре вмѣстѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто бы хотѣли его умертвить. Тѣмъ же, которые остались въ живыхъ, онъ внушилъ такой страхъ, что они не осмѣливались перейти изъ одного дома въ другой, ни говорить другъ съ другомъ, ни называть себя пріятелемъ кого-нибудь. Чтобы всѣхъ заставить трепетать предъ собою, онъ, переодѣвшись, разъѣзжалъ съ немногими, съ четырьмя, пятью или семью спутниками, и когда думали. что онъ въ Египтѣ, онъ ѣздилъ по Азіи, и наоборотъ; такъ-что немногіе, и даже никто, кромѣ своихъ, не могли знать, гдѣ онъ находится съ своими приближенными. И если кому случится увидѣть его и узнать. онъ запрещалъ говорить: „вотъ султанъ", или кланяться ему: всѣ должны были молчать, какъ бы глаза у нихъ были закрыты, и пока онъ не проѣхалъ, никто не дерзалъ говорить: „султанъ здѣсь или тамъ". И не вздумай кто-нибудь спросить: „гдѣ находится султанъ?" Онъ приказалъ умертвить одного несчастнаго за то, что этотъ, при встрѣчѣ съ нимъ, сошелъ съ лошади, сталъ на колѣни, преклонилъ голову и поклонился ему, такъ-какъ онъ узналъ султана, шедшаго съ своею небольшою свитою; спутниковъ же умерщвленнаго онъ отпустилъ съ миромъ, ибо они его не узнали.

Когда онъ тайно готовился идти въ пилигримство ко гробу Магомета въ Мекку (т.-е. въ Медину), одинъ изъ его эмировъ (admirallus), другъ его и человѣкъ домашній, подошелъ къ нему и почтительно просилъ взять его съ собою въ святое странствованіе. Султанъ спросилъ его: „Откуда ты знаешь, что я долженъ странствовать?" Несчастный отвѣчалъ: „Повелитель, я разспрашивалъ и узналъ, что вы намѣрены отправиться въ дорогу". По приказанію тирана, его тотчасъ вывели на площадь, гдѣ собралось множество народа, вырѣзали

ему языкъ, и предъ всѣми объявили: „Такъ наказывается каждый, кто осмѣливается проникнуть въ тайны султана“.

Этотъ султанъ легко клянется, присягаетъ и обѣщаетъ, но держитъ слово только тогда, когда хочетъ. Правду онъ любитъ въ другихъ, но самъ не краснѣетъ оттого, что въ немъ царствуетъ коварство; хвалится тѣмъ, что превосходитъ всѣхъ своею силою и славою, и не признаетъ никого выше себя. Онъ сознается, что Магометъ былъ великъ, но утверждаетъ, что самъ онъ совершилъ болѣе великія дѣла и совершитъ еще бо̀льшія. Наше могущество (т.-е. христіанъ) и наше воинство онъ осмѣиваетъ, говоря: „Противъ насъ ходилъ король французовъ, король Англіи и даже императоръ римскій и германскій, но они разсѣялись, какъ облака отъ вѣтра. Пусть придетъ, пусть придетъ король Карлъ (т.-е. король Сицилійскій, Карлъ Анжу, братъ Лудовика IX Св.), и съ нимъ вмѣстѣ грекъ и турокъ! мы обогатимся ихъ добычею и въ войнѣ прославимся побѣдою“.

III. *О злѣ, которое онъ причинилъ государю Эдуарду.* Султанъ, видя, что не можетъ ничего сдѣлать оружіемъ противъ государя Эдуарда (Odoardus, англійскій принцъ Эдуардъ, сынъ Генриха III и спутникъ Лудовика IX Св. въ походѣ его въ Африку), который явился съ 300 человѣкъ для защиты Св. Земли, прибѣгнулъ къ хитрости, какъ побѣжденный, и, призвавъ къ себѣ одного эмира, научилъ его притвориться другомъ Эдуарда и его врагомъ. Эмиръ вступилъ въ дружбу съ Эдуардомъ, чрезъ посредство посла, котораго онъ отправилъ къ нему и представлялъ какъ человѣка вполнѣ надежнаго. Этотъ посолъ сдѣлался домашнимъ и самымъ близкимъ человѣкомъ у Эдуарда, и входилъ къ нему во всякое время, не возбуждая никакихъ подозрѣній. Но однажды ночью онъ вошелъ къ нему и, заставъ его одного съ переводчикомъ, поразилъ своего господина и друга. Принцъ былъ раненъ смертельно; но, поддержанный божественною силою, онъ самъ ударилъ убійцу кинжаломъ, обмазаннымъ ядомъ, и убилъ. Чрезъ нѣсколько дней Эдуардъ, сверхъ ожиданія своихъ друзей, выздоровѣлъ.

Султанъ былъ очень раздраженъ противъ нашихъ, и говорилъ, что они не держатъ слова, какъ тѣ древніе и могущественные христіане (т.-е. первые крестоносцы). Онъ упрекалъ ихъ въ тѣхъ порокахъ и преступленіяхъ, которые самъ ненавидѣлъ и не терпѣлъ: въ чужомъ глазу видя сучокъ, онъ не видалъ въ своемъ бревна. Онъ увѣряетъ, что еслибы они возвратили ему всѣхъ сарацинскихъ плѣнныхъ, какъ онъ намѣренъ освободить христіанъ, и какъ къ тому обязались обѣ стороны, то онъ не взялся бы за оружіе; миръ и дружба сдѣлались бы прочны и не послѣдовали бы убійства и опустошенія.

IV. *О томъ, что султанъ дѣлалъ хорошаго.* Султанъ же ненавидѣлъ вино и распутныхъ женщинъ, говоря, что онѣ дѣлаютъ людей сильныхъ слабыми и женственными, а потому, вотъ уже пять лѣтъ со времени указа, въ его владѣніяхъ нельзя найти ни кабака, ни распутнаго дома; и если кто пьетъ вино, то по секрету. Когда ему замѣчали, что его предшественники содержали, на сборъ съ кабаковъ и распутныхъ домовъ, пять тысячъ наемниковъ, онъ отвѣчалъ: „Я предпочитаю имѣть немного трезвыхъ солдатъ, нежели большое число та-

кихъ, которые хуже женщинъ и сражаются во имя Венеры и Бахуса, а не въ честь Марса, бога войны и доблестныхъ людей“.

Султанъ одобряетъ бракъ: у него четыре жены, изъ нихъ четвертая молодая христіанка, родомъ изъ Антіохіи; онъ возитъ ее всюду за собою. Содержанія же наложницъ не одобряетъ, и ненавидитъ все противоестественное. Онъ требуетъ и предписываетъ, чтобы всѣ его подданные жили въ мирѣ и по правдѣ: къ христіанамъ, живущимъ въ его государствѣ, благосклоненъ и особенно къ монахамъ горы Синая и другихъ провинцій; едва только онъ услышитъ о ихъ распряхъ, какъ немедленно произноситъ сужденіе и оканчиваетъ ихъ споръ. Весьма охотно выслушиваетъ онъ и оказываетъ почтеніе своимъ духовнымъ, называемымъ *факирами* (focora); между ними былъ одинъ, особенно привязанный къ своему суевѣрію, а не къ Богу, и котораго называли Фекитъ-эль-Кодре. Онъ пользовался такимъ расположеніемъ султана, что назывался его вѣрнымъ пророкомъ. Онъ былъ врагъ и преслѣдователь христіанъ и евреевъ; но наконецъ расположеніе султана измѣнилось въ ненависть: ему вырвали глаза, и онъ погибъ среди мученій, по тайному приказанію султана.

Еслибы султанъ захотѣлъ, онъ могъ бы сдѣлать христіанамъ болѣе зла; но Богъ умѣряетъ его могущество. Отъ него зависитъ овладѣть безъ сопротивленія многими городами и укрѣпленіями христіанскими, какъ-то: Сидономъ, Беритомъ, Библосомъ, Тортозою (Антарадъ), Маргатомъ и, можетъ быть, даже Тиромъ и Триполемъ; но онъ говоритъ, что, изъ милости и состраданія, онъ не желаетъ болѣе угнетать христіанъ, насколько то возможно и пока они то заслуживаютъ. Впрочемъ это дѣло извѣстное почитателямъ Христа, что онъ ничего не желаетъ такъ, какъ овладѣть Акрою, этою главою, убѣжищемъ и оплотомъ христіанъ. А потому онъ старался убѣдить нѣкоторыхъ изъ нашихъ, что онъ милостивъ къ христіанамъ, чтобы дать хорошее о себѣ понятіе въ Акрѣ и внушить ея жителямъ довѣріе, а потомъ улучить минуту и овладѣть городомъ безъ сопротивленія. Христіанамъ сознался въ томъ одинъ сарацинъ.

Султанъ показывалъ себя весьма приверженнымъ къ своему пророку Магомету; не довольствуясь первымъ пилигримствомъ къ его гробу, онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не сходилъ снова, и возвратился оттуда къ празднику блаженной Маріи-Магдалины, въ годъ господень 1273, когда все это было мною писано.

V. *О смерти султана.* Въ этомъ именно году, какъ говорятъ сарацинскіе мудрецы, астрологи и математики, султанъ умретъ, и послѣ его смерти вступитъ на престолъ другой мамелюкъ (Turchus), который также умретъ въ теченіе перваго года своего управленія. Затѣмъ воспрянетъ владычество Христа, крестоносное знамя разовьется и торжественно пройдетъ до Цезареи Каппадокійской, и будетъ въ то время великое землетрясеніе. Но о томъ знаетъ одинъ истинный Богъ.

Сарацинамъ извѣстенъ ихъ близкій конецъ изъ одной ихъ науки; они твердо въ то вѣрятъ и говорятъ, ссылаясь на свидѣтельство Магомета. Магометъ же сказалъ: „Сарацины будутъ какъ странники“. И мудрецы ихъ толкуютъ это, говоря, что мусульмане кон-

чатъ свое существованіе тогда, когда они раздѣлятся на три части: одна часть падетъ отъ меча, другая спасется бѣгствомъ въ пустыню и погибнетъ; третья же приметъ христіанскую вѣру.

Монахъ Вильгельмъ Трипольскій.

Fragmentum ex Libro de statu Saracenorum, post Ludovici Regis de Syria reditum.

Вильгельмъ Трипольскій (Guillelmus Tripolitanus) былъ однимъ изъ знаменитыхъ миссіонеровъ на Востокѣ и папскимъ нунціемъ; онъ родился въ г. Триполѣ, въ 1201 г. Папа посылалъ его въ Татарію, и, возвратившись изъ путешествія, Вильгельмъ составилъ, въ видѣ отчета, „Книгу о состояніи сарацинъ, по возвращеніи короля Лудовика (IX) изъ Сиріи“. Эта „Книга“ была имъ представлена папѣ Григорію X (1271—1276); но она до сихъ поръ остается неизданною вполнѣ, и только отрывокъ помѣщенъ въ сборникѣ *Duchesne*, Historiae Francorum scriptores etc. Par. 1649. T. V, стр. 432 и слѣд. Мы привели его въ цѣлости, исключая небольшую первую главу.

---

73. — Взятіе Акры мусульманами. 1291 г.

(Въ XV вѣкѣ).

Авторъ, описавъ паденіе Эйюбитовъ въ Египтѣ и дѣянія первыхъ двухъ мамелюкскихъ султановъ, Бибарса и Келауна, приступаетъ къ разсказу послѣдней борьбы мусульманъ съ христіанами, которая окончилась взятіемъ Акры, при сынѣ Келауна, Малекъ-Ашрафѣ.

Осада Акры началась въ четвергъ, 4 реби (начало апрѣля 1291 г.). Тамъ бились воины, собравшіеся со всѣхъ сторонъ, и энтузіазмъ мусульманъ былъ такъ великъ, что волонтеры далеко превосходили числомъ регулярное войско. Противъ города было выдвинуто множество машинъ; часть ихъ была отнята въ прежнее время у франковъ; между ними иныя были такъ велики, что могли бросать громадные камни. Мусульмане сдѣлали проломъ во многихъ мѣстахъ. Во время осады король Кипра явился на помощь городу; въ ночь по его прибытіи, осажденные зажгли костры въ знакъ своей радости; но онъ оставался въ городѣ всего три дня, и, видя отчаянное положеніе осажденныхъ, боялся раздѣлить съ ними опасности и удалился. Между тѣмъ приступы не прекращались. Вскорѣ христіане потеряли всякую надежду; кромѣ того, около того времени они раздѣлились между собою и еще болѣе сдѣлались слабыми. Съ каждымъ днемъ осаждавшіе имѣли новый успѣхъ; наконецъ, въ пятницу, 17 джумади (въ половинѣ мая), при разсвѣтѣ дня, когда все было изготовлено

къ всеобщему приступу. султанъ вмѣстѣ съ войскомъ сѣлъ на коня; бой барабановъ сливался съ страшными криками. Приступъ начался съ восходомъ солнца: христіане скоро обратились въ бѣгство и мусульмане вошли въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ. Это было въ третьемъ часу дня (т.-е. послѣ восхода солнца). Христіане бѣжали къ гавани, и мусульмане преслѣдовали ихъ, умерщвляя или обращая въ плѣнниковъ. Посреди Акры возвышались четыре башни, принадлежавшія Тампліерамъ, Госпиталитамъ и Тевтонамъ: христіанскіе рыцари рѣшились защищаться. Но на слѣдующій день, въ субботу, нѣсколько воиновъ и волонтеровъ мусульманскихъ бросились на домъ Тампліеровъ и на одну изъ ихъ башенъ, и тѣ предложили сдаться; послѣдовало согласіе. и султанъ обѣщалъ безопасность; въ знакъ того имъ дано было знамя, которое они и выставили на верху башни; но едва были открыты ворота, какъ мусульмане бросились туда въ безпорядкѣ и начали грабить башню и оскорблять укрывавшихся тамъ женщинъ; тогда Тампліеры снова закрыли ворота и, напавъ на отрѣзанныхъ такимъ образомъ мусульманъ, изрубили ихъ. Знамя султана было сброшено; война возобновилась; осадили башню; бились всю субботу. Когда, въ воскресенье, Тампліеры снова предложили сдаться, султанъ обѣщалъ имъ жизнь и свободу идти, куда имъ будетъ угодно: они вышли, но были перерѣзаны въ числѣ 2000 человѣкъ; такое же число было захвачено въ плѣнъ, а женщинъ и дѣтей, находившихся у Тампліеровъ, отвели въ палатку султана. Султанъ былъ вынужденъ нарушить данное слово тѣмъ, что Тампліеры умертвили не только мусульманъ, вошедшихъ въ башню, но и эмира, посланнаго для прекращенія безпорядковъ, и сверхъ того отрубили ноги всѣмъ вьючнымъ животнымъ, находившимся въ башнѣ, чтобы сдѣлать ихъ негодными для работы: вотъ что возбудило гнѣвъ султана. Между тѣмъ тѣ изъ христіанъ, которые еще держались, узнавъ о поступкѣ съ ихъ братьями, рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ и не хотѣли слышать о сдачѣ: ихъ ожесточеніе было такъ велико, что они сбросили съ высоты башенъ пятерыхъ мусульманъ, попавшихся въ ихъ руки; наконецъ, когда башня была подкопана и христіанамъ предложили сдаться подъ условіемъ жизни, мусульмане приблизились для овладѣнія укрѣпленіемъ, но башня внезапно обрушилась, и они были всѣ погребены подъ ея развалинами.

Когда окончилась борьба, султанъ приказалъ поставить къ сторонѣ людей, избѣгнувшихъ смерти, и ихъ умертвили всѣхъ до послѣдняго; число такихъ было весьма велико. Самое удивительное было то, что всевышній Аллахъ устроилъ такъ, что городъ былъ взятъ въ пятницу, въ третьемъ часу дня, когда и христіане вошли въ городъ при Саладинѣ. Христіане. овладѣвъ тогда Акрой, обѣщали жизнь осажденнымъ, и потомъ избили всѣхъ; Аллахъ попустилъ теперь, чтобы султанъ точно также принялъ сдачу христіанъ и потомъ умертвилъ ихъ. Вотъ какъ Аллахъ наказываетъ въ концѣ всякое вѣроломство!...

Авторъ разсказываетъ далѣе, какъ всѣ остальные города христіанъ, а именно Тиръ, Тортоза и Беритъ, сдались мусульманамъ безъ малѣйшаго сопротивленія, при одномъ только извѣстіи о паденіи Акры.

Послѣ того султанъ отправился въ Дамаскъ. День его прибытія въ городъ былъ днемъ торжества. Улицы были увѣшаны коврами; жители сосѣднихъ странъ собрались на это зрѣлище. Предъ нимъ ѣхали верхомъ плѣнные христіане съ цѣпями на ногахъ. Воины же его, одни несли въ рукахъ опрокинутыя знамена христіанъ, другіе же имѣли на пикахъ воткнутыя головы непріятелей. Этотъ день былъ истиннымъ праздникомъ, великимъ днемъ. Султанъ провелъ въ Дамаскѣ около мѣсяца, въ ожиданіи того, чтобы его войска окончили занятіе христіанскихъ владѣній. Когда все было кончено, онъ отправился со всею арміею въ Каиръ. Вступленіе его въ столицу было еще болѣе блестяще; народъ сбѣжался въ огромномъ числѣ; можно было подумать, что весь Египетъ соединился въ одномъ городѣ, чтобы присутствовать при такомъ зрѣлищѣ.

Абулъ-Магассенъ.

Книга блестящихъ звѣздъ, султановъ Египта.

Абулъ-Магассенъ жилъ уже въ XV вѣкѣ, но тѣмъ не менѣе его сочиненіе „Книга блестящихъ звѣздъ, султановъ Египта“ имѣетъ важное значеніе для исторіи крестовыхъ походовъ, потому что оно было составлено по современнымъ свидѣтельствамъ, не дошедшимъ до насъ. — Извлеченіе изъ этой „Книги“ во французскомъ переводѣ сдѣлано Рено (см. о немъ выше, на стр. 483) и помѣщено въ Biblioth. des Croisades, par Michaud, t. IV.

VIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

74. — Извлеченіе изъ „Секретной Книги крестоносцевъ о новомъ завоеваніи и сохраненіи Святой Земли“.

(Между 1306 и 1321 г.).

Авторъ „*Секретной Книги крестоносцевъ о новомъ завоеваніи и сохраненіи Св. Земли*“ (о жизни его см. ниже, въ примѣчаніи къ этой статьѣ) въ началѣ ея прилагаетъ краткое изложеніе того, какъ онъ, 24 сентября 1321 года, поднесъ свой трудъ папѣ, прочелъ ему нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, что папа ему замѣтилъ на это, какъ папа нарядилъ коммиссію изъ миссіонеровъ, бывшихъ на Востокѣ, спросилъ потомъ ихъ о результатѣ и, наконецъ, обращаясь къ автору, сказалъ: „Теперь уже сдѣлалось поздно; оставьте мнѣ рукопись; мы посмотримъ ее и потомъ пришлемъ за вами“. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, книга и докладъ остались у папы“.

Далѣе авторъ прилагаетъ два свои посланія: одно, написанное по-латыни, обращено къ папѣ, а другое, на французскомъ языкѣ того времени, къ французскому королю Филиппу IV Красивому. Изъ нихъ особенно замѣчательно послѣднее, ибо оно вкратцѣ заключаетъ существенныя черты плана, составленнаго авторомъ къ новому завоеванію Палестины.

Посланіе къ Филиппу IV Красивому.

Во имя Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога живаго! Аминь! Маринъ Санудо, по прозванію Торселль, венеціанецъ, нижайше и преданнѣйше привѣтствуетъ Королевское Величество (Royale Maiesté), и представляетъ вамъ при семъ *Книгу* и *карты* [1]) для за-

---

[1]) Авторъ присоединилъ къ своей Книгѣ нѣсколько картъ и плановъ, а именно: всего земного Круга (Orbis terrarum), Палестины, Египта, Іерусалима и Птолемаиды. См. первую изъ нихъ у насъ въ приложеніи № 2: „*Карта Земного Круга*“. Она была составлена самимъ авторомъ „Секретной Книги“, для объясненія ея текста, и въ первый разъ издана Бонгаромъ въ его сборникѣ: *Gesta Dei per Francos*. Hannov. 1611. Критическій разборъ картографическихъ работъ Марина Санудо можно найти у *Santarem*, Essai sur l'histoire de Cosmographie et de la Carto-

воеванія и удержанія въ своей власти Св. Земли и странъ къ ней прилежащихъ. Онъ утверждаетъ, что Вашему Высокому Величеству нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлаться властителемъ вселенной и вмѣстѣ попасть въ рай, чего не могъ достигнуть и Александръ (Македонскій), хотя и былъ властелиномъ всего міра. Но для того необходимо исполнить нижеслѣдующія предписанія и указанія:

Primo, пусть Ваше Величество (que Vostre haulte Seigneurie) озаботится прежде всего изготовленіемъ къ заморскому походу или по тому способу, который предложенъ мною, или иначе и какъ то заблагоразсудится Вашему Величеству: если въ настоящую минуту нельзя собрать достаточнаго числа людей, то на первый разъ нужно сдѣлать самое малое, а именно снарядить 10 галеръ, хорошо вооруженныхъ, съ 250 человѣкъ на каждой, для охраненія моря; а триста всадниковъ и тысячу отборной пѣхоты отправить для обороны *Арменіи;* ибо было бы великимъ стыдомъ и потерею для всего христіанства, если утратится эта страна.

Secundo, позаботьтесь при содѣйствіи нашего святого отца папы отправить своихъ вѣстниковъ вмѣстѣ съ его вѣстниками по всему христіанству, объявивъ, что Святая Земля есть общее достояніе вѣрныхъ христіанъ, и каждый изъ нихъ будетъ тамъ принятъ: соотвѣтственно тому, что кто пожертвуетъ, онъ будетъ имѣть тамъ свою часть, и всякое приношеніе, сдѣланное съ этою цѣлью, сохранится въ мѣстѣ вѣрномъ и безопасномъ и не можетъ быть затрачено ни на что другое, кромѣ священнаго похода.

Tertio, не будетъ ли благоугодно Вашему Величеству вступить въ дружбу и компанію съ дожемъ и республикою Венеціанскою (avecques le Duc et commun de Venise).

Quarto, назначьте за себя начальникомъ арміи (capitaine de l'ost) того, кто покажется вамъ способнымъ къ тому, и пусть онъ слѣдуетъ предписаніямъ *Книги*, которую я представляю Вашему Величеству.

Если Ваше Величество исполните все это, то я не сомнѣваюсь, что съ божіею помощью король Робертъ, король Фридрихъ Сицилійскій и императоръ Константинопольскій окажутъ вамъ повиновеніе во всемъ, что сообразно съ благоразуміемъ. Этимъ путемъ вы завоюете Св. Землю и другія страны къ ней прилежащія; и весь остальной міръ будетъ не въ состояніи противиться Вашему Величеству,

---

graphie pendant le moyen âge etc. Par. 1849, т. I, 131 стр. и слѣд. Мы ограничились въ своей копіи однимъ общимъ очертаніемъ береговъ и нанесеніемъ важнѣйшихъ подробностей, чтобы дать тѣмъ болѣе ясное и точное понятіе о томъ представленіи земной поверхности, которое господствовало въ эпоху крестовыхъ походовъ. Оригиналъ чрезвычайно испещренъ и только съ величайшимъ трудомъ распознаются въ немъ отдѣльныя части. Какъ видно на самой картѣ, въ то время центромъ земли принимали Іерусалимъ и около него обводили кругъ, составляющій воображаемые предѣлы безграничнаго Океана; Европа, Азія и Африка лежали какъ островъ посреди этого океана и дѣлились на три части протяженіемъ Средиземнаго моря къ Индѣйскому морю, которое выступало впередъ Аравійскимъ и Персидскимъ заливами.

какъ то вы можете усмотрѣть изъ прилагаемой у сего *Книги* и чертежей.

Относительно перваго параграфа Маринъ Санудо отвѣчаетъ: если кто-нибудь скажетъ, что вооруженіе слишкомъ ничтожно, то знайте, что съ божіею помощью оно совершенно достаточно для настоящаго предпріятія, ибо тамъ, на островѣ Кипрѣ, Родосѣ и другихъ островахъ Романіи, найдется до 10 галеръ хорошо вооруженныхъ и готовыхъ во всякое время выйти въ море вмѣстѣ съ вашими. Сверхъ того, упомянутые острова могутъ поставить еще 10 галеръ на короткое время. Далѣе, тамъ часто сходится большое число купеческихъ кораблей, которые по временамъ будутъ въ состояніи вооружить еще 10 галеръ; это послужитъ въ пользу и самихъ купцовъ, потому что съ божіею помощью море такимъ образомъ сдѣлается безопаснымъ. Острова Кипръ и Родосъ могутъ поставлять для Арменіи постоянно по 350 всадниковъ, и другіе христіане, видя то, окажутъ съ своей стороны помощь. Такимъ образомъ, Арменія, Кипръ, Родосъ и другіе острова будутъ хорошо защищены и охраняемы, а для султана возможность вторженія уменьшится, и вслѣдствіе того онъ потерпитъ большой ущербъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ народы франкскихъ христіанъ, доведенныхъ до отчаянія тѣмъ, что ничего не было сдѣлано, снова возъимѣютъ большую надежду и щедро будутъ давать изъ своего имущества, чтобы помочь Святой Землѣ. Если же будутъ медлить, то христіане придутъ въ отчаяніе, и все христіанство подвергнется большой опасности; особенно это справедливо въ отношеніи заморскихъ христіанъ, если Ваше Величество не поспѣшите благосклонно на помощь (n'y met briement remede et aide).

Первая книга.

Въ *первой* книгѣ авторъ ограничивается изложеніемъ предварительныхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, должны были предшествовать наступательному движенію на мусульманъ; эта книга состоитъ изъ пяти отдѣловъ, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на нѣсколько главъ. Въ 6 главахъ перваго отдѣла авторъ говоритъ о необходимости подорвать финансы султана чрезъ открытіе сообщенія съ Индіею помимо его владѣній, а именно, чрезъ земли татаръ, чрезъ разведеніе сахару, шелковичнаго червя и т. д. въ Европѣ и чрезъ запрещеніе вывозить изъ Европы на Востокъ металлы, хлѣбъ и строевой лѣсъ. Въ послѣднихъ четырехъ отдѣлахъ авторъ еще подробнѣе развиваетъ планъ замышляемой имъ полной блокады мусульманскихъ береговъ Средиземнаго моря, приглашая свѣтскую власть устроить съ этою цѣлью флотъ и прося церковь употребить въ дѣло свое нравственное вліяніе; въ то же время онъ обращаетъ вниманіе на Арменію, какъ хорошій базисъ для военныхъ дѣйствій и торговый путь въ Индію помимо владѣній султана. Но самую важную часть „Секретной Книги крестоносцевъ“ составляетъ вторая ея книга, гдѣ авторъ переходитъ отъ косвенныхъ мѣръ къ прямымъ средствамъ завоеванія и сохраненія въ своей власти Палестины.

Вторая книга.

Во имя Господа нашего Іисуса Христа сына Бога живаго. Аминь!

„Боже, ущедри насъ и благослови насъ, просвѣти лице твое на насъ и помилуй насъ, чтобы мы познали на землѣ путь твой, во всѣхъ народахъ спасеніе твое. Да исповѣдаются Тебѣ люди божіи, да исповѣдаются Тебѣ всѣ люди. Да возвеселятся и да возрадуются народы, ибо Ты судишь людей правотою и наставляешь народы на землѣ. Да исповѣдаются Тебѣ люди божіи, да исповѣдаются Тебѣ всѣ люди. Земля дала плодъ свой: благослови насъ, Боже, Боже нашъ. Благослови насъ, Боже, и да убоятся Его всѣ концы земли“. Псал. 66.

Слава Отцу, и проч. Господи помилуй! Христе
помилуй! Господи помилуй!
Отче нашъ.

Начинается прологъ къ второй книгѣ.

Къ прославленію того же Господа нашего Іисуса Христа, взываю и молю присноблаженную Дѣву Марію, матерь его, блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла, блаженнаго Іоанна Крестителя и Евангелиста, и св. Марка, блаженнаго Георгія и Николая и все воинство небесное, да просятъ Бога, чтобы онъ ниспослалъ мнѣ благодать къ собранію въ этой части всего, что относится къ чести и славѣ Его имени, и да возможетъ она удостоиться вниманія Вашей Святости (т.-е. папы), и послужить къ утвержденію и распространенію христіанской вѣры. Хотя для смиреннаго слуги божьяго было бы слишкомъ дерзновенно обращаться такъ къ Всевышнему Богу, но вѣра и благочестіе обращающагося безукоризненны. Ваши святые предшественники всегда устремлялись къ возвращенію Святой Земли, и пусть всѣ знаютъ, что и Ваша Святость домогаетесь того же, чего слѣдуетъ домогаться всякому благочестивому христіанину. Я, *Маринъ Санудо*, по прозванію Торселль, сынъ господина Марка Санудо, прихода церкви св. Севера въ городѣ Ривоалти, изъ венеціанъ, хорошо размысливъ, рѣшился написать вторую книгу о дѣлахъ Св. Земли, еще въ 1308 году отъ Р. Х. въ мѣсяцѣ декабрѣ; она составляетъ приложеніе и служитъ усиленіемъ и подтвержденіемъ первой книги о средствахъ и пути къ овладѣнію Св. Землею во славу божію и для чести святой церкви и Вашей Святости. Писать же ее я началъ въ годъ отъ воплощенія Господа нашего І. Х. 1312, въ мѣсяцѣ декабрѣ, въ городѣ Клaрансѣ.

Начинается книга вторая,

содержащая въ себѣ пути и средства, которыми можетъ быть просто и удобно завоевана Святая Земля; дѣлится же она на четыре части.

Часть первая

объясняетъ составъ и устройство христіанской арміи и имѣетъ четыре главы.

I. *О томъ, что необходимо избрать намѣстника (capitaneus); какія его условія; скольких онъ долженъ имѣть совѣтниковъ, и какъ дѣйствовать.* Такимъ образомъ, если все то (т.-е. мѣры, предложенныя авторомъ въ первой книгѣ) составляетъ основу къ потрясенію власти Вавилонскаго (Каирскаго) султана чрезъ запрещеніе сноситься съ врагами Креста, что противно и правиламъ Евангелія, и къ возвращенію Св. Земли, то затѣмъ слѣдуетъ приступить къ второму и также вышеупомянутому дѣлу: а именно, прекратить сношенія сухимъ путемъ и держать на морѣ, какъ сказано, десять или семь галеръ, которыя не пропускали бы ничего ни туда, ни оттуда; Ваша милость предпишетъ все это и съ святительскою мудростью, по вдохновенію св. Духа, распорядится, какъ и когда предписанное выполнять. Когда Ваша Святость сдѣлаетъ свое распоряженіе на окончательную погибель султана, то на второй или на третій годъ запрещенія торговыхъ сдѣлокъ, которыя заключались, въ противность правиламъ св. церкви, съ его землями, слѣдуетъ избрать человѣка дѣятельнаго, богобоязненнаго, пользующагося доброю славою, благоразумнаго и осторожнаго, щедраго, мужественнаго и твердаго, любящаго творить правду, и который бы соблюдалъ выгоды христіанской общины, ставя ихъ выше своей пользы; онъ долженъ снискать расположеніе и дружбу венеціанъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ вовлечь въ свое дѣло и найти въ нихъ помощь и совѣтъ. Такому намѣстнику (capitaneo) будутъ содѣйствовать во всемъ 15 тысячъ пѣхоты и 300 всадниковъ, но такъ чтобы выбытіе одного человѣка замѣнялъ другой. Это войско должно содержаться на жалованьѣ у церкви, вмѣстѣ съ кораблями, провіантомъ и прочимъ, необходимымъ для войны, какъ то слѣдуетъ. Намѣстникъ же, которому поручается предпріятіе, долженъ быть одинъ, ибо *всякое благоустроенное дѣло требуетъ одной головы.* Этотъ намѣстникъ ведетъ то войско въ прибрежныя мѣста Египта: тамъ онъ овладѣваетъ опредѣленною мѣстностью и утверждаетъ свое мѣстопребываніе, соотвѣтственно инструкціи, которая ему будетъ дана людьми опытными. Тамъ же онъ содержитъ свой флотъ, какъ морской, такъ и рѣчной, чтобы имѣть возможность дѣлать набѣги когда и куда захочетъ.

Во второй главѣ авторъ совѣтуетъ, на основаніи опытности и морского искусства венеціанъ, составить флотъ и исключительно изъ нихъ, или вообще изъ какой-нибудь одной націи, „ибо, говоритъ онъ, *національныя различія и несходство нравовъ*, вслѣдствіе усилій дьявола, завидующаго счастью, могутъ приводить къ вооруженному смятенію“.

III. *О приготовленіи флота, провіанта и другихъ вещей, необходимыхъ для похода, равно и о снисканіи дружбы татаръ.* По исполненіи всего этого, необходимо, чтобы намѣстникъ и его люди на счетъ церкви и для ея пользы позаботились о составленіи большого

флота, и особенно рѣчного, съѣстныхъ припасовъ и прочаго необходимаго для тѣхъ, которые явятся съ Запада. Тогда, если то будетъ угодно Вашей Святости, можетъ начаться *проповѣдь Креста*, на второй или на третій годъ; при этомъ мужественный и многочисленный народъ, прибывъ туда, найдетъ тамъ и провіантъ, и убѣжище, и корабли для нападенія на непріятеля, который къ тому времени утратитъ свою силу и на сухомъ пути, и на морѣ. Египтомъ же можно овладѣть по слѣдующему способу: вступивъ въ союзъ съ *черными христіанами изъ Нубіи* и другихъ странъ верхняго Египта, они должны напасть на врага съ своей стороны, а въ то же время пусть выступятъ *татары* изъ странъ Сима и изъ Сиріи; почему полезно вести дружбу съ татарами и заботливо поддерживать ее подарками, ласками и обоюдными привѣтствіями. Такимъ образомъ, пишущій все это ни малѣйше не сомнѣвается, что съ божіею помощью въ четыре или пять лѣтъ по приступленіи къ этому второму пріему земля Египетская подчинится вашему господству, и Ваша Святость будетъ имѣть возможность вручить ее тому или другому лицу или нѣсколькимъ лицамъ. И весьма правдоподобно то, что, по завоеваніи Египта, Обѣтованная земля не устоитъ и сама подчинится вашей власти; да и другія земли, прежде принадлежавшія франкамъ, освободившись отъ ига сарацинъ, подчинятся вашему господству: ибо, *по усѣкновеніи корня, вѣтви необходимо высыхаютъ*.

IV. *О величинѣ издержекъ на содержаніе упомянутаго войска изъ 15 тысячъ пѣхоты и 300 человѣкъ конницы, и о раціональномъ употребленіи ихъ.* Если Вашей Святости благоугодно знать, до чего дойдутъ въ годъ издержки на содержаніе вышеупомянутыхъ 15 тысячъ пѣшихъ и 300 конныхъ людей, ихъ кораблей, на съѣстные припасы и другія необходимыя вещи, равно и расходы на поддержаніе дружбы съ татарами, то я отвѣчу на все это самымъ положительнымъ образомъ: въ три года оно обойдется въ 2 милліона 100 тысячъ *флориновъ* [1]) (florenum, золотая монета, которую начали чеканить во Флоренціи въ 1252 г., и которая, по Дю-Канжу, равнялась 24 цератамъ, а 8 цератовъ составляли одну унцію; слѣдовательно флоринъ имѣлъ вѣсу 3 унціи; на одной сторонѣ монеты изображался *цвѣтокъ* лиліи (flos), откуда происходитъ и ея названіе, а на другой сторонѣ ликъ св. Іоанна Крестителя), считая флоринъ въ два венеціанскихъ *гроша* (grossus); а именно, 600 тысячъ флориновъ ежегодно на жалованье упомянутымъ пѣшимъ и коннымъ людямъ, ихъ содержаніе и другіе расходы съ цѣлью сохраненія дружбы съ татарами, при чемъ необходимо одинъ годъ приравнивать къ другому. На флотъ, дерево, желѣзо и другіе матеріалы, необходимые для постройки жилищъ и военныхъ работъ, также для ремонта лошадей, которыя могутъ на службѣ погибнуть или пасть — 300 тысячъ золотыхъ флориновъ на всѣ три года. Такимъ образомъ, итогъ расходовъ на три года будетъ равняться 2 милл. 100 тыс. флориновъ, то-есть 700,000 флориновъ ежегодно, считая впередъ съ того года, когда христіане овладѣютъ въ Египтѣ какимъ-нибудь приморскимъ мѣстомъ, гдѣ они

---

[1]) Въ подлинникѣ: *XXI vicibus CM. flor.*, т.-е. 21 разъ 100,000 флор.

могли бы устроить себѣ жилище и пристанище, такъ чтобы Ваша Святость могла извлечь бо́льшую пользу и изъ земель египетскихъ, и его водъ. О провіантѣ же и корабляхъ для тѣхъ, которые будутъ приходить съ Запада, слѣдуетъ позаботиться сверхъ того, о чемъ Ваша Святость и отдастъ особый приказъ. Если Ваша Святость пожелаетъ знать, нельзя ли сдѣлать этого дѣла съ меньшимъ числомъ людей и съ меньшими издержками, то я почтительно отвѣчу на это слѣдующее: принимая въ соображеніе, что военное предпріятіе требуетъ полнаго обезпеченія, какое только возможно, и что не должно щадить никакихъ издержекъ для того; полагая, что Ваша Святость въ состояніи вынести такія издержки, и видя, какъ необходимы люди для обороны укрѣпленія, чтобы имѣть силу на морѣ и на рѣкахъ, я смѣло утверждаю, что тотъ, кто будетъ преобладать на прѣсныхъ водахъ и свободно плавать по нимъ, съ горстью людей и въ короткое время подчинитъ себѣ всю землю. А причина того заключается въ томъ, что большая часть Египта растянута по рѣкѣ Нилу; это—страна продолговатая и узкая, такъ-что не нужно имѣть много силъ, чтобы держать ее въ своихъ рукахъ, если только кто овладѣетъ русломъ рѣки.

Часть вторая

заключаетъ какъ опроверженіе того пути для церковнаго флота, который предлагается нѣкоторыми, такъ и очевидное доказательство пользы морского похода на Египетъ, и имѣетъ десять главъ.

I. *О томъ, что церковное войско никакимъ образомъ не должно идти сухимъ путемъ.* Изъ всего вышесказаннаго и вышеписаннаго слѣдуетъ, что нѣтъ необходимости для войска слѣдовать сухимъ путемъ, какъ то нѣкогда сдѣлали наши достославные предки. Сухимъ путемъ не слѣдуетъ идти, потому что въ этомъ случаѣ войску угрожаютъ многія опасности; дорога длинная и трудная; встрѣчаются различныя государства и многообразныя препятствія; сверхъ того, большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и прочемъ необходимомъ для войска. Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ, что походъ брата Петра, по прозванію Пустынника, и Готфрида Бульонскаго, совершенный сухимъ путемъ, удался счастливо; на это отвѣчаю: ихъ походъ былъ благопріятствуемъ не человѣческою предусмотрительностью и силами, но божественною помощью, и имѣлъ счастливый исходъ, вслѣдствіе высшей благодати.

Въ послѣдующихъ 9 главахъ этой части авторъ подробнѣе развиваетъ доводы въ пользу первоначальнаго овладѣнія Египтомъ, чтобы сдѣлать изъ него базисъ для дальнѣйшихъ военныхъ операцій; опровергаетъ тѣхъ, которые считали лучшимъ путемъ Арменію или Кипръ, и при этомъ то ссылается на историческіе примѣры, почерпнутые имъ изъ похода Лудовика IX Св., то объясняетъ свою мысль аллегоріями, сравнивая весь Востокъ съ крѣпостью, для которой Египетъ служитъ главными воротами, или называя Египетъ деревомъ, подъ сѣнію вѣтвей котораго покоится весь остальной Востокъ.

Вся послѣдующая *третья часть*, въ 4 главахъ, посвящена на подробное объясненіе, почему для христіанъ необходимо при устьяхъ Нила устроить военную колонію, на подобіе того, какъ устроилась Венеція при устьяхъ По; исторія Венеціанской республики доставляетъ автору множество доказательствъ его основной мысли, какъ несокрушима сила города, владѣющаго устьемъ рѣки, прорѣзывающей глубоко материкъ.

Четвертая и послѣдняя часть второй книги составляетъ самый важный отдѣлъ всего сочиненія, въ которомъ авторъ успѣлъ развернуть во всемъ блескѣ свою разнообразную ученость и практическую опытность, пріобрѣтенную имъ долгими странствованіями и личнымъ знакомствомъ съ восточными странами.

Четвертая часть,

содержащая въ себѣ изложеніе способа, средствъ и вѣроятныхъ доводовъ въ пользу счастливаго исхода предпріятія, и доказательства того, что мусульмане и еретики не будутъ въ состояніи защитить страны; состоитъ же эта часть изъ 29 главъ.

I. *О нѣкоторыхъ доводахъ противъ успѣха христіанскаго войска и опровержение ихъ.* На все вышесказанное, быть можетъ, кто-нибудь возразитъ и скажетъ: „Приведенные примѣры изъ исторіи Венеціи дѣйствительно убѣждаютъ насъ, что достаточно указаннаго числа войска для овладѣнія приморскою частью Египта, и что оно можетъ хорошо держаться тамъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что христіане тѣмъ самымъ могутъ нанести вредъ сарацинамъ или покорить ихъ и побѣдить тѣмъ или другимъ способомъ. Во-первыхъ, если ты захочешь идти вверхъ по Нилу съ твоимъ вооруженнымъ флотомъ, то знай, что рѣка мѣстами до того узка, что непріятель можетъ съ того или другого берега забросить огонь на твои корабли, и тѣмъ самымъ сжечь флотъ вмѣстѣ съ экипажемъ (cum gente). Во-вторыхъ, сарацины опустятъ въ рѣку Нилъ цѣпи, сдѣлаютъ запруды (stellatae), набьютъ сваи (pallotae) или построятъ мостъ на судахъ, какъ то было сдѣлано у Франколина въ округѣ Феррары; имъ же все это исполнить тѣмъ легче, что они могутъ укрѣпить конецъ моста на одномъ берегу, а на другомъ будутъ держать его на-готовѣ для спуска по теченію, когда то потребуется, и притомъ на обоихъ берегахъ имъ можно содержать стражу. Такимъ образомъ, когда христіане приблизятся съ своимъ флотомъ къ ихъ цѣпямъ или мостамъ, они отпустятъ мостъ съ одного берега, и теченіемъ рѣки онъ самъ прижметъ христіанскія суда къ берегу; между тѣмъ сарацины, стоящіе на берегу, могутъ весьма удобно перерѣзать весь экипажъ. На все это я имѣю отвѣтъ; начнемъ съ перваго пункта: ваше войско будетъ настолько предусмотрительно и заботливо, чтобы имѣть при себѣ все необходимое для потушенія огня, и притомъ этотъ огонь, когда его только-что бросили, легко уничтожается; и такъ это вовсе не мѣшаетъ христіанамъ дѣлать свои нападенія. Относительно второго пункта скажу, что если сарацины изготовятъ цѣпи, запруды и сваи, то имъ же придется вслѣдствіе того содержать большую стражу и не малое число людей для охраненія

цѣпи, запрудъ и свай, притомъ на обоихъ берегахъ и во многихъ пунктахъ, особенно же въ рукавахъ Даміетты и Раксета, ибо они весьма широки. Но, не смотря на все то, христіане могутъ смѣло идти на эти цѣпи, сваи и мосты вмѣстѣ съ своими кораблями и подъемными машинами (arganis); нужно только избѣгать времени полноводья и сильнаго теченія; намѣстникъ, какъ человѣкъ благоразумный, дождется такой эпохи, когда настанетъ мелководье, или когда подуютъ столь сильные вѣтры съ моря и погонятъ воду его въ рукава Нила, такъ-что теченіе, и безъ того медленное, почти совершенно останавливается; тогда, пользуясь этимъ же самымъ вѣтромъ, попутнымъ для себя, онъ пошлетъ впередъ лучшіе изъ своихъ кораблей и самые тяжелые, чтобы ударъ былъ сильный, и они вмѣстѣ съ подъемными машинами, на всѣхъ парусахъ, двинутся вверхъ по теченію; толчокъ, данный ими, будетъ такъ дѣйствителенъ, что они пробьютъ мосты, цѣпи и сваи, повалятъ ихъ и разбросаютъ по сторонамъ; затѣмъ они могутъ плыть куда имъ угодно и съ божіею помощью овладѣютъ всею рѣкой; такъ христіане уже дѣлали, какъ я слышалъ, около Даміетты. При этомъ надобно имѣть въ виду то, что когда армія Вашей Святости, состоящая изъ 15 тысячъ пѣхоты и 300 всадниковъ на жалованьѣ, овладѣетъ берегомъ, то еще до окончанія года около нея соберется до 5 тысячъ людей безъ жалованья, которые навезутъ туда съѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ для войска вещей, а потому можно сказать, что всего будетъ до 20 тысячъ человѣкъ; при такомъ же числѣ, съ божіею помощью, нельзя сомнѣваться въ добромъ успѣхѣ вашего войска.

Въ слѣдующихъ главахъ (II, III и IV) авторъ опровергаетъ другія возраженія своихъ противниковъ, доказывая, что султанъ не можетъ отвести Нилъ въ Океанъ (т. е. чрезъ Чермное море), чтобы такимъ образомъ не уничтожить значенія устьевъ Нила, и что населеніе Египта и Сиріи хотя многочисленно, но непривычно къ морскому дѣлу. Глава V и послѣдующія, до VIII включительно, посвящены на описаніе устройства судовъ, болѣе удобной конструкціи для предстоящей войны, и особеннаго вооруженія людей примѣнительно къ характеру новой борьбы съ невѣрными. Затѣмъ авторъ переходитъ къ подробной смѣтѣ содержанія арміи.

IX. *О томъ, какъ намѣстникъ долженъ распредѣлить войско и въ какомъ порядкѣ и размѣрѣ будетъ выдаваться ему провіантъ.* Сверхъ вышесказаннаго Вашей Святости почтительнѣйше докладывается о необходимости того, чтобы намѣстникъ христіанскаго воинства или его вождь получилъ отъ Вашей Святости строгую инструкцію, и чтобы ему было вмѣнено въ непремѣнную обязанность заботиться особенно *о распредѣленіи* (ad ordinandum) своихъ людей: намѣстникъ или вождь долженъ раздѣлить какъ получающихъ жалованье, такъ и находящихся по другимъ дѣламъ въ войскѣ, на тысячи, сотни, полусотни и десятки; каждый такой отрядъ получаетъ начальника или главу, которому дается такая власть, чтобы онъ въ глазахъ всѣхъ занималъ мѣсто намѣстника Вашего Высочества. Но и этого недовольно: необходимо съ такою же заботливостью печься о всеобщемъ продовольствіи, какъ о

тѣхъ, которые получаютъ жалованье, такъ и о тѣхъ, которые будутъ сочтены достойными того по своему крайнему и недостаточному положенію; особенно слѣдуетъ обращать вниманіе на то, чтобы тайно и преступно не обкрадывалось войско. Также я считаю хорошимъ и полезнымъ дѣломъ для обезпеченія войска, если намѣстникъ и его совѣтъ допустятъ, чтобы на каждой галерѣ, кромѣ общей раздачи, была допускаема продажа всего необходимаго въ походѣ, особенно же по части продовольствія и одежды, но по таксѣ (cum lucro justo); никто не можетъ заниматься такою торговлею, кромѣ получившихъ на то дозволеніе отъ намѣстника и его совѣта. Кредитъ (credentia) при продажѣ вещей соразмѣряется со средствами лица; послѣ же, при полученіи жалованья, дѣлается разсчетъ, такъ чтобы никто не былъ обманутъ или притѣсненъ. Вся выручка отъ подобной продажи обращается въ общую пользу арміи; во всемъ же прочемъ должно слѣдовать спеціальнымъ инструкціямъ. *Въ военномъ дѣлѣ выше всего строгій порядокъ.*

X. *О количествѣ выдаваемаго провіанта, и какъ венеціане продовольствуютъ своихъ наемниковъ; о числѣ людей, срокахъ, вѣсѣ и мѣрѣ, и о томъ, что слѣдуетъ по справедливости.* Надобно знать, что въ день на человѣка отпускается *полтора* фунта сухарей (panis biscocti, откуда новѣйшее слово: бисквитъ); въ мѣсяцъ слѣдуетъ считать 30 дней, въ году же 12 мѣсяцевъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 30 дней. Такимъ образомъ, будетъ недоставать въ году 5 дней съ четвертью, зачисляя сюда и високосный годъ. Сверхъ того нужно знать, что *секстарій* (sextarius, родъ нашего четверика) сухарей вѣситъ до 90 фунтовъ, а изъ хорошей муки даже 105 фунтовъ: такимъ образомъ у венеціанъ всегда остается въ экономіи $^1/_6$ часть (т.-е. 15 фунтовъ). Вслѣдствіе того на содержаніе каждаго человѣка въ годъ, т.-е. въ 365 дней съ $^1/_4$, приходится—считая секстарій въ 90 фунтовъ—6 секстаріевъ, 7 фунтовъ и $10^1/_2$ унцій...... Каждому служащему на жалованьѣ отпускается въ день по одной мѣрѣ вина вѣсомъ въ $^1/_4$ фунта; если фунтъ помножить на 70, то получимъ мѣру, называемую въ народѣ *бигонціемъ* (bigontium, боченокъ); а 4 бигонція составляютъ одну венеціанскую *амфору* (amphoram, бочка). Такимъ образомъ, у венеціанъ въ годъ на человѣка требуется одинъ бигонцій, 21 фунтъ съ $^1/_4$ и $^1/_{16}$ долею фунта. Кромѣ того, на каждаго человѣка отпускается по одной унціи сыра ежедневно, что въ годъ составляетъ всего 30 фунтовъ и $5^1/_4$ унцій; и на 30 дней соленой свинины 3 фунта и 3 унціи, что въ годъ составляетъ 39 фунтовъ и шесть унцій съ четырьмя скрупулами (sagiis) на человѣка. Также получаетъ въ день каждый изъ служащихъ на жалованьѣ сороковую часть одной *квартаролы* (quartalorae) бобовъ или другихъ овощей, по венеціанскому способу мѣры. А чтобы дать понятіе объ этой мѣрѣ, скажу, что 4 квартаролы составляютъ одну четвертку, а четыре четвертки одинъ венеціанскій *секстарій.* Три венеціанскихъ секстарія образуютъ одну солму (solma) въ Апуліи, какъ овощей, такъ и хлѣба. Такимъ образомъ, въ годъ придется на человѣка овощей полсекстарія, $1^5/_{40}$ и $^1/_4$ отъ $^1/_{40}$ квартаролы.

Далѣе авторъ, на основаніи разсчета по содержанію одного человѣка представляетъ разсчеты на содержаніе 100, 1,000, 10,000 и 100,000 человѣкъ, при помощи простого умноженія; объясняетъ способъ раздачи поименованнаго провіанта по днямъ постнымъ и скоромнымъ, и говоритъ наконецъ о рыночной цѣнѣ продуктовъ того времени.

При всемъ этомъ особенно важно знать значеніе мелкой венеціанской монеты: венеціанскій серебряный *грошъ* (grossus)=32 малымъ венеціанскимъ *денаріямъ* [1]), такъ-что $7^1/_2$ грошей составляютъ 20 малыхъ *солидовъ*, а 20 солидовъ венеціанскими грошами=32 фунтамъ; остальныя цифры можно получить чрезъ умноженіе. По этой монетѣ секстарій сухарей въ 90 фунт. вѣса стоитъ $32^1/_2$ солида, и фунтъ придется въ $4^1/_3$ денарія. Если на человѣка положить полтора фунта сухарей въ день, то это будетъ стоить $6^1/_2$ денаріевъ (около $2^1/_2$ к. сер.; слѣдов. 1 ф. хлѣба стоилъ $1^1/_4$ коп.); въ 30 дней, считая 45 фунт. на человѣка, выйдетъ 16 солидовъ и 3 денарія. Амфора вина полагается цѣною въ 15 фунтовъ и 15 солидовъ, что на венеціанскіе гроши дѣлаетъ 9 солидовъ, 10 грошей и 4 денарія; бигонцій вина будетъ стоить 3 фунта, 18 солидовъ и 9 денаріевъ; по этому разсчету фунтъ вина=$13^1/_2$ денаріямъ. Въ день человѣку нужно $^1/_4$ фунта вина (кварта), что стоитъ $3^3/_8$ денарія; въ мѣсяцъ же на 3 гроша и $5^1/_4$ денарія.

Такой же подробный разсчетъ авторъ приводитъ для свиного мяса и бобовъ, и затѣмъ подводитъ итогъ всего суточнаго содержанія человѣка.

Такимъ образомъ, весь расходъ на содержаніе одного человѣка обойдется, считая хлѣбъ, вино, солонину, сыръ и бобы, въ день на $12^4/_5$ денарія (около 5 коп. сер.); въ 30 дней — 12 грошей (около 1 руб. 50 коп. сер.)....

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ XI до XXVIII, авторъ останавливается на подробныхъ наставленіяхъ относительно всевозможныхъ предметовъ, необходимыхъ для предпринимаемаго похода на Востокъ: такъ, онъ говоритъ о числѣ и конструкціи судовъ, которая могла бы придать имъ ловкость и быстроту движенія; о времени срубки корабельнаго лѣса и о способахъ сушки его; о нагрузкѣ перевозныхъ судовъ; объ особенностяхъ климата въ Египтѣ; объ устройствѣ больницъ; о солдатскихъ женахъ; о странахъ, въ которыхъ можно набирать готовыхъ моряковъ; о численности экипажа и его составѣ, гребцахъ, музыкантахъ, инженерахъ и т. д.; о жалованьѣ; объ оружейныхъ фабрикахъ и постройкѣ машинъ; о вторженіяхъ въ непріятельскую землю сарацинъ и еретиковъ (т. е. грековъ); даетъ подробное описаніе Египта и Арменіи; объясняетъ, какъ, по утвержденіи въ Египтѣ, слѣдуетъ приступить къ завоеванію Палестины, склонивъ на свою сторону татаръ; и

---

[1]) Венец. денарій на современныя деньги равняется $1^1/_3$ сантимамъ франц. монеты (сто сантимовъ составляютъ франкъ, около 25 к. с., а по нынѣшнему курсу свыше 40 коп.). См. *Cibrario*, Econ. polit. du moyen âge, trad. par Barnaud, II, 232 стр.

наконецъ, въ послѣдней, XXIX, главѣ приводитъ цѣлый рядъ назиданій во вкусѣ того времени:

XXIX. Всякая милость и всякій даръ отъ Бога нисходятъ и безъ него нѣтъ добра. Человѣкъ можетъ и знаетъ настолько, насколько то дано ему Богомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вождь и предводитель войска нуждаются въ благодати свыше. Во-первыхъ, нуженъ быстрый умъ и великое попеченіе; быстрый же умъ тотъ, который приводитъ къ хорошей цѣли. Во-вторыхъ, требуется щирокая щедрость, но съ сохраненіемъ должнаго порядка; въ-третьихъ, не презирать врагами, но ко всему присматриваться и прислушиваться тщательно, нѣтъ ли въ чемъ какого вреда или опасности; въ-четвертыхъ, беречь своихъ людей и какъ можно менѣе ставить ихъ въ опасность; сраженіе принимать только тогда, когда на твоей сторонѣ будутъ большія преимущества; въ-пятыхъ, заботиться о всемъ необходимомъ, и въ особенности о провіантѣ, ибо по недостатку хлѣба много хорошихъ дѣлъ было проиграно. Въ-шестыхъ, любить людей болѣе, чѣмъ вещи. Въ-седьмыхъ, рѣшать вопросы по своему соображенію, но такъ, чтобы причина такого рѣшенія была ясна сама собою. Въ-восьмыхъ, сострадать къ другимъ, и не дѣлать никому того, чего не желаешь себѣ; особенно заботиться о томъ, какіе корабли примутъ на себя перевозъ необходимыхъ вещей. Въ-девятыхъ, не упускать важныхъ дѣлъ изъ-за малыхъ. Въ-десятыхъ, обращать все вниманіе на обезпеченіе людей, и какіе люди живутъ на вашей землѣ; о голодныхъ заботиться больше, чѣмъ о сытыхъ. Въ-одиннадцатыхъ, живительное, хорошее и прочное начало приводитъ къ доброму концу. Въ-двѣнадцатыхъ, любите больше общее благо, нежели собственное: тѣмъ возвеличился Римъ; и дѣлайте, что можете по разуму, а не по силѣ. Въ-тринадцатыхъ, всѣхъ благосклонно выслушивать, а послѣ рѣшить съ немногими. Въ-четырнадцатыхъ, вознаграждать добрыхъ и наказывать злыхъ: этимъ распространилась власть римлянъ; ибо доброе имя лучше многихъ богатствъ. Въ-пятнадцатыхъ, служителей святой церкви уважать и оказывать имъ достодолжное уваженіе; даже и съ купцами обращаться хорошо и благосклонно ихъ принимать; за всѣ же ниспосылаемыя и ниспосланныя милости благодарить Бога, восхвалять и благословлять. Аминь!

Во имя Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога живаго и истиннаго: Аминь.

Важныя замѣчанія: Скромность есть мать всѣхъ добродѣтелей, а наглость—мать всѣхъ пороковъ.—Неблагодарность есть палящій вѣтеръ, изсушающій источникъ благочестія, тростникъ милосердія и рѣки благодати. — У кого нѣтъ сострадания, тотъ ничего не имѣетъ. — Златоустъ сказалъ: „Мудрость состоитъ не въ томъ, чтобы знать слово божіе, но по слову божію жить“. — Скупость есть источникъ всѣхъ золъ. — Терпѣніе высшая добродѣтель.— Что лучше золота?—Ясписъ. А ясписа?—Смыслъ. А смысла?—Разумъ. А разума?—Умѣнье.... Храбрость безъ разсудка есть мечъ въ рукахъ безумнаго. — Аристотель, подходя къ горѣ, на просьбу учениковъ сказать имъ мудрое слово,

произнесъ: „Съ плачемъ и уничиженіемъ вступилъ я въ міръ, живу со страхомъ, и удаляюсь смущеннымъ въ полномъ невѣжествѣ“.

Вашей великой власти, Господомъ Богомъ дарованной, *Маринъ Санудо*, по прозванію Торселль, себя и своихъ всенижайше и всепреданнѣйше поручаетъ.

Третья книга.

Третья книга и послѣдняя посвящена авторомъ почти исключительно на историческое изложеніе дѣла, и состоитъ изъ 15 частей. Въ первыхъ двѣнадцати излагается исторія Палестины, начиная съ библейскихъ временъ и до изгнанія крестоносцевъ изъ Азіи, по взятіи Птолемаиды въ 1291 году; это—простая компиляція, за исключеніемъ 12-й части, гдѣ авторъ говоритъ о послѣднемъ времени борьбы съ мусульманами, какъ современникъ. Часть 13-я ознакомляетъ съ обычаями татаръ и ихъ исторіею; въ 14-й части предлагается подробное описаніе Палестины, и только въ послѣдней 15-й части авторъ, возвратившись къ своему главному предмету, снова говоритъ о средствахъ къ утвержденію власти христіанъ на Востокѣ, съ тою цѣлью, чтобы изъ несчастныхъ уроковъ прежнихъ крестоносцевъ извлечь правила того, чему должно слѣдовать и чего необходимо избѣгать:

Часть пятнадцатая

содержитъ средства къ удержанію Св. Земли въ своей власти, въ противоположность вышеизложеннымъ порокамъ и заблужденіямъ, и состоитъ изъ 25 главъ.

I. *О томъ, какъ необходима военная дисциплина и постоянныя воинскія упражненія.* Въ предыдущихъ частяхъ (т.-е. въ историческомъ очеркѣ Палестины и всѣхъ крестовыхъ походовъ отъ Готфрида Бульонскаго до взятія Птолемаиды мусульманами) изложены тѣ разнообразные недостатки въ нравахъ и военной дисциплинѣ, отъ которыхъ такъ тяжко пострадалъ христіанскій народъ въ землѣ Обѣтованія. Но понесенное наказаніе вразумляетъ; испытанныя бѣдствія въ прошедшемъ спасаютъ отъ будущихъ; неудачи научаютъ извлекать пользу; опасности указываютъ на средства противу нихъ; и изъ заблужденій мы выводимъ законы жизни и порядка. Прежде всего, мы замѣчаемъ, что вѣрные всего болѣе грѣшили въ отношеніи военной дисциплины, ибо крестоносцы (crucesignati) часто и весьма несправедливо вызывали сарацинъ, остававшихся спокойными, и эти, при своей многочисленности, разрушали дома, крѣпости и города. Въ минуту же крайности христіане не умѣли скрыть того и отправить пословъ съ мирными предложеніями, помня христовы слова, у Лук. XIV: „Какой царь, идучи на войну противъ другого царя, не сядетъ и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противустать идущему на него съ двадцатью тысячами? а иначе, когда тотъ еще далеко,

пошлетъ посольство просить о мирѣ". Особенно такъ нужно поступать, когда имѣешь предъ собою врага и деньгами болѣе богатаго, и находчивѣе въ хитрости, и свирѣпѣе въ жестокости, и сильнѣе оружіемъ и средствами. Такова воля божія, что иногда должно смиряться по грѣхамъ, и тутъ было бы глупо заноситься и не искать мира, какъ то мы видимъ на примѣрѣ Іоакима и Седекіи, и на примѣрѣ второго латинскаго короля (говоря такъ, нашъ авторъ начинаетъ пользоваться своимъ историческимъ очеркомъ судебъ Палестины въ библейскую эпоху и въ эпоху крестовыхъ походовъ). Случалось и такъ, что наши въ небольшомъ числѣ рѣшались бороться съ превосходными силами непріятеля, и даже по взятіи города не успѣвали бѣжать; вслѣдствіе того Бендокларъ (мусульманскій вождь), по завоеваніи Антіохіи, говорятъ, сказалъ нѣкоторымъ изъ христіанъ: „О, христіане, вы глупы и слишкомъ неразумны, ибо не умѣете во-время ни сражаться, ни хранить мира, ни искать спасенія въ бѣгствѣ". Потому, по завоеваніи Палестины, если желаютъ спокойно владѣть ею, необходимо, между прочимъ, заботиться о военной дисциплинѣ и о постоянныхъ воинскихъ упражненіяхъ: пусть всенародно постановятъ, чтобы читали въ школахъ избранныя мѣста изъ сочиненія Вегеція [1]): De re militari (о военномъ дѣлѣ), а также и изъ другихъ подобныхъ ученыхъ; какъ древніе римляне, такъ и военные, предназначающіе себя для битвъ, должны постоянно упражняться въ дѣйствіи оружіемъ, чтобы, когда нужно, быть предусмотрительными и осторожными въ опасности: „Въ каждомъ сраженіи, говоритъ Вегецій, не многочисленность, но искусство и обученіе доставляютъ побѣду". Такъ Амуцій Руфъ, подавленный численнымъ превосходствомъ даковъ, приказалъ нѣсколькимъ, когда они увидятъ, что завязалось дѣло, показаться сзади на холмѣ и прозвучать въ рогъ; дѣйствительно, непріятель, подозрѣвая большое число, обратился въ бѣгство. Необходимо постановить подъ страхомъ наказанія, чтобы всѣ жители Св. Земли или королевства Іерусалимскаго занимались не менѣе одного раза въ недѣлю упражненіями въ метаніи пращемъ и стрѣльбѣ изъ лука, будутъ ли они въ городѣ, или въ лагерѣ. Такъ, Давидъ предписываетъ во второй книгѣ Царствъ сынамъ іудейскимъ обучаться луку, ибо онъ услышалъ, что царь Саулъ и Іонаѳанъ были ранены стрѣлками; и великій патріархъ Іаковъ сказалъ: „Я взялъ страну аморрейскую мечемъ и лукомъ моимъ". Сципіонъ Африканскій думалъ, что для побѣды необходимо, чтобы во всякомъ сраженіи принимали участіе стрѣлки, которые тревожили бы непріятеля, обстрѣливая его издалека. Если же онъ иногда любилъ упражнять длинными копьями, чтобы всѣ однообразно и въ одно и то же время дѣйствовали ими, то потому что это оружіе оказывалось весьма часто полезнымъ въ бою. Точно также для защиты Обѣтованной Земли народъ христіанскій долженъ обучаться ловкости и всѣми мѣрами избѣгать праздности, ведущей ко всѣмъ порокамъ. Іезекіиль восклицалъ, говоря іудеямъ: „Беззаконіе сестры твоея, Содомы, гордость въ сытости хлѣба" (16, 49). Искусство владѣть оружіемъ подчинило Риму вселенную, какъ о томъ говоритъ Вегецій:

---

[1]) Римскій писатель IV стол. по Р. X. и современникъ имп. Валентиніана II.

„Что̀ возмогла бы малочисленность римлянъ противъ множества галловъ и испановъ, хитрости африканъ и благоразумія грековъ! Опытность въ каждомъ дѣлѣ придаетъ смѣлость; малочисленное войско, но обученное, способно къ побѣдѣ, а грубая масса—къ бѣгству“. Пусть никто не думаетъ, что излишне заниматься военнымъ дѣломъ для поддержанія правды и защиты отечества. Іеронимъ говорилъ Бонифацію (римскому префекту Африки V вѣка): „Не думай, что тотъ неугоденъ Богу, кто занимается военнымъ дѣломъ“. Этимъ занимался и св. Давидъ, и многіе другіе праведные того времени; этимъ же занимались и тѣ, которымъ блаженный Іоаннъ Креститель на ихъ вопросъ: что̀ дѣлать? отвѣчалъ: „Никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ“ (Лук. III, 14). Говоря такъ, онъ вовсе не запрещалъ военнаго дѣла тѣмъ, которымъ совѣтовалъ довольствоваться своимъ жалованьемъ.

II. *О томъ, какъ полезно въ борьбѣ съ непріятелемъ скрывать свои планы.* По словамъ одного поэта: „Ты потерялъ случай отмстить врагу, если онъ то замѣтилъ“, слѣдуетъ и благоразумнымъ полководцамъ таить отъ непріятеля свои намѣренія. Потому, когда у Метелла Пія спрашивали, что онъ имѣетъ въ виду сдѣлать завтра, онъ отвѣчалъ: „Еслибы моя туника могла о томъ провѣдать, то я сжегъ бы ее“. Порцій Катонъ, полагая, что завоеванные имъ города Испаніи могутъ современемъ, въ надеждѣ на свои стѣны, возмутиться, писалъ къ каждому по одиночкѣ, угрожая войной, если стѣны не будутъ срыты, и приказалъ отдать письмо всѣмъ въ одинъ день; вслѣдствіе такого секретнаго образа дѣйствія, каждый городъ думалъ, что это приказаніе дано ему одному, и повиновался, не имѣя возможности соединиться съ другими... Подобные примѣры наставляютъ насъ, сколько приноситъ вреда врагу, и себѣ пользы, умѣнье полководца держать свой планъ въ тайнѣ. Этимъ отлично пользуются татары: о нихъ говорятъ, что они никому не позволяютъ ни войти въ свой станъ, ни выйти, чтобы непріятель не провѣдалъ ихъ замысловъ. Не такъ дѣйствовали крестоносцы по взятіи Даміетты (1219 г.): обнаруживъ свой планъ, они были побиты и взяты въ плѣнъ, а Даміетта сдалась. И жители Птолемаиды, не умѣя прибѣгнуть къ хитрости и скрыть свой планъ, были также истреблены (1291 г.).

Слѣдующія главы, отъ III до XVI, посвящены авторомъ на исчисленіе различныхъ хитростей воинскаго дѣла, которыя онъ подкрѣпляетъ безпрерывно примѣрами изъ древней исторіи, указывая на Александра Македонскаго, Митридата, Ификрата, Аннибала, Катона, Марія, Сципіона, Помпея, Цезаря, Эпаминонда, даже Астіага и мн. др. Сверхъ того онъ учитъ, какъ лучше устраивать лагерь, выбирать мѣсто для сраженія, ставить пикеты, тревожить непріятеля, отступать въ порядкѣ, дѣлать засады, не пересѣкать отступленія непріятелю, чтобы не внушить ему отчаянія, какъ вести осаду, и мн. др. Затѣмъ авторъ переходитъ къ внутреннему устройству будущаго Іерусалимскаго королевства, и начинаетъ съ совѣтовъ самому королю:

XVII. *О томъ, какъ, по завоеваніи Обѣтованной Земли, избрать единаго короля.* По завоеваніи Обѣтованной Земли, слѣдуетъ поста-

вить короля, который повелѣвалъ бы всѣми, благоразумно и по правдѣ управлялъ подданными, изгонялъ и устрашалъ непріятеля, какъ о томъ гласитъ св. Писаніе, Второзак. XVII: „Когда внидешь въ землю, которую Господь Богъ твой обѣщалъ дать тебѣ, и овладѣешь ею и населишь ее, поставь царя (regem), котораго изберетъ тебѣ Господь Богъ твой“. Сказано, именно, одного царя, а не многихъ, какъ и выше мы сказали: одного намѣстника (capitaneus), чтобы тѣмъ благопріятствовать миру и единству. Больше всего надобно опасаться несогласій, что легко можетъ случиться по довершеніи побѣды, вслѣдствіе различія языковъ, странъ, характера и нравовъ. Когда-то Вавилонскій султанъ сравнивалъ себя съ змѣемъ, у котораго много хвостовъ и одна голова, почему онъ легко можетъ тащить за собою свои хвосты; христіанъ же онъ называлъ змѣемъ съ однимъ хвостомъ и многими головами, почему хвостъ не знаетъ, чьей фантазіи (appetitus) должно повиноваться; и Христосъ сказалъ: „Никто не можетъ служить двумъ господамъ“ (Матв. 6, 24). Итакъ, слѣдуетъ избрать одного, но не всякаго, а кого изберетъ Господь Богъ твой, кто ненавидитъ неправду, славится добродѣтелями, ищетъ полезнаго, гнушается злымъ: да будетъ вторымъ Давидомъ, кого всѣ единогласно помазали въ Сіонѣ.... Да будетъ вторымъ Соломономъ, на лицо котораго хотѣла взирать вся земля.... Да будетъ, наконецъ, какъ Іосія, который направилъ свой народъ къ покаянію, перенесъ всякія неправды и въ тѣ дни укрѣпилъ благочестіе. Таковъ долженъ быть король Іерусалима, чтобы народъ христіанскій возрасталъ въ немъ и доблестью, и числомъ. Прекрасно сказалъ по этому случаю поэтъ Антиклодій: „Порядокъ въ мірѣ слагается

По образцу короля; и жизнь правителя больше
Значитъ для нравовъ людей въ государствѣ, чѣмъ сами законы“.

Такимъ былъ возлюбленный избранникъ божій Готфридъ (герцогъ Бульонскій); а преемники его сдѣлались данниками султана Египетскаго и Дамасскаго.

XVIII. *О томъ, какъ король долженъ воздерживаться отъ всякаго излишества и суеты.* Какъ выше мы изложили въ нѣсколькихъ главахъ пользу военной дисциплины, такъ теперь намъ остается сказать нѣсколько о добрыхъ нравахъ. Читая внимательно предыдущее (т.-е. первыя 12 частей третьей книги), мы часто замѣтимъ, что крестоносцамъ недоставало того и другого. Чтобы сказать коротко, что народъ слагается по образцу короля: „Каковъ правитель страны, таковы и ея обитатели“, говоритъ Екклесіастъ, X. И выше мы читали, что „порядокъ въ мірѣ слагается по образцу короля“. Постановленный король да не считаетъ себя несвязаннымъ никакими законами, и да повинуется свыше даннымъ заповѣдямъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ не долженъ увеличивать числа своихъ лошадей; необходимое число ихъ и всадниковъ для защиты государства не запрещается, но предосудительна въ этомъ отношеніи та роскошь, которую обнаружилъ Соломонъ, державшій, какъ говорятъ, 40 тысячъ жеребцовъ для колесницъ, 12 тысячъ верховыхъ и 20 тысячъ всадниковъ.

Подобное тщеславіе запрещается, какъ тягостное подданнымъ и ненавистное по себѣ. Такимъ числомъ лошадей законодатель далъ понятіе и объ остальномъ, въ чемъ Соломонъ превзошелъ все: на его столъ ежедневно выходило 30 мѣръ лучшей муки и 40 простой; десять откормленныхъ быковъ, 20 луговыхъ и 100 барановъ, не считая оленей, козъ и дичи. Онъ заказалъ двѣсти круглыхъ щитовъ изъ чистаго золота и 300 продолговатыхъ для пышности царскаго дома; ихъ употребляла стража, возлежа у дворцовыхъ воротъ... А какъ все было обременительно для подданныхъ, можно прочесть въ св. Писаніи, III кн. Царствъ, 12, когда народъ восклицалъ его сыну Ровоаму: „Твой отецъ положилъ на насъ тягчайшее иго; убавь его намъ нѣсколько, и мы послужимъ тебѣ". Когда же онъ отвѣчалъ противное и угрожалъ еще больше, то потерялъ десять колѣнъ и причинилъ распаденіе царства. Къ чему королю служитъ излишнее вооруженіе и излишніе воины? Когда Платонъ увидѣлъ Діонисія, тирана Сицилійскаго, окруженнымъ тѣлохранителями, то спросилъ его: „Какое ты сдѣлалъ зло, что тебѣ нужно охранять себя такою стражей?" — „Одна, говорилъ Сенека Нерону въ своемъ сочиненіи: *De clementia*, неодолимая защита—любовь гражданъ". Пусть замѣтятъ это князья и бароны: если не прилично королю увеличивать число лошадей и всадниковъ для одного блеска, то еще менѣе дозволено имъ увеличивать у себя число собакъ, соколовъ, обезьянъ и другихъ рѣдкихъ звѣрей. Но еще хуже они погрѣшаютъ тѣмъ, что больше привязываются къ плутамъ, нежели къ проповѣдникамъ истины. Они говорятъ: дѣло знатныхъ увеселяться скоморохами и охотой для отдыха, птицами и игрой въ кости. Но кто не знаетъ, что все это одно только легкомысліе? Философъ Ѳемистоклъ говорилъ: „Правительственные люди (magistratus) должны воздерживаться отъ игръ и всякихъ пустыхъ увеселеній, чтобы кто не подумалъ, что само государство пустилось въ игру".

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ XIX до XXIV, авторъ говоритъ подобнымъ же образомъ о другихъ качествахъ короля, о воздержаніи, правосудіи, щедрости, уваженіи къ закону и милосердіи, приводя постоянно примѣры хорошаго или дурного изъ Библіи и свѣтской исторіи; наконецъ, въ послѣдней XXV главѣ приводится краткій очеркъ всей третьей книги, какъ выводъ изъ всего предыдущаго.

Маринъ Санудо.

Liber secretorum fidelium Crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione.

Маринъ Санудо (Marinus Sanudo или Sanutus) былъ потомокъ того самаго Марка Санудо, венеціанскаго патриція, который велъ переговоры съ Бонифаціемъ маркизомъ Монферратскимъ объ уступкѣ о. Крита въ пользу Венеціи; оттуда Маркъ распространилъ владѣніе республики по другимъ островамъ Эгейскаго моря и удержалъ власть надъ ними въ рукахъ своей

фамиліи; это обстоятельство дало случай Марино Санудо часто посѣщать Востокъ и изучить его положеніе въ послѣднюю эпоху крестовыхъ походовъ. Самъ Маринъ родился въ приходѣ св. Севера, въ городѣ Ривоалти, во второй половинѣ XIII столѣтія. Его прозваніе *Torsellus* было дано ему за музыкальный инструментъ, который онъ ввелъ въ церквахъ Венеціи; форма этого инструмента неизвѣстна. Въ теченіе своей жизни Санудо отправлялся 5 разъ въ Палестину; путешествовалъ по сѣверу и бывалъ въ славянскихъ земляхъ. Въ его время пало окончательно господство христіанъ на Востокѣ и кончились крестовые походы. Изучивъ на мѣстѣ положеніе дѣлъ, Санудо пришелъ къ убѣжденію, что завоеваніе Палестины предпріятіе весьма легкое, если приступить къ нему безъ религіознаго фанатизма, а съ хорошимъ знаніемъ военнаго и морского искусства. Съ этою цѣлью онъ написалъ свое ученое разсужденіе подъ заглавіемъ: Liber secretorum fidelium Crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione, т. е. *Секретная Книга крестоносцевъ о завоеваніи и сохраненіи Св. Земли*—названо же оно такъ потому, что авторъ считалъ необходимымъ сохранить въ тайнѣ тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ легко будетъ достигнуть цѣли. Онъ началъ писать ее въ 1306 г. и окончилъ въ 1321 г., во время пребыванія своего въ Германіи. Въ 1321 г. Санудо поднесъ свое произведеніе папѣ, а потомъ королю Франціи, Англіи и Сициліи, присоединивъ къ тексту 4 географическихъ карты. Эта книга не имѣла никакого практическаго примѣненія, именно потому что она была выше идей и средствъ государственныхъ людей того времени; но тѣмъ не менѣе она служитъ однимъ изъ важныхъ доказательствъ необыкновеннаго успѣха образованности въ эпоху крестовыхъ походовъ, особенно если сравнить проповѣди первыхъ крестоносцевъ съ этимъ ученымъ трактатомъ и вмѣстѣ историческимъ источникомъ для ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ западной Европы въ концѣ крестоносной эпохи.

Изданія: у Bongars, Gesta Dei per Francos. Hannov. 1611. II, 1—281 стр., съ картами автора. — *Переводовъ*, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не существуетъ ни на одномъ изъ новѣйшихъ языковъ. — *Изслѣдованія*: *Kunstmann*, Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhange seiner ungedruckten Briefe—помѣщено въ Abhandlungen der histor. Classe der königl. bayer. Akad. der Wissenschaften. VII. 1855. 697—819 стр., съ приложеніемъ анализа содержанія Секретной Книги.

---

75. — Объ устройствѣ Іерусалимскаго королевства.

(Въ 1807 г.).

Устройство Іерусалимскаго королевства было чисто феодально-аристократическое, какъ оно уже выработалось во Франціи. Государство, начиная съ первой минуты своего существованія, состояло уже изъ многихъ владѣній, которыхъ связывали между собою совокупная защита страны и признаніе одного общаго верховнаго главы. Этому главѣ были предоставлены права не бо̀льшія тѣхъ, которыми пользо-

вался король Франціи. Онъ былъ государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова только въ небольшой мѣстности, которая была предоставлена ему лично, какъ и французскій король властвовалъ единственно въ своихъ доменахъ, въ одномъ герцогствѣ Франціи.

Корона была наслѣдственна въ томъ же порядкѣ, который соблюдался вообще въ ленныхъ государствахъ. Избраніе короля высшими духовными и свѣтскими баронами имѣло мѣсто только въ томъ случаѣ, когда король не оставлялъ ни потомства, ни родственниковъ, которые могли бы или хотѣли сдѣлать притязанія на наслѣдство. Подобныя притязанія могли быть выводимы изъ отношеній къ послѣднему правителю, и кто стоялъ ближе къ нему, тотъ имѣлъ и бо́льшія права; но мужеская линія предпочиталась однако женской и въ однѣхъ степеняхъ, хотя бы представители послѣдней были старше представителя первой. Само государство было нераздѣльно, и потому не могло, какъ другіе лены, подвергаться дѣленію между лицами съ одинаковыми правами. По смерти короля, тотъ, кто казался ближайшимъ наслѣдникомъ, собиралъ васалловъ короны для изложенія предъ ними своихъ правъ, давалъ имъ обѣщаніе исполнить все, что́ касается его, какъ леннаго государя, и требовалъ отъ нихъ присяги на подданство. Если его права признавались ясными и основательными, тогда васаллы являлись къ нему и предлагали дать съ своей стороны присягу, но по исполненіи того же самаго королемъ. Такъ опасались насилія власти, что сначала король давалъ обязательство, и только послѣ него вассалы. Затѣмъ приносили св. Евангеліе, и пока король держалъ на немъ руку, одинъ изъ его васалловъ читалъ ему слѣдующую присягу: „Государь, вы клянетесь надъ св. Евангеліемъ, какъ христіанинъ, всею своею законною властью (de tout votre legal posir, т.-е. pouvoir) защищать, сохранять, помогать и покрывать противъ всѣхъ живущихъ смертныхъ (contre toutes gens qui vivre et mourir puissent) св. церковь, вдовъ и сиротъ; сообразно съ этою присягою поддерживать и исполнять всѣ обычаи, распоряженія и опредѣленія королевства; признать всѣ постановленія и льготы, дарованныя вашими предшественниками, и всякій разъ, когда возникнутъ по такому дѣлу споры, отдавать ихъ на рѣшеніе вашей палаты (court). Наконецъ, этою же присягою вы обязуетесь въ отношеніи всѣхъ охранять и соблюдать справедливость“. Послѣ того, король садился на свое кресло, и васаллы другъ за другомъ давали ему присягу. Если государство поручалось опекуну, то сверхъ того требовалось отъ него защищать всѣми законными мѣрами питомца, а крѣпости и за̀мки его вручать только такимъ лицамъ, которыя были бы баронами и васаллами короны. Король долженъ быть коронованъ патріархомъ въ Іерусалимѣ, въ храмѣ св. Гроба. Впослѣдствіи, когда Іерусалимъ былъ отнятъ (1187 г.) у христіанъ, Тиръ избрали мѣстомъ коронованія, если Іерусалимъ не находился снова въ рукахъ христіанъ. Если мѣсто Іерусалимскаго патріарха не было занято, то коронованіе совершалъ архіепископъ Тирскій, какъ первый архіепископъ королевства, вмѣсто же его архіепископъ Цезареи, а если и это мѣсто оставалось незанятымъ, то епископъ Назарета.

Король долженъ былъ являться на коронацію въ одеждѣ діакона,

съ подстриженными волосами (la tête deschevelée), въ сопровожденіи государственныхъ чиновъ, сенешаля, коннетабля, маршала и шамбеллана, вмѣстѣ съ ихъ подчиненными. Прежде нежели онъ получалъ корону, онъ долженъ былъ дать клятву въ томъ же, въ чемъ клялся предъ своими вассалами, и короновавшій прелатъ, надѣвая на него корону, давалъ ему такую же присягу и представлялъ его собравшемуся народу, какъ короля. Послѣ славословія и обѣдни, во время которой король сидѣлъ съ благоговѣніемъ на креслѣ предъ алтаремъ, короля подводили двое изъ высшаго духовенства къ алтарю, и прелатъ помазалъ его святымъ елеемъ и вручалъ ему пять знаковъ королевскаго достоинства: кольцо, какъ символъ вѣрности, мечъ для защиты правды и вѣры, корону, какъ символъ достоинства, скипетръ въ знакъ карательной власти, и шаръ, изображающій собою область королевства. Послѣ того онъ обращался къ новому королю съ привѣтствіемъ. Король цѣловалъ всѣхъ присутствующихъ прелатовъ и, вкусивъ св. причастія, снималъ корону съ головы. Прелатъ, вѣнчавшій его, бралъ наконецъ государственное знамя изъ рукъ коннетабля, кропилъ короля св. водою и передавалъ ему знамя. Король возвращалъ его опять коннетаблю.

По исполненіи всего этого, король въ сопровожденіи той же свиты, съ которою явился, шествовалъ въ Храмъ господень и приносилъ на алтарь, на которомъ Господь былъ поданъ Симеону, свою корону, съ тѣмъ чтобы ее выкупить какимъ-нибудь приношеніемъ, подобно тому, какъ былъ представленъ самъ Спаситель и выкупленъ жертвоприношеніемъ. Оттуда онъ отправлялся въ домъ Храмовниковъ, гдѣ со своими баронами и всѣми, кто желаетъ принять участіе, торжественно обѣдалъ, причемъ граждане Іерусалима прислуживали. Жителямъ св. города было предоставлено право прислуживать королю и его баронамъ за обѣдомъ того дня, въ который онъ носилъ всенародно корону на головѣ.

Въ присягѣ, которую давалъ король торжественно, излагались обязанности, принимаемыя имъ на себя вмѣстѣ съ короною. Онъ былъ защитникъ своей церкви и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто не нарушилъ правъ, пріобрѣтенныхъ ею отъ него или отъ его предшественниковъ; особенно онъ обязывался строго выполнять тѣ обязанности, которыя возлагались на него какъ на леннаго государя по отношенію къ васалламъ; на немъ же лежала обязанность защищать государство и подданныхъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Въ исполненіи этихъ обязанностей ему должны были содѣйствовать какъ патріархъ и бароны королевства, такъ и между должностными лицами сенешаль, коннетабль и маршалъ. Королю вмѣнялось также въ обязанность въ важныхъ случаяхъ призывать для совѣщанія патріарха, бароновъ королевства и важнѣйшихъ изъ рыцарей. Совершеннолѣтіе короля должно было по правилу начинаться съ истеченіемъ 25-ти-лѣтняго возраста, чему, впрочемъ, не всегда слѣдовали.

Поземельные владѣтели большей части Обѣтованной Земли были непосредственные (les barons) и посредственные (les homes dou Royaume) васаллы; ихъ отношенія между собою и къ королю, какъ къ верховному сузерену (seigneur) опредѣлялись условіями леннаго права.

въ своихъ владѣніяхъ они имѣли тѣ же права и ту же власть, какую имѣлъ король въ своихъ доменахъ, ибо коронная земля или государство было само баронствомъ. Степени ихъ опредѣлялись почти такъ же, какъ и въ другихъ феодальныхъ аристократическихъ странахъ. Статуты (Ассизы) Іерусалимскаго королевства различаютъ положительно три главныхъ класса васалловъ, а именно: высшихъ бароновъ, которые были непосредственными васаллами короля; простыхъ бароновъ, которые получали свой ленъ отъ высшихъ, и наконецъ такихъ, которые были васаллами простыхъ бароновъ (les barons, les homes dou Royaume и les homes liges).

Знатнѣйшими васаллами короны были слѣдующіе три могущественные князя: князь Антіохіи и графы Эдессы и Триполя. Мы знаемъ о ихъ отношеніяхъ къ королю немного больше того, что они были его васаллами и признавали то въ дѣйствительности Изъ противодѣйствія этихъ бароновъ Іерусалимскимъ королямъ, которые даже уступали имъ въ могуществѣ, по крайней мѣрѣ князю Антіохіи, нельзя заключать, что они не признавали его своимъ сузереномъ, какъ ничего не доказываетъ сопротивленіе, напримѣръ, графовъ Шампани королямъ французскимъ: никто не видитъ въ подобныхъ случаяхъ доказательства того, что эти графы не были васаллами французскихъ королей. Въ ту эпоху (XIII столѣтіе), когда владѣтель Ибелина (см. о немъ ниже, въ ст. 76) старался возстановить обычаи (usages) Іерусалимскаго королевства, не было уже никакой надежды возвратить Антіохію и Эдессу; и потому ему казалось напраснымъ трудомъ заниматься изслѣдованіемъ правъ короны надъ этими землями. Вѣроятно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ король былъ въ состояніи приводить въ дѣйствительность свои права, мѣриломъ отношеній такихъ бароновъ къ коронѣ служило обычное ленное право французскаго королевства. Если заключать по аналогіи съ другими феодальными странами, то каждый изъ тѣхъ трехъ бароновъ долженъ былъ являться на судъ, въ которомъ присутствовали другіе двое подъ предсѣдательствомъ короля.

При нѣкоторыхъ оттѣнкахъ феодальнаго права въ отдѣльныхъ бароніяхъ, мы можемъ съ точностью опредѣлить только тѣ отношенія, которыя преобладали, и которымъ слѣдовали собственно въ Іерусалимскомъ королевствѣ, и, не смотря на то, мы будемъ чувствовать, при описаніи такихъ отношеній между сословіями, недостатокъ въ полнотѣ извѣстій.

Права васалловъ. Какъ король былъ господиномъ и властителемъ въ мѣстахъ, которыя ему принадлежали лично, такъ и бароны распоряжались въ землѣ, которая была поручена имъ для защиты; какъ король былъ предсѣдателемъ высшаго суда, на который онъ собиралъ своихъ васалловъ, такъ и бароны первенствовали въ судахъ, на которые являлись ихъ люди; какъ король, такъ и они, получивъ городъ, предоставляли его жителямъ право имѣть свой судъ; какъ король чеканилъ монету, такъ и бароны имѣли то же самое право. Въ судахъ этихъ бароновъ дарственная грамота верховнаго сузерена, скрѣпленная одною его печатью, не имѣла никакой силы; и никто не могъ основывать свои права на ленъ, зависящій отъ барона, на

подобной грамотѣ, если такое лицо не доказывало вмѣстѣ, что оно въ теченіе опредѣленнаго времени дѣйствительно владѣло этимъ леномъ съ согласія ближайшаго сузерена. Подобная дарственная грамота должна была даваться ближайшимъ сузереномъ и быть скрѣплена его печатью. Только тѣ, которые не имѣли собственнаго суда, должны были представлять свои грамоты ближайшему сузерену, имѣвшему судъ, и скрѣплять ихъ его печатью. Тѣми же правами пользовались патріархъ, архіепископы и епископы королевства, ибо ихъ церкви имѣли свои лены.

Ограниченія правъ васалловъ. Эти бароны были прежде всего ограничены въ томъ отношеніи, что они, получивъ свои лены отъ короля чрезъ доставленіе имъ значка, не могли произвольно ни другому передавать ихъ, ни отчуждать продажею въ цѣлости или по частямъ, и были, какъ относительно передачи, такъ и относительно продажи, связаны извѣстными условіями. Напротивъ того, король, обязанный своимъ государствомъ одному Богу, могъ по своей волѣ раздавать въ ленъ изъ своихъ земель монастырямъ, церквамъ, коммюнамъ и міряпамъ, и при этомъ имѣлъ право налагать ленныя обязанности или освобождать отъ нихъ. Его наслѣдники или преемники не смѣли ни подъ какимъ предлогомъ уничтожать такихъ его распоряженій. Во-вторыхъ, власть бароновъ надъ ихъ подданными была ограничена также и въ томъ отношеніи, что ихъ васаллы и граждане, жившіе въ ихъ городахъ, замкахъ и бургахъ, обязаны были повиновеніемъ королю, наравнѣ съ непосредственными васаллами и гражданами королевства, и потому ленные владѣтели давали королю ленную присягу, а граждане присягали ему на вѣрность, если онъ того отъ нихъ требовалъ. Во всемъ прочемъ второстепенные васаллы стояли къ своимъ баронамъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находились бароны къ королю.

Запрещеніе соединять нѣсколько леновъ въ однѣхъ рукахъ. Такъ какъ могло часто случаться, что одинъ человѣкъ получалъ свои лены отъ различныхъ сузереновъ, то по обычаю утвердилось слѣдующее правило: обязательства по первому лену имѣли предпочтеніе предъ обязательствомъ по ленамъ послѣдующимъ. Каждый могъ присоединять къ лену, по которому онъ былъ обязанъ личною службою, другіе лены съ тѣмъ же условіемъ, но онъ долженъ былъ уважать обязательства своей прежней присяги (homage), и по другому лену замѣнять личную службу поставкою рыцаря. Онъ могъ даже помогать своему прежнему сузерену противъ другого, если только послѣдній не присутствовалъ лично въ войскѣ: въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ обязанность удалиться и прислать сузерену своихъ людей. А чтобы предотвратить соединеніе многихъ служебныхъ леновъ въ однѣхъ рукахъ, что вредило государству, нуждавшемуся въ большомъ числѣ воителей, при многочисленности окружавшихъ враговъ, такіе служебные лены, по смерти васалла, соединившаго ихъ, раздѣлялись между его мужескими родственниками, если онъ имѣлъ таковыхъ и если они стояли съ нимъ въ одинаковой степени родства. Старшій выбиралъ первымъ, и за нимъ другіе по степени возраста. Если число леновъ превышало число мужескихъ родственниковъ, то допускались

къ дѣленію даже родственницы. Между ними способъ раздѣла былъ тотъ же, какъ и между родственниками.... Но лены, не несшіе на себѣ службы, доставались безъ всякаго раздѣла ближайшему наслѣднику покойнаго, и ни братья, ни сестры его не имѣли въ томъ никакой доли....

Опека. Если законный наслѣдникъ былъ малолѣтенъ, тогда назначалась опека. Опекунское управленіе за малолѣтняго, по общему положенію Іерусалимскаго права, принадлежало тому изъ совершеннолѣтнихъ родственниковъ, который, въ случаѣ смерти своего питомца, имѣлъ бы право наслѣдства первымъ послѣ него. А чтобы предотвратить злой умыселъ опекуна на жизнь питомца, его воспитаніе и охраненіе отдѣлялось отъ опеки. Если малолѣтній былъ второстепеннымъ васалломъ, то забота о его воспитаніи возлагалась на одного изъ родственниковъ; если же онъ былъ баронъ и имѣлъ васалловъ, то послѣдніе обязывались охранять его жизнь и зàмки. Только въ одномъ случаѣ отступали отъ этого правила: если малолѣтній получалъ ленъ при жизни отца и матери, то его родители имѣли прежде всѣхъ право опеки и воспитанія...

Совершеннолѣтіе. Совершеннолѣтіе для молодого человѣка начиналось только по исполненіи 25 лѣтъ, а у женщинъ послѣ 12 лѣтъ. Ленный владѣтель или владѣтельница должны были по достиженіи этого возраста просить сузерена предъ судомъ о снятіи съ нихъ опеки, и сузеренъ, удостовѣрившись въ ихъ лѣтахъ, долженъ былъ удовлетворить ихъ просьбу, но подъ условіемъ, чтобы мужчина былъ или сдѣлался рыцаремъ, а женщина выбрала себѣ храбраго мужа, который могъ бы отправлять военную службу. Тому, кто не былъ рыцаремъ, давался извѣстный срокъ для пріобрѣтенія этого званія. Если сузеренъ не былъ убѣжденъ въ законности возраста, то претендентъ долженъ былъ то доказать клятвенными показаніями двухъ христіанскихъ свидѣтелей или свидѣтельницъ.

Замужество. Незамужнимъ, получавшимъ ленъ или опеку, выборъ мужа не вполнѣ предоставлялся на ихъ свободу; даже въ случаѣ произвольнаго выбора онѣ лишались своихъ правъ при жизни мужа. Съ другой стороны, онѣ не могли оставаться незамужними, и до 60 лѣтъ обязывались, по востребованію сузерена, выходить замужъ. Если дама сама предоставила сузерену дать ей мужа, то онъ обязывался требовать у своего совѣта, чтобы онъ назначилъ въ теченіе 14 дней трехъ рыцарей, изъ которыхъ та дама сдѣлаетъ свой выборъ; если же сузеренъ промедлитъ, то она можетъ выйти замужъ, не спросясь сузерена...

Вдовство. Вдова (feme franche) барона получала на вдовій удѣлъ (doaire) половину его лена и половину всего движимаго и недвижимаго имущества. Сузеренъ не могъ принуждать вдову выйти замужъ, но и она не могла выбрать себѣ мужа безъ согласія сузерена и того лица, который получилъ другую половину лена или имѣлъ ее въ своей опекѣ. Если же она получала вмѣстѣ съ вдовьимъ удѣломъ и опеку надъ другою половиною или надъ какимъ-нибудь другимъ леномъ, то права сузерена возвращали всю силу. Вдовѣ предоставлялось, однако ограничиваться однимъ вдовьимъ удѣломъ, а опеку вручить самому

сузерену. Права вдовы на свой удѣлъ ограничивались доходомъ съ него. Все, что̀ оставалось отъ рыцаря сверхъ его лена, шло на покрытіе его долговъ; если же то было недостаточно, то вдова и наслѣдникъ брали на себя остальное пополамъ

Врученіе лена. Тѣ, которые получали ленъ, какой бы то ни было, отъ самого Іерусалимскаго короля, становились предъ нимъ на колѣни, клали себѣ руки вмѣстѣ въ его руки и говорили слѣдующія слова: Sire, je deviens home lige de tel fié et Vous promet je à garder et à sauver contre tous ceaux et toutes gens qui vivre et morir puissent (т.-е.: Государь, я становлюсь вашимъ васалломъ по такому-то лену, и обѣщаю Вамъ хранить и защищать его противъ всѣхъ тѣхъ людей, которые могутъ жить и умирать). Сузеренъ отвѣчалъ на это: „Во имя Господа, я принимаю васъ своимъ васалломъ; вѣрность и сохраненіе вашихъ правъ обезпечиваютъ и мои права". Послѣ того онъ давалъ васаллу поцѣлуй вѣрности. Такимъ образомъ, сузеренъ и васаллъ клялись взаимно выполнять свято обязанности и обоюдный долгъ. Вслѣдствіе того итальянскіе юристы феодальнаго права сравнивали отношеніе сузерена и васалла съ отношеніями супруговъ. Нарушеніе присяги имѣло такія же дурныя послѣдствія какъ для васалла такъ и для сузерена.

Обязанности васалла по отношенію къ сузерену. Заключаемый договоръ возлагалъ на васалла слѣдующія обязанности по отношенію его сузерена: a) онъ не долженъ ни самъ поднимать руку на своего сузерена, ни допускать къ тому другого, насколько то будетъ въ его власти;—b) не долженъ вести противъ него войну, если того не потребуетъ сузеренъ, которому онъ далъ прежде присягу;—c) обязанъ защищать сузерена отъ брани и оскорбленій со стороны кого бы то ни было, и ни въ какомъ случаѣ самому не содѣйствовать нарушенію чести или правъ и собственности своего сузерена; а слѣдовательно не присвоивать себѣ принадлежащаго ему, исключая случаевъ судебнаго приговора; — d) дочерей и сестеръ сузерена, пока онѣ живутъ незамужними въ его домѣ, и его жену, по мѣрѣ силъ, ограждать отъ всякихъ покушеній на ихъ честь и еще менѣе позволять то себѣ самому;—e) давать совѣты сузерену по совѣсти и по правдѣ, когда онъ попроситъ о томъ; — f) напротивъ, никому не помогать совѣтомъ во вредъ своему сузерену;—g) являться на судъ васалловъ, по призванію сузерена, для опредѣленія права или для его защиты, и вообще содѣйствовать отправленію правосудія;—h) доброхотно исполнять всѣ повинности, въ особенности же военную, по первому требованію сузерена, и такъ долго, пока онъ того желаетъ, но не свыше года; наконецъ, васаллъ обязанъ представлять себя заложникомъ за сузерена, если нужно тѣмъ его освободить изъ непріятельской темницы, и ручаться за него предъ своими единовѣрцами; если же въ сраженіи сузерену угрожаетъ опасность, то спасать его отъ смерти или плѣна, посадивъ снова на коня, или уступивъ ему своего въ томъ случаѣ, если конь сузерена палъ.

Обязанности сузерена по отношенію къ васалламъ. Тѣ же самыя обязанности имѣлъ и сузеренъ по отношенію своихъ васалловъ, если только онѣ были совмѣстны съ его высокимъ положеніемъ. Такъ, онъ

не могъ быть обязанъ представлять себя въ залогъ за плѣннаго васалла, но тѣмъ не менѣе онъ былъ долженъ охранять его отъ всякаго личнаго оскорбленія, защищать его собственность и честь, удовлетворять въ ленныхъ правахъ и помогать ему противъ другихъ. Сузеренъ не могъ безъ приговора суда васалловъ заключить своего васалла или лишить лена. Если васаллъ представилъ себя заложникомъ, то на сузеренѣ лежала священная обязанность освободить его при первой возможности и вознаградить за всѣ убытки, по его показанію, не выражая при этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Пока васаллъ не былъ удовлетворенъ, сузеренъ не имѣлъ права требовать отъ него новаго залога или поручительства.

Повѣщеніе о ленныхъ обязанностяхъ. Дѣйствительному исполненію васалльныхъ обязанностей должно было предшествовать со стороны сузерена извѣстное повѣщеніе (semonce). Съ обѣихъ сторонъ довѣряли, что сузеренъ безъ нужды не будетъ повѣщать васалловъ, и что васаллы не прибѣгнутъ къ уловкамъ, чтобы уйти отъ своихъ обязанностей. Въ повѣщеніи, которое сузеренъ дѣлалъ имъ чрезъ своего герольда (banier) или чрезъ трехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ представлялъ его самого, а другіе двое—судъ васалловъ, или, наконецъ, посредствомъ грамоты, обозначались характеръ службы, время, мѣсто и продолжительность. Въ крайнихъ случаяхъ сузеренъ могъ требовать немедленнаго сбора. Если васаллъ медлилъ исполненіемъ своихъ обязанностей, то герольду вѣрили, что онъ исполнилъ свое порученіе, пока васаллъ не доказалъ противнаго клятвою. Тотъ, кто получилъ повѣщеніе, и на службу не явился, считался вѣроломнымъ. Если васаллъ имѣлъ достаточное основаніе къ отказу отъ службы, то онъ долженъ былъ представить то немедленно герольду; если же онъ получилъ письмо, то письменно изложить свое извиненіе......

Освобожденіе отъ ленныхъ обязанностей. Васаллъ, достигшій 60 лѣтъ или страдавшій явнымъ тѣлеснымъ недостаткомъ, дѣлавшимъ его неспособнымъ къ личной службѣ, совершенно освобождался отъ личнаго исполненія ленныхъ обязанностей. Но въ первомъ случаѣ васаллъ долженъ былъ, по востребованію сузерена, представлять ему своего коня и вооруженіе.

Послѣдствія нарушенія ленной вѣрности. Сузеренъ или васаллъ, не исполнившій своего долга или своихъ обязанностей, считался вѣроломнымъ (foi menti), и чрезъ то терялъ навремя или навсегда выгоды заключеннаго имъ договора. Король Іерусалимскій стоялъ, какъ верховный сузеренъ, въ такомъ отношеніи не только къ своимъ непосредственнымъ васалламъ, но и къ васалламъ своихъ бароновъ. Всѣхъ соединяла одна связь, основанная на чести и вѣрности. Потому было такъ много неопредѣленнаго въ ленномъ правѣ, между тѣмъ какъ законодательство нашего времени старается заботливо установить все посредствомъ строгихъ формулъ. Но справедливый и честный умъ различаетъ, безъ тонкихъ опредѣленій закона, правду отъ неправды.

Вѣроломный васаллъ лишался своего лена, смотря по проступку, на годъ, или пожизненно, или вѣчно, то-есть, для себя и своего потомства.

Первое наказаніе относилось къ васалламъ, которые не являлись на судебную ленную службу или другія обязанности, кромѣ военной службы, отказъ отъ которой велъ за собою пожизненное лишеніе лена. Послѣднее наказаніе падало также на тѣхъ, которые не давали присяги на полученный имъ ленъ въ теченіе одного года и одного дня, или не явились на ленный судъ по обвиненію въ убійствѣ или въ нанесеніи смертельной раны. И другія менѣе тяжкія преступленія, въ которыхъ не было измѣны, подвергались такому же наказанію. Но на вѣчную потерю лена осуждались впавшіе въ ересь, отказавшіеся отъ христіанства и преступившіе противъ лица и собственности сузерена (traison). Къ послѣднему обстоятельству относились не только тѣлесныя оскорбленія, которыя могъ нанести васаллъ сузерену или его близкому родственнику, но также и то, если онъ выступалъ противъ него съ оружіемъ, выдавалъ его непріятелю, содѣйствовалъ его убійству или грабежу, продавалъ свой ленъ и безъ дозволенія сузерена сдавалъ городъ, крѣпость или бургъ, ввѣренный его охраненію, до истощенія съѣстныхъ припасовъ.

Если сузеренъ не исполнялъ своихъ обязанностей или нарушалъ права, честь или собственность васалла, то послѣдній освобождался отъ ленной повинности въ отношеніи своего сузерена, и притомъ, если сузеренъ совершилъ вѣроломство, то въ теченіе всей его жизни, а при меньшемъ проступкѣ—пока онъ пренебрегалъ своими обязанностями. Если, напримѣръ, кто-нибудь требовалъ своихъ денегъ, то онъ могъ не исполнить ленныхъ обязанностей, до тѣхъ поръ, пока не будетъ удовлетворенъ. Но васаллъ, заключенный безъ суда своимъ сузереномъ, освобождался отъ всякихъ повинностей и вѣрности въ отношеніи его, хотя на сузеренѣ оставались всѣ его обязанности. Васаллъ сузерена, который былъ самъ васалломъ, дѣлался чрезъ то зависимымъ отъ того, кому его сузеренъ былъ обязанъ своимъ леномъ

Прекращеніе леннаго договора. Ленный договоръ могъ быть прекращенъ сузереномъ, если васаллъ самъ уничтожалъ его своими проступками. Но за то васаллъ могъ освободиться отъ договора или возвращеніемъ лена, или передачею его, съ согласія сузерена, своимъ наслѣдникамъ...... Но тѣмъ не менѣе прежній васаллъ оставался навсегда обязаннымъ сохранять вѣрность и уваженіе къ своему бывшему сузерену, и освобождался отъ однѣхъ ленныхъ повинностей...

Препорученіе лена. Такъ какъ въ Святой Землѣ было много рыцарей, которые стояли въ различныхъ отношеніяхъ къ своему западному отечеству и были потому вынуждены дѣлать частыя путешествія, то васалламъ Іерусалимскаго королевства предоставлялось, съ разрѣшенія сузерена или по опредѣленію суда, отказаться на извѣстное время отъ ленныхъ повинностей, и въ такомъ случаѣ васаллъ препоручалъ свой ленъ сузерену (comandoit son fiè). Во все это время сузеренъ вполнѣ пользовался препорученнымъ леномъ, и ни онъ, ни его преемники не были обязаны, въ теченіе одного года и одного дня, возвращать опять такой ленъ удалившемуся васаллу или, въ случаѣ его смерти, его наслѣдникамъ. За то сузеренъ обязывался охранять ленъ отъ всякаго посторонняго завладѣнія. Но тотъ, кто оставлялъ свой ленъ, не препоручивъ его сузерену, рисковалъ поте-

рять свое владѣніе въ пользу того, кто успѣлъ его захватить, и сузеренъ могъ за такую отлучку взять ленъ себѣ на одинъ годъ и одинъ день...

Связь сузерена съ своими васаллами и васалловъ между собою. При нарушеніи ленныхъ правъ и обязанностей, всѣ соединенные узами взаимной вѣрности стояли одинъ за другого, и всѣ за одного. Если сузеренъ нарушалъ свои обязанности въ отношеніи васалла, то всѣ совасаллы отказывались помогать ему; если же васаллъ не исполнилъ своего долга и не соблюлъ вѣрности, то васаллы принуждали его возвратиться на путь долга, и даже его собственные васаллы возставали противъ него. Такимъ образомъ, ленный порядокъ вещей могъ существовать и быть полезнымъ только при честности и искренности членовъ общества; но едва только исчезали вѣрность, честность и честь, являлось на сцену самолюбіе и кулачное право, и тѣ самыя средства, которыя предназначались для поддержки оскорбленнаго, дѣлались предметомъ злоупотребленій. Укоризны, которыя такъ часто произносятся противъ леннаго быта, относятся именно къ эпохѣ перерожденія членовъ феодальнаго общества.

Васаллы имѣли два способа для надзора за соблюденіемъ леннаго права и обязанностей. Во-первыхъ, они были членами леннаго суда (Assises), и произносили приговоры или являлись свидѣтелями. Во-вторыхъ, если сузеренъ самовластно распоряжался, отказывалъ въ судѣ и не исполнялъ судебныхъ приговоровъ, или васаллъ нарушалъ свои обязанности и повиновеніе суду; въ обоихъ этихъ случаяхъ васаллы были принуждены силою принудить какъ сузерена, такъ и васалла, исполнить свой долгъ, ибо, сообразно присягѣ, на нихъ лежала одинаковая обязанность, какъ соблюдать повиновеніе своему сузерену, такъ и охранять законы и обычаи Іерусалимскаго королевства (les Assises et les Usages dou Royaume).

Потому если сузеренъ заключилъ одного изъ васалловъ безъ судебнаго приговора, то всѣ *перы* (pairs, отъ лат. слова *pares*, *равные*, т. е. совасаллы) заключеннаго были обязаны, по требованію его родственника, идти къ сузерену, требовать освобожденія и ходатайствовать, чтобы онъ былъ представленъ на судъ. Если сузеренъ отказывалъ имъ, безъ уважительныхъ причинъ, то васаллы обязывались силою оружія освободить заключеннаго, но при этомъ они не могли дѣйствовать, еслибы сузеренъ лично защищалъ входъ въ темницу. Не имѣя права, по долгу вѣрности, биться лично съ сузереномъ, они въ такомъ случаѣ отказывали ему въ повиновеніи, пока онъ не удовлетворитъ ихъ просьбѣ. Такимъ же образомъ они поступали и тогда, когда сузеренъ лишалъ кого нибудь лена или одной части его. Они сначала повѣщали своего сузерена и требовали представить васалла на судъ, и, въ случаѣ отказа, или вводили его силою во владѣніе, или, въ случаѣ невозможности, сами отказывались отъ повиновенія...

Какъ васаллы принуждали сузерена къ исполненію обязанностей, подобно тому они смотрѣли строго за тѣмъ, чтобы ихъ совасаллы не нарушали ленныхъ обязанностей, и даже подвасаллы принуждали къ тому же своего сузерена. Если вассалъ, по приглашенію своего сузерена, не являлся на судъ, безъ всякихъ достаточныхъ причинъ, то

его подвасаллы имѣли обязанность требовать отъ него, чтобы онъ явился въ 14-дневный срокъ на судъ сузерена, куда они его сопровождали и поддерживали. Они должны были вытребовать отъ сузерена обезпеченіе для его лица, и тотъ не могъ имъ отказать, или иначе они стали бы поддерживать своего ближайшаго сузерена въ упорствѣ не являться на судъ. Но если васаллъ въ 14-дневный срокъ не являлся, то подвасаллы оставляли его и переходили на сторону верховнаго сузерена. Точно также они были обязаны, въ случаѣ вражды ихъ ближайшаго сузерена съ его верховнымъ сузереномъ, требовать отъ перваго, чтобы онъ въ 14 дней прекратилъ всѣ неудовольствія судомъ, и въ случаѣ отказа брать сторону верховнаго сузерена. Съ своей стороны, сузеренъ обязывался въ 14-й день вручить имъ тѣ лены, которые они утратили вслѣдствіе разрыва съ своимъ сузереномъ. Если сузеренъ медлилъ, то подвасаллы имѣли право возвращаться къ своему непосредственному сузерену и помогать ему до тѣхъ поръ, пока они не будутъ вознаграждены за свою потерю.

Но другое и главное средство возстановленія правъ и сохраненія законовъ и обычаевъ королевства составлялъ ленный судъ, собиравшійся около сузерена и извѣстный подъ именемъ *Верхней Палаты* (la haute Court), и судъ горожанъ или *Нижняя Палата* (la baisse Court, или la Court des bourgois). Обѣ палаты дѣйствовали на основаніи составленныхъ еще въ первое время существованія Іерусалимскаго королевства законовъ и на основаніи обычаевъ (Assises et Usages), какъ они были записаны при Готфридѣ Бульонскомъ и составили кодексъ феодальнаго права, извѣстный подъ именемъ *Letre dou Sepoulcre* (Письма Гроба Господня), или *Livre des Assises et des bons usages dou roiaume de Iherusalem* (Книга судебныхъ приговоровъ и добрыхъ обычаевъ Іерусалимскаго королевства). См. о томъ въ слѣдующей статьѣ.

Фридр. Вилькенъ.

Geschichte der Kreuzzüge, nach morgenländischen und abendländ. Berichten. Leipz. 1807, I, 314—375.

Фридрихъ Вилькенъ (Fr. Wilken) былъ профессоромъ исторіи въ Берлинскомъ университетѣ при самомъ его основаніи. Его „Исторія крестовыхъ походовъ“, въ 7 томахъ (Лейпц. 1807—1832) принадлежитъ къ числу самыхъ капитальныхъ произведеній средневѣковой исторической науки нынѣшняго столѣтія. До Вилькена, крестовая эпоха была предметомъ или восторговъ, или безусловныхъ порицаній, смотря по личному настроенію автора. Вилькенъ первый изучилъ крестовые походы научнымъ образомъ, и, не смотря на давность времени и успѣхи въ дальнѣйшей разработкѣ матеріаловъ, трудъ Вилькена, какъ цѣлое, не имѣетъ до сихъ поръ ничего равнаго себѣ для исторіи крестовыхъ походовъ. Главная заслуга Вилькена состоитъ въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на восточныхъ писателей и сопоставилъ ихъ съ западными. См. подробный разборъ труда Вилькена у *Зибеля* въ его Geschichte des ersten Kreuzzugs. Bonn. 1841, 168 стр. и слѣд.

---

76. — Историческій прологъ и эпилогъ къ „Письмамъ Гроба Господня", или Ассизамъ Іерусалимскаго королевства. 1099 г.

(Около 1250 г.).

КНИГА ЖАНА ИБЕЛИНА.

ГЛАВА I.

Здѣсь начинается

Книга Ассизъ,

и добрыхъ обычаевъ Іерусалимскаго королевства, которые были постановлены и изложены письменно герцогомъ Готфридомъ Бульонскимъ, избраннымъ тогда, по общему согласію, королемъ и сузереномъ упомянутаго королевства, и по опредѣленію патріарха Іерусалимскаго, который самъ былъ тогда только-что избранъ и посвященъ, и по совѣту другихъ королей, и князей, и бароновъ, которые жили послѣ герцога Готфрида.

[1]) Когда святой городъ Іерусалимъ былъ завоеванъ у враговъ Креста и возвращенъ въ руки и во власть вѣрныхъ во І. Христѣ, въ годъ отъ воплощенія тысяча и девяносто-девятый, въ одну изъ пятницъ, пилигримами, которые двинулись въ походъ для завоеванія его, по слову креста, проповѣданнаго убѣжденіями Петра Пустынника, князья и бароны, завоевавшіе городъ, избрали королемъ и господиномъ Іерусалимскаго королевства герцога Готфрида Бульонскаго; онъ принялъ власть, но не хотѣлъ быть ни коронованъ, ни помазанъ на упомянутое королевство, потому что не желалъ носить золотую корону тамъ, гдѣ царь царей, Іисусъ Христосъ, сынъ божій, носилъ въ день страданія терновый вѣнецъ. Обративъ большое вниманіе и сильно стремясь къ тому, чтобы поставить свое королевство на степень благосостоянія, и чтобы его васаллы, и его народъ, и всякаго рода люди, прибывающіе и остающіеся въ упомянутомъ королевствѣ, были охраняемы, управляемы, содержимы, руководимы и судимы (gardés et gouvernés, tenus et maintenus, ménés et justisiés à dreit et à raison) по

---

[1]) Quant la sainte cité de Jerusalem fu conquise sur les ennemis de la Croiz et remise el poier des feauz Ihesu Crist, en l'Incarnation de M. et LXXXXVIIII, par un vendredi, par les pelerins qui se murent à venir conquerre la par le preeschement de la croiz, qui fu preeschiée par l'enortement de Pierre li Ermites, et que les princes et les barons, qui l'orent esleu à rei et à seignor dou roiaume de Jerusalem le duc Godefroi de Buillon, etc.

праву и по разуму, онъ избралъ, по совѣту патріарха святого города и церкви Іерусалимской, и по совѣту князей и бароновъ, и старѣйшинъ, мужей свѣдущихъ, какихъ онъ могъ тогда имѣть для разспроса и разузнанія у жителей различныхъ земель, каковы были обычаи въ ихъ землѣ. И когда тѣ, которыхъ онъ выбралъ для этой работы, успѣли все разузнать и развѣдать, они написали и изложили все то письменно, и принесли написанное къ герцогу Готфриду. Онъ собралъ патріарха и другихъ вышепоименованныхъ, показалъ имъ и далъ прочесть предъ ними написанное. Послѣ же, по ихъ совѣту и согласію, онъ соединилъ изъ всего написаннаго то, что̀ имъ показалось пригоднымъ, и отсюда образовались *Ассизы* и *обычаи*, которыхъ должно держаться и употреблять въ Іерусалимскомъ королевствѣ, и которыми его васаллы, и его народъ, и всякаго рода другіе люди, отправляющіеся, приходящіе и пребывающіе (alanz et venans et demorans) въ его королевствѣ, должны быть управляемы, охраняемы, содержимы, руководимы и судимы на основаніи права и обычая упомянутаго королевства.

ГЛАВА II.

О томъ,

какимъ образомъ герцогъ Готфридъ учредилъ двѣ свѣтскихъ палаты: одну, Верхнюю Палату, которой онъ самъ былъ предсѣдатель и судья; и другую, Палату Гражданъ, называвшуюся также Палатою Виконта.

Герцогъ Готфридъ учредилъ двѣ свѣтскихъ палаты: одну, *Верхнюю Палату* (la Haute Court), которой самъ былъ предсѣдателемъ и судьею; а другую, *Палату гражданъ* (la Court de la Borgesie), въ которой онъ поставилъ одного изъ бароновъ (un home) на свое мѣсто, чтобы онъ былъ предсѣдателемъ и судьею, а называли его виконтомъ (Visconte, намѣстникъ). Судьями же Верхней Палаты онъ назначилъ своихъ бароновъ-рыцарей, которые обязывались ему вѣрностью на основаніи данной ими присяги; а Палату Гражданъ составилъ изъ жителей города, самыхъ честныхъ и умныхъ, какіе только нашлись. И члены (jurés) Палаты Гражданъ дали клятву, что будутъ судить по книгѣ Ассизъ Палаты Гражданъ. И постановилъ онъ, что самъ король и его бароны, и ихъ васаллы и всѣ рыцари будутъ являться на судъ въ Верхнюю Палату, а другіе, которые не захотятъ судиться въ Верхней Палатѣ, пусть идутъ въ Палату Гражданъ; граждане же всѣ будутъ судимы Палатою Гражданъ; распри гражданъ не могутъ и не должны быть разбираемы и судимы иначе, какъ въ Палатѣ Гражданъ. Все это было такимъ образомъ установлено по общему согласію короля, его бароновъ и гражданъ; такъ и послѣ этотъ порядокъ сохранялся и поддерживался въ томъ королевствѣ. Ассизы же и обычаи обѣихъ Палатъ походили одни на другіе не во всемъ, ибо высокіе бароны и тѣ, которые обязаны королю вѣрностью, и король

имъ, также ихъ васаллы и рыцари, не должны быть судимы, какъ граждане; и граждане, равно какъ и чернь, и простой народъ не могутъ быть судимы какъ рыцари. И было постановлено, что во всѣхъ городахъ и другихъ мѣстахъ королевства, гдѣ будетъ отправляться судъ, должны находиться висконтъ, судьи и Палата Гражданъ, для управленія народомъ, его руковожденія и суда по ассизамъ и обычаямъ, установленнымъ для Палаты Гражданъ. Готфридъ и другіе государи и короли вышеупомянутаго королевства, слѣдовавшіе за нимъ, роздали своимъ высокимъ баронамъ въ королевствѣ бароніи, сеньоріи, судебныя палаты, за что они обязались служить имъ лично и поставлять извѣстное число всадниковъ; служба же, которою они были обязаны своему королю, какъ то было до завоеванія земли (т.-е. Саладиномъ, до 1187 г.) будетъ объяснена въ концѣ этой книги.

ГЛАВА III.

О томъ,

как ассизы и обычаи Іерусалимскаго королевства были нѣсколько разъ исправляемы герцогомъ Готфридомъ и другими королями и государями, которые были послѣ него.

Послѣ того, какъ ассизы, по вышесказанному, были составлены и обычаи утверждены, герцогъ Готфридъ и короли и государи, слѣдовавшіе за нимъ въ этомъ королевствѣ, нѣсколько разъ исправляли ихъ. Всякій разъ, какъ они что-нибудь видѣли и узнавали, что было бы хорошо то или другое присоединить или уничтожить въ ассизахъ и обычаяхъ королевства, они тотчасъ же это и дѣлали, по совѣту съ патріархомъ Іерусалимскимъ, съ баронами и высокими васаллами королевства, и съ мудрѣйшими людьми, какихъ они могли найти, рыцарями, духовными и мірянами. И при каждомъ случаѣ король королевства, если ему было то удобно, собиралъ въ Акрѣ патріарха и вышеупомянутыхъ лицъ, и приказывалъ разспрашивать у людей свѣдущихъ, являвшихся со всѣхъ концовъ міра, объ обычаяхъ ихъ земель; и тѣ, которымъ было это поручено, излагали слышанное ими письменно и потомъ представляли королю; и король показывалъ патріарху и вышеупомянутымъ лицамъ, и, по ихъ совѣту и согласію, ассизы и обычаи королевства увеличивались или уменьшались: что оказывалось хорошимъ, то вносилось, и наоборотъ. Нѣкоторые изъ королей по нѣскольку разъ отправляли вѣстниковъ въ различныя страны свѣта для изслѣдованія и разузнанія обычаевъ тѣхъ земель и для исправленія, по возможности и по совѣсти, ассизъ и обычаевъ королевства. И они дѣлали поправки, совѣщевались съ вышеупомянутыми лицами, такъ, какъ имъ казалось то хорошо. И такъ они дѣлали много разъ въ теченіе многихъ лѣтъ, пока ассизы и обычаи не стали лучшими и самыми удобными, по возможности и по совѣсти, какъ для короля, такъ и для его бароновъ, рыцарей, пилигримовъ и всякаго рода людей,

входящихъ, выходящихъ и пребывающихъ въ королевствѣ, чтобы управлять, охранять, держать, руководить, вести и судить хорошо по правдѣ и по закону, и по достоинству каждаго.

ГЛАВА IV.

О томъ,

как явились къ королю Іерусалимскаго королевства сиріяне, и просили его и молили позволить имъ судиться по обычаю сиріянъ.

Послѣ того какъ герцогъ Готфридъ и другіе слѣдовавшіе за нимъ государи и короли вышеупомянутаго королевства установили ассизы и обычаи и устроили двѣ палаты, какъ о томъ было сказано прежде, эти ассизы, обычаи и норовы (usages, costumes) были переписаны, каждое отдѣльно, большими заглавными буквами, первая же буква, въ началѣ, позолочена, а рубрики (т.-е. содержаніе главы) написаны краснымъ. И такъ были отдѣланы и тѣ, и другіе ассизы, какъ Палаты гражданъ, такъ и Верхней Палаты; къ каждой хартіи прикладывалась печать и подпись короля, патріарха и іерусалимскаго висконта; назывались же эти хартіи *Письмами Гроба Господня* (Lettres dou Sepulcre), потому что онѣ были положены въ Гробѣ, въ большомъ ковчегѣ (huche). И когда иной разъ происходилъ споръ въ Палатѣ о какомъ-нибудь обычаѣ или ассизѣ и нужно было посмотрѣть написанное, то открывали этотъ ковчегъ, въ присутствіи девяти лицъ. А именно, при этомъ долженъ былъ находиться король, или кто-нибудь изъ его бароновъ на его мѣсто, и два его васалла, и патріархъ или пріоръ Гроба на его мѣсто, и два каноника, и висконтъ Іерусалима и два члена Палаты Гражданъ. Такимъ-то образомъ тѣ вышеупомянутые ассизы, обычаи и норовы были установлены и сохраняемы.—И послѣ того явился къ королю вышеупомянутаго королевства народъ сирійскій (le peuple des Suriens, т.-е. туземцы), и просилъ его, и молилъ дозволить имъ управляться обычаями сиріянъ, и чтобы у нихъ былъ свой начальникъ (chevetaine) и свои члены Палаты, и чтобы они могли рѣшать возникающія между ними распри по своимъ обычаямъ. И онъ учредилъ такую палату (т.-е. сирійскую), исключивъ изъ ея вѣдѣнія дѣла крови, когда кто-нибудь лишался жизни или члена, и дѣла Палаты Гражданъ; такія дѣла ему угодно было разбирать и рѣшать въ его присутствіи или въ присутствіи висконта. И председатель новой Палаты былъ названъ на ихъ арабскомъ языкѣ *раисъ* (rays); и назначили другихъ членовъ къ нее. Въ другихъ же мѣстахъ королевства Палата сирійская имѣла своихъ членовъ, но безъ раиса; мѣсто его занималъ бальи. Предъ нимъ разбирались дѣла сиріянъ, къ нему приходили, и присяжные (les jurès) той палаты составляли опредѣленіе, какъ бы въ присутствіи раиса, который былъ тѣмъ же, чѣмъ и висконтъ. И съ того времени, такимъ образомъ, управлялись сиріяне въ королевствѣ, какъ все то объяснено выше.

ГЛАВА V.

О томъ,

что государь, глава Іерусалимскаго королевства, и бароны, и прочіе васаллы, засѣдающіе въ палатѣ и въ судѣ, должны знать ассизы и обычаи вышереченнаго королевства.

Такъ-какъ мнѣ кажется справедливымъ и разумнымъ (droit et raison), чтобы государь, глава Іерусалимскаго королевства, и бароны, и прочіе знатные люди, засѣдающіе въ палатѣ и въ судѣ (qui ont court et coins et justice) знали ассизы и обычаи вышереченнаго королевства, и чтобы государь, прежде, нежели получитъ отъ Господа помазаніе и посвященіе въ короли, клялся сохранять ихъ во всей силѣ и поддерживать въ своемъ государствѣ, и чтобы его васаллы и васаллы его васалловъ сдѣлали то же самое; и такъ-какъ бароны, обязанные быть судьями въ своихъ судахъ, должны судить справедливо по ассизамъ и обычаямъ, то съ этою цѣлью я и началъ составлять эту *Книгу*, хотя въ то же время я самъ вполнѣ сознаю, что не имѣю въ себѣ ни довольно ума, ни знанія для исполненія такого дѣла. Но тѣмъ не менѣе я питаю довѣріе и надежду на всемогущество Бога Отца и на премудрость Бога Сына, и на милость Духа святого, который дастъ мнѣ и смыслъ, и благодать къ совершенію предпринятаго мною, на основаніи всего того, что я видѣлъ, узналъ и запомнилъ изъ словъ мудрѣйшихъ людей своего времени, съ которыми я бесѣдовалъ объ ассизахъ и обычаяхъ вышереченнаго королевства, и о тяжбахъ вышеупомянутой палаты (т. е. Верхней). Я самъ научился дѣйствовать, основываясь на томъ, что я видѣлъ, какъ они дѣйствовали и поступали. И молю св. Троицу, да ниспошлетъ она мнѣ благодать Духа святого, и да возмогу составить сію *Книгу* съ такимъ совершенствомъ, чтобы она послужила къ чести Бога, и на пользу моей души (de m'arme), и правительству народа Іерусалимскаго королевства, живущаго по справедливымъ ассизамъ и справедливымъ обычаямъ вышереченнаго королевства; и на пользу души и тѣла всѣхъ тѣхъ, которые прочитаютъ эту книгу или послушаютъ, какъ другіе будутъ читать. Я прошу, умоляю и заклинаю именемъ Бога, чтобы сказаннымъ мною не злоупотребили и не нарушили чьихъ-либо правъ; пусть пользуются моею книгою по справедливости, для защиты другого, смотря по своимъ обязанностямъ. Мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы этою книгою наставить всѣхъ тѣхъ, которые будутъ должны и получатъ право исправить ее, иное опустить, иное уничтожить.

Какъ мнѣ думается, прежде, нежели говорить въ этой книгѣ объ ассизахъ, объ обычаяхъ и тяжбахъ въ Верхней Палатѣ вышереченнаго королевства, я долженъ сказать о королѣ, который считается главою королевства, и объяснить, гдѣ онъ долженъ короноваться, и что при этомъ дѣлаетъ патріархъ, который возлагаетъ корону на главу и вѣнчаетъ его, и когда онъ носитъ корону на головѣ, и что

затѣмъ дѣлаетъ патріархъ, и всѣ прочіе люди королевства, послѣ того какъ онъ будетъ коронованъ; и какъ поступаютъ бароны и другіе знатные люди, засѣдающіе въ палатѣ и въ судѣ, и судьи, и адвокаты (les plaideors), пока король еще не коронованъ. И такъ, я начну свою книгу съ того, что я слышалъ о королѣ и прочемъ вышесказанномъ.

Эти 5 главъ составляютъ „Прологъ" къ *Книгѣ Ибелина*; съ шестой главы и до послѣдней, 273-й, восточный юристъ приступаетъ къ изложенію всего кодекса феодальнаго права: сказавъ сначала о королѣ, его вѣнчаніи и т. д., онъ долго останавливается на объясненіи устройства Верхней Палаты и процедуры ея дѣлъ; опредѣляетъ точно обязанности сузерена и васалловъ, и особенно подробно говоритъ о такъ-называемомъ *semonce*, т. е. повѣщеніи васалловъ сузереномъ объ исполненіи ими той или другой обязанности, ибо это повѣщеніе составляло краеугольный камень феодальнаго зданія (см. объясненіе semonce выше, на стр. 741); послѣднія главы, начиная съ 251, посвящены сначала (а именно всего 5 главъ, отъ 251 по 255) предмету въ то время весьма маловажному, а именно *виланамъ* (vilains, чернь, низкіе люди), т. е. массѣ населенія, стоявшей внѣ феодальнаго общества; потомъ онъ переходитъ къ описанію придворныхъ чиновъ, коннетабля, маршала и т. д. и исчисленію церквей, подчиненныхъ главнымъ метрополіямъ, васальныхъ баронствъ Іерусалимскаго королевства, городовъ, имѣющихъ Палаты Гражданъ и суды; наконецъ, двѣ послѣднія главы представляютъ огромный списокъ, въ которомъ обозначено, сколько рыцарей и пѣхоты должны поставлять свѣтскіе васаллы, и, въ случаѣ крайности, даже церкви: такъ, патріархъ Іерусалимскій ставилъ 500 пѣхоты; капитулъ Гроба 500; монастырь Іосафата 150; гора Сіонъ 150; Масличная гора 50; Храмъ Господень 50; Марія Латинская 50; городъ Іерусалимъ 500; Акра 500; Тиръ 100 и т. д. Послѣдняя глава 273 служитъ эпилогомъ, какъ первыя 5 составляли прологъ.

ГЛАВА CCLXXIII.

Вотъ,

послѣдняя глава этой Книги.

Вы видѣли выше ассизы и обычаи Іерусалимскаго королевства, какъ положилъ имъ основаніе Готфридъ Бульонскій, который былъ первымъ Іерусалимскимъ королемъ, хотя онъ и не хотѣлъ носить золотой короны; но объ этомъ мы сказали въ прологѣ къ этой книгѣ (т.-е. вь гл. I). Онъ царствовалъ одинъ годъ. Послѣ него правилъ Балдуинъ, его братъ, XVIII лѣтъ. Онъ былъ первый латинскій король, носившій корону Іерусалимскаго королевства, умеръ въ Египтѣ и былъ отнесенъ въ Іерусалимъ и погребенъ на Лобномъ-Мѣстѣ, предъ Голгоѳою, возлѣ брата Готфрида; на его гробницѣ написали слѣдующіе стихи:

Rex Baldewinus, Judas alter Machabeus,
Spes patrie, vigor ecclesie, virtus utriusque;

Quem formidabant, cui dona, tributa ferebant
Cedar et Egyptus, Dan ac homicida Damascus.
Proh dolor! in modico clauditur hoc tumulo [1]).

Послѣ него былъ коронованъ Балдуинъ Буржскій, по прозванію *Жало* (Aguillon), и онъ правилъ XVIII лѣтъ [2]), ведя добрую и хорошую жизнь, и при смерти сдѣлался каноникомъ Гроба. Послѣ него былъ коронованъ Фулько, зять вышеупомянутаго Балдуина; онъ правилъ XII лѣтъ и умеръ подъ Акрой, охотясь за заицемъ и былъ отнесенъ въ Іерусалимъ. И послѣ него правилъ Балдуинъ (III), его сынъ, XX лѣтъ. И послѣ него правилъ Амальрикъ, его братъ, XI лѣтъ. И послѣ него правилъ Балдуинъ (IV), его сынъ, прокаженный, XI лѣтъ; и онъ при своей жизни короновалъ малолѣтняго Балдуина (V), который былъ сыномъ маркиза. При жизни всѣхъ этихъ семи королей, что составляетъ 86 лѣтъ, ассизы были составлены и утверждены. До завоеванія этой земли (т.-е. Саладиномъ, въ 1187 г.), ими пользовались какъ нельзя лучше; мы же имѣемъ о нихъ довольно скудныя свѣдѣнія, и то, что знаемъ, знаемъ по слуху и по обычаю. И мы считаемъ ассизомъ то, что, мы видимъ, употребляется какъ ассизъ; намъ говорятъ, что это ассизъ, и что неизвѣстно, отмѣненъ ли онъ, или нѣтъ; но говорятъ всегда по совѣсти и по разумѣнію. Ассизами пользовались лучше и вѣрнѣе въ прежнемъ Іерусалимскомъ королевствѣ, до завоеванія этой земли (т.-е. до 1187 г.), гдѣ находились ассизы, какъ о томъ сказано въ прологѣ къ книгѣ: *по завоеваніи же земли, все было потеряно* (et après la terre perdue, fut tot perdu) [3]). Но старые люди передали намъ достаточно свои юридическія познанія. Король Амальрикъ (II, король Іерусалима и Кипра) [4]), о которомъ мы читаемъ въ *Книгѣ завоеванія* (Livre dou Conquest) [5]), что онъ выкупился изъ темницы въ Дамаскѣ, и который былъ бѣднымъ принцемъ (un povre vallet), прошелъ всѣ должности въ государствѣ, отъ шамбеллана до коннетабля, и былъ впослѣдствіи королемъ обоихъ королевствъ (Іерусалима и Кипра), и обоими управлялъ до самой смерти хорошо и благоразумно; онъ зналъ обычаи и ассизы лучше всѣхъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ видѣвшіе его, и многіе изъ нихъ со-

---

[1]) Т. е. „Король Балдуинъ, второй Іуда Маккавей, надежда отечества, опора церкви, доблесть обоихъ, котораго боялись, которому несли дары Цезарь и Египетъ, и Данъ, и человѣкоубійца Дамаскъ. О горе! онъ скрытъ въ этой скромной могилѣ".

[2]) Хронологическія указанія Ибелина не всегда вѣрны, или ошибались его переписчики: 18 вмѣсто 13 (1118—1131).

[3]) На основаніи этого замѣчанія, полагаютъ, что настоящій текстъ Ассизъ, временъ Готфрида, погибъ при взятіи Іерусалима Саладиномъ, въ 1187 г.

[4]) Амальрикъ II былъ братъ Гвидо Лузиньяна и наслѣдовалъ ему на о. Кипрѣ; но по удаленіи Ричарда Львиное-Сердце, когда поставленный имъ король Генрихъ Шампанскій умеръ, вдова его, Изабелла, вышла въ третій разъ замужъ за Амальрика II и доставила ему титулъ короля Іерусалимскаго (1196—1210).

[5]) Ни одинъ историкъ не упоминаетъ о плѣнѣ Альмарика; а сочиненіе, приводимое Ибелиномъ, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

хранилъ на память. Но мессиръ Рауль Тиверіадскій (Raou de Thabarie) былъ еще ловче (soutil) его, такъ-что вышеупомянутый король весьма просилъ мессира Рауля, до своей ссоры съ нимъ, чтобы они оба вмѣстѣ и другіе два васалла снова написали ассизы, и говорилъ король, что онъ много знаетъ и много помнитъ, такъ-что мало бы чего недоставало. Мессиръ Рауль отвѣчалъ, что онъ своихъ познаній не сообщитъ ни одному гражданину или писателю изъ низшаго класса. — Если же я въ чемъ-нибудь изъ сказаннаго мною ошибся, или чего-нибудь не понялъ, то прошу всѣхъ, кто прочтетъ мою книгу, помолиться нашему Господу, чтобы онъ, въ своемъ нѣжномъ милосердіи, привелъ и меня самого, и всѣхъ христіанъ къ истинному раскаянію, къ правой вѣрѣ и къ полному покаянію и къ честному концу. Аминь.

Графъ Яффы Жанъ Ибелинъ.

Livre des assises et des bons usages dou roiaume de Iherusalem.—Изд. *Beugnot*, Recueil des histor. des croisades. Lois. t. I (гл. I—V и CCLXXIII).

Графъ Яффы Жанъ Ибелинъ [1]) (comte de Jaffa Jean d'Ibelin), принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ Палестинѣ (см. родосл. табл.) въ то же время былъ первоклассным юристомъ феодальнаго права. Онъ жилъ въ половинѣ XIII стол. и принималъ участіе въ первомъ крестовомъ походѣ Лудовика IX Св. Въ своемъ „Прологѣ", Ибелинъ объясняетъ причины, побудившія его взяться за трудъ составленія сборника ассизъ, или Іерусалимскихъ законовъ, подлинникъ которыхъ погибъ при взятіи Іерусалима Саладиномъ, въ 1187 году [2]). Когда, сто лѣтъ спустя послѣ смерти Ибелина, владѣнія христіанъ на Востокѣ ограничивались однимъ о. Кипромъ, ассизы продолжали дѣйствовать въ Никосіи, столицѣ Кипрскаго королевства; но при разнообразіи сборниковъ и ихъ противорѣчіи необходимо было установить одинъ изъ нихъ, какъ оффиціальный кодексъ. Въ 1368 г., король Кипра, Петръ II Лузиньянъ, составилъ съ этою цѣлью коммиссію, которая остановилась на „Книгѣ Жана Ибелина"; такимъ образомъ, съ того времени, трудъ Ибелина изъ простого литературнаго памятника сдѣлался оффиціальнымъ судебнымъ кодексомъ, который сохранялъ свою силу до 1489 г., когда Кипромъ овладѣли венеціане. Венеціане оставили побѣжденнымъ ихъ прежнее законодательство, но, видя, что древнее законодательство испорчено позднѣйшими вставками, они опредѣлили въ 1531 году повторить работу 1368 года и назначили коммиссію для просмотра всѣхъ ходившихъ тогда по рукамъ манускриптовъ. Коммиссія очистила трудъ Іоанна Ибелина, перевела его на итальянскій языкъ, и одинъ экземпляръ оставила въ Никосіи, а другой препроводила въ библіотеку, въ Венецію. Въ 1570 г. турки овладѣли Кипромъ, и ассизы, послѣ почти 500-лѣтняго существованія, прекратили свои дѣйствія и

---

[1]) Ибелинъ, замокъ въ Палестинѣ, давшій свое имя одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Іерусалимскаго королевства, къ которой принадлежалъ и нашъ авторъ.

[2]) Жанъ Ибелинъ собралъ Ассизы только одной Верхней Палаты.

погибли бы совершенно, если бы Венеція не сохранила для себя другого экземпляра. Этотъ-то экземпляръ, уцѣлѣвшій въ Венеціанской Библіотекѣ, и послужилъ оригиналомъ для послѣдующихъ изданій „Книги Жана Ибелина".— *Изданія:* лучшее и послѣднее помѣщено въ сборникѣ Французской Академіи Наукъ, Recueil des historiens des croisades. Lois. Par. 1841, т. I, съ критическимъ предисловіемъ Беньо (Beugnot). Отдѣльное изданіе сдѣлалъ *V. Foucher* съ двумя текстами: старо-французскимъ и итальянскимъ, по манускрипту Венеціанской библіотеки: Assise du royaume de Jérusalem etc. Rennes. 1839, томъ первый въ двухъ частяхъ. — *Изслѣдованія:* у Вилькена, въ первомъ томѣ его Исторіи крестовыхъ походовъ, вся 14 глава, и Beilage III (см. извлеченіе изъ этой 14 гл. выше, на стр. 734).

---

77. — Извлеченіе изъ „Писемъ Гроба Господня" или Ассизъ Іерусалимскаго королевства. 1099 г.

I.

Ассизы Верхней Палаты.

(Около 1250 г.).

Собиратель ассизъ Верхней Палаты, жившій въ XIII столѣтіи, посвящаетъ первыя *пять* главъ своего сборника на прологъ, въ которомъ объяснено происхожденіе ассизъ Іерусалимскаго королевства и причины, побудившія ученаго юриста взяться за свой трудъ (см. о томъ выше, въ ст. 76, на стр. 745). Послѣдующія затѣмъ 268 статей, за исключеніемъ послѣдней статьи, а именно, по общему числу 273-й (см. выше, на стр. 750), заключаютъ въ себѣ самый полный сборникъ феодальнаго права и феодальныхъ учрежденій, сложившихся въ западной Европѣ и видоизмѣненныхъ подъ вліяніемъ особаго положенія латинскихъ колонистовъ на Востокѣ. Эти ассизы служатъ весьма важнымъ пополненіемъ историковъ того времени, обращавшихъ вниманіе на политическую и военную сторону предпріятія крестоносцевъ, между тѣмъ какъ въ ассизахъ отразился весь внутренній міръ феодальнаго общества, перенесеннаго на новую почву.

Самую важную часть ассизъ, какъ феодальнаго памятника (см. обзоръ ихъ содержанія выше, на стр. 750), составляютъ тѣ главы, въ которыхъ опредѣляются отношенія сузерена къ васалламъ, права сузерена и права васалловъ, основанныя на обоюдномъ договорѣ и потому влекущія за собою обязанности какъ для сузерена, такъ и для его подданныхъ. Объяснивъ, наконецъ, случаи, въ которыхъ васаллъ можетъ поднять оружіе противъ своего сузерена, и какія должны были при этомъ соблюдаться формальности (гл. CCXI), составитель ассизъ весьма долго останавливается на одномъ изъ важнѣйшихъ правъ сузерена, а именно на *правѣ повѣщенія* (droit de semonce) [1]) своихъ

[1]) См. объясненіе этого права выше, на стр. 741.

васалловъ, и посвящаетъ одному этому вопросу цѣлыхъ 16 параграфовъ (отъ CCXII до CCXXVIII), изъ которыхъ мы увидимъ, что Іерусалимскіе Ассизы не были кодексомъ закона въ нашемъ смыслѣ этого слова, но скорѣе юридическимъ сборникомъ, который давалъ и судьѣ, и подсудимому совѣты не только какъ поступать въ извѣстномъ случаѣ, но и какъ выражаться, какъ вести слѣдствіе и т. п. Это скорѣе мемуары юриста изъ его судебной практики, нежели положительное законодательство.

ГЛАВА CCXII.

О томъ,

какимъ образомъ сузеренъ долженъ повѣщать своего васалла или васалку о явкѣ на судъ, если на нихъ есть жалоба; и когда ихъ повѣстятъ, и они пришлютъ извиненіе, какъ слѣдуетъ повѣрять ихъ извиненія, и чрезъ кого; и если они не явятся въ назначенный день, или ихъ извиненіе не будетъ засвидѣтельствовано, то противникъ долженъ жаловаться своему сузерену, и какъ сузеренъ обязанъ поступить.

Если кто-нибудь жалуется сузерену на одного изъ его васалловъ (homes) по какому бы то ни было дѣлу, сузеренъ, по ассизу и обычаю Іерусалимскаго королевства, не можетъ и не долженъ повѣщать (semondre) о явкѣ на судъ иначе, какъ своею собственною особою. Если же сузеренъ повѣщаетъ кого-нибудь изъ своихъ васалловъ чрезъ посредство другихъ трехъ, своихъ же васалловъ, чтобы онъ явился къ нему на судъ по дѣлу, въ которомъ на него жалуются, повѣщаемый отвѣчаетъ: „Я извиняюсь (je suis essoignès), потому что не могу явиться"; и если ему при этомъ назначаютъ день и часъ явки на судъ, и онъ извиняется, что въ этотъ часъ и день ему невозможно явиться, то въ первый разъ ему должно вѣрить на-слово. Но если сузеренъ повѣщаетъ его письмомъ или чрезъ знаменосца (banier), и онъ будетъ извиняться, то онъ долженъ изложить свое извиненіе (essoine) предъ сузереномъ чрезъ своего нарочнаго... Если же истецъ (le clamant), нѣсколько дней спустя, скажетъ сузерену, что онъ не вѣритъ, чтобы обвиненный былъ повѣщенъ, и будетъ просить и умолять о своемъ удовлетвореніи, сузеренъ обязуется снова послать съ повѣщеніемъ о явкѣ на судъ обвиненнаго. И если тотъ снова извиняется, и истецъ объявитъ, что онъ не вѣритъ ему, сузеренъ долженъ послать трехъ изъ своихъ васалловъ, одного на мѣсто себя, и двухъ отъ палаты, и они должны убѣждать его явиться въ палату по такому-то дѣлу, и назвать его при этомъ по имени и объявить, по какому дѣлу. И если онъ скажетъ, что извиняется и не можетъ идти, то они должны отвѣчать, что противникъ не вѣритъ, а что они пришли отъ сузерена и отъ палаты убѣждать его идти въ судъ, или въ противномъ случаѣ пусть онъ имъ докажетъ свое извиненіе, какъ то слѣдуетъ по ассизу и обычаю Іерусалимскаго королевства.

И онъ долженъ сдѣлать одно изъ двухъ: или идти по требованію сузерена, или дать установленную на этотъ случай клятву. И онъ долженъ клясться надъ святыми, что онъ извиняется въ невозможности идти на судъ; если онъ то сдѣлаетъ, то на этотъ разъ ему должно повѣрить. Если же онъ иначе поступитъ и не пойдетъ на судъ, то его извиненіе признается незаконнымъ, и онъ проигрываетъ свое дѣло, какъ о томъ сказано въ этой книгѣ, а именно, что тотъ, кто не удовлетворяетъ права, самъ теряетъ его. Послѣ нѣсколькихъ дней, если истецъ услышитъ, что подсудимый принесъ извиненіе и не явился, и подтвердилъ свое извиненіе клятвой, то онъ долженъ придти къ сузерену и сказать ему: „Сиръ, я вызываю на судъ такого-то — и называетъ его при этомъ по имени — день назначенный прошелъ; онъ представилъ извиненіе, а я вамъ говорю, что я не вѣрю; вы послали за нимъ, какъ то вамъ слѣдовало; но я не вѣрю тому, чѣмъ онъ извиняется; и потому я васъ прошу и умоляю удовлетворить меня, какъ вы то должны, и жалуюсь на него точно также, какъ и прежде“. И сузеренъ долженъ въ третій разъ послать за нимъ трехъ своихъ васалловъ отъ себя и отъ палаты, и съ ними вмѣстѣ врача (un fisicien) или хирурга (un selorgien), смотря по выставляемой обвиненнымъ отговоркѣ; врачъ долженъ быть также его обязательнымъ васалломъ (hom lige) и даетъ клятву въ томъ, что онъ освидѣтельствуетъ подсудимаго. Если же между такими васаллами не найдется ни одного врача, то посылается другой, который даетъ клятву показать по совѣсти. И тѣ три васалла должны убѣждать подсудимаго отъ имени сузерена явиться на судъ по такому-то дѣлу, и назвать его по имени, и сказать, въ чемъ состоитъ дѣло. Если же онъ опять будетъ извиняться, то тѣ три васалла отъ палаты, представляющіе собою сузерена, должны ему сказать: „Покажите причину отговорки этому врачу (le miege)“. И онъ долженъ согласиться на то, а докторъ обязанъ пощупать ему пульсъ (taster son pos) и посмотрѣть его урину. Если же его отговорка по части хирурга, то подсудимый обязывается показать ему свою рану въ присутствіи тѣхъ трехъ васалловъ, отправленныхъ сузереномъ. И если врачъ скажетъ, подтвердивъ свое показаніе клятвою, что подсудимый извиняется законно, то его нельзя трогать, пока онъ остается въ своемъ домѣ и говоритъ, что онъ не можетъ явиться на судъ. Но если врачъ или хирургъ не признаютъ причины отсрочки для явки на судъ, то онъ долженъ идти, или съ нимъ поступятъ какъ съ васалломъ, отказавшимся удовлетворить судъ: онъ теряетъ свое дѣло, какъ о томъ было сказано въ этой книгѣ, а именно, что тотъ, кто не удовлетворяетъ права, самъ теряетъ его (home qui defaut de venir faire le dreit la pert).

ГЛАВА ССХIII.

Если

сузеренъ повѣщаетъ какого-нибудь васалла о предстоящей ему службѣ, а васаллъ лишенъ своего лена или чего-нибудь другого, что захватилъ сузеренъ безъ опредѣленія и безъ вѣдома палаты, или сузеренъ долженъ былъ утвердить за нимъ ленъ, какъ то было обѣщано предъ палатою, и не исполнилъ того, то какимъ образомъ васаллъ можетъ не принять повѣщенія, пока сузеренъ не утвердитъ его въ ленѣ, или не возвратитъ должнаго, способомъ выше опредѣленнымъ.

Если кто-нибудь лишенъ (est merme) части своего лена (son fié), которую удерживаетъ за собою сузеренъ, безъ опредѣленія и безъ вѣдома палаты, или дѣло будетъ идти о томъ, чтобы сузеренъ утвердилъ въ ленѣ вассала, какъ то требовалось отъ него предъ палатою, а сузеренъ вмѣсто того повѣститъ его о какой-нибудь службѣ, которую онъ обѣщалъ исполнить, и вассалъ не захочетъ ни принять повѣщенія, ни отправить службу сузерену, то онъ долженъ сказать тому, кто повѣщаетъ: „Я не признаю того, чтобы я былъ долженъ принять это повѣщеніе, прежде нежели мой сузеренъ возвратитъ мнѣ удержанное изъ моего лена безъ опредѣленія и безъ вѣдома палаты, такъ-какъ въ ея собраніи я получилъ то—при этомъ говорится, что именно получено—и не хочу принимать, если палата не разберетъ дѣла"... И послѣ того онъ долженъ предстать предъ сузерена и сказать ему: „Сиръ, вы меня повѣстили о такой-то службѣ — и назвать при этомъ, о какой именно—вы же безъ опредѣленія и безъ вѣдома палаты задерживаете такую-то часть моего лена — и сказать именно какую—и я требовалъ отъ васъ возвращенія этой части предъ вашею палатою, а вы до сихъ поръ мнѣ не отдали ея и не представили палатѣ причины, по которой вы можете не возвращать принадлежащаго мнѣ, а потому и я не признаю того, чтобы я долженъ былъ принять ваше повѣщеніе, пока вы не возвратите должнаго мнѣ по лену и удержаннаго безъ опредѣленія и безъ вѣдома палаты, или пока не скажете причины, которая будетъ признана въ палатѣ уважительною; и я не приму никогда вашего повѣщенія, если палата не предпишетъ и не скажетъ, почему я долженъ: ибо я обязанъ предъ вами службою по своему лену, а меня лишили въ этомъ ленѣ части, которой я отъ васъ и требовалъ предъ вашею палатою — и сказать, именно какой части—а такъ какъ я обиженъ, то потому и не обязанъ вамъ службою, и не хочу быть обязанъ по вышеизложенной причинѣ, если палата не предпишетъ того. И палатѣ я буду повиноваться, сохранивъ за собою право протеста (sauf mon retenaill)". Такимъ образомъ, васаллъ прикроетъ себя повиновеніемъ палатѣ; а прикрывъ себя этимъ способомъ, *мнѣ кажется*, онъ не долженъ ни принимать вышеупомянутаго повѣщенія, ни отправлять тре-

буемой службы, пока палата не сдѣлаетъ своего распоряженія. И, мнѣ кажется, сузеренъ не можетъ думать, что палата предпишетъ принять повѣщеніе, пока онъ не возвратитъ должнаго васаллу, какъ того требовалъ послѣдній предъ палатою, или пока сузеренъ не объяснитъ палатѣ, почему онъ не долженъ возвращать.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 214 до 216, авторъ ассизъ разсматриваетъ съ такими же подробностями другіе случаи, когда васаллъ можетъ не принять повѣщенія отъ сузерена, и различныя обстоятельства, какія могутъ при этомъ происходить, какъ, напримѣръ, крайнюю опасность сузерена со стороны непріятеля, и какъ въ этомъ случаѣ поступать, смерть одного изъ повѣщающихъ на пути, и измѣнитъ ли это законность повѣщенія и т. д. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ перечисленію различнаго рода службъ, которыя могутъ требоваться сузереномъ отъ васалла.

ГЛАВА CCXVII.

О томъ,

какого рода бываютъ службы тѣхъ, которые обязаны являться на службу къ сузерену лично, и въ какомъ мѣстѣ служба должна быть отправляема.

Я намѣренъ упомянуть теперь о тѣхъ родахъ службы, которую обязаны нести васаллы предъ своимъ сузереномъ, кому они должны служить лично за лены, полученные отъ него, когда онъ самъ повѣщаетъ, или чрезъ другихъ, какъ то слѣдуетъ: 1) васаллъ долженъ являться, по повѣщенію, на конѣ и въ оружіи, во всякое мѣсто королевства, куда сузеренъ позоветъ самъ или чрезъ другихъ, и на всякую службу, какъ бы на войну, если повѣщеніе было сдѣлано какъ слѣдуетъ; и оставаться на службѣ, какъ то опредѣлено въ повѣщеніи, до одного года: на основаніи ассиза и обычая Іерусалимскаго королевства, нельзя повѣщать болѣе какъ на одинъ годъ. И тотъ, кто обязанъ служить лично или поставить рыцаря или пѣшаго воина, долженъ отправлять службу во всемъ королевствѣ, если повѣщеніе было правильно.—2) И если васаллъ призванъ въ палату, то онъ долженъ ходить съ порученіями къ тому или къ той, кого сузеренъ укажетъ, если только это не его противникъ, или если дѣло не касается его самого, ибо никто не можетъ показывать противъ себя, и къ тому не можетъ принудить ни сузеренъ, ни кто другой.—3) Васаллъ долженъ дѣлать показанія въ палатѣ, если то прикажетъ сузеренъ.—4) Долженъ отправиться къ убійцѣ, если сузеренъ предпишетъ идти отъ имени палаты.—5) Долженъ, по приказанію сузерена, присутствовать при освидѣтельствованіи нанесенныхъ имъ ударовъ, по поводу которыхъ онъ обвиненъ передъ палатою.—6) Долженъ ходить по всему королевству съ повѣщеніями отъ палаты, когда сузеренъ прикажетъ. — 7) Долженъ исполнять всякія порученія сузерена по

всему королевству. — 8) Долженъ ходить на раздѣлъ земли и воды, по приказанію сузерена.—9) Долженъ заниматься слѣдствіями, когда потребуютъ того отъ сузерена.—10) Долженъ ходить на осмотръ земель или другого чего, если сузеренъ прикажетъ отъ имени палаты. — 11) Наконецъ, долженъ исполнить всякую службу, которую должны нести члены палаты, когда сузеренъ распорядится.

И всѣ эти роды службы васаллы обязываются исполнять во всемъ королевствѣ и во всѣхъ мѣстахъ, куда сузеренъ ходитъ или не ходитъ, если повѣщеніе было сдѣлано законнымъ порядкомъ. Внѣ же предѣловъ королевства, васаллъ долженъ отправляться и служить сузерену только въ трехъ случаяхъ: 1) по случаю брака сузерена или его дѣтей; 2) для защиты его чести и вѣры; 3) когда его владѣніе въ очевидной опасности, или для общаго блага всей страны. И тотъ или тѣ, кого сузеренъ повѣститъ самъ, или чрезъ другихъ законнымъ порядкомъ, относительно трехъ послѣднихъ случаевъ службы, получатъ достаточное содержаніе (estauveirs), пока они будутъ на службѣ: всякій знаетъ, что у васалла нѣтъ средствъ за предѣлами своей земли... И женщина, если она имѣетъ ленъ, на которомъ лежитъ обязанность личной службы, должна служить сузерену тѣмъ, что выходитъ замужъ по повѣщенію своего сузерена, если онъ повѣститъ ее, что она должна вступить въ бракъ; когда же она вступитъ въ бракъ, то ея мужъ (baron) обязуется исполнять всѣ вышеупомянутые роды службы.

Глава 218 служитъ сокращеніемъ предыдущихъ главъ о формахъ повѣщенія.

ГЛАВА CCXIX.

О томъ,

что сузеренъ не долженъ повѣщать васалла о службѣ, если не имѣетъ въ томъ надобности, и васаллъ не долженъ безъ причины отговариваться отъ службы, въ случаѣ повѣщенія.

Сузеренъ не долженъ ни самъ, ни чрезъ другихъ, повѣщать о службѣ, если не имѣетъ въ томъ нужды. И васаллъ не долженъ отговариваться, въ случаѣ повѣщенія о службѣ, если не имѣетъ на то уважительной причины. Если же кто-нибудь изъ нихъ, сузеренъ или васаллъ, поступитъ иначе, то онъ сдѣлаетъ не то, что̀ слѣдуетъ, и не сохранитъ своей вѣрности къ другому, какъ то должно.

Въ послѣдующихъ главахъ. отъ 220 до 226, отчасти повторяется вышесказанное о формахъ повѣщенія, отчасти же дополняется новыми соображеніями въ такихъ случаяхъ, когда нужно рѣшить вопросъ о томъ, какъ поступить, если васаллъ можетъ самъ явиться на службу, а его лошадь заболѣла, или если повѣщающіе не застанутъ васалла дома и т. п.

ГЛАВА CCXXVI (bis).

О томъ,

какою службою обязанъ васаллъ сузерену, если онъ переступилъ извѣстный возрастъ или носитъ на себѣ слѣды очевиднаго увѣчья.

Есть ассизъ и обычай, по которому всѣ рыцари, переступившіе возрастъ *шестидесяти* лѣтъ (по другимъ манускриптамъ—*сорока* лѣтъ, что́ невѣроятно и составляетъ ошибку переписчика), или изувѣченные очевиднымъ образомъ, освобождаются отъ личной службы; и если такой извинится тѣмъ, что онъ переступилъ возрастъ, то сузеренъ получаетъ отъ него коня и оружіе взамѣнъ личной службы, всякій разъ когда пожелаетъ повѣстить.

ГЛАВА CCXXVII.

О томъ,

какимъ образомъ, когда и чрезъ кого сузеренъ повѣщаетъ женщину, которая имѣетъ ленъ, несущій на себѣ личную службу, чтобы она выбрала мужа; и если она, бывъ повѣщенною, не выберетъ, то какую пеню налагаетъ на нее сузеренъ.

Когда сузеренъ повѣщаетъ или приказываетъ повѣстить, законнымъ порядкомъ, женщину о томъ, чтобы она выбрала мужа (baron), если владѣетъ леномъ, несущимъ личную службу, или дѣвицу, которой достался подобный ленъ, то онъ долженъ предложить ей на выборъ трехъ бароновъ, и при томъ такихъ, которые равнялись бы по знатности ея прежнему мужу. И онъ долженъ повѣщать въ присутствіи двухъ или болѣе васалловъ, или чрезъ своихъ трехъ васалловъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ его самого, а двое отъ палаты. И тотъ, кто представляетъ его, обязанъ сказать такъ: „Госпожа, я предлагаю вамъ отъ имени такого-то сузерена — и называетъ его — трехъ бароновъ, такого-то, такого-то и такого-то — и называетъ ихъ — и повѣщаю, что вы должны въ такой-то день — и назначаетъ время — взять одного изъ трехъ мною названныхъ въ мужья“. И это онъ повторяетъ въ ихъ присутствіи три раза...... И когда женщина повѣщена и не выбрала въ назначенный срокъ одного изъ трехъ въ мужья, то она должна явиться къ сузерену и изложить причину отказа.

ГЛАВА CCXXVIII.

О томъ,

какимъ образомъ женщина, получившая оповѣщеніе объ избраніи мужа и переступившая возрастъ, можетъ отказаться отъ повѣщенія и сузеренъ не имѣетъ права наказать ее.

Если сузеренъ повѣщаетъ или приказываетъ повѣстить законнымъ образомъ женщину объ избраніи мужа, владѣющую леномъ, обязаннымъ личною службою, и переступившую возрастъ, то она должна придти къ сузерену или послать, кто ее замѣщаетъ, и въ присутствіи совѣта сказать: „Сиръ, вы приказали повѣстить госпожу такую-то— и называетъ ее—о службѣ, которую она должна нести вамъ лично, какъ женщина, пользующаяся леномъ отъ васъ; на это, сиръ, она отвѣчаетъ вамъ, а я за нее, слѣдующимъ образомъ: „она не принимаетъ вашего повѣщенія и не хочетъ принять, если палата не предпишетъ. И говоритъ почему: потому что она считаетъ себя освобожденною отъ личной службы, на которую она обязана, какъ женщина; и говоритъ, какимъ образомъ. Во-первыхъ и прежде всего, ей извѣстно, что есть ассизъ и обычай Іерусалимскаго королевства и Кипрскаго, по которому люди, несущіе личную службу и переступившіе 60 лѣтъ, освобождаются отъ службы“...... *Я не полагаю*, чтобы сузеренъ могъ ожидать отъ палаты, чтобы та предписала такой женщинѣ принять повѣщеніе объ избраніи мужа.

Въ слѣдующихъ главахъ авторъ продолжаетъ разсматривать другіе случаи въ отношеніяхъ женскихъ васалловъ къ сузерену и вообще говоритъ о значеніи лена; только въ концѣ онъ посвящаетъ нѣсколько словъ относительно управленія виланов, жившихъ въ ленѣ, и правъ сузерена на ихъ личность. Затѣмъ послѣднія главы Ассизъ посвящены статистическому описанію Іерусалимскаго королевства, исключительно съ военной стороны, т.-е. по отношенію числа войска, которое должны были поставлять королю духовные и свѣтскіе васаллы и города. Самая послѣдняя глава исчисляетъ Іерусалимскихъ королей, при которыхъ издавались ассизы (см. о томъ выше, на стр. 750).

II.

Ассизы палаты гражданъ.

(Между 1173 и 1183 г.).

ГЛАВА I.

Здѣсь

начинается книга de Justitia et Jure; она толкуетъ о правдѣ и о правѣ, а прежде всего о томъ, какимъ человѣкомъ долженъ быть виконтъ, и какими людьми должны быть присяжные въ Палатѣ, и какими людьми они не должны быть, и какъ они должны

управлять и судить всѣхъ мужчинъ и всѣхъ женщинъ, и всякое дѣло объ убійствѣ, грабежѣ, продажѣ, куплѣ, займѣ, домахъ, земляхъ, виноградникахъ, конныхъ и пѣшихъ людяхъ, и о всѣхъ вещахъ, которыя будутъ имъ представлены на разсмотрѣніе.

Въ началѣ этой книги мы должны сказать о правосудіи и о правѣ. И прежде всего слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы каждый мужчина и каждая женщина пользовались своимъ правомъ, ибо въ римскомъ законѣ (en Latin) правосудіе опредѣляется слѣдующимъ образомъ: *Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi* [1]). *Constans*, то-есть твердымъ, слѣдуетъ быть въ вѣрности и правосудіи, ибо тотъ, кто твердъ въ вѣрѣ и правосудіи, живъ будетъ и не умретъ. И римскій законъ говоритъ: *Justus ex fide vivit*, то-есть, праведный вѣрою живетъ. Равнымъ образомъ, правосудіе должно быть вѣчно, то-есть, безпрерывно, ибо и Давидъ говоритъ: *Justitia Dei manet in saeculum saeculi*, то-есть, правосудіе божіе продолжается во всѣ дни. А потому по долгу чести и правды мы должны заботиться прежде всего, чтобы воздать должное каждому мужчинѣ и каждой женщинѣ.

ГЛАВА II.

Здѣсь

говорится о томъ, какимъ человѣкомъ долженъ быть сузеренъ, и какія необходимы ему качества, чтобы справедливо судить всѣхъ.

Кто хочетъ судить и творить правду, долженъ прежде всего самъ бояться и любить Бога; а ни одинъ человѣкъ не можетъ ни бояться, ни любить Бога, если онъ не имѣетъ вѣры; если же онъ имѣетъ вѣру, то будетъ имѣть въ себѣ истину и правду, ибо сказано въ Писаніи: *Fideli omnia cooperantur in bonum*, то-есть, вѣрному человѣку всякое дѣло къ добру. Итакъ, кто хочетъ другому творить правду, долженъ имѣть всегда въ себѣ страхъ и любовь господню, и только тогда можетъ судить и творить правду. И надобно быть очень правымъ и хорошо свѣдущимъ тому, кто хочетъ судить чужіе проступки. Ибо много беретъ на себя всякій, кто рѣшается судить мужчину или женщину: онъ долженъ обратить вниманіе на всю жизнь и нравы каждаго и каждой; и сверхъ того ему слѣдуетъ принять въ соображеніе и всѣ добрые ихъ поступки. А наконецъ, онъ долженъ помнить, что какъ онъ судитъ людей, такъ и его будутъ судить люди, ибо въ Евангеліи сказано: *Quocumque enim judicio judicabitis judicabimini* [2]).

---

[1]) Правосудіе есть твердая и постоянная воля сохранять за каждымъ его право (Institutionum 1, I, t. I, l. 1).

[2]) Ибо какимъ судомъ судите, такимъ судимы будете. Матѳ. VII, 1.

ГЛАВА III.

Здѣсь

говорится о виконтѣ города, назначаемомъ вмѣсто короля для выслушиванія подающихъ жалобы, и какъ онъ долженъ держать себя на службѣ королю.

Виконтъ города (le bailly de la vile или le Visconte, городской глава), на которомъ лежитъ забота охранять людей, долженъ прежде всего имѣть умъ и справедливость, чтобы поддерживать всѣхъ тѣхъ, которые будутъ приходить къ нему. И пока городъ находится въ его власти, онъ обязанъ жить по закону и по разуму. Антонинъ и другіе римскіе императоры говорили: Quamvis... legibus vivere volumus [1]), то-есть, хотя мы не связаны закономъ, но живемъ по закону. Такъ долженъ поступать и виконтъ города для своей чести и для спасенія своей души, чтобы его добрая слава послужила примѣромъ хорошаго для тѣхъ, которые ниже его.

ГЛАВА IV.

Здѣсь

говорится о томъ, какого человѣка долженъ король назначать бальи или виконтомъ, и какимъ образомъ и какъ онъ обязанъ творить правду и предписывать присяжнымъ палаты произносить приговоры на основаніи жалобы истца и отвѣтовъ подсудимато.

Владѣтель города долженъ, по совѣту горожанъ, назначать виконтомъ палаты такое лицо, которое любитъ Бога и вѣритъ въ него и будетъ творить правду всѣмъ тѣмъ, которые явятся съ жалобою. Ибо, когда виконтъ возсѣдаетъ на своемъ мѣстѣ въ палатѣ, онъ долженъ выслушивать кротко и съ пріятнымъ лицомъ какъ жалобу истца, такъ и отвѣты подсудимаго. Послѣ того виконтъ долженъ приказать присяжнымъ (jurés) разсудить истца и обвиненнаго, на основаніи слышаннаго ими. И когда дѣло будетъ рѣшено, виконтъ долженъ удовлетворить того, кто выигралъ тяжбу. А затѣмъ виконтъ обязанъ взыскать то, что слѣдуетъ владѣтелю.

ГЛАВА V.

Здѣсь

говорится о томъ, какъ долженъ поступать виконтъ, чтобы приносить пользу, и что онъ теряетъ, когда дѣйствуетъ не такъ, какъ то слѣдуетъ.

Виконтъ не можетъ и не долженъ благопріятствовать въ палатѣ никому и кривить, ни по злобѣ личной какому-нибудь мужчинѣ или

---

[1]) Licet enim legibus soluti sumus, attamen legibus vivimus. *Instit.*, l. II. t. XVII. l. 8.

женщинѣ, ни по обѣщанію того или другого. Если же онъ сдѣлаетъ что-либо подобное, и будетъ то доказано и узнано присяжными, то онъ будетъ наказанъ по мѣрѣ проступка, лишенъ званія виконта и изгнанъ изъ королевства; все же его имущество достается въ руки владѣтеля города.

ГЛАВА VI.

Здѣсь

говорится о томъ, какъ виконтъ долженъ поступать съ худыми обычаями, и какъ онъ долженъ поддерживать своею честностью хорошіе обычаи.

Виконтъ не долженъ вводить худыхъ обычаевъ въ землю, и если онъ это сдѣлаетъ, то присяжные не должны терпѣть того, и обязаны сказать сузерену, а сузеренъ обязанъ лишить его званія, и если онъ не обязательный васаллъ (hom lige), изгнать изъ города въ теченіе 8 дней (по друг. манускриптамъ, *8 лѣтъ*, что́ невѣроятно). Ибо виконтъ обязанъ клятвою хорошіе обычаи поддерживать, а дурные истреблять, для чести Бога, для пользы земли и для спасенія своей души.

ГЛАВА VII.

Здѣсь

говорится о томъ, какіе люди бываютъ присяжными, и для кого они назначаются.

Присяжные [1]) должны быть законными людьми и любящими Бога, творить правду не лицепріятно, какъ *сказано въ законѣ*: *ut amicus veritatis fiat*, т.-е. да будетъ другомъ правды; ибо все падаетъ на его душу, если онъ говоритъ неправду. Они должны давать лучшіе совѣты, какіе могутъ, всякому и всякой, кто къ нимъ обратится.

ГЛАВА VIII.

Здѣсь

говорится о томъ, что присяжные могутъ дѣлать, и чего не могутъ; если же они дѣлаютъ послѣднее, то ихъ должно изгнать изъ общества присяжныхъ.

Присяжные ни въ какой тяжбѣ не должны быть адвокатами (avocas, ce està dire avantparliers) и судьями. И если кто это сдѣлаетъ, то долженъ быть исключенъ изъ общества другихъ присяжныхъ, и теряетъ

[1]) Обыкновенно ихъ было 12.

голосъ въ палатѣ, ибо римскій законъ повелѣваетъ: *ut in una eademque causa nullus esse debeat advocatus et judex.*

ГЛАВА IX.

Здѣсь

говорится о томъ, какъ должны вести себя присяжные въ палатѣ, и какъ они не должны отклоняться отъ прямого пути.

Присяжные, когда они сидятъ въ палатѣ, обязаны слушать и внимать истцу и отвѣтчику, и хорошо слушать; и по выслушаніи всего, должны произносить приговоръ по совѣсти безъ всякой лжи. *Via recta debet incedere et non declinare ad dexteram vel ad sinistram, aeque judicans magnum et parvum, quia non est personarum acceptio apud eum, et cetera,* то-есть, судьи должны идти прямою стезею истины и правосудія и не должны уклоняться ни направо, ни налѣво, и одинаково должны судить какъ большого, такъ и малаго, какъ бѣднаго, такъ и богатаго; и всѣ, которые такъ дѣйствуютъ, считаются друзьями Бога, ибо они творятъ правду, какъ то предписано закономъ и ассизомъ.

ГЛАВА X.

Здѣсь

говорится о томъ, что присяжные не имѣютъ права давать совѣты, ни выслушивать что-нибудь, въ то время, когда они засѣдаютъ на своихъ мѣстахъ.

Присяжные не должны и не могутъ поддерживать или давать совѣтъ ни одному мужчинѣ и ни одной женщинѣ, пока они засѣдаютъ на своихъ мѣстахъ; они не должны сообщать тайнъ палаты ни одному человѣку въ мірѣ, ни даже своему отцу. Если же они сдѣлаютъ это, то ихъ слѣдуетъ лишить чести и изгнать изъ земли на одинъ годъ и на одинъ день.

ГЛАВА XI.

Здѣсь

говорится о томъ, что могутъ сдѣлать присяжные, а именно примирить двухъ поссорившихся до начала тяжбы въ судѣ.

Присяжные, если заблагоразсудятъ, имѣютъ столько власти, что могутъ помирить своихъ сосѣдей, которые разссорились, и даже другихъ, но прежде нежели они пожаловались другъ на друга. И они должны предупреждать ссору, насколько то имъ возможно, быть всеобщими совѣтниками и постоянно заботиться о сохраненіи правъ

своего сузерена всѣми мѣрами. Итакъ, присяжные могутъ примирить двухъ человѣкъ, прежде нежели начнется между ними тяжба; но если тяжба началась, то присяжные не могутъ быть примирителями, потому что они уже знаютъ, кто выиграетъ дѣло—истецъ или отвѣтчикъ. И судья долженъ хорошо помнить, что *actor* значитъ истецъ (le clamant), и *reu*—отвѣтчикъ (le respondant).

ГЛАВА XII.

Здѣсь

говорится, какъ должно поступить съ тѣми присяжными, которые, не смотря на свое назначеніе разбирать дѣла и помогать вдовамъ, сиротамъ и всѣмъ, которые спросятъ ихъ совѣта, не захотятъ совѣтовать, когда ихъ попросятъ о томъ въ палатѣ.

Если случится, что сирота мужескаго или женскаго пола, или несовершеннолѣтній ребенокъ, или вдова будутъ просить, называя по имени или вообще двухъ присяжныхъ изъ палаты о совѣтѣ, то разумъ повелѣваетъ дать имъ такой совѣтъ, и притомъ наилучшій. И если случится, что какой-нибудь присяжный, вызванный по имени однимъ изъ вышесказанныхъ лицъ, объявитъ въ присутствіи прочихъ присяжныхъ, что онъ не пойдетъ давать совѣтъ, то разумъ повелѣваетъ прежде всего исключить такое лицо изъ общества присяжныхъ, лишить его навсегда права быть членомъ палаты, не выслушивать его показаній и не довѣрять ему, и заставить отвѣтить предъ сузереномъ, какъ отвѣчаетъ васаллъ, нарушившій вѣрность. Ибо онъ ясно доказалъ свое вѣроломство, отказавшись дать совѣтъ или сказать правду тому или той, которые его просили о томъ. И знайте хорошо, что нѣтъ ни одного изъ 12 присяжныхъ, который не былъ бы клятвенно обязанъ подать совѣтъ всякому, кто его попроситъ, хотя бы то противъ его отца или матери. И это справедливо и разумно (et ce est dreit et rason), ибо присяжные для того и учреждены, чтобы творить судъ и давать совѣты всѣмъ тѣмъ, которые будутъ ихъ просить о томъ.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (XIII и XIV) авторъ приводитъ ассизы изъ церковнаго права, почти единственные во всемъ законодательствѣ Іерусалимскомъ. Затѣмъ онъ снова возвращается къ свѣтскому обществу и излагаетъ свой предметъ въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ 16 гл. до 26 гл., о лицахъ, которыя могутъ вести тяжбу и о различныхъ предметахъ тяжбы;—отъ 27 до 42, помѣщены гражданскіе законы о правахъ на собственность и преимущественно поземельную; — отъ 43 до 49, помѣщена вставка, которая не относится къ палатѣ гражданъ и должна была составить особый кодексъ, а именно кодексъ морскихъ законовъ (см. ниже); отъ 50 до 66, о ссудѣ и правахъ кредитора; — отъ 67 до 86, о поручителяхъ при займѣ и вообще о кредитѣ; это самая обработанная часть изъ всего законодательства Іерусалимскаго;—отъ 87 до 105, о наймѣ лицъ, домовъ, садовъ и проч.;—отъ 106—110,

о складочныхъ мѣстахъ; — отъ 111—113, о торговыхъ компаніяхъ: — отъ 114—118, о договорахъ между частными людьми; — отъ 119—136, о гражданскомъ судопроизводствѣ; — отъ 137—157, о свидѣтельствѣ въ судѣ, замѣнившемъ судебную дуэль;—отъ 158—183, о брачномъ договорѣ;—отъ 184—207, о завѣщаніи; отъ 208—212, о рабахъ и отпущенникахъ;—отъ 213—243, о различныхъ предметахъ, о дарѣ, объ обѣщаніяхъ, объ отвѣтственности отца за долги сына, о судебныхъ правахъ женщины, о продажѣ, объ отвѣтственности доктора и ветеринара и т. д.;—отъ 242 до 243, таможенный тарифъ королевства; наконецъ, отъ 244—304, заключается уголовное законодательство, еще весьма несовершенное, но уже свидѣтельствовавшее объ успѣхѣ латинскихъ колоній на Востокѣ, ибо въ западной Европѣ, гдѣ существовала одна судебная дуэль, не могло быть никакихъ идей объ уголовной процедурѣ. Такимъ образомъ, полный кодексъ Ассизъ Палаты Гражданъ состоялъ изъ 304 главъ.

III.

Морскіе законы Іерусалимскаго королевства.

(Между 1162—1173).

ГЛАВА I [1]).

Здѣсь

сказано о томъ, какъ установилъ законы король Амори [2]) для руководства мореходамъ, кораблямъ и судамъ.

Знайте точно, что если купцы имѣютъ тяжбу (contrast) съ мореходами за то, что они выбросили за бортъ корабля ихъ имущество, по причинѣ худой погоды или почему-нибудь другому, то разумъ повелѣваетъ судиться имъ въ морской палатѣ (la cort de la mer), ибо въ ней не допускаются судебные поединки, какъ доказательство правоты; а въ палатѣ гражданъ допускаются пытки и поединки, если тяжба идетъ о предметѣ свыше одной марки серебра. Вотъ почему всѣ такія дѣла рѣшаются въ морской палатѣ (la cort de la chaene, т.-е. цѣпной судъ; морскія палаты учреждались въ портовыхъ городахъ, гдѣ гавань преграждалась цѣпью, откуда и названіе самой палаты), если только дѣло не идетъ о грабежѣ, убійствѣ или измѣнѣ; все подобное рѣшается въ палатѣ гражданъ въ томъ случаѣ, когда не будетъ заключено особаго условія между спорящими сторонами, *quia contrahentium pacta de jure teneri debent*, то-есть, всѣ договоры, которые не противны закону, должны быть соблюдаемы.

---

[1]) Такъ какъ морской кодексъ былъ включенъ составителемъ XII вѣка въ число Ассизъ Палаты Гражданъ, то первая глава занимаетъ въ самомъ сборникѣ мѣсто главы XLIII. См. о томъ выше, на стр. 765.

[2]) Амальрикъ I былъ шестымъ королемъ Іерусалима и правилъ отъ 1162 по 1173 г.

ГЛАВА II.

Здѣсь

говорится о человѣкѣ, который нанялъ корабль для перевоза своего имущества въ извѣстное мѣсто, а оно будетъ отвезено въ другую сторону.

Если кто-нибудь нанимаетъ другого доставить 20 или 100 византиновъ (besans, золотая монета въ $9^1/_2$ франк. новѣйш. ден.) за море, напримѣръ на о. Кипръ, и договаривается съ нимъ уступить ему за то часть своей прибыли: а между тѣмъ тотъ, кто получилъ эту сумму, предприметъ другое плаванiе, то-есть поѣдетъ не въ ту сторону, въ которую условились, и случится такъ, что корабль разобьется или византины будутъ утрачены, то въ такомъ случаѣ разумъ повелѣваетъ, чтобы мореходъ уплатилъ владѣтелю тѣ византины, ибо онъ своевольно отправился туда, куда не было условлено. И если случится, что мореходъ получитъ барышъ отъ своего плаванiя, то онъ долженъ уступить часть его владѣтелю имущества (sire de l'aver), какъ то предписываютъ право и ассизъ.

ГЛАВА III.

Здѣсь

говорится о томъ обстоятельствѣ, когда приходится выбросить имущество въ море, по случаю бурной погоды, чтобы облегчить корабль или судно, подверженное опасности.

Если случится, что корабль или судно встрѣтится съ бурею, и люди выбросятъ въ море товары, одежду и имущество, чтобы облегчить корабль и спасти жизнь, то разумъ повелѣваетъ, чтобы они, немедленно по прибытiи въ спасительную гавань, прежде всего показали, чего стоитъ корабль или судно со всѣмъ своимъ такелажемъ и вещами, находящимися на кораблѣ, кромѣ собственной одежды, которая будетъ на ихъ плечахъ. Но если на нихъ будутъ золотыя серьги, кольца, серебряные пояса, то все это должно быть оцѣнено на византины, вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, рабами и рабынями. И знайте, что имущество, брошенное въ море, не должно быть оцѣняемо свыше того, чего оно стоило, но считая всѣ расходы, сдѣланные на него (o ces avaries); точно также и имущество, представленное въ гавани, оцѣняется по цѣнѣ своего мѣста. Ибо оцѣнка по тому мѣсту, куда прибылъ корабль, была бы несправедлива: случайнымъ образомъ, въ томъ мѣстѣ одна вещь въ это время имѣетъ цѣну, а другая не имѣетъ. Положимъ, я купилъ что-нибудь за 20 византиновъ, и могу теперь получить за ту вещь 100, а другой купилъ за 100 и получилъ только 20; такимъ образомъ, при оцѣнкѣ потери,

если каждому дать свою часть, одни много выиграють, ибо ихъ имущество въ этомъ мѣстѣ имѣетъ высокую цѣну, а другой понесетъ всѣ убытки крушенія: это несправедливо. Вотъ почему законъ и ассизъ предписываютъ, чтобы и выброшенное, и представленное было оцѣнено по тому, что стоило прежде. И когда выброшенное и представленное будетъ оцѣнено, по показаніямъ купцовъ, лоцмана (nocher) и мореходовъ, законъ и ассизъ повелѣваютъ послѣ того, чтобы присяжные морской палаты сообразили потерю на каждые сто византиновъ, то-есть опредѣлили, сколько потеряно на сто византиновъ. И если не повѣрятъ хозяину корабля, а именно, что выброшено не столько, сколько показано, то палата призываетъ лоцмана и честнѣйшихъ изъ моряковъ и приказываетъ имъ клясться надъ святыми; и послѣ того, на основаніи ихъ показаній, каждый беретъ на себя свою долю потери: таково право и смыслъ ассиза земли королевства Іерусалимскаго.

ГЛАВА IV.

Здѣсь

говорится о томъ случаѣ, когда мореходы условились предпринять плаваніе, и, получивъ задатокъ, раскаялись.

Если случится, что мореходы условились съ хозяиномъ корабля предпринять плаваніе и взяли половину жалованья въ задатокъ, и потомъ раскаялись, то разумъ повелѣваетъ, чтобы они возвратили судохозяину взятыя ими деньги вдвойнѣ; и если они уже отправляли какую-нибудь службу на кораблѣ, напримѣръ стерегли его или нагружали, то за это не получатъ ничего, ибо они нарушили условіе. И если мореходы откажутся отъ службы именно въ ту минуту, когда корабль долженъ выступить, и хозяинъ въ торопяхъ долженъ будетъ нанять другихъ, болѣе дорогихъ, или потерпитъ другой убытокъ, то по праву они обязуются уплатить ему убытокъ имѣющій произойти вслѣдствіе того. Точно также, если хозяинъ найметъ мореходовъ для плаванія и потомъ раскается, то все, что́ онъ имъ выдалъ, остается по праву въ ихъ пользу. И если онъ предприметъ другое плаваніе, а не то, для котораго нанялъ, болѣе отдаленное или близкое, то мореходы не обязаны, если не хотятъ, слѣдовать за нимъ, и должны, по праву и по ассизу, быть разсчитаны; *quia illa particula solito ex conventione totum debitum in se portat.*

ГЛАВА V.

Здѣсь

говорится о худомъ христіанинѣ, который везетъ въ сарацинскую землю запрещенный товаръ, и какъ должно поступить съ нимъ правосудіе.

Если случится, что мореходъ или купецъ, кто бы то ни былъ, везутъ запрещенный товаръ (aver devée) въ землю сарацинъ, какъ-то:

вооруженія, коней, желѣзныя подковы, копья, арбалеты, шлемы, желѣзныя или стальныя полосы, то онъ можетъ быть представленъ въ морскую палату мореходами или купцами, бывшими тамъ, и которые видѣли, какъ онъ продавалъ и доставлялъ сарацинамъ тѣ запрещенныя вещи; если же доставленное имъ такимъ образомъ превышало цѣною одну марку серебра, то все его имущество отбирается владѣтелемъ земли, а онъ присуждается палатою граждань къ повѣшенію за шею, но послѣ того какъ присяжные морской палаты получатъ удостовѣреніе въ его измѣнѣ отъ свидѣтелей (les garans): таково право и смыслъ ассиза.

ГЛАВА VI.

Здѣсь

говорится о томъ случаѣ, когда кто-нибудь найметъ корабль для перевоза по морю своихъ вещей, и на дорогѣ корсары отнимутъ все, какъ у него, такъ и у другихъ, или корабль разобьется и все погибнетъ.

Если случится, что кто-нибудь найметъ другого для перевоза его имущества по морю съ цѣлью барыша, и на рискъ въ отношеніи моря и людей, и корсары встрѣтятся и отнимутъ все, или буря разобьетъ корабль, и все погибнетъ, то разумъ повелѣваетъ, чтобы хозяинъ корабля не отвѣчалъ ни за что и ничего не уплачивалъ. Но если судохозяинъ прибудетъ благополучно на мѣсто, и уже на берегу вступитъ въ ссору и убьетъ кого-нибудь, и владѣтель земли отниметъ у него все, что̀ онъ имѣетъ, то право повелѣваетъ ему вознаградить людей за все, что̀ онъ принялъ отъ нихъ, ибо несправедливо, чтобы люди, нанявшіе его съ хорошею цѣлью, лишились имущества по его ошибкѣ и глупости. Онъ сдѣлалъ зло, пусть онъ же и отвѣчаетъ. Если же судохозяинъ взялся доставить товаръ сохранно на берегъ, то ассизъ и право повелѣваютъ ему возвратить все, въ случаѣ потери. И если ему нечѣмъ заплатить, то морская палата сажаетъ его въ темницу; и когда онъ будетъ посаженъ въ темницу, тотъ или та, за кого его сажаютъ, обязаны доставить впередъ на 7 дней хлѣба и воды (aigue), если не заблагоразсудятъ дать что-нибудь больше; таково право и смыслъ ассиза.

ГЛАВА VII.

Здѣсь

говорится объ имуществѣ, выброшенномъ въ море и найденномъ впослѣдствіи на днѣ воды или на берегу рѣки, и какую часть получаетъ тотъ, кто найдетъ вещи на днѣ, и тотъ, кто найдетъ ихъ на водѣ.

Купцы, пускающіеся въ море, или другіе люди, въ случаѣ бури выбрасываютъ свое имущество и платье за бортъ; и если кто найдетъ

то плавающимъ на водѣ, то нашедшій получаетъ по праву половину, а остальное возвращается владѣтелю. Но если вещи будутъ найдены на днѣ моря, то нашедшій получаетъ одну треть, потому что вещи, оставаясь на днѣ морскомъ, ожидаютъ своего владѣтеля. И если владѣтеля не окажется, то его доля отходитъ къ господину той земли. И если корабль ударится о берегъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, или въ тихую погоду, или погибнетъ другимъ какимъ-нибудь образомъ, то имущество, находящееся на немъ, должно сохраниться въ пользу того, кому оно принадлежало. Но гдѣ бы корабль ни разбился, у берега или въ открытомъ морѣ, руль и малая мачта должны принадлежать владѣтелю земли; ибо блаженной памяти король Амори далъ такое право по всему Іерусалимскому королевству. *Inde enim consueverunt bona prodire exempla, unde quondam per actorem omnium animarum celitus saluberrima sunt tradita documenta*, то-есть: отсюда обыкновенно получали начало добрые примѣры, которые нѣкогда творецъ міра далъ добрымъ душамъ, какъ доброе небесное наставленіе.

Изъ „Писемъ Гроба Господня" или Ассизъ Іерусалимскаго королевства.

Письма Гроба Господня или *Ассизы Іерусалимскаго королевства* (Lettres dou Sepulcre или Assises du royaume de Iérusalem) составляли законодательство латинъ, поселившихся въ Палестинѣ (см. о ихъ происхожденіи и дальнѣйшей судьбѣ текста выше, въ ст. 76, на стр. 745). Древній текстъ ихъ погибъ въ 1187 г., при взятіи Іерусалима Саладиномъ; но они были хорошо извѣстны каждому на память, и сначала въ Акрѣ, до 1291 г., а потомъ въ Кипрѣ, по изгнаніи христіанъ изъ Азіи, ассизы продолжали свое дѣйствіе. Но при такомъ способѣ сохраненія ассизъ, они подверглись измѣненіямъ и толкованіямъ, а потому уже въ XIII столѣтіи явились въ Палестинѣ юристы, которые взяли на себя трудъ изложить письменно то, что держалось одною памятью. Изъ такихъ составителей сборниковъ особенно замѣчателенъ Жанъ-Ибелинъ (см. о немъ выше, на стр. 752); но онъ ограничился одними Ассизами Верхней Палаты, и притомъ изложилъ ихъ съ комментаріями и въ формѣ юридическихъ мемуаровъ. Неизвѣстный составитель Ассизъ Нижней Палаты трудился еще до завоеванія Іерусалима, между 1173 и 1183 г., и потому текстъ приводимыхъ имъ ассизъ сжатъ и кратокъ, ибо онъ могъ имѣть предъ глазами подлинные Ассизы; но онъ не ограничился главною своею задачею, и помѣстилъ 7 главъ Ассизъ Морской Палаты, чему мы и обязаны ихъ сохраненіемъ (о содержаніи Ассизъ, лучшихъ изданіяхъ ихъ текста см. выше, на стр. 753). Превосходное изданіе одного морского кодекса съ переводомъ и примѣчаніями находится у *Pardessus*, Collect. des lois maritimes, t. I, стр. 270 и слѣд.

Ассизы Іерусалима служатъ важнымъ дополненіемъ историковъ того времени, обращая вниманіе на внутреннюю сторону жизни латинскихъ колоній на Востокѣ. Сверхъ того, они составляютъ главное средство къ изученію вообще феодальнаго быта, ибо латины хотя и видоизмѣнили многое въ фео-

дальномъ правѣ, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ, но тѣмъ не менѣе главнѣйшія основы феодальнаго быта, сложившагося въ западной Европѣ, нашли въ нихъ себѣ полное отраженіе и древнѣйшее письменное свидѣтельство. Потому другія, болѣе важныя извлеченія изъ Ассизъ Іерусалимскаго королевства отлагаются до второго отдѣла первой части третьяго тома, гдѣ они могутъ быть сравнены съ другими памятниками феодальнаго быта западной Европы.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ОТДѢЛА

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ОТДѢЛА

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ИСТОРІЯ ІЕРУСАЛИМСКАГО КОРОЛЕВСТВА ДО ВЗЯТІЯ ЭДЕССЫ.

1095—1147 г.

СТРАН.

II.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ИСТОРІЯ ПАЛЕСТИНЫ ДО ЗАВОЕВАНІЯ ІЕРУСАЛИМА МУСУЛЬМАНАМИ.

1147—1187 г.

III.

ВЗЯТІЕ ІЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМЪ

и

ТРЕТІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

1187—1204 г.

IV.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНАМИ.

1204 г.

V.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

и

ОСАДА ДАМІЕТТЫ.

1217—1220 г.

VI.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

и

ВОЗВРАЩЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

1227—1228 г.

VII.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ЛУДОВИКА IX СВ.

и

ЗАВОЕВАНІЕ АККОНА МУСУЛЬМАНАМИ.

1248—1291 г.

VIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Алфавитный указатель біографическихъ извѣстій, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ 1-й части III тома.

Родословная таблица латинскихъ королей и князей Палестины, и Іерусалимскіе патріархи.

Карта Палестины къ Исторіи крестовыхъ походовъ Вильгельма Тирскаго, съ планомъ Іерусалима въ XII вѣкѣ.

Карта земного Круга (orbis terrarum), составленная въ 1308 г. Мариномъ Санудо для руководства крестоносцевъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

біографическихъ извѣстій, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ 1-й части III тома.